Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Институт социологии РАН

РОССИЯ И МИР: ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И СТРАТЕГИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Материалы
Международной научно-практической конференции
(Москва, 12-13 октября 2017 г.)

Москва 2017

УДК 316.354:351/354
ББК 60.56
Р 76

Утверждено к печати Ученым советом ФНИСЦ РАН

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского научного фонда
грант № 15-18-30077

Редколлегия:
д-р социол. наук, проф. А.В. Тихонов (отв. ред.)
канд. социол. наук, с.н.с. Е.М. Акимкин
канд. социол. наук, с.н.с. В.А. Шилова (ученый секр.)
д-р социол. наук, проф. В.В. Щербина
м.н.с. К.В. Быков
Рецензенты:
д-р филос. наук, проф. В.А. Мансуров (ФНИСЦ РАН)
д-р социол. наук, проф. Н.П. Нарбут (РУДН)

Россия и мир: глобальные вызовы и стратегии социокультурной модернизации. Материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 12-13 октября 2017 г.) / Отв. ред. А.В. Тихонов. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. 760 с.

ISBN 978-5-89697-293-8

Сборник составлен по материалам работы международной конференции «Россия и мир: глобальные вызовы и стратегии социокультурной модернизации», которая проходила 12–13 октября 2017 года в Москве при финансовой поддержке Российского научного фонда (грант № 15-18-30077). В центре внимания – проблемы реформирования властно-управленческой вертикали в стране в ответ на внешние и внутренние вызовы и угрозы в контексте решения задач социокультурной модернизации российских регионов. Основным содержанием представленных на обсуждение участников конференции докладов являются результаты фундаментального исследования, проведенного силами коллектива Центра социологии управления и социальных технологий ИС РАН в 2015–2017 гг. при поддержке РНФ. В конференции приняли участие ученые из зарубежных стран и различных регионов России, в том числе тех, в которых проводился сбор эмпирического материала, а также руководство и члены таких авторитетных у нас и за рубежом социологических обществ, как РОС и СОПСО. Среди иностранных участников необходимо отметить выступления ученых из республики Беларусь (участника гранта РНФ), а также из Китая, Казахстана, Армении, Болгарии, Украины, Италии, Англии и др. стран. Содержание сборника соответствует структуре конференции: докладам на Пленарной сессии и их обсуждения на пяти секциях. Сборник рассчитан, прежде всего, на активизацию научного общения специалистов различных профилей, заинтересованных в углублении научно-исследовательской работы в данном направлении. Не лишне напомнить и о том, что это второй сборник на данную тему. Материалы первой конференции под названием «Модернизация отечественной системы управления: анализ тенденций и прогноз развития» был опубликован ИС РАН в 2014 году.

ISBN 978-5-89697-293-8

УДК 316.354:351/354
ББК 60.56

© Авторы, текст, 2017
© ФНИСЦ РАН, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ **10**

ПЛЕНАРНАЯ СЕССИЯ. «ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНОВ – В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ МИРОВОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ»

Горшков М.К. Приветственное слово. Отечественая социология на этапе реализации крупных проектов: состояние и перспективы **14**

Тихонов А.В. Реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов как актуальная социально и научно-исследовательская проблема **17**

Бабосов Е.М. Национальный менталитет и социокультурное развитие **24**

Валиахметов Р.М. Актуальные проблемы государственного управления развитием человеческого потенциала **29**

Дзуцев Х.В. Эффективность государственного стимулирования развития науки: опыт анализа результативности государственных мероприятий **32**

Дмитриев А.В. Диаспоры и землячества в регионах: проблемы культурной идентичности **43**

Жаворонков А.В. Измерение «рейтингов» политических деятелей **47**

Ивантер В.В., Комков Н.И. Модернизация российской экономики как безусловный императив инновационного развития страны (по материалам программы Президиума РАН) **61**

Клементьев Д.С. Значение управленческой культуры в условиях социальной турбулентности **66**

Лапин Н.И. Спонтанный характер процессов модернизации и развитие региональных инновационных систем («Атлас модернизации России и ее регионов») **73**

Левашов В.К. Новая парадигма социологической теории и практики **77**

Маркин В.В. Социальное пространство России в региональном измерении: социологический анализ, моделирование, мониторинг **82**

Петухов В.В. Внешнеполитические ориентации россиян в контексте современных вызовов и угроз **87**

Покровский Н.Е. Новые социальные смыслы пространства России: теоретические и региональные аспекты **93**

Тульчинский Г.Л., Богданова А.К. Ценностно-нормативные основания модернизации регионов и региональных политических режимов **99**

Уржа О.А. Кадровая политика в системе управления современной России: проблемы и пути решения **109**

Щербина В.В. Логика определения ориентиров развития организаций в контексте задач модернизации отечественной экономики **113**

Яницкий О.Н. Актуальные проблемы исследования глобализации **121**

Chuanqi He What is the Modernization in the 21st Century **127**

СЕКЦИЯ 1. ТИПОЛОГИЗАЦИЯ РЕГИОНОВ И ПРОБЛЕМА РЕФОРМИРОВАНИЯ ВЛАСТНО-УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ВЕРТИКАЛИ В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССОВ ИХ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ (МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ГРАНТУ РНФ)

Тихонов А.В. Программа и методы исследования условий жизни населения и работы звеньев властно-управленческой вертикали в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации **135**

Андреев А.Л., Андреев И.А. Современное и традиционное: модернизация в ряду других социальных трендов **141**

Богданов В.С., Гусейнова К.Э. Результаты апробации методики онлайн-опроса экспертов в контексте изучения функционирования региональных систем управления (по материалам исследования 12 регионов РФ) **146**

Бурмыкина И.В. Методологические и технологические вопросы оценки социальной эффективности государственных целевых программ **155**

Вассерман Ю.М. Социокультурная модернизация и политические ориентации **160**

Гафарова Ю.Ю. Парадигма множественных модернов как теоретико-методологическое основание исследования регионального развития **166**

Градосельская Г.В., Карпов И.А., Щеглова Т.Е. Информационное пространство социальных сетей как отражение социальных установок населения по отношению к органам власти и управления **169**

Докука С.В. Смешанные методы для анализа текстов публикаций СМИ **176**

Ефимова Н.В. Развитие женского предпринимательства как фактор повышения конкурентоспособности регионов в Республике Беларусь **181**

Захаров М.Ю. Китайский феномен «Великий предел»: философско-социологический подход к исследованию **185**

Ишмухаметов Р.Р. Совершенствование управления развитием образования на муниципальном уровне: механизм развития и направления реализации **190**

Красковская Д.С. Социальный статус пожилых людей (на примере жителей сельской местности Беларуси) **194**

Красовский Ю.Д. Социально-политические основы организации управления в регионах **201**

Криворотова Т.А. Динамика трансформации этнокультурного компонента Нижегородского региона в условиях глобализации **203**

Лавренюк Н.М. Стратегический и стратагемный потенциал семьи в социокультурном развитии региона России **209**

Мунин П.И. Россия и мир: жизнь после войны **211**

Погосян В.Г. Амбивалентность социокультурных трансформаций как отражение разнонаправленных глобальных тенденций **217**

Рабинович Е.И. Исторический социокультурный портрет региона: задачи и методология исследования **221**

Розин В.М. Можно ли считать реализацию проекта нового жилищного строительства в Москве примером эффективной социокультурной модернизации? **225**

Смирнова И.Н. Аксиологические основания сознания молодежи депрессивного **230**

региона: опыт социологического изучения

Солдатов В.М. Региональная культурная политика: проблемы системно-типологического анализа **235**

Сосунова И.А., Урмина И.А. Культурное наследие как фактор социокультурных изменений в условиях модернизации **242**

СЕКЦИЯ 2. ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ УПРАВЛЕНИЯ В РЕГИОНАХ С РАЗЛИЧНЫМИ ИНДЕКСАМИ МОДЕРНИЗАЦИИ ПО МАТЕРИАЛАМ МАССОВОГО ОПРОСА

Тихонов А.В. Результаты гражданской экспертизы условий жизни и работы органов власти и управления в зависимости от принадлежности респондентов к регионам с разным уровнем социокультурной модернизации (по материалам полевого опроса) **247**

Адигамова О.Ф. Управление миграционными процессами в Республике Башкортостан: практические предложения по сокращению оттока населения **266**

Боровлева Е.И. Факторы модернизации России в глобализирующемся мире **269**

Бунов Е.Г. Правоохранительная деятельность органов власти глазами экспертов и жителей регионов в процессе социокультурной модернизации **274**

Валиахметов Р.М., Баймурзина Г.Р. Гражданская экспертиза работы органов власти и управления в Республике Башкортостан **278**

Васильева С.И., Тихонов А.В. Хозяйственный потенциал Республики Саха (Якутия) как объект оценки на основе методики социально-экономической экспертизы региона **283**

Дартау Л.А. Теоретико-правленческое обоснование участия населения в управлении здоровьем и качеством жизни на местах: проблемы и возможности реализации **288**

Дроздова Ю.А. Миграционные риски в Волгоградской области: вызовы и возможности **292**

Ермолаева Ю.В. Возможности и ограничения инструментов применения зеленой энергетики в макрорегионах России (Москва и Санкт-Петербург) **297**

Иванов И.П., Афанасьев Е.В. (Болгария) Мировые экономические проблемы в условиях финансового кризиса **302**

Желнина Е.В. Региональный аспект модели эколого-социальной безопасности **309**

Заборова Е.Н. Информационно-культурная среда региона Свердловская область **312**

Захарченко А.А. Мониторинговые исследования в изучении эффективности организации медицинской помощи населению (на примере Тюменской области) **318**

Корнилович В.А. Отношение населения регионов с разным уровнем социокультурной модернизации к работе органов власти и управления как проявление феномена социального стратегирования **326**

Костина Е.Ю., Орлова Н.А Демографическая безопасность и благополучие населения Дальнего Востока России: вызовы и стратегии управления **336**

Кремень Ф.М. Гражданская экспертиза работы органов власти и управления в Смоленской области **342**

Ласточкина М.А. Регионы СЗФО в свете социально-политических настроений **348**

Латышев Д.В, Расходчиков А.Н. Социально-экономическая ситуация Московской области в контексте увеличения количества населения **353**

Леньков Р.В. Эмпирическое исследование отношения населения с высшим образованием к проблемам управления в регионах **360**

Леонов А.К., Проказин В.В. Гражданская экспертиза работы органов власти и управления Амурской области **365**

Лиджи-Горяева С.Э. Оценка населением Республики Калмыкия отдельных параметров условий жизни и социальных отношений в регионе **368**

Малышев М.А. Роль профсоюзов в социокультурных процессах в регионах России **373**

Мерзляков А.А. Потенциал социального участия в регионах с различным уровнем социокультурной модернизации **378**

Морев М.В. Ключевые проблемы региона и специфика их восприятия жителями Вологодской области **386**

Намруева Л.В. Образ жизни сельского населения (на примере Республики Калмыкия) **394**

Осинский И.И. О социокультурной модернизации национальных районов Сибири **398**

Подойницына И.И., Писарева Л.Ю. Перспективы социокультурной модернизации в Республике Саха (Якутия) **402**

Рабинович Е.И., Гусейнова К.Э. Уточнение группировки регионов для целей эмпирического исследования **408**

Савельев И.А. Институциональные предпосылки и онто-гносеологические основания формирования социологии управления **412**

Саралиева З. Х-М., Янак А.Л. Нижегородская область: некоторые проблемы и перспективы их решения (по материалам массового опроса) **417**

Смирнова Т.С. Роль института профессионального высшего образования в современном российском обществе **421**

Яковлева И.П. Социальное самочувствие населения Краснодарского края в условиях модернизации региона **424**

Gorodetskaya O.A. Civil examination of the management system in Omsk region **427**

Posuhova O.Yu., Baldovskaya P.V. Professional Identity of «White Collars» as a Factor of Sociocultural Modernization in Russia **432**

СЕКЦИЯ 3. ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ УПРАВЛЕНИЯ В РЕГИОНАХ С РАЗЛИЧНЫМИ ИНДЕКСАМИ МОДЕРНИЗАЦИИ ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕРТНЫХ ОЦЕНОК И АНАЛИЗА РЕГИОНАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ С ПОСЛЕДУЮЩИМ ВЫХОДОМ НА РАЗРАБОТКУ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ УПРАВЛЕНИЯ

Артюхова Е.В., Градосельская Г.В. Выявление ключевых миграционных потоков на примере регионов России **437**

Богданов В.С. Информатизация и электронизация региональных систем управления и региона (по материалам исследования 12 регионов РФ) **442**

Богданов В.С., Почестнев А.А. Онлайн-экспертиза деятельности органов власти и управления в контексте различий цивилизационного развития регионов **452**

Градосельская Г.В., Карпов И.А., Щеглова Т.Е. Картирование политически активных групп в социальных сетях российских регионов (на примере КЧР) **463**

Дартау Л.А. Диалоговая система «ЭДИФАР» как эффективное средство для **468**

обеспечения сбора данных от населения в формате массового опроса

Долгоруков А.М. Социальные технологии для инноваций в регионах России **474**

Ермишина А.В. Электоральное поведение как индикатор отношения граждан к государственной политике в сфере ЖКХ **479**

Иванов С.Ю., Иванов А.С. Некоторые особенности договорного регулирования оплаты труда на региональном уровне социального партнерства **484**

Иванова Т.Н. Регион как социокультурное коммуникативное пространство: теоретико-методологический аспект **488**

Кудинов И.Н. Конфронтация национально-культурных стратегий социокультурной модернизации во второй половине XX века **492**

Марача В.Г., Красникова Т.С. Взаимоотношения государства и бизнеса в контексте формирования в России инновационных кластеров: типология моделей и социокультурные факторы **497**

Моисеева Д.В., Дулина Н.В. Мониторинг уровня финансовой грамотности и финансового поведения населения: анализ российского опыта **502**

Полтавская М.Б., Васильева Е.Г, Васильева Е.Н. Практики социального предпринимательства в оценке руководителей некоммерческих организаций Волгоградской области **511**

Почестнев А.А. Анализ состояния и векторов развития социально-экономической среды регионов РФ **514**

Сульянова К.В., Корсун М.А. Практики использования криптовалюты как элемент экономической модернизации **518**

Теребихин В.М. Социогуманитарная модернизация – преображение Северного региона: некоторые научно-практические аспекты проектирования концепции (на примере Республики Коми) **522**

Терещенко М.С. Коллегиальное принятие решений в управленческой деятельности **528**

Товуу Н.О., Куулар Г.Д. Настроения, доминирующие в настоящее время среди тувинцев в разных сферах жизнедеятельности (по результатам исследования) **531**

Чернов С.А., Дайкер А.О. Стратегический менеджмент региона (СМР): сетевой аспект **534**

СЕКЦИЯ 4. ИССЛЕДОВАНИЕ РАБОТЫ СМИ, ПРОБЛЕМ МОЛОДЕЖИ, ОБРАЗОВАНИЯ И ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕГИОНАХ С РАЗНЫМИ ИНДЕКСАМИ МОДЕРНИЗАЦИИ

Ангел О.Ю. Планирование успешных стратегий построения карьеры **540**

Андриенко О.А. Модернизация международного детского благотворительного проекта в контексте социокультурной адаптации российских детей в Испании **542**

Бадараев Д.Д. Интеграционные процессы через призму социального самочувствия населения на региональном уровне **554**

Батыков И.В. Влияние трудовых отношений на формирование зависимости от алкоголя и табака: теоретико-методологические основания эмпирического исследования **560**

Василенко Л.А. Применение общественного виртуального ситуационного центра в управлении развитием регионов **564**

Голиусова Ю.В. Прекарная занятость молодежи: к методологии исследования **570**

вопроса

Гольцова Е.В. Факторы и векторы миграции молодежи Иркутской области **573**

Гришина М.А. Здоровье и занятость молодежи на российском рынке труда **576**

Докука С.В. Структура контента региональных СМИ: текстовый анализ **582**

Дрючина И.Н. Разработка диалогово-партнерской социально-коммуникативной технологии системы управления органов внутренних дел **586**

Калачева И.И. Информационно-коммуникативное сопровождение государственного регулирования социальных проблем: опыт белорусской социальной рекламы **591**

Кильмашкина Т.Н. Анализ социальной среды развертывания противоборства как условие управления конфликтами **597**

Козлова Т.З. Особенности жизнедеятельности опекунских семей в некоторых регионах **603**

Елсукова Н.А., Купчинова Т.В. Витебская область в белорусских интернет-СМИ **606**

Елсукова Н.А., Купчинова Т.В. Витебский регион в белорусских печатных СМИ **610**

Мастикова Н.С. Сравнение ценностей россиян и скандинавов в контексте социокультурной модернизации **614**

Москвин А.С., Кушова И.А., Полуян Н.Н. Повседневная жизнь виртуальных дауншифтеров (на примере молодежного сообщества города Кирова) **618**

Панкратова Е.В., Панова А.О. Конфликтологическая компетентность как профессиональное качество современного учителя **621**

Шилова В.А. Гусейнова К.Э. Методолого-методические основания интенционального (мотивационно-целевого) анализа текстов публикаций СМИ в регионах с разным уровнем модернизации **627**

СЕКЦИЯ 5. ПОВЫШЕНИЕ РОЛИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РЕГИОНАХ С РАЗНЫМИ ИНДЕКСАМИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ КАК КЛЮЧЕВАЯ ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА («XVII ДРИДЗЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ»)

Акимкин Е.М., Беляева Е.Л. Социокультурные аспекты сохранения культурного наследия и новые программы развития и благоустройства Москвы **637**

Акмалова А.А., Капицын В.М. Вариативность развития местного самоуправления как требование теории и практики **644**

Бадмацыренов Т.Б. Социокультурные аспекты развития буддийских сообществ современной Бурятии **648**

Баженов А.М., Мартынова Т.М. Развитие местного самоуправления как условие модернизации российского общества **653**

Иванова Е.И. Противоречия социальной политики в современном российском селе и их последствия **658**

Коробова О.О. Направления государственной политики по развитию сферы культуры Ивановского региона **662**

Костко Н.А. Развитие социального пространства города как целевая установка управления развитием территории **666**

Кузнецова Ю.А. Оценка качества взаимодействия волонтерских организаций с органами власти и управления **671**

Лиджи-Горяева С.Э., Спиридонова Л.Ю. О деятельности органов местного самоуправления в сфере транспортного обслуживания (по материалам социологического опроса населения Калмыкии) **675**

Лиджи-Горяева С.Э., Хашаева А.Б., Сангаева Л.Н. Роль органов местного самоуправления в повышении качества предоставления государственных и муниципальных услуг **681**

Лола А.М. Горожане Росии – главные участники развития своих городов **687**

Миронова А.А. Перспективы стратегического планирования развития крупных городов **695**

Нежданов В.А. Модернизация и архаизация системы сельского расселения Республики Мордовия **700**

Рубанов А.В. Новые информационно-коммуникативные технологии в развитии местного самоуправления **705**

Самсонов В.В. Развитие местного самоуправления в контексте динамики интегративных структур сельской России **709**

Сарна А.Я. Co-urbanism и партисипативное проектирование в практике городского самоуправления **713**

Склярова Т.В., Чернецкая А.А. Приватность в городском пространстве: придомовая территория в представлениях горожан **717**

Сорокина Н.Д. От социального участия к публичным слушаниям при реализации градостроительных решений **722**

Усачева О.А. Российские концепции экологизации городов **726**

Хайдаров Р.Р. Территория опережающего социально-экономического развития: новая форма поддержки моногородов **732**

Чернецкая А.А., Шибаев А.Н., Верещагина А.С. Социальные стратегии идентификации пространства повседневности: город и горожанин **735**

Шишкова А.В. Местное самоуправление и проблема информационно-коммуникативного взаимодействия институтов гражданского общества **740**

Шмаков В.С. Детерминанты институциональной трансформации сельских локальных сообществ России **745**

КРУГЛЫЙ СТОЛ РОС. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ С РАЗЛИЧНЫМИ СИСТЕМАМИ УПРАВЛЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕ

Н.В. Дулина, Е.Н. Икингрин, Е.И. Пронина Некоторые методы влияния РОС на совершенствование социальной политики России: российское социологическое сообщество изучает социальное неравенство и социальную справедливость **749**

ЗАКЛЮЧЕНИЕ **756**

ВВЕДЕНИЕ

На упомянутой в аннотации конференции 2014 года мы обращали внимание на то, что в России и за рубежом наметился серьезный поворот политиков к решению проблем управления социально-политическими, экономическими, экологическими и др. процессами на научной основе, поскольку за последние годы эти процессы не раз показывали свою неукротимую стихийно-разрушительную силу. Например, в докладе Национального разведывательного совета США «Глобальные тенденции 2030: альтернативные миры» 2013 года, материалом которого мы тогда располагали, говорилось, что сегодня в основу прогнозных оценок событий в разных странах аналитики кладут как традиционные показатели (ВВП, численность населения, уровень технологических инноваций и военных расходов), так и новые – здоровье, качество образования, ценностные ориентации населения и, обратим внимание, «развитость систем управления». Последнее хочется особенно подчеркнуть. Даже не специалисту становится понятно, что речь уже идет не о традиционном менеджменте и даже не о пирамиде государственного управления, а о нечто большем: об управляемости отдельными процессами в разных странах и в мире в целом, а также о возможности влиять на них в ту или иную сторону. С позиций предмета становящейся в нашей стране научной дисциплины под названием «социология управления» мы не могли не прийти к выводу, что управляемость процессов действительно становится стратегическим ресурсом любой страны и функцией всех звеньев властно-управленческой вертикали, состояние которой должно беспокоить государство и граждан не меньше, чем уровень инфляции, и учитываться экспертами при формировании прямых и альтернативных сценариев на глобальном, региональном и местном уровнях. Но на вопрос, испытывают ли такое беспокойство субъекты принятия решений в российских властно-управленческих структурах и как они соотносят свои действия с интересами и запросами населения в регионах, трудно ответить заранее, без специальных исследований. Директор ИС РАН, академик М.К. Горшков, подчеркивая сложность и противоречивость современных процессов развития нашей страны, в свое время обратил внимание на то, что социолог в этих условиях все в большей степени должен становиться востребованным как наиболее квалифицированный эксперт. «По сути дела, писал он, на нас возлагается никем не заменимая роль научно-исследовательской экспертизы и прогнозирования возможных социальных результатов политико-управленческих решений». С этим нельзя не согласиться. Наше исследование 2015–2017 годов, результаты которого представлены на обсуждение участникам конференции, призвано выполнить функцию такой экспертизы. Система властно-управленческой вертикали, как известно, состоит из иерархии органов власти и управления «от Москвы до самых до окраин», призванной учитывать общие и частные интересы населения на местах. Неотъемлемым элементом, или «клеточкой» такой системы выступает модель социальной группы, сконструированной в ходе экспертизы по характеру отношения людей к деятельности органов власти и управления: от полной поддержки их работы до полного неприятия. Понятно, что крайние позиции («полная поддержка» и «полное неприятие») идеальны, в духе М. Вебера, но реальные диспозиции содержат элементы того и другого, и в значительной мере отражают динамику происходящих в обществе социальных изменений. Целью нашего исследования стала диагностика влияния властно-управленческой вертикали на процессы в регионах в условиях существенных различий между ними по критерию их цивилизационного развития. Диагностика здесь понимается в буквальном смысле слова как процедура выявления степени поддержки гражданами способности властно-управленческой вертикали осуществлять свои функции в регионах с разным уровнем модернизации. Отсюда и представление о такой экспертизе как «гражданской». В специальной литературе мы найдем немало материалов для осмысления трансформационных процессов в российском обществе. Участники нашей конференции хорошо знакомы с работами С.Г. Кирдиной («институциональные матрицы»),

О.Э. Бессоновой («раздаточная экономика»), С.Г. Кордонского и М.Ф. Черныша («сословная структура российского общества»), О.И. Шкаратана и В.В. Радаева («этакратизм российского социума»), Ю.С. Пивоварова, А.И. Фурсова («отношение к государственной и частной собственности») и других авторов. Полемизируя с ними, А.И. Липкин в одном из номеров журнала «Мир России», например, утверждает, что для оценки трансформационных процессов в современной России подходит теория взаимопроникновения двух моделей социальной организации общества: «приказной» (скажем «вертикальной»), основанной на централизованном механизме мобилизации населения на преодоление внешних и внутренних угроз, и «договорной», идущей от принципов «общественного договора» Гоббса и Локка между властью и обществом. Идея не новая, но вполне может оказаться плодотворной. Важно сегодня то, чтобы мы научились соотносить масштаб теоретизирования с возможностью эмпирической проверки тех или иных смелых предположений. Этим как раз и отличается содержание докладов настоящей конференции: многие из них, при всей масштабности и актуальности поставленных проблем, и прежде всего наше исследование, опираются на конкретные эмпирические данные.

Конференция открылась докладом директора института, академика РАН М.К. Горшкова, в котором отмечалось, что специфика сложившейся в России ситуации предопределяется необходимостью осуществления системной модернизации как по горизонтали, так и по вертикали, охватывая все сферы жизнедеятельности и все уровни организации государственной и общественной жизни. Вместе с тем российское общество готово принять далеко не все из того, что постулируется нормативной теорией модернизации и приводится в жизнь политическими элитами. У россиян на этот счет есть собственное мнение. Причем очень важно, что оно почти в равной степени разделяется людьми разных взглядов и убеждений. Можно сказать, считает докладчик, что на этой основе в российском обществе складывается общенациональный консенсус. Эти выводы социологи делают на основе целой серии эмпирических исследований. В частности, последние выводы Института социологии РАН, о которых говорит М.К. Горшков, сделаны в ходе осуществления мониторингового проекта РНФ №14-28-00-218 «Динамика социальной трансформации в современной России в социально-экономическом, теоретическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах», производившегося по этапам с интервалом в шесть месяцев: осень 2014 – весна 2016 гг. В результате было подготовлено пять книг. И эта работа продолжается. Чем определяется подобная научная стратегия ИС РАН? Прежде всего тем, что социальная динамика в условиях усложнения общественной жизни предъявляет повышенные требования к социологическому знанию, к приданию ему комплексного, многоаспектного характера. В первую очередь, это относится к всестороннему анализу состояния и тенденций развития как отдельных сфер жизнедеятельности общества, так и социальных изменений, происходящих в нем в целом. Нужно сказать, что на протяжении всех 2000-х годов усилия российской социологии были направлены на исследование эффективности государственной политики. Это направление неразрывно связано с решением проблем системной организации общества, с обеспечением его социальной и гражданской консолидации. В последние годы к этим работам присоединился Институт философии РАН, уникальную разработку которого под названием «Атлас модернизации России и ее регионов» (рук. Н.И. Лапин) поддержал Ученый Совет нашего института и Центр социологии управления и социальных технологий ИС РАН по указанному выше гранту РНФ (рук. А.В. Тихонов) на методологической основе этого «Атласа». Результаты такого сотрудничества мы сегодня и обсуждаем на конференции. *Особенно важно отметить ее международный характер и активное участие социологов и практиков управления из многих регионов.*

В содержательном отношении материал сборника построен в соответствии со структурой конференции: одно пленарное заседание и пять секционных. Пленарное заседание посвящено проблеме модернизации регионов, одинаково актуальной как для мировой, так и для отечественной социологии. В условиях глобализации региональная

тематика активно разрабатывается широким кругом теоретиков и практиков: от специалистов по экономической статистике, социальному планированию и проблемам региональной политики. Английский «брэксит» и попытка отделения Каталонии от Испании – только последние примеры актуальности этой проблемы. Регионализация как процесс структурирования экономического, социокультурного и политического пространства регионов не завершился ни в мире, ни в ЕС, ни в Российской Федерации. У нас, в связи со все еще глубокой неупорядоченностью отношений между Центром и периферией, проблемой регионализации страны активно занимается комплекс научных дисциплин, среди которых немаловажную роль выполняют социологические исследования.

На конференции дискуссия развернулась вокруг доклада на Пленарном заседании профессора А.В. Тихонова на тему: «Реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов как актуальная социальная и научно-исследовательская проблема». В обсуждении доклада приняли участие известные отечественные и зарубежные ученые. Из ученых, представляющих Российскую академию наук выступили Н.И. Лапин, А.В. Дмитриев, В.В. Ивантер, О.Н. Яницкий, В.В. Маркин, В.К. Левашов, А.В. Жаворонков. Из зарубежных − Е.М. Бабосов (Республика Беларусь) и Хэ Чуанци (Китайская академия наук). Заметным вкладом в постановку проблемы управления процессом социокультурной модернизации отечественных регионов стали доклады Р.М. Валиахметова (Уфа), Д.С. Клементьева (МГУ), Н.Е. Покровского (ВШЭ, СОПСО), Г.Л. Тульчинского, А.К. Богдановой (СПбГУ) и О.А. Уржи (МГГУ).

Далее выступления на конференции распределились по следующим направлениям:

1. Секция. Типологизация регионов и методологическая организация исследования проблем реформирования властно-управленческой вертикали.

Здесь обсуждался доклад **«Программа и методы исследования условий жизни населения и работы звеньев властно-управленческой вертикали в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации»,** а также были заслушаны альтернативные подходы и опыт исследований этих проблем в различных регионах. Это прозвучало в выступлениях В.М. Розина и В.В. Щербины и ряда других участников. С обоснованием собственных подходов к модернизации выступили Ю.М. Вассерман, А.Л. и И.А. Андреевы, Ю.Ю. Гафаров. Опытом исследования или постановки проблем в отдельных регионах поделились Н.М. Лавренюк (Уфа), Ю.Д. Красковский (Минск), А.А. Захарченко (Тюмень), Е.И. Заборова (Свердловская обл.), Н.В. Ефимова (Минск) и др. В то же время следует обратить внимание и на то обстоятельство, что на конференции обсуждается конкретный исследовательский проект и его результаты. Этот материал содержится не только в докладе, но и в содокладах. В частности, в выступлениях Е.И. Рабиновича и К.Э. Гусейновой содержатся дополнительные подходы к обоснованию выделения 12 регионов по уровню социокультурной модернизации в качестве объектов эмпирического исследования, а в выступлениях В.С. Богданова, С.В. Докуки и Г.В. Градосельской содержится обоснование использованных в исследовании отдельных методов сбора, обработки и анализа первичной информации в рамках выделенного проблемного поля и проверки выдвинутых гипотез.

2. Секция. Обсуждение результатов исследования проблем управления в регионах с различными индексами модернизации по материалам массового опроса.

Обсуждался доклад **«Результаты гражданской экспертизы условий жизни и работы органов власти и управления в зависимости от принадлежности респондентов к регионам с разным уровнем социокультурной модернизации».** В качестве содокладчиков выступили прежде всего участники исследовательского Проекта А.А. Мерзляков, Е.Г. Бунов, К.В. Быков, Р.В Леньков, В.А. Корнилович. В обсуждении участвовали: О.Ф. Адигамова, Е.И. Боровлева, Р.М. Валиахметов, Г.Р. Баймурзина, С.И. Васильева, Л.А. Дартау, Ю.А. Дроздова, Ю.В. Ермолаева, Д.В Латышев, А.Н. Расходчиков и целый ряд других из таких регионов, как Москва, Амурская и Омская области, Калмыкия, Тюмень, Ленинградская и Смоленская области, Якутия, Краснодарский край, Башкортостан, Дагестан, Нижегородская и Вологодская области и республика Болгария.

3. Секция. Обсуждение результатов исследования проблем управления в регионах с различными индексами модернизации по материалам экспертных оценок и анализа региональных сообществ в социальных сетях с последующим выходом на разработку социальных технологий управления.

Здесь в качестве основных докладчиков выступили участники исследовательского проекта В.С. Богданов, А.А. Почестнев, Г.В. Градосельская, а также участники конференции из разных регионов страны.

Доклады: Е.В. Артюховой и Г.В. Градосельской «Выявление ключевых миграционных потоков на примере регионов России».

В.С. Богданова и А.А. Почестнева «Онлайн-экспертиза деятельности органов власти и управления в контексте различий цивилизационного развития регионов».

Выступили: Л.А. Дартау, А.М. Долгоруков, А.В. Ермишина, С.Ю. Иванов, А.С. Иванов Т.Н. Иванова И.Н. Кудинов и ряд участников экспертных групп из обследованных регионов.

4. Секция. Исследование работы СМИ, проблем молодежи, образования и трудовых отношений в регионах с разными индексами модернизации

Доклады: С.В. Докука − «Структура контента региональных СМИ: текстовый анализ» и В.А. Шилова − «Результаты мотивационно-целевого анализа СМИ в региональном разрезе»

На секции выступили: Л.А. Василенко − «Применение общественного виртуального ситуационного центра в управлении развитием регионов», Н.А. Елсукова и Т.В. Купчинова − «Витебский регион в белорусских печатных СМИ», О.Ю. Ангел − «Планирование успешных стратегии построения карьеры», А также О.А. Андриенко, Д.Д. Бадараев, И.В Батыков, Ю.В. Голиусова, Е.В. Гольцова, И.Н. Дрючина, И.И Калачева и Т.З. Козлова.

5. Секция. Повышение роли местного самоуправления в регионах с разными индексами социокультурной модернизации как ключевая проблема развития гражданского общества («XVII Дридзевские чтения»)

С докладами выступили: Е.М. Акимкин и Е.Л. Беляева − «Социокультурные аспекты сохранения культурного наследия и новые программы развития и благоустройства Москвы», А.А. Акмалова и В.М. Капицын по теме «Вариативность развития местного самоуправления как требование теории и практики» и А.Я. Сарна по теме «Co-urbanism и партисипативное проектирование в практике городского самоуправления». В обсуждении приняли участие: А.В. Рубанов, В.В. Самсонов, О.О. Коробова, Н.А. Костко, Ю.А. Кузнецова, С.Э. Лиджи-Горяева, Л.Ю. Спиридонова, А.Б. Хашаева, Л.Н. Сангаева, А.М. Лола, А.А. Миронова и др.

ПЛЕНАРНАЯ СЕССИЯ

ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНОВ – В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ МИРОВОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

М.К. Горшков

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ НА ЭТАПЕ РЕАЛИЗАЦИИ КРУПНЫХ ПРОЕКТОВ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Уважаемые участники конференции!

По поручению Программного комитета нашей конференции разрешите приветствовать вас в стенах Российской академии наук. Совсем недавно здесь прошло Общее собрание РАН, на котором были избраны новый Президент РАН и высшие органы управления РАН (Президиум Академии, академические секретари Отделений РАН, Бюро Отделения). Хотелось бы надеяться, что состоявшиеся процедуры завершили кризисный период в развитии Российской академии наук. Это позволяет ей в полной мере сосредоточиться на выполнении своей главной функции – проведении фундаментальных исследований в различных областях научного знания.

Примечательно, что накануне рубежного Общего собрания РАН завершилось создание Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (ИС РАН, СИ РАН, региональные филиалы). Это не просто смена названия. Наша задача – консолидировать кадровый и научный ресурс отечественной социологии (академической и вузовской), включив ее в полной мере в систему государственного управления.

С большим удовлетворением хотел бы отметить, что на нашей конференции присутствуют известные ученые из российских и зарубежных институтов и университетов, в частности, Белорусского государственного университета, Национальной академии наук Беларуси, ученые и практики управления из различных регионов страны, а также социологи из таких авторитетных научно-исследовательских организаций и профессиональных ассоциаций, как РОС и СОПСО. Немаловажно и то, что сама тематика конференции опирается на результаты осуществления проектов, поддержанных Российским научным фондом. Все это означает, что нам предстоит серьезный обмен мнениями по результатам как уже проведенных, так и новых исследований состояния и перспектив развития российского общества в условиях современных вызовов и рисков.

За нашей готовностью к решению крупных задач в рамках научных мегапроектов стоит большая работа коллектива Института социологии в последнее десятилетие. Задел был сделан уже тогда, когда Россия стала определять свою особую роль в глобализирующемся мире. Прежде всего это касается нового подхода к производству социологического знания, уточнения отношения социологии со структурами власти и управления, в том числе в публичной сфере. Без такого самоопределения мы не смогли бы подготовить изменения в структуре ФНИСЦ РАН и определить приоритеты наших исследований. Вся эта работа была и остается связанной с развитием наших филиалов в регионах России, с нашим активным участием в международных организациях социологов. Знаковыми событиями последнего времени стало проведение в Екатеринбурге Пятого Всероссийского социологического конгресса РОС и участие российских социологов в 13-й Конференции Европейской социологической ассоциации в Афинах.

Возвращаясь к филиалам ФНИСЦ РАН, хотел бы заметить, что в моем личном опыте важной отправной точкой обращения к проблематике нашей конференции стало проведение в Москве Международного научного симпозиума «Цивилизация, модернизация,

идентичность» (27–28 ноября 2012 г.). Эти понятия ключевые не только для современной социологии, но и для системы социальных наук в целом. Мы заметили, что категория «модернизация» из чисто дескриптивной незаметно, но достаточно планомерно, превращается в ценностную, обретая статус чуть ли не абсолютного блага.

Но вот вопрос: можно ли считать какой-либо отдельный, к примеру, западный путь модернизационного развития, единственно правильным? Несомненно, перспективы общественного развития нужно рассматривать в конкретно-историческом контексте, и каждый из них требует всестороннего изучения. Ведь любой общественной строй – это не пустая и мертвая оболочка, которую можно наполнить, как кому заблагорассудится. Он неразрывно связан с жизнью социума, с природой, с размерами страны, с ее геополитическим положением, исторической судьбой, более того – с характером и духом народа. Здесь уместно вспомнить слова выдающегося русского философа Ивана Александровича Ильина. «Государственный строй, – отмечал он,– это не одежда, которую можно сменить в любой момент, это скорее органически свойственное народу строение тела. И только политические верхогляды могут воображать, будто народам можно придать любое государственное устройство, будто существует единая государственная форма лучшая для всех времен».

Вместе с тем мы должны ответить для себя и на такой вопрос: остается ли социология наукой, ориентированной на классическое понимание закономерностей как линейной цепочки причин и следствий, или она может и должна приобрести черты неклассической и пост-неклассической науки? Обращение к этим вопросам тем более логично, коль скоро мы имеем дело с практиками повседневности и представлениями о будущем в развитии России. Мы пришли к выводу, что в настоящий период понятие модернизации целесообразно трактовать не только как процесс по критериям Западной цивилизации. Необходимо признать, что Россией накоплен свой огромный социальный опыт различных модернизаций, который представляет собой важную составляющую национального самосознания и является богатым материалом для его научного осмысления и сопоставления с опытом других стран и народов.

В силу своей природы модернизация во многом весьма парадоксальна. В России прочный и долговременный успех имели только такие модернизации, которые не были простым отрицанием традиции, но опирались на нее, использовали в качестве мотивации ресурсы национальной идентичности. В этом контексте как никогда актуально звучит принципиальной важности вывод, к которому мы пришли по результатам многолетних исследований: только при условии прочной национальной солидарности, ощущения самотождественности, имея возможность соотнести себя с определенной системой, направляющей жизнь и придающей ей смысл, человек не рискует остаться в одиночестве перед натиском мировой глобализации и потеряться в ней. Мы пришли к выводу, что несмотря на то, что процессы модернизации проходили в России весьма непросто и сопровождались острыми социальными конфликтами, российское общество понимает их значимость и воспринимает модернизацию как неизбежную и необходимую. При этом специфика сложившейся в России ситуации предопределяется необходимостью осуществления системной модернизации как по горизонтали, так и по вертикали, т.е. модернизации, охватывающей все сферы жизнедеятельности и все уровни организации государственной и общественной жизни.

Вместе с тем российское общество готово принять далеко не все из того, что постулируется нормативной теорией модернизации и приводится в жизнь политическими элитами. У россиян на этот счет собственное мнение, причем, что очень важно, почти в равной степени разделяемое людьми с разными взглядами и убеждениями. Эти выводы получили подтверждение на основе целой серии исследований ИС РАН в рамках проекта РНФ № 14-28-00-218 «*Динамика социальной трансформации в современной России в*

социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах».

Хотел бы подчеркнуть, что в основе данного проекта – общенациональные социологические исследования мониторингового типа, проводившиеся каждые шесть месяцев в течение 2014–2016 годов, по итогам реализации которых было издано пять монографий.

Чем определялась подобная научная стратегия исследований? Прежде всего тем, что социальная динамика в условиях усложнения общественной жизни предъявляет повышенные требования к социологическому знанию комплексного, многоаспектного характера. В первую очередь это относится к всестороннему анализу тенденций развития как отдельных сфер жизнедеятельности общества, так и социальных изменений, происходящих в обществе в целом. Здесь происходит совмещение теоретической интерпретации социальных трансформаций с анализом эмпирических мониторинговых данных.

Нужно еще сказать, что на протяжении всех 2000-х годов в российской социологии внимание было направлено на исследование эффективности государственной политики. Это направление неразрывно связано с решением проблем системной организации общества, с обеспечением его социальной и гражданской консолидации. В последние годы в этом направлении активно работает Институт философии РАН, имея в виду комплексные исследования и разработку на их основе «Атласа модернизации России и ее регионов» под руководством член-корр. РАН Н.И. Лапина и работу коллектива нашего Института во главе с профессором А.В. Тихоновым (Центр социологии управления и социальных технологий).

В своем вступительном слове к нашей конференции хотел бы еще отметить некоторые общие выводы, к которым мы пришли. Как показал мегапроект, важной доминантой восприятия россиянами новой реальности оказался дефицит ощущения безопасности, обостренное стремление к преодолению неравенств и самостоятельность в принятии решений и действий. По сравнению с жителями других европейских стран, стремление к материальному благополучию и уважению со стороны окружающих является для наших граждан не столько самоцелью, сколько обратной стороной дефицитности этих составляющих жизни. В представлениях о дальнейшем развитии страны у наших респондентов преобладают установки на стабильность и возврат к традициям.

Но вот на что важно обратить внимание: традиция для современных россиян – это не архаика, а то, что воспроизводится в конкретных условиях их жизни в силу целесообразности, практической и духовно-нравственной полезности. В подходах к осмыслению будущего страны отчетливо проявляется одна из самых характерных черт российского менталитета – переплетение интенсивных модернизационных устремлений с ориентацией на традиционное жизнеустановление, которое у нас носит рациональный характер. И это в значительной степени корректирует привычное представление о коллективистских и индивидуалистических основах поведенческих установок самих россиян.

Несмотря на известную неудовлетворенность состоянием большинства социально значимых сфер жизни российского общества и отсутствие возможности эффективно влиять на деятельность органов власти, россияне продолжают оказывать ей доверие и не поддерживают какие-либо формы ее насильственной смены. Главное: переход с конца 2016 г. ситуации в стране из кризисной в посткризисную отражает определенный баланс между интересами и возможностями как власти, так и общества. В то же время отношения между ними становятся более рациональными, опосредованными конкретными интересами и действиями их участников. Это, с одной стороны, создает объективные предпосылки для развития государственных и общественных институтов, а с другой – актуализирует вопрос о соотношении рациональных и ценностных оснований консолидации российского общества.

В заключение хотел бы выразить надежду на то, что обсуждение на нашей Конференции результатов исследования проблем реформирования работы органов власти и управления в регионах и всей властно-управленческой вертикали в стране послужит

дальнейшему укреплению позиций социологического знания в решении стратегических проблем отечественной модернизации.

Спасибо за внимание!

А.В. Тихонов

РЕФОРМИРОВАНИЕ ВЛАСТНО-УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ВЕРТИКАЛИ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНОВ КАК АКТУАЛЬНАЯ СОЦИАЛЬНО И НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОБЛЕМА[1]

Аннотация. *В статье дается обоснование актуальности реформирования существующей в стране властно-управленческой вертикали как социальной и научно-исследовательской проблемы. Соответственно, актуальность исследования по проекту РНФ и конференции по его результатам.*

Ключевые слова: *Россия и мир, проблема глобализации, зарубежные и отечественные исследования, актуальность исследования функций властно-управленческой вертикали в России, уровни модернизации регионов, управляемость процессов модернизации.*

THE REFORM OF THE POWER-MANAGEMENT VERTICAL IN THE CONTEXT OF SOCIOCULTURAL MODERNIZATION'S PROBLEMS OF THE REGIONS AS AN ACTUAL SOCIALLY AND RESEARCH PROBLEM

A.V. Tikhonov

Abstract. *The article provides justification of the reforming actuality of the existing power-management vertical as sociocultural and scientific-research problem. Accordingly, the research actuality on the RSF project and the conference on its results.*

Keywords: *Russia and the world, the problem of globalization, foreign and domestic research, the research actuality of the function of the power-management vertical in Russia, the regions modernization levels, control of the modernization processes.*

Отметим вначале наиболее близкие нам по тематике и содержанию научно-исследовательские проекты, с которыми корреспондируются наши подходы и результаты исследования. Это прежде всего **1)** Цивилизация. Модернизация. Идентичность: материалы международного научного симпозиума [15]; **2)** Построение стратегий устойчивого развития общества [8]; **3)** Проект РНФ «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах» [13]; **4)** Пространственная систематизация процессов и состояний модернизации российских регионов и России в целом [1] и его же «Пути России: социокультурные трансформации» [7] и **5)** «Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России» [12]; а также **6)** Оценка того, кто выиграл, а кто проиграл в процессе осуществления российских реформ [2]. Кроме этого необходимо назвать работы, содержание которых было учтено при подготовке нашего исследования: это **7)** «Перемены в социальной структуре общества» [9]; **8)** Экономические предпосылки эффективного государства и пространственные ограничения государственного управления [3]; **9)** Гибель советской системы не означает конца социалистических экспериментов [6]; **10)** Объяснение социальных кризисов, процессов и трендов большой длительности [5] и целый ряд других, авторы многих из них присутствуют на нашей конференции. Под конец не могу не упомянуть небольшую публикацию из серии аналитических материалов МГИМО (выпуск 3,

[1] При финансовой поддержке Российского научного фонда, проект №15-18-30077

август 2013 г.). Это изложение доклада Национального разведывательного совета США под названием «Глобальные тенденции 2030: альтернативные миры». Нельзя не процитировать фрагмент, касающийся России: «ни один прогноз РНС США не предполагает вероятности того, что к 2030 году Россия сможет вернуть себе статус сверхдержавы» [11, с. 25]. Более того прогнозировалось, что в ближайшие 20 лет Россия будет заниматься решением сугубо внутренних проблем и не сможет составить конкуренцию США в чем-либо, и поэтому не представляется американской стороне достойным партнером. Оставим эти инвективы без комментариев. Но и их надо иметь ввиду, когда затрагивается проблема «Россия и мир».

Актуальность нашего исследования проявляется прежде всего в том, что в современных геополитических условиях, связанных с очередным осложнением отношений с т. н. обобщенным Западом и реальным состоянием нашей экономики, в России обострилась внутренняя необходимость разработки адекватных стратегических решений одновременно на внешних и внутренних направлениях. Это, естественно, предъявляет и повышенные требования ко всему отечественному социально-гуманитарному знанию. В частности, к знанию о состоянии и проблемах трансформации системы власти и управлении в стране в связи с проблемой цивилизационного развития наших регионов, которые объективно находятся на разных этапах своего цивилизационного развития. Это открытие похоже на то, как в ЕС признали, что составляющие его страны движутся «с различными цивилизационными скоростями». Конечно, этому движению сопутствуют социально-культурные различия между регионами и механизмы осуществления властно-управленческих функций. По большому счету, нам всегда недоставало и недостает знаний относительно причин, по которым отечественная система власти и управления время от времени приходит в критическое состояние, а проще говоря, превращается в механизм, не просчитывающий последствий принимаемых решений. В год 100-летия февральско-октябрьской революции напомним, что при всем огромном внимании общественности к этому событию, в качестве его причины не упоминается об одном печальном факте: всегда, когда правящий класс не находит удовлетворительных ответов на внешние и внутренние вызовы, он не справляется с управлением. Об этом ярко и доказательно пишет Арнольд Тойнби в книге, вышедшей у нас под названием «Постижение истории» [14], на примере анализа судеб 21 цивилизации. Среди них упоминается и русская православная цивилизация. Мы, как всегда, «крепки задним умом». Только перед самым свержением царской власти Николай II стал серьезно рассматривать вариант перехода к новой системе власти и управления по типу конституционной монархии, хотя это надо было делать намного раньше, возможно еще во времена Николая I, вместо того, чтобы вешать романтиков этой идеи. Нечто похожее произошло и на наших глазах в конце 90-х годов прошлого века. Перестройку как демократизацию авторитарного советского строя еще в 60-е годы предлагал провести Председатель Совета министров СССР А.Н. Косыгин через повышение роли трудовых коллективов в экономике и управлении страной. Благодаря поддержке с его стороны, кстати, и появился возрожденческий этап в отечественной социологии. Это по сути был социал-демократический вариант внутренней политики. Но партийная власть упорно не хотела перемен, и страна погрузилась на долгие годы в «брежневский застой». Она обманывала себя и нас «развитым социализмом», бряцала оружием, подавляла восстания в социалистических странах и ввязалась, в итоге, в безнадежную войну в Афганистане. Запоздалая перестройка с ориентацией на «социализм с человеческим лицом», быстро переросла в «катастройку» (как ее назвал создатель логической социологии А.А. Зиновьев, у которого, как мы все знаем, с логикой было все в порядке [4]. Правящий класс снова не нашел ответов на вызовы и не справляется с управлением. Это по большому историческому счету. А сколько таких эпизодов на уровне фирм, предприятий, организаций, районов, городов, регионов? Спрашивается, сколько раз мы еще будем наступать на одни и те же грабли?

У этого феномена, если говорить на уровне страны, несомненно есть причины, которые аналитики смело называют, правда все тем же задним числом. Это и коварство

геополитических сил (а как же без них?), и своекорыстие погрязших в дрязгах верхов, и предательство «пятой колонны», и ошибки руководства, и некомпетентность аппарата, и вездесущая коррупция, и отсутствие конструктивной оппозиции, и закупоренность социальных «лифтов» и т.п. Но до этого ведь были и симптомы, которые можно и нужно было бы как-то распознать и «озвучить», и на этой основе что-то практическое своевременно предпринять. Действительно, почему бы нам это не делать вовремя? Ответ на этот вопрос достоин отдельного исследования. Наверное, многие в этом зале вспомнят категорический запрет на прогнозирование будущего Карла Поппера в «Открытом обществе». Однако для примера того, что это в научном плане в принципе возможно, назовем работы Рэндалла Коллинза, предсказавшего еще в 1980 году распад Варшавского блока и СССР, которому (его прогнозу) и у нас, и в США не поверили ни политики, ни спецслужбы [5]; и работу англичан Дэвида М. Катца и Фреда Вира, которая вышла в Лондоне в 1997 году. Она у нас появилась в первом издании только в 2012 году. Нельзя не отметить, что когда такие разработки приходят к нам, то и они далеко не сразу оказываются в центре внимания социологической общественности. Р. Коллинз в одном из разделов упомянутой книги под характерным названием «Препятствия для успешного политического предсказания» пишет, что есть множество причин, по которым социологи их не делают качественно и своевременно. Одна из них−это неспособность собрать адекватные эмпирические данные о стартовых точках, которые могут быть отправными для предсказаний, а другая−в том, что в каждой науке есть конкурирующие теории, но мало внимания уделяется тому, каким уровнем обоснованности они обладают [6, с.127]. Это замечание в полной мере относится и к нам. Учтем, как говорится, передовой опыт и попытаемся обратиться к выделению симптомов проблем власти, общества и управления в рамках текущей общественно-политической ситуации в рамках нашего исследования.

Они лежат на поверхности и проявляются во всех видах уклонения органов власти и управления снизу доверху от своевременного решения жизненно важных проблем граждан с их участием, что называется, сегодня и сейчас и не где-то там наверху, а здесь, по месту жительства. На такие уклонения влияет, конечно, большое число прямых и косвенных факторов, силу воздействия которых можно установить гипотетически и проверить эмпирически, но в этой аудитории ни для кого не секрет, что речь идет о фундаментальном условии существования любого большого или малого общества, о соблюдении (а чаще всего несоблюдении) не полностью прописанного, но всеми признаваемого «общественного договора» между властью и обществом. В чем оно проявляется? Выделим некоторые феномены с позиций нашей темы:

1) прежде всего в недопонимании нашим политическим классом геополитической специфики современных вызовов, что выражается в недооценке значения для страны крупномасштабной модернизации ее развития с учетом глубоких межрегиональных различий между нашим Севером и Югом, Западом и Востоком. Об этом, но только как о мировой проблеме решения глубоких региональных различий и противоречий, недавно говорил новый Генеральный секретарь ООН Антониу Гуттерреш, находясь в Москве;

2) содержанию задач, решаемых (а чаще всего и не решаемых) непосредственно в регионах в отношении условий и уровня жизни населения, о чем граждане временами вынуждены писать не своему начальству, а лично Президенту;

3) отношение власти к естественной социальной оппозиции, о которой она не имеет четких представлений. В ее рядах находятся не только те, кто выходит на Болотную площадь. Таких капля в море по сравнению с теми, кто на самом деле недоволен внутренней и внешней политикой государства. Эти факты вполне надежно регистрируются в ходе проведения различного рода опросов, в т. ч. социологических. (Мы сегодня приведем некоторые примеры из наших исследований). При этом парадоксально то, что не учитывается существование третьей стороны в отношениях власть – общество, слоя «воздержавшихся» (или «медиаторов», по терминологии проф. А.П. Давыдова), который при

определенных условиях способен придавать выполнению «гражданского договора» либо созидательно-творческий, либо негативно-катастрофический характер;

4) неспособность политического класса создать адекватную времени «российскую модель организации и управления», разработкой которой никто, кроме отдельных подвижников, у нас серьезно не занимается. Такая модель, как и движение НОТ в 20-е годы прошлого века, могла бы стать достойным ответом на вызовы времени. Но это непостижимый вопрос для отдельных представителей руководства, поскольку они не знают и не ищут тех, кто взялся бы за его решение. Для них социальность это не субъектность социальных групп и отношений, как мы это понимаем, а «социалка» как строка бюджетных расходов на различную материальную помощь. Такая модель должна была бы на самом деле включать в себя достижения естественных, социально-гуманитарных и управленческих наук, обеспечивающих оптимальное (соответствующее российской истории и культуре), сочетание власти и самоуправления, организации и самоорганизации граждан, заинтересованных в получении положительных результатов при решении любых общественно-значимых вопросов. Но мы в Российской академии наук такого заказа от государства не получали. Свое отношение к т. н. «эффективному менеджменту» в госуправлении мы высказали во Введении в теоретико-прикладной толковый словарь по социологии управления (2014), но кто к нему обращается?

5) наконец, отсутствие политической воли к воссозданию в стране такой формы гражданского общества, как местное самоуправление и к превращению его в технологию поддержания властно-управленческой вертикали во всегда рабочем состоянии .В частности, на основе широкого использования принципа субсидиарности, начиная с учета природных, исторических и социокультурных особенностей отдельных регионов и поселений на основе информационно-компьютерных технологий (ИКТ), создания созидательных экспериментов в наиболее продвинутых из них, и кончая переносом местного опыта в государственную практику социального управления.

Внимание к решению проблем модернизации страны и регионов с позиций реализации самобытного российского «общественного договора», как это сегодня делается на примере реновации устаревшего московского жилого фонда (в социологическом плане мы принимаем участие в этой работе), способствовало бы, на наш взгляд, разработке более широкой Программы успешного выхода страны из эпохи цивилизационной отсталости (в виде архаичных отношений между институтами власти, собственности и управления) в эпоху нового цивилизационного синкретизма: организации и самоорганизации, управления и самоуправления. Именно социетальный институт, соединяющий управление и самоуправление, на наш взгляд, может и должен выступать той позитивной силой, которая способна организовать противодействие внешним и внутренним вызовам и обеспечивать конструктивное решение назревших проблем нашего общества. Ради подлинно глубокой в цивилизационном смысле модернизации страны и регионов нам нужно совершить нечто похожее на то, что в свое время сделали в США, когда они институционально разделили собственность и управление. В результате они выиграли как цивилизация. Настала очередь и нам сделать свой цивилизационный шаг: отделить институт управления от института власти, как в свое время Петр I отделил от власти Русскую Православную Церковь. С тех пор мы живем, слава Богу, в светском государстве. В случае такого разделения управление могло бы непосредственно выполнять свои функции координации, планирования, регулирования, организации, контроля и т.п. (по Ж.Т. Тощенко, см. его последнюю книгу—учебник по социологии управления, М., 2016), отвечая как за результаты работы государственного аппарата по всей властной вертикали, так и на местах, соединяя свои программы и ресурсы с потенциалом народной самоорганизации. Власть должна отвечать за устойчивое воспроизводство отношений между государством и обществом на основе такой политической формы «общественного договора», как Конституция РФ, а институт управления, как социетальное образование, оперативно действовать в ответ на актуальные внешние и внутренние вызовы и угрозы в соответствии с непрерывно меняющейся

обстановкой и предвидимой перспективой. Властно-управленческая вертикаль в этой системе – не выдумка очередного вождя нации, а гибридный инструмент практического регулирования отношений между государством и обществом, подлежащий контролю с его стороны и реформированию время от времени, когда тот становится ригидным. За конструкцией вертикали и ее работоспособностью нужно так же внимательно следить и власти, и науке, как водитель автомашины следит за исправностью рулевой колонки, перед тем как нажимать на газ. Безусловно и то, что столь важный для выживания и развития страны механизм, должен изучаться и по-своему контролироваться научными сообществом, в том числе и социологическим. На последнем Круглом столе по социологии управления, который мы проводили вместе с журналом СОЦИС, говорили о том, что большие возможности для решения проблем качества и эффективности системы управления, где сейчас господствуют экономические и политические приоритеты, имеет социологическая теория, в частности, теория беспристрастности государственных институций. Важность разграничения власти и административного управления подчеркивалась еще И. Блюингли, В. Вильсоном и М. Вебером. У последнего, как известно, это нашло отражение в функциях идеальной бюрократии. Принцип беспристрастности аппарата управления, к которому нам следовало бы тоже присмотреться, объединяет три ключевых характеристики современного государственного управления: 1) независимость чиновников от политических предпочтений, 2) исключение из оказаниями государственных услуг дискриминационных моментов в отношении граждан , имеющих право контроля работы любого чиновника и 3) исключение как предпосылок, так и самого проявления коррупции как главного врага государственности, о чем красноречиво говорит и известный положительный опыт избавления от этого зла, например, в Сингапуре. Ведь любому, не сведущему в социологии обывателю, понятно, что если есть коррупция, то она выгодна и самой власти. Такого понимания проблем власти и управления придерживаются и респонденты в российских регионах, что заметно по результатам наших исследований, и на такие инвективы власть должна отвечать.

Научная новизна и практическая польза нашего Проекта состоит в попытке экспликации сложившейся в стране проблемы регулирования властно-управленческих отношений между обществом и государством с позиций граждан, выступающих у нас в роли экспертов. Наша цель–получить приращение теоретического и эмпирического знаний в рамках возможностей такой отраслевой научной дисциплины, как социология управления. Предметно речь идет о механизмах регулирования этих отношений в процессе решения проблем модернизации регионов и страны в условиях реальных вызовов и угроз, что, в свою очередь, самым труднопредсказуемым образом влияет как на функции различных звеньев властно-управленческой вертикали, так и на степень их поддержки со стороны населения. Это, на наш взгляд, и есть те стартовые точки для получения эмпирических данных, о которых пишет Р. Коллинз, которые могут стать отправными точками для адекватных предсказаний и практических рекомендаций в условиях решения проблем российской трансформации.

В связи с этим мы концентрируемся на решении четырех видов научно-исследовательских задач.

1. Теоретико-методологические: обосновать 1) возможность и необходимость т. н. «импортозамещения», навязанной стране госаппаратом ошибочной модели «эффективного менеджмента», которая и по своему происхождению, и по признанию главного гуру этой отрасли знания Питера Ф. Друкера не имеет прямого отношения к результативности государственного управления «Правительство, армия, церковь,– пишет он,– по сути все важнейшие институты, должны иметь соответствующий орган, который чем-то напоминает орган руководства предприятием. Но менеджмент, как таковой, представляет собой руководство только коммерческого предприятия. А цель деятельности предприятия – производство товаров и услуг» [10, с. 22]; и 2) возможность разработки отечественной модели социальной организации и управления, более адекватной реальному состоянию и перспективам трансформации системы управления в регионах с разным уровнем

социокультурной модернизации (по Н.И. Лапину). В наших регионах на самом деле реализуются различные модели социальной организации и управления, о которых мы еще мало что знаем, но можем предположить, что они более полно отражают региональную специфику, чем это кажется из Москвы. Это по крайней мере значит то, что ими нельзя командовать под одну гребенку. Концепция критериев цивилизационного выбора России, с позиций которой можно рассматривать перспективы строительства отечественной модели (или моделей) организации и управления, в общем виде обоснованы Н.И. Лапиным в журнале «Вопросы философии» № 4 и № 6 2015 г. Однако, как это видно из подготовленного им «Атласа» [1], наименее разработанной оказалась институционально-регулятивная переменная модернизации, к разработке которой и теоретически, и практически напрямую относится проблема реформирования властно-управленческой вертикали (ВУВ).

2. Аналитические: получить эмпирическое подтверждение решения проблемы реформирования ВУВ в связи с анализом степени адекватности ее ответов на внешние и внутренние вызовы в стране и в регионах, оценить степень успешности этой вертикали в решении общих и частных задач социокультурной модернизации. В зависимости от этого могут быть внесены коррективы как в разработку теоретико-методологических оснований социологии управления, в рамках сотрудничества со специалистами других социальных дисциплин, в том числе экономических, политологических и аналитических (в части использования современных аппаратных средств сбора, обработки и анализа массовых данных), так и в содержание ряда федеральных законов, касающихся отношений Центра и регионов.

3. Методические: сделать выводы относительно возможности использовать методы социальной диагностики и гражданской экспертизы в массовых полевых и дистанционных исследованиях проблем управления, способных работать в режиме мониторинга с системой обратной связи и с применением методологии прогнозного проектирования, с использованием информационно-коммуникативных технологий (ИКТ) и современных аппаратных средств.

4. Практические: подготовка предложений для проведения управленческих экспериментов в регионах с участием организаций гражданского общества и с использованием современных инфокоммуникационных технологий.

Проведенная нами работа состоит из семи разделов, где в последнем подводятся общие итоги, сопоставляются с результатами других российских и зарубежных исследований и делаются выводы на будущее. Нужно сказать, что секции на нашей конференции в целом отвечают содержанию этих разделов.

Первый раздел. «Теоретико-методологическое обоснование исследования».

Здесь обсуждается проблема нового «общественного договора» между российским государством и обществом в контексте современных вызовов и угроз нашему цивилизационному развитию, обосновывается роль «Атласа модернизации России и ее регионов» (Лапин Н.И. и коллектив ЦИСИ ИФ РАН) как методологическое основание отбора объектов нашего исследования. Уделено особое внимание обоснованию отбора двенадцати регионов по критерию уровня социокультурной модернизации, разработке специальной Информационной карточки регионов с дополнительными показателями процесса модернизации и региональных различий

Второй раздел. Программа и методы гражданской экспертизы жизни населения и работы властно-управленческой вертикали в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации.

Здесь представлены элементы Программы исследования условий жизни и работы властно-управленческой вертикали в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации и методы исследования условий жизни населения и работы властно-управленческой вертикали в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации и уточнение индексов и показателей. Дано обоснование четырех направлений анализа первичных данных: массового опроса, экспертного опроса, анализа СМИ и анализа сетей.

Третий раздел. Представляет результаты гражданской экспертизы условий жизни и работы органов власти и управления в зависимости от принадлежности респондентов к регионам с разным уровнем социокультурной модернизации (по материалам полевого опроса).

Он содержит результаты пилотирования анкеты полевого опроса на примере четырех регионов с разным уровнем социокультурной модернизации и результаты гражданской экспертизы условий жизни населения и работы органов власти и управления в зависимости от принадлежности респондентов к регионам с разным уровнем модернизации (по двенадцати регионам).

Кроме того, здесь приводятся уникальные сравнительные данные с результатами исследования А.В. Жаворонкова 1969 г. «О взаимодействии населения отобранных регионов с местными органами власти и СМИ в решении жизненно важных социальных проблем» и данные о других исследованиях, о которых авторы доложат участникам конференции сами. Будут, например, затронуты проблемы образования, правопорядка, охраны культурных ценностей, стратегирования, работы системы местного самоуправления и проявления признаков субъектности в отношениях населения и органов власти.

Четвертый раздел. Посвящен экспертному анализу работы органов власти и управления в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации (по материалам опроса специалистов).

Здесь обосновывается концептуальная схема исследования проблем модернизации региональных систем управления в контексте цивилизационного развития территорий, проводится анализ состояния институционально-регулятивной сферы в жизнедеятельности регионов, обсуждается проблема информатизации и электронизации (в широком и узком смысле) региональных систем управления и региона и, главное, впервые дается оценка региональных систем управления по уровню их развития

Пятый раздел. Посвящен контент-анализу СМИ в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации: отношению населения к условиям жизни и к работе местных органов власти и управления

Здесь рассматриваются процедуры отбора материала и потенциал контент-анализа социальных отношений в регионах на основе двух взаимодополнительных вариантов методик и сопоставляются данные контент-анализа СМИ с данными массового опроса.

Шестой раздел. Посвящается контент-анализу социальных сетей в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации: актуальные проблемы местной жизни и оценка работы органов власти и управления.

Здесь мы познакомим участников конференции с методологией и методами таких исследований, покажем возможности сетевого анализа для выявления социокультурных различий в отношениях населения к работе органов власти и управления, и попытаемся сравнить массив данных из социальных сетей с данными массового полевого опроса с учетом социокультурных различий между регионами в содержательном и методическом планах

В конце, в седьмом разделе нашего исследования, мы постараемся обобщить его результаты в сопоставлении с полученными в работах отечественных исследователей по проблемам регионального развития и модернизации систем управления (Работы В.К. Левашова, М.К. Горшкова, В.В. Маркина, Л.М. Дробижевой, О.И. Шкаратана и др.) и с мировым уровнем исследования проблем регионального развития и миросистемы в целом (Работы Ю. Хабермаса, Э. Гидденса, Р. Коллинза, Д. Котца – гибель советской системы и др.), а также оценить перспективы нашего участия в Проекте «гражданской экспертизы» реформирования работы органов власти и управления РФ в связи с дальнейшей работой коллектива под рук. Н.И. Лапина над Атласом модернизации, институционально-регулятивный аспект которого разрабатывается нами в информационной карточке регионов, и в связи с результатами Круглого стола по социологии управления, проведенного нами в июне с. г. совместно с редакцией СОЦИСа. Материалы данной конференции мы уже

опубликовали, в том числе и этот доклад, что послужит, как мы надеемся, более широкому обсуждению этих проблем в научном сообществе.

Благодарю за внимание!

Список литературы

1. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / Сост. и отв. ред. член-корр. РАН Н.И. Лапин. М.: Весь Мир, 2016. 360 с.

2. Горшков М.К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики) / М.К. Горшков. М.: Новый хронограф, 2011. 672 с.

3. Государство. Общество. Управление / Под ред. С.А. Никольского и М.Б. Ходорковского. М.: Альпина Паблишер, 2013. 515 с.

4. Зиновьев А.А. [Текст] / Под ред. А.А. Гусейнова. М.: ОРССПЭН, 2008. 375 с.

5. Коллинз Р. Очерки социологии большой длительности. М.: УРСС, 2015. 504 с.

6. Котц Д.М., Вир Ф. Путь России от Горбачева к Путину: Гибель советской системы и новая Россия. Пер. с англ. / Под ред. И.Ю. Готлиба. М.: Едиториал УРСС, 2013. 448 с.

7. Лапин Н.И. Пути России: социокультурные трансформации. М.: ИФРАН, 2000. 194 с.

8. Левашов В.К. Социально-политическая устойчивость общества: теория, измерения, стратегии. М.: Научный мир, 2010. 370 с.

9. Нова ли новая Россия? / Под ред. О.И. Шкаратана и Г.А. Ястребова. М.: Университетская книга, 2016. 400 с.

10. Друкер П.Ф. Практика менеджмента. М.: Вильямс, 2009. 400 с.

11. «Глобальные тенденции 2030: Альтернативные миры». М.: МГИМО, 2012.

12. Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России / [В.В Маркин и др.]; отв. ред. В.В. Маркин. М.: Новый хронограф, 2015. 624 с.

13. Российское общество и вызовы времени. Книги первая / [М.К. Горшков и др.]; под ред. М.К. Горшкова. М.: Весь Мир, 2015. 336 с.

14. Российское общество и вызовы времени. Книги пятая / [М.К. Горшков и др.]; отв. ред. М.К. Горшков, В.В. Петухов. М.: Весь Мир, 2017. 427 с.

15. Тойнби А Постижение истории: Сборник. Составитель А.П. Огурцов. Москва: Прогресс, 1991. 730 с.

16. Цивилизация. Модернизация. Идентичность: материалы международного научного симпозиума / Отв. ред. М.К. Горшков. М.: Издательский дом МЭИ, 2012. 272 с.

Е.М. Бабосов

НАЦИОНАЛЬНЫЙ МЕНТАЛИТЕТ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ

Аннотация. *В статье охарактеризована сущность и особенности социокультурной модернизации в ее сопряженности с белорусским национальным менталитетом. Выявлена структурная архитектоника менталитета. Подчеркивается, что все направления социокультурной модернизации сконцентрированы на человеке как субъекте и объекте обновленных изменений, на базовых ценностях народа и их обогащении.*

Ключевые слова: *культура, социокультурная модернизация, менталитет, базовые ценности, саморазвитие личности.*

E.M. Babosov

NATIONAL MENTALITY AND SOCIO-CULTURAL DEVELOPMENT

Abstract. *The article describes the essence and peculiarities of socio-cultural modernization in its interaction with the Belarusian national mentality. The structural architectonics of mentality is revealed. It is emphasized that all areas of socio-cultural modernization are concentrated on the person as the subject and object of the updated changes, on the basic values of the people and their enrichment.*

Keywords: *culture, socio-cultural modernization, mentality, basic values, self-development of the individual.*

Всеми своими сюжетами, формами, стилями, образами, направленностью событийного ряда культура оказывает формулирующее и регулирующее воздействие на развитие личности и общества. Вот здесь-то и раскрывается ее модернизационно-творческий потенциал, затрагивающий базовые ценности народа и базирующийся на них. Реализация данного потенциала имеет первостепенную ценность, ведь подлинная модернизация и в экономике, и в политической сфере, и в социальной сфере возможна только в том случае, когда именно социокультурный модерн становится несущей конструкцией комплексной модернизации.

Всеми своими мгновениями российская и белорусская культура создают благотворную духовную среду для ростков модернизации, вследствие чего в жизненных установках и поведенческих стратегиях множества людей расширяются горизонты модернизационных замыслов, решений и действий.

Тем самым существенно масштабируется деятельностно-созидательная сущность социокультурной модернизации: наш народ силами своей активности осуществляет более глубокое познание, освоение и многообразное практическое преобразование окружающей действительности. Одновременно усиливается осознанная субъективность личности, без которой не может успешно развиваться ни общество, ни цивилизация, ни культура.

Вследствие органических взаимодействий в культуре традиций и новаторства, обновленчества она оказывает промодернизационное воздействие на все сферы жизнедеятельности современного общества. В большинстве случаев люди, принимающие управленческие решения и осуществляющие в соответствии с ними модернизационные преобразования в экономике и в других сферах жизнедеятельности, исходят из убеждения, согласно которому поставленные цели модернизации достигаются прежде всего прагматическими, технологически-специализированными действиями. В таком случае на передний план выдвигается краткосрочно достигаемый технико-технологический и экономический результат. Разумеется, без технологического и технического обновления различных видов трудовой деятельности, прежде всего в сфере материального производства, никакая модернизация осуществлена быть не сможет. Выход на устойчивую, рассчитанную не на краткосрочные результаты, а на длительную траекторию модернизационного развития не отдельных производственных комплексов или образовательных и научных систем, может стать эффективным только в органическом взаимодействии повышения роли и значимости человеческого фактора с ростом саморазвития, самовыражения, самореализации личности.

А это означает, что успешная модернизация предполагает необходимость развертывания комплекса социокультурного процесса не только сопряженности, но и взаимопереплетения управленческих решений и технологических нововведений в развертывании модернизационных процессов с гуманитарными целями, с развитием интеллектуального, креативного потенциала личности. Все это упирается в проблему формирования и развития человека образованного, воспитанного, саморазвивающегося, духовно богатого и гражданско ответственного.

В современном многогранном, непредсказуемо развивающемся и насыщенном социальными турбуленциями мире, модернизация, какую бы сферу жизни общества она ни охватывала – экономическую, социальную, политическую, социокультурную, – может быть только своей, самобытной, тесно связанной с национально-культурными традициями своего народа, или ее не будет совсем. Только духовный взлет нации может составить социокультурное основание модернизационного трансформирования жизнедеятельности людей. Чтобы модернизация не оказалась «верхушечной», представляющей собой только продукт деятельности верхних эшелонов власти, а превратилась в многообразные модернизационные изменения, в которые включен народ, она должна соответствовать коренным интересам народа, его духовно-культурным устремлениям. И здесь необходимо обратить внимание на чрезвычайно важный аспект рассматриваемой проблемы: инновационная экономика и политика нуждаются в хорошо развитой и духовно богатой социокультурной среде. Только при наличии таких благоприятных условий создаются широкие возможности для разработки собственного, свойственного только данной стране, в частности Беларуси, странового решения модернизационных проблем.

Вследствие всего изложенного можно утверждать, что как раз в социокультурной модернизации, в конечном счете, кроются истоки как торможения модернизационных перемен в экономике, так и импульсы ускорения экономического и технологического развития страны. А это требует гораздо большего внимания как исследователей, так и управленцев разного уровня к созидательно-творческой роли национальной культуры, выбора путей и реализации осуществления модернизации. Поэтому становится назревшим требование переноса акцентов с технологических и технических аспектов модернизации на социокультурные компоненты.

В процессе такой реализации модернизационных проектов необходимо принимать во внимание особенности белорусского национального менталитета, коренящегося в базисных ценностях этого народа, таких, в частности, как приоритет ценности Родины («Айчыны»), «роднага краю» (Я. Колас), «грамада», «талака», «працалюбства» (трудолюбие), «добразычлівасць» (доброжелательность), «самапавага» (самоуважение), «народная воля». Именно эти ценности выполняют созидательную роль в формировании качественной специфики белорусского национального менталитета, воплощаемого в белорусской культуре.

Конечно же, не все особенности белорусского национального менталитета выполняют конструктивную роль в формировании модернизированности сознания белорусов. Хорошо известный и воспетый в сказках и других проявлениях фольклора достаточно высокий уровень креативности, без которого не может развиваться модернизация, нередко натыкается на проявление нетехнологического поведения, являющегося одним из барьеров на пути развертывания модернизационных процессов. Любой из нас может привести не один пример, как многие креативные замыслы так и остаются замыслами, не претворяясь в реальные действия. На развитие креативности мышления и действия оказывает пока еще не преодоленная бюрократизация, а также злоупотребление функциями контроля. Такая ситуация нередко сопровождается скрытым (а порой и открытым) нежеланием некоторых управленцев осуществлять инновации. Поэтому и возникают сложности и трудности на пути разработки и реализации модернизационных проектов, в процессе осуществления которых чаще всего возникают не столько технологические и экономические, но прежде всего, социокультурные препятствия.

Принимая во внимание все изложенное, мы можем дать концептуальное определение изучаемого феномена. Социокультурная модернизация представляет собой формирование нового уровня мыслительной и деятельностной креативности, повышение роли достижительных ценностей и мотивации успеха. Кроме того, она включает в себя в качестве неотъемлемого компонента повышение значимости самовыражения и самоутверждения личности, ее социальной ответственности, расширение горизонтов свободотворчества и предприимчивости, возвышение воли к модернизационным изменениям.

Важнейшее предназначение культуры в обществе заключается в том, что она через язык, систему ценностей, норм, идеалов, значений и символов задает человеку определенный способ видения и узнавания мира, созидания определенных форм жизнедеятельности в нем. Поэтому многочисленные, нередко бросающиеся в глаза различия между странами, народами, социальными группами сводятся, в основном, к существенному расхождению в системе культурных значений, которые воплощаются в функционирующем в данной стране или социальной общности (этнической, территориальной и др.) языке, обычаях, обрядах, традициях, особенностях образа жизни и быта людей, организации их досуга. В социологии культура рассматривается, в первую очередь, в ее социальном аспекте, т. е. с точки зрения места и роли ее в социальном мире, в развитии процессов социального структурирования общества, в количественном и качественном определении результатов последнего.

Своеобразие социологического исследования культуры заключается в том, что на передний план в нем выдвигается человекотворческая сущность культуры, понимаемая в двух взаимосвязанных смыслах: во-первых, человек рассматривается как творец культуры, ее ценностей, т. е. ее субъект, а во-вторых, человек выступает как творение культуры, как ее объект, как результат ее формирующего воздействия на каждого индивида и на общество в целом. Это означает, что при социологическом рассмотрении главный акцент делается на исследовании культуры как специфической человеческой системы действий и одновременно на анализе ее как специфической системы символов, значений и ценностей.

Широкое распространение в последнее время получает мультимедийная культура, позволяющая улучшить и синтезировать звук и изображение, моделировать и осуществлять спецэффекты, ранее невозможные. Но и здесь имеются некоторые нежелательные последствия. Увлечение спецэффектами в мультимедийных взаимодействиях нередко приводит к тому, что оттесняются, а то и вовсе утрачиваются присущие искусству психологические нюансы, выразительность сюжетов и образов, глубина проникновения в человеческие чувства, стремления, горести и надежды. Здесь мы опять-таки включаемся в размышления о проблеме подлинной культуры использования мультимедийных средств не в ущерб, а в интересах духовного развития и возвышения человека, без чего не может быть подлинной культуры.

Все сказанное относится и к сетевой культуре как разновидности культуры компьютерной, которая существенно расширяет возможности взаимодействия человека с миром знаний, экономики, культуры, науки, образования, спорта и т.п. Все чаще появляются публикации о сетевом обществе, сетевом общении, сетевом фольклоре. Выдающийся современный социолог М. Кастельс считает, что в сетевой культуре имеется возможность сильного воздействия на духовный мир и поведение человека, которая «заключена в информационных кодах и репрезентативных образах, вокруг которых общества организуют свои учреждения, люди строят свою жизнь и определяют свое поведение». Благодаря включению в различные сетевые взаимодействия (без их чрезмерного использования) люди расширяют диапазон возможностей социального и духовного развития и возвышения личности.

К сожалению, далеко не все новшества, возникшие в культуре в конце XX начале XXI вв., по-настоящему духовно обогащают читателя, зрителя, слушателя. И здесь нельзя не согласиться с выдающимся дирижером и хормейстером, народным артистом СССР В.Н. Мининым в том, что некоторые модернизационные изыски в художественном творчестве оказывают антигуманное, растлевающее, пагубное влияние на духовный мир человека. Он подчеркивает, что культура «это не только искусство, но и нравственность, совестливость, долг по отношению к другому человеку и к своим служебным обязанностям», а «хорошее пение объединяет нацию». Этого многие наши современники не понимают и не ценят, увлекаясь сиюминутными подделками под искусство. Такая ситуация приводит его к горестному замечанию, воспроизводящему в современной модификации сделанный очень давно руссоистский и марксистский вывод о противоречивости взаимодействия технического прогресса и духовного развития человека. По утверждению музыкального

мэтра, в настоящее время «технический прогресс пропорционален духовному обнищанию, а всемирной тенденцией стала «нищета духа» [4].

Глубоко вскрыл коренные причины такой ситуации другой народный артист, известный режиссер Карен Шахназаров. По его убеждению, «мы сегодня живем в эпоху всепобедившего капитализма. А капитализм с культурой несовместим совершенно … Капитализм все превращает в товар: и книгу, и фильм, и картину. А искусство—настоящее искусство!—не может быть товаром». «В оценке влияния культуры на духовный мир человека,– утверждает этот кинорежиссер,–«должна быть не масскультура, а та истинная культура, которая составляет стержень нации». «К сожалению, – отмечает он,– про нашу современность снимать кинофильмы невозможно. Сегодня все ускользает. Пишут и снимают либо фантастическое, либо историческое. Про современность выходит либо штамп, либо ложь» [3].

А известная белорусская писательница, лауреат Нобелевской премии по литературе С. Алексиевич подчеркивает: «В советское время люди больше читали, думали меньше о материальном, которое не имело такой цены, как сейчас. И люди были в какой-то степени более свободны – пели песни, вечером собирались, какие-то разговоры были, сейчас этого нет… Мир усложняется, а люди, наоборот, упрощаются» [5].

Приведенные суждения выдающихся деятелей культуры, как и само их многогранное художественное творчество свидетельствуют, что в многообразном потоке социокультурной модернизации существуют не только человековоспитывающие, но и негативные моменты.

Все изложенное дает основание для формулирования следующих выводов и рекомендаций.

Первое. Вследствие многостороннего взаимодействия в социодинамике культуры, традиций и новаторства, обновленчества в условиях углубляющейся модернизации современного общества резко возрастает значимость и роль культуры, т.к. именно она оказывает усиливающееся модернизационное воздействие на все сферы жизнедеятельности человека и общества.

Второе. Посредством формируемых и распространяемых культурой идеалов, ценностей, норм, сюжетов, образов она формирует у людей, в первую очередь, молодых, осознание и реализацию в практических действиях значимости призвания, интереса к работе, воплощения в ней и в ее результатах творческого, созидательного начала, без которого не может возникнуть ни один модернизационный импульс и обусловленное им модернизационное поведение и действие.

Третье. Всесторонняя и эффективная модернизация основывается на комплексном социокультурном процессе, в котором творческие искания, технологические и управленческие решения, их практическое осуществление подчинены гуманитарным целям, а сами эти цели органично сопряжены с решением экономических задач.

Четвертое. В осуществлении модернизации существенную роль выполняет производственная (в более широком смысле – деловая) культура, без и вне которой разнообразные модернизационные процессы не станут эффективными и не смогут привести к желаемому результату, к достижению запрограммированных целей и вытекающих из них задач.

Пятое. Вследствие того, что в современном информационном и инновационно изменяющемся обществе, базирующемся на экономике знаний, резко возрастает значимость высокого профессионализма, основанного на хорошем образовании и целеустремленном саморазвитии и самоутверждении всех категорий работников, т. е. тех социокультурных ценностей, которые в наиболее выраженной форме свойственны молодежи, в первую очередь, учащейся и студенческой, именно молодежь в своей более образованной и хорошо подготовленной в профессиональном смысле части составляет важнейший социальный ресурс современной модернизации в Республике Беларусь.

Список литературы

1. Бабосов Е.М. Модернизация социальных систем / Е.М. Бабосов. Минск: Беларуская навука. 2014. 254 с.

2. Бабосов Е.М. Человекомерность социальных систем / Е.М. Бабосов. Минск: Беларуская навука. 2015. 390 с.

3. Зинченко Д. Сценарий киношной жизни // Беларусь сегодня. №84 (25298). 28.08.2017.

4. Минин В.Н. Искусство в СССР было в центре внимания // Аргументы и факты в Беларуси. 2014. № 12.

5. Мицкевич П. Светлана Алексиевич побывала в родной школе // Комсомольская правда в Беларуси. №150 (4565). 15.08.2017.

Р.М. Валиахметов

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

Аннотация. *В статье анализируются основные проблемы развития человеческого потенциала в контексте стратегических целей и задач государственного управления. На основе контент-анализа и выборочного изучения стратегий развития, делается вывод о необходимости выстраивания многоуровневой и многовекторной систем управления развитием человеческого потенциала не только по вертикали (центр-регионы-муниципалитеты), но и по горизонтали с участием всех ветвей власти и институтов управления. Обоснован тезис о необходимости существенных изменений как в стратегических документах, так и в функционировании самих социальных институтов, обеспечивающих развитие и воспроизводство человеческого потенциала.*

Ключевые слова: *управление, развитие, воспроизводство, человеческий потенциал, регион.*

R.M. Valiakhmetov

ACTUAL PROBLEMS OF PUBLIC ADMINISTRATION OF HUMAN DEVELOPMENT

Abstract. *The article examines key problems of human development in the context of strategic goals and objectives of public administration. On the basis of the content-analysis and learning of a sample of strategies, we conclude that it is important to build multi-level and multi-vector human development management systems. And they should be built up not only vertically (center-regions-municipalities), but also horizontally, involving all branches of power and institutions of governance. It is justified the necessity of significant changes, both in strategic documents and in the functioning of the social institutions that ensure the development and reproduction of human potential.*

Keywords: *management, development, reproduction, human potential, region.*

Эффективное управление развитием человеческого потенциала становится в современных условиях ключевым фактором модернизации, обеспечения конкурентоспособности страны и ее регионов, повышения уровня и качества жизни населения. Этот тезис не нуждается в дополнительной аргументации, в достаточно полной и концентрированной форме он содержится не только в научных публикациях, но и в государственных документах стратегического характера. Важнейшие аспекты человеческого развития (образование, здравоохранение, занятость, молодежная политика, культура,

социально-демографическая политика и т.д.) были включены в специальный раздел «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г.», который так и называется: «Развитие человеческого потенциала» [3]. Основные целевые параметры этой Концепции заданы исходя из основополагающего принципа целесообразности и необходимости инвестиций в человеческое развитие. Как известно, многие положения Концепции оказались недостижимыми и нереализуемыми к 2020 г. Соглашаясь с критическими оценками по этому поводу, мы констатируем несомненное научно-теоретическое достоинство этого документа, основанного на концепции развития человеческого потенциала. В связи с этим, уместно напомнить, что авторы разрабатываемых в этот период (с 2008 г.) стратегий развития регионов при формулировке целей, задач и приоритетов развития также опирались на базовые методологические принципы данной концепции и соответствующие инструментарии оценок и прогноза. Например, в концептуальной части «Стратегии социально-экономического развития Республики Башкортостан до 2015 года» («Башкортостан-2015: стратегия развития») еще в преиод ее разработки был включен параграф с одноименным названием «человеческий капитал и человеческое развитие»[1].

Особенностью работы над «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г.» и соответствующими стратегиями развития регионов было то, что в большинстве случаев. они разрабатывались научными коллективами. На наш взгляд, ко времени принятия в 2014 году федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации», ученые выполнили главную задачу, а именно, подготовили научно-теоретическую базу и обосновали концептуальную основу общенациональной и региональных стратегий развития. Тем самым они создали условия, при которых анализ проблем развития и воспроизводства человеческого потенциала из научно-методической плоскости постепенно переходит на уровень стратегической государственной политики. Они способствовали тому, что само понятие «развитие человеческого потенциала» стало важной частью социально-экономической повестки и, следовательно, управления социальными и экономическими процессами.

Вышеназванный Федеральный закон ФЗ-172 «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 года регламентирует разработку перспективных стратегических документов социально-экономического развития на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Большое внимание в нем уделяется координации государственного и муниципального стратегического управления, центральное звено в которой занимают региональные стратегии социально-экономического развития. В отличие от первого концептуального документа, будущая «Стратегия социально-экономического развития РФ до 2035 года» разрабатывается самими ее исполнителями – Министерством экономического развития РФ и Правительством РФ при содействии Центра стратегических разработок, но уже при менее активном участии научного сообщества на федеральном уровне. Примечательно, что в обсуждаемых вариантах «Стратегии–2035» на первые места ставятся проблемы повышения эффективности государственного управления, рост качества и условий предоставления государственных услуг. Это очевидное преимущество будущей стратегии с акцентом на эффективную управленческую модель. Вместе с тем заметно серьезное «отступление» в другом (концептуальном) направлении: произошло сужение парадигмы человеческого развития до простого утверждения о создании условий и стимулов для развития человеческого капитала, и совершенствования инфраструктуры; далее следует обеспечение конкурентоспособности страны и т.д. Этот недостаток, по нашему мнению, может быть преодолен или компенсирован актуализацией и расширением перечня приоритетных проектов и программ в сферах здравоохранения, культуры, образования, занятости населения, среднего и малого предпринимательства, т.е. тех направлений, которые в максимальной степени способствуют развитию и воспроизводству человеческого потенциала. Этому есть определенные основания, связанные с тем, что Правительство РФ и Совет при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам,

созданный в целях обеспечения координации и взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления по вопросам, связанным со стратегическим развитием и реализацией приоритетных проектов, намерены концентрировать финансовые и управленческие усилия на реализации строго определенных приоритетных направлений социально-экономической политики. В связи с этим, нельзя не заметить определенную тенденцию «возврата» к идее и практике национальных проектов 2007–2012 гг. («Образование», «Здравоохранение», «Сельское хозяйство» и «ЖКХ»), сыгравших в этот период важную роль в приращении и развитии человеческого потенциала России.

Анализируя региональные стратегии развития можно заметить, что в них, в т. ч. разрабатываемых в последнее время, не только сохранились, но и усилились положения о развитии человеческого потенциала как основной или даже конечной цели социально-экономического развития региона. Развитие и воспроизводство человеческого потенциала рассматривается как качественная характеристика социального развития и важнейший индикатор качества жизни населения. Такой подход характерен в основном и для муниципальных стратегий развития. В программных документах Московского урбанистического форума 2014 г. одним из приоритетных было определено направление «Человеческий потенциал как драйвер развития российских городов» [2]. На этой концептуальной основе разрабатываются проекты стратегий социально-экономического развития как Республики Башкортостан, так и ее столицы г. Уфы.

Таким образом, в настоящее время развитие человеческого потенциала является одним из ключевых направлений социально-экономического развития, закрепленных в стратегических документах Российской Федерации, многих ее субъектов и муниципальных образований. Они свидетельствуют о кардинальном повороте к достижению социальных целей и задач, на решение которых направлена управленческая деятельность государственных органов власти, муниципальных органов самоуправления, а также социальных институтов, призванных обеспечивать развитие и воспроизводство человеческого потенциала. Этому должны способствовать также новые подходы к управлению, в т. ч. через систему «проектных офисов», приоритетных проектов, институциональные преобразования в экономике и социальной сфере, поощрение предпринимательской активности, развитие институтов гражданского общества и т.д. Управление развитием и воспроизводством человеческого потенциала становится сегодня наиболее востребованной формой управления качественными изменениями. Реализация такого подхода способна обеспечить синхронное и сбалансированное социально-экономическое развитие муниципальных образований и регионов России.

Список литературы

1. Башкортостан–2015: стратегия развития. Концепция развития долгосрочной стратегии социально-экономического развития Республики Башкортостан: монография / АН РБ. БАГСУ; редкол: АХ. Махмутов [и др.]. Уфа: БАГСУ. 2004. 436 с.

2. Материалы IV Московского урбанистического форума. Конференция городов: «Человеческий потенциал как драйвер развития российских городов». РФ. 11 декабря 2014 года [Электронный ресурс]: Московский урбанистический форум: [веб-сайт]. URL: http://mosurbanforum.ru/forum2014/novacii/konferenciya_gorodov_rossii/manifest/ (Дата обращения: 21.11.2014).

3. «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г.». Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008. № 1662.

Х.В. Дзуцев

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТИМУЛИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ НАУКИ: ОПЫТ АНАЛИЗА РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Аннотация. *В мае-июне 2017 г. Северо-Осетинским отделом социальных исследований Института социально-политических исследований Российской академии наук и кафедрой социологии Северо-Осетинского госуниверситета им. К.Л. Хетагурова было проведено исследование на тему: «Эффективность государственного стимулирования развития науки: опыт анализа результативности государственных мероприятий». Опрос проходил в г. Владикавказе – в столице Республики Северная Осетия–Алания Северо-Кавказского федерального округа. Всего были опрошены 75 экспертов: архитекторы, ученые, журналисты, работники культуры, преподаватели школ и вузов, врачи, юристы.*

Ключевые слова: *развитие, инновационная наука, образование, производство, фундаментальная наука, государство, трансфер научных технологий, маркетинг рынка, внутренний и международный рынок, импортозамещение, инновационная кооперация.*

H.V. Dzutsev

EFFICIENCY OF THE STATE STIMULATION OF DEVELOPMENT OF SCIENCE: EXPERIENCE OF THE ANALYSIS OF THE GOVERNMENTAL ACTIVITIES EFFECTIVENESS

Abstract. *In May-June 2017, the North Ossetian Department of Social Studies of the Institute of Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences and the Department of Sociology of the North Ossetian State University named after. K.L. Khetagurov conducted a study on the theme: «The effectiveness of government incentives for the development of science: the experience of analyzing the effectiveness of public events» The poll was held in Vladikavkaz in the capital of the Republic of North Ossetia-Alania of the North Caucasus federal district. A total of 75 experts were interviewed: architects, scientists, journalists, cultural workers, teachers of schools and universities, doctors, lawyers, etc.*

Keywords: *innovation science, education, production, fundamental science, state, transfer of scientific technologies, market marketing, domestic and international market, import substitution, innovative cooperation.*

Введение

Потенциальный источник развития инновационной науки, образования и производства включает два структурных элемента. Один из них – государственная поддержка, второй – финансовое, производственное и кадровое соучастие бизнеса. Роль частного сектора в развитии фундаментальной науки, как показывает опыт США, минимальна. Его средства составляют всего 4% расходов на фундаментальную науку в США. Это ставит на повестку дня актуальный вопрос о формах и характере инновационной кооперации университетов, научных учреждений и компаний в целях производства наукоемкой конкурентоспособной продукции. Как показывает опыт экономически развитых стран, важнейшей формой такой кооперации являются технологические платформы как новый тип планирования и осуществления инновационного технологического развития в условиях Российской Федерации по направлениям, имеющим стратегическое значение для повышения ее конкурентоспособности на международном рынке товаров и услуг за счет расширения производства наукоемкой продукции. В рамках технологической платформы осуществляется партнерство предпринимательских, научных и образовательных организаций в интересах широкой мобилизации дополнительных ресурсов для развития науки и

инновационного производства.

В России по исторически сложившейся «логистике» развития науки ведущая роль в этом процессе принадлежит государству. Этим объясняется тот факт, что в начале 2000-х годов, учитывая рост темпов глобализации экономики, развитие науки и укрепление ее связи с инновационной экономикой были провозглашены приоритетной задачей[2]. Выделены 8 приоритетных направлений (в последующем интегрированные в 6 главных), заслуживающих бюджетной поддержки: безопасность и противодействие терроризму; индустрия наносистем; информационно-телекоммуникационные системы; науки о жизни; перспективные виды вооружения, военной и специальной техники; рациональное природопользование; транспортные и космические системы; энергоэффективность, энергосбережение, ядерная энергетика[3]. Развитие этих направлений должно базироваться на кооперированном взаимодействии организаций академической и предпринимательской (отраслевой), вузовской науки и производственных компаний, вставших на путь развития инновационного производства[4].

На начальной стадии решение задач, изложенных в правительственных постановлениях, не было лишено противоречий. Начиная с 2010 года в основной массе российских университетов, в первую очередь классических и технических, стали формироваться научные коллективы, пополняющиеся, в том числе, высвобождающимися по причине сокращения численности студентов преподавателями, не имеющими навыков практической исследовательской работы. С одной стороны, приход в исследовательские коллективы преподавателей, в большинстве своем не имеющих возможности трудоустроиться по профессии в иных учреждениях, способствовал сохранению профессорско-преподавательского потенциала для периода, когда контингент студентов начнет увеличиваться (после 2015–2017 гг.), с другой – несмотря на хорошую теоретическую подготовленность, большинство преподавателей не имели опыта научных исследований и ориентировались не более чем на формулировку темы исследования и конечный продукт, не всегда имея возможность даже его апробации в лабораторных или полевых условиях. Трансфер научной продукции в инновационный производственный продукт, производство и изучение конъюнктуры рынка оставались за пределами внимания большинства вузовских исследователей, в связи с чем они не могли принять полноценное участие в составлении совместного с производственными компаниями бизнес плана, ограничиваясь его первой, исследовательской, частью.

Взаимодействие специалистов производственных компаний и исследователей вузов также затруднялось (и по сей день затрудняется) различием в навыках и стиле работы. Специалисты компаний обладают более прагматичным, рациональным мышлением, ориентированным на решение практических задач, а исследователи вузов – аналитическим, не всегда адаптированным к практике, иногда – иррациональным мышлением, не ориентированным на скорейшее достижение цели практического характера. Особенно это характерно для исследователей в классических университетах (менее, чем преподаватели технических вузов, связанных с производством).

В творческом взаимодействии с производственными компаниями есть проблемы и у

---

[2] См.: Письмо Президента РФ от 30.03.2002 г. N Пр-576 «Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу»; Приказ Президента РФ Пр-843 от 21.05.2006 г. «Приоритетные направления развития науки, технологий и техники, и перечень критических технологий Российской Федерации».

[3] См.: Приказ «Приоритетные направления развития науки, технологий и техники в Российской Федерации», утвержденный Указом Президента РФ от 07.07.2011 г. № 899.

[4] См. постановления Правительства РФ: № 218 от 9 апреля 2010 г. «О мерах государственной поддержки развития кооперации российских высших учебных заведений и организаций, реализующих комплексные проекты по созданию высокотехнологичного производства»; № 219 от 9 апреля 2010 г. «О государственной поддержке развития инновационной инфраструктуры в федеральных образовательных учреждениях высшего профессионального образования»; № 220 от 9 апреля 2010 г. «О мерах по привлечению ведущих ученых в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования».

академических, и отраслевых научных организаций. По совместным с производственными компаниями научным темам исследовательские организации ведут многолетнее взаимодействие и хорошо осведомлены о потенциальных возможностях реализации темы и трансфера научной продукции, однако они менее эффективно, чем вузы, включились в совместное выполнение государственной научной программы.

Наряду с частными организационными, полноценное выполнение государственной программы развития науки тормозится и рядом системных проблем. Так, согласно данным Росстата, количество организаций, выполняющих исследования и разработки, к 2016 году в сравнении с 2010-м выросло на 6,5% (соответственно 417 и 392 единицы). За этот же период численность персонала исследовательских организаций увеличилась с 736,5 до 738,9 тысячи человек, в том числе исследователей: с 368,9 до 379,4 тысячи [9, с. 338]. Внутренние затраты на исследования увеличились соответственно с 523,4 до 914,7 млрд рублей, однако в отношении к валовому внутреннему продукту произошло снижение с 1,13 до 1,1% [9, с. 343]. Доля бюджетного финансирования относительно всего объема финансирования исследований и разработок составила в 2010 году 68,8%, в 2015-м – 67,5%. Эти показатели составляют соответственно: для собственных средств научных организаций – 9,1 и 12%; для внебюджетных фондов – 1,9 и 1%; для организаций предпринимательского сектора – 16,4 и 28,8%, организаций высшего образования – 0,1 и 0,3%; для иностранных источников – 3,6 и 4,6% [9, с. 344].

Приведенные статистические данные свидетельствуют о чрезмерно медленных темпах роста доли собственных и внебюджетных средств в общем объеме расходов на научные исследования и разработки, особенно в вузах, в результате чего доля государственной бюджетной поддержки науки сегодня составляет в среднем 70%. Несмотря на значительную поддержку государством в период 2010–2015 годов вузовской науки, инновационных инициатив реального производственного сектора, малого инновационного предпринимательства в университетах, в целом не удалось повысить самоокупаемость научных проектов в той мере, в которой это желательно для их экономической рентабельности.

За последние пять лет партнерское взаимодействие между производственными компаниями, вузами и исследовательскими организациями приобрело более осмысленный характер, в среднем на каждую компанию заключены 12–14 договоров партнерского сотрудничества по выполнению государственной научной программы. Это свидетельствует о востребованности научной продукции производственными компаниями. Спрос на их научное взаимодействие с исследовательскими организациями и университетами велик, однако, по данным общероссийского исследования[5], половина научных организаций, проявляющих коммерческую инициативу, терпят поражение. Причина этого – как невостребованность производством результатов научных исследований, так и неопытность вузов и исследовательских организаций в коммерческой практике; далее – отсутствие квалифицированного менеджмента, имеющего опыт трансфера научных технологий и маркетинга рынка инновационной продукции. Слабым является опыт исследовательских организаций по оценке коммерческого риска.

Направленность спроса большинства предприятий на результаты научных исследований для трансфера в инновационную продукцию предопределена характером регионального товарного рынка. Непосредственно в регионах реализуется 80% производимых товаров, что подчеркивает важность инноваций для решения задач импортозамещения в России. Однако в 60% субъектов наблюдается слабая инвестиционная активность, что неизбежно снижает спрос на научную продукцию со стороны предприятий[6].

В деле повышения эффективности кооперации вузовской науки и производственных

[5] Общероссийский экспертный опрос был проведен Центром социального прогнозирования и маркетинга в 2015 году.

[6] Там же.

компаний имеются и организационные недочеты. Так, сохраняется проблема четкого разделения уровня научных исследований в партнерском взаимодействии производственных компаний и организаций генерации научных знаний. Слишком большое количество научных исследований выдается за фундаментальные, в то время как их фундаментальность заключается лишь в том, что конечный результат исследования завершается вербальным отчетом. Мнению представителей партнерских производственных компаний о соответствии имеющихся технологических, технических и финансовых предпосылок требованиям успешного выполнения научной программы противостоят неуверенность представителей большинства вузов и исследовательских организаций относительно соответствия уровня компетентности менеджмента требованиям эффективной реализации программы, неспособность определить максимальную длительность во времени рентабельного рыночного оборота компаниями конечных результатов, полученных по итогам реализации научной программы, а также в способности компаний укрепить свои позиции на внутреннем и международном рынках товаров и услуг в опоре на произведенный инновационный продукт. Это значит, что в ряде случаев взаимодействия научных организаций и университетов с партнерскими производственными организациями не проработана маркетинговая составляющая: оценка рисков социального, научно-технического, экологического и форс-мажорного характера, определение оптимальных циклов обновления технологий с учетом рыночных факторов, аккумуляция финансовых средств и разработка финансового плана реализации инновационного проекта с учетом наличных ресурсов.

По нашему мнению, характеристика содействия научной кооперации НИИ, вузов и компаний решению основных задач инновационного развития, в том числе для прогноза тенденций развития, должна быть основана на следующих индикаторах:[7]

[7] Индикаторы выявлены при помощи факторного анализа результатов экспертной оценки, организованной Центром социального прогнозирования и маркетинга в 2015 году.

Рисунок 1. Индикаторы содействия научной кооперации научных организаций, вузов и компаний решению основных задач инновационного развития

Приведенная схема (рис. 1) подчеркивает приоритет государственного финансирования совместного научного проекта. Выделить это важно потому, что данная констатация закладывает стержень прогноза – опору на государственное финансирование (преимущественно) и, соответственно, приоритетную роль государства в координировании и контроле хода выполнения научной программы. Однако не только приведенные на рис. 1 индикаторы лежат в основе учета вариации прогнозных показателей. В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до

2020 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р, отмечено, что в середине текущего десятилетия российская экономика оказалась перед долговременными системными вызовами, отражающими как мировые тенденции, так и внутренние барьеры развития.

Какова эффективность государственной поддержки приоритетных направлений науки? Для ответа на вопрос проанализированы научные публикации за 2011 и последующие годы, в которых рассматривались указанные выше направления, а также в мае 2017 года осуществлен опрос экспертов о состоянии приоритетных отраслей науки.

Развитие приоритетных направлений науки, технологий и техники: ожидание и реальность шесть лет спустя

По мнению экспертов, промышленная эпоха человечества условно делится на 6 этапов в соответствии с используемыми технологиями. К последнему относятся нано-, био-, информационные и т.д. технологии. По оценкам экспертов, «в настоящее время в России доминируют технологии четвертого и третьего укладов − соответственно более 50 и около 30%. Технологии пятого уклада составляют примерно 10% и сосредоточены в основном в военно-промышленном и авиакосмическом комплексах. Для сравнения: в США доля пятого технологического уклада составляет 60, четвертого − 20, порядка 5% уже приходится на шестой технологический уклад» [7]. От развития нанотехнологий ученые ожидали, что «они окажут существенное влияние на мировую экономику, достоверным показателем чего могут служить объемы соответствующего рынка» [10, с. 41], а также то, что развитие нанотехнологий должно сопровождаться «разработкой новых материалов, приборов и устройств особого назначения с повышенным сроком службы, низкими материалоемкостью и весом, что будет способствовать выходу отечественных производителей на внешние рынки и импортозамещению» [8, с. 54]. В какой степени оправдались ожидания? По мнению 42,3% экспертов, изменения, однозначно, произошли (табл. 1).

Таблица 1

Мнение экспертов о том, изменилась ли российская индустрия наносистем после Указа Президента РФ, в %

Изменилась существенно	7,7
В целом изменилась	34,6
Не изменилась	19,2
Затрудняюсь ответить	23,1
Другое мнение	15,4
Итого	100,0

Треть экспертов отметили, что основное применение наноразработки находят в сфере национальной безопасности (сбор информации и доступ к ней), в результате чего власти могут следить за всеми, кто ограничивает демократические права, в частности, свободу слова; столькие же отмечают, что инвестируются новые проекты, создается больше возможностей для новых разработок, но фактически до адресатов доходит не более 20% финансов; остальные считают, что Россия идет в верном направлении преодоления отставания в технологическом развитии, в качестве примера развития научно-технологического комплекса была приведена индустрия наносистем с количеством научно-исследовательских проектов и опытно-конструкторских работ, которые, правда, в основном относятся к промышленной сфере и медицине.

Одним из главных показателей социально-экономического роста в последние десятилетия стало развитие информационно-коммуникативных технологий. В 2011 г. ожидалось, что развитие ИКТ позволит «создать современную национальную информационную инфраструктуру на базе новых наукоемких производств (в частности, производства суперкомпьютеров и программного обеспечения), будет способствовать выходу на внешние рынки и активизации импортозамещения» [8]. В 2013 г. ученые

прогнозировали изобретение «до 2030 г. прототипов систем, реализующих новые принципы организации вычислений, и мультиязычных программ извлечения и формализации знаний; технологий для работы с гигантскими массивами данных; новые аналитические инструменты» [2, с. 20]. Также в течение 5–7 лет по ожиданиям экспертов серьезные перемены должны были произойти в здравоохранении, энергетике, машиностроении и на транспорте, а также в сфере персонального потребления ИКТ-продуктов и услуг. В предстоящие 5–7 лет ожидалось развитие распределенных сетей телемедицинских центров, систем контроля качества и безопасности лекарственных средств и медицинских услуг. Был высказан прогноз, что к 2025 году получат широкое распространение медицинские микроустройства, встраиваемые в тело человека и обеспечивающие поддержание его жизненно важных функций; технологии обмена унифицированной информацией между транспортными средствами; ... трансформация ПО и внедрение инновационных изменений в бизнес-стратегии предприятий всех секторов экономики. Колоссальный рост объемов доступной информации приведет к радикальному повышению эффективности управленческих решений» [2, с. 21]. Сегодня мы можем подвести промежуточные итоги эффективности развития сферы ИКТ и степень воплощения краткосрочных перспектив, намеченных экспертами. По мнению 73,1%, за анализируемый период в сфере ИКТ изменения произошли (табл. 2).

Таблица 2

Мнение экспертов о том, произошли ли изменения в развитии информационно-телекоммуникационных систем всех видов сообщений в форме их объединения в единые транспортные потоки после Указа Президента РФ, в %

Произошли существенные изменения	38,5
Изменения в целом произошли	34,6
Изменения не произошло	15,4
Затрудняюсь ответить	7,7
Другое мнение	3,8
Итого	100,0

По мнению экспертов, благодаря информационно-телекоммуникационным системам за последние шесть лет существенно облегчился доступ к получению информации как технической, нормативной, научной, деловой, так и личной, однако не все связывают это с указом. Напротив, как они считают, технический прогресс развивается независимо, а иногда и вопреки усилиям государственных органов. В отношении работы госслужб 2/3 опрошенных довольны повышением эффективности деятельности государственных органов за счет использования ИКТ для оплаты штрафов ГИБДД, долгов ФССП и коммунальным службам (или списания средств с карточек злостных неплательщиков); остальные недовольны недостаточной развитостью этой системы (например, получение справок о судимости в МВД или из диспансеров пока возможно только очно).

Расходы на образование, науку и здравоохранение сегодня являются базовыми для развития человеческого потенциала. Экономически развитые страны за последние десятилетия постоянно увеличивают финансирование данных отраслей: расходы США на здравоохранение составили 2695 млрд. долл. в 2011 г. (17,9% к ВВП, что в 1,5 раза больше, чем в других странах на душу населения), в Канаде – 192 млрд., или 10,4% ВВП в 2010 г., Японии – 7,2%, в Бразилии – 7,9%, в Колумбии – 8,1% в 2005 г., в Норвегии – 6,9% ВВП, в Израиле – 6,0%, во Франции – 11,2% ВВП в 2008 г., в то время как в России – 3,7% ВВП [3, с. 19]. Одни ученые видят перспективы в увеличении финансирования и «активном использовании наработок государственных исследовательских центров, осуществляющих широкий спектр научных исследований в сфере здравоохранения, частными фирмами – производителями лекарств, медицинской и исследовательской техники и диагностической аппаратуры, что существенно повышает эффективность всей системы здравоохранения»

[6, с. 110], как это принято в развитых странах, другие ищут пути, позволяющие улучшать состояние здоровья населения, не прибегая к существенному росту затрат: «За счет раннего выявления и комплекса мер профилактики и лечения сердечно-сосудистых и некоторых онкологических заболеваний … затраты на 1 год сохраненной жизни оказались ниже, чем ВВП на душу населения, а возврат инвестиций за счет сохранения трудового потенциала экономически активного населения составил 10 руб. на каждый вложенный рубль в течение 10 лет» [5, с. 9]. После указа ученые ожидали «реализации наиболее востребованных инновационных проектов, в первую очередь, в сфере диагностики и профилактики заболеваний, геномных и постгеномных технологий создания лекарственных средств» [8, с. 53]. Опрос показал, что в отношении развития наук о жизни эксперты настроены в целом пессимистично (табл. 3).

Таблица 3

Мнение экспертов о том, изменилось ли что-то в развитии наук о жизни, в частности, угроз высокой смертности из-за сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний, недостаточной эффективности существующих мер по предупреждению инфекционных заболеваний, высокой стоимости лекарственной терапии социально значимых заболеваний, критического отставания научно-исследовательской и производственно-технологической базы биотехнологий, недостаточных инвестиций бизнеса в развитие биотехнологических производств после Указа Президента РФ, в %

Произошли существенные изменения	3,8
Изменения в целом произошли	23,2
Изменения не произошло	34,6
Затрудняюсь ответить	26,9
Другое мнение	11,5
Итого	100,0

Эксперты отметили, что, хотя меры по предупреждению инфекционных заболеваний и улучшаются, инвестиции в медицину недостаточны, из-за чего не достигнуты те успехи, которых можно было бы добиться за последние шесть лет; также отмечены низкое качество подготовки медицинских работников, переход к коммерциализации, которая губительна для российских медицины и образования, отсутствие снижения смертности (а в отдельных регионах – и повышение), особенно от сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний, в том числе среди молодых людей; отсутствие развития технической базы, повышение стоимости медицинских услуг и лекарств; сильное отставание медицины на периферии.

Вопрос усиления военной мощи государства за последние шесть лет получил еще большую актуальность, чем во время принятия указа. Ученые полагают, что долгосрочный рост может быть связан с развитием «в таких отраслях, как … производство вооружений, военной техники, летательных аппаратов, энергетического оборудования, грузовиков отдельных классов и т.д., Россия способна выступать технологическим донором и центром компетенций глобального уровня» [1, с. 15]. Среди экспертов 57,8% отметили, что в российском оборонно-промышленном комплексе за последние годы изменения произошли (табл. 4).

Таблица 4

Мнение экспертов о том, изменилось ли что-то в развитии производства перспективных видов вооружения, военной и специальной техники после Указа Президента РФ, в %

Произошли существенные изменения	34,6
Изменения в целом произошли	23,2
Изменения не произошли	7,7
Затрудняюсь ответить	26,8
Другое мнение	7,7
Итого	100,0

В комментариях эксперты единогласно отметили неизменное еще со времен СССР лидерство России в военных разработках и производстве вооружения. Такое положение объясняется инвестициями государства в военно-промышленный комплекс, многократно превышающими вложения в остальные сферы. По мнению отдельных экспертов, военно-политическое и военно-техническое сотрудничество с другими государствами даст не менее положительный эффект при отражении нападения, само же производство вооружения обходится чрезвычайно дорого для страны.

Вопрос рационального природопользования, как отмечали ученые еще в 2011 г., «имеет … высокий уровень важности, целый ряд разработок здесь соответствует мировому уровню, в частности, технологии оценки ресурсов и прогнозирования состояния литосферы и биосферы… В качестве эффектов можно ожидать улучшения условий жизни населения, укрепления экологической безопасности за счет снижения рисков аварий и катастроф, восстановления и более рационального использования природных ресурсов» [8, с.54]. Вопрос эксплуатации природных ресурсов для России имеет особенно важное значение с точки зрения российской экономики: «Ключевым вопросом осуществления комплекса эколого-экономических мер был, есть и остается вопрос финансового обеспечения» [11]. По мнению лишь 30,7% экспертов, за последние 6 лет во внедрении рационального природопользования произошли изменения (табл. 5).

Таблица 5

Мнение экспертов о том, изменилось ли что-то в рациональном природопользовании (система деятельности, призванная обеспечить наиболее эффективный режим воспроизводства и экономной эксплуатации природных ресурсов с учетом перспективных интересов развивающегося хозяйства и сохранения здоровья людей после Указа Президента РФ, в %

Произошли существенные изменения	3,8
Изменения в целом произошли	26,9
Изменения не произошли	50,0
Затрудняюсь ответить	19,3
Другое мнение	0,0
Итого	100,0

По мнению относительно небольшой части экспертов, промышленной экологии и негативным последствиям индустриализации сегодня уделяется больше внимания, разрабатываются и совершенствуются инженерно-технические средства защиты окружающей среды. Подавляющее же большинство экспертов указали на отсутствие интереса властных органов к прорывным научным разработкам в этой сфере и их внедрению в практику. По их мнению, остались на том же уровне или даже увеличились вырубка лесов, неразумное использование невосполнимых природных ресурсов в интересах политической и экономической верхушки, особенно добыча и переработка нефти и ее производных, в результате чего, в частности, сведены к минимуму или уничтожены запасы многих видов рыб и морепродуктов. Специалисты подчеркнули необходимость четкого установления правовых критериев рационального использования природных богатств.

Для развития транспортных и космических систем, выделенных в указе, предполагалось «создание ракетно-космической и транспортной техники нового поколения и интеллектуальных систем управления» [8]. США, являющиеся сегодня мировым лидером в космической промышленности, стали таковым благодаря частным компаниям, которые «предлагают существенно более низкие расценки на услуги по выведению космических аппаратов на орбиту по сравнению с традиционными государственными игроками во многом благодаря оптимизации производственных цепочек. Глобализация этой модели обеспечит эффективную экономию на издержках за счет аутсорсинга и поставит под угрозу конкурентоспособность отечественных производителей с высоким уровнем вертикальной интеграции и относительной себестоимостью ракет-носителей» [1, с. 14]. В отношении

развития транспорта ожидались «увеличение экономичности перевозок за счет снижения расхода топлива, создание новых экологичных видов транспорта; появление новых видов инновационной продукции, не имеющих мировых аналогов» [8], при этом наилучшим способом повышения эффективности системы транспортных перевозок является «одновременное осуществление технических и институциональных инноваций» [8]. Эксперты высказали собственный взгляд на развитие транспортных и космических систем (табл. 6).

Таблица 6

Мнение экспертов о том, изменилось ли что-то в развитии транспортных и космических систем после Указа Президента РФ, в %

Произошли существенные изменения	3,8
Изменения в целом произошли	19,2
Изменения не произошли	30,7
Затрудняюсь ответить	46,3
Другое мнение	0,0
Итого	100,0

Большинство экспертов негативно высказались об обсуждаемых сегодня в СМИ многоразовых космических системах в связи с высокой стоимостью их эксплуатации, которая превышает ожидаемую выгоду от их использования. В отношении развития транспортной системы специалисты отметили изменения, например, рассмотрение на высших государственных уровнях транспортных инфраструктурных мегапроектов, таких как «Единая Евразия – ТЕПР», взаимоувязывающих социальную, политическую, экономическую проблематику.

Последним приоритетным направлением развития науки, установленным указом, является энергоэффективность, энергоснабжение и ядерная энергетика. Ожидалось, что внедрение водородной энергии повлечет за собой «повышение энергоэффективности, снижение энергопотерь при транспортировке, сокращение загрязнения окружающей среды. Будут разработаны новые виды топлива, что позволит добиться устойчивого энергоснабжения различных объектов». Эксперты подчеркнули «как важность законодательства об энергосбережении в зданиях, так и сложность его практического осуществления» [8] (табл. 8).

Таблица 8

Как Вы считаете, в Российской Федерации что-то изменилось в энергоэффективности, энергосбережении, ядерной энергетике после Указа Президента РФ, в %

Да	15,4
Скорее, да	19,3
Нет	34,6
Затрудняюсь ответить	26,9
Другое мнение (напишите)	3,8
Итого	100,0

Эксперты не заметили в последние годы каких-либо действий по сбережению и повышению эффективности любого вида энергии. Для этого было предложено использовать налоговое стимулирование и нормативное регулирование энергетической эффективности и энергосбережения; перейти на доступные технологии; развить системы стандартизации и маркировки энергоэффективности зданий и сооружений, оборудования и техники, запретить производство ламп накаливания большой мощности (по мнению одного из экспертов, последняя мера приведет к самому быстрому и очевидному энергосбережению).

Заключение

В статье были рассмотрены приоритетные направления развития науки и технологий, установленные указом в 2011 г., и работы ученых 2011-м и последующих лет, позволившие нам «более тесно увязать научно-технологические приоритеты с реальными потребностями экономики и общества» [8, с. 56], существовавшими в тот период, обрисовать их краткосрочные и долгосрочные ожидания. Также в статье были рассмотрены рекомендации, выдвигаемые представителями соответствующих наук, направленные на развитие указанных направлений. В заключение рассмотрения каждого направления мы представили данные опроса экспертов, проведенного в мае 2017 г., о сегодняшнем состоянии и динамике развития указанных в перечне наук.

Три четверти экспертов (76,8%) отметили улучшение системы обеспечения безопасности и противодействия терроризму (здесь и далее учитываются варианты «да» и «скорее, да»): люди чувствуют себя в большей безопасности, частота терактов снизилась. Почти столько же опрошенных (73,1%) подтвердили высокий уровень развития информационно-телекоммуникационных технологий за последние 6 лет (после вступления в силу указа), однако в комментариях было отмечено, что прогресс данной сферы не связан с действием государства, наоборот, оно недостаточно эффективно использует возможности ИКТ. Больше половины респондентов (57,8%) отметили прогресс в производстве перспективных видов вооружения, военной и специальной техники, однако и в 2011 году, и сегодня господствует мнение о важности дипломатического, а не военного, решения международных проблем, что позволило бы России перенаправить большую часть бюджетных средств на более социально значимые цели. 4 из 10 опрошенных (42,3%) довольные успехами России в производстве наносистем, каждый третий отметил положительные перемены в энергоэффективности, энергосбережении, ядерной энергетике (34,7%) и рациональном природопользовании (30,7%). Ниже всего респонденты оценили развитие наук о жизни (27,0%) и транспортных и космических систем (23,0%). Меньше всего опрошенные были информированы о состоянии транспортных и космических систем (вариант «затрудняюсь ответить» выбрали 46,3%), развитии наук о жизни, производстве перспективных видов вооружения, военной и специальной техники и сферы энергоэффективности, энергосбережении, ядерной энергетике (26,8–26,9%).

Таким образом, почти половина ответов респондентов (45,7%) показывает положительную динамику развития перечисленных в указе направлений науки, технологий и техники (17,3% ответов «да» и 28,4% – «скорее, да») с точки зрения экспертов. В среднем четверть ответов (25,5%) была отрицательной, 23,1% – «затрудняюсь ответить», что показывает достаточно низкую информированность населения о состоянии приоритетных направлений науки и вызывает серьезную озабоченность. На наш взгляд, государство должно заниматься просвещением граждан об успехах наук, которые оно определило как приоритетные.

Развитие науки, технологий и техники в России сегодня – очень энергоемкое и экономически затратное направление, которое требует скооперированных усилий огромного числа участников: «Механизм реализации принимаемых решений требует взаимодействия социума и власти, так как политика преобразований должна опираться на все социальные слои общества, а система властных (государственных) органов в целом должна быть подотчетной гражданам» [4, с.20]. Проведенное исследование показывает первоначальные ожидания и краткосрочные результаты, которых удалось достичь в заявленных направлениях после принятия указа в 2011 г. и которые позволяют прогнозировать дальнейшие успехи в науке, технологиях и технике и в итоге – улучшение социальной и экономической жизни России.

Список литературы

1. Апокин А. Долгосрочные социально-экономические вызовы для России и востребованность новых технологий / Апокин А., Белоусов Д., Сальников В., Фролов И. // Форсайт. 2015. Т. 9. № 4. С. 6–17.

2. Гиглавый А.В. Долгосрочные тренды развития сектора информационно-коммуникационных технологий / Гиглавый А.В., Соколов А.В., Абдрахманова Г.И., Чулок А.А., Буров В.В. // Форсайт. 2013. Т. 7. № 3. С. 6–24.

3. Супян В.Б. Государственные социально-экономические приоритеты: опыт США и интересы России / Супян В.Б.? Васильев В.С., Кочетков Г.Б., Лебедева Л.Ф., Портной М.А. // США и Канада. Экономика, политика, культура. 2007. № 4(427) (апр.). С.3–24.

4. Дзуцев Х.В. Этносоциологический портрет республик Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2012. 734 с.

5. Концевая А.В. Социально-экономическая эффективность диспансеризации 2013 года в Российской Федерации / Концевая А.В., Калинина А.М., Бойцов С.А., Ипатов П.В. // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2014. 13(3). С. 4–10.

6. Масленников М.И. Развитие человеческого потенциала в России и зарубежных странах // Экономика региона. 2013. № 3. С 101–112.

7. Миндели Л.Э., Черных С.И. Приоритеты в развитии науки и технологий и приоритетные направления исследований Российской академии наук // Экономическое возрождение России. 2014. № 1(39). С. 6–14.

8. Позняк А.Ю., Шашнов С.А. Научно-технологические приоритеты для модернизации российской экономики // Форсайт. 2011. Т. 5. № 2. С. 48–56.

9. Россия в цифрах: 2017. М.: Росстат, 2017.

10. . Стрелецкий А.Д. Патентный ландшафт сферы нанотехнологий / Стрелецкий А., Забавников В., Асланов Э., Котлов Д. // Форсайт. 2015. Т. 9. № 3. С. 40–53.

11. Хусаинова Л.Н. О финансовом обеспечении рационального природопользования и охраны окружающей среды // Журнал новой экономической ассоциации. Приложение. Второй всероссийский экономический конгресс. Суздаль, 22 февраля 2013 г. Конференция молодых ученых. 2014. №1. С. 185–190.

12. Цветков В.А. Институционально-организационные особенности трансграничных перевозок грузов в условиях интеграции на постсоветском экономическом пространстве. Часть 1 / Цветков В.А., Зоидов К.Х., Медков А.А., Ионичева В.Н. // Экономика региона. 2015. № 4 (44). С. 249–259.

13. Якубсон В.М. Энергоэффективность переходит на новый уровень // Инженерно-строительный журнал. 2012. № 8 (34). С. 3.

А.В. Дмитриев

ДИАСПОРЫ И ЗЕМЛЯЧЕСТВА В РЕГИОНАХ: ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ[8]

Аннотация. *Оценены миграционные процессы на территории России, влияющие на структуру населения большинства российских регионов и выступающие конфликтогеном в межнациональных отношениях. Отмечено, что эти процессы способствуют образованию таких быстрорастущих социальных групп как диаспоры и землячества, объединить которые в многонациональном российском обществе возможно лишь посредством консолидации нравственных основ русской культуры.*

[8]Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 15-18-00093

Ключевые слова: *регионы, диаспоры, землячества, мигранты, культурная идентичность.*

A.V. Dmitriev

DIASPORA AND COMMUNITIES: PROBLEMS OF CULTURAL IDENTITY

Abstract. *Migration processes on the territory of Russia are considered as factors that affect the population structure of most Russian regions and act as a conflict in interethnic relations. The author noted that migration processes contribute to the formation of such fast-growing social groups as diasporas and communities, which can be combined in a multinational Russian society only through the consolidation of the moral basics of Russian culture.*

Keywords: *regions, Diasporas, communities, migrants, cultural identity.*

Когда я выступаю на эту тему, то в обычно качестве общей гипотезы исхожу из положений так называемого культурного поворота *(cultural turn)* Дж.С. Александера. Если раньше, особенно в духе марксистской традиции, культура рассматривалась как переменная (надстройка), то в настоящее время социологи указывают не только на ее значимость, но и на ее заметную автономию. Ее воздействие довольно часто определяет социальное поведение людей.

При анализе проблемы, вынесенной в заглавие, будем считать, что полиэтничность является одним из самых важных факторов социально-экономического, культурного и политического развития как России в целом, так и ее отдельных регионов. Несмотря на то, что население России издавна было полиэтничным, его этнокультурное разнообразие еще более усложнилось, когда сразу после распада Советского Союза Россия принимала беженцев и вынужденных переселенцев из новообразованных независимых государств. Кроме того, 2000-е гг. внесли свою лепту в усложнение этнокультурного состава российского населения и трудовой миграции, прежде всего из стран, ранее составлявших единое государство – Советский Союз. В последние годы возросло число украинских граждан и мигрантов из Средней Азии. В результате этих миграционных процессов на территории России к уже сложившимся этническим группам добавляются новые. Существующие диаспоры можно разделить на две категории.

Первая – это *диаспоры,* или общности представителей народов, составляющие население Советского Союза, но в настоящее время проживающие дисперсно в разных российских регионах. Несмотря на некоторые общие характеристики, они не являются монолитными социальными группами. Их структура определяется множеством социальных, экономических и культурных факторов, среди которых значимы динамика и размер миграционных потоков в советский и постсоветский периоды; политические и экономические особенности страны исхода; история страны в составе Российской империи и затем СССР. В связи с этим более правильным было бы обозначить их как диаспорные сообщества, что позволяет показать, что любая современная диаспора в российских регионах неоднородна по своему социально-культурному составу, включает в себя как давно интегрированные слои, так и недавних трудовых мигрантов.

Вторая категория некоренных этнических групп в российских регионах формируется преимущественно вследствие внутренней миграции. Ее мы обозначим как *землячества,* или *этнически маркированные сообщества*, имеющие общность происхождения из другого российского региона и связавшие свою жизнедеятельность с территорией нынешнего проживания. В структуре населения большинства российских регионов, как правило, представлены обе категории указанных сообществ.

Как диаспорные группы, так и землячества наряду с остальным местным населением являются чаще всего активными субъектами (акторами) региональных социумов и

существенно влияют на все стороны жизни в регионах. Причем сложная структура взаимоотношений разных акторов, характеризующихся многомерной идентификацией, с одной стороны, определяет социально-идентификационные особенности конкретного региона, а с другой – в свою очередь определяется ими.

В списке проблем межнациональных отношений особо выделим одну, связанную с формированием культурной общности народов, населяющих все регионы России, в том числе и наши модельные. В связи с этим сделаем оговорку, что понимание культуры в данном случае не включает предметы материальной характеристики. Оно означает язык, религию и организацию, а также системы ценностей, символы и их трактовку, нормы, нравы и традиции, которые присущи членам тех или иных этнических сообществ.

Исследований на тему культурной идентичности множество, и нет смысла их комментировать и тем более оценивать. Задача иная: предоставить слушающей и читающей аудитории некоторые итоги экспертного опроса, проведенного сотрудниками Института социологии РАН в конце 2015 г. В нем экспертами трех регионов (Краснодарский край, Тюменская и Нижегородская области) в ходе интервью были высказаны интересные идеи, с которыми можно соглашаться и которые можно, разумеется, не разделять. У федеральных и региональных специалистов были несколько различные мнения по оценке ситуации, сложившейся в отношениях диаспорно-земляческих групп с местным населением и властями, тем не менее общие тенденции, кажется, удалось «нащупать».

У некоторых экспертов существует нечеткое представление о разнице между диаспорами и землячествами. Количественный и качественный анализы медийного дискурса о диаспорах и землячествах также показали, что всем типам российских СМИ также свойственна путаница между этими понятиями. По-видимому, понятие «диаспора» для них имеет больше интерпретирующих возможностей, чем слово «землячество».

Наибольший интерес экспертов в контексте вопросов, связанных с «диаспорами» и «землячествами», представляют проблемы внутрирегиональной политики, законодательства, правового регулирования межэтнических отношений, особенно при обсуждении вопросов миграции. Многие эксперты на первое место ставят проблематику культуры, и чаще всего она касается информации о национальной культуре, традициях, обычаях, а также достижениях в культуре представителей того или иного этноса. Анализ ответов показывает, что в целом отношение к проблемам диаспор, национальных объединений и земляческих групп у большинства экспертов чрезвычайно осторожное.

Ответы на вопрос: *«Что, на ваш взгляд, в отношениях диаспор / землячеств в Российской Федерации выступает проблемным с точки зрения социальной напряженности и конфликтности?»* эксперты проранжировали следующим образом:

- незнание норм культуры диаспор/землячеств;
- несоблюдение норм культуры принимающего общества;
- занятие нелегальными (антиправовыми) видами деятельности;
- конкуренция за рабочие места;
- конкуренция в сфере бизнеса.

Наиболее проблемными моментами с точки зрения социальной напряженности и конфликтности в отношениях диаспор/землячеств в Российской Федерации, по мнению экспертов, по значимости оказались:

- навязывание своих норм культуры принимающему обществу (25,2% ответов);
- несоблюдение норм культуры принимающего общества (21,7%).

Исследования показали, что степень включенности мигрантов в культуру местных сообществ в последнее десятилетие зависит от сфер жизни, но, по оценке экспертов, в целом степень их интеграции в российское общество невелика. Так, наиболее успешно мигранты интегрированы в экономическую сферу. Эксперты оценивают эту включенность в среднем на 3 балла из 5. Слабее отмечена включенность мигрантов в социальную сферу и составляет по оценкам экспертов в среднем 2,4 балла из 5. Слабо или крайне слабо постоянные

трудовые мигранты включены в культурную сферу местных сообществ –1,8 балла из 5. Включенность же мигрантов в институты гражданского общества еще ниже и составляет примерно 1,3 балла из 5. Таким образом, перспектива интеграции трудовых мигрантов в российское общество весьма туманна.

Проблемными оказались и возможные изменения ментальности все новых и новых членов диаспор. Культурные составляющие диаспор разнообразны так же, как и разнообразны их региональные особенности.

В конечном счете предполагается разработка региональных прогнозируемых моделей межэтнических отношений по позитивному, негативному и вероятностному сценарию. Культуролистские модели, по нашему мнению, − наиболее сложная задача, если едва не выполнимая, если исходить из того, что суть любого научного метода – замена реального объекта его моделью. Чтобы познать реальность межэтнических отношений или хотя бы понять фрагменты этой реальности – диаспоры и землячества, любой исследователь из всего многообразия длительных или случайных контактов между людьми, точнее групп людей, выбирает то, что считает необходимым и, главное, существенным. В общем, упрощенное описание добытого материала и есть так называемая модель. Проблема, впрочем, в том, что в упрощении сложных связей неизбежно встречаются трудности и риски, превращающие сложный объект исследования в простую схему (редукционизм).

Другая проблема появляется при трактовке экспертами роли региональных диаспор и землячеств в культурной сфере. Общий анализ полученных материалов показал, что советское наследие явно довлеет. Оценивать положительные либо отрицательные его воздействия не входит в нашу задачу, однако проявленное стремление экспертов сохранить прежние стандарты налицо. И это на фоне того, что происходит в реальности. По-видимому, можно согласиться с тем фактом, что в основе советской идентичности лежит культурная традиция, которая не является ни суммой национальных культур народов, ни воплощением имперской идеологии. Эта традиция, может, и была лишена «исторических корней», но развивалась быстро и бурно, породив многообразие и богатство, которому могут позавидовать многие формировавшиеся веками «национальные» культуры. Советская культура оказалась таким значимым явлением, одновременно целостным и многообразным, что представляет собой мощный центр притяжения в течение уже 20 лет, последовавших после распада СССР. Культурная жизнь новой России, большинства других бывших союзных республик оказалась не в силах составить достойную конкуренцию данному культурному наследию, которое, как выяснилось, по большей части, невозможно развести по «национальным квартирам».

Парадоксально, но субкультуры, находящиеся на краю, с позиций некоторых федеральных экспертов, представляющих доминирующую культуру с «советским» содержанием, интерпретируются как «не свои», «чужие» и признаются, таким образом, в качестве маргинальной культуры. Региональные эксперты, признавая наши проблемы культурного взаимодействия диаспор и землячеств с местным населением, выражают явное стремление сформировать позитивный региональный имидж. Как бы то ни было, эксперты считают, что эффективность местных программ развития требует, по меньшей мере, их согласованности с культурными особенностями и менталитетом регионального сообщества. В то же время, признавая права национальных меньшинств на культурно-национальную автономию (без противоречий с федеральным законодательством), нельзя не согласиться с необходимостью консолидации разных народов страны на нравственных основах русской культуры. Именно она и только она сможет объединять полиэтническое российское сообщество, играя решающую роль в предстоящей модернизации страны.

А.В. Жаворонков

ИЗМЕРЕНИЕ «РЕЙТИНГОВ» ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ

Аннотация. *Рассмотрена динамика и структура оценок населением РФ исполнения властных полномочий действующих политиков и некоторых деятелей исторического прошлого. Выявлено, что структура массового сознания инвариантна в оценках одних лиц по уровню властных полномочий, и изменчива в таких оценках в определенных обстоятельствах по отношению к другим лицам. Последнее свидетельствует о некоторых социально-культурных стереотипах, сохраняющихся из исторического прошлого страны. С помощью сопоставления нормированных оценок в контурах «исполнение властных полномочий» – «принятие политика в качестве «свой/чужой» построены Евклидовы расстояния между парами политических деятелей, свидетельствующие о разнонаправленности и нечеткой выраженности структур массового сознания в рамках классовых и признаков и характеристик стратификации. В то же время расстояния между теми же парами в слоях, выделенных на основе корреляционного анализа оценок разных людей и показывающих степень однородности массового сознания, монотонно возрастают или убывают практически в параметрах прямой зависимости. Это открывает перспективу методической операционализации превращенных форм массового сознания в эмпирических исследованиях и построения реальных по социальной ориентации слоев, кристаллизуемых в процессе социального взаимодействия.*

Ключевые слова: *политические деятели, матрицы распределения частот, энтропия и взаимная сопряженность, Евклидово расстояние.*

A.V. Zhavoronkov

THE MEASUREMENT IS «RATINGS» POLITICIANS

Abstract. *The dynamics and structure of the estimated population of the Russian Federation active politicians and some of the historical figures of the past. It is revealed that the structure of the mass consciousness is invariant in the assessments of one person's level of authority and changeable in such estimates in certain circumstances in relation to others. The last testify to certain socio-cultural stereotypes that persist from the historical past of the country. By mapping the normalized estimates in the contours of «enforcement authority» – «the adoption of the policy as a «friend/foe» built of Euclidean distances between pairs of political figures, testifying to the diversity and severity of fuzzy structures of the mass consciousness within the class and signs and characteristics of stratification. At the same time, distances between the same pairs of layers, selected on the basis of correlation analysis of evaluations of different people and showing the degree of homogeneity of the mass consciousness, monotonically increase or decrease almost in direct proportion parameters. It opens the prospect of methodological operationalization of modified forms of the mass consciousness in empirical research and build a real social orientation of the layers formed in the process of social interaction.*

Keywords: *political figures, matrices, frequency distribution, entropy and mutual correlation, Euclidean distance.*

Дифференциация различных слоев нашего общества по отношение к деятелям исторического прошлого и действующим политикам давно должна была стать одним из объектов социологического изучения. Еще в 1967 г. в планах реализации генерального проекта «Общественное мнение» (далее ПОМ) были запланированы два «парных» исследования-зондажа общественного мнения по проблемам истории, политической и экономической жизни страны и по проблемам культуры, науки и искусства. Они предусматривали параллельно с их проведением широкомасштабные процедуры анализа

содержания центральных и местных СМК по этим же вопросам [3]. Этот замысел не был тогда реализован, хотя предусматривал глубокие интервью, содержащие, в частности, вопросы об отношении к политике Сталина в различные периоды его правления. Лишь спустя 30 лет удалось начать ««оценочные» замеры рейтинга политиков РФ, некоторые результаты которых были опубликованы [2]. С 2014 г. в рамках пролонгации методик ПОМ в трех разных исследованиях респонденты стандартно оценивали роль политиков (от 30 до 40 имен, 27 из которых повторялись в каждом замере)*. Вопрос задавался следующим образом:

25. Перед вами список политиков разного «калибра» как ныне здравствующих, так и ушедших, что не имеет значения: ведь **направления их политики могут продолжаться**.
Прочтите сначала внимательно весь этот список**, а затем оцените, насколько, по-Вашему, хорошо в интересах общества распоряжаются (распоряжались ранее), своими властными полномочиями эти люди?**
(Сделайте это так: если, по-вашему, властная роль Ливанова, к примеру, выполняется им отлично, поставьте в клетку напротив его фамилии «5», хорошо - «4», удовлетворительно - «3», плохо - «2», очень плохо – «1»; если Вы затрудняетесь дать оценку или вообще не слышали о таком политике, поставьте «9»).

12. Ливанов Оценка

Результаты обработки ответов на этот вопрос разнообразны. Начнем с одного из них: устойчивости совмещенных оценок двух важных фигур нашей истории. Затем перейдем к некоторым другим результатам (табл. 1).

Таблица 1

Структуры распределения ответов респондентов в 2014-2016 гг. по объединенным оценкам исполнения властной роли в интересах общества Лениным и Сталиным

(в % к величинам массивов в целом и, по группам подлежащего и в знаках отклонения)*

ОЦЕНКИ			СТАЛИН											
			ЗАМЕР 2014 г. n=1423				ЗАМЕР 2015 г. n= 595				ЗАМЕР 2016 г. n=2105			
			«1-2»	«3»	«4-5»	s	«1-2»	«3»	«4-5»	s	«1-2»	«3»	«4-5»	S
ЛЕНИН		**S**	19	24	57	100	18	30	52	100	16	24	60	100
	S %	**«1-2»**	9	5	8	22	9	5	5	19	8	4	7	19
		«3»	5	8	11	24	5	12	8	25	4	11	12	27
		«4-5»	5	11	38	54	4	13	39	56	4	9	41	54

* Замеры 2015–16 гг. выполнены в рамках проекта РНФ №15-18-30077: «Гражданская экспертиза проблемы реформирования властно-управленческой вертикали в контексте процессов социокультурной модернизации регионов: от мониторинга состояний до прогнозного проектирования», реализуемого Центром социологии управления и социальных технологий РАН с 2015 г. (руководитель А.В. Тихонов). Замер 2014 г. проведен совместно Институтом социологии РАН (вышеуказанный центр), коллективом Кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ, Научно-исследовательским центром Фонда Андрея Первозванного и Институтом социальной педагогики РАО в ходе реализации всероссийского социологического опроса «Диагностика состояния образа жизни и перспектив системы управления в России». Он прошел в 10 регионах, в то время как замер 2015 г. проходил в 4, а 2016 г. в 7 регионах. Таким образом, наши данные охватывают трехлетний период суммарно по 21 региону.

* Один знак «+» или «-» обозначает отклонение веса в % в группе от веса в целом по массиву в соответствующем направлении в 80% доверительном интервале. Два знака - в 90%, а три - в 95% доверительных интервалах. Знак «±» обозначает отклонение в доверительном интервале ниже 80%, чем можно пренебречь в анализе. Знак «●» в этой таблице обозначает, что параметр не имеет смысла.

		S	19	24	57	100	18	30	52	100	16	24	60	100
	%	**«1-2»**	42	20	38	100	46	28	26	100	41	24	35	100
		«3»	20	34	46	100	22	47	31	100	14	41	45	100
		«4-5»«	10	20	70	100	7	23	70	100	8	16	76	100
	ЗНАК	**«1-2»**	+++	–	⟶	●	+++	±	⟶	●	+++	±	⟶	●
		«3»	±	+++	⟶		+	+++	⟶		–	+++	⟶	
		«4-5»	⟶	⟶	+++		⟶	⟶	+++		⟶	⟶	+++	

Из данных табл. 1 следует: **во-первых**, примерно у 40% населения исполнение властной роли в интересах общества и Лениным, и Сталиным одинаково хорошо (совпадение оценок на «4» и «5» в 38–39–41%). Около 10% (9–9–8% по замерам) устойчиво считают, что оба руководителя эту роль выполнили плохо (совпадение оценок «1» и «2»). Около 20% (21–22–17% по замерам; заливка вниз от «диагонали») ставят Ленину более высокую оценку, чем Сталину. Около 20% (24–18–23% по замерам: заливка вверх от «диагонали») ставят Сталину более высокую оценку, чем Ленину. Около 10% (8–12–11% по замерам) оценивают деятельность и того и другого в интересах общества на «троечку». **Во-вторых**, отклонения в долях, тяготеющих в слоях с низкой, средней, высокой оценкой роли Ленина к определенной соответствующей оценке роли Сталина, говорят об устойчивых общественно-политических и мировоззренческих стереотипах во взглядах населения на историю. «И ненавидим мы, и любим...» ***не случайно!*** У ставящих Ленину плохие оценки **отклонения** оценок по Сталину в худшую сторону значительнее, чем у ставящих тому и другому хорошие (+23, +28, +25% от средней по замерам у первых против +13, +18, +16% у вторых). В слое, ставящем «удовлетворительно» и Ленину, и Сталину, эти отклонения составляют от средней +10, +17, +17%. Эта связь остается четко выраженной за все три замера с 2014 по 2016 годы. Все отклонения, кроме одного-двух, незначительно «флуктуирующих» при каждом замере, фиксируются нашими программами обработки как значимые по критерию Стьюдента с 95% и 90% доверием. **В-третьих**, значения коэффициента Фі 0,364-0,481-0,436 соответственно замерам говорят о высокой взаимной сопряженности распределения оценок в таблице с четырьмя степенями свободы, а значения нормированной энтропии 0,878-0,857-0,850 (вместе с распределением частот в таблице 1 ***свидетельствуют об устойчивой поляризации общественно-политических взглядов в виде их дифференциации с одновременным стягиванием к некоторому доминирующему центру***.

Главный же вывод состоит в том, что, несмотря на региональную и временную дифференциацию объектов исследования, в массивах на 5000 опрошенных **получена картина, которая свидетельствует об обнаружении инвариантного синдрома*.**

Я далек от того, чтобы давать здесь политические и классовые оценки данной картине. Для этого нужна работа в рамках исторической социологии с привлечением статистических данных, начиная с 1917 года и заканчивая исследованиями функционирования представительной власти в нашей стране. Однако все же следует сказать, что данный социологический метод позволил обнаружить важное социальное явление. Попытки размежевания ленинизма и сталинизма периодически происходили в идеологическом смысловом поле нашего общества. Обычно они кончались ожесточенной полемикой либералов и консерваторов, которая преследовала корпоративные интересы и, способствуя провалу этих попыток, препятствовала консолидации общества вокруг идеи

* На пересечении ответов с оценками политики Ленина и Сталина это число составило 4123 респондента.

преодоления форм гражданской войны, возрождающихся в различных социальных практиках. Изучение этого, отнюдь не частного, идеологического водораздела нашего общества скрупулезно и хорошими методами дает возможность избавиться от повторения подобных ошибок не только в рамках профессионального историзма, но и в политических движениях широкой публики.

Но обратимся к рейтингу политиков наших дней. По указанному выше вопросу в разное время были собраны «отметки» нескольких списков политиков от 19 до 40 фамилий. Распределение политиков по суммарной оценке от самой низкой до самой высокой давало Гауссову кривую (по второй производной) в каждом из замеров 1999, 2004, 2014, 2015, 2016 гг. (Питер 1999 г. n 1550, список в 19 фамилий; Москва 2004 г. n 131, список в 29 фамилий; РФ 2014 г. n 1890, список в 40 фамилий; Республика Башкортостан и Московская область 2015 г. n 880, список в 30 фамилий; РФ 2016 г. n 3451, список в 30 фамилий). В трех последних замерах «сквозным» был список в 27 фамилий. Если мы вычтем у каждого респондента из оценки того или иного политика среднюю у этого респондента по всем политикам, то получим поляризацию спектра политических номиналий. При предельно допустимом разбросе оценок от «+2» до «-2» реальные значения уже в малых группах-выборках практически не выходят за границы от «+1» до «-1». Это значит, что в обществе существуют мощные факторы-детерминанты, препятствующие разбросу оценок. В 1999 и 2004 гг. «рекордсменами» под «-1» стабильно были Борис Ельцин и Анатолий Чубайс. Нынешняя картина отражена на рис. 1.

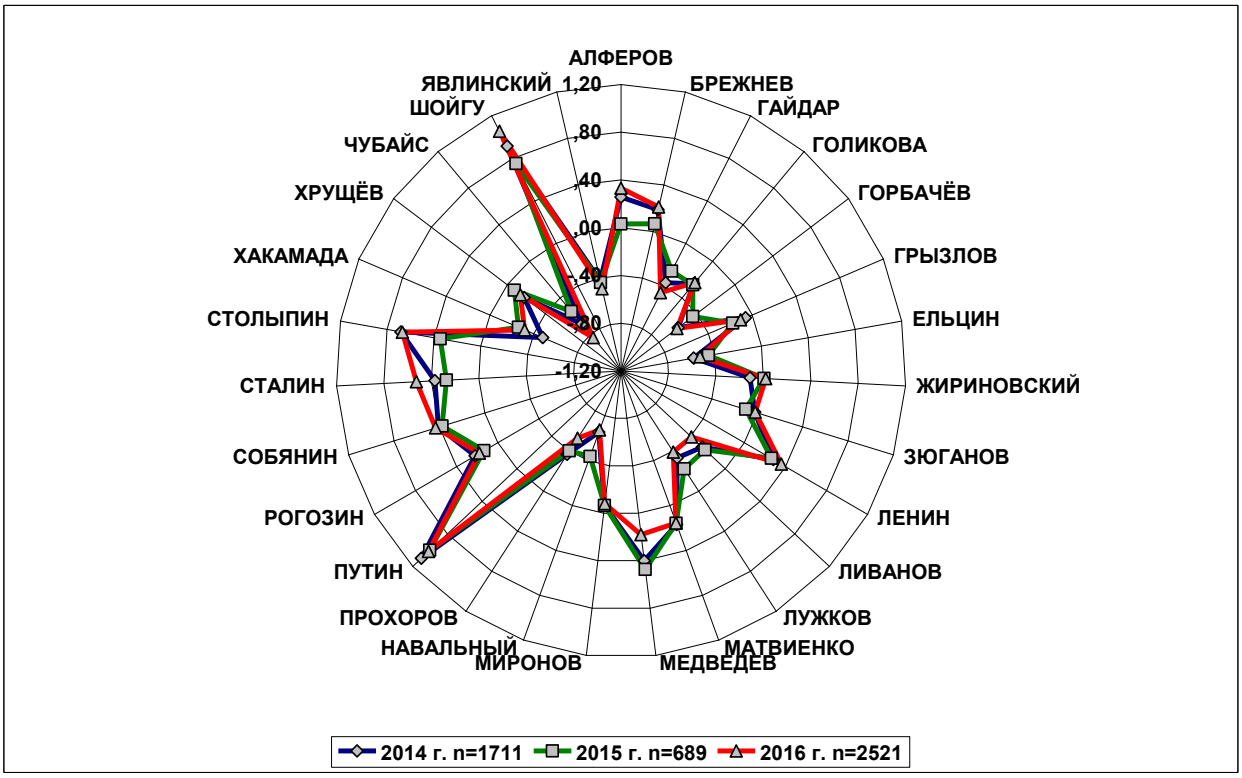

Рисунок 1. Политические ориентации населения в 2014–2016 гг.
(в поляризованных оценках от средней)

Распределения отклонения оценок по тому или иному политику за три года в совершенно различных регионах очень устойчивы. Есть отклонения, особенно за 2015 г. (Республика Башкортостан и Московская область), по оценкам шести «действующих лиц»: занижение оценок Алферову, Брежневу, Сталину, и завышение Медведеву, Лужкову и Ливанову, но это пока нельзя объяснять региональными особенностями, хотя в замерах 2014 и 2016 гг. указанные два региона не присутствуют (чуть позже на дополнительных данных, возможно, найдется объяснение данному явлению). Безусловными успешными фаворитами политической арены являются Путин и Шойгу. Аутсайдеров возглавляют Чубайс (как всегда

с большим отрывом), Навальный, Горбачев, Ельцин, Ливанов, Лужков, Прохоров. Однако в целом по каждой фигуре оценки лежат плотно и для того чтобы поляризовать их по политическим «пристрастиям» различных слоев массивы надо разбить на ***ареалы по доминирующим и периферийным оценкам***, выяснив их объемы и качественные характеристики.

С этой целью номиналии политиков ставятся в подлежащее матрицы − ведь их спектр в известном смысле системно исчерпывающий определенный дискурс: он привел к получению близкого к нормальному распределения людей относительно среднего балла по всему спектру имен. В сказуемое ставятся респонденты. На пересечении ─ значения пятибалльных оценок той или иной политической фигуры (или инновационных суждений, ранга «ценности», мотива выбора профессии, значения шкалы семантического дифференциала и т.п., если мы ведем анализ других предметных областей). Коэффициент ранговой корреляции Кенделла шкалы каждого респондента со шкалами каждого из всех других (в разбираемом случае в сфере политического действа, а в других случаях в иных предметных областях) показывает тесноту связи оценок разных людей. Один респондент имеет **мало** значимых коэффициентов тесноты связи с другими людьми; он в периферийном идеологическом пространстве. Другой имеет **много** этих коэффициентов; он в пространстве доминантных взглядов*. Связь может быть положительной и отрицательной. **Первый результат** тот, что все значения корреляций между людьми по всем рассмотренным предметным областям, полученные нами на массивах с 1967 по 2016 гг. отличаются опять же нормальным распределением относительно среднего числа положительных значений $К_{Кенделла}$ и логнормальным относительно отрицательных значений коэффициента (взятых с 95% или 67% доверием в зависимости от наших задач). **Вторая особенность:** имеющие много коэффициентов с положительными значениями, обладают малым числом коэффициентов с отрицательными значениями и наоборот. **Третья особенность**: общее поле положительных совпадений в некоторых подсистемах сокращается в периоды слома социальных отношений при параллельном росте поля отрицательных корреляций во взглядах людей на ту или иную область.

Таким образом, каждый человек может быть отнесен к ареалу с узким, средним, широким числом связей (по строгому критерию «$X_{ср}$±1б» по числу положительных значений $К_{Кенделла}$) своих смысловых полей оценок того или иного жизненного пространства. Теоретический смысл такой типологии характера связей состоит в том, что мы сразу видим те объемы и качественные характеристики массового сознания, которые объективны и обычными методами измерения трудно отслеживаются. На последующих рис. 2 и 3 показано соотношение наших групп по узкому, среднему, широкому ареалам совпадения оценок политиков за 2014–16 гг., а также соотношение веса положительных и отрицательных корреляций по этим группам в массиве в целом. Это пока количественные меры. Взглянем на них сначала так, а потом посмотрим их качественное наполнение оценками **конкретных** политических фигур.

* Идея разработана Э.И. Бутаевым и автором статьи, программное обеспечение реализовано А.Л. Королевым. Необходимо использовать именно этот коэффициент, так как в математическом аппарате Кендалла имеется перестановка рангов, т.е. содержится переменная «время», которое изоморфно атрибуту процесса смены ориентаций у людей, протекающему в пространственно-временном континууме социума. Грубо говоря, Tau-b Кендалла «несет в себе» ответ на вопрос, сколько надо сделать перестановок у индивида «А», чтобы его ранговый ряд ориентаций (ценностей, оценок, и т.п.) совпал с аналогичным рядом индивида «Б»?

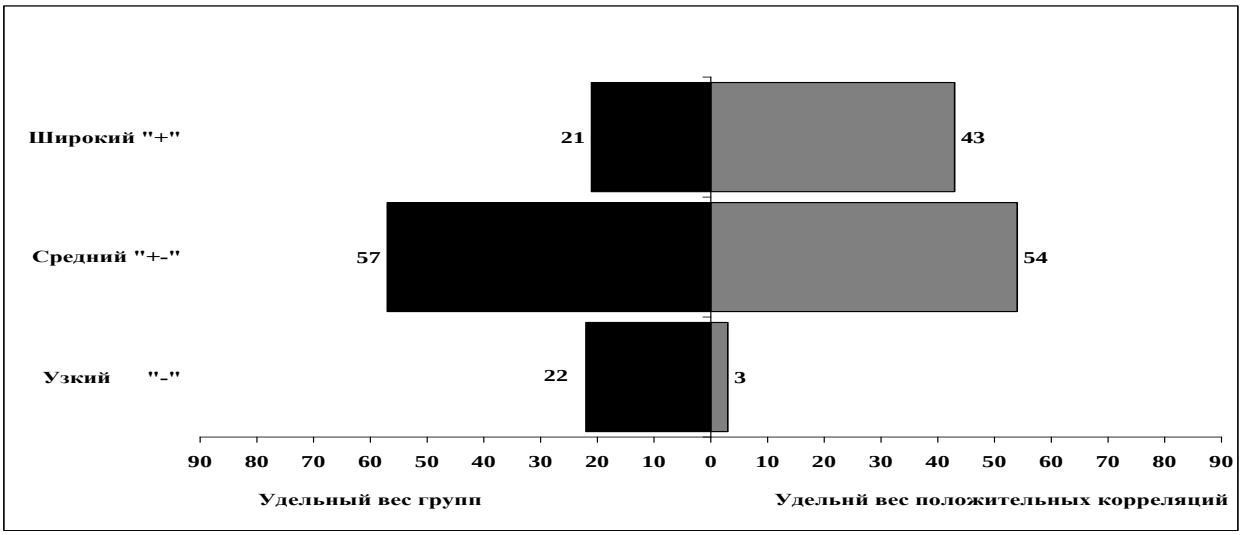

Рисунок 2. Вес числа положительных связей в зависимости от узкого, среднего, широкого ареала их совпадений в 2014-16 гг. ($n_{2014-16}$=4921, Tay-bКендалла/положительные= 4217890 в 95% доверительном интервале)

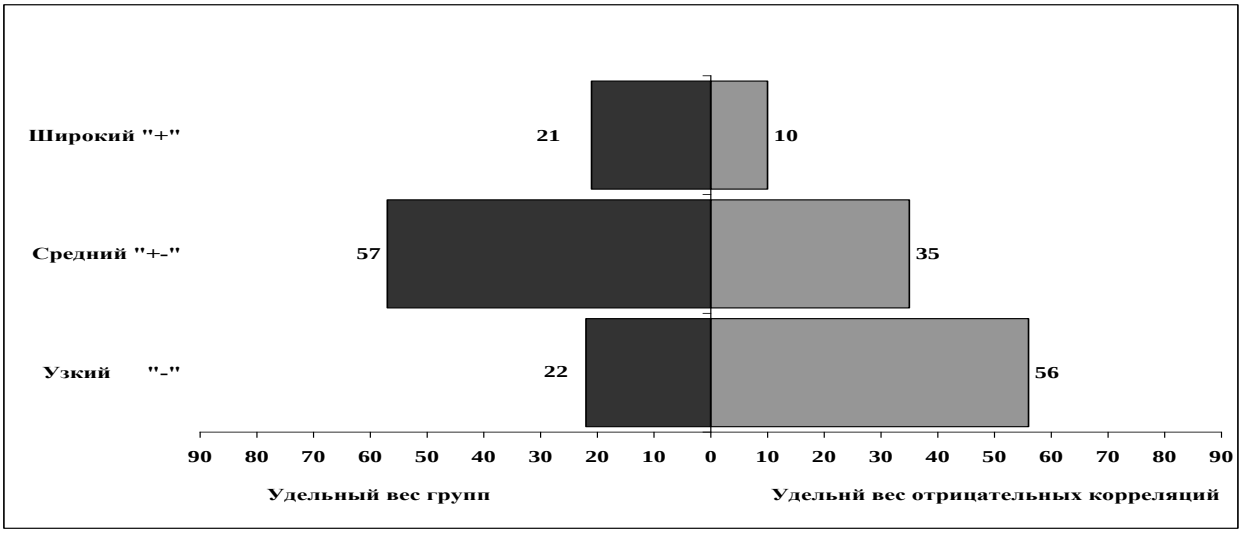

Рисунок 3. Вес числа отрицательных связей в зависимости от узкого, среднего, широкого ареала совпадений положительных связей ($n_{2014-16}$=4921, Tay-bКендалла/отрицательные= 140962 в 95% доверительном интервале)

Итак, из 4 358 852 (сумма по двум графикам) корреляционных коэффициентов в массиве из 4921 респондента, которые дали в 2014–16 гг. оценки 27 политикам за их властные «способности», 97% коэффициентов фиксировали положительную связь с 95% точностью, а 3%−отрицательную в том же доверительном интервале. Столбики гистограмм на рис. 2, 3 показывают вес положительных и отрицательных корреляций в том или ином слое в целом по массиву. Но не менее красноречивы соотношения этих корреляций в каждом из слоев по широте ареала совпадений связей на плюс. Слой с узким ареалом положительных совпадений имеет внутри себя 60% этих совпадений и 40% отрицательных. Слой со срединным ареалом имеет это соотношение уже в 98% против 2% соответственно, а слой с широким ареалом доминирующих взглядов 99,2% положительных против 0,8% отрицательных. При этом вес полярных слоев, измеренный традиционными методами−по людям, практически одинаков: 22 и 21% соответственно. Уже соотношение веса слоя по людям и по доле слоя в смысловых полях положительной и отрицательной оценки политической сферы показывает их колоссальное неравенство в весе доминирующих и периферийных взглядов: 3% из всех совпадений на «+» против 56% от всех на «-» у слоя с

узким ареалом положительных совпадений взглядов, 54% на «+» против 35% на «-» у срединного слоя и 43% на «+» против 10% на «-» у слоя с доминантными формами мнений. Получена реальная, а не самооценочная (на основании ответов на вопросы о том, что люди могут и не осознавать в своей рефлексии) идентификационная структура положения людей по их взглядам в политической подсистеме. И перепады количественных показателей долей людей и долей смысловых полей их взглядов (в 19 и в 4 раза) показывают степень дифференциации общества. Она устойчива с 1999 г. Может быть и с более раннего времени, но идентичные замеры есть только с этого срока. Взглянем на нее в 2014 и 2016 гг.

На двух нижеследующих графиках показаны оценки, поляризованные по обнаруженным (доминантным, срединным и периферийным) объективно существующим слоям общественно-политических взглядов на фигуры высшей власти. На первом графике оценки за 2014 г., на втором за 2016 г. Оценки 2015 г. пропущены. Существа картины они не изменят, а деталями лишь помешают целостному ее восприятию.

Обратим внимание читателя лишь на тот факт, что соотношение узкого, среднего и широкого ареалов совпадения положительных (и наоборот—несовпадения) рядов оценок 27 политиков имеют в 2014 и 2016 гг. различное наполнение. Является этот факт следствием статистических вариаций в разных выборках, или же за «пульсациями» своего рода «единения» и дифференциации людей стоят социальные факторы, кристаллизующие обнаруженные поля смыслов в отношении политических фигур и «стиля» их политики, покажет дальнейшая углубленная обработка информации.

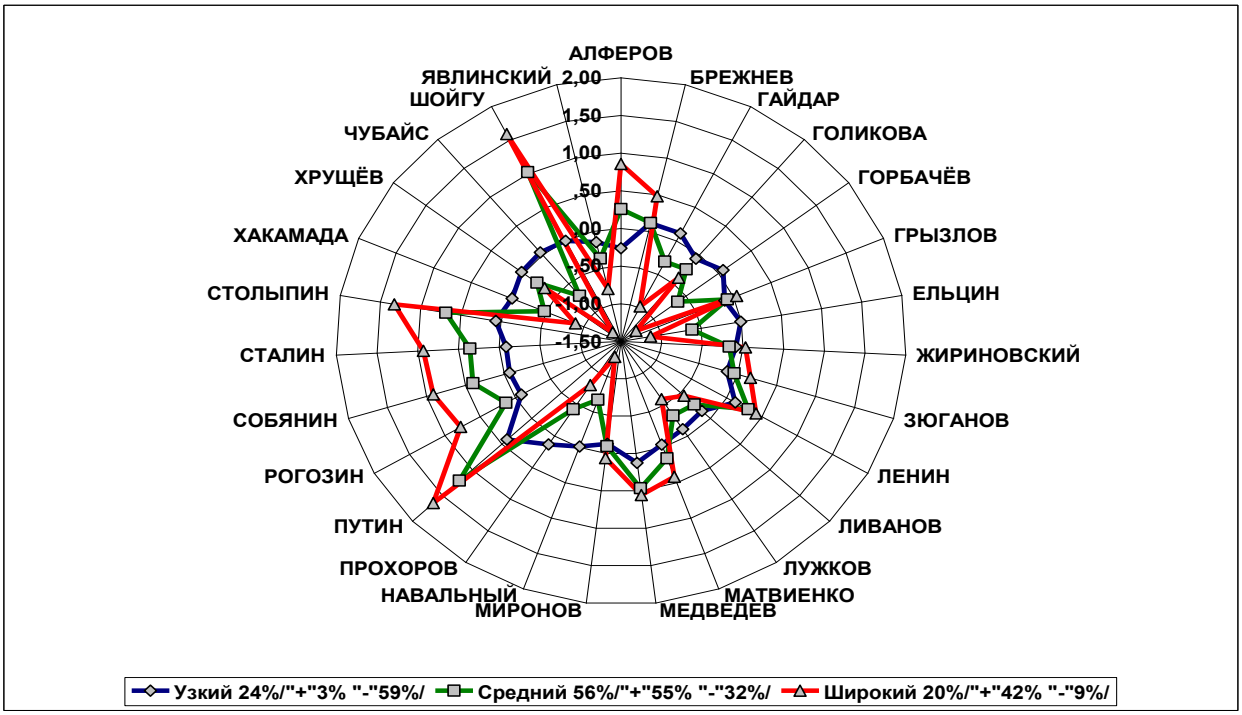

Рисунок 4. Дифференциация поляризованных оценок политиков в зависимости от узкого, среднего, широкого ареала совпадений положительных связей у респондентов в 2014 г. (n = 1711)

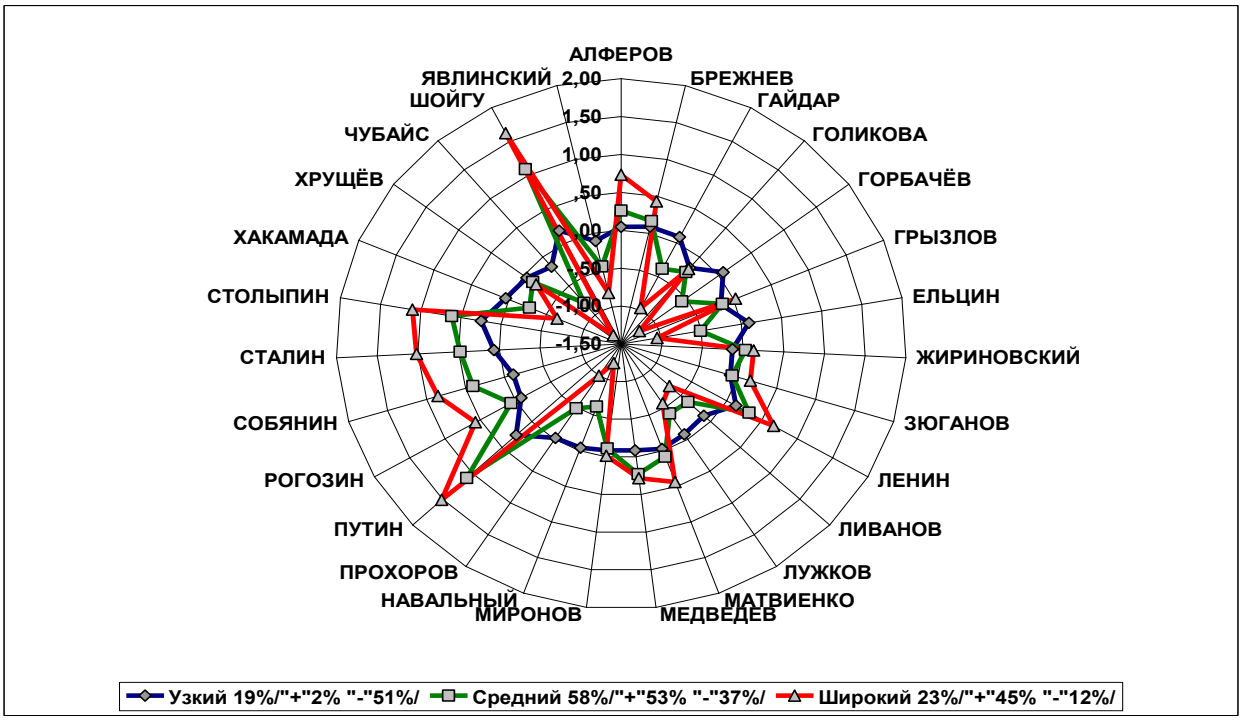

Рисунок 5. Дифференциация поляризованных оценок политиков в зависимости от узкого, среднего, широкого ареала совпадений положительных связей у респондентов в 2016 г. (n = 2521)

Из графиков видна поляризация практически по каждой политической фигуре. При этом, если на рис. 1 дифференциация оценок наблюдалась только в отношении лиц либо ушедших, либо второго эшелона власти, то здесь она резко контрастна в отношении всех без исключения политических фигур. Основной водораздел проходит между либеральной, центристской и консервативными ориентациями населения. Центристская, как и положено, испытывает наиболее сильные колебания: в ней угадывается наибольшая эклектичность позиций, так как этот слой, вероятно, неоднороден, на его периферии, возможно, наиболее сильны как центростремительные, так и центробежные тенденции по оценкам почти всех политиков. Анализ его смысловых полей требует в дальнейшем дополнительной обработки с помощью комбинаторных методов анализа. Слой с узким ареалом распространенности своих политических оценок (**24% в 2014 г**. и **19% в 2016 г.**) отличается существенными завышениями **против почти 4/5 населения** положительных ролей Гайдара, Горбачева, Ельцина, Ливанова, Лужкова, Навального, Прохорова, Хакамады, Чубайса, Явлинского и, наоборот, крайне резким занижением оценок исполнения своих властных функций в интересах общества такими лицами, как Алферов, Жириновский, Зюганов, Ленин, Матвиенко, Медведев, Путин, Рогозин, Собянин, Сталин, Столыпин, Шойгу. Точкой равновесия в 2016 г. выступают у всех трех слоев Миронов и Хрущев, а в 2014 г. последний, поляризуясь оценками в слоях, уступает точку равновесия Ливанову и с некоторыми оговорками Жириновскому. Наличествует обнаружение некоторых мировоззренческих дифференциаций отнюдь не напрямую связанных с «политической картой» РФ. Разбирать оценки всего конгломерата дело достаточно хлопотное для статьи, а потому ниже отобраны отклонения оценок в 2016 г. по 17 политикам, 14 из которых затем сведены в табл. 2 для анализа отклонений оценок в различных социально-демографических группах. Но прежде – о разнице в политических взглядах групп по образованию и слоев по выявленным ареалам совпадений оценок.

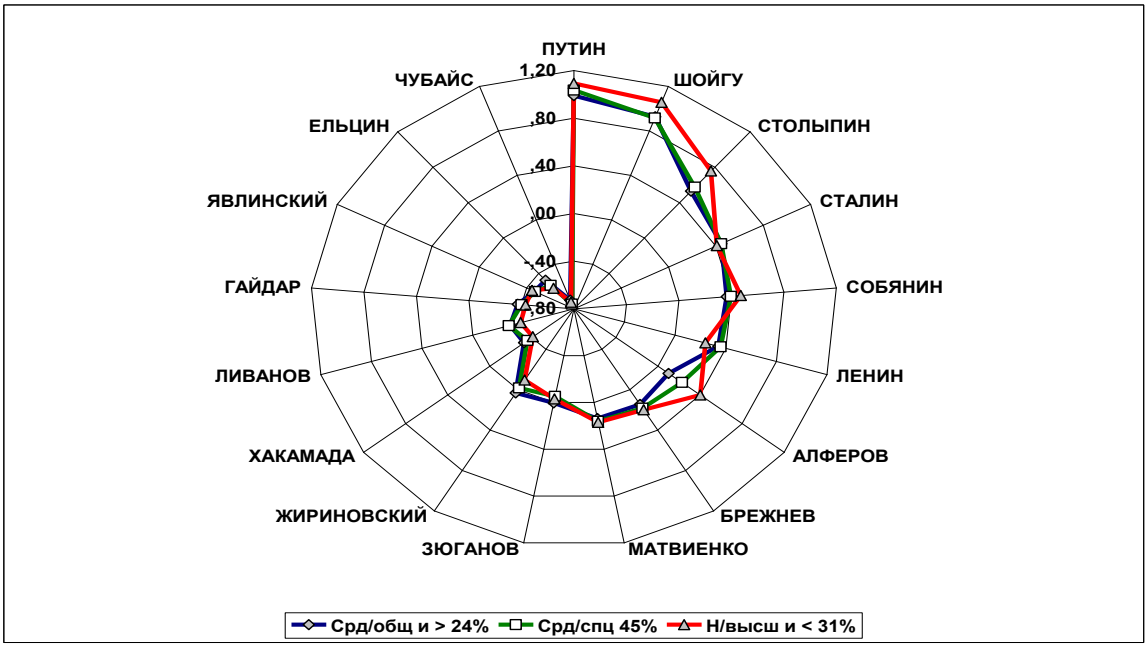

Рисунок 6. Дифференциация поляризованных оценок политиков в зависимости от образования в 2016 г. (n = 2521)

Ранжированные по снижению оценок населением успешности исполнения своих властных функций политики показывают: **во-первых**, в положительной зоне водоворота политического «мальстрема» Российской Федерации несомненными фаворитами выступают Путин и Шойгу; **во-вторых**, за ними относительно «кучно» растянулся «пелотон» из Столыпина, Сталина, Собянина, Ленина, Алферова и Брежнева; **в-третьих**, от них отстают середняки Матвиенко, Зюганов и Жириновский, а замыкают кавалькаду в минусовой (ниже серединного «0») области Хакамада, Ливанов, Гайдар, Явлинский, Ельцин. «Непотопляемый авианосец» Анатолий Чубайс, уже двадцать лет находящийся в смысловом поле массового сознания в точке срыва (своего рода зоне «сингулярности») и писанный на стенах московских домов в 1990 лозунгом «Чубайса в депутаты», отстает от Путина в образовательном срезе общества на 1,3 пункта шкалы от «+1» до «-1»*.

Однако дифференциация оценок верховной власти в срезе по образованию (одному из традиционных в социологии признаков рассмотрения различий в умах людей) меркнет по силе разлета оценок в выявленных смысловых слоях по широте ареала их совпадений.

* У Путина в целом за 2016 г. в срезе по образованию максимум в «+1,04» пункта, а у Чубайса «-0,74».

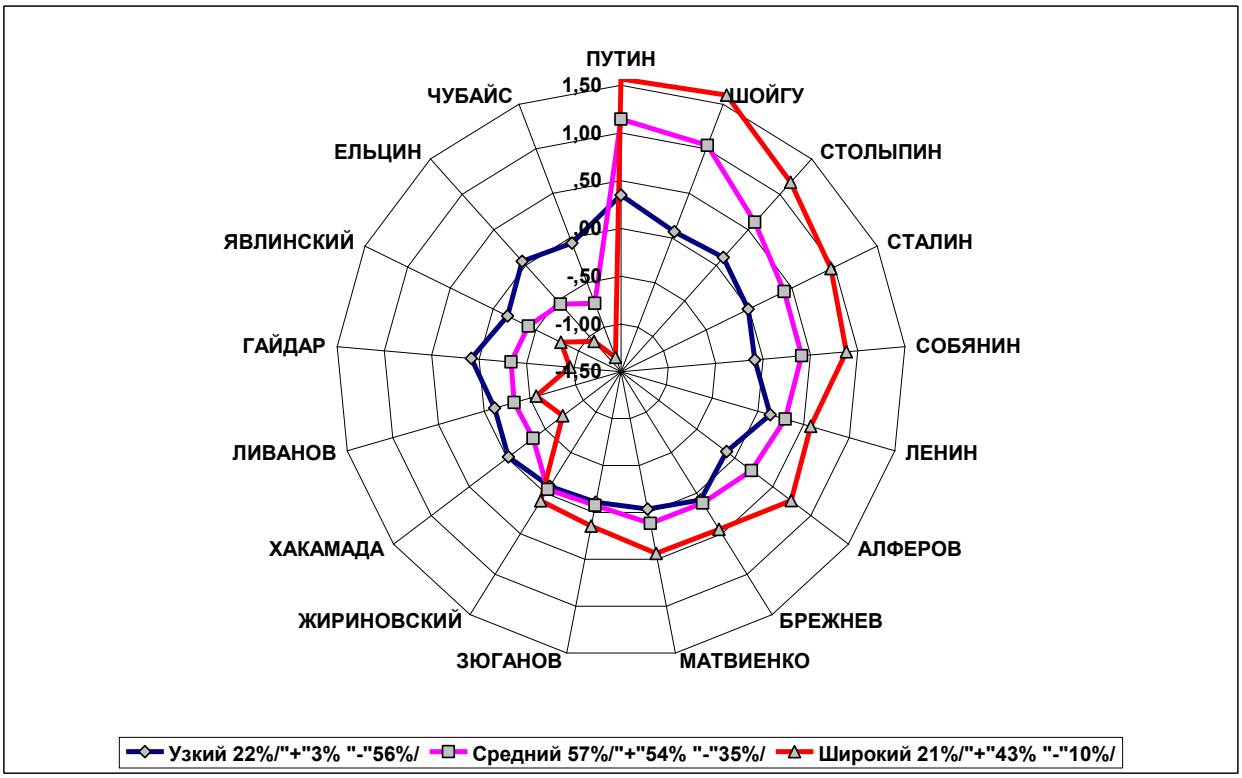

Рисунок 7. Дифференциация поляризованных оценок политиков в зависимости от ареала совпадения оценок политиков у респондентов в 2016г. (n = 2521)

У Путина, по которому дифференциация в слоях по образованию составляет 0,1 пункта поляризованной шкалы, в слоях по широте совпадения оценок политического континуума дифференциация составляет 1,25 пункта (в двух слоях по 22% и 21% /!/ населения). **Инструмент улавливает в 12 раз более сильную дифференциацию на огромных пластах**. Чубайс, находившийся в зоне срыва во всех образовательных слоях (от «-0,72» до «-0,74») и получающий в слое широкого доминирующего поля взглядов на него людей «-1,34» (21% населения), почти перебегает в положительную зону отклонений средней оценки: «-0,06» у слоя в 22%. У него разрыв по срезу широты ареалов составляет «1,28» пункта шкалы (более, чем шестидесятикратный в сравнении с образовательным срезом).

Это говорит о том, что наш методический инструмент измеряет элементы массового сознания точнее, чем традиционные показатели. К сожалению, другой наш метод– классификации серии логических выводов (основанный на замене показателей отклонений знаками по критерию Стьюдента) – ограничен пределом точности в 95% и «смазывает» эту контрастность в таб. 2, где приведены знаки отклонений оценок по ряду традиционных признаков. Уместились в таблицу оценки только 14 политиков. Оценки Хакамады в таблице 2 заменены на оценки «эквивалентной» политической фигуры Касьянова.

Следует разъяснить выделение некоторых групп подлежащего таблицы. Слои по широте ареала совпадения оценок политиков уже описаны. Три слоя по консерватизму/инновационности получаются по тесту О. Советовой и В. Ядова, применяемому в массовых опросах с 1990 г*. Слои по возрасту и образованию не требуют комментариев. Слои по достатку выделяются на основании критерия «$X_{ср}$±1б» по числу наименования вещей длительного пользования, находящихся в семье респондента (список в 70 потребительных стоимостей по улучшенной форме Госкомстата). Группы «критичных»,

* Восемь суждений, каждое из которых оценивается согласием респондента по шкале Лейкерта, и интегральное распределение частот, по которым дает распределение, близкое к нормальному во всех замерах на протяжении почти тридцати лет.

«умеренных», «лояльных» выделяются в области оценок взаимодействия местных органов власти, местных СМИ и населения по параметрам, которые оцениваются стандартно 5-балльной оценкой с 1969 г. по методикам ПОМ**. Параметров этих 11. **Отметки местным органам власти за: 1.** «осведомленность о мнениях населения о социальных проблемах»**, 2.** «учет мнений населения в своей деятельности»**, 3.** «совпадение принятых решений с мнением людей»**, 4.** «учет критических высказываний местных журналистов»**; отметки населению за: 1.** «активность в выражении мнений по региональным проблемам»**, 2.** «компетентность выражаемых мнений»**, 3.** «откровенность в выражении мнений»**, 4.** «конструктивность и деловитость предложений по решению проблем»**; отметки журналистам местных СМК за участие в решении социальных вопросов: 1.** «журналистам газет»**, 2.** «журналистам радио»**, 3.** «журналистам телевидения»**.** Распределение ансамблей, опрошенных по оценкам взаимодействия населения, власти и местных журналистов в контуре решения социальных проблем с 1969 г. во всех массивах близко к нормальному. Три слоя «критичных», «умеренных», «лояльных» выделяются также на основании критерия «$X_{ср}$±1б» и составляют, как это видно из правой колонки таблицы 15-70-15% соответственно***.

Таблица 2

Отклонения в оценках общественной роли политиков от средней в различных социальных группах *(в % по весу групп в массиве опрошенных; n_{2014_16}=4921 и в знаках силы отклонения от средней в 95% «+ + +* и *——»,90% «+ +* и *—»,80% «+* и *–», доверительных интервалах, и ниже /+ – /)*

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	Вес в
Средний балл	**4,2**	**4,1**	**3,8**	**3,6**	**3,5**	**3,5**	**3,3**	**3,3**	**3,1**	**3,1**	**2,7**	**2,6**	**1,8**	**2,4**	
Отклонение	**1,1**	**,96**	**,63**	**,48**	**,43**	**,35**	**,24**	**,19**	**-,01**	**,04**	**-,38**	**-,50**	**-,47**	**-,71**	
Узкий ареал	—	—	—	—	—	–	+ –	–	+	+ –	++	++	++	++	**22**
Средний ареал	++	++	+ –	–	+ –	–	—	–	+ –	—	++	+ –	+ –	+ –	**57**
Широкий ареал	++	++	++	++	++	++	++	++	+ –	++	—	—	–	—	**21**
«Критичны»	—	—	–	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	**15**
«Умеренны»	+ –	+ –	+ –	+ –	+	+ –	+ –	+ –	+ –	+ –	+ –	+ –	+ –	+ –	**70**
«Лояльны»	++	+	+	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	**15**
Консерваторы	–	+	+	–	+–	+–	+	+–	–	+–	—	—	+–	—	**15**
Умеренные	+ –	+ –	+ –	+	+ –	+ –	+ –	+ –	+ –	+ –	+ –	+ –	+ –	+ –	**68**
Инноваторы	–	—	+ –	—	–	+ –	—	—	+ –	—	+	+ –	+ –	+ –	**17**
Достаток «–»	+ –	–	—	+ –	—	+	+	–	+	++	+	+	+ –	++	**18**
Достаток «±»	+ –	+	+ –	+ –	+ –	+ –	+ –	+ –	+ –	+ –	–	+ –	+ –	–	**68**
Достаток «+»	+	+ –	+	+ –	+ –	+ –	+ –	–	+ –	—	++	+ –	++	+ –	**14**
До 29 лет	+ –	—	—	+ –	—	++	—	–	+ –	—	++	++	–	++	**21**
30–49 лет	+ –	+ –	+ –	–	+ –	—	+ –	+ –	+ –	—	+ –	+ –	+ –	+ –	**35**
50 и старше	+ –	++	+	+	+	+	++	+ –	+ –	++	—	–	+ –	—	**44**
Ср/общ и <	+ –	+ –	–	+ –	+ –	+ –	+ –	+ –	++	+	+ –	++	–	+	**29**
Ср/спец	+ –	+ –	+ –	+ –	+ –	++	+	+ –	+	+ –	+ –	+ –	+ –	+ –	**43**
Н/выс+Высш	+ –	+	++	—	+ –	—	–	—	—	–	—	—	+ –	–	**28**

** Авторы модифицированной автором статьи методики Б. Грушин, В. Нейгольдберг.

*** С 2012 г. к указанным 11 оценкам мной всегда прибавляются еще три оценки за работу в целом: местным властям, населению, журналистам, ─ итого 14 оценок, которые также дают указанное распределение.

1. Путин
2. Шойгу
3. Столыпин
4. Сталин
5. Собянин
6. Ленин
7. Брежнев
8. Матвиенко
9. Жириновский
10. Зюганов
11. Гайдар
12. Ельцин
13. Касьянов
14. Чубайс

Начнем с описания картины силы отклонения оценок (по критерию Стьюдента, посчитанному программно) определенного политика на «+» или «—» от средней в границах тех или иных признаков: «масштаб ареала совпадений оценок», «гражданская ориентация по взаимодействию с властью на местном уровне», «консерватизм/инновационность», «достаток», «поколение», «образование»*.

1. Итак, картина отклонений в оценках властной роли той или иной фигуры в **срезе, полученном методом выявления объема корреляций между людьми** по **«политической» ориентации** резче, содержательнее, чем картины среза этого дискурса через другие признаки. Однако несмотря на то что отклонения от общей тенденции в рамках признака образование, как это следует из рис. 6, не столь значимы (как, впрочем, и в границах других признаков, графики по которым не показаны из экономии места), в сравнении с реальной поляризацией по выделенным слоям, метод серийной классификации логических выводов на основе отклонений от средних значений дает нам возможность дополнить «незначимую» графическую картину «абсолютных» дифференциаций оценок политических фигур в массовом сознании достаточно сильными ***относительными*** отклонениями в рамках этих признаков. И сделать это наглядно.

2. Самым, но только отчасти, неожиданным в картине отклонений в табл. 2 является ***отклонение на максимальные (исключая Шойгу и Столыпина) плюсовые величины по всем политическим фигурам*** в слое условно названным **«лояльные»** в признаке «гражданская ориентация по взаимодействию с властью на местном уровне» (строка «**Лояльны**», объем группы 15%). Еще в 1969 г. на данных проекта «Общественное мнение» было обнаружено, что политические активисты, часто контактирующие с учреждениями местных органов власти, дают этим органам более высокие оценки их взаимодействия с населением в решении местных проблем, чем сами работники этих руководящих органов. Этих людей при обращении в органы власти и редакции отличала более высокая удовлетворенность контактами с местными властями и повышение веса обращений с коммуникативными целями (получение/передача сведений, совета и т.п.). Широкие массы, в противоположность этим целям, увеличивали долю обращений с требованием решения проблемы по существу. Эта картина повторилась в 1990 г. в исследовании по РСФСР в целом. Сейчас сменились многие формы контактов с местными властями и структуру, а также принципы выделения этой группы, надо изучать точнее (у них, к примеру, увеличивается вес желающих заниматься активной общественной работой). Однако очевидна обнаруживаемая своеобразная политическая «всеядность» и деловая ненадежность

*Группы по роду занятий, наиболее сильно соотносимые с традиционным срезом по классовой структуре, в настоящий момент находятся в стадии подготовки к анализу всех массивов с 2014 г. общим объемом в 6612 респондентов по анализируемым параметрам для надёжного выявления отклонения ареалов реальной картины потенциальной поддержки тем или иным слоем соответствующей политической аппликации в РФ.

данного социального слоя, которому равноценно хороши у власти все политические фигуры от Путина и Сталина до Чубайса, Ельцина, Зюганова и Гайдара*. Принимать надежные управленческие решения на основе рекомендаций этой группы весьма сомнительное занятие. Связь трех групп по широте ареала совпадения оценок политиков и групп «гражданской ориентации по взаимодействию с властью на местном уровне» по критерию Xi^2 отсутствует, однако в узком ареале оценок политиков резко до 20% увеличивают свою долю как раз «лояльные» (показатель вектора отклонения у них максимальный «+++»)**. «Умеренные» в оценке взаимодействия власти, СМИ и населения на местном уровне несколько снисходительнее к Собянину, но в остальном картина однозначна: критически настроенные «исступленно» ставят всем политикам максимальные «колы» и «двойки», а ««умеренные» нейтральны (за вышеозначенным исключением по Собянину за анализируемый период).

3. Дифференциация по выделенным признакам позволяет, помимо сделанных выводов, повторить, что в **среднем ареале по совпадению «политических взглядов»** идут те процессы диффузии оценок, которые отмечены выше. Здесь максимальные отклонения на «+++» в оценках Путина, Шойгу, чуть слабее Гайдара («++»), резко отрицательные оценки властной роли Брежнева, Зюганова и минимально отрицательный вектор оценок исполнения властной роли в интересах общества Сталиным, Лениным, и Матвиенко.

4. «Консерватизм/инновационность», «достаток» и «образование» оказываются определенным образом «зеркальными» признаками в картине политических ориентаций по отношению к фигурам высшей власти, наблюдаемым сквозь признаки «ареал широты совпадения взглядов», «гражданская ориентация по взаимодействию с властью на местном уровне», «поколение»:

– консерваторы (15%) «благоволят» к исполнению властных ролей Шойгу, Собяниным и Брежневым, активно ставя «колы» и «двойки» Гайдару, Ельцину, Чубайсу и несколько снижая свой «накал» по отношению к Путину, Сталину и Жириновскому. В остальном, «как все» («+–»). Умеренно инновационные (68%) дают срединный слой по оценкам, чуть выделяя в положительную зону своего отношения Сталина, а инноваторы (17%), занижая оценки Путину и Шойгу, Сталину и Собянину, Брежневу, Матвиенко и Зюганову, несколько «благоволят» только к Гайдару, относя к «середнякам» Столыпина, Ленина, Жириновского, Ельцина, Касьянова, Чубайса;

– люди с низким достатком (18%) критичны к роли Шойгу, Столыпина, Собянина и Матвиенко, оценивая выше Ленина, Брежнева, Жириновского, Зюганова, Гайдара, Ельцина и в особенности Чубайса. Здесь у них очень разнообразные смысловые поля. В отношении всех остальных они в срединном слое. Средний достаток (68%) характеризует нейтральная позиция по отношению ко всем, кроме трех фигур. Здесь чуть завышается оценка роли Шойгу, сопровождающаяся слабой критической позицией в отношении Гайдара и Чубайса. Слой с высоким достатком (14%) по отношению ко всем политикам, кроме шести, тяготеет к умеренным оценкам. «Хорошисты» здесь Путин и Столыпин, «отличники» Гайдар и Касьянов, а «неуспевающими» оказываются Зюганов (весьма) и Матвиенко (в слабой степени).

---

* Несколько настораживает факт снижения силы вектора отклонения на «плюс» у «лояльных» оценки властной роли Шойгу (один «+»). К сожалению, систематический мониторинг нашей методикой не проводится, однако замер 2015 г. по Московской области (n 494) показал, что кратковременно исполнявший обязанности губернатора этой области не имеет у «лояльных» и у лиц с высоким достатком, в отличие от людей со средним достатком, отклонений на «плюс». Является ли это отголоском его «губернаторского стиля» или здесь проявляются другие факторы, сейчас сказать уже трудно. Относительное снижение оценки Столыпина в этой группе надо исследовать отдельно.

** Таблица с этими данными здесь не приводится из экономии места, хотя отклонения в ней красноречивы. Скорее всего ценностные импульсы к власти у определенной части данной группы лежат в плоскости соотносящейся с институтом кормления и хорошо выраженной ещё в словарной статье В.И. Даля: *«Мы у матушки Росіи детки, она наша матка - ее и сосемъ»* [1].

– люди со средним общим и ниже образованием (вес 29%) отличаются положительным вектором оценок Жириновского и Ельцина, слабее Зюганова и Чубайса, и отрицательным Столыпина и Касьянова. Лица со средним специальным образованием (43%) характеризуются завышением оценок Ленину, Брежневу и Жириновскому, а в отношении всех остальных дают нейтральный слой. Слой с незаконченным высшим и высшим образованием (28%) дает положительный вектор оценок Столыпину и слабее Шойгу; в отношении Путина, Собянина и Касьянова нейтрален, а всем остальным в той или иной степени ставит оценки ниже средних.

– Молодое поколение (21%) «голосует» за Гайдара, Ельцина, Чубайса и Ленина, отрицательно оценивая в разной степени Шойгу, Столыпина, Собянина, Брежнева, Зюганова, Матвиенко, Касьянова. Средний возраст (35%) ко всем, кроме трех лиц, относится нейтрально. Хуже всего - к Ленину, чуть получше к Зюганову, слегка отрицательно – к Сталину. Старшее поколение (44%) весьма «благосклонно» к Шойгу, Брежневу, Зюганову и несколько слабее к Столыпину, Сталину, Собянину, Ленину, отрицательно относясь к Гайдару, Ельцину и Чубайсу и нейтрально (как все) к Путину, Матвиенко, Жириновскому и Касьянову.

В таблицу по техническим причинам не вошли различия в оценках политических фигур по полу. Отметим лишь, что женщины, в отличие от мужчин, завышают оценки Путину, Собянину, Матвиенко (отклонения на «+++»), Чубайсу («++»), Ельцину, Гайдару, Шойгу («+»). Мужчины же в отношении этих фигур дают соответствующие зеркальные отклонения оценок от средних по массиву. В отношении Сталина дело обстоит наоборот: отклонения на «+++» дают мужчины, женщины имеют средний балл, отклоняющийся от показателя массива в целом на «——». По остальным политическим фигурам признак «пол» оценки не дифференцирует.

В целом, по соотнесению отклонения оценок от средних по массиву по социально-демографическим признакам, самое стабильное состояние имеют оценки Путина. Но все это флуктуации, хотя и значимые в хороших доверительных интервалах, но относительно небольшие по сравнению с отклонениями в выделенных корреляционным анализом слоях. Они говорят о том, что массовое сознание в своем оценочном контуре политических фигур оказывается весьма эклектичным и фиксируемым на тех смыслах, которые кристаллизуются попаданием людей в определенные жизненные условия. Самое же главное, что видно, как ***перегородки «традиционных» признаков социологического инструментария стушевываются, блекнут и люди резче выявляются на полях концентрации социальных сетей – связей оценок, полученных совершенно объективно, вне их самооценки, рефлексии и т.п***. Если шкала оценок сорока политиков совпадает у жителей Благовещенска и Щербинки, то идентификация совпадений проведена не ими самими, а исследовательским инструментом с высоким доверительным интервалом. И этот инструмент говорит о **некоторых устойчивых инвариантах, дифференцирующих структуру массового сознания**, о своего рода **семантических составляющих (акторах) смысловых полей-аттрактантов социального, политико-экономического взаимодействия власти и населения.** Начало изучения их нашей наукой было положено еще пятьдесят лет назад. Полное обозначение этих характеристик – тема отдельной работы.

Список литературы

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского язык: в 4 т. / Владимир Иванович Даль. М.: Рус. яз. – Медиа, 2003. Т. 4. Р – Я. 688 с.
2. Жаворонков А.В., Королев А.Л. Результаты применения коэффициентов корреляции Кендалла для выявления определенных параметров // Модернизация отечественной системы управления: анализ тенденций и прогноз развития. М.: Институт социологии РАН? 2014. С. 191–196.
3. 47 Пятниц /1/. Информационный бюллетень №25 ИКСИ АН СССР. М.: 1969.

В.В. Ивантер, Н.И. Комков

МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ КАК БЕЗУСЛОВНЫЙ ИМПЕРАТИВ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПРОГРАММЫ ПРЕЗИДИУМА РАН)

Аннотация. *Рассматриваются проблемы развития инновационной сферы России с учетом достигнутого уровня, мировых тенденций и перспектив как науки, так и условий социально-экономического развития. Исследования проводились в рамках Программы Президиума РАН «Анализ и прогноз долгосрочных тенденций научного и технологического развития: Россия и мир». Полученные результаты позволили сделать выводы относительно перспективных целей и возможных способов их достижения.*

Ключевые слова: *инновационная сфера, анализ, прогноз, наука, инновации, научно-технологическое и инновационное развитие России.*

V.V. Ivanter, N.I. Komkov

MODERNIZATION OF THE RUSSIAN ECONOMY AS AN UNCONDITIONAL IMPERATIVE OF THE COUNTRY INNOVATIVE DEVELOPMENT (ON MATERIALS OF THE PROGRAM OF PRESIDIUM OF RAS)

Abstract. *There are considered the problems of development of the Russia innovative sphere taking into account the achieved level of world tendencies and perspectives of both science and socio-economic development. Researches were conducted within the Program of Presidium of RAS «The analysis and the forecast of long-term tendencies of scientific and technological development: Russia and world». The obtained results have allowed to draw conclusions of rather perspective purposes and possible ways of their achievement.*

Keywords: *innovative sphere, analysis, forecast, science, innovations, scientific-technological and innovative development of Russia.*

Исследования по Программе были направлены на анализ состояния и оценку тенденций развития научно-технологической сферы России с учетом перспектив развития отечественной экономики и общества, а также мировых тенденций. Анализ состояния развития отечественной научно-технологической сферы по данным на 2014 год свидетельствует об отсутствии роста как ее ресурсного обеспечения, так и заметного увеличения результативности научных результатов. Уровень финансирования российской науки остается стабильно низким на протяжении последнего десятилетия: всего 1,1% от ВВП против около 2,5% ВВП в странах ЕС и 3,0 ВВП в США, причем доля затрат российских компаний в расходах на науку составляет всего 20%, в то время как доля аналогичных затрат в развитых странах достигает 60–80%. В распределении затрат на науку в полном научно-технологическом цикле, включающем фундаментальные и теоретико-прикладные исследования, а также технологические разработки, отмечается непропорционально низкая доля затрат на инновации и их освоение. Результаты научной деятельности, представляемые отечественными учеными в виде числа научных публикаций в ведущих научных изданиях, также остаются стабильно невысокими. За прошедшее десятилетие публикационная активность и цитируемость российских ученых снизилась, а доля российских научных работ в международной базе Web of Science упала с 3 до 2,1%. Анализ данных Росстата за период с 2001–2014 гг. показал [6], что наиболее активными при разработке и создании передовых производственных технологий (ППТ) являются организации государственной формы собственности (60%). Наибольшим потенциалом инновационности обладают принципиально новые технологии, в создании которых преобладают организации государственной и иностранной форм собственности. Принципиально новые технологии отличает не только

качественно более высокий уровень, но и наличие патентной чистоты. Наибольший вклад в их создание вносят организации РАН, а в последние годы – организации госкорпораций. И, наоборот, при использовании созданных в РФ ППТ наиболее активны организации частной формы собственности и организации госкорпораций. За рубежом наибольшее число технологий приобрели организации иностранной формой собственности, и они же меньше других использовали российские разработки. Одним из показателей результативности инновационной деятельности является оценка ее влияния на производительность труда, измеряемую отношением объема отгруженных товаров к численности работников организации. Сопоставление этих показателей для организаций с разной степенью инновационной активности показало, что наиболее высокий уровень производительности труда достигался у наиболее инновационно и технологически активных организаций, а с точки зрения формы собственности – у технологически активных организаций совместной с иностранной формой собственности, превышающих по уровню производительности остальные почти в 3 раза. Возникновению мировых тенденций научно-технологического развития предшествует накопление неэффективных попыток решения возникших либо формирующихся социально-экономических проблем на сложившейся технологической основе. Необходимость создания новой технологической основы для их эффективного решения и формирует предпосылки для возникновения тенденций научно-технологического развития. Достигнутый уровень развития отечественной научно-технологической сферы не позволяет ставить перед ней масштабные цели мирового лидерства на перспективу без радикального качественного изменения ее инновационного потенциала. Анализ динамики и масштабов мирового научно-технологического развития свидетельствует о формировании определенной инновационно-технологической паузы в некотором снижении темпов ввода и распространения принципиально новых технологических решений по целому ряду сформировавшихся направлений технологического развития, включая информационные технологии, нанотехнологии, композитные материалы, биотехнологии и др. Вместе с тем в последние годы нарастает объем мировых нерешенных технологических проблем, обусловленных многочисленными вызовами со стороны социально-экономической и социокультурной сфер. Но в условиях санкций и роста геополитической напряженности, падения цен на минеральные ресурсы (по сравнению с предшествующими 15 годами), незавершенности структурных реформ на среднесрочную перспективу развитие РФ сталкивается с рядом серьезных вызовов:

- Снижение доступных финансово-экономических ресурсов развития;
- Рост кадровых ограничений по высококвалифицированным специальностям;
- Неоптимальные макроэкономические и институциональные условия для предпринимательства, ограничения эффективности государственно-частного партнерства и т.д.;
- Моральное и физическое устаревание основных фондов при слабой капитальной вооруженности экономики и связанных с этим низких значений производительности труда (не более 40–50% от показателей наиболее развитых стран);
- Ограничения международного сотрудничества в науке и технологиях.

Следует учитывать и ориентацию научно-технологического потенциала РФ в интересах отраслей «традиционного» хайтека (ядерные технологии, аэрокосмос, вооружения и др.). В силу их капиталоемкости, ограничений по рынкам, длительности технологических циклов они не смогут в текущей перспективе стать основой «прорыва». Одновременно складывалось отторжение некоторых мировых прогрессивных технологий, а повышение энергоэффективности, материалосбережения и экономии трудозатрат не считалось обязательным и престижным для планово-директивной экономики, ориентированной на рост количественных показателей при искаженном ценообразовании. В СССР, и сейчас в РФ, длительное время не замечали (а может быть замечали, но не могли решить) проблемы в собственном экономическом развитии, соглашаясь и привыкая жить при низких жизненных стандартах.

Переход России к рыночной, открытой для импорта, экономике и к последовательному приближению к мировому уровню внутренних цен на ресурсы, электроэнергию, продукты, машины, оборудование резко обострил потребность в эффективных технологиях и в повышении качества отечественных продуктов и услуг. Непринятие руководством страны своевременных мер по поддержке гармоничного развития всех основных секторов экономики и особенно перерабатывающего и обрабатывающего секторов, обусловило ее неустойчивость в период кризисов и острых внешних вызовов. Перспективы научно-технологического развития экономики РФ на долгосрочную перспективу удобно представить в виде пространства возможных целей развития полного научно-технологического цикла, распределенных по основным стадиям цикла: добыча ресурсов, их переработка, обработка, конечное потребление и инфраструктура. Примером этого являются США, масштабно освоившие извлечение нефти и природного газа из сланцев и сумевшие на коротком временном отрезке при высоких ценах на нефть стать мировым лидером по добыче углеводородов. Китай, создавший и освоивший технологии переработки твердых полезных ископаемых, включая редкоземельные металлы, прочно занимает и удерживает ведущие мировые позиции в их добыче и переработке. Предлагавшаяся ИНП РАН стратегия изменения непрогрессивного позиционирования России как ресурсного донора [3] намечала структурные перемены с усиления технологического развития перерабатывающих отраслей, включая развитие нефтехимии, газохимии, переработки древесины, развития подотрасли конструкционных материалов и др. Эти меры могли и могут качественно изменить экспорт, снизить объемы экспорта с низкой долей ВДС и создать предпосылки для последующего качественного изменения потенциала обрабатывающих отраслей, включая такие его наукоемкие подотрасли как электронное машиностроение, электротехническую промышленность, приборостроение с учетом интересов комплексного модернизационного развития регионов. Гармоничное развитие всех основных секторов экономики РФ на конкурентоспособной технологической основе позволило бы России обрести необходимую устойчивость к внешним вызовам и угрозам, а также восстановить промышленный потенциал, необходимый для достижения целей национального развития. Однако технологический скачок России из категории ресурсных доноров в число технологических лидеров вряд ли возможен в ближайшее десятилетие. В то же время эффективная реализация прогрессивной научно-технологической стратегии с участием регионов в освоении отдельных прорывных технологий способна перевести экономику РФ в категорию технологически независимых стран, способных быстро наращивать интенсивность ВДС и масштабы отдельных секторов полного технологического цикла в зависимости от конъюнктуры на мировых рынках. Технологическая независимость означает для нашей страны возможность обмена прав на собственные технологии с правами на технологии других стран, обеспечивая тем самым гармоничное повышение технологического уровня всех секторов полного технологического цикла. Экономика России обладает рядом особенностей: огромная, лишь частично освоенная территория, значительные запасы разнообразных природных ресурсов, необходимость поддержки на необходимом научно-технологическом уровне всех стадий полного технологического цикла, включая добычу, переработку, обработку ресурсов и конечное потребление, а также промышленную инфраструктуру и утилизацию всех видов отходов. Ни одна страна в мире не обладает социокультурным инновационным потенциалом, способным на мировом уровне быть лидером в разработке технологий по всему технологическому циклу. Следовательно, необходимо разумно распределить силы и средства по следующим основным направлениям: 1) базовые технологии для основных отраслей разрабатывать собственными силами либо приобретать патенты и лицензии у стран-лидеров; 2) создавать и участвовать в кооперации с иностранными партнерами (странами БРИКС, ТС РПК и др.) и внутри страны в рамках совместной разработки технологий; 3) приобретать по импорту технологии, необходимые на данном этапе отечественной экономике, создание которых невозможно ни собственными силами, ни в кооперации с другими странами. Возможности позитивного влияния

инновационной сферы на восстановление экономического роста существенно зависят от длительности временного интервала и от воли и упорства заинтересованного в модернизации страны политического класса.

Важно как можно быстрее остановить или затормозить падение темпов экономического роста, и сохранить возобновляемые темпы роста, по крайне мере, в среднесрочной перспективе. Для этого следует инновационный сектор ориентировать на решение проблем в трех приоритетных направлениях: 1) поддержка агропромышленного комплекса, 2) проблем конверсии технологий отечественного ВПК в интересах гражданских отраслей, а также 3) создание базовых технологий в основных секторах экономики: добычи, переработки, обработки и конечного потребления. Механизм ориентации целей проблем в рамках приоритетных направлений развития может быть представлен в виде обратной связи инновационного воспроизводственного контура. Обязательными составными частями этого контура являются компании-потребители базовых технологий, экспертно-аналитические центры, НИИ, РАН, университеты, технопарки и инжиниринговые центры. Возможной формой организации их совместной деятельности, ориентированной на цели технологического развития, могут быть консорциумы. Возможная продолжительность программ создания конкурентоспособных базовых технологий при использовании потенциала территорий и заинтересованности властно-управленческих структур может составлять 5–8 лет. При обосновании, анализе и оценке перспектив развития экономики России приняты следующие основные исходные условия: 1) пространство перспектив модернизации должно охватывать полный технологический цикл, включая добычу, переработку, обработку и конечное потребление, дополненное промышленной инфраструктурой; 2) конечная продукция каждой стадии цикла должна определяться в соответствии с классификацией ОКВЭД. При оценке перспективных отечественных технологий добычи углеводородов наиболее важными для РФ [1] являются технологии извлечения трудно извлекаемых запасов, включая запасы сланцев и газогидратов, управление строительством протяженных горизонтальных скважин. Также важно создание компьютерных технологий 5Д (4Д + Е), которые относятся к шестому технологическому укладу и позволяют моделировать интенсивность извлечения запасов в динамике на основе трехмерной модели залежи с учетом экономической динамики. Аналогично целесообразно создавать компьютерные модели эффективного извлечения запасов твердых полезных ископаемых, что позволит приблизиться к мировому уровню освоения запасов, когда на единицу полезных запасов требуется три единицы объема всех извлекаемых запасов. Заметим, что в России такое соотношение составляет 1:8, что удорожает стоимость извлеченного полезного продукта и приводит к росту накопления отходов, объемы которых в РФ превысили 30 млрд т. Необходимо не отставать от ведущих стран в исследовании и разработке эффективных не углеродных технологий. Особенно важными для экономики РФ, являются добывающая и перерабатывающая промышленность, которые имеют многочисленные накопления жидких и твердых отходов и обладают технологиями глубокой переработки таких отходов. По отдельным направлениям твердых промышленных отходов уже имеются перспективные технологические решения, использующие холодную плазму. В черной и цветной металлургии РФ качество созданных и используемых технологий значительно снижается по мере увеличения технологических переделов, требующих высококвалифицированных кадров и одновременно создающих наибольшую удельную ВДС.

В секторе конечной продукции, услуг и инфраструктуры РФ накопились многочисленные проблемы, многие из которых сформировались еще в период СССР. К ним относится то, что считают социальной сферой: отсутствие качественного жилья в городах и городских поселениях, деформированная сфера быта, лишенная возможности оказания населению многих обязательных услуг, технологически отстающий от ведущих стран уровень здравоохранения и отдыха населения, несовершенная транспортная связь. Отечественная наука обладает значительным потенциалом инновационного развития экономики, который в настоящее время частично распался и недостаточно участвует в

развитии отечественной экономики. Причины неполного использования отечественного инновационного потенциала многообразны: невостребованность инноваций экономикой, хроническое недофинансирование науки, снижение уровня конкурентоспособности, неэффективное управление наукой, инновационной сферой, неадекватная инновационному развитию модель экономики и социокультурнной модернизации. Относительно эффективное управление наукой и инновационной сферой в рамках планово-директивной системы управления инновационным потенциалом позволило достичь важных целей в развитии военно-промышленного комплекса СССР. Управление наукой в гражданских отраслях в силу многих причин (низкокачественные ресурсы, плохая организация, низкая дисциплина исполнения и др.) на основе программ и тематических планов, несмотря на многочисленность занятых в сфере инноваций, было малоэффективным, а влияние науки на развитие гражданской экономики было недостаточным. Мировой опыт развития ведущих стран свидетельствует о преимущественном использовании университетской модели создания интенсивных факторов развития, включая инновационные решения, новые технологии и адаптацию промышленной сферы к условиям прогрессивного развития на основе экономики знаний. Многие компоненты такой модели применительно к российской практике требуют значительной адаптации, включая адекватное использование потенциала Российской академии наук. Сегодня обострилась потребность в организационных технологиях при разработке и реализации Программ и Проектов. Созданные ранее теоретические основы организационного управления могут быть полезно использованы при реорганизации действующих малоэффективных технологий управления проектами, программами, в создании методических основ формирования механизмов эффективного управления экономикой, содержащий государственный и частный сектор с учетом социокультурного потенциала территорий, о котором речь идет на этой конференции. Системное управление инновационным воспроизводственным циклом должен включать: потребителей инноваций и новых технологий, крупные компании и средние предприятия, прогнозный и экспортно-аналитический потенциал, теоретико-прикладные (инновационные в т.ч. социологические) исследования, а также инжиниринговые центры. РАН в системной конструкции инновационного воспроизводственного цикла должна выполнять роль центра концентрации потенциала фундаментальных исследований, выполняющих поисковые проекты и исследования, ориентированные на разработку теоретических основ перспективных технологий, а также осуществляющего прогнозные и экспертно-аналитические исследования по оценке социокультурного потенциала территорий. Сложившаяся в России, прямо скажем, пока еще псевдорыночная экономика, деформирована под влиянием внешних условий и интересов отдельных группировок, не отвечает принципам и условиям прогрессивной экономики смешанного типа. Поэтому многие тенденции и тренды, сложившиеся в промышленно развитых странах, не получают поддержку в РФ, искажаются и не реализуются, в связи с чем России нужна новая модель управления и экономики. Оценка и выбор поэтапного реформирования модели экономики и всей властно-управленческой вертикали возможны и целесообразны с участием научно-экспертного сообщества других институтов РАН в т. ч. Института социологии, с которым мы тесно и успешно сотрудничаем уже на протяжении десяти последних лет по проблемам новых форм управления и кластерной политики.

Список литературы

1. Дмитриевский А.Н., Комков Н.И., Мастепанов А.М., Кротова М.В. Ресурсно-инновационное развитие экономики России. М.: НИЦ «Ресурсная и хаотическая динамика». Институт компьютерных исследований, 2013. 736 с.

2. Иванова Н.И., Мачавариани Г.И. Россия в мировой экономике: уровень и тенденции развития // Наука новой экономической ассоциации. 2015. № 2(26). С. 213–236.

3. Ивантер В.В., Комков Н.И. Основные положения концепции инновационной индустриализации России // Проблемы прогнозирования. 2012. № 5. С. 21–32.

4. Индикаторы инновационной деятельности: 2014. Статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2014. 472 с.

5. Инновационно-технологическое развитие экономики России: проблемы, факторы, стратегии, прогнозы. М.: МАКС Пресс, 2005. 591 с.

6. Кулакин Г.К. Анализ и оценка организационно-технологического потенциала среднесрочного горизонта планирования. Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. Гл. ред. А.Г. Коровкин. М.: МАКС Пресс, 2016.

Д.С. Клементьев

ЗНАЧЕНИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Аннотация. *Показано, что общество не хаотическое скопление людей, а совокупность, целостность, скрепляемая не только механизмом действий присущих обществу объективных закономерностей, но и субъективной, управленческой деятельностью, различного уровня организаций управления и самоуправления. Любое общество в зависимости от степени уровня социальной турбулентности сохраняет указанную систему управления посредством общественных институтов.*

Ключевые слова: *управление, общество, социальная турбулентность, управленческая культура, синергетика, социокультурная парадигма.*

D.S. Klementyev

VALUE OF ADMINISTRATIVE CULTURE IN THE CONDITIONS OF SOCIAL TURBULENCE

Abstract. *It is shown that society not a chaotic congestion of people, but set, the integrity fastened not only with the mechanism of actions of objective regularities inherent in society, but also subjective, administrative activity, various level of the organizations of management and self-government. Any society depending on degree of level of social turbulence keeps the specified control system by means of public institutes.*

Keywords: *management, society, social turbulence, administrative culture, synergetrics, sociocultural paradigm.*

Не только России, но всему мировому сообществу требуются кардинальные изменения управленческих технологий в экономике и политике, которые в начале третьего тысячелетия, к сожалению, имели тенденции к формированию «одномерного», обезличенного человека и, как следствие, «одномерного», «омассовленного», «бездуховного» общества. Перспективы его развития не только непредсказуемы, но и однозначно подвержены процессам социальной турбулентности. Однако любое общество, вне зависимости от степени и уровня социальной турбулентности, продолжает оставаться системой социального взаимодействия, причем не беспорядочного, а организованного, управляемого общественными институтами. Сформировав человека с определенными социальными качествами, социокультурная среда предъявляет к нему определенные требования, вытекающие из природы данного общества, из сущности общественно-политических, правовых, экономических отношений. Общество – не хаотическое скопление людей, а самоорганизованная их совокупность, целостность, скрепляемая не только механизмом действия присущих обществу объективных закономерностей, но и субъективной, управленческой деятельностью, различного уровня организации. Это вселяет оптимизм и надежду на успешное завершение цикла социальной турбулентности, благодаря

его социокультурному преобразованию. Подобная концепция управления связана с синергетическими идеями социокультурной взаимообусловленности социума и поведением человека. Информационная культура как алгоритм человеческой деятельности дает возможность преодолеть большие трудности, обусловленные огромным количеством информации и знания, накопленного человечеством. На это обращает внимание один из отцов синергетики Г. Хакен, который считал, что «в духе синергетики важно найти общие унифицирующие идеи и принципы, чтобы справиться с управлением столь огромного количества информации» [10, с. 53].

Управленческая культура – это соответствие требованиям применительно к особенностям управленческой деятельности. Поскольку идея и технические выражения идеи культуры зависят от специфики деятельности, то наряду с полнотой содержания культурных требований значимость и относительный вес этих составляющих требований структурируются в зависимости от того, что вводится в управленческой среде как наиболее важное для управленческой деятельности. В основе управления лежит совмещение двух групп процессов - рефлексивных и коррекционных.

При определении ценностей, истинности появляется потребность в рефлексивно-мыслительной культуре управленца, т. е. коррекционная культура, предполагающая учет как управленческих требований, замыслов, идей, так и особенностей жизни, деятельности и условий, характерных для управляемых подсистем. Рефлексивная и коррекционная ориентация в культуре управления обращены как вовне, на исполнительское звено, так и вовнутрь, в рамках самоорганизации и подчинения себя сформированным нормам и требованиям. Таким образом, управленческая культура в управленческой среде есть наличие требований к осуществлению управленческих действий, коммуникации и общения, самоорганизации и совершенствования качества управленческой деятельности.

Социокультурный аспект кризиса управления заключается в выборе: обретает ли сегодня каждый гражданин возможность обустроить свою жизнь так, как сам считает нужным (при условии, что это не препятствует осуществлению другими людьми аналогичных прав и свобод), или по-прежнему основные жизненно важные решения принимают безличные институты?

Использует или упускает Россия возможности социокультурной реформации как некий исторический шанс своего развития в XXI столетии?

Жизнь человека предстает как серия его собственных выборов, посредством которых индивид сам контролирует и реализует себя как самодостаточный социокультурный элемент. На индивидуальном уровне в социологии управления акцент делается на существенном изменении положения человека в обществе как целостной системе. В условиях кардинальных изменений форм собственности и роли интеллектуального капитала в ней, индивид постепенно перестает быть преимущественно объектом воздействия со стороны государства и других безличных институтов (продуктом институциональной среды), он все более становится субъектом в своих взаимоотношениях с властями, обретает разностороннюю свободу, индивидуализированную многомерность.

Первые результаты исследования этих проблем представлены в книге Н.И. Лапина и Л.А. Беляевой [8, с. 214].

Согласно данным исследования, сформировались три конфликтующие между собой ценностные социокультурные макропозиции, которые отражают следующие определения:

- «потребительский конформизм»;
- «предприимчивый нонконформизм»;
- «властолюбивый эгоизм».

На этот счет имеются различные теоретические построения, гипотезы, которые нуждаются в эмпирической верификации, насколько она возможна методами социологии управления. Одним из основных направлений такой верификации является исследование ценностей населения – их роли в социокультурной эволюции российского общества.

Необходимо учитывать тот факт, что начало третьего тысячелетия ознаменовано тем, что рушатся не только идеологические догмы, но и фундаментальные понятия, такие как «либерализм», «демократия», «плюрализм», они теряют свою внутреннюю определенность в силу идейного кризиса каждого из них.

Согласно Ю.Н. Давыдову: «... в противоположность кризисному сознанию, изначально тяготеющему к иррационализму, стабилизационное сознание тесно связано с верой в разум и соответственно с той или иной формой рационализма, а временами сциентизма – убеждения в неограниченных возможностях науки. Это убеждение (в ряде случаев перерастающее в прямое обожествление науки) с логической необходимостью выливается в серию попыток реставрации идеи Прогресса и восстановлении общей прогрессистской традиции просветительского сознания. Прогресс понимается при этом, прежде всего и главным образом, как бесконечный прогресс науки и техники, позволяющий в принципе решать все без исключения человеческие проблемы, в том числе и социальные. Отсюда общая (хотя и не всегда осознаваемая) мировоззренческая предпосылка, согласно которой прогресс этот «в общем и целом» ведет «куда следует», а потому не подлежит критике. Наоборот, он сам рассматривается как исходная позиция для критики всех идей, признанных «не или недостаточно «прогрессивными» теми, *кто* считает себя его приверженцами» [5, с. 234].

Социокультурный аспект осознания кризиса в социологии управления позволяет отмечать тот факт, что современный мир – это противоречивая целостность, и поэтому достигнутый уровень науки, будучи показателем социокультуры, одновременно демонстрирует как свою мощь, так и слабость.

Чтобы управлять этими процессами, предотвращая их, человек должен оказать самое решительное сопротивление той силе, которая продуцирует подобные безграничные потребности к экспансии.

Необходимо понимание того, что культура – это не только «дальнейший социальный прогресс», это еще и создание гармонического естественно-природного комплекса, представляющего собой условие гуманизации человеческих отношений, которые являются гарантией сохранения культуры как социального способа адаптации.

К факторам социокультурного воздействия относятся:

- техника и технология;
- состояние экономики;
- ментальные факторы;
- политические факторы.

Социокультурные факторы определяются тем, что любой коллектив функционирует, как правило, в одной культурной среде. Поэтому социокультурные факторы, в числе которых преобладают установки, жизненные ценности и традиции, в решающей степени влияют на плодотворную деятельность этого коллектива. Социокультурные факторы воздействуют не только на взаимоотношения внутри данного коллектива, но и являются определяющими при производстве продукта и повышении его качества.

В социологии управления постоянно возникает полемика по поводу кризиса культуры, особенно в управлении.

Прежде всего, функциональные нарушения в действии механизмов адаптации, которые создают трудности для индивидов как в плане их взаимодействия между собой, так и в плане их взаимоотношений с природой.

Активно воздействуя как на социальные, так и на природные комплексы, человек не всегда учитывает необходимость подстраиваться под эти изменения. В итоге возникают ситуации, когда эти изменения превышают достигнутый на данный момент человеком, социальной системой или человечеством уровень адаптивной способности. Такие моменты бывают чреваты войнами, массовыми движениями, стрессами или катастрофой в глобальном масштабе.

В этом случае кризис культуры есть такое ее состояние, при котором, с одной стороны, человек, сознательно или бессознательно, продуцирует новые формы реальности, не обеспечивая при этом эффективной адаптации к ним, с другой стороны, парализуется сам процесс создания новых ценностей, соответствующих изменившейся социоприродной ситуации.

Политическая обстановка в сфере социологии управления относится к социокультурным факторам, так как определяет отношение к нему не только других государств, но и оказывает существенное воздействие на поведение управленцев разных уровней.

Начиная реформу, политическое руководство страны достаточно адекватно оценивало состояние дел в сфере государственного управления и понимало, что сложившаяся система является тормозом осуществления любых других реформ [7, с. 672].

В ходе реформы предполагалось решить три главные задачи:

- разграничение полномочий федеральных и региональных органов власти, местного самоуправления;
- формирование новой системы государственной службы;
- реформа функций и структуры исполнительной власти.

Тот факт, что была разрушена вся идеологическая система, даже ее полноценно работавшие гуманистические функции, пока не находит соответствующих оценок. А между тем не работают элементарные идеологические механизмы защиты общества, без которых невозможно существование цивилизованного общества.

Неработоспособность обусловлена тем, что власть, сформировавшаяся на волне критики старой системы, особенно в ее идеологических проявлениях, латентно продолжает действовать, исходя из старых идеологических законов, а общество их уже не воспринимает.

Это приводит к тому, что народ лишается ценностных ориентиров и его не удовлетворяют старые цели и способы их достижения, а новых целей нет. В этих условиях неизбежно утрачивается созидательный потенциал: человек не может полноценно трудиться в случае отсутствия ясных для него целей. Это неизбежно ведет к ослаблению основ государства.

В качестве одной из социокультурных парадигм социология управления выделяет владение новейшими управленческими технологиями, которая определяется организационно-культурным подходом.

Группой авторов было проведено исследование, которое позволяет выделить и классифицировать следующие категории организационной культуры по их содержанию и силе воздействия на поведение ее сотрудников [12, с. 98–114].

1. **Артикулированные культуры**:

- комплексные сильные;
- комплексные слабые;
- акцентированные сильные;
- акцентированные слабые.

2. **Диффузные культуры:**

Так организационная культура операционализируется в данном исследовании через ролевой стандарт, который верифицируется:

- *во-первых,* через восприятие респондентами того, что ожидается от хорошего работника в его организации;
- *во-вторых,* эти ожидания должны быть агрегированы в рамках отдельных организаций, а не представлять собой сумму индивидуальных восприятий;
- *в-третьих,* исследователя интересуют те ролевые ожидания, которые формируются под влиянием организационной среды и относятся не к конкретной узкой должностной позиции, а к позиции «обобщенного» работника, члена данной организации.

Источником формирования ролевого стандарта является внутренняя среда организации. Анализируя ролевые стандарты, мы можем судить о том, какие ожидания доминируют в организации.

Таким образом, ролевой стандарт определяет два аспекта взаимодействия: информативно-содержательный и нормативно-регулятивный. С одной стороны, он предъявляет работнику содержание основных требований к нему и его поведению, с другой – формирует у работника ожидания реакций со стороны организации на свое поведение. Мировые процессы глобализации, ведущие к постепенному размыванию национальной идентичности в самых разных сферах ─ в управлении, экономике, массовых коммуникациях, культуре, – затронули большую часть современного мира, включая Россию. Наряду с мировыми процессами, кризис, в ходе продолжающейся общественной трансформации, обусловил глубокие противоречия и в российской ментальности, в системе базовых ценностей и не могли не коснуться управленческих приоритетов.

Фрагментарность представлений о сложности и глубине процессов, происходящих в российском обществе, осознана большинством экспертного сообщества ─ социологами, философами, историками, политологами, а также управленцами разного уровня, членами руководства различных партий. Она мешает сформулировать общенациональную идею и определить вектор стратегического развития страны. «Именно поэтому базовые ценности и программы большинства политических партий размыты и производят впечатление написанных «под копирку», а ряд исследователей фиксируют наличие «когнитивного диссонанса» между элитой и обществом» [12, с.10; 6, с.26].

Общество – открытая система, в которой будущее хотя не детерминировано прошлым, но значительно зависит от воли, энергии и организованности действий предшествующих поколений. Историческое наследие, которое люди используют в качестве фундамента развития будущего, являлось духовным стержнем жизнедеятельности предыдущих поколении, часть которого не должна утрачивать своих свойств ни при каких обстоятельствах. Любое общество должно быть открыто для оценки и восприятия тех базовых ценностей, без которых человек полноценно не может состояться.

Социология управления в происходящей трансформации должна сформировать методологический вывод: свободная игра экономических сил так же, как и жесткое административно-командное управление, никогда не выведут общество из кризиса. Исследование базовых ценностей россиян показывают, что противоречивое неприятие ценностей отражало не идейные столкновения непримиримых оппонентов и не попытку синтеза противоборствующих начал, а, скорее, незавершенность процессов формирования новых ценностных и политико-идеологических ориентиров в массовом сознании, в восприятии базовых ценностей российской властью и элитой в целом [2, с. 11].

В этих условиях востребованными оказались те установки, которые оправдывали новый, пока не совершенный и неэффективный социальный порядок, и некоторые политики доказывали его целесообразность. В значительной мере нарастание охранительных тенденций выражало желание недобросовестных политиков закрепить доминирующее положение, достигнутое в ходе ельцинских реформ, а усталость большинства населения от хаоса и неопределенности предшествующего периода позволяло это делать из-за желания добиться минимальной стабильности и порядка. А.С. Ахиезер так характеризовал эту ситуацию: «Общество сформировано на господстве инверсии, что привело к расколу, к опасному разрыву культурного поля, к слабости базового консенсуса, слабости конструктивной напряженности. Именно с этим связывается раскол между двумя «суперцивилизациями ─ традиционной и либерально-модернистской», определяющий социокультурную специфику России и содержание базовых ценностей» [1, с. 142].

Десятилетие спустя такое утверждение требует экспертной оценки и новых научных подтверждений. Необходимо отметить, что экспертная специфика и связанная с ней эффективная деятельность социологических исследований по поводу современных

верификаций базовых ценностей, возможна лишь при учете всей совокупности социальных факторов, а не только исторических, к тому же субъективно проинтерпретированных.

Этим процессам соответствует культура, будучи совокупностью символических форм, порожденная в ходе формирования информационного общества, она дает человеку сеть смыслов.

Известный американский культуролог К. Гирц в связи с этим пишет следующее: «Концепция культуры ... по существу семиотична. Разделяя точку зрения Макса Вебера, согласно которой человек – это животное, опутанное сотканными им самим сетями смыслов, этими сетями является культура. И анализировать ее должна не экспериментальная наука, занятая выявлением законов, а интерпретативная, занятая поисками значений. Подобно тому как паутинная конструкция задает в определенном плане жизнедеятельность паука, так и культура детерминирует поведение человека» [4, с. 173].

Таким образом, принципиально меняются подходы к методам управления. К. Гирц подчеркивает: «культуру лучше рассматривать не как комплексы конкретных паттернов поведения – обычаев, традиций, кластеров привычек – как это, в общем, было принято до сих пор делать, а как набор контрольных механизмов – планов, рецептов, правил, инструкций (того, что компьютерщики называют «программами»), – управляющих поведением ... человек – это животное, в своем поведении самым драматическим образом зависящее от экстрагенетических контрольных механизмов, от культурных программ» [3, с. 127].

В таком случае на социологах сегодня лежит большая ответственность, которая может быть сформулирована в следующих принципах.

Во-первых, собирая конкретную информацию– эмпирические данные– исследователь должен ответить на вопрос о фактическом положении дел, а не оперировать общепринятыми словами «здравого смысла», «обыденной логики» или апелляцией к работам художественных, религиозных и политических авторитетов.

Во-вторых, социологи систематически отбирают информацию из массы всевозможных сведений. В политических дебатах участники дискуссии часто пытаются подтвердить свою аргументацию конкретными примерами. Отработанная система сбора данных должна сопутствовать не собственным представлениям (сознательно или бессознательно), а отражать адекватность привлекаемой информации. Не только выбор информации, но и рациональное использование отражают степень ее объективности.

Социологи давно отмечают, что люди обладают удивительной способностью искажать свои представления в воспоминаниях. Эти искаженные восприятия используется как один из факторов не столько управления, сколько манипуляции.

В-третьих, основополагающей базовой ценностью как профессиональной нормой для социолога выступает честность. Это означает, что человек, представляя результаты исследования, даже если они его не удовлетворяют, не должен ничего ни скрывать, ни приукрашивать. Оттар Хеллевик приводит главные принципы научного метода профессиональные базовые ценности, часть которых сформулированы известным американским социологом Р. Мертоном:

- универсализм – истинность утверждения не должна зависеть от утверждающего;
- всеобщность – знание как всеобщее достояние должно находиться в открытом доступе;
- бескорыстие – результаты работы не должны зависеть от вознаграждения ученого;
- организованный скептицизм – ответственность ученого за качество работы и гласность оценок работы коллег [11, с. 192].

Российское общество по своему менталитету, по ценностям, по культурным ориентациям – общество и европейское, и восточное (евразийское), что безусловно имеет и

территориальные преимущества, но и определенные сложности в управлении социально-экономическими, политическими и социокультурными процессами.

Необходимо, чтобы процесс трансформации системы управления в социальный институт постиндустриального типа происходил с учетом специфики формирования государственной власти в России и интересов формирования гражданского общества. «Для того чтобы это произошло, следует научно ответить на вопрос о том, что собой представляет управление как социальное явление, каковы его структура и функции, в чем состоит проблема управления для нашего общества с учетом его культурно-исторических особенностей»,– пишет А.В. Тихонов [9, с. 123].

Задача социологии управления – не допустить создания разделительных линий, а максимально стремиться утверждать идеал толерантности на всех уровнях управления.

Список литературы

1. Ахиезер А.С. Специфика российского общества, культуры, ментальности как теоретическая и практическая проблема // Обновление России: трудный поиск решений. Вып. 9. РНИСИНП. М.: 2001. С. 139–148.

2. Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / [А.В. Рябов и др.]; отв. ред. А.В Рябов, Е.Ш. Курбангалиева. М.: ДОМ интеллектуальной книги. 2003. 448 с.

3. Гирц К. Влияние концепции культуры на концепцию человека // Антология исследований культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 115–141.

4. Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Антология исследований культуры. СПб: 1997. Т. 1. С. 173.)

5. Давыдов Ю.Н. Очерки по истории теоретической социологии XIX-начала XX века. М.: Наука, 1994. 239 с.

6. Дубов И.Г., Ослон А.А., Смирнов Л.М. Экспериментальные исследования ценностей в российском обществе. М.: Институт Фонда Общественное мнение. 2001. 318 с.

7. Комаровский В.Е. Административная реформа в России: проблема демократизации и коммуникации в процессе управления // Государственное управление в XXI веке: традиции и инновации: Материалы 4-й ежегодной международной конференции факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова (24–26 мая 2006 г.). М.: РОССПЭН, 2006. С. 670–673.

8. Кризисный социум: наше общество в трех измерениях / [Н.И. Лапин и др.; Общ. редактирование Л.А. Беляевой, Н.И. Лапина]; Рос. АН, Ин-т философии. М.: ИА РАН. 1994. 243 с.

9. Тихонов А.В. Социология управления. Теоретические основы. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2000. 324 с.

10. Хакен Г. Информация и самоорганизация; макроскопический подход к сложным системам. М.: Мир, 1991. 240 с.

11. Хеллевик О. Социологический метод / Пер. с норв. М.: Весь Мир. 2002. 192 с.

12. Эфендиев А.Г., Гоголева А.С., Балабанова Е.С. Организационная культура как нормативно-ролевая система требований к работнику бизнес-организаций // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15. N 3. С. 98–114.

Н.И. Лапин

СПОНТАННЫЙ ХАРАКТЕР ПРОЦЕССОВ МОДЕРНИЗАЦИИ И РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИННОВАЦИОННЫХ СИСТЕМ (НА ОСНОВЕ «АТЛАСА МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ И ЕЕ РЕГИОНОВ»)

Аннотация. *«Атлас» подготовлен большим коллективом специалистов, опытных и молодых, представляющих институты РАН и ведущие университеты ряда регионов России, с учетом данных по 130 странам, которые получены от коллег из АН Китая. Вопреки скептицизму, показано, что в России осуществляются две стадии модернизации─ индустриальная и информационная, но спонтанно, пространственно неравномерно и социокультурно противоречиво. Обоснована целесообразность дальнейшего развития национальной инновационной системы как общероссийско-региональной, которая осуществляется путем координированных взаимодействий сверху и снизу ─ из Центра и от регионов и муниципальных образований.*

Ключевые слова: *Стадии модернизации – индустриальная и информационная, многоуровневая национальная инновационная система, региональная инновационная система, способы активизации инновационной деятельности.*

N.I. Lapin

SPONTANEOUS PROCESSES OF MODERNIZATION AND DEVELOPMENT OF REGIONAL INNOVATION SYSTEMS (BASED ON «ATLAS OF RUSSIA'S AND ITS REGIONS MODERNIZATION»)

Abstract*. Atlas prepared a large staff, experienced and young, representing the institutions of the Russian Academy of Sciences and a number of leading universities of Russia's regions, based on 130 countries data that received from colleagues from Chinese Academy of Sciences. Despite scepticism, it is shown that in Russia carried out two stages of modernization − industrial and information, but spontaneously, spatially uneven and social and cultural contradictory. Expediency of the further development of the national innovation system as all-Russian-regional, which is carried out through coordinated interactions at the top and bottom, from the Centre and the regions and local communities.*

Keywords*: Stage of modernization ─ industrial and information, multi-level national innovation system, regional innovation system, ways to enhance innovation.*

Я представляю не только Центр изучения социокультурных изменений Института философии РАН, но и более 200 активных участников межрегиональной программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов». От их имени я приветствую участников настоящей конференции и могу подтвердить, что ее тематика высоко актуальна для России и союзного государства Беларусь, для всех новых независимых государств. Об этом убедительно свидетельствуют новые результаты осуществления названной Программы, опубликованные в коллективной монографии «Атлас модернизации России и ее регионов» [1].

Авторы «Атласа» опирались на понимание цивилизационных процессов в мире и России в Новое время, на изучение российских статистических данных двух последних десятилетий и результаты собственных, около ста социологических исследований почти в трети субъектов Российской Федерации. При этом тесно сотрудничали с Центром исследований модернизации Академии наук Китая (профессор Хэ Чуаньци), использовали его индексы модернизации 130 стран мира. Берусь утверждать, что в этом коллективном

труде содержатся уникальные данные, доказаны новые группы фактов и сделаны выводы, имеющие практическое значение.

(1) Показано, что в наше время модернизация – это не политико-институционные изменения «вдогонку», а комплексный, цивилизационный процесс, который осуществляют широкие массы населения ради удовлетворения своих потребностей в повышении условий труда и качества жизни. Этот процесс включает четыре главные компоненты: технико-технологическую, социоэкономическую, социокультурную, институционно-регулятивную. В силу ограниченности данных, в «Атласе» сосредоточено внимание на двух компонентах: социоэкономической и социокультурной.

Начиная с Возрождения, Просвещения и первых промышленных революций, предприниматели, менеджеры, рабочие Англии и других западноевропейских стран стали овладевать новым типом культуры труда – труда индустриального. Общества этих стран встали на путь преобразований из аграрных в индустриальные – это была ***первая, индустриальная стадия*** модернизации, которая вначале осуществилась в рамках западной цивилизации, а ее результатом стала ***индустриальная цивилизация*** как новый способ жизнеустройства сообществ людей. Таким образом, модернизация западной цивилизации осуществляется уже около 300 лет.

В 70-х годах XX века в США, затем в Европе началась ***вторая, информационная стадия*** модернизации – переход от индустриальной цивилизации к информационной, основанной на знаниях. В конце XX – начале XXI века, в условиях глобализации процессы информатизации распространились на многие страны и приобрели ***всемирный характер***.

(1) К настоящему времени в глобальном масштабе, прежде всего в среднеразвитых странах, в том числе в России, ***одновременно совершаются обе стадии модернизации***, но в каждой стране разные стадии находятся в разных фазах и преобладают в разных регионах, т.е. модернизация осуществляется весьма неравномерно.

По оценкам экспертов [2, с. 230–234], если не случится катастрофа глобального масштаба, во второй половине XXI столетия всемирная модернизация затронет более 190 стран (примерно 6 млрд человек). К 2100 г. из них:

- по-прежнему лишь около 20 стран будут модернизационно наиболее развитыми, а остальные 170 стран – развивающимися по отношению к развитым, в их авангарде окажутся около 25 стран;
- стандарты вторичной модернизации 20 развитых стран будут в 5 раз выше, чем в 2005 г., а средний уровень модернизации в мире будет отставать от них на 50 лет;
- позиция каждой страны в процессе всемирной модернизации может изменяться: лидирующим странам следует постоянно защищать свои передовые позиции, а догоняющим – ускорять темп модернизации.

Игнорирование модернизации сопровождается стагнацией и/или рецессией (деградацией) и даже гибелью страны, цивилизации. Первоочередной *внешней* целью/функцией модернизации становится обеспечение безопасности, независимости государства, страны.

Такова первая группа фактов.

Вывод № 1. В XXI в. возрастет неравномерность модернизации между странами, а их конкуренция будет крайне жесткой. Одновременно возрастают риски уклонения от модернизационного выбора.

(2) Вторая группа фактов – впервые в мире получены количественные характеристики не только уровней, но ***комплексных состояний*** **(типов)** модернизированности регионов: в *единстве стадий* модернизации, их *уровней и фаз* в каждом регионе. Для их получения мы **сконструировали модель искомых состояний,** а на основе полученных данных выявили иерархию, кластеризацию и динамику регионов по состояниям модернизированности.

Ниже приведены основные состояния (типы) модернизированности всех 83-х регионов России и число регионов каждого типа в 2012 г. Это симметричный перечень, в

котором *дифференцирующей осью служит* завершающая фаза первичной модернизации: фаза перехода от типа 3 к типу 4 ─*от первичной к вторичной модернизации*.

Тип 1. 6 регионов: начинающие, начавшие, возобновившие индустриальную (первичную) модернизацию; ее уровни ─ низкий и ниже среднего, фазы ─ начало и рост; характеристики вторичной модернизации – условные уровни ниже среднего, идентификация с фазами невозможна;

Тип 2. 23 региона: продолжающие индустриальную (первичную) модернизацию; ее уровни ─ средний и ниже среднего, фазы ─ рост и зрелость; характеристики вторичной модернизации ─ условные уровни ниже среднего, идентификация с фазами невозможна;

Тип 3. 29 регионов: зрелая фаза индустриальной (первичной) модернизации; ее уровни ─ средний и выше среднего; характеристики вторичной модернизации – условные уровни: средний, выше среднего, идентификация с фазами невозможна;

Тип 4. 11 регионов: начинающие информационную (вторичную) модернизацию; первичная модернизация – уровни выше среднего, переходная фаза; характеристики вторичной модернизации – уровни: средний и выше среднего; подготовительная и начальная фазы;

Тип 5. 8 регионов: продолжающие информационную (вторичную) модернизацию, подготавливая ее развитие; первичная модернизация – уровни выше среднего, переходная фаза; вторичная модернизация – уровни выше среднего, высокий; начальная фаза;

Тип 6. 6 регионов: развитые и продолжающие развивать информационную (вторичную) модернизацию; первичная модернизация – уровни выше среднего, переходная фаза; вторичная модернизация – уровни выше среднего, высокий; фаза роста.

Вывод № 2. Вопреки скептицизму, в России с 2000 г. эволюционно осуществляются не только первая, но и вторая, информационная стадия модернизации, а в 2011–2012 гг. страна в целом вступила в подготовительную фазу этой стадии.

Однако, фактически такое продвижение осуществили только 25 регионов, включая 6 лидеров. Остальные 58 регионов (с 2014 г. – 60) остаются на первой, индустриальной стадии; из них половина – в низких ее фазах (6 регионов – в самых низких фазах), а другая половина регионов остановилась в средней ее фазе. ***Модернизация*** **везде осуществляется контрастно (между регионами и в самих регионах),** ***затормозилась и социокультурно неэффективна*** отчасти из-за внешних причин, но главным образом из-за внутренних. Глубинные причины неэффективности и торможения модернизации кроются в низкой востребованности человеческого потенциала трудоспособного населения каждого региона, в отставании когнитивной, интеллектуальной составляющей процессов модернизации, в узости и бедности спроса частного и государственного бизнеса на новые отечественные знания и технологии.

По экспертным оценкам, значительно отстает институционально-регулятивная составляющая модернизации, которая осуществляется спонтанно, фрагментарно. Мы не имели данных для количественного ее измерения, но учитывали, что в Институте социологии РАН осуществляется проект «гражданская экспертиза проблемы реформирования властно-управленческой вертикали…», в рамках которого проводится настоящая конференция.

В целом констатируем, что в России не завершено предполагавшееся формирование национальной инновационной системы как ключевого инструмента модернизации, которая в целом эволюционирует спонтанно.

Вывод № 3. В условиях спонтанного развития процесс модернизации лишается необходимой комплексности, становится фрагментарным, несбалансированным, дисфункциональным, нередко сопровождается революционными потрясениями.

(3) Дальнейший анализ показал, что требуется мягкое, но системное государственное регулирование процессов модернизации. Учитывая длительный российский опыт, эффективным не может быть регулирование только сверху. Но двуединое регулирование – «сверху», от федеральных органов власти, и «снизу», от региональных органов – может стать достаточно эффективным. Конструктивное взаимодействие инициатив «сверху и снизу» даст синергийный эффект перехода большинства регионов во вторую, информационную стадию модернизации.

Подход к такому взаимодействию я вижу в новой Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации. При характеристике *возможностей* развития приведены ***альтернативные сценарии*** (п. 24):

«**а)** импорт технологий и фрагментарное развитие исследований и разработок, интегрированных в мировую науку, но занимающих в ней подчиненные позиции;

б) лидерство по избранным направлениям научно-технологического развития в рамках как традиционных, так и новых рынков технологий, продуктов и услуг и построение целостной национальной инновационной системы».

Первый сценарий охарактеризован как стагнационный. Предпочтение отдано второму сценарию (назовем его *сценарием научно-технологического лидерства России*), который включает построение **целостной национальной инновационной системы** и «предполагает преодоление сложившихся негативных тенденций, эффективную перестройку как корпоративного, так и государственного сектора исследований, разработок и инноваций и требует при этом опережающего увеличения расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы по отношению к валовому внутреннему продукту и приближения их уровня к показателям развитых в научно-технологическом отношении стран» (п. 25).

Отмечено, что реализация второго сценария требует концентрации ресурсов на получении необходимых новых научных результатов; а также обеспечения взаимовлияния науки и общества посредством привлечения общества к формированию запросов на результаты исследовательской деятельности; развития сетевых форм организации научной, научно-технической и инновационной деятельности; развития инструментов возвратного, посевного и венчурного финансирования для создания и (или) модернизации производств; создания субъектам предпринимательской деятельности, кредитно-финансовым структурам и физическим лицам условий для осуществления инвестиций в сферу исследований и разработок (пп. 27, 32е, 33а, 34е).

Как видим, новая Стратегия нацелена на продолжение формирования национальной инновационной системы, уже как **целостной,** с привлечением общества. Однако, регионам уделено внимание лишь как исполнителям положений Стратегии. Этого явно недостаточно. Реальный запрос развития России состоит в формировании инновационных структур, которые не обособлены от локальных социокультурных сообществ, а органично выросли в них. Совсем не случайно к настоящему времени в регионах возникло немало фрагментов инновационных систем. Реализация новой стратегии невозможна без поддержки ключевых инновационных проектов регионов и фактически должна стимулировать формирование *региональных инновационных систем*.

Культурно-исторические особенности России и ее регионов, ее регионально дифференцированного цивилизационного процесса убеждают в целесообразности ***двухуровневой, общероссийско-региональной НИС***, первичным уровнем которой служат региональные инновационные системы. При этом как для общероссийской, так и для региональных инновационных систем предпочтителен *смешанно-сетевой их характер*. В отличие от рыночно-сетевой и административно-командной систем, это должна быть рыночная, не иерархическая, а именно сетевая система, но смешанная, основанная на паритетно-партнерском участии государства, частных и смешанных структур. При сохранении федеральной вертикали власти, которая поддерживает обоснованные инициативы регионов и требует от их органов управления, от бизнеса и всего населения:

действуйте активно, инициативно, но соблюдайте законы РФ, не нарушайте их, и мы будем Вас поддерживать.

Вывод № 4. «Конструктивное взаимодействие кадров центра и регионов решает все».

Выбор в пользу модернизации и сам процесс ее осуществления зависит «от пройденного пути», но открыт настоящему и будущему. Выбор будущего через модернизацию, определение ее целей, способов и сроков, снижение возможных ущербов и рисков – ответственное дело, требующее высокой компетентности. Политическим деятелям предстоит выполнять свои задачи на основе научного анализа исторических тенденций и реального состояния своей страны, каждого ее региона, с учетом традиционных и современных ценностей населения. Осуществление модернизации предполагает конструктивные взаимодействия федеральных и государственных органов между собой, с бизнесом, наукой, образованием и работниками других сфер жизни российского общества и его региональных сообществ.

Гражданская экспертиза – необходимый инструмент оценки этого взаимодействия.

Список литературы:

1. «Атлас модернизации России и ее регионов (социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы)» / [Л.А. Беляева и др.]; сост. и отв. ред. Н.И. Лапин. М.: Весь мир, 2016. 360 с.
2. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / Пер. с англ., под общ ред. Н.И. Лапина; предисл. Н.И. Лапин, Г.А. Тосунян. М.: Весь мир, 2011. 256 с.

В.К. Левашов

НОВАЯ ПАРАДИГМА СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Аннотация. *Актуальная проблемная ситуация не может быть научно осознана в границах традиционных парадигм: консенсусной или конфликтной. Новая социологическая парадигма возникает как метод познания и практики в новой социальной реальности в единстве интересов и потребностей человека, общества и природы.*

Ключевые слова: *социологическая парадигма, новая социальная реальность, политическая культура, императивы стратегии развития.*

V.K. Levashov

NEW PARADIGM OF SOCIOLOGICAL THEORY AND PRACTICE

Abstract. *The current problematic situation cannot be scientifically understood within the boundaries of traditional paradigms: consensus or conflict. A new sociological paradigm appears as a method of knowledge and practice in the new social reality in the unity of the interests and needs of man, society and nature.*

Keywords: *sociological paradigm, a new social reality, the political culture, the imperatives of strategy of development.*

Неоконсервативная модель развития, связанная с именами М. Тэтчер и Р. Рейгана, работавшая с 80-х годов прошлого века и выразившаяся в бесконтрольном стимулировании потребительского спроса и расходов со стороны государства на пути к «народному капитализму», привела в 2008 году к глобальному экономическому кризису и частичному разрушению мировой финансовой системы. Бывший министр финансов США Г. Полсон и его команда сумели ценой экстренного вмешательства государства и частичной национализации спасти банковскую систему США и мировую финансовую систему от

полного развала и наступления мирового экономического хаоса[9]. **Теоретическая модель и практика неолиберализма, на которые сделали ставку российские младореформаторы 90-х годов, показали свои ограниченные возможности и неспособность соответствовать потребностям динамично развивающейся глобальной экономики, мировой цивилизации и всей системе жизнесуществования планеты.** В последнее время мы наблюдаем все больше свидетельств медленного наступления общественного момента истины – признаваемого большинством граждан, политиков и ученых консенсуса мнений о картине новой социальной реальности.

Сложившаяся к концу XX – началу XXI веков система единого мирового хозяйства и взаимосвязанных мировых рынков, экономическая интеграция Китая, России, Центральной и Восточной Европы стали существенным образом определять характер развития мировой цивилизации как в целом, так и в локальных частях. Динамичным трендом этого развития стало формирование глобального экономического общества с единым рынком труда, материальных и интеллектуальных ресурсов, капитала. Новая глобальная социальная ситуация привела к масштабным перемещениям больших этнических групп населения. Формирование глобального политического и социального универсума идет вслед за экономическим развитием и отражает его особенности в институциональной структуре со всеми противоречиями и борьбой интересов становления. **Мировой экономический кризис потребовал вмешательства государства в качестве регулятора, выполняющего функцию социализации финансового капитала.**

Основной сущностной характеристикой глобального экономического общества является массовый характер потребления материальных благ. Господствующий на планете способ жизнедеятельности массового материального производства и потребления привел к началу процессов деградации биосферы. Антропогенное воздействие в его современных масштабах и способах оказалось губительным для биологических основ жизни на планете. Человек экономический в своей деятельности вошел в противоречие с человеком биосферным. Ценности и стандарты общества массового потребления призваны публично поддерживать легитимность максимализации прибыли, которая обеспечивается инновациями экономического роста и роста потребления ресурсов. **Безудержный и безграничный экономический рост ведет к деградации биосферы, материальной деградации современного общества, и, как следствие, к духовной деградации общества, которая вновь воспроизводит ценности массового потребления.**

Генеральной тенденцией жизни формирующегося глобального общества стала массовость гражданских процессов. Тенденция, выделенная Ортега-и-Гассетом в начале XX годов прошлого века и названная им «восстание масс», приобрела тотальный характер как в индустриальных, так и в постиндустриальных обществах [2, с. 17]. Отмена визовых и таможенных ограничений, интенсификация межкультурного обмена ускорили процесс формирования глобального гражданского общества. Просвещение и образование широких слоев населения в развитых и развивающихся странах, НТР, взрывное развитие интернет-технологий и других средств массовых коммуникаций и информации, а также революция собственности, доходов и управляющих привели к формированию массового среднего класса, который стал основной социальной движущей силой современного развитого гражданского общества. Современный город и общество способствуют формированию гражданина и малых социальных общностей особого типа. Вовлеченные в сферу интеллектуального труда и информационных услуг, эти новые социальные субъекты технологически контролируют в развивающемся обществе знаний колоссальный креативный и деструктивный потенциал. Особая роль нового массового среднего класса накладывает на него особую социальную ответственность. **Попытки материальной и духовной**

[9]Всего Федеральной резервной системой США под нулевой процент выдано финансовым институтам и государствам 16 триллионов безвозвратных кредитов. Россия потратила на стабилизацию финансовой системы до четверти своих золотовалютных резервов.

дискредитации среднего класса в создавшихся условиях могут превратить его в главный революционный класс современности, привести к масштабным социальным потрясениям и катастрофам. Средний класс становится не только основной производительной силой, но и центральным социальным звеном в системе отношений общества и государства.

Общепринятая точка зрения о том, что средний класс стабилизирует, цементирует социальную структуру общества, делает государство устойчивым начала уже в какой раз под напором реальных фактов подвергаться сомнению. В 2007 году Министерство обороны Великобритании совместно со своими аффилированными научными аналитическими структурами опубликовали очередной доклад о глобальных тенденциях развития [4]. В разделе стратегических угроз (*shocks*) социальной сферы обозначена и названа новая угроза, которая, по мнению ученых, в силу нелинейного характера развития современного общества может внезапно возникнуть в будущем – появление нового революционного класса – пролетариата среднего класса (*the middle class proletariat*). Глобализация мировых рынков труда и свертывание масштабных национальных социальных программ и программ борьбы с безработицей приводит к глобальной мобильности рабочей силы и созданию в развитых странах социальных противоречий нового типа. В развитых странах Запада, и в том числе в России, возникли и углубляются две социальные пропасти: между средним классом и новыми сверхбогатыми и средним классом и новыми бедными – выходцами из развивающихся и бедных стран. Современный средний класс ускоренно пополняется и изменяет свою структуру за счет **нового пролетариата цифровой эпохи**, который включает в себя работников сферы духовного производства (*cognitariat,* Д. Белл): науки и НИОКР, сферы образования, СМИ и коммуникаций, в том числе информационных сетей и услуг, маркетинга, рекламы, шоу-бизнеса, кинематографа, индустрии развлечений (*soultariat*). Цифровой пролетариат включает операторов и программистов ЭВМ, специалистов обработки и анализа информации (*cybertariat*). Весь этот многочисленный класс образованных и квалифицированных работников значительная часть, которого изначально структурирована и организована информационными сетями, разочаровался в практике современной меритократии. Он увидел, что политика и социальная политика, проводимые от лица сверхбогачей, оказалась социально неэффективной и приводит к деградации и неустойчивому режиму развития общества. **Средний класс раздражен вызывающей роскошью сверхбогачей, массовым упадком нравов и видит в этих явлениях угрозу своему будущему. «The middle classes could become a revolutionary class, taking the role envisaged for the proletariat by Marx»[10]** [4, p. 80]. Сделанное британскими военными аналитиками заключение никак нельзя отнести к разряду двусмысленных. Подобные предположения в разных формах высказывались в научных экспертных кругах и раньше. По всей вероятности, по мере развития общества знания в развитых странах, проявления его социальных контуров и принципиальных характеристик, концепция **интеллектуального пролетариата** стала приобретать черты неизбежной реальности.

Американские исследователи приводят примечательные факты, характеризующие процессы зарождения нового авангардного класса, показывают размеры и последствия материального расслоения общества в США. В начале XX века Джон Пирпонт Морган – крупнейший американский предприниматель, создатель первой финансовой империи в США, основатель шести индустриальных гигантов: «Американ Телефон-энд-Телеграф», «Дженерал Электрик», «Интернэшнл Харвестер», «Юнайтед Стейтс Стил Корпорэйшен» и «Вестерн Юнион» установил на своих предприятиях правило, в соответствии с которым заработная плата высшего менеджера не должна превышать более чем в 20 раз заработную плату низкооплачиваемого рабочего. В 2000 году в США средний заработок

[10]Средний класс может стать классом революционным, взяв на себя роль, которую Маркс предписывал пролетариату.

исполнительного директора корпорации превышал средний заработок американского рабочего в 458 раз [3, p. 76]. Американский исследователь **Кристофер Лэш в своей книге «Восстание элит и предательство демократии» показывает, как под напором цинизма безграничного обогащения разрушаются системы общественных ценностей и происходит деформация и истончение среднего класса: «Кризис среднего класса, а не просто растущая пропасть между богатством и нищетой – вот на чем требуется сделать ударение при трезвом анализе наших перспектив»** [1, с. 28].

Очевидно, что потенциал среднего класса коррелирует с интеллектуальным потенциалом общества, уровень которого в современных развитых странах указывает на степень зрелости и готовности к изменению социально-политических отношений. Здесь уместно вспомнить максиму В.И. Ленина: «Неграмотный человек стоит вне политики». **Социально-политические практики последних лет показывают, как образованный депривированный гражданин в условиях распространения массовых информационных коммуникаций очень быстро становится homo politicus.** Появление армии хакеров в различных странах, в разных частях интернета сигнализирует о том, что луддиты–техноинтеллектуалы XXI века уже взялись за работу. Сегодня они являются высококлассными специалистами и непрерывно самообучаются, с тем чтобы соответствовать развитию и возможностям глобальных коммуникационных технологий. Вопрос времени, когда они сумеют организоваться в Сети и вне ее, для того, чтобы войти в практическую политику с вечными по форме, но новыми по сути требованиями свободы, демократии и социальной справедливости цифровой эпохи.

Превращение среднего класса в социальный класс большинства не только граждан, но и членов общества качественно меняет социально-политическую ситуацию. Потенциально средний класс превращается не только в основную производительную силу, но и, при определенных обстоятельствах, в главный революционный класс. В формирующемся глобальном обществе возникает новая социальная реальность как результат взаимодействия природы, общества и человека, как результат синтеза новых критических созидательных и разрушительных возможностей человека. Синтез этих возможностей впервые в истории человечества создал ситуацию возможности самоуничтожения не только цивилизации, но и жизни на планете. **Поэтому новая проблемная ситуация не может быть научно осознана в границах традиционных социологических парадигм: консенсусной или конфликтной.**

Глобальность и многообразие нового социального мира требуют нового парадигмального подхода. В конкретный момент развития современного так называемого турбулентного мира в единстве его биологической, социальной, экономической и других видов жизнедеятельности новую парадигму можно охарактеризовать как интегральную. Происходит научное осознание границ и существа новой социальной проблематики и ее исследовательских возможностей. В определенном смысле в новом критическом мире идет переход от научного императива «знание – сила» к императиву «знание – возможность действия». Становление общества массового научного знания происходит в процессе отхода от моделей, стандартов или мотивов общества массового потребления к рациональным практикам устойчивого развития. **Новая социологическая парадигма возникает как осознание проблематики, создание метода познания и практики в новой социальной реальности в единстве интересов и потребностей человека, общества и природы.**

Одновременно с научным осмыслением и освоением интегральной научной парадигмы происходит **формирование политической культуры общества массового научного знания**. Мы наблюдаем диалектическое развитие, переход от материальной и духовной культуры господства, конкуренции и насилия к культуре согласования, кооперации и синергии в системе «человек-общество-природа». Происходит замещение принципа «знание – сила» на «знание – возможность действия в интересах жизни», «знание – жизнь». Антропосферная модель развития трансформируется в биосферную. Происходит переход от элитарной к массовой политической коммуникации и качество политической культуры изменяется по мере расширения демократии меньшинства, перехода к демократии

большинства. Материальной технологической основой этого процесса является переход от элитарной к массовой политической коммуникации. В свою очередь, новый тип коммуникации возникает как сочетание вертикали и горизонтали власти в сетевой демократии. Одновременно происходит замещение представительной демократии демократией массового прямого политического участия. Научная адекватность и оптимизация государственной власти достигаются департизацией и децентрализацией, становлением общества массового гражданского участия и правового государства.

Анализ динамики объективных социально-экономических и субъективных социально-политических показателей развития российского общества в период радикальных реформ показывает, что в стране происходило противоборство двух социально-политических тенденций. Первая определяется совокупным действием тех социальных и политических сил, которые отражали стремление во что бы то ни стало продолжить курс радикального либерального реформирования. За этой тенденцией стоит сравнительно небольшая часть общества: крупная буржуазия и новая бюрократия, которая обслуживает квазилиберальные реформы и которая «обменяла» старые властные привилегии на собственность и доходы с собственности.

К настоящему моменту в сложной диалектике общества стали проявляться **социально-политические императивы, следование которым позволило бы обеспечить социальную интеграцию российского гражданского общества и социального государства в процессе устойчивого развития:**

- отказ от квазилиберальной идеологии реформирования и переход к научно-обоснованной стратегии и политике социально интегрированного устойчивого развития;
- принятие Президентом, Правительством и Федеральным Собранием РФ на согласованной основе плана запуска и восстановления народного хозяйства России, создания рабочих мест в высокопроизводительном секторе экономики;
- инициирование процессов конституционного строительства, позволяющего создать широкую социальную базу для коэволюции демократического правового государства и гражданского общества;
- принятие чрезвычайных законов и создание в Генеральной прокуратуре следственных органов, подчиненных Федеральному Собранию и Прокурору РФ, по борьбе с преступностью и коррупцией, действующих по эффективно зарекомендовавшему себя в международной практике принципу «чистой политике – чистые руки»;
- ревизия старой и создание новой государственно-регулируемой и национально-ориентированной кредитно-финансовой и налоговой систем, обеспечивающих накопление и увеличение отечественных и иностранных инвестиций в экономику России;
- ревизия государственной собственности и пересмотр приватизационных проектов в тех случаях, когда они противоречат социальным интересам и ведут к ослаблению экономического и человеческого потенциалов страны;
- императивное использование социальных критериев и учет социальных последствий при принятии управленческих решений;
- создание и формирование подлинных органов народовластия, которые явились бы механизмами социальной солидарности и интеграции политического разума и воли политиков с созидательной энергией общества;
- опора в экономической стратегии на сектор передовых, базовых и наукоемких отраслей промышленности;
- использование позитивного мирового и отечественного опыта системно-планового реформирования социально-экономических отношений;
- приоритет развития наукоемких отраслей промышленности над финансовым и посредническим капиталом, нейтрализация его негативного влияния на процессы инвестирования производственных отраслей экономики;

- провозглашение государством монополии внешней торговли по тем товарным позициям экспорта и импорта, где эта мера принесет быстрый социально положительный результат;
- провозглашение новой региональной экономической политики, в основе которой лежали бы объективные потребности населения территорий и страны в целом, а не групповые и субъективные интересы;
- создание в обществе эффективных материальных и моральных стимулов для большинства граждан России путем превращения их в реальных собственников и вовлечение в активное управление и распоряжение собственностью.

Социологический и политологический анализ процессов в российском обществе показывает, что в ходе рыночных реформ столкнулись две логики действий: логика ортодоксального либерализма «господства над природой», войны с природой ради искоренения бедности во имя богатства и новая логика коэволюции и баланса человека, общества и природы. В российском обществе и государстве идет медленный процесс осознания приоритетов и целей устойчивого развития, продолжается процесс социализации государства и этатизации общества – формирования социального государства. Сегодня важнейшими задачами является изменение доминирующей нетрудовой мотивации деятельности на трудовую, декриминализация общественных отношений, борьба с коррупцией. Противостояние новых и старых идей, нового и старого способов жизнедеятельности проявляется как на национальном, так и на глобальном уровнях. Старый, потребительский способ жизнедеятельности человечества неминуемо ведет к материальной и духовной деградации для большинства граждан. Новый – открывает перспективу для живущих и будущих поколений.

Список литературы

1. Лэш К. Восстание элит и предательство демократии. М.: Логос, Прогресс, 2002. 224 с.

2. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2002. 506 с.

3. Cavanagh, John and Jerry Mander, eds. Alternatives to Economic Globalization: A Better World Is Possible [Text] / 2-nd edition. San Francisco, CA: Berrett-Koehler Publishers. 2004.

4. The DCDC Global Strategic Trends Programme, 2007-2036. [Электронный ресурс] // URL: http://www.prisonplanet.com/articles/april2007/strat_trends_23jan07.pdf.

В.В. Маркин

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИИ В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ, МОДЕЛИРОВАНИЕ, МОНИТОРИНГ

Аннотация. *Статья содержит социологический анализ проблемы регионального измерения социального пространства современного российского общества.*

Выделяются основные подходы к анализу социального пространства региональной структуры российского общества в ключе социологической диагностики и комплексного измерения. Предлагается новый подход к моделированию (группировке) российских регионов по критерию согласованности (рассогласованности) экономического и социального развития и удовлетворенности населения жизнью в регионе. На основе данных мониторинга эффективности деятельности региональных органов власти за 2014–2016 гг. приводятся примеры такой группировки. Показывается роль удовлетворенности населения в комплексной оценке регионального развития.

Ключевые слова*: социальное пространство, российские регионы, социологическая диагностика, моделирование, региональное управление, мониторинг эффективности.*

V.V. Markin

SOCIAL SPACE OF RUSSIA IN REGIONAL MEASUREMENT: SOCIOLOGICAL ANALYSIS, MODELLING, MONITORING

Abstract. *Article contains the sociological analysis of a problem of regional measurement of social space of modern Russian society. The main approaches to the analysis of social space of regional structure of the Russian society in a key of sociological diagnostics and complex measurement are allocated. New approach to modeling (group) of Russian regions by criterion of coherence (mismatch) of economic and social development and satisfaction of the population with life in the region is offered. On the basis of data of monitoring of efficiency of activity of regional authorities for 2014-2016 examples of such group are given. The role of satisfaction of the population in complex assessment of regional development is shown.*

Keywords: *social space, Russian regions, sociological diagnostics, modeling, regional government, monitoring of efficiency.*

Особую функцию в социальном пространстве российского общества выполняют социально-территориальные сообщества, которые представляют собой исторически сложившиеся и непрерывно возобновляющиеся общности людей, совместно осваивающих и использующих в хозяйственном, социально-бытовом и социокультурном отношениях определенную территорию.

На характер социального воспроизводства этих общностей оказывают влияние три типа факторов. К *макро-факторам* следует отнести развитие институциональной структуры: это институты образования, воспитания, профессиональной подготовки, здравоохранения, бытового обслуживания, а также институты накопления, воспроизводства и передачи информации, обеспечивающие деятельность членов общества информацией, позволяющая осуществлять самовоспроизводство новых поколений. Другая группа − *факторы влияния мезосреды* или территориальной среды непосредственного воспроизводства индивида, т. е. системы рабочих мест, поселенческо-расселенческой структуры и социальной инфраструктуры территории, системы регионального и местного управления и т.д. Наконец, *третью группу факторов* образуют ключевые компоненты *микросреды*, т.е. непосредственной социальной среды индивида, определяющие во многом жизненный путь: семья, соседство, дружеские контакты и другие ассоциации. Микросреда в огромной степени содействует формированию личности человека, занимающего определенные социальные позиции и реализующего соответствующие социальные роли.

Узловыми социально-территориальными общностями, которые сложились в субъектах Российской Федерации, являются региональные сообщества. В данном контексте проблема состоит в том, как адекватно измерить развитие регионов в социальном пространстве российского общества. Главным критерием такого измерения выступает социальное воспроизводство консолидированных в общероссийском пространстве региональных сообществ, процесс непрерывного возобновления населения региона как части народонаселения России, основных социально-территориальных групп, занятых в производстве материальных и духовных благ, учащейся молодежи, ветеранов и других категорий граждан, участвующих в социальных практиках.

Региональные сообщества воспроизводятся за счет социально-экономических, социально-политических и социокультурных факторов в существующих условиях воспроизводства общероссийского социума в целом, вместе с тем выражая особую региональную идентичность. Региональная идентичность может быть представлена как в объективном, так и субъективном плане. В объективном плане – принадлежность людей к определенной региональной общности (субсоциуму), имеющей специфику социальных интересов. В субъективном плане − осознание этих интересов как в общесоциетальном, так

и локальном планах. Таким образом, региональная идентичность – это так или иначе осознаваемые ценности и смыслы жизнедеятельности той или иной региональной общности.

Основными носителями региональных интересов являются: 1) само региональное сообщество и составляющие его местные общности; 2) власть, сосредоточенная в представительных и исполнительных органах регионального управления; 3) бизнес, представленный в регионе хозяйствующими субъектами; 4) институты гражданского общества (некоммерческие организации), представляющие конкретные интересы определенных групп населения.

Для исследования трансформации российского общества в региональном плане исключительно важное значение имеет социально-пространственный дискурс. Согласно теории социального пространства, оно рассматривается как эквивалент социальной действительности, в которой размещены социальные акторы – агенты и предметы ими присвоенные. Агенты занимают определенные позиции на отдельных полях и имеют диспозиции – представления о своем положении, стратегию его использования и т.д. [2].

Исходя из этого, регион выступает не только как социально-территориальное, привязанное к физико-географическому пространству, но и как социально-пространственное образование. Регион (субъект Российской Федерации) представляет собой достаточно обособленную часть социального пространства России, в которой на очерченной в государственно-правовом порядке территории, в условиях имеющих природно-климатических, социально-экономических, социокультурных и других особенностей, действуют и взаимодействуют институциональные акторы практически всех основных социальных полей и масштабов (от глобальных, международных до локальных) [1]. Этот узел взаимодействия служит своеобразным трансформатором социально-пространственного регулирования на определенной территории всех цепей социальных процессов от глобальных и общенационально-государственных до местных (поселенческих) с более или менее выраженной обратной связью. Поэтому социологическое изучение этого узла должно учитывать как то особенное, что имеет тот или иной регион в особенностях своей социальной конфигурации (конкретные условия, факторы и механизмы организации жизнедеятельности данного территориального сообщества, институциональных акторов социальных полей территории), то есть социально-пространственную дифференциацию по территориальному основанию (признаку), так и включенность данного регионального узла в общесоциетальные связи (общегосударственную организацию), то есть социально-пространственную интеграцию, главным вектором которой является консолидация региональных и местных сообществ, институциональных акторов территориальных полей в общем пространстве России.

Комплексные измерения, анализ и оценки регионального развития должны строиться именно в контексте социального пространства России. При этом для полноценного практического выхода здесь необходимо определенное согласование данных статистики и результатов социологических исследований, а самое главное − механизма использования в политико-управленческой деятельности на всех ее уровнях, начиная от федерального и заканчивая муниципальным. Именно такой подход позволяет осуществлять одну из важнейших функций социологической науки в современном российском обществе – социологическую диагностику [3]. Вместе с тем такая диагностика должна корреспондироваться с комплексной социально-управленческой диагностикой [4].

Анализ социального пространства в региональном измерении предполагает, прежде всего, выявление обоснованности самой современной региональной структуры России. Следует отметить, что в современных условиях эта структура в целом институционализирована не только в статусно-правовом порядке (регион как субъект РФ), но и по другим существенным основаниям, дающим возможность при определенных, в том числе субсидиарных условиях, организации полноценного развития каждого регионального сообщества с учетом особенностей его жизнедеятельности на данной территории.

Анализ показателей комплексной оценки регионального развития по данным мониторинга выполняемого по Указу Президента Российской Федерации «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» (первая редакция от 28 июня 2007 г. №825 , современная редакция от 3 ноября 2012 г. № 1199 [5] с соответствующей методикой, утвержденной постановлением Правительства РФ от 3 ноября 2012 г. № 1142 с последующей корректировкой [6]) дает возможность нового подхода к социальному моделированию (группировки) регионов.

Комплексная оценка рассчитывается на основе 12 показателей, которые условно сведены в 3 блока: развитие экономики, развитие социальной сферы по данным статистики, удовлетворенность населения (по опросам). В блоке развития экономики приводятся показатели, характеризующие объем частных инвестиций в основной капитал, налоговые и неналоговые доходы консолидированного бюджета региона, реальные располагаемые денежные доходы граждан, оборот малого бизнеса, значения которых определяются в расчете на одного жителя, а также уровень ввода жилья в эксплуатацию. К блоку социального развития отнесены показатели, характеризующие ожидаемую продолжительность жизни, естественную смертность, уровень реальной безработицы, долю обучающихся в государственных (муниципальных) общеобразовательных организациях, занимающихся в одну смену, и долю детей-сирот, не охваченных различными формами семейного устройства.

По каждому показателю рассчитывается сводный индекс, который является весовой комбинацией среднегодовых значений (уровня) и среднегодового темпа роста показателя (динамики), которому придается приоритетное значение. На показатели, характеризующие развитие экономики, в соответствии с методикой приходится 50% оценки эффективности. Вторая половина складывается из индексов статистических показателей оценки социального развития (30%) и удовлетворенности населения (20%) по опросам.

Согласно нашему подходу, можно выделить четыре основные группы российских регионов в аспекте уровня и динамики экономического и социального развития с учетом удовлетворенности населения:

– регионы – «лидеры» сбалансированного развития, у которых все пять индексируемых показателей (по два их экономического и социального блоков и оценки удовлетворенности) имеют высокие значения в сочетании относительно стабильного уровня и существенного прироста по динамике экономического и социального развития, подкрепляемые весьма высоким уровнем удовлетворенности жителей;

– регионы «ближнего круга» к лидерам, у которых имеются отдельные рассогласования достаточно высоких значений индексируемых показателей в целом;

– регионы «среднего круга» (между «лидерами» с «ближним кругом» и «аутсайдерами»), у которых весьма существенные рассогласования в комплексе индексов;

– регионы – «аутсайдеры», которые имеют весьма низкие значения индексов или их резкое рассогласование (дисбаланс).

Наглядно это можно представить на примере данных мониторинга оценки эффективности, подготовленных под эгидой Министерства экономического развития РФ на основе данных, предусмотренных в вышеуказанной методике [7]. В группу «лидеров» по итогам 2014–2016 годов вошли: Республика Татарстан, Чеченская республика, г. Санкт-Петербург, Московская область, Воронежская область, Республика Саха (Якутия), Белгородская область, Тульская область, Липецкая область, Тюменская область, Сахалинская область, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Ингушетия, Ямало-Ненецкий автономный округ, Тамбовская область, Республика Мордовия, Ханты-Мансийский автономный округ − Югра, Ленинградская область, Республика Башкортостан, Калининградская область, Магаданская область, Ростовская область. Интегральные результаты балльной оценки которых от 64 до 49 баллов.

Пространственное распределение группы лидеров происходит по всем макрорегионам (в политико-управленческом разрезе – по нынешним федеральным округам), однако концентрируется в большей мере в Центральной России, а также в Уральском ФО – 3 (хотя все эти три субъекта РФ: Тюменская область, ХМАО и ЯНАО традиционно являются западносибирскими регионами). В лидеры выдвинулись и закрепились три субъекта РФ из Северо-Кавказского ФО (Чеченская Республика, Кабардино-Балкарская Республика и Республика Ингушетия), что свидетельствует об определенных результатах согласованной федеральной и региональной политики, хотя пока столь избирательно проявляющейся.

В группу лидеров также вошли три северозападных региона (г. Санкт-Петербург, Ленинградская и Калининградская области), три дальневосточных (Сахалинская область, Республика Саха (Якутия) и Магаданская область), а также южнороссийская Ростовская область, попавшие в данную группу именно по критерию согласованности (гармоничности) основных показателей, особенно за счет динамики экономического и социального развития, относительной удовлетворенности жизнью и властью в региональных сообществах.

В «ближнем круге» сложилась следующая группа: Курская область, Чукотский автономный округ, г. Москва, Вологодская область, Удмуртская республика, Мурманская область, Владимирская область, Краснодарский край, Ненецкий автономный округ, Рязанская область, Томская область, Республика Адыгея, Калужская область, Пензенская область, Республика Алтай, Приморский край, Псковская область, Ярославская область, Новосибирская область, Костромская область, Оренбургская область, Красноярский край, Смоленская область, Республика Марий-Эл, Хабаровский край, Нижегородская область, Республика Дагестан, Республика Хакассия, Пермский край. Где интегральный результат комплексной оценки располагается в интервале от 48 до 40 баллов. Особенностью этой группы является то, что ряд входящих в нее регионов (практически более трети) подвижен на шкале «лидеров», для них характерны не очень существенные рассогласования, особенно по соотношению уровня и динамике развития, оценки населением деятельности органов власти.

Более существенные рассогласования показателей – характерная черта регионов «среднего круга»: Саратовская область, Чувашская республика, Ивановская область, Ульяновская область, Орловская область, Алтайский край, Самарская область, Волгоградская область, Иркутская область, Новгородская область, Амурская область (результаты комплексной оценки от 39 до 35 баллов).

На разрывы показателей в данной группе особое влияние оказали сравнительно низкие оценки удовлетворенности жителей деятельностью институтов социальной сферы, а в конечном итоге – региональной властью.

Наибольшие рассогласования, значительные разрывы между блоками оценки наблюдаются в группе «аутсайдеров», в макрорегиональном плане так же разнообразно представленными. Это: Республика Калмыкия, Брянская область, Кировская область, Омская область, Астраханская область, Республика Северная Осетия – Алания, Камчатский край, Тверская область, Республика Карелия, Карачаево-Черкесская Республика, Кемеровская область, Свердловская область, Челябинская область, Республика Коми, Республика Тыва, Республика Бурятия, Ставропольский край, Архангельская область, Еврейская автономная область, Забайкальский край, Курганская область, в которых результаты комплексной оценки от 34 до 18 баллов.

Именно в этой группе оказались самые большие разрывы между показателями экономического и социального блоков (в т. ч. внутри их) и оценками опрошенных жителей. В этих оценках преобладает неудовлетворенность различными сторонами жизни и региональной властью. Именно такое состояние недовольства жителей «опустило» большинство регионов из этой группы на уровень «аутсайдеров», хотя практически каждый из них имеет значительный экономический потенциал.

Представленная группировка особо акцентирует некоторые отдельные моменты комплексной оценки, в частности – динамику развития и оценку деятельности органов

власти региона. Вместе с тем очевидно, что в каждой из выделенных групп сложилось некое устойчивое ядро и подвижная периферия, мониторинг которых позволяет выявлять тенденции выравнивания и сбалансированности экономического и социального развития, степень удовлетворенности региональных сообществ своей жизнью и властью в их согласованном формате.

Список литературы

1. Атлас российской модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы. / Сост. и отв. ред. Н.И. Лапин. М.: Весь мир. 2016. 360 с.

2. Бурдье П. Социология социального пространства / Пер. с фр., отв. ред. Н.А. Шматко. М.: Институт социологии РАН; СПб.: Алетея, 2007. 288 с.

3. Горшков М.К. Российское общество как оно есть: опыт социологической диагностики. В 2 т. М.: Новый хронограф. 2016.

4. Социология управления: Теоретико-прикладной толковый словарь / Отв. ред. А.В. Тихонов. М.: КРАСАНД, 2015. 480 с.

5. Указ Президента РФ «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» [Электронный ресурс]: Президент России: [веб-сайт]. Электрон. дан. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/16280 (Дата обращения: 29.09.17).

6. Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Федерации по итогам 2014 года. [Электронный ресурс] // URL: http://government.ru/orders/17970 (Дата обращения: 29.09.17).

7. Показатели для мониторинга оценки эффективности деятельности субъектов Российской Федерации [Электронный ресурс]: Росстат: [веб-сайт]. Электрон. дан. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/pok-monitor/pok-monitor.html (Дата обращения: 29.09.2017).

В.В. Петухов

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТАЦИИ РОССИЯН В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ[11]

Аннотация. *Опираясь на результаты мониторинговых исследований Института социологии РАН, автор анализирует динамику общественных настроений и ожиданий россиян, подчеркивая, что доминирующий в течение последних лет на фоне нарастания внешних и внутренних угроз (реальных или мнимых) запрос на стабильность сменился запросом на перемены. Это проявляется и в том, что, начиная с конца 2016 г., фокус общественного внимания начал смещаться с внешнеполитической «повестки дня» на внутриэкономические и внутриполитические процессы. Причем многие из формально внешних угроз стали уже угрозами внутренними или воспринимаются значительной частью российского общества таковыми, поскольку они оказывают непосредственное влияние на жизнь большинства россиян.*

Исследование показало, что даже на фоне экономического кризиса и обострения отношений России с Западом россияне сохраняют хладнокровие и не поддаются алармистским настроениям. Тем не менее ощущение тревожной неопределенности в

[11] Эмпирическую базу статьи составили данные мониторингового исследования ИС РАН 2014–2017 гг. «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этно-религиозном контекстах». В ходе исследования было опрошено 4000 респондентов во всех территориально-экономических районах страны и типах поселений. Использовались также данные исследований ИС РАН предшествующих лет.

обществе усиливается. Отсюда стремление большинства россиян усилить позиции нашей страны в мире, вернуть ей статус если не великой, то одной из ведущих стран мира. Проведенные в ходе исследования опросы со всей определенностью зафиксировали, что для большинства россиян главной предпосылкой возвращения России в число ведущих мировых держав является не агрессивная внешняя политика, а решение внутренних политических, социально-экономических и культурных проблем. Только это, делает вывод автор, позволит ей занять подобающее ей место в мировом сообществе, а россиянам − преодолеть страх перед будущим, которое до недавнего времени воспринималось многими из них как некий конгломерат не очень понятных и потому пугающих угроз.

***Ключевые слова**: внешние и внутренние угрозы, запрос на перемены, великая держава, ведущая держава, внешняя политика, Запад, постсоветское пространство.*

V.V. Petukhov

FOREIGN POLICY ORIENTATIONS OF THE CITIZENS OF RUSSIA IN THE CONTEXT OF THE CONTEMPORARY CHALLENGES AND THREATS

***Abstract.** The author applies to the sociological data of the monitoring studies of the Institute of Sociology (Russian Academy of Sciences) and analyzes the dynamics of the public moods and expectations. Being based on the sociological data the author stresses that the demand for stability, that was dominating for recent years and was determined by the growing external and internal threats (real or imaginary), has been replaced by a request for change.*

This tendency was manifested by the public opinion that since the end of the 2016'th which attention was shifting from the foreign policy agenda to the problems of internal economic and political processes. Besides, as the author argues, that many of the formally external threats have already become internal threats, or many external threats are perceiving now by a significant part of the Russian society mostly as the internal threats since these threats have now the direct impact on the lives of the majority of Russian citizens.

The sociological data demonstrates that despite the economic crisis and aggravation of relations between Russia and the Western states, Russia's citizens do not worry about it and do not succumb to the alarmist sentiments. Nevertheless, the feeling of the alarming uncertainty in Russian society is intensifying now. And as it is argued in the article this feeling of the alarming uncertainty is the reason of the desire of the many Russia's citizens to strengthen the position of the state in the world and for Russia to return to the status of the great state or one of the leading world's state.

The sociological data demonstrates that majority of the Russians consider that the main prerequisite for the Russia's return to the leading world states is not an aggressive foreign policy, but a solution of the domestic political, socio-economic and cultural problems. And, as the author argues, just the solution of these problems, from one side, would allow Russia to take proper place in the world community. And from the other side, the solution of these problem would allow Russians to overcome the fear of the future, which until recently was perceived by many of them as a conglomeration of not very understandable and therefore frightening threats.

***Keywords:** External and internal threats, request for change, great state, leading state, foreign policy, the West, the post-Soviet sphere*

Внутриполитические и международные события последних нескольких лет, в эпицентре которых оказался экономический кризис, существенным образом повлияли на социальное самочувствие россиян. И хотя явно не сбываются многочисленные прогнозы, согласно которым не за горами экономическая разруха и полномасштабный политический кризис, в обществе стали расти настроения тревожной неопределенности. Сегодня лишь менее трети россиян (29%) полагают, что страна в ближайшие годы будет развиваться успешно, в то время как большинство опрошенных скептически настроены в отношении

позитивных сценариев развития страны – 37% считают, что ситуация в ней принципиально не изменится, а 29% и вовсе уверены, что Россию в ближайшие годы ждут трудные времена. В значительной степени это связано с тем, что в окружающей реальности россияне не видят «точек роста» ни в экономике, ни в социальной сфере, ни в функционировании демократических институтов.

В результате многолетний тренд на стабильность, на сохранение в неизменном виде сложившейся в иной политико-экономической реальности системы социальных и политических институтов, начал смещаться в сторону формирования запроса на перемены. Как показывают последние опросы, число тех, кто полагает, что страна нуждается в существенных переменах, политических и экономических реформах, выросла за последние пять лет весьма существенно, сразу на 16 процентных пунктов и впервые превысило (за многие годы наблюдений) число ориентированных на статус-кво (см. рис. 1).

Рисунок 1. Динамика ориентаций россиян на стабильность или перемены, 2012–2017 гг., %

Причем, запрос на перемены, экономические и политические реформы в наибольшей степени соответствует интересам молодых, хорошо обеспеченных, живущих в столицах россиян. Особенно он силен в самых младших возрастных когортах (18–20 лет и 21–25 лет), что в значительной степени связано с тем, что кризисная стабильность предшествующих лет обернулась закупоркой многих каналов социальной мобильности. Сегодня, как показывают исследования, миллионы людей, прежде всего молодых, зарабатывают себе на жизнь, что называется, «по-бразильски», т.е. перехватывая время от времени случайную, краткосрочную работу без каких-либо социальных гарантий. Более того, наметилась тенденция, что этот тип заработка у многих из них продолжается и после окончания учебы, в результате чего они начинают пополнять ряды так называемого прекариата.

Российское общество, таким образом, постепенно подходит к очередному повороту, развилке, за которой открывается новая социально-политическая перспектива. В стране растет понимание того, что без серьезной переоценки тех стратегий и приоритетов, которые оправдали себя в минувшее относительно благополучное десятилетие, страна вряд ли преодолеет последствия кризиса, который определялся сложной конфигурацией факторов внешнего и внутреннего характера, далеко выходящих за пределы экономики как таковой, сможет успешно двигаться вперед.

Это проявляется и в том, что, начиная с 2016 г. фокус общественного внимания начал смещаться с внешнеполитической «повестки дня» на внутриэкономические и внутриполитические процессы. За последние полтора года (с марта 2015 г. до октября 2017 г.) с 79 до 65% сократилась доля россиян, уверенных в том, что все проблемы, с

которыми столкнулась страна, инспирированы исключительно Западом, и, наоборот, с 21 до 35% выросло число тех, кто полагает, что главный источник проблем и трудностей, которые сегодня переживает страна, находится в ней самой (рис. 2).

Рисунок 2. Динамика оценок россиянами основного источника угроз для России, 1999–2017 гг., %

Отмеченный тренд общественных настроений коррелирует с характером общественного запроса на перемены, его ключевыми слагаемыми. Как показали результаты очередной, «седьмой», волны нашего мониторинга (октябрь 2017 г.), этот запрос в основном связан с массовыми общественными настроениями в отношении реалий сегодняшнего дня, того, что беспокоит россиян в наибольшей степени (рис. 3). Три первые позиции общественного запроса на перемены занимают: усиление социальной справедливости, борьба с коррупцией (эту позицию отметили 51% опрошенных), экономические реформы, нацеленные на преодоление нефтегазовой зависимости (41%) и реформы социальной сферы (науки, образования, здравоохранения, культуры) (37%).

Рисунок 3. Распределение ответов на вопрос: «В каких переменах, на Ваш взгляд, нуждается современная Россия?», октябрь 2017 г., %

Несмотря на то, что большинство наших сограждан, как уже отмечалось, по-прежнему видят главный источник угроз безопасности России за ее пределами, усиление обороноспособности страны респонденты считают хоть и важной, но все же не первоочередной, по сравнению с вышеперечисленными, задачей. Ее актуальность отметили 28% опрошенных. Либерализация и демократизация страны, сближение со странами Запада, впрочем, как и консервативный дискурс (возрождение традиционных ценностей, защита русских на постсоветском пространстве) актуализированы в массовом сознании в еще меньшей степени. Их важность для будущего страны колеблется в диапазоне 10–14%. *Иными словами, вектор общественного запроса на перемены носит определенно модернизационный характер.*

Что же касается сохранившегося в массовом сознании почти двукратного превышения опасений внешних угроз над внутренними, то это можно объяснить тем, что *многие из формально внешних угроз за последние несколько лет стали уже угрозами внутренними, или воспринимаются значительной частью российского общества таковыми.* Например, популярное еще пару лет назад мнение, согласно которому, живя в России и получая зарплату в рублях, можно не обращать внимания на колебания курса доллара и рубля на валютном рынке, сегодня практически не имеет сторонников. Его разделяют лишь 4% россиян. Именно снижение курса рубля по отношению к доллару в 2015 г., а также падение цен на нефть наши сограждане считают главными негативными трендами развития страны последних лет, препятствующими выходу страны из кризиса. Их в этом качестве отметили еще в начале 2016 г. 90 и 83% опрошенных соответственно.

Также к россиянам приходит осознание того, что действия российского руководства по повышению международного влияния страны имеет конкретную «цену» и сопровождается сопротивлением других внешнеполитических игроков, а значит, ведет к повышению вероятности новых конфликтов и проблем, что в свою очередь может сказаться на «толщине кошелька» каждого конкретного россиянина. Так, к концу 2016 г. более 60% россиян признали, что западные санкции негативно сказались на экономике страны и, соответственно, жизни ее граждан. А число россиян, разделяющих точку зрения, что российские контрсанкции в отношении европейского и американского продовольствия будут стимулировать развитие отечественного сельского хозяйства, за два последних года сократилось почти в два раза, и сегодня ее разделяют чуть более трети россиян (37%).

При этом, исследования показывают, что даже на фоне экономического кризиса и обострения отношений России с Западом россияне сохраняют хладнокровие и не поддаются алармистским настроениям. Они в большинстве своем не верят в вероятность катастрофических сценариев для России, таких, например, как новая революция или распад страны. Не более чем конспирологической страшилкой представляется им вероятность «дворцового переворота» или введение в России жесткой диктатуры. В то же время, весьма значительная часть россиян, помня свою историю, которая богата самыми невероятными и непредсказуемыми событиями, резервирует за собой право, вслед за многими политиками и политологами, весьма уклончиво прогнозировать будущее страны, даже ближайшее. Так, более трети россиян в ходе опроса весны 2016 г., сочли маловероятной, но в принципе не невозможной войну со странами Запада. А то, что она приобрела характер «холодной», отметили более 60%. Не проходит незамеченным и нарастающее внешнеполитическое «одиночество» России, сокращение стран, которые можно считать ее надежными союзниками и друзьями.

Все это актуализирует в глазах общества проблему позиционирования России в мире и определение целей к которым она должна стремиться в XXI веке. Что касается нынешнего международного статуса России, то респонденты оценивают его по-разному. Более трети опрошенных (35%) уверены, что современная России по-прежнему является великой державой, сопоставимой по своему экономическому и политическому весу с США и Китаем; 28%, не считая ее сверхдержавой, тем не менее ставят нашу страну в один ряд с такими

ведущими государствами мира, как Германия, Великобритания, Франция, Япония; немало и тех (20%), кто полагает, что современная Россия не может быть причислена к ведущим стран мира. Причем эти оценки за последнее время не претерпели существенных изменений (табл. 1).

Таблица 1

Оценки россиянами положения России в современном мире, 2014–2016 гг., %

Варианты ответов	2014 октябрь	2016 октябрь
Россия сегодня – великая держава, сравнимая по своему влиянию на мировые процессы с США и Китаем	33	35
Россия сегодня – одна из ведущих стран мира, сравнимая по своему влиянию с такими странами, как Великобритания, Франция, Германия, Япония	27	28
Россия сегодня не входит в число наиболее влиятельных стран мира	21	20
Затруднились ответить	20	17

А некоторая разноголосица в оценках легко объяснима, поскольку даже многие эксперты в понятие «величие» вкладывают разный смысл. Если говорить об объективных показателях, прежде всего экономических, то отчасти правы те, кто считает, что современная Россия не может быть причислена не только к великим, но даже ведущим странам мира. Но согласно другому подходу, оценивающему политическую субъектность той или иной страны, ее способность формировать собственную «повестку дня» в международных делах, становится очевидным, что Россия, безусловно, относится к числу мировых лидеров. Что же касается наших сограждан, то они оценивают внешнеполитический потенциал нашей страны, сообразуясь скорее со своими представлениями о «величии».

В последнее время все большее значение в этом плане приобретает «цена вопроса», и, прежде всего, то, как достигается это величие и как оно сказывается на повседневной жизни граждан. Проведенные опросы со всей определенностью зафиксировали, что *для большинства россиян главной предпосылкой возвращения России в число ведущих мировых держав является не агрессивная внешняя политика, а решение внутренних политических, социально-экономических и культурный проблем.* Для того чтобы претендовать на статус великой державы, нашей стране, по мнению большинства россиян, необходимо, во-первых, модернизировать экономику, сделав ее конкурентоспособной (так считают 58% опрошенных), во-вторых, повысить благосостояние своих граждан (53%) и, в-третьих, обеспечить безопасность государства, имея мощные вооруженные силы (44%). Иначе говоря, величие России, по мнению ее жителей, должно «коваться», прежде всего, внутри страны, а не за ее пределами. Респонденты, таким образом, высказываются за реализм во внешней политике, за соотнесение ее нынешних возможностей и тех целей, которые она перед собой ставит. Большинство опрошенных отчетливо осознают, что современная Россия – это не Советский Союз и уже никогда им не станет. Соответственно, за возвращение России статуса аналогичного тому, каким обладал СССР, а именно мировой сверхдержавы, в конце 2016 г. высказываются чуть более четверти опрошенных (26%). А еще в 2007 г. их было более трети. Возможно, какая-то часть из них полагает, что эта цель уже достигнута. Однако большинство россиян (51%) считает более реалистичной задачу вхождения России в число наиболее экономически развитых и политически влиятельных стран мира (табл. 2).

В отличие от многих представителей правящего класса, наших сограждан также не очень привлекает перспектива получения контроля, а значит и ответственности над территориями, ранее входившими в СССР. Ее адептами являются лишь 8% россиян. Это кажется парадоксальным на фоне всеобщего одобрения вхождения Крыма в состав России и поддержки стремления населения некоторых регионов восточной Украины сделать то же самое.

Таблица 2

Мнения россиян о том, к каким целям должна стремиться Россия в XXI веке, 2007–2016 гг., %

Варианты ответов	2007	октябрь 2014	октябрь 2016
Вернуть статус супердержавы, какой был у СССР	35	26	26
Быть одной из наиболее экономически развитых и политически влиятельных стран мира	45	52	51
Быть лидером на постсоветском пространстве	6	9	8
России не следует стремиться к глобальным целям	7	4	6
Затрудняюсь ответить	7	9	9

В действительности между восстановлением исторической справедливости в отношении некоторых регионов бывшего СССР (как ее понимают многие наши сограждане) и имперским проектом – дистанция огромного размера. Вообще, миф о «российском империализме», согласно которому Россия стремится вернуть под свое крыло все страны бывшего СССР, а те, как могут, упираются, далек от реальности. Части элиты и населения безусловно присущи реваншистские настроения, но подавляющее большинство россиян не считают приоритетной целью страны в XXI веке реинтеграцию постсоветского пространства. У одних это связано с разочарованием в СНГ, у других, напротив, с нежеланием вновь оказаться с некоторыми бывшими республиками в рамках единого геополитического ареала.

Таким образом, россияне, похоже, надолго отказались от стремления чем-то облагодетельствовать человечество. И внешнеполитические приоритеты определяются ими, исходя, прежде всего, из нужд и потребностей внутреннего развития страны, тем более, что перспективы взаимодействия России со своими ближайшими соседями и объединенной Европой до сих пор не ясны. Большинство россиян, судя по результатам настоящего исследования, склоняются к тому, что России еще долгое время придется решать свои проблемы самостоятельно, в условиях ухудшающихся отношений со многими странами ближнего и дальнего зарубежья. Отсюда две разнонаправленные тенденции: с одной стороны, усиление державной мощи России в качестве залога роста ее конкурентного потенциала на мировой арене, а с другой – все большая ориентация на решение внутренних политических, социально-экономических и культурных проблем. Другими словами, россияне считают, что для того чтобы занять законное место в высшей лиге мировой политики, наша страна должна прежде всего укрепиться изнутри, обеспечив благосостояние и безопасность своих граждан. Отсюда – смена тренда с ориентации на статус-кво на перемены, экономические и политические реформы. А это, кроме всего прочего, означает постепенное преодоление значительной частью россиян опасений будущего, которое до недавнего времени воспринималось многими из них как некий конгломерат не очень понятных и потому пугающих угроз.

Н.Е. Покровский

НОВЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ СМЫСЛЫ ВНЕГОРОДСКИХ ПРОСТРАНСТВ РОССИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ[12]

Аннотация. *В статье рассматриваются понятия «дезурбанизация», «контрурбанизация», «возвратная миграция». Основой для анализа этих понятий стала*

[12] Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 17-06-00396а «Социальные и природно-экологические факторы процесса урбанизации/дезурбанизации в современной России (междисциплинарный макро- и микроанализ)».

теория «клеточной глобализации», в рамках которой утверждается, что глобализационные процессы проникают во все низовые клетки общества. Рассматриваются различные социальные группы, представители которых в набольшей степени склонны к выходу (выезду) за пределы городских агломераций и укоренению во внегородской среде без смены профессии и рода занятий.

Ключевые слова: *клеточная глобализация, дезурбанизация, контрурбанизация, возвратная миграция, внегородские поселения, дауншифтинг, Угорский проект*

N.E. Pokrovsky

THE NEW SOCIAL MEANINGS OF THE EXTRA-URBAN SPACES IN RUSSIA: THEORETICAL AND REGIONAL ASPECTS

Abstract. *The article deals with the concepts of «de-urbanization», «counter-urbanization», and «reverse migration». «Cellular globalization», within the framework of which it is asserted that globalization processes penetrate all the lower cells of society. The author considers the various social groups whose representatives are at great degrees inclined and motivated for exodus outside the city's agglomeration and rooting in the extra-urban environment without changing the profession and occupation.*

Keywords: *cellular globalization, de-urbanization, counter-urbanization, reverse migration, extra-urban settlements, downshifting, Ugory project*

Более 15-ти лет в Мантуровском районе Костромской области развивается Угорский проект – объединение на основе Сообщества профессиональных социологов, ведущих специалистов и научной молодежи, представляющих социологию, социальную географию, экономику, демографию, социальную биологию и другие социальные науки. В ходе полевых исследований, на ежегодных научных междисциплинарных конференциях, в своей преподавательской практике, публикациях участники проекта сформулировали своего рода обобщенную теоретическую модель, позволяющую проводить междисциплинарные исследования, собрать воедино достаточно разнородные процессы и явления, характерные для социума Ближнего Севера России, дать им объяснение и наметить возможные сценарии дальнейшего развития региона [1].

Общая идея глобализационной матрицы. Увеличение темпов и объемов миграционных процессов в современном мире, проникновение во все поры общества инфокоммуникаций и цифровой культуры, расцвет консюмеризма и многое другое по-прежнему, несмотря на многочисленные кризисы последнего времени, сохраняют объяснительную значимость глобализационной модели. Исследования, проведенные в сельских сообществах Ближнего Севера в рамках Угорского проекта, показали, что глобализационная «матрица» в тех или иных формах переходит на локальные уровни, порой мимикрируя под традиционализм, формирует паттерны повседневного поведения, ценностные ориентации местного населения. Данная модель получила название «клеточной глобализации», делающей акцент на проявление глобализции в «клетках» общества. Это своего рода производное понятие от концепта У. Бека *«globalization from within»* [10]. Клеточная глобализация в равной степени трансформирует и город, и сельские поселения, выявляя их общую транзитивно-динамичную основу. Было обнаружено, что для повседневных практик сельских жителей все более характерными становятся:

- всеохватность и комплексность изменений (от сферы приложения труда, его организации до социальных отношений);
- новая система рациональности (в практиках сельских жителей начинает доминировать установка на экономическую рациональность);
- общая пластичность и гибкость (способность адаптироваться к изменениям);

- изменение восприятия географического пространства (возросшая географическая мобильность, проникновение информационных технологий: сотовой связи, спутникового телевидения, интернета, снимающих ограничения физического пространства);
- множественность культурных феноменов, цифровая культура (особенно у молодежи);
- рост интереса к примордиальным факторам, реминисцентной архаике (даже у дачников, проявляющих интерес к артефактам давно ушедшей сельской жизни, имитация «старины» и «доцивилизованности»);
- появление престижного потребления, консюмеризм;
- полагание на свои силы («никто не поможет мне, если не я сам»).

Динамика социального пространства. Социальное пространство в конце XX – начале XXI века продемонстрировало свое новое состояние, которое прежде не обнаруживало себя и не было предметом специального рассмотрения даже среди социологов. Речь идет о «текучести», «трансформности», «пластичности» социального пространства и социальной реальности в целом: под воздействием внешних факторов социальное пространство ─ «тело» может существенно видоизмениться в течение короткого промежутка времени, сохранив при этом свое внутреннее содержание и свою консистентность. На одних полюсах социального континуума может происходить истончение социальной ткани и даже нарастание своеобразного социального «вакуума», на других одновременно возникает эффект «утяжеления», «уплотнения», концентрации социальной ткани, нарастание насыщенности социальных процессов; одновременно с этим возникают своеобразные «пузыри», «изломы», участки временной локализации инородных социальных тканей. Изменения затрагивают и макротенденции, макротренды социальных изменений. Привычные и хорошо изученные однонаправленные линии модернизационного развития ‒ это классическое восхождение от простых структур к более сложным и дифференцированным, от технологически примитивного к технологически продвинутому ‒ сегодня сочетаются с усилением нелинейности развития, реверсивности, возвратности, движением вспять, «архаизацией» [4; 10], а также противоречивым симбиозом в отдельных точках пространства разнонаправленных моделей социальных изменений.

Урбанизация, дезурбанизация, контрурбанизация, возвратная миграция, «жидкостная» миграция – контрастные и, одновременно, противоречиво дополняющие друг друга процессы урбанизации и дезурбанизации. Уже во второй половине XX века географами и социологами были обнаружены новые тренды передвижения населения, которые определялись уже не только привычной для ранней фазы индустриального общества ускоренной трудовой миграцией сельских жителей из деревень в города. Возникла и стала приобретать черты устойчивости линия «возвратной» мобильности населения, то есть переселения городских жителей во внегородскую среду. Взаимное уравновешивание встречных потоков и возникновение наряду с этим принципиально новых форм социально-географических перемещений («кратковременных», «возвратных», «маятниковых»), в результате давших новое качество пространственных социальных изменений, было в свое время обозначено автором специфическим социологическим термином-метафорой «жидкостная миграция», конгруэнтным понятию «текучая современность» З. Баумана [9]. Действительно, социально-географическая мобильность в современном обществе – «жидкостная», «текучая», принимающая новые формы и занимающая самые разные социальные ниши – выходит за границы мегаполисов и заставляет по-новому анализировать социальные статусы и динамику развития новых внегородских сообществ, которые шаг за шагом превращаются из субкультурных экзотов в постепенно формирующейся мейнстрим. Принцип «постоянного места жительства» (ПМЖ), еще недавно столь важный для определения социального и правового статуса индивида и группы, ныне сочетается с принципом «акцентуированной динамики» (Н.Е. Покровский), усиленным вниманием к пространственному развитию социальных сетей и потоков [7]. Социальное пространство

абсорбирует географическое и преобразует его, в то время как физическое пространство структурирует и переструктурирует социальную ткань и социальную динамику.

Субурбанизация vs дезурбанизация. Список ведущих современных исследователей дезурбанизации по праву открывает англо-американский социогеограф, профессор Техасского университета в Далласе Брайан Берри (1936–2009). По мнению Берри, первые значимые признаки замедления темпов урбанизации в Европе и США были отмечены на рубеже 60-х – 70-х годов XX века. В эти годы впервые возник и стал обсуждаться вопрос о том, будет ли рост городов бесконечным и ничем не ограниченным процессом. Им было отмечено, что численность сельского населения в целом стабилизировалась, а развитие вширь мегаполисов и рост их населения обвальными темпами, характерными для предшествующих десятилетий, прекратились. При этом так называемые «нестоличные зоны», то есть не относящиеся к мегаполисам, стали демонстрировать более высокий прирост населения по сравнению с прошлыми десятилетиями [5]. Он высказал предположение о том, что на макроуровне социального моделирования мы становимся свидетелями важного исторического момента, когда процесс урбанизации показывает признаки перехода в свое новое состояние – дезурбанизацию. И если термин контрурбанизация по-прежнему несет оттенок конфронтационности по отношению к городу в духе известной утопии Генри Торо, то дезурбанизация подчеркивает эволюционный характер процесса. Логика построения научной теории постурбанизма по схеме «урбанизация-дезурбанизация-контрурбанизация» характерна и для Энтони («Тони», «A.J.») Филдинга [14; 15; 16]. В контексте этих исследований и научных дискуссий получило право на существование понятие *«amenity migration»* – миграция с целью повышения уровня и качества жизни в благоприятные природно-климатические зоны [12; 22; 13]. Линию «миграции ради удовольствия» (amenity migration) поддерживает и другой, а ныне и ведущий ученый-географ Клэр Митчелл из Университета Ватерлоо. В своих принципиальных работах по обратной миграции и дезурбанизации [17; 18; 19], особенно в статье «Осмысление контрурбанизации» [17], К. Митчелл предлагает достаточно убедительную трехчленную классификацию дезурбанизации, которую можно представить в следующем терминологическом виде:

- *Псевдодезурбанизация* (дезурбанизация по видимости), связанная с пригородными зонами и субурбиями. Здесь присутствие природы и факторов *amenity migration* лишь видимое, ненастоящее, «фейковое». В силу самых различных причин, многие из которых самоочевидны, город вторгается в эту зону и форматирует ее по своему образу и подобию. Жизненные стили обитателей «спальных одноэтажных районов» и коттеджной застройки фактически городские. Это касается и временных ритмов. Поэтому этот вид дезурбанизации, скорее, относится к области мутирующей и деградирующей урбанизации, а не дезурбанизации в полном смысле слова. Кстати сказать, российские исследования в рамках Угорского проекта показывают, что многие удаленные мигранты-дезурбанизаторы и дауншифтеры изначально имели или имеют поныне пригородные коттеджи, дачи, которые перестали их удовлетворять по широкому спектру характеристик, не соответствующих представлениям о качестве «правильной» жизни в XXI веке [3, 5].
- *Вынужденная дезурбанизация* (или дезурбанизация поневоле) связана в основном с экономическими факторами, среди которых высокий уровень расходов при проживании в городе, прежде всего расходы на жилье и продукты питания, угрожающий уровень уличной преступности и проблемы обеспечения безопасности, риски для здоровья по определенным видам заболеваниям, невозможность обеспечить детям правильное образование и др. Вынужденная дезурбанизация во многом внутренне конфликтна по своему характеру; у мигрантов она, как правило, связана с психологическими стрессами, депрессией, чувством тотальной неудовлетворенности городской жизнью, подчас сопровождаемым проявлениями агрессивности и асоциальности. По большому счету, это своеобразное бегство из и от города, нередко спорадическое и хаотичное. В эту картину вынужденной дезурбанизации вмешивается и другой мотив, постоянно присутствующий в общественном дискурсе. Речь

идет о страхе городских жителей стать жертвами экологических и военных катастроф, бактериологических атак на мирные города и пр. Эти темы постоянно муссируются в СМИ, популярной культуре и глубоко входят в сознание широких масс. И в этом смысле в сознании многих опережающее катастрофическое бегство из города дает определенную надежду на спасении от надвигающегося «Армагеддона».

- *Дауншифтинг* (или дезурбанизация глубокого погружения) (от англ. *downshift*, переключение на пониженную передачу со снижением скорости автомобиля и соответствующим повышением его проходимости). В последние годы этот термин не только укрепился в англоязычной популярной и научной литературе, но и получил свою прописку в русском языке. Под эту категорию подпадают самые различные виды дезурбанизационных стратегий, главным для которых становится максимально глубокий разрыв с городом, стремление «сжечь мосты» с прошлым городским опытом, начать новую жизнь. В широком смысле этого слова мы имеем дело с тем, что в классической теории аномии Р. Мертона получило наименование «бегство» (*retreat*), отход, затворничество [2].

Российское исследовательское поле. В российском исследовательском поле по тематике дезурбанизации в ее прикладных аспектах в основном работают коллективы экономистов и социологов: под руководством профессора Г.Н. Данчевского в Южном федеральном университете (Ростов-на-Дону), группа профессора С.Ю. Барсуковой и В.И. Звягинцева в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики», А.А. Позанеко (там же), в Исследовательской группе ЦИРКОН под руководством И.В. Задорина, профессор М.В. Рыбакова и С.О. Гоманова на факультете государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова и междисциплинарная группа профессоров Н.Е. Покровского и Т.Г. Нефедовой («Угорский проект») в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики», Институте социологии РАН, Институте географии РАН и Сообществе профессиональных социологов.

Принципиальные позиции. Разрушение традиционного социокультурного и экономического тождества «внегородское=сельскохозяйственное». Наблюдается постоянный рост популярности термина «внегородское», вытесняющего понятие «сельское» и «сельскохозяйственное». Внегородские пространства, особенно на Ближнем Севере России (предметная область рассмотрения Угорского проекта), несмотря на усилия властей и разного рода публичные декларации устойчиво сокращают свое сельскохозяйственное производство и свертывают посевные площади. В итоге разворачивается эпическое по своим масштабам и своему историческому смыслу сжатие прежде освоенного пространства, умирание и «укрупнение» сельских поселений, деградация вплоть до полного уничтожения инфраструктуры. Освоенными остаются концентрические пространства вокруг областных центров (в радиусе 25–30 км) и районных центров (радиус 6–9 км). В остальном пространстве наступает социальный вакуум. На этом фоне и в этом контексте обозначает себя относительно новый тренд обратной миграции городского населения в отдаленные районы сельской местности, отвечающих следующим критериям:

- наличие поселений в их любом состоянии и остаточного местного населения;
- высокое качество экологии;
- эстетичность ландшафтов;
- наличие значимого исторического контекста местности;
- покрытие сетями инфокоммуникаций;
- приближенность к транспортным магистралям с возможностью возвращения в мегаполис в течение нескольких часов.

Новая матрица социального и географического расселения обладает значимыми инновационными характеристиками: это новые экономические паттерны («очаговая сельскохозяйственная экономика», экономика знаний) и социальные явления («удаленная работа», «фрилансеры», высококачественное образование и мобильная медицина, новые формы социабельности, взаимодействий, коммуникаций).

Смыслы дезурбанизации. Анализ современных движений населения, включая дезурбанизационные, поднимает важный методологический вопрос, который рассматривается отечественными обществоведами. Намечающаяся миграция горожан во внегородскую среду − это уход за пределы города, его отрицание, признак перехода на новую стадию цивилизационного развития? Или же дезурбанизация − это дальнейшая эволюция города, некое его совершенствование, новая ипостась, реализующая себя в иной географической среде? Вопросы отнюдь не пустопорожние. Они ведут нас к обсуждению более общей темы: что есть город в современном понимании? Либо это, прежде всего, инфраструктура (здания, объекты транспорта, энергоснабжения и пр.), что соответствует распространенным обыденным представлениям, либо город коренится в самом сознании людей, в их жизненном мире, представлениях о стиле коммуникаций, особенно в новых видах социальной сплоченности? Имеем ли мы дело с совершенствующимся городом, в том числе вбирающим в себя ближние и дальние периферии, или с принципиально иной жизнью — *жизнью после города* («Life After the City») [21] построенной по новым цивилизационным координатам?

Вряд ли на эти вопросы мы можем ответить однозначно, но сама постановка имеет смысл, заставляя задуматься о том, что в социальном мире относится к уходящему в прошлое, а что − к приходящему будущему.

Список литературы

1. Социологические исследования в российской глубинке: дезурбанизация и сельско-городские сообщества / сост. и науч. ред. В.И. Ильин и Н.Е. Покровский. М.: Университетская книга. 2016. 402 с.

2. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. АСТ Хранитель. М.: Хранитель, 2006. 873 с.

3. Нефедова Т.Г, Николаева У.Г., Покровский Н.Е. Интеллигенция в пространстве внегородской России // Социологические исследования. 2016. №12. С. 52–61.

4. Николаева У.Г. Экономическая архаика и современность. М.: Дашков и Ко, 2005. 224 с.

5. Ойкумена Ближнего Севера России: коллективная монография / общая ред. и сост. Н.Е. Покровского и Т.Г. Нефедовой. М.: Университетская книга. 2015. 264 с.

6. Потенциал Ближнего Севера: экономика, экология, сельские поселения. К 15-летию Угорского проекта / Под ред. Н.Е. Покровского, Т.Г. Нефедовой. М.: Логос. 2014. 492 с.

7. Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования / ред. Артоболевский С.С., Синцеров Л.М. М.: Эслан, 2010. 428 с.

8. Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия / пер. с англ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 335 с.

9. Bauman Z. Liquid Modernity. Cambridge. Polity Press. 2000.

10. Beck U. The necessity of a cosmopolitan outlook. https://euroalter.com/2015/ulrich-beck-the-necessity-of-a-cosmopolitan-outlook. 2015.

11. Berry B. Urbanization and Counter urbanization in the United States // ANNALS. 1980. AAPSS. №9.

12. Chipeniuk R. Planning for Amenity Migration in Canada – Current Capacities of Interior British Columbian Mountain Communities // Mountain Research and Development. 2004.Vol. 24. P. 327–335.

13. Crump J. Finding a Place in the Country: Exurban and Suburban Development in Sonoma County, California // Environment and Behaviour. 2003. Vol. 35.

14. Fielding A.J. Counterurbanisation. In: Population geography: progress and prospect, edited by Michael Pacione. London, England. Croom Helm, Croom Helm Progress in Geography Series.1986. P. 224–256.

15. Fielding A.J. Migration and counter urbanization in Western Europe since 1950 // Geographical Journal. № 155. 1989. P. 62.

16. King, Russell, Black, Richard, Collyer, Michael, Fielding, Anthony and Skeldon, Ronald In: The Atlas of Human Migration: Global Patterns of People on the Move. Earthscan. London. 2010.

17. Mitchell C. Making sense of counterurbanization//Journal of rural studies. 2004. № 5. P. 27.

18. Mitchell Clare J.A. Counterurbanization and the Growth of Canada's Rural and Small Town Municipalities: 1996-2001. // Canadian Journal of Regional Science/Revue canadienne des sciences regionals. XXXI: 1 (Spring/Printemps 2008). P. 117–132.

19. Mitchell Clare J.A. Population growth in rural and small town Ontario: metropolitan decentralization or deconcentration // Canadian Journal of Regional Science. 2009. vol. 32(2). P. 377–392.

20. Mitchell Clare J.A. and Bryant Chris. Counterurbanizing Settlement Systems: The Evidence of Counterurbanization. In: The International Encyclopedia of Human Geography. Elsevier Press. 2009.

21. Pokrovsky N. and Guseva Y. Alternative to Urbanization: Life after the City. Better Life Magazine. April 2012 http://livebettermagazine.com/article/alternative-to-urbanization-life-after-the-city.

22. Van Dam F., S. Heins and B. Elberson. Lay Discourses of the Rural and Stated and Revealed Preferences for Rural Living. Some Evidence of the Existence of a Rural Idyll in the Netherlands // Journal of Rural Studies. 2002. Vol. 18. P. 461–476.

ГЛ. Тульчинский, А.К. Богданова

ЦЕННОСТНО-НОРМАТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНОВ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ

Аннотация. *Предлагается ценностно-нормативный подход к исследованию социально-культурной модернизации регионов и региональных политических режимов. Данная концептуализация опирается на сочетание идей Л. Болтански о социальных мирах (этосах) и типологии власти А. Кожева.*

Ключевые слова: *власть, модернизация, политический режим, социальные силы, этос.*

G.L. Tulchinskii, A.K. Bogdanova

VALUE-NORMATIVE FOUNDATIONS FOR THE REGIONS MODERNIZATION AND REGIONAL POLITICAL REGIMES

Abstract. *In this paper, we propose a value-normative approach to the study of socio-cultural modernization of regions and regional political regimes. This conceptualization is based on a combination of L. Boltansky's ideas about social worlds (ethoses) and A. Kožev's typology of power.*

Keywords: *power, modernization, political regime, social forces, ethos*

В данной работе предлагается ценностно-нормативный подход к исследованию социально-культурной модернизации регионов и региональных политических режимов. Речь идет о методологическом обосновании серии планируемых исследований, реализуемых на базе департамента прикладной политологии НИУ ВШЭ-СПб.

Одним из важнейших факторов развития, социально-культурной и экономической модернизации региона является легитимность регионального политического режима, которая обеспечивается его ответом на осознанные (или не очень) ценностно-нормативные запросы социальных групп. При этом нетривиальное значение имеет расстановка этих социальных сил в конкретном регионе. Несоответствие политического режима ценностно-нормативным установкам ведущих социальных сил дестабилизирует социум, порождает напряжения, конфликты, запрос на смену политической элиты, что отнюдь не способствует конструктивной модернизации.

Существующие теории и концепции политических режимов констатируют существование различных типов политических режимов: авторитарных, демократических и гибридных. Однако каждый политический режим в чем-то уникален, так как учитывает особенности местной специфики, и каждый из них является в чем-то гибридным. В этом плане показательна недавняя полемика Е. Шульман и Г. Голосова о гибридных режимах [12]. В развернувшейся активной дискуссии консенсус достигнут не был, прежде всего, в силу неопределенности терминов. Требуется уточнение системного разнообразия политических режимов, а также выявление факторов, вызывающих к жизни определенные конфигурации политических режимов.

Для решения этой задачи предлагается следующий концептуальный аппарат:

1) Идея социальных сил П. Бурдье [3], Г. Тульчинский [18], т.е. социальных групп, имеющих артикулированные интересы и ресурсы (финансовые или также организационные, или также символические, или также информационные) для их реализации. Примерами могут служить силовые структуры; бизнес, в т.ч. – ВПК, ТЭК; бюджетная сфера; медиа; креативный класс.

2) Идея типов и конфигураций власти А. Кожева [9].

3) Концепция социальных миров Л. Болтански и Л. Тевено [2].

В концепции социальных миров (градов, этосов) речь идет о ценностно-нормативных комплексах, важных для социальной консолидации социальных сил, установках, определяющих основания принятия решений и поведения представителей этих групп.

Сами Л. Болтански и Л. Тевено выделяют несколько качественно специфических социальных миров: мир вдохновения (*le monde de l'inspiration*); патриархальный мир (*le monde domestique*); мир репутации (*le monde de l'opinion*); гражданский мир (*le monde critique*); рыночный мир (*le monde marchand*); научно-технический мир (*le monde industriel*).

Каждый такой мир имеет различные представления о справедливости. Эти различения Л. Болтански и Л. Тевено связывают с параметрами соответствующего этоса: представлениями об оценке достоинств, успешности, неудачи, заслуг, уважения, признания, авторитетности и т.д.

Конкретизацию характеристик каждого из этих параметров по каждому этосу можно представить в виде таблицы (табл. 1):

Таблица 1

Характеристика параметров справедливости для каждого социального мира (града)

Миры /Пара-метры	**Мир вдохновения**	**Патриархальный мир**	**Мир репутации**	**Гражданский мир**	**Рыночный мир**	**Научно-технический мир**
Высший общий принцип	Вдохновение (духовное)	Род, иерархия, традиция	Мнение других, публика	Коллектив, всеобщая воля	Конкуренция, соревнование	Эффективность, результативность, будущее
n	Странное, необычное, чудесное, невыразимое, спонтанное, волнующее, страстное, бессознательное	Благожелательность, воспитанность, сдержан-ность, преданность, откровенность, умение хранить секреты	Известность, прославленность, видность, заметность, успешность	Нормативный, законный, уставной, уполномоченный	Желаемый, пользую щийся спросом, цена, продаваемость, прибыль	Эффективный, надежный, функцио-нальный
Достоин-ство	Творческое волнение: любовь, страсть, творчество	Непринужденность, здравый смысл, привычка, обыкновенность	Стремление к признанию, уважению	Гражданские права, участие	Интерес, спрос, любовь к вещам	Работа, сила, энергия
Субъекты	Дух, чудовище, волшебстворебенок, женщина, безумец, артист, художник	Вышестоящие (отец, король, шеф, семья), простые (я, холостяк, ребенок, домашние животные, подчиненные), другие (окружение, соседи, третьи лица, иностранцы)	Знаменитости, лидеры, их поклонники представители, журналисты	Органы управления, представительства, членство в партиях, общественных организациях	Производитель, клиенты, конкуренты	Эксперты, специалисты
Объекты	Дух, тело, грезы, сон наяву	Статус, титул, приличия, манеры, подарки, знаки отличия	Имена, марки, реклама, PR, медиа	Права, законы, суды, заявления, нарушения прав, программы, лозунги	Богатство, роскошь	Цели, средства, методы, задачи, планы, программы, причины
Формула инвестиции	Сомнение, бегство от привычек	Самоотречение, долг, обязанности	Открытость отказ от секретности	Отказ от частного, солидарность, борьба	Свобода, открытость, динамичность	Прогресс, развитие
Протокол о величии	Универсальная ценность уникального: гений, независимость	Уважение и ответствен-ность, авторитет, честь, стыд, позор	Известность и узнаваемость, признание	Делегирование, вступление представительство	Обладание, собственность	Владеть знанием, умением

Продолжение таблицы 1

Естествен-ные отношения	Творить, открывать, мечтать, воображать	Порождать, воспитывать, приглашать получать, благодарить уважать	Влиять, убеждать, привлекать, продвигать, говорить, запускать	Сплотить, мобилизовать, присоединиться, призвать, обсудить, уполномочить, обратиться в суд	Интересовать, покупать, продавать, торговаться соперничать, договариваться, извлекать выгоду	Реализовывать, выявлять, учитывать, определять, измерять, решать, использовать, предвидеть, внедрять, оптимизировать
Формы гармонии	Вымысел, фантазия	Дом, семья, обычаи, приличия	Публичный имидж, целевая аудитория, позиционирование	Республика, демократия, представительские институты	Рынок	Организация, система
Испытания	Искания, духовный поиск, переживаемый опыт, приключения	Награждение, назначение, праздники (рождение, свадьба, кончина)	Специальные события, церемонии, презентации	Выступление ради справедливого дела, собрание, демонстра-ция, спор, судебное разбирательство	Сделки	Проверка, тест, внедрение, реализация
Суждение	Озарение, аура, случай, удача, шедевр, переворот представлений	Доверять, ценить, упрекать, докладывать, информировать	Слухи, мода, рейтинги, резонанс, отклик	Голосование, выборы, мобилизация	Цена, стоимость	Правильный, эффективный, действующий
Очевидность	Интуиция, символы, мифы, аналогия, образы, знаки	Типичная история, пример	Известность, очевидность успеха	Текст закона, юридические нормы, устав, положение	Деньги, прибыль, результат	Измерение
Падение	Привычка, повторы, приземленность, доминирование внешних факторов	Небрежность, ошибки, нескромность, завистли-вость, измена	Непризнанность, банальность испорченная репутация, померкнувшая слава, забытость	Разобщение остаться в меньшинстве, индивидуализм, незаконность, лишение полномочий	Невостребованность, преклонение перед деньгами	Отношение к людям как вещам

Данная систематизация уязвима для критики. Бросается в глаза, что религия и искусство оказались в одном кластере, где главным критерием оказалось вдохновение и фантазия. При этом, научный этос сведен к индустриальной прагматике, что связано либо с отождествлением рациональности и эффективности, либо также с признанием полной ориентации современной науки не столько на бескорыстные поиски истины, сколько на решение практических проблем производства, политики, управления. Но при этом улавливается главное – существенные различия различных этосов со своими ценностно-нормативными установками, критериями оценки, признания успешности. Каждый из таких этосов связан с сформировавшимися в современной цивилизации кластерами деятельности, связанными с ними рынками труда.

Бросается в глаза параллель между типами социальных миров (градов) Болтански-Тевено и типов власти, выделенных в свое время А. Кожевым, согласно которому, при осмыслении политической истории можно выделить четыре теории власти, связанные с определенными типами политического авторитета:

1) Власть Отца (творца, старших, мертвых), легитимность которой обеспечивается апелляцией к традиции (мифологии, религиозным основания и т.п.).

2) Власть Судьи (арбитра, исповедника), опирающаяся на справедливость.

3) Власть Вождя (учителя, ученого), основанная на признании мудрости, способности к предвидению.

4) Власть Господина (победителя, хозяина), готового рисковать жизнью ради власти) над побежденным, предпочитающим смерти подчинение Господину.

На этой основе А. Кожев в 1942 году предложил, пожалуй, наиболее детальную систематизацию видов власти, причем систематизацию, глубоко концептуально и философски фундированную (власть Отца как апелляция к прошлому, Вождя – к будущему, Господина – к настоящему, Судьи – к вечности) и универсалиями бытия (табл. 2):

Таблица 2

Власть и универсалии бытия

Представления о сущем	Универсалии	Тип власти
Целое мира	Причина	Отца (О)
Единое множественности	Справедливость	Судьи (С)
Первозданная творящая воля	Предвидение	Вождя (В)
Противоречия, противоборства	Риск	Господина (Г)

А. Кожевым была обоснована систематизация, включающая 64 возможных типа власти, в том числе:

4 упомянутых чистых типа: О, С, В, Г.

12 комбинаций двух чистых типов (первым указывается доминирующий тип): ОВ, ОГ, ОС; ВО, ВГ, ВС; ГО, ГВ, ГС; СО, СВ, СГ.

24 комбинации трех типов: ОВГ, ОГС, ОВС, ВГС; ОГВ, ОСГ, ОСВ, ВСГ; ВОГ, ГОС, ВОС, ГВС; ГОВ, СОГ, СОВ, СВГ; ВГО, ГСО, ВСО, ГСВ; ГВО, СГО, СВО, СГВ.

И 24 комбинации четырех типов, получаемых аналогичным образом.

4 + 12 + 24 + 24 = 64 типа конфигурации власти

Систематизация А. Кожева выглядит комбинаторической, как некая «алгебра власти». Однако она позволяет достаточно просто квалифицировать определенный политический режим с точки зрения характеристик реализуемого в нем типа властных отношений.

В связи с этим можно говорить о соответствии моделей А. Кожева и Л. Болтански-Л. Тевено:

– Власть Отца связана с ценностно-нормативным комплексом Патриархального мира.

– Власть Господина вырастает из патриархальности в этосе иерархии силы, но в современном социуме это не просто сила физического подавления, но и сила экономических ресурсов, т.е. современная власть Господина воплощается в корпоративности государства.

– Власть Вождя опирается на мир Вдохновения и Репутации.

– Власть Судьи опирается на этос Гражданского мира.

Несомненно, такое сопоставление типов этосов и власти нуждается в большем уточнении и систематизации. Но сам факт достаточно прозрачного соответствия говорит о нащупывании некоего «твердого инварианта» типологии политических режимов. Важно и то, что выглядящие, на первый взгляд, метафорами концепты типов власти легко операционализируемы, и такой операционализацией могут выступать развернутые характеристики социальных миров, их этосов, выявленные Л. Болтански с коллегами.

Уже из проведенного сопоставления очевидно, что современный социум представляет собой систему различных этосов со своими критериями оценки и ресурсами влияния, в том числе – на формирование власти. А учитывая предложенную А. Кожевым «алгебру» власти, после ее уточнения и операционализации, мы получаем нетривальный аппарат анализа современной политической реальности, включая компаративистику и возможности количественных методов.

Дальнейшее исследование предполагает:

– Выбор регионов РФ по принципу максимального разнообразия экономики, структуры занятости (например, сельскохозяйственный, промышленный, ресурсодобывающий и туристический регионы);

– Определение расстановки в них социальных сил, как доминирующих, так и общей конфигурации (по демографическим данным, структуре занятости, при помощи бюджетного и налогового анализа);

– Выявление каналов и способов артикуляции их политических запросов;

– Соотнесение получаемых нормативно-ценностных запросов с реальной конфигурацией политических режимов, включая объективные запросы на модернизацию;

– Выводы, интерпретации.

– Эмпирической базой такой аналитики могут выступить базы данных:

– Ценностные установки жителей российских регионов – данные лаборатории сравнительных социальных исследований НИУ ВШЭ СПб, а также работы НУГ НИУ ВШЭ СПб по ценностным установкам;

– база данных ЦСР по результатам исследования региональных элит и их взаимоотношений с губернаторами,

– данные международного исследования World Value Survey и национальных деловых культур Г. Хофстеде [22];

– Статистические данные по демографии и структуре занятости в выбранных регионах.

Также необходимо провести бюджетный анализ, который покажет, кому и в каких размерах предоставляются бюджетные ресурсы. Это позволит выявить приоритетные социальные группы в регионе. Для этого важнее смотреть не на субсидированную часть бюджета, а на собственную бюджетную базу региона вне субсидий. Именно там обычно находятся либо коммерческие интересы режима – поддержка, ставка, на конкретные социальные группы, либо его электоральные интересы. Выявить доминирующие группы поможет также налоговый анализ, который выявит наиболее экономически защищенные группы. Эти группы будут маркерами для дальнейшего анализа политического режима в регионе.

Ранее теория этосов Болтански-Тевено использовалась в отечественной социологии только для анализа особенностей перспектив инноватики [4; 20]. Для анализа специфики конкретных политических режимов, и тем более – в сочетании с типологией власти А. Кожева, эта концепция не использовалась. Хотя обе эти теории позволяют как дополнить теорию гибридных режимов, привнеся в нее конструктивные наработки по вопросу взаимодействия социальных групп и режимов, так и предложить новый морфологический

подход к конструктивному рассмотрению политических режимов как типов легитимности при разных расстановках социальных сил.

В качестве пилота применения предлагаемого подхода, можно применить его к осмыслению российского социума в целом. Если использовать статистику по видам занятости, то представленность каждого этоса (социального мира) в современной России выглядит следующим образом:

Патриархальный мир (государственное управление, обеспечение военной безопасности; социальное страхование, ВПК, пенсионеры) – около 41 млн человек [7; 8].

Гражданский мир – бюджетники (здравоохранение, образование, НИР) – около 10 млн. человек [7].

Мир вдохновения – работники в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений, СМИ насчитывает порядка 9млн человек [7].

Представителей мира рынка (малый и средний бизнес) – почти 8,5 млн человек [10].

Даже такая очень и очень приблизительная схема позволила понять приоритетность этосов в современной России, а значит понять, какие ценности преобладают в обществе современной России и на основе этого составить примерный формат политического режима, соответствующего запросу социальных сил. Это запрос на тип власти, выраженный в следующем виде (по убывающей):–Власть Отца, Судьи, Вождя и наконец, Господина. Согласно А. Кожеву, это конфигурация ОСВГ.

Подобное распределение говорит о том, что во главе легитимного государства в современной России востребованы, прежде всего, принципы патриархального мира (власти Отца), согласно которому, политика строится на жесткой иерархии [1, с. 262], а передача власти осуществляется посредством назначения [9, с. 137]. Например, действующий носитель власти сам выдвигает своего преемника. Для удовлетворения потребности в законности и верховенстве права могут состояться выборы, при которых обществу будет дана возможность высказать свое мнение. Подобные выборы будут скорее служить легитимации власти, так как в силу авторитетности действующей власти, можно предположить, что граждане выберут именно предлагаемого преемника.

Несмотря на уважение и признание суверена, у населения в таком государстве должна быть возможность на переосмысление, на выражение недовольства. В таком случае мы видим уже, как встречаются мир гражданский и мир вдохновения. Подобное стремление пересмотра может выражаться в качестве протестов различной степени активности [1, с. 443]. Несмотря на то, что природа таких действий эмоциональная, но в мире с высокой долей власти Судьи, они будут сопровождаться эффективными методами мобилизации и подкрепляться научной теорией. Превалирующей в описываемом нами мире является власть Отца, все изменения идут «сверху», носитель власти остается ничем иным, как слиянием стремления людей в одной общей воле [9, с. 77]. Его действиям будут подчиняться, не из-за его высшего рода, а из-за уверенности, что его поступки носят исключительно справедливейший характер и направлены на общий интерес. Однако для контроля должны существовать какие-либо законные формы [1, с. 295]. Компромисс всех четырех миров будет отражаться не только на высшем уровне, но и в других сферах жизни людей. Такая конфигурация социума предъявляет определенные требования к миру рынка, акцентируя внимание на «согласованные рынки» [1, с. 465], а также уже проверенные традиции [1, с. 472].

В принципе такой конструкт ценностно-нормативного запроса находит выражение в общественном мнении, подтверждается данными опросов населения.

Сопоставление его с реальным дизайном политического режима в терминах предложенной модели выявляет диссонанс. Сложившаяся практика электорального авторитаризма явно не соответствует описанному выше гражданскому миру. Сложившаяся властная вертикаль, практика назначения «преемников», губернаторов дает достаточно прямой остыл к патриархальному миру, доминированию власти Отца – не только на высшем уровне.

Главное – эта практика распространяется не только на мир власти, но на сферу бизнеса. Так, Алексей Рогозин, сын Дмитрия Рогозина был зам. директора департамента имущества в Минобороне, а теперь назначен гендиректором ОАО «ИЛ». Сын директора ФСБ Александра Бортникова является членом правления ВТБ, сын бывшего начальника Минпрома Виктора Христенко – президент фармацевтической компании «Нанолек», которая сотрудничает с «Роснано» [14]. Данный список можно продолжать, но уже по этим примерам видно, какую роль играют родственные связи в современной России. Кроме этого, такие факты говорят нам еще о неразделимых отношениях между государством и крупным бизнесом. Подобная логика вещей, лишь подтверждает, что для России характерен азиатский способ производства [21, с. 8]. При таком положении бывает трудно провести черту между властью и бизнесом. Иногда данный симбиоз происходит через связи. Так, например, А. Ротенберг, давний друг детства В. Путина, сейчас входит в число самых богатых людей по списку Forbes [6]. Сам А. Ротенберг является контролирующим акционером компании «Стройгазмонтаж», совместно с братом Б. Ротенбергом они владеют контрольным пакетом СМП Банка, так же большей частью акций «Северный европейский трубный проект», до 2015 г. они контролировали четверть акций Мостотрест, и это только самые яркие позиции из списка собственностей Ротенбергов. Однако тесную связь между ними и политикой могут показать суммы господрядов, которые они получали: если в 2013 это было 102,8 млрд рублей, то в 2014– 184 млрд рублей [12].

Другой способ связи бизнеса и власти сказывается на самой экономической практике. Так, например, «Газпром» осуществляет свою деятельность скорее не на принципах экономической эффективности, а на принципах получения дохода определенными лицами. При этом нужно иметь в виду, что Газпром получает прибыль только потому, что использует государственные ресурсы на условиях монополии, что естественно было бы невозможно без согласия самого государства.

Эта специфика симбиоза власти и бизнеса в современной России выражается и в явлении коррупции: по итогам 2016 г. Россия заняла 131 место в рейтинге восприятия коррупции [17]. Последнее время было насыщенно громкими коррупционными делами: министра экономического развития Алексея Улюкаева, губернатора Кировской области Никиты Белых, главы управления «Т» антикоррупционного главка МВД России, полковника Дмитрия Захарченко [13]. В конце концов, антикоррупционные митинги, прошедшие в городах России 26 марта тоже о чем-то говорят.

Чтобы более полно говорить о форме политического режима, нельзя упускать фактор социальной политики. Можно заметить, что символическая политика как часть социальной политики, строится на ностальгическом восприятии советского прошлого. Данная идея включает в себя несколько компонентов: непримиримая борьба идей и ценностей, «страна-цивилизация», «социальный консерватизм» и «специфически трактуемая геополитика». Главенство традиционных ценностей даже затмевают вопросы верховенства права и законности [15, с. 34].

Таким образом, мы получаем, что величие в современной России достигается посредством связей и богатства, а сама политика строится на жесткой иерархии, апелляции к прошлому и использованию символов и мифов. Все это дает нам возможность характеризовать политический режим как власть отца, господина, вождя и судьи: ОГВС.

Таким образом, в идеальной и в реальной модели, доминирующей в России, является власть Отца, патриархально-авторитарная по своей природе. Но уже на следующем уровне обнаруживается диссонанс. Если в модели-запросе второй стоит власть Судьи с ее этосом справедливости, то в реальности, второй по значимости является власть Господина. Тем самым обнаруживается главный нерв российской политической культуры, главное ее напряжение, и главный источник напряжения и потенциального конфликта.

Не случайно, в последнее время в российском общественном дискурсе остро ставится вопрос о справедливости. Так, например, в течение 10 лет, с 1991 по 2000 было опубликовано всего 5 работ, включающих в себя слово «справедливость». Это цифра выросла до 80

публикаций за период с 2001 по 2010 гг. [19, с. 72]. Такой скачок является ничем иным как естественной реакцией на общественный запрос. Исследование, проведенное Институтом социологии РАН в 2012 г., доказывает это: оно показало, что в тройку вещей, о которых больше всего мечтают люди, вошла мечта жить в справедливом обществе [16]. Данный дискурс поддерживает и сама власть: в 2013 г. В.В. Путин говорил о том, что «Власть должна быть сильной, последовательной и справедливой» [5]. Обеспокоенность политиков проблемой справедливости ясна: если общество уверяется в полном ее отсутствии, это может понести за собой не лучшие последствия для действующей власти. В основном, это означает потерю легитимности. Таким образом, основным итогом проведенного достаточно беглого рассмотрения стало доказательство того, что запрос общества современной России не соответствует реальному дизайну власти. Такое положение говорит о неестественности власти, однако не говорит о полном отсутствии легитимности. Скорее, можно говорить об обеспечении легитимации с помощью мобилизации социума, прежде всего, с помощью медийного воздействия.

Проведенное рассмотрение говорит о том, что у социальных сил современной России существует запрос на власть авторитарную, однако ограниченную законом и этих законов придерживающуюся. Именно в данном пункте обнаруживается расхождение с этим запросом реальной практики: правоприменение носит избирательный характер, а справедливость отождествляется исключительно с первым лицом государства.

Кроме того, разработанная модель Л. Болтански и Л. Тевено в сочетании с «алгеброй власти» А. Кожева является хорошим инструментом для конкретизации других типов авторитарной власти. Существует достаточно широкая вариация авторитарных режимов, однако все они скорее описывают институциональное содержание и того, кому принадлежит власть. В нашем же случае теория Л. Болтански и Л. Тевено позволяет наполнить комбинаторику типов конфигурации власти А. Кожева, конкретикой этических установок и выстроить конфигурацию социальной базы с этосами. Авторитаризм может быть на основе доминирования как власти Отца, так и Власти Вождя, так и Господина или Судьи. Подобная модель не отменяет другие типологии и не заменяет их. Она позволяет конкретизировать режим − на какой социальной базе он строится, каким этосом наполнен

Такая аналитика имеет большие возможности для дальнейшей разработки. Особенно интересен вариант развития того или иного режима, будет анализ расстановки сил в динамике становления режима. Таким образом, подобная модель может стать хорошим инструментом для будущих исследований.

Главное – такой подход расширяет горизонт анализа, выходя за пределы маржиналистской экономической социологии, рассматривающей политические отношения исключительно в рамках этоса рыночных отношений и соответствующего типа властных отношений.

Как представляется, вырисовывается подход, в котором аналитика перспектив региональной модернизации раскрывается на основе презентации различных конфигураций социальных сил и их представлений о справедливости – в зависимости от особенностей исторического развития и расстановки сил в конкретном региональном социуме.

Список литературы

1. Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М.: НЛО, 2011. 976 с.

2. Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов. М.: НЛО, 2013. 576 с.

3. Бурдье П. Социология социального пространства. В 2 т. М.: Институт экспериментальной социологии. СПб: Алетейя, 2005.

4. Бычкова О., Хархордин О. Образ будущего. Ловушка научно-технического творчества // Ведомости. 2017. № 4324. С. 7.

5. Владимир Путин: «Власть должна быть сильной, последовательной и справедливой» [Электронный ресурс]: Российская газета: [веб-сайт]. URL: http://www.rg.ru/2012/02/13/putin-statya.html (Дата обращения: 17.05.2017).

6. Двести богатейших бизнесменов России [Электронный ресурс]: «Forbes»: [веб-сайт]. URL:http://www.forbes.ru/profile/arkadii-rotenberg (Дата обращения: 17.05.2017).

7. Занятость и безработица в Российской Федерации в марте 2017 года [Электронный ресурс]: Росстат. Трудовые ресурсы: [веб-сайт]. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/80.htm (Дата обращения: 01.05.2017).

8. Какое количество пенсионеров в России на 2016 год? [Электронный ресурс]: «О пенсии. Инфо»: [веб-сайт]. URL:http://opensii.info/answers/skolko-pensionerov-v-rossii/ (Дата обращения: 17.05.2017)/

9. Кожев А. Понятие власти. М.: Праксис, 2007. 93 с.

10. Количество юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, сведения о которых содержатся в Едином реестре субъектов малого и среднего предпринимательства по состоянию на 01.08.2016.

11. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства [Электронный ресурс]: Ресурсный центр малого предпринимательства»: [веб-сайт]. URL:http://rcsme.ru/ru/statistics (Дата обращения: 01.05.2017)

12. Комин М. Автократ и его гибрид. Политологи поспорили: может ли из российских институтов вырасти демократия // Новая газета. 2017. № 3. С.9.

13. Короли госзаказа-2016 [Электронный ресурс]: «Forbes»: [веб-сайт]. URL: http://www.forbes.ru/rating-photogallery/313039-koroli-goszakaza-2016-reiting-forbes (Дата обращения: 16.05.2017).

14. Кошки-мышки по-крупному. Громкие коррупционные дела в России в 2016 году. [Электронный ресурс]: «Риа Новости» Происшествия: [веб-сайт]. URL:https://ria.ru/incidents/20160728/1473075451.html (Дата обращения: 16.05.2017).

15. Любимые чада государства: где работают дети высокопоставленных особ России [Электронный ресурс]: «Провэд»: [веб-сайт]. URL: http://провэд. рф/politics/in-russia/32928-lyubimye-chada-gosudapstva-gde-pabotayut-deti-vysokopostavlennyh-osob-possii.html (Дата обращения: 16.05.2017).

16. Мельвиль А.Ю. Неоконсервативный консенсус в России? Полития. 2017. №1. С. 29–45.

17. О чем мечтают россияне: идеал и реальность / [М.К. Горшков и др.]; Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2013. 400 с.

18. Россия опустилась в рейтинге восприятия коррупции на 131 место [Электронный ресурс]: Lenta.ru [веб-сайт]: URL:https://lenta.ru/news/2017/01/25/corruption/ (Дата обращения: 17.05.2017).

19. Тульчинский Г.Л. Социальные силы и гражданское общество. (От статико-классификационного к динамико-синергетическому пониманию общественной жизни) // Роль фундаментальных социологических исследований в преподавании гуманитарных дисциплин и становлении в России гражданского общества. СПб: Нестор, 1999. С.119–122.

20. Урнов М.Ю. Что есть справедливость? (Попытка анализа массовых представлений). Общественные науки и современность // 2012. №5. С. 71–88.

21. Хархордин О.В. Прагматический поворот: социология Л. Болтански и Л. Тевено // Социологические исследования. 2007. № 1. С. 32–42.

22. Бизнес и власть в России. Теория и практика взаимодействия. М.: НИУ ВШЭ, 2011. 349 с.

23. Hofstede G.H. Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations. Sage. 2001. URL: http:// www.geert-hofstede.com/geert-hofstede_resources.shtml.

О.А. Уржа

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Аннотация. *В статье рассмотрены проблемы, которые сложились в настоящее время в России в результате трансформации кадровой политики и создания ситуации, при которой утрачена взаимосвязь между системой образования, то есть системой подготовки управленческих кадров, повышения их квалификации, и системой обеспечения кадрами государственных и муниципальных служб, системой подбора и расстановки кадров в органах власти.*

Ключевые слова: *кадровая политика, государственные и муниципальные служащие, система образования, подбор кадров для муниципальной службы.*

O.A. Urzha

PERSONNEL POLICY IN THE CONTROL SYSTEM OF CONTEMPORARY RUSSIA: PROBLEMS AND WAYS OF SOLUTION

Abstract. *The article considers the problems that have developed in Russia as a result of the transformation of personnel policy and the creation of a situation in which the relationship between the education system, that is, the system for training managerial personnel, improving their skills, and the system of providing personnel for state and municipal services, the system of selection and placement of personnel in government.*

Keywords: *personnel policy, state and municipal employees, the system of education, selection of personnel for the municipal service.*

Что такое «кадровая политика»? Существует множество определений этого понятия. Чаще они сводятся к определению кадровой работы организации по управлению персоналом. В свое время, научная школа Российской академии государственной службы при Президенте РФ (РАГС), занимаясь разработкой теории кадровой политики, представляла ее как выражение стратегии формирования, профессионального развития и рационального использования кадрового потенциала общества [3].

Начнем с понятия «политика». Здесь также множество определений. Я бы определила его так: политика – это концептуальный стратегический подход к формированию технологий деятельности органов власти, направленной на обеспечение функционирование и развития подвластной ей социальной системы. Тогда в этом случае, кадровая политика – деятельность органов власти, направленная на создание системы подготовки резерва кадров, отбора из этого резерва профессионально подготовленных кадров на замещение соответствующих им должностей и дальнейшее их продвижение, обеспечивающее эффективное управление социальной организацией.

Выделим основные проблемы, которые говорят об отсутствии, на наш взгляд, стройной и качественной кадровой политики.

Первая проблема связана с действующей системой подбора кадров. На конкурсную комиссию по замещению вакантных должностей, как правило, приходят люди, которые по каким-то причинам ушли с предыдущего места работы. Рассмотрение таких кандидатур происходит в основном по формальным признакам. Разрушение Советского Союза началось именно с разрушения системы формирования кадрового корпуса людей, которые себя зарекомендовали с положительной стороны. Такие люди входили в базу данных, которая называлась номенклатурой кадров. Она не была закрытой. Номенклатура кадров имела четыре уровня – районный, городской, областной и союзный. Такая система позволяла осуществлять постоянный контакт с людьми, входящими в номенклатуру, видеть их достижения, вести повышение квалификации, включать в резерв на вышестоящие

должности, продвигать по карьерной лестнице. Невозможно было попасть на должность случайному человеку. Также невозможно было попасть на должность областного или союзного уровня, не имея опыта работы на районном и городском уровне. Сегодня, к сожалению, эта система полностью ликвидирована. Отсюда – попадание на должности в аппараты управления случайных людей, людей по принципу личной преданности, корысти, что дает основание для текучести кадров, коррупции, непрофессионализму и другим негативным последствиям.

Вторая проблема связана с отсутствием системы привлечения молодежи для участия в работе управления, начиная с местного самоуправления. Показателем демократизма общества является то, насколько широко и активно молодежь участвует в решении управленческих задач, как в сознании молодых людей отражается политическая реальность, каков для них образ государства и власти. Участие молодежи в политической жизни страны, муниципального образования с одной стороны способствует представительству интересов молодежи в общественных делах, с другой ─ привлечению молодого поколения к управлению делами местных органов власти. Кроме того, это дает возможность наиболее талантливым и инициативным молодым людям проявить себя, получить практические навыки управления и принятия решений. Это способствует созданию нового поколения управленческих кадров, формированию кадровой политики.

Богатый опыт формирования управленческих кадров в молодежной среде в нашей стране был. Тогда кадровая политика на всех уровнях управления строилась с привлечением молодых людей, была создана система работы с молодежью, выявления, формирования и отбора социально-активных юношей и девушек, лидеров, которые в дальнейшем составляли резерв управленческих кадров [4]. Эта система имела вертикальное строение соответственно возрасту молодого человека: членство в организации «октябрят» ─ возраст от 7 до 9 лет, затем пионеры ─ возраст от 9 до 14 лет, далее – комсомол, и позже – вступление в партию.

В данной статье рассматриваются не идеологические и политические аспекты данной системы, а именно организационный механизм воспитания, подготовки и отбора социально-активных молодых людей, лидеров и организаторов, неравнодушных к решению общественных проблем. Существовавшая система охватывала всю страну и на этом строилась кадровая политика, решались многие государственные социальные программы.

Безусловно, положительным являлось квотирование мест для молодежи в составах всех уровней власти. Это позволяло поддерживать постоянное присутствие в органах власти представителей молодого поколения, что создавало не только условия для преемственности в деятельности органов управления, но и постоянно учитывать запросы, интересы и настроения молодого поколения, решать актуальные для них задачи с их же участием [1].

Однако в девяностые годы в результате неумело проведенных политических реформ произошло отчуждение молодежи от политики, власти, управления. Была сломана прежняя система политической социализации молодежи, а новая не создана. Исследования показывают слабую включенность молодежи в политическую жизнь страны. Систематическое участие в выборах характерно лишь 24,4% опрошенных. Большинство респондентов не являются членами молодежных общественных объединений (77,6%). Знает об этих организациях лишь 21% из числа респондентов. Наиболее эффективными формами участия молодежи в местном самоуправлении, по мнению респондентов, являются участие в разработке молодежных программ и проектов (26%), участие в организации досуга для молодежи (25%), участие в благоустройстве территории района (23%). В целом молодые люди в незначительной степени участвуют в деятельности органов общественного самоуправления (7,4% на уровне организации и 0,9% на уровне территории, субъекта Российской Федерации) [2].

Третья проблема связана с тем, что система образования в стране полностью отказалась участвовать в формировании кадровой политики. Эти два направления совершенно не пересекаются ни в одной точке.

Рассмотрим систему образования. До введения ЕГЭ в школах активно работала профориентационная система. Вузы вели очную и заочную профориентационную работу, которая имела значительные результаты – выпускники школ поступали в высшие учебные заведения, исходя из желания, кем они хотят быть. После введения ЕГЭ ситуация резко изменилась. Абитуриенты теперь в большей степени ориентируются на проходные баллы на бюджетные места. Профориентационная работа в школах значительно утратила свое значение и результативность.

Вторая ступень образования – вуз. И здесь государство полностью устранилось от трудоустройства даже тех, кого готовит за бюджетные деньги. Логика отсутствует полностью: выделены бюджетные деньги на подготовку специалистов, а спроса за то, какова результативность потраченных денег, нет. Возможна ли такая ситуация в коммерческой организации? Конечно, нет. Предпринимателя интересует отдача от каждого вложенного в дело рубля. А в государственной системе образования этого нет. Неважно, что студент, поступивший на бюджет, плохо учится (он не отчитывается перед тем, на чьи деньги он учится), после окончания вуза оказывается безработным или идет работать не по специальности. Здесь мы говорим о тех, кто учится за счет бюджетных средств, а о контрактниках вообще речи нет.

Теперь о системе трудоустройства и продвижения кадров, что тоже важнейшие элементы кадровой политики. В отечественной практике была замечательная система трудоустройства выпускников вузов. С одной стороны, отраслевые министерства подавали заявки на замещение вакантных мест в отрасли, с другой – министерство труда давало направления для выпускников в те регионы страны, где требовались кадры. Сегодня эта система полностью отсутствует. Логично было бы ее оставить для студентов, обучающихся за счет бюджетных средств.

Особенно удивляет отказ государства от бюджетной подготовки кадров для государственной и муниципальной службы. После открытия специальности «государственное и муниципальное управление» в нашей стране в 1999 году, первые годы бюджетные места выделялись, но увидев, что конкурс на них превзошел 100 человек на место, вместо того, чтобы как-то усилить систему отбора кадров для поступления на эту специальность, сделать ее более тщательной, было принято решение не выделять больше для нее бюджетных мест. Как можно тогда сегодня говорить о качестве государственных и муниципальных служащих? Прежняя система четко связывала способности человека к управлению и его образование.

Четвертая проблема тоже связана с образованием, а именно с организацией системы повышения квалификации и переподготовки муниципальных служащих. Исследования, проводимые ВСМС, показали, что кадровый потенциал управленческих кадров муниципальных образований сегодня характеризуется следующими параметрами: в органах местного самоуправления в России занято около 718 тыс. человек – 236 тыс. депутатов представительных органов муниципальных образований и 482 тыс. работников органов местного самоуправления, среди которых 341 тыс. составляют муниципальные служащие. Прежде всего, это низкий образовательный уровень и профессионализм должностных и выборных лиц органов местного самоуправления. Среди депутатов только 50,8% имеют высшее образование. Причем, юридическое − только 3,5%, экономическое – 6,6%, а по специальности «государственное и муниципальное управление» только 2,5%. Среди глав муниципальных образований высшее образование имеют только 68% и, как правило, это техническое или иное непрофильное образование. А высшим образованием среди муниципальных служащих обладают 75,5%, но почти у половины это образование не является профильным. Отсутствие высшего образования, а тем более профильного, говорит о том, что эти работники сферы муниципальной деятельности не обладают необходимыми профессиональными компетенциями [6]. В значительном числе случаев организация работы по повышению квалификации муниципальных служащих ведется неэффективно.

Назрела острейшая проблема, связанная с необходимостью формирования муниципальной кадровой политики в стране в целом. Эта кадровая политика должна быть связана с созданием системы подбора и обучения управленческих кадров. Не зря часто вспоминаются известные слова: «Кадры решают все».

Муниципальная кадровая политика должна включать следующие этапы:

- подбор кадров для муниципальной службы;
- обучение кадров с постоянной привязкой к практической деятельности в органах местного самоуправления;
- повышение квалификации и переподготовка кадров в системе местного самоуправления.

Решение этих задач было бы эффективным, если в рамках дополнения к ФЗ- 131 ввести обязательность отбора в среде молодежи муниципального образования лиц, имеющих склонность к управленческой деятельности, проявивших себя в конкретных делах данного территориального сообщества, имеющих положительные результаты в учебе. Местные органы власти должны получить возможность направлять по 1 человеку в 2–3 года в вуз для обучения по специальности «государственное и муниципальное управление» за свой счет. В этом случае положительный эффект имело бы заключение договора между местным органом власти и вузом, имеющим лицензию на подготовку кадров по направлению «государственное и муниципальное управление» и входящим в состав того же субъекта федерации. Целевое направление ребят на учебу за счет местных органов власти позволит повысить мотивацию и качество их обучения, так как за свои оценки по итогам сессии они должны отчитываться перед своим будущим работодателем, который за него платит. Кроме того, выполнение курсовых работ, практики и дипломного проектирования студентов отвечало бы интересам конкретного муниципального образования и являлось персональным заданием местных органов власти. Трудоустройство этих студентов в этом случае было бы гарантированно, что значительно повысило бы их мотивацию к учебе и овладению профессиональными компетенциями [5]. Повышение квалификации и переподготовку муниципальных служащих, депутатов и выборных должностных лиц было бы разумно вести в рамках организации постоянной учебы на местах. Обучение одновременно группы работников аппарата или депутатского корпуса на конкретном материале данного муниципального образования гораздо продуктивнее, чем штучное обучение работников, с отрывом от работы и отъездом в другие регионы.

Безусловно, кадровая политика – широкое поле деятельности, которое должно включать в себя и работу по подготовке резерва кадров, и по повышению привлекательности муниципальной службы для высококвалифицированных специалистов. Повышение привлекательности муниципальной службы связано и с оплатой труда работников, и с перспективой их роста. Но рассмотрение этих вопросов требует специальной проработки и может быть темой дальнейшего исследования.

Список литературы

1. Муниципальная кадровая политика: подготовка команд профессиональных региональных и муниципальных менеджеров. Учебное пособие для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Муниципальный мир, 2006. 304 с.

2. Евстратова Т.А. Молодежь в местном самоуправлении России: социолого-управленческий аспект. Диссертация … кандидата социологических наук. 22.00.08 / Т.А. Евстратова; Российский государственный социальный университет. М.: РГСУ, 2006. 164 с.

3. Государственная кадровая политика и механизмы ее реализации / под общ. ред. А.И. Турчинова. М.: РАГС, 2002.

4. Уржа О.А. Подготовка управленческих кадров в условиях многоуровневого образования // Профессиональное социальное образование: уровни, опыт и перспективы

развития. Сборник материалов XIII Всероссийского социально-педагогического конгресса. Ответственный за выпуск: В.В. Сизикова. М., 2013. С. 327–329.

5. Уржа О.А. Формирование кадровой политики на муниципальном уровне: проблемы и пути решени // Материалы Афанасьевских чтений. 2015. Т.1. №13. С. 83–87.

6. Уржа О.А., Медведева Н.В. Особенности внедрения компетентностного подхода в системе высшего образования // Социальная политика и социология. 2011. № 3 (69). С. 268–277.

В.В. Щербина

ЛОГИКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОРИЕНТИРОВ РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИЙ В КОНТЕКСТЕ ЗАДАЧ МОДЕРНИЗАЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. *Статья посвящена возникновению и содержанию популяционно-селекционной теоретической модели организационного развития (ПСМОР). Появление этой модели связывается с кризисом системной модели ОР. В статье рассматриваются содержание, механизмы протекания процессов ОР, а также прогностические возможности модели, опыт и перспективы ее практического применения.*

Ключевые слова: *структурные изменения; организационное развитие; выживание организации; инвайронментализм; системная модель; селекционно популяционная модель; организационные популяция; ресурсные ниши; репертуар организации; естественный отбор и селекция.*

V.V. Shcherbina

THE LOGIC OF DETERMINING THE GUIDELINES FOR THE DEVELOPMENT OF ORGANIZATIONS IN THE CONTEXT OF THE TASKS OF MODERNIZING THE ECONOMY

Abstract. *The article is devoted to the emergence and content of the population-breeding theoretical model of organizational development (PSMOR). The appearance of this model is associated with the crisis of the system model of the PR. The article deals with the content, mechanisms of the OP processes, as well as the predictive capabilities of the model, the experience and prospects of its practical application*

Keywords: *structural changes; organizational development; the survival of the organization; environmentalism; system model; selectively population model; organizational population; resource niches; repertoire of the organization; natural selection and selection.*

Постановка проблемы, решаемой в статье. Мое выступление посвящено рассмотрению специфической теории и вытекающей из нее некой методологии, которую я в одной из публикаций определил как популяционно-селекционную модель развития организации (ПСМРО). Как мне представляется, эта модель, будучи положенной в основу диагностических социальных технологий, выводит управленцев-практиков на успешное решение практической управленческой задачи. Она связана с определением стратегических ориентиров того типа социальных изменений в организации, которые принято именовать организационным развитием (ОР). Указанная методология интересна тем, что она позволяет существенно снизить риски, связанные с планируемыми социальными изменениями, осуществляемыми топ менеджерами бизнес организаций в процессе освоения новых направлений деятельности и освоения новых рынков.

Очевидно, что эта задача особенно актуальна для развития именно отечественных производственно-коммерческих организаций, вторично решающих задачи промышленной

модернизации. Они вынуждены развиваться в условиях, пересыщенных и, как правило, жестко контролируемых другими игроками рынков (особенно, связанных с производством и продажей высокотехнологической продукции). Значимость этой модели подчеркивается и тем, что процессы ОР сегодня часто протекают в условиях зашкаливающей неопределенности, которую эта модель существенно снижает.

Кризис системной теории организационных изменений как основания для возникновения популяционно-селекционной модели ОР (ПСМОР). ПСМОР изначально возникла как некая альтернатива системным представлениям об организационных изменениях. Говоря о факторах, стимулировавших возникновение ПСМОР, отмечу, что поскольку возникновение этой модели было напрямую связано с кризисом очень популярной в 50-60 гг. XX в. системной версии теории организаций, он не может быть понят вне многосторонней критики положений системной методологии в приложении к организационной теории [36]. С начала 50-х и примерно, до середины 70-х гг. прошлого века она практически безоговорочно господствовала во всех версиях организационных теорий [2; 6; 16].

Системные модели рассматривали организацию как единственно возможную единицу анализа, которая понималась как достаточно автономная и самодостаточная социальная целостность. В качестве обязательных условий и обеспечения выживания организации в динамичной среде и ее эффективности рассматривались обеспечение: а) интеграции ее подсистем и внутри организации; б) ее баланса с динамичным окружением. Проблема достижения этого баланса напрямую связывалась со способностью организации к адаптации к любым изменениям окружения, что, по факту, предполагало пластичность организации, проявляющуюся в ее способности к синхронным и адекватным реакциям организации на любые изменения окружения [7]. Соответственно, организация рассматривается здесь как автономная адаптивная и, чаще всего, как искусственная (проектируемая людьми) система, в которой менеджеры адекватно реагировали на любые изменения, происходящие в ее окружении.

Формирование же ПСМОР было спровоцировано накоплением числа зафиксированных эмпирических фактов, в поведении реальных организаций, слабо корреспондирующих с положениями системной теории и с постоянным ростом таких нестыковок. В качестве примеров таковых могут быть названы: а) фактическая слабая адаптивная способность зрелых организаций; б) феномен нарастания «закрытости», «непластичности» организаций, а также «нарастания консерватизма организации» по мере ее развития (А. Хоули, О. Дункан) [3; 27; 31]; в) явление «структурной инерции», проявляющее себя в тенденции к сохранению на протяжении многих десятилетий (иногда и столетий) тех образцов поведения и деятельности, которые были необходимы для выживания организации в момент ее возникновения и существенном запаздывании адекватных реакций организаций на изменение окружения (А. Стинчкомб) [37]; г) выявление слабой способности к выживанию тех организаций, которые были максимально склонны к активному внедрению инновационных проектов (их смертность в 3–5 раз превышала смертность организаций, избегавших радикальных инноваций) (Дж. Вудворд, Т. Бернс) [13; 26]; д) невозможности сбалансировать и синхронизировать изменения, осуществляемые в разных подсистемах организации как системы (О. Данкан,) [4; 27] и т.д.

Специфической чертой этой модели является то, что 1) это одна из немногих современных моделей ОР, практически отказавшаяся от использования в своих построениях положений системного взгляда на организацию; 2) эта модель, которая пытается дать более адекватное объяснение механизмам и логике протекания этого процесса, отказываясь от описания процесса ОР как протекающего на уровне единичной организации и в логике ее адаптации к ее окружению; 3) она описывает этот процесс как протекающий на уровне организационной популяции, причем в логике естественного отбора и селекции социокультурных образцов; 4) она действительно преодолевает нестыковки, порожденные применением системного подхода к протеканию процесса ОР; 5) она выводит менеджеров и

консультантов на решение ряда важных практических управленческих задач, связанных: а) с моделированием процесса ОР в привязке конкретной организации; б) с краткосрочным прогнозированием итогов протекающих изменений; в) с определением ориентиров протекания этого процесса в привязке к специфической ситуации.

Содержание термина «организационное развитие». Хотя введение термина ОР в организационной теории восходит к 50-м гг. прошлого века и в процессе исследования этого феномена действительно было создано множество теоретических схем (как правило базирующихся на положениях системной методологии), в понимании сущности этого процесса по сей день не существует единства. [5; 13; 15; 16; 23]. На сегодняшний день существуют десятки различающихся между собой определений этого процесса ОР, фиксирующих существенные различия в его трактовке [1; 12; 14; 25; 28; 36].

В данной же статье под процессом ОР понимается процесс направленных и позитивных структурных изменений организации, результирующим признаком которого является поэтапное повышение способности организации к выживанию в динамичной внешней среде [24]. Что же касается атрибутивных признаков этого процесса, то в качестве таковых рассматриваются: а) увеличение размера организации; б) рост ее структурной и профессиональной дифференциации; в) развитие организационной и профессиональной культуры; г) диверсификация; д) освоение новых экологических (или ресурсных) ниш [23].

Время, условия формирования ПСМОР и персоналии, имеющие отношение к созданию этой теоретической модели. Время начала формирования этой модели можно датировать достаточно точно – концом 70-х гг. XX в. Интересно, что этот процесс был связан одновременно с разработками двух групп специалистов. Во-первых, группы американских социологов, осуществлявших академические исследования в разнотипных организациях (М. Хэннон, Дж. Фримен, позже Дж. Кэрролл), во-вторых, советских практикующих социологов, работавших с организациями в позиции управленческих консультантов, а затем в позиции функциональных управленцев (в современной трактовке – менеджеров по развитию и персоналу (В.В. Щербина, Л.Б. Садовникова, Е.И. Соболь, А.А. Почестнев).

Теоретические схемы американских академических социологов. Именно академические американские социологи (М. Хэннон и Дж. Фримен), являвшиеся профессорами Корнуэльского университета (а позже и Дж. Кэрролл), заложили основы той нетрадиционной инвайронментальной теоретической схемы ОР, которую мы обозначили как ПСМОР. Основанием для ее формирования были итоги эмпирических исследований, проведенных ими в трех разнородных группах организаций – профсоюзы, газеты, предприятия электронной промышленности в 70-80-е гг. XX в. Итогом этих исследований и стало формирование новой теоретической схемы, где поведение организаций объяснялось процессами, протекающими на уровне «организационной популяции», – группы однотипных организаций, сотрудничающих, конкурирующих между собой за дефицитные ресурсы и обменивающихся персоналом, действуя в определенном географическом пространстве. Каждая из таких популяций в процессе исследований рассматривалась наряду с единичной организацией как еще одна единица анализа [29; 30].

Как показали итоги исследований, процесс ОР, проявлявший себя в направленных структурных изменениях, провоцировался радикальными изменениями в окружении и вполне мог быть описан в терминах так называемых «системно-инвайронментальных моделей ОР», где в качестве источника любых процессов, протекающих в организациях, рассматривалось изменение состояния организационного окружения. Здесь представления Хэннона и Фримена практически совпадали с положениями инвайронментальных системных моделей ОР (А. Чендлер, П. Лоуренс и Дж. Лорш, И. Ансофф и др.), рассматривающих внешнюю среду в качестве основного источника изменений.

Однако, вопреки системным канонам, в реальности влияние окружения на структурные изменения наиболее явно проявляло себя не на уровне единичной организации,

а на уровне всей организационной популяции. Кроме того, структурные изменения в организациях протекали не в логике индивидуальной адаптации конкретной единичной организации к изменениям среды (как это описывается в системных моделях ОР), а в логике социокультурной селекции.

Это предполагало отбор совокупности тех социальных образцов поведения или деятельности, из числа созданных организациями, которые присутствовали только в наиболее конкурентоспособных организациях. Вся эта совокупность образцов (фонд изменений) осваивалась практически всеми организациями популяции, что и фиксировалось в структурных изменениях. По итогам исследований М. Хэнненом и Дж. Фрименом была предложена принципиально новая объяснительная модель протекания процесса ОР, радикально менявшая представление о механизмах, логике и сфере протекания этого процесса в организациях, а позже и в других типах социальных популяций уже внутри организаций (Дж. Кэрролл).

Практические разработки отечественных социологов. Что касается советских специалистов, внесших вклад в разработку этого подхода, то речь шла о группе социологов-практиков, работавших в конце 70-х гг. XX в. в составе отдела Социального развития в Московском проектно-технологическом объединении системы РКСО в режиме управленческого консультирования. Деятельность этой группы в период с конца 1976 по 1978 г., была связана с реализацией консультационного проекта, где одной из задач было определение ориентиров развития 12 небольших организаций (ПМК), входящих в состав Кировского дорожно-строительного треста, на ближайшую перспективу. Проект реализовывался по заказу администрации треста и выполнялся на хоздоговорной основе. Проектом с 1977 г. руководил В.В. Щербина, который в тот период еще не был знаком с разработками М. Хэннона и Дж. Фримена. В ходе реализации проекта впервые были отработаны принципы практического моделирования ориентиров ОР в той самой логике, которую мы выше обозначили как селекционно-популяционную. Позже эти принципы применялись им и при разработках диагностических социальных технологий для работы с персоналом [20; 297.

Значительно позже (уже начиная с 90-х гг. XX в.) другая группа отечественных социологов, в числе которых был и В.В. Щербина, работавшая в режиме академических исследований, познакомившись с публикациями этих американских ученых [29; 30], попыталась освоить язык и использовать созданную американцами теоретическую схему в ходе исследований организации как теоретических, так и эмпирических. Итогом этих исследований стало подтверждение, а в ряде случаев – дополнение основных выводов, сделанных американскими учеными [17; 23; 24].

Истоки формирования ПСМОР. Следует признать и то, что модель ПСМОР возникла не на пустом месте. Ее создатели опирались, во-первых, на разработки той междисциплинарной группы американских исследователей (социальные антропологи, социологи, психологи), которая работала в 1920–1940-е гг. в рамках Чикагской школы, занималась социологией города и позиционировала свою идеологию под вывеской «Человеческая экология» (А. Берджес, Р. Вирт, Р. Макензи, Р.Э. Парк) [10; 11]. Во-вторых, на разработки группы американских социологов, работавших в рамках той же проблематики, в 50–60-е гг. XX в. Эта группа именовала свой подход «социальной экологией» (А. Хоули, О. Дункан, Д. Шнорр и др.) [3; 4; 27; 31; 17].

Именно эти группы первыми начали рассматривать все социальные процессы, протекающие в регионе, как обусловленные и тесно связанные с изменениями состояния внешней среды, предвосхитив то направление в социальных науках, которое будет позже именоваться «инвайронментализмом». Сделав состояние внешней среды отправной точкой для понимания этих процессов, они первыми начали рассматривать окружение как совокупность экологических ниш (см. ниже) и разнотипных социальных популяций (находящихся между собой в отношениях сотрудничества и конкуренции), уделяя определенное внимание и исследованию роли и функций организации. Именно они ввели в

социологический обиход ряд базовых понятий и представлений, широко используемых современными организационными экологами. Речь идет о таких понятиях как: «экологическая ниша», «социальные популяции», «взаимные зависимости», «конкуренция популяций»; «культурная селекция»; «экологический комплекс»; «принцип изоморфизма»; «представление о тенденции к нарастанию закрытости организаций по мере их развития» и др.

Итоги исследований М. Хэннона и Д. Фримена и специфические черты ПСМОР. Однако вернемся к итогам исследований организаций, проведенных американскими учеными, и позже (уже в середине 2000-х гг.) дополненным исследованиями российских ученых, подтвердивших исследования американских ученых исследованиями частных стоматологических клиник. Говоря о ПСМОР как об особой теоретической модели, я считаю важным еще раз напомнить, что речь идет об одной из многих инвайронментальных моделей ОР, где в качестве доминирующего фактора, провоцирующего процессы организационных изменений, рассматривается состояние внешней среды. Однако эта модель ОР радикально отличалась от других системно-инвайронментальных моделей по ряду других характеристик.

В противовес сложившимся традиционным представлениям:

1) наблюдаемые структурные изменения наиболее ярко проявляли себя не на уровне единичной организации (как это должно было бы быть по системным канонам), а на уровне всей совокупности однотипных организаций, выполняющих сходные функции, действующих в определенном географическом пространстве и конкурирующих за ограниченные ресурсы – «организационной популяции;

2) процессы ОР, протекавшие на уровне организационной популяции, выражались в поэтапном изменении «плотности популяции», что проявлялось в изменении численности однотипных организаций, действующих в ограниченном географическом пространстве и, одновременно, в логике изменения организационных форм;

3) процесс развития организационных форм шел через структурные изменения, протекавшие на уровне всей организационной популяции, которые происходили неравномерно в логике, обозначенной М. Хэнноном и Дж. Фрименом как «перерыв постепенности». За относительно медленными структурными изменениями, протекающими на уровне популяции, следовали периоды бурных структурных изменений;

4) процессы бурных структурных изменений, как правило, по времени следовали за радикальными изменениями внешней среды, к которым организации популяции, как правило, не были готовы;

5) процесс ОР проявлялся в численности популяции (обусловленной изменением соотношения смертности и рождаемости новых организаций), которая находилась в определенной зависимости от «ширины ниши». Последняя характеризовалась объемом ресурсов, в котором нуждалась организационная популяция;

6) на уровне организационной популяции процесс ОР проявлялся в изменении ее плотности (снижение уровня рождаемости и смертности организаций), что было напрямую связанно с изменением ширины экологической ниши. Ниша выдерживала лишь определенную плотность организационной популяции.

Из исследований М. Хэннона, Дж Фримена и Дж. Кэрролла следовало, что: а) изменение численности организационной популяции всегда протекало по траектории U-образной кривой; б) для ранних стадий процесса ОР был типичен рост популяции (преобладание рождаемости над смертностью), на поздних фазах наблюдалось снижение численности популяции (смертность преобладает над рождаемостью); в) активная фаза процесса ОР по времени совпадала с периодом неожиданных для управленцев радикальных изменений состояния внешней среды (закрытие или появление новой экологической ниши, появление новой организационной популяции, претендующей на ограниченные ресурсы и др.); г) эти изменения меняли логику отношений организации со средой и вызывали, в большинстве организаций, всплеск инновационной и стратегической активности менеджеров, провоцируемых вызовом окружения; д) однако большинство таких образцов,

заложенных в этих проектах, как правило, не приживались в структуре и практически всегда имели отдаленное отношение к реальным результатам структурных изменений; е) тщательная рациональная проработка исходного проекта совсем не гарантировала успех в ведении бизнеса или повышение жизнеспособности организации; ж) инновационные проекты лишь в очень редких случаях в изначальном виде закреплялись в структуре создавшей ее организации; будучи проверенными на жизнеспособность, большинство таких образцов либо отбраковывались жизнью, либо (в достаточно редких случаях) серьезно трансформировались, и только тогда находили отражения в изменениях организационной структуры отдельных организаций; з) из числа всех созданных на уровне организационной популяции образцов жизнь формировала фонд изменений, куда входили все образцы тех организаций, которые в этот период улучшили свои конкурентные позиции в рамках организационной популяции; и) все эти образцы в достаточно короткий срок осваивались всеми выжившими организациями; к) вектор изменения и логика трансформации организационных форм в период активных структурных преобразований для всех организаций популяции был единым; л) при этом структурные изменения в указанных популяциях протекали через вытеснение старых организаций новыми в логике естественного отбора и селекции.

Исследования же российских ученых [24] показали также то, что логика популярной сегодня в России модели ОР, созданной в рамках теории жизненных циклов организации [1; 14], не воспроизводится на уровне единичной организации, а прослеживается только на уровне всей организационной популяции.

Опираясь на итоги своих исследований, они внесли в процессы понимания организационного развития существенные коррективы. Указанные открытия и обозначенные выше проблемы заставили Хэннона и Фримена, а затем и ряд их коллег, поставить под сомнение многие канонические положения системной теории, пронизывающие ткань большинства схем, созданных в рамках организационной теории.

Они: а) свели представления о внешней среде как о главном факторе, провоцирующем структурные изменения, к двум типам моделей: 1. модели среды как совокупности ресурсных ниш; 2. к организациям популяций, группе организаций, конкурирующих за организационные ресурсы и обменивающихся персоналом; б) оспорили распространенное представление о механизме индивидуальной адаптации организации к внешней среде как о базовом механизме, обеспечивающем ее приспособления к ее изменениям в окружении; в) указали на принципиальную невозможность осмыслить процессы организационного развития на уровне единичной организации, связав ОР с процессами, протекающими на уровне группы однотипных организаций, конкурирующем на четко обозначенном географическом пространстве, – за ограниченные ресурсы – «организационную популяцию»; г) отказались от представлений об организации как о пластичной системе, адекватно и рационально реагирующей на изменения среды; объяснили феномен структурной инерции; д) доказали, что сама возможность адекватного реагирования организации на радикальные изменение внешней среды может появляться у организации лишь при наличии у нее набора отработанных действенных образцов поведения (проверенных жизнью типов реакций), позволяющих ей адекватно реагировать на те или иные типы изменений среды; е) показали, что процесс ОР напрямую связан с расширением перечня освоенных образцов поведения организаций, доказавших свою состоятельность в определенной ситуации. Совокупность таких образцов они обозначили как «репертуары организаций», связав, таким образом, процесс ОР с расширением «социокультурного репертуара организаций»; ж) показали, что в одной и той же организационной популяции эти репертуары могут быть описаны как сходные, так как в рамках популяции идет постоянный обмен персоналом, который и переносит хорошо зарекомендовавшие себя успешные образцы в другие организации; з) зафиксировали ограниченную возможность индивидуальной адаптации единичной организации к внешним изменениям и перенесли акцент при объяснении процессов организационного развития с единичной организации в

логике индивидуальной адаптации (фокусная перспектива исследований) на процессы, протекающие на уровне всей организационной популяции (популяционная перспектива); и) перестали описывать процесс ОР как равномерно протекающий и начали описывать его в терминах «перерыва постепенности» (где период бурных структурных изменений чередовался с периодом умеренных темпов изменений); к) связали периоды радикальных изменений организации с периодами радикальных изменений внешней среды, создающей ситуацию, когда «в репертуаре организаций», в рамках данной популяции организаций, еще нет ответа на этот вызов; л) связали интенсивность процесса ОР на уровне популяции с ростом числа организаций входящих в популяцию и шириной экологических ниш; л) ввели представление о ширине «экологической ниши» – показателе, фиксирующем избыточность или недостаточность необходимых организации ресурсов, они начали рассматривать как главную характеристику, предопределяющую процесс протекания ОР; м) начали рассматривать ОР, как двухфазовый процесс, протекающий в два этапа. Сначала он протекал в рамках отдельной организации и был связан с созданием идеальных образцов в рациональной (инновационной или стратегической логике). Затем он протекал на уровне организационной популяции, где был связан с опробованием этих образцов на практике. Далее следовал отбор образцов, доказавших эффективность; формирование «фонда изменений; освоение всеми организациями популяции, трансформация их в реальные образцы расширяли «репертуар организации» и закреплялись в организационной структуре каждой организации популяции [31; 30; 17; 9; 10; 23; 24; 18; 19; 21].

Организационное развитие как двухфазовый процесс. Остановимся теперь подробнее на процессе ОР, трактуемом в ПСМОР, как двухфазовый процесс, протекающий сначала на уровне единичной организации, а потом и на уровне всей популяции.

Первая фаза ОР в рамках этой модели связана с логикой формирования ориентиров развития (стратегических ориентиров, целей, инновационных проектов). Здесь воспроизводится логика рационалистских моделей ОР – инновационных и стратегических. Дело в том, что на этой фазе все организации популяции сталкиваются с принципиально новой для себя ситуацией, когда в репертуаре организации нет готового адекватного ответа на радикальные изменения окружения. Итогом фазы становилась разработка и реализация менеджерами разнородных проектов изменений бизнес-функций и бизнес-процессов, которые, по мысли авторов, должны обеспечить повышение способности организаций к выживанию, конкурентоспособности в новых условиях. Но речь идет о процессе**,** который осуществляется в рамках очень высокой неопределенности. В этой ситуации создаются «идеальные образцы», которые будут иметь весьма отдаленное отношение к тем реальным образцам, которые в итоге должны быть освоены и закреплены в организационной структуре.

Вторая фаза ОР рассматривается как процесс, протекающий на уровне всей организационной популяции, который описывает в логике социокультурной селекции превращения части ранее созданных идеальных образцов в реальные. По Хэннону и Фримену, итоги разнотипных инноваций, предпринятых на первом уровне работы с образцами, созданными в рамках отдельных организаций популяции, будут различны. Часть организаций по итогам внедрения этих проектов может укрепить свои конкурентные позиции в рамках популяции; другой части организаций удалось сохранить свои позиции на рынке, третьи организации существенно ослабили свои позиции в рамках популяции или вообще погибли в результате внедрения инноваций.

Итогом же произошедших событий для выживших организаций популяции является выявление образцов, привлекательных для освоения другими организациями. Таковыми рассматриваются те образцы, которые были созданы организациями, укрепившими свои позиции на рынке. Именно из них, по Хэннону и Фримену, формируется то, что они обозначили как «фонд изменений». В результате в относительно короткий срок практически все выжившие и все вновь созданные организации в рамках популяции осваивают весь набор указанных эффективных образцов, существенно и скачкообразно расширив репертуар на

уровне всей популяции. Т.е. на этой фазе процесса ОР формируются уже прижившиеся в социуме «реальные образцы», которые осваиваются всеми организациями популяции и находят отражение в структуре этих организаций.

Характерно, что рассмотренная модель ОР не противоречила ни открытому А. Стинчкомбом феномену «структурной инерции», ни явлению «нарастания закрытости» и «консерватизма организаций», обнаруженном А. Хоули и Т. Бернсом, ни другим, ранее рассмотренным и фиксируемым нестыковкам.

Кроме того, эта версия процесса ОР объясняла, как в реальности происходит процесс трансформации идеальных образцов в реальные, прижившиеся и находящие, в конечном счете, отражение в трансформации организационной структуры. Такая трактовка процессов ОР, во-первых, создавала условия для практической управленческой деятельности в сфере управления структурными изменениями. Во-вторых, она создавала предпосылки для моделирования процессов изменений, а также для определения ориентиров для развития организаций и других типов социальных целостностей [20; 19; 21].

Список литературы

1. Адизес И. Управление жизненным циклом организации. М.: Питер, 2007. 384 с.

2. Аккофф Р, Эмери Ф О целеустремленных системах. М.: Советское Радио, 1974. 272 с.

3. Баньковская С.П. Концепция социальной экологии // Современная западная социология: Словарь. М. 1990. С. 411–412.

4. Баньковская С.П. Теория экологического комплекса // Современная западная социология: Словарь. М. 1990. 412–413.

5. Гвишиани Д.М. Избранные труды по философии, социологии и системному анализу. М. Канон+. 2007. 524 с.

6. Джонсон Р, Каст Ф, Розенцвейг Д. Системы и руководство. Теория систем и руководство системами. М.: Советское Радио. 1971.

7. Катц Д., Канн Р. Социальная психология организаций. Киев. 1993.

8. Коузер Л. Основы конфликтологии. СПб.: Светлячок, 1999. 163 с.

9. Теория организации. Хрестоматия / Под ред. Т.Н. Клеминой. СПб.: ВШМ. 2010. 605 с.

10. Маркович Д. Социальная экология: [Пер. с серб.]. М.: РУДН, 1997. 435 с.

11. Парк Р.Э. Человеческая экология // Рабочие тетради по истории и теории социологии. Классики современной теоретической социологии. Вып. 1. М.—Рига. 1992. С. 58–71.

12. Пригожин А.И. Методы развития организаций. М.: МЦФЭР, 2003. 863 с.

13. Пью Д.С., Хиксон Д.Дж. Исследователи об организациях: Хрестоматия. М.: Международные отношения, 1997. 199 с.

14. Филонович С.Р., Кушелевич Е.И. Теория жизненных циклов организации. И. Адизеза и российская действительность // Социологические исследования. 1996. № 10. С. 63–71.

15. Холл Р. Организации: структуры, процессы, результаты. СПб.: Питер, 2001. 512 с.

16. Щербина В.В. Социальные теории организации: Словарь. М.: Инфра-М, 2000. 264 с.

17. Щербина В.В. Что такое организационная экология? // Социологические исследования. 1993. № 2. С. 99–107.

18. Щербина В.В. Популяционно-селекционная модель организационного развития. Часть 1 // Социология 4М. 2008. №26. С. 43–71.

19. Щербина В.В. Популяционно-селекционная модель организационного развития. Часть 2 // Социология 4М. 2008. №27.

20. Щербина В.В., Садовникова Л.Б. Социолого-психологическое обеспечение работы с кадрами. Кишинев, 1989. 148 с.

21. Щербина В.В., Попова Е П. Организационное развитие. Теория и практика. М.: Школа издательского и медиабизнеса, 2011. 297 с.

22. Щербина В.В., Попова Е.П. Гибкость и консерватизм организации в условиях рынка // LUCA. Niksic. 1995. Codina 12. Broj 1–2.

23. Щербина В.В., Попова Е.П. Современные концепции структурных изменений организации // Социологические исследования. 1996. № 1. С. 98–109.

24. Щербина В.В., Ермолаев В.Н. Организационное развитие стоматологических клиник Москвы // Социология. 2005. № 1. С. 124–145.

25. Bennis W. Organization Developm–ent. Reading mass. 1969.

26. Burns T., Stalker G. The Management of Innovation. Tavistock. 1968.

27. Duncan O.D. Social organization and ecosystem // Handbook of Modern Sociology. Ciic. 1964.

28. Chaild, Ciezer, Development of Organizations over Time. //Hand Book Of Organizational Design. Newstrom P. Stardack W. eds Oxford. 1981.

29. Hannan M., Freeman J. The Popullation Ecology of Organization // AGS. 1977. V. 95. № 2

30. Hannan M., Freeman J. Organization Ecology. Harvard. 1993.

31. Howleye A.H. Human Ecology // International Encyclopedia of Social Sciences. L. −NY., 1968.

32. Glassman A.M., Cumming T.G. Cases in Organizational Development. Boston. 1991

33. Kast F.E., Rosenzweig J.L. General System Theory. Application for organization and Management // Academy of Management Journal. December. 1972.

34. Lowrence P., Lorsch P. Organization and Environment. Harvard. 1987.

35. March J, Simon H. Organizations. NY. 1958.

36. Starbuck W. Organizational Growth and Development. // Handbook of Organizations. March J. ed. NY. 1965.

37. Stinchcombe A. Social structure and Organization. // Handbook of Organizations. March J. ed. NY. 1965.

О.Н. Яницкий

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ[13]

Аннотация. *Опираясь на отечественные и зарубежные исследования процессов глобализации, урбанизации, риска и сетевых систем, а также на собственные работы в этих областях, автор представляет ее результаты в виде десяти тезисов. Первый, драйвером современной глобализации является Четвертая промышленная революция, в основе которой лежат новые информационно-коммуникационные технологии, сжимающие социокультурное пространство. Второй, глобализация представляет собой геополитический процесс борьбы за ресурсы и политическое доминирование. Третий, метод, теория и инструменты изучения глобализации должны соответствовать друг другу. Проблемно-ориентированный и междисциплинарный подход суть ключевые методы ее изучения. Четвертый, наша планета является социобиотехнической системой (СБТ-системой). Поэтому дихотомические подходы к ее изучению типа «общество-природа», «мы-они», «фронт-тыл» уже неприменимы. Пятый, глобализация имеет диалектический*

[13] Доклад, представленный на Международной научно-практической конференции «Россия и мир: глобальные вызовы и стратегии социокультурной модернизации», Москва, 12–13 октября 2017 г., подготовлен при поддержке Российского научного фонда, проект «Российские мегаполисы в условиях новых социально-экологических вызовов: построение комплексной междисциплинарной модели и стратегий формирования «зеленых» городов России», грант № 17-78-20106, главным научным сотрудником виртуальной научно-исследовательской лаборатории «РНФ-17-45-ВП» ИСФНиМК КФУ.

характер. Открывая новые возможности в научной и социокультурной сферах, глобализация одновременно порождает всеохватывающие и всепроникающие риски. Поэтому сегодня на земле нет абсолютно безопасных мест, есть только более и менее безопасные места. Шестой, эти риски сегодня генерируются виртуальной реальностью, которая открывает дорогу «конструированию» ложных рисков и их распространению через СМИ. Седьмой, социально-экологический метаболизм, то есть многосторонние обменные процессы, является главным механизмом современной глобализации, что также свидетельствует о необходимости ее междисциплинарного анализа. Восьмой, современная глобализация представляет собой борьбу двух начал: унификации и стандартизации и политической и социокультурной локализации в виде государств, их альянсов и местных сообществ. Крупнейшие мегаполисы мира являются фокальными точками этой борьбы. Девятый, разрыв между ускоряющимися темпо-ритмами «мобильной» реальности, и нормами и правилами международного социального порядка увеличивается. Десятый, многосторонняя динамика современной глобализации нуждается в адекватных исследовательских инструментах.

Ключевые слова: *виртуальная реальность, глобализация, мегаполисы, модернизация, риск, СБТ-системы, сети, теория*

O.N. Yanitsky

URGENT ISSUES OF GLOBAL STUDIES

Abstract. *Drawing on a review of globalization process, of risk and network studies, and their impact on Russia and other countries, and on his own experience in these research areas, the author has organized his argument into ten theses related to the changes accompanying the globalization development. First, the Fourth industrial revolution is a driving force of current globalization that created the information-communication technologies as a new mode of production. Second, modern globalization is a geopolitical process guided by the struggle for resources and political domination. Third, a theory, method and instruments of global studies should fit each other. As a multisided process the globalization is needed in a problem-oriented and interdisciplinary approach. Fourth, our planet has now turned into complex sociobiotechnical system (the SBT-system). Therefore, any dichotomy approach like «man vs. nature», «urban vs. rural», «we vs. they», etc. has become outdated. Fifth, the globalization is dialectical: opening new opportunities in science and culture it simultaneously creates new risks, all-embracing and all-penetrating ones. It means that there is no absolutely safe places on it, there are only more or less safe ones. Sixth, the new risks are generated by the emergence of a second reality, a virtual one. Such doubling of a reality gives the way for 'dramatizing news' produces by mass-media. Such effect is enhanced by permanent acceleration of mobility of various elements of globalizing process. Seventh, a socio-ecological metabolism is a core of any globalization process. It's one more reason for intensification of interdisciplinary contacts as a necessary condition for gaining a more comprehensive picture of globalization. Eighth, modern globalization is a permanent struggle between unifying and localizing trends. And the world megalopolises are permanently the focuses of such struggle. Ninth, there is a growing gap between accelerating tempo-rhythms of «movable» reality and the norms and rules of global social order. Tenth, the current global dynamics is needed in new theoretical approaches and instruments for its study.*

Keywords: *globalization, megalopolises, networks, risk, the SBT-system, theory, unification, virtual reality*

Понятие глобализации и его причины

Глобальные тренды известны с глубокой древности. В докладе речь идет о современном этапе глобализации как всеохватывающем и всепроникающем процессе, влияющем на все структуры и процессы мира, государств и местных сообществ.

Современная глобализация резко меняет поведение индивидов и их картину мира, где бы они ни находились. Движущей силой и структурно-функциональной основой современной глобализации является Четвертая промышленная революция [1], создавшая новый вид общественного производства – информационно-коммуникационные технологии. Эта революция и есть *новый этап модернизации*, качественно меняющий существующую структуру общественного производства, образ жизни людей, а также порождающий «вторую» (виртуальную) реальность. Материальный и виртуальный миры не только непрерывно изменяются, но изменяются не «линейно» и последовательно, а самым разным образом, порождая новые ситуации и изменяя расстановку сил на геополитической карте мира. Процесс модернизации общественного производства воздействует на все сферы обитания человека, космос, поверхность земли, подземное пространство. Новейшие исследования глобализации свидетельствуют, что она анализируется и трактуется именно как геополитический процесс, поскольку ее суть – это борьба за природные, информационные и социальные ресурсы и политическое доминирование.

Методы исследования

Мой исходный принцип: теория, методы и инструментарий исследования нового этапа модернизации должны соответствовать друг другу. Его геополитическая сущность означает, что глобализация по своей природе представляет собой многосторонний, комплексный процесс, нуждающийся в *междисциплинарном подходе*. Это – вызов, который глобализация бросает науке как социальному институту, который сегодня раздроблен на множество тем и дисциплинарных направлений, разделенных высокими институциональными и бюрократическими барьерами. Сегодня междисциплинарный подход реализуется только в случае возникновения критической ситуации (экономический или политический кризис, война, стихийное бедствие), когда некоторую масштабную задачу нужно решить в кратчайшие сроки, а имеющиеся на руках ресурсы ограничены. То есть речь идет о *мобилизационном подходе* как обязательном условием *сохранения и выживания* некоторой социальной общности, государства, их альянса или мира в целом. Качественное отличие современного этапа глобализации-модернизации состоит как раз в том, что мобилизационный подход становится неотъемлемой характеристикой ее динамики и одновременно методологическим инструментом ее анализа. Возникает задача развития междисциплинарного подхода на всех уровнях, глобальном, национальном и локальном.

Другая сторона той же задачи состоит в необходимости перехода от «предметного», то есть монодисциплинарного подхода к *«проблемному»*, то есть к комплексному междисциплинарному. Школярский предметный подход, уходящий своими корнями в эпоху Просвещения, должен уступить место проблемному подходу, поскольку сегодня весь мир, от отдельного индивида до транснациональных корпораций и международных организаций, постоянно, каждодневно решает именно проблемы, которые всегда носят многосторонний характер.

Еще один вызов общественным наукам состоит в *постоянном ускорении процесса глобализации-модернизации* на всех его уровнях. Российские социологи, некогда уделявшие проблеме времени социальных изменений серьезное внимание (например, Н. Наумова), сегодня практически забыли об этом параметре процесса модернизации. Главная проблема состоит здесь в том, что существующие социальные институции, начиная от норм международного права и до устоявшихся годами стереотипов индивидуального поведения, сегодня все чаще заменяются временными договоренностями, дорожными картами и решениями, принимаемыми социальными агентами по факту, то есть in situ. Наконец, третья методологическая проблема состоит в том, что в условиях все более интегративной (социально-конструктивной и инженерно-конструктивной) деятельности человека дихотомические подходы к изучению глобализации типа «общество-природа», «город-деревня», «мир-война», «мы-они» и т.п. методологически уже несостоятельны. Наша планета превратилась в сверхсложную социобиотехническую систему [2]. Следовательно, изучая

некоторый конкретный факт, мы должны иметь в виду его зависимость от СБТ-систем разного масштаба.

Вызовы глобализации: всеобщие и всепроникающие риски

Носителем и проводником подобных рисков являются сети, точнее, инфраструктурные системы, ресурсные, информационные, финансовые, социальные, масс-медиа и т. д. Коль скоро глобализация-модернизация – всеохватывающий процесс, следовательно, и риски, ею порождаемые, также носят *всеохватывающий и всепроникающий* характер [3]. Одним из проводников этих рисков являются информационно-коммуникационные системы, охватывающие весь мир. Хакерские атаки, нарушающие те или иные информационные сети, – лучший тому пример. Но это могут быть также созданные человеком инженерные системы или, напротив, террористы-одиночки, вычислить место или сферу атаки которых чрезвычайно трудно. Это означает, что в современном мире нет больше абсолютно безопасных мест, есть только более и менее безопасные, но даже это их различие относительно. Мы все живем в потенциально опасном мире, и борьба за его безопасность становится в глобальную повестку дня.

Однако формирование второй (виртуальной) реальности удваивает неопределенность нашего существования. Ее появление создает соблазн оперирования не фактами, которые в современном очень неспокойном мире нелегко добывать, а виртуальными «фактами», сконструированными человеком в своих корыстных экономических и политических целях. То есть появляется «третья» (фейковая) реальность. В науке она получила название «инсценированной» (*dramatized*) реальностью. В результате неопределенность мира удваивается: чего надо бояться больше реальных или же социально-сконструированных опасностей? Поскольку современный человек все более погружается в виртуальный мир и склонен ему доверять, оказывается, что существование реальных рисков отодвигается на второй план, они меньше изучаются, наблюдаются и т.д. Это виртуальное переворачивание шкалы опасностей, грозящих человеку и человечеству, чрезвычайно опасно. Поэтому как *в обществознании, так и в технических науках на первый план выходит понятие безопасности*.

Поскольку современный мир интегрирован в СБТ-систему, то если ее поглощающая, способность превышена, она из пассивного реципиента рисков превращается в социального или иного «агента», который начинает оказывать обратное воздействие на социальные и иные ее подсистемы. Пример – начавшееся изменение климата.

Еще одна особенность глобализации заключена в сдвиге от стационарных структур к мобильным структурам и процессам [6]. Исследователи глобализации в полной мере не осознают опасности этой перемены. Между тем, эта всеобщая подвижность не только повышает общую неопределенность ситуаций, относительно которых нужно принимать решения, но и существующий сегодня социологический инструментарий (отдельные замеры или массовые опросы) для изучения таких «мобильных» ситуаций все более вытесняется различными инструментами непрерывного наблюдения или слежения (дроны, квадрокоптеры, спутниковые системы). Так или иначе, риск утери ориентации в «мобильном» мире возрастает. Это не исключает того факта, что значительная часть народонаселения планеты обречена на неподвижность, привязанность к одному месту жительства.

Социально-экологический метаболизм

Монодисциплинарный подход обрекает исследователей на «плоский интеракционизм». Да, люди непрерывно общаются лично и в сетях, но для понимания современной глобализации этого уже недостаточно, требуется детальные анализ сути и результатов этого взаимодействия. Представители естественных наук уже давно изучают обменные, то есть *метаболические процессы*, непрерывно происходящие в живых организмах и между ними и окружающей средой. В условиях существования сложных СБТ-систем изучение метаболических процессов между социальными агентами, и между ними и

окружающей средой, просто необходимо для понимания содержания процессов глобализации-модернизации.

Это означает, что между социальными, естественными и техническими науками нужны понятийные «мосты», посредством которых может быть осуществлен перевод данных естественных наук на язык социологии и других общественных дисциплин, и – наоборот. Такое взаимодействие существует, но оно каждый раз осуществляется эмпирически на основе прошлого опыта. Однако каждый день появляются новые соединения и химикаты, опыт применения которых, скажем, для лечения людей, накапливается только в ходе длительных экспериментов на мышах и других животных, затем на группах добровольцев и т.д. Это еще раз говорит о том, что *исследование процессов социально-экологического метаболизма – фундаментальная научная проблема*.

Однако собственно социальный метаболизм также требует тщательного анализа. Даже социологи-глобалисты в своих исследованиях часто сбиваются на интеракционистский подход, не раскрывая сути обменных процессов в этой сфере. Не их вина, что важнейшие геополитические решения часто остаются «за кадром». «Встреча лидеров двух стран прошла успешно, а о принятых решениях вы узнаете позже» – типичный стереотип современных масс-медиа. И все ухищрения экспертов понять, что же произошло на самом деле при помощи анализа жестов и мимики мировых лидеров и их окружения, ничего не дают. Гадания, что и на что эти лидеры хотели поменять, тоже остаются втуне. В результате *совокупный риск незнания, неосведомленности в обществе накапливается!* Здесь также есть немалые междисциплинарные трудности, порожденные различиями в методах и подходах и закрепленные бюрократическими барьерами. По моему мнению, социологов постепенно вытесняют из экспертного сообщества, разрабатывающего геополитические и другие стратегически-важные решения.

Борьба глобальных и локальных трендов

Всеобщая информатизация, как одна из главных характеристик глобализации, неизбежна. Более того, мир постепенно, но неуклонно унифицируется и стандартизируется. Уже сам факт перехода «на цифру» подтверждает этот тезис. М. Буравой прав, когда говорит о процессах избыточной маркетизации и кодификации как о глобальных рисках [4]. Чем больше люди, товары, услуги и информация перемещается по миру, тем более унифицированной должны быть самые разные вещи: от логистики до напряжения в бытовых электрических сетях. Иначе рынок не сможет работать. Весь вопрос в том, в какой степени и форме будут сохраняться территориально-фиксированные социальные системы, начиная от государств, их федеративного устройства и кончая местными рынками и национальным культурным колоритом?

Ультра-либералы полагают, что тотальная унификация мира неизбежна, за исключением различий в природно-климатических условиях и местном «этнографическом» колорите. Однако это не так. Во-первых, местный уклад жизни связан не только со спецификой природных условий, но и историей страны, местного сообщества или национальной культуры. Превращение их в товар не должно означать утерю их социокультурной специфики. Во-вторых, далеко не все, включая тех, кто беспрестанно мигрирует по миру, хотят лишиться своей исторической памяти как опоры своей идентичности. В-третьих, существование национальных государств является серьезным стабилизирующим фактором в этом вероятностном и мобильном мире. В-четвертых, как показал опыт США, которые перевели значительную часть своей индустрии за рубеж, они не только ослабили себя, но и создали массу внутренних проблем – разрушение некогда процветавших индустриальных регионов (так называемый ржавый пояс), безработицу в среде среднего класса и др. Наконец, национальные государства, объединяясь в союзы и альянсы, создавая собственную валюту и таможенные службы, в совокупности представляют собой силу, противостоящую транснациональным корпорациям.

Что действительно серьезно меняется, так это структура, функции и уклад жизни крупнейших мегаполисов мира. Они наиболее отчетливо олицетворяют борьбу

национальных и транснациональных сил. И дело не в изменении их территориальных границ, а в их превращении в некие «космополитические» центры мира. Это означает, что эти мегаполисы, особенно их деловые центры, превращаются в средоточия жизни глобального финансово-промышленного капитала с их офисами, выставочными комплексами, гостиницами и т.д. Далее, эти мегаполисы привлекают массу мигрантов, значительная часть которых резко отличается по уровню жизни и культуре от коренного населения страны, но, тем не менее, эти люди хотят приобщиться к благам западной цивилизации «здесь и сейчас».

Темпо-ритмы глобализации-локализации

Время – важнейший фактор глобализации, и ее индикатор. Это время неодинаково для различных субъектов этого процесса: одни из них все время ускоряются, другие «стоят на месте», третьи распадаются. Время распада так же важно, как и время развития. Поэтому время глобализации – своеобразный «Тяни-Толкай», оно не линейно и не равномерно не только у отдельных ее субъектов, но и у глобальной СБТ-системы в целом. Поэтому правильнее говорить не о времени глобализации, а о темпо-ритмах этого процесса.

Причинами этого ускорения-замедления являются разные темпы динамики общественного производства ее отдельных субъектов и их взаимодействие на мировой арене, которое может быть взаимовыгодным, односторонне выгодным, конкурентным или разрушительным для одной из сторон или тотально-разрушительным в случае глобальной ядерной войны. Поэтому для ученых, изучающих процессы модернизации российского общества, важно понять, какое место оно занимает в этом неравномерно-ускоряющемся процессе.

В проблеме динамики темпо-ритмов есть важная социальная и психологическая детерминанта. Поскольку население страны неспособно самостоятельно оценивать эту динамику, оно всецело полагается на оценки, вырабатываемые экспертным сообществом и транслируемые через масс-медиа. Сегодня это сообщество является все более политически-ангажированным. Различие в индивидуальных оценках, получаемых посредством личного и группового опыта, и оценках экспертного сообщества, является источником *когнитивного диссонанса* и психологического дискомфорта. Возникают протестные настроения и социальные движения. Наконец, проблема темпо-ритмов тесно связана с существующими в массовом сознании представлениями о «желаемом будущем». Однако сегодня транснациональные корпорации и другие агенты процесса глобализации преследуют только свои эгоистические цели, нимало не заботясь о нуждах местного населения. Более того, разрушая местный социальный порядок, они создают почву для возникновения местного и регионального *социально-политического диссонанса* в форме радикальных и экстремистских движений и массовых миграционных потоков, создающих риски для всего мирового сообщества.

Проблема растущего рассогласования между системой международных и национальных социальных институтов и ускоряющейся глобальной динамикой является не менее актуальной. Система этих институтов существует как бы сама по себе, а решения, принимаемые в ответ на нелинейную динамику глобальной геополитической ситуации, принимаются ситуативные, то есть по ходу дела. В результате возникает третья форма диссонанса: *институциональный диссонанс*. Как показало мое исследование, подтвержденное позже Международным экономическим форумом, сетевая и поточная система глобальных взаимодействий порождает долговременные «узлы противоречий», которые я именую критическими зонами [7].

Выводы

Глобализация на основе информационных технологий есть новая форма модернизации и сфера борьбы ее унифицирующих и территориально-фиксированных политических и социокультурных трендов. Глобализация, создавая новые возможности для человека и общества, одновременно порождает новые формы риска. Формирование виртуальной реальности увеличивает общую неопределенность глобальной динамики.

Разобщение науки и практики междисциплинарными перегородками противоречит интегративному характеру современной глобализации-модернизации. Это всеобщая взаимосвязь глобальных структур и процессов осуществляется посредством метаболических (обменных) процессов, не сводимых к денежному обращению. Современные мегаполисы являются средоточиями метаболических процессов. Исследование темпо-ритмов глобализации-локализации – одно из важнейших направлений изучения процессов модернизации. Изменение ментальности, как элиты, так и всего нашего общества, залог его модернизации.

Список литературы

1. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Издательство «Э», 2017. 208 с.

2. Яницкий О.Н. Социобиотехнические системы: новый взгляд на взаимодействие человека и природы // Социологическая наука и социальная практика. 2016. № 3. С. 5–22.

3. Beck U. World Risk Society. Malden, MA: Polity Press. 1999. 184 p.

4. Burawoy M. What is to be Done? Theses on the Degradation of Social Existence in a Globalizing World. Current Sociology. 2008. 56 (3). P. 351–359.

5. The Global Risks Report 2016. Geneva: World Economic Forum [Электронный ресурс]: World Economic Forum: [веб-сайт]. URL: www.weforum.org/risks (Дата обращения: 25.09.2017).

6. Urry J. Mobilities. Cambridge: Polity Press. 2008. 275 p.

7. Yanitsky O.N. 2014. Sociology of Critical Areas. Open Journal of Social Science Research.Vol.2 (3). P. 112–118.

Chuanqi He

CHUANQI HEWHAT IS THE MODERNIZATION IN THE 21ST CENTURY

Abstract. *This paper introduced the three explanations of the modernization from the perspective of new modernization study. Firstly, modernization refers to a worldwide phenomenon concerning the world frontiers of human development since Industrial Revolution in 18th century and the practice and process to pursue, reach and maintain world frontier's levels (or world advanced level). Secondly, modernization has been a progressive change of human civilization with the transformation from traditional to modern paradigm which took place in all fields of human civilization such as politics, economy, society and culture etc. Thirdly, modernization can be used as a development goal directly or indirectly, and the modernized or developed countries are willing to keep the modernized level, while un-modernized or developing countries are working hard to catch-up and reach the modernized level in more short time.*

Keywords: *Modernization, human development, civilization progress, national goal*

Modernization, as a global trend, initiated in about 18th century, diffused in 19th century, and has become popular in the 20th and 21st century. The contents and characteristics of modernization have changed in all aspects from the 18th to 21st century. Almost all countries in the world are undergoing some kind of modernization consciously or unconsciously at present, and the modernization drive can also be set as a development goal directly or indirectly（Martinelli, He, 2015）. Since 1950s, there are three waves of modernization studies, i.e., modernization study, post modern study and new modernization study (Figure 1). This paper will discuss the three explanations of the modernization from the perspective of new modernization study.

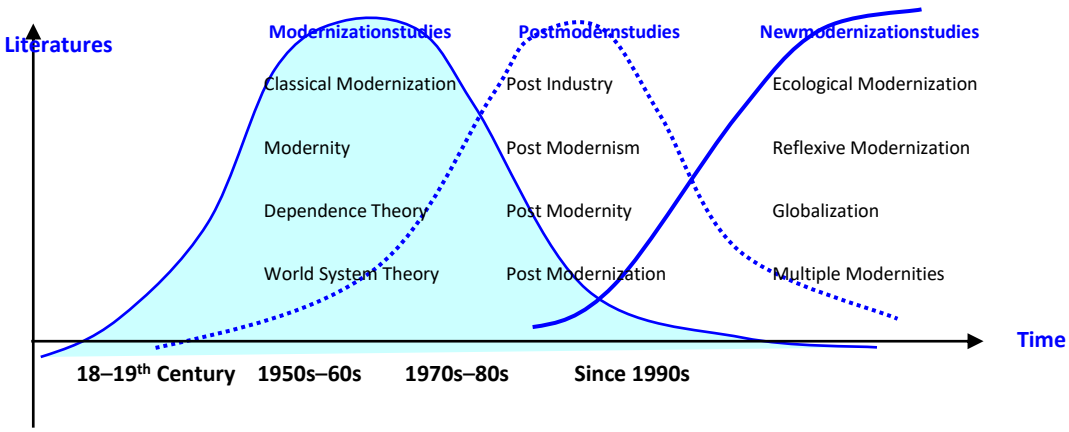

Figure 1. Three waves of modernization studies in the world

Source: He, 2010, 2012.

Modernization is a worldwide phenomenon

First of all, there is the phenomenon of modernization first and the word of modernization later from a historic perspective. As a historical phenomenon, modernization can be viewed as the world frontier of human development since the Industrial Revolution in the 18th century, and the practice and process to chase, reach, and maintain a position in the world frontier. Developed countries strive to maintain their positions in the forefront, while developing countries try to catch up with advanced level. Modernization is like an international marathon campaign of human development; countries in the lead are developed ones, while those lagging behind are developing ones; developed countries may fall behind, and developing countries may catch up and overtake. The switch between these two groups of countries shows a somewhat set pattern (Figure 2). *China Modernization Report* has discovered that 10% probability of developed countries will get down to developing, while 5% probability of developing countries will rise up to developed in about 50 years (Figure 3）.

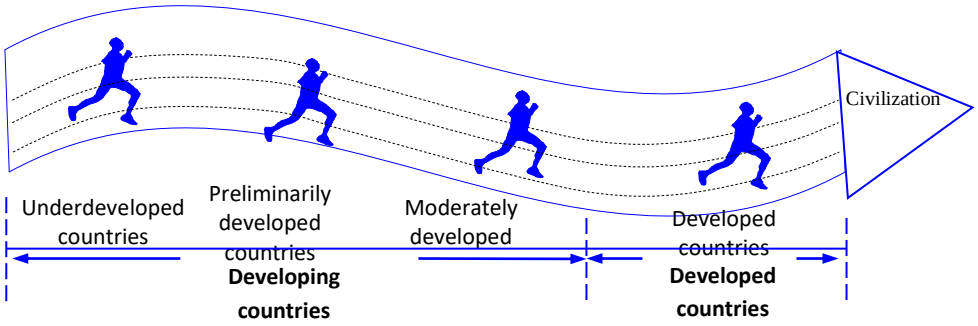

Figure 2. Modernization is a worldwide phenomenon: a marathon game of human development

Source: He, 2010, 2012.

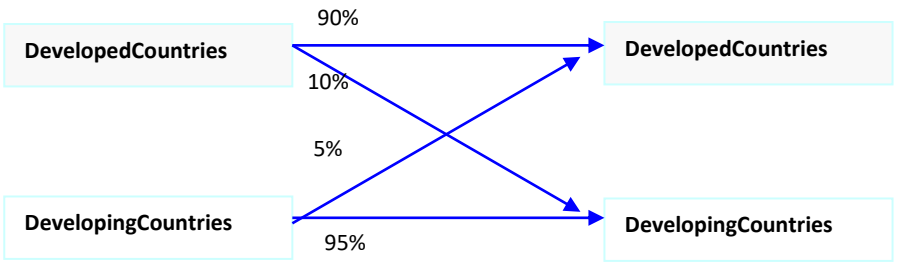

Figure 3. Transition Probability of National Level in 50 years

Source: He, 2010, 2012.

Some scholars believe that the modernization phenomenon could be dated back at least to the Industrial Revolution in Britain and the French Revolution in the 18th century (Bendix, 1967) or before. As early as the 16th century when the Renaissance was near the end, the European society underwent profound changes and the great maritime discoveries made some Europeans believe that a new era—the modern—was approaching. The more revolutions that followed, including the Science Revolution, the Enlightenment, the Industrial Revolution, etc., reinforced this belief. By the mid-18th century, the overwhelming changes in Europe made people believe that "to become modern and to meet the modern needs" represented the trend of the time. Thus a new word modernization was invented (1748–770), which was used to describe this new phenomenon (Table 1).

Table 1

From «modern»to «modernization»

Item	Modern	Modernize	Modernization
Meaning	Adj. Date: 1585 1: relating to, or characteristic of the present or the immediate past. 2: of, or relating to the period from about 1500 to the present.	Verb. Date: 1748 1: to make or become modern. 2: make suitable for present-day needs.	Noun. Date: 1770 1: the act of modernizing:the state of being modernized. 2: something modernized:a modernized version.

Source: Webster's online dictionary

Today, modernization is a polysemant with the basic meanings derived from "modern".

- As a noun, modernization has two meanings. (1) It refers to the practice of modernizing. (2) It refers to the status after being modernized. The later is the status of having modern characteristics or having met modern needs, usually the world advanced level; e.g. modernization of nations, etc.
- As a verb, modernize standsfor the process and act to realize modernization, i.e., the process and act to become modern or meet modern needs, usually the process and practice to chase, reach or maintain the world advanced level; e.g. to modernize agriculture, etc.
- Being used as an adjective, modernized refers to the state after realized the modernization, i.e., the state of having modern characteristics or having met modern needs; or simply put, the modernized is the latest, best, and most advanced; e.g. a modernized school, etc.

Modernization is a progressof civilization

Besides being a worldwide phenomenon, modernization is also a progressive change of human civilization from an academic perspective. The former is the surface, while the latter is the essence. As a civilization progress, modernization is a great transformation from traditional to modern civilization as well as the all-round development of human-being and the appropriate protection of the natural environment. It occurs in all fields of human civilization including politics, economy, society and culture etc. Yet in the meantime, cultural diversity will remain in existence and play its role for a long time to come. Modernization first occurs in a few early starting countries and then spread all over the world (Bendix, 1967), with some exceptions though in regions or communities.

Modernization occurs in all fields of the human civilization, with different characteristics in differentfields. Scholars from various disciplines have studied the phenomenon of modernization and formed a variety of modernization theories. Ten of them attractive relatively more attention: the classic modernization theory, the dependency theory, the world system theory, the post-modernization theory, the ecological modernization theory, the reflexive modernization theory, the globalization theory, the multiple modernities theory, the second modernization theory, and the

integrated modernization theory. They explain the characteristics and principles of modernization from different perspectives. Here I would like to briefly introduce three of them.

- The classic modernization theory was formed in the 1950s and 1960s. It is not a single theory but a collection of thoughts on the phenomenon of modernization. It roughly covers six branches and six schools. Scholars of politics, economics, sociology, and history took different approaches in their studies of modernization and the resulted theoretical explanations are also different. For example, sociologists generally believe that modernization is a kind of social change and is the transformation form traditional to modern society (Bendix, 1967; Martinelli, 2005). Luo (1993), as a historian in Peking University, believes that in the broad sense, modernization is a worldwide historical process, a global change from traditional agricultural society to modern industrial society; while in the narrow sense, modernization refers to the process where less developed countries catch up rapidly with advanced industrial countries. Western scholars believe that modernity is an abstract term that describes the results of modernization, such as political democratization, economic industrialization, social urbanization, cultural rationalization, modern science and technology, universal compulsory education, etc.
- During the 1970s and 1980s, the post modernization theory stepped up onto the academic arena. Instead of a complete theoretical system, the post modernization theory is an assembly of thoughts on post-industrial society, post modernism and post modernization study. For example, the American scholar Daniel Bell (1973) divides the development of human society into three stages: pre-industrial society, industrial society, and post-industrial society. French scholar Jean Francois Lyotard (1984) published Postmodern Condition: A Report on Knowledge, and held that knowledge has become a business good and the most important productivity. The American scholar Ronald Inglehart (1997) believes that the human history is nonlinear, and the transformation from traditional to modern society is modernization, while that from modern to post modern society is post modernization. The German scholar Wolfgang Zapf (1999) believes that modern society needs continuing modernization, while the American scholar Edward Tiryakian refers to it as “new modernization” and so on.
- In the 1990s, the second modernization theory came into being in close relation to the information revolution, knowledge economy, knowledge society, cyber culture, and innovation systems. It was proposed by the author of this paper (He, 1998, 1999, 2013). According to this theory, modernization is not onlythe situation of the world frontier of human development since the 18th century, and the process to reach or stay at thissituation, but also the transformation from traditional to modernparadigmof human civilization, with the mutualism between Human-being and Nature and cultural diversity. From the 18th century to the end of the 21st century, the process of world modernization can be divided into two stages, the first modernization or classic modernization, which is the transformation from agricultural economy & society to industrial economy & society, featuring industrialization, urbanization, democratization, rationalization, social welfare and emphasis on economic growthetc; and the second modernization or a new type of modernization, which is the transformation from industrial economy & society to knowledge-basedeconomy &society, featuring knowledge-intensive, informatization, greenization, globalization, being innovation-driven, and the improving ofthe quality of life etc. Countries and regions that have not completed the first modernization may advance the first and second modernizations in a coordinate way and gather the essence of the two and to reduce errors in the modernization process and reach to the future world frontier of the second modernization. This is the integrated modernization, which is the transformation from semi-industrial economy & society to knowledge-based economy & society, featuring coordinated industrialization, urbanization, democratization, rationalization, knowledge-intensive, informatization, greenization, globalization etc. It starts the transformation

towards knowledge economy & society when it is halfway from agricultural towards industrial economy & society.

If the traditional society could be divided into two stages of the primitive and agricultural society, and the modern society could be divided into two stages of the industrial and knowledge society, and then the classical (or first) modernization is the transformation from the agricultural to industrial society, post modernization is a transition stage from the industrial to knowledge society (or from the first to secondmodernization), and the secondmodernization is the transformation from the industrial to knowledge society (Figure 4). The classical modernization theory, post modernization theory and secondmodernization theory have presented the explanation of these three transitions.

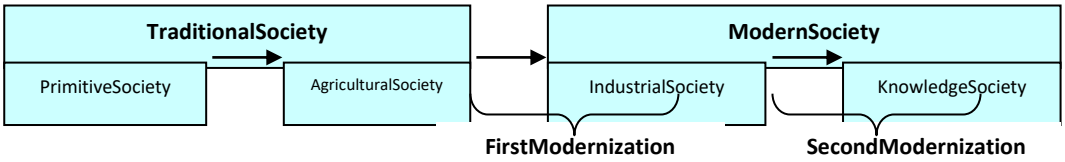

Figure 4. Diagram of the first and second modernizations

Note：The post modern society is a transition stage from the industrial to knowledge society, and the post modernization is a transition stage from the first to second modernization. The classical modernization theory, post modernization theory and secondmodernization theory are relative to each other.

The modernization is more complex in 21st century than that of 18th, 19th and 20thcenturies. There are three roads of national modernization in the 21st century in general, they are the first modernization, the secondmodernization, and the integrated modernization (Figure 5). There are about 100 nations stayed in the first modernization while more than 20 nations enter into the secondmodernization in 2012, and the percent of countries stayed in the first modernization will get down, the percent of countries entered the secondmodernization will rise up, and the countries who have not completed the first modernization will push the integrated modernization in the 90 years of the future.

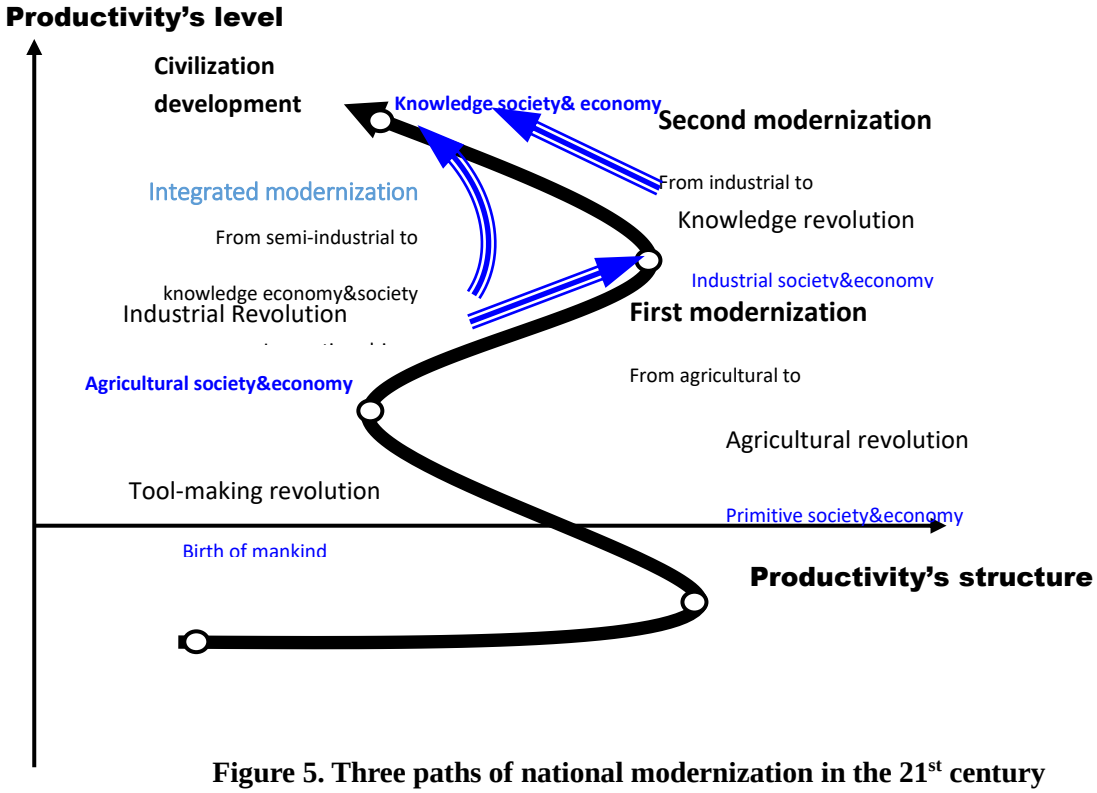

Figure 5. Three paths of national modernization in the 21st century

Note: The central axis of human civilization had transferred three times, and four ages of the process of human civilization would be set, and so the different structure of civilization appeared in different age. The structure of productivityis taken as the abscissa and the level of productivity is taken as the ordinate. The unit of abscissa scale is the ratio of the non-hunting-gathering to hunting-gathering labor in primitive culture, the ratio of the non-agricultural to agricultural labor in agricultural civilization, the ratio of the industrial to non-industrial labor in industrial civilization, and the ratio of the non-knowledge to knowledge labor in knowledge civilization.
Source: He, 2012.

Modernization is a development goal

Modernization has been set-up as a development goal in many countries and fields from the policy perspective. Among them, the goal of modernized countries is to keep the modernized level, and that of modernizing (or un-modernized) countries is to catch-up and become a modernized country. The national modernizationincludes the modernization of all fields such as politics, economy, society, culture, environment and human behavior etc.

There are three goals for the national modernization (Table 2), and second and third are dynamic in the field of new modernization study. For the realization of the Third goal, different countries can do it by steps (Table 3).

Table 2

Item	First goal	Second goal	Third goal
Goal	To finish the first modernization, and complete the transformation from the agricultural to industrial society.	To accomplish the second modernization, and fulfill the transformation from the industrial to knowledge society.	To catch-up, reach and maintain the world advanced level of human development.
Notes	All countries may realize this goal with different time. The all developed countries and parts of developing countries have realized this goal at present.	All countries could achieve this goal with great different time. No one has realizes this goal at present, and developed countries will achieve it at the second half of the 21st century.	The countries reached and kept the world advanced level are the minority at any time, while others are the majority. Only parts of countries will realize this goal.

Table 3

The three steps for national modernization

Item	Low goal	Middle goal	High goal
Goal	Realized modernization basically	Realized modernization averagely	Realized modernization with high quality
Notes	The level of national modernization surpasses the 50% of the average level of high income countries and world average, and become a moderately developed country.	The level of national modernization surpasses the 80% of the average level of high income countries, and become a developed country or modernized country.	The level of national modernization surpasses the average level of high income countries, and enters the forefront or top-class of world modernization.

Based on their modernization level, countries may be divided into two groups: developed and developing countries, and the developing countries can be further divided into three categories: moderately developed countries, preliminarily developed countries, and under-developed countries (He, 2010, 2012). Among the four groups, the developed countries have the highest modernization level and enjoy the world advancelevel, moderately developed countries have a modernization level higher than the world average but lower than that of developed countries, preliminarily developed

countries have a modernization level below the world average but higher than that of under-developed countries, and under-developed countries are of the lowest modernization level,the level of an under-developed country is usually less than 30% of the average of developed countries (Table 4).

Table 4

Criteria of classification of national modernization level

Group	Modernization level (based on modernization index and 80% of all modernization indicators)	Ranking (recommended)
Developed country	80% of the average of high-income countries or higher	1–20
Moderately developed country	Below 80% of the average of high-income countries (developed countries) but higher than 50% of the average of high-income countries and world average	21–45
Preliminarily developed country	Below world average but higher than 30% of the average of high-income countries (under-developed countries)	46–80
Under-developed country	Below 30% of the average of high-income countries (or below 60% of world average)	81–131

Note: the recommended rankings are based on the level of 2005 and are subject to change annually.
Source: He, 2010, 2012.

According to *China Modernization Report* (He, 2015), in the past 300 years, developed countries accounted for less than 20% of all countries in the world, while developing countries accounted for more than 80%. For example, in 2012, among all 131 countries with a population of over 1 million, 16% were developed countries, while 84% were developing ones. The US and 20 other countries were developed countries, Russia Federation and 19 others were moderately developed countries, China and 42 others were preliminarily developed countries, and Kenya and 46 others were under-developed countries.

In the field of new modernization study, for the convenience of discussion, the developed countries can be viewed as the "modernized countries", while the developing countries can be viewed as the "modernizingcountries" or "un-modernized countries". Although the modernization is a dynamic and uneven process, and both developed and developing countries are undergoing some kind of modernization consciously or unconsciously（Martinelli, He, 2015）, while some aspects of some developed countries maybe not reach the world advanced level, and some aspects of some developing countries may reach or maintain the world advanced level conversely. The modernization's goals of the developed and developing courtiers are different (Table 5).

Table 5

The goals of developed and developing modernization

Item	Developed or modernized countries	Developing or un-modernized countries
Goal	To remain the world advanced level or modernized level,or to realize the modernization in the aspects that he does not reach the world advanced level.	To reach the world advanced level and realize the modernization, and become developed or modernized country in a short time.
Notes	-	Among all developing countries, moderately developed ones aim at directly becoming developed countries; preliminarily developed countries aim at becoming moderately developed first and then, developed; under-developed countries need to take three steps: first becoming a preliminarily developed country, then a moderately developed one, and finally, a developed one.

Conclusion

Modernization has been a polysemous word in the field of new modernization study.

Firstly, modernizationrefers to a worldwide phenomenon concerning the world frontiers of human development since Industrial Revolution in 18th century and the practice and process to pursue, reach and maintain world frontier's levels (or world advanced level).

Secondly, modernization has been a progressive change of human civilization with the transformation from traditional to modern paradigm which took place in all fields of human civilization such as politics, economy, society and culture etc.

Thirdly, modernization can be used as a development goal directly or indirectly, and the modernized or developed countries are willing to keep the modernized level, while un-modernized or developing countries are working hard to catch-up and reach the modernized level in more short time. For example, the national objective of China is to become a moderately developed country in the middle of 21st century and a modernized country in the second half of the 21st century.

References

1. Bell D. 1973.The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting. New York: Basic Books.

2. Bendix R. 1967. Tradition and Modernity Reconsidered. Comparative Studies in Society and History, IX, (3): 292-346.

3. Black C E. 1966. The Dynamics of Modernization. New York: Harper & Row, Publishers.

4. He C. (ed.) 2015. China Modernization Report 2014-2015: Industrial Modernization. Beijing: PekingUniversity Press.

5. He C. 1998. Knowledge Economy and Second Modernization. Science & Technology Review, 6: 3-4.

6. He C. 1999. Second Modernization: Inspiration From Human Civilization Process. Beijing: High Education Press.

7. He C. 2003. Orient Renaissance: Three Roads to the Modernization. Beijing: Commercial Press.

8. He C. 2010. Modernization Science: Principles of National Advance. Beijing: Science Press.

9. He C. 2012. Modernization Science: Principles and Methods of National Advancement. New York: Springer.

10. He C. 2013. Second Modernization Theory: World Frontiers and Principles of Human Development.Beijing: Science Press.

11. Inglehart R. 1997. Modernization and Postmodernization. Princeton, New Jersey: PrincetonUniversity Press.

12. Luo R. 1993. New Perspective of Modernization. Beijing: PekingUniversity Press.

13. Lyotard Jean-Francois. 1984 [1979]. The Postmodern Condition: A Report on Knowledge. Minneapolis: University of Minnesota.

14. Martinelli A. 2005. Global Modernization. Rethinking the Project of Modernity, London, Sage, Chinese edition: Beijing, The International Press.

15. Martinelli A, He C. (eds.) 2015. Global Modernization Review：New Discoveries and Theories Revisited. New Jersey: World Scientific Publishing.

16. Robert JT, Hite A. 2000. From Modernization to Globalization.Malden, Mass.: Blackwell Publishers Inc.

17. Tiryakian E. 1991. Modernization: Exhumetur in Pace (Rethinking Macrosociology in the 1990s'). International Sociology, 6(2): 165-80.

18. Zapf W. 1999. Modernisierung, Wohlfahrtsentwicklung und Transformation. Berlin: Sigma.

СЕКЦИЯ 1

ТИПОЛОГИЗАЦИЯ РЕГИОНОВ И ПРОБЛЕМА РЕФОРМИРОВАНИЯ ВЛАСТНО-УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ВЕРТИКАЛИ В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССОВ ИХ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

(МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ГРАНТУ РНФ)

А.В. Тихонов

ПРОГРАММА И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ УСЛОВИЙ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ И РАБОТЫ ЗВЕНЬЕВ ВЛАСТНО-УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ВЕРТИКАЛИ В РЕГИОНАХ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ[14]

Аннотация. *В статье обосновываются элементы программы исследования проблем реформирования властно-управленческой вертикали в условиях различий между регионалами по уровню их модернизации (проблема, объект, предмет, гипотезы и методы исследования).*

Ключевые слова: *модернизация, социокультурная модернизация, регионы, властно-управленческая вертикаль, программа исследования, методы исследования.*

THE PROGRAM AND METHODS OF THE RESEARCH OF LIVING CONDITIONS OF THE POPULATION AND OF THE LINKS WORK IN THE POWER-MANAGEMENT VERTICAL IN REGIONS WITH A DIFFERENT LEVEL OF SOCIOCULTURAL MODERNIZATION

A.V. Tikhonov

Abstract. *In the article, there are the elements of the research program of the power-management vertical problems in the conditions of differences between regionals on the level of their modernization (the problem, the object, the subject, the hypotheses and methods of the research).*

Keywords: *modernization, sociocultural modernization, regions, the power-management vertical, the research program, methods of the research.*

В основу нашей Программы положено довольно распространенное в отечественной науке представление о том, что предшествующий опыт т.н. либерально-демократической революции и последующие рыночные реформы сверху, проведенные, в основном, в интересах криминально-олигархического класса, создали настороженное отношение к действиям федеральной, региональной и местной властей и породили феномен отчуждения, который проявляется в недоверии значительной части населения к действиям всей властно-управленческой вертикали. На практике (в ток-шоу Владимира Соловьева по ТВ) этим объясняют, например, низкую электоральную активность населения. На начальном этапе подготовки нашей исследовательской Программы были разработаны и апробированы оригинальные методики сбора и анализа данных на малых массивах данных как в онлайн-, так и в офлайн- режимах. Этот задел в полной мере и был использован в данном Проекте. Однако сама специфика предмета исследования, связанного с получением нового знания относительно отношения населения к условиям жизни и к работе органов власти и

[14] При финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 15-18-30077

управления, потребовала сравнительных данных функционирования властно-управленческой вертикали в различных социокультурных средах и прежде всего в регионах, находящихся на разных этапах социокультурной модернизации.

В итоге в Программе нашего исследования, наряду с такими стандартными элементами его методологической организации, как социальная и научная проблемы, объект, предмет и гипотезы исследования, была разработана блок-схема эмпирических показателей, необходимых для проверки гипотез в целом и по отдельным направлениям, о которых речь пойдет ниже.

В самом общем виде социальная проблема состоит в некотором, в нашем случае в весьма заметном, противоречии между высоким уровнем поддержки населением внешней политики руководства страны и значительно более низкой оценкой его достижений во внутренней политике. Это различие находит выражение в критическом отношении значительной части населения к способности всей вертикали власти и, в частности, ее территориальных органов, успешно решать проблемы социально-экономического характера. Это противоречие эмпирически проявилось для нас еще на этапе пилотного исследования Центра социологии управления и социальных технологий ИС РАН в 2012–2014 гг. до украинского кризиса, когда выяснилось, что и в той ситуации не все были довольны работой органов власти и управления. Тогда голоса респондентов из различных регионов разошлись в вопросе необходимости реформирования отечественной властно-управленческой вертикали. Треть выступили за такое реформирование, треть – против и несколько больше трети воздержались, или вернее, не приняли определенного решения ни в ту, ни в другую сторону. Поначалу мы их назвали «срединниками», или неопределившимися, а позднее, после знакомства с работами А.П. Давыдова [2], где речь идет о смысле личности в российской культуре, о расколе между культурной статикой и социальной динамикой, отнесли к «медиаторам», т.е. к категории респондентов, сознательно занимающих среднюю позицию в ситуации острой конфронтации между сторонниками и противниками в отношении работы тех или иных органов власти и управления. Как показал в дальнейшем анализ конкретных эпизодов общественной жизни, позиция «медиаторов» в отдельных случаях может действительно решать исход тренда социального процесса в ту или иную сторону, что с позиции оценки его управляемости имеет принципиально важное значение.

Научная проблема, в нашем понимании проблемной ситуации, состоит в выяснении способности властно-управленческой вертикали регулировать уровень социальной напряженности как в обществе, так и в каждом конкретном регионе, и влиять в целом на процессы модернизации в общероссийских интересах, а также эффективно управлять ими. Особое значение в этих условиях должна приобретать и проблема прогнозирования уровня социальной напряженности в регионах, а также способы упреждения неблагоприятных следствий такой напряженности, что невозможно без измерений ситуации в режиме мониторинга.

В качестве объекта исследования мы стали рассматривать противоречивый процесс взаимодействия органов власти и управления с гражданским обществом в регионах с различным уровнем социально-экономического, социокультурного и цивилизационного развития, что, в научном плане, подпадало под известную из истории социологии теорию выполнения обеими сторонами «общественного договора» между властью и обществом.

Предметом выступили закономерности, вытекающие из этой теории, которые не могут не проявиться в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации, если, конечно, они отражают реальные отношения органов власти и гражданского общества. Знания о таких закономерностях могут стать основанием для принятия стратегических решений и, в конечном итоге, для своевременного реформирования систем управления и всей властно-управленческой вертикали, если такой шаг станет актуальным в политическом плане. Для выявления этих закономерностей нами было выдвинуто несколько предположений, которые, по мере разработки соответствующего инструментария, могли бы быть преобразованы в эмпирически проверяемые гипотезы. Вот некоторые из них.

1. Согласно социолого-управленческой концепции «социокультурного социального тела», построение системы управления в регионе производится доминирующими социальными группами ситуативно, в зависимости от внешних и внутренних вызовов, компетентностей и ценностных ориентаций участников. В реальности эта система всегда неоднородна и противоречива. Она представляет собой то или иное сочетание интересов органов власти, собственников и аппарата управления, либо подчиняется интересам групп со стороны власти и собственности, либо их интересы как-то сочетаются с функциями управления, либо все же у всех групп доминирует ориентация на управление в интересах населения и развития региона как социального сообщества.

2. Состав и активность доминирующих в регионе групп устанавливается либо в зависимости от объективных тенденций социокультурной модернизации регионов (по Н.И. Лапину), либо от аппаратных отношений с Центром, независимо от состояния проблем с модернизацией в регионе, либо в каком-то их сочетании, что можно установить эмпирическим путем.

3. Существенное влияние на деформацию управления в регионах оказывает конфронтационная логика («свои-чужие», «верх-низ») при формировании и функционировании органов власти и управления, от чего зависит определяющая интенция отношений в системе управления в регионах. Управление – это скорее медиация, т.е. преодоление крайностей путем изобретения третьего, компромиссного, но реалистичного варианта решения трудного вопроса. Этот механизм еще слабо исследован и эксплицирован в философии, культурологи и в социологии (В.М. Розин, А.П. Давыдов, А.В. Тихонов, В.А. Шилова и др.), но он обладает высоким потенциалом решения конфликтов между государством и обществом [3].

4. Отставание нашей системы управления от своевременного решения перспективных задач в значительной мере коренится в невнимании к культурным и историческим особенностям регионов. У нас, например, преобладают западные разработки стандарта управления: ISO 2001, при этом копируется западная система управления от Правительства до Федеральных округов и регионов (т.н. концепция «эффективных менеджеров»). Для реальной модернизации в регионах требуется замещение и этой концепции, и этих менеджеров. Ориентации на модель социального государства, предусмотренную гл. 7 Конституции РФ, в явном виде у нас не просматривается, но при появлении политической воли она может не только обнаруживаться в регионах с высоким уровнем цивилизационного развития, но стать основой новой региональной политики.

5. Реальная система управления в стране с ее подсистемами обладает низкой сензитивностью к спонтанным процессам группообразования в регионах (этнических, религиозных, миграционных социокультурных групп) не только прекариатных, но и инновативно–творческих, что чревато последствиями неадекватности принимаемых решений. Это можно обнаружить на примере запоздалой реакции региональных органов власти и управления на инициативы в СМИ и в социальных сетях и на преимущественной ориентации на отчетность перед вышестоящей инстанцией.

6. Застойное состояние пирамид территориального управления (властной, экономической и административной) связано с тем, что они строятся сверху вниз в интересах сохранения своего господствующего положения и временами не способны поддерживать самоорганизацию территориальных общностей, принижая тем самым их фундаментальную роль в местном самоуправлении. Например, у нас упорно игнорируется принцип субсидиарности в формировании МСУ, опыт дореволюционного земства и т.п. (Е.А. Акимкин). Предполагается, что повышение статуса региона в связи с уровнем модернизации положительно скажется на общей тенденции роста его социальной субъектности.

Подобного типа предположения учитывались нами при разработке общей схемы предмета исследования, которая состоит из 4-х блоков, представляющих собой эмпирически проверяемые переменные отношений власти и гражданского общества в регионах с

различным уровнем социокультурной модернизации на основе доступных нам методов и связанных с ними процедур:

−на материалах массового репрезентативного опроса;

−на основе оценок высококвалифицированных специалистов – экспертов из регионов;

−на основе контент-анализа печатных средств массовой информации;

−на основе контента сетевых коммуникаций.

Соединение эмпирических данных в блок-схеме предмета исследования у нас обеспечивает единая шкала одних и тех же переменных, характеризующих степень удовлетворенности респондентов уровнем жизни и отношениями с органами власти и управления в регионе (вопрос 1 Анкеты массового опроса).

В соответствии с такой блок-схемой переменных подготовлены инструменты сбора, обработки и анализа первичных данных: 1. Базовая анкета массового опроса. 2. Бланк экспертного опроса специалистов из регионов. 3. Досье на включенные в исследование регионы в форме информационной карты. 4. Методика триплекс-анализа данных массового опроса для одновременного учета позиций населения как сторонников, противников и «медиаторов» в оценке отдельных сторон жизни в регионе и работы всех звеньев властно-управленческой вертикали 5. Взаимно дополнительные методики анализа работы СМИ (как лояльных, так и оппозиционных) к работе органов власти. 6. Методика контент-анализа интенций интернет-сетей и их влияния на формирование отношения сетевой аудитории к деятельности звеньев ВУВ и проблем местного и общероссийского уровней.

В связи с конкретизацией инструментов исследования нами были уточнены и заявленные ранее элементы общей программы исследования.

Социальная проблема была сформулирована как раскол между обществом и государством, проявившийся в разрыве между оценками населением работы различных звеньев властно-управленческой вертикали и их способности одновременно решать внешние и внутренние проблемы социально-экономического развития в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации. Последнее обстоятельство привело Совет Федерации в марте 2017 г. к решению законодательно ввести в региональную политику такой критерий как «стандарт благополучия». Но стандарт благополучия и реальное положение дел в регионах не одно и то же. По нашим опросам, в двух регионах в 2014 году точка зрения респондентов на необходимость коренного реформирования органов власти и управления сводилась примерно к следующей пропорции: 30% «за», 30% «против» и 40% «воздержались». Трудно сказать, куда качнется маятник сегодня. Возможно это будет зависеть от тех же 40% т.н. «медиаторов», что можно будет проверить на материале 12-ти регионов с разным уровнем социокультурной модернизации. Вопросу выбора этих регионов сопутствовала специальная процедура.

Научная проблема рассматривается как недостаток теоретико-методологических и эмпирических данных в предметной области социологии управления относительно способности ВУВ решать проблемы согласия в обществе в условиях раскола, успешно отвечать на внешние и внутренние вызовы, и обеспечивать модернизацию регионов, находящихся на разных уровнях социокультурного развития.

Объектом выступает процесс социально-культурного и цивилизационного развития российских регионов в конкретно-исторической ситуации.

Предметом является выяснение типа и характера социальных закономерностей, выражаемых в степени социальной поддержки населением работы всех звеньев властно-управленческой вертикали (ВУВ) в регионах с разными уровнями социокультурной модернизации и, в конечном итоге, степень управляемости самого процесса. При этом, по возможности измеряются проявления феномена субъектности различных групп населения, их роли в обратной связи с органами власти и управления и в проявлении степени солидарности с малыми (в т.ч. протестными) группами, с регионами в целом как со своей социальной общностью, и с РФ как с большим обществом. Для выявления факторов,

влияющих на степень поддержки звеньев ВУВ и сопутствующих им механизмов, были выдвинуты следующие эмпирические гипотезы:

Гипотеза 1. Система управления в регионах (стиль, характер) зависит от социальной организации регионов, от иерархии сформировавшихся вокруг власти и управления социальных групп, от связи местных элит с центром и от их объективной заинтересованности в модернизации;

Гипотеза 2. Наибольшее влияние на деформацию системы управления в регионах оказывает конфронтационная логика в отношениях между населением и элитарными группами (свои, чужие, нейтральные);

Гипотеза 3. Отставание системы управления от решения задач модернизации связано с культурными и историческими особенностями регионов, влияющими на формирование своей особой, не декларируемой модели организационного развития и социального управления со своими интересами элитных групп;

Гипотеза 4. Реально властно-управленческая система в стране и в регионах обладает низкой чувствительностью (сензитивностью) к спонтанным процессам группообразования (этническим, религиозным, миграционным, сетевым, политическим, социокультурным группам), что чревато непреднамеренными последствиями принимаемых решений;

Гипотеза 5. Пирамиды территориального управления (административного, экономического, силового) ориентируются наверх и не заинтересованы в поддержке самоорганизации территориальных общностей. Эта зависимость будет выше у регионов со слабым модернизационным развитием.

Однако на момент разработки индикаторов эта постановка проблемы и формулирование гипотез не учитывала новых обстоятельств, описанных, в частности, в «Атласе модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы» [1]. Это, прежде всего, спонтанность модернизационных процессов в России (1992–98 гг. ─ децентрализация, 1998–99 гг. − начало стабилизации и восстановления экономики, а вместе с тем и обострение потребности модернизации общества в целом как способа цивилизационной эволюции современной России.

По «Атласу», в 2000–2008 гг., до начала экономического кризиса, у нас происходил быстрый рост индексов первичной модернизации. В 2010–12 гг. в России закрепилась вторичная модернизация (на подготовительной фазе). Но, как пишет Н.И. Лапин, этот «прорыв» (А.Т.) соответствовал модернизированности развитых стран мира к началу 60-х годов XX столетия. При этом поразительно, но факт: неравномерность нашего развития между регионами оказалась в 2,5 раза острее, чем аналогичная неравномерность между странами мира.

Стало ясно, что процесс модернизации является скорее спонтанным, чем управляемым (обратим внимание, что управляемость процессов − это предмет социологии управления), и нередко происходящим вопреки узкокорыстным интересам коррумпированных верхов. Фрагментарная роль управления, после принятия федеральных программ, на самом деле не обеспечивает сбалансированности взаимодействия между основными социальными составляющими модернизации: технико-технологическими, социально-экономическими и социально-культурными и институционально-регулятивными переменными.

В «Атласе» выявлены факторы торможения модернизации: структурно-социальные, материальные и ценностно-культурные. Вывод [1, с. 303]: необходимо целенаправленное регулирование модернизации. И дело не только в инвестициях в экономику, а в реальном повышении уровня и качества жизни населения. В нашем социуме порой не требуется роста культурного потенциала населения и нет озабоченности его качеством. В этом и есть социокультурный диссонанс российской цивилизации. У нас не востребованы 2 сферы (по Лапину): 1) массово-культурная (нет квалифицированных инженеров, техников, рабочих, а есть экономисты, юристы, менеджеры), 2) инновационно-стратегическая: не востребованы

отечественные изобретения и разработки, которые скорее находят применение за рубежом, чем у нас.

Таким образом, начало нашего исследования по Гранту (2015 г.) пришлось на этап не прогресса, а скорее социогуманитарной рецессии, проявляющейся в состоянии некоторой неопределенности к новым цивилизационным выборам страны, ее регионов и к изменениям в отношениях между населением и властью.

Актуальные проблемы в российском обществе хотя и осознаются, но не сразу решаются, они долго осмысливаются. Мы находимся в ситуации обоснования цивилизационного выбора: либо спонтанная модернизация, либо силовая, авторитарная (сверху), либо их комбинация. А.А. Зиновьев описал, что спонтанная демократическая перестройка у нас очень быстро превращается в «катастройку». Выход из этого положения Н.И. Лапин видит в спонтанной модернизации со стратегической поддержкой государства, что вроде бы и начинается, но не отчетливо. Исследование «Атласа» – это, конечно, выдающийся вклад научного коллектива ЦИСИ ИФ РАН в практику стратегического планирования на всех уровнях: федеральном, макрорегиональном, региональном, муниципальном. С нашей стороны есть добавка: мы определяем роль властно-управленческой вертикали как в целом, на уровне макросистемы, так и на уровне регионов, муниципальных образований и роли местного самоуправления, как проявления гражданского общества. Плюс к этому мы говорим о проблеме субъектности в цепи обратной связи как предмете мониторингового исследования и о непродуктивности рассматривать регионы как вотчины администрации и олигархов. Это, во-первых, общности со своей спецификой, а во-вторых, – организации со своими моделями социальной жизни. Эти модели и есть суть реальных социальных отношений. Их нужно разгадывать, изучать и умело реконструировать в ходе модернизации.

В связи с этим, в процессе работы над Проектом были обсуждены и включены в разработку инструментов новые идеи по сравнению с Заявкой. В частности, в исследовательском коллективе согласились:

– делать акцент не на глобальной, а на среднесрочной стратегии в рамках концепции интегрирующей модернизации;

– нельзя недооценивать прослойку «медиаторов» в тактике и в стратегическом развитии регионов, иначе это приведет к появлению социальных барьеров, к непродуктивной борьбе «левых и правых»;

– нужно отказываться от решения проблем одним махом, по всей стране, через приказы, указы и постановления, а делать эксперименты в отдельных регионах и обобщать передовой опыт;

– нужно учитывать историко-культурные условия и тренд цивилизационного развития каждого региона и переходить к локализации региональной политики и де-юре, и де-факто, а со стороны ВУВ – к индивидуальному подходу к каждому региону;

– проводить в регионах минимаксную стратегию, направленную на обеспечение дифференцированного «стандарта благополучия» по критерию уровня социокультурной модернизации;

– рассматривать принципы правового социального государства как основания для оценки модернизации и устойчивого развития регионов. Опросы показывают, что народ выступает «за» такие инициативы.

В частности, сюда входит

– Указ Президента РФ «Об утверждении основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» № 13 от 16.01.2017 г.;

– контроль перераспределения финансовых ресурсов между центром и регионами, между муниципальными и региональными бюджетами;

– реализация федерального закона № 683 от 31.12.15: о стратегии национальной безопасности (в том числе включающей вопросы качества жизни граждан, защищенности прав и свобод);

– долгосрочное целеполагание гуманистической модернизации (ответ на вопрос, в каком обществе мы живем и какое строим), показывая, как можно отрегулировать диссонанс евразийско-этатистской и российско-европейской культур [1, с. 317].

В итоге была выработана общая позиция коллектива исследователей: российская модернизация является острой социально-политической, социально-экономической и социокультурной проблемой, решение которой требует активного участия гражданского общества в переходе регионов на более высокий уровень социокультурной модернизации. Материалы нашего исследования следует рассматривать как одну из научных предпосылок такой работы.

Список литературы

1. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы. Сост. и отв. ред. член-корр. РАН Н.И. Лапин М.: Издательство «Весь Мир». 2016. 360 с.

2. Давыдов А.П. Неполитический либерализм в России. М.: Мысль, 2012. 644 с.

3. Дмитриев А.В., Сычев А.А. Скандал. Социо-философские очерки. М.: ЦСП и М, 2014. 323 с.

А.Л. Андреев, И.А. Андреев

СОВРЕМЕННОЕ И ТРАДИЦИОННОЕ: МОДЕРНИЗАЦИЯ В РЯДУ ДРУГИХ СОЦИАЛЬНЫХ ТРЕНДОВ

Аннотация. *В статье рассматривается эволюция концепции модернизации и обсуждаются теоретические трудности, которые встают перед ней при обращении к таким новейшим тенденциям «множественной» современности, как реактуализация традиционализма, этническая революция, специализация цивилизаций, формирование «постчеловеческой» траектории развития и др.*

Ключевые слова*: модернизация, множественная современность, традиционализм, вариативность развития, традиционалистская модернизация*

A.L. Andreev, I.A. Andreev

MODERN AND TRADITIONAL: MODERNIZATION AMONG OTHER SOCIAL TRENDS

Abstract*. The article examines the evolution of the concept of modernization and discusses the theoretical difficulties that arise in dealing with such new tendencies of the multiple modernity as the reactivation of traditionalism, the ethnic revolution, the specialization of civilizations, the formation of a «posthuman» trajectory of development.*

Keywords*: modernization, multiple modernity, traditionalism, the variability of the development, traditionalist modernization.*

В сложившихся на сегодня социально-исторических условиях основным способом развития государств и регионов стала модернизация, что по самому этимологическому смыслу термина означает процесс, в ходе которого то или иное общество становится «современным», приобретает черты и свойства, соответствующие «современным требованиям». При этом противоположностью модернизации и ее результатам выступают

такие характеристики, как «архаическое», «отсталое», «примитивное» и т.п. В этом смысловом контексте модернизация выступает также в качестве стратегии глобальной конкуренции: считается, что эффективная и своевременная модернизация представляет собой путь к процветанию и позволяет успешно применяющим данную стратегию странам повышать свой статус в иерархически организованной системе международного разделения труда.

Некоторые элементы теории модернизации были разработаны еще М. Вебером и Ф. Теннисом в конце XIX−начале XX вв., но в целостном виде эта теория была сформулирована на рубеже 40-х и 50-х гг. XX в. – во многом как предлагаемая «третьему миру» западная альтернатива так называемому социалистическому пути развития [4]. Теории модернизации убеждали азиатские, африканские и латиноамериканские политические элиты в том, что источником проблем и трудностей, с которыми сталкиваются их страны, является не столько колониальная и полуколониальная эксплуатация, сколько отсутствие или слабость «современных» политических и экономических институтов. При этом «современное» однозначно отождествлялось с западными образцами, которые в ранних теориях модернизации трактовались как универсальные. Понятно, что эта концепция и в Советском Союзе, и в КНР была расценена как идеологическая атака против социализма и подвергнута разгромной критике. Критика эта была отчасти справедливой, но нередко и слишком недифференцированной. История тем временем поставила как бы сравнительный эксперимент. В жизнь были воплощены обе модели социального развития, которые с конца 1940-х до конца 1980-х гг. осуществлялись в различных странах как бы параллельно друг другу.

В российской научной литературе, как и в публицистике, чрезвычайно широко распространено мнение, согласно которому социалистический вариант развития оказался тупиковым, и в историческом соревновании так называемых стран социалистической ориентации с теми, кто выбрал путь интеграции с экономической и политической системой Запада, первые, безусловно, проиграли. Спору нет, в той модели развития, которую поддерживал Советский Союз, была изрядная доля утопизма и доктринерства. Идеология советского типа оперировала глобальными «историческими закономерностями» и была недостаточно чувствительна к локальным культурно-психологическим факторам, включая и то, что принято называть «человеческими слабостями», на которые рыночный капитализм, напротив, умел реагировать очень оперативно (поскольку это было одним из условий получения прибыли). Однако с реализацией масштабных социальных программ и крупными инфраструктурными проектами советская система (организация доступного здравоохранения, строительство электростанций, обучение специалистов и др.) справлялась по крайней мере не хуже, а во многих случаях и лучше Запада. Поэтому в период утверждения независимости и первоначального подъема стран «третьего мира», когда на фоне всеобщей бедности и очень низкого уровня потребления на первое место выдвигалось создание основ национальной государственности, эта система во многом могла казаться наиболее подходящей. Но когда той или иной развивающийся стране удавалось выйти из первоначального состояния тотальной бедности, что приводило к формированию относительно массовых средних слоев с более взыскательными запросами, западная модель потребительского общества становилась здесь все более и более привлекательной, что, безусловно, оказывало сильное влияние на политический выбор местных элит. Известно немало, по крайней мере несколько, весьма впечатляющих примеров того, как относительно бедные и отсталые страны, заключая политический союз с Западом и включаясь в систему обменов в капиталистический мир экономики, при некотором благоприятном для них стечении обстоятельств добивались серьезных успехов.

Тем не менее нельзя сказать, что такого рода примеры дают безусловные основания для того, чтобы рассматривать модернизацию по западному образцу как универсальный путь к процветанию. Прежде всего, следует отметить, что во всех тех случаях, которые можно оценить, как успешные, использование западного опыта было весьма избирательным.

Заимствованные формы всегда наполнялись собственным содержанием. Пример этому подала самая первая и на сегодня самая успешная из вступивших на путь заимствования западного опыта азиатских стран – Япония, проводившая модернизацию по принципу «японский дух – западные знания» [3]. В то же время во многих странах модернизация по западным образцам и лекалам не дала тех результатов, которые предполагались в теории. Скажем, среди стран АТР исторически теснее всего связаны с европейским опытом Филиппины, которые долгое время были владением испанской короны, а затем попали под фактический протекторат США. Но по индикаторам социально-экономического развития эта страна занимает одно из последних мест в регионе.

Однако самым ярким примером «провальной модернизации» является Африка. «Осовременивание» черного континента представлялось, да и сегодня представляется многим единственно возможным направлением развития африканских обществ. Если движение по пути развития, то куда еще, как не в современность, олицетворяемую процветающими странами Запада? Стратегии развития большинства стран субсахарского региона в послеколониальный период строились в этом ключе, в убеждении, что существует некий «магистральный путь» преодоления слаборазвитости. Казалось, что планируемые, управляемые, стимулируемые извне изменения непременно вызовут адекватные реакции африканского общества, обеспечат быстрое достижение заданных результатов, запустят самоподдерживающийся процесс модернизации. Но со временем все яснее обнаруживалось, что реальные изменения в субсахарском регионе отличаются от предписанных им путей и в общем не похожи на обосновывавшиеся теориями модернизации проекты, образцы, типы развития. Чем шире становился круг приоритетов развития, тем больше эти отклонения сливались в картину развития без улучшения ситуации по большинству современных критериев прогресса [6]. Политика модернизации, проводившаяся африканскими странами в 1960–1970-х гг. (создание государственного сектора экономики, инвестиции в промышленное развитие, развитие здравоохранения и образования, африканизация госаппарата), дала определенные результаты, но весьма скромные и явно недостаточные. Главным же ее итогом, к сожалению, стали тотальная коррупция и бурное развитие патронажно-клиентельных сетей, повышение роли силовых структур, создание одиозных диктаторских режимов, носивших иной раз не просто деспотический, но и прямо террористический характер.

В свете подобных негативных примеров первоначальная концепция модернизации претерпела определенные изменения. В тех ее более поздних версиях, которые были разработаны и получили распространение в 1980 – 1990-е гг., трактовка вестернизации как универсальной модели перехода от архаики к современности была значительно смягчена. Вместо этого модернизацию стали рассматривать как вариативный процесс. Была, в частности, предпринята попытка представить опыт СССР и других использовавших этот опыт стран как один из двух базовых ее вариантов. В то же время изменился и подход к национальным условиям и традициям, которые теперь уже не рассматривались исключительно как тормоз на пути прогресса. На этой концептуальной основе концепция модернизации значительно обновилась. Возникли различные неклассические ее варианты, среди которых особо отметим теорию множественных современностей Ш. Эйзенштадта [9]. Как показал этот известный израильский исследователь, в условиях глобализации Запад сам переживает очень быстрые социокультурные трансформации, его развитие становится поливариантным, вследствие чего образ Запада как бы расплывается, «двоится», и он уже не может быть универсальным образцом для других. В этой ситуации каждое общество само определяет, какой вариант модернизации ему больше подходит [7, с. 20]. В том же русле, хотя и несколько иначе, ставил проблему С. Хантингтон. С его точки зрения, вестернизация вовсе не гарантирует перехода к «модерну» – возможен и такой сценарий развития, при котором она просто разрушает традиционное общество, не давая взамен ничего конструктивного (к этому сценарию как раз и относится случай Филиппин). В то же время наилучшей формой развития обществ Хантингтону представлялась национальная модель

модернизации, возникающая на базе некоторого предварительно достигнутого достаточного уровня вестернизации [8].

В таком виде концепция модернизации получила как бы второе дыхание. Она стала не только более практичной, но и более приемлемой для политических элит самых разных стран, побуждая их менять траекторию социально-экономического развития в соответствии со своими постулатами и выводами. Это относится не только к так называемым посткоммунистическим странам (СНГ, Прибалтика, бывшие союзники СССР в Восточной Европе), но и к социалистическому Китаю. После окончания «культурной революции» и ее осуждения это понятие активно вводится в китайский политический дискурс. В конце 1970-х гг. Дэн Сяопин предложил и обосновал программу «четырех модернизаций», хотя при этом его понимание проблемы отличалось значительным своеобразием по сравнению подходом западных теоретиков (модернизация, по Дэн Сяопину, это не самодовлеющий и самоценный процесс, а один из аспектов построения «социализма с китайской спецификой»).

Вторая половина XX века – это время острой конкуренции между несколькими парадигмами социального и политического мышления. Сегодня может создаться впечатление, что победителем из этой борьбы вышла концепция модернизации, оттеснившая на задний план как так называемую формационную модель социально-исторического развития, так и теории культурно-исторических типов и локальных цивилизаций в стиле русских славянофилов и неославянофилов, а также О. Шпенглера и А. Тойнби. На самом же деле конкуренция лишь вступает в новую фазу. Несмотря на то, что в последние два-три десятилетия она стала более гибкой, а диапазон ее практического применения расширился, в этой концепции остается целый ряд неясных моментов, которые в контексте происходящих на наших глазах социально-исторических изменений приобретают прямо-таки принципиальную значимость.

Прежде всего, совсем не так просто, как кажется, обстоят дела с базовой для теории модернизации оппозицией традиционного и современного. Возьмем, к примеру, Китай. Универсальный смысловой механизм, связывающий прошлое с современностью, а через него и с будущим, действует в китайской культуре очень своеобразно. Восприятие прошлого, даже очень отдаленного, здесь не может быть остраненно бесстрастным и «безличным». При этом в Китае существует тенденция к сакрализации древности, которая как бы непосредственно входит в современность и пребывает в ней. Поэтому для Китая традиционализм является не этапом истории, не преходящим ее эпизодом, а сущностным свойством национального менталитета и культуры.

Когда-то, исходя из этого, М. Вебер пришел к выводу, что китайская цивилизация пребывает в состоянии своего рода «эволюционного паралича». В свете нынешних успехов КНР эти рассуждения могут вызвать разве что снисходительную улыбку. Развитие, а стало быть, и модернизация как особая его форма, осуществляется в Китае при помощи особого механизма *реаранжировки традиций*, когда на первый план по значимости выдвигается то одна, то другая из них. Применительно к Китаю можно говорить также о такой специфической форме социального обновления, как модернизация традиции. В качестве примера такой модернизации можно рассматривать цель, которую выдвигает сегодня китайское руководство – это построение общества в соответствии с одобренным в свое время Конфуцием социальным идеалом *сяокан* [2].

Получается, что ключевая для теории модернизации оппозиция традиционных и современных обществ концептуально размывается, а может быть, вообще обрушивается. И это касается не только ранних («классических») теорий, но и более современных вариантов модернизационной парадигмы. Возможно, В связи с этим следовало бы говорить об особой – *традиционалистской модернизации*, кстати говоря, относя это несколько необычное с точки зрения привычных подходов понятие также и к России [5, с. 153].

Однако в социально-историческом контексте последних десятилетий возникают и другие щекотливые вопросы. Если очистить понятие современного от ценностного налета и идеологической предвзятости, то оно означает не что иное, как некую специфическую

оценку успешности: современно то, что эффективно в условиях современности. Но в ряду явлений, которые порождаются этими условиями или расцвели именно благодаря появившимся в последние десятилетия инновационным возможностям, следует назвать не только политическую демократию, культуру толерантности и «интернет-вещей», но и, допустим, сетевую преступность, международную наркоторговлю или криминальную индустрию биоматериалов. Как мы знаем, такого рода деятельность стала источником существования ряда сообществ, которые, таким образом, вполне адаптировались к глобальному миру и его возможностям. Надо ли их также причислить к modernity, хотя там, разумеется, нет ни демократии, ни «ответственных индивидов», ни прочих атрибутов классического концепта современности, как он представлен, к примеру, в работах Ю. Хабермаса, А. Гидденса и других авторитетных теоретиков «модерна» как социологической категории?

Впрочем, не обязательно ссылаться на эти несколько шокирующие примеры. Достаточно напомнить и о том, что некоторые теоретически весьма архаические институты – например, клановая система и клановая солидарность – дают тем социальным сообществам, у которых они сохранились, весьма ощутимые конкурентные преимущества перед индивидуалистическими сообществами «классического» модерна и в самых разных областях легального бизнеса. А как интерпретировать в рамках теории модернизации обозначившийся в самое последнее время феномен специализации цивилизаций [1]? Или возникшие на почве так называемой NBIC-революции идею трансгуманизма и перспективу формирования «постчеловеческого общества»? На эти вопросы мы не найдем удовлетворительных ответов в рамках концепции модернизации. По крайней мере – пока мы их не находим.

Список литературы

1. Андреев А.Л. Специализация цивилизаций и аттракторы мирового развития // Общественные науки и современность. 2015. № 1. С. 139–147.

2. Лукьянов А.Е., Переломов Л.С. Из истории идеологемы *сяокан* // Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 3. С. 26–38.

3. Молодякова Э.В., Маркарян С.Д. Модернизация: Японский феномен // Восточная аналитика. М.: Институт Дальнего Востока, 2011. С. 7–13.

4. Побережников И.В. Теория модернизации: основные этапы эволюции // Проблемы истории России. Вып. 4. Екатеринбург. 2001. С. 217–246.

5. Российское общество и вызовы времени. Книга четвертая / [М.К. Горшков и др.]; отв. ред. М.К. Горшков, в.В. Петухов. М.: Весь Мир, 2016. 400 с.

6. Следзевский И.В. Африканский опыт догоняющей модернизации: теория и практика // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 12. М.: Новый хронограф. 2013. С. 471–520.

7. Федотова В.Г. Неклассические модернизации и альтернативы модернизационной теории // Вопросы философии. 2002. № 12. С. 3–21.

8. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с.

9. Эйзенштадт Ш. Новая парадигма модернизации // Сравнительное изучение цивилизаций М.: Аспект Пресс, 1998. С. 470–479.

В.С. Богданов, К.Э. Гусейнова

РЕЗУЛЬТАТЫ АПРОБАЦИИ МЕТОДИКИ ОНЛАЙН-ОПРОСА ЭКСПЕРТОВ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЯ 12 РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

Аннотация. *В статье представлены результаты организационно-методологической работы в рамках научно-исследовательского гранта РНФ № 15-08-30077 «Диагностика состояний функционирования органов власти и управления в контексте процессов социокультурной модернизации регионов». В частности, рассматриваются особенности методической организации онлайн-экспертного опроса в 12 регионах РФ. Показаны сложности и перспективы использования модернизированного метода экспертного опроса, в том числе и в контексте его использования в гибридной методологии изучения функционирования звеньев властно-управленческой вертикали.*

Ключевые слова: *онлайн экспертный опрос, гибридная методология, властно-управленческая вертикаль, региональные системы управления.*

V.S. Bogdanov, K.E. Guseynova

THE RESULTS OF APPROBATION THE METHODOLOGY OF THE ONLINE EXPERTS SURVEY IN THE CONTEXT OF STUDYING THE FUNCTIONING OF REGIONAL SYSTEMS OF GOVERNANCE
(ACCORDING TO STUDIES 12 REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Abstract. *The article presents the results of organizational-methodological work in the framework of the research RSF grant No. 15-18-30077 «Diagnostics the state of functioning of the authorities and government in the context of processes of sociocultural modernization of the regions». In particular, there are considered the features of the methodical organization online expert survey in 12 regions of the Russian Federation. The difficulties and the prospects of the modernized method expert online survey use including in the context of its use in the hybrid methodology of studying the functioning of the power-management vertical's elements are shown.*

Keywords: *expert online survey, hybrid methodology, power-management vertical, regional government systems.*

1. Введение

Центром социологии управления и социальных технологий ИС РАН вот уже несколько лет проводится успешная разработка, апробация и внедрение дистанционных исследований проблем управления, позволяющих проследить процессы электронизации[15] деятельности субъектов управления и функционирования на всех уровнях властно-управленческой вертикали.

Сегодня эта работа продолжается в рамках научно-исследовательского гранта РНФ № 15-08-30077 «Диагностика состояний функционирования органов власти и управления в контексте процессов социокультурной модернизации регионов»[16]. В данном исследовании задействован следующий методологический арсенал:

- опрос населения (онлайн, офлайн),

[15]Под электронизацией процессов управления мы понимаем процессы сращивания информационных и социальных отношений, которые ведут либо к оптимизации, либо к деформации социальных отношений между органами управления, власти и населением, что требует отдельного изучения и рационального вмешательства.

[16] Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ, грант № 15-18-30077 «Гражданская экспертиза проблемы реформирования властно-управленческой вертикали в контексте процессов социокультурной модернизации регионов: от мониторинга состояний до прогнозного проектирования».

- экспертный опрос (онлайн, офлайн),
- анализ СМИ,
- анализ социальных сетей (онлайн),
- анализ текстов и документов,
- метод электронного респондента (модернизированный метод контент-анализа, изучение сайтов и онлайн-документов).

Данный комплекс методов позволил исследовательскому коллективу Центра получить наиболее верифицированные результаты в соответствии с намеченными целями и задачами, поставленными в исследовании. В ходе эмпирической проверки были получены новые данные о функционировании, степени поддержки населением и экспертами властно-управленческой вертикали.

Научная актуальность исследования связана с обсуждением роли властно-управленческой вертикали (далее – ВУВ) в развитии страны, специфических проблем жизни, а, главное, особой социально-политической субъектности регионов. В этом смысле описанное исследование имеет не только общенаучное, но и общественно-политическое значение, т.к. демонстрирует проблемы модернизации механизмов социально-экономического и цивилизационного развития, а также степени технико-технологической, социально-экономической и социокультурной развитости региона и его фактической роли как субъекта Российской Федерации в развитии страны.

Одним из методов, который был задействован на стадии апробации представленного методного арсенала и методического инструментария дистанционного сбора и анализа данных, стал онлайн экспертный опрос, при помощи которого было собрано 592 экспертные анкеты[17] в 12 регионах, отобранных по версии рейтинга модернизации регионов Н.И. Лапина [2].

Онлайн опрос экспертов (интерактивный экспертный опрос или ОЭО) – метод дистанционного сбора экспертной информации по проблемам управления и управляемости на различных уровнях организации властно-управленческой вертикали.

Общая цель: показать возможности экспертного онлайн-опроса в изучении проблем реформирования властно-управленческой вертикали, получить дополнительные к официальным источникам и к материалам репрезентативного полевого опроса данные о сложившихся в регионах социальных и экономических условиях, а также о степени и характере развития в них систем управления, об их способности обеспечить обустройство и модернизацию территорий.

Научная значимость – диагностика состояния ВУВ на основе экспликации структуры и содержания диспозиций (поддержка или непринятие власти, управления и их решений), зафиксированных на основе экспертного знания. Диагностика здесь понимается в буквальном смысле слова как процедура оценки степени поддержки экспертами способности ВУВ осуществлять свои функции [3, с. 104–107]. Отсюда ее название – «гражданская» или, что одно и то же, «социальная».

Прикладная / Методическая значимость – проведение онлайн-исследований для изучения проблем управления при помощи интерактивных средств, а также способы достижения интеграции и валидизации данных онлайн и офлайн-опросов.

Исследовательскому коллективу предстояло также реализовать ряд задач:

основная: диагностика степени функциональности властно-управленческой вертикали в конкретно-исторических условиях и прогноз управляемости процесса выхода из кризиса на основе экспликации структуры и содержания оценок деятельности руководящих органов со стороны различных групп населения и экспертов;

методическая:

[17]Всего собрано 612 экспертных анкет, после процедуры валидизации данных оставлено 592 документа.

– оценить разработанную методику онлайн-сбора, обработки и анализа экспертной информации, пригодной для объяснения сложившихся и необходимо достаточных социокультурных условий оптимальной организации систем управления на местах;

– оценить возможности рекрутинга экспертов для онлайн-формы организации экспертного опроса;

– оценить методику эффективного рекрутинга экспертов при помощи региональных координаторов исследований;

– подготовить базу данных региональных экспертов;

– разработать оптимальный анонс исследования для минимизации количества отказов;

– зафиксировать на основе компаративного анализа идентичности и различия оценок деятельности органов власти и управления, полученных от экспертов, отвечающих онлайн, с оценками массового опроса, анализа СМИ, анализа онлайн социальных сетей.

научная: проверить и утвердить теоретико-методологическое обоснование получения и применения экспертного знания в рамках комплексного диагностического исследования актуальных проблем функционирования ВУВ, в том числе и на региональном, местном уровнях управления.

практическая: получить недостающие данные о состоянии и перспективах модернизационного (индустриального и информационного) развития регионов, использования их для последующей разработки и корректировки стратегий управления, разработки адекватных коммуникативных технологий.

2. Формирование групп экспертов по регионам и организация работы с ними

В 2014–2015 гг. в рамках настоящего исследовательского проекта была проведена работа по формированию, апробации и валидизации уникальной базы данных (БД) региональных экспертов-управленцев. Основаниями для разработки экспертной БД стали:

– *географическая принадлежность экспертов* в соответствии с отбором 12 регионов: Республика Калмыкия, Республика Башкортостан, Белгородская и Московская области на пилотном этапе исследования, и последующие на втором, основном этапе – Республика Дагестан, Республика Саха (Якутия). Амурская область, Вологодская область, Нижегородская область, Омская область, Смоленская и Свердловская области;

– *направление деятельности экспертов* в конкретных сферах и областях производственной и непроизводственной деятельности;

– *статусная характеристика экспертов*, подразумевающая занятие либо руководящей должности в организации / предприятии, либо занятость в качестве эксперта-специалиста в определенной сфере деятельности (экологи, политики, депутаты, управленческие консультанты).

В итоге на основе выделенных критериев были сформированы 10 квотных экспертных групп, в каждой из которых предполагалось опросить по 5 экспертов, с достижением общего суммарного показателя – 50 экспертов.

Квотные группы:

1. Директора и заместители директоров консалтинговых агентств, агентств стратегического развития, независимых институтов развития регионов, муниципальных образований и подобных консультативно-управленческих организаций.
2. Представители общественных организаций.
3. Директора и заместители директоров научно-исследовательских организаций.
4. Руководство вузов и других учебно-образовательных заведений.
5. Руководство промышленных организаций (крупные предприятия и заводы).
6. Представители бизнеса и строительной отрасли (директор, зам. директора).
7. Представители торговли (владельцы магазинов, салонов и т.п.).
8. Общественно-политические деятели (депутаты, политики).

9. Представители экологического сообщества (эксперты, руководители экологических направлений и организаций).

10. Представители и сотрудники региональных и местных администраций (заместители глав, руководители департаментов, начальники отделов).

Для оптимизации работы по созданию БД – подбора наиболее подходящих по заданным критериям экспертов, были приглашены региональные координаторы из специализированных служб и организаций, занимающихся организацией социологических исследований, в том числе и проведением экспертных опросов.

Среди них Центр социологических исследований и Высшая школа управления НИУ «БелГУ» (г. Белгород), Отдел социологических исследований БНУ РК «Институт комплексных исследований аридных территорий» (г. Элиста), ГБНУ «Институт социально-политических и правовых исследований Республики Башкортостан» (г. Уфа), Департамент по связям с общественностью «Мосинжпроект» (может быть другая организация) (Шатурский, Серпуховской и Ленинский район Московской области), кафедра общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского, Кафедра «Экономика и управление развитием территорий» Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Амосова, кафедра социологии и технологий государственного и муниципального управления ИГУП Уральского Федерального университета, кафедра социальной работы Смоленского государственного университета, кафедра социологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, региональное отделение ФОМ по Амурской области, лаборатория исследования социальных процессов и эффективности государственного управления Вологодского НЦ РАН, Дагестанский государственный университет.

Рекрутинг экспертов производился координаторами посредством личных связей с конкретными региональными персонами, а также путем организации поиска и установления связи через контакты из открытых источников (официальные сайты компаний и организаций, справочные телефонные книги). Процедура привлечения экспертов состояла из нескольких шагов отбора: 1-й шаг − предварительная связь по телефону и приглашение к участию; 2-й шаг − отправка официального письма на бланке региональной организации-координатора, с анонсом исследования и ссылкой на онлайн-опрос; 3-й шаг− повторная телефонная связь с экспертом для уточнения его реальной стадии включенности в опрос: фиксация участия, отсрочки в участии, отказ с последующей заменой эксперта. На середине процесса сбора данных для ускорения формирования БД и привлечения региональных экспертов в помощь координаторам были подключены «контролеры» из Московского штаба исследования, которые по согласованию с координаторами проводили поиск, обзвон и фиксацию степени включенности экспертов в заполнение онлайн-анкеты.

3. Разработка анкеты онлайн-опроса экспертов.

Электронная анкета ОЭО разрабатывалась на основе проекта рабочей анкеты [4], консолидированной по референтам с другими инструментариями (массовый опрос, анализ СМИ, анализ социальных сетей) сбора зондажной информации в рамках общего исследования. Опросный лист состоял из следующих смысловых структурных блоков:

1. Обращение исследовательской группы (анонс исследования: цели, задачи, ожидаемые результаты, мотивация экспертов).
2. Инструкция по заполнению онлайн анкеты.
3. Ознакомление с информационной карточкой конкретного региона, составленной на основании официальных данных Росстата и порталов региональных Правительств.
4. Несколько общих вопросов о положении дел в регионе.
5. Положение дел в городе (поселении), где вы живете.
6. Оценки системы управления в регионе.
7. Некоторые сведения о себе.

Web-архитектура экспертной анкеты была разработана при помощи специализированного онлайн-сервиса-конструктора разработки и сопровождения дистанционных исследований SURVEYMONKEY.NET, в котором главные исполнители исследования могли отслеживать в реальном времени процесс заполнения и поступления экспертных анкет в общую базу данных, принимать конкретные меры по контролю за привлечением необходимых экспертов определенных групп и регионов.

До запуска электронного анонса онлайн-опроса проведено пилотажное исследование, в котором приняли участие 10 человек из разных регионов (выборка «снежного кома» – респонденты были отобраны на основе личных контактов координаторов исследования), имеющих навыки работы в инфокоммуникационной среде Интернет и представление о сущности феномена управления.

Респонденты оценивали форму и содержание письма-обращения, определяли динамичность функционирования электронной анкеты: доступ и визуальное восприятие, интерфейс, содержание и структуру.

В результате дистанционного пилотного опроса были проведены корректирующие работы по оптимизации и рационализации дизайна, структуры, формы и информативности анкеты. Таким образом, процесс разработки и апробации web-анкеты состоял из конкретных технических и методико-инструментальных процедур, в ходе которых отрабатывались промежуточные версии электронной анкеты: макет онлайн экспертного опроса; модель данных, рассмотрение взаимосвязи между сущностями; подготовка удобных интерфейсов электронной анкеты с точки зрения эффективности заполнения и получения наиболее валидных данных.

4. Обоснование компетенции экспертной группы как верификация экспертных оценок.

В результате применения метода онлайн экспертного опроса в сочетании с мерами эффективного контроля по телефонной связи за формированием базы данных и степени включенности экспертов в процесс заполнения электронной анкеты собран валидный массив данных. Достигнут показатель не менее 50 экспертов из каждого региона (кроме Республики Дагестан, после проверки оставлено 30 анкет). В целом, была собрана и проработана база данных по 1198 экспертам.

Валидность полученных данных подтверждается профессионально-управленческими характеристиками компетентности 592 отобранных и опрошенных экспертов.

1. Управленческий опыт экспертов как подтверждающая характеристика включенности последних в управленческие процессы регионального управления, в частности:

– высокий уровень должностной ответственности: 74% – руководители высшего, среднего, низшего звена, 26% – специалисты-практики;

– практически половина экспертов имеет личный опыт руководства в органах управления предприятием, организации, фирмы – 49%, еще около 30% заявляют об опыте работы на руководящих постах в органах региональной власти и управления, 27% были заняты в качестве начальников отделов, цеха, бригады в производственной и непроизводственной сфере региона;

– 80% экспертов оценивают свой управленческий опыт как положительный.

2. Уровень образования подтверждает компетентность экспертов: 66% имеют высшее образование, 20% − кандидаты и 8% – доктора наук.

3. Большая часть экспертов – это представители образования (16%), науки (13%), аппарата управления регионом (13%), НКО (11%), промышленности (9%), остальная часть – представители непроизводственной сферы (38% – финансы, страхование, торговля, здравоохранение и др.). Это высокоресурсная (статусная) группа с компетентным мнением о проблемах управления в регионе о положении дел региона.

4. 95% экспертной аудитории – жители городов, районных и краевых центров, что характеризует аудиторию как урбанистически ориентированную и включенную в основные социокультурные процессы цивилизационного развития региона.

5. 63% – социально активная группа, занятая общественной работой (политической, конфессиональной, благотворительной и т.п.).

6. 93% экспертов черпают информацию по важным проблемам общественной жизни из Интернета, а 63% полагаются на личный опыт, личные наблюдения, что говорит об их высоком уровне информационной, личностной и профессиональной компетентности. Это подтверждается качеством и количеством ответов на открытые вопросы анкеты: диапазон ответов колеблется от 70 до 95% (практически на 90% вопросов открытых вопросов), что говорит и о высоком уровне заинтересованности экспертов в части вопросов жизнеобеспечения и управления регионом.

7. Практически 91% экспертов дали оценку деятельности губернатора в рамках его рейтинга, 84% оставили свои комментарии по поводу представленной оценки, что дает возможность говорить о небезразличности и понимании экспертами проблем разных уровней властно-управленческой вертикали.

8. 95% ежедневно, 4% несколько раз в неделю, 1% несколько раз в месяц используют Интернет, что снимает какие-либо вопросы о барьерах и понимании в работе с электронной анкетой экспертного опроса. Во всяком случае, возникли вопросы только в момент возникновения проблемы с безопасностью протокола *https* с *.com* в зоне Рунета. Проблема была устранена путем перевода анкеты на адрес с префиксом *hhtp* в зону *ru*

5. Методические особенности экспертного онлайн-опроса.

Апробационный этап экспертного опроса был реализован в рамках пилотажного исследования в 2015 году в 4-х регионах: Республика Башкортостан, Республика Калмыкия, Белгородская и Московская области, в итоге было собрано 207 анкет [1]. По факту завершения пилотажа был проведен ряд научно-методологических семинаров, на которых разбирались когнитивные карты изучаемой предметной области на основе субъективных экспертных оценок. В результате проведены содержательные изменения в рабочей анкете, скорректированы структура и смысловые блоки. Обновленная версия анкеты успешно прошла апробацию в 8 регионах, выбранных из ранее отобранных 12.

Отдельно необходимо сказать о некоторых методических особенностях, с которыми мы столкнулись в ходе организации и проведения исследования. Методические сложности возникли в ходе привлечения экспертов к участию в опросе, что повлияло на смещение состава в выделенных экспертных группах. Главная причина смещения связана с отраслевой спецификой регионов, а именно с малочисленностью определенных категорий экспертов в конкретных областях (см. табл. 1).

Таблица 1

Количество ответивших экспертов по квотным группам и регионам, %

Квотные группы	Экологические органаизаии	Строительные оранизации	Вузы	Политические партии	Торговые организации	Органы власти	НИИ	Консалтинг	Общественные организации	Промышлен. предприятия	Всего ответивших / (кол-во экспертов аб.ч.)
Башкирия	8	10	18	8	8	10	8	10	8	12	100 / (50)
Калмыкия	5,4	2	16,3	5,4	4	22	25,4	2	16,3	4	100 / (55)
Белгородская область	10	8	34	10	6	8	16	8	10	6	100 / (50)
Московская область	0	17,6	7	3,9	33,3	15,6	3,9	12	9,8	13,7	100 / (51)
Республика Дагестан	2	6	34	2	8	10	14	0	20	4	100 (50)

Республика Саха (Якутия)	0	4	16	6	14	16	22	2	14	6	100 / (50, ост.30)
Амурская область	0	0	22	0	14	16	4	0	42	2	100 / (50)
Вологодская область	0	1,9	22	0	5,5	11	25,9	5,6	44,4	7,4	100 / (54)
Нижегородская область	4	4	16	0	10	22	8	4	24	8	100 / (50)
Омская область	10	10	10	10	10	8	10	10	12	10	100 / (50)
Смоленская область	3,9	3,9	19,6	7,8	7,8	9,8	5,8	5,8	21,5	13,7	100 / (51)
Свердловская область	0	12	10	4	12	8	12	4	14	24	100 / (50)

Региональными исполнителями были зафиксированы и переданы исследовательской группе основные причины отказа экспертов участия в исследовании.

Главными из них являются высокая занятость экспертов, в большей степени высокопоставленных лиц – директоров, Глав администраций (особенно в Свердловской области). Второй причиной отказа стали слабо налаженные контакты с представителями некоторых квотных групп, не попадавших ранее в фокус внимания координаторов.

Ниже в таблице представлены основные группы отказников (см. табл. 2). Наибольшее количество отказов зафиксировано в Нижегородской области и Белгородской области – 42 и 51% отказавшихся. Среди труднодоступных оказались представители экологических, строительных, общественно-политических (политических партий) организаций. Такую высокую долю отказа координаторы объясняют в первую очередь труднодоступностью части потенциальных экспертов ввиду их высокого социального статуса и связанных с ним большой занятости и затруднительности прямого выхода на этих экспертов, а также отсутствия непосредственной мотивации к участию.

Среди прочих наиболее ярко проявилась тема «опасений» экспертов относительно обнародования их ответов. Многие госслужащие высказывали подозрение в шпионаже и не хотели, чтобы их анкеты «доходили до губернатора». В связи с этим можно предположить, что оценки представителей органов государственной и муниципальной власти могли оказаться излишне сдержанными и нейтральными.

В итоге было принято решение перераспределить квоты (добирались эксперты из сфер образования и торговли, из научно-исследовательских центров и т.д.).

В Амурской области было зафиксировано всего 4 отказа, в двух группах: 50% – представители бизнеса и 50% – общественно-политические деятели. В данном регионе подбор экспертов при помощи «личных связей» оказался наиболее эффективным, так как именно эти две группы оказались наиболее открытыми и лояльно настроенными. Главная причина заключалась в авторитетности координатора исследования, который сам является активистом и имеет широкий круг знакомств для поиска и замены новых экспертов. Этим и объясняется самый высокий процент ответивших (42%) среди общественников.

В Омской области (см. табл. 2) отказниками чаще всего становились политики (33,3%) и представители крупного бизнеса: консалтинг – 22,2% и промышленность – 22,2%. Основной причиной послужил сам метод онлайн-опроса, подобная форма не всегда подходит для экспертов вышеуказанных квотных групп, для них более приемлема личная встреча и заполнение бумажного варианта анкеты. Единственным эффективным способом привлечения стали личные контакты исследователей.

Так, отказов не зафиксировано только в Республике Калмыкия. Главная причина – авторитетность координатора исследования, который указал, что «…отказа просто быть не могло в силу длительного знакомства с экспертами». Однако в Калмыкии были 3 технические замены по причине нахождения экспертов в отпусках и командировках. Подобные отказы и замены ставят перед нами задачу по подготовке расширенного списка

экспертов на подготовительном этапе опроса, что по сути ускорит процесс сбора и увеличит валидность ожидаемых результатов.

Изучив отчеты региональных координаторов, можно выделить следующие причины отказов:

– нежелание раскрывать личные данные, отказ от упоминания в списке информантов, что оказалось характерным для всех регионов;

– отсутствие, либо малочисленность определенных категорий экспертов, как, например, в Шатурском, Серпуховском и Ленинском районах Московской области. Такими категориями являются «Представители экологического сообщества», «Директор и зам. директора научно-исследовательских организаций». В Шатурском районе отсутствуют филиалы высших учебных заведений;

– продолжительные согласования на предприятиях и в органах государственной власти (Республика Башкортостан), в магазинах, строительных организациях и агентствах – нежелание раскрывать личные контакты (Республика Калмыкия, Белгородская область);

Таблица 2

Количество отказов от участия по квотным группам и регионам, %

Квотные группы	Экологические организации	Строительные организации	Вузы	Политические партии	Торговые организации	Органы власти	НИИ	Консалтинг	Общественные организации	Промышл. предприятия	Всего отказов
Башкирия	8	10	18	8	8	10	8	10	8	12	100 (50 эксп.)
Калмыкия	5,4	2	16,3	5,4	4	22	225,4	2	16,3	4	100 (50 эксп.)
Белгородская область	10	8	34	10	6	8	116	8	10	6	100 (50 эксп.)
Московская область	0	17,6	7	3,9	33,3	15,6	33,9	12	9,8	13,7	100 (51 эксп.)
Республика Дагестан	11,4	17	8,5	8,5	5,7	14,2	220	5,7	14,2	2,8	100 (35 отказ.)
Республика Саха (Якутия)	12	8	8	4	16	8	112	8	12	12	100 (25 отказ.)
Амурская область	0	0	0	50	50	0	00	0	0	0	100 (4 отказ.)
Вологодская область	9,6	3,2	12,9	9,6	12,9	9,6	99,6	9,6	9,6	12,9	100 (31 отказ.)
Нижегородская область	11,9	11,9	4,7	14,2	7,1	4,7	99,5	2,4	21,4	11,9	100 (42 отказ)
Омская область	0	0	11,1	33,3	0	0	00	22,2	11,1	22,2	100 (9 отказ.)
Смоленская область	10	0	10	10	0	10	00	20	20	20	100 (10 отказ.)
Свердловская область	0	5	10	20	5	10	115	0	35	0	100 (20 отказ.)

– метод онлайн-опроса не всегда подходит представителям крупного бизнеса, для которых более приемлема личная встреча и заполнение бумажного варианты анкеты, что в итоге и было сделано в Московской области;

– некоторые из включенных в потенциальные списки экспертов не смогли принять участия в опросе по объективным причинам: длительные, в том числе зарубежные, командировки по роду своей деятельности, пребывание в отпусках (Республика Калмыкия, Белгородская область);

– невозможность прямого выхода на некоторых экспертов, имеющих высокий социальный статус, как например, в Вологодской и Свердловской областях;

– высокая степень занятости директоров и руководителей;

– нечеткие контактные данные экспертов, представленные в открытых источниках (телефоны, e-mail) (все регионы).

Часть из указанных сложностей были преодолены исследовательской группой за счет привлечения дополнительных профессиональных координаторов (Свердловская область, Амурская область), обладающих большой экспертной базой по своему региону.

Для устранения указанных недочетов и повышения валидности результатов велась постоянная связь между участниками исследовательского коллектива и региональными координаторами. Благодаря этому удалось значительно улучшить обратную связь с регионами, скорость фиксации участия экспертов, отсев и замену за счет расширенных контактов исследовательской группы и координаторов исследований.

Для оптимизиации процесса отбора экспертов был организован и выезд в регионы. В результате командировки в Белгородской области в помощь ЦСИ НИУ БЕЛГУ в проведении опроса была подключена Высшая школа управления БЕГЛУ, что дало ощутимый результат в плане установления контактов с экспертами-управленцами Белгородской области. Командировка в Башкирию позволила осуществить наиболее динамичный процесс коррекции квотных распределений за счет согласований и организации контактов с новыми экспертами.

В Московской области режим онлайн заполнения был дополнен традиционной формой работы с экспертными анкетами – «face-to-face», т.е. интервьюирование экспертов в реальном режиме сотрудником «Мосинжпроект».

5. Заключение

В общем исследовании сравнивались различные методы получения знания о проблемах организации управления в регионах, о характере и уровне развития систем управления для того, чтобы при помощи этих данных можно было наиболее полно и оперативно оценить уровень развития региональных систем управления в условиях общих и локальных проблем модернизационного развития подведомственных территорий, а также экспериментальных исследований социального влияния.

В этом контексте наиболее эффективным каналом получения недостающих данных, а также информации о состоянии и перспективах модернизационного (индустриального и информационного) развития регионов выступает именно канал онлайн-экспертизы, который, конечно же, необходимо еще совершенствовать путем уточнения критериев отбора экспертов, а также через механизмы учета и внедрения экспертных мнений в управленческие решения на различных уровнях функционирования властно-управленческой вертикали.

Исследовательский коллектив выражает готовность переходить к практическим действиям: к пилотным испытаниям новых методов сбора и обработки; к технологиям совершенствования структур управления в субъектах РФ, начинать совместное движение с экспертными структурами в сторону научно-обоснованного управления с учетом влияния социокультурных факторов и особенностей развития каждого в отдельности региона; к разработке технологий обратной связи и формированию социально активной субъектности (групп социального действия), а также к разработке новых социальных технологий управления, основанных на логико-познавательных исследовательских программах.

Список литературы

1. Богданов В.С., Гусейнова К.Э. Онлайн-экспертиза деятельности органов власти и управления в контексте проблем социокультурной модернизации регионов // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость. Материалы V Всероссийского социологического конгресса (Екатеринбург, 19–21 октября 2016 года). / Отв. ред. Мансуров В.А. М.: Российское общество социологов. 2016. С. 3101–3119.

2. Лапин Н.И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // Социологические исследования. 2011. № 9. С. 3–18.

3. Тихонов А.В., Богданов В.С., Гусейнова К.Э. Гражданская онлайн-экспертиза деятельности региональных систем управления в контексте процессов социокультурной модернизации регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. № 1. С. 101–123.

4. Проблемы реформирования властно-управленческой вертикали в контексте процессов социокультурной модернизации регионов // ИНАБ №1. 2016. [Тихонов А.В. и др.] / Отв. редактор Тихонов А.В. М.: Институт социологии РАН**.** 2016. С. 1–348.

И.В. Бурмыкина

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ОЦЕНКИ СОЦИАЛЬНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЦЕЛЕВЫХ ПРОГРАММ

Аннотация. *В статье обсуждаются перспективы использования социологического подхода к построению методологии оценки социальной эффективности государственных целевых программ. Предлагается апробированная технология оценки социальной эффективности государственных целевых программ.*

Ключевые слова: *социальная эффективность, оценка эффективности, целевые программы.*

I.V. Burmykina

METHODOLOGICAL AND TECHNOLOGICAL ISSUES ASSESSMENT SOCIAL EFFICIENCY OF THE STATE TARGET PROGRAMS

Abstract*. The article discusses the prospects for the use of a sociological approach to the construction of evaluation methodologies for social effectively-STI of the state target programs. Offers proven technology for assessing the social efficiency of state programs.*

Keywords: *social efficiency, efficiency assessment, price left the program.*

Аксиоматичен постулат необходимости использования научного знания в государственном управлении для повышения эффективности последнего, однако в действительности потенциал интеграции междисциплинарных областей науки и управленческой практики не всегда востребован. Это касается, в частности, разработки технологических вопросов оценки эффективности реализации государственных целевых программ.

На сегодняшний день программно-целевое управление развитием региональных социально-экономических систем является наиболее универсальной и практически единственной категорией в системе регионального целеполагания при реализации стратегических задач функционирования регионального социально-экономического комплекса. В настоящее время подавляющая часть расходов региональных бюджетов направляется на финансирование целевых программ субфедерального развития. Накоплен существенный опыт программно-целевого управления на всех уровнях.

Преимущество программно-целевого управления состоит в определении целей, разработке программ для оптимального достижения поставленных целей, выделении необходимых ресурсов для осуществления программ и формирования организаций, осуществляющих руководство их выполнением. Программно-целевой подход позволяет ориентировать расходы местных и региональных бюджетов на конкретный социально-экономический результат; сгладить существующую асимметрию в развитии отдельных территорий, перераспределяя ресурсы в зависимости от типов и категорий регионов по социально-экономическому состоянию; предполагает комплексность решения проблем территории, заложенных в программу за счет реализации экономических, социальных, экологических, научно-технических и иных мероприятий в рамках одной программы и, наконец, дает возможность долгосрочного планирования приоритетов развития страны, отдельных регионов и муниципальных образований [2]. Однако практика показывает, что далеко не все программы осуществляются в полном объеме и в установленные сроки.

Причины невыполнения заданий программ можно разделить на методические, связанные с недостаточно проработанными вопросами методологии программно-целевого подхода и организационно-кадровые, связанные с недостаточной квалификацией регионального менеджмента. Нас, в первую очередь, интересует первая группа проблем специфического характера, поскольку вторая носит универсальный характер. Среди методических проблем программно-целевого подхода наиболее существенными, на наш взгляд, являются следующие: несовершенство инструментария реализации комплексных программ; целевая разобщенность проблем территориального образования и реализуемых программ его развития; отсутствие эффективных методических подходов к установлению целевых параметров программы и невозможность вследствие этого расчета экономической и социальной эффективности программных мероприятий; недостаточная оперативность программно-целевого подхода.

Кроме того, существующие методики оценки эффективности реализации программ в большинстве своем содержат лишь общие принципы и рекомендации, обладая, на наш взгляд, рядом существенных недостатков. Во-первых, единственным измеримым критерием эффективности целевых программ является изменение непосредственных статистических показателей – объемов выполненных работ, оказанных услуг, поставленной продукции в натуральном или стоимостном выражении. Во-вторых, не учитывается влияние изменения этих показателей на основные индикаторы социально-экономического развития региона, то есть не выявляется количественный и качественный общественно значимый результат. В-третьих, упор, в основном, делается на экономическую или бюджетную эффективность программ, а не на социальную, в то время как большинство государственных целевых программ имеет социальный характер. То есть незначительные усилия по оценке результативности целевых программ ориентированы на сбор фактологической и количественной информации, позволяют судить лишь о затратно-валовых показателях и не анализируют качество и социальную значимость реализации целевых программ. Как следствие, итоговая результативность программ определяется суммой затраченных усилий, «освоенных» бюджетных средств, проведенных мероприятий, а не произведенным социальным эффектом, меняющим ситуацию с проблемными полями или выбранными целевыми группами к лучшему.

Таким образом, при оценке эффективности реализации государственных целевых программ возникает целый комплекс методологических и технологических вопросов, требующих решения.

Первый из методологических вопросов определяет корень проблемы – необходимость серьезной модернизации программно-целевого подхода в государственном, муниципальном управлении и внедрения социально-технологического подхода. Этому вопросу мы уже посвятили ряд статей, в которых проанализировали трудности и перспективы модернизации программно-целевого подхода и внедрения социально-технологического в государственном, муниципальном управлении и определили, что его решение – задача будущего.

Сегодня же незамедлительного решения требует вопрос оценки социальной эффективности реализации государственных целевых программ.

Как нами уже отмечалось, важнейшая составляющая эффективности реализации государственных программ – социальная – практически не включается в аргументированную количественную оценку, в большинстве научных работ признается практически неизмеримой. Участие социологов в оценке эффективности государственных программ до сих пор было незначительным, между тем именно социологический подход к проблеме выгодно отличается способностью проанализировать собственно социальный результат государственных программ для различных социальных групп заинтересованных сторон (стейхолдеров).

Мы попытались разрешить поставленный методологический вопрос на примере государственной целевой программы поддержки развития социально ориентированных некоммерческих организаций в Липецкой области, в частности, на примере оценки социальной эффективности реализации социальных проектов некоммерческих организаций (НКО), поддержанных субсидиями из федерального и регионального бюджетов в рамках этой государственной программы.

Разработанная нами социологическая концепция социальной эффективности государственных целевых программ реализации проектов НКО в своей основе имеет парадигму социологического конструктивизма, где объектом исследования является общественное сознание и поведение в условиях конкретной среды, органическая синтезирующая целостность человека и общества и деятельностно-активистский подход [3]. Такая методологическая стратегия исследования позволила выделить в структуре социальной эффективности государственных целевых программ реализации проектов НКО интенциональную составляющую и объективную, задаваемую социальной средой, и разделить понятия «социальный эффект» и «социальная эффективность».

На наш взгляд, **социальный эффект** государственных целевых программ реализации проектов НКО – это категория объективная, отражающая факт наличия устойчивого позитивного изменения в структуре общественной проблемы, удовлетворении общественной потребности, полученного в результате реализации проекта. Это существенные изменения в экономической, социальной, культурной, экологической, политической сферах, происходящие в результате конкретных действий в ходе государственных целевых программ проекта НКО, проявляющиеся в позитивном изменении моделей поведения, улучшении социальных процессов (например, социальной адаптации), формировании новых навыков (например, самостоятельного решения проблем) и т.д.

Однако факт этот крайне затруднительно эмпирически диагностировать. Трудности измерения кроются в специфике социального эффекта, который зачастую не поддается измерению; имеет как непосредственный, так и опосредованный характер, способен проявиться косвенно в последующие периоды в различных сферах общества; испытывает воздействие сразу нескольких факторов, разграничить влияние которых не представляется возможным; не всегда может быть выражен сопоставлением социального эффекта и затрат. Этим объясняется агностицизм ряда авторов, которые ставят под сомнение саму возможность измерить результаты государственных целевых программ деятельности НКО и научную правомерность такой постановки вопроса [1]. Решена эта методологическая трудность может, на наш взгляд, диагностикой отложенных результатов/изменений (так называемых *«outcomes»*). Там, где обнаруживается устойчивая причинно-следственная связь между действиями в рамках проекта НКО и отложенными результатами, можно говорить о наличии косвенных доказательств достижения социального эффекта (так называемого *«impact»*).

Социальная эффективность государственных целевых программ реализации проектов НКО – категория субъективно-оценочная, отражающая мнение заинтересованных сторон программы проекта о его социальной ценности, значимости его вклада в решение той

социальной проблемы и удовлетворении потребностей, развитие той целевой аудитории, для которой она была разработана и реализована.

Социальная эффективность государственных целевых программ реализации проектов НКО, на наш взгляд, имеет многомерное институциональное, организационное и субъективно-личностное измерение. Институциональное измерение позволяет проанализировать развитие НКО как социального института, его вклад в развитие социальной политики региона. Организационное – качество реализации субъектами государственной целевой программы НКО своей социальной функции. Субъективно-личностное измерение находит свое отражение в удовлетворении интересов и потребностей целевой группы программы проекта, повышении качества их жизни и формировании социального капитала.

Институциональные социальные эффекты могут быть как универсальными, возникающими при реализации в целом программы, так и специфическими, обусловленными, во-первых, определенными типами мероприятий в программе (предоставляющих социально-медицинские, социально-культурные, социально-бытовые и т.д. услуги, проводящих культурно-массовые и спортивные мероприятия), во-вторых, особенностями целевых групп программ (молодежь, люди с ограниченными возможностями здоровья, пожилые и т.д.) и, в-третьих, уровнем развития государственных целевых программ в регионе, уровнем его социально-экономического развития. Таким образом, при оценке институционального социального эффекта необходимо учитывать макросоциальные и региональные его проявления, имея в виду, что масштабы регионального социального эффекта определяются не только абсолютными, но и относительными показателями, которые характеризуют влияние социального проекта на развитие социальной политики региона.

Оценить институциональную социальную эффективность могут, в первую очередь, органы власти, разрабатывающие и осуществляющие реализацию государственных целевых программ в регионе. Кроме того, руководители НКО, хорошо знающие свою сферу деятельности, потребности целевой группы и проблемное поле жизнедеятельности целевой группы, на котором государство не присутствует напрямую или же его реакция будет запоздалой. И, отчасти, целевая группа проекта, выражающаяся в уровне доверия некоммерческим организациям.

Организационные социальные эффекты представлены на двух уровнях: организационно-управленческом, проявляющемся в развитии культуры управления социальными проектами, повышении квалификации специалистов, добровольцев проекта и социально-организационном, проявляющемся в качественном удовлетворении потребностей целевой аудитории проекта.

Оценить организационную социальную эффективность могут, в первую очередь, руководители проектов, а также органы власти, субсидирующие проект и курирующие ход его реализации, и участники мероприятий проекта, делающие вывод об удовлетворении потребностей и качестве организации предоставлении услуги, проведении мероприятий.

С понятием социального эффекта на уровне личности тесно связано экономическое понятие «потребительская ценность» некоммерческого продукта, под которым, исходя из классической трактовки, понимается оценочное суждение потребителя о его способности удовлетворять определенные потребности, соотнесенное с затратами (времени, физических сил, интеллектуальных усилий) на приобретение и потребление этого некоммерческого продукта. Социальную эффективность, имеющую личностное измерение, отражает мнение потребителей услуг, участников мероприятий социального проекта НКО о качестве предоставления услуги, степени удовлетворения потребности, соответствии ожиданиям, качестве обслуживания и проявляется в лояльности к организации. В данном случае оценить социальную эффективность могут только сами потребители.

С методологической точки зрения такое разграничение понятий «социальный эффект» и «социальная эффективность» реализации государственных целевых программ проектов НКО позволяет формулировать собственно социологический подход к пониманию этого

социального феномена и дает нам инструмент для операционализации и эмпирической верификации социальной эффективности реализации проектов НКО.

При анализе социального эффекта реализации проектов НКО, учитывая множественность заинтересованных сторон, считаем целесообразным остановиться на трех основных стейкхолдерах: целевой группе социального проекта НКО (благополучатели), самой СО НКО (грантополучателе) и организации, субсидирующей социальных проект НКО (грантодателе). Соответственно, социальная эффективность проекта СО НКО складывается из, как минимум, трех составляющих, каждая из которых включает совокупность эмпирических показателей: социальный эффект для благополучателей, социальный эффект для развития самой НКО и социальный эффект для развития региона.

Использование квалиметрического подхода позволило нам комплексно использовать статистический, экспертный и социологический методы исследования социальной эффективности. Квалиметрический подход к оцениванию социальной эффективности предполагает, что ее точное измерение затруднительно, но имеется некоторое количество показателей (критериев), ее характеризующих, а интегральная оценка рассчитывается по этим показателям с учетом мнений экспертов (например, коэффициентов весомости отдельных показателей). Критерии социальной эффективности включают универсальные и специфические, характеризующие общее и особенное, определяемое спецификой сферы деятельности НКО и особенностями ее целевой аудитории, а также приоритетами социальной политики региона.

Экспертные группы, организованные в соответствии с принципом триангуляции и репрезентирующие заинтересованные стороны: руководство и работники СО НКО, представители органов власти, курирующие это направление работы и потребители услуг, уточнили перечень и провели ранжирование выделенных универсальных и специфических критериев социальной эффективности реализации социальных проектов СО НКО по степени значимости. Затем с помощью усовершенствованного метода «факторного опроса» (factorial surveys), подробно описанного Р.Д. Германом и Р.Д. Хаймувиксом (R.D. Herman, R.D. Heimovics), была проведена оценка социальной эффективности реализации проектов СО НКО Липецкой области – получателей субсидий из федерального и регионального бюджетов. Полученные данные легли в основу построения аналитической модели социальной эффективности проектов НКО. Для этого мы воспользовались функцией экспоненциального приближения по методу наименьших квадратов, наилучшим образом аппроксимирующей полученные данные. Функции экспоненциальной кривой были построены для трех групп стейкхолдеров. Расчет коэффициента детерминации и стандартной ошибки в уравнениях экспоненциальной функции показал высокую точность отражения зависимости между критериями и уровнем социальной эффективности и достаточно низкую погрешность вычислений. Для анализа согласованности мнений экспертов был использован коэффициент конкордации.

Аналитическая модель оценки социальной эффективности реализации проектов СО НКО легла в основу оценки социальной эффективности реализации государственных целевых программ и разработки региональной технологии оценки социальной эффективности реализации проектов СО НКО.

В рамках региональной социальной технологии разработан укрупненный организационно-процедурный ее состав, включающий, во-первых, обоснование критериев социальной эффективности для, как минимум, трех основных групп заинтересованных сторон – целевой группы социального проекта НКО (благополучателей), самой СО НКО (грантополучателя) и органа власти, субсидирующей социальный проект НКО (грантодателя). Во-вторых, механизм социологической диагностики социальной эффективности реализации проектов с точки зрения указанных заинтересованных сторон с использованием комплекса социологических методов. В-третьих, механизм оценки социальной эффективности реализации проектов с использованием комплекса математико-

статистических методов. Определена конкретная последовательность действий, необходимая для реализации разработанной социальной технологии в условиях Липецкой области.

Полученные нами результаты применения социологического подхода к оценке эффективности государственной целевой программы поддержки развития социально ориентированных некоммерческих организаций в Липецкой области позволяют сделать вывод о возможности трансляции предложенной методологической и технологической модели для оценки социальной эффективности реализации государственных целевых программ в других сферах деятельности.

Список литературы

1. Борисова Е.И., Полищук Л.И. Анализ эффективности в некоммерческом секторе: проблемы и решения: Препринт WP10/2008/02. М.: ГУ ВШЭ, 2008. 32 с.

2. Райзберг Б.А., Лобко А.Г. Программно-целевое планирование и управление. М.: ИНФРА-М. 2002, 428 с.

3. Тощенко Ж.Т. Парадигмы, структура и уровни социологического анализа // Социологические исследования. 2007. № 9. С. 5–16.

Ю.М. Вассерман

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТАЦИИ

Аннотация. *На основе авторской методики измерения уровня модернизации культуры проверяется гипотеза о влиянии указанного уровня на политические ориентации. Исследование проводилось среди студентов г. Перми в период 1991–2017 гг. Эмпирические данные не опровергают выдвинутой гипотезы.*

Ключевые слова: *модернизация культуры, социокультурная динамика, уровень социокультурной модернизации, политические ориентации, культура студентов.*

Yu.M. Vasserman

SOCIO-CULTURAL MODERNIZATION AND POLITICAL ORIENTATION

Abstract. *Based on the author's methods of measuring the level of modernization of culture focuses on the impact of this level of political orientation. The study was conducted among students in Perm in the period 1991-2017. Empirical data do not refute hypothesis.*

Keywords: *the modernization of culture, socio-cultural dynamics, the level of socio-cultural modernization, political orientation, culture of students.*

Работа посвящена исследованию связи между показателем социокультурной модернизации и политических ориентаций. Исследование проводилось среди студентов Перми в период 1991–2017 гг. Социокультурная модернизация понимается как переход от культуры традиционной стадии развития общества к современной. Технологические изменения лежат в основе этого перехода.

Проведенное исследование базируется на понимании культуры следующей линии, проводимой от работ Лесли Уайта [14], Пола Боханана [7], Эшли Монтегю [8], и в узком смысле понимается как система не биологически наследуемых регуляторов человеческого поведения (ценностей, норм, установок и т.п.). То есть культура здесь понимается как система биологически не наследуемых регуляторов человеческого поведения (норм, ценностей, установок и т.п.) в самых разных сферах жизни (семья, труд, политика, обмен и т.п.). Одной из важнейших функций культуры является адаптация человеческого

поведения к окружающей среде, которая, постоянно изменяется в результате технологической и социальной модернизации [8]. Культура как система не биологически наследуемых регуляторов также изменяется, но медленнее (феномен инерции культуры) [12]. Изменения культуры в процессе модернизации общества и различия этих изменений в разных социальных группах можно назвать социокультурными последствиями модернизации. Изменение культуры в процессе модернизации традиционно изучается как зарубежной социологией (см., например, работы А. Инкелеса и Д. Смита [9], Р. Ингельхарта и К. Вельцеля [10], Ш. Шварца [13] и др.), так и российской (см., например, работы И. Дубова [4], Н. Лапина [2], Ю. Левады, В.С. Магуна и М.Г. Руднева [3], А. Рябова и Е. Курмангалиева, Н. Тихоновой [5] и др.).

Всего несколько поколений назад большинство населения России было сельским, и было вовлечено в натуральное хозяйство. Их культура соответствовала низкому уровню развития технологий. Процесс модернизации изменил эту ситуацию за несколько десятилетий, и многие люди не смогли адаптироваться к этим изменениям. Опыт многих людей пришел в противоречие с последствиями и вызовами модернизациями, такими как новое положение женщины в обществе, политическая демократия, рыночная экономика. Мы можем видеть культурную дифференциацию в непрерывной культурной модернизации. Можно обнаружить два полюса на этих непрерывных осях. Один из них − полюс принятия современной культуры, другой − полюс отвержения современной культуры. Оба полюса являются идеальными типами в понимании Макса Вебера. Шкала Ликерта использовалась в нашем исследовании для измерения культурной модернизации [1]. Шкала была валидизирована по 4-х пунктному индексу Р. Ингельхарта [11].

Социокультурные типы часто различаются в соответствии с условиями социализации, которые, в свою очередь меняются от поколения к поколению. Более модернизированный тип культуры приспосабливается к более модернизированному типу социального окружения. Новое поколение имеет возможность существовать в более модернизированной культуре, чем старое. В нашей работе мы попытались количественно оценить культурные изменения между поколениями и полярными социокультурными типами. Проделанное лонгэтюдное исследование в основном базировалось на опросе студентов пермских университетов с 1991 по 2017 гг. Все выборки превышали более 500 человек.

Шкала Ликерта была использована для определения уровня модернизации культуры респондентов. Было использовано пять групп утверждений для определения установок к феноменам, в норме связанных с современным и традиционным обществами: 1) группа утверждений о семейных отношениях, 2) группа утверждений, связанных со сферой экономики, 3) группа утверждений, измеряющих установки к социальному равенству, 4) группа утверждений, связанных с политическими проблемами, 5) группа утверждений, связанных с измерением уровня открытости (терпимости к другим культурам, инновациям и т.п.). Балл культурной модернизации респондентов был нормализован по формуле

Балл респондента / 60 – 1

60 – число утверждений шкалы Ликерта.

После этого преобразования ноль означал минимальный уровень модернизации культуры (культура чистого традиционного общества), а пять означает максимальный уровень модернизации культуры (культура чистого современного общества). В первом исследовании (1991–1992 г) данные были получены при опросе студентов, принадлежащих поколению 1971–1975 годов рождения, в последних исследованиях (2005-2017 гг.), данные были получены при опросе студентов, принадлежащих поколению 1986–2000 годов рождения.

Средний нормализованный балл уровня культурной модернизации был использован для сравнения поколений. Средний нормализованный балл уровня культурной модернизации в первом исследовании был равен 2,78, а средний нормализованный балл уровня культурной модернизации в последнем исследовании был равен 3,00. Различие балла уровня модернизации культуры между поколениями статистически значимо. Старшее поколение,

рожденное в начале семидесятых годов, имело более низкий уровень модернизации культуры (мы можем назвать их «последним советским поколением»). Младшее поколение, рожденное в период с конца 1980-х до 2000 года, имело более высокий уровень модернизации культуры (мы можем назвать их «первым постсоветским поколением»). Диаграмма Лексиса была использована для визуализации когортных различий уровня модернизации культуры (см. рис. 1).

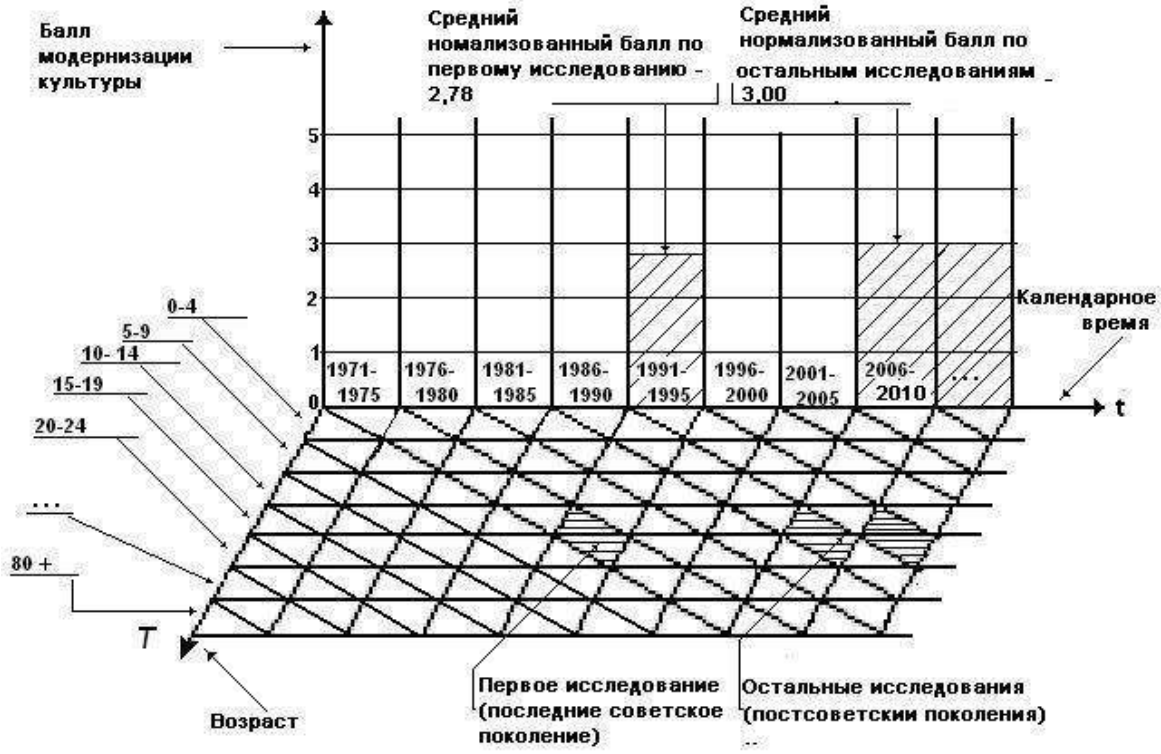

Рисунок 1. Когортные различия уровня культурной модернизации

Мы можем увидеть динамику модернизации культуры от последнего советского к первому постсоветскому поколению.

Две полярные группы по уровню модернизации культуры выявляются по результатам исследования в каждом поколении, это первая и десятая децильные группы (см. рис. 2). Первая децильная группа имеет минимальный балл по шкале модернизации культуры, и десятая децильная группа имеет максимальный балл по шкале модернизации культуры в выборке (опрос студентов 2005 г.).

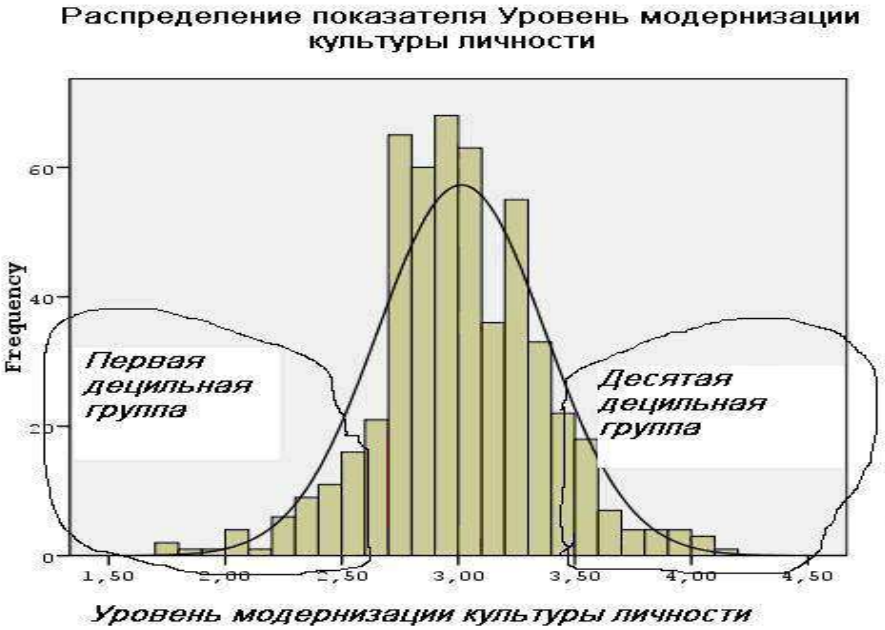

Рисунок 2. Распределение показателя «уровень модернизации культуры личности»

Более того, 4-х позиционный индекс Р. Ингельхарта был использован для проверки главной гипотезы о модернизации ценностей и их последствиях. «Этот индекс основан на первом и втором выборах респондента в четырех позициях Материалистической /Постматериалистической батареи ценностей. Если обе материалистических позиции получают высокий приоритет, балл равен 1, если обе постматериалистических позиции получают высокий приоритет, балл равен 3, если одна материалистическая позиция и одна постматериалистическая позиция получают высокий приоритет, балл равен 2. Если респондент не делает выборов или делает только один выбор – результат кодируется как отсутствующие данные. [11, с. 389] (см. рис. 3).

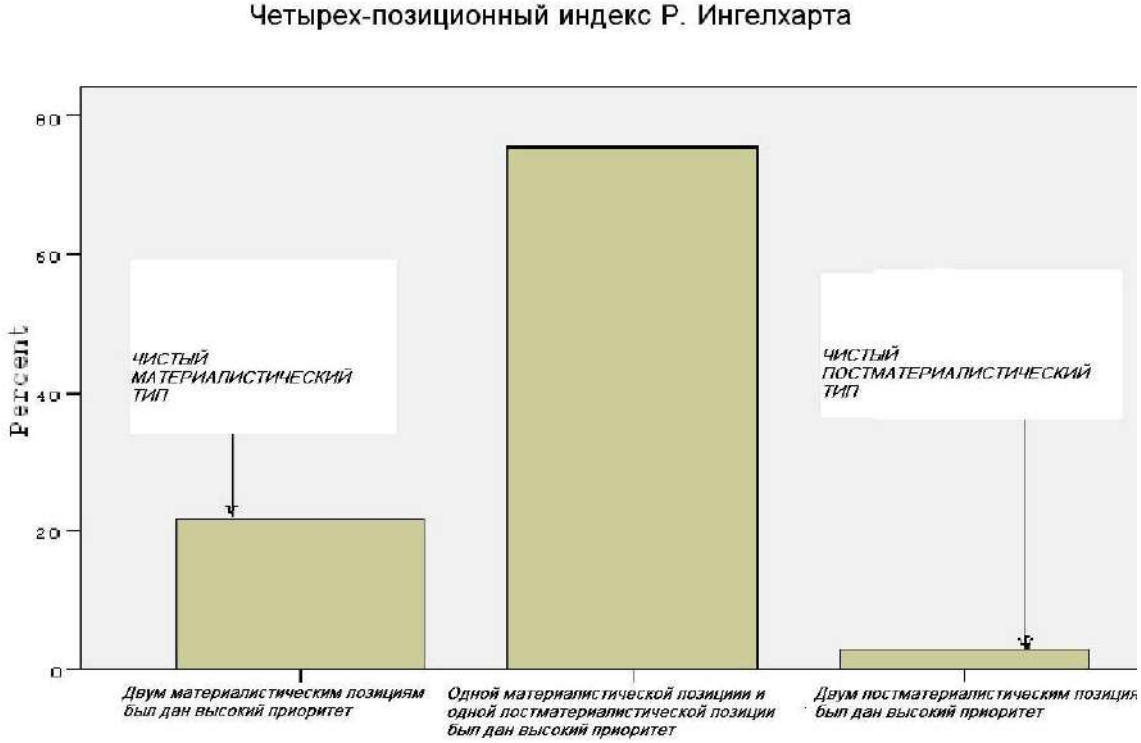

Рисунок 3. Четырехпозиционный индекс Р. Ингельхарта

Первая и третья группы Ингельхарта являются полярными (только чистые материалистические ценности или чистые постматериалистические ценности были выбраны в этих группах). Расширение постматериалистических ценностей (а также увеличения уровня модернизации культуры) является результатом общественного прогресса.

Две независимые методики позволили выделить полярные группы по уровню модернизации культуры.

Различия балла модернизации культуры между первой и десятой децильной группами, различия между чистой материалистической и чистой постматериалистической группами 4-х позиционного индекса Р. Ингельхарта сопровождаются различиями реальных практик респондентов из этих групп. Например, они обладают различными симпатиями к политическим партиям. При исследовании респондентских симпатий к политическим партиям была использована политическая субшкала (одна из пяти субшкал шкалы модернизации культуры). Первая и десятая децильные группы были выделены тем же методом, который был показан выше.

Мы спросили наших респондентов «Какая политическая партия вызывает у Вас наибольшую симпатию?» Были отобраны основные партии, имевшие своих представителей в российском парламенте в то время. Различия в симпатиях к политическим партиям между респондентами, принадлежащими к первой и десятой децильной группе (также как между респондентами, принадлежащими к группам, выбравшим чистые материалистические и чистые постматериалистические ценности) отражены в таблице 1 (исследование 2005 г).

Таблица 1

Сравнение различий симпатий к политическим партиям респондентов, принадлежащих к первой и десятой децильной группе и первой и третьей группе Р. Ингельхарта, %

Политические партии	**Полярные группы по политической субшкале шкалы модернизации культуры**		**Полярные группы по Р. Ингельхарту**	
	Первая децильная группа	Десятая децильная группа	Чистый материалисти-ческий тип	Чистый постматериалис-тический тип
Союз правых сил	5,6	35,7	9,9	38,7
Российская объединенная партия «Яблоко»	7,4	12,5	8,6	12,9
Единая Россия	24,1	10,7	16,0	11,3
Либерально-демократическая партия России	14,8	10,7	19,8	8,1
Коммунистическая партия Российской федерации	13,0	0,0	8,6	1,6

Данные таблицы 1 показывают, что увеличение балла модернизации культуры (так же, как и переход к постматериалистическим ценностям), связано с более либеральными предпочтениями респондентов. Две независимых методики, использованные в нашем исследовании, демонстрируют связь между уровнем культурной модернизации,

модернизацией ценности респондентов и их политическими предпочтениями. Таким образом, исследование продемонстрировало одно из последствий культурной модернизации.

Шкала культурной модернизации (см. рис. 2) использовалась в нашей работе как фактор реальных электоральных практик, когда мы спрашивали наших респондентов об их голосовании в 1991 г на первых российских президентских выборах (наше первое исследование, опрос 1991 г., см. табл. 2) и в 2012 г. на последних российских президентских выборах. (опрос 2012 и 2014 гг., см. табл. 3).

Таблица 2

Различия в форме голосования на первых российских президентских выборах (1991) между респондентами первой и десятой децильных групп, %

Участие	Первая децильная группа	Десятая децильная группа
Не участвовали в голосовании	14,3	16,7
Голосовали не за Ельцина	46,9	27,1
Голосовали за Ельцина	38,8	56,3
Всего	100	100

Данные таблицы 2 демонстрируют, что люди, принадлежащие к полярным группам по модернизации политической культуры, голосуют различным образом. Борис Ельцин был лидирующим кандидатом только в десятой децильной группе.

Таблица 3

Различия в форме голосования на последних российских президентских выборах (2012) между респондентами первой и десятой децильных групп в двух последних опросах, %

Участие	Опрос 2012 г.		Опрос 2014 г.	
	Первая децильная группа	Десятая децильная группа	Первая децильная группа	Десятая децильная группа
Не участвовали в голосовании	25,5	21,7	52.8	52.4
Голосовали за других кандидатов	25,5	13,0	20,3	11,1
Голосовали за В. Путина	25,5	15,2	20.8	9.5
Голосовали за М. Прохорова	23,4	50,0	5.7	27.0
Всего	100	100	100	100

Данные таблицы 3 показывают, что люди, принадлежащие к полярным с точки зрения модернизации политико-культурным группам, вновь (21 год спустя) голосуют по-разному: В. Путин был лидирующим кандидатом только в первой децильной группе, а в десятой децильной группе лидирующим кандидатом был М. Прохоров. (данные опросов 2012 и 2014 гг).

В исследовании 2017 г. для выявления актуальных политических ориентаций была использована степень согласия с фразой: «Алексея Навального могут поддерживать только враги России», степень согласия измерялась по шкале из 6 пунктов (от -3 − «совершенно не согласен» до 3 − «совершенно согласен»). Статистически значимые различия обнаружены между полярными группами, квартиль, обладающий наиболее высокими показателями социокультурной модернизации, демонстрирует более высокую степень несогласия с данной фразой (средняя по квартилю: -1,90), чем квартиль, обладающий минимальным уровнем модернизации (средняя по квартилю: -0,54).

Полученные результаты не опровергают гипотезы о связи социокультурной модернизации и политических ориентаций. Имеется связь между уровнем социокультурной

модернизации, модернизацией ценностей и установок, электоральных практик и предпочтений респондентов. Уровень модернизации культуры показывает его слабый рост от поколения к поколению, это позволяет ожидать некоторые изменения в политических ориентациях. Данная тенденция проявилось в частности, на наш взгляд, в пролиберальной активности молодежи 26 марта и 12 июня 2017 г.

Список литературы

1. Вассерман Ю.М. Анализ социокультурных последствий модернизации российского общества (некоторые результаты пилотажного исследования) // Ученые записки гуманитарного факультета. Вып. 7. Пермь: ПГТУ. 2004. С. 225–239.

2. Лапин Н.И. Модернизация базовых ценностей россиян // Социологические исследования. 1996. №5. С. 3–23.

3. Магун В., Руднев М. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2008. № 1(93). С .33–58.

4. Ментальность россиян (Специфика сознания больших групп населения России) / Под ред. И.Г. Дубова. М.: Имидж – Контакт, 1997. 478 с.

5. Тихонова Н.Е. Социокультурная модернизация в России (Опыт эмпирического анализа) // Общественные науки и современность. 2008. № 2. С. 5–23.

6. Тихонова Н.Е. Социокультурная модернизация в России (Опыт эмпирического анализа) // Общественные науки и современность. 2008. №3. С. 5–20.

7. Bohannan P. Rethinking Culture. Current Anthropology. A world journal of the sciences of man. Oct. 1974. Vol. 14. № 4.

8. Culture: Man's Adaptive Dimension / Ed. By Ashley Montague. N.Y. 1968.

9. Inkeles A., Smith D. Becoming modern, Individual. Change in Six Developing Countries. Cambridge: Harvard University Press. 1975. 437 p.

10. Inglehart R., Welzel C. Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence. Cambridge University Press. 2005. 333 p.

11. Ingelhart R., Modernization and Postmodernization. Princeton University Press. 1997. 454 p.

12. Ogburn W. On culture and social change. Chicago: Phoenix Books. University of Chicago Press. 1964. 347 p.

13. Schwartz S.H. Are there universal aspects the structure and contents of Human values // Journal of Social Issues. Vol. 50. Issue 4. 1995. P. 19–45.

14. White L.A. The science of culture: A study of man and civilization N.Y., 1949. 444 p.

Ю.Ю. Гафарова

ПАРАДИГМА МНОЖЕСТВЕННЫХ МОДЕРНОВ КАК ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. *Статья посвящена проблематизации исследований процессов регионального развития в парадигме множественных модернов. Компаративный анализ регионов в данной парадигме предполагает сравнение локусов как конструируемых гибридизированных образований.*

Ключевые слова: *модернизация, множественные модерны, регион, глобальная регионализация, гибридизация.*

Yu.Yu. Gafarova

THE MULTIPLE MODERNITIES PARADIGM AS A THEORETICAL AND METHODOLOGICAL BASIS OF REGIONAL DEVELOPMENT STUDY

Abstract. *The article is devoted to the problematization of studies of regional development processes in the paradigm of multiple modernities. The comparative analysis of regions is a comparison of constructed hybridized formations.*

Keywords: *modernization, multiple modernities, region, global regionalization, hybridization.*

Необходимость специального изучения глобальной регионализации, взаимодействия и противостояния регионов современного мира в экономической и политической сферах обусловлена тем, что трансформация современной мировой системы вступает в качественно новую фазу. Расширение и усложнение взаимосвязей и взаимозависимостей государств, выражающееся в процессах формирования мирового рынка труда, товаров и капитала, создание единого информационного пространства, «уплотняющего» мир и превращающего его в «глобальную деревню» (*global village*), требует новой артикуляции отношений глобального и локального. Процесс глобализации размывает национальные границы и интегрирует сообщества в новые этнические комбинации – региональные (супранациональные) и субнациональные, что задает новую перспективу и предполагает отказ от так называемого «методологического национализма».

В качестве операциональной единицы исследовании экономических и политических процессов современного мира все чаще выступает глобальный регион, который рассматривается как транснациональный политико-экономический ареал, репрезентирующий общую для группы народов и государств историю и систему культурных измерений. Происходит настолько активное выделение глобальных регионов, что некоторые исследователи говорят о современном мире как о своего рода «региональной фабрике» [4, с. 1]. Для многих национальных государств определение регионального вектора является ответом на вопрос о перспективе социоэкономических изменений, социальных реформ и культурной динамики [5].

Понятия «регион» и «глобальный регион» не могут быть определены с помощью однозначного набора характеристик. Содержание понятий зависит от теоретической установки исследователя и идеологического контекста его подхода. Делимитация регионов современного мира также условна, поскольку определяется не столько объективными характеристиками территории, сколько «сеткой категорий», набрасываемой теоретиком. Исследования глобальных социокультурных процессов современного мира, снявших рамки «отдельности» культурных традиций, требуют новой «разметки» трансрегионального пространства и внимания к процедурным и методологическим подходам к его изучению.

Существующие теоретические фреймы сопоставительного изучения регионов могут быть сведены к трем основным вариантам: сравнительные исследования цивилизаций, мир-системные теории, теории множественных модернов.

Представители первого направления (Беньямин Нельсон, Витаутас Каволис, Сэмюэль Хантингтон и др.), опираясь на традиции европейской философии XVIII в., абсолютизируют идею культурного основания цивилизационного многообразия. По Хантингтону, в условиях процесса глобализации культурное разнообразие не только сохраняется, но и усиливается. Цивилизации продолжают сохранять свою «жизненную силу», ибо именно культура как нормативно-ценностное единство служит основой для «самовыражения масс» в ситуации цивилизационного взаимодействия [2].

Мир-системные теории, отвергающие культурологически-эссенциалистскую интерпретацию понятия «цивилизация» Нельсона, Каволиса и Хантингтона, «картографируют» современный мир как единое капиталистическое макроэкономическое

пространство, сводя все различия регионов к экономическим и политическим. На основе анализа торгово-экономических и военно-политических сетей глобальные регионы мира рассматриваются ими как центр, полупериферия и периферия [6].

Концепции сторонников идеи множественности модерных проектов представляют собой попытку избежать крайностей как первого, так и второго из вышеописанных подходов. С одной стороны, они рассматривают модерн, модерность (*modernity*) как набор экономических, политических и социальных характеристик особого типа, сложившихся в рамках европейской традиции в Новое Время, с другой – указывают на историческое отделение данной модели социального развития от собственных истоков и ее синтез с культурными программами неевропейских регионов.

Одним из первых подобный подход к модернизации обосновывает представитель третьего поколения Франкфуртской школы социальных исследований Юрген Хабермас в монографии 1985 г. «Философский дискурс о модерне». Хабермас описывает модерн как набор структур и институций, относящийся к целому комплексу «кумулятивных и взаимно усиливающих процессов» новоевропейского развития [1, с. 5], который, однако, может быть заимствован и адаптирован неевропейскими регионами без принятия всего комплекса западной культуры.

Идея глобализации как расширения модерна находит свое выражение в концепции «второго модерна» немецкого социального теоретика Ульриха Бека. По Беку, успешная модернизация мира ведет к тому, что модерные формы жизни и производства покрывают весь земной шар: расширяясь, модерн везде «встречается» сам с собой. Наличная ситуация характеризуется столкновением африканского, азиатского, южноамериканского и североамериканского опытов модернизации и проектов модерна как вариантов альтернативных модерностей [3].

В рамках теорий множественных модернов Йорана Терборна, Шмуэля Эйзенштадта, Ибрагима Кайа, Питера Вагнера компаративный анализ регионов предполагает различение вестернизации и модернизации, указание на относительно самостоятельные процессы модернизации в неевропейских регионах мира и сравнение ряда уникальных локусов как вариантов «множественных модернов», в которых специфические «модерные» экономические и социально-политические установки выборочно сочетаются с исходной картиной мира, этносом, нормативными системами, идеалами и стереотипами, превращая каждый регион в своего рода гетерогенный феномен, конструируемое гибридизированное образование.

Глобальные регионы как частично перекрывающиеся пространства множественных модернов – эндогенных, периферийных, реактивных, подчиненных, колониальных – предстают в следующей схеме картографирования: (1) – регион Западной Европы как зона эндогенного модерна; (2) – регионы миграции предмодерна – Северная Америка и Австралия; (3) – регионы Северной и Центральной Европы как зоны периферийной модернизации; (4) – регионы Восточной Европы и Латинской Америки как зоны смешения периферийной и реактивной модернизаций; (5) – исламский мир, синический культурный круг, зона Индии как зоны подчиненной модернизации, (6) – Юго-Восточная Азия и Тропическая Африка как зоны колониальной модернизации [7].

Неравноценность, «неравность» друг другу самих регионов связана с тем, что механизмы их «оформления» настолько различны, что каждый отдельный случай требует детального анализа конкретных исторических причин возникновения региональной общности, выявления факторов ее динамики, центростремительных и центробежных сил, изучения специфики и взаимопереплетения элементов сложившейся или складывающейся экономико-политической модели развития.

Подвижность регионального деления и конструируемость регионов в современном быстро меняющемся мире обусловливает продуктивность применения для их исследования теоретических концепций «множественных модернов». В условиях современной экономической, политической и культурной трансформации мира изучение процесса

развития глобальных регионов имеет не только теоретическую ценность. При продолжающемся процессе модернизации значима субъективная инициатива отдельных акторов. Дискуссии об идентичности, происходящие в большинстве «незападных» регионов на протяжении двух последних столетий, – лучшее тому подтверждение. Различные типы региональных идентичностей оказывают влияние на отношение к территориальным границам, определяют конкретные политические действия и экономическую политику.

Таким образом, представления о членении пространства, воплощаясь в конкретные действия, во многом определяют сам процесс регионализации. Парадигма множественных модернов, представляющая собой попытку избежать крайностей цивилизационного и мир-системного подходов, отказаться как от «культурного эссенциализма», так и от экономического редукционизма, дает возможность рассмотреть каждый регион как развивающееся современное явление с уникальными характеристиками.

Список литературы

1. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас. М.: Весь Мир, 2003. 416 с.

2. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка / С. Хантингтон. М.: АСТ, 2003. 603 с.

3. Beck U. Varieties of Second Modernity: Extra-European and European Experiences and Perspectives // 2010. British Journal of Sociology. Vol 61. Issue 3. P. 406–638.

4. Beyond Japan: The Dynamics of East Asian Regionalism / Ed. by P.J. Katzenstein, T. Shiraishi. Cornell University Press, 2006. 344 p.

5. Charlton S.E.M. Comparing Asian Politics: India, China, and Japan / S. E. M. Charlton. Westview Press, 2014. 400 p.

6. Chase-Dunn Ch.K. Global Formation: Structures of the World Economy. / Ch.K. Chase-Dunn. London. Oxford and New York: Basil Blackwell, 1991. 452 p.

7. Social Theory and Regional Studies in the Global Age / Ed. by S.A. Arjomand. SUNY Press, 2014. 498 p.

Г.В Градосельская, И.А Карпов, Т.Е Щеглова

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ УСТАНОВОК НАСЕЛЕНИЯ ПО ОТНОШЕНИЮ К ОРГАНАМ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. *Исследование посвящено сбору и обработке информации в социальных сетях о текущих проблемах региона и о взаимодействии с управленческими структурами. Разработана методика, позволяющая категоризовать неструктурированную информацию и сочетать ее с данными стандартного социологического опроса.*

Ключевые слова*: сетевой анализ, региональные сети, on-line социальные сети.*

G.V. Gradoselskaya, I.A. Karpov, T.E. Scheglova

INFORMATION SPACE OF SOCIAL NETWORKS AS REFLECTION OF SOCIAL INSTALLATIONS OF THE POPULATION ON THE RELATION TO BODIES OF AUTHORITY AND MANAGEMENT

Abstract. *The research is devoted to data collection and processing on social networks about the current problems of the region and about interaction with administrative structures. Developed technique allowing to categorization unstructured information and to combine it with data of standard sociological poll.*

Keywords: *network analysis, regional networks, on-line social networks.*

1. Постановка проблемы исследования социальных сетей

Особенностью информационных данных в Интернете является их неструктурированный характер и большой объем. Специфика первичного материала, полученного из социальных сетей такова, что одни и те же данные можно обработать и количественными, и качественными методами сбора и анализа данных.

Вместе с тем возникает и методологический вызов – как обработать большой массив неструктурированной (или слабоструктурированной) информации и сделать возможным принятие управленческих решений на ее основе? В подобных случаях может помочь междисциплинарный подход и комплексное видение информационного пространства региона, с одной стороны, как пересечение дискурсивных пространств индивидов, а с другой − как поле, где реализуются информационные стратегии множества акторов (СМИ, организаций, профессиональных медиа-деятелей).

Исследование посвящено сбору и обработке информации в социальных сетях о текущих проблемах региона и о взаимодействии с управленческими структурами. Полученные результаты демонстрируют значительное приращение знания и развитие программной, технологической и аналитической поддержки при получении данных о регионах из Интернета.

Само исследование и разработка методологии были разбиты на два этапа: первым этапом был пилотаж с привлечением экспертного кодирования, после чего было разработано специальное программное приложение, которое позволяет в автоматическом режиме скачивать данные о регионах и автоматически относить их к одной или нескольким содержательным категориям. В результате автоматического кодирования у нас не осталось нераспознанных сообщений.

В содержательном плане методология исследования Интернета поддерживает социологические теоретические разработки: классификацию российских регионов по степени инновационного развития, а также категоризацию характеристик социально-экономических условий в регионе (28 категорий).

Особое внимание в данной главе уделяется методологическим особенностям интернет-исследований, связанных с включением в традиционные количественные исследования. Причиной таких методологических и методических сложностей является особая, «качественная», неструктурированная природа интернет-данных и их большой объем, ограничивающий традиционные социологические методы обработки данных.

Также хотелось бы отметить **основной содержательный и методологический вывод,** полученный нами на этапе пилотирования:

Сообщения в Интернете следует рассматривать скорее как быструю, «реактивную» составляющую восприятия населением ситуации в регионе, в то время как социологические опросы выявляют более устойчивые оценки и социальное самочувствие населения. Соответственно, «реактивная» часть восприятия является менее стабильной во времени, «устойчивая» часть восприятия является более стабильной.

Для межрегионального сравнения были выбраны следующие регионы, в соответствии со структурой инновационного развития (по классификации Н.И. Лапина):

- Вологда как отстающий регион;
- Смоленск как регион «ниже среднего уровня» инновационного развития;
- Якутия как средний по уровню инновационного развития регион;
- Нижний Новгород как продвинутый инновационный регион.

Далее необходимо остановиться на классификации сообщений по социально-экономическим показателям. Практика предыдущего исследования показывает, что у данных из социальных сетей «хвост» распределения гораздо длиннее: в обозначенные 28 показателей попадает около 70% всех ответов, а остальные 30% отражают ту самую

«ситуативную реакцию» населения на текущие социальные раздражители. Соответственно, на этапе пилотажа были разработаны дополнительные 22 категории, которые закрывали эту весьма значительную область нераспознаваемых сообщений, ранее относимых к категории «другое». Следует обратить внимание, что Интернет – быстро изменяющаяся информационная среда, поэтому через некоторое время необходимо будет проводить адаптацию этой дополнительной кодировки. Современные программные решения могут решить эту задачу в автоматическом режиме, например, при помощи нейросетевого моделирования и обучаемых классификационных модулей. Но это тема отдельного исследования и специальной статьи.

2. Методологические проблемы исследования

Природа социологических данных из Интернета.

Особенностью информационных данных в Интернете является их неструктурированный характер и большой объем. Помимо этих характеристик, значительную роль в отличии результатов интернет-выгрузок от социологических опросов играет разница сценариев участия респондентов в «производстве информации».

Адаптация переменных.

Сравнение данных из разных источников.

Пертинентность[18] текстов.

Структура выборки.

О проблеме сетевой выборки уже упоминалось выше. Неоднородность потока сообщений является следствием многоступенчатости структуры выборки и разнородности акторов, участвующих в их распространении.

Ключевые слова и структура запросов.

Наряду с кодированием сообщений по общей шкале проекта, был проведен анализ ключевых речевых маркеров и проведена адаптация запросов по регионам и для каждой категории шкалы.

Ретроспективное скачивание.

Данная проблема находится на стыке методологических и технических вопросов, которые необходимо решить в ходе исследования. Как уже упоминалось выше, не вся публикуемая информация остается в социальных сетях в неизменном виде на длительный период времени. Причина – нестабильность акторов, публикующих информацию, специально создаваемые информационные процессы (информационные волны) и т.п., следовательно, ретроспективное скачивание может привести к потере полноты информации.

Ниже приведены результаты очищенных выгрузок по результатам 2016 и 2017 годов в таблицах 1 и 2 соответственно. Необходимо обратить внимание, на то, что ретроспективная выгрузка годовой давности оказалась в 3 раза меньшей, чем выгрузка за текущий 2017 год.

Таблица 1

Общий размер выгрузок и объема кодирования сообщений по регионам за 2016 г.

Размер выгрузок	**Регион**			
	Вологда	Смоленск	Якутия	Нижний Новгород
Сумма по категориям	6061	11711	3293	3129
Всего сообщений	4332	8510	2172	2411

[18] Пертинентный − профессиональный жаргонизм лингвистов, означает «текст, удовлетворяющий целям и задачам исследования». Не все тексты, отобранные по ключевым словам, могут быть отнесены к пертинентным по их содержательным характеристикам.

Таблица 2

Общий размер выгрузок и объема кодирования сообщений по регионам за 2017 г.

Размер выгрузок	Регион			
	Вологда	Смоленск	Якутия	Нижний Новгород
Сумма по категориям	18928	14548	7407	16009
Всего сообщений	13363	10627	5428	12029

3. Результаты сбора и кодирования – данные из социальных сетей по годам

Обратим внимание, что в результате разработки блока автоматического кодирования все сообщения оказались разнесены по категориям, нераспознанных сообщений не осталось ни в 2016, ни в 2017 году.

Дополнительные кодировки составляли от четверти до трети всей выборки сообщений. Таким образом, кодировка, разработанная ИС РАН, покрывала две трети выборки, т.е. оказалась довольно эффективной.

Ниже в таблицах 3 и 4 показано соотношение стандартных и дополнительных кодировок.

Дополнительные кодировки составляли от четверти до трети всей выборки. Таким образом, можно сделать вывод, что **кодировка, предварительно разработанная ИС РАН, покрывала в среднем три четверти выборки, т.е. оказалась эффективной и подтвердилась автоматизированными средствами сбора и анализа текстов.**

Таблица 3

Распределение сообщений между стандартными и дополнительными кодировками, первое полугодие 2016 г., %

Кодировки	Вологда	Смоленск	Якутия	Нижний Новгород
Стандартные ИСРАН	76,9	73,2	71,5	67,8
Дополнительные кодировки	23,1	26,8	28,5	32,2

Таблица 4

Распределение сообщений между стандартными и дополнительными кодировками, первое полугодие 2017 г., %

Кодировки	Вологда	Смоленск	Якутия	Нижний Новгород
Стандартные ИСРАН	74,8	74,2	74,8	76,1
Дополнительные кодировки	25,2	25,8	25,2	23,9

Содержательные результаты 2016 года

Результаты сбора и кодирования сообщений по регионам за 2016 год показывают, что порядок проблем для всех регионов практически одинаков, но разница в оценках между регионами может быть весьма существенной.

Общими для регионов проблемами являются:

- возможность найти работу (особенно актуальны для Якутии и Нижнего Новгорода);
- работа дошкольных учреждений (особенно актуальны для Вологды);
- коррупция в органах власти (особенно актуальны для Смоленска, Якутии);
- охрана памятников культуры, истории (особенно актуальны для Вологды);
- работа общественного транспорта (особенно актуальны для Якутии).

Также актуальна тема обсуждения проблем с приезжими, мигрантами:

- отношение к приезжим (мигрантам) – активно обсуждаются в регионах Вологды и Смоленска.

Из дополнительных кодировок особой популярностью пользуется мужская тематика обсуждения – спорт:

- спорт (особенно актуальны для Нижнего Новгорода).

Содержательные результаты 2017 года

Результаты сбора и кодирования за 2017 год показывают динамику в приоритетных проблемах по регионам:

- Возможность найти работу – проблема выросла для Смоленска на 5%, а для Якутии снизилась. В Нижнем Новгороде цифры остались неизменными.
- Обсуждение тематики работы дошкольных учреждений в Нижнем Новгороде выросло на 6% (!).
- Проблема коррупции в органах власти в Якутии выросла на 10% (!). Это согласуется с результатами качественного анализа, проведенного в главе 3. Можно повторить выводы семантического-сетевого анализа: власти республики упустили инициативу в информационном пространстве, из-за чего оппозиционные средства стали доминировать и агитировать к протестной активности.
- Также в Якутии резко выросло обсуждение чрезвычайных происшествий – с 1,9% в 2016 году до 6% в 2017 году – более чем в 3 раза! Это также согласуется с результатами качественного анализа, приведенными ниже.

4. Сравнение результатов интернет-кодирования и социологического опроса

Как упоминалось выше, совмещение и сравнение данных из разных источников может представлять методологическую проблему. В качестве решения можно предложить переход от процентов к рангам, что и было сделано для каждого региона по выборке 2016 года.

Чем меньше ранг, тем более высокий статус значимости для населения он занимает. Если разница между рангами составляет ±2, то ранги считаются имеющими примерно одинаковый статус проблематичности для населения. Рассматриваются только темы, заданные в стандартной шкале соцопроса и включающей 28 пунктов. Поскольку значительная часть сообщений из соцсетей попадает в категории вне стандартной шкалы, то часть категорий стандартной шкалы может вообще отсутствовать по данным соцсетей.

Поскольку в данном документе не представляется возможным отразить результаты по всем изученным регионам, приведем пример по одному региону – Вологде.

В Вологде примерно совпадают ранги проблем «второго порядка»: коррупция в органах власти занимает второе место по социальным сетям и третье место по соцопросу. Примерно также обстоят дела с возможностью найти работу – эта проблема занимает ранг 4 по соцсетям и 6-й ранг по соцопросу. Качество государственных услуг по обоим спискам находятся примерно в середине шкалы, и занимают 12-е место по соцсетям и 11-е по соцопросу.

А вот лидирующие проблемы по обоим источникам занимают диаметрально противоположные концы шкалы. Так, первый ранг по соцсетям – работа дошкольных учреждений, занимает 24-е место в результатах соцопроса. Проблема номер один по соцопросу – состояние дорог – вообще отсутствует в наблюдаемых сообщениях по социальным сетям.

По социальным сетям высокую включенность населения (ранг 3) получает категория «охрана памятников культуры и истории». По соцопросу эта проблема занимает 20 место.

На пятом месте находится проблема, связанная с мигрантами (5-й ранг по соцсетям). По соцопросу эта проблема занимает 17-е место.

5. Построение семантических сетей регионального уровня

Исследование информационных образов по большим массивам текстов, опубликованных в СМИ, представляет значительный методологический и содержательный интерес. Содержательный интерес обусловлен серьезными социально-политическими

последствиями для страны или политической фигуры, которые оказываются в фокусе информационных манипуляций. Моделирование обобщенной сети концептов (которые и являются основой информационной кампании) количественными методами на большом массиве текстов представляет значительную математическую и методологическую сложность. В главе показан пример сетевого анализа информационного освещения деятельности властей и оппозиции в период митинговой активности 2017 года (волны региональных митингов, спровоцированных Навальным).

Ключевой моделью, позволяющей интерпретировать обобщенный образ события в регионе стала семантическая сеть, обобщающая публикации подвыборки по данному кейсу.

Ниже на рисунках показаны результаты построения семантической сети на примере публикаций о митингах 2017 г. в регионах Вологды и Якутии. Исходные тексты для анализа приведены в Приложении 1. Расчет параметров семантической сети проведен в программе Automap, визуализация сети проведена в программе ORA.

Показательными являются противоположные представления в информационном пространстве сходных событий по митинговой активности 2017 года в регионах Вологда и Якутия. По-разному позиционируются и представители власти, и оппозиционеры, соответственно, можно реструктурировать разные стратегии поведения властей.

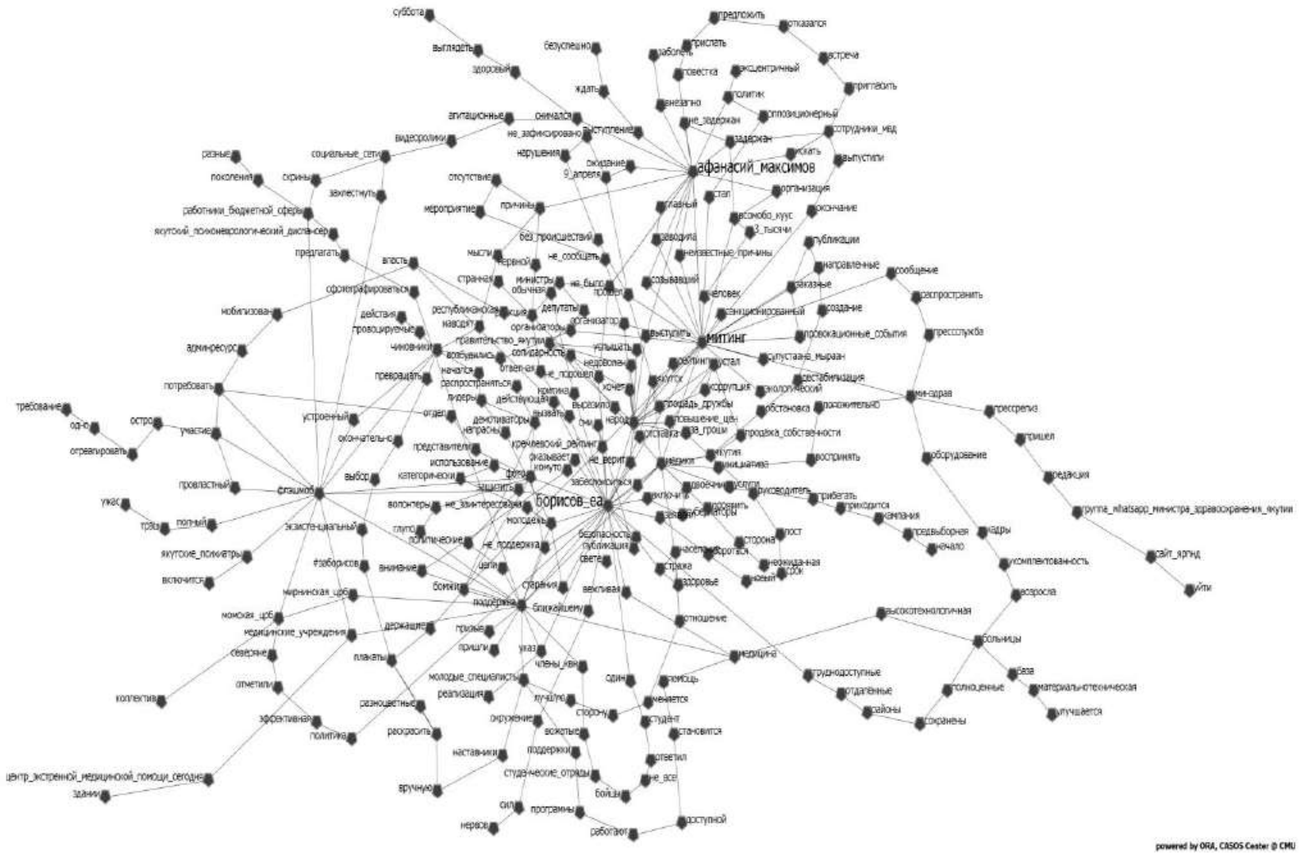

Рисунок 1. Семантическая сеть по региональной митинговой активности 2017 г., Якутия

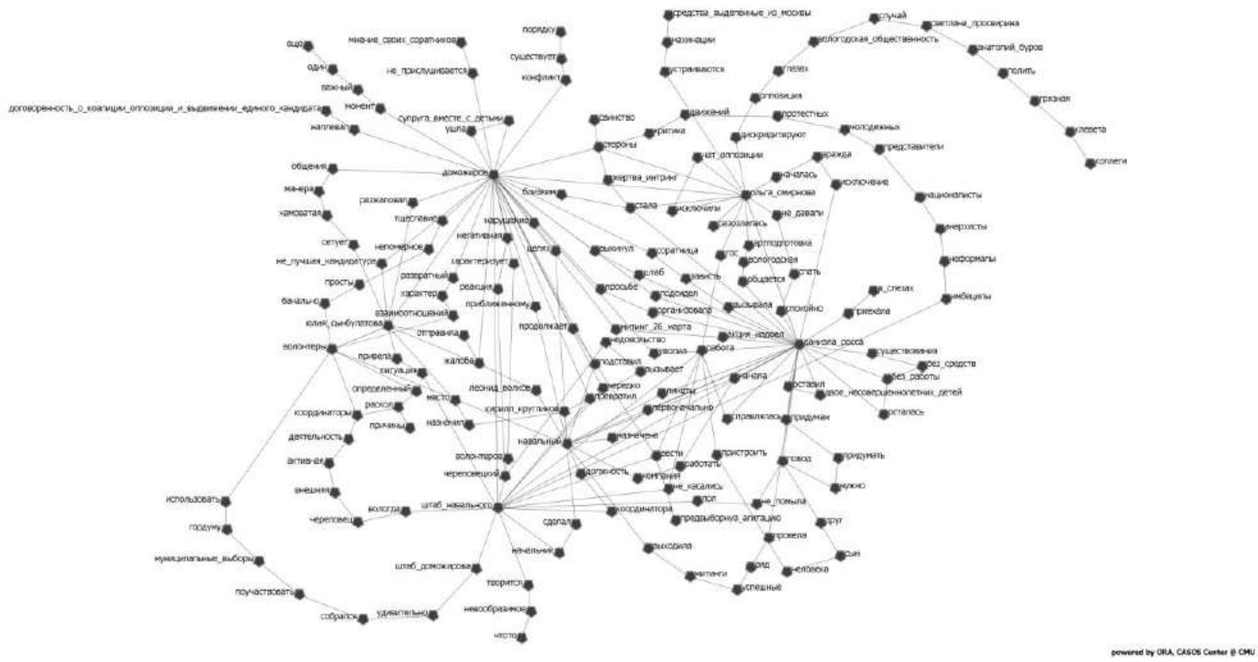

Рисунок 2. Семантическая сеть по региональной митинговой активности 2017 г., Вологда

6. Выводы

Региональные особенности информационного пространства в социальных сетях можно представить в следующих выводах:

- Наибольшую развитость «гражданского общества» в плане обоснованных требований и запросов к местным властям демонстрируют Вологда и Смоленск.

- Показательно, что категория женских ресурсов, посвященных семье и воспитанию детей, присутствует в топе регионов с пониженным инновационным потенциалом (Смоленск и Вологда) и отсутствует в топе регионов с высоким инновационным потенциалом (Нижний Новгород и Якутия).
- Якутия демонстрирует наиболее агрессивную информационную тематику: криминал, девиации, молодежные конфликты. Эта тематика сопрягается с доминированием в информационном пространстве источников, посвященных культуре потребления: автомобили, недвижимость, развлечения. Также весьма четко проявляются региональные проблемы подрастающего поколения: агрессивность молодежи в сторону сверстников и воспитателей, молодежный криминал. Также спецификой региона можно назвать популярность националистических ресурсов, формирующих новую национальную идентичность коренных народов республики. В целом информационный фон региона можно признать уникальным, резко отличающимся от остальных рассмотренных нами регионов.
- Наилучшую политику в работе с информационными ресурсами региона демонстрируют власти Нижнего Новгорода и Вологды. Это можно было понять по реагированию властей на вызовы протестных акций 2017 года, наличию стратегических подходов и подготовленных ресурсов по противодействию оппозиции. Власти Якутии, наоборот, продемонстрировали полную беспомощность и утрату инициативы в информационном пространстве.

В заключение можно отметить, что данная работа имеет большие перспективы развития как в методологическом плане, так и в плане содержательного анализа и практического применения результатов. Безусловно, требует развития научно-практическая часть по включению аналитических инструментов в управленческие практики региональных властей.

С.В. Докука

СМЕШАННЫЕ МЕТОДЫ ДЛЯ АНАЛИЗА ТЕКСТОВ ПУБЛИКАЦИЙ СМИ

Аннотация. *Одним из основных подходов к анализу СМИ является анализ текстов статей изданий. В настоящей работе мы используем стратегию смешанных методов для идентификации ключевых тем обсуждения в различных региональных российских средствах массовой информации. Для идентификации ключевых тематик использованы как качественные, так и количественные подходы к анализу текстов. Результаты качественного и количественного исследования оказываются схожими и взаимодополняющими, что свидетельствует о перспективах совместного использования методов анализа текстов. Ключевыми направлениями обсуждения региональных СМИ являются вопросы, связанные с социально-экономическими вопросами и внутриполитическими процессами, что является закономерным для периода федеральной предвыборной кампании.*

Ключевые слова: *текстовый анализ, тематическое моделирование, анализ регионов России, анализ СМИ, модернизация, смешанные методы исследования*

S.V. Dokuka

MIXED METHOD RESEARCH IN MEDIA TEXT ANALYSIS

Abstract. *Text mining is one of the key approaches to media mining. In this paper we use mixed method research in order to identify the ket topic in different reginal media resources. We used both qualitative and quantitative approach in frames of mixed method approach. The substantial results are complementary to each other which shows the perspectives of the mixed*

method approach. The key topics in regional media are the following: socio-ecenomic agenda and political processes. This is essential for the pre-elecetion year.

Keywords: *text mining, topic modelling, regional analysis, media analysis, modernization, mixed method research*

Изучение содержания СМИ может быть реализовано с использованием многих инструментов, но, разумеется, на первый план выходит текстовый анализ. Начало анализа массовой коммуникации относят к работам М. Вебера, который показал ориентацию периодической печати на различные социальные структуры и ее влияние на формирование человека как члена социума и обосновал методы изучения прессы. Ключевой задачей анализа средств массовой информации ставится задача идентификации информационной повестки дня («agenda settings»). Как отмечается Просянюк и Гусейновой в соответствии с концепцией информационной повестки дня именно СМИ являются проводниками идей в обществе и оказывают существенное воздействие на то, каким образом будет воспринято то или иное событие. Особенно велика роль СМИ в областях, недоступных непосредственному восприятию человека. В таком случае именно СМИ оказываются фактически единственным инструментом получения информации о происходящем.

В рамках настоящего исследования нами рассматриваются печатные СМИ. Печатные средства массовой информации являются одним из ключевых каналов получения фактологической и аналитической информации.

На данном этапе методы текстового анализа, чаще всего используемого для анализа СМИ, можно условно разделить на два направления: формализованное и неформализованное, что до определенной степени соотносится с представлениями о количественном и качественном методах социологических исследований. К формализованным методам анализа относятся контент-анализ, тематическое моделирование, анализ тональности, семантический анализ, кластеризация текстов и т.д. Эти подходы фактически полностью автоматизированы, они не требуют экспертной настройки и могут быть использованы для анализа массивов текстовых данных практически любого размера, в том числе и для анализа больших данных (*Big Data*). Неформализованные подходы к анализу текстовых данных нацелены на идентификацию и анализ смыслов, заложенных в тексте автором [4]. В большинстве случаев неформализованные подходы используются в случае поискового исследования, когда представления о выборке и изучаемом процессе достаточно туманны.

В рамках настоящего исследования нами проанализированы массивы текстов печатных изданий как формализованными, так и неформализованными методами. Использование различных типов методических и методологических инструментов позволяет более разнопланово рассмотреть объект исследования.

Для выявления ключевых тематических направлений текстов региональной прессы нами был выбран метод тематического моделирования, основанный на методах машинного обучения [2; 7]. Тематическое моделирование является одним из методов автоматизированной кластеризации текстов, оно позволяет анализировать огромные выборки текстов (*Big Data*) и выявлять ключевые тематики корпуса.

Неформализованный анализ текстов проводился на случайной выборке статей. Каждое из наблюдений (статья) кодировалась экспертом в соответствии с определенным эвристическим алгоритмом. Данная исследовательская методика была разработана в рамках проекта РНФ «Гражданская экспертиза проблемы реформирования властно-управленческой вертикали в контексте процессов социокультурной модернизации регионов: от мониторинга состояний до прогнозного проектирования» [5] и получила свое развитие в расширенном варианте исследования.

Анализ содержания средств массовой информации проводился на корпусе публикаций печатных изданий из различных регионов России: Амурской, Белгородской, Вологодской, Московской, Нижегородской, Омской, Свердловской и Смоленской областей,

а также республик Башкортостан, Дагестан, Калмыкия и Якутия. Выборка СМИ осуществлялась в соответствии с заранее разработанными критериями, протестированными в ходе пилотажного исследования.

Использование двух разноплановых подходов к анализу текстов позволило решить сразу несколько задач. Во-первых, реализовать исследование текстов по стратегии смешанных методов и выявить ключевую тематическую направленность текстов СМИ для различных регионов. Во-вторых, произвести сравнение результативности совместного использования автоматизированного и экспертного анализа текстов, выявить достоинства и недостатки каждого из методов и сделать выводы об их применимости.

В первом случае (экспертная кодировка текстов) была сформирована выборка статей для каждого из изданий, которая в дальнейшем была вручную закодирована экспертами. Методика качественного кодирования текстов представляет собой комплекс сложных процедур, в ходе которых эксперт вникает в содержание статьи и на основе этого оценивает и кодирует статью по нескольким параметрам [5]. Изначально не все параметры кодирования обозначены и заданы, так как в результате экспертизы и постоянного прочтения статей у эксперта возникают новые мысли относительно кодировки и новых переменных, обусловленные как структурой публикаций, так и их содержанием. В результате экспертом составляется кодировочная матрица, строка которой единица анализа (в нашем случае – статья издания), а столбец – переменная. Полученный массив может затем быть проанализирован методами математической статистики.

Данный метод может быть широко использован для анализа текстовой информации, однако, как и подавляющее большинство качественных методов, он существенно ограничивает число наблюдений. В случае применения экспертной кодировки невозможен анализ больших массивов текстов из-за высокой трудоемкости и длительности процедур кодировки.

Поэтому для анализа всего корпуса текстов был применен метод *тематического моделирования* [2]. Тематическое моделирование – это одно из направлений автоматизированного анализа текстов, призванное выявить, к какой теме относится каждый из документов коллекции и какими терминами определяется та или иная тема. Таким образом, на входе исследователям подается корпус текстов, а на выходе он получает тематики (с набором слов для каждой из тематик), на основе которой может быть проведена кластеризация корпуса текстов. Тема в данном случае – это результат би-кластеризации, то есть одновременной кластеризации слов и документов по их семантической близости [3]. Важной задачей, реализуемой в рамках тематического моделирования, является также задача снижения размерности, потому что число тем значительно меньше числа слов в документах. Инструментарий тематического моделирования используется для изучения массивов данных научных публикаций и определения трендов развития того или иного научного направления [9; 8], анализа новостных потоков, информационного поиска и так далее. Благодаря автоматическому анализу текстов становится решаемой задача реферирования и систематизации большого корпуса текстов.

Большинство моделей для анализа разрабатывается на основе латентного размещения Дирихле (*Latent Dirichlet Allocation*, далее LDA) [7]. Эта модель объясняет присутствие одинаковых слов в различных документах тем, что документы посвящены одной тематике (то есть, могут быть отнесены к латентной группе).

Среди недостатков тематического моделирования стоит отметить тот факт, что априорные распределения Дирихле имеют крайне слабые лингвистические обоснования [2], а также не учитывают порядок слов в предложении, порядок документов в корпусе и т.д. [3]. Подобные лингвистические особенности учитываются в случае экспертной кодировки.

Для изучения повестки региональных средств массовой информации нами были собраны все публикации (сплошная выборка) каждого из изданий за полгода. В рамках первой (пилотной) части исследования были проанализированы публикации СМИ для

Белгородской и Московской областей и республик Башкортостан и Калмыкия за период с 1 января по 30 июня 2015 года. Во второй части мы изучили корпус публикаций за период с 1 января по 30 июня 2016 года для Амурской, Вологодской, Нижегородской, Омской, Смоленской и Свердловской областей и республик Дагестан и Якутия.

Анализируемое издание должно было быть общей, а не специализированной направленности, соответственно, предполагается, что его аудитория достаточно широкая и неспецифичная. Полные тексты публикаций должны были содержаться на ресурсе Factiva, в информационно-аналитической службе «Анализ текстов и ситуаций» (АТИС) или же на сайте издания. Наконец, при выборе СМИ учитывался тираж издания (из доступных в архивах изданий выбирались те, тираж которых больше). Следует отметить, что при составлении выборки рассматривалась политическая направленность издания. Для большинства регионов (Белгородская, Вологодская, Московская, Нижегородская, Омская, Смоленская и Свердловская области, а также республик Башкортостан, Калмыкия, Дагестан) в выборке присутствует издание как «лояльного», так и «оппозиционного» блока. В некоторых случаях идентификация «лояльных» или «оппозиционных» изданий оказывалась затруднительной, в таком случае производился анализ только одного СМИ (Амурская область, Нижегородская область и Республика Якутия) – «лояльного». Это было реализовано вследствие совокупности факторов, в частности недоступности полнотекстовых массивов для всех типов издания, а в случае Амурской области – и из-за отсутствия региональных оппозиционных СМИ.

Так как исследования производились по двум методологическим направлениям – методами экспертной кодировки и тематическим моделированием, то в первой части исследования была проанализирована случайная выборка статей, во второй – весь корпус текстов.

Всего объем сплошной выборки составил более 20 тысяч статей, из которых была сформирована выборка из 1669 статей для экспертной кодировки, так как ручная экспертная кодировка всего корпуса представлялась физически крайне трудоемкой и длительной процедурой.

Каждая из статей кодировалась по ряду параметров. В базу заносилось название публикации и издания, дата выхода статьи. Экспертами выявлялась основная тема статьи, ключевая проблема, поднимаемая в публикации, а также объект и субъект проблемы. Часть статей носила не аналитический, а информационный и/или развлекательный характер, в таком случае кодировка оказывалась затрудненной из-за специфики данных. Вследствие большого числа подобных публикаций было решено дополнительно кодировать статьи биномиальной переменной, призванной отражать аналитическую направленность. В случае, если статья была аналитической, она кодировалась как «1», в противном случае – «0». К аналитическим статьям были отнесены публикации, включающие постановку и обоснование проблемной ситуации, обсуждение аргументов и контраргументов. Доля аналитических статей в выборке служит явственным индикатором проблемно-ориентированности СМИ в регионе. В результате экспертного изучения выборки текстов была сформирована база данных, включающая в себя как структурированную, так и неструктурированную информацию.

Во втором случае (тематическое моделирование) был произведен автоматизированный анализ всего массива текстов и выделены ключевые тематики для каждого из изданий. Тематическое моделирование было произведено на корпусе текстов СМИ Амурской, Вологодской, Нижегородской, Омской, Свердловской и Смоленской областей, а также республик Дагестан и Якутия. Нами была использована вероятностная модель выявления тематик, так что при применении на одинаковом наборе исходных данных результаты моделирования незначительно варьируются. Результаты зависят и от количества выявляемых тематик. По умолчанию количество тем и определяющих слов составляло 25. Для получения максимально релевантных результатов для каждого издания моделирование проводилось пять раз. Далее, при помощи инструмента «coherencec_v» из библиотеки

Gensim интерпретируемость полученных тематик оценивалась количественно, после чего выбирался наилучший результат. При низкой интерпретируемости и для изданий с небольшим количеством статей число тематик и определяющих слов снижалось с 25 до 20, и моделирование происходило повторно.

В результате анализа базы, составленной на основе экспертной кодировки, стало возможным оценить долю аналитических статей в различных региональных изданиях. Доля аналитических статей в различных изданиях варьируется от 5 до 69%. При этом наименьший процент аналитических статей (5%) в изданиях Московской области. Доминируют аналитические публикации в Вологодской и Омской областях.

На наш взгляд, перспективным индикатором, отражающим качество подачи материалов в СМИ, является доля аналитических материалов. Этот показатель может быть использован в качестве индикатора уровня зрелости прессы.

Одной из ключевых задач настоящего исследования является изучение информационной повестки средств массовой информации различных регионов, выявление принципиальных отличий в обсуждении в случае лояльной и оппозиционной прессы.

Наиболее популярной темой публикаций в подавляющем большинстве изданий является культура и досуг, с большим отрывом опережая все остальные направления. Подобный перекос наблюдался и в рамках пилотажного исследования [5]. Важными тематиками, освещенными в региональных СМИ, также являются политика, спорт и социальная сфера. В ряде оппозиционных региональных СМИ (имеющих либеральную направленность) на первый план выходят экономика и бизнес. Среди других тематик, так или иначе обсуждаемых фактически во всех СМИ – медицина, история и ЖКХ, экономические проекты. Из исторических событий наибольшее внимание посвящено Великой Отечественной Войне, что также может быть связано с датой сбора данных и, соответственно, годовщинами Победы в Великой отечественной войне и началом войны. Тематика ВОВ тесно переплетена и с положением ветеранов, детей войны и пенсионеров, так что исторический контекст тесно перемежается с социально-политической повесткой.

В результате исследования мы продемонстрировали возможности использования смешанных методов текстового анализа для изучения больших массивов текстовых данных и идентификации ключевых тематик. На данный момент в социологических исследованиях параллельно используется два подхода к анализу текстовых данных: формализованный и неформализованный. В первом случае изучение текстов реализуется с использованием автоматических методов обработки (машинное обучение). В результате алгоритм выдает исследованию набор тематик, наиболее часто встречающихся в текстах. Подобный подход позволяет проанализировать большие объемы данных, однако не позволяет выявить характерные особенности и черты текстов, оценить их содержательную наполненность. Неформализованные методы заключаются в ручной обработке текстов и экспертном выделении ключевых тематик. Подобный подход выглядит заманчиво, но он не позволяет анализировать большие массивы из-за своей трудоемкости. Нами были одновременно использованы оба метода для анализа текстов СМИ. Результаты неформализованного анализа дали возможность выявить долю аналитических публикаций в средствах массовой информации регионов, определить ряд ключевых показателей СМИ. Формализованный подход выделил ключевые тематики для каждого из регионов. В результате мы смогли сделать выводы о структуре повестки региональных изданий, их аналитической компоненте и уровне аргументации. Подобный метод исследования текстовой информации перспективен и может быть в дальнейшем использован для изучения как средств массовой информации, так и других типов текстов. При этом он не позволит количественно проанализировать большие объемы данных.

Список литературы

1. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы. Сост. и отв. ред. член-корр. РАН Н.И. Лапин М.: Издательство «Весь Мир», 2016. 360 с.

2. Воронцов К.В. Модификации EM-алгоритма для вероятностного тематического моделирования // Машинное обучение и анализ данных. 2013. Том. 1. № 6. С. 657–686.

3. Коршунов А., Гомзин А. Тематическое моделирование текстов на естественном языке // Труды Института системного программирования РАН. 2012. Т. 23. С. 215–244.

4. Полухина Е.В., Просянюк Д.В. Методы анализа текста в смешанном дизайне исследования // Политическая наука. 2015. № 2. С. 104–116.

5. Просянюк Д.В. Репрезентации социально экономических характеристик региона в средствах массовой информации // Научный результат. Серия «Социология и управление». 2016. Т. 2. № 1 (7). С. 27–40.

6. Тихонов А.В., Богданов В.С., Гусейнова К.Э. Гражданская онлайн-экспертиза деятельности региональных систем управления в контексте процессов социокультурной модернизации регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 1. С. 101–123.

7. Blei D.M., Ng A.Y., Jordan M. I. Latent dirichlet allocation // Journal of machine Learning research. 2003. Т. 3. № Jan. P. 993–1022.

8. Blei D.M., Lafferty J.D. Dynamic topic models // Proceedings of the 23rd international conference on Machine learning. ACM. 2006. P. 113–120.

9. Wang C., Blei D.M. Collaborative topic modeling for recommending scientific articles // Proceedings of the 17th ACM SIGKDD international conference on Knowledge discovery and data mining. ACM. 2011. P. 448–456.

Н.В. Ефимова

РАЗВИТИЕ ЖЕНСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РЕГИОНОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Аннотация: *Одна из главных проблем регионального развития Беларуси – значительная дифференциация уровня социально-экономического развития областей, регионов в сочетании с высокой концентрацией промышленных предприятий и учреждений социальной сферы в столице республики, областных центрах и крупных промышленных городах. Новая парадигма регионального развития Республики Беларусь предполагает в качестве основного пути преодоления неравенства регионов повышение их конкурентоспособности.*

Источником повышения региональной конкурентоспособности является, в частности, развитие женского предпринимательства, которое способствует решению таких задач, как развитие и укрепление человеческого потенциала, преодоление гендерного неравенства, вовлечение местного сообщества в структурные преобразования в регионах. На основе данных фокус-групповых дискуссий, проведенных в различных регионах и типах населенных пунктов РБ, анализируются проблемы женского предпринимательства, в частности, проблема цифрового неравенства женщин-предпринимательниц. Описаны наиболее предпочтительные модели организации женского бизнеса.

Ключевые слова: *региональное развитие, гендер, индекс гендерного неравенства, конкурентоспособность регионов, женское предпринимательство, цифровое неравенство.*

N.V. Efimova

WOMAN'S ENTREPRENEURSHIP DEVELOPMENT AS A FACTOR OF THE REGIONS COMPETITIVE ABILITY RISE IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Abstract. *One of the main problem of the regional development of Belarus is the essential difference between socio-economic levels of oblasts and regions of RB and a great concentration of industry and social enterprises in Minsk and other big cities. The new paradigm of the regional development of RB proposes the rise of competitive ability of regions as main direction towards their equalization. One of the resources of the competitive ability rising is the development of woman's business (entrepreneurship). The development of woman's business may contribute to the decision of a number of problems, such as: human potential strengthening, gender inequality overcoming, local community involvement into structural transformations in the regions. In this article on the base of the data of focus group discussions with business-women from different regions problems of woman's entrepreneurship are analyzed. One of them is a problem of digital divide. Preferable models of the woman's business are described.*

Keywords: *regional development, gender, gender inequality index, competitive ability of regions, woman's entrepreneurship, digital divide.*

Одна из главных проблем регионального развития Беларуси – это значительная дифференциация уровня социально-экономического развития областей, регионов в сочетании с высокой концентрацией промышленных предприятий и учреждений социальной сферы в столице республики г. Минске, областных центрах и крупных промышленных городах. Очевидное неравенство в развитии регионов приводит к проблемам в трудоустройстве и низкому качеству социальных услуг для населения малых и средних городов, сельских населенных пунктов, к демографическим диспропорциям (наблюдаются отток населения из сельской местности в города, «старение» белорусской деревни и др.). Такую ситуацию констатировали авторы Национального Отчета о человеческом развитии в Республике Беларусь [1].

Высок также уровень гендерного неравенства в регионах. По значению индекса гендерного неравенства, рассчитанному по методике ООН, в 2014 году Беларусь занимала 28-е место в рейтинге стран. Гендерное неравенство в наименьшей степени проявляется в Минске, Минской и Могилевской областях, тогда как в Гродненской, Гомельской и Брестской областях оно имеет весьма высокие показатели. (Если в целом по стране индекс гендерного неравенства составляет 0,152, то по Гродненской, Гомельской и Брестской областям его значение 0,290; 0,275; 0,270 соответственно).

Новая парадигма регионального развития Республики Беларусь в качестве ведущего императива включает повышение конкурентоспособности регионов. Конкурентоспособность регионов рассматривается как «способность органов государственного управления национального и местного уровней и всего местного сообщества создавать более привлекательные условия для бизнеса и инвестиций за счет более эффективного использования региональных ресурсов. Регион является конкурентоспособным, если обеспечиваются экологически безопасные и комфортные условия для проживания, если имеется результативная система местного управления и самоуправления и возможность реализации местных инициатив, творческого потенциала у всех групп населения [1, с. 3].

Источником повышения региональной конкурентоспособности является, в частности, развитие женского предпринимательства, которое способствует решению по крайней мере трех следующих задач:

- развитие и укрепление человеческого потенциала,
- преодоление гендерного неравенства,
- активное вовлечение местного сообщества в структурные преобразования в регионах на основе формирования и стимулирования новых видов экономической деятельности.

По инициативе Женского независимого демократического движения было проведено социологическое исследование, которое имело целью описать сегодняшнюю ситуацию в женском бизнесе и оценить потенциал женского бизнеса в различных регионах РБ. Исследование предполагало проведение серии фокус-групповых дискуссий с женщинами-предпринимательницами в сельской местности, в малых городах, в областных центрах и в г. Минске.

Сегодня, спустя двадцать с лишним лет со времени появления женского бизнеса в Беларуси, мы все еще не располагаем более или менее полными статистическими данными, дающими объективную картину его состояния и динамики его развития. Приходится опираться на мнения экспертов, давно работающих в этой области и знающих ситуацию по собственному опыту. В соответствии с оценками экспертов, «женский бизнес» в Беларуси составляет около 30% от общего числа бизнес-организаций. Однако в разных секторах его доля различна:

- в крупном бизнесе женщины составляют не более 10–15%;
- в малом бизнесе на их долю приходится порядка 80%;
- в среднем бизнесе доля мужчин и женщин примерно 50 на 50%.

Сейчас белорусский женский бизнес включает не одно поколение предпринимательниц, условно их можно назвать «старшее» и «младшее» поколение.

«Старшее поколение», т.е. женщины-предпринимательницы, пришедшие в бизнес в 90-е годы, до этого, как правило, имели профессию, работу, долгое время трудилась на госпредприятии или в организации. Их профессиональная судьба казалась прочной, сложившейся. Но перестройка все изменила. Основным мотивом занятия предпринимательством было стремление как-то удержаться на плаву, найти способ зарабатывать деньги, чтобы поддержать семью, устроить себя, детей и мужа.

В малых городах и сельской местности занятие предпринимательством, малым бизнесом и сейчас является «палочкой-выручалочкой». В условиях дефицита рабочих мест, в условиях, когда мужчины из малых городов Беларуси массово уезжают в Россию на заработки, женщины организуют свой бизнес, чтобы на месте стать опорой детям, семье. При этом сейчас, как и раньше, для женщин-предпринимательниц речь не идет о сверхдоходах от бизнеса. Даже простое развитие и расширение женского бизнеса в малых городах идет с трудом: оно сдерживается низкой покупательской способностью населения, вынужденной ограниченностью их потребностей.

Для «младшего» поколения женщин-предпринимательниц бизнес является уже естественной и нормальной сферой деятельности, о которой они могли думать и к которой могли готовить себя еще во время учебы. Некоторые из них росли в семьях, где бизнесом занимаются их родители. Таким образом, они не понаслышке узнали, что такое предпринимательство, с юности ощущали себя продолжателями семейного дела. Другие, хоть и не были причастны к «семейному бизнесу», пришли в бизнес сразу после получения образования; в большинстве случаев бизнес был для них первым или вторым (после непродолжительной работы в госучреждении) профессиональным опытом.

Занятие предпринимательством ставит перед женщинами немало проблем. В рамках проведения фокус-групповых дискуссий мы попросили их участниц сформулировать и записать основные проблемы, с которыми они постоянно сталкиваются. Всего было сформулировано 72 проблемы. Мы классифицировали их на две группы: а) общие проблемы белорусского бизнеса и б) специфические проблемы женского бизнеса, белорусских предпринимательниц.

Во всех населенных пунктах, где проводились фокус-группы, респонденты отмечали одни и те же общие проблемы. **Первую группу** проблем составили:

- недостаточное внимание государства, местной власти к развитию бизнеса и при этом жесткий контроль с их стороны;
- слабая компетентность специалистов, работающих в государственных органах и по долгу службы контролирующих бизнес;

– несовершенная законодательная база предпринимательской деятельности; (законы и указы подчас принимаются без учета интересов предпринимателей, не способствуют, а препятствуют развитию предпринимательства в стране);

– недостаток финансирования и сложности с получением и погашением кредитов.

Вторая группа проблем – специфические проблемы женщин, ступивших на путь предпринимательства:

– неудовлетворительное отношение к женщине-предпринимательнице со стороны общества, государства, местный власти, собственной семьи;

– внутренние сомнения, страхи самих женщин, их неудовлетворенность собой и чувство вины перед семьей.

Рассказы участниц ФГД о собственном опыте дают материал, позволяющий выделить и описать три наиболее предпочтительные для женщин модели бизнеса, позволяющего сочетать бизнес с семейными обязанностями:

- *Семейный бизнес.* В дело вовлечен широкий круг близких, родственных друг другу людей (муж, жена, дети, братья, сестры и т.д.). Между деловыми и семейными отношениями, работой и домашними обязанностями нет резкой границы. Общий бизнес – ценность для всей семьи, забота о нем – общая обязанность. Модель особенно показательна на примере сельского предпринимательства, в частности, в сфере агротуризма.
- *Партнерство.* Муж и жена занимаются каждый своим бизнесом. При этом они помогают друг другу, поддерживают друг друга как в работе, так и в семейных заботах. Они придерживаются принципа: каждый имеет право на самореализацию и уважают право своего супруга на собственную профессиональную судьбу. Модель более характерна для молодого поколения женщин-предпринимательниц.
- *Формирование трудового коллектива на принципах семьи*. Женщина-предприниматель строит отношения в своей фирме как отношения в семье. Такой коллектив-семья – надежная опора, работа с ним – в радость.

Занятие любым бизнесом в современных условиях предполагает знание и использование ИТ-технологий. Женщины-предпринимательницы ведут документацию и бухгалтерию, осуществляют поиск клиентов и дистанционное обслуживание клиентов; рекламируют свой бизнес на сайтах и в социальных сетях и т.д. Однако зачастую женщины владеют ИТ в достаточно узких пределах: в той степени, в какой это необходимо сейчас для решения их повседневных текущих задач. Если нужно что-то сверх того, надо приглашать специалиста, а часто приглашать – дорого для маленькой фирмы. Нередко приходится осваивать новые программы, и это достаточно сложно человеку без специальных навыков. И чем старше женщина, тем заметнее ее отставание.

Повышению компетентности женщин-предпринимательниц в области ИТ препятствует недостаточная информированность и ограниченные возможности в получении дополнительного образования. Наиболее остро эта проблема стоит для предпринимательниц в сельской местности и в малых городах.

С точки зрения современного социологического знания эту ситуацию можно охарактеризовать как «цифровое» неравенство. Цифровое неравенство означает отсутствие доступа тех или иных социальных групп к современным средствам коммуникации, а также ограничение многообразия применяемых ими интернет-практик. Граница пролегает между теми, кто располагает техническими возможностями и необходимым образовательным уровнем для полноценного пользования интернетом и теми, кто из-за отсутствия средств и/или низкой квалификации в области информационных технологий не имеет выхода в глобальную сеть или ограниченно пользуется ею. Цифровое неравенство существует между городом и селом, большим и малым городом, между представителями разных возрастных и социально-профессиональных групп. По результатам проведенных ФГД мы выявили проявления цифрового неравенства среди женщин-предпринимательниц. Оно выражается как в ограниченном знании и узком диапазоне практического применения ИТ-технологий (только те программы, которые необходимы для выполнения узкого круга текущих

профессиональных задач), так и в отсутствии возможности, а также мотивации к постоянному повышению ИТ-компетенции.

В новой парадигме регионального развития Республики Беларусь весьма своевременно предлагается в качестве необходимых мер повышать информированность женщин о возможностях и преимуществах женского предпринимательства, с помощью общедоступных программ привлекать женщин в бизнес и обучать их бизнесу и передовым ИТ-технологиям в бизнесе.

Список литературы

1. Национальный Отчет о Человеческом Развитии в Республике Беларусь: Резюме [Электронный ресурс] // UNDP in Belarus. 2015. URL: http://www.by.undp.org. (Дата обращения: 15.05.2017).

М.Ю. Захаров

КИТАЙСКИЙ ФЕНОМЕН «ВЕЛИКИЙ ПРЕДЕЛ»: ФИЛОСОФСКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ

Аннотация. *Рассмотрены базовые космологические установки старого Китая, обоснованы место и роль «Великого Предела» в механизме формирования национального сознания и психологии китайцев. Анализируются всеобщие характеристики «Великого Предела» – универсальность, всеобъемлемость, двуединость, срединность.*

Ключевые слова: *космологическая модель, «Великий Предел», китайское общественное сознание.*

M.J. Zaharov

CHINESE PHENOMENON OF THE «GREAT LIMIT»: A SOCIO-PHILOSOPHICAL APPROACH TO RESEARCH

Abstract. *The article considers the basic cosmological principles of the old China, establishes the role of the «Great Limit» in the mechanism of formation of national consciousness and psychology of the Chinese. The main characteristics of the «Great Limit» are considered: universality, inclusiveness, duality, middleness.*

Keywords: *cosmological model, «Great Limit», Chinese public consciousness.*

Духовная культура Китая развивалась около двух с половиной тысяч лет и стала неотъемлемым элементом массового национального сознания, но лишь незначительная часть классических идей смогла полностью объективироваться в практику и рационально использоваться социумом [3]. Одной из них является продуктивная космологическая идея «Великого Предела», которая очертила потенциал и границы сложившейся к концу XIII века китайской модели мира, традиционную природу всех вещей, а также специфику национальной концепции жизни, отражающей механизм рождения и соответствия переменам.

Для того чтобы разобраться в природе «Великого Предела», определить его истинное место и роль, прежде всего нужно обратиться к пониманию «Великого (небесного) Пути», по которому мир двигается как поступательно, так и возвратно. Сам Путь состоит из множества кругов, образующих Вселенскую спираль развития, и в каждом круге существует Вселенский конец, последний не оставляет ничего после себя, но при этом открывает дорогу Вселенскому началу, т.е., двигаясь по кругу, мы всегда возвращаемся к истоку. Особая роль на этом Пути отводится «Великому Пределу», который должен обеспечить движение по этому Пути, предупреждать, блокировать любые отклонения и для выполнения этой миссии

обладать определенным потенциалом – всеобщей полнотой, завершенностью, самодостаточностью.

«Великий Путь» имеет определенную структуру, которая может быть представлена в форме китайской космологической модели. Если попытаться сконструировать ее синтетический образ, то в целом процесс мирообразования может быть условно разделен на три основных этапа.

Первый этап – период Беспредельного (无极*у цзи*), когда отсутствует не только само место, где можно было бы обнаружить нахождение вещей, любая форма и движение, но и отсутствует всякий предел и, в целом, само отсутствие. Здесь существует только первозданный мир в его природном единстве и целостности. Именно из данного состояния впоследствии будет рожден «Великий Предел», все десять тысяч вещей и сама определенность бытия. Следовательно, понятие «Беспредельного» антонимично понятию «Великий Предел».

Второй этап является самой большой загадкой китайской культуры, и, видимо, даже китайцы не знают точного ответа. Эта загадка связана с неким «импульсом», который является источником последующих превращений. Какова природа данного импульса, где находится его начало, кто (что) его инициирует? Обычно это объясняется следующим образом: импульс для всех дальнейших превращений – это определенная совокупность объективных причин первоначала, которая запускает амбивалентный процесс формирования субстанций (форм, начал) Инь и Ян, постоянно переходящих друг в друга. Этот переход включает пять взаимопорождающих фаз (первоэлементов): дерево, огонь, земля, металл, вода. На этом этапе формируется качественно новое состояние под названием «Великий Предел», который ляжет в основу всего внутреннего механизма мироздания, работающего в соответствии с принципом Перемен (易*и*). Именно здесь через гармонизацию, казалось бы, противоположного многообразия достигается единство и управляемость форм Инь и Ян. «Великий Предел» становится центром космологической конструкции, на границе которого меняется направление движения двух равнозначных, пребывающих друг в друге форм.

Третий этап – заключительный период формирования янского по природе Неба, иньской по природе Земли и рождение всего окружающего мира.

Исходная интерпретация китайской космологической модели встречается в «Книге перемен» (易经*И цзин*). Концептуально это выглядит следующим образом: истоком всего сущего является Беспредельное, из которого исходит «Великий Предел»; последний порождает Два Начала мироздания – Инь и Ян, из них исходят Четыре Образа, рождающие Восемь Триграмм, комбинации которых формируют 64 гексаграммы, представляющие все многообразие мира. Истории Китая хорошо известны и другие подходы, объясняющие процесс мироздания, а также исторически документированные споры, возникающие по поводу различных элементов этого процесса.

Китайское представление о «Великом Пределе» по сравнению с другими элементами космологической модели является не самым малопонятным, хотя оно сформировано разными школами, и четкую хронологию его развития представить весьма трудно. Все китайские мыслители, с одной стороны, однозначно определяют местоположение данного феномена в пространстве взаимодействия Инь-Ян, говорят о его универсальной всеобъемлющей природе, с другой – рассматривают «Великий Предел» как прототип для формирования личностных терминов и понятий (например, поздние даосы ввели понятие «Небесное сердце» для объяснения первоосновы любых мировых изменений, но, судя по функциональному предназначению, этот новодел имеет четкий прототип).

Исходный термин «Тай Цзи» (太极) состоит из двух иероглифов, первый из которых переводится, как правило, «Великий», но не столько в смысле самый большой, значимый, а в смысле как некая наивысшая точка всего мироздания, а второй «Предел» – не только граница действия, существования, окончание чего-то, а в большей степени как точка конца-начала мироздания. В целом же история китайской словесности имеет множество литературных

переводов данного феномена: великий край, великий полюс, великий центр, великий предел, наипредельнейшее и т.д. Самым употребляемым, широко применяемым и известным в мире является именно «Великий Предел».

В истории китайской мысли существовали различные графические интерпретации данного феномена в форме определенного визуализированного символа, а также его длительная историческая смысловая эволюция. Последняя приводит к пониманию классического всеобщего процесса мирообразования, в основе которого лежит постулат: мир нельзя разделить на природный и человеческий, это огромный единый и целостный живой организм, в котором все части связаны друг с другом, влияют и зависят друг от друга. Подобная картина мира структурировала общественное сознание, на долгие годы программировала национальную ментальность.

«Великий Предел» для выполнения своих функций должен обладать следующими всеобщими характеристиками.

Первой из них является *универсальность и всеобъемлемость*, в соответствии с которыми «Великий Предел» объединяет духовный потенциал, программу развития всех вещей, и его воздействие распространяется на все без исключения объекты мироздания, и нет в природе объекта, в котором он не присутствовал. Но при всем своем единстве и целостности «Великий Предел» разновелик, так, например, традиционно Небо и Земля выступают большим «Великим Пределом», а человек – малым «Великим Пределом». При этом и большой, и малый пределы имеют одинаковую природу, но разную специфику, определяемую особенностями объекта. Даже в любом акте профессиональной деятельности, начиная от политики и войны, заканчивая медициной и каллиграфией, присутствует момент взаимодействия с «Великим Пределом».

Второй характеристикой выступает его *двуединая природа*, так как в нем коренятся две формы Инь и Ян. Двойственность «Великого Предела» не делит его на две равнозначные части, он един, целостен, и в этом целом одно не может существовать без другого при условии соблюдения определенной условной последовательности, которая определяет на первое место Инь.

Третьей всеобщей характеристикой «Великого Предела» является его *срединность* или *центричность* (в зависимости от традиции). Действительно, «Великий Предел» выполняет функцию предельного определителя направления движения Инь-Ян. Причем, когда речь заходит о срединности (центричности) и «Великом Пределе», то в первую очередь представляется движение от центра к некому пределу, но это лишь одна половина, связанная с внешним пределом. Другая – движение к центру как к внутреннему пределу. Именно к центру постоянно стремятся Инь-Ян, в котором они находят успокоение. Подтверждением этому является сам иероглиф «Цзи» (极), в китайской словесности его понимают, как «центр», «центральное место», «середина». Следовательно, логично понимание «Великого Предела» как своеобразной точки гармонии, всеобщего баланса, к чему должно стремиться мироздание. Поэтому, когда говорят о Законе «Великого Предела», то прежде всего имеют ввиду постоянно повторяющееся состояние меры, поддерживающее равновесие между Инь-Ян. Это своего рода некий ориентир, существующий в развитии любой вещи.

Срединность (центричность) – постоянно присутствующее стабильное состояние, но эта стабильность нестабильная, она позволяет постоянно реагировать на любые перемены и безупречно соответствовать им; это беспристрастное реагирование, как естественная реакция ребенка на возникающие изменения. Достижимо ли это на практике, реализуемо ли в социуме? Да, в результате предпринятых усилий и соответствующих действий, сложной внутренней работы по самосовершенствованию человек может попасть в точку внутренней центрированности, а попав туда, он становится как бы свидетелем развития себя, всех окружающих его коммуникативных связей и связанных с ними событий. Это формирует социально значимые качества человека, позволяющие в любой жизненной ситуации сохранять душевное спокойствие, сосредоточенность, избегать любых крайностей и

неконтролируемого проявления эмоций, эффективно бороться с необоснованной торопливостью. Формирующееся таким образом предупредительное поведение человека является чертой национальной психологии китайцев, оно развивает социальную чувствительность и как следствие рождает отношение к ситуации, которая еще только будет иметь место, что впоследствии позволит найти самый короткий путь к ее разрешению в соответствии с заданным отношением.

Конфуцианский принцип «Золотой середины», даосский принцип «Центрированности» стратегичны, и эта стратегичность исторически оправдана для Китая. Поднебесная всегда формировала вокруг себя отношения, которые создавали привилегированное положение тому, кто находился в центре, и это срединное главенствующее положение должен занимать Китай. Здесь, по мнению китайцев, формируется уникальная иерархия, в которой Китай, гармонизируя себя, автоматически гармонизирует и окружающий мир. Для этого человек и государство должны постоянно трудиться, тем самым улучшая качество своей жизни и совершенствуя свою целостную сущность, которая, объединяя мир, способствует его гармонизации.

Это достаточно известная в мире истина о китайском желании быть в центре мироздания и формировать вокруг себя оставшийся мир, ведь такова воля Неба, и с этим должны все считаться. Но это справедливо лишь отчасти, так как потаенной китайской мечтой, исторически конкретным стратагемным знанием были и остаются поиск этой невидимой и в целом не ощущаемой середины в любом формирующемся пространстве. Это сделать непросто, так как необходимо: найти, осознать и реализовать этот центр, что означало занять уже изначально срединное выигрышное положение; постоянно этот центр сохранять, становясь при этом все более центрированным. Поэтому слишком упрощенным выглядит трактовка европейцами прямого перевода термина «Чжун Го» (中国) как просто Срединного государства с национальным интересом постоянно находиться посередине.

Заключительную, четвертую всеобщую характеристику «Великого Предела» можно представить в форме вопроса-ответа: «Есть в реальной жизни у «Великого Предела» пара, ведь мир в китайской традиции двуедин, и существует ли у самого «Великого Предела» предел?». В китайской культуре есть однозначный ответ: «Великий Предел» не имеет пары, и он сам беспределен».

В целом, когда говорят о «Великом Пределе», то, как правило, имеют ввиду всеобщий абстрактный механизм гармоничного состояния вселенной, который формируется в процессе мироздания и в дальнейшем способствует его существованию и развитию. В действительности это не совсем абстрактный механизм, и опыт истории Китая показывает наличие практической составляющей в этой идеальной конструкции. В китайской культуре существует достаточно много работ, описывающих методологию использования «Великого Предела» в сугубо практической деятельности – архитектуре, живописи, скульптуре, каллиграфии, медицине и, наконец, в боевом искусстве под названием «Тай Цзицюань» (太极拳), в буквальном переводе −«Великий Предел кулака».

Подводя промежуточный итог, можно дать следующие определения китайскому феномену под названием «Великий Предел», которые будут отличаться различной степенью абстрактности и акцентированием внимания на его различных сущностных элементах. «Великий Предел» ─ это:

– стержень всего сущего, осуществляющий всеобщее природное регулирование взаимодействий субстанций Инь-Ян с целью гармонизации пространства;

– всеобщий камертон, воспроизводящий гармонию и настраивающий все вещи на единое предельное состояние, наполненное жизненной энергией;

– динамический баланс отношений в социуме, позволяющий реагировать на любые общественные перемены и формирующий бесконфликтное пространство, как основу гуманистически ориентированной деятельности.

Дать единое, более точное определение, отражающее сущностные черты этой уникальной идеальной конструкции, не представляется возможным, так как «Великий Предел» не имеет физических форм и вообще телесности, а способен только проявляться, причем последнее может быть лишь фрагментарным. Гений китайских мыслителей заключается в том, что они смогли понять главное: «Великий Предел» существует не существуя, так как нет никакого предела, а есть лишь постоянные перемены (превращения, изменения) в форме объединений, разъединений, различных трансформаций. В окружающей человека действительности практически нет устойчивых вещей, а есть лишь некие промежуточные результаты превращений, что собственно и вызывает интерес китайцев не к конкретным вещам, а к их судьбам. Поэтому и «Великий Предел» – это живая, подвижная система, имеющая своим предназначением формирование и поддержание гармоничного равновесия. Он не просто стабильно существует, регулируя все вокруг, но и сам постоянно изменяется, неизменно находясь в общем потоке перемен. Поэтому и в социуме, гармонизируя социальное пространство, он гармонизируется сам.

Таким образом, «Великий Предел» является стержнем китайской космологической модели мира, следовательно, мироздание, каждая отдельная вещь, общество и человек имеют свой внутренний предел, в котором они полностью исчерпывают свой потенциал, завершают часть жизненного цикла и переходят в другое качественное состояние, открывая новый цикл. Если согласиться с этим, то жизнь представляет собой череду постоянных превращений, а задача любого вида познания, начиная от обыденного и заканчивая научным, заключается в изучении явного и неявного состояний вещей, в выявлении пределов их существования. Традиционно человек черпает знание лишь из бытийственного мира, но это только полдела. Для полноты знания нужно знание небытийственного мира, для чего необходимо понимать и отслеживать внутренние пределы вещей, их последующие переходы в новое состояние. Это всегда понимали китайские учителя, позиционируя свое знание как небытийное, а потому уникальное и сложно воспроизводимое.

Осознание роли и места «Великого Предела» позволяет понять не только потенциальные возможности китайской традиционной космологической модели мира, но и его значение для современного гармоничного развития общества, его гуманистически ориентированной модернизации [1]. Не обладая телесностью, материальной формой он позволяет создать условия для всего многообразия изменений окружающего мира, минимизации рождаемых опасностей и угроз и прежде всего информационных [2]. Но «Великий Предел» – это сугубо китайская находка, и реализована она может быть лишь в национальном сознании, психологии китайцев.

Список литературы

1. Захаров М.Ю. Информационная сфера Китая: опыт социально-философского изучения ее модернизации. // Вестник университета (Государственный университет управления). 2011. №15. С. 396–401.

2. Захаров М.Ю. Информационная безопасность – основополагающий элемент безопасности социального управления // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2012. №9-1. С. 112–115.

3. Кудинов И.Н. О доминирующих духовных факторах современного развития России // Научно-информационный журнал Армия и общество. 2013. №1(33). С. 5–15.

Р.Р. Ишмухаметов

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ ОБРАЗОВАНИЯ НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ: МЕХАНИЗМ РАЗВИТИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация. *В статье рассматривается проблема совершенствования управления развитием российского образования на муниципальном уровне. На основе анализа результатов репрезентативных социологических опросов и многолетнего включенного наблюдения автора анализируется механизм развития и направления реализации этого совершенствования.*

Ключевые слова: *российское образование, муниципальный уровень, управление развитием образования, совершенствование управления.*

R.R. Ishmukhametov

IMPROVING THE MANAGEMENT OF THE DEVELOPMENT OF EDUCATION AT THE MUNICIPAL LEVEL: THE MECHANISM OF DEVELOPMENT AND DIRECTION OF IMPLEMENTATION

Abstract. *The article considers the problem of improving of management of development of Russian education at the municipal level. Based on the analysis of the results of the sociological interviews and years of participant observation the author examines the mechanism of the development and direction the implementation of this improvement.*

Keywords: *russian education, municipal level, development management education, and improving management.*

Происходящие в нашей стране в течение последних тридцати лет радикальные преобразования социально-экономической и политической систем, как показала общественная практика, наибольшее влияние оказали на систему образования. С самого начала общественных преобразований в нашей стране начали создаваться законодательно-правовые, экономические, административно-управленческие основы развития образовательной системы в условиях перехода общества на рыночные механизмы функционирования экономики и демократическую организацию политической жизни.

С развитием децентрализации государственного управления, которое привело к возрастанию экономической и политической самостоятельности регионов, значительная часть обязательств и полномочий по управлению образованием была передана на места, сформировались региональные образовательные системы, основанные на соответствующем правовом, административном и общественно-политическом обеспечении. В регионах возникли свои отлаженные образовательные структуры, появилось соответствующее законодательство, начали создаваться и реализовываться оригинальные образовательные программы.

Дальнейшее развитие реформы государственного и муниципального управления в нашей стране привело в начале XXI века к необходимости создания системы эффективного местного самоуправления, без которого невозможно создание полноценного гражданского общества. Муниципальный (районный) уровень управления образованием представляет в этом смысле наибольший интерес по нескольким причинам. Во-первых, на уровне муниципального образования происходит непосредственное управление развитием образования в условиях городского и сельского административного районного подразделения. Именно здесь формируются основные направления конкретной образовательной политики. Во-вторых, муниципальный уровень управления образованием представляет собой системный элемент регионального образовательного пространства, который, в свою очередь, входит в общеобразовательную систему страны. То есть,

муниципальный уровень завершает системный характер федерального образовательного пространства в нашей стране. В-третьих, в условиях передачи властных полномочий на уровень муниципалитетов управление образованием со всем организационным и финансово-экономическим обеспечением этого процесса, а также кадровая политика в этой области переходят в соответствующую компетенцию. При этом образовательный процесс обязательно осуществляется в рамках общепринятых в стране образовательных стандартов.

Рыночная конкуренция, возникшая в нашей стране, позволяет развиваться не только государственным и муниципальным структурам образования, но и создает возможность развития негосударственного образования, являющегося составной частью образования в целом и ставшего объективной реальностью, которую невозможно игнорировать при осуществлении целенаправленной социальной политики российского государства. При этом, как показывает отечественная практика и зарубежный опыт, негосударственное образование является не случайным и не переходным, а структурным закономерным элементом всей системы образования. Во многом негосударственное среднее образование также нуждается в регулировании на уровне муниципального района.

Эмпирической базой представленных в данной статье выводов и положений послужили результаты специализированных социологических опросов, проведенных автором в течение 2006–2010 годов, в том числе: 1) социологический опрос родителей учащихся средних школ г. Белебея и Белебеевского района РБ, опрошено около 1900 респондентов; 2) экспертный опрос руководителей общеобразовательных учреждений Белебея, а также Белебеевского и Гафурийского районов Республики Башкортостан, опрошено свыше 250 респондентов.

Общий анализ проблем оптимизации муниципальной образовательной системы приводит автора к следующим выводам: а) управление и оптимизация муниципальной социо-образовательной системы происходят в конкретных, предлагаемых реальностью обстоятельствах, для чего важен ее всесторонний анализ, мониторинг. Под социо-образовательной системой понимается совокупность учебно-воспитательных учреждений расположенных на определенной географической территории, на которой проявляются хозяйственные основные связи, характерные для данной административно-территориальной единицы и определяющие особенности ее социокультурной инфраструктуры; б) инновационная образовательная среда и муниципальная социообразовательная система находятся в интегративной взаимосвязи; в) показателем развития инновационных процессов в образовательной системе является формирование новой перспективной образовательной среды; г) существуют условия, отображающие образовательную среду региона как гаранта эффективного функционирования для муниципальной образовательной системы; д) для построения оптимальной модели управления образовательной системой необходимо предусматривать: устойчивость управления муниципальной образовательной системой; необходимость включения в создаваемую или модернизированную структуру управления образовательной системой специалистов, работавших ранее в органах управления образованием с уже сформированными навыками в данной области управления; необходимость учета итогов анализа существующих муниципальных моделей управления; е) основные направления формирования образовательной системы могут быть представлены как организационно-управленческое, рынок образовательных услуг, кадровое обеспечение социообразовательной среды, социальная поддержка субъектов образовательной системы, научно-методическое обеспечение инновационных процессов, материально-техническое обеспечение и информатизация; ж) механизмами функционирования образовательной системы в новой образовательной парадигме становятся: проектно-поисковый, финансово-экономический, законодательно-нормативный, аттестационно-диагностический.

Анализ полученных в ходе вышеперечисленных опросов результатов привел автора к следующим выводам: а) значительная часть опрошенных экспертов высоко оценили традиционную структуру управления образованием: 65% респондентов отнеслись к ней положительно, 21% – нейтрально и только 13% – отрицательно. При этом консервативность

мнения большинства директоров, скорее всего, связана с тем, что большую часть своей работы они провели руководителями школы еще в советское время; б) большинство руководителей школ неадекватно воспринимают роль и значение программ развития образовательных учреждений. Например, 42% считают, что это перспективный план, 29% – концепция, а 28% – стратегия; в) подавляющая часть руководителей школ в качестве основных проблем развития школы видят финансовые проблемы (79%), материально-техническую базу учебных заведений (19%) и небольшое количество (2%) – проблемы обмена опытом и методического обеспечения учебного процесса; г) значительная группа экспертов согласна с тем, что государство должно жестко контролировать образовательные программы (48%) или предлагать обязательный набор курсов (47%), при том, что 5% исходят из того, что школы должны быть самостоятельными в выборе программ обучения; д) большинство опрошенных экспертов с большой осторожностью относятся к внедрению инновационных технологий обучения: 45% – за то, что они целесообразны, но вводить их нужно очень осторожно, уже 22% – против инноваций, т.к. учебный процесс требует стабильности.

Оригинальным образом оценили эксперты деятельность отделов народного образования и его подразделений: а) 30% опрошенных взаимодействуют с отделом в целом, 24%− с инспекторами, 12% − с бухгалтерией, 19% − с учебно-методическим центром и 4% − с отделом опеки и попечительства; б) при этом эффективность взаимодействия руководителей образовательных учреждений на первое место ставят инспекторов (специалистов) – 37%, далее – отдел образования в целом – 34%, затем бухгалтерия – 16% и учебно-методический центр – 11%; г) максимальный творческий подход к работе директора видят, прежде всего, в работе учебно-методических центров (43%), инспекторов (35%), отдела образования в целом (10%). В целом, анализ результатов экспертного опроса, с точки зрения эффективности деятельности, демонстрирует, что директора школ наивысшие оценки выставляют либо сотрудникам учебно-методических центров, либо инспекторам, в том числе в таких видах деятельности как: профессиональная компетентность, наибольшая организованность в работе, разрешение конфликтных ситуаций и т.д.

Результаты опроса отношения учителей и родителей к переменам в системе среднего образования привели автора к следующим выводам: а) большинство опрошенных положительно оценивают происходящие в последние годы в среднем образовании перемены; б) в то же время они же считают, что отделы народного образования существуют за счет инициативы директоров и рядовых учителей; в) основными задачами школьного образования учителя считают подготовку поступления в ВУЗ (29%), формирование прочных знаний (26%), развитие личности ребенка (11%), приобретение опыта общественной деятельности (11%), формирование культурного багажа (9%), помощь в развитии способностей (8%), хорошая профессиональная подготовка (6%); г) главными социальными проблемами в организации образования на уровне муниципального района респонденты называют низкий уровень заработной платы (43%), жилищные проблемы (32%) и остальные факторы (каждый менее 7%); д) среди учителей развивается положительное отношение к платному образованию, которое рассматривается как альтернатива бесплатному массовому образованию.

Исследование образовательных ориентаций родителей позволило сформулировать следующие выводы: а) родители ориентируются главным образом на близость школы, затем на уровень преподавания в школе, и только в последнюю очередь − на советы родственников и знакомых; б) родители исходят из того, что школа должна подготовить ребенка к продолжению образования (41%), к трудовой жизни (21%), к бережному отношению к своему здоровью и к нравственному воспитанию (12% и 11%); в) большинство родителей ориентированы на школы с углубленным изучением предметов (32%), на школу, где преподаются основы профессии (29%), на обычную общеобразовательную школу (26%) и на школу, где обучают искусствам (13%).

В целом, результаты анализа всех вышеприведенных опросов, интервью руководителей образовательных учреждений различных уровней и итоги включенного наблюдения автора позволяют определить следующие доминирующие направления и соответствующие подуровни совершенствования управления образованием на уровне муниципального района. Большинство из авторских предложений и выводов, сформулированных еще в середине первого десятилетия XXI века [1], в основном согласуется и подтверждаются новейшими законодательными и стратегическими документами, регулирующими развитие образования в нашей стране на федеральном и региональном уровнях [3, с. 2].

Административно-управленческое направление трансформации должно быть ориентировано на передачу полномочий по организации учебного процесса, его учебно-методического обеспечения и осуществления кадровой политики с уровня регионального министерства на уровень соответствующего управления муниципального образования. Значительная часть полномочий, сосредоточенных на современном этапе в ГУНО и РУНО, должна быть передана непосредственно в общеобразовательные школы и другие образовательные учреждения (гимназия, лицей и т.д.). При этом необходимо поднять значение родителей, всего социального окружения школ в ее управлении через концепцию «общественного образования» (попечительский совет и его деятельность). Существенно должна возрасти роль школьного самоуправления через трудовой коллектив учителей и общественные объединения старшеклассников. При этом главная координирующая роль, в том числе в методическом и кадровом обеспечении образования, должна отводиться районному уровню.

Автор приходит к выводу, что необходимы разработка концептуальной модели и открытия специальных Центров управления развитием образования, которые должны выполнять научно-методическую, научно-исследовательскую и научно-консультационную поддержку и обучение соответствующих групп не только действующих руководителей (зав. РУНО, директора школ и т.д.), но и кадрового резерва из числа проявивших себя в менеджерском плане и зарекомендовавших себя в этическом смысле передовых и инициативных учителей. Одновременно необходимо внедрение модели «информационной инфраструктуры управления образованием», включающей обязательно несколько особых информационных структур, взаимосвязанных между собой.

Финансово-экономическое обеспечение управления образованием также нуждается в радикальном совершенствовании: во-первых, посредством передачи финансовых полномочий и средств непосредственно на уровень муниципального района и частично на уровень директоров, контролируемых как сверху (МУНО), так и снизу (трудовой коллектив и сообщества родителей); во-вторых, на основе дальнейшего развития и стимулирования (налоговые льготы и т.д.) самодеятельного негосударственного образования на платной основе, которое также должно управляться (регулироваться) на уровне муниципального района посредством процедуры аккредитации и аттестации; в-третьих, на основе разрешения (вернее, легализации) под строгим контролем организации платных услуг ученикам государственных общеобразовательных школ, простое игнорирование этой проблемы только загоняет ее вглубь.

Учебно-методическое обеспечение управления образованием должно лишь координироваться на уровне региона (организация ИПК, доведение федеральных нормативных документов, разработка инновационных методик и т.д.), но непосредственно осуществляться должно именно на уровне муниципального района, который может сосредоточить в себе функции реализации образовательных программ и федеральных, а также национально-региональных образовательных ГОСТов непосредственно на местах. Инициатива учителей школ и родителей обучающихся учеников должна при этом быть учтена в общем механизме образовательного процесса (усиление той или иной направленности школы, приглашение педагогов-новаторов, назначение директоров-менеджеров и т.д.).

Кадровое обеспечение муниципального управления образованием должно регулироваться не традиционно на уровне школ, а со значительно более активным включением в этот процесс руководства образования на уровне района. Необходимо создание постоянно действующей базы данных педагогов и специалистов, организация районных конкурсов, профессиональных состязаний, постоянная поддержка новаторов и квалифицированных учителей-методистов именно в самом муниципальном районе. Вполне возможна организация конкурентных конкурсов на замещение вакантной должности ведущего учителя в той или иной школе по типу вузовских конкурсов на должность и звание. Необходимо существенное расширение «основного веера» оценки квалификационного уровня учителей, которую должны давать главным образом конкурсные комиссии районных управлений образования, что существенно ослабит зависимость учителя от принципа личной преданности руководителям школы. Результаты наблюдения показывают также, что назначение на должность руководителя образовательного учреждения целесообразно проводить в рамках конкурсного взаимодействия с учетом мнений педагогического коллектива и родительской общественности (по типу назначения глав администраций согласно нового Закона РБ о местном самоуправлении), исходя, главным образом, из менеджерских способностей, а не тех или иных образовательных заслуг претендента.

Информационно-научное обеспечение также необходимо сконцентрировать на уровне муниципального управления образованием, обеспечивая при этом реализацию следующих требований: а) наличие хорошо отлаженной «вертикальной» и «горизонтальной», а также «обратной» информационных связей; б) информационная открытость деятельности руководства РУНО и школ; в) создание взаимосвязанных районных сетей информационного обеспечения с применение компьютерной техники.

Список литературы

1. Ишмухаметов Р.Р. Совершенствование системы управления образованием на уровне муниципального района. Диссертация ... канд. соц. н. Уфа. 2006. 174 с.

2. Концепция Федеральной целевой программы развития образования на 2016–2020 годы (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2014 г. № 2765-р). [Электронный ресурс]: Федеральный центр образовательного законодательства: [веб-сайт]. URL: http://www.lexed.ru/search/detail.php?ELEMENT_ID=4264 (Дата обращения: 30.07.17).

3. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ от 29 декабря 2012 года (с изменениями и дополнениями от 29.07.2017 г.). [Электронный ресурс]: КооснультантПлюс: [веб-сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_146342/ (Дата обращения: 02.08.2017).

Д.С. Красковская

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ (НА ПРИМЕРЕ ЖИТЕЛЕЙ СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ БЕЛАРУСИ)

Аннотация. *На примере сельских пожилых людей представлено социологическое описание социального статуса населения пенсионного возраста Беларуси. Осуществлен сравнительный анализ общественного мнения сельских пенсионеров и трудоспособного сельского населения с целью выявления отличительных черт и особенностей пенсионеров как отдельной социальной группы. Определены уровень социального самочувствия и социально-культурный потенциал людей пенсионного возраста.*

Ключевые слова: *социальный статус, социальная адаптация, человеческий потенциал, эксклюзия, социальное самочувствие, социальный и культурный потенциалы, пожилые люди.*

D.S. Kraskouskaya

SOCIAL STATUS OF OLD-AGED PEOPLE (ON THE EXAMPLE OF POPULATION OF RURAL AREAS OF BELARUS)

Abstract. *Presented in the article sociological description of the social status of the population of a retirement age of Belarus on the example of rural elderly people. The comparative analysis of public opinion of rural pensioners and working-age rural population is carried out with a view to identification of distinctive features and features of pensioners as a specific social group. Determined in the article level of social well-being and social and cultural potential of people of a retirement age.*

Keywords: *social status, social adaptation, human potential, exclusion, social well-being, social networks, social and cultural potentials, elderly people.*

Согласно официальному определению, пенсионеры представляют собой крупную социальную группу, представители которой достигли пенсионного возраста: 58 лет – женщины и 63 года – мужчины. Пенсионеры как социальная группа выполняют важные функции в обществе и оказывают влияние на различные процессы в обществе (экономические, политические, социальные, культурные и др.). Однако, несмотря на выделяемые огромные средства и институциональное внимание государства к пенсионерам, в общественном сознании роль и место людей пожилого возраста в общественной жизни недооценивается.

Говоря о пожилых людях, нужно учитывать, что с выходом на пенсию у человека начинается новый жизненный этап со своими особенностями и потребностями. Именно на этом этапе многие сталкиваются с большим списком социальных проблем: ухудшение уровня и качества жизни в связи с резким снижением доходов, что делает пенсионеров одними из самых уязвимых слоев общества, недоступность (ввиду финансовых возможностей) различных услуг, в том числе качественного медицинского обслуживания, медленная адаптация к новым условиям жизни и многое другое.

Не менее важной является проблема культурной адаптации пожилого человека к новому социальному статусу. Пока, несмотря на заботу государства, в основном материального плана, специальными министерствами, ведомствами и службами оказывалось недостаточно внимания именно специфическим потребностям и интересам пенсионеров как социальной группе: включение их в социальную, культурную и экономическую жизнь страны, политическая активность, волонтерство и др. Это связано, к сожалению, со сложившимся стереотипом в отношении к пожилым людям как к отработанному материалу, от которого государству легче откупиться мизерными пенсиями, чем заниматься включением их в активную социокультурную деятельность. Так сложилось, что в большинстве высокоразвитых стран, в том числе и в нашей, старость воспринимается негативно, и общество, тем самым, отторгает пожилых людей от участия в производственной, социальной и культурной жизни, консервируя социальное неравенство, лишая их многих социальных прав, а также социального интереса и участия.

Образ пожилого человека, нуждающегося в постоянном уходе, зачастую становится в тягость не только государству, но и всему трудоспособному населению. Как следствие, представители третьего возраста оказываются ненужными и лишними в обществе с рыночными ценностями и отношениями, в результате чего снижается их социальный статус и социальное самочувствие. Такая социальная эксклюзия проявляется через многочисленные механизмы дискриминации, связанные с различными сферами жизни: сферой труда и занятости, социальной сферой (медобслуживание, досуг) и др. Социальное самочувствие и

положение пенсионеров обусловлено, прежде всего, тем, что пожилой человек позиционируется ущербным в отношении чего-либо нового: инноваций, модернизации, усвоения новой информации, неспособности к обучению и переобучению. Старость сводится исключительно к работе по дому (иногда на даче или ЛПХ) и воспитанию внуков. Негативное восприятие старости оказывает значительное влияние на самих пожилых людей, во многом определяя их отношение к своей жизни, к своим возможностям и способностям, правам и обязанностям.

Так как увеличение доли пенсионеров в социальной структуре общества влечет за собой серьезные социальные, экономические и политические последствия, то изучение их демографических, экономических, социальных и политических характеристик, а также духовных и жизненных ценностей является одной из наиболее актуальных проблем современного белорусского общества. Анализ социального самочувствия пожилых людей, выявление их места и роли в местном сообществе и обществе в целом, отношение к власти актуализирует вопросы их адаптации к новой для них социально-экономической ситуации. Выявление потенциала пожилых людей позволит выработать эффективные стратегии повышения уровня жизни людей пенсионного возраста, сформировать у них позитивное социальное самочувствие, тем самым, повысить их социальный статус в обществе.

Для выяснения социодинамики социального статуса пенсионеров и пожилых людей в целом в данной статье используется комплексный подход, основанный на структурно-функционалистских теориях статусных различий в обществе.

При изучении социального статуса западные социологи в основном опираются на социально-стратификационный подход, основателями которого являются М. Вебер, Т. Парсонс, Д. Голторп, Л. Уорнер, К. Дэвис, П. Сорокин и др. Согласно данному подходу, социальный статус – это положительная или отрицательная позиция, престиж, авторитет индивида или социальной группы в обществе в рамках системы социальной стратификации [1]. В определении общего положения человека в рамках системы стратификации наличие либо отсутствие собственности на средства производства сами по себе не являются решающими, а существенное значение имеют три взаимосвязанных критерия: статусное положение, положение на работе, положение на рынке.

Согласно социально-классовой теории Маркса, статус представителей социальных классов определяется отношением к средствам производства. Здесь основой структуры общества выступает экономический критерий. Данная концепция, в отличие от социально-стратификационной, являясь в определенном смысле одномерной, тем не менее, позволяет определить причину статусных изменений, а не только их конфигурацию.

Что касается современной социологии, то она в основном придерживается многомерного подхода в определении социального статуса и его критериев. Большинство социологов считают, что, в целом, в общеметодологическом плане наиболее перспективным для анализа социального статуса представляется структурно-функциональный подход. В структурном подходе есть ряд позиций, принципиально важных для анализа социальной динамики именно в условиях трансформирующегося общества. В то же время классический набор факторов социальной мобильности, используемых в рамках структурного подхода, представляется для общества переходного типа с интенсивно идущими процессами перестройки всей социальной структуры недостаточным. Поэтому, оставаясь в рамках структурного подхода к проблемам стратификации, при анализе отдельных вопросов необходимо использовать элементы как марксистского, так и функционального подхода.

Глубокое и всестороннее исследование проблемы статуса было проведено Т.И. Заславской, которая рассматривает в качестве критериев социального статуса управленческий, экономический потенциал, измеряемый масштабами собственности и доходов, социокультурный потенциал, отражающий уровень социализации, образованности и профессионализма субъектов, а также социальный престиж, концентрированно отражающий все эти признаки в сочетании с качеством жизни [2].

Используя представленный подход и данные социологических исследований, проведенных отделом социологии регионального развития Института социологии НАН Беларуси в 2011–2014 гг. под руководством д.ф.н. Р.А. Смирновой, был осуществлен сравнительный анализ общественного мнения сельских пенсионеров и трудоспособного сельского населения с целью выявления отличительных черт и особенностей пенсионеров как отдельной социальной группы (всего в опросе приняли участие 1405 человек в возрасте от 16 лет и старше, из них 596 мужчин и 803 женщины).

При рассмотрении властного ресурса, имеется в виду возможность влиять на других или иметь власть над другими, оказалось, что на вопрос респондентам: «Ради чего Вы живете?» из 21 предложенных вариантов «Власть» оказалась на последнем месте. При этом больше половины респондентов пожилого возраста не согласны с утверждением, что человек должен стремиться к тому, чтобы у него в первую очередь была власть, возможность оказывать влияние на других, в то время как среди трудоспособного населения несогласных с этим суждением оказалось меньше – чуть меньше половины опрошенных.

Во-первых, причиной такого поведения является особенность белорусского менталитета, которая особенно ярко выражена у представителей пенсионного возраста, проживающего в сельской местности, в частности в таких чертах, как стремление не выделяться, способность мириться с любой жизненной ситуацией.

Что касается экономического положения селян, то в связи с тем, что почти все сельское население занято в агропромышленном комплексе (АПК), то именно его состояние определяет материальное положение селян в нашей стране. Согласно официальной статистике, по данным 2016 года заработные платы в сельском хозяйстве остаются самыми низкими среди всех профессиональных групп [3]. Кроме того, еще в некоторых хозяйствах наблюдаются задержки зарплаты, а нередко расчеты производятся в виде натуроплаты (фуража, продуктов питания, товаров народного потребления). Поэтому сельское население входит в группу риска бедности в большей степени, нежели городское население.

Но на такое положение дел трудоспособное население и пенсионеры смотрят по-разному. Сельские жители старше 60 лет смотрят на жизнь более оптимистично, чем трудоспособное население. Так, если 19,7% трудоспособного населения считает, что за последние 5 лет жизнь в сельской местности ухудшилась, то среди пенсионеров так считает 12,5%. Нужда в деньгах и отношение к деньгам у пенсионеров более умеренное, нежели у трудоспособного населения. Так, продолжала бы работать, в случае полной материальной обеспеченности третья часть трудоспособного населения, а среди пенсионеров – только пятая часть.

Из двух вариантов «Больше работать и больше зарабатывать» и «Работать не надрываясь, пусть и жить скромно» ответы трудоспособного населения распределились следующим образом: 80,3 и 18,2% соответственно, против 58,3 и 31,3% среди пенсионеров соответственно.

Нужно отметить, что потребность в деньгах у трудоспособного населения выше, чем у пенсионеров. Это объясняется различием потребностей у различных социальных групп: у молодой семьи с детьми потребностей намного больше, нежели у пенсионеров. Но здесь также имеет значение и опыт людей старшего поколения, которые понимают, что главная цель и стремление в жизни – это отнюдь не деньги.

Ни для кого не секрет, что с выходом на пенсию резко ухудшается материальное положение, что заставляет менять свой образ жизни. К постоянным же источникам доходов у пенсионеров относятся пенсия и потребление из своего хозяйства, у трудоспособного населения – работа на предприятии (СПК), государственной организации и потребление из своего хозяйства. Естественно, больше свободного времени у пенсионеров позволяет им в большей мере заниматься собственным хозяйством. Согласно результатам исследования, продукцию собственного производства пенсионеры используют преимущественно для личного потребления, нежели более молодое поколение, продавая ее в связи резким снижением доходов.

При решении материальных проблем 3,3% трудоспособного населения и всего 0,7% пенсионеров руководствуются принципом «Быть богаче других» и 15,7% трудоспособного и 23,6% пенсионного возрастов не руководствуются никакими принципами, что еще раз подтверждает более лояльное отношение к богатству и деньгам у людей пенсионного возраста, нежели у трудоспособного населения, так как у людей пенсионного возраста заложены совсем другие ценности, ведь они родились и большую часть своей жизни прожили при социализме, где деньги – отнюдь не самое важное в жизни. С развалом СССР одни ценности пришли на смену другим, превалируют ценности западного мира – индивидуализм, успех, мерилом которого являются деньги, конкуренция во всем и т.д., что мы и видим у более молодой части населения.

Что касается потребительского поведения, то оно также различно у 2-х групп. Пенсионеры во многом себе отказывают или просто не считают нужным тратить деньги на некоторые товары или виды услуг. Например, отдых и путешествия, покупка автомобиля, строительство недвижимости, оплата бытовых услуг, товары долговременного пользования – это те товары и услуги, на которые пенсионеры не считают нужным тратить свои доходы. А актуальными статьями расходов является самое основное – продукты питания, оплата коммунальных услуг, товары текущего пользования, оплата лечения и медикаментов и расходы на ведение подсобного хозяйства.

Во многом, конечно, такое поведение объясняется низким уровнем доходов пенсионеров, но не только, здесь имеют место и другие причины. Люди пенсионного возраста считают, что в их возрасте можно обойтись, например, без таких развлечений, как отдых или путешествия, новый диван или шкаф. Они живут по принципу: «Зачем нам, старым, это?». Для них лучше вести подсобное хозяйство и ухаживать за внуками. Такое поведение – особенность менталитета всех сельских пенсионеров постсоветских стран, для них отдых и радости в жизни – это что-то близкое и привычное: дом, дети, внуки, старая вещь, которая имеет множество ассоциаций с жизнью, а не заграница и новый шкаф. Ввиду своего жизненного опыта, мудрости они уже понимают, насколько несущественна роль вещей в жизни по сравнению со всей жизнью, ее предназначением и ее смыслом.

Подводя итог касательно материального положения сельских пенсионеров, нужно отметить, что субъективное отношение у них намного оптимистичнее, чем у более молодого поколения, хотя объективно ситуация обстоит не так благополучно. Ввиду низких пенсий пенсионеры не в состоянии удовлетворить все свои потребности, пенсий хватает на удовлетворение только физиологических потребностей – на основные продукты питания и на поддержание здоровья (не на самом высоком уровне). Но несмотря на оптимизм пенсионеров касаемо своего материального положения, это совсем не означает, что они не хотели бы лучшей жизни – путешествовать, покупать новые вещи, лечиться в санаториях, ходить в бассейн и т.д.

Далее рассмотрим социально-культурный потенциал 2-х социальных групп. Особенностью социальных связей на селе является преобладание неформальных социальных связей. Происходит естественное разделение участников по статусам и ролям, выражающим их потребности, ценности, нормы, воплощенные в традициях. Это выражается в свободных связях и отношениях жителей друг к другу, если свадьба или рождение ребенка – то празднует вся улица, а то и вся деревня, если нужна помощь – то жители быстро кооперируются с целью помочь нуждающимся. И в таких связях пенсионеры отличаются от молодого населения тем, что они в большинстве случаев действуют безвозмездно, альтруистично, чего не скажешь про трудоспособное население, в их действиях уже присутствуют элементы эгоизма и прагматизма, что характерно для культуры индустриального рыночного общества. Так, истинно верят в то, что доброта делает человека лучше и чище, 88,9% пенсионеров и 77,6% трудоспособного населения; более половины пенсионеров считают, что совестливый и нравственный человек должен помогать бедным и слабым, даже если нужно что-то оторвать от себя, среди людей трудоспособного возраста таких оказалось менее половины.

Что касается «связей», которыми обладает население и к которым может обратиться, то здесь лидируют люди пенсионного возраста. 27,8% пенсионеров ответили, что они обращались неоднократно к «связям» и знакомым за какой-либо помощью, аналогично ответило 22,3% трудоспособного населения. Здесь, конечно, действует принцип, чем ты старше, тем больше твой социальный капитал, тем больше ты имеешь знакомых в своей жизни.

Что касается отношения сельского населения к своей малой родине, местности, в которой они живут, то у трудоспособного населения и пенсионеров этот показатель существенно отличается. Среди тех, кто рад, что живет в своем населенном пункте – половина опрошенных пенсионеров, среди трудоспособного населения таких оказалось почти в 2 раза меньше. У пожилого населения более уважительное отношение к своему месту жительства, их удовлетворяют те условия жизни, которые они имеют, проживая в сельской местности, они не так сильно стремятся к городскому образу жизни и к городской инфраструктуре, нежели более молодое поколение. Основная же причина недовольства у трудоспособного населения – это низкий заработок и тяжелая работа.

Так, среди тех, кто хотел бы уехать из своего населенного пункта, 2,8% пенсионеров и 21,4% трудоспособного населения – разница существенная, что еще раз показывает удовлетворенность пенсионеров своим населенным пунктом и нежеланием менять свой обычный образ жизни. А с другой стороны, эта разница показывает стремление молодых людей к высоким заработкам и поискам лучшей жизни в городе.

Вообще, пенсионерам присущ оптимизм и удовлетворенность своими условиями проживания, качеством жизни, пусть даже она далеко не комфортна по общепринятым нормам. Главные материальные потребности для них – жить так, чтобы без препятствий удовлетворялись физиологические потребности: питание, безопасность, постоянство условий жизни. Так, согласно опросу, пенсионеры намного больше довольны всеми услугами, предоставляемыми в сельской местности (качество воды, дорог, работа общественного транспорта, освещение улиц и их санитарное состояние, качество и ассортимент товаров торговых точек, работа объектов культурного досуга, качество медицинского обслуживания, охрана окружающей среды, работа службы быта, состояние жилья, безопасность передвижения по населенному пункту), нежели население трудоспособного возраста. То же касается и удовлетворенности работой различных учреждений в сельской местности.

Что касается чувства общности, то и у пенсионеров, и у трудоспособного населения оно ярко выражено с жителями своего же поселения, а также со всеми сельскими жителями, меньше оно выражено с жителями своего района, а хуже всего – с городскими жителями. Сельские жители не приравнивают себя к городским жителям, они считают друг друга абсолютно разными, имеющими мало чего общего: образ жизни, ценности, традиции, взаимоотношения в семье и в обществе в целом, отношение к природе и т.д. Но при этом, во всех случаях, чувство общности пенсионеров со всеми социальными общностями выражено намного сильнее, т.к. пенсионеров отличает в большей степени умеренность во всех отношениях, они более толерантны, лояльны, спокойны, нежели представители более молодого поколения.

У людей пенсионного возраста намного сильнее, нежели у трудоспособного населения, выражено уважение к традициям и обычаям–67,4% против 54,5% соответственно. Выше говорилось о том, что люди пенсионного возраста более консервативны, менее мобильны, чувствительны к изменениям, что и объясняет такую приверженность традициям и обычаям – это и есть их образ жизни.

Тот факт, что у пенсионеров более лояльное и оптимистичное отношение к своему населенному пункту, они больше, чем население трудоспособного возраста, удовлетворены условиями жизни в сельской местности, подтверждается и тем, что среди пенсионеров больше тех, кто хотел бы, чтобы их дети также оставались жить и работать в данном населенном пункте (25,7% пенсионеров против 12,3% людей трудоспособного возраста).

В пятерку главных ценностей, ради которых живут люди пенсионного возраста, входят: дети, семья, здоровье, благополучие своей страны и помощь людям. Среди трудоспособного населения эти ценности выстроены следующим образом: семья, дети, здоровье, материально обеспеченная жизнь и любовь. Это еще раз подтверждает вышеупомянутые утверждения о различных у двух поколений заложенных ценностях. Первые три ценности одинаковые у двух групп, так как это базовые ценности, которые, в первую очередь, важны для любого нормального человека. Что же касается двух последующих ценностей, то у пенсионеров это альтруистические ценности, а у другой группы – индивидуалистически-эгоистичные.

Относительно доверия к государственным ветвям власти, у пенсионеров оно, намного выше, нежели у трудоспособного населения. А к различным негосударственным организациям, наоборот, у пенсионеров больше недоверия. Причина в том, что для людей этого поколения присуще доверие к власти, официальному печатному слову, они смотрят на мир через «очки» советской идеологии, а этим, в свою очередь, зачастую пользуются и власть, и СМИ. У большинства молодого поколения другая картина. Так как в Интернете сейчас масса информации и разобраться в ней крайне сложно, зачастую оно не имеет какого-то устоявшегося мировоззрения либо идейного стержня. Для них многообразие информации – это просто разные обрывки образов и информации. Таким образом, молодежь нашла выход: никому особенно не доверять, используя клиповое мышление.

Более того, результаты опросов показывают, что в целом для людей пенсионного возраста положение улучшилось за последнее время, они довольны переменами и помощью государства. Отсюда и вытекает доверие к государству.

О доверии к государству говорит и то, что пенсионеры в большей степени, чем представители трудоспособного населения, доверяют такой материальный ресурс, как земля, только государству. А земля для сельского жителя – это самая большая драгоценность, неотъемлемая часть его жизни, поэтому и отношение к ней особое. И эту важную для них ценность пенсионеры готовы доверить только государству, они категорически против частной собственности на землю, считая, что землей должно владеть только государство и никак по-другому. Государство для них – гарант сохранности и стабильности.

Подводя итог, нужно отметить три главные особенности сельских пенсионеров. *Во-первых*, территориальная привязанность к родной деревне: они в целом довольны тем, что проживают в сельской местности, удовлетворены условиями и инфраструктурой своего населенного пункта. Более того, они не против, чтобы и их дети после получения образования возвращались жить обратно в деревню. Пенсионеры гордятся своим населенным пунктом, несут чувство гордости за него. Отсюда и доверие к государству, которое устроило для них такие условия жизни.

Во-вторых, преобладание альтруистических ценностей; они готовы безвозмездно помогать не только своим родственникам и близким людям, но и жителям своего населенного пункта, с которыми у них крайне сильно развито чувство общности. На это повлияли ценности, заложенные еще во времена социализма, где солидарность, коллективизм и приоритет общества над личностью – главные постулаты, что практически отсутствует у более молодого поколения.

И, *в-третьих*, приверженность традициям и обычаям – особенность сельских пенсионеров, именно они – источник опыта, мудрости, истории, традиций и обычаев нашей страны, благодаря чему эти духовные ценности еще живы. Поэтому невостребованность людей пенсионного возраста очень опасна, так как без них обесцениваются и теряются знания, традиции, обычаи, опыт и мудрость. А современное поколение пенсионеров достаточно выносливое и трудолюбивое, что может быть использовано в нашем обществе.

Знание человеческого, экономического, социального и культурного потенциала пожилых людей могут помочь скорректировать работу государственных органов, местных властей с пожилыми людьми, сделать их потенциальным ресурсом как формальной, так и неформальной экономики (ЛПХ, уход за детьми и внуками, общественная работа, помощь

сельсовету, волонтерство, уход за больными и немощными стариками и др.). В связи с этим необходимо и далее изучать такую социальную группу как пенсионеры, тем самым, вырабатывать эффективные стратегии повышения уровня жизни людей пенсионного возраста, искать возможные направления реализации их трудового потенциала, формировать у них позитивное социальное самочувствие, повышая их социальный статус в обществе.

В частности, необходимо реформировать пенсионную систему, где размер своей пенсии в большей мере определяет сам работник, а не государство; воспитывать у молодого поколения уважительное отношение к пожилым людям; защищать на законодательном уровне пенсионеров от дискриминации по возрасту на рабочих местах (увольнение с выходом на пенсию, отказ в устройстве на работе в предпенсионном возрасте); сформировать возможность для пенсионеров (и/или для людей предпенсионного возраста) заниматься предпринимательством на льготных условиях; организовать и сделать доступным обучение пенсионеров различным информационным технологиям (работе с компьютером, планшетом, смартфоном, работе в Интернете и т.д.). Данные меры дадут возможность пенсионерам реализовать свой потенциал, позволят не быть исключенными из рабочего процесса ввиду возрастной дискриминации на рабочих местах, а также позволят снять нагрузку с экономически активного населения.

Список литературы

1. Большой толковый социологический словарь (Collins) / пер. с англ. Т.2. М.: Вече; АСТ. 1999. 528 с.

2. Заславская Т.И. Социальная структура современного российского общества // Общественные науки и современность. 1997. №2. С.5–23.

3. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс] // URL: http://belstat.gov.by/ (Дата обращения: 24.06.2017).

Ю.Д. Красовский

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ В РЕГИОНАХ

Аннотация. *Обосновывается теория и методология социально-политического анализа основ организации управления в регионах. Дается описание трех исследовательских позиций автора.*

Ключевые слова: *организационное управление, регионы, визуальные модели, зондажные исследования.*

Yu.D. Krasovsky

SOCIO-POLITICAL BASES OF ORGANIZATION OF MANAGEMENT IN THE REGIONS

Abstract*. The theory and methodology of the socio-political analysis of the foundations of management in the regions is substantiated. A description of the author's three research positions is given.*

Keywords: *organizational management, regions, visual models, probing.*

Первая исследовательская позиция. Изучение социально-политических основ организации управления в регионах является, на мой может наш? взгляд, ключевым ориентиром в понимании исследований всей совокупности проблематики, сложившейся в регионах. Можно проанализировать *ступенчатый* вариант организационного управления: от высших звеньев к низовым и от низовых звеньев к высшим звеньям. Тогда могут выявиться

очень интересные парадоксы и эффекты организации регионального управления в каждой области. Можно предположить, что выявятся определенные типичные зависимости в каждом регионе, а также определенные типичные ошибки административного управления сверху вниз. Прежде всего, на мой взгляд, важно понять, как влияют на организацию управления и его эффективность зависимости от финансирования из федерального бюджета и из регионального бюджетов; от типов регионов (депрессивные, дотационные, самодостаточные, донорские). На этой основе выявятся большие различия государственного управления регионами и регионального управления сверху-вниз и снизу-вверх. На основе этих исследований можно выстроить многомерные визуальные модели от руководителей мэрии до губернаторов и понять парадоксы управления в «расшифровке» их социальной ответственности (см. рис. 1). Только я предлагаю одно существенное методологическое нововведение в исследования этих феноменов: методический инструментарий должен быть выстроен так, чтобы все эти феномены изучались во временны*х* характеристиках (как было ранее, как стало сейчас, как хотелось бы). То есть должны быть *три временных модели* в наглядном (визуаграфическом) изображении [1].

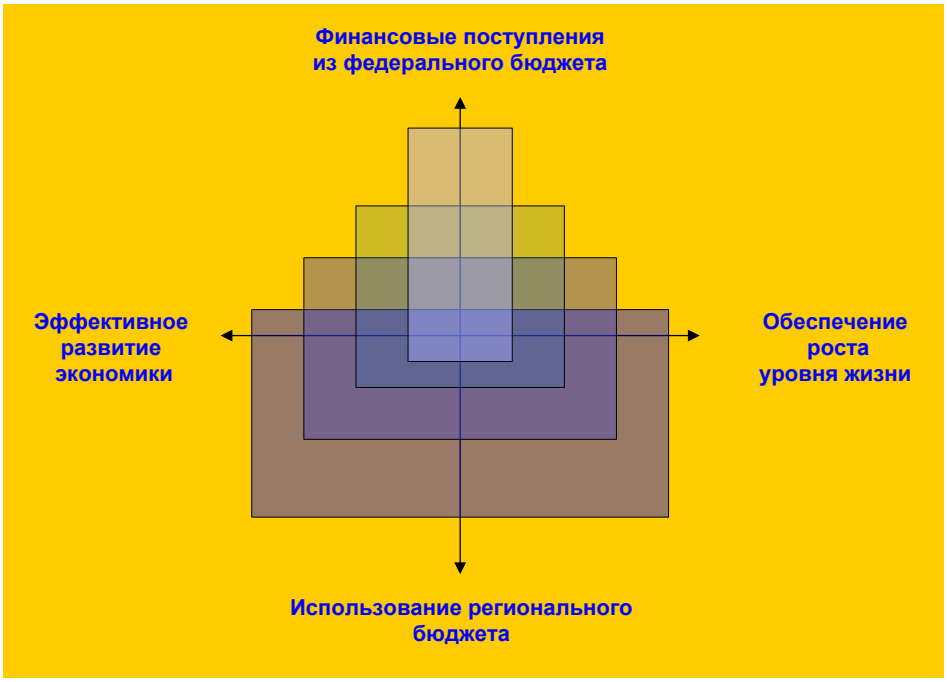

Рисунок 1. Модель распределительных отношений в региональном социально-экономическом пространстве регионов

Вторая исследовательская позиция. Очень интересными могут быть *исследования политики генеральных директоров крупных и средних фирм по отношению к региональной власти* на всех уровнях организации управления, где должны быть, на мой взгляд, выделены следующие парные противоположности, сформулированные как «персонализированные отношения – формализованные отношения»; «отношения сотрудничества – конфликтные отношения»; «партнерское взаимодействие – противостояние бизнес– региональная власть»; «благотворительная помощь власти – «теневое» воздействие на власть». Названные шкалы, на мой взгляд, должны быть представлены в 10-бальной шкале. Но сначала важно провести зондажные исследования, чтобы скорректировать предлагаемые показатели. Здесь также важно провести исследования в вышеназванном трехмерном временном диапазоне. Может быть, следует провести исследование на опросах фирм Газпрома и крупных компаний, так или иначе оказывающих то или иное влияние на все уровни региональной власти.

Третья исследовательская позиция. Также следует исследовать и обратный процесс: политику со стороны региональной администрации по отношению к компаниям, крупным и

средним. Здесь возможны шкалы типа «диктат: региональная администрация – бизнес», «партнерство: бизнес – региональная власть», «патронаж: региональная власть – бизнес», «взаимодействие: региональная власть – бизнес». Конечно, в этом случае также нужны зондажные исследования, но лучше провести тренинги, где следует выявить, по каким показателям лучше всего проводить выявление политики региональной администрации по отношению к бизнесу. И в этом случае методологически важна временная триада (в прошлом, в настоящем, в будущем). В этом случае выявится динамика развития социально-политических и экономических взаимоотношений в «связке» региональной власти и бизнес-организаций. Важно также опросить и малый бизнес. Осуществить указанные исследования классическими социологическими методами очень сложно. В данном случае можно использовать методику управленческого консультирования, которая отличается от социологических опросов, или можно использовать методики визуализированного интервью и бланковых опросов.

Изучение региональной управленческой политики предполагает совмещение фундаментальных исследований с прикладными исследованиями, классических исследований с консалтинговыми исследованиями, экономической социологии с социологией организации и управления. Важно в каждом случае находить и фиксировать «болевые» точки и на этой основе конструировать определенные управленческие модели стратегического развития регионов, диагностируя их по четырем типам. Представляется, что итогом региональных исследований управления должна быть *уникальная* карта развития России во временном ракурсе, которая могла бы демонстрировать такую наглядность, которая помогала бы учитывать многочисленные факторы «увязки» организации управления из центральных органов власти.

Список литературы

1. Красовский Ю.Д. Визуаграфическое моделирование рефлексивных консалт-технологий [Текст] // Материалы Афанасьевских чтений. 2016. № 1(14). С. 7–21.

Т.А. Криворотова

ДИНАМИКА ТРАНСФОРМАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО КОМПОНЕНТА НИЖЕГОРОДСКОГО РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация. *Изменение этнического состава Нижегородского региона, до определенного времени считавшегося весьма стабильным не только в количественном отношении, но и в качественных показателях культурообразующих детерминант, в настоящее время оказывает непосредственное влияние на этнокультурное развитие регионального пространства. По мнению автора, к числу факторов усиления (ослабления) трансформации этнокультурного компонента следует отнести изменение баланса сил автохтонного и этнофорного населения, роль мигрантов в этнокультурном поле региона, трансформацию основ этнической ментальности, степень значимости этнокультурного фактора в городском пространстве региона.*

Ключевые слова: *этнокультурное развитие, автохтонное население, этнофорное население, этнический менталитет, этническая культура.*

T.A. Krivorotova

DYNAMICS OF TRANSFORMATION OF THE ETHNOCULTURAL COMPONENT OF THE NIZHNY NOVGOROD REGION IN THE CONDITIONS OF GLOBALIZATION

Abstract. *Change of ethnic structure of the Nizhny Novgorod region till the certain time which was considered very stable not only in a quantitative sense but also in quality indicators the kulturoobrazuyushchikh of determinants, exerts direct impact on ethnocultural development of regional space now. According to the author, it is necessary to refer change of balance of forces of the autochthonic and etnoforny population, a role of migrants in ethnocultural half of the region, transformation of bases of ethnic mentality, degree of the importance of an ethnocultural factor in city space of the region to number of factors of strengthening (easing) of transformation of an ethnocultural component.*

Keywords: *ethnocultural development, autochthonic population, etnoforny population, ethnic mentality, ethnic culture.*

Развитие общественных отношений и собственно функционирование отдельно взятого региона как социального организма в последние годы все чаще связывают со структурно-функциональными особенностями его этнокультурной составляющей. Изменение показателей этнического состава Российской Федерации, увеличение плотности системных связей полиэтнической структуры определяют новое содержание социальных процессов, не лишенное проблем и противоречий. С одной стороны, это провозглашение идей культурной интеграции, создание новой культурообразующей основы; с другой −обострение социальных противоречий, смена доминант культурных взаимосвязей, размытость ментальных конструкций коллективного поведения.

По официальным данным Нижегородская область традиционно относится к регионам со стабильным этническим составом населения: численность русского населения составляет 95,1% и только 4,85% − это представители других этнических общностей [12]. Казалось бы, все выглядит вполне стабильно и благоприятно с очевидным перевесом традиционно русской этнокультурной составляющей, что неоднократно подчеркивалось представителями региональной власти. Ссылаясь на данные социологического опроса 2009 года, согласно которому «80% населения удовлетворены сложившимися отношениями в межнациональной сфере», заместитель министра внутренней политики Нижегородской области А. Кавинов в интервью СМИ заявил, что «в настоящее время в области не проявляются тенденции, указывающие на рост напряженности или возможность возникновения масштабного конфликта» [4].

Тем не менее, по данным исследования Центра изучения национальных конфликтов и т.н. «Клуба регионов», проводимого в период с сентября 2013 по март 2014 года, Нижегородская область вошла в список регионов с высоким риском межэтнической напряженности. В числе самых значимых факторов эксперты называли динамику миграционных потоков и снижение уровня культуры межнационального общения [1].

Объяснение этого явления кроется в изменении баланса соответствия автохтонной и этнофорной составляющей этнокультурного компонента Нижегородского региона. Обычно под *автохтонным населением* территории понимают представителей этнокультурных групп, возникших и изначально определяющих доминанты развития этнокультурного пространства региона. К числу *этнофоров* следует отнести индивидуальных носителей этнической культуры, наделенных соответствующими психическими особенностями поведения. Первая категория более консервативна и с большим трепетом относится к сохранению априорных сакральных смыслов этнического бытия. Для второй категории свойственен определенный культурный динамизм, стимулирующий обновление традиционных норм культуры с учетом сохранения неповторимости и уникальности этнокультурных особенностей своей группы.

В основе взаимодействия автохтонного и этнофорного населения лежит преемственность культурных традиций. Однако ориентированные на обновление этнофоры выполняют роль своеобразного «культурного фильтра», передавая новое свойство традиции последующему поколению как культурный код.

Изменение индекса этничности территории повышает активность этнофоров, в результате чего происходит постепенное унифицирование этнокультурной специфики. Характер этого процесса весьма неоднозначен и сопровождается противоречиями и противостоянием представителей этнических групп относительно определения основ этнокультурной идентичности и менталитета в новых предлагаемых социальных условиях.

Нижегородская область представляет собой полиэтническую территорию, где состав населения включает более чем 140 этнических общностей. К числу коренных этносов Нижегородской области, согласно переписи 2010 года, относятся: русские (3109,6 тыс. чел.), татары (44,1 тыс. чел.), мордва (19,1 тыс. чел.), чуваши (9,7 тыс. чел.), марийцы (6,4 тыс. чел.) [13].

В настоящее время в регионе существуют муниципальные районы с компактным проживанием коренных национальностей: марийцы – Тонкинский, Шарангский, Тоншаевский районы; татары – Сеченовский, Спасский, Княгининский, Краснооктябрьский, Пильнинский, Сергачский районы; мордва – Лукояновский, Сергачский, Сеченовский, Гагинский, Большеболдинский, Пильнинский, Шатковский районы.

В общем миграционном приросте по области на протяжении последних лет основная доля потока приходится на страны СНГ. В численном отношении это, в первую очередь, украинцы (17,6 тыс. чел.); армяне (13,2 тыс. чел.) и азербайджанцы (8,4 тыс. чел.). Наблюдается увеличение численности представителей народов Кавказа и Средней Азии. Как правило, вновь прибывшие контактируют с уже имеющимися землячествами, основу которых составляет второе поколение мигрантов, уже адаптировавшееся, выработавшее приемы поведения, одинаково удовлетворяющие как местным, так и этническим культурным нормам.

На 1 января 2010 года Главным управлением Министерства юстиции РФ по Нижегородской области зарегистрировано 34 национально-культурных общественных объединения, включая 12 национально-культурных автономий.

Начиная с 2010 г. по данным УФМС в Нижегородском регионе наблюдается прирост миграционного населения, причем лишь за период с января по март миграционный прирост на 7,5% компенсировал естественную убыль населения области [11]. Территория Нижегородского региона является крайне привлекательной для мигрантов, которые, в первую очередь, приезжают сюда с целью трудоустройства или обучения. В 2015 г. прирост мигрантов составил 705 чел., среди которых отмечены представители Таджикистана, Азербайджана, Узбекистана, Армении, Украины, Киргизии, Казахстана [8]. Следует заметить, что основная доля мигрантов, согласно проведенным исследованиям, представляет собой иноэтническую социальную группу, которая отличается от коренного населения своими культурными и религиозными традициями, а также социально-экономическим положением [12].

Закрепление на территории региона отличных от традиционных этнокультурных элементов оказывают бесспорное влияние на систему культурных координат принимающего общества. В перспективе речь может идти о факторе потери т.н. «этнического домена», который имеет место в сложных полиэтнических структурах, где ставится под сомнение традиционная культурная доминанта базового этноса. В этих условиях происходит трансформация этнической ментальности как своеобразного индикатора развития социокультурной среды этносистемы региона.

Понятие *этнического менталитета* следует определять как атрибут этнической культуры, который связывают с фундаментальным слоем коллективного поведения, деятельностно-эмоционального реагирования на различные ситуации, присущие конкретному этносу [3, с. 13–4].

Во-вторых, феномен этнической ментальности тесно связан с проблемой социокультурного наследования, что, по мнению немецкого социолога К. Мангейма, абсолютно очевидно. «Представители любого поколения – пишет он в своей работе «О проблеме поколений», – могут действовать только в хронологически ограниченном отрезке исторического процесса и поэтому необходимо постоянно передавать накопленное культурное наследие» [14, с. 292]. Однако сам процесс трансляции культурного опыта зависит от фактора «стабильности/нестабильности» социальных систем. Для ситуации нестабильности (в т.ч. перехода, качественных изменений, так характерных для современных этносистем), свойственна *трансформация культурного наследия* и передача его от предыдущих поколений последующим. Собственно, характер и масштаб трансформации всецело зависят от условий и социокультурных свойств среды, где функционируют механизмы формирования этнической ментальности.

Этнокультурная составляющая ментальности россиян в условиях эволюции средовых особенностей российских регионов подверглась серьезным изменениям под влиянием ряда пространственных новообразований последних лет, а именно:

- процесс социального наследования протекает в условиях трансформации культурных доминант этнических структур и элементов существующих региональных пространств;
- явление культурной преемственности вытесняется процессом культурных заимствований и обострением конкуренции в отношении этносоциального доминирования групп;
- равнодушие, непонимание и крайняя степень неприятия культурных идеалов прошлого среди молодежи;
- затруднение в формировании социальной позиции индивида в условиях сложного многообразия и культурной неоднородности региональных этнокультурных пространств.

В этих условиях для этнической ментальности россиян становятся характерными две взаимоисключающих тенденции: способствующие сохранению социума и культуры в рамках открытой системы региона, с одной стороны; и инициирующие разрушение сложившейся традиционности, вплоть до уничтожения т.н. «отжившей культуры» социума – с другой. Интенсивность проявления каждой из упомянутых тенденций зависит от полноты выражения этнокультурных установок представителями различных этнических групп.

Центром трансформации этнокультурного поля региона выступает городская среда [5]. Феномен развития городской среды в последние годы неразрывно связан с актуализацией этнокультурной составляющей среды обитания горожан. Взрыв привычного уклада городской жизни, вызванный естественным стремлением приобщиться к благам цивилизации эры *«global society»,* изменил культурный облик среды взаимодействия горожан, что многими исследователями воспринималось как «трагедия культуры», средство ее вырождения и исчезновения [7, с. 80].

Противники этой точки зрения утверждают, что новый зарождающийся мир несет в себе идею освобождения человека от этнокультурных ограничений. Акценты развития человека в новом пространстве глобальной культуры лежат в плоскости индивидуального развития, самостоятельного выбора и свободы, возводимой порой в абсолют. Таким образом, этнокультурная составляющая социума рудиментарна и ее присутствие в пространстве города – временное явление с точки зрения глобальной эволюции.

Позволим себе проанализировать статику и динамику текущих состояний городской среды г. Нижнего Новгорода с точки зрения значимости ее этнокультурной составляющей и привести аргументы в пользу неоднозначности происходящих социальных процессов [6].

Как известно, общество «в корнях своих это феномен этнический» [2, с. 43], культура которого отражает самобытный уклад, а также специфику поведения представителей этнических групп в любых пространственно-социальных формах.

Современное воплощение в жизнь модели *«global society»* трансформировало привычную городскую среду. На одной чаше весов оказались развитие городской

инфраструктуры, расширение сети учреждений досуга, быта, культуры, все возрастающая анонимность социальных отношений, высокая плотность населения и неблагоприятная атмосфера здоровья. Необходимость обретения информационного баланса за счет поворота к «универсальному технологизму» постепенно вытесняет самобытный уклад этнической культуры. Понятие «этническая культура» обретает статус продаваемого товара (услуги), не имеющей ничего общего с этнической культурой, присущей населению данной местности.

Иллюстрацией сказанному могут быть данные анализа досуговых центров г. Н. Новгорода, размещенных в структуре интернет-ресурса «Life-NN» [13], имеющий закладку «культура – этно». Представленные на сайте организационные формы не отражают специфику этнокультурной составляющей Нижегородского региона и позиционируют себя в социальном пространстве не более как среду «социального релакса».

Понятие этноисторического образа социального пространства проживания постепенно вытесняется, и из разряда доминирующего переходит в разряд дополняющего образ современного динамически развивающегося города. В этих условиях этнокультурная составляющая городского пространства постепенно обретает индекс нейтральности и становится уязвимой для культурных новообразований, вызванных миграционными процессами.

Миграцию можно рассматривать побочным эффектом глобализационной эры. Мигрантов отличает более мощное, чем у представителей принимающей стороны, стремление обрести собственную нишу в новой социокультурной среде. Казалось бы, абсолютным фактором успеха для них в данном случае может стать отрицание своего этнического «Я» или, по крайней мере, его нейтрализация. Однако данные социологического опроса, проведенного среди представителей этнических групп, проживающих на территории г. Нижнего Новгорода в течение пяти и менее лет, позволяют утверждать обратное.

1. Более 50% опрошенных считают необходимым сохранение языка и языковой культуры на вновь осваиваемой территории. Как известно, язык выступает гарантом сохранения этнокультурной принадлежности и базовым фактором в трансляции традиций этнической общности. 58% считают важнейшими в своей жизни вопросы, связанные с этнической принадлежностью, остальные 42% в этом вопросе полагаются на обстоятельства, не сбрасывая со счетов значимость этнической принадлежности к своей группе.
2. Ощущение комфортности среди других этносов, желание взаимодействовать без ограничений присуща 43% опрашиваемых. Большинство (53%) предпочитает сохранять некую дистанцию; при определенных неблагоприятных обстоятельствах рассматривает возможность ограничения контактов. Только 7% опрошенных высказались за самый комфортный способ существования, когда тебя окружают представители исключительно своей этнической группы.
3. При ответе на вопрос о возможном выборе соседей для проживания преимущества остались у представителей своего этноса (56% от общего числа опрошенных). Однако при рассмотрении результатов опроса отдельных этнических групп эта цифра колебалась от 52 до 60%. Среди предложенного списка т.н. «соседей» чаще других (95% случаев) фигурировали «русские». Лишь 20% опрошенных высказались безразлично по отношению к этнической принадлежности своих соседей. Для более 70% респондентов важным остается сохранение этнокультурных традиций и обычаев внутри семьи независимо от территории проживания.

Таким образом, этнокультурная составляющая городского пространства обретает глубоко социальный смысл, представляя собой значимый фактор трансформации культурообразующей детерминанты жизни современного города в контексте:

- усиления (ослабления) пространственной конфликтогенности;
- открытости (латентности) процессов социального взаимодействия и культурного обмена;
- повышения (понижения) показателей социальной безопасности горожан.

Подводя итог заметным изменениям в жизни Нижегородского региона, следует обратить внимание на противоречия в позициях субъектов среды относительно роли этнокультурной составляющей региона.

По мнению представителей власти, этнически стабильная ситуация в Нижегородском регионе выступает гарантом благополучия и стабильности этнокультурного развития, а значит, во многом может поставить под вопрос степень необходимости привлечения и использования дополнительных ресурсов для работы в этом направлении.

Согласно исследованиям независимых экспертов, появление новых диаспор за истекший период времени, активное их участие в социально-экономической жизни региона могут в перспективе обозначить регион как зону риска со сменой этнокультурных приоритетов.

Глубокое убеждение самих нижегородцев состоит в том, что этнокультурный компонент следует использовать как допинг культурно-развлекательной жизни.

Различные точки зрения на значимость этнокультурной составляющей территории требуют дополнительных данных для определения ясности.

Список литературы

1. «Гроздья гнева»: межэтническая напряженность в регионах России будет лишь нарастать [Электронный ресурс] // Информационное агентство Новости Федерации. URL: http://regions.ru/news/2507052/ (Дата обращения: 24.05.2017)

2. Дугин А.Г. Этносоциология. М.: Академический проект, 2014. 844 с.

3. Еромасова А.А. Ментальность русского человека как феномен национальной культуры (философско-антропологический анализ): автореф. дис. докт. филос. наук: 09.00.13 / А.А. Еромасова. СПб: 2007. 42 с.

4. Интервью с зам. министра внутренней политики Нижегородской области А. Кавуновым 28.01.2010 [Электронный ресурс] // Время: Новости Нижнего Новгорода и Нижегородской оббласти. URL: http://www.vremyan.ru (Дата обращения: 24.05.2017).

5. Криворотова Т.А. Этнокультурный фактор в городском пространстве эпохи «global society» // Специфика профессиональной деятельности социальных работников. К 100-летию Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Н. Новгород: НИСОЦ, 2015. С.129–132.

6. Криворотова Т.А. Этносоциальная диномия в эволюции современных обществ // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2013. № 4 (32). С.38–44.

7. Кутырев В.А. Глобальный мир: от культуры к технологии, от истории к «дискурсу памяти» // Диалог мировоззрений−коллективная социально-историческая память и вызовы современности: Программные материалы X Международного симпозиума 27–29 мая 2009 г. / Под ред. А.В. Дахина. Н. Новгород: Изд. ВВАГС, 2009. 214 с.

8. Лакомова А.А. Социальная адаптация мигрантов в Нижегородской области: проблемы и способы решения [Электронный ресурс] // Киберленинка. URL: https://cyberleninka.ru (Дата обращения: 25.05.2017).

9. Мигранты в Нижегородском регионе [Электронный ресурс] // правительство Нижегородской области. URL: http://www.government.nnov.ru/?id=60384 (Дата обращения: 30.09.2010).

10. Национальный состав населения Нижегородской области на 10.09.13 [Электронный ресурс] // Информационные материалы об окончательных итогах ВПН 2010 Нижегородстата URL: http://nizhstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/nizhstat/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/ (Дата обращения: 24.05.2017).

11. Национальный состав областей России 18.03.2015 [Электронный ресурс] // URL: http://www.statdata.ru/nacionalnyj-sostav-oblastei-rossii/ (Дата обращения: 24.05.2017).

12. Ситникова Е.Л. Основные направления регулирования миграционных процессов в Нижегородской области // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2011. № 1 (21). С. 74–79.

13. Life-NN [Электронный ресурс] // URL: http://www. life-nn.ru (Дата обращения: 24.05.2017).

14. Mannheim K. The Problem Generations // Essays on the Sociology of Knowledge: London. 1952. P 292.

Н.М. Лавренюк

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ И СТРАТАГЕМНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СЕМЬИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНА РОССИИ

Аннотация. *Социокультурное развитие регионов России в условиях дисбаланса потенциала модернизации как объективной причины и разработки стратегий социально-экономического развития в результате принятия ФЗ-172 от 28.06.2014 г. «О стратегическом планировании в Российской Федерации» как субъективной причины актуализирует поиск ключевых решений стратагемного содержания. Одним из таких решений стала стратегическая инициатива «Семья РБ–2030».*

Ключевые слова: *социокультурное развитие региона, стратегический и стратагемный потенциал, семья*

N.M. Lavrenyuk

STRATEGIC AND STRATAGEMY POTENTIAL OF THE FAMILY IN THE SOCIO-CULTURAL DEVELOPMENT OF THE REGION OF RUSSIA

Abstract. *The imbalance potential of the regions constrains the sociocultural development and stimulates the search key decisions stratageme content. One of such solutions has become a strategic initiative «Family RB-2030».*

Keywords*: socio-cultural development of the region, strategic and stratagemy potential family.*

Стратегическое развитие Республики Башкортостан сфокусировано как на социально-экономическом, так и на социокультурном потенциале. В центре развития региона – люди и их ценности. Согласно объективным данным российских и республиканских социологических исследований[19], стабильные топ-три базовых ценностей: «жизнь и здоровье», «семья и дети», «доход и благополучие». Если «жизнь и здоровье», «доход и благополучие» − качественные характеристики социальных субъектов, то «семья и дети» – это сами субъекты.

Принимая во внимание, во-первых, что с позиций антропосоциетального подхода в формулировке профессора Н.И. Лапина сегодня деятельность человека как социального субъекта сопоставима с деятельностью социального института [3, с.11]. Во-вторых, что с позиций гранулярной теории общества индивид является социальной гранулой, «нечеткое» множество которых образуют социальный класс. Объединение индивидов в гранулу

[19]Организаторы исследований 2007 и 2010 гг. Институт социально-политических исследований, с 2015 г. – Институт стратегических исследований Академия наук Республики Башкортостан. Объект исследования: население РБ в возрасте от 18 до 75 лет. Выборка: стратифицированная с квотированием на этапе отбора в домохозяйстве по половозрастной структуре. Общий объем выборки: 6300 чел. во всех городских округах и практически в 90% муниципальных районах региона. Сроки полевых работ: июль-сентябрь 2015 г. Метод сбора данных – анкетирование. Результаты обработаны с помощью программы SPSS-17.

определяется, исходя из вероятности сходства индивидов, «близости» индивидов по доходу, образованию, ценностям, стилю жизни и т.д. [1]. В-третьих, принимая позицию В.Е. Лепского о третьем типе рациональности, согласно которому субъектно-ориентированное конструирование саморазвивающихся полисубъектных сред включает различные типы субъектов, а доминирующими типами управления становятся виды управления через среду (на основе «мягкой силы» Дж. Най, А. Грамши), с помощью управления сложностью, задания механизмов функционирования среды, «сборку субъектов» и др.) [2, с. 48, 62]. Семья стала ключом в стратегическом социальном развитии Республики Башкортостан [4]. Потенциал Семьи используется не только в качестве общепризнанной ценности, но и как одной из базовых социальных групп, основного социального института, объекта и субъекта развития. Подтверждением верности выбранного приоритета стали и результаты исследования «Гражданская экспертиза сферы управления», проведенного в Башкортостане совместно Башкирским филиалом и Центром социологии управления и социальных технологий Института социологии РАН в 2014 г. Используя омнибус, выявлено, что самореализация населения успешнее всего происходит в семье, т.к. ценностная дистанция оценки себя респондентом и оценки себя с позиций других по отношению к разным статусно-ролевым наборам здесь самая короткая (11,3%). Самая длинная – в отношении оценки статусно-ролевой позиции личности и гражданина (21,9 и 20,2%).

Ценность Семьи разделяется большинством взрослого населения (около 95% респондентов в исследовании 2015 г.) и проявляется в ее значимости для государства, общества и каждого человека. Она заключается в способности удовлетворять потребности государства, общества и отдельных граждан в демографическом, социокультурном воспроизводстве. Семья влияет на развитие человеческого потенциала (долголетие, образование, работа, культурный досуг, формирование ответственности) и на социально-экономическое развитие республики в целом.

Актуализация роли Семьи признана сегодня как на федеральном, так и на региональном уровнях. Это подтверждает ряд нормативно-правовых документов в отношении семейная политики РФ и РБ. Среди основных: «Концепция семейной политики РБ до 2025 года», «Стратегия действий в интересах детей в Республике Башкортостан на 2013–2017 годы», Концепции демографической политики Республики Башкортостан на период до 2025 года. Используемые в них целевые показатели брачности и разводимости, детности и бездетности, форм брака и др. показывают, что Семья сегодня нездорова, нарушено социальное семейное воспроизводство.

Экспертами региона была разработана нормативно-целевая модель желаемого образа «Семьи Республики Башкортостан–2030» – целевого приоритета государственной семейной политики[20]. Ее отличие – в интеграции ценностного смыслового капитала «Семьи» как для самих семей, так и для государства и вовлечение потенциала семей в социально-экономическое развитие на принципах партнерства.

Перспективы стратегического развития региона до 2030 г. во многом определяются и будут зависеть от молодых семей. Поэтому решение задачи нормализации социального воспроизводства и развития семейных компетенций в пилотном режиме стартовало в 2017 году в проекте «Молодая семья» в четырех муниципальных образованиях, которые соответствуют основным типам административно-территориальной структуры региона.

В построении эффективной работы с молодыми семьями заключен стратагемный потенциал. В рамках СИ «Семья РБ-2030» разработан портфель стратегических проектов, которые были приняты Правительством РБ и одобрены по итогам Общественного обсуждения 20 января 2017 г. Однако Главой региона рекомендована апробация проектов в

[20]Модель KPI Государственной семейной политики («Цветок курая») принята по итогам совещаний по вопросам экспертизы стратегических инициатив, разработанных членами проектной группы № 3 «Развитие человеческого капитала», утверждена Заместителем премьер-министра РБ С.Т. Сагитовым 27.07.2016 г.

пилотном режиме. Через работу с молодыми семьями планируется реализовать весь пул стратегических проектов инициативы «Семья РБ-2030».

Реализация пилотного проекта основана на принципах социального проектирования: сжатие социального пространства через события; сжатие социального времени (интенсивность значимых событий), увеличение плотности социальных связей и отношений социоконструктивного характера; формирование среды через вовлечение в проектную деятельность и развитие проектных компетенций как нормы у большинства населения, включая семейное; формирования потребности, интереса и сильной мотивации проведения времени в семейном пространстве, которое расширяется до границ муниципального сообщества. Разработка стратегических проектов основана на смене парадигмы государственной политики «работа с последствиями» на парадигму «работа на предупреждение»; стратагемный характер, который заключен в инновационном содержании решений с обеспечение продолженного эффекта.

Проектный потенциал развития Семьи, включая молодые семьи, в рамках Проекта Стратегии социально-экономического развития РБ до 2030 года, заключен в разработанных и предлагаемых проектах стратегического значения по направлениям нормативно-целевой модели KPI семейной госполитики (здоровая, полная, ответственная, мотивированная, духовная, образованная семья) и соответствующим им пакетов проектов в рамках стратегической инициативы «Семья РБ-2030». Каждый проект обладает инновационным зарядом и нацелен на создание конкурентных преимуществ ценностно-компетентностного социального капитала РБ. СИ «Семья РБ-2030» обладает сильным мотивационным зарядом консолидации регионального социума. Она – серьезный вызов и конкурентное преимущество стратегического развития РБ. Ответ на основную угрозу развитию – усиление разбалансированности в развитии и интеграцию внутренних ресурсов.

Список литературы

1. Давыдов А.А. Конкурентные преимущества системной социологии // Официальный сайт ИС РАН. – 2008. URL: http:www.isras.ru/publ.html?id=855.

2. Лепский В.Е. Эволюция представлений об управлении (методологический и философский анализ). М.: Когито-Центр, 2015. 107 с.

3. Проблемы реформирования властно-управленческой вертикали в контексте процессов социокультурной модернизации регионов [Электронное издание] // ИНАБ № 1. 2016. / [А.В. Тихонов и др.]; отв. ред. А.В. Тихонов. М.: ИС РАН, 2016 С. 1–38.

4. Стратегия социально-экономического развития Республики Башкортостан на период до 2030 года: монография / Д.В. Котов, Д.А. Гамилова, И.В. Буренина, Р.Р. Ахунов, А.В. Янгиров, Н.М. Лавренюк, Д.В. Попов, И.Ю. Карелин и др. Уфа: АЭТЕРНА. 2016. 319 с.

П.И. Мунин

РОССИЯ И МИР: ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Аннотация. *Послевоенные поколения оказались заложниками демографического взрыва, возникшего синхронистично с проведением старшими поколениями атомных и термоядерных взрывов – ядерных испытаний (ЯИ), оказавших неизгладимое влияние на окружающую среду, социальный порядок и экономику в глобальном и локальном смыслах. В силу естественной возрастной стратификации население мира и его части представляют собой систему взаимодействующих возрастных когорт, которые восприняли и воспринимают все последствия этих взрывов соответственно своему возрасту. В статье обсуждаются результаты этого восприятия, полученные на основе обработки демографических данных ООН о послевоенных поколениях 50-х, 70-х и 90-х гг. XX века для Мира и России.*

Ключевые слова: *ядерные испытания, качество, количество, пирамида численности, демографический переход, поколение, мультипликативный демографический индекс.*

P.I. Munin

RUSSIA AND WORLD: POST-WAR LIFE

Abstract. *Post-war generations were hostages of a demographic explosion that arose synchronously with the conduct of older generations of atomic and thermonuclear explosions, which had an indelible impact on the environment, social order and economy in global and local senses. Due to natural age stratification, the world population and its parts are a system of interacting age cohorts that have perceived and perceive all the consequences of these explosions according to their age. The article discusses the results of this perception, obtained on the basis of processing the UN demographic data on the post-war generations of the 50's, 70's and 90's. XX century for the world and Russia.*

Keywords: *nuclear tests, quality, quantity, population pyramid, demographic transition, generation, multiplicative demographic index.*

Американские военные и ученые в конце Второй мировой войны произвели атомную бомбардировку Хиросимы и Нагасаки, положившую начало интенсивным ядерным испытаниям (ЯИ), преследующим устрашение населения всего мира. Реакция населения на столь явную угрозу тотального уничтожения не заставила себя ждать – начался демографический взрыв, повлекший за собой осознание необходимости перехода к новому социально-экономико-экологическому порядку [1].

Цель этого перехода была детерминирована послевоенными поколениями как «устойчивое развитие», призванное обеспечить неопределенно долгое удовлетворение потребностей людей из поколения в поколение. Сейчас разработана «дорожная карта» перехода к устойчивому развитию, размеченная 17 вехами-целями [4], чтобы не сбиться с намеченного пути.

Подтверждение реальности существования такого пути естественным образом обнаруживается в демографическом переходе – своеобразном отображении происходящих социальных, экономических и экологических изменений (рис. 1). Среди экологических факторов, появившихся вследствие ЯИ, важнейшим стало распространение «глобальных» радионуклидов, включая *радиоактивные инертные газы*.

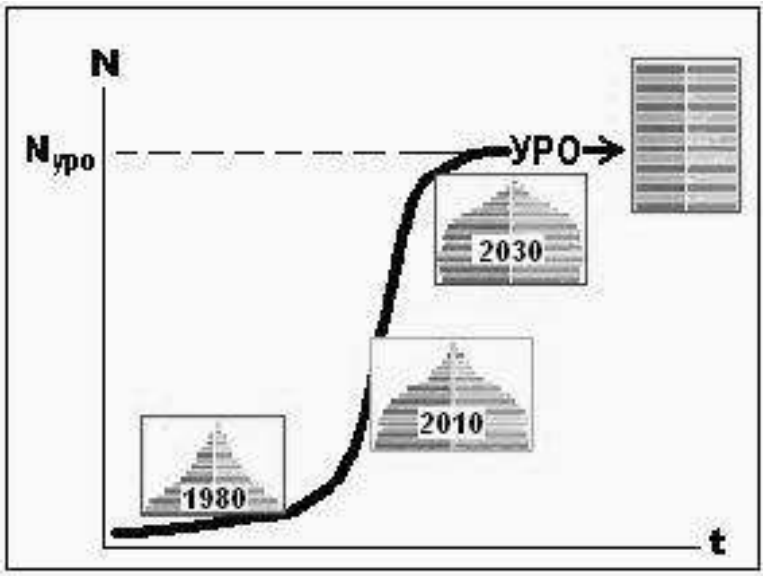

Рисунок 1. Глобальный демографический переход к устойчивому развитию общества (УРО) с пирамидами численности 1980, 2010, 2030 гг. и «прямоугольным» аттрактором

[1, с. 153]

Люди сообразно своим представлениям о значимости тех или иных социальных, экономических и экологических факторов, определяющих качество жизни, а также вдыхая *радиоактивные инертные газы*, принимают важнейшие решения о продолжении рода или его завершении, освоении территории проживания или переезде-миграции.

Совокупный результат подобных решений, оформленный в виде так называемой «пирамиды численности», служит, в свою очередь, демографическим индикатором – *демоиндикатором* – прохождения вех намеченного пути, ведущего к УРО.

С помощью такого *демоиндикатора* легко обнаруживается не только устойчивость количественного роста численности населения, судя по площади соответствующих пирамид, но и столь же устойчивый тренд изменения его возрастной структуры.

Этот тренд заключается в преобразования треугольной пирамиды в некое подобие прямоугольника. Аттрактором такой *качественной* трансформации служит равномерное распределение численности населения по возрастным когортам. С демографической точки зрения этот тренд именуется как «старение населения» и терминологически воспринимается отрицательно.

Экономисты оценивают «старение населения» негативно в виде постулируемого снижения эффективности экономики в целом из-за роста затрат на социальное обеспечение пенсионеров. И предлагают виртуальное избавление от них, повышая пенсионный возраст, что отрицательно воспринимается уже остальным – активным населением.

Таким образом, устойчивость тренда качественного изменения возрастной структуры населения мира признается всем сообществом, включая экономистов и социологов.

Экологи, тем не менее, продолжают апеллировать из-за очевидного роста нагрузки на окружающую среду к количественной стороне демографического перехода, что практически делает бесперспективным создать любую теорию развития.

Вместе с тем «прямоугольный» мир, в котором люди после рождения живут без смертельных болезней в благожелательном окружении и покидают его одновременно со всеми своими ровесниками, можно назвать счастливым, а общество ─ исполненным *социального здоровья* [2].

В качестве индекса социального здоровья предлагается использовать так называемый «мультипликативный демографический индекс─МДИ», который вычисляется как *отношение произведения численности возрастных когорт, составляющих реальную пирамиду, к произведению численности возрастных когорт аттрактора, обладающего той же площадью, что и реальная пирамида* [3, с. 72].

По своему смыслу МДИ определяет относительное разнообразие связей между членами сообщества, стратифицированная численность которого представлена реальной пирамидой, и опосредованно характеризует информационную емкость сообщества, то есть *уровень развития*.

В связи с этим «социальное здоровье» становится мерой загадочного феномена «социальный капитал», графическое воплощение которого – аватар – по всем основным признакам, а именно: горизонтальная интегрированность, вертикальная связность, территориальность, гендерность, структурность, когнитивность, демографичность и др., совпадает с пирамидой численности [3, с. 71]. Таким образом, социальное здоровье населения становится индикатором социального капитала территории проживания этого населения.

Поскольку отмеченный тренд качественного изменения возрастной структуры населения характерен как для мирового сообщества в целом, так и для его частей, включая континенты, страны и города и т.п. [5], то МДИ приобретает смысл *демоиндикатора,* унифицированного для всей земной поверхности.

Более того, выбрав возрастную когорту – страту, можно по динамике ее изменчивости в терминах МДИ оценить и проследить аккумулируемое ею качество проживаемой или

прожитой жизни, которое, естественно, детерминируется не только генетической информацией, полученной от родителей, но и окружающей природной и социальной средой.

Выбор конкретных возрастных страт в данном исследовании в качестве представителей послевоенных поколений оказалось удобным начать с 1950 года и продолжить с интервалом 20 лет до 1990 года, что обусловлено используемым источником данных [5].

Здесь и далее приняты следующие обозначения: **WM50, WM70, WM90** – численность (тыс. чел.) поколений мужчин, родившихся на Земле в 1950-55 гг., 1970-75 гг. и 1990-95 гг., соответственно; **WF50, WF70, WF90** – численность (тыс. чел.) поколений женщин, родившихся на Земле в 1950–55 гг., 1970–75 гг. и 1990–95 гг., соответственно.

Условные обозначения для населения России, принятые здесь и далее, следующие: **RFM50, RFM70, RFM90** – численность (тыс. чел.) поколений россиян, родившихся в 1950–55 гг., 1970–75 гг. и 1990–95 гг., соответственно; **RFF50, RFF70, RFF90** – численность (тыс. чел.) поколений россиянок, родившихся в 1950–55 гг., 1970–75 гг. и 1990–95 гг., соответственно.

Графики жизни послевоенных поколений мужчин и женщин мира, представленные на рис. 2, отражают, во-первых, монотонный, но замедляющийся рост численности, что говорит о приближении завершающей стадии демографического взрыва и перехода, и, во-вторых, некоторое изменение гендерного паритета, нарастающего в пользу мужской общности к 1990 г.

Рисунок 2. Жизнь послевоенных поколений населения мира

Аналогичные графики жизни послевоенных поколений населения России, приведенные на рис. 3, обнаруживают более сложный характер изменений для всех трех выделенных когорт. Наиболее благополучным выглядит поколение 50-х. По сравнению с ним поколение 70-х, резко теряющее свою численность, так как именно оно в активном возрасте попало в «перестройку» и последующий распад СССР, оказывается далеким от благополучия. Для роста численности поколения 90-х весьма существенными оказались миграционные процессы в период 1990–2015 гг., что соответствует возрастному диапазону [(0–4) – (20–24)].

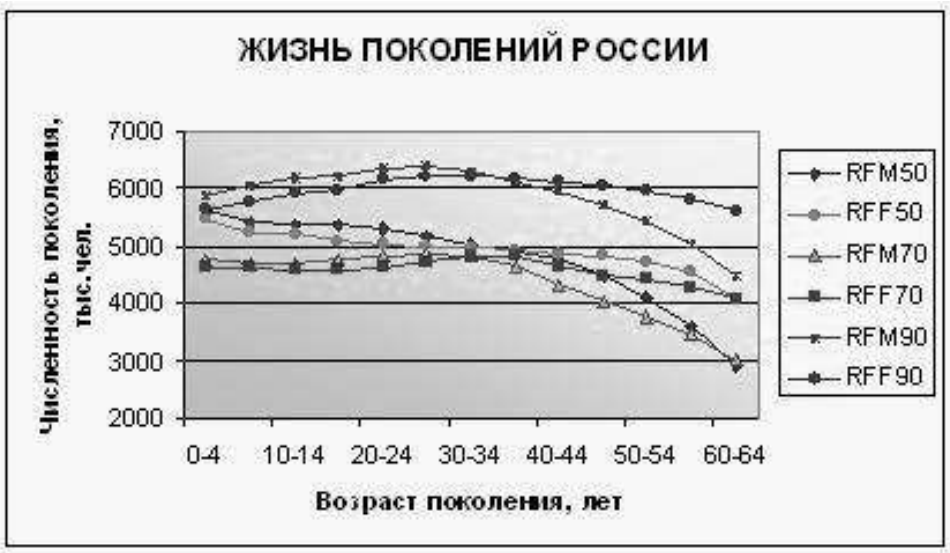

Рисунок 3. Жизнь послевоенных поколений населения России

Этим предварительным качественным оценкам жизни послевоенных поколений населения мира и России по анализу изменчивости их численности можно поставить в соответствие мультипликативные демографические индексы, если учесть накопление информации в памяти выбранного поколения в процессе его взросления.

Полагая, что в совокупной памяти поколения фиксируется информация о событиях, случившихся в младенчестве, детстве, отрочестве, юности и т.д., то разнообразие таких событий, во-первых, пропорционально соответствующей возрасту численности поколения и, во-вторых, равно произведению численностей этих поколений в младенчестве, детстве, отрочестве, юности и т.д. При равномерном распределении событий по возрастам, то есть стабилизации их потока через поколение, их разнообразие достигнет максимума. Мультипликативный демографический индекс в этом случае получается в результате нормирования реального разнообразие на этот максимум.

Равномерный поток событий, не нарушаемый резкими всплесками, характерен для сообществ с высоким качеством жизни, например, Швеция. Вот почему приведенные ниже совокупности графиков изменчивости соответствующих значений мультипликативного демографического индекса получили название «**Качество жизни поколений мира**» (рис. 4) и «**Качество жизни поколений России**» (рис. 5).

Рисунок 4. Мультипликативный демографический индекс качества жизни послевоенных поколений населения мира

Качество жизни мужской общности мира для поколения 50-х начало резко снижаться во второй половине 80-х как по абсолютной величине, так и в сравнении с качеством жизни женской общности этого же поколения.

Для поколения 70-х подобное положение сохранилось, но в менее резкой форме на фоне относительного общего подъема индекса обеих общностей мира по сравнению с женским поколением 50-х.

Прогноз для гендерных общностей поколения мира 90-х выглядит достаточно благоприятно, особенно для женской!

Рисунок 5. Мультипликативный демографический индекс качества жизни послевоенных поколений населения России.

Графики качества жизни поколений России, представленные на рис. 5 в своей изменчивости, существенно отличаются от мировых. В первую очередь это касается мужской общности 50-х, резкое падение качества жизни которой началось в 1990-х. Удивительно, но женская общность этого же поколения продемонстрировала такую стойкость, что выше прогнозных значений индекса для обеих общностей поколения 70-х.

Поколение 90-х занимает, согласно прогнозу, наиболее высококачественное место среди рассматриваемых поколений и обладает наиболее сбалансированным гендерным паритетом.

Общий вывод для послевоенных поколений населения как мира, так и России состоит в том, что качество жизни более молодых поколений становится в целом выше.

Список литературы

1. Мунин П.И. Основы конструктивной теории устойчивого развития: Неоинформационный синтез. LAP LAMBERT Academic Publishing Gmbh&Co. KG, Saabrucken. Germany. 2012, 262 с.

2. Мунин П.И. Демоиндикация социального здоровья населения // Материалы Пленума Научного совета Российской Федерации по экологии человека и гигиене окружающей среды «Методологические проблемы изучения, оценки и регламентирования химического загрязнения окружающей среды и его влияния на здоровье населения». Москва, 17–18 декабря 2015 г. М.: Изд-во ФГБУ «НИИ экологии человека и гигиены окружающей среды им. А.Н. Сысина» Минздрава России, 2015. С. 276–279.

3. Мунин П.И. Социальный капитал России в сравнительном демографическом измерении: Трансдисциплинарный подход // Моделирование демографического развития и социально-экономическая эффективность реализации демографической политики России: Материалы международной научно-практической конференции (Москва, 3 декабря 2015

года) / Отв. ред. – сост. чл.-корр. РАН С.В. Рязанцев и д. соц. н. Е.Е. Письменная. М.: Экономическое образование. 2015. С. 66–75.

4. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. [Электронный ресурс] // ООН. Генеральная ассамблея. URL: http://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/ares70d1_ru.pdf (Дата обращения: 25.04.2017).

5. World Population Prospects 2015. [Электронный ресурс] // United Nations. URL: https://esa.un.org/unpd/wpp/ (Дата обращения: 25.07.2017).

В.Г. Погосян

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ КАК ОТРАЖЕНИЕ РАЗНОНАПРАВЛЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ

Аннотация. *Анализ природы основных тенденций мирового масштаба позволяет провести водораздел между объективно обусловленными и субъективно направленными процессами, в связи с чем конкретизируются задачи социальной модернизации и актуализируется проблема коррекции имплементируемых программ социокультурных преобразований.*

Ключевые слова: *модернизация, асинхронность, глобализм, инновации, технологический уклад, коэволюционное развитие, амбивалентность.*

V.G. Pogosyan

THE AMBIVALENCE OF SOCIOCULTURAL TRANSFORMATIONS AS A REFLECTION OF MULTIDIRECTIONAL GLOBAL TRENDS

Abstract. *An analysis of the nature of the main global trends makes it possible to draw a watershed between objectively conditioned and subjectively directed processes, in connection with which the tasks of social modernization specified and the problem of correcting the implemented programs of sociocultural transformations actualized.*

Keywords: *modernization, asynchrony, globalism, innovation, technological order, co-evolutionary development, ambivalence.*

Взаимосвязанность и взаимозависимость планетарных обществ находит свое выражение в новой глобальной социальной реальности, обуславливающей трансформацию локальных социумов. Кардинальные изменения во всех сферах общественной жизни, предопределившие формирование социальной реальности в современном ее виде, детерминированы фундаментальными открытиями, совершенными в ходе научно-технической революции. Возникшее постиндустриальное общество характеризуется в первую очередь переходом от товаропроизводящего общества к обществу информационному с наукоемкими технологиями и с соответствующими изменениями в структуре массы работников, занятых в производстве различных форм знаний. Произошла очередная смена технологического уклада с соответствующими структурными изменениями производства согласно логике постиндустриальной эпохи, требованиям технотронного века, с доминантной ролью интеллектуального капитала и с сопутствующей перестройкой социальной структуры, в которой значительно возрастает вес связанных с научно-исследовательской деятельностью слоев и групп, сопровождающийся ростом их статусных характеристик, престижа, финансового благосостояния, то есть актуализируется необходимость создания условий для свободного и эффективного функционирования интеллектуального капитала.

Однако специфика значительных социокультурных сдвигов с изменениями бытийного порядка локальных обществ объясняется не только динамической структурой мира, поливариантностью темпов изменений, их нелинейным, поступательно-инверсионным характером, но также предстает результатом действия определенных социальных субъектов, которые инициируют трансформации по заданным параметрам, посредством применяемых социальных технологий, обеспечивая реализацию собственных интересов.

В изучении феноменов современности и релевантных социальных процессов, имеющих место на глобальном и локальных уровнях, методологически важным является разграничение глобальных процессов, имеющих объективный характер и предопределенных логикой исторического развития человеческого сообщества, самой коллективистской природой человека, и основанного на идее глобализма процесса глобализации, который имеет субъективную направленность, и, по сути, является реализацией политики неоколониализма, проявляясь в сопутствующей экономической, финансовой и культурной экспансии в отношении большинства стран планеты со стороны страны-гегемона, выражающей интересы транснациональных корпораций.

Амбивалентный характер происходящих глобальных процессов предопределяет и разнонаправленность социальных процессов локальных уровней – региональных и страновых. При этом на уровне страновом к общей совокупности детерминант, обуславливающих характер социальных процессов, добавляется и фактор асинхронности развития обществ, которые не тождественны и различаются социокультурными основаниями со своеобразием коэволюционной самоорганизации, способами адаптации к изменяющемуся внешнесредовому окружению, способам воздействия на среду, уровнем технико-технологического развития.

Номотетическая направленность исторической социологии позволяет в ходе макросоциологического анализа социальной истории человечества интерпретировать процессы инокультурного заимствования (социального синтеза, конвергенции, модернизации, культурного симбиоза) как следствия межцивилизационных социокультурных взаимодействий [1]. Такого рода рецепция предстает как адаптивная реакция социальной системы на внешнепричинное (экзогенное) воздействие, вызванное фундаментальным открытием технико-технологического плана или, иначе, пионерской модернизацией страны-донора, появлением материальных, концептуальных, идеологических или духовных инноваций, представляющих собой новую комбинацию известных культурных элементов или комплексов, и осуществляется путем ускоренно-мобилизационного, догоняющего развития, реализуясь путем административного регулирования, нацеленным на быстрое достижение стратегических результатов по ликвидации имеющегося отставания. Модернизация в таком прочтении концепта предстает как неотъемлемая часть исторического процесса, как социально-исторический феномен, многократно фиксируемый в жизнедеятельности различных обществ на всем протяжении истории человечества задолго до достижения западными обществами определенных стадий собственного развития; феномен, который безотносителен к онтологически обусловленному явлению западного Модерна, как частному случаю в истории разнородных планетарных цивилизаций, и наблюдается постоянно в ходе всемирно исторического процесса без привязки к периодизации коэволюционного развития обществ Запада с эпохами Модерна, Постмодерна, Второго Модерна, как возможность культурно-исторических типов усваивать согласно логике теории диффузионизма культурные достижения иных цивилизаций.

Конкретно-исторические исследования примеров преднамеренных, очевидных и систематических процессов копирования и избирательной рецепции в локальные системы заимствованных инокультурных институциональных практик, идей и технико-технологических новшеств свидетельствуют о значимости влияния импорта технологий и институциональных моделей, существенно расширяющего потенциал человеческих возможностей и экологическую нишу конкретного этноса, в национальных контекстах процесса общественного развития [2]. При этом конструктивные изменения внутрисистемны

и происходят в пределах существующего порядка, не уничтожая его основ, несущих институциональных структур. Феномен постоянной реорганизации придает устойчивость социальной системе, проявляясь как способность системы сохранять и воспроизводить свою целостность при внешних воздействиях, оставаться самотождественной при изменениях своих форм, гасить возникающие флуктуативные изменения, вырабатывать и закреплять конструктивные решения проблем, вызываемых действием эндо- и экзогенных факторов, не разрушая кардинально структуру и не отрицая собственные принципы устройства.

Из этого положения логически проистекает существование определенного энтропийного коридора, обеспечивающего коэволюционное развитие социальных систем, обуславливающего и адаптацию к изменившимся условиям благодаря способности системы к абсорбции инноваций, коррекции определенных параметров, в которых имеется отставание, и сохранение системной целостности в условиях обоюдного влияния и взаимообусловленной трансформации импортируемых инноваций и эндогенных традиций.

Версия о парциальных системных изменениях представляется достаточно дееспособной и применимой в ходе научного анализа, верифицируясь экстраполяцией ее на весь опыт модернизационных преобразований в социальной истории, и дает почву для размышлений о пределах возможностей социального творчества и о необходимости запретов таких продуктов социальной инженерии, безоговорочной табуированности такого рода социальных действий, которые могут реализовать содержащиеся в них социально-катастрофические потенции [3].

Адекватными сегодняшнему моменту представляются модернизационные процессы, основанные на заинтересованности конкретного общества в утверждении новой социальной реальности, в его постиндустриальном развитии, которое реализуется через структурную перестройку производственного процесса на новой технологической основе с заменой предшествующих механизации и автоматизации на повсеместную компьютеризацию; обеспечение соответствующих условий для функционирования интеллектуального капитала, являющегося приоритетным в сформировавшемся хозяйственном укладе. Наряду со структурной и технологической перестройкой экономики необходимым действием предстает также комплекс мероприятий социокультурной модернизации, ориентированной на демократизацию общества, меритократизацию управления, повышение в общественном сознании статуса институтов образования и науки, формирование однозначного отношения к легитимности и транспарентности приобретения и распоряжения собственностью, всемерную поддержку и культивацию соответствующей современным реалиям насыщенности срединных слоев.

Однако, как отмечалось выше, глобальные процессы имеют и субъективный характер, что является выражением корпоративных, узкоклановых, обусловленных паразитизмом мирового финансово-спекулятивного капитала интересов олигархических групп, реализуемых путем как прямой экспансии (военной, экономической, идеологической), так и посредством целенаправленной деятельности своих агентов влияния.

Глобализация такой направленности началась в XX веке, когда процессы концентрации капитала и монополизации привели к возникновению транснациональных корпораций. Формирование после второй мировой войны биполярного мира и формальный распад колониальной системы имели следствием еще большую концентрацию финансовой, экономической, ресурсной, военной мощи у сверхдержав. Победа в 80-х гг. XX века корпоратократии над группами, представляющими государственно-монополистический капитализм в обеих сверхдержавах, и последующий крах социалистической системы с устранением конкурирующего оппонента послужили основанием оформления однополярного мира и активизировали процесс глобализации.

Сконцентрированные преимущественно в стране-гегемоне и странах метропольного окружения (условно – блок стран Запада) подобные социальные группы в своем стремлении централизовать мировой капитал и власть игнорируют базовые принципы человеческого

общежития, социокультурные особенности локальных обществ, территориальный императив, само существование суверенных государств.

Посредством деятельности транснациональных корпораций повсеместно при поддержке местных компрадоров деформируется конкурентное поле, искусственно возводятся препятствия региональным интеграционным процессам, создаются обслуживающие их интересы кластеры и олигополистические структуры с целью установления полного контроля над ресурсными, миграционными, финансовыми потоками, фактически регулируя по своему усмотрению все сферы жизни подконтрольных стран и используя при формировании нового миропорядка всю мощь страны-гегемона. Экспансионистский потенциал реализуется как путем прямого применения вооруженной силы, активных агрессивных действий экономического характера, так и с помощью соответствующей идеологии гомогенного мироустройства, основывающейся на «общечеловеческих ценностях» и прививаемой населению колонизируемых стран посредством насильственно насаждаемых в процессе вестернизирующей социокультурной модернизации смысложизненных установок и ценностных ориентаций универсального потребителя, когда превалирующими в массовом сознании становятся эгоизм, консьюмеристское поведение, гедонизм, крайний индивидуализм, философия потребительства, космополитизм.

Само понятие «общечеловеческие ценности» в условиях отсутствия общей исторической памяти и общего прошлого представляется идеологическим штампом, симулякром, позволяющим манипулировать общественным сознанием с целью устранения национально-локальных препятствий для обеспечения свободного функционирования западного капитала, так как даже основная ценность из этого пропагандистского списка приоритетов является дискуссионной – проблема жизни и смерти имеет нетождественное прочтение в разных культурах.

Важнейшим объектом целенаправленного воздействия в реализации вышеупомянутых целей является система образования и науки, в отношении которой соразмерно с поставленными задачами в странах, имеющих невысокий уровень развития этих институтов под лозунгом социокультурной модернизации проводятся имитационные псевдопреобразования, не способствующие их действительному развитию, в странах же до того имеющих достаточно высокий уровень образования, но в силу обстоятельств ставших сырьевой колонией, преобразования проводятся наоборот, т.е. независимо от декларируемых целей направлены на деградацию этих институтов.

Таким образом, модернизация общества, проводимая в соответствии с западноцентристской моделью и подчиненная идее приспособления к функционированию капитала, осуществляемая в интересах западного капитала, – есть выход капитала из-под контроля государства посредством ликвидации самого государства или его ослабления до уровня формально декоративного состояния, или его полного подчинения осуществлению своих целей.

Национальные хозяйства большинства стран мира в условиях сложившегося исторически и объективно функционирующего мирового рынка с жесткой дифференциацией и специализацией субъектов деятельности, лишенные под давлением извне права выбора альтернативного пути развития, капитулируют перед блоком стран Запада. Такие страны вынужденно проводят преобразования по навязанному глобалистами образцу, с помощью приводимых к власти локальных компрадорских элит полностью структурно приспосабливая экономику к предложенному извне международному разделению труда и, естественно, условиям, формам, стандартам хозяйственной деятельности. Государство в этих странах теряет национальный характер, по существу решаемых управленческих задач становится периферийным исполнителем воли регулирующего таким образом глобальную экономику блока стран Запада, а народонаселение – этнографическим материалом, выборочно пополняющим собой чужие культурно-исторические типы. Такие периферийные страны при сохранении действующего колониального положения обречены на крупномасштабную

эмиграцию собственного населения, деградацию экономики и образования, а в условиях все более низких санитарно-гигиенических норм, недостаточного и низкокачественного питания и ухудшающегося состояния медицины – на вымирание.

Государства, которые избрали путь сопротивления западноцентристской глобализации, проводят модернизацию, которая принимает вызовы информационной эпохи, укрепляет национальное хозяйство, суверенное государство, превращая тем самым страну в один из мировых центров силы, а не в периферию метрополии.

Проблема современных социальных изменений состоит не в радикальной социокультурной революции, сносящей за ненадобностью базовые институты собственного общества с присущими ему регуляторами и параметрами порядка, не в поиске вектора развития, не в смене собственной самоидентификации на инонациональную или космополитичную со сменой собственных систем ценностей, не в приобщении к цивилизации-«эталону» с копированием исторических путей инокультурных обществ и привнесением в свою обыденную повседневность нежизнеспособных в иной среде заимствованных институций и традиций для вхождения на правах периферийных игроков и поставщиков сырья в систему западного капитала, а в адаптивных способностях локальных цивилизаций к условиям новой социальной реальности – насущно необходимые преобразования укладываются в рамки формационных изменений в связи со сменой технологического уклада, основанного на капитале интеллектуальном, с соответствующими условиями для его продуктивного функционирования, с органичным встраиванием своего хозяйства в актуальные глобальные тренды и всемерным расширением наукоемкого экспорта.

На локальных (страновых) уровнях актуализируется вопросы социокультурной трансформации, сопровождающей модернизации технологического характера; незамедлительной коррекции имплементируемых программ с элиминацией последствий волюнтаристской институциональной перестройки; национально ориентированной модели комплексной модернизации общества, контролируемой собственным государством при поддержке различных слоев населения, разработанных и осуществленных научной, политической и экономической элитой общества, которые повысят его дееспособность и позволят в качестве равноправного члена планетарного сообщества занять свое место в новом постиндустриальном миропорядке.

Список литературы

1. Погосян В.Г. Социальная модернизация: стратегия выживания. М.: ИНИОН РАН, 2009. 159 с.

2. Погосян В.Г. Критика западноцентристской модели социально-экономической модернизации // Экономический журнал. 2007. № 3. (13). С. 171–184.

3. Погосян В.Г. Базовые принципы модернизационной политики // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 3. С. 289–298.

Е.И. Рабинович

ИСТОРИЧЕСКИЙ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОРТРЕТ РЕГИОНА: ЗАДАЧИ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. *В сообщении рассматриваются задачи и основные подходы для создания исторического социокультурного портрета региона в контексте исследования отношения населения и экспертного сообщества к работе органов власти и управления в регионах РФ.*

Ключевые слова: *историчность, модернизация, население, регион, социокультурное исследование, управление.*

E.I. Rabinovich

HISTORICAL SOCIOCULTURAL PORTRAIT OF THE REGION: OBJECTIVES AND METHODOLOGY OF RESEARCH

Abstract*. The report examines the objectives and the main approaches for creating a region's historical socio-cultural portrait in the context of the research of the attitude population and the expert community to the work of the authorities and management in the regions of the Russian Federation.*

Keywords: *historicity, modernization, population, region, sociocultural research, management.*

Историческая социокультурная характеристика региона – результат социально-культурологического исторического исследования.

Проведение социально-культурологического исторического исследования региона – необходимая часть работы по определению путей модернизации системы управления. Модернизация управления – внедрение в технологию управления современных подходов и методов. Историческое исследование необходимо как способ получения информации, предоставляющий материал для решения вопросов территориального (регионального и городского) развития, последовательного и непрерывного, естественного для данной территории, без скачков и разрывов, на основе предшествующего состояния и опыта. Исходим при этом из определения объекта управления как механизма регуляции отношений людей и их групп («Можно сказать, что объектом управления является не человек с его деятельностью и не группа людей, … а сами механизмы регуляции их отношений» [1, с. 75]). Историческое исследование как раз и дает материал для решения вопросов о механизмах регуляции отношений прошлого и настоящего, истории и современности, вопросов последовательности и непрерывности развития окружающей среды.

Историчность является одной из ключевых составляющих окружающей среды, ее «образа» в сознании людей. Представляется бесспорным, что в отношении регионов при решении вопросов их развития, организации управления историческое знание, т.е. знание истории региона, его формирования, социального и культурного прошлого, столь же необходимо и важно, как и знание его современного состояния и жизни.

Вопросы учета состояния исторического сознания людей и социальной истории пока остаются за пределами внимания лиц, принимающих решения о развитии территорий и поселений. Реакция же на пренебрежительное отношение к прошлому нередко принимает весьма острые формы, приводит к протестам, давлению на органы управления, кампаниям в средствах массовой информации.

Между тем специалисты, определяющие цели социального и экономического развития, решающие вопросы организации управления, чаще всего исходят из своих субъективных представлений и собственных оценок, не считаясь со сложившимися представлениями населения о своем регионе, его потребностями, нуждами и настроениями. Речь идет не только об учете общественного мнения, но и об интеграции исторического «измерения» в сознании людей, принимающих решения.

Учет социальной и культурной истории региона, то есть знакомство с этой историей, знание об отношении людей к национальным и региональным традициям, к культурно-историческому наследию и культурным ценностям, знание культурных запросов населения и степени их удовлетворения необходимы при разработке программ экономического, социального, культурного развития территорий, территориальном планировании, функциональном зонировании территории, определении административно-территориального устройства, при решении многих других вопросов регионального управления. Программы регионального развития и управления нуждаются в историческом, социально-культурном по

содержанию, обосновании. Этой цели служит предлагаемая методология и технология социально-исторического (социокультурно-исторического) исследования.

Оценка значения такого исследования вытекает из той роли, которую играет социокультурная среда, и тех проблем, которые она порождает, при адаптации человека к условиям современного общества, охваченного гигантской по своей глубине и подлинно глобальной радикальной социальной трансформацией в результате сливающихся научно-технологической, информационной, социально-политической, культурно-этической революций, протекающих в условиях ожесточенного противодействия противостоящих им консервативных сил, маскирующихся под защитников исторических, национальных или религиозных традиций и ценностей.

Под социокультурной проблематикой понимается историческое изменение этнокультурного и социального состава населения с соответствующим комплексом представлений, ценностных ориентаций, существовавших прежде живых традиций и обычаев, уровнем культуры и вытекающим из них поведением, характером и основаниями существовавших в прошлом социокультурных дифференциаций; отношение нынешнего поколения людей к культурно-историческому наследию, памятникам культуры прошлых эпох, их использованию. Все это составляет историческое «измерение» социокультурной среды, которая рассматривается в качестве социально значимого контекста, детерминирующего органичность развития конкретного социально-территориального сообщества вместе со средой его обитания.

Для социально-исторического исследования важно разобраться в содержании, характере и структуре исторической «составляющей» жизненной среды человека в ее развитии, понять ее значение и особенности, а также взаимосвязь с другими «составляющими» качества жизни людей, проблемы, которые она порождает, и, наконец, ее конкретную роль в социально-воспроизводственном процессе.

Направления и динамика развития социокультурной среды в значительной мере определяют степень «органичности» развития территории и ее населения, сохранения ими своего «индивидуального» лица, преемственности развития. Поэтому в каждом конкретном случае необходимо разобраться в истоках, содержании, характере и особенностях, связанных с изменением и развитием социокультурной среды в ходе ее исторической эволюции. В процессе проведения социально-исторических исследований, составлении исторической социокультурной характеристики региона необходимо проследить изменения, последовательность и преемственность форм социальной и культурной жизни на территории, выявить и описать группы населения, связанные с этими формами. Необходимо в ходе исследования иметь в виду одну, возможно, наиболее значимую и характерную особенность исторического «измерения» – пронизывание им всех сторон социокультурной жизни: материально-производственной, распределительной, обслуживающей, воспитательно-образовательной, рекреационной и др., так как все они прошли длительный путь развития, сложились в определенные формы, имеют собственную историю. В прошлом они так же, как и теперь, были между собой связаны, образовывали органический жизнеобеспечивающий комплекс со своим характером, особенностями, традициями, которые в своей совокупности и составляют культурное наследие, национально-культурную традицию, хранящуюся в социальной памяти.

Поиск решения рождаемых жизнью новых проблем не должен приводить к деструктивному разрыву национальной социокультурной «ткани», органических, исторически сложившихся направлений развития, так как это ведет к рассогласованию и хаосу во взаимосвязанных системах жизнеобеспечения, нарушает нормальное функционирование общества, пагубно сказывается на положении и внутренних переживаниях людей и, в конечном счете, ведет к деградации человека, а значит, и общества, и культуры. Обезличенность среды обитания человека вместе с потерей «чувства хозяина», вызванной социально-экономическими и политическими условиями, разрушают механизм самоидентификации человека со своим окружением. Возникает отчуждение людей от того

мира, с которым они повседневно соприкасаются, что, в свою очередь, влечет за собой не только безразличие граждан даже к своему непосредственному окружению, но, подчас, и варварскому отношению к нему.

Динамика социокультурной среды, таким образом, прямо связана с национальным самосознанием и национальной культурой народа, его менталитетом и эстетическими представлениями. Поскольку в ней формируются новые поколения людей, она служит важнейшим фактором социализации и воспитания.

Предметом социально-исторического исследования, в первую очередь, становятся социальные и культурологические характеристики людей, в исторической ретроспективе населявших данное место, и социокультурная среда их обитания. Конкретно – эволюция социального состава и культурно-идеологической ориентации прошлого населения, и, как следствие этого, изменения в организации среды в ее предметно-вещном и символическом выражении. В общем, это должна быть социальная «генеалогия» местного социально-территориального сообщества.

Наряду с этим, социокультурный портрет региона должен содержать характеристику исторического сознания сегодняшних жителей, их историко-культурной информированности, ориентации и предпочтений, их отношения к исторической традиции, современному состоянию и перспективам развития социокультурной среды, ее восприятия на рациональном (понимание) и эмоциональном (самочувствие) уровнях.

В историческом социокультурном портрете региона должны содержаться ответы на вопросы:

- как исторически происходило заселение и освоение изучаемой территории (региона), как она использовалась, каким функциям служила, характер этих функций;
- как складывалась и изменялась социальная структура населения, кто были местные жители, чем они занимались, источники их существования, их этноконфессиональный состав, культурная ориентация, образ жизни, социальная организация;
- чем вызывалась и как происходила смена населения на территории, его историческое движение; кто, откуда, почему и как приходил, поселялся на территории, кто и почему выселялся;
- как были административно организованы и управлялись территория и население;
- как социальный состав, занятия, образ жизни людей, их культура отражались в организации пространства, в использовании территории;
- как, изменяясь и развиваясь, население и территория приходят к своему современному состоянию, какой отпечаток на территории оставила каждая из прошедших эпох, какие культурные традиции, обычаи, формы культурного поведения, складывались и существуют в данном населенном месте.

Собственно историческое социокультурное исследование дает упорядоченную, фоновую информацию о социальном и культурном развитии населенного места, выясняет исторически сложившиеся направления социокультурного развития, показывает, под каким воздействием складывался характер региона, что из существующих традиций заслуживает сохранения, включает данные об исторических, культурных, археологических объектах. Социально-историческое исследование должно выявить реальное значение и функции региона в более широком комплексе – экономическом районе, федеральном округе. В его задачу входит выявление не столько единичных, атомарных фактов, хотя и они представляют интерес, сколько – более общих, типичных социальных и культурных процессов и явлений, характеризующих преимущественно вековые изменения в составе населения, его перемещениях и смене, его социальной и культурной трансформации и в сопровождающих эти процессы изменениях материальной среды, использовании территории, организации пространства.

Результаты исторического социокультурного исследования представляются в общих итоговых материалах работы в форме вводного очерка о регионе, включающего краткую справку о природе и природных ресурсах, населении (численность, доли городских и сельских жителей, этноконфессиональный состав, языки, используемые в регионе). Основной частью вводного очерка становится сжатое изложение собственно социокультурной истории региона в разрезе и акцентах, определенных выше.

Список литературы

1. Социология управления: стратегия, процедуры и результаты исследований. М.: Канон+. 2010. 607 с.

В.М. Розин

МОЖНО ЛИ СЧИТАТЬ РЕАЛИЗАЦИЮ ПРОЕКТА НОВОГО ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В МОСКВЕ ПРИМЕРОМ ЭФФЕКТИВНОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ?

Аннотация. *Рассматривается понимание модернизации российскими философами. Анализируется проект реновации в Москве, который может выступить примером эффективной социокультурной модернизации. Обсуждаются три функции архитектуры и градостроительства, а также особенности городской политики.*

Ключевые слова: *проект, управление, реализация, архитектура, градостроительство, модернизация.*

V.M. Rozin

IS IT POSSIBLE TO CONSIDER THE IMPLEMENTATION OF THE NEW HOUSING PROJECT IN MOSCOW AN EXAMPLE OF EFFECTIVE SOCIO-CULTURAL MODERNIZATION?

Abstract. *An understanding of modernization by Russian philosophers is considered. The renovation project in Moscow is being analyzed, which can serve as an example of effective socio-cultural modernization. Three functions of architecture and urban planning are discussed, as well as features of city policy.*

Keywords: *project, management, implementation, architecture, town-planning, modernization.*

1. Что такое вообще модернизация? Обратимся к одной из книг, где обсуждается модернизация. Ее авторы − известные российские философы, ученые с активной общественной позицией, они пытаются разобраться в происходящем: почему пробуксовывают реформы и какие исторические и современные условия необходимы для их успешного проведения. «Модернизация, − пишет В.И. Толстых, − как бы широко или узко ее ни толковали, представляет собой масштабный, растянутый во времени процесс общественных изменений и перемен, проводимых под знаком обновления, внятно продекларированного и аргументированного» [5, с. 142]. Во что же в России, спрашивает он далее, вылилась модернизация? «Политика реформ» 90-х годов, − отвечает Толстых, − обернулась деиндустриализацией всей страны, затронув все стороны и сферы общественного производства − промышленность, сельское хозяйство, образование и культуру <…> Россия за столь короткий срок оказалась в экономической, финансовой, продовольственной и всякой

иной зависимости от стран Запада» [5, с. 141, 146]. И эту точку зрения, по сути, разделяют и остальные авторы данной книги.

Что же собой представляет модернизация в России? Довольно сложное явление, но если ограничиться главным, с одной стороны, движением в сторону Запада, к сожалению, плохо продуманным и спланированным, с другой стороны, прикрытием совсем других процессов, направленных на обогащение российских элит и удержание ими власти в стране. В этом плане российским элитам, да и многим другим россиянам (чиновникам, силовикам, тем, кто успешно распиливает государственный бюджет и пр.), вероятно, настоящая модернизация совершенно не нужна.

Можно ли в таком случае прогнозировать, во что выльется российская модернизация? Вообще-то да, и А.В. Рубцов это делает. Если, пишет он, «нынешние тренды сохранятся, в этой «гражданской войне» за качество институциональной системы партия распределительной экономики будет регулярно побеждать до тех пор, пока экономика сырьевого вектора сама не начнет разрушаться. На высшем уровне будут вырабатываться идеология и стратегия, которые на среднем и низовом уровнях будут вязнуть в саботаже, имитациях и вырождении правильных начинаний в собственную противоположность.

Страна попала в историческую ловушку. Все будет работать на инерцию, а когда ее политика начнет иссякать, менять что-либо будет поздно. Для выхода из этой ловушки необходимы сверхординарные интеллектуальные, политические и организационные усилия. При этом велик риск, что и эти усилия породят организационные формы, которые могут быть перехвачены институтами и группами, заинтересованными в инерционном развитии, и использованы в прямо противоположных целях. Более того, если не выстроить специальных мер защиты, именно это и произойдет...

Сейчас главное, чтобы модернизационный план не сменился окончательно мегапроектом отбрасывания страны в реакцию и фундаментальную архаику» [4, с. 218]. К сожалению, анализ современных тенденций развития России показывает, что этот прогноз уже начал сбываться [1].

Возникает естественный вопрос: есть ли выход из сложившегося положения? Выход не вообще, а для российского общества, которое сталкивается в настоящее время с многочисленными неразрешимыми проблемами и вызовами времени. Мыслимы два выхода. Первый, пока, нужно признаться, для России в ближайшей перспективе мало реалистичный: общество должно консолидироваться, поставить под свой контроль власть и государство, стать главным политиком. С помощью действительно независимых прессы, права и судов, парламента, партий и общественных организаций общество должно дрессировать и воспитывать власть. Большинство авторов книги признают, что в современной России консолидация и модернизация или требуют колоссальных усилий, или вообще невозможны, и дают убедительное объяснение этому печальному обстоятельству. Во-первых, историческое, связанное с тем, что российское общество чуть ли не с допетровских времен оказалось расколотым, во-вторых, политика раскола представляется наиболее адекватной многим социальным слоям и представителям политических элит. Рекомендации, которые дают авторы (если они решаются их предложить), выглядят как утопические или, если и реализуемые, то только в отдаленном будущем.

Второй выход (а-ля, своего рода просвещенная монархия) − власть и государство поднимаются до понимания необходимости самоограничения своей власти, соблюдения законов, которые они же сами утверждают, осознания своей миссии как служения обществу и народу, отказа от ручного управления в пользу управления основанного на научном знании и коллективном обсуждении проблем и их решений. Этакая «разумная власть», что тоже мало реалистично, но не в ситуации глубокого кризиса, который мы переживаем. Здесь есть надежда.

Для первого выхода проблемы или «узкие места» будут уходить под влиянием общества и выстраивания нормальных социальных условий (полноценный рынок, социальные институты, культура). Для второго − с одной стороны, в результате работы

интеллектуалов и специалистов, с другой − сознательно проводимых властью социокультурных реформ.

2. Но есть исключения, одно из них − проект нового жилищного строительства в Москве, реализация которого по замыслу вполне тянет на реальную социокультурную модернизацию. Чтобы понять, в чем ее смысл, обратим внимание, что одна из функций современной архитектуры и градостроительства, во всяком случае, начиная с XIX столетия, − *быть строительной индустрией, не только создающей городскую среду, но и капитализирующей излишние финансовые доходы*, как это, например, имеет место в Москве. «Столичный бюджет, − пишет Владислав Иноземцев, − нетипичное явление в современной России. Его доходы с 2013 по 2016 год (то есть за время, когда экономика России сократилась на 1,1%, а поступления в федеральный бюджет выросли всего лишь на 3,7%) показали прирост на 25,1% даже в условиях, когда трансферты из федерального бюджета упали на 16,7%. Более того, по мере повышения доходов москвичей (в первую очередь состоятельных граждан и госслужащих, которых в столице непропорционально много) и роста прибыли (прежде всего, у банков и финансовых организаций) бюджетные потоки продолжают расти. И если тенденции, сложившиеся за январь-апрель 2017 года, сохранятся, то дополнительные доходы могут достичь 200 млрд руб. к величине, запланированной действующим бюджетным планом на 2017–2019 годы, а это немалая сумма. На мой взгляд, именно возможность сохранить дополнительные доходы для города и послужила главным поводом для того, чтобы мэрия уже в конце 2016 года начала разрабатывать масштабный проект нового жилищного строительства. И те 95 млрд руб., которые предполагается выделить в 2017 году на подготовку программы сноса и переселения, практически в точности соответствуют тому размеру бюджетного профицита, который в ином случае мог бы образоваться по итогам текущего года.

Все сказанное выше свидетельствует, на мой взгляд, о необходимости выработки несколько более сложной тактики взаимодействия граждан с московскими властями, чем та, которая сводится к митингам с лозунгами «Долой!» или вскрытию отдельных афер в городском благоустройстве. Следует исходить из того, что в 2016 году доходы бюджета Москвы на 40,2% обеспечивались поступлениями налога на доходы физических лиц (и это, видимо, самый высокий показатель по России), поэтому в интересах москвичей сохранить поступающие в бюджет средства в городе. В противном случае, если федеральным ведомствам удастся перераспределить потоки, мы увидим очередной самый дорогой в мире космодром, с которого за три года ожидается один запуск ракеты, мост на остров Русский или нечто столь же «эффективное».

С этой точки зрения новая жилищная программа, по сути, выглядит разумной, хотя ее презентация обществу и оставляет желать лучшего. Однако и в этом ракурсе ситуация не выглядит безнадежной: Москва сегодня крайне важна для российской элиты с точки зрения президентских выборов 2018 года. Кроме того, мэр города, скорее всего, намерен в следующем году переизбраться, а прошлый опыт конкурентных выборов в столице был достаточно запоминающимся» [2].

3. Обратим внимание, по сути, Иноземцев переводит проблему в вопрос о том, какой должна быть в Москве городская политика. Но кто здесь политики? Судя по прессе, первый политик здесь Собянин, но он явно должен был получить согласие Кремля на свой проект. Кремль поддержал, поскольку для него это будущий козырь в предвыборной компании по переизбранию Путина. Итак, два политика − Собянин и Путин. Теперь, утверждают многие комментаторы, проект реновации очень выгоден еще двум политикам − с одной стороны, крупным московским девелоперам, которые надеются продать жильцам хрущевок уже построенные квартиры, а также получить прибыль от строительства на освободившихся от пятиэтажек земель новых многоэтажных домов, с другой стороны, проект выгоден чиновникам московской мэрии, которые рассчитывают «попилить» огромный бюджет,

выделенный московским правительством на реновацию. Получаются уже четыре политика: федеральная власть, московская, девелоперы, коррумпированные чиновники.

По идее, в качестве еще двух политиков должны выступать московское население (хрущевок и не только) и общество в лице различных сообществ (Госдума, партии, общества и пр.). Но являются ли они политиками, учитывая, что по отношению к этим социальным субъектам государство осуществляет жесткий контроль и управление?

Стоит отметить, что девелоперы и чиновники не только Москвы, но и других городов, получают прибыть и от существующей организации проектного дела, и строительства. Вот, например, экспертные высказывания двух наших известных академиков. «В тень, − пишет Сергей Гнедовский, − ушла стоимость производства строительных работ, согласование проектной документации в органах экспертизы, получение разрешения на строительство (госорганы), получение условий на присоединение к городским инженерным системам. Указанные разделы кратно увеличивают общий объем затрат на выпуск проектной документации, при этом стоимость и сроки самого проектирования относительно снижается, что отражается на его качестве».

«Феномены повседневности частной проектной практики сегодняшнего времени, − отмечает Марк Меерович, − абсолютно никем не только не исследованы, не зафиксированы, но даже не обобщены и не описаны. Их нет даже в виде информации, не говоря уже о знании (как взаимодействуют частный заказчик и частный исполнитель-архитектор, как взаимодействуют государственный (муниципальный) заказчик и частный исполнитель-архитектор, как реально проходят тендеры и какие фактические механизмы приводят к победе на них, как связаны откаты с содержанием проектов, т.е. каким образом, количество денег, выплачиваемых за проект, влияет на сроки, состав исполнителей, степень проработки, меру заимствования готовых старых решений, кто реально и каким образом формулирует задание на проектирование, в какой мере финансовая зависимость архитекторов от заказчиков и политическая зависимость от власти способствуют/противодействуют принятию нестандартных решений, какую роль в содержании проектных решений играют органы управления системой проектирования, чиновники (республиканский, краевой, областной, городской архитекторы) или, например, «рентостроительство», в какой мере в повседневной работе бюрократического аппарата присутствует ориентация на инновационные решения…)» [3, с. 127, 130–131].

Можно сказать, что все это просто от плохой организации дела, но напрашивается предположение, что перед нами именно пример «рентостроительства», т.е. сознательного увода в тень, а также принятия таких документов, которые позволяют указанным двум политикам извлекать из существующего в стране проектирования и строительства ренту. Здесь без политических решений было не обойтись.

4. Однако могут сказать, что девелоперы и коррумпированные чиновники прямо не отвечают за обустройство среды жизнедеятельности человека, решение этой задачи − компетенция городских властей и самих архитекторов и градостоителей. В свою очередь, последние должны проводить в жизнь общие установки общества и государства: удовлетворять потребности разных слоев населения, развивать территорию и улучшать жизнь проживающего на ней населения, создавать среду обитания, удобную и гармоничную для человека. Здесь помимо указанной функции архитектуры и градостроительства нужно учесть еще две: *визуальное и символическое обустройство и оформление среды*, а также *роль архитектурного и градостроительного проектирования в организации и обустройстве повседневной жизнедеятельности человека*.

Вопрос, насколько основные наши политики (федеральная и городская власти, девелоперы и чиновники) и «политики», так сказать, потенциальные (население, общество и архитекторы) осознают, понимают значение этих функций? Если и понимают вторую функцию, то всего два субъекта (которые сегодня политиками не являются) − архитекторы и

образованные люди. Остальные не придают визуальному и символическому обустройству среды почти никакого значения. Понятны следствия такого положения дел.

Третья функция. В плане жилья роль архитектурного проектирования в организации и обустройстве повседневной жизнедеятельности человека ситуация (если сравнивать с советским периодом) серьезно изменилась к лучшему, особенно в плане учета потребностей горожан. Правда, каких? Прежде всего, состоятельных и богатых. Остальная же масса горожан по-прежнему вынуждена довольствоваться типовыми квартирами, планировка и обустройство которых оставляет желать лучшего. А вот, что касается городской территории, то здесь проблемы только возросли. Пробки, даже не только в больших городах, недопустимый шум, недостаток учреждений обслуживания, при переизбытке торговых центров и магазинов, отслужившие свой срок коммуникации. Известно, что наши города нуждаются в серьезной модернизации, для которой кроме Москвы нет средств. Эта модернизация нуждается в серьезных научных разработках, на которые тоже нет средств. Тем не менее проведенные в НИИТИАГ исследования позволяют уже сегодня сделать некоторые рекомендации.

Например, в нашей работе была намечена следующая стратегия развития городских территорий. Ее цели двояки: развитие территорий как хозяйственно-экономических единиц (целостностей) и как социально-общественных образований. Для каждой территории разрабатываются планы развития, учитывающие ее особенности и требования, идущие от планов развития объемлющих и связанных с данными территориальных образований. При реализации все планы развития территорий корректируются и дорабатываются на основе предпроектных исследований. Технологизация и индивидуальное проектирование дополняют друг друга. Пока разработка планов развития и проведение предпроектных исследований − задача ученых (социологов, экономистов, теоретиков обслуживания и др.), а также проектировщиков, которые по возможности учитывают запросы всех заинтересованных субъектов территории. Но в дальнейшем непосредственное участие и в том, и в другом должны принимать субъекты территории (прежде всего, как заказчики и будущие пользователи) [3, с. 97].

Вернемся к первой функция − быть строительной индустрией, не только создающей городскую среду, но и капитализирующей или создающей финансовые доходы. Здесь как раз все в порядке с точки зрения извлекаемой прибыли, но не в плане того, что нужно горожанину. Уже давно обсуждается негативная роль строительного лобби, необоснованность строительства в ряде районов многоэтажных домов, тысячи и тысячи пустующих квартир, которые не в состоянии купить беднеющее население.

Итак, проект нового жилищного строительства в Москве может выступить примером эффективной социокультурной модернизации, если будут решаться перечисленные здесь проблемы. В свою очередь, их решение упирается, с одной стороны, в политическую реформу, на которую пока власть не идет, с другой − в пробуждение от социальной спячки и апатии городского населения.

Список литературы

1. Ильинская С.Г. Россия после СССР: проблемы идентичности и нациестроительства // Консолидация и модернизация России. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация». 2014. 384 с.

2. Иноземцев В. Освоение профицита: почему программа реновации важна для Москвы [Электронный ресурс] // Мировой кризис: хроника и комментарии. 16 июня. http://worldcrisis.ru/crisis/2724741/?COMEFROM=SUBSCR (Дата обащения: 26.08.2017).

3. Розин В.М. Роль социального программирования и технологизации в проектировании и модернизации городов. М.: URSS: Леланд, 2017. 194 с.

4. Рубцов А.В. Консолидация общества как условие модернизационного старта: идеологическая составляющая // Консолидация и модернизация России. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2014.

5. Толстых В.И. Какая модернизация России нужна и какая возможна // Консолидация и модернизация России. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2014.

И.Н. Смирнова

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОЗНАНИЯ МОЛОДЕЖИ ДЕПРЕССИВНОГО РЕГИОНА: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

Аннотация. *В статье предлагается авторская модель исследования ценностных ориентаций в разрезе глобальности и (или) локальности сознания современного студенчества депрессивного региона. На материалах социологического исследования делается вывод о преобладании глокальных, а также глобальных ценностей. Сравниваются ценности студентов с глобальной и локальной ориентацией сознания.*

Ключевые слова: *ценностные ориентации, студенческая молодежь, депрессивный регион, кризисное сознание, глобальное сознание, локальное сознание.*

I.N. Smirnova

AXIOLOGICAL FOUNDATIONS OF YOUNG PEOPLE CONSCIOUSNESS IN THE DEPRESSIVE REGION: SOCIOLOGICAL RESEARCH EXPERIENCE

Abstract. *The article proposes the author's model of value orientations in modern students consciousness through the prism of globalization and localization processes in the depressive region. The author comes to the conclusion about the prevalence of glocal as well as global values in the structure of the youth consciousness. Students' values oriented on global or local consciousness are compared.*

Keywords: *value orientations, student youth, depressive region, crisis consciousness, global consciousness, local consciousness.*

Аксиологический пласт сознания достаточно инертен, что подтверждают результаты исследований в области социологии и социальной философии. В стабильных условиях общественное сознание обнаруживает устойчивость и даже традиционализм, однако в ситуациях кризиса проявляется его «истинное лицо».

Исследование ценностных ориентаций современной молодежи ведется в российской социологии на протяжении нескольких последних десятилетий [5; 6; 10]. Молодежь при этом рассматривается как самая динамичная социальная группа, определяющая развитие всего общества, а студенческая молодежь мыслится как будущая экономическая, политическая и культурная элита России. Вместе с тем, многими современными исследователями отмечается кризисное состояние сознания молодого поколения [2; 9]. В глобальной среде у молодежи формируются каскадные неиерархические ценности сетевого порядка, которые способствуют фрагментации сознания. При этом традиционные ценности, как правило, становятся более стабильно-значимыми, поскольку через них человек противостоит «вызовам» глобализации.

В научной литературе присутствуют многочисленные дефиниции и типологии ценностей и ценностных ориентаций [1; 3; 8]. Несмотря на противоречивость подходов, исследователи сходятся в том, что ценности – это ядро структуры личности, определяющее ее направленность, они формируются в процессе социализации и обеспечивают духовную ориентацию человека, направленность его мировоззрения. Ценности являются основанием для познания и конструирования целостного образа социального мира, или общей картины мира.

В рамках данной статьи мы понимаем ценности как «…обобщенные представления («ценностные представления»), выступающие в качестве общественных идеалов, стереотипов общественного и индивидуального сознания, функционирующих как идеальные критерии оценки и ориентации личности и общества» [7, с. 13]. Вслед за А.Г. Здравомысловым и В.А. Ядовым мы разделяем понятия «ценностей» и «ценностных ориентаций», определяя последние «как установку на те или иные социальные ценности, т. е. предпочтительное отношение к определенной их группе, например, установка на труд, учебу, общественную работу, семью, заработок и т. д.» [4, с. 189].

В научной литературе проанализированы различные классификации ценностных ориентаций: терминальные и инструментальные, общественные и индивидуальные, общечеловеческие и национальные. Однако, названные классификации и, соответственно, методологии, на которые они завязаны, ориентированы, преимущественно, на подсистемный уровень, то есть уровень больших и малых социальных групп. Для нас же приоритетом является выработка методологии системного социологического анализа, которая эффективна как на микро- и мезо-, так и на макроуровнях.

В основе типологии ценностных ориентаций, которая представлена в нашем исследовании, – типология ценностей Ш. Шварца [11], который предложил ее для изучения 57 ценностных ориентаций: социальных и индивидуальных. Данная концепция была выбрана потому, что по оценке Ш. Шварца ценности представляют собой когнитивные репрезентации трех универсальных человеческих потребностей: потребности индивидов как биологических организмов, потребности координации социального взаимодействия и потребности сохранения и благополучия социальных групп, что затрагивает все уровни социологического анализа действительности (микро, макро и мезо). Интересно то, что Ш. Шварц вводит в типологию ценностных ориентаций систему ценностных осей и систему укрупненных типологических индексов. Именно они позволяют достигнуть «универсализации» результатов исследований. Отметим также, что объектом изучения Ш. Шварца были учителя и студенты, что позволяет считать данную модель апробированной для студенчества. Ш. Шварц в своих исследованиях доказал влияние глобализации на выбор обществами способа понимания и декларирования своих ценностей.

Парадигмальный синтез социологического и философского подходов позволил выделить три ценностные оси: ось «ценности-вещи» (они носят ситуативный характер, при этом отражая локальность сознания); ось «ценности-отношения» (вариативны и могут изменяться, отражают самый стабильный уровень сознания – глокальный); ось «ценности-свойства» (носят вневременной, внепространственный и внесоциальный характер, отражают глобальный уровень сознания).

Каждая укрупненная категория ценностей (ценностная ось) представлена типологическими ценностными индексами, а те, в свою очередь,− исходящими жизненными ценностями (всего 30 наименований). При этом респонденту предлагается не выбрать наиболее значимые ценности, а оценить каждую по степени важности для себя по 5-бальной шкале, где 5 – наивысший ранг ценности.

Оценка различных характеристик сознания студенческой молодежи осуществлялась в Ивановском регионе в 2015–2017 годах. Исследование включало две волны: тревожную и спокойную. В исследовании приняло участие 500 студентов различных направлений подготовки, курсов, формы и уровня обучения.

Место проведения исследования − Ивановский регион − во многом уникально: «двойная (кризисные тенденции в стране, депрессивные процессы в регионе) депрессивность» сознания молодежи, которая составляет от 20 до 30% населения региона, позволяет проследить формирование и динамику основных проявлений аксиологических характеристик в сознании в спокойное и тревожное время.

По результатам исследования, наиболее значимыми ценностями для студентов стали такие принципы жизни, как справедливость (5,0), свобода (4,8), жизнь (4,8), любовь (4,8), забота (4,7), семья (4,6), мир (4,6). Эти ценности в большей степени отражают такие

типологические ценностные индексы, как универсальность, развитие и стабильность – именно они находятся в плоскости ценностей-отношений и отражают глокальный уровень сознания (табл. 1).

Мы не можем не отметить также бóльшее одобрение глобальных ценностей, нежели локальных: ценности-свойства респонденты выбирали чаще, чем ценности-вещи, что разрушает миф об обществе потребления, ориентированном, прежде всего, на молодежь. Исследование показало, что ценности мудрости, умеренности и безопасности студенты выбирали чаще, чем ценности власти, статуса и достатка.

Дополнить сделанные выводы позволяет анализ выбора ценностных ориентаций в зависимости от типа сознания студентов. Отметим, что на прямой вопрос о направленности сознания 10,5% студентов обозначили его как глобальное, 23% как локальное, 45,2% отметили, что их сознание глокально, а каждый пятый опрошенный затруднился ответить на вопрос. В связи с этим представляется важным проследить ценностные ориентации студентов с разным типом сознания.

Таблица 1

Ценностные ориентации студенческой молодежи, в ср. значениях, (n=500)

Ценностные оси	**Укрупненные категории ценностей**	**Типологические ценностные индексы**	**Исходящие ценности как принципы жизни**	**Значение ср.**
Концепт – структура **4,25**	Ценности – свойства (глобальный уровень) **4,1**	Открытость 4,1	Безопасность Мудрость Толерантность	4,5 4,3 3,7
		Универсальность 4,3	Справедливость Умеренность Ответственность	5,0 4,4 3,4
		Системность 3,9	Независимость Рациональность Целостность	4,2 3,8 3,7
	Ценности – отношения (глокальный уровень) **4,4**	**Развитие** 4,45	Труд Любовь Творчество	4,2 4,8 4,3
		Доверие 4,3	Равенство Забота Уважение	3,9 4,7 4,5
Структура – субстрат **4,0**		Сохранение 4,3	Жизнь Семья Традиции	4,8 4,6 3,5
		Стабильность 4,5	Порядок Мир Свобода	4,0 4,6 4,8
	Ценности – вещи (локальный уровень) **3,6**	Закрытость (местность) 3,9	Дом Регион Родина	4,5 3,3 4,0
		Уникальность 3,5	Опыт Власть Статус	4,1 3,1 3,4
		Направленность 3,5	Достаток Риск Развлечения	4,0 2,9 3,5

Исследование показало, что наибольшие изменения в выборе ценностей характерны для студентов с глобальным сознанием (см. табл. 2). Именно эта группа, хоть она и небольшая, в меньшей степени актуализировала такие ценности, как «справедливость», «умеренность», «труд», «любовь», «творчество», «забота», «традиции» и «родина».

Таблица 2

Ценностные ориентации студенческой молодежи в зависимости от типа сознания,
в ср. значениях

Исходящие ценности как принципы жизни	Значение ср. (n=435)	Респонденты с глобальным сознанием (n=79)	Респонденты с локальным сознанием (n=63)
Безопасность	4,5	4,2	4,6
Мудрость	4,3	4,5	4,2
Толерантность	3,7	3,4	3,6
Справедливость	5,0	**4,0**	*4,4*
Умеренность	4,4	**3,5**	*3,3*
Ответственность	3,4	*4,0*	**4,5**
Независимость	4,2	4,2	4,2
Рациональность	3,8	3,9	3,6
Целостность	3,7	3,5	3,7
Труд	4,2	**3,8**	4,3
Любовь	4,8	**4,0**	4,4
Творчество	4,3	**3,7**	4,0
Равенство	3,9	3,6	3,8
Забота	4,7	**3,9**	5,0
Уважение	4,5	4,3	4,3
Жизнь	4,8	4,9	4,6
Семья	4,6	4,5	4,6
Традиции	3,5	**3,0**	3,6
Порядок	4,0	3,7	4,0
Мир	4,6	4,5	4,6
Свобода	4,8	4,6	4,6
Дом	4,5	4,2	4,6
Регион	3,3	3,7	3,3
Родина	4,0	**3,3**	4,2
Опыт	4,1	4,2	4,0
Власть	3,1	3,1	**3,7**
Статус	3,4	3,1	3,5
Достаток	4,0	3,6	4,1
Риск	2,9	2,9	3,0
Развлечения	3,5	*3,9*	3,1

В свою очередь, бóльшее значение для этой группы студентов имеют такие ценности, как «ответственность» и «развлечения», что объясняется не только открытостью мира, складывающемся на глобальном уровне обществом потребления, но также и все возрастающими глобальными рисками, катастрофами, кризисами и, в связи с этим, потребностями в ответственности.

Интересно также, что категории «глобального» и «локального» не являются в сознании студентов дихотомиями, они дополняют друг друга, а зачастую перетекают друг в друга. Так, те ценности, которые являются аутсайдерами для студентов с глобальным сознанием, не находятся в лидерах у студентов с локальным сознанием. Напротив, ценность «ответственности» еще больше повышает свой ранг среди последних. Похожие тенденции мы наблюдаем с ценностью «справедливости». Также для этой категории студентов более важны ценности «власти», «статуса», «дома», что подтверждает сделанные выше выводы о преимущественной глокальности сознания современных студентов.

Анализируя выбор ценностей в зависимости от типа сознания в спокойное время, отметим следующие тенденции. У студентов, обладающих глобальным сознанием, бóльшее значение приобретают такие ценности, как толерантность, справедливость, ответственность,

равенство, забота, традиции, порядок, родина, статус, достаток. Сохранение в структуре сознания студентов глобальных ценностей вместе с тем влечет за собой поворот к локальным ценностям, что объясняется отсутствием рисков, «успокоением» сознания, формирование глобального сознания − ответ на внешние вызовы и угрозы.

Видна и обратная тенденция: у студентов с локальным сознанием в спокойное время снижается оценка и глобальных, и локальных ценностей (кроме ценностей статуса и развлечений). Это объясняется тем, что в спокойное время ценности, как правило, задаются социальными группами (проистекают из корпоративной этики), а в кризисные времена на первый план выходят цели-ценности межличностных отношений (табл.3).

Таблица 3

Ценностные ориентации студенческой молодежи в зависимости от типа сознания и времени проведения исследования, в ср. значениях

Исходящие ценности как принципы жизни	**Значение ср.**		**Респонденты с глобальным сознанием**		**Респонденты с локальным сознанием**	
	Тревожный фон (n=210)	Спокойный фон (n=225)	Тревожный фон (n=22)	Спокойный фон (n=41)	Тревожный фон (n=48)	Спокойный фон (n=31)
Безопасность	4,5	4,5	4,2	4,3	4,6	4,3
Мудрость	4,3	4,08	4,5	4,2	4,2	3,6
Толерантность	3,7	3,7	3,4	3,9	3,6	3,0
Справедливость	5,0	4,6	**4,0**	*4,7*	*4,4*	**4,3**
Умеренность	4,4	3,6	**3,5**	*3,9*	*3,3*	**3,4**
Ответственность	3,4	4,5	*4,0*	*4,7*	**4,5**	**4,1**
Независимость	4,2	4,3	4,2	4,4	4,2	4,0
Рациональность	3,8	3,9	3,9	4,0	3,6	3,6
Целостность	3,7	3,8	3,5	3,9	3,7	3,6
Труд	4,2	4,3	**3,8**	**4,2**	4,3	4,2
Любовь	4,8	4,3	**4,0**	**4,3**	4,4	4,1
Творчество	4,3	3,5	**3,7**	**3,7**	4,0	2,9
Равенство	3,9	3,9	3,6	4,2	3,8	3,2
Забота	4,7	4,4	**3,9**	4,5	5,0	3,8
Уважение	4,5	4,5	4,3	4,4	4,3	4,5
Жизнь	4,8	4,7	4,9	**4,8**	4,6	4,7
Семья	4,6	4,7	4,5	**4,6**	4,6	4,7
Традиции	3,5	3,6	**3,0**	**3,9**	3,6	3,5
Порядок	4,0	4,1	3,7	4,2	4,0	3,7
Мир	4,6	4,5	4,5	4,8	4,6	4,3
Свобода	4,8	4,5	4,6	4,6	4,6	4,0
Дом	4,5	4,6	4,2	**4,4**	4,6	4,5
Регион	3,3	3,5	3,7	**3,5**	3,3	3,5
Родина	4,0	4,2	**3,3**	**4,0**	4,2	3,8
Опыт	4,1	4,2	4,2	4,4	4,0	3,8
Власть	3,1	3,3	3,1	3,3	**3,7**	2,9
Статус	3,4	3,9	3,1	3,8	3,5	4,9
Достаток	4,0	4,3	3,6	*4,5*	4,1	4,1
Риск	2,9	3,0	2,9	*3,1*	3,0	2,32
Развлечения	3,5	3,8	*3,9*	*4,1*	3,1	3,5

Аксиологические характеристики «глобальности» / «локальности» сознания студентов имеют существенный потенциал для более детальных исследований; они проявляются в жизненных стратегиях и планах молодежи и, тем самым, служат важным звеном в системе «от образа мыслей к образу жизни». Подобное исследование ценностных ориентаций позволяет зафиксировать не только срезы сознания студенчества, но и выявить изменения среди различных групп студентов: девушек и молодых людей, студентов с

разным уровнем дохода, различных направлений подготовки, формы и курса обучения. Полагаем также, что представленная методология может быть ориентирована и на другие социальные группы и общества.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-03-00833 «Философия глобального сознания в контексте человеческой революции: философско-методологические и когнитивно-семиотические проблемы».

Список литературы

1. Василенко В.А. Ценность и оценка. Киев: Наукова думка. 1964. 185 с.

2. Захарин А.Н. Мировоззренческо-парадигмальный конфликт как социальная детерминанта кризисного и агрессивного сознания молодежи // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2014. № 2 (41). С. 92–96.

3. Здравомыслов А.Г. Потребности. Интересы. Ценности. М.: Политиздат, 1986. 223 с.

4. Здравомыслов А.Г., Ядов В.А. Отношение к труду и ценностные ориентации личности // Социология в СССР. М.: Мысль, 1966. Т.2. С. 187–207.

5. Казарина-Волшебная Е.К., Комиссарова И.Г., Турченко В.Н. Парадоксы трансформации ценностных ориентаций российской молодежи // Социологические исследования. 2012. № 6. С. 121–126.

6. Кучмаева О.В. Проблемы ценностных ориентаций российской молодежи // Культурное наследие России. 2013. № 2. С. 32–38.

7. Попова И.М. Ценности и ценностный аспект сознания // Ценностные представления и потребности. Киев: Выща школа, 1986. С. 5–21.

8. Ручка А.А. Ценностный подход в системе социологического знания. Киев: Наукова думка, 1987. 223 с.

9. Соколова Е.В. Приоритеты ценностного сознания современной молодежи в кризисную эпоху // Перспективы науки. 2011. № 10 (25). С. 26–29.

10. Цыбулька А.М. Проблемы ценностных ориентаций современной российской молодежи в изменяющейся социокультурной среде // Система ценностей современного общества. 2014. № 33. С. 138–143.

11. Cchwartz S.H. Value orientations: Measurement, antecedents and consequences cross nations // Measuring Attitudes Cross-nationally – Lessons from the European Social Survey / R. Jowell et al. (Eds.). London: Sage. 2007. P. 169–203.

В.М. Солдатов

РЕГИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА: ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Аннотация. *На основе разработанной автором концепции духовно-мировоззренческого видения и понимания культуры в статье рассматриваются проблемы системно-типологического анализа основных направлений (объектов) региональной культурной политики (РКП). Автор отмечает недостаточное философское осмысление и научное обоснование онтологии и гносеологии Объекта и Субъекта РКП. По его мнению, это связано, прежде всего, с духовно-смысловыми и понятийными противоречиями в законодательстве о культуре и важнейших документах стратегического планирования развития культуры. Он избирательно анализирует их на примере документов федерального и регионального значения, делая при этом вывод о конструктивности и эвристических возможностях предложенной типологии РКП.*

Ключевые слова: *регион, культура, политика, анализ, система, типология.*

V.M. Soldatov

REGIONAL CULTURAL POLICY: PROBLEMS OF SYSTEM-TYPOLOGICAL ANALYSIS

Abstract. *Based on the author's concept of spiritual and philosophical vision and understanding of culture, the article considers the problems of the system-typological analysis of the main directions (objects) of the regional cultural policy (RCP). The author notes the insufficient philosophical understanding and scientific substantiation of the ontology and epistemology of the Object and Subject of the RCP. In his opinion, this is due, first of all, to the spiritual and semantic and conceptual contradictions in the legislation on culture and the most important documents of strategic planning for the development of culture. He selectively analyzes them on the example of documents of federal and regional significance, while making a conclusion about the constructiveness and heuristic possibilities of the proposed typology of the RCP.*

Keywords*: region, culture, policy, analysis, system, typology.*

В настоящей статье представлены результаты многолетних исследований автора проблем культурной политики современной России, включая ее федеральные и региональные составляющие. Как известно, в конце 2014 года Президент РФ утвердил «Основы государственной культурной политики» [5] – далее «Основы ГКП». Этим Указом Президента РФ «государство впервые возводит культуру в ранг национальных приоритетов и признает ее важнейшим фактором роста качества жизни и гармонизации общественных отношений, залогом динамичного социально-экономического развития, гарантом сохранения единого культурного пространства и территориальной целостности России» [5, с. 5]. В ходе всенародного обсуждения проекта Основ ГКП были выявлены многочисленные проблемы и противоречия культурной политики.

К числу таких злободневных проблем формирования и реализации культурной политики в России следует отнести, прежде всего, проблему мировоззренческого и методологического осмысления исходных понятий. Например, в «Основах ГКП» не оказалось места такому важнейшему понятию, как «региональная культурная политика» (РКП), поскольку реальная культурная жизнь граждан страны осуществляется на местах, в регионах РФ, а не на уровне федерального центра. Как мы отмечали в одной из своих публикаций [1], это связано с недостаточным вниманием практиков и теоретиков «от культуры» к исследованию методологических проблем «региональной культуры» [14] и «культурного регионализма» [12] в России и за рубежом.

Если для примера обратиться к Основам законодательства Российской Федерации о культуре (далее – «Основы 1992»), которые более 20 лет служили научно-практической базой осуществления культурной политики на уровне федерально центра и регионов РФ, то мы обнаружим здесь лишь узкое институционально-управленческое понимание РКП. По существу, оно сводится в VII разделе «Основ 1992» к разграничению полномочий федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации (РФ) и органов местного самоуправления в области культуры [3]. Понятие «регион» в «Основах 1992» фактически отождествляется с институционально-управленческим термином «субъект» РФ, что говорит о непонимании авторов данного закона ни духовного смысла культуры, ни интегрально-управленческого значения РКП.

Эти и многие другие проблемы с видением и пониманием РКП в «Основах 1992» и «Основах ГКП» явились для нас фундаментальным мировоззренческим и методологическим основанием для разработки духовно-интегральной концепции и модели РКП в контексте онтологии и аксиологии всепроникающей и всеохватывающей универсальной системы «Космос – Человек – Общество – Природа». Это видение и понимание РКП в полной мере отвечает смыслу и содержанию понятия «духовная сфера» из «Основ ГКП» [5, с. 8], развернутое обоснование и определение этого понятия предлагалось автором в выступлении

на экспертном совещании рабочей группы Общероссийского национального фронта «Образование и культура как основы национальной идентичности». Оно прямо было посвящено обсуждению проекта «Основ ГКП» (Москва, 17 сентября 2014 года).

В своей концепции и модели РКП мы соединили идею «духовной сферы» с онтологией и аксиологией Субъекта и Объекта (внутри – системных, субъект – субъектных, субъект – объектных и объект – объектных) отношений культурной политики. Результатом такого синтеза и духовной интеграции явились следующие системные составляющие Объектов РКП, отражающие духовно-национальную идентичность России:

1) ***духовно-религиозная (конфессиональная) идентичность этносов в регионах РФ*** как выражение идеалов Веры, Свободы и Истины в почтительном и уважительном отношении каждого Человека и регионального сообщества в целом к Богу и космической гармонии мироздания;

2) ***духовно-космическая среда (ноосфера) регионов РФ*** как выражение идеалов Порядка, Гармонии и Творчества в почтительном и уважительном отношении каждого Человека и Гражданина в регионах РФ к всестороннему развитию своей личности;

3) ***духовно-гуманистическая идентичность Человека и Гражданина в регионах РФ*** как выражение идеалов Добра, Разума и Самосознания в почтительном и уважительном отношении каждой личности к своему «Я» и становлению своей подлинной индивидуальности;

4) ***духовно-социальная среда в регионах РФ*** как выражение идеалов Взаимопомощи, Согласия и Милосердия в почтительном и уважительном отношении людей друг к другу в процессе их коллективного общения и совместной деятельности;

5) ***духовно-нравственная идентичность Общества в регионах*** как выражение идеалов Долга, Единства и Справедливости в почтительном и уважительном отношении народов, этносов и отдельных социальных групп к обеспечению национального единства России;

6) ***духовно-экологическая среда в регионах РФ*** как выражение идеалов Красоты, Здоровья и Равновесия в почтительном и уважительном отношении каждого жителя в регионах РФ к Природе, рациональному использованию ее ресурсов на благо будущих поколений людей;

7) ***духовно-историческая идентичность территории в регионах РФ*** как выражение идеалов Отечества, Патриотизма и Героизма в почтительном и уважительном отношении каждого Гражданина страны к культурно-историческому наследию регионов РФ;

8) ***духовно-глобальная среда в регионах РФ*** как выражение идеалов Мира, Солидарности и Равноправия в почтительном и уважительном отношении жителей в регионах РФ к взаимодействию и общению с жителями зарубежных стран и государств;

9) ***духовно-культурная идентичность системы управления в регионах РФ*** как выражение идеалов Демократии, Самоорганизации и Самоуправления в почтительном и уважительном отношении региональной власти к участию граждан в управлении делами государства и развитию местного самоуправления.

Предложенный нами типологический подход к видению и пониманию системной составляющих Объекта РКП обладает рядом существенных достоинств и преимуществ по сравнению с аналогичными представлениями, как в России, так и в зарубежных странах:

- во-первых, он достаточно полно отвечает теоретико-методологическим и духовно-практическим потребностям современного российского Общества и государства в совершенствовании культурной политики на всех уровнях управления – федеральном, региональном и муниципальном;
- во-вторых, в условиях глобализации мирового развития данная типология РКП в универсальном и системно-интегральном виде отражает основные духовно-нравственные и культурно-исторические ценности многонационального народа РФ, обозначенные в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [13]:

- в-третьих, наша типология РКП базируется на едином духовно-мировоззренческом основании онтологии и аксиологии универсальной системы «Космос – Человек – Общество – Природа», позволяя конструктивно, системно анализировать процессы культурного и социального развития регионов РФ;
- в-четвертых, наша типология видения системных составляющих РКП позволяет теоретикам и практикам «от культуры» избавиться от традиционной понятийной путаницы в законодательстве о культуре и документах стратегического планирования;
- в-пятых, предложенная нами типология РКП предполагает не произвольное конструирование основных направлений в федеральных и региональных программах развития культуры, а строго логическое их ограничение 9 онтологическими составляющими, характеризующими духовно-ценностные измерения системы «Космос – Человек – Общество – Природа».

Чтобы не показаться голословным, обратимся к краткому системно-типологическому анализу проблем и противоречий, имеющихся в важнейших законах и документах стратегического планирования развития культуры на федеральном и региональном уровнях управления в России. В связи с этим еще раз вернемся к «Основам 1992», которые не предусматривали отражения общих вопросов совместного ведения РФ и субъектов РФ в области культуры, что сегодня не согласуется со статьей 72 Конституции РФ. Эти полномочия не выходили за рамки поддержания и модернизации инфраструктуры учреждений искусства и культуры (объектов культурного наследия, государственных музеев и библиотек, народных художественных промыслов, национально-культурных автономий).

Эти частные составляющие РКП в «Основах 1992» были мало связаны с государственным регулированием комплексного развития территорий регионов РФ. Однако, само словосочетание «региональная политика» получило широкое распространение во второй половине XX века в различных странах мира именно в связи с ориентацией на такое комплексное развитие территорий [2; 7]. В силу сложности и противоречивости социально-политической ситуации в 90-х годах XX века, реальные сдвиги в решении проблем регионального развития России начались позже – фактически после Указа Президента РФ от 3 июня 1996 года за № 803 «Об Основных положениях региональной политики в Российской Федерации» [4]. Правда, говорить о строгой научной обоснованности основных положений региональной политики вряд ли приходится.

В этом документе под регионом понимается часть территории Российской Федерации, обладающая общностью природных, социально-экономических, национально-культурных и иных условий. При этом отмечалось, что регион может совпадать с границами территории субъекта РФ либо объединять территории нескольких субъектов РФ. Хотя в этом определении региона присутствуют «культурные условия», понять из документа их взаимосвязь с природными и социально-экономическими составляющими не представляется возможным. Более того, в определении региональной политики культурная составляющая исчезает, и под этой политикой понимается система целей и задач органов государственной власти по управлению политическим, экономическим и социальным развитием регионов страны, а также механизм их реализации.

Таким образом, в исходных определениях «региональной политики» и «региона» имеются существенные понятийные противоречия и смысловая рассогласованность в понимании Объекта управления, поскольку в одном из них присутствует культурная составляющая, а в другом – она отсутствует. Что касается понимания Субъекта управления, а равным образом и Субъекта РКП, то в определении «региональной политики» оно страдает традиционным поверхностным рационализмом и утилитаризмом, сводя его системную деятельность к формальному определению управленческих целей и задач органов государственной власти. Такое доминирование государства как единственного и монопольного Субъекта формирования и реализации региональной политики плохо согласуется с демократической сущностью российского государства, зафиксированной в статье 1 Основного закона РФ.

Нельзя не отметить, что в основных положениях региональной политики РФ обозначена словесно и «духовная сфера» регионального развития. Однако, по неизвестным причинам она оказалась вместе с «государственно-правовой сферой» в разделе «региональные аспекты национально-этнических отношений». Что это означает в контексте нашей системной типологии РКП – не совсем ясно. Скорее всего то, что национально-этнические отношения, государство и право в регионах РФ обладают статусом «духовности», а развитие федеративных отношений, местного самоуправления, региональной экономической и социальной политики, а также экологическая безопасность территорий не нуждаются в таких духовно-культурных измерениях. В документе ничего не говорится о духовно-культурной идентичности человека и гражданина РФ, тогда как согласно статье 2 Конституции РФ, «человек, его права и свободы – высшая ценность» российского социального государства.

Разработанная Министерством регионального развития РФ спустя 10 лет после Основных положений региональной политики Концепции стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации (далее – «Стратегия 2006») не смогла дать чего-то принципиально нового для совершенствования РКП. В силу узкого горизонта планирования социально-экономического развития РФ, ограниченного по содержанию государственным бюджетом, а по горизонту планирования 1–3 годами, авторам «Стратегии 2006» не удалось осмыслить региональную политику как феномен культуры, а региональную культуру и культурный регионализм – как важнейшие факторы долгосрочного социально-экономического развития регионов РФ. Ориентируясь на либерально-рыночный подход к региональной политике, они не смогли выйти за рамки традиционных советских представлений об экономическом детерминизме в понимании региональной культуры и РКП.

Именно таким образцом понимания региональной культуры и Объекта РКП является «Паспорт культурной жизни», используемый с 2006 года Министерством культуры РФ в качестве методического пособия по изучению культурно-информационного взаимодействия в многонациональной среде РФ. По замыслу авторского коллектива этот паспорт является научной разработкой и предназначен для высшего управленческого персонала, руководителей региональных органов власти, работников органов управления и финансово-экономических служб учреждений культуры, профессоров и преподавателей ВУЗов, аспирантов и студентов [6]. Поскольку этот документ до настоящего времени применяется в процессе формирования и реализации РКП, рассмотрим в обобщенном виде его типологические составляющие. Этих составляющих всего три:

1. ***Общая характеристика территории регионов РФ*** с указанием даты образования субъекта РФ, его социально-географических характеристик, наиболее крупных городов, коренного населения и национально-культурных автономий регионального и муниципального уровня.

2. ***Общие экономические характеристики территории регионов РФ*** с указанием хозяйственной специализации региона, ведущих отраслей промышленности и сельского хозяйства, бюджетных признаков территории – дотационной/донорской, среднемесячного денежного дохода и среднего прожиточного минимума на 1 жителя субъекта РФ.

3. ***Характеристика сети культурных учреждений*** с указанием учреждений по работе с социально незащищенными слоями населения, включения субъекта РФ в работу региональных объединений и ассоциаций, территориального управления и уполномоченного Министерства культуры РФ, в том числе по видам организаций и направлениям деятельности: театрально-концертных организаций; библиотеки; музеи; кинематография; учебные заведения культуры; региональные целевые программы по культуре и другие (всего не менее 18 направлений).

Если сравнить смысл и содержание паспорта с предложенной нами выше системной типологией Объекта РКП, то можно сделать следующие выводы. Во-первых, в паспорте вообще не идет речь о духовно-культурной идентичности регионов РФ. Во-вторых, только

первую составляющую паспорта можно условно соотнести по названию с ***духовно-исторической идентичностью территории*** в регионах РФ. Условно, потому что «общие характеристики территории» из паспорта учитывают исключительно социально-географические характеристики культурной жизни в субъектах РФ, а собственно духовно-культурные параметры бытия и жизни людей в первом направлении паспорта отсутствуют.

Что касается ***второго направления паспорта***, то не совсем понятно, каким образом «общие экономические характеристики территории» регионов России оказались в содержании данного методического пособия. По всей видимости, его авторы и разработчики интуитивно догадывались, что экономическая культура и политика должны быть как-то связаны с культурной политикой и экономикой. Если исходить из таких предположений, то мы можем опять же очень условно связать данную составляющую из паспорта либо с ***духовно-нравственной идентичностью регионального сообщества***, либо с ***духовно-социальной средой в регионе***, имея в виду косвенную и опосредованную связь экономики региона с социальной и культурной политикой в субъектах РФ.

Третье направление паспорта в регионах РФ – характеристика сети культурных учреждений, относится скорее к видам искусства и институциональной инфраструктуре цивилизации, чем к культуре в нашем понимании духовно-культурной идентичности регионов РФ. Поскольку искусство есть форма образного творчества и материально-технического воплощения в артефактах и технологиях духовных идеалов и ценностей человечества, то все подразделы третьего направления (театральное, изобразительное и др.) паспорта могут относиться к культуре только в случае их соответствия духовным идеалам и ценностям бытия и жизни людей. Аналогично, «сеть культурных учреждений» может характеризовать ***духовно-культурная идентичность системы управления*** в регионах России при условии их соответствия духовным идеалам данного направления.

Из последних документов стратегического планирования развития культуры в регионах РФ особо отметим два из них: «Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года» [10] и «Стратегия культурной политики Ульяновской области до 2030 года» [11]. Они, соответственно, характеризуют современное видение и понимание типологии Объекта культурной политики на федеральном и региональном уровнях управления. Сразу же подчеркнем, что в научном плане обоснованность типологий культурного развития в них мало продвинулась вперед в духовно-мировоззренческом отношении. По-прежнему в них доминирует утилитарный практицизм и материализм, разбавленный либерально-рыночными идеями решения проблемы финансирования культуры. Духовная сфера развития Человека и Общества в них как игнорировалась ранее, так и продолжает игнорироваться в новом терминологическом обличье.

Так, объединяя в смысловом плане основные цели указанных выше стратегий, мы получим следующую типологию ГКП и РКП:

- формирование гармонично развитой личности, реализация каждым человеком его творческого потенциала;
- укрепление единства российского общества и социокультурного пространства регионов РФ путем формирования социальной сплоченности;
- укрепление гражданской идентичности и создание условий для воспитания граждан;
- сохранение исторического и культурного наследия и его использование для воспитания и образования населения России;
- передача от поколения к поколению традиционных для российского общества ценностей, норм, традиций и обычаев;
- обеспечение гражданам доступа к знаниям, информации, культурным ценностям и благам.

Как видно, она существенно отличается от предложенной нами типологии РКП, которая не является исчерпывающей, поскольку в значительной мере отражает авторское их видение и понимание. Главные достоинства нашей типологии в том, что она в теоретическом

плане обоснована с предельных духовно-мировоззренческих позиций, а в практическом отношении типологически обобщает все имеющиеся в регионах РФ классификации основных направлений развития культуры. Наша типология значительно перекрывает перечень духовных идеалов и ценностей культуры, которые имеются в различных документах стратегического планирования федерального и регионального уровня управления. Она может конструктивно использоваться при модернизации законодательства о культуре, совершенствовании Основ ГКП и стратегического планирования развития культуры (концепций, стратегий, моделей, программ и проектов).

Список литературы

1. Буторов С.А., Солдатов В.М. Духовно-культурные измерения и концептуальные основы региональной политики современной России // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 2 (58). С. 87–94.

2. Грицай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И. Центр и периферия в региональном развитии. М.: Наука, 1991. 186 с.

3. Закон РФ от 9 октября 1992 года № 3612-I «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс]: Гарант. URL: http://base.garant.ru/104540/ (Дата обращения: 14.07.2017).

4. Основные положения региональной политики в Российской Федерации. [Электронный ресурс]: Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/9452 (Дата обращения: 14.07.2017).

5. Основы государственной культурной политики. М.: Министерство культуры РФ, 2015. 70 с.

6. Паспорт культурной жизни: методическое пособие по изучению культурно-информационного взаимодействия в многонациональной среде Российской Федерации / В.С. Малышев и др. М.: КДУ, 2006. 18 с.

7. Региональные диспропорции: оценка и пути преодоления. Екатеринбург: УрГЭУ, 2008. 110 с.

8. Солдатов В.М. О духовно-интегральном понимании культуры и культурной политики современной России // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 1 (45). С. 19–24.

9. Солдатов В.М. О духовно-нравственном осмыслении современных проблем культуры и культурной политики России // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 3 (47). С. 40–46.

10. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года [Электронный ресурс]: Консорциум кодекс. URL: http://docs.cntd.ru/document/420340006 (Дата обращения: 14.07.2017).

11. Стратегия культурной политики Ульяновской области до 2030 года [Электронный ресурс] // URL: http://ulkul.ru82.pdf (Дата обращения: 14.07.2017).

12. Стрелецкий В.Н. Культурный регионализм в Германии и России. Автореферат диссертации доктора географических наук. М.: 2012. 46 с.

13. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 года № 683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года». [Электронный ресурс]: Консультант плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (Дата обращения: 14.07.2017).

14. Яковлева Е.Н. К определению понятия «региональная культура» // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2013. № 4. (28). http://www.scientific-notes.ru/pdf/033-041.pdf (Дата обращения: 14.07.2017).

И.А Сосунова, И.А. Урмина

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ФАКТОР СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ

Аннотация. *В статье анализируются современные аспекты освоения социального и культурного опыта в условиях модернизационных трансформаций российского общества и глобализационных изменений. Наследие может быть представлено в качестве одной из основ социокультурной модернизации, обеспечивающей эффективность процессов освоения, изменения и трансляции, как индивидами, так и общностями многомерного социокультурного опыта.*

Ключевые слова*: глобализация, модернизация, социокультурная реальность, национальное социокультурное развитие, культурное наследие, социокультурные трансформации.*

I.A Sosunova, I.A. Urmina

CULTURAL HERITAGE AS A FACTOR OF SOCIAL AND CULTURAL CHANGE IN THE CONDITIONS OF MODERNIZATION

Abstract. *In the article are analyzed modern aspects of social and cultural experience's mastering in the context of modernization transformations of Russian society and globalization changes. Heritage can be presented as one of the foundations of social and cultural modernization, ensuring efficiency of the development processes, modification and transfer by individuals and communities multidimensional social and cultural experience.*

Keywords*: globalization, modernization, social and cultural reality, national sociocultural development, cultural heritage, socio-cultural transformations.*

При любых значимых изменениях общества обязательно должны в том или ином виде учитываться проблемы, относящиеся к изменениям, вносимым в социокультурную реальность. Выбор социокультурного подхода в данном случае представляется оправданным, поскольку речь идет о комплексных многомерных феноменах, при изучении которых человек неизбежно предстает биосоциокультурным существом, актором социальных действий [1] и т.д.

Освоение социального и культурного опыта представляет собой существенную составляющую жизненного пути человека. Благодаря нему люди трансформируют внешнее и чужое для них окружение – природное, социальное, символическое – в собственную жизненную среду. Речь идет о переходе от синкретичного к дифференцированному мировосприятию; от страха перед событиями и обстоятельствами – к пониманию их причин и сути; от подчиненности жизненным условиям – к их подконтрольности [8].

В условиях глобализации социокультурные изменения могут рассматриваться как один из наиболее существенных факторов национального социокультурного развития, обусловливающий тенденцию к унификации, «выравниванию» культур различных социумов, изменение ценностных систем людей, их образа жизни, развитие духовной сферы, науки и технологий [9, с. 253]. При этом восприимчивость современного российского общества к глобализационным процессам стимулируется лозунгом модернизации как национальной цели, артикулированной в качестве самодостаточной относительно недавно, но фактически подразумевавшейся с конца 80-х гг. XX в.

Применительно к социуму модернизация (в широком смысле), по нашему мнению, это, прежде всего, управляемое ускоренное развитие, изменение, обновление всех сфер жизни социума, приведение их в желаемое соответствие с избранным в качестве образца современности эталоном, чаще всего задаваемым обликом достаточно узкой совокупности стран-лидеров, считающихся передовыми в социально-культурном и др. отношениях [6].

В данном контексте примерами относительно успешных социокультурных модернизаций, как представляется, следует признать: реформы Петра Великого – Россия, XVIII в.; революцию (реставрацию) Мэйдзи – Япония, XIX в., Новый курс – США, XX в. и т.д. Соответственно примером неудачной (незавершенной, прерванной и т.п.) социокультурной модернизации можно считать т.н. «революцию Пехлеви» – Иран, XX в.

При этом ожидаемый результат модернизации (облик желаемого будущего) – это значимое направленное изменение цивилизационного субпространства, наблюдаемое во всех основных сферах модернизации и, прежде всего, в социально-культурной сфере. Особо важно при этом, что модернизация как социокультурный феномен:

– не может быть «бессубъектной», так как порождает социальные и культурные расколы, обостряет противоречия внутри социума;

– сопровождается существенными различиями в доступе разных элементов социума к «модернизационной ренте»;

– не может быть стихийной в отличие от заимствований (уже потому, что предполагает *институциональные* изменения).

Успешность модернизации, по нашему мнению, может рассматриваться (возможны иные подходы. См., например, [7]):

– во-первых, как достижение желаемых целей модернизации – в этом случае главная опасность ─ неадекватность целей;

– во-вторых, как комплексная характеристика хода модернизации (развития) в качестве многосвязного процесса – в этом случае главная опасность ─ «модернизационный срыв».

В свою очередь, наследие как социокультурный феномен может быть представлено в качестве одной из основ социокультурной модернизации, обеспечивающей эффективность процессов изменения и освоения (трансляции) личностями и общностями многомерного социокультурного опыта (в основном, национального и, в определенной степени, зарубежного) в виде необходимого «набора» точек зрения на мир, картин мира, представлений, символов, традиций, стереотипов и образцов деятельности и т. п. Иными словами, наличие и доступность культурного наследия позволяет отрефлексировать видение мира, присущее данному конкретному социуму, удостоверить чувство культурной идентичности стране, народу, государству, нации, конфессиональной, региональной или какой-либо иной социальной общности, а также уточнить ролевые идентичности, сформировать национальное и гражданское самосознание и т.д.

Поскольку в трансформирующемся обществе универсализм картины мира замещается множеством «картинок» мироздания, классические определения наследия распадаются на множество форм, дифференцированных по разным уровням культурной компетентности представителей различных социокультурных групп. Само же культурное наследие воспринимается этими группами в той мере, в какой те или иные фрагменты его отвечают требованиям социальной значимости и тем самым позволяют адаптироваться в сложной и динамичной социокультурной среде модернизации.

По сути, в таком обществе возникает операциональная модель наследия: соотношение потенциальной и актуальной культуры, что изменяет и функции наследия – его социализирующую роль. Передача социокультурного опыта от старших поколений к младшим осуществляется уже не в форме нарратива, т.е. последовательного упорядоченного освоения образцов высокой культуры, а фактически в соответствии с постмодернистской парадигмой, допускающей смешение разных культурных контекстов и стилей, создание новых конструкций наследия из артефактов разных уровней сложности и перемешанных классификаций. Кроме того, возможны процессы нивелирования шкалы культурных ценностей, стирания граней между элитарной и массовой культурой. Актуализация отдельных фрагментов культурно-исторического наследия также осуществляется уже не в логической форме последовательной передачи опыта, а в избирательной преемственности тех частей наследия, которые, так или иначе, значимы для современников [5].

Проблема освоения наследия заключается, прежде всего, в том, что существует расхождение между пониманием наследия как набора многочисленных способов и форм преемственности социокультурного опыта и реальной ограниченностью выбора лишь определенного класса объектов наследия. Иначе говоря, весь беспредельный социокультурный опыт поколений оценивается каждым единичным субъектом в основном по критерию актуальности «здесь и сейчас». Однако проявляется и заметное влияние ряда устойчивых механизмов воспроизводства определенных объектов наследия и, в первую очередь, традиций.

Принципиально важно при этом, что традиция как механизм передачи культурного наследия одновременно предполагает изменчивость. Социокультурный опыт трансформируется в соответствии с виртуальными представлениями (идеалы, идеи, парадигмы), которые заданы текущей социокультурной ситуацией, поэтому те фрагменты наследия, которые восприняты через механизмы традиции, способны изменять свои функции, смыслы, в результате чего возникает «разрыв» между их «местом» в структуре наследия и конкретной социокультурной ситуацией. Изучая эти разрывы, можно понять многие сложные механизмы непрерывности, дискретности в динамике культуры.

Целесообразно подчеркнуть, что распространенное понимание наследия как «совокупности культурно-исторических ценностей», по сути, недостаточно для определения роли наследия в современности, поскольку не удается сформулировать содержание наследия как всеми разделяемой универсальной ценности. Такое определение выступает наподобие неких неизменных метафизических сущностей, что не соответствует реально изменяемым частям наследия в ходе социокультурных трансформаций [5].

Кроме того, в результате интенсивной стратификации и дифференциации современного общества разные социальные слои, общности, группы населения находят в наследии «свои» культурные истоки, и соответственно, формируют «свою» традицию. Такое расслоение традиций по-новому ставит вопросы наследия и преемственности. Модель наследия оказывается величиной непостоянной и реально существует как выбор разными поколениями разных частей наследия. Поэтому функция его передачи не представляется основным критерием, поскольку необходимы все составляющие стратифицированной схемы предмета наследия: субъектная, объектная, функциональная, динамическая, аксиологическая.

Необходимо особо подчеркнуть, что все вышеприведенные концептуальные положения воплощаются в социокультурную реальность только при условии эффективного доступа к наследию, способности к его восприятию. Не случайно последние десятилетия лидерство на мировой арене определяется не только уровнем развития фундаментальной и прикладной науки, но также и уровнем образованности населения, возможностью получения не только начального и среднего, но и высшего образования [2].

При этом, по данным итогового доклада «Технологии, широкополосная связь и образование: Ускоренное выполнение программы «Образование для всех»» рабочей группы по образованию Комиссии ООН по вопросам цифровых технологий для развития широкополосной связи, опубликованного в 2012 году, в мире 61 млн детей младшего школьного возраста и 71 млн детей возраста низшей ступени среднего образования вообще не посещают школу.

По оценкам Международного союза электросвязи, на конец 2012 года доступ к Интернету имели около 2,5 миллиардов человек, однако в развивающихся странах интернет-пользователи составляли лишь четверть населения. В наименее развитых странах их доля еще ниже – всего 6%. При этом в мире насчитывалось около 793 млн неграмотных взрослых, 64% из которых составляли женщины [10]. Самый высокий уровень неграмотности отмечался в странах Африки к югу от Сахары, а также в Южной и Западной Азии.

Данные отчета Международного союза электросвязи за 2012 год «Измерение информационного общества» [3] свидетельствуют о существенном неравенстве на мировом и региональном уровне в отношении как уровня развития информационно-

коммуникационных технологий, так и ежемесячной стоимости доступа к широкополосной связи, которая в 17 странах до сих пор превышает среднюю месячную зарплату.

Российские социокультурные реалии также не свободны от опасных тенденций, определенное представление о которых дают результаты экспертного опроса, выполненного Институтом социологии РАН, Институтом экономики РАН и Государственным институтом искусствознания Министерства культуры РФ [4]. В частности, эксперты отметили очевидную недооценку стратегической значимости культуры для успешной модернизации страны со стороны властных элит. Более 80% экспертов признали необходимость кардинального пересмотра отношения к культуре со стороны государства. Одной из самых болезненных тем, волнующих общество, стало отторжение значительной части молодежи от традиционной отечественной культуры и от культуры вообще. В оценке экспертов эта позиция заняла ведущее место по значимости среди самых острых проблем развития культуры. Целенаправленная работа по ее решению должна стать продуктивной «зоной роста», где нужно сконцентрировать усилия государства, бизнеса и общества. Около 90% экспертов высказались за введение системы бесплатных услуг в сфере культуры для детей и юношества – прежде всего в регионах; более 70% сочли целесообразной разработку специальных программ для подростков и молодежи по участию в работе учреждений культуры, в реализации значимых культурных проектов, в том числе собственных. Большинство – более 60% экспертов – отметили сложившуюся в последние 20–25 лет негативную тенденцию распространения культурных суррогатов, коверкающих вкусы и пристрастия наших соотечественников.

Абсолютное большинство экспертов, признавая мощный позитивный потенциал Интернета, в основе которого лежат почти безграничные информационные ресурсы и эффективные цифровые технологии, отметили явную загрязненность блогосферы, деформирующую культурную среду. При этом 86% выступили за принятие государственной программы создания интернет-ресурсов, обеспечивающих свободный доступ к культурному наследию и достижениям современного искусства и т.д.

Следует подчеркнуть, что многосвязность и многофакторность всех выделенных нами проблем с очевидностью свидетельствуют о необходимости достижения управляемости социокультурной модернизацией. Однако эта управляемость в свою очередь существенно зависит от социального облика и интересов общности – «лидера» модернизации, элит и т.д. Подобные вариантности можно обнаружить практически на любом уровне изучения процессов социокультурных изменений в период модернизации. Например, массовые миграции существенно различающихся в социокультурном отношении этнических групп с одной стороны, могут вызвать рост социальной напряженности, а с другой – создают предпосылки возможно весьма позитивных культурных заимствований.

В любом случае, социокультурные изменения в обстановке модернизации – это несомненно социологический феномен, изучение которого вне социологической методологии немыслимо.

Список литературы

1. Лапин Н.И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 3–12.

2. Левашов В.К. Интеллектуальный потенциал общества: социологическое измерение и прогнозирование // Социологические исследования. 2008. № 12. С. 25–36.

3. Международный союз электросвязи. Измерение информационного общества. Резюме. 2012. [Электронный ресурс] // URL: http://www.itu.int/ITU-D/ict/publications/idi/material/2012/MIS2012-ExecSum-R.pdf (Дата обращения 10.09.2017).

4. Российская газета Федеральный выпуск № 6367 (95). 25.04.2014.

5. Селезнева Е.Н. Культурное наследие в контексте макроисторической динамики // Обсерватория культуры: журнал-обозрение. 2006. № 5. С. 4–11.

6. Сосунова И.А. Социокультурные аспекты глобализации и экологизация образования // Актуальные вопросы подготовки специалистов международного профиля: смена парадигм: материалы науч. конф. (Москва, 15–16 ноября 2013 г.). В 2 ч. Ч.1 / отв. ред. Е.В. Воевода. Моск. гос. ин-т междунар. отн. (ун-т) МИД России. М.: МГИМО-Университет. 2014. С. 28–35.

7. Сулакшин С.С. Теория и феноменология успешности сложной социальной системы. М.: Научный эксперт, 2013. 232 с.

8. Урмина И.А. Социокультурная экология: роль культурно-исторического наследия // Качество и жизнь. 2017. № 2(14). С. 55–58.

9. Худяков С.И. Социокультурные модернизации российского общества (методологические аспекты). М.: Академкнига, 2008. 253 с.

10. Technology Broadband and Education: Advancing the Education for All Agenda. 2013. C.60. [Электронный ресурс] // URL: http://www.broadbandcommission.org/work/working-groups/education/BD_bbcomm-education_2013.pdf (Дата обращения: 10.09.2017).

СЕКЦИЯ 2
ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ УПРАВЛЕНИЯ В РЕГИОНАХ С РАЗЛИЧНЫМИ ИНДЕКСАМИ МОДЕРНИЗАЦИИ ПО МАТЕРИАЛАМ МАССОВОГО ОПРОСА

А.В. Тихонов

РЕЗУЛЬТАТЫ ГРАЖДАНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ УСЛОВИЙ ЖИЗНИ И РАБОТЫ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ РЕСПОНДЕНТОВ К РЕГИОНАМ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВОГО ОПРОСА)

Аннотация. *В статье представлены результаты эмпирической проверки гипотез о связи условий жизни населения и их оценок работы звеньев властно-управленческой вертикали в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации (по материалам репрезентативного социологического опроса).*

Ключевые слова: *шкала регионов по уровню модернизации, показатели уровня жизни, показатели отношения населения к работе органов власти и управления, связь между переменными.*

THE RESULTS OF THE CIVIL EXAMINATION OF LIVING CONDITIONS AND WORK OF BODIES OF AUTHORITY AND MANAGEMENT DEPENDING ON BELONGING OF RESPONDENTS TO REGIONS WITH DIFFERENT LEVELS OF SOCIO-CULTURAL MODERNIZATION (ON MATERIALS OF FIELD SURVEY)

A.V. Tikhonov

Abstract. *The article presents the results of the empirical hypothesis testing about the relation of the population's living conditions and their evaluation of the work of links of the power-management vertical in the regions with different level of sociocultural modernization (on materials of the representative sociological poll).*

Keywords: *the regions scale on modernization level, the indices of the standard of living, the indices of the population attitudes of the work of authorities and management, the relation between variables.*

Результаты представлены в форме аналитических таблиц, где в качестве подлежащего представлены семь групп показателей для оценки условий жизни, а в качестве сказуемого выступают четыре группы регионов по уровню социокультурной модернизации. Напомним, что эта шкала уровней построена следующим образом: 1 – низкий (Республика Дагестан, Смоленская область, Республика Калмыкия), 2 – уровень ниже среднего (Амурская, Белгородская, Вологодская области), 3 – уровень средний (Республика Саха-Якутия, Республика Башкортостан, Омская область), 4 – высокий уровень (Московская, Нижегородская, Свердловская области).

В подлежащем у нас находится семь критериев условий жизни в этих регионах, каждый из которых включает в себя четыре параметра :1) социально-экономические условия –возможность найти работу, улучшить жилищные условия, работа ЖКХ, обеспечение качественными товарами; 2) производственная обстановка в регионе и состояние инфраструктуры – загруженность предприятий, своевременность выплат, работа общественного транспорта, состояние дорог; 3) забота о людях (гуманистический критерий)

– охрана жизни, здоровья, работа органов правопорядка, работа учреждений культуры; 4) забота о будущем и природной среде – работа дошкольных и школьных учреждений, массовый отдых, охрана природной среды; 5) уровень бизнес-отношений в регионе – поддержка малого и среднего бизнеса, коррупция в органах власти, возможность профессионального роста, отношение к трудовым мигрантам; 6) социокультурная консолидация населения региона – по национальному признаку, по вероисповеданию, по политическим взглядам, по отношению к истории; 7) соблюдение «гражданского договора» между местной властью и населением – защищенность населения от произвола чиновников, качество государственных услуг (одно окно), доступность информации о работе органов власти и управления, знакомство населения со стратегией работы органов власти и управления на ближайшие 10–15 лет.

Таблица 1

Оценка опрошенными состояния дел по сферам 1–4

(в % к числу опрошенных; **n = 5452**)

1) социально-экономические условия – возможность найти работу, улучшить жилищные условия, работа ЖКХ, обеспечение качественными товарами

	1			2			3			4		
	—	±	+	—	±	+	—	±	+	—	±	+
В целом	**42**	**40**	**18**	**44**	**38**	**18**	**34**	**47**	**19**	**12**	**39**	**49**
Уровень низкий	61	33	7	56	34	10	46	44	10	19	41	39
Ниже среднего	39	44	17	41	43	17	36	47	18	12	39	49
Уровень средний	40	39	21	40	38	21	29	47	25	12	35	54
Уровень высокий	34	43	23	43	37	21	30	50	20	9	40	51

Дела в регионе проживания обстоят с:
1 - возможностью найти работу
2 - возможностью улучшить жилищные условия
3 - состоянием жилищно-коммунального хозяйства
4 - удобствами торговли, качеством прод- и промтоваров
"—" - плохо
"±" - удовлетворительно
"+" - хорошо

Сначала обратим внимание на оценку социально-экономических условий в целом по регионам с разным уровнем социокультурной модернизации. Наиболее острыми для всех регионов являются проблемы улучшения жилищных условий и возможности найти работу (соответственно 44 и 42% негативных оценок). При этом (смотрим по вертикали) есть заметные различия между регионами с низким и высоким уровнем модернизации. При переходе на более высокий уровень модернизации примерно на 13–15 пунктов улучшаются жилищные условия и на 16–20 пунктов – возможность найти работу. Одновременно отметим, что на 16 пунктов улучшается работа сферы ЖКХ и на 10 пунктов – торговля продовольственными и промышленными товарами.

Таблица 2

Продолжение (состояние дел по сферам 5–8) Оценка производственной обстановки в регионах и состояния инфраструктуры – загруженность предприятий заказами, своевременность всех видов выплат, работа общественного транспорта, состояние дорог

	5			6			7			8		
	—	±	+	—	±	+	—	±	+	—	±	+

В целом	**27**	**42**	**31**	**13**	**27**	**60**	**17**	**32**	**51**	**57**	**28**	**14**
Уровень низкий	50	33	17	21	30	49	28	31	41	69	25	6
Ниже среднего	24	46	30	14	28	58	17	33	50	64	23	13
Уровень средний	19	43	38	9	29	62	14	32	53	46	34	20
Уровень высокий	21	44	35	9	22	69	12	30	58	54	31	15

Дела в регионе проживания обстоят с:
5 - загруженностью местных предприятий
6 - своевременной выплатой заработной платы, пенсий, пособий
7 - работой общественного транспорта
8 - состоянием дорог
"—" - плохо
"±" - удовлетворительно
"+" - хорошо

Здесь самая большая проблема инфраструктурная – состояние дорог (57% отрицательных оценок), на втором проблемном месте – загруженность заказами местных предприятий (27% негативных ответов). Характерно, что с переходом регионов на более высокий уровень модернизации ситуация с дорогами кардинально не улучшается. Состояние дорог отрицательно оценивают 54% респондентов из регионов с высоким уровнем модернизации. Примерно в два раза улучшается загруженность предприятий, своевременная выплата зарплаты, пенсий и пособий и даже работа общественного транспорта, а состояние дорог остается на недопустимо низком уровне. Ясно, что сегодня это проблема больше федерального центра, чем местного уровня.

Таблица 3

Продолжение: анализ состояния дел по сферам 9–12. Гуманистический критерий:
забота о людях – охрана жизни, здоровья, работа органов правопорядка,
работа учреждений культуры

	9			**10**			**11**			**12**		
	—	**±**	**+**	**—**	**±**	**+**	**—**	**±**	**+**	**—**	**±**	**+**
В целом	**33**	**43**	**25**	**13**	**31**	**57**	**17,1**	**43,1**	**39,9**	**32**	**42**	**26**
Уровень низкий	35	44	21	18	38	44	22	44	35	39	40	21
Ниже среднего	31	44	25	11	31	59	18	46	36	34	43	23
Уровень средний	30	42	28	10	26	64	15	39	46	26	41	33
Уровень высокий	34	42	24	13	29	57	15	44	41	32	42	26

Дела в регионе проживания обстоят с:

9 - работой больниц и поликлиник
10 - работой учреждений культуры
11 - работой органов правопорядка
12 - борьбой с пьянством, хулиганством, наркоманией
"—" - плохо
"±" - удовлетворительно
"+" - хорошо

Анализ таблицы по критерию заботы о людях не показывает тесной зависимости улучшения положения дел в регионах в этой сфере от уровня социокультурной

модернизации. Стоит обратить внимание на совпадение средних оценок «в целом» с оценками показателей 9–12 у регионов с высоким уровнем социокультурной модернизации. Это не удивительно. Как плохо обстояли дела с работой больниц и поликлиник и борьбой с пьянством и хулиганством (33 и 32%) в целом, так они и остались, несмотря на переход регионов на высокий уровень социокультурной модернизации. Правда, некоторые подвижки в этом отношении происходят. Так, на 13 пунктов улучшилась работа учреждений культуры и на 6 пунктов − работа органов охраны правопорядка. На наш взгляд, это тот самый случай, когда ряд показателей гуманистического порядка не находится в линейной зависимости от показателей первичного и вторичного этапов модернизации по шкале Хэ и Н.И. Лапина.

Таблица 4

Продолжение: состояние дел по сферам 13–16. Забота о подрастающем поколении и природной среде – работа дошкольных и школьных учреждений, массовый отдых, охрана природной среды

	13			14			15			16		
	—	±	+	—	±	+	—	±	+	—	±	+
В целом	**21**	**36**	**43**	**30**	**40**	**31**	**12**	**33**	**56**	**13**	**36**	**51**
Уровень низкий	32	40	28	38	42	21	17	34	50	16	41	42
Ниже среднего	21	37	42	33	40	27	12	35	53	13	36	51
Уровень средний	14	31	55	24	36	41	11	32	58	11	34	54
Уровень высокий	20	36	44	28	42	31	10	30	60	12	35	52

Дела в регионе проживания обстоят с:

13 - организацией массового отдыха населения
14 - охраной природной среды
15 - работой дошкольных учреждений
16 - организацией и содержанием школьного образования
"—" - плохо
"±" - удовлетворительно
"+" - хорошо

Здесь мы имеем дело с сочетанием линейных и нелинейных процессов при повышении уровня социокультурной модернизации регионов. С одной стороны, лидирует феномен заботы о подрастающем поколении. В среднем самое большое внимание к работе дошкольных учреждений (56%) вырастает при переходе с низкого на высокий уровень модернизации на 10 пунктов, что характерно и для школьного образования, с другой – и уровень модернизации ниже среднего проявляет похожую тенденцию (по дошкольному рост на 8 пунктов, а по школьному – на 12). Еще более заметна эта тенденция по индексам организации массового отдыха (на 27 пунктов, с 28 до55) и охраны природной среды (на 20 пунктов, с 21 до 41). Скорее всего эти нелинейности связаны со спецификой перехода с низкого на средний уровень, что требует дополнительного анализа.

Таблица 5

Продолжение: состояние дел по сферам 17–20. Уровень бизнес-отношений в регионах – поддержка малого и среднего бизнеса, коррупция в органах власти, возможность профессионального роста, отношение к трудовым мигрантам

	17			18			19			20		
	—	±	+	—	±	+	—	±	+	—	±	+
В целом	**17**	**37**	**46**	**44**	**36**	**20**	**30**	**44**	**25**	**16**	**40**	**45**
Уровень низкий	22	41	37	55	32	12	43	44	14	16	40	44
Ниже среднего	14	36	50	46	33	22	27	44	30	16	39	45
Уровень средний	16	36	48	37	40	23	27	46	27	15	36	49
Уровень высокий	17	35	48	41	37	22	28	44	28	17	43	40

Дела в регионе проживания обстоят с:

17 - профессиональным образованием, повышением квалификации
18 - коррупцией в органах власти
19 - поддержкой малого и среднего бизнеса
20 - отношением к приезжим (мигрантам)
"—" - плохо
"±" - удовлетворительно
"+" - хорошо

Если рассматривать проблему бизнес-среды в регионах в статике, то в них сочетается всплеск положительного отношения к мигрантам и к профессиональному образованию (соответственно 46 и 45% положительных ответов) и одновременно самое большое число отрицательных оценок в связи с коррупцией и низкой поддержкой малого и среднего бизнеса (44 и 30% соответственно). В динамике, при переходе с низкого на более высокий уровень модернизации, внимание к повышению квалификации увеличивается примерно на 11–13 пунктов, а отношение к мигрантам сначала повышается, а потом падает на 4–5 пунктов. При этом поддержка малого и среднего бизнеса увеличивается в два раза – с 14 до 28%, а коррупция уменьшается на целых 14% (с 55 до 41%). Так что в тенденции бизнес-среда в регионах, при переходе их с низкого на более высокий уровень модернизации, несколько улучшается.

Таблица 6

Продолжение: состояние дел по сферам 21–24. Социокультурная консолидация населения региона – по национальному признаку, по вероисповеданию, по политическим взглядам, по отношению к истории

	21			22			23			24		
	—	±	+	—	±	+	—	±	+	—	±	+
В целом	**7**	**22**	**71**	**6,1**	**21**	**73**	**10**	**30**	**60**	**12**	**37**	**51**
Уровень низкий	6	21	73	5,9	20	75	12	35	53	15	42	43
Ниже среднего	8	22	70	7,1	23	70	12	31	57	11	41	48
Уровень средний	8	23	70	6,4	22	71	7	24	69	11	33	56
Уровень высокий	6	22	72	5,1	19	76	11	29	60	11	34	55

Дела в регионе проживания обстоят с:

21 - уважением к людям Вашей национальности
22 - уважением к людям Вашего вероисповедания
23 - охраной памятников культуры, истории
24 - отношением к людям различных политических взглядов
"—" - плохо
"±" - удовлетворительно
"+" - хорошо

Проблемы солидарности в нашем обществе неплохо изучены (работы Л.М. Дробижевой, например). Наше исследование показывает, что они, несомненно, связаны с историческими и социокультурными особенностями населения регионов и с общими общественно-политическими настроениями в стране, но меньше всего зависят от процессов первичной и вторичной модернизации. Самый высокий уровень толерантности у нас в межнациональных и межконфессиональных отношениях (соответственно 71 и 73% положительных оценок) и самый низкий – в отношении различий в политических взглядах (51%). Но различия по критерию уровня модернизации находятся в пределах статистической погрешности. Тем не менее при дальнейшем анализе проблем социокультурной солидарности следует обратить внимание на два обстоятельства: на существенные расхождения между социокультурной (национальность, вероисповедание) и социополитической (охрана памятников, политические ориентации) солидарностью и на повышение роли в ее сохранении и регулировании значительного числа респондентов – медиаторов, с якобы неопределенной срединной ориентацией. В случае с памятниками, а они в последние годы стали предметом выяснения политических отношений, это треть опрошенных, а среди по-разному относящихся к политическим взглядам окружающих людей таких медиаторов набирается около 40%, и они как-то отражают морально-политический климат в регионах.

Таблица 7

Продолжение: состояние дел по сферам 25–28. Соблюдение «гражданского договора» между местной властью и населением – защищенность населения от произвола чиновников, качество государственных услуг (одно окно), доступность информации о работе органов власти и управления, знакомство населения со стратегией работы органов власти и управления на ближайшие 10-15 лет

	25			26			27			28		
	—	±	+	—	±	+	—	±	+	—	±	+
В целом	**35**	**42**	**23**	**25**	**41**	**35**	**22**	**40**	**38**	**29**	**39**	**32**
Уровень низкий	45	41	13	33	42	25	29	46	25	45	41	15
Ниже среднего	34	43	23	27	40	32	24	39	36	31	41	28
Уровень средний	30	43	27	20	42	38	19	40	41	22	39	39
Уровень высокий	33	41	26	22	39	40	18	37	45	22	37	42

Дела в регионе проживания обстоят с:

25 - защищенностью прав и свобод от произвола чиновников
26 - качеством государственных услуг населению (одно окно)
27 - доступностью электронной информации о работе власти
28 - стратегией развития города (поселения) на 10-15 лет
"—" - плохо
"±" - удовлетворительно
"+" - хорошо

Эта таблица заслуживает особого внимания. Она показывает, что соблюдение неписаных правил «гражданского договора» между властью и обществом находит актуальное выражение в отношениях населения с местными органами власти и управления. В целом 35% испытывают на себе произвол чиновников, 42% испытывают, но относятся к этому средне, мы бы сказали медиативно, и только 23% не испытывают и, тем самым, относятся к их деятельности положительно. Причем, есть некоторая связь с уровнем модернизации регионов. По сравнению с оценкой на низком уровне модернизации отрицательная оценка снижается на 12 пунктов (с 45 до 33%) на высоком уровне модернизации. При этом растет и качество государственных услуг с 25% положительных оценок до 40% и доступность гражданам электронной информации о работе органов власти. Особенно следует отметить значительный рост положительных оценок населением работы органов власти и управления над стратегией развития региона и отдельных поселений: с 15 на низком до 40% на высоком уровне развития регионов.

Таблица 8

Проблема общественного договора на местном уровне: оценка опрошенными *взаимодействия местных органов власти* с населением по решению социальных проблем в целом и в зависимости от уровня развития региона

(в % к числу опрошенных; **n = 5452**)

	1			2			3			4		
	—	±	+	—	±	+	—	±	+	—	±	+
В целом	**31**	**45**	**24**	**36**	**44**	**20**	**37**	**43**	**20**	**31**	**45**	**24**
Уровень низкий	39	45	16	46	43	12	47	42	11	43	45	13
Ниже среднего	34	44	23	36	43	21	37	41	21	30	44	26
Уровень средний	25	48	27	30	47	23	33	45	22	24	47	29
Уровень высокий	28	42	30	34	41	24	35	44	22	30	44	26

Местные органы власти:

1 - осведомлены о мнении населения о проблемах
2 - учитывают мнение населения в своей деятельности
3 - принимают решения совпадающие с мнением людей
4 - учитывают критические высказывания местных журналистов
"—" - плохо
"±" - удовлетворительно
"+" - хорошо

Продолжаем анализ табличных данных о выполнении «общественного договора» на местном уровне. По всем 4-м признакам мы видим, что статистика ответов заметно скошена в негативную сторону, т.е. отрицательных оценок больше, чем положительных и что медиация (оценка удовлетворительно) по удельному весу превалирует в каждом из них. Есть ли какая-либо связь с уровнем модернизации регионов? Респонденты считают, что власти плохо оповещены о местных проблемах, но происходит снижение этой оценки с 39% на низком уровне модернизации до 28% на высоком; учитывают ли органы власти мнение людей о своей деятельности – также снижение этой оценки с 46 до 34%; принимают ли они свои решения в соответствии с мнением людей – аналогично снижение с 47 до 35%, и, наконец, учитывают ли они в своей деятельности критику со стороны журналистов – получается, что и здесь, по мере перехода регионов на более высокий уровень модернизации,

с позиции населения негативная оценка снижается с 43 до 30%. Общий вывод: модернизация в регионах сопровождается смягчением противоречий между властью и гражданами, а уклонение от нее и всякого рода торможение приводит к обострению отношений.

Нельзя не обратить внимание на то, что рядовые граждане охотно демонстрируют такие гражданские качества в своих отношениях с органами власти как активность, компетентность, откровенность и конструктивность. Здесь по всему массиву данных положительная самооценка превалирует над отрицательной, а вместе с неопределившимися еще медиаторами они представляют собой внушительную социальную силу. К тому же по мере перехода региона с низкого на высокий уровень модернизации эти качества в гражданском обществе проявляются все сильнее и определеннее. Так, активность в выражении своего мнения о стоящих проблемах увеличивается с 28 до 42%, компетентность в выражении о них своего мнения – с 23 до 33%, откровенность в выражении своего мнения – с 33 до 48%, а конструктивность в решении стоящих перед обществом проблем с – 26 до 38%. Есть над чем подумать и ученым, и политикам.

Теперь переходим к гражданской поддержке населением регионов внешней политики государственных органов власти и управления.

Таблица 9

Степень одобрения опрошенными 5-ти аспектов внешней политики в зависимости от уровня развития региона (в % к числу опрошенных; n = 5452)

	1			2			3			4			5		
	—	±	+	—	±	+	—	±	+	—	±	+	—	±	+
В целом	**4**	**21**	**75**	**23**	**37**	**40**	**33**	**33**	**34**	**41**	**28**	**31**	**7**	**24**	**70**
Уровень низкий	2	20	78	21	34	45	27	31	42	34	27	39	6	23	71
Ниже среднего	5	23	73	26	40	34	41	33	27	48	28	24	6	21	73
Уровень средний	6	23	71	23	41	36	35	35	30	43	30	27	8	29	63
Уровень высокий	3	18	78	20	34	45	30	31	39	37	29	34	7	21	72

Степень одобрения внешней политики в отношении:

1 –стран ЕАЭС (Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия)

2 –стран ЕС после введения санкций

3 –НАТО

4 –США

5 –стран БРИКС и ШОС

«—» – низкая

«±» – средняя

«+» –высокая

Не будем комментировать каждый аспект этой политики с позиции их значимости для страны, мира, а также наших достижений и просчетов. Проблема в степени ее поддержки населением регионов, находящихся на разных этапах социокультурной модернизации. Для понимания проблемной ситуации как реакции нашей страны на внешние вызовы и угрозы и ее поддержки населением, достаточно обозначить различия между отдельными направлениями этой политики и связи с выделенными нами регионами. Мы видим, что наши респонденты хорошо ориентируются не только в политике местных властей. Наибольшей поддержкой у нас пользуется сотрудничество со странами ЕАЭС (75%) и БРИКС–ШОС – (70%). Есть некоторые различия на уровне ниже среднего и среднего развития процесса модернизации в отдельных регионах, но в целом число противников этого сотрудничества

находится в пределах 4–7%. Другое дело, страны ЕС, США и блок НАТО. Здесь тоже воздержимся от политологического комментария. Есть заметные различия между сторонниками, противниками и воздержавшимися с оценкой нашей внешней политики в этих направлениях. Но они слабо коррелируются с уровнем модернизации регионов. Так в отношении ЕС 40% сторонников, 23% противников и 37% неопределившихся. В отношении США – 31% сторонников нашей политики, 41% противников и 28% неопределившихся. По отношению к НАТО картина проясняется: здесь 34% сторонников нашей политики, 33% противников и 33% неопределившихся. Видно, что противники нашей политики в отношении НАТО – это в большинстве своем те, кто считает, что наша политика должна быть более жесткой. Здесь мы имеем дело не с обстановкой в регионах, а с развитием информационного общества и сопровождаемыми его информационными войнами. Требуется специальный анализ отношения к этому феномену населения отдельных регионов в связи с его (информационного общества) ролью в процессе модернизации регионов.

Рассмотрение оценки гражданами внешней политики РФ завершим на примере рассмотрения их отношения к наиболее актуальным вопросам ее осуществления.

Таблица 10

Степень одобрения внешней политики в отношении «Исламского государства» (т.н. ИГИЛ), Украины (после совершенного там переворота и присоединения Крыма), поддержки ДНР и ЛНР и отношения к суверенитету нашей страны в целом

	6			7			8			9			10		
	—	±	+	—	±	+	—	±	+	—	±	+	—	±	+
В целом	**23**	**24**	**53**	**33**	**29**	**38**	**13**	**32**	**56**	**7**	**17**	**77**	**7**	**24**	**70**
Уровень низкий	21	17	62	28	29	43	12	29	59	7	13	81	6	19	75
Ниже среднего	27	28	46	36	31	33	13	38	50	8	22	69	9	30	61
Уровень средний	27	29	44	36	28	36	14	32	55	7	20	73	7	26	67
Уровень высокий	19	20	62	29	28	43	12	28	60	6	11	84	4	20	77

6 –«Исламского государства» (т.н. ИГИЛ)

7 –Украины (после совершенного там переворота)

8 –ДНР и ЛНР

9 –присоединения Крыма

10 –форм обеспечения суверенитета нашей страны

«—»– низкая

«±»– средняя

«+»–высокая

Наиболее принципиальным вопросом, касающимся исполнения гражданского договора между обществом и государством, является, конечно, отношение к политике государственного суверенитета. Эта тема была поставлена в 9-м вопросе нашей базисной анкеты. Примером его реализации в современных геополитических условиях стала акция под названием присоединение Крыма. Следствием этой акции стало образование ЛНР и ДНР и новая политика в отношении с Украиной. Исламское государство – это еще одно горячее направление нашей внешней политики. Как ко всему этому пакету проблем относятся граждане из регионов с разным уровнем модернизации? Политику суверенитета оценивают высоко 70%, средне – 24% и низко – 6%. Присоединение Крыма только усилило эту позицию: 77% респондентов дали высокую оценку, 17% – среднюю и 6% – низкую, т.е. отрицательную. Это и есть количественное выражение реальных отношений в системе

общественного договора. Отношение населения к непризнанным республикам увеличило раскол в обществе (56% «за», 13% против и 32% воздержалось), а по отношению к Украине в целом, как еще недавно братскому государству, этот раскол еще больше усугубился (38% «за», 33% «против» и 29% не определились или воздержались). Все эти красноречивые цифры линейно не связаны с уровнем модернизации регионов, хотя можно предположить, что этот раскол косвенно сказывается на других видах социальных отношений. Это можно заметить на примере поддержки нашей политики в отношении ИГИЛ. Здесь 53% «за», 23% «против» и 24% воздержавшихся. Причем, если эта пропорция у низко и высоко стоящих регионов по уровню модернизации почти не отличается, то у регионов со средним и ниже среднего уровнем развития, в которых живет значительная часть мусульманского населения, заметны различия по средней позиции (по числу воздержавшиеся).

Следующий раздел анализа табличного материала: отношение населения регионов с разным уровнем модернизации к внутренней политике государства

Речь пойдет о совместном анализе материалов трех таблиц в общей сложности по 15 параметрам. Все они измеряются трехмерной шкалой: отрицательная оценка, средняя и положительная. Сразу выделим по величине отрицательной оценки пять критически острых параметров по всему массиву данных, а затем рассмотрим их распределение по регионам с разным уровнем модернизации. Это прежде всего проблема социального неравенства: 63% респондентов называют разрыв между уровнями жизни бедных и богатых , 59% называют проблему неблагоприятных жилищных условий у большинства населения , 58% называют снижение уровня заплаты, пенсий и других выплат по сравнению с ростом цен , 50% критичной считают проблему безработицы и 49% считают самым слабым звеном во внутренней политике государства борьбу с коррупцией в органах власти и управления. Теперь то же самое сделаем по параметрам с наиболее высокой оценкой внутренней политики.

Наиболее положительными проявлениями внутренней политики считаются параметры: укрепление обороноспособности страны – 64%, укрепление безопасности, борьба с терроризмом, работа органов охраны правопорядка − 43% , укрепление международных и межрегиональных связей между субъектами РФ − 33% , обеспечение населения качественными продуктами – 33%. Но на 5-м месте не оказалось ни одного параметра, чтобы положительная оценка превышала отрицательную. Разве что это 23% положительно относящихся к повышению роли местного самоуправления, если к ним прибавить 47% воздержавшихся, то такому параметру можно было бы отдать и первое место (70%), но увы. К этому анализу следует добавить и те параметры, по которым среди респондентов оказалось наибольшее число воздержавшихся (берем случаи, когда средняя оценка воздержавшихся больше, чем положительная и отрицательная по отдельности). Это уже отмеченные выше 47%, относящихся к повышению роли местного самоуправления, 43% – по параметру предоставления больше прав регионам в отношении самостоятельного использования своих ресурсов, 43% – среднее отношение к работе по образованию и воспитанию молодежи**, 42% средне относятся к** обеспечению населения качественными продуктами питания, 43% – относится средне к очень интересующей нас проблеме модернизации народного хозяйства и роста инноваций, и **41% воздержавшихся относительно оценки состояния проблемы демократизации общественной жизни** и обеспечения честных выборов. К этому значительному контингенту нельзя отнестись иначе как к еще недооцененному органами власти и управления потенциалу поддержки ее политики, если она будет соответствующим образом артикулирована.

Завершим этот фрагмент анализа эмпирических данных, касающихся отношения респондентов к внутренней политике, установлением их связи с уровнем модернизации регионов. Можно заранее предположить, что эта связь не может быть полностью линейной, поскольку деятельность государственных органов власти и управления преломляется через социокультурную специфику региональных общностей. И все же, если в регионах идут мощные процессы первичной и вторичной модернизации, то они не могут не отражаться на

настроениях и поведении людей. Но в какой мере и по каким параметрам? Это нас как раз и интересует.

Таблица 11

Степень одобрения опрошенными 1–5 аспектов внутренней политики в целом и в зависимости от уровня модернизации регионов (в % к числу опрошенных; **n = 5452**).

	1			2			3			4			5		
	—	±	+	—	±	+	—	±	+	—	±	+	—	±	+
В целом	**50**	**38**	**12**	**63**	**28**	**9**	**40**	**43**	**17**	**42**	**41**	**17**	**59**	**30**	**10**
Уровень низкий	62	33	5	74	22	4	51	39	11	53	37	10	66	29	5
Ниже среднего	52	35	13	63	28	9	43	41	17	43	40	17	60	29	11
Уровень средний	47	39	14	55	33	12	37	43	20	38	44	19	54	33	13
Уровень высокий	43	44	14	63	29	8	34	48	18	36	43	21	59	29	12

Степень одобрения внутренней политики в отношении:

1 – проблем безработицы

2 – разрыва между уровнями жизни бедных и богатых слоев

3 – предоставления прав регионам использовать свои ресурсы

4 – предотвращения в отдельных регионах убыли населения

5 – тарифов ЖКХ.доступности жилья, ремонта жилфонда и т.п.

«—» – низкая

«±» – средняя

«+» – высокая

Наглядно видно, что по всем четырем параметрам происходят изменения в лучшую сторону. Так проблемы безработицы с 62% отрицательных оценок уменьшатся до 43%, разрыв между уровнем жизни бедных и богатых уменьшится с 74 до 63%, ситуация с предоставлением прав регионам на пользование своими ресурсами улучшится на 17%, отъезд населения (убыль) уменьшится на 18,5%, а решение жилищных проблем улучшится на целых 7%. Но трудно поверить, что это является результатом целенаправленных действий. Скорее всего это следствие общего улучшения условий жизни при переходе ко вторичной модернизации. Достаточно обратить внимание на сохранение значительного превалирования отрицательных оценок условий жизни в регионах над положительными. Это означает что «общественный договор» между властью и населением, даже при переходе региона на более высокий уровень модернизации, остается в значительной степени разбалансированным.

Таблица 12

Продолжение: оценка 6-10 аспектов (в % к числу опрошенных; **n = 5452**).

	6			7			8			9			10		
	—	±	+	—	±	+	—	±	+	—	±	+	—	±	+
В целом	**58**	**29**	**13**	**31**	**43**	**26**	**25**	**42**	**33**	**17**	**40**	**43**	**49**	**35**	**16**
Уровень низкий	66	26	8	38	44	19	34	44	23	21	39	40	60	30	10
Ниже среднего	58	28	14	30	45	26	24	43	33	18	42	40	50	34	16
Уровень средний	53	32	16	26	43	31	21	40	39	15	39	46	42	40	19
Уровень высокий	59	29	12	32	40	27	24	41	35	16	38	46	46	37	17

Степень одобрения внутренней политики в отношении:

6 – инфляции, снижения зарплаты и пенсий, роста цен

7 – образования и воспитания молодежи

8 – обеспечения населения качественными продуктами питания

9 – безопасности, терроризма, работы органов правопорядка

10 – борьбы с коррупцией в органах власти и управления

«—» – низкая

«±» – средняя

«+» – высокая

Та же тенденция проявляется и по параметрам 6–8. При переходе с низкого на высокий уровень модернизации решение проблем по зарплате, с позиций населения, может улучшиться на 7% (66 до 59%), проблемы образования и воспитания молодежи на 6% (с 38 до 32%), обеспечение продуктами питания на 10% (с 34 до 24%), забота о безопасности на 5% (с 21 до 16% негативных оценок), борьба с коррупцией улучшится на целых 14% (с 60 негативных оценок до 46%). Вывод тот же: «общественный договор» между властью и населением, остается в значительной степени разбалансированным.

Таблица 13

Окончание: оценка 11-15 аспектов (в % к числу опрошенных; **n = 5452**)

	11			**12**			**13**			**14**			**15**		
	—	±	+	—	±	+	—	±	+	—	±	+	—	±	+
В целом	**35**	**43**	**23**	**12**	**25**	**64**	**32**	**41**	**26**	**31**	**47**	**23**	**22**	**46**	**33**
Уровень низкий	47	40	14	14	23	63	38	40	22	39	47	14	29	48	23
Ниже среднего	34	44	22	13	28	60	35	41	24	32	46	22	21	47	32
Уровень средний	28	44	28	11	27	62	29	43	28	28	46	26	21	43	36
Уровень высокий	33	42	26	10	21	70	29	41	30	27	47	26	17	46	38

Степень одобрения внутренней политики в отношении:

11 – модернизации народного хозяйства, инноваций

12 – укрепления обороноспособности страны

13 – демократизации общественной жизни, честности выборов

14 – повышения роли местного самоуправления

15 – межрегиональных и международных связей субъектов РФ

«—» – низкая

«±» – средняя

«+» – высокая.

Долю оптимизма вносит анализ ситуации в регионах на основе последней группы переменных. Здесь наблюдается тенденция к балансированию важных позиций «общественного договора». По параметрам 12, 13, 14 и 15 видно, как уменьшается количество отрицательных и увеличивается число положительных оценок в одобрении внутренней политики при переходе от регионов с низким уровнем модернизации к высокому уровню. Речь идет о таких существенных параметрах как укрепление обороноспособности страны, демократизации общественной жизни, повышения роли местного самоуправления и усилении межрегиональных и международных связей субъектов РФ. И что характерно: мы получаем фактическое свидетельство постепенного осознания населением регионов себя

субъектами процесса модернизации и инновационного развития: с 47 до 33% снизилось число отрицательных оценок относительно политики модернизации и с 14 до 26% повысилось число сторонников такой политики при переходе с низкого на высокий уровень модернизации конкретных регионов.

Теперь обратимся к одному из центральных понятий проблемного поля нашего исследования, к самой властно-управленческой вертикали. Рассуждений на эту тему в политологической литературе предостаточно [1]. Однако им недостает измерений.

В логике социологического исследования как гражданской экспертизы деятельности всей иерархии органов власти и управления измерение отношения населения страны к работе этих звеньев есть важнейшая сторона легитимной процедуры контроля «гражданского договора», которая в политической практике осуществляется процедурой тайного голосования. В социологии есть возможность, путем представительного опроса, реконструировать эту процедуру и в статистическом смысле (было участие или его не было), и в содержательном (за кого и как проголосовали), если вспомнить практику экзитполов. Используемая нами процедура предпринимается в исследовательских целях. Она позволяет респонденту высказать свое субъектное отношение к деятельности всей иерархии органов власти и управления как одна сторона к другой стороне подразумеваемого «гражданского договора». Нас интересует, как на этом отношении отражаются те цивилизационные процессы, которые происходят в регионах с разным уровнем социокультурного развития. Тем самым мы стремимся уточнить место и роль властно-управленческой вертикали в выполнении «функций устойчивого развития», как говорили еще совсем недавно [2]. Мы рассматриваем отношение к работе властно-управленческой вертикали населения регионов с разной степенью модернизации на примере 12-ти звеньев иерархического уровня: высокого (Президент РФ, Правительство РФ, Государственная Дума и Совет Федерации), среднего (судебная система, СМИ как четвертая власть, отраслевые министерства и ведомства, и руководство республикой, краем, областью) и низкого (региональные СМИ, администрация городов, сел и поселков, местное самоуправление и администрация предприятий и учреждений). Последние работают, можно сказать, в шаговой доступности для населения, средние – менее доступны, но зато выступают в качестве непосредственного руководящего звена, с которым руководство низкого звена должно, по крайней мере, согласовывать свои действия, и, наконец, высший уровень. Он выступает вершиной властно-управленческой вертикали в единстве законодательных и исполнительных функций, выполнение которых распространяется на все нижестоящие организации и структуры. Он отличается закрытым характером непосредственной аппаратной деятельности, ее труднодоступностью для непосредственного воздействия со стороны граждан, но зато относительно прозрачным для критики в формальном и неформальном поле информационных отношений по конечным результатам. С этих позиций мы и просили респондентов оценить их работу.

Таблица 14

Оценка опрошенными эффективности уровней власти 1-4 в целом и в зависимости от уровня развития региона (в % к числу опрошенных; **n = 5452**)

	1			2			3			4		
	–	±	+	–	±	+	–	±	+	–	±	+
В целом	**7**	**27**	**66**	**13**	**37**	**51**	**21**	**44**	**36**	**16**	**42**	**42**
Уровень низкий	9	28	64	15	39	46	22	47	31	18	47	35
Ниже среднего	9	32	59	15	40	45	23	47	30	19	44	37
Уровень средний	6	26	69	9	34	58	17	38	45	14	36	51
Уровень высокий	6	24	70	14	35	51	21	44	36	15	42	43

Оценка эффективности работы:

1 –аппарата Президента РФ

2 –Правительства РФ

3 –Государственной Думы РФ

4 –Совета Федерации РФ

«—» - низкая

«±» - средняя

«+» – высокая

В табл.14(1–4) показано, что на вершине властно-управленческой вертикали существует своя иерархия. На первое место по вкладу в конечные результаты население ставит аппарат Президента (66% голосов), на второе – Правительство (51%), на третье – Совет Федерации (42%) и на четвертое – (36%) Государственную Думу РФ, что соответствует реальному отношению между ветвями власти. Отметим только, что в отношении работы каждого органа положительные оценки превалируют над отрицательными, но по абсолютной величине (и по отношению к Совету Федерации и к Госдуме) превалируют медиативные оценки, т.е. величины, колеблющиеся в зависимости от конкретных решений. Оставим эти данные для специального содержательного анализа. Отметим только, что если сравнивать эти оценки с принадлежностью респондентов к регионам с разным уровнем модернизации, то мы не обнаружим заметной линейной зависимости. Это, возможно, связано с тем, что отношение к работе высших органов власти и управления в стране формируется больше на основе политических симпатий и антипатий с участием СМИ, например, чем благодаря знакомству с содержанием их работы.

Таблица 15

Продолжение: оценка 5–8 уровней (в % к числу опрошенных; **n = 5452**)

	5			**6**			**7**			**8**		
	—	**±**	**+**	**—**	**±**	**+**	**—**	**±**	**+**	**—**	**±**	**+**
В целом	**19**	**46**	**35**	**12**	**34**	**53**	**17**	**44**	**39**	**24**	**43**	**33**
Уровень низкий	24	49	27	15	40	46	23	50	27	35	44	21
Ниже среднего	23	43	35	12	34	54	16	45	39	27	42	31
Уровень средний	13	45	42	12	33	55	15	43	42	22	42	37
Уровень высокий	19	47	35	12	32	57	17	41	43	17	43	40

Оценка эффективности работы:

5 – судебной системы снизу доверху (суд, прокуратура)

6 – центральных СМИ (ТВ, радио, печать)

7 – отраслевого министерства

8 – аппарата губернатора республики, края, области

«—» – низкая

«±» – средняя

«+» – высокая

Возможно, что ответ на поставленный выше вопрос содержится в табл. 15 (5–8). Здесь мы видим, что наиболее высокую оценку эффективности работы среднего уровня властно-управленческой иерархии респонденты дают не аппарату руководства республикой, краем, областью (33%), не судебной системе (35%) и даже не аппаратам отраслевых министерств (39%), а работе центральных СМИ (53%). И по мере перехода региона на более высокий

уровень модернизации, эта оценка растет с 46 до 57%. В то же время если, оценка работы судебной системы мало меняется от региона к региону (с 27 и до 35%), то для отраслевых министерств, и особенно для аппарата руководителей республик, краев и областей, это влияние становится особенно заметным (соответственно от 27 до 43% в первом случае и от 21 до 40% во втором), поскольку эти структуры непосредственно отвечают за программы развития территорий.

Таблица 16

Окончание: оценка 9–12 уровней (в % к числу опрошенных; **n = 5452**)

	9			10			11			12		
	—	±	+	—	±	+	—	±	+	—	±	+
В целом	**15**	**40**	**46**	**27**	**44**	**29**	**27**	**46**	**27**	**16**	**39**	**45**
Уровень низкий	25	44	31	38	46	15	38	47	16	22	44	34
Ниже среднего	14	41	45	29	41	29	28	44	28	14	41	45
Уровень средний	12	38	50	21	45	34	22	48	30	15	40	45
Уровень высокий	10	38	51	24	45	32	22	47	31	15	32	53

Оценка эффективности работы:

9 – региональных СМИ (ТВ, радио, печать)

10 – администрации города, поселка, села

11 – руководства органа местного самоуправления

12 – администрации предприятия (учреждения, организации)

«—» – низкая

«±» – средняя

«+» – высокая

Момент истины наступает и для звеньев управления самого низкого уровня властно-управленческой вертикали (см. табл. 16 п.п. 9–12). Здесь ведущими факторами положительной оценки выступают региональные СМИ (ТВ, радио, печать) – 46% и руководство предприятий и учреждений (45%): причем при переходе регионов на более высокий уровень развития их влияние заметно возрастает (примерно на 20%). Администрация сел, поселков, городов и руководство органов местного самоуправления считаются населением менее эффективными в этом отношении (29 и 27% положительных оценок), но тем не менее положительная оценка их работы при этом также возрастает (у администрации с 15 до 32% и у органов МСУ с 16 до 31%). Эти данные должны воодушевить сторонников интенсификации работы по модернизации регионов.

Теперь перейдем к предпоследнему разделу этой части нашего исследования. Речь пойдет об осознании населением необходимости новых крутых перемен в работе органов власти и управления, о чем в преддверии очередного этапа выборов Президента РФ говорят отечественные и зарубежные каналы СМИ. По тем же блокам, где мы рассматривали эффективность работы звеньев властно-управленческой вертикали, обратим внимание на ожидание населением регионов крупных изменений в работе органов власти и управления. Здесь положительная оценка означает, что данное звено вертикали нуждается в коренных и значительных изменениях в лучшую сторону, средняя оценка означает, что требуются улучшения и только, а отрицательная означает, что то или иное звено в коренных изменениях не нуждается, поскольку они могут нанести вред.

Таблица 17

Оценка опрошенными необходимости изменений работы уровней власти 1–4 в целом и в зависимости от уровня развития региона (в % к числу опрошенных; **= 5452**)

	1			2			3			4		
	—	±	+	—	±	+	—	±	+	—	±	+
В целом	**34**	**34**	**32**	**27**	**36**	**37**	**21**	**36**	**43**	**23**	**39**	**38**
Уровень низкий	35	33	32	29	33	38	23	34	43	25	38	37
Ниже среднего	27	39	34	22	40	38	18	38	45	19	39	42
Уровень средний	38	31	32	32	34	34	25	35	40	26	38	36
Уровень высокий	35	35	30	26	37	37	20	37	43	23	40	37

Оценка необходимости изменений работы:

1 – аппарата Президента РФ

2 – Правительства РФ

3 – Государственной думы РФ

4 – Совета Федерации РФ

«—» – низкая

«±» – средняя

«+» – высокая

Из табл.17 (1–4) видно, что население, в целом, высказывается за улучшение работы органов власти и управления на высшем уровне, но не склонно к коренным изменениям. Более того, это настроение не зависит от уровня модернизации территорий. Наибольший консервативный уклон оценок в этом отношении в блоке Президента РФ (32% «за» изменения, «против» – 34%). Превалирование установок на изменения охватывают прежде всего работу ГД РФ (43% против 21%) и СФ РФ (38% против 23%) и в несколько меньшей степени Правительство РФ (37% против 27%). Характерно, что во всех этих раскладах в чисто количественном отношении решающую роль играют средние или медиативные установки. Страна замерла в ожидании положительных перемен, но боится, как бы не вышло хуже.

Таблица 18

Продолжение: оценка 5–8 уровней (в % к числу опрошенных; **n = 5452**)

	5			6			7			8		
	—	±	+	—	±	+	—	±	+	—	±	+
В целом	**21**	**36**	**43**	**28**	**38**	**34**	**22**	**40**	**38**	**19**	**35**	**46**
Уровень низкий	19	35	45	26	39	35	18	41	41	19	33	48
Ниже среднего	19	38	43	27	39	34	22	40	39	16	33	51
Уровень средний	22	35	43	29	37	35	25	37	38	21	35	45
Уровень высокий	21	37	42	30	38	32	23	42	35	21	38	41

Оценка необходимости изменений работы:

5 – судебной системы снизу доверху (суд, прокуратура)

6 – центральных СМИ (ТВ, радио, печать)

7 – отраслевого министерства

8 – аппарата губернатора республики, края, области

«—» – низкая

«±» – средняя

«+» – высокая

На среднем уровне властно-управленческой вертикали ожидание решительных перемен превалирует над консервативными установками. Здесь лидируют повышенные ожидания перемен прежде всего на уровне руководителей республик, краев и областей (46% «за» коренные изменения, 19% «против» и 35% воздержавшихся). Рядом находятся такие же ожидания в отношении всей судебной системы снизу доверху (43% «за» и 21% «против», при 36% воздержавшихся). Далее идут отраслевые министерства (38% выступают «за», 22% «против» и 40% воздержались) и, наконец, работа центральных СМИ (ТВ, радио, печати). Здесь 34% «за» коренное улучшение работы, 38% воздержались от радикальных требований и 28% настроены консервативно. И, как ни странно, на первый взгляд, эти оценки также фактически не зависят от степени модернизации регионов.

Таблица 19

Окончание: оценка 9–12 уровней (в % к числу опрошенных; **n = 5452**)

	9			**10**			**11**			**12**		
	—	±	+	—	±	+	—	±	+	—	±	+
В целом	**25**	**39**	**36**	**19**	**34**	**48**	**19**	**36**	**45**	**28**	**35**	**37**
Уровень низкий	22	38	40	17	31	52	17	33	50	26	32	41
Ниже среднего	23	40	37	18	33	49	18	37	46	27	36	38
Уровень средний	27	37	35	20	35	46	20	38	43	27	37	37
Уровень высокий	27	41	33	19	35	46	20	36	44	33	32	34

Оценка необходимости изменений работы:

9 – региональных СМИ (ТВ, радио, печать)

10 – администрации города, поселка, села

11 – руководства органа местного самоуправления

12 – администрации предприятия (учреждения, организации)

«—» – низкая

«±» – средняя

«+» – высокая

Наконец, отношение к изменениям на самом низком уровне иерархии (см. табл. 19, п.п. 9–12). Здесь, как и следовало ожидать, наиболее радикальные изменения ожидают в работе администрации сел, городов и поселков (48% «за», 19% «против» и воздерживаются 34%). Рядом с ними работа органов местного самоуправления (45% за радикальное улучшение работы, 19% «против» и 36% воздержались). В работе предприятий и организаций 37% «за», 28% «против» и 35% воздержались от радикальных требований. При этом наблюдается, правда не ярко выраженная, но неуклонная зависимость снижения ожидания радикальных изменений на 7-8% в связи с переходом регионов на более высокий уровень модернизации.

Последний раздел из этой группы вопросов. Речь идет о недостатках системы управления и о том, как она вообще корреспондируется с проблемой модернизации регионов.

Мы начинали это исследование с предположения о том, что сложившаяся в стране система управления находится в критическом состоянии. Ниже приводятся статистические

доказательства этого тезиса, основанные на методике гражданской экспертизы по 15-ти критериям, каждый из которых, если он находит распространение в управленческой практике любого масштаба, делает эту систему непригодной для достижения каких-либо рациональных инновационных действий. В приведенных ниже таблицах плюсом (+) обозначена самая высокая степень обеспокоенности респондентом того или иного недостатка в системе управления, плюс-минусом (±) средняя обеспокоенность и минусом (−) те случаи, когда респондента эта сторона системы управления не беспокоит. Мы конечно имеем дело не с самими фактами управления, а с их отражениями в сознании граждан как участников и наблюдателей этих фактов. И, тем не менее, эти свидетельские показания наводят нас на серьезные размышления о способности такой системы управления решать задачи национального масштаба. Сразу отметим, что они носят всеобщий характер и не отражают специфику уровней развития регионов по уровню модернизации.

Таблица 20

Степень обеспокоенности опрошенных относительно 1-5 аспектов недостатков системы управления в целом ив зависимости от уровня развития региона

(в % к числу опрошенных; **n = 5452**)

	1			2			3			4			5		
	—	±	+	—	±	+	—	±	+	—	±	+	—	±	+
В целом	**18**	**31**	**51**	**17**	**37**	**46**	**15**	**34**	**51**	**19**	**39**	**43**	**13**	**28**	**59**
Уровень низкий	16	31	53	14	36	51	12	34	54	15	36	49	10	25	65
Ниже среднего	17	31	52	17	37	46	16	33	51	19	37	44	15	27	58
Уровень средний	21	35	44	20	40	40	19	37	45	24	39	38	17	30	53
Уровень высокий	16	29	55	15	36	49	13	34	53	16	41	42	11	28	61

Степень обеспокоенности в отношении:

1 − наличия лишних управленческих звеньев

2 − отсутствия приоритета стратегических целей в практике

3 − игнорирования инициативы снизу

4 − уклонения от принятия новаторских решений

5 − несоответствия действий руководства словам и обещаниям

«—» − никакой обеспокоенности нет или она низкая

«±» − обеспокоенность средняя

«+» − обеспокоенность довольно высока и очень высока

В табл. 20 (1–5) показано, что первое место в феномене деформации отечественной системы управления занимает не низкая компетентность в виде наличия лишних звеньев или отсутствия стратегических целей, а низкая социальная ответственность руководителей, что выражается в несоответствии их действий словам и обещаниям (59% обеспокоенных этим респондентов). В табл. 22 (6–10) 61% респондентов считает, что система управления ориентируется не на дело, а на отчетность перед вышестоящей инстанцией, 59% считает, что руководство использует ресурсы организации в личных целях, а 55% считает, что руководящий состав превращается в «междусобойчик», в клику.

Таблица 21

Продолжение: оценка 6-10 аспектов (в % к числу опрошенных; **n = 5452**)

	6			7			8			9			10		
	—	±	+	—	±	+	—	±	+	—	±	+	—	±	+
В целом	**14**	**25**	**61**	**15**	**33**	**52**	**15**	**30**	**55**	**14**	**27**	**59**	**18**	**34**	**48**
Уровень низкий	10	24	66	11	31	59	11	27	62	11	23	66	17	32	51
Ниже среднего	16	23	61	19	33	48	17	31	53	15	26	59	20	36	44
Уровень средний	16	28	56	17	35	49	18	34	49	17	30	54	20	37	44
Уровень высокий	11	25	64	12	33	55	12	30	59	13	28	60	16	32	52

Степень обеспокоенности в отношении:

6 – ориентации не на дело, а на отчётность перед вышестоящими

7 – нарушения обратно связи, контроля выполнения решений

8 – превращение руководящего состава в «междусобойчик», клику

9 – использование ресурсов организации в личных целях

10 – увлечение не к месту западным менеджментом

«—» – никакой обеспокоенности нет или она низкая

«±» – обеспокоенность средняя

«+» – обеспокоенность довольно высока и очень высока

Таблица 22

Окончание: оценка 11-15 аспектов (в % к числу опрошенных; **n = 5452**)

	11			12			13			14			15		
	—	±	+	—	±	+	—	±	+	—	±	+	—	±	+
В целом	**15**	**28**	**57**	**16**	**40**	**44**	**15**	**33**	**52**	**20**	**28**	**53**	**13**	**24**	**62**
Уровень низкий	12	24	64	13	35	52	12	28	60	16	26	58	10	21	69
Ниже среднего	16	27	57	16	41	42	17	35	49	23	27	50	14	24	62
Уровень средний	17	33	51	18	41	42	17	35	47	19	28	52	18	26	56
Уровень высокий	14	27	59	16	42	42	14	32	54	20	28	51	11	25	64

Степень обеспокоенности в отношении:

11 – подбора кадров не по деловым качествам, а по преданности

12 – несоблюдение баланса централизации и децентрализации

13 – квалификационные несоответствия руководителей

14 – несправедливая оплата труда управленческих кадров

15 – ориентация руководства на сохранение власти

«—» – никакой обеспокоенности нет или она низкая

«±» – обеспокоенность средняя

«+» – обеспокоенность довольно высока и очень высока

В табл. 22 (11–15) 62% отмечают, что руководство ориентируется не на дело, а на сохранение власти, а 57% при подборе кадров руководствуются не деловыми качествами людей, а личной преданностью.

Эти данные свидетельствуют, что такая система управления ставит под угрозу осуществление любой общественно-значимой целерациональной деятельности, в том числе и такого цивилизационного процесса как модернизация. Главный вывод: такой тип управления

и сама система управления в таком качестве оказывает деструктивное влияние на выполнение условий «гражданского договора» между властью и обществом, что в итоге чревато вполне предвидимыми социальными последствиями. Ниже материалы массового опроса будут дополнены исследованиями на основе оценок специалистов-экспертов из регионов, анализом информации из местных печатных СМИ как лояльных руководству регионов, так и оппозиционных и контент-анализом общения населения в социальных сетях. Мы надеемся и на плодотворную дискуссию участников конференции по представленным на обсуждение материалам, что позволит сделать более полные обобщения по теме конференции.

Список литературы

1. Белоусов А. Генезис и трансформация одной политической метафоры // Свободная мысль. 2007. № 6. С. 23–36.

2. Левашов В.К. Социально-политическая устойчивость общества: теория, измерения, стратегии. М.: Научный мир, 2010. 370 с.

О.Ф. Адигамова

УПРАВЛЕНИЕ МИГРАЦИОННЫМИ ПРОЦЕССАМИ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН: ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО СОКРАЩЕНИЮ ОТТОКА НАСЕЛЕНИЯ

Аннотация. *На сегодняшний день проблема миграционного оттока населения достаточно остро стоит во многих периферийных регионах России. По итогам 2016 года в регионе показатели межрегиональной убыли превысили количественные показатели предыдущих годов. Поэтому становится актуальным планомерное управление миграционными процессами с целью сокращения оттока населения из республики. В статье описан характер миграционных потоков в регионе, рассмотрено его влияние на различные сферы общества. Автором предложены практические рекомендации по сокращению миграционного оттока населения Республики Башкортостан.*

Ключевые слова: *миграционные процессы, управление, межрегиональная убыль, миграция молодежи, стабилизация.*

O.F. Adigamova

MANAGEMENT OF MIGRATION PROCESSES IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN: PRACTICAL OFFERS ON REDUCTION OF OUTFLOW OF THE POPULATION

Abstract. *Today the problem of migration outflow of the population is particularly acute in many peripheral regions of Russia enough. Following the results of 2016 in the region indicators of an interregional decrease have exceeded quantitative indices of previous years. Therefore there is relevant a systematic management of migration processes for the purpose of reduction of outflow of the population of the republic. In article the character of migration flows in the region is described, his influence on various spheres of society is considered. The author has offered practical recommendations about reduction of migration outflow of the population of the Republic of Bashkortostan.*

Keywords: *migration processes, management, interregional decrease, migration of youth, stabilization.*

Миграция населения – это не только простое механическое передвижение людей, но и сложный общественный процесс, затрагивающий многие стороны социально-экономической и культурной жизни целых народов.

Прежде всего, миграции оказывают большое влияние на демографические процессы. Они приводят к изменениям в половозрастной и социальной структуре населения в районах, откуда мигранты уезжают и куда приезжают. В районах с оттоком, превышающим темпы воспроизводства населения, численность его сокращается, снижается рождаемость, поскольку в миграциях участвует преимущественно молодое население. Соответственно, в этих регионах увеличивается доля населения старших возрастных групп. В районах же притока мигрантов повышается доля молодых возрастов и, как правило, возрастают темпы воспроизводства населения.

Миграции трудоспособного населения непосредственно влияют на рынок рабочей силы, сокращая (при отъезде) или увеличивая (в случае приезда) ее предложение, зачастую обостряя конкуренцию на рынке труда.

Население республики по данным Башкортостанстата за 2016 год сократилось на три тысячи человек. Отрицательная динамика сложилась за счет тех, кто предпочел жить в других регионах: из республики уехали 6,7 тыс. человек (в прошлом году отток был меньше – 4,6 тыс.). Причем основную часть покинувших регион – 5,8 тыс. человек – составляют не мигранты, а люди, решившие сменить место жительства.

Лидером по миграционной убыли стала Уфа – минус 1853 человека (в город приехало 29 тыс., а уехало 30,9 тыс. человек). Для сравнения, в 2015 году этот показатель составлял всего 360 человек. Но тут нужно отметить, что основной причиной «большого минуса» стал отток мигрантов, у которых закончился срок временного пребывания.

Самый большой отток населения из сельской местности зафиксирован в Дюртюлинском районе – миграционная убыль здесь превысила 600 человек. А вот желающих перебраться в Уфимский и Иглинский районы – пригороды Уфы – традиционно много. За год каждый из этих районов пополнился за счет миграции более чем на две тысячи человек [1].

Сегодня прекращение оттока населения в республике является стратегической задачей. 18% от общей численности населения региона составляет молодежь, поэтому должна проводиться грамотная и эффективная молодежная политика по следующим направлениям деятельности:

– развитие эффективных моделей и форм вовлечения молодежи в трудовую и экономическую деятельность (трудовые объединения, студенческие отряды, молодежные биржи труда и др.), совершенствование нормативно-правовой базы для привлечения молодежи к трудовой деятельности и обеспечения ее законных прав и интересов, а также реализация программ поддержки молодежного предпринимательства;

– решение вопросов обеспечения жильем молодых семей и молодых специалистов;

– поддержка талантливой молодежи (проведение творческих фестивалей и конкурсов, учреждение премий и грантов, создание современных молодежных творческих коллективов, пропаганда традиций народов, проживающих на территории региона и РФ в целом);

– поддержка общественных объединений молодежи (анализ деятельности молодежных объединений, организация работы с положительно настроенными общественными организациями и их лидерами, оказание им организационной, методической и финансовой поддержки, в том числе выделение финансовых средств на реализацию программ, выделение помещений и т.д.);

– модернизация материально-технической базы учреждений по работе с молодежью и расширение их сети;

– формирование межрелигиозной терпимости (взаимодействие с религиозными организациями и их лидерами, имеющими влияние на молодежь, привлечение их к системной работе с молодежью);

– создание условий для занятий спортом и организации отдыха молодежи (развитие спортивной базы, подготовка тренеров-педагогов для работы с молодежью, разработка специальных программ по привлечению молодежи к занятию спортом, создание мест отдыха молодежи);

– проведение мероприятий, направленных на интеграцию молодежи в социально-экономическую и общественную жизнь региона;

– создание молодежных средств массовой информации (газеты, журналы, телепередачи и др.);

– ведение научной и кадровой работы (подготовка кадров для работы с молодежью, системный мониторинг положения молодежи).

В осуществлении указанных направлений деятельности важнейшую роль играет трудовое воспитание молодежи как составная часть стратегии молодежной политики.

Одним из ключевых факторов, влияющих на интенсивность миграционных процессов в республике, является проблема занятости населения. Уровень официальной безработицы составляет 5,8%. При этом уровень безработицы на селе значительно выше уровня безработицы среди городского населения. Более половины безработных составляет молодежь.

Ключевые направления мероприятий в области развития рынка труда включают:

– стимулирование создания новых рабочих мест, в том числе в сфере малого и среднего бизнеса;

– создание условий, способствующих повышению качества рабочей силы (образовательные программы профессиональной подготовки и переподготовки кадров и безработных граждан, поддержка трудоустройства и обеспечение стажировок молодежи);

– повышение эффективности функционирования специальных институтов на рынке труда (развитие центров занятости и ресурсных центров, улучшение координации с центрами занятости в других регионах РФ).

Основной отток населения в республике отмечен в сельских территориях и малых городах, поэтому для стабилизации мобильности населения следует сделать акцент на развитии села:

– стимулировать рост производства основных видов сельскохозяйственной продукции и производства пищевых продуктов; стимулировать инновационную деятельность и инновационное развитие агропромышленного комплекса;

– повысить качество жизни сельского населения.

Следует отметить еще ряд предложений, направленных на сокращение оттока населения из региона:

– при помощи изучения опыта зарубежных стран по привлечению мигрантов вести в СМИ пропаганду привлекательности жизни в республике;

– размещение воинских частей для службы по призыву в местах, где не хватает трудовых ресурсов, так как по окончании службы по призыву часть отслуживших будет восполнять недостаток трудовых ресурсов и обустраиваться в месте прохождения службы;

– жителям, родившимся или прожившим на территории региона срок, больше 15 лет придать статус «коренного жителя» и предоставить статусные и материальные льготы.

– предоставление особого статуса и льгот для проживающих на территории республики семей среднего класса, в которых трое или более несовершеннолетних детей. Это семьи, для которых данная территория уже является «малой родиной» (а не временным местом для проживания). С помощью комплекса мер (в том числе и помогающих решить жилищную проблему), сформировать программу по привлечению переселенцев из ближнего

и дальнего зарубежья и перенаселенных районов России. Особенно необходимо привлекать семьи из среднего класса с тремя и более детьми.

Проведение целенаправленных мероприятий при содействии органов государственной власти, общественных организаций, бизнес-структур будет способствовать регулированию миграционных процессов в регионе. Только разносторонняя совокупная деятельность субъектов всех сфер жизнедеятельности общества позволит достигнуть положительной динамики показателей миграционного прироста.

Список литературы

1. Миграция населения в Республике Башкортостан: стат. сб. Уфа: Башкортостанстат, 2017. Ч.1. 182 с.

Е.И. Боровлева

ФАКТОРЫ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

Аннотация. *Настоящая статья посвящена проблемам социокультурной модернизации России в период глобализационных вызовов. Такие факторы как природные богатства, производство, сельское хозяйство, национальная культура способны оказать существенную роль для выхода России из затянувшегося кризисного состояния.*

Ключевые слова: *глобализация, социокультурная модернизация, Россия, глобальная экономика, производство, культура.*

H.I. Borovleva

FACTORS OF MODERNIZATION OF RUSSIA IN THE GLOBALIZING WORLD

Abstract. *Research paper «Factors of modernization of Russia in the globalizing world» devoted to the problems of socio-cultural modernization of Russia in the period of globalization challenges. Factors such as natural resources, manufacturing, agriculture, national culture can have a significant role in Russia's exit from the protracted crisis.*

Keywords: *globalization, socio-cultural modernization, Russia, global economy, trade, culture.*

Финансово-экономический кризис в США и странах Западной Европы привел мировую экономику в неустойчивое состояние. На этом фоне происходят трансформационные процессы в мир-системе, особенно в экономической сфере. Всемирно господствующие страны – США, Япония, а также Евросоюз – всячески пытаются отстоять свое лидерство на международной арене. На их место все более претендуют азиатские страны. В частности, Китаю в большей степени свойственна экономическая интеграция с усилением его интересов в области политики, военном деле, культуре. Этот процесс, в свою очередь, изменил отношение ко многим ценностям мирового сообщества. Такое положение призывает к тому, чтобы определить, какое место занимает Россия на международной арене. Отметим сразу, в большей степени имеет место интерес научного обобщения опыта модели социального развития. В глобализирующемся мире каждая из стран подвержена воздействию «волнам» мирового кризиса как развитых, развивающихся, так и стран «третьего мира». Причиной тому является расширяющаяся взаимосвязь национальных экономик и выход определенных сфер производства на общемировой уровень.

Глобализация является сегодня тем процессом, который в течение последних лет привлекает внимание многих слоев населения. Неоднозначное отношение к глобализации, вплоть до акций протеста со стороны антиглобалистов, происходит потому, что в центре

внимания оказываются нерешенные жизненно важные проблемы современного мира, затрагивающие интересы абсолютного большинства людей планеты. В современном мире переход экономически развитых стран от индустриального к информационному обществу является способом формирования глобальной экономики. Ученые, поддерживающие данную теорию, приходят к выводу о том, что произошла переструктуризация мира. Международное разделение труда, основанное на взаимоотношениях между экономически развитыми державами, способствует завершению функционирования национальных государств как институтов. Другая точка зрения [3; 1] заключается в том, что национальные государства сохраняются, но при этом происходит процесс формирования новой мировой стратификационной структуры. Предположительно она может выглядеть следующим образом: богатые страны, полуферийные и отсталые государства.

Рассматривая глобальные вызовы и стратегии межкультурной модернизации необходимо отметить роль факторов производства и успехи отдельных стран в конфигурации мира, а также их лидирующие позиции в мировой экономике. Хотя не всегда наличие определенных факторов обеспечивает высокое развитие производства, сколько эффективность их использования. Так, например, наличие достаточных природных ресурсов может сдерживать техническое развитие. Особого внимания заслуживает китайская экономика. Из слабо развивающихся стран они выходят на мировой рынок с высокими темпами развития в экономке. Экономика этой страны становится конкурентоспособной и получает преимущество цены трудовых ресурсов, что способствует превращению ее в мировую фабрику по производству товаров в мире. Одновременно делается акцент на развитие инновационных производств с целью усиления своих позиций на мировых рынках высокотехнологичной продукции и гибкой, динамичной внешней экономической политики. Россия также занимает одно из важнейших мест в глобализирующем мире. Во-первых, наша страна обладает богатыми природными ресурсами, что составляет преимущество перед другими странами. Во-вторых, Россия наравне с другими странами, богатыми природными ресурсами, способна занять лидирующее место в ресурсосберегающей модели глобальной экономики по сравнению с ресурсоагрессивной моделью. Согласно Киотскому протоколу, который стал первым глобальным соглашением об охране окружающей среды, определены количественные обязательства регулирования рыночного механизма в мировой системе. В-третьих, усиливаются преобразования модернизационного характера. В инновационном центре «Сколково» осуществляется формирование стратегических планов развития страны. Это разработка и развитие инновационной среды прогрессивным сообществом для перехода России к экономике знаний, создание структуры инновационных предпринимателей, разработка мероприятий по продвижению российской инновационной продукции, создание инфраструктуры для диалога между российскими и зарубежными сообществами, популяризация эффекта от внедрения инноваций, стимулирования спроса на инновации и пр.

Природные богатства России, являясь факторами производства, играют важную, если не определяющую роль в энергетическом балансе мировой экономики. Территориальное расположение России дает возможность экспортировать газ и нефть с основных месторождений в Европу, страны Азии и Дальнего Востока. Проблема заключается в следующем: эффективный или неэффективный этот вид экономической деятельности. При отсутствии эффективной альтернативы российской экономике данное направление имеет место быть. Экспорт этих природных богатств остается важным направлением модернизации нефтегазового комплекса страны с учетом накопленного резерва и конъюнктуры на внешних рынках нефти и газа. Хотя это указывает на консервативность экономической политики.

Аналогичным фактором природных богатств России является сельское хозяйство. Повышение эффективности в этом секторе важнейшая стратегия нашей страны. Производство сельскохозяйственной продукции обеспечивает не только потребности нашей страны, но и потребности других стран на мировом рынке. Особую актуальность производство сельскохозяйственной продукции приобретает в связи с тем, что некоторое количество зерна и другой сельскохозяйственной продукции перерабатывается в

биотопливо. Россия располагает важнейшими стратегическими факторами производства, которые в иных условиях просто недоступны другим странам в условиях глобализации.

Глобальные вызовы в мировом сообществе накладывают отпечаток на межкультурный диалог субъектов коммуникации, а также трансформацию культурных ценностей России и мира в целом. Проблема социокультурных факторов нашей страны – это нарушения баланса между теоретическими моделями и практическими возможностями их реализации, что приводит к трансформации динамических социокультурных процессов. Еще сложнее этот процесс происходит на глобальном уровне. Во-первых, процессы глобализации высокоразвитых стран оказали положительное влияние на их культуру. Во-вторых, процессы глобализации оказали крайне негативное воздействие на культуры периферийных стран. Объективно это подтверждается углубляющимся экономическим разрывом между развитыми и развивающимися странами. Трансформация национальной культуры прослеживается в разрушении базовых социокультурных ценностей. Такая трансформация способствует утверждению массовой культуры в различных социальных общностях. Массовая культура проникает через границы национальных государств, вносит негативные корректировки в народную и элитарную культуры, претендуя на роль универсальной культуры эпохи глобализации. Факторами такого процесса стали социально-политические, экономические, культурные события, происходящие в мировом сообществе, а именно: развитие индустриальной экономики и переход к постиндустриальному развитию, формирование новой картины мира, иных ценностей и установок, и даже ментальности. Такой процесс создал почву для формирования массового человека и массового сознания на глобальном и национальном уровнях. Этот процесс разрушает национальные культурные традиции, сформированные длительным промежутком во времени. Понятие культуры как социального феномена нельзя свести к какому-то одному понятию. В том числе это проявляется и на уровне обыденного сознания. С точки зрения социальной науки, а именно в трактовке Г.В. Осипова [4], который определяет культуру как масштабную систему человеческой активности, по значимости сравнимую с системой социальной деятельности и общественных связей, культура предстает как результат деятельности людей в различных формах ее проявления по поддержанию и обновлению своей жизнедеятельности. В экономической сфере – это создание материальных благ. В духовной сфере происходит формирование норм, стандартов деятельности и взаимодействия людей, их представлений, оценок социальной практики форм человеческого поведения и деятельности, накопленных знаний, образов самоидентичности, символических обозначений окружающего мира, которыми обмениваются люди в процессе коммуникации. Что же делает культура на самом деле? Она формирует для человека, социальных групп и всего общества в целом нормы организации и поведения, формирует эмоции, оценки и чувства – то, что дает возможность человеку осознавать себя членом общности, формировать свое окружение, выражать свою индивидуальность. Поэтому в законопроекте Российской Федерации «О культуре» базовая позиция состоит в концептуальном обновлении и расширении смысла понятия культуры, вернее раскрытии ее сущностных возможностей в социальном развитии. Для России проблема заключается в том, что в процессе модернизации западной инновационной культуры необходимо сохранить гуманистические ценностные ориентиры культурного развития нашей страны в глобализирующемся мире. Дело в том, что концепция глобализации соединяет личность, человечество и прочие факторы и элементы мировой системы воедино. Гуманизм строится на таких ценностно-мировоззренческих положениях, которым свойственны прежде всего социальная справедливость, социальное равенство. А искоренение насилия является основой гуманизации современного мирового сообщества. Многообразие культур не может быть суммировано. Речь может идти только о сближении, но не объединении национальных культур. Поэтому многообразие национальных культур основано на духовном содержании. Отмирание национальных государств и возникновения мирового правительства – это мечта многих поколений ученых, начиная с И. Канта. Эта идея одновременно прекрасна и ужасна. Прекрасна тем, что проживание в «глобальной деревне»

возможно при условии высоконравственных качеств человека и высочайших моральных установок каждого члена общества. Проблема заключается в том, что многие культуры утрачивают свою идентичность, потому что поглощаются мультикультурализмом и обедняются. Но желание любого национального государства – во что бы то ни стало сохранить и развивать этнические традиции. Необходимо заметить, что сегодня роль России, как национального государства, становится ролью державы, которая оказывает влияние на мировые глобальные процессы, но не навязывает свои ценности всему человечеству.

Ценностями культурной политики является самооценка человека и саморазвитие личности, культуры как ресурса развития общества в целом. Культурные сообщества, объединенные общими верованиями, ценностями, традициями, создают множество субъектов культуры. Стратегическая цель культурной политики – согласование интересов и потребностей, исходя из особенностей функционирования современного общества. В процессе трансформации национальной культуры под воздействием глобализационных процессов проявляется кризисное состояние политической, национальной, религиозной идентичности. Такая ситуация опасна тем, что человек не способен сопоставить себя с общепринятыми ценностями в рамках какой-либо общности: нации, этноса, государства, класса. По сути, он выступает как маргинал, которым легко управлять по причине потери своей идентичности. Что касается политической культурной идентичности, то здесь имеет место идея свободы западных стран, стран с социалистическим развитием и развивающихся стран.

Наиболее сложным является трансформация специфики мышления, речевой и письменной коммуникации из-за усиленного влияния иностранного языка, особенного английского. В России распространение английского языка – это условие современного образа жизни. Более того, английский язык становится языком научных и технических изданий, медицины, космических технологий, электроники. Роль языка безгранична по той причине, что это система человеческой деятельности и общественных связей. Вся информация, накопленная этносом в процессе эволюции, закодирована в его языке. Важнейшей социальной функцией можно считать функцию, направленную на единство и укрепление социума, способствующую формированию социальной практики прошлого и настоящего, где создается коммуникативное пространство. Россия – многонациональное государство. В период глобализационных процессов происходит, прежде всего, стирание национальных границ. Жизнеспособность российского государства невозможна без сохранения государственного языка, хотя бы потому, что русский язык уникален. Его роль заключается в объединении культурного начала большей части европейской территории. Важная особенность русской языковой культуры в том, что она способна направить стремление людей к коллективному стилю мышления, не ущемляя национальных приоритетов. Особенно это важно в период «разбалансировки» духовных ценностей, обусловленных приоритетом массовой культуры, навязанной западными странами – сблизить народы, умножить культурный обмен и пр. Русская языковая культура посредством диалога способна создать условия единения народа как в рамках государства, так и в глобальном мировом сообществе. Негативное влияние на русский язык оказывает отрицательное воздействие на здоровье нации. Причиной тому служит внедрение чужих и чуждых понятий. Средства массовой информации пестрят иностранными словами: *киллер, триллер, реалити-шоу, брейн-ринг, тайм-аут, дефолт, шоу-бизнес, шоумен, бизнесвумен, шопы, бутики, гипер- и супермаркеты*. В отношении последних стоить отметить, что для человека как биологической системы не свойственно понятие «гипер», «супер», по той причине, что превышается норма по отношению к естественному природному состоянию [2].

Наиболее важным является духовно-идейный фактор в динамике культуры, который включает в себя идеи, ценности, ценностные программы культурной активности. В современной России в русском языке наблюдается сленг, бранные слова, жаргон, ненормативная лексика в книгах, театре и на экране. Проблема заключается в том, что сквернословие переходит в скверномыслие, что в свою очередь ведет к снижению

интеллекта на национальном уровне. Без духовного начала, которое идет от различных видов искусства, в частности от литературы, невозможно создание качественно новых смыслов насыщенности содержания жизнедеятельности национального государства. Это есть условие появления и формирования новых образцов, порождающих новые смыслы. Если государство советского периода жестко удерживало идеологию в своих руках, то современное российское государство практически устранилось из нравственной сферы. Поэтому сегодня низка роль ученых, писателей, учителей, спортсменов, врачей, но высока – криминальных «приблатненных» героев сериалов. Проблема заключается в том, что наступает разрыв между реальной жизнью, человеческими ценностями и теми образами, которые навязывают СМИ. Телевидение ведет агрессивную атаку на личность человека, семейные ценности. Одним из проявлений этого является засилье нецензурной брани. Возможно это примитивное понимание чувства свободы. В больших городах, где приходится много времени проводить рядом с незнакомыми людьми, у некоторых вырабатывается стереотип поведения, которые психологи называют «человек в лесу». Этот человек игнорирует окружающих. Окружающие люди ассоциируются с молчащими деревьями, которые ничего не слышат и чье присутствие ничего не значит. Это проявление индивидуализма в широком смысле, полное отсутствие социальной чувствительности, солидарности. Такая характеристика поведения способна закрепиться у молодого человека на всю жизнь.

Трансформация духовных ценностей чревата тем, что у поколения проявляется нечувствительность к красоте, эстетическому восприятию. Всеобщая задача заключается в том, чтобы формировать убеждения эффективного освоения наследия мировой литературы, в яркой и образной форме содержащего необходимую информацию. Именно художественный образ отражает эмоционально-психологическую строну общественной жизни. Именно он, художественный образ, а вместе с этим и реальная ситуация, создают возможность понимать, оценивать окружающую нас социальную действительность гораздо больше, чем то, что чуждо русскому языку. Еще одна опасность – мат. Мат – разновидность нецензурных слов и выражений, связанных с половыми органами или сексуальными извращениями. Не все нецензурные слова являются матерными, но все матерные – нецензурные. Поэтому мат всегда направлен на другого человека, и это негативно сказывается на формировании межличностных отношений. Мат обладает сильной энергетикой. Все матерные выражения затрагивают интимную сферу человека. Его произнесение – своего рода вторжение в личную жизнь того человека, кому он адресован. Значит, это один из видов психологического насилия. Выход из этого состояния, тем не менее, существует. Он заключен в формировании нравственного сознания через воспитание и образование личности. Во всяком случае, решение проблемы культуры в современном мире лежит в области права, вернее демократического права. Российское общество сегодня можно охарактеризовать как кризисное. Этому способствовало внедрение и распространение чуждых для нашей страны псевдоценностных ориентаций, характерных для западного общества. Вестернизация продолжает внедрять западные культурно-ценностные стандарты, ориентированные на примитивные эталоны массовой культуры, а также информационно-психологической войны против России. В свою очередь информационно-психологическая война выступает агрессором духовной сферы человека, где имеют место социально-культурные и информационные технологии.

Подводя итог вышесказанному, хотелось бы отметить следующее: для того чтобы обозначить стратегии социокультурной динамики в глобализирующемся мире и России в частности, необходимо определить, какие модернизационные факторы подлежат трансформации, а какие являются универсальными. Общественной практикой доказано, что беспроблемными для любых социокультурных систем является процесс обмена поверхностными элементами. Установки, которые не поддаются унификации и механическому совмещению, это те, в которых отражается картина мира, представление о мироустройстве, характер символического опредмечивания мира, целостные ценностные системы. Выход из кризисного состояния России видится в осмыслении и возврате

духовного богатства прошлого, накопленного ее культурой, опытом и наследием. Осознания глубинной роли России в глобальном мире есть стратегическое мышление с позитивной направленностью.

Список литературы

1. Белл. Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Перевод с английского. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Academia, 2004. 788 с.

2. Боровлева Е.И. Роль языка в социальном пространстве // Актуальные проблемы социологии и политологии / Сост. и ред. Л.Н. Панкова. М.: МАКС Пресс, 2009. С. 7–13.

3. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь М.: Весь Мир, 2004. 120 с.

4. Социология. Основы общей теории. Учебник для вузов / Отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. М.: Норма, 2015. 912 с.

Е.Г. Бунов

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВЛАСТИ ГЛАЗАМИ ЭКСПЕРТОВ И ЖИТЕЛЕЙ РЕГИОНОВ В ПРОЦЕССЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Аннотация. *В докладе рассматриваются результаты исследования деятельности органов власти и управления в правоохранительной сфере по двенадцати регионам. Двенадцать регионов рассматриваются через призму социокультурной модернизации и расположением по четырем уровням развития. Предлагается анализ результатов мониторинга в соответствии особенностями уровня развития регионов.*

Ключевые слова: *удовлетворенность работой органов власти, уровень развития региона.*

E.G. Bunov

LAW ENFORCEMENT AUTHORITIES THROUGH THE EYES OF EXPERTS AND INHABITANTS OF THE REGIONS IN THE PROCESS OF SOCIOCULTURAL MODERNIZATION

Abstract. *The report discusses the results of research of activity of bodies of authority and management in law enforcement for a total of twelve regions. Twelve regions are considered through the prism of socio-cultural modernization and location for the four levels of development. The analysis of monitoring results in accordance with the characteristics of the level of development of regions.*

Keywords: *job Satisfaction of the authorities, the level of development of the region.*

Группы оценок деятельности органов власти и управления в правоохранительной сфере по двенадцати регионам в целом показали следующие результаты (см. рис. 1).

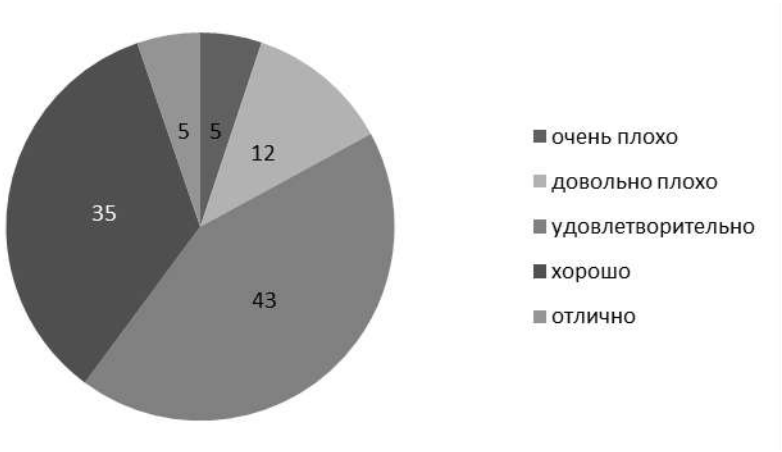

Рисунок 1. Оценка работы органов власти и управления в правоохранительной сфере по двенадцати регионам, 2016, %

На рис. 1 наглядно видно, что большинство респондентов – 43%, удовлетворены работой органов власти в правоохранительной сфере. Более того, 35% оценивают эту работу хорошо. Равными долями – по 5% соответственно, распределились оценки респондентов противоположных мнений – очень плохо и отлично. Довольно плохо оценивают работу органов власти в правоохранительной сфере 12% респондентов. Если сложить положительные оценки респондентов, то получится, что 83% в общем удовлетворены работой органов власти в правоохранительной сфере. Данные результаты могут говорить о серьезных изменениях в деятельности властей в положительную сторону по сравнению с оценками предшествующих лет. Однако количество респондентов, отрицательно оценивающих работу органов власти в правоохранительной сфере, не так уж и мало – 17%.

Рассмотрим подробно оценки респондентов удовлетворенностью работой органов правопорядка по группам уровней развития регионов.

В табл. 1 представлены оценки по трем регионам с низким уровнем развития (по Лапину). Все оценки расположились с достаточно равными показателями. За исключением Дагестана, оценки прямо противоположных мнений – очень плохо – 16,30% и отлично – 0%, незначительно, но отличаются от остальных регионов Смоленской области и Калмыкии. По трем регионам наблюдается удовлетворенность работой органов правопорядка – 43,70%.

Таблица 1

Удовлетворенность работой органов правопорядка в регионах с низким уровнем развития (по Лапину)

Удовлетворенность работой органов правопорядка в регионах с низким уровнем развития (по Лапину)			**Низкий уровень по (Лапину)**			**Итого**
			Республика Дагестан	**Смоленская область**	**Калмыкия**	
Удовлетво-ренность работой органов правопорядка	Очень плохо	Частота	**7**	18	36	61
		%	**16,30**	3,7	7,8	6,1
	Довольно плохо	Частота	7	89	58	154
		%	16,3	18,2	12,5	15,5
	Удовлетвори-тельно	Частота	15	218	202	435
		%	34,9	44,5	43,6	43,7
	Хорошо	Частота	14	155	144	313
		%	32,6	31,6	31,1	31,4
	Отлично	Частота	**0**	10	23	33

		%	**0,0**	2,0	5,0	3,3
Итого		Частота	43	490	463	996
		%	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 2

Удовлетворенность работой органов правопорядка в регионах с уровнем развития ниже среднего (по Лапину)

Удовлетворенность работой органов правопорядка в регионах с ниже средним уровнем развития (по Лапину)			**Уровень ниже среднего (по Лапину)**			**Итого**
			Амурская область	**Белгородская область**	**Вологодская область**	
Удовлетво-ренность работой органов правопорядка	Очень плохо	Частота	22	27	18	67
		%	4,8	**5,6**	4,2	4,9
	Довольно плохо	Частота	48	48	37	133
		%	**10,4**	9,9	8,5	9,6
	Удовлетвори-тельно	Частота	182	177	185	544
		%	39,5	36,5	42,7	**39,4**
	Хорошо	Частота	173	191	178	542
		%	37,5	39,4	41,1	**39,3**
	Отлично	Частота	36	42	15	93
		%	7,8	8,70	3,5	6,7
Итого		Частота	461	485	433	1379
		%	100,0	100,0	100,0	100,0

Во табл. 2 представлены регионы с уровнем развития ниже среднего (по Лапину). Большинство респондентов в этих регионах положительно оценили работу органов власти в правоохранительной сфере: 39,4% удовлетворительно и 39,3% хорошо, что может говорить о равномерной и положительной динамике развития регионов. Довольно плохо оценили деятельность органов правопорядка 10,4% респондентов в Амурской области, что выше подобных оценок в регионах данной группы. Лидером данной группы по оценкам «очень плохо» − 5,6%, стала Белгородская область. На фоне достаточно ровных показателей развития и оценок деятельности органов правопорядка, данные отклонения могут говорить о недостаточных действиях властей в данных регионах.

Таблица 3

Удовлетворенность работой органов правопорядка в регионах со средним уровнем развития (по Лапину)

Удовлетворенность работой органов правопорядка в регионах со средним уровнем развития (по Лапину)			**Уровень средний (по Лапину)**			**Итого**
			Республика Якутия	**Башкирия**	**Омская область**	
Удовлетворен-ность работой органов правопорядка	Очень плохо	Частота	15	13	43	71
		%	3,5	2,7	**9,8**	5,3
	Довольно плохо	Частота	55	46	70	171
		%	12,8	9,6	**15,9**	12,7
	Удовлетво-рительно	Частота	210	201	206	617
		%	48,7	42,1	46,9	**45,8**
	Хорошо	Частота	140	180	111	431

		%	32,5	37,7	25,3	32,0
	Отлично	Частота	11	37	9	57
		%	2,6	7,8	**2,1**	4,2
Итого		Частота	431	477	439	1347
		%	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 4

Удовлетворенность работой органов правопорядка в регионах с высоким уровнем развития (по Лапину)

Удовлетворенность работой органов правопорядка в регионах с высоким уровнем развития (по Лапину)			**уровень высокий по Лапину**			**Итого**
			Московск. область	**Нижегород. область**	**Свердловск. область**	
Удовлетворен-ность работой органов правопорядка	Очень плохо	Частота	21	13	27	61
		%	4,4	3,0	**6,0**	4,5
	Довольно плохо	Частота	71	39	38	148
		%	**14,8**	9,1	8,5	10,9
	Удовлетво-рительно	Частота	207	196	188	591
		%	43,1	45,9	42,0	43,6
	Хорошо	Частота	153	151	167	471
		%	31,9	35,4	37,3	34,8
	Отлично	Частота	28	28	28	84
		%	5,8	6,6	6,3	6,2
Итого		Частота	480	427	448	1355
		%	100,0	100,0	100,0	100,0

Представители регионов среднего уровня развития (по Лапину) представлены в таблице 3. Большинство 45,8% респондентов удовлетворены деятельностью органов власти в правоохранительной сфере. Однако в данной группе есть и явное отклонение от общей тенденции. В Омской области 15,9% оценили деятельность властей довольно плохо, кроме этого, 9,8% оценили деятельность властей очень плохо. Данные показатели выше остальных регионов этой группы. Отлично в Омской области оценили деятельность властей 2,1%, что является самым низким показателем в данной группе. Это явно может свидетельствовать о недостатках в деятельности властей Омской области в правоохранительной сфере.

В регионах с высоким уровнем развития (табл. 4) наблюдается достаточная равномерность показателей оценок. Несмотря на это можно с уверенностью сказать, что явное большинство – 14,8% респондентов – довольно плохо оценили деятельность властей в правоохранительной сфере в Московской области. Свердловская область является лидером в своей группе по количеству очень плохих оценок данной деятельности – 6%, что также может говорить о недостаточно равномерном распределении усилий властей Свердловской области в правоохранительной деятельности.

Р.М. Валиахметов, Г.Р. Баймурзина

ГРАЖДАНСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА РАБОТЫ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН

Аннотация. *В работе анализируются мнения и оценки населения относительно эффективности работы региональных органов власти и управления; через эту призму рассматриваются состояние и перспективы социокультурной модернизации Республики Башкортостан.*

Ключевые слова: *регион, управление, органы власти, гражданская экспертиза, социокультурная модернизация.*

R.M. Valiakhmetov, G.R. Baimurzina

CIVIL EXPERTIZE OF THE STATE AUTHORITIES AND ADMINISTRATION PERFORMANCE IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

Abstract. *The article examines opinions and estimations of the population about the effectiveness of regional authorities and management; and through this prism analyzes current status and perspectives of socio-cultural modernization of the Republic of Bashkortostan.*

Keywords: *region, administration, state authorities, civil expertize, sociocultural modernization.*

Республика Башкортостан является участником Программы изучения социокультурной эволюции регионов России (под руководством чл.-корр. РАН Н.И. Лапина), в рамках которой разрабатывалась типология регионов, характеризующая уровень их социокультурной модернизации [8]. Одновременно Башкортостан стал одним из 12-ти субъектов федерации (регионов), в которых было проведено социологическое исследование под рук. проф. А.В. Тихонова «Гражданская экспертиза сферы управления» (2014–2015), а также экспертный опрос «Реализация кластерной политики в Республике Башкортостан» (2015) и диагностическое исследование официальных онлайн-ресурсов Республики Башкортостан (2016). Продолжением этих проектов стало исследование «Гражданская экспертиза проблем реформирования властно-управленческой вертикали в контексте процессов социокультурной модернизации регионов: от мониторинга состояний до прогнозного проектирования» (2015–2017) при поддержке Российского научного фонда в рамках темы № 15-18-30077. В данной работе анализируются результаты социологического опроса «Диагностика состояния и перспектив реформирования системы управления в России» (2015–2017), проведенного в рамках выполнения данной темы в Республике Башкортостан.

Научная проблема, поставленная инициаторами проекта, состоит в выяснении способности органов власти и управления регулировать уровень социальной напряженности в регионах, которая существенно влияет на процессы модернизации в них. *Объектом исследования* стали противоречия между органами власти и управления и гражданским обществом в регионах с различным уровнем модернизации относительно приоритетов развития. *Предметом* выступают некоторые тренды, которые наблюдаются в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации и которые нужно учитывать при принятии текущих и стратегических решений. Для выявления факторов, определяющих эти закономерности, были отобраны 12 регионов по типологии ЦИСИ ИФ РАН с разным уровнем модернизации. По данной типологии Республика Башкортостан относится к третьему типу регионов со средним состоянием модернизированности, то есть находящейся в фазе зрелости первичной (индустриальной) стадии модернизации [2].

Республика Башкортостан отличается устойчивостью социально-экономического развития и политической стабильностью, которые во многом определяются ее историческим прошлым, а именно: многовековой политической традицией, основанной на договорных взаимоотношениях в составе крупных евразийских государств; своеобразием хозяйственного уклада, основанным на вотчинном праве, обеспечивающем свободное экономическое развитие, свободу в сфере предпринимательства и торговли; развитой системой управления и самоуправления; свободой личности, отсутствием в прошлом рабства и крепостного права, достаточно развитыми гендерными отношениями, ориентацией на общечеловеческие ценности в народной педагогике; оригинальной культурой и уникальным опытом в области межнациональных отношений [3; 10]. Ныне Республика Башкортостан является демократическим правовым государством в составе Российской Федерации, выражающим волю и интересы многонационального народа [7, ст.65-66], [6, ст.1-7], Законодательную власть в республике осуществляют Государственное собрание – Курултай Республики Башкортостан, исполнительную – Глава Республики Башкортостан и Правительство Республики Башкортостан, судебную – конституционный и верховный суды Республики Башкортостан. В Республике признается и гарантируется местное самоуправление, обеспечивающее самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью. Структура органов местного самоуправления определяется населением. Республика Башкортостан – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [7, ст. 11].

Вместе с тем тенденции последних десяти лет свидетельствуют о некотором замедлении и нарушении сбалансированности социально-экономического развития Республики Башкортостан. Об этом свидетельствует и динамика регионального индекса развития человеческого потенциала. Начиная с 2007 г. суммарный ИРЧП республики стал отставать от среднероссийских значений индекса [9]. По данным Докладов о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2012–2014 гг. Республика Башкортостан занимала 18-е место, а за 2015 г. – 20-е место [4; 5]. На наш взгляд, ключевым фактором данной тенденции стал процесс передачи властных полномочий на уровень субъектов РФ, которые не сопровождались адекватным финансовым обеспечением, в результате чего возникло несоответствие расходных обязательств субъектов РФ источникам их финансирования. Регионы, в том числе и Республика Башкортостан, оказались вынуждены платить по социальным обязательствам, сокращая при этом инвестиционные (модернизационные) расходы, оптимизируя сети и численность работников государственных учреждений социальной сферы (в здравоохранении, образовании и культуре), а также расходы на содержание этих учреждений, на поддержку ЖКХ [1, с. 25–29].

Необходимо признать, что эти проблемы в целом присущи большинству регионов России. В условиях ускоренного курса на коммерциализацию и оптимизацию социальной сферы, в Башкортостане они сопровождались значительным сокращением возможностей для развития и воспроизводства человеческого потенциала. Существенную роль в замедленной модернизации региона сыграли и выбранная региональная модель постепенного перехода к рыночной экономике, которая в свою очередь сдерживала процессы урбанизации. Относительно высокая доля сельского населения традиционно продолжает сказываться на социальной жизни и экономическом развитии республики.

Для выявления наиболее характерных и актуальных социальных проблем на местах населению было предложено оценить «как обстоят в регионе дела» по 28 параметрам, отражающим условия жизни и качество социальных отношений в регионе (табл. 1).

Таблица 1

Оценка населением важнейших параметров социально-экономического и социокультурного развития

Параметры развития	Шкала оценок					Суммарные негативные оценки
	1	2	3	4	5	
возможность найти работу	5,7	22,8	44,0	22,2	5,3	28,5
возможность улучшить жилищные условия	9,7	22,4	45,3	18,6	4,0	32,1
состояние ЖКХ	6,5	16,0	51,5	21,9	4,1	22,5
торговля, качество продуктовых и промтоваров	0,6	6,1	25,9	50,6	16,7	6,7
загруженность местных предприятий	4,9	12,9	45,2	29,4	7,5	17,8
своевременная выплата зарплаты, пенсий, пособий	2,3	12,4	22,3	42,3	20,8	14,7
работа общественного транспорта	1,9	5,9	28,0	44,6	19,5	7,8
состояние дорог	11,3	31,7	307	19,4	6,9	43
работа больниц и поликлиник	5,7	23,5	39,3	26,1	5,5	29,2
работа учреждений культуры	1,0	5,3	26,6	50,2	16,8	6,3
работа органов правопорядка	2,7	9,6	42,1	37,7	7,8	12,3
борьба с пьянством, хулиганством, наркоманией	6,2	17,7	41,7	27,1	7,3	239
организация массового отдыха населения	3,5	13,3	31,5	39,2	12,5	16,8
охрана природной среды	6,3	19,9	38,5	27,8	7,5	26,2
работа дошкольных учреждений	1,3	4,4	33,9	46,9	13,5	5,7
организация и содержание школьного образования	0,2	5,1	31,4	50,6	12,6	5,3
профессиональное образование, повышение квалификации	1,3	9,6	31,3	45,8	12,1	10,9
коррупция в органах власти	9,8	27,0	31,7	22,9	8,6	36,8
поддержка малого и среднего бизнеса	4,9	16,0	44,7	24,7	9,6	20,9
отношение к приезжим (мигрантам)	2,5	6,0	32,5	44,7	1,3	8,5
уважение к людям вашей национальности	1,3	7,1	16,7	50,0	24,8	8,4
уважение к людям вашего вероисповедания	0,7	4,0	19,1	51,6	24,7	4,7
охрана памятников культуры, истории	1,5	3,4	21,1	55,8	18,1	4,9
отношение к людям различных политических взглядов	2,2	4,2	33,7	46,0	13,9	6,4
защищенность прав и свобод от произвола чиновников	4,8	21,1	41,1	24,6	8,6	25,9
качество государственных услуг населению	4,3	21,6	35,1	30,6	8,3	25,9
доступность электронной информации о работе органов власти	4,6	23,1	32,4	28,5	11,3	27,7
стратегия развития города (поселения) на ближайшие 10-15 лет	5,6	10,3	40,8	33,8	9,5	15,9

Примечание: 1 – очень плохо, 2 – довольно плохо, 3 – удовлетворительно, 4 –хорошо, 5 – отлично.

Полученные результаты показали, что наиболее острыми, по оценкам населения, являются проблемы состояния дорог, коррупции и улучшения жилищных условий. Резко негативные оценки («очень плохо») этим параметрам дает каждый десятый респондент, суммарно «плохо» и «очень плохо» – более трети. Заметим, что эти проблемы характерны практически для всех регионов России.

Следующими по остроте являются такие проблемы как: «возможность найти работу», «доступность электронной информации о работе органов власти», «работа больниц и

поликлиник». Большое недовольство население выражает и состоянием дел в области охраны окружающей среды, качеством государственных услуг населению, уровнем защищенности «от произвола чиновников». Эти параметры негативно оценили более четверти населения. Очевидно, что в этой группе проблем в значительной степени отражается и отмеченная выше региональная специфика (высокая доля сельского населения, исторически обусловленное и обостренное экологическое сознание населения и т.д.).

По оценкам населения наиболее успешно решаются проблемы укрепления вооруженных сил и обороноспособности страны (18,4% отметили как отлично). Также на отлично оценили (10,4%) решение проблем, связанных с обеспечением безопасности, предупреждением угроз терроризма и улучшением работы правоохранительных органов. Наименее эффективной, по представлению респондентов, является политика государства в области обеспечения социальной справедливости, занятости и социальной защиты населения, доступности жилья и ЖКХ (рис. 1).

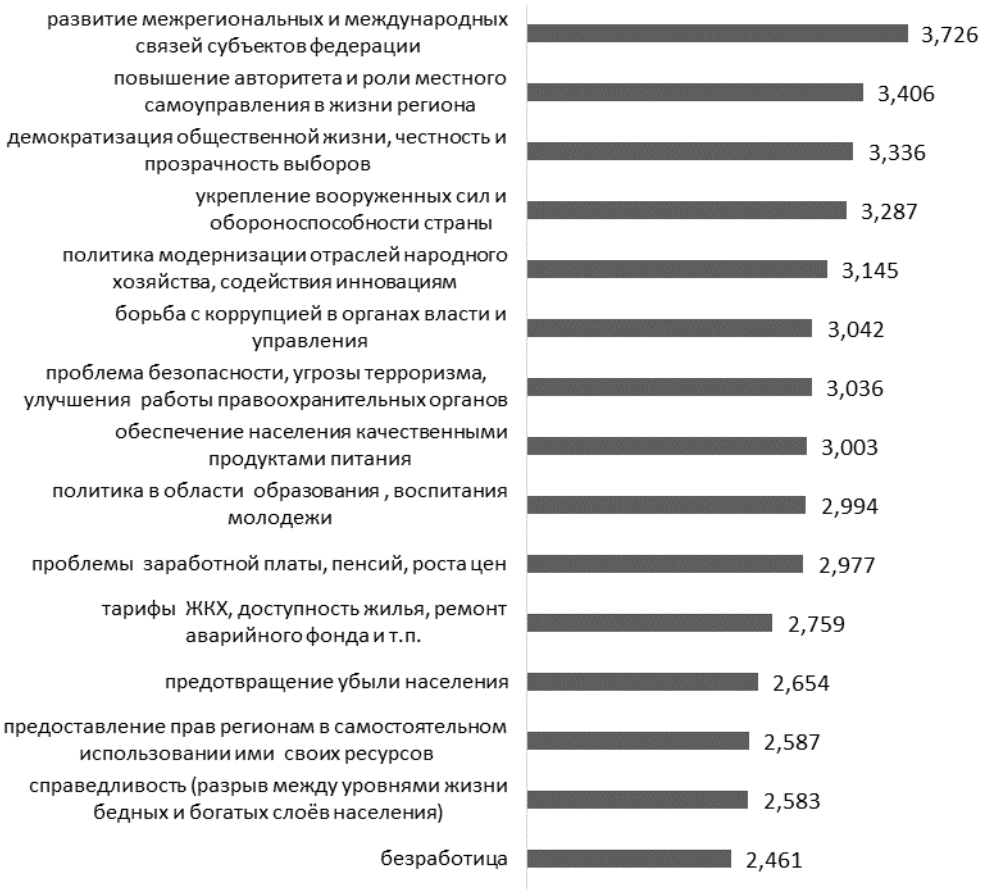

Рисунок 1. Эффективность внутренней государственной политики

Примечание: индексы эффективности рассчитаны как средневзвешенная оценок по шкале: 1 – очень плохо, 2 – довольно плохо, 3 – удовлетворительно, 4 –хорошо, 5 – отлично.

Гражданская экспертиза системы управления показала, что наибольшую обеспокоенность у населения вызывают не дефицит компетенций и опыта работы руководителей, не ошибки и недостатки в системе в управления, а такие проявления как «ориентация руководства не на результат, а на сохранение своей власти», «подбор кадров не по деловым качествам, а из-за их личной преданности», «несоответствие действий руководителей их словам и обещаниям», «использование ресурсов организации в личных целях», т.е. те действия, в основе которых лежит преследование личных интересов и целей в ущерб общественным, игнорирование инициатив снизу (рис. 2).

Рисунок 2. Обеспокоенность недостатками системы управления

Примечание: 1 – совсем не обеспокоены этим недостатком, 2 – обеспокоенность низкая, 3 – обеспокоены в среднем, 4 – обеспокоенность довольно высока, 5 – обеспокоенность очень высока

Обеспокоенность и недовольство населения вышеназванными негативными проявлениями свидетельствует о достаточно сильном и солидарном их неприятии в региональном сообществе. Одновременно это показывает не только критический, но и созидательный потенциал института общественного мнения в регионе.

В целом социокультурный фон республики выглядит неплохо, отрицательные чувства к своему региону испытывают только 3,4%. Большинство респондентов, несмотря на то, что не все их устраивает, в целом они удовлетворены жизнью в республике (44%), более трети (35%) рады тому, что живут именно в Башкортостане.

Характерной особенностью Республики Башкортостан является и то, что население уважительно относится к людям другой национальности и вероисповедания, мигрантам и вынужденным переселенцам. В традиции народов республики трепетное и бережное отношение к памятникам истории, культуры и природы. Достаточно высоко проявляется не только региональная, но и общероссийская идентичность, которая на протяжении всего постперестроечного времени значительно выше среднероссийских значений. Социальный капитал Башкортостана является не только визитной карточкой республики, но и ключевым фактором, интегрирующим регион в общероссийское социальное пространство и сообщество народов Российской Федерации.

Список литературы

1. Аналитический доклад «Об основных направлениях государственной региональной политики в Российской Федерации». Вестник Совета Федерации. Октябрь 2016. №8–9 (146–147). 122 с.

2. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы. Сост. и отв. ред. член-корр. РАН Н.И. Лапин М.: Весь Мир, 2016. 360 с.

3. Буканова Р.Г. Анализ исторического опыта регионального развития: прошлые тенденции и вызовы будущего. Отчет по научно-исследовательской работе «Диагностика качества жизни населения республики. Основные тренды развития человеческого потенциала в мире и в России, оценка потенциала, условий и факторов его развития в республике к 2030 г. Пути воспроизводства и управления человеческим потенциалом и наращивания человеческого капитала» (ЛОТ №1)». Государственная научно-техническая программа Республики Башкортостан «Стимулирование инновационной деятельности в Республике Башкортостан» за 2015 г. Уфа. Институт социально-политических и правовых исследований Республики Башкортостан, 2015.

4. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2014 год / под ред. Л.М. Григорьева и С.Н. Бобылева. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2014. 204 с.

5. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2015 год / под ред. Л.М. Григорьева и С.Н. Бобылева. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2015. 260 с.

6. Конституция Республики Башкортостан от 24 декабря 1993 г.

7. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г.

8. Проблемы социокультурной модернизации регионов России / Институт философии РАН. Составление, общая редакция: Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. М.: Academia, 2013. 416 с.

9. Республика Башкортостан. Доклад о развитии человеческого потенциала за 2008 г. / Под общей редакцией Р.М. Валиахметова, Ф.Б. Бурхановой, Г.Ф. Хилажевой. Уфа: «Восточная печать», 2009. 352 с.

10. Социокультурный портрет Республики Башкортостан / под общ. ред. Р.М. Валиахметова. Уфа: Гилем. Башк. Энцикл, 2013. 228 с.

С.И. Васильева, А.В. Тихонов

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ) КАК ОБЪЕКТ ОЦЕНКИ НА ОСНОВЕ МЕТОДИКИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ РЕГИОНА

Аннотация. *В данной статье рассмотрен хозяйственный потенциал Республики Саха (Якутия), изучено состояние существующей бизнес-среды, социально-экономические проблемы региона, также выявлены отрасли, которые могут быть потенциальными точками развития региона.*

Ключевые слова*: Республика Саха (Якутия), хозяйственный потенциал региона, регион Российской Федерации, социально-экономическое развитие региона, развитие регионов Российской Федерации.*

S.I. Vasilyeva, A.V. Tikhonov

ECONOMIC CAPACITY OF THE SAKHA (YAKUTIA) REPUBLIC AS AN ASSESSMENT OBJECT ON THE BASIS OF THE TECHNIQUE OF SOCIO- ECONOMIC EXAMINATION OF THE REGION

Abstract. *This paper gives an overview of the economic potential of the Republic of Sakha (Yakutia), studied the current business environment situation, the socio-economical problems of the region, also identifying sectors that could be starting points of potential future development of the region.*

Keywords: *Republic of Sakha (Yakutia), the economic potential of the region, the region of the Russian Federation, the socio-economic development of the region, the development of Russian regions.*

Глобальные вызовы в мировом развитии экономики и общества в целом требуют решения новых задач, которые ставятся перед государствами. Российская Федерация на данном этапе экономического и социального развития сталкивается с рядом вопросов, касающихся общественного благополучия и одним из приоритетных вопросов является разработка стратегии по развитию социально-экономической среды регионов. Для эффективного решения социально-экономических проблем в стране требуется выделение наиболее перспективных регионов страны, которые обладают высоким хозяйственным потенциалом, и поддержка таких регионов. Одним из наиболее перспективных регионов РФ является Республика Саха (Якутия), чей хозяйственный потенциал оценивается в данной статье.

Целью оценки состояния развития хозяйственного потенциала региона, состоящего из существующей бизнес-среды и отношений бизнес-субъектов с местными властями является уточнение стратегии развития, а также нахождения потенциальных точек роста, которые бы повысили привлекательность региона для новых деловых субъектов, включая инвесторов. Методологическую основу исследования хозяйственного потенциала Республики Саха (Якутия) составил отчет Института социологии РАН на тему «Оценка характера и направления развития хозяйственного потенциала регионов РФ» от 2016 г.

Республика Саха (Якутия) является по статусу субъекта федерации республикой, которая находится в Дальневосточном федеральном округе и относится к дальневосточному экономическому району. В исследовании принимали участие 50 экспертов разного возраста, разной принадлежности отраслям народного хозяйства и разных по отношению к системе управления.

Большая часть экспертов определила Республику Саха (Якутия) к числу регионов «доноров». Такая тенденция происходит за счет пополнения налоговыми поступлениями не местного бюджета, а федерального. Данное утверждение подкрепляется показателем финансовой задолженности региона перед государственным бюджетом, который является довольно низким.

Основная часть экспертной группы – это представители сферы науки – 22%, образование – 18%, аппарат органов власти и управления регионом – 18%, торговля и общественное питание – 16%, НКО – 12%, промышленность и строительство – 10%. Такое распределение дает нам возможность говорить о включенности экспертов в различные уровни и сферы управления социально-экономическим развитием региона (табл. 1).

Руководители высшего, среднего, низшего звена составили 84%, 44% имеют опыт управления организациями, предприятиями, 28% работают в региональных, городских органах управления, 14% имеют опыт работы в местных органах управления, 12% – в отраслевых министерствах, 8%– в органах федеральной власти, что говорит о включенности экспертов в различные уровни управления регионом (табл. 2, 3).

Таблица 1

Распределение экспертов по отраслям, %

Отрасль (или отрасли), в которой Вы работаете	Доля
Наука и научное обслуживание	22
Образование	18
Торговля, общественное питание	16
Аппарат органов государственного, муниципального и хозяйственного управления регионом (органы представительной и избирательной власти, здравоохранение, ЖКХ, социальное обеспечение, транспорт)	18
Некоммерческий сектор (НКО, общественные организации)	12
Промышленность, строительство	10
Информационно-вычислительное обслуживание, IT	2
Непроизводственные виды бытового обслуживания (Консалтинг, PR, Реклама, Юриспруденция и др.)	2
Всего	100

Таблица 2

Распределение экспертов по должностной ответственности, %

Уровень должностной ответственности	Доля
Руководитель высшего звена	32
Руководитель среднего и низшего звена	52
Специалисты-практики (производственные и непроизводственные сферы)	16
Всего	100

Таблица 3

Распределение экспертов по личному опыту участия в управлении, %

Личный опыт участия в управлении	Доля
Работа в органах управления предприятием, организацией, фирмой в целом	44
Работа на уровне среднего звена управления (цех, отдел)	30
Работа в региональных, городских органах управления	28
Работа в качестве руководителя группы исполнителей (бригада, звено)	24
Работа в органах местного самоуправления	14
Работа в отраслевых министерствах	12
Работа в федеральный органах	8
Не имеет опыта руководящей работы	10

В рассматриваемом регионе РФ развиты алмазодобывающая и горнодобывающая отрасли и основу народного хозяйства составляет сырьевой потенциал (табл. 4).

Таблица 4

Оценка развитых отраслей РС(Я) экспертами, %

Развитые отрасли	%
Алмазодобывающая	17,6
Горнодобывающая	37,3
Топливно-энергетический комплекс (атомная, тепловая энергетика)	5,9
Добывающая	3,9
Нефтепереработка, нефтехимия	2,0
Сельское хозяйство и переработка	9,8
Промышленность	2,0
Торговля	2,0
Инновационные технологии	2,0
Нет ответа	17,5
Всего	100,0

Тем не менее существуют стагнирующие отрасли такие, как сельское хозяйство (табл. 5).

Таблица 5

Оценка стагнирующих отраслей экспертами

Стагнирующие отрасли	%
Угледобывающая	3
Транспорт	3
Сельское хозяйство и переработка	74
Промышленная отрасль	3
Лесное хозяйство	3
Золотодобыча	3
Животноводство	3
ЖКХ	3

В Республике Саха эксперты отмечают основные проблемы, как некачественная и труднодоступная транспортная и инженерная инфраструктуры, отсутствие необходимых для развития финансов, недостаточный уровень организационного развития отраслей (отсутствие системы эффективных информационных коммуникаций между участниками) и недостаток квалифицированных кадров (табл. 6). Потенциальными «точками роста» являются сельское хозяйство, нефтегазовая промышленность и нефтехимия, а также алмазодобыча и переработка.

Развитие любого региона в макроэкономических масштабах зависит в основном от отношения региональных властей к проблемам развития народного хозяйства. В республике власти заинтересованы в создании благоприятной бизнес среды. Несмотря на то что в республике преобладает кланово-коллегиальный с элементами авторитаризма режим, большинство экспертов отметило антибюрократический настрой. Региональная власть в своих решениях опирается на поддержку со стороны первых лиц и практически не делает ставку на малый и средний бизнес.

Таблица 6

Оценка социально-экономических проблем РС(Я) экспертами

Проблемы	Количество ответов
Недостаток квалифицированных кадров	***22***
Низкая восприимчивость предприятий к инновациям, крайне медленные темпы обновления модельного ряда выпускаемой продукции, недостаточный уровень ее потребительских качеств	18
Недостаточный уровень организационного развития отрасли (включая отсутствие практики стратегического планирования развития отрасли, отсутствие системы эффективных информационных коммуникаций между участниками кластера)	23
Отсутствие необходимых для развития финансовых ресурсов	29
Ограниченный доступ к отечественным рынкам	6
Ограниченный доступ к зарубежным рынкам	10
Недостаточное качество и доступность транспортной и инженерной инфраструктуры	***31***
Отсутствие должного внимания к этим вопросам со стороны руководства региона	11
Противоречие интересов региона и отраслевых министерств	7
Клановая борьба между бизнес-структурами	3
Общее кризисное состояние экономики в стране в связи с санкциями и политикой Правительства РФ	18
Общее кризисное состояние экономики в стране в связи с санкциями и политикой Правительства РФ	0

Таким образом, в ходе исследования было выявлено, что Республика Саха (Якутия) обладает высоким потенциалом в развитии народного хозяйства, что обуславливается богатством ресурсов и большой территорией. Данный регион обладает благоприятной средой для создания бизнеса, и местные власти активно этому способствуют. Основой хозяйства региона составляет горнодобывающая и алмазодобывающая отрасли. Потенциальными «точками роста» эксперты признали нефтегазовую и нефтехимическую отрасли, горнодобывающую и алмазодобывающую, а также сельское хозяйство. На данный момент регион развивается на базе сырьевого потенциала, тем не менее в ней наблюдается и производственно-технологический потенциал. Эксперты оценивают динамику развития и потенциал региона на среднем уровне. Тем не менее не стоит забывать о выявленных проблемах региона, которые замедляют развитие социально-экономической среды, особенно следует обратить внимание на самые яркие из них, такие как: недостаточная или вовсе отсутствующая инфраструктура в Республике, без которой невозможно осуществить даже самую перспективную стратегию для социально-экономического развития. Результаты апробированной методики могут быть использованы для анализа и корректировки документов Стратегии социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) на период до 2030 года, что является следующим шагом исследования.

Л.А. Дартау

ТЕОРЕТИКО-ПРАВЛЕНЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ УЧАСТИЯ НАСЕЛЕНИЯ В УПРАВЛЕНИИ ЗДОРОВЬЕМ И КАЧЕСТВОМ ЖИЗНИ НА МЕСТАХ: ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация. *С позиций классической теории управления дано обоснование участия граждан в государственной деятельности, связанной с качеством жизни и здоровьем населения, через признание гражданина субъектом управления наравне с администрацией местной власти.*

Ключевые слова: *теория управления, качество жизни и здоровья, участие населения.*

L.A. Dartau

CONTROL THEORY JUSTIFICATION OF POPULATION PARTICIPATION IN HEALTH AND QUALITY OF LIFE LOCAL MANAGEMENT: PROBLEMS AND REALIZATION POSSIBILITIES

Abstract. *The justification is given from the classical control theory viewpoint of the citizens'participation in State activity in the field of population quality of life and health by admitting a citizen to be a control subject equally with local administration.*

Keywords*: Control theory, quality of life and health, population participation.*

Эта работа началась в 80-е годы в связи с приглашением автора к разработке автоматизированной компьютерной диалоговой системы, получившей позднее название «ЭДИФАР» (**Э**кспертный **Д**иалог для **И**сследования **ФА**кторов **Р**иска). Система предназначалась для сбора данных медико-социального характера от населения в рамках международной программы «СИНДИ». Программа СИНДИ (CINDI – **C**ountry wide **I**ntegrated **N**on communicable **D**isease **I**ntervention **P**rogram) – программа широкого внедрения профилактики неинфекционных заболеваний (НИЗ). Авторами вопросников и решающих правил к ним по формированию групп риска на основные (НИЗ) были специалисты-медики из профильных медицинских научных учреждений. В результате был создан электронный вариант узкоспециализированной анкеты, которая самостоятельно заполнялась пациентами районной поликлиники. Клавиатура компьютера была программно полностью заблокирована кроме 4-х рабочих клавиш для выбора ответа на вопрос и перехода к следующему вопросу. Вопросы появлялись на экране по одному вместе с вариантами ответов. Главной принципиальной особенностью реализованного способа сбора данных (в отличие от бумажного анкетирования) стала выдача респонденту «Карты результатов собеседования» (КРС) непосредственно после диалога с компьютером. Вторая особенность – собеседование анонимное. Как следствие, конфиденциальность собранной информации обеспечивается также автоматически. После ознакомления с распечатанной КРС пациент идет к терапевту, у которого подписывает ее для включения в амбулаторную карту. По окончании приема врач определяет дальнейший маршрут пациента в поликлинике, в том числе и на основании результатов диалога.

Первое важное впечатление от процедуры диалога и общения с пациентами, которое постоянно подтверждалось впоследствии, было названо «психологическая адекватность». А кабинет доврачебного приема постепенно приобретал характер службы психологической поддержки для тех пациентов, жизненная ситуация которых в данный момент была крайне неблагополучной, что вызывало у них потребность в общении с оператором (сотрудником поликлиники) на темы, выходящие за пределы анкеты. Во всех подобных случаях оператор делал записи в специальном журнале, по результатам которого разработчики осуществляли

оперативную коррекцию вопросников. В итоге все наши вопросники, в значительной мере, могут считаться созданными в «соавторстве» с населением.

Как следствие, у разработчиков появился интерес к более глубокому изучению влияния психической (ментальной) составляющей здоровья на индивидуальное здоровье в целом, на качество жизни и поведение индивида в обществе [4]. Вопросник был расширен за счет тематики социального характера с отдельными блоками вопросов для молодежи, работающего населения и пожилых. В отличие от бумажного варианта анкеты, объем вопросов, выводившихся на экран для конкретного респондента, увеличивался незначительно, поскольку зависел от его/ее пола, возраста и, во многих ситуациях, от конкретных ответов на предыдущие вопросы.

Приведем необходимое для дальнейшего изложения в контексте данной статьи определение ВОЗ **качества жизни**, из которого следует исключительно субъективный характер этой важнейшей оценочной категории: «Качество жизни – степень восприятия отдельными людьми или группами людей того, что их потребности удовлетворяются, а необходимые для достижения благополучия и самореализации возможности предоставляются» [3]. В качестве примера приведем вопрос об удовлетворенности пациентов работой поликлиники:

Как бы вы оценили работу поликлиники N 111?

1. Плохо
2. Скорее плохо
3. Удовлетворительно
4. Скорее хорошо
5. Хорошо
6. Затрудняюсь ответить

Тогда, в 1998–99 годы, анализ результатов ответов на этот вопрос имел принципиальное значение для целей управления. В подгруппе пожилых (60 лет и старше) ответ **«хорошо»** выбрали, соответственно, 42% (из 106) мужчин и 39% (из 362) женщин. Ответ **«скорее хорошо»** –15% мужчин и 12% женщин. Ответ **«удовлетворительно»** – 34% и 40% соответственно. Суммарное количество ответивших **«плохо»** и **«скорее плохо»** составило всего 4% у мужчин и 5% у женщин.

В ответах на данный вопрос мнения экспертов от здравоохранения и политиков, ориентирующихся на западные стандарты, существеннейшим образом отличалось от мнения населения. Не будучи специалистами в медицине, не зная возможностей учреждений первичной помощи в «богатых» странах, люди вкладывали в положительные оценки работы поликлиники в первую очередь сам факт существования и доступности этих учреждений по месту жительства. И в этом смысле поликлиники обладали статусом учреждений, создающих у населения чувство защищенности (а в масштабах государства – обеспечивающих социальную безопасность населения на местах). Созданная в России инфраструктура первичной помощи, в основном, оправдывала себя с точки зрения принципа равенства и доступности этого рода услуг со стороны государства, и поэтому к попыткам ее реорганизации следовало относиться чрезвычайно осторожно. Тогда ответы на этот и подобные вопросы ставили разработчиков «в тупик» – население гораздо выше оценивало социальную реальность по сравнению со специалистами и «экспертами» из депутатской среды и становилось понятно, что к реформам поликлиник надо подходить очень осторожно. Сегодня мы видим результат последовавшей «реформации, модернизации, оптимизации и т.п.» первичного звена отечественной системы здравоохранения, который привел к лавинообразному росту недовольства среди граждан.

Перечислим еще некоторые из вопросов подобного рода (без вариантов ответов):

- Какие у вас жилищные условия?
- Есть (были) ли в вашей семье неблагополучные в социальном отношении дети?
- Есть ли в вашей семье инвалиды или беспомощные престарелые люди, проживающие вместе с вами?

– Есть ли у вас обида на семью, в которой вы выросли?
– Считаете ли вы кого-нибудь из своих родителей неблагополучным?
– Как бы ты сам/сама ответил(а) на вопрос: «Все ли у тебя в порядке?»
– Есть ли у вас обида на государство?
– Есть ли у вас надежда на помощь и уход со стороны близких, когда это потребуется?
– Можете ли вы оценить ваш уровень жизни на сегодняшний день?
– Изменилось ли ваше благополучие за последние годы?
– Принимаете ли вы участие в голосовании во время выборов? И другие.

Более подробно эти результаты изложены в другом сообщении на этой же конференции, посвященному «Диалоговой системе «ЭДИФАР» как эффективному средству для обеспечения сбора данных от населения в формате массового опроса. Результаты оказались столь «впечатляющими», что в рамки академической темы Лаборатории №38 ИПУ РАН «Исследование неоднородных популяций и управление по неполным данным» было включено новое направление «Фундаментальные и прикладные аспекты изучения, измерения и управления здоровьем». Становилось очевидным, что возможности мониторинга общественного благополучия через доврачебные кабинеты поликлиник можно использовать в целях оценки общественного мнения и принятия решений на уровне местных администраций, как **неожиданно это ни прозвучит при первом прочтении**.

Необходимо отметить, что поликлиники в инфраструктуре системы здравоохранения предназначаются для оказания помощи гражданам с временным ухудшением самочувствия (в отличие от служб скорой помощи и стационаров). Человек, как правило, обращается в поликлинику самостоятельно и, получив информацию о диагнозе, назначенном лечении и, возможно, больничный лист, сам же покидает поликлинику. Воспользоваться посещением гражданином поликлиники не только в целях предварительного сбора данных о факторах риска НИЗ (не чаще одного раза в год), но и для сбора дополнительных сведений в режиме мониторинга о социально-экономическом положении на местах, позволяет предлагаемая технология «ЭДИФАР».

Второй важной особенностью собираемых через инфраструктуру поликлиник данных стал «**репрезентативный характер**» возрастного состава пациентов, по крайней мере, относительно той части населения, которая обращается за медицинской помощью в данную поликлинику. Начиная примерно с 1000 опрошенных возрастной состав принимал характерные черты профиля населения согласно переписи. Этот, обнаруженный эмпирически, факт требовал подтверждения, которое и было получено через 2 года в другой поликлинике [1, с. 47].

К этому моменту программный комплекс (ПК) «ЭДИФАР» уже не требовал доработки: сбоев не было, замечаний по эксплуатации от операторов не было, а респонденты либо просто благодарили за внимание, либо по-прежнему на некоторых вопросах начинался очень «болезненный» диалог с оператором, подтверждавший наличие сложных социально-психологических проблем у части населения, необходимость решения которых требовала межведомственного подхода.

Затем наступил период перехода из области «инженерии знаний» к попыткам разобраться в проблеме **здоровья** в целом, который и привел в итоге к обоснованию **нового** вида **«государственной деятельности по управлению здоровьем»**, совместного с гражданином.

Получившие признание в научной среде работы П.К. Анохина, Л. Берталанфи, И. Пригожина, Н. Винера, И.В. Прангишвили, Д.Д. Венедиктова, В.М. Дильмана, В.Н. Новосельцева и других по исследованию систем (в том числе живых), их структуры и функционирования как отдельных элементов (клеток, тканей и органов), так и системы (организма) в целом легли в основу осмысления феномена **здоровье**. В свою очередь, деятельность, направленная на поддержание здоровья (его сохранение и развитие), рассмотренная с общесистемных позиций, исследуется на основе кибернетического подхода,

точнее, принципов теории управления, базирующихся на общих закономерностях процессов управления и передачи информации в машинах, живых организмах и обществе. Такой подход может быть назван **теоретико-управленческим подходом** или, сокращенно, ТУ-подходом к изучению здоровья. В связи с ограниченным объемом статьи, перечислим лишь основные результаты работы, имеющие непосредственное отношение к настоящей конференции.

С позиций ТУ-подхода было сформулировано определение здоровья [2, с.57]: «Здоровье – это феномен, возникающий в результате управления согласованной деятельностью клеток, тканей и органов живой системы с целью достижения постоянства (относительного равновесия) параметров, характеризующих как внутреннюю среду организма, так и относительную стабильность (гармонию) отношений в социуме». Коротко: «**Здоровье есть результат управления**». Без управления этот феномен исчезает. Как следствие, прекращается и жизнь.

На основе ТУ-подхода предложена структурная схема контура управления индивидом по критерию «здоровье» (Рис.1).

Один из постулатов биологии гласит: «Вид, по определению, бессмертен, в то время как составляющие вид отдельные организмы существуют в течение ограниченного промежутка времени». В то же время «в живой природе все системно, иерархично и управляется» в соответствии с представлениями кибернетики об общих закономерностях процессов передачи информации и управления в машинах, человеке и обществе. На основе этих утверждений предложен переход от рассмотрения здоровья как биомедицинской категории к социально-экономической категории, в которой здоровье трактуется как мера (и интегральной характеристики) качества жизни, а население (общество, государство) – как большой организм (БО), иерархически более высокого уровня по отношению к отдельному индивиду.

В этой ситуации государственное управление – это по сути управление жизнедеятельностью отдельных индивидов, которые по факту рождения обладают лишь рефлексами, инстинктами и способностью к адаптации (обучению), но ни один из индивидов при рождении не обладает информацией об «особенностях и правилах» существования в БО, включая и знания об ограниченности сроков собственного существования и возможности самостоятельного влияния на сроки дожития – реализации собственного потенциала долголетия, отпущенного ему природой.

Дальнейшие рассуждения в предлагаемой логике привели к выводу, что «**человека нельзя сделать (назначить) ответственным за его здоровье**», рассматривая его в качестве отдельного автономного элемента в системе БО. Но разделить с ним эту ответственность на правовой основе можно [5; 6].

Полученные результаты коротко можно изложить в трех пунктах:

1. Феномен здоровья рассматривается с позиций теоретико-управленческого (ТУ) подхода, предложенного в ИПУ РАН.
2. В работе описан принципиально новый тип общественных взаимоотношений (не существовавший ранее), названный «государственным управлением здоровьем и качеством жизни», сокращенно – «управление здоровьем». Этот тип взаимоотношений возникает в результате формализации на законодательном (договорном) уровне совместной (персонифицированной) деятельности гражданина (здоровье которого подлежит управлению) и лица, обладающего по отношению к этому гражданину государственным административным ресурсом (властью и средствами). В первую очередь, речь идет о работодателях и руководства образовательных учреждений.
3. Для практических целей разработана «Организационно-правовая технология ЭДИФАР», практическое применение которой приведет к нормализации отношений в сфере здравоохранения и гармонизации взаимоотношений в обществе в целом.

Список литературы

1. Дартау Л.А. Теоретические аспекты управления здоровьем и возможности его реализации в условиях Российской Федерации // Проблемы управления. 2003. № 2. С. 43–52.

2. Дартау Л.А., Мизерницкий Ю.Л., Стефанюк А.Р. Здоровье человека и качество жизни: проблемы и особенности управления. М.: СИНТЕГ, 2009. 400 с.

3. ВОЗ Основы политики достижения здоровья для всех в Европейском регионе // Европейская серия по достижению здоровья для всех. 1999. № 6. 310 с.

4. Потанина Ю.А., Дартау Л.А., Белоконь О.В. Компьютерная технология ЭДИФАР как средство сбора данных от населения (для разработки социальной политики на местах). М.: Московский лицей, 1999. 205 с

5. Дартау Л.А. Государственное управление здоровьем и качеством жизни. Ч. 1. Объект, субъекты, обязанности и ответственность // Проблемы управления. 2015. № 2. С. 52–59.

6. Дартау Л.А. Государственное управление здоровьем и качеством жизни. Ч. 2. Организационно-правовая технология // Проблемы управления. 2015. №3. С. 40–48.

Ю.А. Дроздова

МИГРАЦИОННЫЕ РИСКИ В ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ[21]

Аннотация. *Миграционные риски рассматриваются в статье как мера неопределенности и возможных негативных/позитивных последствий, вызовов и возможностей для региона/страны, возникающих вследствие управления миграционным процессом и оказывающих неоднозначное влияние на его участников.*

Ключевые слова: *миграционные риски, социальные вызовы, возможности, полиэтничный регион.*

J.A. Drozdova

MIGRATION RISKS IN THE VOLGOGRAD REGION: CHALLENGES AND OPPORTUNITIES

Abstract*. The paper considers migration risks are as a measure of uncertainty and of possible negative or positive consequences, challenges and opportunities for the region /country arising from the management of migration process and an ambiguous overall impact on all stakeholders.*

Keywords*: migration risks, social challenges, opportunities, multi-ethnic region.*

Развитие общества неизбежно ведет к накоплению рисков, и эта тенденция существует объективно, является результатом хозяйственной и иной деятельности человека. Среди множества социальных рисков особняком стоят на сегодняшний день риски миграционные, являющиеся одними из самых актуальных, малоизученных, но неизбежных в современных условиях [4]. Можно с полной уверенностью говорить, что ни одна страна мира не имеет четкой стратегии по осуществлению миграционной политики. Такое утверждение вытекает не только из потока информации в СМИ с негативной коннотацией растущей миграции, но и целого ряда научных исследований, где предпринимаются попытки выявить причины, раскрыть закономерности и выработать практические рекомендации по управлению данным процессом.

[21] Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 16-13-34011 «Миграционные риски в полиэтничном регионе: социолого-управленческий анализ».

В области исследования миграции сегодня работают такие видные ученые, как Л.М. Дробижева, В.И. Мукомель, А. Ахиезер, Е.Ю. Садовская, Т.Н. Юдина, О.Д. Воробьева, Е.С. Красинец, Е.В. Тюрюканова, Ж.А. Зайончковская, Л.Л. Рыбаковский и другие, многие из которых выступили информантами-экспертами в рамках реализации гранта РФФИ № 16-13-34011 «Миграционные риски в полиэтничном регионе: социолого-управленческий анализ».

Известный российский исследователь В.И. Мукомель, возражает против употребления термина ***миграционные риски*** именно вследствие априори негативной коннотации данной дефиниции по отношению к прибывающему населению[22].

Однако, по нашему мнению, под ***миграционными рисками*** следует понимать меру неопределенности и возможных негативных/позитивных последствий, которые в контексте данной статьи мы будем рассматривать как вызовы/возможности, проистекающие вследствие миграционных процессов, которые мы не успеваем осознать в связи с увеличением объемов миграции, и зависящие от управления этими процессами. Причем эти последствия представляются важными и значимыми для всех участников миграционного процесса: страны/региона – реципиента, принимающего мигрантов; страны/региона – донора, являющегося пунктом исхода мигрантов; принимающего населения; выбывающего населения (эмигрантов) и прибывающего населения (иммигрантов). Таким образом, стратегия управления миграционными рисками направлена и должна решать весь комплекс задач, связанных с миграцией: от глобальных до индивидуальных.

Безусловно, в масштабах государственной политики должна быть выработана стратегия управления миграционными процессами на основе изучения миграционных рисков. Региональные стратегии должны быть согласованными с ней, учитывая при этом особенности конкретных регионов.

На сегодняшний день в полиэтничных прибывающих регионах, к каким мы относим и Волгоградскую область, миграционные риски не учитываются. Более того, не ведется важная статистика по миграции в регион из других регионов нашей страны, не прослеживается дальнейшая судьба мигрантов, их адаптация и т.д. Для Волгоградской области исследования миграционных рисков представляются особенно важными, поскольку регион занимает приграничное положение и, с одной стороны, выступает транзитом для миграционных потоков из Средней Азии, Казахстана, Армении, с другой стороны, обладая низкой и средней привлекательностью по экономическому, климатическому, социокультурному развитию, регион является убывающим, так как по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Волгоградской области только за 2015 год регион покинули 53 737 граждан [2, с. 1], а рабочие места, невостребованные местными жителями, оказываются занятыми прибывающим населением, не обладающим высокой квалификацией, образованием и рассматривающим Волгоградскую область как вариант для сезонной трудовой миграции, связанной с сельскохозяйственной региональной спецификой. Таким образом, миграционные риски всегда можно рассматривать как имеющие две составляющие. На примере убывающего/прибывающего населения в регион, как пример вызова в изменении качественного состава населения, в образование «иммигрантских секторов» в экономике региона; в создании условий анклавного проживания иноязычных групп; в необходимости привлечения дополнительных средств по адаптации, интеграции мигрантов; в разрыве социального пространства из-за ограниченности социальных взаимодействий и формировании образов «свои» – «чужие», создающих основу для отчуждения и латентных /открытых конфликтов. Но эти же риски, при грамотном управлении ситуацией в регионе, открывают возможности, позволяющие компенсировать убыль естественного населения в Волгоградской области, которое происходит с 1998 года [5, с. 33]. Важной особенностью региона является его объективная потребность в иммигрантах. Сегодня Волгоградская

[22] Экспертное полуструктурированное интервью в рамках реализации полевого этапа гранта РГНФ № 16-13-34011 «Миграционные риски в полиэтничном регионе: социолого-управленческий анализ» (июль 2016 года, ИС РАН).

область нуждается в иммигрантах вдвойне: и как в рабочей силе, и как в «ресурсе» пополнения населения.

Определяя ситуацию, связанную с миграционными процессами в Волгоградской области как рискогенную, мы опираемся на данные, позволяющие выявить отношение со стороны принимающего населения области к увеличивающемуся числу этнических иммигрантов. Согласно проведенному нами исследованию[23] 38,5% населения относится к этническим иммигрантам «уважительно, пока не задевается достоинство собственной национальности», и только 14,2% считают, что «миграция создает множество проблем для коренного населения». Надо учитывать, что ситуация по сравнению с предыдущими годами изменилась фактически на диаметрально противоположную. Так, по данным 2008 года, при проведении пилотажного исследования в УФМС по Волгоградской области мы получили следующие данные: 61,5% принимающего населения относились к иммигрантам «уважительно, пока не задевается достоинство собственной национальности» и 38,5% считали, что «миграция создает множество проблем для коренного населения»[24] (см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос: **«Как вы относитесь к представителям других национальностей, прибывающим в регион?», 2008, 2016 гг.,** %

Варианты ответов	**Принимающее население**		**Иммигранты**	
	2008	**2016**	**2008**	**2016**
Прекрасно, и рад(а), что наша область так открыта для всех	0,0	6,0	86,9	52,7
Уважительно, пока не задевается достоинство моей национальности	61,5	38,5	9,5	26,7
Считаю, что это миграция создает множество проблем для коренного населения	38,5	14,2	0,0	0,7
Нейтрально	0,0	38,1	0,0	20
Не терплю представителей национальностей, отличных от моей	0,0	1,6	3,6	0
Всего	100	100	100	100

Изменение данных, с одной стороны, свидетельствует о шатком равновесии в межнациональной сфере, с другой стороны, выросло количество иммигрантов, которые при ответе на данный вопрос выбрали позиции, в сравнении с данными 2008 года, позволяющие говорить о выросших рисках со стороны прибывающего населения.

Ответы на вопрос: «Считаете ли Вы, что увеличение объемов миграции в Волгоградскую область может привести к радикальным изменениям в развитии региона?» также позволяют оценить ситуацию в регионе, связанную с миграционными процессами (см. рис. 1).

[23]Опрос принимающего населения проводился в рамках реализации полевого этапа гранта РГНФ № 16-13-34011 «Миграционные риски в полиэтничном регионе: социолого-управленческий анализ» (N=500, Волгоградская область, июль-август 2016).

[24]Опрос проводился автором в январе-марте 2008 года в Управлении федеральной миграционной службы по Волгоградской области (N=100).

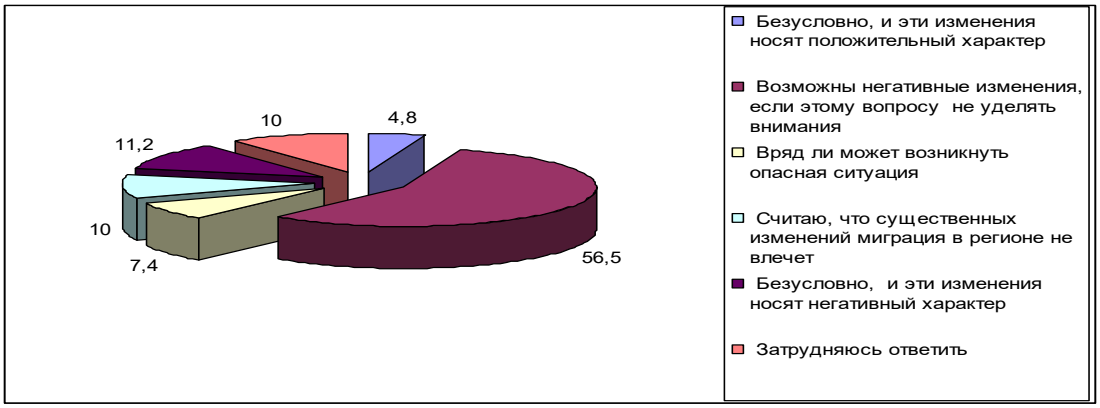

Рисунок 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: **«Считаете ли Вы, что увеличение объемов миграции в Волгоградскую область может привести к радикальным изменениям в развитии региона?»,** %

Как видим, 56,5% опрошенного населения говорят о возможных негативных изменениях, позволяющих рассмотреть миграционные риски, исходя из традиционного сложившегося определения рисков как вызовов, меры опасности и негативных последствий, если этому вопросу не уделять внимание, что также актуализирует тему грантовского исследования и позволяет определить ситуацию в Волгоградской области как рискогенную.

Необходимо также отметить, что социальные риски региона часто носят комплексный характер, и миграционная их составляющая должна рассматриваться с учетом состояния других факторов в различных сферах общественной жизни.

Эмпирическое исследование, проведенное в рамках реализации гранта РФФИ № 16-13-34011 «Миграционные риски в полиэтничном регионе: социолого-управленческий анализ», позволило выявить ряд рискогенных факторов, которые содержат как вызовы, так и возможности, определяют степень рискогенности в Волгоградской области и актуализируют в связи с их дихотомичностью разработку стратегии управления миграционными рисками:

- **отсутствие у иммигрантов равных с коренным населением возможностей для реализации прав.** Иммигранты, принявшие участие в исследовании, отмечали определенную структурную дискриминацию и ограниченность возможностей для занятия более высоких, статусных позиций в общественной структуре: «*…есть проблема, которой не уделяется вообще никакого внимания. Проблема недоиспользования человеческого капитала мигрантов. Половина мигрантов с высшим образованием работают на малооплачиваемой работе, вообще не связанной со специальностью»* (информант № 2, ИС РАН, Москва), что, с одной стороны, позволяет рассматривать миграцию как возможности для страны-донора, так как миграция является не безвозвратной, а временной, связанной с ситуацией зарабатывания средств на жизнь неквалифицированным трудом, о чем говорили в глубинных интервью информанты-иммигранты, но, с другой стороны, увеличивает вызовы, связанные с дискриминацией в сфере трудовых отношений, что не способствует здоровой конкуренции, не увеличивает человеческий капитал, в связи с чем он утрачивается, что является экономически нецелесообразным;
- **отсутствие возможностей развивать свою этнокультуру на желаемом уровне.** Так, по мнению 44,2% опрошенных мигрантов, при адаптации прибывающего населения *«должна сохраняться самобытность своей культуры и религии»*, следовательно, говорить об адаптации, ассимиляции и интеграции как о неких идеальных моделях не приходится, каждая модель обладает своими преимуществами и недостатками, а прибывающее население по-прежнему более предпочтительной считает модель мультикультурализма, открывающей возможности для межкультурного диалога в полиэтничных регионах, но и содержащую определенные вызовы. Большое число иммигрантов, исповедующих отличные от христианства религии, проживающих на территории области, может провести к тому, что данный риск будет расти, и, учитывая сложившуюся ситуацию с радикализацией исламских

течений, профессиональной зарубежной подготовкой религиозных служителей, это будет увеличивать вызовы или угрозы для региона-реципиента. Сложность прогнозирования и управления данными рисками, безусловно, актуализирует их исследование и повышенное внимание, постоянную культурно-просветительскую работу на территории принимающих регионов [6];

- **неудовлетворенность условиями труда и квалификацией труда**, что, с одной стороны, может привести к улучшению условий труда и развитию прибывающего населения, стремящегося занять более высокие социальные ниши, но, с другой стороны, может тормозить позитивные изменения на рынке труда, уровень заработных плат в регионе, способствовать оттоку квалифицированной рабочей силы в другие регионы /страны;
- **нерешенность жилищного вопроса (как правило, заработная плата у иммигрантов невелика и не позволяет приобрести жилье).** Стремление в решении жилищного вопроса препятствует образованию анклавов даже в условиях малоэтажной индивидуальной застройки в районных поселениях Волгоградской области, формирует активный спрос на аренду жилья в регионе, но, с другой стороны, вызывает недовольство принимающего населения многочисленностью соседей, проживающих в домах, квартирах, не соответствующих по нормам численности в них проживающих, антисанитарными условиями, ухудшением криминогенной ситуации в определенных районах [3].
- **другие причины, определяющие риски как вызовы и возможности, среди которых, безусловно, необходимо учитывать национальную безопасность.** Экстремизм и терроризм, не имея очевидной каузальности с миграцией, могут определенными политическими силами, заинтересованными в дестабилизации, международных конфликтах, включаться и быть составляющими миграции, что, безусловно, представляет вызов и даже угрозу региональной и государственной безопасности и крайнюю опасную форму определения миграционного риска. Перспективы борьбы с экстремизмом и терроризмом как наиболее значимым социальным злом, сопряженным с миграционными процессами в современных обществах, видятся в объединении международных сил, последовательном нивелировании социального неравенства посредством минимизации разрыва между богатыми и бедными, проведении сбалансированной политики при решении национальных вопросов в полиэтничных регионах и странах [7].

Учитывая сложившуюся ситуацию и опираясь на опыт европейских стран, где риски стали социальной реальностью, требующей новые стратегии в управлении миграционными процессами, можно сделать вывод, что миграционными рисками ни в коем случае нельзя пренебрегать. Напротив, следует постоянно контролировать уровень этих рисков, использовать открывающиеся возможности вследствие необратимости миграционных процессов, чтобы они не создавали вызовы и угрозы.

Стратегия управления миграционными рисками, государственная миграционная политика в масштабах всей страны должна быть выработана на основе изучения миграционных рисков в конкретных регионах, выявления региональных особенностей. Исследования миграционных рисков и их последствий облегчают идентификацию миграционных процессов на региональном и государственном уровнях, их составляющих для расчета, прогнозирования ситуации в полиэтничных регионах и способны в современной ситуации оказать влияние на управление данными процессами и, следовательно, на развитие региона.

Список литературы

1. Воробьева О.Д., Топилин А.В., Гребенюк А.А., Лебедева Т.В. Трудовая миграция: организация выборочных наблюдений (методологические подходы). М.: Экон-Информ, 2015. 83 с.

2. Гладков Е.С. Информация о миграционной ситуации на территории Волгоградской области за 2015 год. Волгоград: Материалы Комитета по делам национальностей и казачества Волгоградской области, 2015. 7 с.

3. Зайончковская Ж.А., Ноздрина Н.Н. Миграционный опыт населения региональных центров России (на примере социологического опроса в 10 городах) // Проблемы прогнозирования. 2008. № 4. С. 98–112.

4. Коллиер П. Исход: как миграция изменяет наш мир / пер. с англ. Н. Эдельман. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 384 с.

5. Миграция населения Волгоградской области / под ред. О.Р. Никитина. Волгоград: Радуга, 2006. 33 с.

6. Ягуткина Е.С., Ягуткин С.М. Проблемы исламизации современного общества. [Электронный ресурс] // Школа междунаодной интеграции и приграичного сотрудничества. 8–12 апреля 2013. URL: http://euroregion2013.blogspot.ru/2013/04/blog-post_3699.html (Дата обращения: 07.08.2017).

7. Bradbury. J. The Policy Implications of Different Concepts of Risk // Science, Technology & Human Values. 1984. Vol. 14. № 4.

Ю.В. Ермолаева

ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ ИНСТРУМЕНТОВ ПРИМЕНЕНИЯ ЗЕЛЕНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В МАКРОРЕГИОНАХ РОССИИ (МОСКВА И САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)[25]

Аннотация. *В данной статье обсуждаются инструменты управления по внедрению зеленой энергетики в мегаполисах (макрорегионах). Основное внимание уделяется ВИЭ для Москвы и Санкт-Петербурга. В результате проведенного анализа на основе программы развития энергетики РФ в макрорегионах перечислены основные виды ВИЭ и их ограничения, а также дальнейшие перспективы развития с учетом стейкхолдеров, которые участвуют в процессе.*

Ключевые слова: *альтернативная энергетика, ВИЭ, умные города, устойчивое развитие, горизонтальное управление.*

Yu.V. Ermolaeva

OPPORTUNITIES AND LIMITATIONS OF INSTRUMENTS FOR THE APPLICATION OF GREEN ENERGY IN MACRO-REGIONS OF RUSSIA (MOSCOW AND ST. PETERSBURG)

Abstract. *This article discusses management tools for the implementation of green energy in megacities (macro-regions). The main attention is paid to Moscow and St. Petersburg, the main types of RES, their limitations and further development prospects are listed, taking into account the energy development program of the Russian Federation and the stakeholders that participate in the process.*

Keywords: *alternative energy, RES, smart cities, sustainable development, horizontal management.*

Сегодня около 50% населения Земли, то есть приблизительно 3,5 млрд человек, проживает в городах. Эта цифра будет увеличиваться до 60% к 2030 году. Однако 70% энергии производится именно в городах, и более 80% выбросов сосредотачивается в них. Тепловое загрязнение и высокий уровень выбросов от ТЭЦ, использование углеводородного

[25]Статья написана при поддержке Российского научного фонда, проект «Российские мегаполисы в условиях новых социально-экологических вызовов: построение комплексной междисциплинарной модели и стратегий формирования «зеленых» городов России», грант № 17-78-20106, младшим научным сотрудником виртуальной научно-исследовательской лаборатории «РНФ-17-45-ВП» ИСФНиМК КФУ

топлива в промышленной, транспортной, энергетической структуре возрастают [1]. Цель, к которой стремится повышение энергетической эффективности, – это повышение качества уровня жизни населения и показателей производства.

Обоснование необходимости особого подхода применения ВИЭ в мегаполисах и макрорегионах с точки зрения компенсации экологического ущерба в энергетическом секторе обсуждается как мировая проблема, которая решается на уровне каждого мегаполиса с помощью внедрения конкретных государственных стратегических энергетических программ. Одним из важных регулировочных экономических и политических инструментов на глобальной арене выступает Парижское соглашение по снижению выбросов 2015 г., в котором развитие ВИЭ и замещение углеводородного топлива является одной из приоритетных программ развития экономики стран [12], а также конференции по устойчивости городов Хабитат 3 и соглашении Кито на основе данной встречи, где обсуждаются показатели качества жизни населения и общая устойчивость (износостойкость) городов, энергообспеченность важна в качестве ресурса городской инфраструктуры.

Согласно международному энергетическому агентству [IEA 2015]проводившему экспертный международный опрос совместно с «GlobeScan» и «MRC McLean Hazel» при поддержке «Сименс», где было охвачено 500 экспертов по всему миру, мегаполисы применимо к энергетической политике и социально-экономическому состоянию разделились на следующие категории [IEA 2015]:

– развивающиеся мегаполисы (высокий темп развития, изменения инфраструктуры, присоединение новых территорий, развитие энергетических сетей);

– мегаполисы, находящиеся на переходном этапе (более медленный темп развития социального и экономического развития, качественное изменение инфраструктуры и управления, создание устойчивых энергобалансов);

– зрелые мегаполисы (низкие темпы роста, общее стремление к устойчивой социальной, экономической и энергетической структуры).

В 2012 году были созданы и получили развитие проекты ООН по возобновляемым технологиям и ВИЭ в 138 странах. И две трети от этого числа – развивающиеся страны и развивающиеся мегаполисы, в которых, наряду с процессами роста, будут увеличиваться потребности в обеспечении энергии. В развитии вышеуказанных программ изначально заложены мощности на основе ВИЭ, которые должны снизить экологические нагрузки. Москва относится к первой категории, а Санкт-Петербург можно отнести ко второй.

К 2017 году фиксируется новый тренд: умные оцифрованные технологии в городах и сетях коммуникаций, в которые входят: «умное управление, умная энергетика, умный дом, умная мобильность, умная инфраструктура, умная технология, умное здравоохранение и умный гражданин» [IEA 2015]. Энергетическая архитектура меняется с централизованной и вертикальной схемы управления к горизонтальной (распределенной, где основу составляют самообеспечивающие себя единицы генерации). Подобные проекты реализуются в некоторых крупных городах мира, например, в Вене, Барселоне, Нью-Йорке, Токио, Шанхае и Амстердаме, где повышается доля ВИЭ в энергобалансе за счет государственного и частного сектора производства. Также меняются и традиционные экономические инструменты. Во-первых, приоритеты смещаются не только к экономической и социальной эффективности энергетики, но учитывают экологическую прибыль с производства энергии, оценивается общая ресурсоэффективность процесса. Для этого вводятся зеленые сертификаты, регулировочные механизмы по гарантии определенного количества выбросов за определенный срок в рамках процесса производства энергии, зеленая энергетика получает льготы и иной ценовой тариф в отличие от энергии, полученной от традиционных углеводородов. Во-вторых, энергетический рынок с системы государственной централизованной купли-продажи переходит к системе автоматизированного умного управления и экономики, например, по системе блокчейн-технологий. (на Климатическом форуме–2017 в Москве были уже анонсированы продажи MITO Токена (Mitigation Token),

криптовалюты, основанной на российском протоколе для глобального рынка экологических финансов DAO IPCI).

Сегодня применение ВИЭ в России в условиях макрорегионов затруднено по ряду причин. ВИЭ задействуют крупную территорию, они должны соприкасаться с источником получения энергии (гидро-, ветро-, солнечные станции), поэтому возможно только точечное применение ВИЭ в контексте крупных городских агломераций. Один из авторитетных исследователей в области изучения потенциала ВИЭ в России О.С. Попель выделяет следующие общие возможности и ограничения применения ВИЭ с учетом инфраструктуры мегаполисов и высокой плотностью населения [7]:

– создание независимых источников питания систем связи аварийного и бесперебойного питания стратегически важных объектов (пожарной безопасности, МЧС, больниц, детских садов, и т.д.),
– дублирующее питание и системные накопители,
– независимые источники охранной сигнализации городских объектов,
– резервное или независимое питание систем мониторинга (метеостанции, системы качества оценки состояния окружающей среды),
– независимое или резервное питание городских светофоров, знаков,
– питание объектов во время постройки,
– автономное энергоснабжение дачных территорий.

Применительно к общей политике развития ВИЭ в макрорегионах можно выделить прямые и косвенные меры.

Прямые:

– введение ВИЭ (без замены мощностей на основе углеводородных источников в энергобалансе);
– введение ВИЭ и снижение углеводородных источников снабжения энергией (замена углеводородных мощностей в энергобалансе).

Косвенные и вспомогательные управленческие меры, стимулирующие использование ВИЭ в городах:

а) транспортный сектор:

– менее частое использование транспорта;
– поощрение использования общественного транспорта;
– ввод общественного транспорта на основе ВИЭ;
– введение поощрительных мер на социальных и экономических основах за использование общественного транспорта на основе ВИЭ; снижение частоты использования обычного транспорта в пользу велосипедов и электромобилей.

С 1 июля 2016 года в России и других странах Таможенного союза запрещен выпуск в гражданский оборот автомобильного бензина экологическим классом ниже пятого (К 5 или Евро-5). На дизельное топливо К 5 страна перешла с начала этого года (оно соответствует характеристикам Евро-5) [5]. Для электромобилей повысилось количество зарядных станций, их стало 200, что еще недостаточно в масштабах мегаполиса.

б) коммунальный сектор и сектор городского хозяйства:

– обязательства по внедрению ВИЭ в коммунальный сектор (выработка определенной мощности в заданный срок);
– введение интеллектуальных систем в инфраструктуру города (блокчейн, смартгрид);
– стимулирование участия граждан в принятии решений для повышения эффективности управления

в) частный сектор – характеризуется принятием общих экономических мер: субсидии, льготы, гарантии.

Применительно для макрорегионов характерны и распространены *косвенные* меры.

Развитие ВИЭ в макрорегионах, и особенно в городах-центрах, приоритетно по применению в транспортном направлении, которое мы рассмотрим ниже, а также в коммунальном хозяйстве города.

На данный момент существуют три задачи:

1) Реализовать технический потенциал ВИЭ в мегаполисах и макрорегионах.

2) Создать интеллектуальную систему энергетического управления (смартгрид, блокчейн в концепции умного города (или единичные элементы, которые обеспечат работы подсистем).

3) Адаптировать систему ВИЭ в общую энергетическую, хозяйственную и экономическую систему.

В процессе успешного внедрения и увеличения % вклада ВИЭ в энергобалансе позволит улучшить и ряд социальных показателей: создать новые рабочие места, улучшить гражданскую мобильность, снизить энергетический тариф для потребителя и улучшить качество энергетических услуг посредством обратной связи с населением с помощью «умных» технологий.

Москва

Использование ветроэнергетики неэффективно, так как наблюдается отсутствие взаимодействия с природной средой и предполагается высокая стоимость капитальных затрат. Мощность ветрового потока: 3 м/с в среднем на территории МО против эффективной выработки в 7–8 м/с. *Солнечная энергетика* малоэффективна – отсутствие больших площадок для размещения солнечных батарей в городской среде, но тем не менее осуществлено обеспечение питания малых объектов (светофоров, устройств). Потенциал 3 кВт*ч/кв.м, то есть с 10 кв. площади в год (при минимальном КПД фотоэлементов 13%) можно получить чуть более 1,3 тыс. кВт*ч. Окупаемость – 11 лет. *Низкопотенциальное тепло* (оценен потенциал без программы внедрения) – вентиляционных выбросов жилых и общественных зданий – 9%; канализационных стоков – 13,1%; утилизация низкопотенциального тепла р. Москва − 27,7%; грунт поверхностных слоев Земли – 46,1%; сбросное тепло от Метрополитена, Магистральные дороги (МКАД) [2].

Использование ГЭС – существует комплекс из 7 ГЭС, входящих в состав канала им. Москвы, в Московской области и городе Москве. Суммарная мощность гидроэлектростанций ФГУП «Канал им. Москвы» составляет 36 МВт, а годовая выработка 38,4 млн. кВт*ч. Сточные воды, использование ТКО.

- 3 мусороперерабатывающих завода мощностью 26,7 МВт
- Курьяновские очистные сточные сооружения
- Люберецкие очистные сточные сооружения общей мощностью 26 МВт

Исходя из анализа программы развития энергетики Москвы, Московской области, можем представить следующие возможности и ограничения развития ВИЭ:

- правительство Москвы и МО признает ресурсы ВИЭ в данном макрорегионе исчерпанными;
- в Новой Москве до 2023 г. будет проектироваться и эксплуатироваться поэтапно система Smart Grid;
- установлены малые локальные объекты ВИЭ на солнечной энергии, планируется их распространение;
- рассмотрено резервное или независимое питание систем мониторинга;
- введение мер по внедрению ВИЭ в рамках общей программы по энергосбережению в транспортной программе (стандарт топлива ЕВРО-5, развитие велотранспорта, интеллектуальных программ регулирования движения);
- наиболее эффективным для масштабного распространения считается использование низкопотенциального тепла, пока оценен его теоретический потенциал;
- отмечена успешная деятельность мусоросжигательных заводов с получением энергии, планируется увеличить их вклад в энергообеспечение до 4,5% до 2020 года.

Санкт-Петербург и Ленинградская область

Ветроэнергетика (Потенциал). Потенциал представляет использование побережья и мелководных акваторий Финского залива и Ладожского озера. Общая установленная мощность с учетом региона мелководных акваторий глубиной до 10 м может составить 11250 Мвт. Годовая выработка электроэнергии может составить около 25 млрд. кВт*ч/год.

Низкопотенциальное тепло (потенциал). Условия эксплуатации тепловых станций Санкт-Петербурга позволяют оценить потенциал использования низкопотенциального тепла систем охлаждения на уровне 1356 тыс. т.у.т. с учетом экономической целесообразности использования около 10 % от технического потенциала и около 2 % ее валового потенциала (38 малых ГЭС установленной мощностью от 120 до 720 кВт). Они делятся на действующие, восстановляемые, недействующие, имеют местное значение и **не упоминаются** в официальном энергетическом балансе. Сточные воды, ТКО (потенциал) функционирует три завода по сжиганию осадков остаточного ила. Производительность трех ЗСО составляет 440 тонн сухого вещества в сутки, 45 тыс. кВт*час электроэнергии в сутки, что позволяет экономить около 5,7 тыс. т у.т. в год. Потенциал использования осадочного ила составляет 32 тыс. т у.т. на территории ЛО. Солнечная энергетика (неэффективна) используется только для низкотемпературных процессов, подогрева воды до температур ~80град, имеет сезонный характер и переменный цикл использования.

Санкт-Петербург и ЛО имеет больший технический потенциал, но в программе развития энергетики нет конкретной концепции развития «умного города». Упор сделан на энергоэффективность и энергосбережение на основе традиционных углеводородных источников энергии.

Общие тенденции, которые можно выделить по исследованию макрорегионов в России:

1) на данный момент по ВИЭ нет отдельной программы в макрорегионах, они рассмотрены как одна из дополнительных мер в общей стратегии энергосбережения;

2) подтверждено возможное точечное использование ВИЭ внутри городов для обеспечения малых объектов городского хозяйства;

3) возможно масштабное внедрение косвенных мер по энергосбережению в рамках транспортной отрасли и коммунального хозяйства;

4) *Стейкхолдеры*. В развитии ВИЭ на данный момент наиболее заинтересованы:

– независимые корпорации, являющиеся производителями оборудования. Их интерес сосредоточен на автономном обеспечении потребителей в областях в рамках индивидуальных хозяйств; установки энергосберегательного оборудования в многоэтажных домах на основе или посредством ВИЭ;

– научное сообщество, сотрудничающее с компаниями;

– граждане в качестве автономных энергопотребителей.

5) *Экономическое регулирование.*

– в регулирование и повышение мощностей ВИЭ на территории макрорегионов не планируется вносить дополнительные инвестиции,

– меры будут осуществляться за счет изменения в энергобалансовых носителях (к примеру, возрастает доля отходов – возрастает доля вторичных ресурсов (отходов) для получения электроэнергии) и распределения экономических вложений соответствующим образом.

– на данный момент ВИЭ, учитывая их малый процент в энергообеспечении, не облагается специальными тарифами.

6) *Наиболее перспективное направление для исследования:*

– низкопотенциальное тепло. Область исследования может включать в себя ориентацию как на жилые площади, коммунальные хозяйства, так и низкопотенциальное тепло проездных дорог, ТЭЦ, точек пространства города, где существует тепловое загрязнение;

– автономное энергопотребление на дачных территориях МО и ЛО.

Список литературы

1. Аналитический доклад 2014 года «Возобновляемые источники энергии в России» // Некоммерческое партнерство. Совет участников рынка ВИЭ, 2014.

2. Васильев Г.П., Шилкин Н.В. Использование низкопотенциальной тепловой энергии земли в теплонасосных системах // АВОК 2003. №2.

3. Возобновляемая энергетика на северо-западе России: сборник докладов международного конгресса 15–16 апреля 2010 года «Дни чистой энергии в Петербурге–2010». Санкт-Петербург: Изд-во Политехнического ун-та, 2010. 141 с.

4. Документ Правительства Москвы от 10 октября 2016 г. N 657-ПП «О внесении изменения в постановление Правительства Москвы от 27 сентября 2011 г. N 451-ПП «Развитие коммунально-инженерной инфраструктуры и энергосбережение» на 2012-2018 годы в соответствии с Законом города Москвы от 25 ноября 2015 г. N 67 «О бюджете города Москвы на 2016 год и плановый период 2017 и 2018 годов».

5. Гусаков С.В. Перспективы применения в дизелях альтернативных топлив из возобновляемых источников. М.: РУДН, 2008. 288 с.

6. Итоговые материалы 3-й международной конференции «Возобновляемая энергия для больших городов». М.: Департамент экологии и природопользования, 2008.

7. Попель О.С. Возобновляемые источники энергии: роль и место в современной и перспективной энергетике // Российский химический журнал (Журнал Российского химического общества им. Д.И. Менделеева). 2008. Т. LII. № 6. С. 95–106.

8. Прогноз научно-технического развития отраслей топливно-энергетического комплекса России до 2035 года. М.: Министерство энергетики Российской Федерации, 2016.

9. Постановление Губернатора Санкт-Петербурга «Об утверждении схемы и программы перспективного развития электроэнергетики Санкт-Петербурга на 2016–2020 годы».

10. Схема и программа перспективного развития электроэнергетики Московской области на период 2015–2019 годов [Электронный ресурс]: Московский портал: [веб-сайт]. URL: http://moscow-portal.info/2014/04/29/a140433.htm (Дата обращения: 25.07.2017).

11. Фролов И.А. Доклад «Оценка потенциала использования возобновляемых источников энергии (ВИЭ) на территории города Москвы, включая вновь присоединенные территории». 2013. [Электронный ресурс]: ГКУ «Энергетика» URL: http://gkuenergo.ru/ (Дата обращения: 25.07.2017).

12. IEA, Energy Policies in IEA Countries-Denmark, 2006.

И.П. Иванов (Болгария), Е.В. Афанасьев

МИРОВЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В УСЛОВИЯХ ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА

***Аннотация**. В статье рассматриваются сложные мировые экономические проблемы как следствие движения мирового капитала (включительно и финансового) с одной стороны, и положение труда как коллективного и общественного фактора − с другой. Негативные тенденции и старание их избежать из-за геофинансовых изменений в международном пространстве сегодня получают свои общие черты и формы как следствие динамики и тенденций в финансовой системе. Причинно-следственная связь в обратно пропорциональном выражении движения и накопления между трудом и капиталом является основным научным аргументом все более глубоких противоречий в социально-экономическом, общественном, политическом, культурном, демографическом аспектах.*

***Ключевые слова:** финансовый капитал, рыночные механизмы, мировые экономические проблемы, фондовые биржи, биржевой индекс, дериваты, финансовый кризис, иностранные инвестиции, санкции.*

I.P. Ivanov (Bulgaria), E.V. Afanasyev

WORLD ECONOMIC PROBLEMS IN THE CONDITIONS OF FINANCIAL CRISIS

Abstract. *The article presents the complicated world economic problems as a consequence of the movement of world capital /including financial capital/ on one hand and state of labor, as collective and social factor on the other hand. Negative tendencies and their prevention in geofinancial changes and international area today carry their common features and forms, as a result of dynamics and tendency of financial system. Causal connection and inversely proportional movement of the accumulation of quantities between labor and capital appears to be the main scientific argument for going deeper contradictions in social-economic, social, political, cultural, demographic aspects.*

Keywords: *financial capital, market mechanisms, world economic problems, stock markets, stock index, derivatives, financial crisis, foreign investments, sanctions*

Сегодня человечество живет во времени, которое характеризуется исключительно высокой динамикой внешней и внутренней политики каждого суверенного государства. Это движение человеческого развития обусловлено навязанными социально-экономическими стандартами вследствие динамики и развития направления мировой финансовой системы. Чтобы рассмотреть с научной точки зрения развитие международных отношений и вопросов, в самом начале надо выяснить, что является неотъемлемой частью функций каждой сферы науки, которая должна иметь свою эмпирическую, гуманитарную и социальную природу. Именно поэтому должны быть поставлены основные вопросы, решение которых даст ясность и ответ в сотрудничестве, дипломатии, решении международных экономических проблем.

Сегодня мы все живем в мире, который управляется исключительно финансовым капиталом. Капиталистическое развитие каждого государства несет на себе отпечаток общих характеристик, которые выражают одну и ту же общественную социально-экономическую систему. Историческое развитие финансового сектора является естественным продолжением и выражением реального сектора экономики и ее показателей. Исходя из правила, что каждая денежная единица должна быть обеспечена товаром и инвестированной в нее работой, следует сказать, что финансовый сектор как часть экономики имеет вполне естественный и научно обоснованный процесс развития. Для того чтобы прояснить это положение в его реальном выражении, надо признать, что современная финансовая система не работает и не имеет ничего общего с экономическими законами и научной трактовкой развития общества в целом Формирование капитала в финансовом секторе осуществляется не на основе установленного продукта и труда, вложенного в него, но за счет создания электронных денег, которые не имеют никакого реального покрытия. Финансовая система сегодня работает по принципу частичной банковской деятельности, что позволяет каждому банку давать деньги в кредит, которыми он не обладает. Например, европейская система центральных банков предлагает банковской системе зоны евро такой механизм, как маржинальное кредитование, которое могут использовать уполномоченные контрагенты Евросистемы. С его помощью от национальных денежных властей коммерческие банки получают ликвидность на одни сутки под залог ликвидного обеспечения [2].

Понятие *финансовый капитал* сегодня рассматривается как денежные средства в национальной или конвертируемой валюте, размещенные в финансовые инструменты (акции, облигации, депозиты) для получения пассивного (проценты, дивиденты) или спекулятивного дохода. Первичное формирование финансового капитала обусловлено необходимостью его образования, является особенностью кругооборота общественого капитала, в основе которого лежит индивидуальный капитал. Одной из основных экономических причин для формирования финансового капитала служит концентрация

капитала и производство. Крупные предприятия для достижения определенных целей, обеспечения наилучших условий производства, зависящих от существующей системы, обязаны использовать финансовый капитал как ресурс инвестиций. К. Маркс, который рассматривал процесс концентрации производства в условиях свободной конкуренции, установил, что он не является ни случайным, ни кратковременным, а наоборот – он представляет собой «общий закон» ─ «тот самый закон, который распространяется на современную промышленность во всех отраслях, а именно закон концентрации» [4].

Наиболее решающую роль сегодня с точки зрения финансового капитала играют важные фондовые биржи в мире, где каждый день за считанные секунды переводятся гигантские денежные потоки из одной части мира в другую. Этот процесс регулируется в соответствии с национальным законодательством и рыночными механизмами соответствующей страны, которые в большей или меньшей степени соответствуют ее политике. Основные вопросы здесь: чьи интересы обслуживает финансовая политика, как формируется величина капитала, как она перераспределяется в обществе, какие проблемы и негативные тенденции происходят при неправильном развитии этой системы.

Любая фондовая биржа мира (как распределительный центр) имеет свой собственный индекс, который формируется от рыночной цены и количества ценных бумаг наиболее крупных компаний на бирже (от нескольких десятков до нескольких сотен), работающих в регионе или стране. Т.А. Батяева и И.И. Столяров применяют термин «фондовый индекс», трактуя его как «показатель, который определяется как средняя величина курсов акций на конкретную дату по представительной группе компаний по отношению к их базовой величине, которая рассчитывается на более раннюю дату» [1, с. 171]. Другими словами, самые крупные компании с учетом фондового рынка участвуют в процессе формирования индекса, по которому работает каждая фондовая биржа. То есть, владельцы этих компаний могут определить и установить параметры финансового развития в будущем с точки зрения рыночного процесса на спрос и предложение в любой момент времени. Главный вопрос заключается в том, каким образом небольшая группа людей, которая обладает огромными финансовыми ресурсами и собственными средствами производства, имеет основания и право определять экономическую ситуацию в финансовом плане для огромного большинства масс, определять их будущее и учить их тому, что правильно, а что нет? Кто дал им это право, кто голосовал за это, правильно ли это вообще, как действие, и не противоречит ли это остальным социально-экономическим нормам и законам? Возможен ответ, что мы сейчас живем в капиталистическом обществе, и для многих это является достаточным аргументом. С научной точки зрения, однако, этот вопрос остается открытым. В последние годы часто, в том числе и в научных кругах, высказывается мнение о том, что частный сектор должен развивать инновационные и исследовательские процессы. [3, с. 10]. Но это невозможно в силу того, что частный сектор служит личной выгоде отдельных лиц, в то время, как любой научный процесс и все, что с ним связано, служит всему обществу. Таким образом, мы имеем, с одной стороны, труд как величину, имеющую коллективный характер (т.е., мы не работаем ради себя и не живем ради себя, а живем и работаем в обществе и коллективе), а с другой стороны стоит прибыль и частный капитал, который перераспределяется единственными владельцами средств производства и превращается в финансовую величину. Но если происхождение создаваемого продукта обуславливается человеческим трудом в коллективе, мы можем сказать, что труд имеет общественный характер, а капитал ─ наоборот, конечная прибыль оказывается исключительно личной. Именно здесь сегодня нужно искать одну из основных причин проблем в глобальных экономических процессах. Ведь движение этих двух взаимосвязанных плоскостей/сил и их обратно пропорциональное накопление/возрастание неизбежно приведет к еще большему конфликту между различными общественными группами в капиталистической структуре государства, и он становится непреодолимым.

В трактовке экономической науки сегодня используется определение *системный финансовый кризис* (англ. *financial system crisis*), который сам по себе представляет

расстройство функционирования всех основных составляющих финансовой системы. Принципиально он выражается в полной неплатежеспособности, финансовой панике, глубокой инфляции, войне. Основная проблема состоит в том, что в процессе купли-продажи один и тот же товар увеличивает свою цену.

Только рынок производных финансовых инструментов на фондовой бирже во Франкфурте (Германия) в год составляет около 350–400 млрд евро. [6, с. 4]. Если исходить из классической литературы о рынке ценных бумаг, следует сказать, что именно производные финансовые инструменты – облигации и акции – являются наибольшими рисками ценных бумаг, и что они умножают увеличение денежной массы в будущем, ведь в нее не вложен труд для производства товара. Инфляционные процессы неизбежны и научно обоснованы при такой глобальной финансовой политике. Например, политика Центрального банка России работает с тенденцией вверх с точки зрения процентной ставки в тренде формулы так называемой новозеландской модели. Централънъй банк в Болгарии уже 19 лет работает под непосредственным управлением Всемирного банка, МВФ и ЕЦБ. Центральные банки принципиально везде в мире не являются ни государственными, ни национальными, ни общественными. Они являются инструментом, с помощью которого управление может узаконить текущую финансовую политику и узаконить действия крупнейших финансовых монополий. Как можно ответить на вопрос с точки зрения экономических санкций против России, почему трое крупных американских инвестиционных финансовых посредников – Банк оф Нью-Йорк, Ситибанк и Джи Пи Морган держат рынок покупки и продажи американских депозитарных расписок и свободно развивают эту деятельность здесь? Удобным аргументом является то, что, в связи с нынешним сложным геополитическим кризисом это единственный способ продать ценные бумаги России за рубежом в качестве источника иностранных инвестиций. По этому поводу можно привести исследование аналитически-информационного характера «Иностранный капитал на фондовом рынке России» – автор доктор экономических наук Д.В. Смыслов, ИМЭМО РАН, [7, с. 5–6]. Автор рассматривает финансовый капитал и фондовую торговлю в России на основе статистических данных, хоть и за предыдущий период. В статье Д.В. Смыслов делает вывод о том, что еще 10 лет назад иностранные финансовые инвесторы и институты сконцентрировали свои действия на фондовом рынке РФ, в основном в сфере спекулятивного элемента, с целью получения быстрого дохода, не заботясь о долгосрочных инвестициях в производство, в промышленность. Как мы видим, и сегодня проблема остается той же, если иметь в виду сложную экономическую и политическую обстановку и санкции, которым подвергнута экономика России. Но здесь следует рассматривать всю глубину проблемы и учитывать объективную ситуацию в динамике глобального капитала, т.к. несмотря на санкции и кризисы, большинство богатых людей продолжает работать заодно и получать огромные прибыли, в то время как весь трудовой народ, представляющий более 90% населения любой страны, живет в условиях глдубоких социально-экономических проблем. Поэтому штрафы, спады, кризисы, ... кто их создает, и кто получает от них прибыль? Для большого местного и глобального капитала нет кризисов и санкций, наоборот, в таких условиях реализуются наибольшие прибыли за счет обнищания масс. Более того, уже давно доказано, что все экономические кризисы – это следствия спекуляций и это уже давно описано в учебниках по экономике.

Следовательно, международные проблемы в современном мире связаны в первую очередь с тем, что страны сегодня в мире управляются небольшой группой олигархов, в чьих руках сфокусирована вся экономическая мощь. Различные экономические монополии со всего мира решают свои проблемы между собой только за счет широких масс. Частный финансовый капитал не имеет географических границ, он является наднациональным. А военные конфликты происходят не потому, что один народ лучше, а другой хуже, а потому что война является самой прибыльной отраслью в капиталистической экономике. Система буржуазной демократии основывается на четырех институциональных полномочиях властей

– законодательной, исполнительной, судебной и средств массовой информации. Таким образом, каждый из этих органов работает над укреплением большого локального и глобального капитала.

Современная финансовая политика и международные экономические проблемы сегодня имеют четкий империалистический характер. Локальные войны, перераспределение и установление новых географических границ, уничтожение целых народов, захват природных ресурсов, износ финансового капитала, углубление социально-экономических и политических кризисов – это состояние мирового сообщества вполне логично с точки зрения того, что капиталистическое развитие изначально имеет только разрушительное и деструктивное движение. Капитал имеет личный характер и формируется за счет ограбления трудящихся в любой стране мира. Таким образом, решения и движения общественно-экономических, социальных, политических, культурных, демографических, миграционных процессов принимаются не общественностью и в интересах общества, а небольшой группой олигархов и монополий финансовых структур, которые преследуют свои личные интересы. Именно этот личный интерес большого локального и глобального капитала находится в обратной зависимости к общественным интересам, и увеличение этой обратно пропорциональной величины приводит к большой разнице между богатыми и бедными и ухудшению всех общественных процессов, в том числе экономических.

При капитализме производительные силы постоянно входят в конфликт с производственными отношениями, а частная собственность и капиталистический рынок становятся тормозом в развитии производства. Возникает парадоксальная ситуация: есть квалицированный рабочий и инженерный персонал, есть станки и оборудование, есть материалы, а работы нет. Происходит спад производства, возникает безработица – это и есть ахиллесова пята капитализма. Поэтому экономические кризисы являются постоянными спутниками капиталистического способа производства.

Фундаментальный кризис приходит неизбежно из-за того, что на фоне устойчивого и высокого накопления капитала мы видим относительно низкий уровень наполнения рынка товарами. В такой обстановке наблюдается отход от индустрии, производства, сельского хозяйства, промышленности, потому что они являются недостаточно рентабельными. Это порождает социальные конфликты и нарастание противоречий в обществе. Кризис представляет собой переломный момент развития общества, связанный со спадом производства, дефолтом, увеличением уровня безработицы, инфляции.

В классической экономической литературе есть три основных признака для определения фундаментального кризиса – нарушение пропорциональности, цикличность экономических процессов и наличие противоречий в экономической системе.

Следствием фактического застоя в мировой капиталистической экономике является сохраняющийся высокий уровень безработицы в странах. Так например, особенно высок уровень безработицы в Евросоюзе: по данным Eurostat – до 11%. Рекордной оказалась безработица в Италии: по данным вышеназванного агентства она составила 10,2%. Что касается всей еврозоны в целом, то лидером по безработице является Испания, там на бирже труда зарегистрированы 24,3% населения. Немного отстала от нее Греция, в ней безработными числятся 21,7%. В этих странах особенно высок уровень безработицы среди молодежи – до 40%.

Несмотря на спад в экономике, в 2014 году выросло количество богатых россиян, что фиксирует статистика Федеральной налоговой службы. Так, количество налогоплательщиков, задекларировавших за 2014 год доход более 1 млрд рублей, возросло на 5,8% – с 292 до 309 человек. Китай обошел США по числу жителей, чье состояние превысило 1 млрд долларов, в нем в настоящее время проживает 568 миллиардеров, в Соединенных Штатах – 535. В первой десятке стран по количеству самых богатых людей планеты: Россия (см. выше), Индия – 111 миллиардеров, Германия – 82, Великобритания – 82, Швейцария – 66, Франция – 51, Бразилия – 49, Япония – 42.

Кроме этого, распределение богатства в мире крайне неравномерно. В Северной Америке проживает всего 4,9% мирового населения, однако там аккумулировано 24,7% всего мирового богатства. Ситуация в Южной Азии прямо противоположна: там проживает 23,7% мирового населения, которому принадлежит всего 3,3% мирового богатства. И пропасть между самыми богатыми и самыми бедными странами на планете с каждым годом увеличивается.

Согласно оценкам экспертов ООН, более четверти населения развивающихся стран живет в условиях нищеты. Из 1,3 млрд нищего по доходам населения 950 млн приходится на Южную, Восточную и Юго-Восточную Азию. Нищета полностью поразила страны Африки. Здесь живет в нищете 200 млн чел., причем сохраняются самые высокие темпы увеличения ее масштабов. В странах Латинской Америки и Карибского моря нищета охватила 110 млн человек.

Возьмем, к примеру, войны в Югославии, Ираке, Ливии, Сирии, Украине. Это все происходит ради денег, сотен миллиардов, которые через внешнюю политику глобального капитала США, Великобритания и ЕС формируются за счет гибели сотен тысяч невинных людей. Но войны сегодня ведутся не только оружием. Используются новые современные методы, которые дают такие же или даже лучшие результаты, преднамеренно разрушают всю производственную базу и лишают общество возможности для производства товаров потребления, превращая людей в пользовательское невежественное общество, которое зависит только от импортируемых товаров; исторические фальсификации; абсурдные ограничительные законы о гражданстве обезличенного, разрушение культуры. В результате такой политики, например, в последние десятилетия 9 из 10 наиболее быстро исчезающих наций в мире являются нациями из бывшего социалистического лагеря – все славянские республики. А Болгария имеет один из самых больших отрицательных приростов населения в мире. Миллионы болгар покинули страну из-за неспособности жить при узаконенном геноциде, навязанном политическими партиями, работающими на интересы США, Великобритании и ЕС. Более 90% из производственных объектов были намеренно разрушены, и в настоящий момент официально на сектор услуг приходится 70% валового национального продукта страны (график за 2012, 2013, 2014 гг.) [5]. Современная форма финансового империализма сопровождается националистическими настроениями и преднамеренным возрождением фашизма. И этот процесс не является ни случайным, ни естественным. Он был создан сознательно, целенаправленно финансируется и разрабатывается непосредственно под руководством самых больших финансовых монополий и только для достижения их личных экономических целей.

Международные экономические вопросы сегодня не могут быть решены с помощью рыночных механизмов и лозунгов. Динамика и скорость прибыли, которая накладывается на деструктивный характер самой системы, не позволяет решить их. Глобальный долговой кризис сегодня является самым большим в истории человечества, и эти долги никогда не будут возвращены. Они невозвратимы, и в то же время незаконны. Они никогда и не существовали, а только являются документально оформленными. Например, программа, по которой работает ЕС и фонды, по которым отпускают средства, являются способом легально усваивать средства европейских народов, а затем перераспределять в виде субсидий и грантов в частном секторе. Только 30% этих денег доходит до конечного пользователя, все остальное тонет в коррумпированности чиновников, правительств, банков и финансовых учреждений. Весь этот процесс можно назвать только одним словом – узаконенное воровство.

Поэтому, когда речь идет о геофинансовых и геополитических изменениях и вытекающих отсюда проблемах, международная экономика должна быть отнесена к основной причине этого. Суть функционирующего сегодня управления – в сохранении капиталистической системы, где одна группа капиталистов для решения проблем другой группы капиталистов использует миллионы жизней. Логичным вопросом будет то, как должно было бы выглядеть будущее с точки зрения избегания негативных тенденций из-за

предумышленного финансового империализма, и ответ может быть только один: уничтожение частной собственности и эксплуатации человека человеком.

Труд является общественным значением. Он был рожден в коллективе, на предприятии, на заводах, внутри общества. Значит, и произведенные товары должны иметь такой же характер, следовательно, и финансовый продукт должен иметь такой же характер. Именно из-за того, что капитал и финансовая ценность основаны на личной выгоде и ограблении общества, то интересы местного и глобального капитала существенно отличаются от интересов общественности. А международные экономические проблемы могут быть решены только с точки зрения дружбы между народами, а не как сегодня − с позиций некоторых империй, монархий, феодализма, или аналогичных форм «нового века», в условия которых нас поставил мир монопольных финансовых структур.

Развитие человечества имеет в основном экономический характер. Экономика в условиях капиталистической рыночной экономики рассматривается только с точки зрения прибыли капиталиста. И это крайне несостоятельно даже с научной точки зрения, поскольку экономические процессы необходимы, как наука работать для общества, а не для небольшой группы, которая представляет свои цели и интересы. Решение международных экономических проблем мира сегодня, как и в прошлых веках, может быть возможно только путем изменения/сменой частных формы собственности инструментов в условиях товарного производства с их общественной формой собственности, где трудовые, производственные процессы, товары, и чиновники находятся на службе общества. Угроза новой мировой войны, учитывая состояние распадающейся капиталистической системы и ее разрушительный характер, становится все ближе, и эти проблемы не исчезнут сами по себе. Наука должна служить всему обществу. Наука не может быть наукой, если она служит частным интересам. Поэтому задача всех научных кадров состоит в том, чтобы опровергать несостоятельную (неправдивую) информацию, которая повсеместно распространена в современном капиталистическом обществе. Развитие общества связано с его общественной природой, в том числе, во всех экономических процессах, возникающих из этих взаимоотношений.

Список литературы

1. Батяева Т.А., Столяров И.И. Рынок ценных бумаг: учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2006. 304 с.

2. Буркова А.Ю. Рефинансирование коммерческих банков и компаний в условиях кризиса // Банковское дело. 2009. № 1. С. 88–89.

3. Лукша О., Сушков П., Яновский А. Центр коммерциализации технологий −организационное развитие: как создать, управлять, организовать мониторинг и оценку деятельности. 2006. 124 с.

4. Маркс К. Английская фабричная система // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. М.: Политиздат. 1958.

5. Статистически годишник 2015 година издаден от Национален статистически институт на Република България. [Электронный ресурс]: Ннациональный статистический институт. URL: http://www.nsi.bg/sites/default/files/files/publications/God2015.pdf (Дата обращения: 15.05.2017).

6. Фондовая биржа в Франкфурт [Электронный ресурс]: XETRA. URL: http://proxy.dbagproject.de/mediacenter/publikationen/etf_d_xetra_broschuere_12092016_final.pdf (Дата обращения: 15.05.2017).

7. Смыслов Д.В. Инстранный капитал на фондовом рынке России // Деньги и кредит. 2008. № 1. С. 17–32.

Е.В. Желнина

РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ МОДЕЛИ ЭКОЛОГО-СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. *В статье рассматривается возможность разработки социо-эколого-экономической системы региона и основные функции экодеятельности предприятий. Экодеятельность крупных компаний вносит значительный вклад в социокультурное развитие и безопасность регионов, так как успешная деятельность крупных компаний создает благоприятные предпосылки для роста благосостояния общества.*

Ключевые слова: *социо-эколого-экономическая система, социальная технология, экодеятельность, социокультурные функции.*

E.V. Zhelnina

A MODEL OF ECOLOGICAL AND SOCIAL SECURITY: REGIONAL ASPECT

Abstract. *The article overviews the possibilities of developing a socio-ecological and economic system of the region and the main functions of companies' eco-activities in this process. The eco-activity of large companies makes a significant contribution to the socio-cultural development and security of the regions. With successful development of large companies, grows favorable prerequisites for the increase of the wellbeing of society.*

Keywords: *socio-ecological and economic system, social technology, eco-activity, socio-cultural functions.*

Экологические вопросы в настоящее время очень актуальны в Самарском регионе. Активизировать работу в эконаправлении планируется не только на уровне крупных городов, но и сел, и поселков, а также отдельных предприятий и даже людей. Для координирования деятельности всех этих многочисленных субъектов необходимо выстроить концептуальную инновационную модель социо-эколого-экономической системы Самарского региона.

Не секрет, что любой масштабный проект необходимо начинать со сбора информации. В нашем случае необходима информация трех видов: теоретическая (концепции, теории, идеи, изучающие общество, экологические проблемы, экономические возможности), практическая (успешный зарубежный и отечественный опыт координации экономики и социума относительно экологических проектов), эмпирическая (конкретные данные, полученные посредством социологических исследований, показывающие реальное состояние исследуемой ситуации: мнения граждан об уровне экологической угрозы и их установки на работу в эконаправлении, позиции руководителей предприятий, организаций и учреждений относительно применения природосберегающих технологий (в том числе социальных, и т. д.)).

Информацию теоретического плана необходимо накапливать в разрезе структурного функционализма, феноменологии, структуралистского конструктивизма и социоэкологических ценностных теорий.

Структуралистский конструктивизм П. Бурдье [2] позволит взглянуть на процесс вхождения экодеятельности в повседневную жизнь людей с различных точек зрения. С одной стороны, сама экодеятельность и процесс ее внедрения представляются в качестве объективных структур, которые не зависят от сознания агентов и детерминируют их различные действия. С другой стороны – действия агентов, выбранная стратегия поведения по отношению к природе и окружающей среде, обусловлена жизненным опытом и приобретенными в ходе социализации предрасположенностями, т.е. габитусом.

Структурный функционализм позволит рассмотреть экодеятельность с позиции системы, имеющей определенную структуру и механизмы взаимодействия этих структурных элементов, где каждый элемент выполняет определенную функцию (дисфункцию) [3].

Феноменологический подход акцентирует изучение проблемы экодеятельности на субъективный уровень. Социальная реальность определяется каждым конкретным индивидом в соответствии с его личностными характеристиками, опытом, системой ценностей [1].

Социокультурный подход позволяет выявить внеинституциональные основания экодеятельности, акцентуализирует внимание на культурные аспекты, детерминирующие особенности заботы индивидов об окружающей природной среде. На культурном уровне сформированы определенные убеждения, стереотипы поведения, которые способны воздействовать на деятельность каждого конкретного индивида.

Аксиологический поход предоставляет возможность выявить и изучить ценности, которые накладывают отпечаток на экодеятельность. Ценности являются одним из наиболее важных факторов, детерминирующих процесс встраивания новых видов деятельности в повседневность.

Эмпирическую информацию следует собирать в процессе проведения профессиональных разнообразных социологических исследований – анкетирования, экспертного интервью, фокус-групп, картографирования, и т.д. Необходимо рассматривать состав, структуру и границы, обосновывая необходимостью выделения подсистем эколого-экономических взаимодействий как совокупности взаимообратных связей, отражающих отношения между элементами экологической и экономической подсистем, которые должны быть исследованы в процессе анализа функционирования региональной эколого-экономической системы Самарского региона. Особенно необходимы исследования, проводимые среди разновозрастного населения, так как они позволяют наиболее полно и содержательно планировать развитие инновационной эколого-экономической системы общества в ближайшем будущем, раскрывать состав, структуру и границы инновационной системы эколого-экономических взаимодействий человека и общества.

В рамках данной публикации мы сконцентрировали внимание на крупных предприятиях как субъектах экодеятельности и попытались сформулировать ряд функций, которые они выполняют в данном направлении. В силу специфики современного рынка, компании вынуждены работать в условиях жесткой конкуренции, оперативно реагировать на многочисленные изменения внешней среды: рынка, социальных и потребительских настроений, политической ситуации. Акцентируя свою деятельность на улучшение производственных, экономических и управленческих результатов работы, руководители зачастую забывают о социально-культурных аспектах функционирования организации, изучение и учет которых особенно важны именно на градообразующих предприятиях, так как они привлекают большое количество работников, оказывая тем самым значительное воздействие на городское сообщество. Таким образом, есть возможность акцентировать внимание и оценить социокультурные функции предприятия. В своей совокупности реализация рассматриваемых функций обеспечивает социальную защищенность человека и его социокультурное развитие в соответствии с требованиями, предъявляемыми современным обществом, а также минимизацию негативного техногенного воздействия промышленных предприятий на окружающую среду.

Наиболее важной и очевидной социально-культурной функцией градообразующей компании является функция социализации личности. Успешная организационная социализация предполагает усвоение профессиональных ценностей и норм посредством вовлечения человека в производственную, административную и социальную системы как предприятия, так и общества. Участие сотрудника в экологических мероприятиях вследствие получения и усвоения им информации о нормах, правилах поведения и деятельности в данных вопросах, безусловно, способствует его успешной социализации, что создает благоприятные предпосылки для решения ряда важных общественных задач: забота об

экологической ситуации, осуществление изменений, нововведений в обществе, которые посильны только высокообразованным, высококвалифицированным личностям, вовлеченным в процессы постоянного развития и самосовершенствования, и которые будут наименее травмогенными для природы; решение общественных проблем, осознание, оценка и преодоление которых возможно только при условии постоянного профессионально-личностного совершенствования; снижение влияния и преодоление возможных негативных явлений в сознании и поведении людей.

Важной функцией крупной компании является функция обеспечения занятости населения. Человек, успешно работающий в компании, имеющий постоянный и стабильный доход, социально защищен и достаточно уверенно чувствует себя в социальном сообществе, он готов заботиться об окружающей его природной среде.

Функция обеспечения социальной уверенности сотрудников направлена на повышение их уверенности в сфере трудовых, межличностных, групповых взаимодействий и взаимоотношений внутри организации посредством выработки у сотрудников субъективной уверенности в возможности внести свой вклад в результаты деятельности предприятия, в улучшение экологической ситуации, что, в свою очередь, становится основой успеха в их профессиональной и общественной жизни. Посредством экспертного опроса менеджеров крупных промышленных компаний Приволжского федерального округа эмпирически подтверждено влияние уровня квалификации сотрудника на его уверенность в успешности собственной работы. На вопрос о возможностях, которые предоставляет пройденная подготовка сотруднику, респонденты поставили на четвертое место повышение уверенности в своей профессиональной деятельности. Таким образом, забота предприятий о квалификации своих сотрудников влечет за собой формирование уверенных личностей, которые, в свою очередь, испытывают потребность заботиться об окружающей их природной среде.

Функция обеспечения социальной уверенности сотрудников в некоторой степени связана с управленческой функцией мотивации персонала крупной компании. Работник, включенный в постоянную организационную экодеятельность, чувствует, что компания нуждается в его квалификации, знаниях, умениях и навыках, в его возможностях и его результатах. В свою очередь, осознание собственной ценности сотрудника для организации способствует формированию его уверенности в своей профессиональной успешности, что значительно повышает уровень его лояльности компании. Таким образом, за счет усиления приверженности сотрудников, возникающей и укрепляющейся в процессе совместной экодеятельности, происходит удержание ведущих специалистов на предприятии.

В процессе экодеятельности предприятия реализуется еще одна важная социально-культурная функция – формирование позитивного социального статуса в обществе (причем, как для самого предприятия, так и для его сотрудников). Как правило, ведущие компании занимаются заботой об окружающей природной среде. И делают эту деятельность открытой, «громко» заявляя об этом обществу. Подобные компании, как правило, всегда на особом хорошем счету у государственных и надзорных органов, а также пользуются существенной популярностью у населения: как в плане занятости, так и пользования товарами/услугами.

Функция социальной интеграции особенно значима в процессах общения, взаимодействия работников крупной компании, являющихся в то же время и членами городского сообщества. В данном случае несколько направлений интеграции: внутриорганизационная интеграция и интеграция с социальным окружением.

Внутриорганизационная интеграция – это процесс, в ходе которого сотрудники (в том числе руководители) и их группы устанавливают между собой тесные социальные, экономические, профессиональные и другие отношения. Повышение эффективности процессов интеграции в крупной компании возможно реализовать посредством проведения мероприятий экодеятельности.

Посредством масштабной экодеятельности предприятия могут завоевать существенный авторитет в обществе, привлечь к себе дополнительных партнеров и потребителей.

Крупные компании привлекают большое число работников, поэтому решение социально-культурных проблем и задач становится одной из задач, стоящих перед руководителями и менеджерами компании. Разворачивая работу по разработке технологий организационной экодеятельности, крупные компании вносят значительный вклад в социокультурное развитие и безопасность регионов, так как успешная деятельность крупных компаний создает благоприятные предпосылки для роста благосостояния общества.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 17-46-630560 «Концептуальная инновационная модель социо-эколого-экономической системы Самарского региона».

Список литературы

1. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.

2. Бурдье П. Социология социального пространства / пер. с франц.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб: Алетейя, 2007. 288 с.

3. Американская социологическая мысль / Под ред. В.И. Добренькова. М.: Изд. Международного ун-та Бизнеса и Управления, 1996. 560 с.

4. Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический проект, 2002. 832 с.

Е.Н. Заборова

ИНФОРМАЦИОННО-КУЛЬТУРНАЯ СРЕДА РЕГИОНА СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Аннотация. *Свердловская область отличается относительно высоким образовательным уровнем жителей, соответствующим уровню технической сложности и запросам производства. Результаты исследования позволяют сделать вывод о приоритете Интернета как источника информации. Основной водораздел в использовании различных источников информации сегодня проходит по признаку возраста. Жители области предпочитают выбирать информацию развлекательного и политического характера.*

Ключевые слова: *информация, культура, регион, городская среда, Интернет.*

E.N. Zaborova

INFORMATION AND CULTURAL ENVIRONMENT OF THE REGION SVERDLOVSK OBLAST

Abstract. *Sverdlovsk oblast has a relatively high educational level of the inhabitants, the appropriate level of technical difficulty and requirements of production. The results of the study allow us to conclude on the priority of the Internet as a source of information. The main watershed in the use of various sources of information today is on the basis of age. Residents of the area prefer to choose entertainment information and information of a political nature.*

Keywords: *information, culture, region, urban, Internet.*

Согласно точке зрения Н.И. Лапина, Уральский федеральный округ относится к регионам с высоким уровнем модернизации [7]. При этом, по мнению уральского ученого

Е.Г. Анимицы, «на данном этапе Урал не теряет свою индустриальную идентичность» [1, с. 46].

В границах Уральского региона исторически на протяжении длительного отрезка времени сформировалась исключительная по своей мощи и масштабам горнозаводская промышленность. Сегодня осуществляется формирование современных перерабатывающих отраслей и поэтапный переход к выпуску продукции более высоких переделов, усиливается роль сырьевого сектора, в котором происходят радикальные технические обновления, тем самым возрастает его включенность в процессы экономической модернизации. На Уральский экономический регион в 2011 г. приходилось 17,3% объема отгруженных товаров обрабатывающей промышленности страны, в том числе 34,8% металлургического производства, доля которого в структуре промышленного производства составляет 35,4%. Развивается оборонно-промышленный комплекс, здесь продолжает функционировать пять (из 10 в целом по России) так называемых «атомных городов». На Среднем Урале работает более 40 оборонных предприятий и не менее 200 смежных (гражданских), которые в своей совокупности образуют мощный комплекс [1]. Несущими отраслями шестого технологического уклада на Урале остаются обновленные машиностроительный и металлурго-химический комплексы, ядерная, электротехническая, фармацевтическая, ракетно-космическая промышленность, приборостроение, а также производство нанооборудования, оптических систем, наноэлектроники.

Ядром Уральского федерального округа является Свердловская область, которая по своему социально-территориальному положению на карте России относится к так называемому «срединному региону».

Свердловская область – регион с развитой системой городских поселений. По количеству городов область уступает только Московской области: в Московской области насчитывается 80 городов, в Свердловской – 47, в Ленинградской −31. Доля городского населения в общей численности населения области составляет 82% (2010 г.). По показателю численности городского населения Свердловская область занимает второе место, а по общей численности населения – 3-е место среди субъектов РФ (уступая Московской и Ленинградской областям). По параметру людности города Свердловской области представлены всеми типами городов: малыми и средними, большими, крупными, крупнейшими. Основная масса городов (35 из 47) – это малые города с численностью населения менее 50 тыс. жителей; 8 городов относятся к средним (от 51 до 100 тыс. жителей); 3 города – к крупным и большим (от 101 до 500 тыс. жителей) и 1 город – крупнейший – город Екатеринбург, в котором проживает 1455904 человека (2017 г).

Развитие любого региона (в том числе, инновационное развитие) невозможно без социокультурных предпосылок – развитой информационно-культурной среды, человеческого капитала и проявления населением различных форм социальной активности. Уральский регион отличается опережающей социальной составляющей [7].

Фондом общественного мнения совместно с лабораторией исследования гражданского общества ВШЭ было проведено интересное исследование на тему «Люди XXI века». Авторы попытались вычленить и проанализировать группы, которые по своим стилевым характеристикам являются активными пользователями современных практик, то есть демонстрируют активное финансовое поведение, стремление расширить свой горизонт, рационализацию использования времени и заботу о себе, своем здоровье [2, с.256-257]. По количеству людей XXI века Свердловская область занимает 43-е место среди 76 исследованных областей страны.

Такое место можно оценить как скорее срединное, среднее, означающее, что некоторые признаки и основы для активной социальной практики граждан в регионе имеются, хотя назвать их выдающимися нельзя. Следует также отметить, что приведенные данные означают так называемую «среднюю температуру по палате». На практике существенной чертой населения области следует считать дифференциацию как в плане

социально-экономических, социокультурных характеристик, так и в плане проявления различных форм активности.

Свердловская область отличается относительно высоким образовательным уровнем жителей. По данным Всероссийской переписи населения [5] уровень образования населения области (в возрасте 15 лет и более) был следующим (см. табл. 1).

Таблица 1

Образовательный уровень населения Свердловской области, 2010 г., %

Группы	**Доля**
Неграмотные	0,5
Начальное общее	5,4
Основное общее	11,9
Среднее (полное)	19,0
Начальное профессиональное	7,5
Среднее профессиональное	31,4
Неполное высшее	4,1
Высшее	19,7
Послевузовское	0,5
Итого	100

Трудоспособное население имеет в основном профессиональное образование (38,9%), что соответствует уровню технической сложности и запросам производства.

Уровень развития населения во многом зависит от проводимой информационно-культурной политики. Отличительной особенностью функционирования органов управления в сфере информационно-культурной политики является комплексность, при которой, как правило, решения принимаются и реализуются не одним, но несколькими министерствами, ведомствами и комитетами. Это обстоятельство обусловлено многофакторностью, сложностью, широтой феноменов «культура» и «информация», многообразием форм их проявления на практике. Важной чертой функционирования региональных органов управления следует назвать их подчиненность федеральным государственным структурам: они действуют в рамках государственной культурно-информационной политики.

Содержательный контекст государственной культурно-информационной политики исторически изменчив. Некоторые периоды истории можно оценить, как этапы, когда в центре внимания было поддержание и воплощение в жизнь определенных ценностных ориентаций (имперских, религиозных ценностей, идеологии марксизма-ленинизма). Исторический тренд в содержании культурной политики также можно оценить как движение в направлении от «культура для всех» к принципу «культура для каждого», что означает смещение акцента с создания условий осуществления культурной деятельности на удовлетворение потребностей гражданина. В первом случае особое внимание уделялось среде, наличию культурных учреждений, подготовке кадров и пр. элементов культурного пространства; во-втором – особенностям потребностей и культурного поведения разных социальных групп и общностей.

Результаты социологических исследований показывают[26], что сегодня, при всей важности материального потребления, все большее значение получает потребление духовное. «К древнеримской формуле «хлеба и зрелищ!» современный «массовый» горожанин непременно бы добавил: хлеба и информации! хлеба и образов!» [3, с. 30]. Города все более превращаются в единый символический текст, основанный на IT-технологиях, масс-медиа и Интернете, информационные продукты и коммуникации становятся ядром новой экономики города, возникают новые способы социальных контактов, новые социальные общности, фирменный знак информационно развитого города – творческое многообразие.

Общая черта информационной среды региона – разнообразие элементов информационно-культурного пространства; отличительная черта – насыщенность среды элементами – падает по мере движения от более крупных поселений к мелким. В целом, характеризуя положение Свердловской области среди других субъектов Уральского федерального округа, можно констатировать средний уровень развития информационно-культурной среды (см. табл. 2).

Таблица 2

Ранговое место Свердловской области среди субъектов Уральского федерального округа по показателям доступа к информационным источникам (2012 г.)

Показатель	Ранговое место по УрФО
Охват населения телевещанием	2
Выпуск газет (экземпляров на 1000 чел.)	5
Библиотечный фонд (экземпляров)	4
Численность пользователей библиотек	2
Численность зрителей театров	1
Число посещений музеев	1
Удельный вес домохозяйств, имеющих персональный компьютер	5
Удельный вес домохозяйств, имевших доступ к сети интернет	5
Итого	**3,125**

Составлено по: Федеральная служба государственной статистики. Регионы России. Социально-экономические показатели – 2013 г. // http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_14p/IssWWW.exe/Stg/d1/07-01.htm

Известно, что в настоящее время телевидение и Интернет лидируют как источники информации у всех социальных групп. Так, М.М. Назаров выделил две большие группы медиа-аудитории: пользователи исключительно телевидения и пользователи, которые сочетают телевидение и Интернет [8], при этом, по его мнению, лидером выступает первая группа. Аналогичные результаты получены в исследовании Реутова Е.В. и Тришиной Т.В. [9]. Результаты проведенного нами исследования позволяют сделать вывод о приоритете Интернета как источника информации. Это, на наш взгляд, обусловлено быстрым распространением мобильного Интернета, который сделал информацию доступной для самого широкого круга акторов. Среди них наибольшую долю составляют молодые люди в возрасте до 35 лет, проживающие в крупном городе, которые используют Интернет с

[26]Исследование «Информационная культура населения Свердловской области: поселенческий и демографический аспекты». В генеральную совокупность были включены жители Свердловской области от 16 до 75 лет. Объем выборочной совокупности составил 1130 человек; 2014–2015 гг.

помощью электронных гаджетов и устройств с образовательными и развлекательными целями, а также для совершения покупок и управления личными финансами.

Несмотря на то, что просмотр телепередач сохраняет в течение 40 лет свое место в ядре иерархии развлекательных занятий, в последние годы происходит снижение его ценности [6]. Оно по-прежнему лидирует в группе старше 60 лет (в среднем население старше 60 лет проводит за просмотром телепередач 3–4 часа в день; почти 30% тратят на просмотр телепередач более 4-х часов в день), однако также наблюдается тенденция снижения временных затрат: в возрастной группе 30–59 лет на просмотр тратится 2–3 часа, в молодежной среде – не более 1–2 часов [4, с. 89].

При использовании Интернета наблюдается обратная ситуация: затраты времени снижаются с увеличением возраста респондентов. Если среди молодежи практически половина проводят в Интернете более 4-х часов в день, то в возрастной группе 30–59 лет таких только четверть. Среди людей старшего возраста 40% вообще не используют Интернет.

Таким образом, основной водораздел в использовании различных источников информации сегодня проходит по признаку возраста.

Население активно использует телевидение и Интернет, тратит на это много времени, однако при этом не подтвердилась гипотеза о переизбытке информации.

В научной литературе отмечается факт переизбытка информации, которая обрушивается на современного человека. Так, за последние 30 лет в мире было произведено большее количество информации, чем за предшествующие 5000 лет. Традиционные информационные каналы в настоящее время существенно расширены за счет появления Интернета. Информация, несомненно, потенциально стала более доступной. Но доступна ли она актуально, в действительности, насколько удовлетворены жители объемом доходящей до них информации?

Результаты нашего исследования показывают, что основная масса респондентов считает, что «В целом информации достаточно» (68%), однако больше всего недостаток информации ощущают жители средних городов (на это указали 16,7% респондентов, в то время как, например, в малом городе таких только 7,3%, а в сельской местности – 4,9%). С другой стороны, на переизбыток информации указали жители села (22,5%), больших городов и мегаполиса (18,2 и 17,5% соответственно).

При сравнении мегаполиса и группы средних и малых городов четко прослеживается тенденция нарастания недостатка информации: если в мегаполисе на недостаток информации указали 9,3% респондентов, то в средних и малых – 12%, и, наоборот, избыточность информации ощущается в мегаполисе сильнее, чем в малых и средних городах (17,5 и 12,7%). Таким образом, мегаполис характеризуется противоречивостью, здесь больше групп, испытывающих как недостаточность информации, так и ее переизбыток.

Какого рода информацию потребляют жители региона? Это информация развлекательная (62,7%) и политическая (62,2%), затем – с существенным отрывом─ идет экономическая информация и информация культурно-духовного плана (40,2 и 36,7%). Кроме того, 32,5% граждан выбирают информацию бытового характера, 28,3% спортивную, и меньше всего их интересует реклама (см. табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос
«Какая информация Вас обычно интересует?», в % от ответивших

N п/п	Параметры	Доля
1	Развлекательная	62,7
2	Политическая	62,2
3	Экономическая	40,2
4	В социально-духовной сфере	36,7
5	Спортивная	28,3
6	Рекламная	14,2
7	Бытовая	32,5
8	Другая	2,2

Сумма ответов более 100%, так как респонденты могли выбрать несколько ответов

Общая черта информационно-культурной среды региона – резкое повышение скорости приобщения населения к различным новым информационным технологиям, отличительная черта – максимально интенсивное приобщение наблюдается в мегаполисах, интенсивность приобщения падает по мере движения от крупных поселений к мелким. Специфика Свердловской области заключается в том, что равное количество его жителей (примерно по 40%) проживает в двух типах поселений – в городе-миллионщике Екатеринбурге и в малых и средних городах. В связи с этим возникает вопрос: существуют ли различия между группой средних и малых городов и мегаполисом?

Полученные данные показывают, что существенных различий нет, с несущественной разницей (примерно в 4%) в среднем и малом городе люди больше склонны интересоваться бытовой информацией, и меньше – экономической, социально-духовной и спортивной. Сравнение интересов жителей мегаполиса и жителей села показывает, что в сельских поселениях меньше интересуются политикой, экономическими новостями, рекламой, но существенно больше – информацией бытового плана: если в мегаполисе такой информацией интересуется 8,4% жителей, то в сельских поселениях – 17,7%.

В целом можно сделать вывод: интересы жителей разных типов поселений в выборе информации хотя и имеют некоторые различия, в то же время скорее гармонизированы, существенно не отличаются.

Список литературы

1. Анимица Е.Г. Феномен кондратьевских волн и циклов в развитии промышленности Уральского макрорегиона // Модернизационно-инновационные процессы в социально-экономическом развитии регионов и городов. Книга 1. Изд-во Урал.гос. экон. ун-та. Екатеринбург, 2013. С. 11–50.

2. Гражданское общество современной России. Социологические зарисовки с натуры / [Е.С. Петренко и др.]; Отв. ред. Е.С. Петренко. М. Институт Фонда «Общественное мнение», 2008. 392 с.

3. Закс Л.А. Город как машина культуры: прошлое и современность // Современный город: социальность, культуры, жизнь людей: материалы XVII Международной научно-практической конференции Гуманитарного университета. 14–15 апреля 2014 года. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2014. Т. I. С. 13–37.

4. Информационная культура жителей Свердловской области: поселенческий и социально-демографический аспекты: монография / под общей ред. проф. А.И. Кузьмина, доц. С.Н. Костиной; Мин-во образования и науки Рос. Федерации. Урал.федерал. ун-т. Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 2016. 222 с.

5. Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года [Электронный ресурс] // URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm (Дата обращения: 15.07.2017).

6. Караганова Т.М. Российская повседневность в показателях использования времени (1965–2014) // Россия реформирующаяся: Ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков; Институт социологии РАН. М.: Новый хронограф, 2016. Вып. 14. С. 172–200.

7. Лапин Н.И. Социоэкономическая и социокультурная модернизация регионов России // Социологические исследования. 2015. № 1. С. 5–10.

8. Назаров М.М. Телевидение и Интернет: типология российского медиапотребления // Социологические исследования. 2014. № 6. С.116–126.

9. Реутов Е.В., Тришина Т.В. Интернет-практики и информационные предпочтения населения // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 140–148.

А.А. Захарченко

МОНИТОРИНГОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ИЗУЧЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ НАСЕЛЕНИЮ (НА ПРИМЕРЕ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ[27])

Аннотация. *В статье рассматриваются методологические подходы к исследованиям эффективности оказания медицинской помощи. Говорится об актуальности изучения эффективности медицинской помощи в современном обществе. Показываются примеры проведения прикладных мониторинговых исследований. Приводятся основные теоретические концепции изучения социологии медицины и наиболее известные в данной сфере авторы.*

Ключевые слова: *социология медицины, медицинская помощь, эффективность, здравоохранение, мониторинг.*

A.A. Zakharchenko

MONITORING RESEARCHES IN THE STUDY OF EFFICIENCY OF ORGANIZATION OF MEDICAL CARE TO POPULATION (ON THE EXAMPLE OF TYUMEN REGION)

Abstract. *Improving the efficiency of medical care to the population and improve the quality of today is one of the priorities in the work of the health care system. Mechanisms for data management, as well as the improvement of the legislative framework in the field of public health is largely based on research estimates obtained both qualitative and quantitative sociological methods (expert, mass surveys, etc.). Currently, comprehensive studies of quality of care and its organization in most cases carried out haphazardly, irregularly. In general, qualitative research with a sociological analysis of various indicators of medical care is in insufficient quantity in the Russian Federation. The lack of unified structured program approaches and definitions of key indicators in the study of the effectiveness of medical care makes it difficult opportunities in an integrated and unified assessment in this area. Clearly elaborated formalized evaluation system to measure the effectiveness of health care organizations in many ways could be a mechanism to improve the organization of medical care in the broadest sense, to improve its quality at the level of management decision-making, as the competent authority, as well as senior staff of health care institutions. The adoption of qualified management decisions based on scientific approaches and research evaluations largely should help improve the effectiveness of medical care. Sociological evaluation of the various aspects of this sector can also be an effective feedback mechanism*

[27]Исследование проведено по инициативе и при поддержке Тюменской областной думы

between ordinary consumers of health care (the public) and managerial personnel in the field (governments, health care institutions, etc.).

In 2014, Scientific and Technical Center «Perspektiva» was carried research devoted to the efficacy of medical care in the Tyumen region. The survey was based on the basis of expert assessments and mass. Research has shown that today in the Tyumen region there are no serious problems in the sphere of health care. Existing problems are not critical and it is eliminated at the complex, organized approach. It is important to timely monitor emerging issues in this area and take rapid measures to address them.

Keywords: *sociology of medicine, medical care, efficiency, health, monitoring.*

Повышение эффективности организации медицинской помощи населению и улучшение ее качества на сегодняшний день является одним из приоритетных направлений в работе системы здравоохранения. Управление данными механизмами, а также совершенствование законодательной базы в области здравоохранения во многом основывается на исследовательских оценках, полученных как качественными, так и количественными социологическими методами (экспертные, массовые опросы и др.). В настоящее время комплексные исследования качества медицинской помощи и ее организации в большинстве случаев проводятся бессистемно, нерегулярно. В целом качественных исследований с социологическим анализом различных показателей организации медицинской помощи в Российской Федерации оказывается немного. Отсутствие единой структурированной программы подходов и определения основных индикаторов в изучении эффективности организации медицинской помощи значительно затрудняет возможности в области комплексной и единой оценки в данной сфере. Четко выработанная формализованная система оценки, измерения эффективности организации медицинской помощи во многом могла бы стать механизмом совершенствования организации медицинской помощи в широком смысле, повышения ее качества на уровне принятия управленческих решений как компетентными органами власти, так и руководящим персоналом учреждений здравоохранения. Принятие квалифицированных управленческих решений на основе научных подходов и исследовательских оценок в значительной степени должно способствовать повышению результативности организации медицинской помощи. Социологические оценки различных аспектов данной сферы также могут являться действенным механизмом обратной связи между рядовыми потребителями медицинской помощи (населением) и управленческими кадрами в данной области (органы власти, учреждения здравоохранения и т.д.).

В настоящее время в Российской Федерации значительно возросла социальная значимость качественных подходов в здравоохранении. Возрастает интерес к проблемам здоровья человека, профилактических мероприятий, жизнедеятельности и др. Широкомасштабные перемены, происходящие в различных сферах российского общества (и в том числе, в сфере здравоохранения), требуют не только регулярного научного анализа, выделения факторов, влияющих на состояние общества, но и в большой степени совершенствования и модернизации всех существующих социальных систем. Факторов, влияющих на здоровье населения, оказывается великое множество: экономический кризис, экологическая обстановка, качество подготовки медицинских кадров, смещение ценностных ориентаций и т. д. При этом роль здоровья, как одной из ключевых составляющих общественного развития, становится только заметней. Здоровье рассматривается как социальная ценность и важное условие оптимального социально-экономического развития общества [1, с. 116].

Как никогда становятся актуальны вопросы качества оказания медицинской помощи, функционирования медицинских учреждений, общественного и государственного контроля оказания медицинской помощи. На качестве и структуре оказания медицинской помощи в последнее время в значительной мере сказывается так называемая коммерциализация медицинской деятельности. Многие медицинские услуги стало возможно получить более

быстро, комфортно, удобно и индивидуально, но на платной основе. У актуальных и потенциальных пациентов появляется широкий круг выбора лечебного учреждения, врача, а иногда и способа осуществления медпомощи.

Здравоохранение России сейчас переживает непростые времена. Растет число негативных примеров и недостатков функционирования системы (к примеру, случаи врачебных ошибок, коррупция в медучреждениях, длительность ожидания приемов, нехватка кадров и сокращение ФАП в сельских районах и др.). Зачастую получается, что декларируемые Конституцией Российской Федерации принципы социальной справедливости и равенства в получении бесплатной медицинской помощи реализуются далеко не всегда и не в полном объеме [2, с. 7]. Именно поэтому важными становятся первичные мониторинговые социологические исследования, призванные выявить существующие проблемы и недостатки оказания медицинской помощи, разработать рекомендации и методики по совершенствованию ее оказания на основе мнений населения и экспертного сообщества, определить роль и место здравоохранения. В связи с этим в последнее время и в России, и в зарубежных странах возрастает число публикаций по данной теме именно социологической направленности.

Очевидно, что в настоящее время возникает острая необходимость обобщения, систематизации и построения структурных схем прикладных социологических знаний и опыта в сфере организации медицинской помощи. Необходимо организовывать регулярные, основанные на общей методике социологические мониторинговые исследования в данной области.

В качестве примера рассмотрим проведенное в 2014 г. Научно-техническим центром «Перспектива» социологическое исследование, посвященное изучению эффективности организации медицинской помощи в Тюменской области. Исследование было построено на основе экспертных и массовых оценок. В качестве экспертов привлекались: специалисты органов государственной власти и местного самоуправления, руководители и специалисты медицинских организаций, учреждений профессионального образования в сфере здравоохранения. Объем выборки массового опроса составил 1500 респондентов. Тип выборки: районированная выборка с отбором типичных объектов с распределением по полу, возрасту. Количество экспертных интервью составило 100.

По результатам мониторинга достаточно высокими в Тюменской области оказываются показатели оценки уровня предоставления услуг здравоохранения. 42% опрошенных уверены, что уровень предоставления услуг здравоохранения высокий. При этом экспертные оценки данного показателя также оказываются высокими. Представители экспертного сообщества отметили, что за последние 2–3 года качество предоставляемых услуг значительно повысилось, медицинское оборудование было модернизировано, более доступными стали услуги высокотехнологичной медицинской помощи. Согласны с тем, что уровень предоставления медицинских услуг возрос, и жители области – 41% (рис. 1).

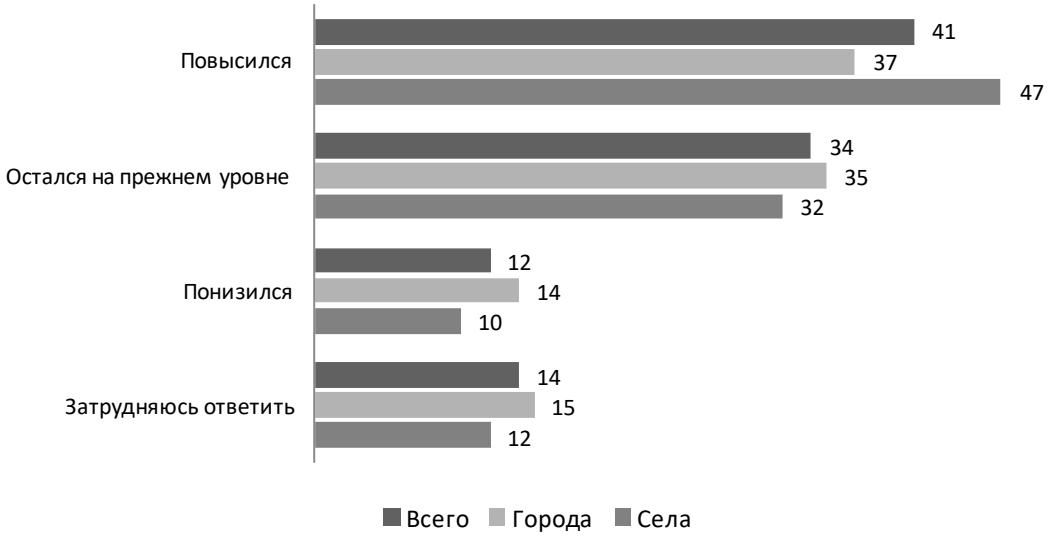

Рисунок 1. Оценка изменения уровня предоставления услуг здравоохранения за последние 2–3 года, %

«Улучшилась доступность оказания помощи, пациенты стали получать специализированную помощь, имеют возможность получать высокотехнологическую помощь по ОМС и специализированную также по программе ОМС, бесплатно. Электронные, информационные системы записи пациентов – это улучшает качество и скорость обслуживания» (Цит. Эксперт-3).

Говоря о субъективных оценках состояния своего здоровья, население указывает, что оно хорошее (49%) и за последний год за медицинской помощью им пришлось обращаться в медицинские учреждения 1–2 раза (49%). При этом более четверти респондентов (30%) отметили, что ни разу не обращались в медицинские учреждения за последний год. Наиболее распространенными медицинскими услугами среди жителей области за последние 5 лет стали: первичная медико-санитарная помощь (лечение наиболее распространенных болезней и неотложных состояний; оказание медицинской помощи по месту жительства) и скорая медицинская помощь.

Оценивая качество медицинских услуг, опрошенные чаще всего ставят ему достаточно высокие оценки. Наиболее высоко респонденты оценивают качество платных медицинских услуг (73% дают положительные оценки) и скорой медицинской помощи (69% дают положительные оценки). При этом значимых отличий в ответах респондентов на данный вопрос в зависимости от их социально-демографических характеристик в ходе опроса не фиксируется. Отметим лишь, что респонденты с наименьшим уровнем благосостояния склонны давать значительно более низкие оценки качеству всех представленных услуг. А услуги льготного лекарственного обеспечения респонденты, как правило, оценивают ниже других услуг. При этом жители сельских населенных пунктов оценивают качество услуг льготного лекарственного обеспечения выше, в отличие от жителей городов. При оценке использовалась 5-балльное шкалирование, где 1–максимально низкие оценки качества оказания медицинских услуг, а 5– максимально высокие, далее было произведено укрупнение индикаторов с помощью группировки балловых оценок на высокие, средние и низкие. (рис. 2).

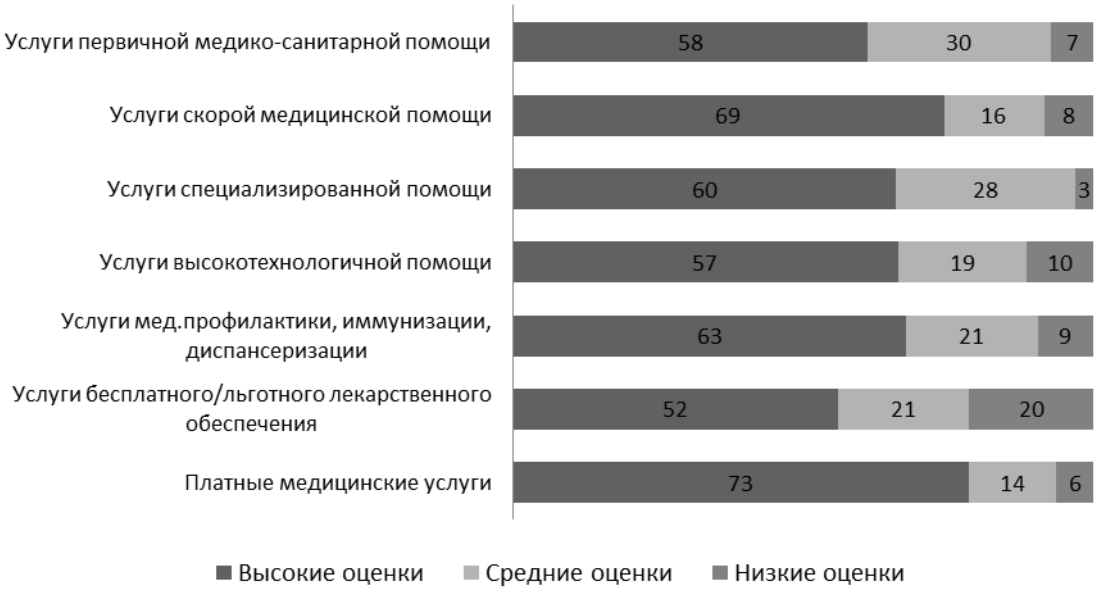

Рисунок 2. Общая оценка населением оказанных медицинских услуг, %

По мнению превалирующей доли респондентов, медицинские услуги в Тюменской области по большей части являются доступными. Наиболее доступными опрошенные сочли:

- первичную медико-санитарную помощь;
- скорую медицинскую помощь;
- медицинскую профилактику, иммунизацию, диспансеризацию;
- платную медицинскую помощь.

Скорее на среднем уровне оценивает население доступность специализированной помощи и бесплатного/льготного лекарственного обеспечения. Высокотехнологичную медицинскую помощь опрошенные обычно считают малодоступной рядовым жителям. Отмечается некоторое расхождение в оценках доступности высокотехнологичной медицинской помощи населением и представителями экспертного сообщества. Эксперты, напротив, уверены, что в Тюменской области современная высокотехнологичная медицинская помощь является вполне доступной, особенно в сравнении с некоторыми регионами Российской Федерации. При этом, эксперты отмечают, что все же пока еще в области существуют трудности с оперативностью получения высокотехнологичной помощи (сохраняются очереди на получение данного вида медицинских услуг).

«Предоставление услуг увеличилось, в том числе повысилось и качество, потому что сейчас у нас развивается вся медицина, в частности, ее высокие технологии. То есть, за последние 1–3 года открылись – это и нейрохирургический центр, радиологический центр, с оказанием высокотехнологической помощи. И плюс на перспективу запланировано строительство новых медицинских центров». (Цит. Эксперт-1).

Весьма значимым оказывается то, что, оценивая безопасность медицинских услуг в государственных и частных медицинских учреждениях, население высказывает практически равный уровень доверия и тем и другим. Чаще всего респонденты считают, что оказание медицинских услуг в государственных (42%) и частных (34%) учреждениях безопасно (учитывались оценки респондентов хотя бы единожды посетивших частные и государственные медучреждения). При этом отмечается, что около четверти опрошенных склонны давать ответы, что оказание помощи в данных группах медицинских учреждений не всегда безопасно. Отмечается, что женщины незначительно чаще мужчин склонны считать услуги государственных медицинских учреждений безопасными. Мужчины оказываются чуть более критичными, говоря, что услуги не всегда безопасны. Причем такой корреляции при оценке безопасности услуг в частных медицинских учреждениях не прослеживается.

Помимо этого, зачастую небезопасными услуги, как в государственных, так и частных медучреждениях, считают опрошенные с низким уровнем материального благосостояния.

Эксперты в значительной степени высоко оценивают уровень предоставления медицинских услуг, их безопасность и качество. Здесь были зафиксированы некоторые отличия в оценках экспертного сообщества и населения. Так, замечено, что эксперты, в отличие от населения, склонны более высоко и положительно оценивать уровень предоставления медицинских услуг, их безопасность и качество. Специалисты отмечали, что качество и безопасность медицинских услуг в последние годы возрастает в связи с обновлением материально-технической базы учреждений здравоохранения, модернизацией оборудования. Показательным является и то, что эксперты приводили сравнительные характеристики качества медицинских услуг Тюменской области и других регионов Российской Федерации на примере личного опыта. Они отмечают, что в плане качества и безопасности услуг Тюменская область находится на одном из самых высоких уровней в сравнении с другими регионами Российской Федерации. Эксперты говорили и о том, что в Тюменскую область за медицинской помощью активно приезжают жители других регионов, а это также говорит об уровне предоставляемых в области услуг.

«Безопасность жестко контролируется надзорными органами. Уровень предоставления услуг достаточно высок, безопасность – в том числе. Потому что при хорошем уровне не может быть низкой безопасности. Уровень увеличился, и можно это заметить, потому что большое количество обращается именно в Тюмень, Тюменскую область. Пациентов не только с Ямало-Ненецкого округа, Ханты-Мансийска, но и с других областей, и Свердловская область и Омская приезжает, Новосибирск, Томск. То есть, достаточно большое число пациентов едут именно в Тюмень». (Цит.Эксперт-2).

Опрошенное население сходится во мнении, что большинство врачей в их населенных пунктах имеет высокую квалификацию (36%). Значимо, что с некомпетентностью, непрофессионализмом специалистов медицинских учреждений респонденты сталкиваются крайне редко. 52% опрошенных жителей области указали, что не сталкивались с некомпетентным медицинским персоналом или сталкивались не более одного раза. (рис. 3).

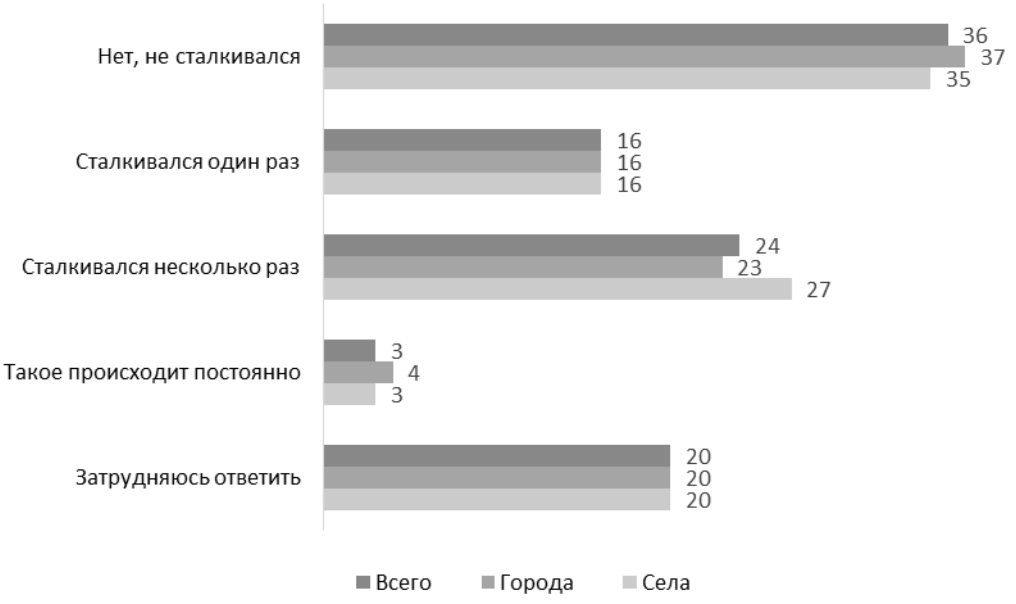

Рисунок 3. Факты некомпетентности медицинского персонала, %

К главным проблемам медицинского обслуживания в Тюменской области население отнесло длинные очереди в больницах, поликлиниках, недостаток врачей узкого профиля и недостаток оборудования. Экспертное сообщество среди существующих проблем в сфере предоставления медицинских услуг отметило дефицит кадров, трудности с внедрением

новых информационных технологий, в частности системы электронной записи; недостаток помещений в медицинских учреждениях, наличие очередей в больницах и поликлиниках, недостаточную оснащенность медучреждений. Отметим, что при этом эксперты говорят, что все существующие в данной сфере трудности являются разрешимыми, и за последние несколько лет ситуация активно изменяется в сторону улучшения. В перспективе важно изыскивать средства финансирования в части обновления, модернизации медицинского оборудования. Следует начать с постепенного обновления имеющегося оборудования в сельских населенных пунктах и ФАП. Возможно, что меры по расширению штата и частичного или полного исчезновения дефицита кадров будут в большой степени способствовать постепенному исчезновению проблемы очередности в медицинских учреждениях.

«Кадровый дефицит – это актуальная проблема пока еще. Затем, очень большая нагрузка на врача в плане заполнения различной медицинской документации. Конечно, сейчас информатизация внедряется все больше и больше в работу врача, но для этого должно быть и желание врача, и возможность его обучения новым информационным технологиям. Пока, конечно, это очень туго у нас проходит, но мы стараемся научить врачей, молодых легче, потому что они работают с компьютером легко, пожилым это труднее». (Цит.Эксперт-4).

По результатам и на основе проведенного мониторинга был выделен ряд основных рекомендаций органам власти для совершенствования повышения эффективности организации медицинской помощи населению в Тюменской области:

- Обеспечение медицинских учреждений квалифицированными, узкоспециализированными кадрами и младшим медицинским персоналом, устранение проблемы кадрового дефицита;
- Устранение очередей в медицинских учреждениях;
- Увеличение числа и модернизация оборудования в медицинских учреждениях;
- Увеличение контроля деятельности медучреждений;
- Повышение культуры обслуживания персонала в медучреждениях;
- Увеличение заработной платы медработников;
- Изменение графика приема (более гибкая организация);
- Обеспечение медицинских работников жильем;
- Улучшение обеспеченности лекарственными средствами льготных категорий граждан;
- Организация повышения квалификации и уровня профессиональных знаний медицинских работников;
- Повышение уровня информированности населения в части профилактики, иммунизации, возможности электронной записи на прием и т.д.;
- Популяризация среди населения профилактических мероприятий;
- Информирование молодых медицинских специалистов о существующих программах государственной и региональной поддержки, существующей системе стимулирования медработников;
- Показ в СМИ положительных примеров работы медицинских учреждений, создание позитивного образа медучреждений;
- Организация «горячих линий» для обратной связи «пациент—медицинский работник», проведение «Дней главного врача» (встречи с пациентами, ответы на вопросы со стороны населения и т.д.);
- Введение в законодательство обязательного страхования профессиональной медицинской деятельности.

В целом можно сказать, что на сегодняшний день в Тюменской области отсутствуют острые проблемы в сфере организации медицинской помощи. Существующие трудности не являются критичными и вполне устранимы при комплексном, организованном подходе.

Важно своевременно отслеживать возникающие проблемы в данной области и оперативно принимать меры по их устранению.

Результаты приведенного мониторинга рассматриваются и используются с целью совершенствования региональных нормативно-правовых актов, представителями законодательной и исполнительной власти региона. В статье в качестве примера были приведены краткие итоги мониторинга изучения эффективности организации медицинской помощи на примере Тюменской области. В дальнейшем регулярное проведение подобных мониторингов сможет показать не только динамику измеряемых показателей, но и позволит более эффективно применять меры совершенствования и механизмы повышения качества оказываемых услуг.

Список литературы

1. Акулич М.М., Заполева Е.О., Захарченко А.А., Пить В.В. Специфика исследования правовой культуры населения в эмпирической социологии // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2015. № 1. С. 114–118.

2. Астафьев Л.М. Социологический анализ удовлетворенности пациентов оказанием медицинской помощи: Дис. канд. социол. наук. М. 2005, 166 с.

3. Бударин Г.Ю. Медицина как социальный контроль: Дис. канд. социол. наук. Волгоград. 2005, 148 с.

4. Волкова М.Б. Здравоохранительное поведение населения в условиях российских социально-экономических трансформаций: Дис. канд. социол. наук. Саратов. 2005, 269 с.

5. Вялых Н.А. Стратегии потребления медицинской помощи: социологический анализ: монография. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета. 2015, 288 с.

6. Гимадрисламова Р.М., Хазиева Э.Р. Модель социологической оценки качества медицинской помощи в регионе // Психология. Социология. Педагогика. 2014. № 12. URL: http://psychology.snauka.ru/2014/12/4121 (Дата обращения: 04.09.2017).

7. Гордеева С.С. Социальные предпосылки становления социологии здоровья в современной России // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2011. № 1. С. 107–110.

8. Колесниченко М.Б. Некоторые концепции социологии медицины //Альманах современной науки и образования. 2009. № 4-2. С. 79–80.

9. Карпова О.В., Татарников М.А., Марочкина Е.Б. Социологические исследования в системе управления качеством медицинской помощи // Социология медицины. 2013. № 1(22). С. 11–15.

10. Общественное здоровье и здравоохранение: учебник / В.А. Медик, В.К. Юрьев. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2012. 608 с.

11. Решетников А.В. Социология медицины (введение в научную дисциплину): Руководство. М.: Медицина, 2002. 976 с.

12. Система поддержания здоровья в современной России: Сб. ст. и материалов полевых исследований / [С.Г. Кордонский и др.]; под ред. И.В. Кошкаровой. М.: Страна Оз, 2012. 400 с.

В.А. Корнилович

ОТНОШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ К РАБОТЕ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА СОЦИАЛЬНОГО СТРАТЕГИРОВАНИЯ

Аннотация. *Проблема в управлении рассматривается с позиции существующих в общественной системе двух типов структурных связей (управление и самоорганизация), которые регулируют два рода законов – детерминации и стохастики. На основе эмпирических данных автор демонстрирует потенциал социологического инструментария в изучении свойств саморазвивающихся общественных систем и трансформации систем социального управления на микро-, мезо- и макроуровне.Особые свойства систем социального управления на муниципальном, региональном и федеральном уровне формируются иерархией органов власти и управления, множеством субъектов Федерации, муниципальных образований и множеством связей между ними. Уровень социально-экономической и социокультурной модернизированности субъектов Федерации задает характерный тип структурных связей и увеличивает сложность модели государственного управления в целом.*

Реформирование действующей в России модели государственного стратегического управления требует учета следующей закономерности: при достижении определенного уровня модернизированности региона происходит увеличение влияния субъективного фактора в управлении, который, наряду с другими, определяет способность органов власти по достижению целей долгосрочного развития.

Ключевые слова: *социальное управление, стратегическое управление, стратегическое планирование, социальное стратегирование, модернизация, модель государственного управления, гражданская экспертиза.*

V.A. Kornilovich

THE ATTITUDE OF THE POPULATION OF REGIONS WITH DIFFERENT LEVELS OF SOCIO-CULTURAL MODERNIZATION TO THE WORK OF GOVERNMENT BODIES AND MANAGEMENT AS A MANIFESTATION OF THE PHENOMENON OF SOCIAL STRATEGY

Abstract*. The problem in management is viewed from the standpoint of two types of structural links existing in the public system (governance and self-organization) that regulate two kinds of laws - determination and stochastics. On the basis of empirical data, the author demonstrates the potential of the sociological tool in studying the properties of self-developing social systems and the transformation of social management systems at the micro, meso and macro level. Special features of social management systems at the municipal, regional and federal level are formed by the hierarchy of government and government bodies, by a large number of subjects of the Federation, municipalities and the many links between them. The level of socio-economic and socio-cultural modernization of the subjects of the Federation sets a characteristic type of structural links and increases the complexity of the model of public administration in general.*

Reforming the current model of state strategic management in Russia requires taking into account the following pattern: when a certain level of modernization of the region is reached, the influence of the subjective factor in management increases, which, among other things, determines the ability of authorities to achieve long-term development goals.

Keywords: *social management, strategic management, strategic planning, social strategy, modernization, model of public administration, civil examination.*

Стратегическое управление является высшей функцией государства, которая реализуется органами власти посредством конкретного вида деятельности – стратегическое планирование [6; 7]. Содержание этого вида управленческой деятельности составляет разработка и реализация документов стратегического планирования. Посредством концепций, прогнозов, стратегий и целевых программ властно-управленческая вертикаль программирует процессы социального развития. Органы власти, исходя из собственного видения проблем, имеющихся ресурсов и способности публичной власти устанавливать правила, создают искусственную, удобную и привлекательную для себя систему связей и социальных отношений, которая способна не обращать внимания на многие естественные процессы жизнедеятельности общества.

Тем не менее документы стратегического планирования как нормативно нагруженные, формализованные направления и средства достижения целей долгосрочного развития страны, региона, города призваны быть не только действенным инструментом реализации государственной политики, но и служить источником компромисса в обществе, признания гражданами целей развития и механизмов их достижения. Социальная обусловленность этого компромисса проистекает не только из становления общественного согласия по поводу стратегических приоритетов развития российского общества, но в большей степени из разногласий по поводу возможных издержек для определенных социальных групп, которые они понесут в ходе социально-экономических преобразований, что имеет для них и государства вполне экономическое выражение [3]. Попытки российских реформаторов разрешить нарождающееся противоречие путем «вовлечения» населения, экспертных групп, общественных и консалтинговых организаций в процесс разработки и публичного обсуждения проектов документов стратегического планирования не принесли должных результатов.

Таким образом, сложившаяся ситуация указывает на то, что органам власти не удается с помощью стратегических документов рационализировать совместную продуктивную деятельность множества социальных субъектов.

Проблема в управлении проявляется в том, что целенаправленные действия органов власти и управления по реализации стратегий, национальных приоритетных проектов, долгосрочных программ социально-экономического развития привели к непредвиденным следствиям: разбалансированности социальной системы, деградации ее отдельных элементов и подструктур, размыванию нормативно-ценностного комплекса социального доверия как важнейшего фактора, поддерживающего устойчивость и интегрированность общества [2, с. 8]. Характер осуществления социально-экономических, политических и административных реформ в России заставляет нас актуализировать существующую в социальной действительности закономерность: к определенной форме организации жизнедеятельности общество подходит постепенно – это есть концентрированный опыт многих поколений, она неразрывно связана с культурой народа, с природой и территорией страны, ее геополитическим расположением, историческими судьбами. Вот почему, рассматривая проблему управления развитием общества, нельзя обойти существующую связь между естественными процессами жизнедеятельности и эволюции общества и искусственно созданными механизмами регуляции. Для России организации системы стратегического управления – нетривиальный вопрос.

Гипотеза. Продолжающаяся дифференциация регионов по социально-экономическому развитию, особенности социокультурного развития регионов формируют в каждом из них уникальную систему социального управления, в этих условиях, оказывается, невозможно реализовать линейные зависимости в управлении на муниципальном, региональном и государственном уровне.

Гипотеза-следствие. Несмотря на преобладание в России тенденции централизации полномочий, для реализации государством своей функции стратегического управления решающее значение имеют две переменные: 1) увеличение субъективного фактора в управлении общественным развитием и 2) уровень модернизированности региона. В

конечном итоге, эти переменные определяет способность органов власти реализовать стратегии долгосрочного развития и обеспечить достижение планируемых социально значимых результатов на территории конкретного города/региона и страны в целом.

Созданные под руководством Н.И. Лапина и Л. Беляевой социокультурные портреты регионов [1], позволили нам на эмпирическом материале показать, что дифференциация регионов по социально-экономическому развитию не является проблемой бюджетного выравнивания, а является исходным условием для осуществления стратегии последовательной модернизации страны.

Попробуем выяснить «чувствительность» населения регионов с разным уровнем развития к деятельности органов власти по разработке и реализации документов стратегического планирования. Вопрос: существует ли зависимость между уровнем модернизированности региона и оценкой населением значимости стратегий для решения проблем в различных сферах жизнедеятельности локального сообщества?

Оценка положения дел в сфере стратегического планирования жителями регионов – Республика Дагестан, Республика Калмыкия, Смоленская область, отнесенных к «**низкому уровню**» модернизированности (по Н.И. Лапину) отражена в таблице 1.

Таблица 1

Таблица сопряженности стратегий развития города (поселения) на ближайшие 10-15 лет *(уровень ниже среднего)

Стратегии развития города (поселения) на ближайшие 10-15 лет		**Уровень ниже среднего по Лапину**			**Итого**
		Якутия	Башкирия	Омская обл.	
очень плохо	Частота	19	20	112	151
	% в уровень ниже среднего	4,6	5,6	26,4	12,6
довольно плохо	Частота	40	37	142	219
	% в уровень ниже среднего	9,6	10,3	33,5	18,3
удовлетворительно	Частота	215	146	134	495
	% в уровень ниже среднего	51,7	40,8	31,6	41,3
хорошо	Частота	128	121	30	279
	% в уровень ниже среднего	30,8	33,8	7,1	23,3
отлично	Частота	14	34	6	54
	% в уровень ниже среднего	3,4	9,5	1,4	4,5
Итого	Частота	416	358	424	1198
	% в уровень ниже среднего	100,0	100,0	100,0	100,0

Отметим для данной группы регионов, что основные оценки состояния стратегического планирования составляют: «довольно плохо» в среднем 30% и «удовлетворительно» – 40% ответов респондентов. Полярные оценки «очень плохо» и «хорошо» имеют примерно одинаковый процент ответов – 14,7 и 13,5% соответственно.

Присутствие в группе регионов двух национальных республик и оценка их населением положения дел в стратегическом планировании не позволяет говорить о каком-либо влиянии национальных особенностей (лояльности к власти) на оценку ситуации. В распределении оценок по субъектам Федерации, напротив, обращает на себя внимание Смоленская область, где отмечаются более высокие положительные оценки, по сравнению с республиками.

В группе регионов с уровнем развития «**ниже среднего**» (Республика Якутия, Республика Башкирия, Омская область) намечаются изменения в соотношении отрицательных и положительных опенок текущего состояния дел в стратегическом планировании (табл. 2).

Таблица 2

Таблица сопряженности стратегий развития города (поселения) на ближайшие 10-15 лет* (уровень ниже среднего)

Стратегии развития города (поселения) на ближайшие 10-15 лет		Уровень ниже среднего по Лапину			Итого
		Якутия	Башкирия	Омская обл.	
очень плохо	Частота	19	20	112	151
	% в уровень ниже среднего	4,6	5,6	26,4	12,6
довольно плохо	Частота	40	37	142	219
	% в уровень ниже среднего	9,6	10,3	33,5	18,3
удовлетворительно	Частота	215	146	134	495
	% в уровень ниже среднего	51,7	40,8	31,6	41,3
хорошо	Частота	128	121	30	279
	% в уровень ниже среднего	30,8	33,8	7,1	23,3
отлично	Частота	14	34	6	54
	% в уровень ниже среднего	3,4	9,5	1,4	4,5
Итого	Частота	416	358	424	1198
	% в уровень ниже среднего	100,0	100,0	100,0	100,0

В среднем по группе регионов происходит снижение отрицательных и сильно возрастает процент положительных оценок. Положение в сфере стратегического планирования оценивают как «очень плохо» 12,8% респондентов, «довольно плохо» – 18,3%. Высокий процент респондентов оценивают ситуацию «удовлетворительно» – 41,3%. При этом наблюдаются существенные отличия в ответах жителей Омской области от населения национальных республик: Якутия и Башкирия, где положительную оценку «хорошо» дает 30,8 и 33,8% респондентов, а оценка «удовлетворительно» достигает 51,7 и 40,8% соответственно. В Омской области оценку «хорошо» ставят всего лишь 7,1% опрошенных, а «удовлетворительно» – 31,8%.

Стоит отметить, что с повышением уровня развития региона наметились некоторые особенности в оценках граждан существующих в регионе/городе проблем. Пока мы можем отметить связь, что при «незначительном» повышении уровня модернизированности региона происходит существенный сдвиг в сторону положительного восприятия населением достигнутых результатов. Такая связь наиболее заметна в регионах, которые были сформированы как административно-территориальные единицы по национальному признаку.

Группа регионов, отнесенных к «**среднему**» уровню развития (Амурская, Белгородская и Вологодская области), демонстрирует концентрацию оценок населения в диапазоне «удовлетворительно» – «хорошо», соответственно 39,3 и 33,5% (см. табл. 3).

Таблица 3

Таблица сопряженности стратегий развития города (поселения) на ближайшие 10-15 лет* (уровень средний)

Стратегии развития города (поселения) на ближайшие 10-15 лет		Уровень средний по Лапину			Итого
		Амурская обл.	Белгородская обл.	Вологодская обл.	
очень плохо	Частота	40	33	22	95
	% в уровень средний	9,3	8,1	5,1	7,5
довольно плохо	Частота	86	35	61	182
	% в уровень средний	20,0	8,6	14,3	14,4
удовлетвори-тельно	Частота	181	112	204	497
	% в уровень средний	42,2	27,5	47,7	39,3
хорошо	Частота	98	192	134	424

	% в уровень средний	22,8	47,1	31,3	33,5
отлично	Частота	24	36	7	67
	% в уровень средний	5,6	8,8	1,6	5,3
Итого	Частота	429	408	428	1265
	% в уровень средний	100,0	100,0	100,0	100,0

Привлечение дополнительной информации о социально-экономическом развитии регионов, позволяет установить, что существующее различие в социально-экономическом развитии регионов внутри данной группы, отражается и в положительных ответах респондентов, например, оценка «хорошо» 22,8% (Амурская область), 47,1% (Белгородская область) и 31,3% (Вологодская область).

По сравнению с предыдущими группами регионов, оценки «очень плохо» и «довольно плохо» составляют в среднем по группе 7,5 и 14,4%, появляется существенная дистанция между негативными и положительными оценками. Например, соотношение в оценках «очень плохо» (7,5%) и «хорошо» (33,5%) составляет 1:4,5.

Московская, Нижегородская и Свердловская области составили группу регионов с «**высоким**» уровнем развития (см. табл. 4).

Таблица 4

Таблица сопряженности стратегий развития города (поселения) на ближайшие 10-15 лет* уровень высокий по Лапину

Стратегии развития города (поселения) на ближайшие 10-15 лет		**Уровень высокий по Лапину**			**Итого**
		Московская обл.	Нижегородская обл.	Свердловская обл.	
очень плохо	Частота	21	21	46	88
	% в уровень высокий	5,4	4,8	11,0	7,1
довольно плохо	Частота	60	64	61	185
	% в уровень высокий	15,4	14,7	14,6	14,9
удовлетворительно	Частота	136	176	141	453
	% в уровень высокий	35,0	40,6	33,7	36,5
хорошо	Частота	123	150	135	408
	% в уровень высокий	31,6	34,6	32,3	32,9
отлично	Частота	49	23	35	107
	% в уровень высокий	12,6	5,3%	8,4	8,6
Итого	Частота	389	434	418	1241
	% в уровень высокий	100,0	100,0	100,0	100,0

По аналогии с предшествующей группой сравним соотношение оценок «очень плохо» и «хорошо» – 7,1 и 32,9% соответственно, что показывает отношение 1:4,5. В оценках «довольно плохо» и «удовлетворительно» как и в предшествующей группе пропорции сохраняются – 1:2,5 (14,9 и 36,5% соответственно).

Мы также наблюдаем концентрацию оценок, отражающих общее положительное отношение населения к состоянию дел в стратегическом планировании: «удовлетворительно» – 36,5%, «хорошо» – 32,9% ответов респондентов.

Обращает на себя внимание факт: при переходе от «среднего» уровня развития региона к «высокому» принципиального «взрывного» изменения оценок роли документов стратегического планирования в решении актуальных проблем жизнедеятельности локального сообщества не происходит. Для группы «среднего» уровня развития такие оценки даже несколько выше: «удовлетворительно» – 39,3%, «хорошо» – 33,5%, а в группе «высокого» уровня развития эти оценки составляют 36,5 и 32,9% соответственно.

Из сравнения оценок населением положения дел в стратегическом планировании социально-экономического развития города/поселения, соотнесенных с уровнем модернизированности региона можно сделать три умозаключения:

1) при условии небольшого улучшения социально-экономической ситуации в регионе население национальных образований склонно более высоко оценивать достижения;

2) при переходе от «среднего» уровня развития региона к «высокому» роль документов стратегического планирования в решении социально значимых проблем локального сообщества становится менее заметной. Этот факт может быть объяснен тем, что по мере достижения определенного уровня социально-экономического, социокультурного развития происходит снижение сензитивности (чувствительности) индивидов и социальных групп к изменениям в социальной, политической, экономической и духовной сферах жизнедеятельности или опривычивание (хаббитуализация) достигнутого высокого уровня жизни и потребления. В такой ситуации перманентные общественные изменения, событийность воспринимаются как нечто само собой разумеющиеся, как результат собственной активности, а не следствие целенаправленных действий органов власти;

3) в регионах с высоким уровнем развития исключительно экономические, инфраструктурные [4] и т.п. приоритетные направления и долгосрочные цели уже не будут иметь должной поддержки и активности со стороны населения. С точки зрения стратегического планирования, для выявления новых возможностей развития в данной группе регионов потребуется проведение специальных социологических исследований по определению ценностных ориентаций и ожиданий различных социальных групп [5].

По данным основаниям мы можем подтвердить нашу исходную гипотезу. Достигаемый уровень социально-экономического и социокультурного развития региона предполагает изменения и в его системе социального управления, в приоритетах и стратегиях долгосрочного развития. Существующая модель государственного стратегического управления не учитывает различия в системах социального управления регионов, что приводит к ситуации, когда часть социальных субъектов выпадает из отношений управления.

Более того, в ходе нашего исследования отечественной практики государственного стратегического планирования был зафиксирован аномальный факт. Несмотря на то, что в России переход государственного управления к долгосрочному циклу планирования социально-экономического развития осуществляется с 1997 года, сам факт осуществления стратегического управления (действия, решения органов власти) не фиксируется в общественном сознании в течение последних 10–15 лет. По результатам экспертного опроса 2014 года, 41% респондентов считает, что государственные решения являются ситуационными или реактивными, 43% респондентов считает, что государственные решения принимаются исходя из краткосрочных планов и установок. При этом респонденты убеждены, что «краткосрочные планы необходимы и эффективны только в том случае, если исходят из долгосрочной стратегии и являются ее логическими структурными элементами» [8].

Мы проанализировали отношение населения к существующим проблемам в сфере стратегического планирования, как они воспринимаются в границах конкретного региона. Проявятся ли подмеченные нами связи теперь уже в оценках населением непосредственно деятельности органов власти по разработке и реализации документов стратегического планирования?

В группе регионов (Республика Дагестан, Республика Калмыкия, Смоленская область) с «**низким**» уровнем развития при оценке работы органов власти по стратегическому планированию примерно равный процент населения оказывается на полюсах: «очень плохо» и «хорошо», 15,8 и 12,5% соответственно. Практически соотношение равно 1:1, хотя имеется некоторый перевес в сторону отрицательных оценок. (см. табл. 5).

Таблица 5

Таблица сопряженности стратегии развития города (поселения) на ближайшие 10–15 лет* (низкий уровень)

Стратегии развития города (поселения) на ближайшие 10–15 лет		Низкий уровень по Лапину			Итого
		Дагестан	Смоленская обл.	Калмыкия	
очень плохо	Частота	6	43	91	140
	% в низкий уровень	14,0	10,8	20,4	15,8
довольно плохо	Частота	16	110	122	248
	% в низкий уровень	37,2	27,7	27,4	28,0
удовлетвори-тельно	Частота	14	191	170	375
	% в низкий уровень	32,6	48,1	38,2	42,4
хорошо	Частота	6	50	55	111
	% в низкий уровень	14,0	12,6	12,4	12,5
отлично	Частота	1	3	7	11
	% в низкий уровень	2,3	0,8	1,6	1,2
Итого	Частота	43	397	445	885
	% в низкий уровень	100,0	100,0	100,0	100,0

Отрицательные оценки деятельности органов власти в среднем по группе составляют: «очень плохо» – 15,8%, «довольно плохо» – 28,0%, и «удовлетворительно» – 42,4%, что может свидетельствовать о продолжающемся процессе дифференциации населения и его высокой чувствительности к действиям, либо бездействию органов власти.

Самый высокий процент в оценке деятельности органов власти как «довольно плохо» дает население Республики Дагестан – 37,2%, два других региона – по 27%. Оценка «удовлетворительно» имеет высокие показатели в Смоленской области – 48,1%, ниже ее значение в Калмыкии – 38,2% и Дагестане – 32,6%, что может быть соотнесено с различиями социально-экономического и социокультурного развития регионов внутри данной группы.

Полученные в результате проведенного опроса данные в какой-то мере разрушают бытующее представление о «лояльности» к органам власти как национальной особенности, присутствующей в системе социального управления регионов, сформированных по национальному признаку. Как в оценках «положения дел», так и в оценках «способности органов власти» эффективно решать задачи стратегического планирования и развития наблюдается соответствие реальному положению дел в различных сферах жизнедеятельности локального сообщества.

Группа регионов (Республики Якутия и Башкирия, Омская область) с уровнем модернизированности «**ниже среднего**» демонстрирует существенные изменения в распределении оценок гражданами деятельности органов власти в сфере стратегического планирования: «очень плохо» – 14,6%, «хорошо» – 22,6%, что имеет соотношение 1:1,5 (см. табл. 6). Сравните с предшествующей группой – 15,8 и 12,5% соответственно.

Таблица 6

Таблица сопряженности стратегии развития города (поселения) на ближайшие 10–15 лет* (уровень ниже среднего)

Стратегии развития города (поселения) на ближайшие 10-15 лет		Уровень ниже среднего по Лапину			Итого
		Якутия	Башкирия	Омская обл.	
очень плохо	Частота	17	22	137	176
	% в уровень ниже среднего	4,1	6,4	31,1	14,6
довольно плохо	Частота	50	39	131	220
	% в уровень ниже среднего	12,0	11,3	29,7	18,3
удовлетвори-тельно	Частота	197	143	144	484
	% в уровень ниже среднего	47,2	41,3	32,7	40,2
хорошо	Частота	136	109	27	272
	% в уровень ниже среднего	32,6	31,5	6,1	22,6
отлично	Частота	17	33	2	52
	% в уровень ниже среднего	4,1	9,5	0,5	4,3
Итого	Частота	417	346	441	1204
	% в уровень ниже среднего	100,0	100,0	100,0	100,0

Такие же изменения наблюдаются и в соотношении оценок: «очень плохо» – 14,6%, «довольно плохо» – 18,3% (в среднем по группе), которые в сумме оказываются меньше чем процент населения, отметившего в анкете оценку «удовлетворительно» – 40,2%. Следует зафиксировать резкую поляризацию мнения населения при достижении (в состоянии) более высокого уровня модернизированности региона, что отражает резкое усиление дифференциации. В предшествующей группе регионов «низкого» уровня развития подобного разрыва не отмечалось: плавное распределение, а сумма оценок, данных населением деятельности органов власти, «очень плохо» – 15,8%, «довольно плохо» – 28,0% была сопоставима с оценкой «удовлетворительно» – 42,4%.

При этом, в составе данной группы, население республик Якутия и Башкирия оценивают способность органов власти в решении задач стратегического планирования «довольно плохо» в 12,0% и 11,3% случаев, соответственно, а «удовлетворительно» – 47,2% в Якутии и 41,3% в Башкирии. Напротив, в Омской области деятельность органов власти получает оценку «довольно плохо» в 29,7%, а «удовлетворительно» в 32,7% случаев. Опять-таки, мы наблюдаем тенденцию более высокой оценки деятельности органов власти в национальных образованиях при условии перехода на следующий уровень модернизированности региона и несущественного повышения уровня и качества жизни населения.

В группе регионов «**среднего уровня**» развития (Амурская, Белгородская и Вологодская области) оценки населением способности органов власти решать задачи стратегического планирования демонстрируют серьезные изменения, произошедшие в общественных отношениях и, как следствие, в системе социального управления региона. Пропорция в оценках граждан: «очень плохо» (7,0%) и «хорошо» (35,6%) составляет 1:5, в среднем по группе. (см. табл. 7).

В оценках населением способности органов власти решить проблемы долгосрочного развития с использованием методов стратегического планирования прослеживается зависимость от социально-экономического положения региона и демонстрирует усложнение проблем в социальном управлении даже в пределах одной групп регионов. В Амурской области оценку «очень плохо» и «довольно плохо» мы имеем в 11,8 и 10,0% случаев, соответственно, а «удовлетворительно» – в 38,3%. В Белгородской области оценки: «очень плохо» и «довольно плохо» составляют 4,2 и 9,9% случаев, соответственно, а «удовлетворительно» – 29,8%. Население Вологодской области оценивает работу органов власти как «очень плохо» 4,8% населения, ставит оценку «довольно плохо» – 13,6% населения и 49,5% – оценку «удовлетворительно».

Таблица 7

Таблица сопряженности стратегии развития города (поселения) на ближайшие 10–15 лет* (уровень средний)

Стратегии развития города (поселения) на ближайшие 10–15 лет		Уровень средний по Лапину			Итого
		Амурская обл.	Белгородская обл.	Вологодская обл.	
очень плохо	Частота	53	17	22	92
	% в уровень средний	11,8	4,2	4,8	7,0
довольно плохо	Частота	45	40	62	147
	% в уровень средний	10,0	9,9	13,6	11,2
удовлетворительно	Частота	172	120	226	518
	% в уровень средний	38,3	29,8	49,5	39,6
хорошо	Частота	143	186	137	466
	% в уровень средний	31,8	46,2	30,0	35,6
отлично	Частота	36	40	10	86
	% в уровень средний	8,0	9,9	2,2	6,6
Итого	Частота	449	403	457	1309
	% в уровень средний	100,0	100,0	100,0	100,0

В целом по группе становится достаточно заметным «смещение» мнения населения в сторону «положительной» оценки способности органов власти решать задачи стратегического планирования. В среднем по данной группе регионов 39,6% респондентов оценивают деятельность органов власти как «удовлетворительно» и 35,6% – как «хорошо».

Московская, Нижегородская и Свердловская области составили группу регионов с «**высоким**» уровнем развития, которая в сравнении с группой регионов «среднего» уровня. демонстрирует некоторое увеличение в соотношении оценок: «очень плохо» и «хорошо» – 1:4 (7,6 и 32,0%, соответственно) (см. табл. 8).

Таблица 8

Таблица сопряженности стратегии развития города (поселения) на ближайшие 10–15 лет* (уровень высокий)

Стратегии развития города (поселения) на ближайшие 10–15 лет		Уровень высокий по Лапину			Итого
		Московская обл.	Нижегородская обл.	Свердловская обл.	
очень плохо	Частота	21	20	54	95
	% в уровень высокий	5,5	4,5	12,5	7,6
довольно плохо	Частота	60	64	73	197
	% в уровень высокий	15,7	14,5	16,9	15,7
удовлетворительно	Частота	121	190	145	456
	% в уровень высокий	31,6	43,0	33,5	36,2
хорошо	Частота	129	143	130	402
	% в уровень высокий	33,7	32,4	30,0	32,0
отлично	Частота	52	25	31	108
	% в уровень высокий	13,6	5,7	7,2	8,6
Итого	Частота	383	442	433	1258
	% в уровень высокий	100,0	100,0	100,0	100,0

К особенностям данной группы стоит отнести факт «возвращения» к плавному распределению населения в отношении оценок деятельности органов власти по стратегическому планированию, что было характерно для группы регионов «низкого» уровня развития. Распределение оценок в среднем по группе получилось следующее: «очень плохо» – 7,6%, «довольно плохо» – 15,7%, «удовлетворительно» – 36,2%, примерно, 1:2.

При этом сохраняются и особенности группы регионов «среднего» уровня развития,

где наблюдается концентрация населения в зоне «положительных» оценок деятельности органов власти по стратегическому планированию: «удовлетворительно» – 36,2%, «хорошо» – 32,0%,

Однако открытым остается вопрос: чем объясняется существующее внутри группы различие в оценках, при том условии, что все эти регионы достигли «высокого» уровня модернизированности (по Н.И. Лапину)? Например, оценку «удовлетворительно» в Московской области отметило 31,6%, респондентов в Нижегородской области – 43,0%, в Свердловской области – 33,5%.

По данным таблиц 5 и 8 достаточно уверенно можно сказать, что усилия органов власти по решению проблем социально-экономического развития региона посредством организации определенного вида управленческой деятельности – стратегическое планирование, оценивается населением более высоко в ситуации «низкого уровня» развития и перехода к уровню развития «ниже среднего». В состоянии «среднего» и «высокого» уровня развития региона, динамика не наблюдается, как в оценках проблем жизнедеятельности локального сообщества, так и в оценках способности органов власти эти проблемы решать. Небольшие колебания в оценках по регионам внутри групп не играют сколько-нибудь существенной роли для выявленных зависимостей.

Применительно к задачам реформирования властно-управленческой вертикали следует считать принципиальными подтвержденные эмпирическими данными социологические факты. Особенности социально-экономического, социокультурного развития конкретного региона определяют вариант системы социального управления и «чувствительность» населения к проблемам жизнедеятельности локального сообщества. С повышением уровня модернизированности региона происходит увеличение субъективного фактора в управлении, который, наряду с другими, определяет способность органов власти по достижению целей долгосрочного развития. Дифференциация регионов по уровню социально-экономического и социокультурного развития, а также существующее множество систем социального управления на муниципальном, региональном, макрорегиональном и федеральном уровнях являются исходным условием для конструирования социологической теоретико-прикладной модели государственного стратегического управления и реформирования системы управления в Российской Федерации.

Список литературы

1. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / Сост. и отв. ред. член-корр. РАН Н.И. Лапин. М.: Весь Мир, 2016. 360 с.

2. Горшков М.К. Гражданское общество и гражданская культура в современной России: опыт социологической диагностики // Россия реформирующаяся. Вып. 11: Ежегодник. М.: Новый хронограф, 2012. С. 3–26.

3. Нова ли новая Россия? Перемены в социальной структуре общества и социальном воспроизводстве россиян по материалам опросов 1994-2013 гг. / Под ред. О.И. Шкаратана, Г.А. Ястребова. М.: Университетская книга, 2016. С. 367–368.

4. Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждены Указом Президента Российской Федерации от 16.01.2017 г. № 13.

5. Тихонов А.В., Корнилович В.А. Социальное стратегирование как механизм экспликации интересов населения в системах управления // Личность. Культура. Общество. 2016. Т. 18. Вып. 1–2 (89–90). С. 119–135.

6. Указ Президента Российской Федерации «Об Основах стратегического планирования в Российской Федерации» № 536 от 12 мая 2009 года; Указы Президента Российской Федерации, подписанные 7 мая 2012 года. [Электронный ресурс]: Президент России: [веб-сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/ (Дата обращения: 23.10.2009).

7. Федеральный закон Российской Федерации от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»; Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации». [Электронный ресурс]: Российская газета: [веб-сайт]. URL: http://www.rg.ru/2009/05/19/strategia-dok.html (Дата обращения: 17.01.2015).

8. Хвыля-Олинтер Н. Развитие России: оценка и прогноз // Центр С.С. Сулакшина (Центр научной политической мысли и идеологии). [Электронный ресурс]: Центр Сулакшина: [веб-сайт]. URL: http://rusrand.ru/forecast/razvitie-rossii-otsenka-i-prognoz (Дата обращения: 27.10.2014).

Е.Ю. Костина, Н.А Орлова

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И БЛАГОПОЛУЧИЕ НАСЕЛЕНИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ: ВЫЗОВЫ И СТРАТЕГИИ УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. *В статье рассматриваются проблемы демографической безопасности ДФО. Особое внимание уделяется анализу таких показателей как уровень рождаемости и миграции, выступающих индикаторами социального благополучия населения. Говорится об острой необходимости разработки и реализации специальной политики, направленной на развитие стратегически важных для России территорий.*

Ключевые слова: *демографическая безопасность, социальное благополучие, управление демографическими процессами.*

E.Yu. Kostina, N.A Orlova

DEMOGRAPHIC SECURITY AND WELFARE OF THE POPULATION OF THE RUSSIAN FAR EAST: CHALLENGES AND MANAGEMENT STRATEGIES

Abstract. *The article considers the problems of demographic security of the Far Eastern Federal District. Particular attention is paid to the analysis of indicators: the level of fertility and migration, which are indicators of the social well-being of the population. It is a question of the urgent need to develop and implement a special policy aimed at developing strategically important territories for Russia.*

Keywords*: demographic security, social welfare, management of demographic processes.*

Задача выживания была всегда главной задачей для человека и человечества, сначала речь шла только о личном выживании и личной безопасности, но с зарождением государственности (еще на уровне племени или рода) обеспечение безопасности и выживание становится главной государственной задачей. И в большинстве случаев речь идет о защите от внешних угроз: со стороны других государств, природы, чрезвычайных ситуаций техногенного характера. При этом, на наш взгляд, актуальным и необходимым является изучение угроз, которые сокрыты и исходят во многом от самого человека.

Начиная еще с 1992 года в России отмечалась убыль населения, его уровень сокращался катастрофическими темпами (примерно на 800 000 человек в год), что позволяет говорить о серьезном демографическом кризисе, в котором оказалась страна. Социальные и экономические реформы вызвали ряд демографических тенденций, с которыми сегодня приходится считаться и предпринимать меры по их преодолению и сглаживанию негативных последствий для страны и общества, речь идет о старении населения; снижении коэффициента фертильности; росте уровня смертности; снижении ожидаемой продолжительности жизни.

И если на сегодняшний день ряд регионов смогли преодолеть данные негативные тенденции в демографической сфере, то в других субъектах ситуация не столь позитивна. В частности, данная проблема характерна для Дальневосточного федерального округа (ДФО). Анализ показателей численности населения ДФО за два последних года (2016 и 2017 гг.) не дает возможности прогнозировать благоприятное развитие событий. Так, на 1 января 2016 года численность постоянного населения Приморского края составила 1929,0 тыс. чел., Хабаровский край – 1334,5 тыс. чел.; Республика Саха (Якутия) – 959,7 тыс. чел.; Амурская область – 805,7 тыс. чел.; Сахалинская область – 487,3 тыс. чел.; Камчатский край – 316,1 тыс. чел.; Еврейская автономная область – 166,1 тыс. чел.; Магаданская область – 146,4 тыс. чел.; Чукотский автономный округ – 50,2 тыс. чел. [Численность ..., 2016]. А на 1 января 2017 года численность постоянного населения Приморского края составила 1923,1 тыс. чел., Хабаровский край – 1333,3 тыс. чел.; Республика Саха (Якутия) – 962,8 тыс. чел.; Амурская область – 801,8 тыс. чел.; Сахалинская область – 487,4 тыс. чел.; Камчатский край – 314,7 тыс. чел.; Еврейская автономная область – 164,2 тыс. чел.; Магаданская область – 145,6 тыс. чел.; Чукотский автономный округ – 49,8 тыс. чел. [25]. Только в двух субъектах произошло незначительное увеличение населения (Якутия и Сахалинская область), в целом же по округу численность населения уменьшилась на 12,3 тыс. чел (с 6195,0 тыс. чел. в 2016 до 6182,7 тыс. чел. в 2017, а в сравнении с 2015 годом на 28,3 тыс. чел.) [25, 24; 28]. Из данных цифр явно следует, что в ДФО происходит постоянное снижение численности населения, стабилизации и роста не наблюдается.

В свете существующей социально-экономической дифференциации российских регионов актуальным остается вопрос исследования демографического благополучия населения с учетом региональной специфики. Дальневосточный федеральный округ является одним из самых молодых по характеру хозяйственного освоения и заселения. Территория ДФО – это 6215,9 тысячи квадратных километров (36,4% территории России), а население округа составляет 6440,4 тыс. чел. (4,9% населения России) [2], то есть самый большой по площади субъект РФ, является одним из слабозаселенных регионов России.

Таблица 1

Распределение территорий и доля населения ДВФО [14, с. 7]

Субъекты Дальневосточного федерального округа	**Доля в территории Дальневосточного федерального округа, %**	**Плотность населения, чел.км.^{2}**
Республика Саха (Якутия)	49,98	0,3
Камчатский край	7,53	0,3
Приморский край	2,67	11,7
Хабаровский край	12,77	1,7
Амурская область	5,87	2,2
Магаданская область	7,50	0,7
Сахалинская область	1,41	0,3
Еврейская автономная область	0,59	4,6
Чукотский автономный округ	11,69	0,1

ДФО занимает особое геополитическое положение, вызванное его оторванностью от центра страны и территориальной близостью с активно развивающимися странами Азиатско-тихоокеанского региона. Необходимость защиты и удержания данных территорий, а как следствие − их заселение и экономическое развитие, всегда было приоритетом для правительства страны.

При исследовании демографической безопасности регионов необходимо учитывать существенные экономические, социальные, географические, экологические и природно-

климатические условия, которые порождают угрозы оптимальному развитию территории, в том числе и в демографическом плане. Относительно демографической безопасности Дальнего Востока России стоит отметить, что ситуацию на данной территории можно признать кризисной, так как преодоление негативных последствий возможно только при привлечении помощи извне, поскольку собственных человеческих ресурсов в регионе для этого недостаточно. В данном аспекте регион мог бы представлять интерес для других густонаселенных регионов РФ, которые не в состоянии предоставить всем рабочие места. Но, по мнению Е.Л. Мотрич «…ни один из федеральных округов не сможет быть населенческим донором для ДФО, поскольку межрегиональная миграция определяется социально-экономическими факторами» [15, с. 90], а экономика, социальная сфера и природные особенности не делают данный регион привлекательным для внутренней миграции. Эта точка зрения была подтверждена авторами в ходе собственного социологического исследования, по результатам которого можно говорить о снижении экономического благополучия населения в регионе [12; 13].

На наш взгляд, именно социальная среда и условия жизни населения являются определяющими в регулировании демографической ситуации в регионе, благополучие населения на той или иной территории во многом определяет готовность людей осесть, пустить корни, а, следовательно, приводит к увеличению рождаемости и снижению миграционного оттока населения. Среда обитания человека—совокупность элементов, составляющих естественную (природно-экологическую) и социокультурную основы воспроизводства жизни человека. И стоит сказать, что ДФО не всегда может быть охарактеризован в терминах безопасной и комфортной общественной среды [16].

Демографическая безопасность напрямую связана с понятиями качества и уровня жизни населения, занятости и безработицы, дифференциации доходов населения, безопасности личности и т.д. Демографическая безопасность – защищенность процесса жизни и непрерывного естественного возобновления поколений людей [1]. Главным субъектом демографической безопасности и социального благополучия выступает государство, проводящее ту или иную социальную политику с опорой на соответствующие институты (экономические, политические, законодательные, правоохранительные, образовательные, социально культурные и т.д.). Кроме того, в качестве субъектов могут выступать социальные группы и отдельные люди. Диатропическая концепция социальной безопасности обращает внимание на уровень коммуникации, мотивации, интеракции и поведения, соответственно безопасность является результатом жизнедеятельности разных социальных групп, а ее обеспечение во многом является прерогативой/обязанностью самих социальных субъектов. В соответствии с этим важно не только оценивать объективные показатели безопасности и благополучия (полученные из статистических данных или путем калькуляции экспертных мнений), но и субъективные, включающие мнения и оценки населения (получаемые через опросы населения).

На наш взгляд, оценивая безопасность того или иного региона, недостаточно измерить возможность населения к воспроизводству не ниже определенного уровня, противостоять миграционному оттоку и интегрировать мигрантов в местное сообщество. Но важно также оценить насколько легко или сколько усилий требуется приложить жителям для обеспечения себе достойного уровня и качества жизни, способность адаптироваться к социально-экономическим изменениям, происходящим на данной территории. То есть, вместе с показателями демографической сферы необходимо изучать также и показатели социального благополучия населения.

Социальное благополучие – это многофакторный конструкт, который представляет взаимосвязь социальных, психологических, культурных, физиологических, экономических и духовных факторов, которые позволяют человеку успешно физически, психически, социально и экономически функционировать в обществе [12, с. 62]. То есть, социальное благополучие человека с одной стороны − это сумма субъективной оценки человеком себя и собственной жизни, эффективное и позитивное функционирование личности, а с другой −

отлаженная система социальной политики, гарантирующая человеку социальную защищенность —объективная реальность. Кроме того, понятие «социальное благополучие» напрямую связано с понятием социальной безопасности, которую нельзя обеспечить в стране или регионе без обеспечения социального благополучия населения.

Важными показателями, позволяющими понять модальность оценки населением уровня безопасности ситуации и условий проживания, являются, по нашему мнению, такие социально-демографические индикаторы как уровень рождаемости и миграции. Ведь, согласно постулату «теоремы Томаса» (микро-социологическая теория Томаса У.), если ситуация определяется человеком как реальная, то она реальна и по своим последствиям для него. Соответственно, исследуя такие показатели как число рождений и миграционное поведение населения, можно говорить об объективном состоянии социального благополучия населения, через которое опосредовано можно достичь демографической безопасности региона. Люди чувствуя себя в безопасности, готовы создавать семью, брать ответственность за другого, приводить в этот мир детей, а не откладывать создание семьи или рождение ребенка для более благоприятного времени.

Таблица 2

Общие коэффициенты рождаемости в ДФО [5; 6; 7; 8; 9; 10; 11]

Год	**2008**	**2009**	**2010**	**2011**	**2012**	**2013**	**2014**	**2015**	**2016**
На тысячу населения	12,6	13,0	13,2	13,2	14,0	13,9	14,0	13,9	13,3

Коэффициенты рождаемости в ДФО достаточно длительный период демонстрировали положительную тенденцию к росту. В 2012 году, в отличие от предыдущих лет, рождаемость превысила смертность и естественный прирост составил 0,9, в 2015 естественный прирост достиг показателя 1,3. Но уже к 2016 году уровень рождаемости снизился, и естественный прирост составил 0,8. Наибольшее количество детей в 2016 было рождено в Якутии (16,0), наименьшее – в Магаданской области (11,2). На сегодняшний день Дальневосточный федеральный округ наряду с Северо-Кавказским, Сибирским и Уральским, входит в число четырех федеральных округов, демонстрирующих положительное значение естественного прироста населения, по сравнению с данными конца 90-х годов можно говорить о некотором репродуктивном подъеме в регионе. Правда, стоит отметить, что не все субъекты ДФО вносят равный вклад в данный показатель. Приморский край, Амурская область, Еврейская автономная область демонстрировали отрицательные коэффициенты естественного прироста в 2012–2015 гг., в 2016 году к этой группе присоединилась и Магаданская область. К сожалению, такая тенденция не позволяет прогнозировать, что естественный прирост позволит достичь требуемых для обеспечения демографической безопасности региона показателей без притока трудовых ресурсов извне.

Показатели миграционной активности населения, а именно ее объемы и направления, выступают явными маркерами, позволяющими судить о неблагоприятных условиях в регионах, характеризующихся оттоком населения и невозможностью обеспечить социальное и экономическое благополучие. Так, из данных приведенных в Таблице 3 видно, что регион до сих пор имеет отрицательные показатели миграционного прироста населения.

Таблица 3

Общие итоги миграции в ДФО [5; 6; 7; 8; 9; 10; 11]

Год	**2008**	**2009**	**2010**	**2011**	**2012**	**2013**	**2014**	**2015**	**2016**
Прибыло	115 489	93 872	96 875	187 335	232 140	238 122	240 862	247 821	251 030
Убыло	134 688	111 791	124 319	205 101	252 021	271 164	265 614	271 985	268 397
Миграционный прирост	-19 199	-17 919	-27 444	-17 766	-19 881	-33 042	-24 752	-24 164	-17 367

Показатели миграционных связей ДФО с другими федеральными округами различны. Просматривается существенная диспропорция с европейскими районами РФ, туда уезжает в 2,5 раза больше населения, чем приезжает оттуда. В основном происходит потеря населения трудоспособного возраста и младше трудоспособного возраста. При этом не стоит забывать, что они и составляют трудовой и воспроизводственный потенциал, так необходимый для данного региона.

Стоит отметить, что если существующие тенденции будут сохраняться, то это приведет к обострению и без того сложной ситуации в регионе, а также в геополитическом раскладе в АТР, вследствие чего может ухудшиться национальная безопасность. Неблагоприятная демографическая ситуация делает регион все менее привлекательным для въездной миграции и инвестиций. Только продуманная миграционная политика государства сможет вернуть сюда трудоспособное население и гарантировать демографическую безопасность региона.

К сожалению, пока ДФО не может надеяться на увеличение численности населения в ближайшем будущем, так как ни естественный прирост, ни миграционное пополнение не могут дать требуемых показателей, все это поднимает вопрос о необходимости специальных управленческих и законодательных мер со стороны государства, направленных на изменение демографической ситуации в регионе. Также следует учитывать особое и во многом уникальное геополитическое положение Дальневосточного федерального округа, что в свою очередь, оказывает влияние на развитие региональной экономики, которая в основном является сырьевой и ориентированной на соседние страны, а не на российскую экономику. Помня о том, что выход на рынки АТР невозможен без экономического и промышленного развития данного региона, которое в свою очередь подразумевает наличие, воспроизводство и сохранение трудовых ресурсов, распоряжением Правительства РФ от 28 декабря 2009 г. N 2094-р «О Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г.» закреплена стратегическая цель развития региона – реализация геополитической задачи закрепления населения за счет формирования развитой экономики и комфортной среды обитания человека в субъектах Российской Федерации, расположенных на этой территории, а также достижения среднероссийского уровня социально-экономического развития. Необходимо заметить, что сокращение численности населения ДФО является серьезным ограничением для социально-экономического развития территории.

Для стабилизации демографической ситуации в регионе и обеспечения социальной и демографической безопасности необходимо проведение специальных государственных мер, направленных на стимулирование рождаемости, увеличение продолжительности жизни, а самое главное обеспечение миграции высококвалифицированных кадров из других регионов страны. Социально-демографическая безопасность является результатом деятельности органов государственной, региональной и муниципальной власти, ведь именно она позволяет выбрать стратегию взаимодействия государства и человека, государства и общества.

Список литературы

1. Геополитика и национальная безопасность: Словарь основных понятий и определений / Под ред. В.Л. Манилова. М.: РАЕН. 1998. 254 с.

2. Дальневосточный федеральный округ [Электронный ресурс] // Официальный сайт полномочного представителя Президента Российской Федерации URL: http://www.dfo.gov.ru/index.php?id=25 (Дата обращения: 08.02.2017)/

3. Естественное движение населения Российской Федерации – 2009 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b09_106/Main.htm (Дата обращения: 20.01.2017).

4. Естественное движение населения Российской Федерации – 2010 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_106/Main.htm (Дата обращения: 20.01.2017)

5. Естественное движение населения Российской Федерации −2011 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_106/Main.htm (Дата обращения: 20.01.2017).

6. Естественное движение населения Российской Федерации − 2012 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_106/Main.html (Дата обращения: 20.01.2017).

7. Естественное движение населения Российской Федерации − 2013 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_106/Main.htm (Дата обращения: 20.01.2017).

8. Естественное движение населения Российской Федерации −2014 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_106/Main.htm (Дата обращения: 20.01.2017).

9. Естественное движение населения Российской Федерации – 2015 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_106/Main.htm (Дата обращения: 20.01.2017).

10. Естественное движение населения Российской Федерации – 2016 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_106/Main.htm (Дата обращения: 11.09.2017).

11. Естественное движение населения Российской Федерации за 2008 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B08_106/Main.htm (Дата обращения: 20.01.2017).

12. Костина Е.Ю., Орлова Н.А. Социальное благополучие жителей Дальневосточного региона России // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2016. №2(37). С. 61-71.

13. Костина Е.Ю., Орлова Н.А. Экономическое благополучие в оценках жителей Дальневосточного региона России (на материалах Приморского края) // Вестник института социологии. 2016. № 1. С. 12–26.

14. Мотрич Е.Л. Роль миграции в динамике численности и составе населения Дальневосточного федерального округа // Региональные проблемы. 2015. Т. 18. № 3. С. 6-14.

15. Мотрич Е.Л., Найдет С.Н. Демографические реалии и социальные перспективы регионов Дальнего Востока и Забайкалья // Уровень жизни населения регионов России. 2015. № 1. С. 84–94.

16. Филипова А.Г. Общественные пространства и дети: Владивосток vs Хабаровск // Вестник Института социологии. 2016. №1. С. 27–42.

17. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2008 г. [Электронный ресурс]// Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B09_107/Main.htm (Дата обращения: 10.09.2017)

18. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2009 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/b10_107/Main.htm (Дата обращения: 10.09.2017).

19. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2010 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_107/Main.htm (Дата обращения: 10.09.2017).

20. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2011 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_107/Main.htm (Дата обращения: 10.09.2017).

21. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2012 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_107/Main.htm (Дата обращения: 10.09.2017).

22. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2013 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_107/Main.htm (Дата обращения: 11.09.2017).

23. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2014 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_107/Main.htm (Дата обращения: 11.09.2017).

24. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2015 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_107/Main.htm (Дата обращения: 11.09.2017).

25. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2016 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_107/Main.htm (Дата обращения: 12.09.2017).

26. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2015 года / Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B15_111/Main.htm (Дата обращения: 12.09.2017).

27. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2016 года / Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_111/Main.htm (Дата обращения: 12.09.2017).

28. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2016 года / Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_111/Main.htm (Дата обращения: 12.09.2017).

Ф.М. Кремень

ГРАЖДАНСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА РАБОТЫ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ В СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. *В материалах представлены основные результаты социологического опроса, проведенного на территории Смоленской области в 2016 г. с целью изучения общественного мнения об актуальных региональных проблемах и оценки работы жителями региона органов власти различного уровня.*

Ключевые слова: *регион, общественное мнение, актуальные проблемы, органы власти, государственное управление.*

F.M. Kremen

THE CIVIL EXPERTISE OF THE GOVERNEMENT AUTHORITIES AND MANAGEMENT IN THE SMOLENSK REGION

Abstract. *The main results of a sociological survey conducted in the Smolensk in 2016 to study aims the public opinion on topical regional problems and assess the work of regional authorities at various levels are presented.*

Keywords: *region, public opinion, actual problems, authorities, state administration.*

В актуальной исторической ситуации перед российским государством стоит острая необходимость такого решения проблем внутренней и внешней политики, которое помимо текущего эффекта обеспечивало бы поступательное и непрерывное развитие модернизационных процессов, позволяющих удерживать позиции авторитетной мировой державы. В связи с этим первоочередной задачей органов власти и управления всех уровней является умение регулировать уровень социальной напряженности в регионах, не допускать реализации сценариев неблагоприятного социально-экономического развития. Научная проблема данного исследования обусловлен в первую очередь необходимостью наличия обратной связи между органами управления и населением, которая должна быть основана на

надежных научно обоснованных данных об отношении различных групп населения к существующим в регионах проблемам.

Объектом региональной части исследования стали противоречия между органами власти и управления и гражданским обществом в Смоленской области с учетом уровня модернизации региона.

Предметом выступают некоторые тренды, которые наблюдаются в Смоленском регионе и которые нужно учитывать при принятии текущих и стратегических решений.

Исследование в Смоленской области проводилось в мае-июне 2016 г. в рамках общероссийского исследования по гранту РНФ № 15-18-30077 «Гражданская экспертиза проблемы реформирования властно-управленческой вертикали в контексте процессов социокультурной модернизации регионов: от мониторинга состояний до прогнозного проектирования».

По своему географическому положению Смоленская область расположена на западе центрального федерального округа, является пограничным регионом, при этом располагается относительно недалеко от Москвы. Уровень социокультурной модернизации Смоленской области соответствует в типологии Н.И. Лапина второму типу, т.е. область относится к регионам, продолжающим первичную модернизацию (фаза роста), уровень вторичной модернизации – ниже среднего [1, с. 28]. При этом регион включен (по данным 2010 г.) в Центральный модернизационный кластер-узел с высоким уровнем вторичной модернизации. Таким образом, отмечается двойственность положения региона: его географическое положение (приграничный статус и близость к столице – главному модернизационному центру страны) задает очевидные ориентиры для развития, однако актуальное состояние социально-экономического положения области (дотационный регион) значительно затрудняет темпы первичной модернизации и не позволяет в обозримом будущем перейти на уровень информационной модернизации.

В ходе исследования было опрошено 500 респондентов, проживающих в городской и сельской местности (360 и 140 соответственно), различного пола, возраста и уровня образования по квотной выборке, соответствующей данным последней переписи населения. В дальнейшем анализе используются данные 495 анкет.

Из 28 предложенных для оценки проблем по 13 доля негативных оценок респондентов превышает положительные ответы, что свидетельствует о неудовлетворенности жителей Смоленщины различными сферами жизнедеятельности. Среди наиболее актуальных проблем региона, требующих первоочередного решения, по мнению жителей региона, заметно выделяются социально-экономические. При оценке состояния дорог, возможности трудоустройства и улучшения жилья, состояния ЖКХ неудовлетворительные оценки превышают сумму положительных и нейтральных (табл. 1). Также явно обозначена еще одна группа проблем, непосредственно связанных с управлением: коррупция, произвол чиновников и отсутствие стратегии развития населенных пунктов. Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о значительной неудовлетворенности граждан социально-экономическим состоянием региона и слабом развитии условий для его улучшения.

Только 20% опрошенных надеются на скорое разрешение указанных проблем, тогда как 63% настроены пессимистично. Регион является дотационным, большая часть бюджета носит социально ориентированный характер, однако размеры помощи нуждающимся категориям населения позволяют удовлетворять только минимальные потребности. Недостаточное количество рабочих мест и низкая заработная плата (15 место в ЦФО по доходам на душу населения) [2] вынуждает население уезжать на заработки в соседние Москву и Московскую область. Многие молодые люди стремятся получить образование в столице с перспективой там остаться.

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос «Как в Вашем регионе обстоят дела с…?» *, %

Проблема	Вариант ответа		
	Отлично, хорошо	Удовлетвори-тельно	Довольно плохо, очень плохо
С состоянием дорог	5,2	23,0	71,7
С возможностью найти работу	6,7	35,4	56,1
С возможностью улучшить жилищные условия	10,2	32,7	55,2
С состоянием жилищно-коммунального хозяйства	10,5	40,8	46,2
С коррупцией в органах власти	12,9	24,2	46,1
Со стратегией развития города (поселения) на ближайшие 10–15 лет	12,9	30,9	42,3
С борьбой с пьянством, хулиганством, наркоманией	17,0	30,1	41,9
С защищенностью прав и свобод от произвола чиновников	10,7	33,7	41,6
С загруженностью местных предприятий	17,3	26,9	39,2
С работой больниц и поликлиник	15,1	45,1	39,0
С охраной природной среды	20,0	38,0	35,3
С поддержкой малого и среднего бизнеса	11,7	33,1	32,1
С качеством государственных услуг населению (одно окно и т.п.)	20,4	31,9	31,7
С организацией массового отдыха населения	27,7	37,2	27,5
С доступностью электронной информации о работе органов власти	24,6	32,9	22,8
С профессиональным образованием, повышением квалификации	31,3	30,7	22,2
С работой органов правопорядка	33,7	40,8	19,0
С работой общественного транспорта	51,7	26,7	19,0
С отношением к приезжим (мигрантам)	36,2	34,1	15,3
С работой учреждений культуры	48,7	29,3	15,1
С удобствами торговли, качеством продовольственных и промышленных товаров	40,2	43,2	14,9
С работой дошкольных учреждений	48,5	29,3	12,4
С отношением к людям различных политических взглядов	41,2	34,5	11,3
С своевременной выплатой заработной платы, пенсий, пособий	65,7	22,8	10,5
С организацией и содержанием школьного образования	42,8	38,8	10,3
С охраной памятников культуры, истории	51,2	32,3	9,1
С уважением к людям вашей национальности	67,3	21,8	5,8
С уважением к людям вашего вероисповедания	70,7	18,6	5,0

*Ранжировано по степени убывания доли отрицательных оценок

При оценке успешности решения проблем внутренней политики к безусловно успешным сферам, по мнению жителей региона, можно отнести только укрепление вооруженных сил и работу правоохранительных органов, относительно положительно оценивается развитие внешних связей субъектов федерации. Доля негативных оценок превышает суммарные показатели положительных и нейтральных при оценке решения основных социально-экономических проблем (табл. 2). Жители Смоленской области остро

реагируют на высокий уровень социальной дифференциации (79%), снижения доходов населения и рост цен (70%). Выделенные внутриполитические проблемы в целом совпадают с региональными, однако их негативная оценка выше, чем в первом случае. Можно предположить, что респонденты рассматривают проблемы собственного региона как системное явление, обусловленное негативными тенденциями в социально-экономических процессах в целом по стране. (см. табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов респондентов на вопрос **«Насколько успешно, на ваш взгляд, решаются перечисленные ниже проблемы внутренней политики?» *,** %

Проблема	**Вариант ответа**		
	Отлично, хорошо	**Удовлетвори-тельно**	**Довольно плохо, очень плохо**
Справедливости, разрыва между уровнями жизни бедных и богатых слоев населения	**2,8**	**15,6**	**78,9**
Тенденции относительного снижения заработной платы, пенсий, роста цен	**5,6**	**22,2**	**69,7**
Тарифов ЖКХ, доступности жилья, ремонта аварийного фонда и т.п.	**4,0**	**23,2**	**69,3**
Безработицы	**4,2**	**34,5**	**58,2**
Борьбы с коррупцией в органах власти и управления	**9,7**	**25,3**	**54,9**
Мероприятий по предотвращению убыли населения по отдельным регионам	**8,5**	**33,1**	**43,0**
Модернизации отраслей народного хозяйства, содействие инновациям	9,9	32,9	41,2
Предоставления прав регионам в использовании ими своих ресурсов	10,7	36,4	39,3
Политики в области образования и воспитания молодежи	17,0	40,0	38,0
Обеспечения населения качественными продуктами питания	20,6	44,2	32,6
Демократизации общественной жизни, честность и прозрачность выборов	26,7	36,4	27,1
Повышения роли местного самоуправления в жизни регионов	12,7	42,4	26,1
Развития межрегиональных и международных связей субъектов федерации	20,8	34,7	15,7
Безопасности, угрозы терроризма, работы правоохранительных органов	43,1	35,6	15,7
Укрепления вооруженных сил и обороноспособности страны	68,5	17,2	7,7

*Ранжировано по степени убывания доли отрицательных оценок

Логично предположить, что высокая степень недовольства качеством решения указанных проблем вызывает высокую обеспокоенность населения состоянием системы управления в регионе: респонденты выделяют среди основных недостатков «показушничество», бюрократизм, рассмотрение властных полномочий не как управленческой функции, а как личного ресурса, приоритет личной преданности перед профессионализмом, низкий уровень квалификации. Из 15 недостатков, приведенных в анкете, 10 оцениваются опрошенными со значительным перевесом доли «высокой обеспокоенности» по сравнению с суммой выборов низкой и средней обеспокоенности (табл. 3). Полученные результаты свидетельствуют о низком доверии (практически его отсутствии) к местной власти различных уровней.

Таблица 3

Распределение мнений респондентов о недостатках отечественной системы управления*, %

Проблема	Вариант ответа		
	Низкая степень обеспокоенности или ее отсутствие	**Средняя степень обеспокоенности**	**Высокая и очень высокая степень обеспокоенности**
Ориентация руководства не на результат, а на сохранение своей власти	**6,6**	**17,4**	**67,3**
Ориентация не на дело, а на отчетность перед вышестоящей инстанцией	**7,3**	**17,6**	**66,0**
Несоответствие действий руководителей их словам и обещаниям	**8,3**	**21,2**	**63,3**
Использование ресурсов организации в личных целях	**8,3**	**19,4**	**63,3**
Подбор кадров не по деловым качествам.а из-за их личной преданности	**7,7**	**24,4**	**59,4**
Превращение руководящего состава в «междусобойчик», в клику	**8,0**	**21,0**	**57,0**
Нарушение обратной связи, контроля выполнения принимаемых решений	**6,4**	**26,9**	**52,9**
Несоответствие компетенции руководителей решаемым задачам	**7,7**	**28,3**	**51,7**
Наличие лишних управленческих звеньев	**12,0**	**24,4**	**49,7**
Игнорирование инициативы снизу	**8,7**	**27,1**	**49,7**
Отсутствие приоритета стратегических целей в практике управления	**10,3**	**29,5**	**45,3**
Несправедливая оплата труда управленческих кадров	18,0	24,2	44,6
Уклонение от принятия новаторских решений	12,8	29,3	40,0
Увлечение не всегда подходящим западным менеджментом	11,4	26,7	41,4
Несоблюдение баланса между централизацией и самостоятельностью	8,2	30,5	38,1

*Ранжировано по степени убывания доли отрицательных оценок

При этом можно отметить, что регион не отличается высокой политической активностью. Регулярно на местных выборах всех уровней победу при низкой явке одерживают политики правящей партии и ЛДПР (особенностью региона является тот факт, что действующий губернатор А.В. Островский состоит в ЛДПР). При этом явка избирателей на местных выборах как правило заметно ниже, чем на региональных: жители осознают, что полномочия местных властей в совокупности с недостатком финансирования не способны решить заявленные проблемы вне зависимости от политического выбора, а некоторая

поддержка от партии власти в виде различных региональных программ (например, благоустройство домов культуры, придомовых территорий) рассматривается положительно. Вертикаль власти в регионе отражает существующую в стране тенденцию, когда на прием к губернатору жители идут решать проблемы ЖКХ, здравоохранения, записи в детский сад и т.д.

Несмотря на в целом негативное отношение к региональной власти и оценку ее как неспособной успешно решать значимые социально-экономические проблемы, опрошенные жители региона не готовы в большинстве менять место жительства: 49% удовлетворительно относятся к своему региону, «хотя не все устраивает», 16% испытывают радость от того, что здесь живут, еще 22% характеризует «среднее отношение». Этот факт позволяет потенциально рассматривать население региона как «человеческий капитал» – необходимый фактор модернизации. Помимо этого, к ресурсам модернизации можно отнести географическое положение региона: приграничный статус и близость к столице определяют высокий потенциал развития современной логистической инфраструктуры. В регионе активно проводится политика по привлечению инвестиций: создание зоны опережающего развития, открытие технопарков. В последние годы несмотря на снижение общего финансирования работают программы помощи малому и среднему бизнесу. В регионе развиты такие отрасли, как электроэнергетика, химическая и пищевая промышленность, машиностроение, которые при обновлении материально-технической базы способны эффективно усилить индустриальный уровень модернизации. В регионе развиваются программы поддержки сельского хозяйства. Кроме того, Смоленская область обладает высоким культурно-историческим и природным туристическим потенциалом. В регионе принята Стратегия социально-экономического развития Смоленской области на долгосрочную перспективу (до 2020 года), согласно которой определены такие приоритеты развития, как поддержка развития потенциальных кластеров, территориальный маркетинг (создание индустриальных и логистических парков, развитие города Смоленска), улучшение демографической ситуации на основе снижения смертности [3].

К основным проблемам, тормозящим развитие региона, можно отнести внешние: негативный инвестиционный климат в стране, перераспределение доходов в пользу федерального бюджета, низкий уровень полномочий местных органов власти. Последние сохраняют финансовую зависимость региона от федерального центра, развивают патерналистские установки у региональных властей и жителей. К внутренним региональным проблемам можно отнести высокую долговую нагрузку и социально ориентированный бюджет, а также низкий уровень стратегического планирования в регионе. По данным анализа реализации Стратегии за период с 2007 по 2015 гг., проведенного Е.А. Сергеевым, Стратегия выполняет роль формального документа: этапы реализации имеют нечеткие временные рамки (проекты, перечисленные в документе, содержат только размеры средств на их реализацию, при этом отсутствуют сроки и конкретные показатели), не по всем направлениям назначены ответственные за реализацию конкретных мероприятий [4]. По сути дела, документ не выполняет собственно стратегическую функцию. Поэтому развитие управленческих компетенций региональных органов власти при регулярной обратной связи с населением является непременным условием развития региона.

Список литературы

1. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / Сост. и отв. ред. член-корр. РАН Н.И. Лапин. 2016 г. М.: Весь Мир, 360 с.

2. Департамент экономического развития Смоленской области [Электронный ресурс]: Департамент Экономического развития Смоленской области. URL: http://econsmolensk.ru/monitoring_ser (Дата обращения: 24.09.2017).

3. Стратегия социально-экономического развития Смоленской области на долгосрочную перспективу (до 2020 года) [Электронный ресурс] // URL: https://www.admin-smolensk.ru/pages/Strategiya_razvitiya_Smolenskoy_oblasti.htm (Дата обращения: 24.09.2017).

4. Сергеев Е.А. Стратегическое планирование как инструмент государственного управления социально-экономическим развитием региона (на примере Смоленской области / Материалы VII Международной научно-практической конференции «Интеграция науки и практики в современных условиях». Таганрог, 2016. С. 78–82.

М.А. Ласточкина

РЕГИОНЫ СЗФО В СВЕТЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ НАСТРОЕНИЙ

Аннотация. *В современном мире весьма актуальна тема модернизации, при осуществлении которой должны учитываться интересы и будущее всей страны, каждого региона, всех социальных групп и каждой личности. Поэтому встает вопрос: насколько же совместимы интересы государственной модернизации с интересами миллионов жителей, которые ее осуществляют?*

Ключевые слова: *социокультурная модернизация, регион, население, социологические измерения, управление.*

M.A. Lastochkina

REGIONS OF THE NORTHWESTERN FEDERAL DISTRICT IN THE LIGHT OF SOCIO-POLITICAL MOODS

Abstract. *In the modern world, the problem of modernization, that takes into account interests and care for future of the whole country, the whole region, of all social groups and of each individual particular, is very hot topic. That is why the understanding of the problem how compatible the interests of state modernization with the interests of the millions of residents who implement it could be – is very actual nowadays.*

Keywords: *sociocultural modernization, region, population, sociological dimensions, management.*

В современном мире весьма актуальна тема модернизации, в основе которой лежат социокультурные и экономические процессы. Кроме того, обостряется конкуренция между различными странами как за природные ресурсы, занимаемую площадь, так и за успешное социально-экономическое развитие. Проблема модернизации России и ее регионов встает также очень актуально по причине особенностей территориального развития и возникших социально-экономических сложностей в перестроечный период 1990-х годов, что проявляется в низкой конкурентоспособности страны, которая явно не соответствует ее потенциалу, в плохой адаптации социально-экономических систем в субъектах РФ к влиянию финансово-экономических кризисов, в слабом взаимодействии между соседними регионами, в плохо налаженном взаимодействии между предприятиями, научными и образовательными учреждениями. Поэтому процессы модернизации требуют новых научных подходов к их изучению.

В основе анализа процессов модернизации регионов Северо-Западного федерального округа лежит концепция Центра исследования модернизации Китайской академии наук, дополненная результатами программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» [8, с. 24]. Так, посткризисные 2008–2010 годы отмечены застоем, а в некоторых территориях – спадом показателей модернизационного развития. Это подтверждают данные вычислений, подготовленные ИСЭРТ РАН в соответствии с методологическими

разработками Института философии РАН. В 2014 г. по сравнению с 2013 г. на примере регионов СЗФО (рис. 1) виден застой, а в 3 регионах − даже спад интегрированного индекса модернизации. Незначительный рост (до 2,2 п.п.) отмечен только в 5 субъектах (Республика Карелия, Ненецкий автономный округ, Вологодская, Калининградская, Новгородская и Псковская области). Причиной данной тенденции стал незначительный рост ВРП на душу населения при снижении валютного курса в 2014 г., данное соотношение послужило причиной уменьшения величины экономического субиндекса вторичной модернизации. Также для модернизационного развития российских регионов характерна разбалансированность и разновекторность, что приводит к асинхронному развитию территорий РФ.

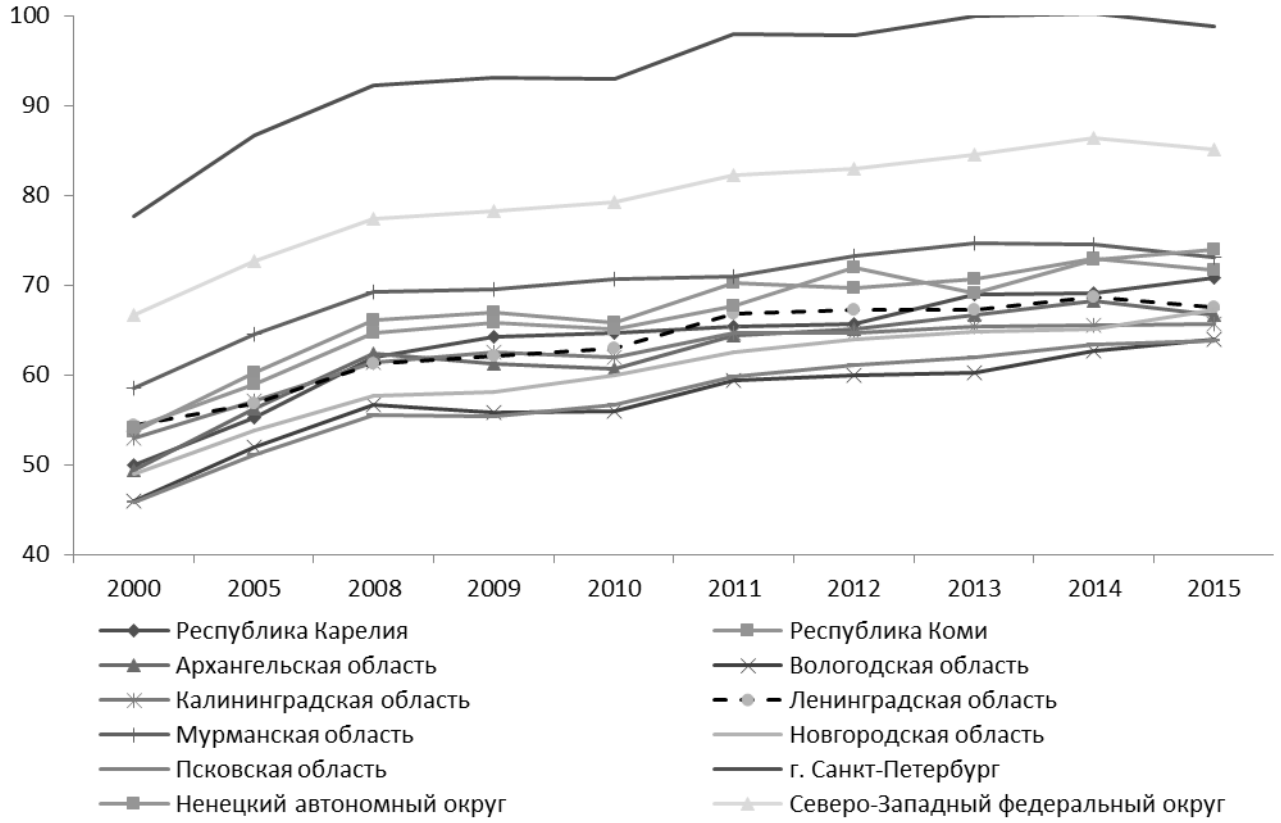

Рисунок 1. Динамика индекса вторичной модернизации в регионах Северо-Западного федерального округа, 2000–2015 гг.

Источник: Информационная система «Модернизация» http://mod.vscc.ac.ru//

О России как о стране больших контрастов в плане социально-экономического развития регионов говорили еще в начале 2000-х годов Н.В. Зубаревич [5, с. 7; 10], Ю.В. Олейников [7, с. 52], И.Н. Трофимова. Они прогнозировали, что в ближайшем будущем Россия станет страной больших региональных диспропорций [11, с. 240–241]. Субъекты РФ, которые включены в мировой экономический процесс, посредством человеческих ресурсов, становятся недосягаемыми для других территорий. Привлекательность крупных городов страны усиливает региональное неравенство, в связи с чем человеческий потенциал размещен крайне неравномерно. В настоящее время в России осуществляется модернизация, которая характеризуется развитием процессов экономического, технического, политического и культурного преобразования общества.

Можно с уверенностью утверждать, что именно социально-географический фактор является одним из определяющих социально-экономическое развитие территории. Так, от 42 до 51% жителей городов готовы к переменам, активным действиям и саморазвитию, т.е. готовы к модернизации (табл. 1). Сельское население более пассивно и не ставит в свои

лидирующие жизненные планы такие шаги. На протяжении нескольких десятилетий российские города строились не как инновационные центры, а как структура, осуществляющая контроль над пространством и экономической деятельностью. Их население было лишь частью производственных процессов и механизмов. В последние годы стало меняться функционирование городов, их будущее видится уже в том, чтобы обеспечить более тесную связь людей и производства, с целью достижения высокого качества жизни и экономической отдачи [1]. Удаленные же от городов поселения стали постепенно вымирать, т.к. у них нет будущего вдали от экономической активности. Инфраструктура многих поселков и деревень такого масштаба потеряла былое значение, внутренняя миграция из периферии к центру в основном экономически активного населения и молодежи ведет к обезлюдиванию села и упадку экономики этих территорий.

Таблица 1

Доля населения, ответившего, что они готовы к следующим изменениям 2017 г., %

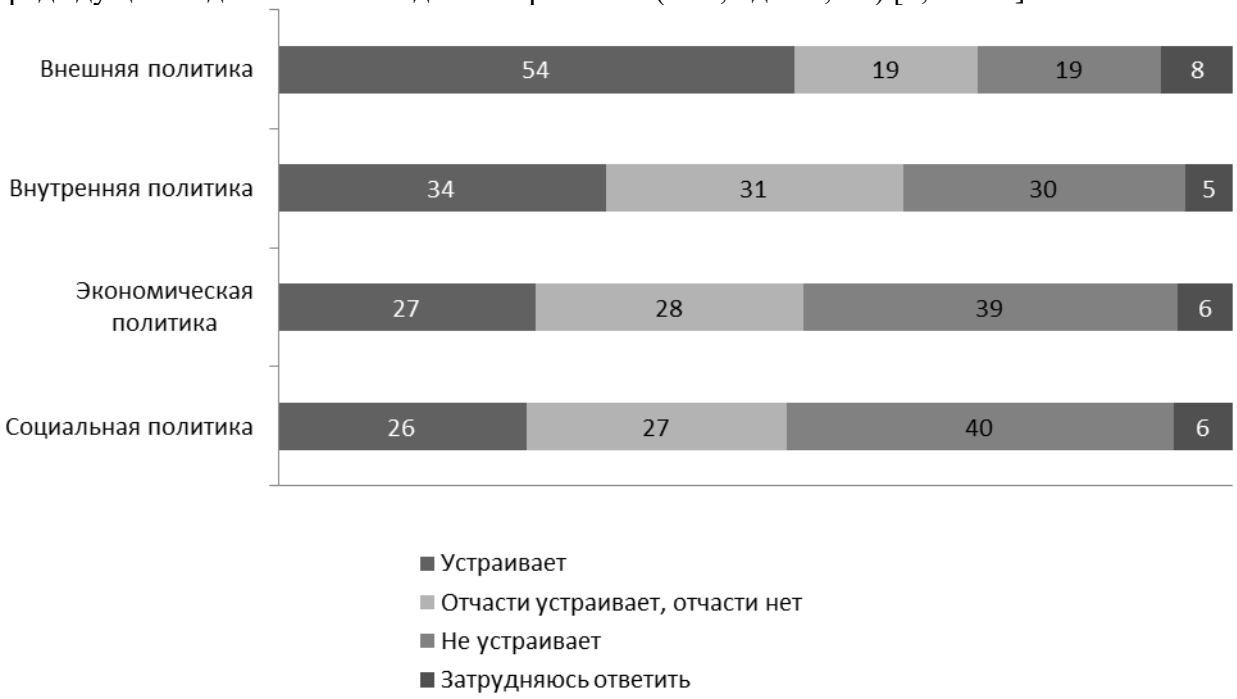
Вариант ответа	Место жительства		Самооценка материального положения*					
	Город	Село	Нищие	Бедные	Необеспеченные	Обеспеченные	Зажиточные	Богатые
Изучать и использовать в своей работе и в быту новые технологии	**51**	36	43	46	49	**52**	48	45
Усваивать новые ценности, образцы поведения, соответствующие современному образу жизни	**45**	33	37	38	44	**49**	44	39
Осваивать новые знания и навыки, личностно и профессионально развиваться	**44**	36	35	39	44	46	45	**49**
Стать высококлассным специалистом	**42**	30	33	36	39	**45**	44	41
Заняться инновационной деятельностью (участвовать в создании чего-то нового)	**33**	23	30	26	29	35	39	**47**
Изучить иностранный язык	**27**	15	23	24	23	26	26	**39**
Переехать в другой населенный пункт страны с более привлекательными условиями труда	**26**	18	**29**	23	24	22	26	14
Организовать собственное дело, семейный бизнес	27	22	23	24	25	28	**29**	**29**
Заняться общественно-политической деятельностью (участие в работе творческих организаций, профсоюзов, политических партий и т.д.)	16	12	16	14	15	16	**18**	22

*Группы материального благополучия определялись в зависимости от выбора ответа на вопрос «Какое из следующих высказываний лучше всего характеризует Ваше материальное положение сегодня?». Варианты ответов: «Денег не хватает на повседневные затраты» – Нищие; «На повседневные затраты уходит вся зарплата» –Бедные; «На повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна» – Необеспеченные; «В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг» – Обеспеченные; «Почти на все хватает, но затруднено приобретение квартиры, дачи – «Богатые»; «Практически ни в чем себе не отказываем» – Зажиточные.

Источник: данные опроса «Социокультурная модернизация региона», проведенный ИСЭРТ РАН в 2017 г.

Изучение того, насколько российские граждане одобряют политику, проводимую государством, поддерживают курс экономического развития страны, весьма важно в контексте социокультурной модернизации. Так, каждый второй россиянин поддерживает

внешнюю политику России, то, как главой государства обеспечивается безопасность страны, ее суверенитет, продвижение курса на укрепление международного мира, обеспечение всеобщей безопасности и стабильности в целях утверждения справедливой демократической международной системы [6]. Внутреннюю политику одобряют гораздо меньше граждан – только каждый третий респондент. А экономическую и социальную политику – каждый четвертый. При этом велика доля недовольных – 40% опрошенных (рис. 2). Приведенные данные свидетельствуют о нестабильности экономической ситуации, о том, что материальное положение населения не улучшается год от года, а скорее наоборот. Так в 2016 г. по сравнению с предыдущим падение реальных располагаемых денежных доходов населения составило 5,9%, а реального размера назначенных пенсий – 3,4%. От уровня 2013 г. в 2016 г. реальные располагаемые денежные доходы населения составили 90,5%, реальная начисленная заработная плата – 92,6%, реальный размер назначенных пенсий – 93,8%. В структуре использования денежных доходов населения в 2016 г. по сравнению с предыдущим годом снизилась доля сбережений (с 14,3 до 11,3%) [9, с. 102].

Источник: Индекс на сайте ВЦИОМ https://wciom.ru/news/ratings/ocenka_vlastej/

Рисунок 2. Распределение ответов на вопрос **«В какой мере Вас устраивает политика, которую проводят власти нашей страны?» 2017 г.,** %

Ответы на следующий вопрос дают представление о том, насколько одобрительно относится к действиям правящей элиты разного уровня население регионов. Наибольшее одобрение в 2017 г. получил президент РФ В. Путин, в среднем 72% населения СЗФО одобряют проводимую им политику в стране. На втором месте – правительство РФ, чуть менее половины граждан одобряют его действия. Губернаторы областей получили одобрение каждого третьего респондента, а главы местной администрации каждого четвертого (табл. 2). Из общего контекста выделяется Калининградская область, в которой деятельность губернатора оценивается гораздо положительнее, чем в других регионах (разница составляет от 20 до 40 п.п.) и правительства РФ. Крайне негативно оценивают деятельность губернатора и главы местной администрации жители Мурманской области.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос **«Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность ...?» 2017 г.,** %

Вариант ответа	Вологодская область	Калининградская область	Мурманская область	Новгородская область	Республика Карелия	СЗФО
Президента РФ В. Путина						
Одобряю	57,3	84,6	60,9	79,4	76,7	71,8
Не одобряю	24	9,8	23,5	11,8	12,8	16,4
Правительства РФ						
Одобряю	43,7	48,8	33,7	43,8	64,6	46,9
Не одобряю	32,6	27,6	45,2	41,4	21,1	33,6
Губернатора области						
Одобряю	37,5	57,3	21,7	13,3	37,6	33,4
Не одобряю	39,9	5,6	54,6	26,3	26,6	30,6
Главы местной администрации						
Одобряю	37,1	36,8	17,4	22,5	22,3	27,3
Не одобряю	39	28,3	50,8	39,9	49,2	41,4

Источник: данные опроса «Социокультурная модернизация региона», проведенный ИСЭРТ РАН в 2017 г.

Низка уверенность в своем будущем у населения, только 43% более или менее уверены в нем. Лишь в Калининградской области уверенность населения в своем будущем имеет достаточно высокий уровень (табл. 3). В основном это связано с низким качеством жизни, которое гораздо хуже, чем в развитых странах. Избранный Россией в начале 2000-х годов курс на модернизацию вместо решения задач инновационной модернизации и увеличения уровня жизни населения был направлен в совсем другое русло [4]. На фоне нестабильности и финансовой турбулентности первостепенными были следующие шаги: сохранение единства российского государства, укрепление армии и политико-правовых институтов, борьба с коррумпированностью и бюрократией, решение тяжелых финансовых и социальных проблем. Такие «преобразования» социологи называли саморазрушительной «модернизацией», или «модернизацией наоборот» [2, с. 5].

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос **«Насколько Вы сегодня уверены или не уверены в своем будущем?» 2017 г.,** %

Вариант ответа	Вологодская область	Калининградская область	Мурманская область	Новгородская область	Республика Карелия	СЗФО
Уверен	43	60,6	35,4	39,9	36,8	43,1
Не уверен	30,1	28,6	40,4	36,7	38,6	34,9
Затрудняюсь ответить	27	11	24,2	23,3	24,6	22

Источник: данные опроса «Социокультурная модернизация региона», проведенный ИСЭРТ РАН в 2017 г.

Таким образом, важно осознать и взять за основную идею то, что модернизация имеет целью создание высокоразвитого процветающего общества для всех без исключения граждан, а не для «избранных» (олигархов и т.п. В этом случае модернизация российского общества позволит достичь ее гражданам материального достатка, справедливой оплаты труда, профессионализма, образованности и любви к своему отечеству. По словам М.К. Горшкова, реформирующаяся Россия превратилась в пореформенную и сумела создать условия, способствующие переходу большинства населения от неприемлемого к минимально приемлемому уровню жизни [3, с. 33]. При всех трудностях, с которыми сталкивается население России, российское общество модернизировать можно и нужно.

Список литературы

1. Блэйкли Э. Модернизация города. [Электронный ресурс]: Smoro.ru. URL: http://www.smoro.ru/info_base/?SECTION_ID=16552 (Дата обращения: 10.07.2017).

2. Горохов В.Ф. Проблема модернизации российского общества [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 5 (2). URL: http://publikacia.net/archive (Дата обращения: 10.07.2017).

3. Горшков М.К. Социальные неравенства как вызов современной России [Электронный ресурс] // Вестник Института социологии. 2010. № 1. С. 25–47. URL: http://www.vestnik-isras.ru/files/File/Vestnik_2010_01/gorshkov.pdf (Дата обращения: 10.07.2017).

4. Ермаханова С.А. Теория модернизации: история и современность // Актуальные проблемы социально-экономического развития: взгляд молодых ученых. Новосибирск, 2005. С. 233–247.

5. Зубаревич Н.В. Сопротивление пространства // Комерсанть. 27.07.2006. С. 7.

6. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.). URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (Дата обращения: 10.07.2017).

7. Олейников Ю.В. Природный фактор бытия российского социума. М.: ИФ РАН, 2003. 274 с.

8. Проблемы социокультурной модернизации регионов России / Под общ. ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой; Институт философии РАН. М.: Academia, 2013. 416 с.

9. Российская экономика в 2016 году. Тенденции и перспективы (Вып. 38) / [В. Мау и др.; под ред. С.Г. Синельникова-Мурылева, А.Д. Радыгина]; Ин-т экон. политики им. Е.Т. Гайдара. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. 520 с.

10. Россия и мир: взгляд из 2017 года. М: Институт экономических стратегий, 2007. 232 с.

11. Социальная политика в контексте межсекторального взаимодействия / ИС РАН; отв. Ред. А.С. Автономов, И.Н. Гаврилова. М.: Главное архивное управление города Москвы, 2009. 400 с.

Д.В Латышев, А.Н. Расходчиков

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ УВЕЛИЧЕНИЯ КОЛИЧЕСТВА НАСЕЛЕНИЯ

Аннотация. *Предметом исследования являлись некоторые тренды, которые наблюдаются в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации и которые нужно учитывать при принятии текущих и стратегических решений. Экономико-географическое положение Московской области, с одной стороны, создает уникальные возможности социокультурной модернизации, с другой – повышенные социальные риски.*

Ключевые слова: *модернизация, жилищное строительство, система управления, рынок труда, социально-экономическая ситуация, маятниковая миграция.*

D.V. Latishev, A.N. Raskhodchikov

THE SOCIO-ECONOMIC SITUATION OF THE MOSCOW REGION IN CONTEXT OF INCREASING IN POPULATION

Abstract. *The subject of the study were the trends that are observed in regions with different levels of socio-cultural modernization which should be considered when making current and strategic decisions. On the one hand the economic and geographical position of the Moscow region creates unique opportunities for socio-cultural modernization, on the other hand increases social risks.*

Keywords: *modernization, housing construction, management system, labor market, socio-economic situation, commuting*

Исследование проводилось в 2015–2017 гг. при поддержке Российского научного фонда в рамках заявленной темы № 15-18-30077 «Гражданская экспертиза проблемы реформирования властно-управленческой вертикали в контексте процессов социокультурной модернизации регионов: от мониторинга состояний до прогнозного проектирования».

Научная проблема состоит в выяснении способности органов власти и управления регулировать уровень социальной напряженности в регионах, которая возникает в связи с необходимостью одновременно решать проблемы внешней и внутренней политики в конкретной исторической ситуации и конструктивно влиять на процессы модернизации в них. Особое значение в этих условиях приобретает необходимость упреждения неблагоприятного развития событий, что возможно только при наличии надежных социологических данных об отношении различных групп населения к существующим в регионах проблемам.

Объектом исследования стали противоречия между органами власти и управления и гражданским обществом в регионах с различным уровнем модернизации относительно приоритетов развития.

Предметом выступают некоторые тренды, которые наблюдаются в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации и которые нужно учитывать при принятии текущих и стратегических решений. Для выявления факторов, определяющих эти закономерности, нами были отобраны 12 регионов по типологии ЦИСИ ИФ РАН с разным уровнем модернизации. Ниже представлены табличные данные, анализ которых позволяет выделять наиболее острые проблемы, на решение которых органы местной власти и общественность должны обратить первоочередное внимание.

Исходя из этих предпосылок, из 12 субъектов федерации (регионов), в которых необходимо было по условиям Проекта (2015–2017 гг.) провести исследование, нами было отобрано 8 из числа областей, краев, городов (приравненных к регионам) и 4 – из числа республик и автономных образований (см. табл. 1).

Таблица 1

Субъекты федерации (регионы), в которых проводилось исследование

№№ п/п	Название региона	Статус субъекта федерации	Федеральный округ	Экономический район	Географическая зона	Уровень социокультурной модернизации
1	Республика Башкортостан	Республика	Приволжский	Уральский	Средняя полоса	3
2	Республика Дагестан	Республика	Северо-Кавказский	Северо-Кавказский	Юг	(1)
3	Республика Калмыкия	Республика	Южный	Поволжский	Юг	(1)
4	Республика Саха (Якутия)	Республика	Дальневосточ-Ный	Дальневосточный	Север	4
5	Амурская область	Область	Дальневосточный	Дальневосточный	Средняя полоса	2
6	Белгородская область	Область	Центральный	Центрально-Черноземный	Средняя полоса	(1)
7	Вологодская область	Область	Северо-Западный	Северный	Север	2
8	Московская область	Область	Центральный	Центральный	Средняя полоса	6
9	Нижегородская область	Область	Приволжский	Волго-Вятский	Средняя полоса	6
10	Омская область	Область	Сибирский	Западно-Сибирский	Средняя полоса	3
11	Свердловская область	Область	Уральский	Уральский	Средняя полоса	5
12	Смоленская область	Область	Центральный	Центральный	Средняя полоса	2

Примечания к таблице. 1) В настоящее время органами статистики России используется деление территории РФ на 12 экономических районов. Общероссийский классификатор экономических регионов (ОКЭР) поддерживается Минэкономразвития РФ (Общероссийский классификатор экономических регионов ОК 024-95 (ОКЭР) утвержден пост. Госстандарта РФ от 27 декабря1995 г. № 640, в ред. изм. № 1, ноябрь 1998 г., с изм. и доп. № 2/99, № 3/2000, № 4/2001, № 5/2001). 2) Оценки уровней социокультурной модернизации взяты из названных выше трудов Н.И. Лапина и его соавторов.

В целом в 12 регионах был собрано более 6000 документов (анкет массового опроса), по факту проверки оставлено 5452. Из них в Московской области:

	РЕГИОН	Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
Валидные	Калмыкия	499	9,2	9,2	9,2
	Белгород	500	9,2	9,2	18,3
	Башкортостан	500	9,2	9,2	27,5
	Московская область	**502**	**9,2**	**9,2**	**36,7**
	Смоленская область	495	9,1	9,1	45,8
	Омская область	490	9,0	9,0	54,8
	Вологодская область	497	9,1	9,1	63,9
	Амурская область	481	8,8	8,8	72,7
	Нижегородская область	490	9,0	9,0	81,7

	Республика Дагестан	43	,8	,8	82,5
	Республика Саха (Якутия)	463	8,5	8,5	91,0
	Свердловская область	492	9,0	9,0	100,0
	Итого	5452	100,0	100,0	

Первой социально значимой проблемой, характерной для Московской области, являются трудности с улучшением жилищных условий (табл. 2), 38,6% респондентов отмечают, что дела с этим обстоят «довольно плохо» или «очень плохо».

В настоящий момент на территории региона действует программа «Жилище» (сроки реализации – 2014–2024 годы), принятая с целью повышения доступности жилья для населения и обеспечения безопасных и комфортных условий проживания в Московской области. Эта программа состоит из восьми подпрограмм, нацеленных на обеспечение жильем молодых семей, детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, многодетных семей и т.д. Также она предусматривает переселение граждан из аварийного жилья, государственную поддержку в сфере ипотечного жилищного кредитования и другие меры по улучшению жилищных условий.

Таблица 2

В РЕГИОНЕ ОБСТОЯТ ДЕЛА:
2) с возможностью улучшить жилищные условия

Оценка		**Частота**	**Процент**	**Валидный процент**	**Кумулятивный процент**
Валидные	Очень плохо	54	10,8	11,0	11,0
	Довольно плохо	136	27,1	27,6	38,6
	Удовлетворительно	185	36,9	37,6	76,2
	Хорошо	110	21,9	22,4	98,6
	Отлично	7	1,4	1,4	100,0
	Итого	492	98,0	100,0	
Пропущенные	Системные пропущенные	10	2,0		
Итого		502	100,0		

Нужно отметить, экономическая ситуация и финансирование жилищного строительства в Московской области лучше, чем в России в целом, поэтому невозможно объяснить наличие такой большой доли населения, недовольного возможностью улучшить свои жилищные условия одной лишь неэффективностью регионального управления. В Московской области наблюдается устойчивый рост населения, который обеспечивается за счет внутренних и внешних миграций. Отмечается постоянный рост городского населения, его плотности – она самая высокая среди регионов России. В данных условиях темпы жилищного строительства не успевают удовлетворять потребности растущего населения. Другой причиной является высокая стоимость жилья в регионе, поэтому часть населения не может позволить себе приобретение более подходящей недвижимости.

Тесно связана с жилищной проблемой оценка возможности найти работу в регионе: 36,1% опрошенных считают, что ситуация в этой сфере обстоит «довольно плохо» или «очень плохо» (табл. 3). Поскольку основной приток населения идет за счет трудовых мигрантов создается ситуация острой конкуренции на рынке труда Московской области. Вместе с тем основная часть трудоспособного населения области ориентирована на трудоустройство в Москве. Основными причинами этого являются более высокий уровень оплаты труда и широкий спектр профессий (некоторые профессии не востребованы в Московской области), это вызывает характерные для региона маятниковые миграции рабочей силы.

Таблица 3

В РЕГИОНЕ ОБСТОЯТ ДЕЛА:
1) с возможностью найти работу

Оценка		Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
Валидные	Очень плохо	45	9,0	9,1	9,1
	Довольно плохо	133	26,5	27,0	36,2
	Удовлетворительно	179	35,7	36,4	72,6
	Хорошо	125	24,9	25,4	98,0
	Отлично	10	2,0	2,0	100,0
	Итого	492	98,0	100,0	
Пропущенные	Системные пропущенные	10	2,0		
Итого		502	100,0		

Коррупция в органах власти традиционно занимает одно из лидирующих мест в списке социально значимых проблем современной России (табл. 4). Вместе с тем социологический анализ коррупции относительно молод. Это обусловлено некоторыми ограничениями социологических инструментов в изучении коррупционных практик. Однако оценка этого социального явления позволяет делать содержательные выводы о состоянии системы управления в целом.

Таблица 4

В РЕГИОНЕ ОБСТОЯТ ДЕЛА:
18) с коррупцией в органах власти

Оценка		Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
Валидные	Очень плохо	57	11,4	13,0	13,0
	Довольно плохо	108	21,5	24,7	37,8
	Удовлетворительно	155	30,9	35,5	73,2
	Хорошо	100	19,9	22,9	96,1
	Отлично	17	3,4	3,9	100,0
	Итого	437	87,1	100,0	
Пропущенные	Системные пропущенные	65	12,9		
Итого		502	100,0		

В данном случае коррупция входит в первую тройку проблем: 37,7% опрошенных считают, что ситуация с коррупцией в органах власти региона достаточно негативная. В первую очередь. необходим анализ факторов, способствующих коррупции в органах власти на местах.

Респонденты достаточно скептически относятся к возможным перспективам решения социально значимых проблем региона («думаю, что нет» – 44,8%), учитывая большое количество затруднившихся ответить (41,2%), можно предположить, что доля негативных прогнозов еще более велика (табл. 5). Основные социально экономические проблемы, характерные для современной России, такие как разрыв между уровнями жизни бедных и богатых слоев населения, безработица, снижение уровня экономического благосостояния, рассмотренные в контексте реализации внутренней политики, производят двойственное впечатление. С одной стороны, нельзя не отметить большое количество различных программ и иных действий, направленных на улучшение социально-экономической ситуации, с другой – достаточно низкую оценку их эффективности населением. Существование некоторых

противоречий между данными ведомственной статистики и общественным мнением закономерно, но степень этого расхождения свидетельствует о проблемах.

Таблица 5

ПРОГНОЗ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ
(Вопрос №5 БАЗИСНОЙ АНКЕТЫ)

Оценка		Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
Валидные	Надеюсь, что да	66	13,1	14,1	14,1
	Думаю, что нет	210	41,8	44,8	58,8
	З/о	193	38,4	41,2	100,0
	Итого	469	93,4	100,0	
Пропущенные	Системные пропущенные	33	6,6		
Итого		502	100,0		

Уровень обеспокоенности респондентов недостатками системы управления в регионе довольно высокий. Прежде всего обращает на себя внимание большая доля опрошенных, обеспокоенных тем, что региональная власть ориентирована не на выполнение конкретных дел и результат, а на отчетность перед вышестоящей инстанцией и сохранение власти (табл. 6 и 7). Подобные проблемы вытекают из сложившихся практик соблюдения строгой субординации и иерархии, стремления минимизировать карьерные риски, связанные с принятием решений и самостоятельными действиями.

Таблица 6

Ориентация не на дело, а на отчетность перед вышестоящей инстанцией

Оценка		Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
Валидные	Совсем не обеспокоены	21	4,2	4,7	4,7
	Обеспокоенность низкая	47	9,4	10,5	15,1
	Обеспокоены в среднем	130	25,9	29,0	44,1
	Обеспокоенность довольно высока	155	30,9	34,5	78,6
	Обеспокоенность очень высока	96	19,1	21,4	100,0
	Итого	449	89,4	100,0	
Пропущенные	Системные пропущенные	53	10,6		
Итого		502	100,0		

Таблица 7

Ориентация руководства не на результат, а на сохранение своей власти

Оценка		Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
Валидные	Совсем не обеспокоены	28	5,6	6,3	6,3
	Обеспокоенность низкая	38	7,6	8,6	14,9
	Обеспокоены в среднем	140	27,9	31,5	46,4
	Обеспокоенность довольно высока	163	32,5	36,7	83,1
	Обеспокоенность очень высока	75	14,9	16,9	100,0
	Итого	444	88,4	100,0	
Пропущенные	Системные пропущенные	58	11,6		
Итого		502	100,0		

Другой, не менее значимой проблемой для жителей («обеспокоенность довольно высока» и «обеспокоенность очень высока» − 52% опрошенных) является несоответствие действий руководителей их обещаниям (табл. 8). Подобное положение вещей характерно для многих регионов России, это обусловлено тем что государственная власть берет на себя невыполнимые в сложившихся социально-экономических условиях обязательства (особенно в экономический кризис), а также безответственными обещаниями представителей политических партий в ходе предвыборных компаний. Со временем социальное напряжение от несоответствия действий ожиданиям усиливается, поскольку массовым сознанием такая ситуация воспринимается как нарушение общественного договора между властью и народом.

Таблица 8

Несоответствие действий руководителей их словам и обещаниям

Оценка		Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
Валидные	Совсем не обеспокоены	22	4,4	4,9	4,9
	Обеспокоенность низкая	48	9,6	10,6	15,5
	Обеспокоены в среднем	147	29,3	32,5	48,0
	Обеспокоенность довольно высока	144	28,7	31,9	79,9
	Обеспокоенность очень высока	91	18,1	20,1	100,0
	Итого	452	90,0	100,0	
Пропущенные	Системные пропущенные	50	10,0		
Итого		502	100,0		

Таблица 9

Какие чувства испытывает к своему региону?

Вариант ответа		Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
Валидные	Испытываю радость, что живу здесь	97	19,3	19,3	19,3
	Удовлетворен, хотя не все устраивает	207	41,2	41,2	60,6
	Среднее отношение	122	24,3	24,3	84,9
	Мне не очень нравится жить здесь	26	5,2	5,2	90,0
	З/О	50	10,0	10,0	100,0
	Итого	502	100,0	100,0	

Данные исследования показывают (табл. 9), что жители достаточно комфортно чувствуют себя в регионе. Несмотря на наличие определенных проблем в системе управления, Московская область обладает большими возможностями развития, это во многом обусловлено близостью расположения Москвы, что стимулирует развитие науки и промышленности. Научные центры, расположенные на территории области, являются своеобразными «точками роста», которые способны поддержать социокультурную модернизацию в регионе.

Р.В. Леньков

ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОТНОШЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ С ВЫСШИМ ОБРАЗОВАНИЕМ К ПРОБЛЕМАМ УПРАВЛЕНИЯ В РЕГИОНАХ

***Аннотация**. Приведены результаты анализа степени социальной поддержки политики властно-управленческой вертикали группой населения с высшим образованием. Дана оценка взаимосвязанности степени концентрации лиц с высшим образованием в региональных структурах и состояния модернизированности регионов.*

***Ключевые слова:** высшее образование, проблемы управления, регионы, население, модернизация.*

R.V. Lenkov

AN EMPIRICAL STUDY OF THE ATTITUDE OF THE POPULATION WITH HIGHER EDUCATION TO THE PROBLEMS OF GOVERNANCE IN THE REGIONS

***Abstract.** The results of the analysis of the degree of social support for the policy of the power-management vertical by the population with higher education are given. The interrelation of the degree of concentration of persons with higher education in regional structures and the state of modernization of the regions is given.*

***Keywords**: higher education, management problems, regions, population, modernization.*

Высшее образование характеризует не только определенный индекс модернизованности регионов, но, наряду с системой власти и управления, выступает самостоятельным фактором цивилизационного развития территорий. Институт высшего образования способен оказывать влияние как на уровень социальной поддержки действий властно-управленческой вертикали, так и на механизмы обеспечения высокой солидарной ответственности российского общества в решении проблем социокультурной модернизации регионов.

Мы полагаем, что развитие новых возможностей социологической интерпретации проблем управления высшим образованием в России возможно в рамках концепции социопрогностического подхода как особого направления научного познания, интегрирующего социолого-гуманитарное знание с научно обоснованной разработкой решений перспективных проблем на основе прогнозно-проектного инструментария [3]. При таком подходе особое внимание уделяется субъектам, способным к реализации в своей деятельности социально-преобразовательной (социоконструкторской) функции. Сегодня на авансцене общественных групп присутствуют акторы с действиями, сопоставимыми с деятельностью социальных институтов. Они не только интернализируют культурные нормы и ценности, но и воздействуют на их компоненты в соответствии с новыми потребностями и интересами при возрастании обеспеченности ресурсами как групповой, так и персонифицированной деятельности. В эмпирическую интерпретацию указанного феномена нами вводится понятие субъектности как свидетельства проявления нового качества в отношениях между субъектами социального взаимодействия при выработке нестандартных решений в заданных обстоятельствах. Это позволяет социологически лучше понять и эмпирически исследовать реальные тренды трансформации отношений между властно-управленческой вертикалью и доминирующими общественными группами в условиях повышения роли спонтанных нелинейных связей в процессах решения проблем модернизации регионов.

Речь идет о группе населения с высшим образованием, включенной в скоординированную с другими участниками систему взаимодействий, конструктивно изменяющей социальный порядок в общностях в контексте национальной культуры без насилия и манипуляции другими участниками совместной деятельности, играющей позитивную роль в поддержке социальных сил, способных осуществить социокультурную модернизацию регионов.

Эмпирической базой выступают результаты специального Проекта по диагностическому исследованию состояния и перспектив модернизации в регионах России с учетом сочетания факторов управления и образования. Указанный Проект разрабатывается Центром социологии управления и социальных технологий Института социологии РАН в 2015–2017 гг. при участии автора на заключительном его этапе. Предметом исследования выступает степень социальной поддержки властно-управленческой вертикали и ее отдельных звеньев различными группами населения в регионах с разным состоянием (типом) модернизованности, в которых, как мы полагаем, реально существуют и различные модели организационного развития. При этом принимается во внимание степень субъектности различных групп населения в решении региональных проблем, их роль в обратной связи с органами власти и управления, проявление степени солидарности с малыми группами, с региональной общностью и с такой общностью как Российская Федерация.

Анализ социальной роли института высшего образования в модели модернизации системы организации и управления в регионах вписывается в эмпирическую проверку следующих эвристически значимых гипотез, выдвинутых в Проекте.

Первая гипотеза. Система управления в регионах зависит от социальной организации и самоорганизации, иерархии общественных групп, сформировавшихся вокруг власти и управления, а также от связи местных элит с центром и их объективной заинтересованности в процессе социокультурной модернизации. Мы полагаем, что механизм формирования и функционирования групп социального доминирования («элитных групп»), которые в той или иной мере подменяют функции управления отношениями власти и собственности, зависит от состояния и тенденций модернизации, различающих друг от друга в отдельных регионах.

Вторая гипотеза. Состав и активность общественных групп, доминирующих в регионах, устанавливается в зависимости от объективных тенденций социокультурной модернизации регионов, отношений центра и местных элит, которые носят различный характер. Есть предположение, что группа населения с высшим образованием является

электоратом со средними оценками общественно-политической активности и уже сейчас играет важную роль в социальном управлении, в связи с чем проблема двойных стандартов может перейти из виртуальной сферы в социально-структурную сферу.

Третья гипотеза. Отставание отечественной системы управления от решения задач модернизации обусловлено историческими и социокультурными особенностями регионов, которые влияют на формирование в каждом из них уникальной и недекларируемой модели социального управления со своими интересами элитных групп. Мы полагаем, что радикальным решением проблемы создания российской модели организационного развития и управления может стать оптимизация работы административных органов, силовых и бизнес-структур, а также заинтересованной в деле общественности на основе консолидации совместных усилий с помощью образовательных организаций федерального и регионального уровней.

Эмпирическое исследование охватывает четыре региона: Московскую область, Республику Башкортостан, Белгородскую область, Республику Калмыкия. Распределение по типу модернизованности указанных регионов выглядит так: Московская область – 6, выше среднего, Республика Башкортостан – 3, средний, Белгородская область – 2, ниже среднего, Республика Калмыкия – 1, ниже среднего. Значения индексов сбалансированности модернизации в регионах составляют 0,440 / 0,389 / 0,231 / 0,281 соответственно [1]. Московская и Белгородская области располагаются в Центральном федеральном округе, Республика Башкортостан – в Приволжском федеральном округе, Республика Калмыкия – в Южном федеральном округе.

Модель реализации квотной выборки (N=500 по каждому региону) сформирована на пересечении признаков «пол*поколение*образование» по весу соответствующих групп в переписи 2010 г. по Российской Федерации (модель) и по регионам (реализация) в расчете на 100 человек. Каждая квота соответствует весу группы в генеральной совокупности в расчете на 1000 человек с избирательным цензом. По методике исследования образование респондентов характеризуется как незаконченное среднее и ниже, среднее общее, среднее специальное, незаконченное высшее, высшее. В процентах к числу респондентов в целом средние данные распределились, соответственно, следующим образом: 13, 17, 38, 6, 27. Такое соотношение величин демонстрирует в региональном разрезе увеличение удельного веса респондентов с незаконченным средним и ниже образованием (с 10% в Московской области до 14% в Республике Калмыкия) и уменьшение удельного веса группы респондентов с высшим образованием (с 33% в Московской области до 25% в Республике Калмыкия). В Республике Башкортостан наблюдаются относительно большая доля респондентов со средним специальным образованием (44%) и меньшая со средним общим образованием (13%). Результаты оценки валидности данных показывают, что общая структура совокупности (N=2002) отличается сдвигом в сторону более образованного населения, уменьшением групп с незаконченным средним и ниже образованием, а также со средним общим и средним специальным образованием.

Внешним весомым аргументом является вхождение Российской Федерации в число стран, имеющих высокие показатели по числу людей с высшим образованием. Согласно докладу Организации Экономического Сотрудничества и Развития (ОЭСР) «Взгляд на образование – 2012» наша страна занимает первое место (54%), опережая Канаду, Израиль, США и Японию. В возрастной когорте от 25 до 64 лет имеют вузовский диплом от 25 до 34 лет – 58%, от 55 до 64 лет – 50% населения.

По данным Института образования НИУ ВШЭ общий показатель охвата молодежи программами высшего образования по России в целом составляет 33%, но в регионах ситуация сильно различается. Выше среднего охват населения в возрасте 17–25 лет местами в региональных вузах наблюдается в Московской и Белгородской областях (49,2% и 36,3% соответственно). Высокий охват высшим образованием в Белгородской области, где обучается примерно 1% всех студентов, объясняется сравнительно большой сетью образовательных организаций высшего образования с учетом численности населения

региона. В Белгородской области расположено 15 вузов и филиалов вузов, контингент которых насчитывает 53,1 тыс. студентов. В республиках Калмыкия и Башкортостан охват высшим образованием составляет 28,1 и 27,4% соответственно [2]. Важно понимать, что при успешном решении задачи модернизации высшего образования по переходу к массовому образованию на уровне бакалавриата, доступному более чем 50% молодежи релевантной возрастной когорты, меняются функции образования – от воспроизводства элит к адаптации всего населения к социальным и технологическим изменениям.

Перейдем к подробному рассмотрению оценок работы системы власти и управления группой населения с высшим образованием в целом.

На уровне оценок эффективности высшего уровня властной иерархии [4, с. 312] просматриваются скошенные распределения в сторону реформистской группы голосов, требующей изменений в работе руководства страной. Наибольшая скошенность наблюдается в отношении работы аппарата Президента РФ (66% реформистских ориентаций) и Правительства РФ (52%). В отношении работы Государственной думы РФ и Совета Федерации РФ крайние позиции уравновешиваются сопоставимой с ними серединной ориентацией, что констатирует, видимо, наличие различных точек зрения на эффективность их работы. На уровне оценок эффективности работы отраслевого министерства и аппарата губернатора республики, края, области [4, с. 314–315] скошенные распределения в сторону только консервативных или реформистских ориентаций отсутствуют. Преобладает умеренная ориентация. Не имеют скошенного характера в ту или иную сторону оценки эффективности работы администрации города, поселка, села, а также руководства органа местного самоуправления или администрации предприятия (учреждения, организации) [4, с. 317]. Необходимости изменений работы названных уровней власти в оценках [4, с. 320, 322–323] не прослеживается.

На уровне оценок относительно недостатков системы управления [4, с. 331] наблюдается значительное число респондентов, средне- и весьма обеспокоенных существенными сторонами отечественной системы управления по признакам «ориентация не на дело, а на отчетность перед вышестоящими» (55%), «превращение руководящего состава в клику» (50%), «использование ресурсов организации в личных целях» (51%), «нарушения обратной связи, контроля выполнения решений» (48%), «увлечение не к месту западным менеджментом» (42%).

На уровне работы звеньев властно-управленческой вертикали [4, с. 257–258, 260, 263, 268] просматриваются скошенные распределения в сторону удовлетворенности по признакам «работа учреждений культуры» (57%), «работа дошкольных учреждений» (55%), «организация и содержание школьного образования» (50%), «профессиональное образование, повышение квалификации» (49%). Наблюдается преимущественно средняя и положительная удовлетворенность признаками «доступность электронной информации о работе власти» (39-40%), «стратегирование развития города (поселения)» (38-38%). Вместе с тем имеются межрегиональные различия в оценках респондентами двух последних признаков. Так, по Московской и Белгородской областям присутствуют более высокие оценки доступности электронной информации о работе власти (51 и 46% соответственно). В Белгородской области более высок уровень оценок стратегирования регионального развития (56%).

Таким образом, опыт эмпирического исследования свидетельствует об обостренном понимании группой населения с высшим образованием отчуждения на местах значительного числа руководителей от исполнителей, частой подменой управления командованием или сговором, присутствием в действиях руководителей признаков коррупции и т.п. Наблюдается явное превалирование в общественном мнении указанной группы властной составляющей во властно-управленческой вертикали и административно-командного характера российской системы управления, что не способствует процессу социокультурной модернизации страны и ее регионов.

Специальной поисковой задачей исследования выступала оценка взаимосвязанности степени концентрации людей с высшим образованием в региональных структурах и типа модернизированности регионов. Для ее решения был проведен анализ социально-экономических показателей развития регионов с учетом параметра занятого населения с высшим образованием.

Полученные данные констатируют значительную долю занятого населения в региональных структурах: от 26,8% в Республике Башкортостан до 43,6% в Московской области (при общем показателе по России в целом 33,0%). В абсолютных величинах это составляет 471,6 и 1339,0 тыс. человек соответственно. Мы полагаем, что в отдельных регионах страны потенциал группы населения с высшим образованием в решении проблем развития (модернизации) явно не раскрыт. Прежде всего, речь идет о Республике Калмыкия, в которой достигнут первый тип модернизированности с уровнем сбалансированности ниже среднего при 35,6% занятого населения с высшим образованием. Белгородская область, где аналогичный показатель равен 30,4%, также демонстрирует невысокие показатели цивилизационного развития (2 ниже среднего) [1], хотя занимает относительно высокое 18-е место в Российской Федерации по численности студентов на 10 000 человек населения и имеет охват молодежи программами высшего образования выше среднего, о чем говорилось ранее.

Подобная постановка проблемы требует, с нашей точки зрения, не только признания спонтанности и исторической необходимости нового этапа модернизации России, но и обостренного чувства сознательного участия в этом процессе как аппарата властно-управленческой вертикали, так и всех слоев общества при ведущей роли наиболее подготовленной в образовательном и научном отношении социальной группы.

Список литературы

1. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / [Л.И. Беляева и др.]; сост. и отв. ред. Н.И. Лапин. М.: Весь Мир, 2016. 360 с.

2. Доступность высшего образования в регионах России / А.Д. Громов, Д.П. Платонова, Д.С. Семенов, Т.Л. Пырова. М.: НИУ ВШЭ, 2016. 32 с.

3. Леньков Р.В. Социопрогностический подход к анализу феномена социального управления / Р.В. Леньков, А.В. Пацула // Высшее образование сегодня. 2014. № 10. С. 44–49.

4. Проблемы реформирования властно-управленческой вертикали в контексте процессов социокультурной модернизации регионов // ИНАБ № 1–2016. [Электронный ресурс] / [А.В. Тихонов и др.]; отв. ред. А.В. Тихонов. Электрон. текст. дан. (объем 6,14 Мб). М.: ИС РАН, 2016. 348 с. 1 электрон. опт. диск 12 см (CD ROM).

А.К. Леонов, В.В. Проказин

ГРАЖДАНСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА РАБОТЫ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. *Статья представляет основные результаты опроса жителей Амурской области по поводу оценки работы власти и управления в регионе и государстве в целом. Выявлены наиболее острые социальные проблемы, требующие реагирования со стороны власти в первую очередь. Выявлены общие социальные настроения амурчан.*

Ключевые слова*: гражданская экспертиза, органы власти, социальное управление, регион, социальные настроения.*

A.K. Leonov, V.V. Prokazin

THE CIVIL EXPERTISE OF THE WORK OF AUTHORITIES AND MANAGEMENT IN THE AMUR REGION

Abstract. *The article presents the main results of a survey of citizens of the Amur region on the evaluation of the authority and control in the region and the country as a whole. The most acute social problems that require a response from the authorities in the first place are revealed. The general social moods of Amur citizen are revealed.*

Keywords*: civil expertise, authority, social management, region, social mood.*

Научная проблема состоит в выяснении способности органов власти и управления Амурской области регулировать уровень социальной напряженности в регионах, которая возникает в связи с необходимостью одновременно решать проблемы внешней и внутренней политики в конкретной исторической ситуации и конструктивно влиять на процессы модернизации в них. Данное обстоятельство актуализирует социологические исследования отношения различных групп населения к региональным проблемам. *Объектом* исследования стали противоречия между органами власти и управления и гражданским обществом в Амурской области. *Предметом* выступают некоторые тренды, которые наблюдаются в регионе и которые нужно учитывать при принятии текущих и стратегических управленческих решений. Ниже представлены табличные данные, анализ которых позволяет выделить наиболее острые проблемы, на решение которых органы местной власти и общественность должны обратить первоочередное внимание.

Исследование проводилось в мае-июне 2017 гг. при поддержке Российского научного фонда в рамках темы № 15-18-30077 «Гражданская экспертиза проблемы реформирования властно-управленческой вертикали в контексте процессов социокультурной модернизации регионов: от мониторинга состояний до прогнозного проектирования». Объем квотной выборки (с контролем квот по полу, возрасту и уровню образования) составил 481 респондент.

Прежде всего, отметим наиболее острые, с точки зрения амурчан, социальные проблемы, требующие реакции со стороны органов власти. Около 66% респондентов отмечают плохое и крайне плохое состояние дорог. Данная проблема характерна как для сельской местности, так и городской (включая и областной центр). Возмущения со стороны населения продиктованы не только состоянием дорожного покрытия, но и далеко не всегда эффективным ремонтом. Вероятно, с этим связана и еще одна актуальная для амурчан проблема: коррупция в органах власти (40% населения области оценивают положение дел в этой сфере негативно). Отсутствие эффективных решений социальных проблем связывается населением с дисфункциональностью органов власти, патологическими явлениями (например, «откатами», воровстве при строительстве как крупных объектов ОПК, так объектов инфраструктуры). Еще две острые проблемы уже находятся в экономическом поле.

Возможность найти работу и улучшить жилищные условия позитивно оценивается только 15% опрошенных. Низкая заработная плата, высокие ставки по ипотечным кредитам, рост уровня безработицы, спад промышленного производства становятся главными факторами пессимистичных взглядов амурчан. Отсутствие реального участия власти в увеличении темпов промышленного производства и поддержки малых и средних предприятий угрожает экономическому развитию региона. Необходима спланированная поступательная система по развитию и размещению промышленных производств, а также децентрализация российской экономики. Сами амурчане оценивают решение этих проблем крайне пессимистично (табл. 1).

Таблица 1

Будут ли, по Вашей оценке, решены эти проблемы в ближайшие 5 лет?, в %

Варианты ответов	Доля
Надеюсь, что да	23
Думаю, что нет	62
Затрудняюсь ответить	15
ИТОГО	100

Что касается решения государством внутренних социальных проблем, то оценки амурчан сходны с оценками актуальности внутрирегиональных проблем. Так, наименее успешно, по мнению граждан, решаются проблемы с ростом тарифов ЖКХ, доступностью жилья, его капитальным ремонтом (75% оценивают негативно), снижением реальных размеров заработной платы, пенсий, ростом цен (61%), безработицей (52%). Усугубляется негативизм относительной депривацией населения: сравнением социального положения большинства с высоким материальным статусом элиты (успешность решения проблемы с разрывом в уровне жизни бедных и богатых негативно оценивают 63% опрошенных). Решение данных проблем должно нести системный и комплексный характер. Необходима целевая государственная поддержка малых и средних предприятий, в первую очередь, в сфере промышленного производства, при стимулировании работодателей принимать на работу безработных российского государства, а не сопредельных республик. Эта мера важна и тем, что при приоритетности задачи индустриализации нашей страны Амурская область относится ко второму типу в зависимости от степени модернизации [2, с. 17, 28]. Актуален пересмотр системы повышения квалификации и переквалификации: развитие сети учебно-производственных комбинатов. В целом, нужна децентрализация российской экономики, расширение прав регионов.

Общий пессимистичный настрой амурчан в отношении решения острых социальных проблем государством во многом продиктован пониманием недостатков отечественной системы управления (власти): ориентацией руководства не на результат, а на сохранение своей власти и на отчетность перед вышестоящими инстанциями, а также использование ресурсов организации в личных целях. Такие известные дисфункции бюрократии свойственны всем уровням управления: государственному, местному (муниципальному) и уровню организации. Вместе с тем, первопричина ориентации на отчетность не столько в местной бюрократии, сколько в вышестоящих инстанциях, исполняющих контрольную функцию управления. Требования сверх меры отчетности, выполнения формальных показателей не способствуют ни развитию региона, ни развитию системы социального управления нашего государства. Необходимо ужесточение внешнего контроля за деятельностью как местных, так и областных чиновников, но не со стороны государства, а со стороны гражданского общества, тем более, что это имеет правовое основание [4]. Причем, данный вид гражданского контроля (экспертизы) должен реализовываться независимыми социологическими центрами при должном методическом аудите. Актуально также развитие системы муниципального консалтинга [1, с. 180].

Несмотря на сложившиеся социальные проблемы, слабую эффективность их решения со стороны органов власти, большинство амурчан удовлетворено жизнью в регионе (табл. 2).

Таблица 2

Какие чувства Вы испытываете по отношению к своему региону?

Варианты ответов	Доля
Испытываю радость, что живу здесь	18
Удовлетворен, хотя не все устраивает	51
Среднее отношение	19
Мне не очень нравится жить здесь	9
Затрудняюсь ответить	3
Итого	100

Это указывает на определенный потенциал в социально-экономическом развитии региона. Создание и развитие на территории области крупных объектов промышленности и инфраструктуры (космодром, газоперерабатывающий комплекс, газопровод, гидроэлектростанции, золотодобывающие предприятия) внушают до некоторой степени уверенность в сознании населения, но лишь в том случае, когда граждане понимают, что могут дать им эти объекты, что пользы от них больше, чем вреда. Пока же представления населения о полезности объектов размыты, а в отношении нового космодрома «Восточный» существует и открытый страх [3, с. 789]. Сами жители Амурской области связывают перспективы развития своего региона именно с развитием промышленности. В то же время сильны в регионе патерналистские настроения, надежда на помощь со стороны, прежде всего, Президента РФ, поскольку население (как и региональные элиты) зависит от перераспределения природной ренты [2, с. 49]. Важнейшие акторы социокультурной модернизации региона видятся в предпринимателях (но преимущественно только двух развитых городов – Благовещенска и Белогорска, – и при минимизации контроля со стороны инспектирующих органов) и в социально активных гражданах, представителях «образованного класса» (при способности органов местной власти принимать инициативу снизу, и не мешать этой инициативе).

Список литературы

1. Социология управления: Теоретико-прикладной толковый словарь / Отв. ред. А.В. Тихонов. М.: КРАСАНД, 2015. 480 с.

2. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / [Л.И. Беляева и др.]; сост. и отв. ред. Н.И. Лапин. М.: Весь Мир, 2016. 360 с.

3. Леонов А.К., Романова А.А. Социальные страхи населения приграничного города // Российское социологическое сообщество: история, современность, место в мировой науке / Матер.междунар. науч. конф. к 100-летию Русского социологического общества им. М.М. Ковалевского. Санкт-Петербург, 10–12 ноября 2016 г. / Отв. редактор: Ю.В. Асочаков. СПб: Скифия-принт, 2016. С. 788–790.

4. Постановление Правительства РФ от 12.12.2012 N 1284 (ред. от 04.04.2017) «Об оценке гражданами эффективности деятельности руководителей территориальных органов федеральных органов исполнительной власти (их структурных подразделений) и территориальных органов государственных внебюджетных фондов (их региональных отделений) с учетом качества предоставления ими государственных услуг, а также о применении результатов указанной оценки как основания для принятия решений о досрочном прекращении исполнения соответствующими руководителями своих должностных обязанностей» [Электронный ресурс]: ГАРАНТ: [веб-сайт]. URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70182224/ (Дата обращения: 23.09.2017).

С.Э. Лиджи-Горяева

ОЦЕНКА НАСЕЛЕНИЕМ РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПАРАМЕТРОВ УСЛОВИЙ ЖИЗНИ И СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕГИОНЕ

Аннотация. *В настоящей публикации представлены оценки жителями Республики Калмыкия отдельных параметров условий жизни и социальных отношений, высказанные в рамках общероссийского социологического опроса «Диагностика состояния и перспектив реформирования системы управления в России» (2015 г.), в частности, данные об уровне жизни и материальном достатке населения. Проблема эта достаточно острая и серьезная в регионе. Представлены оценки некоторых сторон социальных отношений в регионе. Здесь ситуация позитивная. По каждому разделу даны также материалы собственных региональных опросов по аналогичным проблемам. Осуществлены краткий анализ и обобщение материалов.*

Ключевые слова: *Республика Калмыкия, общероссийский социологический опрос, региональные социологические опросы, уровень жизни населения, межнациональные и межконфессиональные отношения, социальные скрепы.*

S.E. Lidzhi-Goryaeva

THE ASSESSMENT OF CERTAIN PARAMETERS OF LIVING CONDITIONS AND SOCIAL RELATIONS IN THE REGION BY THE POPULATION OF THE REPUBLIC OF KALMYKIA

Abstract. *This publication presents assessments by residents of the Republic of Kalmykia of certain parameters of living conditions and social relations expressed in the framework of the all-Russian sociological survey «Diagnosis of the state and prospects of reforming the management system in Russia» (2015). In particular, data on the standard of living and material prosperity of the population. This problem is quite acute and serious in the region. There are some assessments of some aspects of Kalmykia social relations in this paper. Here the situation is positive. For each section, the materials of their own regional surveys on similar problems are also given. A brief analysis and generalization of the materials was carried out.*

Keywords: *Republic of Kalmykia, all-Russian sociological survey, regional sociological surveys, living standards of the population, interethnic and interdenominational relations, social bonds.*

В 2015 году коллектив БНУ РК «Институт комплексных исследований аридных территорий» принял участие в проведении общероссийского социологического опроса «Диагностика состояния и перспектив реформирования системы управления в России».

В Республике Калмыкия было опрошено 500 респондентов. Выборка репрезентативна для населения региона.

Общероссийское исследование проводилось при поддержке Российского научного фонда в рамках заявленной темы № 15-18-30077 «Гражданская экспертиза проблемы реформирования властно-управленческой вертикали в контексте процессов социокультурной модернизации регионов: от мониторинга состояний до прогнозного проектирования».

Научная проблема состоит в выяснении способности органов власти и управления регулировать уровень социальной напряженности в регионах, которая возникает в связи с необходимостью одновременно решать проблемы внешней и внутренней политики в конкретной исторической ситуации и конструктивно влиять на процессы модернизации в них. Особое значение в этих условиях приобретает необходимость упреждения неблагоприятного развития событий, что возможно только при наличии надежных

социологических данных об отношении различных групп населения к существующим в регионах проблемам.

Объектом исследования стали противоречия между органами власти и управления и гражданским обществом в регионах с различным уровнем модернизации относительно приоритетов развития.

Предметом выступают некоторые тренды, которые наблюдаются в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации и которые нужно учитывать при принятии текущих и стратегических решений. Для выявления факторов, определяющих эти закономерности, были отобраны 12 регионов по типологии ЦИСИ ИФ РАН с разным уровнем модернизации: 8 из числа областей, краев, городов (приравненных к регионам) и 4 – из числа республик и автономных образований. Республика Калмыкия приняла участие в данном опросе в статусе республики, входящей в состав ЮФО.

Населению отобранных регионов было предложено оценить 28 важнейших параметров условий жизни и социальных отношений в своем регионе. Согласно проекту, анализ оценок по этим параметрам позволит выделить наиболее острые проблемы, на решение которых органы местной власти и общественность должны обратить первоочередное внимание.

В рамках настоящего сообщения нами представлены оценки респондентов нашего региона лишь по некоторым из этих параметров, а также краткий анализ и обобщение материалов.

Один из параметров, определяющих условия жизни, – оценка населением уровня жизни. Как же граждане республики оценивают уровень жизни населения Калмыкии в сравнении с жителями соседних регионов? (см. табл. 1).

Оценки распределились следующим образом: считают, что в Калмыкии люди живут лучше, чем в соседних регионах, лишь 7,6% респондентов. Более трети (35,1%) думают, что в других регионах люди живут примерно одинаково («где как»). Одновременно почти половина опрошенных (47,3%) отметили, что в Калмыкии люди живут «хуже». Почти каждый десятый (9,4%) опрошенный не смог дать определенного ответа на данный вопрос.

Таблица 1

Лучше или хуже живут жители региона по сравнению с соседями?

Варианты ответов		**Частота**	**Процент**	**Валидный процент**	**Кумулятивный процент**
Валидные	Лучше	38	7,6	7,7	7,7
	Где как	175	35,1	35,3	42,9
	Хуже	236	47,3	47,6	90,5
	З/о	47	9,4	9,5	100,0
	Итого	496	99,4	100,0	
Пропущенные	Системные пропущенные	3	0,6		
Итого		499	100,0		

Насколько адекватны эти оценки? В процессе мониторинга предоставления муниципальных услуг мы периодически выявляем уровень материального благосостояния жителей районов республики, г. Элиста и жителей республики в целом [4]. В 2017 г. нами получены следующие результаты (см. рис. 1):

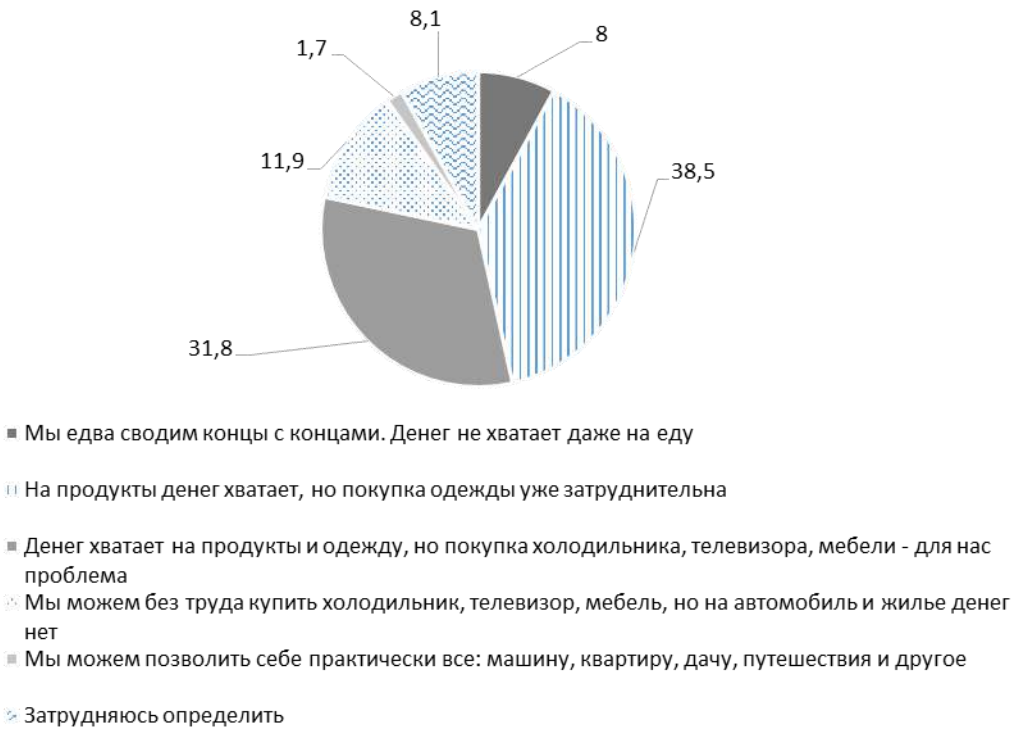

Рисунок 1. Как Вы оцениваете свое материальное положение, в %

Практически каждый двенадцатый (8,0%) из опрошенных жителей республики признался, что «едва сводит концы с концами, денег не хватает даже на еду». Более трети опрошенных (38,5%) определили свое материальное положение следующим образом: «на продукты денег хватает, но покупка одежды уже затруднительна». Примерно треть (31,8%) отметили, что «денег хватает на продукты и одежду, но покупка холодильника, телевизора, мебели – уже проблема». Каждый девятый (11,9%) опрошенный житель ответил, что «он может без труда купить холодильник, телевизор, мебель, но на автомобиль и жилье у него денег нет». Есть и небольшая доля жителей (1,7%) республики, которые могут на сегодня «позволить себе практически все: машину, квартиру, дачу, путешествия и другое». Некоторая часть (8,1%) опрошенных не смогли или не пожелали отнести себя к какой-либо категории граждан по материальному положению.

Следовательно, почти половина жителей республики (46,5%) признались, что материальное положение у них очень низкое.

Материалы социологических опросов подтверждаются и официальными данными. На сегодня Калмыкия – аутсайдер в социально-экономическом рейтинге регионов России. Республика занимает 82-е место (из 85 регионов РФ) [1].

Современная Калмыкия представляет собой целостное, исторически сложившееся многонациональное образование. В процессе длительного исторического проживания на общей территории представители разных национальностей накопили ценный опыт межнационального общения.

Калмыкия на протяжении более четырехсот лет представляла и представляет собой сегодня регион благоприятных межнациональных и межконфессиональных отношений. И в годы резких перемен в обществе, и в настоящее время республика прочно сохраняет благоприятную общественную атмосферу, взаимоуважение людей разных национальностей и вероисповеданий.

По данным общероссийского опроса, на вопрос: «Как обстоят дела с уважением к людям вашей национальности?» – получены следующие оценки (см. табл. 2).

Таблица 2

Как обстоят дела с уважением к людям вашей национальности?

Оценка		Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
Валидные	Очень плохо	3	0,6	0,6	0,6
	Довольно плохо	27	5,4	5,5	6,2
	Удовлетворительно	100	20,0	20,5	26,7
	Хорошо	228	45,7	46,8	73,5
	Отлично	129	25,9	26,5	100,0
	Итого	487	97,6	100,0	
Пропущенные	Системные пропущенные	12	2,4		
Итого		499	100,0		

Почти три четверти (71,6%) респондентов оценили уважительное отношение к людям своей национальности на «хорошо» – 45,7% и «отлично» – 25,9%. Оценки «плохо» дали 0,6%, «довольно плохо» – 5,4% опрошенных. Что касается межконфессиональных отношений, то 44,5% жителей оценили их на «хорошо» и 27,5% – на «отлично». Лишь 1,0% опрошенных дали оценку «плохо».

Многолетние социологические исследования межнациональных и межконфессиональных отношений народов, населяющих Республику Калмыкия, показывают еще более убедительные факты толерантных, доброжелательных, добрососедских отношений представителей более 90 наций и народностей [2].

На наш взгляд, важный фактор положительного социального самочувствия и, в конечном итоге, развития региона – отношение граждан республики к месту своему проживания, своей малой родине (см. табл. 3).

Согласно данным общероссийского социологического опроса, подавляющее большинство опрошенных (86,4%) жителей республики либо «испытывают радость, что живут здесь» (35,5%), либо «удовлетворены, хотя не все устраивает» (50,9%). Думается, что это важный фактор сохранения республики, ее дальнейшего развития.

Таблица 3

Какие чувства испытываете к своему региону?

Варианты ответов		Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
Валидные	Испытываю радость, что живу здесь	177	35,5	35,5	35,5
	Удовлетворен, хотя не все устраивает	254	50,9	51,0	86,5
	Среднее отношение	41	8,2	8,2	94,8
	Мне не очень нравится жить здесь	8	1,6	1,6	96,4
	З/о	18	3,6	3,6	100,0
	Итого	498	99,8	100,0	
Пропущенные	Системные пропущенные	1	0,2		
Итого		499	100,0		

Убеждают в этом и многие объективные данные. Положительные тенденции в развитии республики наблюдаются в последние годы весьма отчетливо. В первую очередь,

конечно, в сфере сельского хозяйства, точнее в животноводстве – традиционной отрасли народного хозяйства Калмыкии.

Благодаря различным программам, усилиям центральной и региональной власти достигаются заметные успехи во всех отраслях животноводства: овцеводстве, разведении КРС и верблюдов, коневодстве и др. По численности поголовья сельскохозяйственных животных в республике достигнут уровень предреформенного (советского) периода: в условных единицах это примерно шесть миллионов овец. В сельском хозяйстве, животноводстве, в частности, активно внедряются новые современные технологии, расширяется база инвестиционных привлечений. Успешное развитие сельского хозяйства – залог повышения уровня жизни населения, особенно жителей села, составляющих большую часть населения республики.

В республике, особенно в ее столице Элисте, наблюдается в последние годы настоящий бум строительства жилья. В Республике Калмыкия практически полностью выполнена программа переселения граждан из ветхого жилья.

Заметны усилия местных органов власти по развитию и благоустройству городских и сельских территорий. В больших и малых сельских населенных пунктах все чаще открываются (строятся, восстанавливаются) школы, детские сады, учреждения здравоохранения и культуры, спортивные комплексы, памятные сооружения.

Немало усилий прилагают региональные и местные органы власти для духовного возрождения народа. Все больше не только людей старшего поколения, но, что примечательно, и молодежи: студентов, учащихся– получают наставления высоких духовных лидеров буддизма в Центральном Хуруле республики «Золотая обитель Будды Шакьямуни», кстати, самом крупном буддийском храме в Европе.

Во всех районах республики возводятся прекрасные хурулы, православные храмы, а также культовые сооружения: Ступы Просветления, Ступы Мудрости. Для многострадального калмыцкого народа – это важные духовные скрепы, чтобы быть сплоченнее, увереннее в завтрашнем дне; желание активного участия в развитии республики.

Все эти факты позволяют с достаточной долей уверенности (оптимизма) говорить о том, что Республика Калмыкия как субъект Российской Федерации находится на пути устойчивого развития. Положительные тенденции в социально-экономической и социокультурной сферах жизнедеятельности республики очевидны.

Разделяя мнения большинства жителей республики, что «не все у нас хорошо», «не все устраивает», не можем не согласиться с мнением ученых, утверждающих, что: «Социальные противоречия необходимо преодолевать, а культурные особенности, напротив, следует учитывать и использовать как один из ресурсов успешной модернизации России как государства и цивилизации» [3, с. 44].

Список литературы

1. Калмыкия – аутсайдер социально-экономического рейтинга регионов РФ. 30.05.2017. [Электронный ресурс]: Калмыцкий информационный портал: [веб-сайт]. URL: http://Kalmykia-online.ru/news/11001 (Дата обращения: 21.09.2017).

2. Межнациональные отношения и толерантность как факторы стабильности в Калмыкии. Экономическая энциклопедия Республики Калмыкия. ЗАО «НПП Джангр». Элиста. 2016. С. 266-272.

3. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / [Л.И. Беляева и др.]; сост. и отв. ред. Н.И. Лапин. М.: Весь Мир, 2016. 360 с.

4. Спиридонова Л.Ю., Ункуров Э.Ю., Лиджи-Горяева С.Э. Население республики: удовлетворенность муниципальными услугами // Вестник института комплексных исследований аридных территорий. 2015. Том. 1. № 1(30). С. 65–86.

М.А. Малышев

РОЛЬ ПРОФСОЮЗОВ В СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССАХ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Аннотация. *В статье приводятся результаты анализа данных социологического опроса наемных работников. В задачи исследования входил анализ основных аспектов социально-трудовых отношений на предприятиях (в организациях), результатов деятельности первичных профсоюзных организаций, мотивации профсоюзного членства и мотивации неучастия в профсоюзе, а также оценка информированности и социальной активности наемных работников.*

Ключевые слова: *Социально-трудовые отношения, предприятия (организации), профсоюз, мотивация профсоюзного членства, социальная активность наемных работников.*

M.A. Malishev

ROLE OF LABOR UNIONS IN SOCIOCULTURAL PROCESSES IN REGIONS OF RUSSIA

Abstract. *Results of the analysis of the hired workers given sociological poll are given in article. Research problems included the analysis of the main aspects of the social and labor relations at the enterprises (in the organizations), results of activity of primary trade-union organizations, motivation of trade-union membership and motivation of nonparticipation in labor union and also assessment of knowledge and social activity of hired workers.*

Keywords: *Social and labor relations, enterprises (organization), labor union, motivation of trade-union membership, social activity of hired workers.*

На кафедре социологии управления факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова в 2017 г. было проведено социологическое исследование современного состояния профсоюзов сквозь призму оценок и суждений наемных работников. В задачи исследования входил анализ основных аспектов социально-трудовых отношений на предприятиях (в организациях), результатов деятельности первичных профсоюзных организаций, мотивации профсоюзного членства и мотивации неучастия в профсоюзе, а также оценка информированности и социальной активности наемных работников.

Сравнивались группы респондентов, сформированные по факторам: пола, возраста, статуса в производственной иерархии, стажа работы на данном предприятии и отраслевой принадлежности. Сравнение групп респондентов с учетом фактора региональной принадлежности в задачу исследования не входило, так как это потребовало бы выборочной совокупности на порядок больше, что привело бы к резкому удорожанию исследования. Необходимо выделить работы, изучающие текущие процессы и обеспечение стабильности всей социально-трудовой сферы [4; 5], региональные исследования проблем социально-трудовых отношений, социального развития в регионах [8].

В социологических исследованиях, проведенных в российских регионах отмечается, что реальные трудовые права наемных работников определяются готовностью работодателей следовать трудовым нормам и взаимным, неформальным обменом [7, с. 98], статусом работника в профессионально-должностной иерархии [6]. Работник выбирает терпение в обмен на заботу и попечительство [3], которые трансформируются в полулегальные, неформальные отношения [11], специфический российский патернализм [9; 10].

Специфика работы самих предприятий такова, что они работают в условиях высокой нестабильности своего положения [1, с. 425].

Как полагает ведущий специалист социально-экономических программ ЦСТП П.В. Бизюков, «Снижение, замеченное в текущем году, не меняет протестных структур, а значит это не произошел возврат к уровню 2013 г. и не началось движение в его сторону. Впереди, скорее всего, не просто расползание протестов по отраслям и регионам, но и накопление протестной массы, которое будет происходить в ближайшее время. Прошлый раз от рывка 2009 г. пять лет накапливался потенциал для скачка 2014 г. Но вряд ли это повторится – накопленный материал содержит в себе указание на то, каким будет новое качество трудовых протестов. На смену единичным и локальным акциям придут межрегиональные, межотраслевые протесты. В первом полугодии 2017 г. их было мало, меньше чем в прошлом году, но нужно учитывать, что и общее количество акций снизилось. В любом случае надо иметь в виду, что причины, заставляющие людей бастовать и митинговать не решаются, а значит всегда есть шанс, что ситуация повторится».

Опрос ***работников – членов профсоюза*** проводился на их рабочих местах в 22 регионах России (г. Москва, г. Санкт-Петербург, Архангельская область, Республика Башкортостан, Владимирская область, Волгоградская область, г. Екатеринбург и Свердловская область, Краснодарский край, Красноярский край, Курганская область, Ленинградская область, Нижегородская область, Новосибирская область, Пермская область, Ростовская область, Самарская область, Саратовская область, Республика Татарстан, Тульская область, Республика Удмуртия, Челябинская область, Хабаровский край). Исследованием были охвачены 10 отраслевых профсоюзов:

Характеристика выборочной совокупности работников – членов профсоюза, N = 1708 респондентов (анкета № 1)

По половой принадлежности. Мужчин – 35,1%, женщин –64,9%.

По возрасту. В возрасте до 30 лет –9,6% респондентов, от 31 до 40 лет – 23,8%, от 41 до 50 лет ─ 36,1%, от 51 до 60 лет – 25,6%, свыше 60 лет – 4,9%.

По стажу работы на данном предприятии. Со стажем менее одного года ─ 1,3% респондентов, от 1 до 5 лет ─ 12,8%, от 5 до 10 лет – 17,3%, свыше 10 лет ─ 68,6%.

По статусу в производственной иерархии. Руководителей среднего или низового звена – 17,9%, ИТР, специалистов – 50,4%, рабочих ‒ 31,7%.

По статусу в профсоюзной организации. Занимают выборную должность в профсоюзе – 38,2%, рядовые члены профсоюза ─ 61,8%.

Опрос ***работников, не состоящих в профсоюзе,*** проводился на их рабочих местах в 10 регионах России (г. Москва, г. Санкт-Петербург, Республика Башкортостан, г. Екатеринбург и Свердловская область, Калининградская область, Краснодарский край, Красноярский край, Ленинградская область, Челябинская область, Хабаровский край).

Эти респонденты работают в самых различных сферах (автомобильное и сельскохозяйственное машиностроение; агропромышленный комплекс; геология; горно-металлургическая промышленность; государственное и муниципальное управление; здравоохранение; образование; издательское дело; строительство; торговля и другие организации сферы услуг; финансы, аудит, консалтинг, юридические услуги).

Характеристика выборочной совокупности работников, не состоящих в профсоюзе, N = 500 респондентов (анкета № 2)

По половой принадлежности. Мужчин –43%, женщин –57%.

По возрасту. В возрасте до 30 лет –26,4% респондентов, от 31 до 40 лет – 24,6%, от 41 до 50 лет – 24,8%%, от 51 до 60 лет – 19%, свыше 60 лет – 5,2%.

По стажу работы на данном предприятии. Со стажем менее одного года ─ 9,4% респондентов, от 1 до 5 лет – 33,6%, от 5 до 10 лет – 27,4%, свыше 10 лет ─ 29,6%.

По статусу в производственной иерархии. Руководителей среднего или низового звена – 16,2%, ИТР, специалистов – 54%, рабочих ─ 29,8%.

Наиболее важные результаты предпринятого анализа данных социологического опроса мы можем сформулировать **в одиннадцати тезисах:**

1. У наемных работников существует объективная потребность в деятельности профсоюзных организаций.

Различные социально-трудовые проблемы беспокоят подавляющее большинство работников. Однако члены профсоюза в 1,5–2 раза реже, чем работники, в нем не состоящие, сталкиваются с проблемами соблюдения трудового законодательства и конфликтов с начальством.

Профсоюзные организации вносят значительный вклад в контроль за соблюдением трудового законодательства, в обеспечение безопасности труда, побуждают работодателей предоставлять социальные льготы работникам. Степень удовлетворенности режимом труда и отдыха, безопасностью труда, социальными льготами у работников, не состоящих в профсоюзе, заметно ниже, чем у членов профсоюза.

Большинство членов профсоюза и значительная часть работников, в нем не состоящих, рассматривают профсоюзный комитет в качестве защитника прав трудящихся на предприятии. Это является серьезным ресурсом для развития и реформирования организации.

2. Профсоюзные организации реально работают, однако оценка эффективности этой работы невысока.

Результативность деятельности первичных профсоюзных организаций в сфере защиты и представительства интересов работников оценивается респондентами в основном как посредственная.

Самая серьезная проблема, которая стоит перед большинством работников – это отсутствие или недостаточный характер повышения заработной платы. Однако меньше всего роль профсоюза заметна в решении этого наиболее волнующего трудящихся вопроса, а также в решении вопроса негосударственного пенсионного страхования.

Профсоюзные комитеты занимаются тем, что у них легче и лучше получается (охрана труда, досуг и т.д.), однако нерешенность важнейшего вопроса (а уровень недовольства работников размером заработной платы чрезвычайно высок) приводит к снижению их авторитета.

Как правило, в случаях конфликта между работодателем и профсоюзной организацией требования профсоюза в основном или частично удовлетворяются. Однако зависимость от администрации – это главное, что не устраивает наемных работников в деятельности выборных органов первичных профсоюзных организаций. Им хотелось бы, чтобы профсоюзные работники проявляли большую решительность в отстаивании интересов трудящихся.

3. Демократические принципы применяются в деятельности не всех профсоюзных организаций.

Демократическая процедура принятия решений, когда важные вопросы решаются на собраниях, не используется в практике работы ряда профсоюзных организаций.

Как минимум в каждой третьей организации проект коллективного договора разрабатывался без участия работников.

4. Для большинства членов профсоюза характерно осознанное отношение к своему членству в организации.

На основе полученных данных можно выделить четыре основных и четыре дополнительных мотива профсоюзного членства. Основными являются: мотив солидарности, мотив «страховки», мотив корпоративизма и мотив «привычки» («рутинная мотивация»). К дополнительным, существующим лишь в сочетании с другими, мотивам относятся: потребительский мотив, мотив общения, мотив доверия лидеру и мотив самореализации.

5. Мобилизационные возможности профсоюзных организаций в настоящее время ослаблены.

Большинство членов профсоюза заявили о наличии активной общественной позиции– регулярном посещении профсоюзных собраний, дисциплинированном отношении к решениям выборного профсоюзного органа, неоднократном выполнении профсоюзных

поручений, стремлении активно отстаивать свое мнение в случае несогласия с профкомом и готовности участвовать в акциях протеста, солидарных действиях профсоюза.

Однако, несмотря на эти данные, и даже несмотря на то, что главным мотивом своего членства в профсоюзе респонденты заявили мотив солидарности, представляется неправильным делать вывод о высоких возможностях профсоюзных организаций в осуществлении своих уставных целей, их мобилизационном потенциале. Следует помнить, что отсутствие солидарности, поддержки, помощи, терпимость людей к нарушению своих прав из-за страха потерять работу – это главное, что не устраивает участников опроса в реальных отношениях между членами профсоюза. Еще один фактор, ослабляющий мобилизационный потенциал профсоюзных организаций, – это восприятие профсоюзных комитетов как органов, зависимых от работодателя.

6. Широкомасштабное предоставление материальной помощи в настоящее время выступает в качестве «имитации бурной деятельности» в условиях нерешенности основных проблем.

Большинство членов профсоюза в течение года обращались в профком для решения возникших у них проблем, причем лидирующей темой являлась материальная помощь. Таким образом, в условиях нерешенности основных проблем (заработная плата и т.д.) предоставление материальной помощи остается наиболее распространенным, наиболее типичным способом взаимодействия организации с ее членами, создающим видимость активной работы профсоюза, а сама материальная помощь выступает в роли некоего обязательного «дисконта за профсоюзное членство».

7. Недоверие – основная причина отказа от профсоюзного членства.

Ведущими причинами отказа от профсоюзного членства являются:

1) отношение к профсоюзу как к организации, полностью зависимой от властей и работодателей и не способной обеспечить реальную защиту трудовых прав и социально-экономических интересов наемных работников;

2) нежелание платить членские взносы;

3) понимание того, что, в соответствии с трудовым законодательством у членов профсоюза нет преимуществ в условиях труда, поскольку коллективный договор распространяется на всех работников.

Отказ от профсоюзного членства у большинства респондентов мотивирован сразу несколькими причинами. Однако чаще всего в основе заявленных мотивов скрывается недоверие к профсоюзу как к организации, которая способна обеспечить реальную защиту трудовых прав работника и реализовать в своей деятельности его интересы.

Профсоюзы, которым респонденты могли бы доверять, должны, судя по их отзывам, соответствовать четырем важнейшим условиям:

- быть независимыми, самостоятельными, работоспособными;
- обладать большим объемом прав и возможностей;
- иметь более молодых, более авторитетных, более подготовленных лидеров;
- демонстрировать большую информационную открытость.

8. Органайзинг должен стать системным явлением.

Лишь малая часть (1/10) работников, не состоящих в профсоюзе, выражают уверенность, что им никогда не понадобится его помощь.

Каждая четвертая женщина и каждый шестой мужчина из числа работников, не состоящих в профсоюзе, отмечали возможность своего вступления в профсоюз. Однако целенаправленная работа по вовлечению в профсоюз ведется лишь с меньшинством работников, не состоящих в его рядах.

9. Люди не видят профсоюзы как целостное явление в масштабах социкультурного пространства.

Информированность респондентов о деятельности профсоюзов носит локальный характер. Уровень осведомленности работников о деятельности профсоюзов в стране,

отрасли, регионе является низким и это порождает дискретное восприятие профсоюзного движения.

Очевидна объективная потребность в создании единой системы информационных центров, которые координировали бы всю профсоюзную информационную работу в масштабах страны (группы родственных отраслей, федерального округа) и способствовали бы распространению информации как по вертикали, так и по горизонтали профсоюзной структуры.

10. Необходимо правовое обучение членов профсоюза.

Правовая культура трудовых отношений остается невысокой. Организация в самых широких масштабах «правового ликбеза» членов профсоюза, всех заинтересованных работников будет способствовать усилению мотивации профсоюзного членства, усилению мобилизационных возможностей профсоюзных организаций.

11. Обучение профсоюзных кадров – важнейшее условие развития организации.

Система непрерывного обучения профсоюзных кадров – универсальное средство для формирования единой идеологии в рядах профсоюзных лидеров, освоения ими знаний, навыков и умений, необходимых для работы в современных условиях.

Стабильность или стагнация? Каким бы из этих терминов мы не охарактеризовали нынешнее состояние профсоюзов, вывод будет один: они подошли к этапу, когда им необходимы новые импульсы для развития.

Не только внутренние, но и внешние факторы благоприятны для решения этой задачи. Взаимоотношение с властями и работодателями в той или иной степени удается регулировать с помощью механизмов социального партнерства. А отношение в обществе к профсоюзам хотя и достаточно неоднородное, но при этом спокойное. Они не являются раздражителем для общественного мнения. Это создает благоприятную почву для развития и совершенствования профсоюзов, в социокультурных процессах в регионах России.

Список литературы

1. Социально-экономическая защищенность населения столицы, занятого в малом бизнесе / [М.Е. Баскакова и др.]; под ред. И.В. Соболевой; Уполномоченный по правам человека в г. Москве; Ин-т экономики Российской акад. наук. М.: Изд-во Черноземье, 2015. 265 с.

2. Бизюков П.В. Трудовые протесты в первой половине 2017 г. Аналитический отчет по результатам мониторинга трудовых протестов ЦСТП [Электронный ресурс]: Центр социально-трудовых прав: [веб-сайт]. 16.08.2017. URL: http://trudprava.ru/expert/analytics/protestanalyt/1900 (Дата обращения: 10.09.2017).

3. Геташвили М.А. Патернализм как элемент социально-трудовых отношений // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2013. № 19 (46). С. 43–50.

4. Наемный работник в современной России / [З.Т. Голенкова и др.]; отв. ред. З.Т. Голенкова. М.: Новый хронограф, 2015. 368 с.

5. Кастель Р. Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда. СПб.: Алетейя. 2009. 574 с.

6. Козина И.М. Трудовые отношения и социальные практики на «новых» предприятиях малого и среднего бизнеса // Социологические исследования. 2007. № 7. С. 35–44.

7. Масленникова Е.В. Особенности развития социально-трудовых отношений в России // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 3 (257). Управление. Вып. 7. С. 98–101.

8. Нетеребский О.В. Становление и развитие системы социального партнерства (Региональный аспект). М.: Палеотип, 2003. 286 с.

9. Романов П.В. Промышленный социальный патернализм в системе социальной политики предприятий // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3. № 3. С. 287–304.

10. Темницкий А.Л. Ориентации рабочих на патерналистские и партнерские отношения с руководством // Социологические исследования. 2004. № 6. С. 26–37.

11. Чепуренко А.Ю., Обыденнова Т.Б. Трудовые отношения на российских малых предприятиях (по материалам социологических обследований) // Вопросы экономики. 2001. № 4. С. 110–122.

А.А. Мерзляков

ПОТЕНЦИАЛ СОЦИАЛЬНОГО УЧАСТИЯ В РЕГИОНАХ С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ[28]

Аннотация. *В статье на основе материалов пилотного диагностического исследования (2015), проведенного в 4-х субъектах РФ, рассмотрена проблема социального участия в управленческой практике. Акцентируется внимание на изучении социокультурного аспекта проблемы. Выдвинуто предположение о влиянии социокультурных и социально-экономических факторов на характер и уровень взаимодействия населения и власти. Предложены три критерия для диагностики потенциала социального участия: уровень развитости каналов обратной связи между населением и властью; общественная оценка эффективности работы как власти, так и самих граждан по совместному решению социально-значимых проблем; общественный потенциал участия. Выявлено, что каждый регион имеет свой уникальный потенциал социального участия. Отмечается низкий уровень удовлетворенности населения пользования каналами обратной связи при общении с органами власти и сохраняющееся отчуждение властной вертикали от реальных нужд людей. Исследование продолжается, выдвинутые гипотезы пройдут дополнительную проверку еще в 8 регионах нашей страны.*

Ключевые слова: *социальное участие, потенциал социального участия, социальная диагностика, оценки взаимодействия власти и населения, социокультурная модернизация.*

A.A. Merzlykov

SOCIAL PARTICIPATION POTENTIAL IN DIFFERENT SOCIOCULTURAL MODERNIZATION REGIONS

Abstract. *In the article the problem of social participation in managerial practice is considered. The results are presented on the basis of materials the pilot diagnostic study (2015), conducted in 4 regions of the Russian Federation.*

The article focuses on the study of socio-cultural aspect of the social participation implementation mechanism. The assumption of socio-cultural and socio-economic factors' influence on the nature and the interaction level between population and power is made. It is proposed three criteria for diagnostics of social participation potential: the level of a feedback channels development between the population and the authorities; the public evaluation of work efficiency of both the authorities and citizens according to the common decision of the socially important problems; the potential of public participation. It is noticed the low level of population satisfaction with the use of feedback channels in communicating with the authorities and the continued alienation of a power vertical from people real life.

Keywords: *social participation, social participation potential; social diagnostics; assessment of interaction between authorities and population; socio-cultural modernization.*

Исходные положения. Под социальным участием (СУ) понимается управляемый процесс социальной коммуникации с целью организации совместной деятельности граждан

[28]При финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 15-18-30077.

и групп населения с органами власти и управления. Это есть управление с обратной коммуникативной связью. «Реализация социального участия», по мнению Т.М. Дридзе, «происходит путем перманентного расширения «коммуникативного круга» с постепенным «втягиванием» в него все большего числа социальных субъектов с их разномотивированными критериями оценки социальной ситуации и социально значимых решений» [1]. Это требующий внимания и всесторонней поддержки непрерывный процесс отношений между населением и органом власти (учреждениями, ведомствами), отвечающим за принятие решений. Он включает: меры взаимодействия с общественностью в части подготовки и принятия решений; информирования о статусе, разработке и реализации проектов, планов и различных программ; активный сбор и учет мнений заинтересованных граждан, их предпочтений и предложений по использованию ресурсов и альтернативных стратегий [10; 9; 7]. СУ—это гибридный способ выработки, принятия и реализации управленческих решений. В идеале, в отличие от авторитарного или бюрократического способа он предполагает конструктивное взаимодействие всех субъектов, чьи интересы данное решение затрагивает или может затронуть в дальнейшем [3].

Под потенциалом СУ понимается совокупность возможностей и средств для реализации взаимодействия всех социальных субъектов, заинтересованных в успешной организации управленческого процесса на этапах выработки и реализации принимаемых решений. Потенциал СУ составляют развитость правового пространства в данной сфере; наличие и использование разнообразных организационных и информационных форм взаимодействия социальных субъектов; социокультурные особенности общественно-политической и территориальной среды, в которой реализуется процесс социального участия [4].

Правовое поле и организационные формы участия – важные компоненты реализации потенциала СУ, но они слабо применимы при отсутствии «запроса» на их использование той средой, для которой они были разработаны. Социокультурная среда формирует особенности взаимоотношений и взаимодействий между населением с властью. Поэтому необходима ее диагностика, перед тем как разрабатывать технологии вовлечения общественности в управленческую практику. Особенно это важно для России, где каждый регион имеет свои традиции, устои, общественные представления, существенно различные в зависимости от истории, актуального состояния и перспектив развития. К тому же характер взаимодействия между населением и властью в каждом регионе ситуативен и поэтому по-разному может быть реализован на практике.

В связи с этим задача выполненного диагностического исследования—оценка социокультурной составляющей. Выдвинуто предположение: в зависимости от социально-экономического и социокультурного развития в регионах сформировались разные условия для реализации социального участия. Чем сильнее разрыв в социокультурном развитии, тем заметнее различия в особенностях взаимодействия населения и власти, что должно найти отражение в уровне и механизмах СУ. Для проверки данной гипотезы в ходе пилотного этапа исследования, были выбраны 4 региона – Московская и Белгородская области, Республика Башкортостан и Республика Калмыкия по следующим основаниям:

– административно-географический принцип: Московская и Белгородская области располагаются в Центральном Федеральном округе, Республика Башкортостан – в Приволжском федеральном округе, Республика Калмыкия – в Южном федеральном округе;

– социокультурный принцип: по Н.И. Лапину, в вышеуказанных регионах разные уровни социокультурной модернизации: Калмыкия – низкий уровень, Белгородская область и Башкортостан —средний уровень, Московская область – высокий уровень [2];

социально- экономический принцип: Калмыкия — низкий уровень социально-экономического развития (81 место); Башкирия (10 место) и Белгородская область (18 место) – средний уровень, Московская область (4 место) – высокий уровень [6].

Методика исследования. Исследование проведено Центром социологии управления и социальных технологий ИС РАН (рук. А.В. Тихонов) методом анкетирования. Объем выборки в каждом регионе – 500 респондентов. Общий объем массива – две тысячи человек. Результаты исследования свидетельствуют: социокультурная среда регионов влияет на потенциал СУ населения, исследования охватывают: существующую практику взаимодействия – развитость каналов обратной связи между населением и властью в регионе; оценку эффективности совместной работы власти и граждан по решению социально-значимых проблем; общественный потенциал участия (личная готовность, наличие управленческого опыта и т.п.)

Практика взаимодействия населения и органов власти. Порядка 25% респондентов за последние два-три года обращались к органам власти. Однако далеко не все контакты с властью преследовали цели социального участия; обращения носили различный характер:

- Решение личных вопросов, оформление документов, получение справок – 52,4%;
- Высказывание своих замечаний, требований, предложений, попытка решения общественных вопросов – 36%;
- Обмен информацией (получение совета, предоставление информации) – 11,6%.

К решению проблем СУ относится только вторая позиция: т.е. немногим больше трети всех обращений.

Другая важная характеристика – востребованность гражданами каналов обратной связи для общения с муниципальными и государственными органами власти: личные обращения в муниципалитеты – 27,2%; письменно в органы власти и общественные приемные – 23,2%; лично к работникам госорганов – 17,6%; дистанционно (по электронной почте) пытались донести информацию 15,2%. Встречались с депутатами и выступали на собраниях не более 8% граждан.

Для высказывания своих замечаний, требований предложений, решения общественных вопросов чаще всего используются следующие каналы обратной связи: письменные обращения в общественные приемные и дистанционные методы обращений (через интернет); личные контакты – встречи с депутатами, выступления на собраниях.

Что касается встреч с представителями государственных и муниципальных властей, то для населения это вынужденная мера, так как без этого невозможного решение проблем личного характера (оформление документов, получение справок и т.д.).

Относительно частоты обращений для целей социального участия. Лидером по числу обращений выступает Московская область, где по сравнению с другими регионами население наиболее интенсивно взаимодействует с властями (30,2%), в том числе и по поводу проблем социального участия (17,4%). По сравнению с другими регионами большинство каналов обратной связи гражданами используются гораздо интенсивнее, в том числе для дистанционного обращения к властям (табл. 1).

Таблица 1

Использование населением каналов обратной связи, в % от числа опрошенных

Виды каналов обратной связи	Республика Калмыкия	Белгородская область	Республика Башкортостан	Московская область
Письменные обращения в органы власти разного уровня,в общественные приемные	7,4	4,7	7,9	5,7%
Обращения в органы власти разного уровня дистанционно, по электронной почте	1,9	4,1	4,9	6,3
Личные встречи к депутатами	2,7	1,7	2,6	4,3
Личные обращения к работникам государственных органов	4,6	4,7	5,4	5,0
Личные обращения к работникам муниципальных органов	4,8	6,0	10,9	8,5
Выступления на собраниях	1,3	3,2	2,6	3,3

Несколько реже население контактирует в Башкирии (27,6%) и Белгородской области (24%). В этих регионах немного ниже, чем в Московской области доля обращений касательно социального участия: 10,4 и 8,8% соответственно. Менее всего общались с властями жители Калмыкии как по общему числу обращений (19,6%), так и по вопросам социального участия – 5,4%. Это сказалось на частоте использования каналов обратной связи, они слабо задействованы.

Уровень удовлетворенности результатами обращений. В ходе исследования не выявлено превалирующей оценки, но обнаружена зависимость удовлетворенности результатами от характера обращений. Удовлетворенность от результатов обращений населения для целей социального участия оказалась значительно ниже, чем от обращений к властям с другими целями (табл. 2).

Таблица 2

Оценка удовлетворенности в зависимости от характера обращений

(в % от числа опрошенных в группе)

Характер обращений	Уровень удовлетворенности			
	Высокий	Средний	Низкий	Затрудняюсь ответить
Решение личных вопросов, оформление документов, получение справок	43,2	25,7	26,4	4,7
Высказывание своих замечаний, требований, предложений, попытка решения общественных вопросов	22	25,3	47,4	5,3
Обмен информацией (получение совета, предоставление информации)	58,9	21,5	14,4	4,3

Чаще положительную оценку респонденты ставили по результатам личных обращений к работникам государственных и муниципальных органов власти. Результативными, по мнению граждан, оказались каналы, предоставляющие населению госуслуги (получение справок, подача заявлений). Тогда как дистанционные или письменные обращения, встречи с депутатами и выступления на собраниях зачастую разочаровывали.

Уровень удовлетворенности обращениями в регионах различен. Причины – в количестве обращений с целью социального участия. Удовлетворенность результатом таких обращений ниже остальных видов обращений. Например, в Калмыкии общий уровень удовлетворенности – 55,2%, а удовлетворенность обращений по проблемам социального

участия – 32,7%. Схожая картина и в других регионах: Белгородская область – 39,1 и 26,2%; Башкирия – 36,9 и 14,9%; Московская область – 35 и 19,9%. Наблюдается тенденция: чем выше доля обращений по проблемам социального участия, тем ниже уровень удовлетворенности людей. В результате наиболее высокий уровень удовлетворенности (среди опрошенных регионов) в Калмыкии, поскольку в данном регионе меньше всего обращений в целях социального участия. Самые низкие оценки удовлетворенности зафиксированы в Московской области, где доля обращений социального участия значительно выше, чем в других исследуемых регионах. Схожая тенденция в Башкортостане и Белгородской области.

Общественная оценка взаимодействия органов власти и населения в решении социально значимых проблем. Население оценивает способность властей принимать решения с учетом мнения граждан довольно скептически. При этом, чем дальше продвигается рассмотрение проблемы (осведомленность о мнениях – учет мнений – совпадение мнений), тем ниже оценки властей (табл. 3). К позитиву граждане чаще всего относят осведомленность властей о мнениях жителей. Несколько ниже учет мнений населения при принятии управленческих решений. Хуже всего оценивается мера совпадения принятых решений с мнениями граждан: здесь преобладают негативные оценки.

Таблица 3

Оценки деятельности властей по учету мнений населения, в % от числа опрошенных

Направление деятельности властей		Республика Калмыкия	Белгородская область	Республика Башкортостан	Московская область	В целом
Участие в решении проблем в целом	плохо	32,7	14,7	21,3	16,8	21,4
	удовл.	54,5	42,5	42,9	39,3	44,8
	хорошо	12,8	42,7	35,8	43,9	33,8
Осведомленность о мнении населения	плохо	40,7	19,8	28,4	22,1	27,7
	удовл.	45,6	44,9	39,4	36,4	41,6
	хорошо	13,8	35,3	32,2	41,6	30,7
Учет мнений населения в своей деятельности	плохо	43,2	24,1	24,3	26,0	29,4
	удовл.	45,3	39,8	44,1	38,9	42,0
	хорошо	11,4	36,1	31,5	35,2	28,6
Совпадение принятых решений с мнением людей	плохо	41,9%	24,9%	25,5%	26,5	29,7
	удовл.	47,5%	41,8%	41,5%	36,6	41,8
	хорошо	10,6%	33,3%	33,0%	37,0	28,5

Общая тенденция – чем дальше продвигается рассмотрение проблемы, тем ниже оценки получают власти. При этом наиболее высоко оценивают деятельность властей по решению проблем в Московской и Белгородской областях, чуть хуже в Башкортостане. Самая плачевная ситуация в Калмыкии: здесь наиболее низкие оценки действий властей.

Общественная активность населения характеризует готовность людей взаимодействовать с властью. Социальное участие – обоюдный процесс; поэтому важно оценить не только действия властей, но и активность самих граждан. В отличии от оценок, поставленных властям, действия рядовых граждан оцениваются выше, при доминировании средней оценки (табл. 4). Наиболее высоко оценена откровенность высказываемых мнений; несколько ниже активность и компетентность. Хуже всего оценивается конструктивность и деловитость высказываемых мнений. Можно говорить о весьма высоком общественном потенциале участия, однако признается, что высказываемые претензии и требования не всегда имеют конструктивную основу, часто носят преимущественно эмоциональный характер.

Таблица 4

Оценки действий населения по участию в решении проблем, в % от числа опрошенных

Характер участия		Республика Калмыкия	Белгородская область	Республика Башкортостан	Московская область	В целом
Участие в решении проблем в целом	плохо	26,4	15,4	13,7	14,8	17,5
	удовл.	53,4	33,2	45,7	40,5	43,1
	хорошо	20,3	51,4	40,6	44,7	39,4
Активность в выражении мнений о проблемах	плохо	30,3	15,5	21,3	13,6	20,1
	удовл.	47,8	32,9	44,5	38,6	40,9
	хорошо	21,9	51,7	34,2	47,8	39,1
Компетентность в выражении мнений	плохо	26,7	18,3	15,9	15,0	18,9
	удовл.	55,1	32,2	45,4	40,9	43,3
	хорошо	18,2	49,5	38,7	44,1	37,8
Откровенность в выражении мнений	плохо	26,9	17,4	14,4	11,7	17,5
	удовл.	52,2	25,9	41,7	38,5	52,2
	хорошо	21,0	56,6	43,9	49,8	21,0
Конструктивность и деловитость предложений	плохо	28,8	16,5	14,7	14,8	18,6
	удовл.	52,5	33,4	46,2	37,4	42,2
	хорошо	18,7	50,1	39,1	47,8	39,3

В целом действия граждан оцениваются значительно выше, чем действия властей по организации совместного решения проблем. Выше всего оценивает свою активность население Белгородской области: по всем позициям доминируют положительные оценки – более 50%. На втором месте Московская область; также доминируют положительные оценки, но они не столь выражены, как в Белгородской области. На третьем месте Башкортостан: доминируют средние оценки, при превышении положительных над отрицательными. Хуже всего ситуация в Калмыкии: превалирует средняя оценка, но отрицательных значительно больше, чем положительных. В этом регионе наибольшая доля респондентов негативно оценивают практику общественного участия в решении социально значимых проблем.

Такова действительность, а что в перспективе? **В какой мере население готово включаться в совместное с властью обсуждение и решение проблем?** Сравнение полученных результатов с данными мониторинга 2012–2014 гг.[29] фиксирует: за последние три года ситуация практически не изменилась: личную готовность к участию выразили в 2012 г. – 40,8%, в 2014 г. – 40,7%, в 2015 г. – 40,8%, отказались от данного предложения в 2012 г. – 48,9%, в 2014 г. – 42,6%, в 2015 г. – 46,7%. Среди тех, кто готов принимать участие в совместном решении проблем значительно чаще встречались респонденты, имеющие опыт взаимодействия с органами власти. Особенно это касается тех, кто использовал каналы обратной связи для целей социального участия.

В целом социальная активность в регионах совпадает. При этом наибольшая была выявлена в Башкортостане и Калмыкии: больше всего готовых к участию (43,9 и 40,6% соответственно), и меньше всего от него отказавшихся (43% и 45% соответственно). Иная картина в Московской и Белгородской областях: менее всего готовы участвовать жители Белгородской области (38,5%), а больше всего отказавшихся зафиксировано в Московской области (50,2%).

Исследование показало: чем ниже оценивается деятельность граждан по взаимодействию с властью, тем выше уровень личной готовности к участию. Яркий пример – ситуация в Калмыкии: высокая готовность к участию на фоне низкой оценки

[29]Имеется в виду Метапроект «Гражданская экспертиза состояния и перспектив развития сферы управления в РФ», проведенного в 2012 и в 2014 г. Центром социологии управления и социальных технологий ИС РАН (руководитель – д.с.н., проф. А.В. Тихонов) [8]. Результаты исследования опубликованы в материалах

существующей включенности населения в управленческий процесс. Люди явно осознают необходимость исправления ситуации в регионе. Готовность к личному участию – важный шаг в решении существующих проблем.

Значимый фактор для взаимодействия с властью –**личный управленческий опыт (УО)**, складывающийся из опыта руководящей работы, наличия подчиненных и участия в общественной деятельности. УО позволяет более активно использовать каналы обратной связи и 61% обратившихся его имеют, 39% таким опытом не обладают. Еще сильнее это выражено при обращении к властям для решения проблем социального участия – 67 и 33% соответственно.

Те, кто имеют УО, значительно чаще обращаются к властям, и чем богаче УО (наличие у респондента более чем одной характеристики), тем выше уровень пользования каналами обратной связи для целей социального участия. Регионы близки по количеству респондентов, имеющих соответствующий УО: Башкирия – 45,6%, Белгородская область – 41,8%, Московская область – 43.2 %. Немного отстает Калмыкия: здесь примерно на 10% меньше таких людей (33,2%), чем в других регионах.

Важный фактор, побуждающий к взаимодействию с властями – сопричастность респондента к региону проживания, его **территориальная идентичность**.

В связи с этим определялось отношение людей к региону своего проживания, уровень удовлетворенности жизнью в регионе и готовностью к переезду в другой регион. В целом был выявлен высокий уровень территориальной идентичности. Подавляющее большинство респондентов считают себя коренными жителями и чувствуют свою сопричастность к региону проживания (84%), и достаточно высок уровень удовлетворенности жизнью в регионе (73,3%). Готовность переехать в другой регион – около 10%. Респонденты, считающие себя местными жителями, чаще пользуются каналами обратной связи при обращении к государственным и муниципальным органам власти, за исключением целей социального участия. Они чаще недовольны жизнью в регионе и чаще хотели бы уехать из него (14,9%), по сравнению с теми, кто не планирует этого делать (10,6%).

Выводы. Исследование подтвердило гипотезу о влиянии социально-экономических и социокультурных факторов на взаимодействие населения с органами власти региона, но только в случае, если такое взаимодействие касается социального участия.

В регионах с высоким уровнем социально-экономического развития и социокультурной модернизации (Московская область) интенсивность взаимодействия населения и власти с целью совместного решения проблем, значительно выше, чем в регионах с низким показателем развития (Калмыкия). Территориальное расположение региона не играет значимой роли во взаимоотношении власть-общество: в Белгородской области и Башкортостане выявлен схожий потенциал социального участия.

Выполненное исследование фиксирует: в каждом регионе сложился свой потенциал социального участия, а предложенные социокультурные показатели (практика взаимодействия, оценки сотрудничества власти и рядовых граждан, оценка общественного потенциала) позволяют этот потенциал измерить.

Вне зависимости от социокультурной специфики региона, обнаружен общий низкий уровень удовлетворенности населения эффективностью каналов обратной связи для целей социального участия. Респонденты, использовавшие такие каналы, значительно чаще ставили низкие оценки властям. В этой же группе выявлен наиболее высокий уровень намерений уехать из региона.

Общественный потенциал участия в целом весьма высок, но среди тех, кто готов принимать участие в управлении, велика доля недовольных сложившейся практикой взаимодействия населения и власти. И чем хуже (по мнению респондентов) эта ситуация, тем выше готовность к такому участию. Возможно это связано со стремлением оказать властям помощь в решении существующих проблем. По сути, превалируют линейные связи детерминации социального участия граждан в управлении уровня социокультурной

модернизации регионов. Это свидетельствует об отчуждении вертикали власти от реальной жизни населения, что во многих случаях носит общероссийский характер. Как в советскую эпоху, так и на современном этапе развития общества, характеризующегося приобретением гражданами достаточно широкого пакета прав, отчужденность населения от управления не преодолена. Основной причиной отчужденности от власти стало отсутствие реальных, а не номинальных рычагов, с помощью которых граждане могут воздействовать на управляющую систему, оказывать воздействие на принимаемые ею решения. Данные им на волне демократизации права не получили своего воплощения в практической деятельности.

В 2017 году предполагается предложить анализ обсуждаемого исследования на двенадцати регионах для более полной проверки комплекса гипотез по всему проекту. Однако уже сейчас можно говорить о необходимости разработки социальных технологий работы органов власти и управления с учетом необходимости участия населения регионов. Этот фактор должно быть учтен в работе всех уровней власти. Для более эффективного решения поставленной задачи необходимо также уделять внимание развитию нормативно-правого поля, предоставляющего больше возможностей для реального (не номинального) участия граждан в обсуждении, стоящей перед регионами, повести дня.

Список литературы

1. Дридзе Т.М. Социальная коммуникация в управлении с обратной связью // Социологические исследования. 1998. № 10. С. 44–47.

2. Лапин Н.И. Актуальные теоретико-методологические аспекты исследований российской модернизации // Социологические исследования. 2015. № 1. С. 5–10.

3. Мерзляков А.А. Социальное участие как объект социологического анализа // Модернизация отечественной системы управления: анализ тенденций и прогноз развития. Материалы Всероссийской научно-практической конференции и XII–XIII Дридзевских чтений. Москва, 21–22 ноября 2013 г. М.: ИС РАН, 2014. С. 321–326.

4. Социология управления. Теоретико-прикладной толковый словарь / Отв. ред. А.В. Тихонов. М: КРАСНАД, 2015. 480 с.

5. Мерзляков А.А. Готовность населения к участию в реформировании отечественной системы управления // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость. Материалы V Всероссийского социологического конгресса. Екатеринбург, 19–21 октября 2016 г. / Отв. ред. В.А. Мансуров. М.: РОС, 2016. С. 3181–3193.

6. Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ: итоги 2015 года. [Электронный ресурс]: РИАРейтинг: [веб-сайт]. URL: http://riarating.ru/regions_rankings/20160615/630026438.html (Дата обращения: 15.07.2016).

7. Тихонов А.В. Социология управления: Теоретические основы. М.: Изд-во Канон+. 2009. 472 с.

8. Тихонов А.В. К обоснованию программы сетевого метапроекта «Готовность отечественной системы управления к решению задач модернизации и экономического развития // Социальное обоснование стратегий городского регионального и корпоративного развития: проблемы и методы исследований. Материалы IX Дридзевских чтений. Москва, 20–21 ноября 2009 г. / Отв. ред. А.В. Тихонов. М.: ИС РАН, 2010. С.165–182.

9. Canter L.W. Environmental Impact Assessment. Second Edition. McGraw-Hill, Book Co. 1996.

10. Geddes P. Cities in Evolution. London. 1949.

М.В. Морев

КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНА И СПЕЦИФИКА ИХ ВОСПРИЯТИЯ ЖИТЕЛЯМИ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. *В материалах представлены основные результаты социологического опроса, проведенного на территории Вологодской области в 2016 г. в рамках общероссийского исследования по гранту РНФ № 15-18-30077 «Гражданская экспертиза проблемы реформирования властно-управленческой вертикали в контексте процессов социокультурной модернизации регионов: от мониторинга состояний до прогнозного проектирования». Целью исследования являлось изучение общественного мнения жителей региона об актуальных проблемах страны и области, а также об эффективности функционирования органов государственного управления. Для отражения авторской позиции использованы материалы мониторинга общественного мнения, осуществляемого Вологодским научным центром РАН с 1996 г.*

Ключевые слова*: регион, общественное мнение, актуальные проблемы, эффективность государственного управления.*

M.V. Morev

THE KEY PROBLEMS OF THE REGION AND THE SPECIFICITY OF THEIR PERCEPTION BY THE POPULATION OF VOLOGDA REGION

Abstract*. The research presents the main findings of the sociological survey conducted in Vologda region in 2016 within the all-Russian study on the RSF grant N 15-18-30077 «Civil expertise of the problem of reforming the management vertical in the context regions' socio-cultural modernization: from condition monitoring to predictive design». The study aims at researching the public opinion of the region's inhabitants on the current national and regional problems, as well as performance efficiency of state administration bodies. To reflect the author's position, the materials of the public opinion monitoring carried out by the Vologda Scientific Center of RAS since 1996 are used.*

Keywords: *region, public opinion, actual problems, efficiency of state administration.*

«Основной характеристикой модернизационных процессов в СЗФО является разновекторное, асимметричное и не синхронизированное развитие территорий, которое стало следствием монопрофильной структуры экономики ряда регионов (топливно-сырьевая, металлургическая); сложившихся ранее диспропорций в экономическом и социальном развитии. Большинство регионов СЗФО имеют восходящие тренды модернизации, однако в Вологодской (а также в Новгородской) области отмечается стагнация на низком 2 типе продолжающейся индустриальной модернизации» [1, с. 149–150].

Вологодская область один из крупных регионов России, составляющий почти 1% ее территории (общая площадь 144,5 тыс. кв. км)[30]. Среди ключевых проблем региона эксперты отмечают «зависимость экономики от одного предприятия; концентрация населения, экономической активности и доходов в двух крупнейших городах и их пригородных зонах;

[30]Вологодская область разделена на 26 муниципальных районов и 2 городских округа (Вологда и Череповец). Численность населения области по состоянию на 1 января 2016 года составляла 1187,7 тыс. человек, в том числе 854,8 тыс. городского населения и 333,9 тыс. – сельского. Вологодская область принадлежит к числу мононациональных регионов, подавляющее большинство жителей – русские (97%). Валовой региональный продукт по итогам 2015 года составил 472,0 млрд. рублей. В структуре ВРП промышленность занимает около 40%. Доминирующие виды промышленной деятельности: черная металлургия, химическая промышленность, машиностроение, металлообработка, пищевая, лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная. В районах развиты сельское хозяйство и лесозаготовки. Ведущее производство – молочное животноводство, на которое приходится 70% всей продукции сельского хозяйства [10, с. 2].

отставание по темпам роста денежных доходов населения на этапе экономического роста, усугубленное падением доходов в результате кризиса; медленное сокращение уровня бедности; низкая доступность качественных социальных услуг для жителей периферии; проблемы качества населения, в том числе пониженное долголетие и уровень образования» [9].

В 2016 г. расположенный в областном центре Институт социально-экономического развития территорий РАН (с августа 2017 г. – Вологодский научный центр РАН) стал одним из участников общероссийского исследования, проводимого Институтом социологии РАН в рамках гранта № 15-18-30077 «Гражданская экспертиза проблемы реформирования властно-управленческой вертикали в контексте процессов социокультурной модернизации регионов: от мониторинга состояний до прогнозного проектирования», поддержанного Российским научным фондом. В ходе исследования было опрошено 500 человек в двух крупных городах (г. Вологда – 200 чел., г. Череповец – 200 чел.) и Тарногском районе (100 чел.). Целью работы являлся сбор социологических данных об отношении различных групп населения к существующим в регионах проблемам для повышения эффективности взаимодействия власти и общества и, в целом, – для повышения эффективности государственного управления. Как справедливо отмечают авторы проекта, «чтобы привести систему властно-управленческих отношений в соответствие с новыми внешними и внутренними вызовами и угрозами, о которых во весь голос говорят сегодня органы власти и СМИ, а также свидетельствуют отечественные и зарубежные исследования, необходима не только политическая воля. Нужно знание тех причин, которые препятствуют развитию отечественной системы управления как эффективно работающего социального института, сочетающего свои бюрократические функции с активным участием населения в решении текущих и перспективных задач» [5, с. 8].

Интерес к участию в проекте во многом был обусловлен тем, что ВолНЦ РАН имеет богатый опыт проведения социологических опросов по данной тематике: с 1996 г. в мониторинговом режиме мы интересуемся у жителей Вологодской области, как они оценивают деятельность органов федеральной, региональной и муниципальной власти; какие проблемы их беспокоят в первую очередь; как они характеризуют динамику экономической и политической ситуации в стране и регионе; участвуют ли в различных мероприятиях общественно-политической жизни; считают ли возможным возникновения массовых акций протеста в регионе, готовы ли принять в них свое личное участие и т.д.[31] Все эти вопросы мы считаем крайне важными для повышения эффективности взаимодействия власти и общества, поэтому с готовностью приняли предложение стать одним из участников проекта «Гражданская экспертиза проблемы реформирования властно-управленческой вертикали…».

Одной из первых и наиболее важных задач исследования стала оценка населением состояния актуальных проблем в регионе. Результаты опроса позволяют сделать следующие выводы:

1. Неудовлетворительное состояние дорог, возможности трудоустройства и жилищных условий – три ключевые проблемы, которые беспокоят жителей региона в первую очередь (табл.1). Только по этим параметрам доля негативных оценок (59, 45 и 43% соответственно) превысила удельный вес и положительных, и нейтральных характеристик.

2. Достаточно актуальными для населения являются также проблемы коррупции в органах власти (40%), состояние дел в сфере ЖКХ (31%), произвол чиновников (30%), работа больниц и поликлиник (30%), пьянство, хулиганство, наркомания (30%), охрана

[31] Мониторинг проводится с периодичностью один раз в 2 месяца. Опрашивается 1500 респондентов старше 18 лет в городах Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекснинском районах. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%.

природной среды (29%), поддержка малого и среднего бизнеса (25%). По остальным параметрам доля положительных суждений существенно преобладает над удельным весом отрицательных оценок.

Таблица 1

Как в Вашем регионе обстоят дела с…? *, %

Проблема	Вариант ответа		
	Отлично, хорошо	**Удовлетво-рительно**	**Довольно плохо, очень плохо**
С состоянием дорог	**9,3**	**32,2**	**58,5**
С возможностью найти работу	**16,4**	**39,1**	**44,5**
С возможностью улучшить жилищные условия	**19,3**	**38,2**	**42,5**
С коррупцией в органах власти	15,7	44,8	39,6
С состоянием жилищно-коммунального хозяйства	0,4	49,7	31,0
С защищенностью прав и свобод от произвола чиновников	24,2	45,7	30,0
С работой больниц и поликлиник	31,6	38,4	29,9
С борьбой с пьянством, хулиганством, наркоманией	30,7	39,8	29,5
С охраной природной среды	38,1	32,6	29,2
С поддержкой малого и среднего бизнеса	21,2	54,0	24,8
Со стратегией развития города (поселения) на ближайшие 10–15 лет	32,9	47,7	19,4
С качеством государственных услуг населению (одно окно и т.п.)	46,6	39,7	13,7
С доступностью электронной информации о работе органов власти	40,9	45,4	13,7
С работой дошкольных учреждений	52,6	33,9	13,5
С отношением к приезжим (мигрантам)	46,4	40,4	13,3
С профессиональным образованием, повышением квалификации	43,2	43,5	13,2
С загруженностью местных предприятий	36,3	51,0	12,7
С работой органов правопорядка	44,6	42,7	12,7
С организацией массового отдыха населения	53,8	35,0	11,2
С организацией и содержанием школьного образования	50,1	39,1	10,8
С работой общественного транспорта	53,4	36,4	10,3
С удобствами торговли, качеством продовольственных и промышленных товаров	51,6	38,9	9,4
С отношением к людям различных политических взглядов	57,2	36,7	6,1
С своевременной выплатой заработной платы, пенсий, пособий	59,9	34,2	5,9
С работой учреждений культуры	65,7	28,5	5,8
С уважением к людям вашей национальности	64,5	29,7	5,7
С уважением к людям вашего вероисповедания	69,7	25,2	5,2
С охраной памятников культуры, истории	70,2	26,6	3,1

**Ранжировано по степени убывания доли отрицательных оценок*

Данные мониторинга ВолНЦ РАН в целом подтверждают полученные результаты: при оценке деятельности региональных органов государственной власти по решению вышеперечисленных проблем преобладают в основном негативные суждения: 50–60% населения считают неуспешными действия властей по развитию малого бизнеса, транспортной инфраструктуры и дорожной сети (особенно в районах), по решению жилищных проблем и обновлению коммунальной инфраструктуры, а также по борьбе с преступностью, включая коррупцию и взяточничество. Если говорить о том, как обеспокоенность вышеперечисленными проблемами влияет на оценку деятельности органов

власти, то можно отметить следующее: в целом по области уровень поддержки губернатора соответствует среднероссийскому показателю (по данным ВолНЦ РАН он составляет около 39–40%, как и по данным по данным Левада-Центра). Однако, среди людей, которые считают, что региональные власти неуспешно справляются с вышеперечисленными проблемами доля положительных суждений о работе главы региона несколько ниже (около 30%).

Следует также отметить, что среди жителей области превалируют пессимистические настроения в отношении перспектив решения ключевых проблем. По данным опроса, проведенного в рамках гражданской экспертизы, 54% населения отметили, что не рассчитывают на то, что ситуация изменится в лучшую сторону в ближайшие 5 лет (для сравнения, противоположную точку зрения высказали 26% опрошенных). По данным мониторинга ВолНЦ РАН 30% населения области сомневаются, что при деятельности нынешней региональной власти что-нибудь изменится, 42% все-таки рассчитывают на улучшение жизни, 20% опасаются ухудшения ситуации. Жилищные проблемы, коррупция и безработица отмечаются жителями области и при характеристике общих проблем в целом для страны. Однако в данном случае в список наиболее актуальных «добавляются» также проблемы, связанные с динамикой уровня и качества жизни: снижение зарплат, пенсий, стипендий и разрыв между уровнями жизни бедных и богатых слоев населения (по остальным параметрам преобладают нейтральные характеристики; см. табл. 2).

Таблица 2

Насколько успешно, на ваш взгляд, решаются перечисленные ниже проблемы внутренней политики? *, %

Проблема	Вариант ответа		
	Отлично, хорошо	**Удовлетво-рительно**	**Довольно плохо, очень плохо**
Тарифов ЖКХ, доступности жилья, ремонта аварийного фонда и т.п.	**5,5**	**32,1**	**62,4**
Тенденции относительного снижения заработной платы, пенсий, роста цен	**8,6**	**29,5**	**61,8**
Справедливости, разрыва между уровнями жизни бедных и богатых слоев населения	**5,4**	**32,8**	**61,8**
Безработицы	**7,6**	**37,6**	**54,8**
Борьбы с коррупцией в органах власти и управления	**12,3**	**40,6**	**47,1**
Предоставления прав регионам в использовании ими своих ресурсов	13,5	43,7	42,7
Мероприятий по предотвращению убыли населения по отдельным регионам	12,5	47,2	40,3
Модернизации отраслей народного хозяйства, содействие инновациям	16,6	47,3	36,1
Политики в области образования и воспитания молодежи	19,2	48,8	32,0
Повышения роли местного самоуправления в жизни регионов	15,8	53,9	30,3
Демократизации общественной жизни, честность и прозрачность выборов	22,4	49,3	28,3
Развития межрегиональных и международных связей субъектов федерации	25,2	50,4	24,4
Обеспечения населения качественными продуктами питания	30,0	48,5	21,5
Безопасности, угрозы терроризма, работы правоохранительных органов	34,2	46,4	19,4
Укрепления вооруженных сил и обороноспособности страны	59,0	32,1	8,9

** Ранжировано по степени убывания доли отрицательных оценок*

Следует отметить, что по данным регулярных опросов, проводимых ВолНЦ РАН, проблемы уровня и качества жизни регулярно входят в «пятерку» наиболее актуальных для

населения. С 2009 г. (после того, как Вологодская область столкнулась с мировым финансовым кризисом) доля людей, субъективно причисляющих себя к категории «бедных и нищих» составляет 45–49% (для сравнения, к «богатым и людям среднего достатка» относят себя примерно 40–44%). Проблема инфляции беспокоит 50–60% населения, ЖКХ и транспорта – 38%, низкого уровня жизни – 35%, жилищного обеспечения – 30%.

Обеспокоенность жителей Вологодской области проблемами социальной справедливости, динамики уровня и качества жизни, не делают регион уникальным. Еще в 2012 г. исследование ИС РАН показало, что в список главных россиян входят жизнь в достатке, возможность жить «не считая копейки»; хорошее здоровье и жизнь «в более справедливом и разумном обществе» [4, с. 11]. Отметим также, что, к примеру, в 2016 г. 43% жителей Вологодской области говорили о том, что денег им хватает «в лучшем случае на еду». Примерно столько же (42%) – в целом по России (по данным ВЦИОМ).

Состояние проблемы социального и имущественного неравенства достаточно наглядно отражают данные официально статистики: с 2004 г. в России коэффициент фондов составляет 15–16 п.п. (для сравнения, в начале 2000-х он составлял 13–14 п.п.). В Вологодской области – чуть меньше (11-12 п.п.; в начале 2000-х – 9-11 п.п.). Однако по оценкам экспертов, предельно-критическим значением коэффициента фондов является 8 п.п. Достижение этого показателя свидетельствует «о высоком уровне рисков функционирования социальных отношений, угрозе перехода в состояние повышенной неустойчивости, слабой предсказуемости и, следовательно, о необходимости оперативного вмешательства органов управления с целью изменения опасных тенденций» [2, с. 587; 3, с. 72]. Кроме того, это только данные официальной статистики, которые многие эксперты подвергают сомнению. В частности, по некоторым оценкам коэффициент фондов в России не в 2, а в 28–36 раз больше допустимых значений [8].

Как вышеуказанные проблемы отражаются на оценке деятельности органов власти? В рамках гражданской экспертизы респондентам предлагалось оценить степень своей обеспокоенности некоторыми недостатками отечественной системы государственного управления. На территории Вологодской области были получены следующие результаты:

1. Прежде всего, следует отметить, что по всем параметрам (кроме «отсутствие приоритета стратегических целей в практике управления» и «уклонение от принятия новаторских решений») в общественном мнении превалирует высокая и очень высокая степень обеспокоенности недостатками отечественной системы управления (табл. 3).
2. Во-вторых, наиболее часто люди выражают обеспокоенность таким недостатками системы управления, как «Ориентация руководства не на результат, а на сохранение своей власти» (57%) и «Ориентация не на дело, а на отчетность перед вышестоящей инстанцией» (56%). В то же время необходимо подчеркнуть, что «отрыв» между долей людей, выражающих свою обеспокоенность другими проблемами государственного управления, не так уж велик. Можно сказать, что, в целом, по 13 из 15 перечисленных в вопросе параметрам свою обеспокоенность проявляют от 45 до 57% населения области.

Однако варианты ответов, ставшие «лидерами» в списке недостатков функционирования системы управления, наталкивают на мысль о том, что причины негативных оценок населения заключаются не в том, что люди глубоко вникают и разбираются в проблемах управления, а в том, что это – устоявшееся, «традиционное», обусловленное культурно-историческими факторами (уходящими корнями еще в период «лихих 90-х») отношение к власти. Другими словами, люди вполне могут отмечать вышеперечисленные недостатки системы управления не потому, что они на самом деле существуют, а потому что люди привыкли так думать, а это – совершенно другая проблема, которая носит социокультурный, ценностный характер и, по большому счету, является более глубокой, чем проблемы функционирования властной вертикали.

Таблица 3

Недостатки отечественной системы управления*, %

Проблема	Оценка		
	Низкая степень обеспокоенности или ее отсутствие	**Средняя степень обеспокоенности**	**Высокая и очень высокая степень обеспокоенности**
Ориентация руководства не на результат, а на сохранение своей власти	**17,3**	**25,5**	**57,3**
Ориентация не на дело, а на отчетность перед вышестоящей инстанцией	**16,9**	**27,0**	**56,1**
Использование ресурсов организации в личных целях	14,4	33,0	52,7
Превращение руководящего состава в «междусобойчик», в клику	15,4	32,1	52,5
Несоответствие действий руководителей их словам и обещаниям	19,1	28,6	52,4
Несправедливая оплата труда управленческих кадров	19,9	28,9	51,2
Нарушение обратной связи, контроля выполнения принимаемых решений	17,4	31,4	51,1
Подбор кадров не по деловым качествам, а из-за их личной преданности	15,1	34,3	50,7
Наличие лишних управленческих звеньев	16,0	34,6	49,4
Несоответствие компетенции руководителей решаемым задачам	15,1	36,9	48,0
Увлечение не всегда подходящим западным менеджментом	14,8	37,7	47,4
Игнорирование инициативы снизу	18,9	35,8	45,3
Несоблюдение баланса между централизацией и самостоятельностью	15,8	39,2	45,0
Отсутствие приоритета стратегических целей в практике управления	15,5	42,2	42,2
Уклонение от принятия новаторских решений	22,3	40,6	37,1

** Ранжировано по степени убывания доли отрицательных оценок*

На возможную социокультурную обусловленность отношения к власти указывает низкая степень взаимодействия населения с органами управления и даже заинтересованности в их деятельности. Так, по данным гражданской экспертизы за последние 3–4 года 79% опрошенных не обращались в органы власти или в редакции СМИ по каким-либо проблемам; 47% опрошенных не согласились бы принимать участие в разработке программы улучшения работы отечественной системы управления, если бы им поступило такое предложение (согласились бы 32%); 74% не имели опыта руководящей работы; 64% не имеют знакомых, работающих в аппарате органов власти; 74% обсуждают общественные проблемы в семье, 38% – с коллегами, 37% – с друзьями, 26% – с соседями или со знакомыми, 7% – ни с кем не обсуждают (для сравнения, в Интернете или в каких-либо политических и общественных организациях подобного рода проблемы обсуждают лишь 4-6%).

По данным мониторинга ВолНЦ РАН около 13–15% жителей областной столицы «регулярно читают» о деятельности губернатора, Правительства области, местной администрации. В Череповце и районах этот показатель составляет 7–10%. Лишь «общее представление» о работе региональных и муниципальных органов власти имеют 45–47% горожан и 35–40% жителей районов. Вообще не интересуются деятельностью власти примерно 40% жителей Вологды и около 50% жителей Череповца и районов.

Лишь 4–7% населения отмечают, что могут повлиять на положение дел в городе, области, стране, что обусловливает низкую степень гражданской активности: около 40–50% людей отмечают, что не принимают участие ни в каких видах общественной деятельности, включая выборы, субботники, работу ТСЖ, домового комитета, совета самоуправления; сбор пожертвований, средств для нуждающихся; подписание обращений в органы власти; деятельность общественных, профсоюзных, религиозных организаций и политических партий; проведение избирательной кампании; митинги, демонстрации, пикеты; забастовки.

70% жителей городских территорий и 80% жителей села говорят о том, что «их главные интересы находятся в семье и доме»; 80–85% считают, что «в наше время нельзя доверять никому» (20–25%) или доверять можно «только самым близким друзьям и родственникам» (60%).

Таким образом, по данным регулярных опросов в Вологодской области наблюдается высокая степень социального атомизма и «ригидности» общественного сознания, что накладывает отпечаток на оценку деятельности органов власти и на готовность к взаимодействию с ними. Наглядный пример: за период с 2012 по 2015 г. на 5–8% снизилась доля жителей г. Вологды, обеспокоенных проблемами ЖКХ, качества дорог и транспортного обслуживания. Однако за этот же период доля вологжан, одобряющих деятельность местной администрации по решению проблем ЖКХ уменьшилась на 3%, по ремонту дорог – на 14%, по повышению качества транспортного обслуживания – на 23%[32]. Примерно о том же говорят специалисты ИС РАН, когда указывают на то, что «чем ниже уровень власти, тем меньше ей доверия» [7, с. 23], и что «каждое нижестоящее звено вертикали власти уступает в уровне поддержки вышестоящему. Наибольший уровень недовольства населения фокусируется в органах местного самоуправления, что вполне естественно, учитывая их близость к каждодневной жизни граждан» [6, с. 14].

В октябре 2016 г. в Вологодской области была принята Стратегия социально-экономического развития до 2030 года. В ней отдельное внимание уделено вопросам повышения уровня жизни; доступности жилья и улучшения условий проживания; обеспечения занятости; развития малого и среднего бизнеса; повышения эффективности транспортного обслуживания и дорожной сети и т.д., то есть практически по всем наиболее актуальным проблемам, волнующим население, в Стратегии предусмотрены отдельные разделы со своими целями, задачами, конкурентными преимуществами и главное – с конкретными показателями. Важно также отметить, что отдельные разделы в Стратегии посвящены развитию политического самосознания, гражданской активности и самореализации населения, а также вопросам повышения эффективности государственного и муниципального управления (для достижения задач Стратегии в настоящее время функционирует более 20 государственных программ; на втором этапе реализации Стратегии (в 2020–2025 гг.) планируется ввести в действие еще 22 программы).

Таким образом, результаты проведенных исследований показывают, что отношение жителей Вологодской области к деятельности власти нельзя рассматривать вне социокультурного контекста. И, пожалуй, в этом смысле регион не является уникальным. Скептический настрой по отношению к взаимодействию с органами управления во многом носит, можно сказать, «традиционный» характер. Хотя эта характерная для жителей Вологодской области высокая степень «традиционности» имеет и свои положительные стороны: она обусловливает доминирование в общественном сознании традиционных культурно-нравственных ценностей (что немаловажно в условиях нарастающей вестернизации общественной жизни) и способствует укреплению социально-культурной идентичности населения. Так, по данным гражданской экспертизы лишь 7% жителей области отметили, что им не нравится жить в своем регионе; 17% хотели бы переехать в другой регион на постоянное место жительства (эти же показатели по данным опросов ВолНЦ РАН составляют 4 и 2% соответственно); около 75% населения ощущают высокую степень

[32] Мониторинг условий проживания в г. Вологде (опрос проводится 1 раз в 2 года; объем выборки – 800 чел.).

близости с жителями своего региона; 70% характеризуют свое повседневное эмоциональное состояние как «нормальное, прекрасное, ровное», несмотря на то, что отмечают высокую степень актуальности многих проблем социально-экономического характера.

В целом, тот факт, что различные исследования позволяют получить во многом схожие сведения о характере общественного сознания и поведения жителей Вологодской области, подтверждает их методическую состоятельность, а также актуальность продолжения данной работы в целях дальнейшего совершенствования путей и механизмов взаимодействия власти и общества.

Список литературы

1. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / [Л.А. Беляева и др.]; сост. и отв. ред. Н.И. Лапин. М.: Весь Мир, 2016. 360 с.

2. Глазьев С.Ю., Локосов В.В. Оценка предельно-критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием // Вестник РАН. 2012. Т.82. №7. С. 587–614.

3. Локосов В.В. Метод предельно-критических показателей и оценка человеческого потенциала // Экономика. Налоги. Право. 2012. №5. С. 71–75.

4. О чем мечтают россияне: идеал и реальность / [М.К. Горшков и др.]; под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумм, Н.Е. Тихоновой М.: Весь Мир, 2013. 400 с.

5. Проблемы реформирования властно-управленческой вертикали в контексте процессов социокультурной модернизации регионов // ИНАБ № 1–2016. [Электронный ресурс] / [А.В. Тихонов и др.]; отв. ред. А.В. Тихонов. Электрон. текст. дан. (объем 6,14 Мб). М.: ИС РАН, 2016. 348 с. 1 электрон. опт. диск 12 см (CD ROM).

6. Российская повседневность в условиях кризиса: как живем и что чувствуем? Информационно-аналитическое резюме по итогам общенационального исследования. М.: ИС РАН, 2015 23 с. [Электронный ресурс] // URL: http://www.isras.ru/files/File/Doklad/Analit_doklad_Ross_povsed_v_uslov_krizisa.pdf (Дата обращения: 25.08.2017).

7. Российское общество весной 2016-го: тревоги и надежды. Информационно-аналитическое резюме по итогам общенационального исследования. М.: ИС РАН, 2016. 32 с. [Электронный ресурс] // URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/rezyume_ross_obschestvo_vesna_2016_trevogi_i_nadezhdy.pdf (Дата обращения: 25.08.2017).

8. Смолин О.Н. Не надоело врать? Шокирующие признания специалиста по российской статистике [Электронный ресурс] // Советская Россия. 12 ноября 2011. URL: http://www.sovross.ru/modules.php?file=article&name=News&sid=589425 (Дата обращения: 25.08.2017).

9. Социальный атлас регионов [Электронный ресурс]: Независимый институт социальной политики [веб-сайт]. URL: http://atlas.socpol.ru/portraits/volgd.shtml (Дата обращения: 25.08.2017).

10. Стратегия социально-экономического развития Вологодской области на период до 2030 года. Утверждена Постановлением Правительства Вологодской области от 17.10.2016 № 920.

Л.В. Намруева

ОБРАЗ ЖИЗНИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ)*

Аннотация. *В отечественной научной литературе недостаточно исследований по изучению совмещения одновременно происходящих процессов модернизации и этнического возрождения в национальных регионах страны. Модернизационные процессы в республике изменили не только внешние стороны ее жизнедеятельности, но также привели к изменениям в культурной, ценностно-мотивационной сферах. Цель статьи: проанализировать, как изменяется сельский образ жизни в условиях модернизации конкретного этнорегионального сообщества − Республики Калмыкия.*

Интерес к изучению сельских территорий, сельского образа жизни с каждым годом возрастает, так как село, определяя многие стороны жизнедеятельности общества, выполняет важнейшую задачу в решении проблем продовольственной безопасности, но и в то же время село (деревня) является хранителем этнической (народной) культуры, ее главных элементов – традиций, обычаев, языка. Архаизация отдельных сторон жизни современного села проявляется в возвращении к натуральным формам обмена вещами, сырьем, продукцией, присущим традиционному обществу. Это происходит в силу определенных экономических причин, прежде всего финансовой слабости хозяйства.

Модернизация необходима, но при этом важно определить не только ее пути, а попытаться найти формулу калмыцкой модернизации, чтобы она была не только успешной в экономическом, политическом, социальном планах, но также позволила осовременить региональное сообщество, вписать его в планы российского развития, и в то же время сохранить его калмыцкую специфику, что позволит сохранить этничность, самобытную этническую культуру.

Ключевые слова: *сельский образ жизни, аграрный регион, личное подсобное хозяйство, численность крестьян.*

L.V. Namrueva

THE WAY OF LIFE OF THE RURAL POPULATION (ON THE EXAMPLE OF REPUBLIC OF KALMYKIA)

Abstract. *In domestic scientific literature there are insufficient studies on the combination of simultaneously occurring processes of modernization and ethnic revival in the national regions of the country. Modernization processes in the Republic have changed not only the external aspects of its activity, but also led to changes in cultural, value-motivational spheres. The purpose of this article is to analyze how the rural way of life in the conditions of modernization of specific ethno-regional communities, the Republic of Kalmykia.*

Interest in the study of rural areas, the rural way of life increases every year as the village, defining the many sides of life of society is crucial in solving food security problems, but at the same time the village (village) is the custodian of the ethnic (national) culture, its main elements – traditions, customs, and language. Archaism of certain aspects of life in the modern village is manifested in the return to natural forms of exchange of goods, raw materials, products, inherent to traditional society. This happens because of certain economic reasons, especially the financial weakness of the economy.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Республики Калмыкия в рамках научного проекта «Сельский образ жизни в Калмыкии: традиции и инновации (социокультурный анализ 2000-х-2010-х годов)» № 16-13-08005а(р).

Modernization is necessary, but it is important to determine not only her way, and try to find a formula Kalmyk upgrading to it was not only successful in economic, political and social plans, but also helped to modernize the regional community, to fit it into the plans of the Russian development, and at the same time keep his Kalmyk specifics that will preserve the ethnicity and distinctive ethnic culture.

Keywords: *rural lifestyle, agricultural region, private farms, the number of peasants.*

Республика Калмыкия - крупный аграрный регион страны, специализирующийся на животноводстве. Половина сельских поселений республики не имеет селообразующих предприятий, поэтому сельчан, занятых в аграрных предприятиях, небольшое количество [6]. В стране недостаточно эффективно реализуются аграрные преобразования, производство основывается на той базе, которая была создана в советские времена, и нет массовых новаций в организации производства и в развитии сельских поселений, сельского образа жизни [3, с. 106]. Повсеместно происходит такое явление, как «раскрестьянивание», уменьшение доли и численности крестьян в аграрном секторе страны. Крестьянство в настоящее время практически не существует, в лучшем случае, можно выделить малую социальную группу сельских тружеников, которые занимаются личным подсобным хозяйством для обеспечения себя сельхозпродуктами.

В республике объективные (недоступность банковских кредитов, убыточность личных подворий, низкие закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию - шерсть, мясо, молоко, зерно) и субъективные (непривлекательность сельскохозяйственного труда, миграционный настрой) факторы усиливают процессы раскрестьянивания. Данные Калмыкиястат свидетельствуют, что за 13 лет нового столетия численность занятых в таком виде экономической деятельности как сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство неуклонно снижается. Резко снизилось количество работающих в аграрной сфере почти на три тысячи человек в 2000–2005 гг., далее сокращение было умеренным (более 1 тыс.чел.). После 2010 г. незначительно увеличилась численность работников агросферы [8].

Одно из негативных последствий раскрестьянивания видится нам в том, что у сельских жителей постепенно исчезает желание заниматься сельскохозяйственным трудом: доить корову, стричь овец, убирать животноводческие помещения, заготавливать корма и т.д. Трудовая деятельность сельского производителя предполагает не только нахождение основной части времени на открытом воздухе под действием палящего солнца, ветра, осадков, но и высокий удельный вес ручного труда. На селе до сих пор остается множество видов работ, требующих обязательного применения ручного труда, который не привлекает селян. Сельская молодежь за время обучения в вузе, колледже отвыкает от физического труда, утрачивает навыки ухода и содержания домашних животных, прежде всего коров, овец, тех трудовых занятий, которые традиционно присущи земледельцу и животноводу. Проводимые нами исследования свидетельствуют, что население не испытывает желания заниматься личным подворьем, так как затраты на его ведение не окупаются. Легче и дешевле купить молоко, мясо в магазине, чем содержать корову, готовить молочные продукты, стричь овец, заготавливать корма [6, с. 112].

Рассмотрим отдельные результаты социологического исследования, проведенного автором в 2016 г. Объем выборочной совокупности составил 387 человек, жителей 12 районов республики. Из них мужчин−55%, женщин−45%.

Результаты анкетирования показывают, что жители райцентров в большей мере заняты на работе (35,4%), чем жители сел (23%), поэтому у них нет времени для активного ведения домашнего подворья. Отметим, что райцентры Калмыкии представляют собой села, в жизненном пространстве которых домашнее хозяйство перестает быть ведущим видом занятости, здесь появились нехарактерные для традиционного села элементы несельской занятости населения. Среди причин, мешающих вести подсобное хозяйство, указан с большим отрывом такой вариант «подворье требует материальных затрат, а их у большинства селян нет». Далее следует ответ «расходы наличного подсобного хозяйства

(ЛПХ) превышают доходы». Тройку основных причин, препятствующих занятию домашним подворьем, замыкает ответ, указывающий на отсутствие времени для этого. Отсутствие воды − характерный признак сельских реалий в республике, также влияет на мотивацию людей иметь ЛПХ.

К другим факторам, влияющим на увеличение/сокращение хозяйств относятся: разрушение материальной базы развития ЛПХ в результате разрушения коллективных хозяйств, ресурсы которых (корма, материал, сельскохозяйственная техника, транспортные средства и пр.) предоставлялись владельцам ЛПХ на льготных условиях, существенное снижение доходов и потенциала сельской семьи из-за резкого падения уровня жизни. В нашем анкетном опросе каждый десятый респондент отметил, что желание заниматься домашним подворьем есть, но здоровья уже нет.

Архаизация, понимаемая как упрощение сложных форм социальной жизни, проявляется в возвращении к натуральным формам обмена вещами, сырьем, продукцией, более присущим традиционному обществу. Это явление широко распространено в регионе, зачастую фермеры, сельскохозяйственные предприятия выдают своим рабочим зарплату в виде определенного количества мелкого и крупного рогатого скота, овец или конкретного объема сена, кормов. Вместе с Е.А. Ерохиной, отнесем к наиболее видимым артефактам архаизации руины промышленных предприятий и колхозных построек, заброшенные поля, оросительные системы, пришедшую в негодность технику из-за отсутствия инфраструктуры, способной ее обслуживать [5, с. 60]. В республике из-за массового оттока сельских жителей осталось огромное количество разрушенных зданий, домов, заброшенных деревень.

Далее проанализируем установки респондентов на смену местожительства, используя результаты анкетного опроса (N=302), проведенного автором летом–осенью 2015 г. в семи районах республики (Кетченеровский, Малодербетовский, Октябрьский, Сарпинский, Целинный, Яшалтинский, Яшкульский). 44% массива составляют мужчины, 56 % - женщины. 51 % опрошенных проживают в райцентрах, 49% - селах. Были опрошены респонденты двух основных этнических групп: калмыки представлены 52,3%, русские – 36,4% [7].

Полученные результаты свидетельствуют, что больше половины опрошенных (54,8% респондентов, живущих в селах и 63,8% респондентов, живущих в райцентрах) связывают свою жизнь с сельской местностью. К факторам, скрепляющим наших респондентов с сельской местностью, отнесены: корни, земля предков (39,5%), поддержка со стороны односельчан (10,8%), хорошая работа (7,3%), дело, приносящее доход (1,7%). Последний вариант отмечен единицами, это говорит о том, что редкий сельчанин имеет рентабельный бизнес.

Более трети−38% опрошенных, мотивированы на выезд из сельской местности, так как, по мнению четверти−24% респондентов, жизнь на селе только ухудшилась, и нет никаких перспектив. Каждый десятый отметил, что их уже больше ничего не связывает с селом. У других родственники выехали из села, есть стремление последовать их примеру. Можно констатировать, что связь с селом, родной землей ослабевает, т.е. повышается миграционная устремленность сельских жителей. Г.Н. Волков с горечью отмечал: «Миграционные процессы за последние 50 лет нарушили демографическую ситуацию, что повлекло за собой вымирание малых деревень и трансформацию больших сел. Отрыв от «своего» места в этом мире (осознание которого формируется по принципу места рождения и захоронения предков, т.е. связью с родом) влечет за собой маргинализацию, в том числе и в этнической сфере» [4, с. 320].

Процессы раскрестьянивания усиливаются, происходит разрыв между организацией труда и социальной сферой из-за ликвидации сельскохозяйственных предприятий, отсутствия рабочих мест в оставшихся хозяйствах, что способствует в одних случаях перетоку сельских жителей в семейное хозяйство (ЛПХ), в других - маргинализации и люмпенизации, возникновению новых моделей жизнеобеспечения селян, которые вынуждены искать средств выживания. Поэтому в середине 90-х годов XX в. по всей стране

получило широкое распространение такое социальное явление как отходничество в ответ на экономический беспорядок в государстве. В настоящее время он не только существует, но и продолжает развиваться, демонстрируя новые формы трудовой занятости сельского населения. В связи со снижением мотивации у селян трудиться на животноводческих стоянках появилась вахтовая занятость: когда животноводы, отработав определенное время, к примеру, две недели, возвращаются в свою семью, которая живет в селе или райцентре. Если в прежние годы чабаны, гуртоправы с женами, детьми постоянно находились на точке (стоянке), то с кардинальным изменением сельского уклада в большинстве своем трансформировался образ жизни животноводов. «*Многие молодые семьи живут на стоянке до определенного времени, пока ребенку не исполнится 6–7 лет и им надо идти в школу. Когда дети учатся, естественно, глава семьи отправляет жену с детьми в село, они живут там, супруга работает, дети приезжают на стоянку, разве что на летние каникулы, но чаще совсем не приезжают. Так мы отучили детей от исконного занятия степняков,* - печально говорит руководитель одного из самых крупных районов Калмыкии, который специализируется на животноводстве [2].

Вахтовым методом на точке преимущественно заняты мужчины. В республике появился новый термин «точкари», под которым подразумевают мужчин активного трудоспособного возраста, неженатых, не испытывающих особого желания изменить свой социальный статус (получить образование, профессию, жениться и т.д.). Молодые женщины не желают работать на стоянке вдали от цивилизации, их жизненные ориентиры не совпадают с желанием мужчин заниматься исконным ремеслом калмыков. Последние не хотят покидать родные места, так как понимают, что животноводческий труд, хотя и сложен, но весьма прибылен.

Другая часть сельского населения республики с середины 1990-х гг. активно выезжала на постоянной основе в мегаполисы, районы Сибири, северных нефтяных регионов, работая строителями, охранниками, нефтяниками. Их вахтовая деятельность (вид отходничества) предполагает официальное и незаконное неофициальное трудоустройство с регулярным фиксированным графиком труда и отдыха, маятниковые перемещения от места жительства дома до места вахты, продолжительностью вахты легально от нескольких дней до 3-х месяцев законные ограничения при приеме на работу (лица старше 18 лет и не имеющие медицинские противопоказания) [1, с. 366]. Республика Калмыкия (11,4%) входит в первую пятерку по доле занятого населения, работающего за пределами региона проживания среди всех других субъектов РФ. Лидируют Республика Адыгея (15,7%), Ленинградская область (14,9%), Чувашская Республика 13,9%), замыкает пятерку Московская область (10,9%) [1, с. 365].

Согласно разделяемому нами мнению социолога М. Туракаева, исследовавшего эту проблему на материалах Башкирии, «мобильная трудовая занятость не способствует существенному развитию глубинки, но в то же время не дает разрушиться и деградировать всей социально-экономической и социокультурной системе сельских районов» [9. с. 7675]. Эти выводы можно уверенно отнести к нынешним реалиям в Калмыкии.

Таким образом, проведенный анализ показал, что модернизация этнических общностей, в нашем случае сельского сообщества, приводит к смене социокультурных основ (изменение трудовой занятости, ценностных установок). В то же время успешный опыт азиатских стран демонстрирует миру новые возможности развития без разрушения собственной культуры и утраты этнической идентичности. Сочетание технологического прогресса с сохранением элементов традиционной этнической культуры, не мешающих развитию, должно способствовать поступательному продвижению вперед. Осуществленный автором анализ показал, что в сельских поселениях республики с развитием социально-экономического положения трансформируется не только образ жизни, но и составляющие этнической культуры.

Список литературы

1. Абдрахманов Д.М., Буранчин А.М., Демичев И.В. Архаизация российских регионов как социальная проблема. Уфа: Мир печати, 2016. 404 с.

2. Амтеев Б. Здесь продолжают дело отцов и дедов // Хальмг унн. 18 апреля. 2017.

3. Бороноев А.О. Нравственные аспекты сельского образа жизни и пути их возрождения // Социальные проблемы российского села и аграрных отношений. Мат-лы междунар. науч. конф. VII-е Санкт-Петербургские социологические чтения (16–18 апреля 2015 г.). СПб: СПбГАУ, 2015. С. 106–107.

4. Волков Г.Н. Педагогика национального спасения. Избранные этнопедагогические сочинения. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 440 с.

5. Ерохина Е.А. Архаика и неотрадиция как два вектора глобализации // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Мат-лы X Междунар. науч.-практ. конф, посв. 60-летию освоения целинных и залежных земель. Омск, 23–26 апреля 2014 г. / Под ред. Т.Н. Золотовой, В.В. Слабодцкого, Н.А. Томилова, Н.К. Чернявской: в 3 частях. Омск: Изд-во Омск.гос. аграрн. ун-та, 2014. Ч. II. С. 60–63.

6. Намруева Л.В. Влияние производственной ниши на изменение этничности // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 2. С. 109–114.

7. Намруева Л.В. Социальные проблемы села Калмыкии (по итогам опроса 2015 г.) // Модели хозяйственного развития: теория и практика. Мат-лы междунар. науч. конф. Элиста, 8 декабря 2015 г. Электронный сб. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2015b. С. 197–200.

8. Среднегодовая численность занятого населения в сельском хозяйстве, лесном хозяйстве [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Астраханской области и Республики калмыкия: [веб-сайт]. URL: http://statrk.gks.ru (Дата обращения 30.08.2017).

9. Туракаев М.С. Мобильный вахтовый труд как фактор снижения социального неравенства (на примере муниципальных районов Республики Башкортостан) // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость. Материалы V Всероссийского социологического конгресса. Екатеринбург, 19–21 октября 2016 г. М.: РОС, 2016. С. 7670–7675.

И.И. Осинский

О СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ РАЙОНОВ СИБИРИ

Аннотация. *В статье рассматриваются проблемы социокультурного развития национальных республик Сибири. Выясняется содержание понятий «социокультурное развитие», «социокультурное пространство», их структура. Раскрывается влияние основных компонентов структуры, обновление различных сфер общественной жизни. Выявляются и анализируются специфические черты социального и культурного прогресса в национальных районах Сибири. Центральное место в статье занимает раскрытие факторов, препятствующих осуществлению социокультурной модернизации. В их числе отток специалистов из республик Сибири в другие регионы России и за рубеж, высокая смертность населения, низкий уровень урбанизации, невысокий уровень продолжительности жизни, недостаточно развитое медицинское обслуживание населения. Раскрываются причины этих негативных явлений. В частности, миграционные процессы объясняются дороговизной жизни, низкой заработной платой, наличием безработицы и др. Значительное место уделяется осмыслению роли факторов социокультурной модернизации, к которым относятся рост уровня образования населения, увеличение количества высококвалифицированных специалистов, ученых, развитие научных исследований, увеличение заявок на выдачу патентов на изобретения. Обращается внимание на активизацию инновационной деятельности в сфере экономики, рост регионального ВВП.*

***Ключевые слова**: социокультурное развитие, модернизация, миграция, урбанизация, образованность, научные исследования.*

I.I. Osinskiy

ABOUT SOCIOCULTURAL MODERNIZATION OF SIBERIAN NATIONAL REGIONS

***Abstract.** The article deals with the problems of sociocultural development of Siberian national republics. The concepts «sociocultural development», «social and cultural realm», their structure are defined. We have revealed the influence of the main structural components on various spheres of social life, and analyzed the specific features of social and cultural progress in the national regions of Siberia. Central to the article is the disclosure of factors impeding sociocultural modernization, such as the outflow of specialists from the republics of Siberia to other regions of Russia and abroad, high mortality, low level of urbanization, low life expectancy, and insufficiently developed medical care. We have revealed the causes of these negative phenomena: in particular, migration processes are explained by the high cost of living, low wages, unemployment, etc. Considerable attention is paid to understanding the role of the factors of sociocultural modernization, including the growth in the level of education among the population, increase in the number of highly qualified specialists, scientists, development of scientific research, and patents for inventions. Attention is drawn to the activation of innovative activities in the sphere of economy, the growth of regional GDP.*

***Keywords:** sociocultural development, modernization, migration, urbanization, education, scientific research.*

Социокультурная эволюция России, ее регионов все прочнее становится в центр современной социологической мысли. Это естественно: от характера динамики социокультурного развития общества зависит содержание и темпы модернизационных процессов, переход от структур традиционного общества к современным. Модернизация – сложный процесс, охватывающий все сферы общественной жизни, в ходе которого на основе достижений науки, техники, культуры осуществляется движение к современному развитому социуму. Этот процесс осуществляется в экономическом, политическом и социокультурном пространстве. Социокультурное пространство включает в себя «множество субъектов культуры и социальности (население, этносы, поселения, организации, институты, иные социальные и культурные общности и сообщества), которые устойчиво связаны с определенной территорией, воздействуют на ее объекты и взаимодействуют между собой [4, с. 16]. Социокультурное пространство в качестве объекта изучения может быть представлено в масштабах страны, региона, народа и др. В нашем случае такими объектами выступают четыре сибирских республики – Алтай, Бурятия, Тыва и Хакасия, которые входят в состав Сибирского Федерального округа. Кроме того, в составе округа находятся три края – Алтайский, Забайкальский, Красноярский, пять областей – Иркутская, Кемеровская, Новосибирская, Омская, Томская.

Согласно данным Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН (2010 г.), по степени вовлеченности в процессы модернизации все четыре республики относятся к ниже срединному уровню. К такому же уровню в Сибири относятся Алтайский и Забайкальский края, Иркутская и Кемеровская области. Кстати, на подобной ступени находится 47 регионов России из 83. К срединному уровню относятся Омская область, к выше-срединному – Красноярский край и Новосибирская область, к высшему – Томская область [2, с. 21–22]. В Бурятии индекс (уровень) первичной модернизации в 2010 г составлял 96 (при среднем по России 99), а индекс вторичный – 59 (при средней по стране 83). По некоторым позициям были достигнуты показатели вторичной модернизации, хотя в

республике не была завершена первичная. Бурятия и другие республики Сибири, как отмечается в анализе полученных результатов, относятся к отстающим регионам.

Что тормозит социокультурную модернизацию национальных республик Сибири?

Серьезным тормозом модернизации является многочисленность и отток населения, значительную часть которого составляют квалифицированные молодые специалисты. С момента образования СФО (2000 г.) его население с 20,5 млн чел. уменьшилось до 19,3 млн чел. (2017), т.е. сократилось больше чем на 1,1 млн. Миграционная убыль в четырех его национальных республиках составила в 2010− 5374 чел., в 2016 г. – 4269 чел.

Примерно ¾ мигрирующих в другие регионы−люди трудоспособного возраста, многие из них имеют высшее образование. В потоке выезжающих доминируют русские, а в потоке въезжающих в республику – представители титульного этноса. С 1989 по 2010 гг. число русских в Бурятии уменьшилось на 95,4 тыс. Бурятское население, напротив, увеличилось за этот период на 37,3 тыс. чел. Рост произошел за счет более высокой рождаемости бурят и миграции из других регионов России, в основном сопредельных, что положительно сказывается на тенденции концентрации представителей титульного этноса в местах его исторического обитания. Так, если в 1959 г. в Бурятии проживало 54% всех российских бурят, то в 1989 г. – 59,8%, а в 2010 – 62,2%. В то же время это не означает стремления к некой замкнутости, обособленности. Буряты, так же как и русские, активно участвуют в миграционном процессе. В населении Тувы доля русских с 1989 по 2010 гг. сократилась вдвое.

Куда мигрируют представители республик Сибири? В качестве объекта для анализа рассмотрим данные по Бурятии. Согласно материалам госстатистики из Бурятии за пределы республики в 2015 г. выехало 16,2 тыс. чел., из них в регионы СФО − 53,5%, Центрального – 13,0%, Дальневосточного – 12,25%, Северо-Западного – 7,3%, Южного – 3,9%, Приволжского – 3,1%, Уральского – 3,0%. 376 граждан из Бурятии мигрировали за рубеж, в основном в страны СНГ [1, с. 75].

Отрицательным фактором в осуществлении модернизации являются низкий жизненный уровень сибиряков, высокий уровень бедности, дороговизна жизни, ограниченные возможности для реализации своих знаний молодыми специалистами. Несмотря на суровые природно-климатические условия величина среднедушевых денежных доходов в Сибири, ее республиках намного ниже, чем в среднем по стране, не говоря о центральном федеральном округе. Так, в 2015 г. при среднедушевом денежном доходе в России 30,5 тыс. руб. в СФО он равнялся 23,6 тыс. руб., а в Хакасии – 20,8 тыс., Алтае− 18,3 тыс., Тыве – 15,3 тыс. руб. [5, 1/5, 3/5]. Исследование проведенное в 2011 г тувинским ученым Ч.М-Х. Тензин среди интеллигенции Тывы, выявило, что в составе данной группы имеется 3 класса: высший−1,6%, средний – 28,6% и бедный – 63,3% [3, с. 49].

Две трети интеллигенции Тывы − бедные люди. А ведь уровень жизни населения – это один из основных показателей успешности модернизации социума.

Негативно воздействует на процесс модернизации высокая смертность населения, особенно среди людей трудоспособного возраста, а также в сельской местности (в Бурятии в селе в 2015 г. смертность была выше на 20% по сравнению с городом). И хотя в последние годы ее показатели в республиках Сибири заметно уменьшились (в 2010 г умершие составляли 25,8 тыс. чел., в 2015 г. этот показатель снизился до 24,0 тыс. чел.), тем не менее коэффициент смертности по-прежнему остается высоким. Основными причинами смертности в Сибири являются болезни системы кровообращения, новообразования и внешние факторы. В числе последних − употребление суррогатного алкоголя, гибель на дорогах. Серьезной проблемой в Сибири является младенческая смертность.

Требует существенного улучшения и состояние здоровья населения. Непродуманное реформирование системы здравоохранения, сокращение количества больничных и амбулаторных поликлинических учреждений, введение платных медицинских услуг, ставших недоступными для значительной части населения − все это существенно подрывает

основы охраны здоровья людей, оказывает отрицательное влияние на продолжительность их жизни. Показатель продолжительности жизни в Сибири – один из самых низких в стране. В 2016 г. он составлял 69,8 года. Ниже он был только у дальневосточников – 69,22 года. Решение этих проблем требует серьезных системных усилий со стороны государства, его региональных органов.

Новые шаги в осуществлении модернизации непосредственно связаны с развитием урбанизации республик Сибири. В этих республиках, за исключением Хакасии, доля горожан низкая. В 2016 г. (на 01.01.) она составляет 59%, в Тыве – 54,2%, в Алтае – 29,2%. В Хакасии удельный вес городских жителей составляет 68,8%. В целом, в Сибири он равнялся 72,8% (в РФ – 74,1%). Для решения проблемы урбанизации национальных республик Сибири потребуется немало усилий со стороны государства, да и времени.

Для успеха модернизации особенно важна роль образования, высококвалифицированных специалистов, ученых. В 2010 г. в Бурятии 56,6% населении имело высшее и среднее профессиональное образование.

Динамика численности студентов высшего профессионального образования за прошедшие четверть века выглядела следующим образом: в 1990/91 учебном году их было 20,6 тыс. чел., в 2000/01 учебном году – 24,2 тыс., в 2007/08 учебном году – 42,3 тыс., в 2015/16 учебном году – 33,5 тыс. чел. В последние несколько лет ежегодно выпускается из вузов республики 3,1 –3,6 тыс. специалистов, что примерно в 1,5–2 раза меньше, чем десять лет назад.

Осуществление модернизации неразрывно связано с деятельностью ученых, их научно-исследовательскими поисками. За последние два десятилетия произошли заметные качественные изменения в среде исследовательского персонала(табл.1).

Таблица 1

Численность исследователей Бурятии, чел.

Численность	1995	2000	2010	2015
Всего	834	848	556	686
в т.ч. доктора наук	47	86	107	141
кандидаты наук	194	378	354	439

Несмотря на то, что за рассматриваемый период общее количество исследователей уменьшилось, количество докторов наук увеличилось в 3 раза, кандидатов наук – в 2,3 раза.

В широких масштабах велась подготовка кандидатов и докторов наук. В 2015 г. проходили подготовку в аспирантуре 669 чел., в докторантуре – 11 чел. В последние годы наметился рост расходов на научные исследования и разработки. В 2015 г. эти затраты превысили 1 млрд. рублей. В том же году было подано 67 заявок на выдачу патентов на изобретения, 17 – на полезные модели, 3 – на промышленные образцы. Постепенно активизировалась инновационная деятельность организаций в сфере экономики.

Росло участие Бурятии в формировании ВВП России. В 2014 г. его объем по сравнению с 2011 г. увеличился на 20,3%. Почти на столько возрос валовый региональный продукт на душу населения.

Положительным является рост в республике числа работников и организаций, использующих информационные технологии. Наиболее активно в последние годы распространялись такие инновационные информационные технологии, как Интернет, электронная почта и локальные вычислительные сети.

Выводы. Итак, исследование проблем социокультурной эволюции России, ее регионов в настоящее время приобрело особый смысл не только в силу значимости самого феномена «социокультурного развития», но и того, что он неразрывно связан с процессом модернизации, является ее неотъемлемой частью, обладает своим специфическим социокультурным полем, которое представляют национальные республики Сибири.

В статье определено место, занимаемое республиками Сибири в процессе модернизации, которое характеризуется как отсталый регион. Выявляются факторы, которые тормозят социокультурную модернизацию регионов Сибири. В числе таких факторов-тормозов рассматриваются малочисленность и отток населения, в том числе специалистов. Раскрываются векторы, причины миграции из республик Сибири. Одной из основных причин является низкий жизненный уровень сибиряков, высокая смертность. Серьезным препятствием выступает низкая урбанизация, малая доля горожан. Анализируется роль таких факторов урбанизации, как образование, наука, информационные технологии.

Обращается внимание на то, что социокультурная модернизация – сложный, многоаспектный процесс, требующий относительно продолжительного времени и немалых усилий государства, его региональных структур.

Список литературы

1. Бурятия–2016. Статистический ежегодник [Электронный ресурс] // Территориальный орган территориальной службы государственной статистики по Республике Бурятия: [веб-сайт]. URL: http://burstat.gks.ru/wps/wcm/c.onnect/rosstat_ts/burstat/ru/statistics/db/184e8c804f6e68c3989bda8250d62a05 (Дата обращения: 18.09.2017).

2. Лапин Н.И. Модернизация в мире, ее состояние в регионах России // Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов России: Сборник материалов VIII Всеросс. науч-практ. конф. Уфа: АН РБ, Гилем, 2012. С. 6-23.

3. Осинский И.И., Добрынина М.И., Тензин Ч.Х-М. Материальное положение интеллигенции Тувы в условиях трансформации российского общества // Вестник Бурятского госуниверситета. 2015. Выпуск 6а/ Философия. Социология. Политология. Культурология. С. 42–49.

4. Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / Сост. и общ. ред.: Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. М.: Akademia, 2009. 808 с.

5. Среднедушевые денежные доходы населения в России по субъектам [Электронный ресурс] // Infotables.ru. Справочные таблицы. URL: http://infotables.ru/statistika/31-rossijskaya/790-srednedushevye-denexhnye-dokhody-naseleniya (Дата обращения 15.07.2017).

6. Численность населения регионов России по регионам [Электронный ресурс] // Все табдицы мира. URL: www.funtable.ru/statistikachisltnnosti-naseleniya-regiono-rossii-2016-9-po-regionam.htlm (Дата обращения 15.07.2017).

И.И. Подойницына, Л.Ю. Писарева

ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ)

Аннотация. *В статье представлены предварительные результаты социологического исследования по теме «Диагностика состояния и перспектив реформирования системы управления в России», проведенного с использованием стратифицированной квотной выборки в 4-х населенных пунктах Республики Саха (Якутия) в июне 2016 года. Методологической основой проведенного опроса послужила программа и инструментарий, разработанный Центром социального управления и социальных технологий Института социологии РАН. Основной задачей комплексного исследования было выявление противоречий между органами власти и управления и гражданским обществом в регионах с различным уровнем модернизации относительно центральных приоритетов развития.*

Анализ и интерпретация ответов респондентов позволили прийти к выводу, что катализатором социальной напряженности в северном регионе могут выступить такие,

зафиксированные в результате опроса экономические факторы, как растущая безработица, особенно в среде молодежи, усиление разрыва между «богатыми» и «бедными» слоями общества. В регионе остаются нерешенными ключевые вопросы качества жизни населения: наличие комфортного жилья и обеспечение комфортной мобильности населения как внутри населенных пунктов, так и межпоселенческой и межрегиональной. Несмотря на наличие развитой горнодобывающей отрасли в регионе, переход на вторую фазу модернизационного развития может быть недостаточно выраженным и затяжным в силу ряда социокультурных факторов, оказывающих негативное влияние на процессы модернизации: отсутствие доверия к руководству, коррумпированность власти. Выявлено противоречие между стремлением руководства региона не решать проблемы, а отчитываться перед вышестоящим руководством. Были выявлены также стабилизирующие факторы социального развития Республики Саха (Якутия)—это межнациональный баланс, достаточно эффективное дошкольное и школьное образование и культура.

Перспективы социокультурной модернизации Республики Саха (Якутия) связаны с использованием потенциала формирующегося сектора услуг в регионе, дальнейшей инвестиционной поддержке инновационных предприятий.

Ключевые слова: *социокультурная модернизация, социальная напряженность, стабилизирующие факторы развития, фазы модернизационного роста, Республика Саха (Якутия), уровень и качество жизни, сектор услуг.*

I.I. Podoynitsyna, L.Yu. Pisareva

PROSPECTS OF SOCIO-CULTURAL MODERNIZATION IN THE REPUBLIC OF SAHA (YAKUTIA)

Abstract. *The article presents preliminary results of a sociological survey on the topic «Diagnosis of the state and prospects of reforming the management system in Russia», conducted with the use of a stratified quota sample in 4 settlements of the Republic of Sakha (Yakutia) in June 2016.*

The methodological basis of the survey, including the program of research and the questionnaire, was developed by the Center for Social Management and Social Technologies of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. The aim of the complex research was to observe and to determine the discrepancy between the authorities and civil society in relation to the central development priorities in the regions with a different level of modernization.

Analysis and interpretation of respondents' answers allowed to come to the conclusion that economic factors, such as growing unemployment, especially among young people, can catalyze social tension in the northern region, and that the gap between the «rich» and «poor» strata of society is growing.

The key issues of the quality of life of the population remain unresolved in the region: the availability of comfortable housing and the provision of comfortable mobility of the population both within settlements and between settlements and inter-regional ones.

Despite the presence of a developed mining industry in the region, the transition to the second phase of modernization development may not be sufficiently pronounced and protracted due to a number of socio-cultural factors that have a negative impact on the modernization processes: lack of trust in authorities and regional leadership, corruption in bodies of state power. It was revealed a contradiction between the desire of the regional leadership not to solve the problem, but to report to the higher leadership.

Stabilizing factors of the social development of the Republic of Sakha (Yakutia) were also revealed - it is an interethnic balance, effective preschool and school education and support of the development of cultural sphere of life.

It is estimated that the prospects of socio-cultural modernization of the Republic of Sakha (Yakutia) are connected with the use of the potential of the emerging service sector in the region. It is required further investment support for the rise of innovative enterprises.

Keywords: *socio-cultural modernization, social tension, stabilizing development factors, the phases of modernization growth, the Republic of Sakha (Yakutia), the level and quality of life, the service sector.*

Социологическое исследование на тему «Диагностика состояния и перспектив реформирования системы управления в России» проводилось при поддержке Российского научного фонда в рамках заявленной темы № 15-18-30077 «Гражданская экспертиза проблемы реформирования властно-управленческой вертикали в контексте процессов социокультурной модернизации регионов: от мониторинга состояний до прогнозного проектирования» в 2015–2017 гг. в 12 субъектах Российской Федерации, в том числе и в Республике Саха (Якутия).

Якутия представляет собой динамично развивающуюся республику, с относительно высоким уровнем модернизации (начальная стадия вторичной (информационной) стадии [1], которая к тому же входит в кластер регионов с относительно высоким качеством жизни [4].

На территории РС (Якутия) было опрошено 463 респондента – это жители г. Якутска, г. Покровска, с. Октемцы и с. Тулагино.

Научная проблема проведенного исследования состояла в выяснении способности органов власти и управления регулировать уровень социальной напряженности в регионах, которая возникает в связи с необходимостью одновременно решать проблемы внешней и внутренней политики в конкретной исторической ситуации и конструктивно влиять на процессы модернизации в них.

Объектом исследования стали противоречия между органами власти и управления и гражданским обществом в регионах с различным уровнем модернизации относительно приоритетов развития.

Предметом исследования было выявление определенных закономерностей в процессах, происходящих в социокультурной модернизации, которые нужно учитывать руководству республики при принятии текущих и стратегических решений.

Якутия, долгое время остававшаяся аграрно-феодальной окраиной Российской империи, получила первый модернизационный толчок с открытием в конце XIX века золоторудных месторождений в приленских территориях. В Якутии появились первые рабочие-золотодобытчики, началось строительство дорожно-транспортной инфраструктуры. Местное население использовало эти новые возможности для сбыта продукции животноводства своих ферм, доставляя мясо скота на Ленские прииски. Начались изменения в социальной структуре населения региона, связанные с формированием рабочего класса, купеческого сословия, с проявлением этнической разнородности.

Развитие добывающей промышленности в Советский период позволило в достаточно короткие сроки провести коренные структурные преобразования уклада и образа жизни населяющих территорию народов. Колоссальный приток специалистов разного профиля, занятого в добывающей, строительной, транспортной, энергетической отраслях промышленности, а также в науке и образовании, способствовал превращению Якутии в регион с высокими темпами урбанизации. Таким образом, был осуществлен переход на первый этап модернизационного роста и созданы основы индустриальной экономики.

Смена парадигмы общественного устройства в 1990-е годы привела к резкой остановке темпов модернизационных изменений. Республика Саха (Якутия) пережила кризис сильнейшего за свою историю миграционного оттока высококвалифицированных кадров. Основные фонды добывающего сектора были частично приватизированы, частично заморожены. В регионе появились опустевшие поселения-призраки.

Начало XXI века в Республике Саха (Якутия) сопряжено с поиском новых подходов к формированию системы устойчивого социально-экономического развития региона и повышения качества жизни населения.

Изучается опыт зарубежных стран, имеющих сходные природно-климатические условия, где успешно сочетаются элементы аграрно-экологического сектора экономики с эффективной перерабатывающей и производственной отраслями, где очень развит сектор услуг – от традиционных транспортных и ремонтных работ, до оказания помощи в подготовке доклада на открытие выставки или выгула домашней собаки.

Якутия сегодня проходит подготовительный этап, обеспечивающий переход на второй уровень модернизации, завершение которого должно существенно повысить уровень и качество жизни населения. При этом региональная политика направлена, прежде всего, на сдерживание миграционного оттока жителей из сельской местности, на повышение роли органов местного самоуправления в решении проблем благоустройства и жизнедеятельности населенных пунктов, на создание на местах высокотехнологичных предприятий по переработке продукции животноводства, развитию сектора услуг как в городских, так и сельских населенных пунктах.

В целом, республиканская власть активно декларирует потребность в модернизационных преобразованиях новой волны. Республика проявляет заинтересованность в достижении показателей роста уровня жизни, являясь пионером в разработке документов стратегического планирования, включая одну из первых региональных российских стратегий – «Схему комплексного развития производительных сил, транспорта и энергетики Республики Саха (Якутия) до 2020 г.», а также разработанную в 2016 году «Стратегию социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) на период до 2030 г. с целевым видением до 2050 г». Документы содержат индикаторы для измерения достигнутых изменений.

Однако, как показывает практика, фактические показатели роста всегда отклоняются от намеченных целевых. Это характерно для Республики Саха (Якутия) так же, как и для большинства субъектов Российской Федерации, о чем свидетельствуют приведенные ниже результаты социологического исследования, проведенного Центром социального управления и социальных технологий Института социологии РАН с нашим участием.

Полученные региональные данные по ряду российских регионов показывают сохранение устойчиво низких показателей оценки населением качества жизни. По таким вопросам, как поиск работы, улучшение жилищных условий, состояние ЖКХ, состояние дорог, борьба с пьянством и алкоголизмом, коррупция в органах власти, поддержка малого и среднего бизнеса, диапазон оценок от «плохо» до «достаточно плохо» составляет 30-45% от числа опрошенных респондентов. Соответственно, российские регионы единодушны в неудовлетворительной оценке наиболее существенных параметров обеспечения достойного уровня и качества жизни населения и, прежде всего:

– наличие комфортного жилья;

– обеспечение качественной мобильности, возможности комфортного передвижения как внутри населенного пункта, так и на межрегиональном и международном уровне.

Отличительной особенностью промышленной революции XVIII века стало существенное развитие мобильности населения, обеспеченное крупномасштабным строительством всесезонных, устойчивых к размыванию железных и автомобильных дорог. Однако для российских регионов, как центральных, так и удаленных, включая Республику Саха (Якутия), эта проблема остается вечной. 200 лет назад А.С. Пушкин в романе «Евгений Онегин» позволил себе сделать прогноз о том, что для модернизации дорог России потребуется не менее 500 лет, который сегодня выглядит для России пророческим:

«Когда благому просвещенью
Отдвинем более границ,
Со временем (по расчисленью

Философических таблиц,
Лет чрез 500) дороги, верно,
У нас изменятся безмерно:
Шоссе Россию здесь и тут,
Соединив пересекут.
Мосты чугунные чрез воды
Шагнут широкою дугой,
Раздвинем горы, под водой
Пророем дерзостные своды,
И заведет крещеный мир
На каждой станции трактир».

Такое отношение к решению ключевых проблем региона связывается населением Республики Саха (Якутия) с отсутствием достаточной компетентности в органах государственной власти по вопросам определения стратегических приоритетов в распределении имеющихся инвестиционных ресурсов. 26,5% опрошенных высоко обеспокоены несоответствием компетенции руководителей решаемым задачам. 21,6% респондентов крайне волнует стремление регионального руководства ориентироваться в своей деятельности не на конечный результат, а на отчетность перед вышестоящими органами. 21,6% не приемлет активное желание руководства сохранять и поддерживать свой «статус кво» в структурах власти. Следовательно, наличие документов стратегического планирования в регионе не всегда и не в полной мере свидетельствует о процессах социокультурной модернизации, а зачастую служит лишь формальной отчетностью перед вышестоящим руководством. Отношение населения к институтам власти на сегодня нельзя назвать доверительным. 31,9% опрошенных считает, что в республике не решается проблема с коррумпированностью в органах власти. 38% респондентов уверено, что борьба с коррупцией в регионе организована «плохо». Отсюда возникает и недоверие к народным избранникам. Власть, полученная местными чиновниками, позволяет им перейти от решения общественных проблем к решению проблем собственных. Это настоящий тормоз на пути к общественному благополучию.

47,5% участников опроса не видит реальной работы органов республиканской власти в снижении тарифов естественных монополий на услуги жизнеобеспечения. 44,3% обеспокоены снижением реальных денежных доходов населения (заработная плата, пенсии). 30,8 % якутян не довольны в высшей степени организацией борьбы с пьянством, хулиганством и наркоманией. В газете «Вечерний Якутск» 15 сентября 2017 г. появилась статья «Пьяный депутат Ил Тумэна сбил трех пешеходов», в статье говорится, кстати, и о том, что ряд депутатов пытается оправдать поступок коллеги [5, с.46]. Уже один этот пример свидетельствует о том, что борьба с алкоголизмом ведется не эффективно.

Самое существенное недовольство населения вызывают проблемы увеличивающегося разрыва в социальной стратификации населения, разрыва между «бедными» и «богатыми» слоями общества. 53,5% опрошенных негативно оценивают работу по сокращению данного разрыва.

Отметим, что Якутия относится к числу регионов с высоким уровнем ВРП на душу населения, средние показатели уровня заработной платы в республике выше, чем по стране в целом (за исключением Москвы и Санкт-Петербурга). Но это среднеарифметические показатели: рабочий на алмазоносных карьерах получает 100 тыс. рублей в месяц, не говоря уже о начальниках, которые нередко получают миллионы, а учитель в школе и воспитатель в детском саду имеет 25–35 тысяч рублей. Парадокс состоит в том, что одна из самых богатых республик в России имеет 80% бедного населения [3]. Определяя эту цифру, мы использовали сугубо социологический подход – самоидентификацию, самоощущение респондентов, экономисты дают более оптимистичные цифры. Этот результат анализируемого исследования требует особого внимания, принятия управленческих решений на общероссийском уровне, особых мер по снятию социальной напряженности в регионах.

И, наконец, выделим еще одну сложную проблему, которая входит в зону негативных – это проблема поиска нужной работы. Каждый четвертый респондент (25% от опрошенных) заявили, что найти работу в их населенном пункте фактически невозможно. Эксперты, у которых мы также брали интервью, утверждали, что дела с безработицей в их населенном пункте (в Якутске, Покровске, Октемцах) обстоят неплохо, она не превышает общереспубликанские показатели, при этом реальный разрыв между теми, кто официально зарегистрировался на Бирже труда и кто реально не трудоустроен,—весьма и весьма значительный. Так, приведем цифры по г. Якутску—число официально зарегистрированных на Бирже труда составляет 0,7% [2, с. 10], реально не работает в 6–7 раз больше людей [2, с. 48]. Согласно нашему анализу, через рекламу в СМИ предлагаются ограниченные виды труда: для женщин – это профессии продавца и бухгалтера, для мужчин – водителя, рабочего на стройке. Молодежь не может найти применение своим знаниям и полученной квалификации. Велик процент нелегальных форм трудоустройства – в сфере торговли, строительстве, сфере услуг, которые признавали в ходе экспертных интервью главы муниципальных образований, демонстрируя в какой-то мере свою беспомощность перед серьезной проблемой. На наш взгляд, эта проблема – недостаток рабочих мест, соответствующих уровню квалификации молодых специалистов — может затормозить процессы модернизации в регионе и стать катализатором социальной напряженности и социальной депривации.

С другой стороны, есть несколько результатов в проведенном опросе, которые позволяют утверждать, что в якутском обществе имеются несколько стабилизирующих, опорных факторов, которые способны стимулировать позитивное развитие общества. Большинство опрошенных не испытывает притеснений ни по этнической принадлежности (44,9% — «отношение хорошее», 26,8% — «удовлетворительное»), ни по вероисповеданию (38,0% — «отношение хорошее», 26,3%— «удовлетворительное»), что имеет важное значение как социокультурный фактор, способствующий сбалансированному развитию социума. Межэтническая напряженность в Республике Саха (Якутия) в рамках данного исследования не зафиксирована.

58,2% подчеркнули, что очень довольны организацией и содержанием школьного образования в республике, в каждом селе республики, даже на берегу Ледовитого океана, в тундре построены хорошие школы, в том числе малокомплектные и кочевые, учитывающие специфику Севера. В большинстве школ имеется доступ к сети Интернет и возможности для дистанционного образования.

Республика Саха (Якутия) получила в целом положительные оценки по таким аспектам жизнедеятельности, как своевременность выплаты заработной платы (47,7%—«хорошо»), работа общественного транспорта (43,6%—«хорошо»), работа учреждений культуры (42,8%—«хорошо»), работа дошкольных учреждений (42,8%—«хорошо»).

Межнациональный баланс, школьное образование и культура – культурные устои якутского общества. Однако инерционное благополучие в бюджетном секторе не является развитием модернизационной составляющей экономики региона.

По мнению респондентов, в регионе также хорошо решаются проблемы укрепления обороноспособности страны в целом (33,5%), борьбы с угрозой терроризма (30,5%). Данный фактор можно рассматривать в качестве одного из ключевых драйверов новой фазы модернизационного развития и одновременно наметившейся угрозы для российского общества стать эпицентром мировой гонки вооружений.

Неравномерное вхождение регионов Российской Федерации в фазу вторичной модернизации сформировало неравномерность социокультурного и, как следствие, социально-экономического развития российских территорий. Для Республики Саха (Якутия) первый этап считается пройденным. В регионе сложилась горнодобывающая промышленность. Однако данный сектор не позволил обеспечить социально-экономическое

развитие территории, соответствующее нормативам качества жизни. Перед регионом стоит задача обеспечить переход на вторую информационную фазу с учетом использования наметившихся положительных социокультурных трендов.

По результатам проведенного исследования, основным направлением модернизационных преобразований второй фазы в Республике Саха (Якутия) должно стать создание условий для повсеместного развития сектора услуг. По данным опроса, Республика Саха (Якутия) оценивается по уровню поддержки малого и среднего бизнеса относительно высоко по сравнению с другими регионами, участвовавшими в исследовании. Дальнейшая поддержка инициатив малых инновационных предприятий, привлечение инвестиций для развития высокотехнологичных и конкурентоспособных предприятий, активное внедрение механизмов государственно-частного партнерства для решения социально значимых региональных задач, может ускорить процессы социокультурной модернизации в Республике Саха (Якутия). При этом органы государственной власти должны обеспечить рост доверия населения и повысить уровень управленческих компетенций. На данном этапе прогноз решения накопленных проблем, по мнению населения, не является достаточно оптимистичным. Только 36,3% опрошенных надеются, что проблемы будут успешно решены.

Список литературы

1. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / [Л.А. Беляева и др.]; сост. и отв. ред. Н.И. Лапин. 2016 г. М.: Весь Мир, 360 с.

2. Мониторинг социально-экономического положения округов и муниципальных районов РС (Я). Статистический бюллетень № 639/716. Якутск, январь-ноябрь 2016 г. [Электронный ресурс] // Территориальный орган территориальной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия): [веб-сайт]. URL: http://sakha.gks.ru/ (Дата обращения: 18.006.2017).

3. Подойницына И.И. 10 лекций по социологии социальных структур. Якутск: изд-во СВФУ им. М.К. Аммосова, 2013.

4. Ротарь Т.С. Качество жизни населения как фактор формирования привлекательности региона: математико-статистический подход // Имидж-моделирование региона в контексте современного развития России. Сб. науч. трудов. Якутск: Изд-во «Якутский край», 2012. С. 146–153.

5. Романов М. Пьяный депутат Ил Тумэна сбил трех пешеходов // Вечерний Якутск. 15 сентября 2017 г.

Е.И. Рабинович, К.Э. Гусейнова

УТОЧНЕНИЕ ГРУППИРОВКИ РЕГИОНОВ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. *В статье дается обоснование отбора регионов с учетом их исторических и социокультурных особенностей, описываются индексы, отвечающие за региональное модернизационное развитие.*

Ключевые слова: *социокультурная модернизация, региональная модернизация, индексы регионального развития.*

E.I. Rabinovich, K.E. Guseynova

SPECIFICATION OF REGIONS GROUPING FOR THE EMPIRICAL RESEARCH GOALS

Abstract. *The article explains justification of regions selection taking into account its historical and sociocultural features, describes the indexes which are responsible for regional modernization development.*

Keywords: *socio-cultural modernization, regional modernization, indexes of regional development*

Первым уровнем построения группировки регионов для целей эмпирического социологического исследования являются характеристики округов в сопоставлении со статусом РФ в модернизационном рейтинге стран мира. Это означает, что перемещение того или иного региона по шкале иерархии уровня модернизации должно в первую очередь учитывать отнесение его к тому или иному Федеральному округу.

Что касается модернизации самих регионов, то анализ 170 регионов 18 стран, выполненный китайскими специалистами, показал: суть региональной модернизации в экономике заключается в росте производительности труда, в социальной сфере – в подъеме уровня жизни населения, в области знаний – в повышении их уровня и возможностей их производства и распространения. В целом, региональная модернизация соответствует состоянию национальной модернизации, но не является ее аналогом. Процесс региональной модернизации идет неравномерно во всех странах, велики межрегиональные различия, но в развитых странах они меньше, чем в развивающихся.

На взгляд Н.И. Лапина, целесообразно использовать в России и ее регионах методологию и инструментарий исследований модернизации, разработанные китайскими исследователями, так как это позволяет получить конкретные знания об уровнях и фазах модернизации России и ее регионов, их статусе в контексте всемирной модернизации, а также помогает координировать стратегии и способы развития индустриальной и информационной стадий модернизации, нацеливает модернизацию на вхождение России в число наиболее развитых стран мира, на достижение в регионах России среднеевропейских стандартов жизни населения. Вместе с тем, как считает Н.И. Лапин, целесообразно дополнить инструментарий китайских исследователей новыми индексами, в том числе позволяющими более полно учитывать содержание модернизации в России. На взгляд Н.И. Лапина, индекс ПМ, фиксирующий ее состояние в начале 60-х годов XX в., полезно дополнить индексом современного ее состояния в развитых странах. В числе индикаторов фазовых значений ВМ желательно учитывать долю затрат на НИОКР в ВВП и долю инновационной продукции в общем объеме созданной продукции. Помимо того, Н.И. Лапиным предложены еще три дополнительных индекса: а) технологический – качество оборудования и степень его изношенности; б) качество управления – прозрачность процедур и эффективность управления; в) социокультурный – оценка населением условий своей жизни и современность социальной структуры общества. Индекс управления он отнес к одному из условий, определяющих уровень модернизированности территорий. С этим нельзя не согласиться, но у него двойная функция: он одновременно является и следствием, и причиной управляемости процесса модернизации.

Программа нашего исследования предусматривает учет отношения населения к деятельности сложившейся в стране за последнее десятилетие властно-управленческой вертикали и исторического опыта нахождения в составе других регионов, территориально-экономических кластеров и федеральных округов. Нам необходимо осмыслить влияние этого местонахождения на конкретно-историческое и социокультурное разнообразие жизни в регионах, в том числе и влияние исторических и цивилизационно-культурных особенностей на характер их модернизации и управления в них [2]. Включение в программу исследования

соответствующих целей и задач отличает, в частности, наше исследование от других работ по изучению модернизационных и управленческих процессов. Учет социально-культурологического исторического прошлого региона – необходимая часть работы по определению путей модернизации страны и реформирования системы управления, в том числе внедрения в технологию управления современных инфокоммуникативных подходов и методов. Мы исходим при этом из определения объекта управления как процесса саморегуляции отношений людей, спонтанно возникающего в ходе их совместной жизни и деятельности. Можно сказать, как говорится в одной из наших работ, что объектом управления является не человек и не группа людей, а процесс их консолидации при выработке ответов на внешние и внутренние вызовы, что воспроизводит участников как социальную общность [3, с. 75]. Эта мысль имеет прямое отношение и к пониманию места и роли систем управления в социокультурной модернизации регионов, и всей властно-управленческой вертикали. Историческое исследование дает дополнительный материал для решения вопросов о механизмах регуляции отношений прошлого и настоящего, истории и современности. При решении вопросов модернизационного характера в развитии регионов, историческое знание, т.е. знание истории региона, его формирования, социального и культурного прошлого, столь же необходимо и важно, как и знание современного состояния жизни и организации управления в регионе.

Несмотря на то, что общий уровень первичной модернизации России приблизился к 100%, различия между ее регионами в целом находятся в интервале 89–100 баллов. По ПМ-уровню выделяется три группы регионов: высокий ПМ-уровень (97–100 баллов) – 40 регионов: Москва, С.-Петербург (по 100 баллов), Башкортостан, Татарстан, Красноярский и Пермский края, Калужская, Новосибирская, Омская, Свердловская, Тюменская, Ульяновская области и др.; средний ПМ-уровень (93–96 баллов) – 33 региона: Бурятия, Брянская, Курская, Смоленская области и др.; низкий ПМ-уровень (89–92 баллов) – 9 регионов: Дагестан, Северная Осетия, Ставропольский и Алтайский края, Ненецкий АО и др. Калмыкия имеет всего 77 баллов по уровню ПМ и относится к предварительно развитым регионам. Как и во многих странах, в России различия между уровнями вторичной модернизации (ВМ) регионов значительны, подчас контрастны: перепады от 47 до 107 баллов. Это породило многоуровневую ВМ-иерархию регионов [1].

Исходя из гипотезы о существовании зависимости между уровнем общего социально-экономического развития региона, его социокультурного уровня (степени социокультурной модернизации) и оценками работы органов власти и управления, нами были определены критерии отбора регионов. При этом мы исходили из того, что в достаточно полном и представительном исследовании проблем реформирования властно-управленческой вертикали в стране у нас должны быть представлены регионы:

– из всех федеральных округов (ФО);

– из всех экономических районов (они не всегда совпадают с федеральными округами); этот критерий рассматривался в качестве корректировки предыдущего;

– из всех географических (природно-климатических) зон, то есть, Севера, Средней полосы и Юга; этот критерий также рассматривается как корректирующий;

– разного уровня (всех уровней) социокультурной модернизации. Методикой определения уровней модернизации в ее адаптированном Н.И. Лапиным и его коллегами для России определяются шесть уровней модернизированности российских регионов (в порядке возрастания): 1) отстающий, 2) предварительно развитый, 3) ниже срединного, 4) срединный, 5) выше срединного, 6) высокий.

– учитывая федеративное устройство государства, наличие в числе субъектов федерации республик, автономной области, автономных округов (Конституция Российской Федерации, ст. 65), среди регионов, в которых необходимо проводить исследование, должны были быть представлены и эти административно-территориальные образования (по расчету, примерно одна треть от двенадцати обследуемых регионов). Всего в Российской Федерации 85 субъектов федерации (регионов). Из них 58 субъектов – области, края и города,

приравненные к регионам, что составляет 68,2% регионов (более двух третей); 27 субъектов – республики, автономная область и автономные округа или 31,8% регионов (около одной трети). К сожалению, исходя из жестких условий финансирования Проекта, мы не могли обеспечить репрезентативную выборку регионов для получения представительных данных по всей РФ. Поэтому мы пошли по пути проверки наших методических средств на доступных регионах, выстроенных по типологии Атласа модернизации Н.И. Лапина, как самого обоснованного на сегодняшний день способа отбора объектов по международным критериям. Для проверки их работоспособности в нашей предметной области, мы выделили сначала четыре региона, а затем проверили свои наблюдения и выводы на 12 регионах. Эта последовательность позволит нам последовательно присоединить в ближайшее время еще 12 регионов, если это исследование будет поддержано, чтобы его выводы имели не только научное, но народнохозяйственное значение. Исходя из этого, из 12 субъектов федерации (регионов), в которых необходимо было по условиям проекта 2015–2017 гг. провести исследование, нами было отобрано 8 из числа областей, краев, городов (приравненных к регионам) и 4 – из числа республик и автономных образований.

Исходя из этих требований были отобраны следующие двенадцать регионов для проведения эмпирического исследования по Проекту РНФ. (см ниже табл. 1).

Таблица 1

Субъекты федерации (регионы), в которых проводилось исследование

№ №п/п	**Название региона**	**Статус субъекта федерации**	**Федеральный округ**	**Экономический район**	**Географическая зона**	**Уровень социокульт. модернизации**
1	Республика Башкортостан	Республика	Приволжский	Уральский	Средняя полоса	3
2	Республика Дагестан	Республика	Северо-Кавказский	Северо-Кавказский	Юг	(1)
3	Республика Калмыкия	Республика	Южный	Поволжский	Юг	(1)
4	Республика Саха (Якутия)	Республика	Дальневосточ-ный	Дальневосточ-ный	Север	4
5	Амурская область	Область	Дальневосточ-ный	Дальневосточ-ный	Средняя полоса	2
6	Белгородская область	Область	Центральный	Центрально-Черноземный	Средняя полоса	(1)
7	Вологодская область	Область	Северо-Западный	Северный	Север	2
8	Московская область	Область	Центральный	Центральный	Средняя полоса	6
9	Нижегородская область	Область	Приволжский	Волго-Вятский	Средняя полоса	6
10	Омская область	Область	Сибирский	Западно-Сибирский	Средняя полоса	3
11	Свердловская область	Область	Уральский	Уральский	Средняя полоса	5
12	Смоленская область	Область	Центральный	Центральный	Средняя полоса	2

Примечания к таблице: 1) В настоящее время органами статистики России используется деление территории РФ на 12 экономических районов. Общероссийский классификатор экономических регионов (ОКЭР) поддерживается Минэкономразвития РФ (Общероссийский классификатор экономических регионов ОК 024-95 (ОКЭР) утвержден пост. Госстандарта РФ от 27 декабря1995 г. № 640, в ред. изм. №1, ноябрь1998 г., с изм. и доп. №2/99, №3/2000, № 4/2001, № 5/2001). 2) Оценки уровней социокультурной модернизации взяты из названных выше трудов Н.И. Лапина и его соавторов или указаны им лично; оценки в скобках взяты с Карты-схемы модернизации регионов России (2010 г.) – см. http://ecsocman.hse.ru/data/2013/01/28/1251412165/Lapin.pdf (дата обращения: 25.07.2017).

Для исследования, таким образом, отобраны из Центрального ФО – 3 региона, из Северо-Западного ФО – 1 регион, из Приволжского ФО – 2 региона, из Северо-Кавказского ФО – 1 регион, из Южного ФО – 1 регион, из Уральского ФО – 1 регион, из Сибирского ФО – 1 регион, из Дальневосточного ФО – 2 региона. Всего представлены семь регионов. Из Центрального ФО взяты три региона, так как это наиболее населенный федеральный округ. По такому же основанию взято два региона из Приволжского округа, причем один из них относится к Уральскому экономическому району. Дальневосточный ФО представлен двумя регионами как наиболее проблемный округ, кроме того один из его регионов географически расположен в Восточной Сибири. В выборке регионов представлены восемь областей и четыре республики, расположенные в девяти экономических районах. По уровням социокультурной модернизации – все шесть уровней.

При анализе материалов в разрезе регионов в нашем исследовании используется их группировка по четырем уровням: первая группа – низкий уровень развития (Дагестан, Калмыкия, Смоленская область), вторая – ниже среднего уровня развития (Башкортостан, Омская область, Саха-Якутия), третья – средний уровень развития (Амурская, Белгородская, Вологодская области), четвертая – высокий уровень развития (Московская, Нижегородская, Свердловская области), которая позволяет получать представительные статистические данные по каждому иерархическому уровню с усредненным показателем переменных.

Список литературы

1. Лапин Н.И. Измерение модернизации российских регионов и социокультурные факторы ее стратегии [Электронный ресурс] // URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2013/01/28/1251412165/Lapin.pdf (Дата обращения: 20.06.2016)

2. Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России / [В.В Маркин и др.]; отв. ред. В.В. Маркин. М.: Новый хронограф, 2015. 624 с.

3. Социология управления: стратегии, процедуры и результаты исследований / [А.В. Тихонов и др.]; отв. ред. А.В. Тихонов. М: «Канон1» РООИ «Реабилитация», 2010. 607 с.

И.А. Савельев

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ОНТО-ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. *В статье предпринята попытка определения специфических онтогносеологических оснований формирования социологии управления, а также институциональных предпосылок этого процесса. Сложность формирования и многофакторность воздействия на социологию управления связывается с двумя группами предпосылок: научно-теоретическими и собственно социальными.*

Ключевые слова*: институциализация социологии управления, научно-теоретические предпосылки институциализации, социальные предпосылки институциализации, онто-гносеологические основания социологии управления.*

I.A. Savelyev

INSTITUTIONAL PREREQUISITES AND ONTO-GNOSEOLOGICAL GROUNDS FOR THE FORMATION OF SOCIOLOGY OF MANAGEMEN

Abstract*. The article makes an attempt to define specific ontological and epistemological grounds for the formation of management sociology, as well as the institutional prerequisites for this process. The complexity of formation and the multifactorial impact on sociology of management is associated with two groups of assumptions: scientific-theoretical and self-social*

Keywords: *institutionalization of management sociology, scientific and theoretical prerequisites for institutionalization, social preconditions for institutionalization, ontogo-gnoseological foundations of sociology of management*

Актуальность данной темы обусловлена необходимостью инвентаризации научных подходов к онтогносеологическим основаниям социологии управления. Многие исследователи приходят к выводу о наличии мирового кризиса в управлении, который своеобразно преломляется и видоизменяется в каждой отдельно взятой стране мирового сообщества.

Специфика институционализации управления в мире, в отдельных странах и регионах, особенно в России, продолжает оставаться актуальной проблемой. Но не меньшей проблемой становится и рефлексия этой институциализации культурной и политической элитами России, что не означает меньшую значимость осознания этого процесса гражданским обществом.

По всей видимости, институциализация социологии управления во многом определяется особенностями институциализации самих управленческих практик. Иными словами, институциализация управления всегда опережает саму рефлексию над этим. Не удивительно, что в паспорте научной специальности «Социология управления» институциональный уровень управления как особый вид социального взаимодействия выделяется в отдельную предметную сферу.

Видимо, нет особый нужды отмечать сложность и многофакторность обусловленности самого процесса институциализации управления, его профессионализации и отделения от важнейших «сопутствующих» социальных регуляторов: власти и собственности, что довольно убедительно описано отечественной академической традицией [8].

Разделим институциональные предпосылки формирования социологии управления на научно-теоретические (рефлексивные) и собственно социальные, связанные с переходом самого общества к постиндустриальной стадии развития.

Первая группа предпосылок во многом связана с последствиями *кризиса естественно-научной парадигмы*, которая не могла объяснить различные аспекты управления как явления социального. Например, многие специалисты отмечали, что в кибернетике анализируются управленческие процессы «в чистом виде», как существующие сами по себе, безотносительно к человеческой деятельности. Но, как известно, кибернетика наткнулась на ряд парадоксов, признанных в последствии самим Н. Винером: схема управления с прямой и обратной связью оказалась неадекватной, поскольку в практике управляемый объект, как правило, обратных сигналов может «не давать», их надо «вынимать» за счет особой деятельности; не были учтены цели управления, наконец, не учитывались моменты соотношения естественного и искусственного.

С другой стороны, управление относительно недавно (по меркам генезиса науки) попало в предметную сферу общественных наук, прежде всего социологии, хотя различные грани управления как социального явления, естественно, изучались философами, экономистами, политологами и пр. Говоря о менеджменте, предметной сферой которого является управление фирмой и различные аспекты эффективности деятельности, вряд ли стоит управление фирмой в рыночных условиях выдавать за всю полноту управления как социального явления. Кроме собственно кризиса натуралистически ориентированной научной парадигмы, которая нашла позднейшее отражение в кибернетическом подходе и синергетике, можно отметить и *развитие самой социологии, усложнение ее структуры*, выделение и развитие ее отраслей. Говоря о генезисе отечественной социологии управления, А.В. Тихонов и авторский коллектив первого словаря по этой дисциплине, отмечают, что она сложилась на базе, прежде всего: социологии труда, промышленной социологии и социологии организаций [6, с. 47]. Эти отрасли тесно взаимосвязаны и формировались

последовательно, можно сказать кумулятивно: расширяя предметную сферу и категориальный аппарат, но зачастую «транслировали» и стереотипы.

Социальные предпосылки институциализации социологии управления связаны с дифференциацией социальной структуры.

Сторонники постиндустриального общества отмечают, что именно в нем управление «профессионализируется», специализируется, а в чем-то становится приоритетным (П. Друкер). Отрефлексированность особого значения человеческого фактора и «человекоразмерных» систем постепенно привела к тому, что управленческие знания (в «высоком смысле») становятся социально-информационным ресурсом, необходимым не только бизнесу и государству, но и пресловутому «третьему сектору»—гражданскому обществу. Все это имеет особую актуальность в т.н. «обществе знаний».

Однако социальные предпосылки институциализации социологии управления в России имеют специфику. А.В. Тихонов отмечает: «Сегодняшнее состояние нашей социетальной трансформации (квазирыночный этатизм, управляемая демократия, государственный капитализм) считается промежуточной формой движения к вполне достижимой для нас постиндустриальной цивилизации» [9, с. 74]. Более того, по многим критериям (уровень гражданского общества, разделение и равенство ветвей политической власти и пр.) РФ находится на протоинституциональной стадии структурной дифференциации [9].

В связи с этим, мы солидарны с Ю.Г. Бюраевой, которая в традиции Э. Дюркгейма придает догоняющему типу модернизации (традиционному для нашей страны) неорганический характер, так как он инициируется «сверху» путем активного вмешательства государства в ход исторических и модернизационных процессов на основе специально запланированных мероприятий (которые, естественно, необходимы, но должны учитывать специфику культуры и пр.). Действительно, очередная неорганическая модернизация в ходе реформ 1990–2000-х гг. показала свою несостоятельность. Проведенная в сжатые сроки трансформация формальных институтов не принесла ожидаемого улучшения качества жизни основной массы населения, произошла поляризация и люмпенизация российского общества» [2, с. 24].

В связи с этим приходится говорить не об очередной авторитарной модернизации сверху, но инновационной, базирующейся на органической солидарности.

Объективности ради стоит заметить, что процесс институциализации управления в качестве профессионального и относительно самостоятельного вида деятельности подвержен воздействию культурных, ментальных параметров самого общества, зависит от уровня его технического развития и пр. Также он определяется и внешними, прежде всего, экономическими и политическими факторами. Поэтому «революция менеджеров» началась и успешно продолжается в наиболее сильных и богатых странах «ядра» или «центра» мировой системы, используя терминологию И. Валлерстайна.

Несмотря на 20-летнее существование, отечественная социология управления находится в стадии формирования. Отечественные специалисты Г.Е. Зборовский и П.А. Амбарова отмечают, что завершение институционализации социологии управления завершается в условиях перестроечного и постперестроечного времени (конец 1980-х – 1990-е гг.). В период 2000–2015 г. наблюдается настоящий бум отечественной литературы по социологии управления, особенно учебной [3].

Они дают всесторонний обзор подходов к предметному полю социологии управления, указывая при этом разные основания их классификации (целевое назначение, дихотомии, степень широты трактовки предмета, методологию и пр.), отмечая во многом их взаимодополнительный характер.

Вопрос об **онто-гносеологических основаниях** как отраслевой научной дисциплины не теряет актуальности и требует постоянной рефлексии. Более того, сами категории онто-гносеологических оснований также должны всякий раз осознаваться. Действительно,

интерпретация предельных философских категорий зачастую связана с методологической принадлежностью автора.

Как отмечал В.С. Степин, важнейшим достижением концепции универсального эволюционизма стало объединение представлений о неживой природе, органическом мире и социальной жизни. Видимо, концепция универсального эволюционизма, как следствие постнеклассического периода науки, по-своему онтологизирует предметную сферу различных наук, в том числе социальных. Однако, представляется, что зачастую опыт естествознания часто механически экстраполировался на общество. Можно вспомнить три стадии эволюции Г. Спенсера. Не будем забывать о несоизмеримости человеко-часов, затраченных человечеством на изучение природных и социальных явлений.

Онтологическим основанием социальности как предельного социального феномена является социальная практика, преобразовательная деятельность. Если мы понимаем управление как явление социальное, то практика будет и способом существования управления. Практика представляет собой социальных субъектов (индивидов и групп), преобразующих окружающий мир (природу, общество и самих себя), а также их рефлексию относительно совершаемых взаимодействий либо общепринятые формы деятельности. В социальной практике возникает изменяющееся массовое поле представлений, коммуникаций, интерпретаций событий.

По всей видимости, управление возникло одновременно с рефлексией, осознанием человека самого себя относительно деятельности по обеспечению самосохранения и выживания. Как отмечает Г.В. Атаманчук, «это не было управлением в современном его понимании, но нельзя и отрицать, что закрепленные в сознании обычаи, традиции, верования, религии, определенные родоплеменные отношения и другие древние регуляторы содержали и по сей день содержат в себе управленческие атрибуты» [1, с. 42].

В связи с этим можно говорить о двух исторически сложившихся принципах действия механизма управления: стихийного и сознательного. Стихийное управление выражает такое взаимодействие социальных сил, в котором неустранимо действие случайного, это некий усредненный результат, складывающийся из массы целенаправленных социальных действий, в котором нельзя учесть все их последствия. Сознательное управление (научное, по В.Г. Афанасьеву) – процесс приведения субъективной деятельности людей в соответствие с объективными потребностями общественного развития, постоянное сопоставление затраченных усилий и полученных результатов. В связи с этим, А.И. Пригожин отмечает, что научное управление обществом становится все более сознательным, возможно не только понимание общих закономерностей и тенденций общественного развития, но и подробное описание этапа, формы, средства и метода практической деятельности людей [5, с. 56].

Не стоит забывать и про актуальность некоторых достижений советской традиции изучения вопроса профессионализации управления. В связи с этим интересно напомнить некоторые идеи (мыследеятельность и пр.) Г.П. Щедровицкого, выработавшего собственную концепцию организации, руководства и управления (ОРУ) в рамках работы Московского методологического кружка 1970–80-х гг. и уделявшего много времени проблеме профессионализации управления.

В своих лекциях [10], он, ставя вопрос: должно ли управление быть профессиональным (как любая другая профессия) или универсальным, приводил достаточно интересные факты социального и научного характера, в частности, о запрете в Советской России в 1920–30-х гг. специализации (считалось что она ведет к классовым различиям, закреплению социального неравенства). Поэтому идея профессионализации управления А. Богданова столкнулась с идеологической установкой на депрофессионализацию. Результатом последней стал выпуск большого количества классных инженеров и их учеников, признанных во всем мире, а также технологический рывок, но отсутствие профессиональных кадров. Появление последних он связывал с поездкой в США Н.С. Хрущева, который увидел там множество вузов, готовивших организаторов и управленцев для всех сфер деятельности.

Сам Г.П. Щедровицкий, работая в рамках деятельностного подхода, называл организационную, руководящую и управленческую деятельность «*деятельностью над деятельностями*», принципиально отличающуюся от практической деятельности с природным материалом [10, с. 35]. Одним из оснований управления он отмечал интенциональность сознания, которое «всегда работает на «выносящих» отношениях, мир организуется нами за счет работы сознания как вне нас положенный. Сознание все время выносит вовне. Сознание всегда активно, а не пассивно» [10, с. 36].

Как отмечает О.Я. Гелих: «управление, зародившись на институциональном уровне как инструмент политической борьбы и военного противостояния, растворилось в нем настолько, что долгое время не выступало предметом научного анализа в «чистом» виде. Прорыв в рефлексии этого феномена произошел в сфере производственно-экономического управления предприятиями, освободившимися от непосредственного влияния государства» [6, с. 400]. Отсчет рефлексии управления с достаточной уверенностью можно вести, лишь начиная с работ Платона «Государство» и его продолжения – «Законы».

Кроме того, важным шагом в понимании природы (онтологии) управления являются выделенные А.В. Тихоновым дилеммы социологии управления: естественнонаучная – социогуманитарная; социальная – социологическая; институциональная – менеджериальная; теоретическая – прикладная.

Итак, онтологический аспект проблемного поля СУ характеризуется шестью критериями: 1. эмпирической достоверностью; 2. повторяемостью; 3. инвариантностью; 4. связанностью элементов практики управления; 5. рефлективностью участников принятия и исполнения решений; 6. организованностью процесса управления [6, с. 77]. Онтологическое основание социологии управления – управленческая практика, реализуемая в соответствующих технологиях.

Гносеологический аспект подразумевает познавательные границы или познаваемость управления как феномена, а также рассмотрение эвристической ценности самого управления как «инструмента» познания. Другими словами, гносеологическая область социологии управления – рефлексия, осознание механизмов, параметров и границ управленческой практики. В связи с этим социология управления на основе эмпирических данных способна (и должна) теоретически моделировать управленческие практики, формулировать научные проблемы, проверять гипотезы.

Для отечественной традиции характерна иерархичность социологического знания: на вершине методологии находится социальная философия, затем идут общенаучные дисциплины, на основе которых осуществляется анализ социальных процессов (математика, кибернетика, синергетика), а также общая социология. Ниже идет все многообразие (около 100) отраслевых социологий, которых классифицируют по социальным субъектам (социология молодежи, социология общественных движений и пр.), стыковому характеру предметных полей (социология права, экономическая социология), наконец, по специфики деятельности: социология управления, социология рекламы и пр. Как справедливо отмечает Н.М. Лавренюк, те, кто надеется получить новое знание о социальном управлении в обход этой иерархии, в лучшем случае могут претендовать на частный эмпирический успех [6, с.169].

Однако в связи с этим хотелось бы отметить объективные трудности, связанные с «познавательным статусом» не столько социологии управления, сколько современной отечественной социологии, наиболее часто выделяемые специалистами. Их можно свести в три условные группы.

Первая группа – «проблема субъекта» или социолога в социологии. М.А. Тарусин редуцирует данную проблему к тому, что современная социология, несмотря на внешнее благополучие, находится в глубоком научном кризисе, поскольку фактически не использует своей методологический аппарат по прямому назначению – поиску закономерностей в общественном развитии и системном анализе протекающих там процессов [7, с. 208]. Возможным «рецептом преодоления» здесь можно считать «социализацию» или

гуманитарную интерпретацию научным сообществом достижений естественно-научных дисциплин, их методологии; создание электронных площадок для дискуссии специалистов.

Вторая проблема − это «проблема заказчика» т.е. самих субъектов принятия решений, для которых объективная информация зачастую неудобна и даже неприемлема. По всей видимости, эта проблема связана с инерционностью мышления самих управленцев, невниманием к методологическому арсеналу современной социологии и пр.

Сегодня объективно необходимо новое понимание управления не как одностороннего воздействия управляемой системы на управляющую, но как процесс взаимной, целенаправленной адаптации и координации этих систем к потребностям друг друга. Причем именно управляющая система, изучая управляемую, может корректировать свою деятельность, адаптируя ее под социальный заказ. Управление – поддержание спонтанных процессов в управляемом состоянии, а не просто инструмент воздействия.

Список литературы

1. Атаманчук Г.В. Управление – фактор развития. М.: Экономика, 2002. 566 с.

2. Бюраева Ю.Г. Роль менеджеров в модернизационных процессах современного российского общества // Власть. 2015. № 1. С. 22–27.

3. Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. Трансформация предметного поля социологии управления: новые вызовы. // Социологические исследования. 2016. № 7. С. 48–57.

4. Проблемы реформирования властно-управленческой вертикали в контексте процессов социокультурной модернизации регионов // ИНАБ № 1–2016. [Электронный ресурс] / [А.В. Тихонов и др.]; отв. ред. А.В. Тихонов. Электрон. текст. дан. (объем 6,14 Мб). М.: ИС РАН, 2016. 348 с. 1 электрон. опт. диск 12 см (CD ROM).

5. Пригожин А.И. Современная социология организаций. М.: Интерпракс, 1995. 296 с.

6. Социология управления: Теоретико-прикладной толковый словарь / Отв. ред. А.В. Тихонов. М.: КРАСАНД, 2015. 480 с.

7. Тарусин М.А. О вреде социологии // Мониторинг общественного мнения. 2010. № 1 (95). С. 206–209.

8. Тихонов А.В. Об институционализации управления в современной России // Управленческое консультирование. 2010. № 1. С. 59–75.

9. Тихонов А.В. Опыт социолого-культурологического исследования проблем реформирования властно-управленческой вертикали// Вестник Института социологии. 2014. № 10. С. 66–84.

10. Щедровицкий Г.П. Оргуправленческое мышление: идеология, методология, технология. Курс лекций / Из архива Г.П. Щедровицкого. М., 2000. Т. 4. 384 с.

З.Х-М. Саралиева, А.Л. Янак

НИЖЕГОРОДСКАЯ ОБЛАСТЬ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ РЕШЕНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ МАССОВОГО ОПРОСА)

Аннотация. *По материалам массового опроса, проведенного в Нижегородской области, выявлены актуальные социальные и управленческие проблемы региона; предложены варианты предотвращения, минимизации существующих проблем; рассмотрены положительные тенденции в развитии и модернизации региона.*

Ключевые слова: *социальные проблемы, проблемы управления, социальная ответственность, имиджевые мероприятия, модернизационный потенциал региона, ресурсность.*

Z.H-M. Saralieva, A.L. Ianak

NIZHNY NOVGOROD REGION: SOME PROBLEMS AND PROSPECTS OF THEIR SOLUTION (ON MATERIALS OF A MASS SURVEY)

Abstract*. Based on the mass sociological survey conducted in the Nizhny Novgorod region, the actual social and management problems of the region were identified; variants of prevention, minimization of problems are offered; considered positive trends in the development and modernization of the region.*

Keywords*: social problems, management problems, social responsibility, image events, modernization potential of the region, resource*

В 2015–2017 гг. при поддержке Российского научного фонда в рамках заявленной темы № 15-18-30077 «Гражданская экспертиза проблемы реформирования властно-управленческой вертикали в контексте процессов социокультурной модернизации регионов: от мониторинга состояний до прогнозного проектирования» было проведено межрегиональное исследование в 12 субъектах РФ, в том числе в Нижегородской области. Научная проблема состоит в выяснении способности органов власти и управления регулировать уровень социальной напряженности в регионах, которая возникает в связи с необходимостью одновременно решать проблемы внешней и внутренней политики в конкретной исторической ситуации и конструктивно влиять на процессы модернизации. Особое значение в этих условиях приобретает сбор данных об отношении различных групп населения к существующим в регионах проблемам.

Объектом исследования стали противоречия между органами власти и управления и гражданским обществом в регионах с различным уровнем модернизации относительно приоритетов развития. Предметом выступают некоторые тренды социокультурной модернизации, которые нужно учитывать при принятии текущих и стратегических решений.

Эмпирическая база исследования включает в себя результаты массового опроса граждан и экспертного опроса руководителей и специалистов организаций, представляющих различные сферы занятости индивидов и жизнедеятельности общества (государственное и муниципальное управление, образование, наука, промышленность, торговля, строительство). Представим некоторые результаты массового опроса (N=490).

Анализ материалов позволил выявить проблемные сферы жизнедеятельности региона, по оценкам респондентов:

- состояние дорог;
- коррупция органов власти;
- возможность улучшения жилищных условий.

Неудовлетворительное состояние дорог – серьезная многоаспектная проблема. Она может означать несвоевременное и/или некачественное проведение ремонтных работ (запущенность; использование дешевых материалов, быстро приходящих в негодность); отсутствие должного ухода за дорожным покрытием (помывки; оперативных снегоуборочных работ; использования коммунальными службами качественных противогололедных реагентов); сильная загруженность дорог. Все это может служить фактором аварийности, поломки и быстрого износа автотранспорта. Зачастую в силу ограниченности средств местных бюджетов (ремонт дорог местного значения, как известно, осуществляется за счет средств местных бюджетов), реализация крупных инфраструктурных проектов становится возможной только при поддержке федерального бюджета. Подобные целевые межбюджетные трансферты имеют место быть, например, при подготовке к крупным имиджевым и спортивным мероприятиям (юбилеи городов, особенно административных центров субъектов РФ, например, Тысячелетие Казани в 2005 г., Тысячелетие Ярославля в 2010 г.; Универсиада в Казани в 2013 г., Олимпийские игры в Сочи в 2014 г.). В 2017 г. проводятся масштабные работы по улучшению городской

инфраструктуры в Нижнем Новгороде и некоторых других городов Нижегородской области (в частности, в г. Дзержинске, г. Бор) в рамках подготовки к Чемпионату мира по футболу 2018 г. Важнейшим сегментом преобразовательных и реконструкционных мероприятий является ремонт дорог.

Коррупция органов власти. Несмотря на то, что государство декларирует борьбу с коррупцией, законодательно закрепив меры предупреждения и ликвидации ее последствий, проблема не теряет своей актуальности. О борьбе с данной проблемой свидетельствует волна громких, резонансных случаев задержания и ареста высокопоставленных чиновников. Коррупция, безусловно, является трудноразрешимой проблемой. На наш взгляд, необходимо усилить меры профилактики и контроля за исполнением ФЗ от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (тщательный отбор кандидатов на замещение вакантных должностей государственной и муниципальной службы; устранение формального подхода к проверке сведений, предоставляемых чиновниками).

Возможность улучшения жилищных условий. Нам представляется, что особенно актуальной данная проблема является для молодых семей, желающих жить отдельно от родителей (ограниченность ипотечного кредитования из-за низких доходов начинающих специалистов и сложных процедурных условий предоставления и выплаты соответствующего кредита), а также для собственников жилья аварийного жилищного фонда (запущенность жилья, не подлежащего ремонту; большие очереди на расселение).

В первом случае для частичного или полного решения проблемы жителям Нижегородской области необходимо обратить внимание на действующие в регионе жилищные программы:

1. Программа «Молодая семья» (подпрограмма федеральной целевой программы «Жилище») (2016–2020 гг.), в ходе которой молодой семье, признанной нуждающейся в жилье, может быть предоставлена социальная выплата (не менее 30% от расчетной стоимости приобретаемого жилья) для оплаты договора купли-продажи жилого помещения; оплаты цены договора строительного подряда на строительство индивидуального жилья; уплаты первоначального взноса при получении ипотечного жилищного кредита (займа); оплаты договора на приобретение жилья эконом класса на первичном рынке жилья; погашения основной суммы долга и уплаты % по ипотечным жилищным кредитам, полученным до 1 января 2011 г.; погашение последнего паевого взноса семьям-членам жилищного или жилищно-строительного кооператива [4]. Затруднения: признание семьи, нуждающейся в жилье; большие очереди.

2. Программа «Жилье для российской семьи» (2014–2017 гг.) в рамках государственной программы «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан РФ», участники которой получают возможность приобрести жилье эконом класса в построенном/строящемся многоквартирном доме по фиксированной цене (35 тыс. руб. за 1 кв.м. или 80% от рыночной стоимости) или на условиях социального ипотечного кредитования [3]. Затруднения: в Программе участвуют всего 5 компаний-застройщиков; большие очереди.

Во втором случае следует отметить, что ответственность за содержание и ремонт многоквартирных домов лежит, в первую очередь, на собственниках жилых помещений. Ключевыми проблемами для граждан являются незнание ими норм жилищного законодательства и пассивное участие во взаимодействии с домоуправляющими компаниями. Возможные варианты профилактики, своевременного предотвращения или даже решения такого рода проблем очевидны и, по сути, предполагают более внимательное отношение не только к своим потребностям и правам, но и обязанностям. Достаточно эффективной практикой управления помещениями многоквартирных домов и прилегающих к ним земель является создание ТСЖ (товарищество собственников жилья).

Надо сказать, что выделенные респондентами проблемные области в функционировании и развитии системы управления Нижегородского региона в целом совпадают с оценками внутренних проблем страны, включая проблемы коррупции, ЖКХ,

безработицы, разрыва между богатыми и бедными слоями населения, тенденции снижения заработной платы и социальных трансфертов на фоне увеличения цен на товары и услуги.

Очевидно, наличие серьезных проблем повлияло на то, что лишь 21% жителей Нижегородской области испытывают радость от того, что живут в этом регионе, 57,3% в целом удовлетворены, хотя их не все устраивает. При этом 59,6% граждан считают, что существующие проблемы не будут решены. Подобный пессимистический прогноз в условиях экономического кризиса не вызывает удивления, однако исследования показывают, что Нижегородская область обладает высоким модернизационным потенциалом [2]. Выделим несколько положительных наблюдений, определяющих факторы и перспективы развития региона.

Во-первых, проведение имиджевых мероприятий, как правило, означающих привлечение дополнительных средств из федерального бюджета для строительства крупных спортивных объектов и объектов благоустройства городов; туристов; инвесторов и спонсоров. Помимо проведения на территории Нижегородской области матчей в рамках Чемпиона мира по футболу в 2018 г., ожидается празднование юбилея Нижнего Новгорода в 2021 г.

Во-вторых, наблюдается тенденция омоложения руководящих кадров в системе государственного и муниципального управления, что в какой-то степени может служить фактором креативного, инновационного менеджмента.

В-третьих, актуализация деятельности субъектов гражданского общества как ресурса социального развития региона. Например, на территории Нижегородской области активно развиваются отцовское родительское сообщество [7], объединения семей с детьми с ограниченными возможностями здоровья [5] и др.

В-четвертых, развитие государственно-частного партнерства, корпоративной и социальной ответственности бизнеса, при которых бизнес-структуры, частные предприятия становятся активными субъектами социальной политики [см., напр., 1].

Выявление приоритетных проблем является серьезным шагом на пути к позитивным преобразованиям и определению их ресурсной базы в регионах. При этом важно, чтобы граждане обладали субъектностью для самоконтроля, понимания своих прав, обязанностей и ответственности, четкого определения и предъявления своих потребностей, терапевтических запросов, отстаивания своих позиций, наращивания собственного потенциала и потенциала своих семей. Именно субъект-субъектный подход в реализации внутренней политики на всех ее этапах отличает современные инновационные социальные технологии как эффективный инструмент улучшения благосостояния и социального самочувствия граждан [6].

Список литературы

1. «Благоустройство набережной Федоровского – отличный пример взаимодействия города и социально ответственного бизнеса» [Электронный ресурс]: Сайт газеты «Комсомольская правда» (Нижний Новгород). URL: https://www.nnov.kp.ru/daily/26731/3762048/ (Дата обращения: 23.09.2017).

2. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / [л.А. Беляева и др.]; сост. и отв. ред. Н.И. Лапин. М.: Весь Мир, 2016. 360 с.

3. Постановление Правительства РФ от 05.05.2014 г. № 404 «О некоторых вопросах реализации программы «Жилье для российской семьи» в рамках государственной программы РФ «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан РФ» [Электронный ресурс]: Гарант: [веб-сайт]. URL: http://base.garant.ru/70649858/ (Дата обращения: 22.09.2017).

4. Программа «Молодая семья» 2017 – актуальная информация [Электронный ресурс]: Руководство по участию в программе «Молодая семья»: [веб-сайт]. URL: http://molodaja-semja.ru/ (Дата обращения: 23.09.2017).

5. Сайт Нижегородской региональной общественной организации поддержки детей и молодежи «Верас»/ URL: http://veras-nn.ru/ (Дата обращения: 20.09.2017).

6. Саралиева З.Х. Инновационные социальные макро-, мезо- и микротехнологии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. №3-3. С. 229–234.

7. Янак А.Л., Кормщиков Д.А. Перспективы развития социальных программ в отношении отцов // Помогающие профессии: научное обоснование и инновационные технологии / Под общ. ред. проф. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2016. С. 214–216.

Т.С. Смирнова

РОЛЬ ИНСТИТУТА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. *В статье приводятся результаты поискового (разведывательного) социологического исследования, анализируется заинтересованность студентов регионов России в получении высшего профессионального образования. Автор делает вывод о том, что, студенты рассматривают высшее образование как возможность повысить свой социальный статус.*

Ключевые слова: *исследование, студенты регионов России, высшее образование, социальный статус.*

T.S. Smirnova

THE ROLE OF THE HIGHER EDUCATION IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

Abstract. *The article presents the results of a sociological study, analyzes the interest of students of Russian regions in obtaining higher professional education. The author concludes, that students consider higher education as an opportunity to improve their social status.*

Keywords*: research, students of Russian regions, university degree, social status.*

Достижения науки и образования являются основополагающими факторами социально-экономического развития общества.

В России министерство народного просвещения было учреждено 8 сентября 1802 г. манифестом императора Александра I. В первой половине XVIII века законодательство о народном просвещение основывалось на двух главных принципах:

- «государство особенно нуждается в профессиональном образовании; общее образование, с точки зрения государственных интересов, отодвигается на второй план;»
- «профессиональное образование должно быть сословным, иначе каждое сословие должно получить образование, соответствующее его положению и обязанностям» [2, с. 2].

Среднее, а тем более высшее образование для народа Александр III считал излишним, он полагал даже ужасным, что мужик «тоже лезет в гимназию». Он одобрил выпущенный от имени министра народного просвещения И.Д. Делянова циркуляр от 18(30) июня 1887 г. (получил известность как «циркуляр о кухаркиных детях»), ограничивший прием детей из «недостаточных классов населения» в средние учебные заведения.

Система народного образования в СССР давала возможность детям из бедных семей получить бесплатное образование и открывала возможность занимать высокие экономические, политические, профессиональные позиции в структуре общества.

В Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ст.2) даны определения таких понятий, как образование и профессиональное образование:

– «образование — единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов»;

– «профессиональное образование—вид образования, который направлен на приобретение обучающимися в процессе освоения основных профессиональных образовательных программ знаний, умений, навыков и формирование компетенции определенных уровня и объема, позволяющих вести профессиональную деятельность в определенной сфере и (или) выполнять работу по конкретным профессии или специальности».

– «Функции социальной циркуляции выполняют различные институты. И среди них есть каналы, представляющие для нас особый интерес. Из их числа, которые существуют как в различных, так и в одном и том же обществе, но в разные периоды его развития, всегда есть несколько каналов, наиболее характерных для данного общества. Важнейшими из ряда этих социальных институтов являются: армия, церковь, школа, политические, экономические и профессиональные организации. Институты образования и воспитания, какую бы конкретную форму они ни обретали, во все века были средствами вертикальной социальной циркуляции» [4, с. 392].

По определению П. Сорокина, «под социальной мобильностью понимается любой переход индивида или социального объекта (ценности), то есть всего того, что создано или модифицировано человеческой деятельностью, из одной социальной позиции в другую» [4]. «Под вертикальной социальной мобильностью подразумеваются те отношения, которые возникают при перемещении индивида или социального объекта из одного социального пласта в другой» [4].

«Именно на систему образования возлагаются на сегодня массовые ожидания молодежи как основной механизм накопления человеческого капитала, который в свою очередь служит важным средством социального восхождения» [6, с. 24]. Хотя на сегодня высказывается аргументированное мнение о ненадежности российского образования в качестве социального лифта. «Высшее образование выступает следующим по значимости социальным лифтом в ряде западных стран. Но состояние российской системы образования таково, что качественное конкурентное высшее образование пока только для богатых и обеспеченных людей. Введение ЕГЭ декларировало уравнение стартовых возможностей абитуриентов, а в реальности у них разный базис знаний, который скрыт за тестами единого экзамена. Поэтому российское образование – лифт весьма ненадежный» [3].

Цель данной статьи заключается в следующем: на основе поискового (разведывательного) социологического исследования методом стихийной выборки или методом «случайного прохожего» выяснить в какой степени, по мнению студентов, высшее профессиональное образование в современной России является средством вертикальной восходящей социальной мобильности и определить зависимость данного мнения от уровня дохода семьи. Автором была сформулирована предварительная гипотеза исследования: студенты самостоятельно принимают решение о получении высшего профессионального образования и главной целью этого решения для семей с низким и средним доходом является улучшение своего социального положения.

Объектом исследования являются студенты 1, 2 курсов НИУ МАИ—Московского авиационного института, обучающихся по следующим направлениям: «Металловедение и технологии материалов», «Инженерная физика», «Биотехнические системы и технологии», «Информационные системы и технологии», «Информатика и вычислительная техника». Для достижения поставленной цели была разработана анкета. Всего, в рамках проведения

занятий по социологии, было опрошено 110 студентов, из них 60% юноши и 40% девушки, возраст которых составляет 18–22 года. Качественной разницы между ответами представителей полов не прослеживается. В качестве важнейшего показателя, влияющего на ответы, является материальный уровень семьи студента, а именно ежемесячный доход на одного члена семьи. Данные по финансовому положению семьи студентов представлены в таблице 1.

Таблица 1

Материальный доход, % к количеству опрошенных

Доход семьи (руб.)	**Доля**
До 20000	59,3
От 21 000 – 30 000	16,7
От 31 000 – 40 000	11,8
От 41 000 – 50 000	4,9
От 51 000 – 60 000	4,9
От 61 000 и выше	2,4

По данным Росстата среднедушевые денежные доходы в июне 2017 г. в Москве составили 62 689 руб.; в Московской области − 39 772,2 руб.; в Ярославской области − 28 277,8 руб. На основе приведенных выше данных можно предположить, что более половины студентов − из семей с низким уровнем дохода.

Распределение студентов по территориальному признаку показало, что 80% респондентов проживают в регионах России, в частности: Брянская обл., Краснодарский край, Тверская обл., Тульская обл., Московская обл., Ярославская обл.

Как показали результаты исследования, количество студентов, принявших самостоятельное решение о получении высшего профессионального образования, составило 83,3% и 6,7% − под влиянием семьи, остальные 10% указали другие причины: вместе с одноклассниками, экспромтом, стечение обстоятельств и т.д.

Распределение ответов респондентов на вопрос о цели получения образования показывает, что незначительное большинство студентов (40,5%) ставят перед собой цель повышение своего социального положения, 35,8% считают необходимым получение диплома об образовании, 19% указали личностно-профессиональный рост, оставшиеся 4,7% ответили «другое».

На вопрос «Помогает ли наличие высшего образования найти более престижную работу?», 70% респондентов ответили утвердительно, 30% − отрицательно, и не смогли высказать своего мнения 23%.

Согласно результатам исследования, большинство студентов, а именно 74%, считают, что наличие высшего образования способствует карьерному росту, 3,3% не согласны с этим утверждением, и 23,3% не смогли дать ответ. Более половины студентов − 57%, считают, что высшее образование предоставляет возможность повысить свой социальный статус, 53% − высшее образование является необходимостью, 27% − престижем. В процессе опроса было выявлено, что 47% студентов согласны с тем, что «Высшее образование позволяет занимать более престижные должности», при этом 33% не согласны, и 20% затрудняются ответить. С утверждением «Высшее образование позволяет занимать более высокооплачиваемые должности» согласились 60% студентов, 13% не согласны и 27% затруднились ответить.

В процессе исследования были выявлены главные критерии выбора ВУЗа: наличие бюджетных мест, рейтинг вуза, удаленность от места жительства, возможность обучаться в Москве.

Выводы. Значительная часть студентов приняли самостоятельное решение о получении высшего профессионального образования, считают, что оно позволяет занимать более престижные должности, способствует карьерному росту, помогает найти более престижную работу, предоставляет возможность повысить свой социальный статус. С

учетом того, что исследование проводилось среди студентов, обучающихся на бюджетных местах и из семей с невысокими доходами, то можно предположить, что для данной категории студентов высшее профессиональное образование является социальным лифтом.

Список литературы

1. «Об образовании в Российской Федерации». Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 29.07.2017) [Электронный ресурс]: КонсультантПлюс: [веб-сайт]. URL: http://www.consultant.ru/ (Дата обращения: 20.08.2017).

2. Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения 1802–1902. Государственная типография. СПб., 1902. 840 с.

3. Романова К.С. Социальные лифты как средство социальной мобильности. Журнал Дискурс-Пи. 2015. № 2. Т. 12. С. 30–34.

4. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов; пер. с англ. М.:·Политиздат, 1992. 543 с.

5. Чередниченко Г.А. Образовательные и профессиональные траектории российской молодежи (на материалах социологических исследований) М.: ЦСП и М, 2014. 560 с.

И.П. Яковлева

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ НАСЕЛЕНИЯ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНА

***Аннотация**. В статье на основе статистических данных и результатов социологического исследования изучены отдельные аспекты социального самочувствия населения Краснодарского края в условиях достигнутого регионом уровня модернизации. Выделены проблемы, с которыми сталкиваются жители региона.*

***Ключевые слова**: модернизация, социальное самочувствие, Краснодарский край.*

I.P. Yakovleva

SOCIAL WELLBEING OF THE POPULATION OF KRASNODAR TERRITORY IN THE CONDITIONS OF MODERNIZATION OF THE REGION

***Abstract.** In the article on the basis of statistical data and results of sociological research separate aspects of social well-being of the population of Krasnodar territory are studied in the conditions of the level of modernization attained by a region. Problems the habitants of region run into that are distinguished.*

***Keywords:** modernization, social well-being, Krasnodar territory.*

Как неоднократно отмечалось в научной литературе, переход к новому типу общества в России в целом невозможен без модернизации ее регионов [5, с. 110]. Исследования, проводимые в стране в последние десятилетия, наглядно демонстрируют неравномерность развития субъектов РФ. То, что субъекты федерации находятся на разных уровнях и стадиях модернизации, служит дополнительным фактором, затрудняющим управление социально-экономическим развитием не только отдельными территориями, но и прежде всего страной.

Согласно данным Центра изучения социокультурных изменений ИФ РАН, на 2012 год уровень первичной модернизации Краснодарского края характеризовался как высокий и соответствовал фазе зрелости [3, с. 22]. Статистические исследования свидетельствуют, что за прошедшие годы ряд экономических показателей, используемых при расчетах, вырос. Так, например, валовый региональный продукт увеличился с 1 459 491 млн руб. в 2012 г. до

1 946 760 млн руб. в 2015 г. В расчете на душу населения это составляет 274 996 и 355 017 млн руб. соответственно [7].

Эти результаты обеспечивались во многом за счет привлечения в край инвестиций, в том числе и благодаря проведению здесь ряда массовых спортивных мероприятий (Олимпиада и Паралимпиада Сочи 2014, одного из этапов гонок Формула-1 и т.п.). В 2015 г. Краснодарский край занял пятое место среди субъектов РФ по привлечению инвестиций: в экономику Кубани было привлечено 579,9 млрд руб. (обогнали край Москва, Московская и Тюменская области, а также Республика Татарстан). Основной объем инвестиций был направлен на строительство зданий и сооружений – 126,1 млрд руб. (49,4% от их объема), на приобретение машин, оборудования и транспортных средств – 75,4 млрд руб. (29,5%), на жилищное строительство – 39,9 млрд руб. (15,6%). Прочие инвестиционные вложения составили 13,9 млрд руб. (5,5%) [2].

Растет и показатель ожидаемой продолжительности жизни населения региона: с 71,74 лет в 2012 г. [8, с. 69] до 73,3 в 2017 г. [6].

Значительно сложнее в крае дело обстоит с вторичной модернизацией, уровень которой в том же аналитическом докладе характеризуется как средний, а стадия – подготовки. В регионе традиционно доля городского населения во всем населении ниже, чем по стране в целом: горожане составляют 54,9% жителей края [8, с. 41]. Доля добавленной стоимости в материальной сфере к валовому региональному продукту Краснодарского края в 2015 г. составлял 43,4% [8, с. 41].

За период с 2012 по 2015 г. уменьшилось количество студентов, обучающихся по программам подготовки квалифицированных рабочих и служащих, на 4,7 тыс. чел., студентов вузов – на 33,9 тыс. чел. [8, с. 356, 402–403]. В крае, как и в целом по стране, наблюдается сокращение числа высших учебных заведений (с 33 в 2011/2012 учебном году до 26 в 2015/2016) [8, с. 41].

Вместе с тем, специалисты отмечают ряд конкурентных преимуществ социально-экономической сферы как Южного федерального округа, так и непосредственно Краснодарского края [1, с. 184–185], которые могут стать основой для дальнейшей модернизации региона и способствовать реализации отмеченной Н.И. Лапиным важнейшей внутренней целевой функции – стабильному повышению уровня и качества жизни [4, с. 4].

Субъективным показателем уровня и качества жизни населения региона, изучаемым социологией, является социальное самочувствие. Под ним понимается одна из форм проявления общественного сознания, выступающая в качестве обобщенной эмоционально-оценочной реакции людей на содержание и условия их жизнедеятельности, а также происходящие в обществе изменения. Категория социального самочувствия отражает отношение к взаимосвязи между уровнем притязаний, зависящего от жизненной стратегии, и степенью удовлетворения смысложизненных потребностей (т.е. удовлетворению реализацией жизненных стратегий) [9, с. 224–225].

С целью анализа социального самочувствия населения Краснодарского края было проведено социологическое исследование. В опросе приняли участи 872 человека. Из них 48,6% мужчин, 51,4% – женщин. 30,3% респондентов проживает в краевом центре, 28% – в других городах края, 41,7% – в станицах, поселках, хуторах и т.п.

Опрос показал, что чуть больше половины респондентов оценивают изменения, произошедшие в их жизни как позитивные: 19% заявили о значительных и еще 32,6% – о незначительных улучшениях. Об ухудшении их положения заявила четверть опрошенных (для 19% жизнь стала немного и для 6,2% значительно хуже). Отсутствие каких-либо изменений отметили 14,9% жителей края. Следует отметить, что на оценку изменений максимальное влияние оказал возрастной фактор. Позитивно оценили произошедшее 62,6% респондентов в возрасте от 18 до 30 лет, 32,8% – от 31 до 45 лет, 32,4% – от 46 до 60 лет и 13,4% – старше 61 года. Также можно отметить чуть более позитивный взгляд на

произошедшее у жителей г. Краснодара (57,6%) по сравнению с жителями других населенных пунктов (51,6% у населения других городов края, 47,2% – у сельских жителей.

Более половины опрошенных (53,9%) отмечают свою незащищенность от экономических кризисов, происходящих в современном российском обществе. 38,8% охарактеризовали степень своей защищенности как низкую, 15,1% – очень низкую, 31,2% – среднюю, 5% – высокую, 2,5% – очень высокую. 7,3% затруднились ответить на вопрос.

Об уровне социального оптимизма жителей региона можно судить по распределению ответов на вопросы: «Как, на Ваш взгляд, Россия будет развиваться в ближайшие годы?» и «Как, на Ваш взгляд, изменится в ближайшие годы социально-экономическое состояние населенного пункта, в котором Вы проживаете (города, поселка, станицы и т.д.)?». Половина опрошенных продемонстрировала высокий уровень уверенности в судьбе страны. На поступательное развитие страны надеются 18,3% респондентов, 29,8% предполагают, что ситуация в России стабилизируется. Застой в различных сферах жизнедеятельности прогнозируют 16,7% респондентов. Еще более пессимистично настроены 22% жителей края, считающих, что в ближайшие годы в стране будет кризис. Не смогли ответить на вопрос 13,1% респондентов. Перекрестный анализ показал, что больший уровень пессимизма в оценке перспектив для страны характерен для старшей возрастной группы (полные данные представлены в таблице 1).

Таблица 1

Мнение жителей Краснодарского края о перспективах развития России в ближайшие годы в зависимости от возраста, %

Варинаты ответов	Возраст, лет			
	18–30	31–45	46–60	61 год и старше
Будет поступательное развитие	21	11,9	17,6	13,3
Россия стабилизируется	29,7	32,7	29,4	13,3
Россия будет пребывать в застое	14,3	21,8	20,6	20
Будет кризис	21,7	20,8	20,6	40
Затрудняюсь ответить	13,3	12,9	11,8	13,4

Более пессимистично население Кубани смотрит на перспективы развития населенного пункта, в котором они проживают. Более трети (35,1%) опрошенных полагают, что ничего не изменится, 12,2% – что социально-экономическое состояние незначительно ухудшится, 4,8% – ухудшится значительно. Надеются на значительные улучшения 7,6% респондентов, на небольшие улучшения – 30,3%. Необходимо отметить, что больший оптимизм демонстрируют жители краевого центра (на большие или меньшие улучшения надеются 44,7%) и других городов края (43,4%), чем сельские жители (34,4%).

Среди наиболее острых проблем, которые беспокоят население региона, надо назвать высокий уровень цен (52,2%), безработицу (51,7%), низкое качество дорог (51%), низкий уровень дохода (44,8%), низкий уровень медицинского обслуживания (41,4%). Меньше всего респондентов беспокоят терроризм (9,4%), преступность (5,7%), реализация демократических прав и свобод (2,8%). Актуальные проблемы, беспокоящие опрошенных, во многом зависят от места их проживания. Для жителей краевого центра в тройку важнейших проблем входят высокий уровень цен (58%), низкий уровень дохода (45%), низкое качество дорог (43,5%). Население городов края прежде всего заботят высокий уровень цен (57,4%), безработица (54,9%), низкое качество дорог (54,1%). Для сельских жителей актуальны низкий уровень медицинского обслуживания (55,5%), безработица (54,9%), низкое качество дорог (54,4%).

Таким образом, несмотря на достаточно высокий уровень инвестиционной привлекательности, хорошего природно-ресурсного потенциала и другие конкурентные

преимущества, в процессе модернизации Краснодарского края наблюдаются определенные проблемы. Это сказывается на социальном самочувствии жителей региона, которые с умеренным оптимизмом смотрят на перспективы развития как страны, так и своего населенного пункта, ощущают свою незащищенность перед возможными экономическими катаклизмами и среди актуальных местных проблем видят прежде всего проблемы социально-экономического размытия.

Список литературы

1. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / [Л.А. Беляева и др.]; сост. и отв. ред. Н.И. Лапин. М.: Весь мир, 2016. 360 с.

2. Инвестиции в экономику Кубани за 9 месяцев 2016 г. снизились на 23,9% [Электронный ресурс]: РБК+: [веб-сайт]. URL: http://kuban.rbcplus.ru/news/5832c8387a8aa904496e20aa (Дата обращения: 16.05.2017).

3. Анализ процессов углубления социокультурной модернизации России. Аналитический доклад по результатам плановой темы (2012–2016 гг.). [Электронный ресурс]: Сайт Института философии Российской Академии наук. URL: https://iphras.ru/uplfile/scult/analit/analiticheskiy_doklad_2016.pdf (Дата обращения: 16.05.2017).

4. Лапин Н.И. Измерение модернизации российских регионов и социокультурные факторы ее стратегии // Социологические исследования. 2012. № 9. С. 4–24.

5. Ласточкина М.А. Оценка уровня социокультурной модернизации региона // Проблемы экономики и менеджмента. 2012. № 1(5). С. 109–114.

6. Общие коэффициенты естественного движения населения [Электронный ресурс]: Официальный сайт управления федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея. URL: http://krsdstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krsdstat/resources/c46d6d004144214db923bda3e1dde74c (Дата обращения: 16.05.2017).

7. Производство валового регионального продукта [Электронный ресурс]: Официальный сайт управления федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и республике Адыгея. URL: http://krsdstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krsdstat/resources/c2bae080404f647a87e1efc7692f4691 (Дата обращения: 16.05.2017).

8. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: Стат. сб. / Росстат. М.: Росстат, 2016. 1326 с.

9. Щербакова В.П. Социальное самочувствие молодежи – интегральный показатель ее адаптации к общественным переменам в России // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2011. Вып. 3. С. 221–232.

O.A Gorodetskaya

CIVIL EXAMINATION OF THE MANAGEMENT SYSTEM IN OMSK REGION

Abstract. *This article presents the main results of sociological study that focuses on evaluation of management system, main social problems, and social climate in Omsk region. It describes the most relevant issues of standards of living and quality of work of the management system that based on the success of solving internal problems in the region.*

Keywords: *civil examination, management system, standards of living, social problems.*

О.А. Городецкая

ГРАЖДАНСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ В ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. *Эта статья представляет собой основные результаты социологического исследования, которое фокусируется на оценке системы управления, основных социальных проблем и социального климата в Омской области. В ней описываются конкретные проблемы уровня жизни и качества работы системы управления, которые оснорваны на успешном решении внутренних проблем региона.*

Ключевые слова: *гражданская экспертиза, система управления, уровень жизни, социальные проблемы.*

1. Introduction

This study was realized in 2016 nd was supported by Russian scientific foundation according to the topic № 15-18-30077 «Civil examination of problem of reforming of the vertical of management in the context of processes of social and cultural modernization of regions: from the monitoring of conditions to the predictive design»

The scientific problem is to detect the ability of management system to control the level of social tensity in the regions that appears due to the need to solve the problems of external and internal policy in the concrete historical situation and to affect constructively on the processes of modernization. In these conditions the task of control of adverse development becomes very important as far as reliable sociological data about present social attitudes regarding existing social problems in the region.

The object of study is contradiction between management system and civil society in the regions that have diverse level of modernization about the priority of development.

The subject of study is some trends that take place in the regions which have different level of social and cultural modernization, and that should be taking into account for current and strategic decision-making.

According to the typology of present study Omsk region has the third level of social and cultural modernization that suggests some particular trends. In order to describe them there was conducted social survey which included 490 respondents.

2. Living conditions and social relations in Omsk region

The table 1 below presents social evaluation of the main parameters of living conditions in Omsk region.

As table 1 shows the biggest problem of Omsk region according to opinion of inhabitants is road condition. Indeed, 61.1% of respondents evaluate this parameter of as «very bad». The evaluation of road condition includes not only the state of main motorways for motor transport, but also suggests the conditions of pavements which are in the area of responsibility of local authorities. Both these problems are constantly in the zone of attention of residents and local mass media due to their deplorable condition. However, it should be noted that the survey was conducted in May 2016 shortly before press conference with President V.V. Putin when this issue of «bad roads in Omsk city» was openly discussed at the initiative of one of Omsk residents. Immediately after this press conference, local services began major road repairs. Thus nowadays the conditions of Omsk roads (at least motorways) are much better.

The second big problem as we can see from the table is linked to the state of Omsk labor market. According to the data 18.4% of respondent evaluate this parameter as «very bad» and 35.3% - as «quite bad» that means more than half of residents face with difficulties of finding a job or at least they are worried about it. The condition of labor market is one of the main reasons of the outflow of population from the region especially among youth. Taking into account the difficulties with improvement of living conditions and unclearness of city development strategy for the next 10-15 years we get a strong argument for changing places of residence to a more favorable region (such as Novosibirsk, Moscow, etc.). In fact, 54.3% of respondents evaluate the possibility to

improve their living condition as «very bad» or «quite bad». In addition, 51.9% of respondents give the same evaluation to the city development strategy for the next 10-15 years. Considering the high quality of local professional education (30.4% of respondents estimated this parameter as «good») and low quality of living (that was discussed above) Omsk region step by step becomes a good provider of qualified staff for other more developed regions.

Table 1

How do matters stand in your region?
(Percent in row, N =

	Very bad	Quite bad	Satisfy ingly	Good	Excellent	System missings
Possibility to find a job	18.4	35.3	37.3	6.9	0.8	1.2
Possibility to improve your living conditions	21.6	32.7	36.1	6.7	0.4	2.4
Conditions of housing and utilities	19.4	32.2	37.8	6.5	0.8	3.3
Convenience of trade and quality of goods	6.5	12.7	43.1	29.6	4.3	3.9
Workload of local enterprises	12.9	19.2	35.3	12	1.6	19
Timely payment of salaries, pensions and other benefits	5.9	12.2	30	37.6	11.2	3.1
Public transport	10.4	17.8	36.3	25.9	5.7	3.9
Road conditions	63.1	26.1	8	1.6	1	0.2
Work of hospitals and polyclinics	16.1	27.3	42	11.6	2	0.8
Work of cultural institutions	4.9	10.4	28.4	41	6.7	8.6
Work of law enforcement agencies	8.8	14.3	42	22.7	1.8	10.4
Prevention of alcoholism, hooliganism, and drug addiction	17.3	25.5	36.9	8.8	1	10.4
Organization of mass recreation of population	10.6	15.3	35.5	28.2	2.9	7.6
Protection of Nature	16.7	25.5	34.7	13.9	0.2	9
Work of preschool institutions	7.6	11.4	30.2	32.4	4.1	14.3
Organization and quality of secondary education	7.3	15.7	37.1	23.9	3.1	12.9
Professional high education and training	8	10.8	30.8	30.4	3.1	16.9
Corruption in government	23.1	23.7	19.4	5.1	3.9	24.9
Support of small and medium business	9.6	18.6	31.4	10.4	0.4	29.6
Attitude towards migrants	5.3	13.3	30.4	25.5	6.3	19.2
Respect for people of your nationality	3.5	3.5	19.4	46.5	18.6	8.6
Respect for people of your religion	2.2	5.1	15.5	46.5	17.1	13.5
Protection of monuments of culture and history	4.7	11.2	30	33.9	6.1	14.1
Attitude towards people with different political views	4.3	10	32	28.4	2.7	22.7
Protection of human rights and freedoms from arbitrariness of officials	14.9	27.8	29.2	8	0.4	19.8
Quality of public services	9.8	19.6	32.4	15.5	1.8	20.8
Accessibility of electronic information about government work	8	12.9	29.6	20.4	3.7	25.5
City development strategy for the next 10-15 years	22.9	29	27.3	6.1	1.2	13.5

490)

Besides this 23.1% of respondents together with 23.7% of respondents declare about very bad and bad state with corruption in government that becomes an insurmountable obstacle on the way to positive changing the social situation in the region.

3. Success of solving social problem in the region and the country

This subsection presents the opinions of respondents about the ability of local and federal authorities to solve the key social problems in the regions and the country.

The table 2 shows the most relevant social problems that require attention of local and federal authorities. As we can see the biggest problem (according to opinions of the respondents) is justice and gap between standards of living of poor and rich. The majority of population (75.1%) declares that the authorities cannot fix this problem and its condition is still estimated as «very bad» and «quite bad».

Table 2

- Assessment of success of solving internal problems
(Percent in row, N = 490)

Assessment of success of solving internal problems	Very bad	Quite bad	Satisfy ngly	Good	Excellent	System missings
Unemployment	21	40.6	26.9	7.6	0.6	3.3
Justice and gap between standards of living of poor and rich	33.9	41.2	17.8	2	0.2	4.9
Granting rights to regions to use their resources	19	36.9	27.8	7.3	0.4	8.6
Prevention outflow of population from regions	20.8	34.5	25.1	4.9	0.8	13.9
Tariffs of housing and communal services, availability and repair of housing	34.7	41	17.8	1.8	0.6	4.1
Trends in reduction of salaries, pensions, and in rising prices	33.1	39	17.3	4.9	1.4	4.3
Policy in education and upbringing of youth	13.5	29.6	35.3	13.9	0.4	7.3
Providing of population with high-quality food	13.5	21.8	39.4	20	1.8	3.5
Security, threat of terrorism, work of law enforcement agencies	6.3	14.1	37.3	27.6	4.9	9.8
Fighting corruption in government	27.1	29	24.3	4.3	1.2	14.1
Modernization of national economy and promotion of innovation	14.3	23.1	31.6	9.4	1	20.6
Strengthening of armed forces and defense capabilities of country	5.5	7.8	18	38	18.2	12.7
Development of democracy, honesty and transparency of elections	19.8	17.8	33.1	13.1	2	14.3
Increase the role of local government in the life of regions	13.9	22.7	34.3	9.2	1	19
Development of interregional and international relations of the subjects of federation	10.4	11	28.8	15.1	1.4	33.3

The second one is linked to the economic conditions of living, particularly with «tariffs of housing and communal services, availability and repair of housing» and «trends in reduction of salaries, pensions, and in rising prices». And again the biggest part of population testifies to uncontrolled increase of their well-being due to very bad and bed conditions of these parameters.

The third problem was already mentioned before connects with unemployment and outflow of population from the region. 61.6% of population guesses that authorities are not able to solve the problem of unemployment (the condition of these parameters is estimated as «very bad» and «quite bad»). Besides this 41% of respondents are worried about policy in education and upbringing of youth and evaluate the work of authorities in this field also as «very bad» and «quite bad».

Thus these data are consistent with information from previous subsection and confirms existence of some key problematic issues in Omsk region and in the same time inability of the authorities to change situation in the positive side.

4. Concern about management system defects in the region

The table below presents the data about management system defects in the region and concern of population about these points. These data show that population in general does not satisfied with work of system of management mainly because the last one focuses on the appearance, semblance or simulation of the work than on the real work. 36.3% of population is sure that managers orientate on the preservation of power, not on the real result. 35.9% of population very high concerns that management system «focuses on reporting, not on business». 35.1% of residents declare about «mismatch of words, promises and actions of managers». Moreover, (in addition to useless of authorities for solving social problems in the region) 31.6% of respondents show very high concern about usage of the organization's recourses for the personal purposes. All these opinions testify to the unhealthy situation in the management system that is the strong obstacle to the normal and effective social and cultural development of Omsk region.

Table 3

Concern about management system defects in the region.
(Percent in row, N = 490)

	Not at all concerned about	Low concern	Average concern	High concern	Very hign concern	System missings
Presence of unnecessary controls	4.5	7.6	20.2	25.7	24.7	17.3
Lack of priority of strategic objectives in management practice	4.5	7.1	21.8	29.2	18.8	18.6
Ignoring the bottom-initiative	3.3	7.6	23.1	23.3	23.5	19.4
Avoiding innovative solutions	4.5	8.6	26.1	26.5	13.1	21.2
Mismatch of words, promises and actions of managers	4.1	7.1	15.7	23.5	35.1	14.5
Focus on reporting, not on business	4.5	5.5	14.9	23.9	35.9	15.3
Violation of feedback and follow-up of decisions	4.7	6.7	20	26.1	25.3	17.1
Transformation of group of managers in clique or clan	4.1	5.7	18.8	23.7	26.1	21.6
Use of the organization's recourses for the personal purposes	4.1	5.1	14.3	27.6	31.6	17.3
Enthusiasm for Western management	6.9	9.8	23.3	19.6	18.4	22
Recruitment bases on personal devotion, not business qualities	4.9	6.1	19.6	25.5	26.9	16.9
Imbalance between centralization and autonomy	4.7	7.3	26.9	22	13.7	25.3
Mismatch competence of managers and their tasks	5.7	8	23.5	26.5	18.6	17.8
Unfair remuneration of managers	10.4	8.2	19.8	20.2	24.5	16.9
Orientation of managers on the preservation of power, not on the result	4.1	4.3	12	26.5	36.3	16.7

5. Conclusions

To sum up it should be present some data about social climate in Omsk region. According to the table 4, only 23.7% of population hopes that social problem of Omsk region will be solved in the future. The majority of population (59.4%) is not so optimistic and it is sure that the problem that was mention before will not fix in the future.

Table4

Prediction of problem solving

	Frequence	Percent
I hope, yes	116	23.7
I think, no	291	59.4
It is difficult to answer	79	16.1
System missings	4	0.8
N	490	100

Nevertheless as we can see from the table below almost the half of population has positive feelings regarding its homeland. 5.5% of population feels gladness that they are living in Omsk region, 43.9% – in general satisfied with the life in Omsk, and 24.1% of population has average relation to the city.

Table5

What attitudes do you have regarding your region?

	Frequence	Percent
I feel gladness, I am living here	27	5.5
I am satisfied in general, but not with everything	215	43.9
Average relation	118	24.1
I do not like so much to live here	102	20.8
It is difficult to answer	25	5.1
System missings	3	0.6
N	490	100

Thus even in the bad social conditions the population tries to keep positive attitude regarding their place of living that can be a good base for subsequent positive social changes.

O.Yu. Posukhova, P.V. Baldovskaya

PROFESSIONAL IDENTITY OF «WHITE COLLARS» AS A FACTOR OF SOCIOCULTURAL MODERNIZATION IN RUSSIA

Abstract. *Scenarios for development of professional identity of «white collars» are studied from the position of level-based sociological analysis, i.e. at social micro-level (in a group of peer professionals) and at institutional macro-level (social and professional structure of a Russian megapolis).*
Article was written with the support of Russian Science Foundation, project No 16-18-10306
Keywords: *megapolis, professional identity, professionalism, social and professional group, «white collars».*

О.Ю. Посухова, П.В. Балдовская

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ «БЕЛЫХ ВОРОТНИЧКОВ» КАК ФАКТОР СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ

Аннотация. *С позиции социологического анализа на социальном микро- и институциональном макроуровнях исследуются сценарии развития профессиональной идентичности «белых воротничков» в российских мегаполисах.*
Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 16-18-10306
Ключевые слова: *мегаполис, профессиональная идентичность, профессионализм, социальная и профессиональная группа, «белые воротнички».*

Professional identity development of «white collars» is an important factor of sociocultural modernization. There are a number of studies by foreign scholars that analyze professional identity. They focus on the whether there is a shift in professional identity in the process of career advancement and how these changes affect the attitude towards interprofessional cooperation (Bayne-Smith et al., 2014). When speaking about professional identity forming in the higher educational establishments a description, inter alia, was suggested for conceptual basis of the factors that influence professional self-identification at college or university. A number of factors

were singled out, that, as the scholars believe, influence the professional self-awareness of college students by strengthening or weakening their professional identity (Molinero & Pereira, 2013).

The statistics of social and professional structure of the Russian society certify that megapolises have higher (than in average for Russia) share of representatives of the most qualified group («white collars» having higher education 37%), the share of «white collars» without higher education is 17%, share of highly qualified «blue collars» is 21%, people employed in sales and consumer services – 13%, entrepreneurs and self-employed – less than 1% of megapolises' population (Gorshkov & Petukhov, 2015).

The established social and professional configuration in the Russian megapolises indicates that there is an obvious trend of deindustrialization, phasing out and closing major plants, and growth of bank, insurance and mediator services and service sector. In this respect we can say that the social and professional hierarchy of the population of Russian megapolises is related not so much to quantification parameters (the share of social and professional group in grown-up population of a megapolis) but to the volume of economic, social and power capital.

When discussing this, two consequences should be noted: first, among the representatives of the most qualified group of «white collars» a sufficient portion comprises office workers, sales network representatives, and representatives of intermediary services. These social and professional layers are influenced by the competition at the labor market and by the devaluation of social capital. The activity of these social and professional layers is defined by «precarization», i.e. the dominance of routine activities, execution of superiors' instructions; and such activities do not require professional self-fulfillment, they suggest unstable social and professional position and high turnover as people tend to change profession and job.

This conclusion is supported by the fact that in a Russian megapolis social positioning of «white collars» does not suggest higher education. In other words, the educational, professional and qualification potential remains non-demanded. In this context more favorable is the situation with high-skilled «blue collars» that have preserved professional ethos and higher level of jobs stability.

Therefore, professional identity correlates with social and professional well-being and with the way the representatives of a particular social and professional group form their own self-esteem and the image of professional group which dominates public moods. In this respect we should also highlight that a situation of cognitive disagreement presents itself that is defined by the fact that «white collars» with the highest concentration in Russian megapolises are characterized by complicated way of forming professional identity because social positioning (objectivization of social capitals) is based on the income level and, therefore, restricts other forms of capitalization.

Further to the above, an important factor for forming professional identity is the self-esteem based on financial standing, however, such position encourages loss of interest in social and professional patterns, in the fact that professional identity does not become the focus of social self-esteem and is not associated with professional career prospects. The results of the research discussed above suggest that the forming of professional identity concept is stimulated by reproduction of social resourcefulness, by something that can be qualified as good wage and stable job. It is revealing that the objectivization of social position of «white collars» in Russian megapolises is noticeable at social micro-level, at the level that could be characterized as intra-corporative ethos and development of certain behavioral codes that focus on adaptation in professional environment.

Such position hinders subjectivization of social capitals as it results in individual perception of each personal situation and does not help strengthening professional attitudes and comprehension of professional interests as common for the whole social and professional group. It should be noted that the situation with professional identity of «white collars» is a paradox in its dualism: on the one hand, we witness the declaration of a strive to have an interesting job and to realize one's potential (25%), and, on the other hand, we see actualization of position leaning towards status in society (28%) (Gorshkov, 2016).

It is obvious that professional identity is not a starting point for self-esteem or self-perception of status or occupational situation. Satisfaction with various aspects of every-day life is

related to the fact that among «white collars» there is a differentiation by the criterion of positive/negative estimation of everything that is happening. It is obvious that the most concern and non-satisfaction with life situation is typical for «white collars» that perform professional activities that do not require higher education. There are 17% of them among «white collars» (Gorshkov & Petukhov, 2015). Structural positions of such sub-layer are characterized by competitive weakness and do not have professional potential required for successful adaptation at a new work place.

The stability of this sub-layer is also affected by peculiarities of their professional motivations, i.e. the dominance of adaptive attitudes over achievement-based attitudes and low strive for learning new professions. It is important that in megapolises, with the exception of Moscow and Saint Petersburg, «white collars» remain the employees of public sector and their structural positions are linked to budget resources and depend on official policies in the sphere of employment and salaries regulations.

At the same time the conditions of protracted social and economic recession result in less focus on professional identity as the priority is given to the estimation of life income dynamics. In other words, worsening of financial standing is correlated to «grudges» caused by underestimation of one's professional potential.

Under the current conditions the resource of professional patriotism and sacrifice that was typical for budget institution employees in crisis 1990s has almost disappeared. For the present-day situation the views of V.A. Mansurov and L.A. Semenova about position of most popular «mass» profession specialists is hardly applicable. According to the scale they have developed, «job» is ranked second after «family» (3.3 out of maximum of 4 points) (Yadov, 2001) while today's employees of public sector mainly focus on the attitude to key professional activities as related to adaptive strategies that allow to work until retirement or not lose the job. In both cases we can speak about lack of demand for professional identity.

Professional identity may be not perceived as a hindrance for adaptation in another professional and cultural environment. Important is that professional adaptation may entail the risk of self-attributing to a non-competing group that allows «to work only within one's profession». It would be logical to suggest that the professional identity grows dependent on the way the prospects of professional activities and career are estimated, on the risks of discrimination «by profession», and the limits of one's mobility in case of profession change.

The above creates certain tendency to professional segregation which means that individual employees with similar professional potential may experience «double standards» based on inequality of options for professional career and professional self-fulfillment.

The context for forming professional identity of megapolis population suggests that qualification and professional potential is not of dominant importance as compared to personal, social, and cultural one. This is confirmed by the fact that professional attitudes of «white collars» show that personal (career) considerations to a larger extent define social positioning rather than professional one. In other words, in the system of «white collars» values, the professional values do not make a central core as compared to pragmatic goals and what could be classified as phenomenon of instrumental activity. Sociological researches show that «white collars» primarily estimate their financial standing as satisfactory (54% of highly qualified «white collars», 64% of «white collars» without higher education) (Gorshkov & Petukhov, 2015).

A conclusion could be drawn that the prospects of forming professional identity as a formula for collective self-identification lag behind the strive to position civil identification and demonstrate one's reputation capital. Apparently, this is related to the fact that the forms of citizen participation of «white collars» are unstable and are not related to professional preferences and to the fact that civil identification may act as compensatory mechanism for the deficit of professional identity.

Obviously, the uncompleted process of professional identity, of social and professional groups formation with the qualities of professionalism and professional conduct code result in the fact that in large cities and megapolises the process of professional imitation is triggered, while at the level of individual professional groups the professional identity is understood as a marketing one, as the ability to sell goods and services «at a higher price» without proper professional value.

In exploring the complex process of professional identity development among population of megapolises one should use as the basis the fact that «white collars» are a reference group for professional identification processes. It should also be mentioned that it terms of capitals combination «white collars» focus on economic resources, while cultural (professional) ones are reproduced within the group that does not have professional identity.

Secondly, research of this group allows to give diagnosis for the status of professional identity of such groups as highly qualified «blue collars» and entrepreneurs. Based on the fact that even though highly qualified «blue collars» «compete» with «white collars» in terms of quantitative parameters, it could be suggested that this is a disappearing social and professional group due to its rapid aging and leaving socially active life and due to the tendency of turning megapolises into the centers of financial, commercial scientific, and cultural activity.

Construction of positions for highly qualified «blue collars» is related to secondary layout of positions in a megapolis environment. It means that highly qualified «blue collars» are not a group that forms prospective professional matrix. Of course, highly qualified «blue collars» have high professional potential as compared to «white collars» without higher education, they have good chances to secure stable job and they are less subject to precarization.

However, Russian society hardly shows any trend towards professional identity that is related to continuity of identification strategies. This is explained by the fact that highly qualified workers residing in major cities and megapolises are positioned as «hired labor». Another factor is a rather weak identification structures of modern «working class» (trade unions) and tendency towards individualized strategies among highly qualified workers.

For «white collars» the blur professional identity does not lead to disintegration as it is a practical social group that acts on the basis of financial success formula and positive estimation of financial standing, while the highly qualified «blue collars» experience destructive effect of individualized strategies as under the existing circumstances the quality of professionalismvalued in this environment loses its importance for work in relations with the employer. Employers are interested in exploitation of professionalism as a factor of economic profitability but are negative towards realization of professionalism as it results in social claims being formed by highly qualified «blue collars», especially, at a group level.

The situation with professional identity of «white collars» might not have the universalization tendency in megapolis population behavior, but it becomes modal as the attitudes, voluntarily or involuntarily, show reproduction of pragmatic patterns that are defined not so much by estimation of professional contribution and possibilities for professional self-fulfillment but by a link to income.

At the same time the strive for aggregation of free time resource is typical for «white collars» groups. We cannot make an unequivocal conclusion that this group is the bearer of post-materialistic values. To a greater degree the following is meant here: the diffuseness of professional identity, i.e. often a declarative position regarding professional self-fulfillment, results in considering free time to be both personal independence attribute and the marker that professional group is environment for «making money» but not for strengthening professional identity as the trend of new corporative ethos.

It should also be noted that a lot of commercial and banking institutions try to implement corporatization patterns relying of foreign standards. However this process has certain hidden pitfalls explained by the fact that focus on rituals of foreign institutions is often used only to «cover up» the relations of strict subordination and dominance of «white collars» in a group where policy is defined by the «boss» and is reproduced though initiative of extensive layer of employees whose task is only to follow the instructions of the superiors.

The above gives the feeling that development of professional identity does not reach status of a group that is summoned to implement common interests and that perceives itself as a collective subject as the prospects of even chances in professional and career opportunities are not a desirable modus operandi for such systems. In other words, professional identity is not a prize or a guarantee of potential achievements, neither it acts as a group resource.

Therefore, establishment of professional identity in Russian megapolises is characterized by deficit of professional identification matrix that serves as the core for identification strategies of the main groups that are self-regulatory in economic and social terms. When traditional identification patterns characteristic of previous Soviet period that were aimed at pride in one's profession and selflessness become practically nonexistent, we witness growth of interest in meaningful «demonstratory» identities (see the case of social volunteering).

However, the identification situation takes such a shape that shows unrooted, nonregular, and casual character of alternative manifestation of professional identity. Volunteering has not become a mass phenomenon and this is explained not only by negative attitudes of authorities but also by the fact that acceptance of volunteer identity as a replacement for professional identity entails an adverse effect as volunteering is considered both popular and giving higher social position as compared to professional identity. Indeed, professional identity requires a time consuming and complex professional socialization process. Given the risk of unemployment, willingness to change jobs and professions and the precarization effect, the professional identity does not yet define identification trend in the attitudes of large cities (megapolises) population.

First of all, rather stable social and professional groups are being formed, especially in banking and high-tech spheres which are not trend-setters for professional identity, but push megapolis population towards acceptance of professional identity formula as a formula that focuses on aggregation of personal resource and gives more confidence in future. And this, secondly, is important, given the growth of demand for social security, improvement of structural positions of public sector employees, and given that major cities population becomes a reference point for identification strategies of «the rest of Russia» population which are necessary for sociocultural modernization of Russia.

References

1. Bayne-Smith, M. Mizrahi, T. Korazim-Kőrösy, Y. & Garcia M. Professional identity and participation in interprofessional community collaboration. Issues in interdisciplinary studies. 2014. № 32. P. 103–133.

2. Gorshkov M.K. Rossiiskoe obshchestvo kak ono est': (opyt sotsiologicheskoi diagnostiki) [Russian society as it is: (sociological diagnostics experience)]. Moscow: New Chronograph, 2016.

3. Gorshkov M.K., Petukhov V.V. Russian society: Responses to the Challenges of Time. Book two. Moscow: VesMir, 2015.

4. Molinero A. B., & Pereira R. C. (2013). Professional identity construction in higher education: a conceptual framework of the influencing factors and research agenda. International Scholarly and Scientific Research & Innovation, 7(6), 1605-1610.

5. Yadov V.A. (Ed.). (2001). Rossija transformiruyushheesya obshhestvo [Russia: Transforming Society]. Moscow: Kanon-press-TS.

СЕКЦИЯ 3

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ УПРАВЛЕНИЯ В РЕГИОНАХ С РАЗЛИЧНЫМИ ИНДЕКСАМИ МОДЕРНИЗАЦИИ ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕРТНЫХ ОЦЕНОК И АНАЛИЗА РЕГИОНАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ С ПОСЛЕДУЮЩИМ ВЫХОДОМ НА РАЗРАБОТКУ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ УПРАВЛЕНИЯ

Е.В. Артюхова, Г.В. Градосельская

ВЫЯВЛЕНИЕ КЛЮЧЕВЫХ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНОВ РОССИИ

Аннотация. *В исследовании показана структура и проанализированы свойства сетей межрегиональной миграции. Особенностью таких сетей является высокая плотность, что затрудняет визуализацию и анализ. Для решения проблемы предложено использовать жадный алгоритм.*

Ключевые слова: *сетевой анализ, региональные сети, online социальные сети.*

E.V. Artyukhova, G.V. Gradoselskaya

IDENTIFICATION OF KEY MIGRATION FLOWS ON THE EXAMPLE OF REGIONS OF RUSSIA

Abstract. *In a research is shown the structure and properties of networks of interregional Migration are analyzed. Feature of such networks is high density that complicates visualization and the analysis. For a solution this problem is offered to use a greedy algorithm.*

Keywords: *network analysis, regional networks, online social networks.*

В данной статье мы пытаемся выявить характер региональной миграции в России с помощью методов сетевого анализа. Хотя миграционные потоки могут быть в полной мере представлены в виде сетей, на данный момент лишь в небольшом количестве исследований попытались рассмотреть закономерности миграции в перспективе сетевого анализа [6; 3; 1; 2]. Таким образом, топология миграционных сетей и их эволюция во времени все еще остаются недостаточно изученными. Задачей настоящего исследования является получение возможности проанализировать структуру и свойства сетей межрегиональной миграции.

Основная проблема состоит в том, что сети миграционных потоков являются достаточно плотными. В случаях же, когда рассматривается внутристрановая миграция между достаточно крупными регионами, будут получены полные графы, в которых существуют потоки между каждыми двумя регионами.

Полный граф не является информативным с точки зрения выявления его структуры и стандартных свойств сети. Доступными остаются лишь характеристики и меры, базирующиеся на весах ребер полученной сети. Свойства, рассчитанные на основе весов полного графа, не позволяют извлечь достаточную информацию о различиях и изменениях в строении графа и детально изучить структуру и свойства миграционных потоков. При трансформации же полной сети в бинарную, дальнейший анализ теряет всякий смысл.

Однако с целью более отчетливого изучения структуры сетей, кроме анализа взвешенных направленных сетей, необходимо использовать также методы анализа бинарных сетей. Об этом в своих исследованиях говорят Fagiolo [3] и Mastrandrea [5], утверждая, что характеристики сети, рассчитанные на ее двоичной проекции, могут быть даже более информативными, чем характеристики, рассчитанные на первоначальной взвешенной сети.

Полученные характеристики миграционных сетей и их сравнительный анализ позволят выявить закономерности и различия в топологии региональной миграции и проанализировать изменение свойств миграционных сетей во времени.

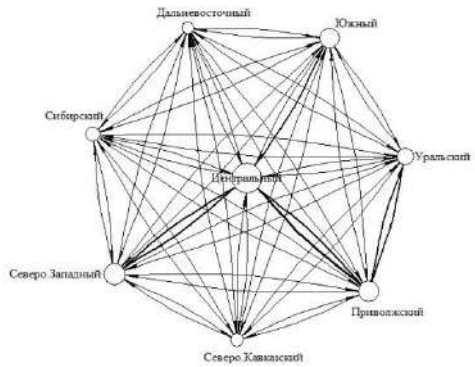
Таким образом, перед нами встала задача найти способ из существующего полного или сильно плотного графа выделить подграф, состоящий из наиболее сильных связей. Полученный «усеченный» граф должен наиболее точно отражать структуру первоначального полного графа, не теряя основной информации о миграционных потоках. В то же время, характеристики миграционной сети, посчитанные на полученном новом графе и их сравнительный анализ, должны позволять выявить закономерности и различия в топологии региональной миграции и проанализировать изменение свойств миграционных сетей во времени.

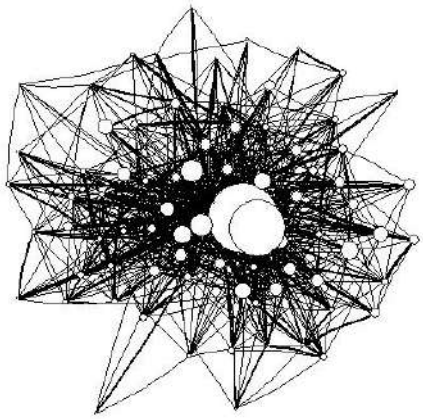
Мы задались вопросом, как же выделить наиболее сильные связи (избавиться от слабых связей), но в тоже время сохранить информацию о структуре графа миграционных потоков. Для этой цели мы построили графы на основе миграционных потоков между регионами и применили к ним алгоритмы минимального остовного дерева [7] и алгоритм отсечения слабых связей.

Для построения региональных миграционных сетей мы использовали данные «Росстата» о миграционных потоках между 8 федеральными регионами России за 2015 год и о миграционных потоках между 83 регионами России за 2011 год. Данные о миграции между Федеральными регионами представляют собой информацию о количестве человек, выбывших из региона выбытия и прибывших в регион назначения за рассматриваемый год. Данные о миграции между 83 регионами России представляют численность занятого населения, место основной работы которого было на территории другого субъекта Российской Федерации в рассматриваемом году. Тем не менее, данные различия в структуре данных не являются препятствием для их использования в решении нашей задачи, так как мы рассматриваем отдельно сеть Федеральных регионов и сеть, состоящую из 83 регионов России, не касаясь при этом сравнительного анализа.

На основе данных миграционных потоков мы построили два графа, в которых регионы представляют собой узлы, а миграционные потоки соответствуют взвешенным направленным ребрам между данными узлами.

Так как миграция происходит между всеми регионами, мы получили полный взвешенный граф в случае Федеральных регионов, состоящий из 8 узлов и 56 ребер в случае ориентированного и 28 ребер в случае неориентированного графа, и сильно плотный граф для 83 регионов, состоящий из 83 узлов, и 1029 и 921 ребер для ориентированного и неориентированного графов соответственно.

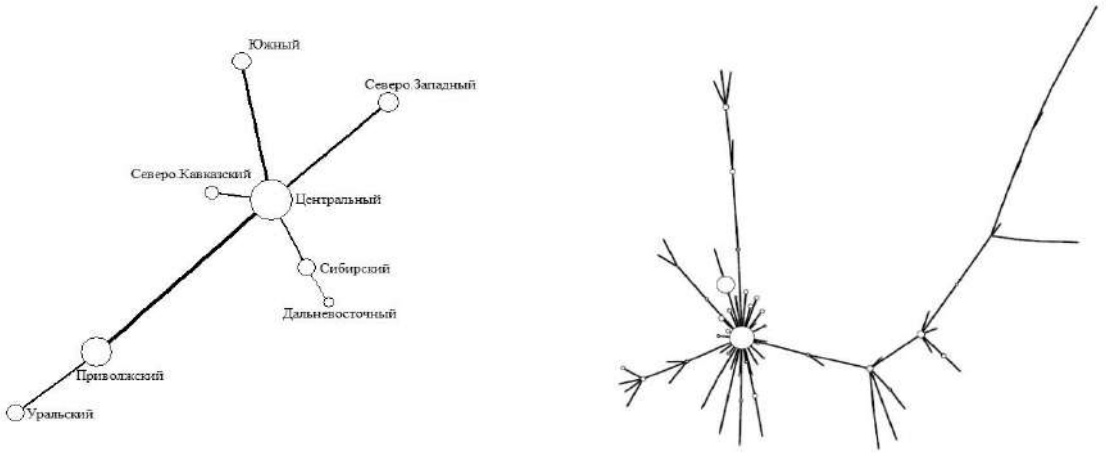

1 а **1 б**

Рисунок 1а. Полный граф миграции между федеральными округами России;
1б. Полный граф миграции между регионами России

Рисунок 1(а, б) демонстрирует невозможность рассмотреть и проанализировать структуру данных графов.

Для трансформации полного графа в его «усеченную» проекцию, сохраняющую свойства первоначального графа, мы выбрали и протестировали два метода. Чтобы выделить основные миграционные потоки между регионами, то есть выделить наиболее сильные связи, мы использовали обратный алгоритм минимального островного дерева [7].

2 а **2 б**

Рисунок 2 а. Структура миграции между федеральными округами после применения алгоритма минимального остовного дерева;
2 б. Структура миграции между регионами России после применения алгоритма минимального остовного дерева

Поскольку число ребер в минимальном остовном дереве равно числу вершин графа минус единица, полученные результаты хорошо отображают структуру миграционных графов с большим количеством узлов, где большое количество ребер может привести к проблеме излишне плотного графа. В случае же с небольшим количеством узлов, как в графе миграционных потоков между регионами, алгоритм минимального остовного дерева помогает лишь определить основные (главные) направления миграции, но не является достаточными для более подробного анализа.

С целью избавиться от наиболее слабых связей, но в тоже время сохранить информацию о структуре графа миграционных потоков, мы разработали и протестировали алгоритм, основанный на последовательном отсечении менее релевантных ребер.

На начальном этапе данного алгоритма мы задаем некоторый порог **n**. На каждом последующем шаге мы отсекаем ребра с процентным весом менее заданного порога до тех пор, пока все вершины графа находятся в одном связанном компоненте.

Для графа миграции между регионами мы сначала применили данный алгоритм сначала с шагом n=10, последовательно отсекая ребра с весом менее 10%, 20%, и т.д.

Таблицы 1а, 1б

Результаты применения алгоритма отсечения слабых связей к неориентированному графу региональной миграции между федеральными регионами России

(1, а)

	Количество узлов	Количество ребер
Полный граф	8	28
10%	8	25
20%	8	22
30%	8	19
40%	8	17
50%	**8**	**14**
60%	7	11
70%	7	9
80%	6	6
90%	4	3

(1 б)

	Количество узлов	Количество ребер
59%	8	12
59,1%	8	12
59,2%	**8**	**12**
59,3%	7	11
59,4%	7	11
59,5%	7	11
59,6%	7	11
59,7%	7	11
59,8%	7	11
59,9%	7	11

Все узлы графа оставались в одном связанном компоненте до шестого шага, на котором мы отсекали ребра с весами менее 60%. Далее, мы повторили алгоритм с шагом n=0,1 для весов, находящихся в промежутке между 50% и 60%. В результате мы получили подграф, состоящий из 8 узлов и 12 ребер.

Аналогичным образом мы применили алгоритм последовательного отсечения слабых связей к ориентированному графу миграции между Федеральными регионами России. В результате мы получили подграф, состоящий из 8 узлов и 17 ребер.

Таблицы 2а, 2б

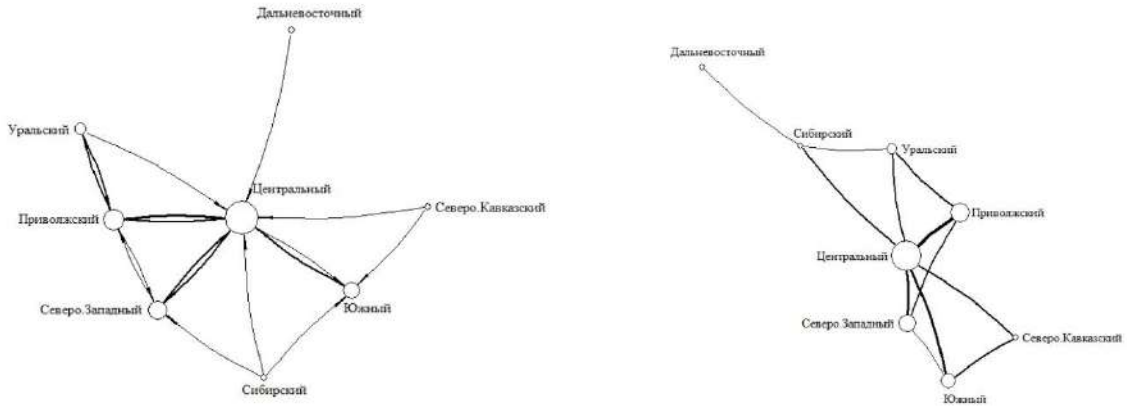
Результаты применения алгоритма отсечения слабых связей к ориентированному графу региональной миграции между федеральными регионами России

(2 а)

	Количество узлов	Количество ребер
Полный граф	8	56
10%	8	50
20%	8	45
30%	8	39
40%	8	34
50%	8	28
60%	8	23
70%	**8**	**17**
80%	7	12
90%	5	6

(2 б)

	Количество узлов	Количество ребер
70,1%	8	17
70,2%	8	17
70,3%	8	17
70,4%	8	17
70,5%	8	17
70,6%	8	17
70,7%	8	17
70,8%	8	17
70,9%	**8**	**17**
71%	7	16

3 а **3 б**

Рисунки 3 а, б. Подграфы миграции между федеральными округами, полученные с помощью алгоритма последовательного отсечения слабых связей (3 а – для ориентированного графа; 3 б – для неориентированного графа)

Затем мы попытались применить алгоритм последовательного отсечения слабых связей к графу региональной миграции с 83 узлами. В каждом случае и для ориентированного, и для неориентированного графов алгоритм обрывался на первом же шаге. При отсечении ребер со сколь малым порогом **n** на первом же шаге граф разделялся на несколько связанных компонентов.

Таким образом, мы делаем следующие выводы:

– Обратный **алгоритм минимального остовного дерева** хорошо отображает структуру миграционных графов с большим количеством регионов и графов с большой плотностью, но не полных. Для графов с небольшим количеством регионов данный алгоритм позволяет выделить лишь основные потоки миграции, но не подходит для более детального анализа структуры графа.

– **Алгоритм последовательного отсечения слабых связей** позволяет в полных графах с небольшим числом регионов выделить подграф, который при трансформации в бинарный наилучшим образом отражает структуру сети. Для графов с большим количеством узлов применимость данного алгоритма зависит от распределения весов графа. Например, в случае миграции между 83 регионами России, где существуют регионы с очень маленькими весами, в то время как некоторые регионы характеризуются очень большими объемами миграции, данный алгоритм не применим.

В дальнейшем мы предполагаем развивать тему применения сетевого анализа к изучению региональной миграции в России. Мы планируем с помощью протестированных алгоритмов построить динамические бинарные сети миграционных потоков и проанализировать характеристики, ставшие доступными при переходе к бинарным проекциям графов: степень узлов, меры центральности, методы выявления сообществ и группировки, а также проанализировать структуру и свойства полученных сетей межрегиональной миграции и их эволюцию во времени.

Список литературы

1. Davis KF, D'Odorico P, Laio F, Ridolfi L (2013) Global Spatio-Temporal Patterns in Human Migration: A Complex Network Perspective. PLoS NE8(1): e53723. doi:10.1371/ journal.pone.0053723.

2. Della Rossa F., Dercole F. & Piccardi C. (2013) Profiling core-periphery network structure by random walkers. Sci. Rep. 3, 1467; DOI:10.1038/srep01467.

3. Fagiolo G., Mastrorillo M. (2013), «International migration network: Topology and modeling». Physical Review E. 88. 012812.

4. Jackson M.O. Social and Economic Networks, Princeton University Press. 2010. 520 pp.

5. Mastrandrea R., Squartini T., Fagiolo G., Garlaschelli D. (2014), «Enhanced reconstruction of weighted networks from strengths and degrees». New Journal of Physics. 16.

6. Slater PB. (2008) Hubs and Clusters in the Evolving United States Internal Migration Network, physics.soc-ph 0809.2768v3. arXiv.org.

7. Prim R.C. (1957). Shortest connection networks and some generalizations. In: Bell System Technical Journal. 36 pp. 1389-1401.

8. Thomas H. Cormen, Charles E. Leiserson, Ronald L. Rivest, and Clifford Stein. Introduction to Algorithms, Third Edition. MIT Press. 2009. ISBN 0-262-03384-4. Section 23.2: The algorithms of Kruskal and Prim. pp. 631–638. (англ.).

9. Белоусов А.И., Ткачев С.Б. Дискретная математика. М.: МГТУ, 2006. 744 с.

В.С. Богданов

ИНФОРМАТИЗАЦИЯ И ЭЛЕКТРОНИЗАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ И РЕГИОНА (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЯ 12 РЕГИОНОВ РФ)

Аннотация. *В статье представлены обобщенные результаты исследовательского проекта по гранту проекта по гранту РНФ № 15-18-30077 «Гражданская экспертиза проблемы реформирования властно-управленческой вертикали в контексте процессов социокультурной модернизации регионов: от мониторинга состояний до прогнозного проектирования». На основе экспертных оценок рассматривается состояние и готовность региональных систем управления к воспроизводству и реализации инфотехнологического и социоинфокоммуникативного ресурсного потенциала, который в рамках социокультурной модернизации должен быть направлен на организацию новых инфосоциальных форм взаимодействия региональных властей с активными региональными агентами по вопросам регионального управления и перспектив его модернизации.*

Ключевые слова: *инфотехнологический и социоинфокоммуникативный ресурсный потенциал, информатизация и электронизация управления, социокультурная модернизация.*

V.S. Bogdanov

INFORMATIZATION AND E-GOVERNANCE OF REGIONAL CONTROL SYSTEMS AND REGION (ON MATERIALS OF A RESEARCH OF 12 REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Abstract. *The generalized results of the research project on a project grant on a grant of RNF № 15-18-30077 «Civil examination of a problem of reforming of an imperious and administrative vertical in the context of processes of sociocultural modernization of regions are presented in the article: from monitoring of states to expected design». On the basis of expert estimates the state and readiness of regional control systems for reproduction and realization of infotechnological and socioinfocommunicative resource potential which within sociocultural modernization has to be directed to the organization of new infosocial forms of interaction of the regional authorities with active regional agents on questions of regional government and the prospects of his modernization is considered.*

Keywords: *infotechnological and socioinfocommunicative resource capacity, informatization and e-governance, sociocultural modernization.*

Центр социологии управления и социальных технологий уже более пяти лет занимается изучением особенностей организации и функционирования отечественной властно-управленческой вертикали, которая на сегодняшний день представляет сложившуюся модель отношений власти и населения, а именно институционально-регулятивную сферу жизнедеятельности регионов, отвечающая за состояние и перспективы социокультурной модернизации субъектов РФ.

В 2015–2016 гг. в рамках исследовательского проекта по гранту РНФ № 15-18-30077 «Гражданская экспертиза проблемы реформирования властно-управленческой вертикали в контексте процессов социокультурной модернизации регионов: от мониторинга состояний до прогнозного проектирования» мы исследовали и оценили готовность к преобразованию отношений между агентами регионального управления с целью модернизации институационально-регулятивной сферы жизнедеятельности регионов. В этой статье представлены только некоторые результаты этого исследования, а именно итоги экспертного опроса, касающиеся состояния и готовности регионов, региональных систем управления к модернизации **инфосоциальных средств взаимодействия как части общей информатизации и электронной модернизации управления регионом в целом.** Здесь сразу скажем, что под информатизацией региона мы пониманием модернизацию инфотехнологических средств, а в электронную модернизацию управления регионом мы вкладываем два следующих смысла: в широком смысле это рациональное воспроизводство комплекса инфосоциальных институционально-регулятивных компонент, обеспечивающих процесс электронной (инфосоциальной) модернизации управления в регионе и его общественных подсистем: экономической, социальной, культурной, государственно-политической, образования, телекоммуникационной. Под институационально-регулятивными компонентами мы подразумеваем совокупность регулирующих институтов, т.е. формальных и неформальных правил действий индивидов и организаций в экономической, политической, общественной жизни общества. Они могут и должны появиться в регионах как в гибридных саморазвивающихся системах (компьютерная сеть-человек-Интернет) [2], но только в ходе рациональной инфосоциальной модернизации, при которой требуется изучение спонтанных и преднамеренных инфосоциальных изменений, ведущих за собой как раз разработку новых гибридных (инфосоциальных) институционально регулятивных компонент.

В узком смысле слова под электронной модернизацией управления мы понимаем **переход региональных систем управления от концепции «электронного правительства»** *(e-government)* с центральными доминантами открытости правительственной информации, предоставления публичных онлайновых услуг **к концепции электронного управления** *(e-governance)*, где центральными концептами становятся сотрудничество, участие, координация, т.е. организация горизонтальных связей и отношений между преобразующей силы сверху и спонтанной самоорганизации снизу. Собственно для построения социально ориентированного электронного управления в регионе и должны разрабатываться, внедряться новые гибридные (инфосоциальные) механизмы регуляции в системах с управлением, которые призваны изменить поведенческие практики и все уровни общественных взаимодействий − от личностных до институциональных, от неформальных до формальных, от локальных до глобальных.

В связи с этим мы выдвигаем гипотезу, что во всех рассматриваемых регионах существует инфотехнологический и социоинфокоммуникативный ресурсный потенциал социокультурной модернизации, который должен быть направлен на организацию новых инфосоциальных форм взаимодействия региональных властей с активными региональными агентами по вопросам регионального управления и перспектив его модернизации. Если такой ресурсный потенциал имеется и прослеживается активное взаимодействие населения и региональных органов власти, то мы можем считать, что в рамках построения электронного управления в регионах уже формируются инфосоциальные институационально-

регулятивные компоненты информационной модернизации регионов. Если же такого взаимодействия не происходит, то воспроизводство инфосоциальных инфраструктурных и коммуникативных компонент − это всего лишь проект бизнеса и власти, который предлагается населению в качестве некой данности для организации своей повседневности в отчужденном состоянии от реальных процессов управления регионом и социокультурной модернизации в целом.

Оценка состояния уровня информатизации инфраструктурных элементов региона (инфраструктура, активность населения и т.д.)

Сегодня китайские исследователи выделяют 16 индикаторов, при помощи которых происходит фиксация четырех специфических характеристик информационного общества: инновации в знаниях, трансляция знаний, качество жизни, качество экономики [5, с. 59], плюс важное значение имеет ВПР (как это принято считать с позиций экономической рациональности) на душу населения в эквиваленте производства и распределения общественных благ, произведенных за счет цифровых и инновационных технологий. Мы предполагаем, что развитие указанных показателей должно происходить параллельно с осознанием необходимости перехода от инструментального этапа их внедрения (техницистко-экономического понимания), где главная роль отдается технологиям, а не человеку, в сторону социально-контекстуального, на котором предусматриваются возможности организации информационно-коммуникативных связей (электронное управление на принципах обратной связи) как предпосылок для создания новых эффективных институциально-регулятивных механизмов реализации двухуровневой модернизации (индустриальной и информационной). Поэтому оценку состояния уровня информатизации инфраструктурных элементов региона мы рассмотрим в плоскости региональных возможностей *воспроизводства новых инфосоциальных трансакционных структур* [1, с. 606], *которые позволяют субъектам (агентам) управления с определенной частотой применения инфраструктурных и коммуникативных элементов организовывать практики обмена и распределения информационных и материальных благ, а также использовать и создавать инфосоциальные институционально-регулятивные компоненты для решения социально-значимых проблем.*

Как мы уже сказали, эти компоненты должны по факту обеспечивать гармоничное протекание процессов электронной модернизации управления в регионах, определять потенциальные возможности вторичной (информационной) модернизации как перспективного этапа цивилизационного развития регионов.

Если рассмотреть состояние инфраструктурных элементов регионов по статистическим данным Росстат, а именно по наличию в домохозяйствах компьютеров и подключений к Интернету в 2015 г., то можно считать, что практически каждая область (кроме Республики Дагестан) на 2/3 уже информатизирована (табл. 1). Судя по экспертным оценкам, такое положение дел в регионах позволяет им активно формировать инфосоциальную трансакционную систему для онлайн-покупки транспортных билетов (авиа, жд), организовывать свой досуг при помощи специальных онлайн-сервисов продажи билетов на концерты, в театр, выставки, а также при помощи сети Интернет организовывать повседневный быт домохозяйств путем онлайн-приобретения товаров народного хозяйства. Если обратиться к интегральным оценкам трансакционных систем (табл. 1.), то высокие показатели характерны для регионов высокой и средней группы модернизации: Нижегородская, Свердловская, Омская области и Республика Саха (Якутия). С хорошими оценками трансакционной системы для обмена материальных благ выходят на лидирующие позиции и регионы из группы «модернизации ниже среднего» − Амурская и Вологодская области. Только в 3-х из указанных территорий (Нижегородской области, Республике Саха (Якутия), Вологодской области) наблюдается удовлетворительная ситуация с информационными (консультационными) запросами, обменом и получением информации по факту обращения в различные службы, органы, учреждения через инфосоциальные формы взаимодействия в сети Интернет. Набирают обороты и закрепляются в регионах технологии

дистанционного образования, что, конечно же, актуально и перспективно в части формирования ресурсного потенциала социокультурной модернизации. По мнению экспертов, с организацией дистанционного образования достаточно неплохо обстоят дела в семи регионах, отстает Республика Дагестан.

Таблица 1

Интегральные оценки модернизации трансакционных структур регионов (информационно-коммуникативные, финансово-товарные, образовательные) (в средних баллах от средней в 95% интервале; n опрошенных = 592, где 1 – «плохо», 2 – «удовлетворительно», 3 – «хорошо»), а также показатели официальных источников (Росстат, Минкомсвязь РФ)

Уровень модернизации региона*	Регионы	Среднее	Домохозяйства, имевшие в 2015 г. персональный компьютер, % (РОССТАТ)	Домохозяйства, имевшие в 2015 г. доступ к сети Интернет, % (РОССТАТ)	Рейтинг регионов по уровню развития информационного общества (Минкомсвязь РФ, 2015 г.)
Высокий	Нижегородская область	**2,2083**	62,1	61,1	0,4698 (19 место)
	Свердловская область	**2,1702**	69,5	69,0	0,4967 (8 место)
Средний	Республика Саха (Якутия)	**2,0208**	70,2	75,5	0,4247 (53 место)
	Омская область	**2,1042**	71,7	73,3	0,4479 (39 место)
Ниже среднего	Амурская область	1,9400	65,6	67,1	0,3812 (75 место)
	Вологодская область	1,8679	64,0	62,9	0,4191 (57 место)
Низкий	Смоленская область	1,8824	70,4	71,6	0,4278 (51 место)
	Республика Дагестан	1,6000	54,0	61,0	0,3306 (82 место)
Итого		1,9893	65,9	67,6	-

Опираясь на данные анализа экспертных оценок и официальных рейтингов, можно констатировать, что в регионах с учетом различных показателей информатизации с разной динамикой протекают процессы становления информационных региональных сообществ. Наиболее активное внедрение инфраструктурных трансакционных элементов наблюдается на территориях с высокой и средней модернизацией, что подтверждается аналитическими материалами Минкомсвязи, в частности, данными рейтингами регионов по уровню развития информационного общества [6] Немного выбивается Республика Саха (Якутия), занимающая 53-е место в рейтинге и приближающаяся по данному значению к Вологодской и Смоленской областям (51 и 57 место; ниже среднего и низкий уровень модернизации) (табл. 1). По данным Росстат и наших экспертов, мы также можем говорить о том, что в целом наблюдается положительная динамика по формированию информационных региональных сообществ. Это прослеживается как раз в региональных процессах информатизации и становлении трансакционных структур в регионах. *Но, конечно же, выражается это в первую очередь, как мы указали выше, в части обмена материальных благ при помощи онлайн-сервисов и инфотехнологических средств. С информационным обменом дела пока обстоят хуже, на что указывают достаточно низкие оценки экспертов в отношении организации обратной связи населения с различными службами, организациями и учреждениями.*

Теперь обратимся еще к одному важному аспекту инфосоциальной модернизации регионов, а именно к информациональной гражданской (политической) активности населения. Этот индекс мы разработали, опираясь на предыдущий опыт исследовательской работы ученых во главе с О.И. Шкаратаном [4]. Они в контексте изучения проблем функционирования современных типов организаций изучили социально-профессиональный портрет информациональных работников, которых М. Кастельс именует информациональными производителями и причисляет к группам нового среднего класса, обладающего специфическими функциями и капиталом в современном обществе и экономике, включенных в новые инфокоммуникационные поля социально-экономического взаимодействия. По такому же принципу мы составили портрет активности гражданской информациональной активности населения (самоорганизации) в решении социально-значимых проблем региона в электронном формате (Интернет) и выделили два основания для нашей переменной фиксации. Первое − это активность социальной самоорганизации населения, т.е. фактическая активизация населения через организацию конкретных мероприятий при помощи онлайн-сервисов, средств ИКТ, с возможным переходом к реальным действиям в организационной и управленческой практике региона:

- организация общественно-политических мероприятий;
- организация мероприятий по улучшению имиджа региона;
- организация экологических мероприятий;
- организация религиозных мероприятий;
- организация культурно-досуговых мероприятий.

В качестве второго основания фиксации информациональной гражданской активности мы выдвигаем социально-политическую активность населения в отношении обсуждения на форумах в Интернете региональных и местных проблем, а также возможности выхода граждан в реальное поле их решений (табл. 2):

- обсуждение проблем региона в блогах;
- обсуждение проблем региона в социальных сетях;
- обсуждение проблем региона в комментариях региональных онлайн-СМИ;
- обсуждение проблем региона на официальных сайтах региональных и местных властей;
- обращения граждан при помощи сети интернет в региональные и местные органы власти и перспективы их решения.

Таблица 2

Интегральные оценки уровня гражданской информациональной активности населения (самоорганизации) в решении социально-значимых проблем региона в электронном формате (Интернет) (в средних баллах от средней в 95% интервале; n опрошенных = 592, где 1 – «низкий», 2 – «средний», 3 – «высокий»)

Уровень модернизации региона*	Регионы	Среднее	N	Стдандартное отклонение
Высокий	Нижегородская область	**2,0204**	49	,66112
	Свердловская область	**2,0833**	48	,49822
Средний	Республика Саха (Якутия)	**2,1458**	48	,65199
	Омская область	1,9600	50	,49322
Ниже среднего	Амурская область	2,0000	49	,45644
	Вологодская область	1,9623	53	,39038
Низкий	Смоленская область	1,8980	49	,54943
	Республика Дагестан	1,9000	30	,54772
Итого		2,0000	376	,53666

Если рассматривать интегральный индекс (табл. 2.), то можно увидеть, что в большей степени гражданская информациональная активность характерна для регионов высокой и средней модернизации. Чуть более, чем в других регионах, подобная активность приходится

на Республику Саха (Якутия) (2,1), где эксперты ставят максимальные оценки населению за обсуждение социально-значимых проблем региона на коммуникативных площадках Интернета: на форумах (2,72), в блогах (2,6), в социальных сетях (2,7), в комментариях региональных онлайн-СМИ (2,52). С организацией же общественных мероприятий при помощи сети Интернет в республике дела обстоят пока недостаточно хорошо. По заявлениям экспертов положительную динамику имеют только мероприятия культурно-досугового характера (2,0). Касаемо политической активности, частоты обращений в органы местной власти для решения личных вопросов и проблем, то она прослеживается только на уровне 21% от общего числа экспертов республики. Эта группа заявляет, что онлайн обратная связь с органами местной власти очень удобный инструмент для решения насущных вопросов и различных социально-значимых проблем. Однако 31% экспертов из Якутии считают пока недостаточно развитым этот вид обратный связи, т.к. он не позволяет, по их мнению, решать большинство актуальных вопросов и проблем. В связи с этим 1/3 использует данный канал организации взаимодействия лишь время от времени, 45% вообще не используют его и не видят перспектив решать таким способом какие-либо вопросы и проблемы. Мы можем предположить, что приведенный выше пример по Республике Саха (Якутия) является неким идеальным типом гражданской информациональной активности, кроме Республики Дагестан и Смоленской области (регионы 4-й группы), хотя надо отметить, что и в этих регионах достаточно хорошо обстоят дела с политико-коммуникативной составляющей, и граждане охотно обсуждают в Интернете социально-значимые проблемы региона.

Теперь обратимся к значениям первого основания интегральной переменной, т.е. к организации мероприятий через сеть Интернет. Если рассматривать этот фактор по восьми регионам, то в шести из них (кроме Республики Дагестан, Смоленской области) заметно выделятся организация культурно-досуговых мероприятий по сравнению с другими типами организационных взаимодействий. На втором месте, что характерно больше для более модернизационных регионов (Свердловская, Нижегородская и Омская области – значение 2,0 (удовлетворительно)), а также для одного региона 4-ой группы (Смоленская область – 2,0), прослеживаются положительные тенденции организации общественно-политических мероприятий через сеть Интернет. Хотя вопросы о качестве, содержании и результатах, к которым они привели, следует еще исследовать и уточнять. Остальные типы организации онлайн-взаимодействий присущи лишь единичным регионам. Так, о перспективности организации экологических мероприятий можно говорить только в отношении Омской области (2,0), а об организации мероприятий по улучшению имиджа региона − лишь в случае с Вологодским регионом (2,1). На наш взгляд, последний указанный тип активности отражает наибольшим образом качество обратной связи в регионах между органами власти и населением, а также указывает на недостаточную вовлеченность представителей региональных систем управления в процессы активизации населения и решение проблем регионом в дистанционном и реальном режимах. ***По сути, этот вывод доказывает невысокий уровень развития региональных систем управления и невозможность реализации компетенций управленческого состава в условиях усиления властно-управленческой вертикали.***

Состояние политической активности в регионах, реализуемую при помощи инфосоциальных средств, мы фиксируем и посредством фактического обращения экспертов в местные органы власти с целью решения личных вопросов и социально-значимых проблем. Более чем половина экспертной аудитории во всех регионах уже имела практику подобного включения. В итоге, недоразвитость механизмов решения проблем констатируют больше эксперты из слабомодернизационных регионов (Смоленская область (47%) и Республика Дагестан (57%)) (табл. 3.), где по нашим данным наиболее заметно происходит ужесточение властно-управленческой вертикали.

Таблица 3

Политическая активность жителей региона: личное онлайн-обращение в региональные органы власти и управления для решения вопросов и социально-значимых проблем, %

Уровень модернизации региона*	Укажите, пожалуйста, регион, в котором Вы живете	Если Вы лично обращались при помощи сети Интернет в региональные и местные органы власти, то ...			
		Очень удобно, уже пользуюсь, помогает решать различные вопросы	Время от времени (слабо развито, не все вопросы можно решить)	Не пользуюсь	**Всего**
Высокий	Свердловская область	**22**	37	41	100
	Нижегородская область	**25**	32	43	100
Средний	Республика Саха (Якутия)	**21**	34	45	100
	Омская область	15	**50**	35	100
Ниже среднего	Вологодская область	**24**	33	43	100
	Амурская область	**21**	32	47	100
Низкий	Смоленская область	14	**47**	39	100
	Республика Дагестан	13	**57**	30	100
Всего		**20**	**39**	41	100

В том числе это характерно и для Омской области (50%), в которой на сегодняшний день отмечен кризис функционирования региональных органов власти. В тоже время и в других изучаемых регионах онлайн-каналы принятия обращений жителей, и в частности региональные механизмы принятия решений по факту подобных заявлений, оставляют желать лучшего. Так 1/3 и более всех экспертов из восьми регионов уже опробовали данные формы дистанционного взаимодействия с органами власти и по факту заявляют о неразвитости инфосоциальных средств, предназначенных для получения, рассмотрения и решения конкретных проблем.

В целом мы можем наблюдать активную позицию населения в обсуждении социально-значимых проблем во всех восьми регионах, в том числе и в Республике Дагестан, что указывает на готовность жителей к онлайн-взаимодействию и выработке новых инфосоциальных институационально-регулятивных элементов. Что же касается конкретных стратегических взаимодействий местных органов власти и жителей регионов с выходом на конкретные решения, то эти связи пока достаточно слабые и проблема требует дополнительного изучения с целью последующей активизации гражданской информациональной и политической активности для запуска новых отношений и разработки средств социокультурной модернизации, в том числе и модернизации региональных систем управления.

Оценки инфосоциальной региональной системы управления: уровень востребованности/использования электронного формата (онлайн) во взаимодействии с организациями и учреждениями регионального управления

Российские исследователи, в том числе и Ж.Т. Тощенко, утверждают, что в современном обществе становится актуальным доступ к социальной информации как к возможности организации жизненных преобразований [3, с. 261]. В связи с этим мы можем проанализировать сегодняшние возможности доступа населения к социально значимой информации в регионах, что, по сути, определяет возможности запуска и дальнейшее обеспечение социокультурной модернизации региона в целом, в том числе и инфосоциальной модернизации региональной системы управления. Под последней категорий, как уже было сказано выше, мы подразумеваем инфосоциальную модернизацию электронного управления в регионах. В широком смысле она должна выполняться за счет социолого-управленческих (логико-гносеологических программ) исследований и в итоге обеспечить рациональный переход к преобразованиям на территории конкретного региона,

определить векторы социокультурной модернизации за счет разработки новых институционально-регулятивных компонент. Надо сделать ремарку и сказать, что это возможно лишь при комплексном глубинном исследовании отдельно взятой территории. *В текущем же исследовании мы изучаем фоновую ситуацию, которая отражает инфосоциальное состояние региональных систем управления и их готовность к социокультурной и инфосоциальной модернизации.*

В предыдущем разделе были рассмотрены факторы готовности регионов к инфосоциальной модернизации управления и установлено ее частичное присутствие через наличие и состояние технико-технологических элементов региональной инфотехнологической инфраструктуры, а также через включенность населения в обсуждение и решение социально-значимых проблем при помощи инфотехнологических средств и инфосоциальных каналов взаимодействия. Теперь мы рассмотрим открытость и готовность власти к такому виду взаимодействия и к инфосоциальной модернизации электронного управления в узком смысле ее значения, а именно, к переходу региональных систем управления от концепции «электронного правительства» *(e-government)* с центральными доминантами открытости правительственной информации, предоставления публичных онлайновых услуг к концепции электронного управления *(e-governance)*, где центральными концептами должны стать не только открытость к информации, но и активное сотрудничество и координация в рамках совместного решения социально-значимых проблем региона. *Контуры такого перехода и готовность региональных органов власти к инфосоциальной модернизации электронного управления мы проверяем по двум критериям. Первый − при помощи доступности населения к обсуждению социально-значимых проблем региона на официальных сайтах региональных и местных властей. И второй − состояние организации взаимодействия органов власти и управления регионов с гражданами в электронном формате,* т.е. наличие тех инфосоциальных каналов (элементов) по которым сегодня просматривается активное взаимодействия региональных субъектов управления в контексте выборной системы, поддержания социальной инфраструктуры региона, организации дистанционного контроля за субъектами государственных органов управления и субъектов политической сферы, а также деятельность властей по повышению эффективности системы управления в организациях и учреждениях за счет внедрения современных информационно-компьютерных моделей. Рассмотрим подробнее каждый из перечисленных инфосоциальных каналов (элементов) и его доступность для населения.

Как мы говорили выше, практически во всех изучаемых регионах эксперты фиксируют активную позицию населения, выражаемую в сети Интернет на форумах, в социальных сетях, т.е. жители проявляют свою политическую активность в сети и готовы общаться с органами власти по поводу решения личных вопросов и социально-значимых проблем региона. А вот региональные власти, по данным экспертов, закрывают доступ населению к социально значимой информации и предоставляют слабые возможности для обсуждения проблем на официальных сайтах региональных и местных властей.

Более-менее удовлетворительно с этим обстоят дела в Республике Саха (Якутия), Нижегородской и Вологодской областях (табл. 3), т.е. по одному региону из групп высокой, средней и ниже среднего модернизации. Интересно отметить, что Вологодская область по данным рейтинга РИАБ официальных сообществ регионов РФ в социальной сети «В Контакте»[33] является удобной коммуникативной площадкой для местных жителей (48 тыс. подписчиков), где имеется даже «прямая линия» с губернатором Вологодской области. Жители региона могут написать жалобу или выдвинуть свои предложения по развитию региона. Однако неизвестно, в каком порядке рассматриваются обращения, так как ответы на

[33]Эксперты из Российского исследовательского агентства блогеров проанализировали официальные сообщества регионов России в социальной сети «ВКонтакте» и изучили активность их подписчиков в период с 1 января по 30 июня 2017 года. По итогам исследования был составлен рейтинг официальных групп регионов. URL: http://riabloggers.ru/researches/17 (Дата обращения: 19.08.2017).

них в группе не публикуются. Вообще, наши эксперты отмечают в Вологде положительные сдвиги во взаимодействии с властью через инфосоциальные каналы, но пока отсутствуют реально работающие инструменты дистанционного контроля за органами региональной и местной власти.

Таблица 3

Распределения оценок уровня доступности населения к обсуждению социально-значимых проблем региона на официальных сайтах региональных и местных властей, (в средних баллах от средней в 95% интервале; n опрошенных = 592, где 1 – «низкий», 2 – «средний», 3 – «высокий»)

Уровень модернизации региона*	Регионы	Среднее	N	Стдандартное отклонение
Высокий	Нижегородская область	1,9231	26	,74421
	Свердловская область	1,6129	31	,71542
Средний	Республика Саха (Якутия)	**2,0286**	35	,74698
	Омская область	1,3750	24	,64690
Ниже среднего	Амурская область	1,7419	31	,51431
	Вологодская область	1,8571	21	,57321
Низкий	Смоленская область	1,7500	24	,60792
	Республика Дагестан	1,8000	15	,86189
Итого		1,7681	207	,69278

В нашем общем исследовании мы установили, что на сегодняшний день в регионах наблюдается низкий интерес к выборам в органы представительной власти, что является неким отражением отчуждения населения от реальных процессов управления и отсутствия культуры выработки совместных (во взаимодействии) управленческих решений в условиях усиления бюрократических форм реализации власти. На этом фоне во всех регионах мы видим критически низкую заинтересованность и востребованность в возможности голосования через Интернет на выборах всех уровней (1,1–1,6). Также во всех изучаемых областях отсутствуют возможности организации дистанционного контроля за работой территориальных органов власти (местных, региональных и т.д.), а также за работой государственных органов управления (здравоохранения, образования и т.п.). *Это же подтверждают экспертные данные о том, что в 8-ми регионах органы власти и управления пока всерьез не задумываются о повышении эффективности системы управления в организациях и учреждениях за счет внедрения современных информационно-компьютерных моделей.* Только в шести регионах, т.е. кроме слабомодернизационных (Республика Дагестан и Смоленская область), эксперты отмечают некоторые сдвиги в вопросах организации инфосоциальных каналов по взаимодействию населения с местными органами власти. На всех территориях, и в большей степени в высоко- и среднемодернизированных областях, видны пока только зачатки организации инфосоциальных каналов дистанционного общения с органами здравоохранения и образовательных учреждений (с дошкольными и общеобразовательными, с учреждениями высшего и профессионального образовании). ***Интересно отметить, что органы власти и управления во всех изучаемых субъектах РФ ориентированы на воспроизводство скорее экономических и юридических каналов обмена информации для реализации бюрократических задач и интересов, чем социально-политических для выработки общих стратегий решения социально-значимых проблем регионов.*** Это подтверждают и оценки экспертов из всех исследуемых регионов (независимо от уровня модернизации) в отношении развитости инфосоциальных фискальных и планово-экономических элементов трансакционных систем, воспроизводимых федеральными и региональными системами управления.

Если в целом рассмотреть интегральные оценки уровня инфосоциальной модернизации региональных систем управления в соответствии с уровнем модернизации регионов (по шкале Н.И. Лапина), то мы не увидим какой-то особой разницы в развитии

(табл. 4). Везде этот процесс находится в зачаточном состоянии без особой заинтересованности в нем органов местной власти и управления. Наименьшая готовность к инфосоциальной модернизации характерна для регионов с низким уровнем модернизации (Республика Дагестан и Смоленская область), а также в регионе со средним уровнем развития – Омской области. Сдвиги в положительную сторону, по мнению экспертов, наблюдаются чаще в Нижегородской, Амурской и Вологодской областях, т.е. в группах с высокой и ниже среднего уровня модернизации.

Таблица 4

Интегральные оценки уровня инфосоциальной модернизации региональной системы управления (в средних баллах от средней в 95% интервале; n опрошенных= 592, где 1 – «низкий», 2 – «средний», 3 – «высокий»)

Уровень модернизации региона*	Укажите, пожалуйста, регион в котором Вы живете	Интегральный индекс инфосоциальной модернизации региональной системы управления, среднее (1–3)	Уровень модернизационного развития региона по интегральным показателям исследования социокультурных особенностей регионов Н.И. Лапина
Высокий	Нижегородская область	2,0816	6
	Свердловская область	1,9565	5
Средний	Республика Саха (Якутия)	1,9130	4
	Омская область	**1,8000**	**3**
Ниже среднего	Амурская область	2,0417	2
	Вологодская область	2,0400	2
Низкий	Смоленская область	**1,8600**	**2**
	Республика Дагестан	**1,7667**	**2**
Итого в среднем по восьми регионам		**1,9404**	

В итоге, исходя из полученных и проанализированных данных, мы можем сделать следующие выводы. Проникновение средств компьютеризации и интернетизации в регионах состоялось, и в первую очередь на различных уровнях властно-управленческой вертикали, ***т. е. прослеживается гибридизация отношений управления с информационными технологиями.*** Однако региональные системы управления в условиях усиления властно-управленческой вертикали демонстрируют низкую готовность к инфосоциальной модернизации электронного управления на местах. *Иными словами, мы становимся скорее свидетелями технико-технологической модернизации инструментальных средств и отношений в части развития информационных и материальных услуг (покупка билетов, получение справок и документов через электронные госуслуги и т.п.), чем включения населения в реальное управление региональными процессами при помощи модернизации инструментальной (сервисной) стороны информатизации.*

Такие условия явно не могут способствовать информационной (вторичной) модернизации (по Н.И. Лапину), в частности формированию новых институционально-регулятивных механизмов и вовлечению в модернизацию региона более широкого круга заинтересованных субъектов управления. Все это наглядно продемонстрировано на основе оценок экспертов. Население политически активно на коммуникативных просторах Интернета и потихоньку формирует инфосоциальный коммуникативный ресурсный потенциал региона. А вот власти, наоборот, имея инфотехнологический ресурс, сегодня неохотно интегрируют свои каналы связи и обмена (трансакционные элементы) для активизации социокультурной и политической активности населения. Данный факт, на наш взгляд, указывает скорее на стагнацию развития региональных систем управления и слабые

возможности запуска инфосоциальной модернизации электронного управления (в узком смысле). Эти выводы дают нам право говорить о подтверждении нашей генеральной гипотезы общего исследования: при наличии инфотехнологических (трансакционных элементов) и социально-политических компонент (активность населения в Интернете) система управления в регионах (стиль, характер) зависит от социальной организации регионов, от иерархии сформировавшихся вокруг власти и управления социальных групп, от связи местных элит с центром и от их объективной заинтересованности в модернизации. Т.е. воспроизводство инфосоциальных, инфраструктурных и коммуникативных компонент в регионах это пока всего лишь проект бизнеса и власти, который предлагается населению в качестве некой данности для организации своей повседневности в отчужденном состоянии от реальных процессов управления регионом и социокультурной модернизации в целом.

Список литературы

1. Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество культура / пер. с англ. А.Н. Субачева. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 606 с.

2. Степин В.С. Научная рациональность в социокультурном контексте // Человек и его будущее: Новые технологии и возможности человека / Отв. ред. Г.Л. Белкина. М.: ЛЕНАНД? 2012. 496 с.

3. Тощенко Ж.Т. Тезаурус социологии: темат. слов. справ / под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2009. 487 с.

4. Шкаратан О.И., Инясевский С.А., Любимова Т.С. Новый средний класс и информациональные работники на российском рынке труда // Общественные науки и современность. 2008. №1. С. 5–27.

5. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / пер. с англ.; под общей ред. Н.И. Лапина. М.: Весь мир, 2011. 256 с.

6. Минкомсвязь России представила рейтинг регионов по уровню развития информационного общества [Электронный ресурс]: Минкомсвязь России: [веб-сайт]. URL: http://minsvyaz.ru/ru/events/35027/ (Дата обращения:16.07.2017).

В.С. Богданов, А.А. Почестнев

ОНЛАЙН-ЭКСПЕРТИЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ РАЗЛИЧИЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

***Аннотация**. Исследование посвящено выявлению особенностей регионального развития и установлению типов управленческих моделей, способствующих модернизации регионов. В результате установлено, что большая часть регионов подвержена эффекту квазимодернизации в связи с недостроенностью системы общественных институтов и ее институционально-регулятивных элементов.*

***Ключевые слова:** цивилизационное развитие, модернизация, институционально-регулирулятивное и социоэкономическое развитие, региональная система управления и власти, агентная методология, инфосоциальная модернизация управления.*

V.S. Bogdanov, A.A. Pochestnev

ONLINE GOVERNMENT AND MANAGEMENT ACTIVITIES EXPERTISE IN THE CONTEXT OF DIFFERENCES IN CIVILIZATIONAL DEVELOPMENT OF REGIONS

***Abstract.** The study identifies the features of regional development and the types of management models that enable the regional modernization. Revealed the quasimodernization effect in most regions due to the incompleteness of the public institutions and regulatory system.*

Keywords: *civilizational development, modernization, regulatory system, socio-economic development, authorities and management system in regions, agent methodology, info social management modernization.*

1. Основания исследования

В условиях деформированной социальной и экономической трансформации российского общества, что констатируют социальные ученые (Н.И. Лапин, И. Шкаратан, М.К. Горшков, З.Т. Голенкова, Ж.Т. Тощенко, В.Я. Гельман и др.), существуют различные модели структурно-функционального устройства регионов, различающихся уровнями цивилизационного развития (индустриальный и информационный, Н.И. Лапин, Л.А. Беляева), а также состоянием и характером институционально-регулирующих элементов (органы власти и управления) региональных систем управления. В этих условиях возникает необходимость исследования социокультурных особенностей регионального развития с последующим установлением, какие же организационно-управленческие аспекты сегодня деформируют социальные отношения в контексте взаимодействия органов власти и управления с населением, а какие обеспечивают позитивный динамизм, ускоряя их переход от индустриальной к информационной фазе развития и повышают их цивилизационный уровень. Согласно концепции Н.И. Лапина, качество и темпы развития должны задавать социокультурный, социоэкономический (включая технико-технологический) и институционально-регулятивный потенциал регионов. В.В. Маркин, опираясь на шкалу цивилизационного развития Н.И. Лапина, констатирует важность учета для проведения модернизации такого признака, как региональная идентификация, и рассмотрение ее влияния в контексте социального моделирования российских регионов [7, с. 17]. Мы, в свою очередь, утверждаем, что на возможности и характер регионального развития влияют институционально-регулятивные элементы региональных систем управления. Н.И. Лапин отмечает, что все компоненты взаимосвязаны, образуют целостность, должны иметь и взаимоувязанное развитие [6, с. 25], в противном же случае можно говорить о квазимодернизации. Таким образом, **проблемой исследования** стала неравномерность развития регионов, **объектом исследования** – органы власти и управления в условиях различия цивилизационного развития регионов, а **предметом исследования** – состояние и функционирование региональных систем управления (субъектов/агентов) как институционально-регулятивная компонента и элемент модели сложившейся властно-управленческой вертикали в отечественной системе управления [2, с. 23], реализуемая в различных регионах с разным уровнем социокультурного, социоэкономического и технико-технологического развития.

Цель исследования: определение уровня и направлений активности органов власти и управления в вопросе территориального развития, условий осуществления этой активности, а также определение соответствия характера и форм местного управления существующим региональным условиям и требованиям модернизационного развития институционально-регулятивной среды региона.

Для достижения поставленной цели на основе данных исследования по гранту РНФ № 15-18-30077 «Гражданская экспертиза проблемы реформирования властно-управленческой вертикали в контексте процессов социокультурной модернизации регионов: от мониторинга состояний до прогнозного проектирования», проведенного в 2015-2017 гг. в 12 регионах с различным уровнем социокультурного развития, был проведен:

– структурно-функциональный анализ состояния развития социоэкономической и социокультурной сфер жизнедеятельности регионов (оценка развития народного хозяйства и социальной инфраструктуры регионов);

– анализ состояния институционально-регулятивной сферы жизнедеятельности регионов (оценка деятельности региональных систем управления в различных сферах территориального развития, их компетентности и возможностей органов власти

осуществлять развитие регионов, выявление доминирующего характера властных отношений в регионах).

2. Методология исследования.

На данный момент в качестве идеального типа развития регионов представлена идея модернизации, которая предполагает переход общества к новым способам создания основных средств жизнедеятельности с новыми их качествами и новыми типами отношений элементов. Данная идея подтвердила свою эффективность в ряде теоретических и практических исследований [5, с. 4].

Центральным фактором, силой, влияющей на процесс развития региона (потенциал развития), являются органы власти и управления, которые сегодня воспроизвели и успешно закрепили контуры модели властно-управленческой вертикали в отечественной системе управления. Их направленность, специфика работы и отношения с различными субъектами территориальной общности представляет собой отдельную научно-исследовательскую проблему.

Это и побудило авторский коллектив под руководством профессора А.В. Тихонова исследовать данный вопрос в рамках гранта РНФ 15-18-30077 «Гражданская экспертиза проблем реформирования властно-управленческой вертикали в контексте процессов социокультурной модернизации регионов: от мониторинга состояния до прогнозного проектирования».

В основу исследования была положена социокультурная концепция модернизации Н.И. Лапина [6, с. 135] по ряду причин. Во-первых, данная концепция является наиболее обсуждаемой на данный момент, и многие исследователи разделяют ее положения. Во-вторых, она базируется на антропосоциетальном методологическом подходе, являющимся версией социокультурного подхода.

В широком смысле социокультурная модернизация региона должна осуществляться в рамках следующих основных направлений:

– изменение ментальности агентов развития, в частности, должно способствовать переходу к активному поведению и развитию творчества и инноваций;

– социоэкономическая модернизация как составляющая компонента общей модернизации должна повлечь за собой рациональные преобразования в контексте движения от индустриального типа общества к постиндустриальному и предполагает развитие высоких технологий, обеспеченность региона комфортными условиями проживания, ведения бизнеса;

– институционально-регулятивная модернизация, отвечающая за изменение характера управления регионом, и переход общества к антибюрократическим и демократическим формам управления, базирующимся на развитии технологий коммуникаций и взаимодействия (включая электронные формы, электронизацию управления [3, с. 6]).

Согласно теоретическим концептам социокультурной модернизации регионов, источником изменения становится человек, а именно таким же равнопорядковым социальным субъектом управления, как социальные институты. На этом основании мы провели социолого-управленческий анализ состояния и перспектив развития регионов, определили наличие социального потенциала для определенного типа развития регионов. Также в данной концепции отводится значительная роль и системе властно-управленческих отношений, которая необходима для развития регионов. Но, несмотря на заявленную значимость, данный аспект в оценке уровня развития регионов Л.Н. Лапиным практически не учитывался. Следовательно, необходимо было исследовать состояние и развитие региональных систем управления, их характер организации, зоны влияния (активности), а также их вклад в процессы развития регионов. Помимо этого, довольно важным аспектом являлось определение соответствия типа властно-управленческих отношений требованиям процесса модернизации регионов.

В своем исследовании мы исходили из того, что регион рассматривается как территориальное сообщество (социальная организация), возникающее в результате

взаимодействия социальных акторов (жителей, социальных групп, организаций региона, органов власти и т.д.) и выполняющее по отношению к ним определенные функции. Помимо этого, регион представляет собой среду, которая мотивирует социальных акторов. В соответствии с этим, показателями развития регионов являлась привлекательность региона для проживания населения и ведения бизнеса. В качестве интегральных оценок уровня развития регионов мы использовали показатели: ВРП, количество организаций исходя из расчета на душу населения, их загруженность и технико-технологическое состояние, наличие условий для привлечения инвестиций, миграция населения, уровень и качество жизни.

Регион как территориальное сообщество представляет собой качественный и количественный состав территориальных агентов (субъектов) и тип их отношений. Данные агенты осуществляют развитие региона. На формирование агентной системы влияет ряд условий, среди которых наиболее важными являются возможность (право) осуществлять изменения, наличие ресурсов (материальных, финансовых, кадровых), желание осуществлять активность, степень квалификации агентов (умение осуществлять изменения), их ментальность и целевая направленность, а также способность к взаимодействиям друг с другом, кооперации (горизонтальной или вертикальной), способность учитывать противоположные мнения и точки зрения для снижения эффекта сопротивления изменениям. Именно этот аспект интересовал нас в исследовании в большей мере. Таким образом, показателями развития региона являются не только степень функциональности (или дисфункциональности) региона по отношению к различным субъектам, но и типологические характеристики социальных акторов и их отношений, которые формируют и развивают привлекательность территориальной среды.

В связи с вышесказанным, исследование предполагало использование агенто-сетевого и структурно-функционального подходов в изучении проблемы развития регионов. Их сочетание позволило выявить с одной стороны, проблемные аспекты развития регионов (территориальных сред), а, с другой стороны, различия в типе отношений активных субъектов (социальных акторов) территориального развития (одним из которых являются органы регионального управления), в-третьих−определить соотношение типа территориальных сред и типа властно-управленческих отношений среди активных субъектов региона.

Отправной точкой исследования стали вопросы, связанные с неравномерностью развития субъектов РФ. В некоторых регионах процесс модернизации происходит достаточно активно, а в других находится в зачаточном состоянии. Является ли указанная проблема проблемой характера властно-управленческих отношений и их направленности или же это проблема ресурсной обеспеченности и условий развития регионов? Неясно, как происходит сам процесс модернизации: либо за счет целенаправленного воздействия со стороны властных органов (федеральных или региональных) и других политических сил, либо происходит спонтанно, на основе существующего в регионе потенциала (низовой активности). Есть ли условия для модернизации регионов? Имеют ли властные органы возможность осуществлять эти механизмы и осуществляют ли их? Произошла ли модернизация самих властных отношений в регионах, соответствуют ли они идеальному типу или до сих пор прослеживается деформирующий синкретизм собственности, власти и управления?

3. Особенности методической организации исследования.

Для решения теоретико-методологических задач исследования и получения верифицированных данных по поставленной научно-исследовательской проблеме и разработанным для ее объяснения гипотез был проведен традиционный вторичный анализ данных официальной региональной статистики, а также задействована гибридная (микс) методология, которая подразумевает использование модернизированных онлайн-методов для сбора и анализа данных. Центр социологии управления и социальных **технологий имеет более чем десятилетний опыт апробации и проведения** дистанционных исследований

проблем управления как познавательно-ориентированных процедур, позволяющих на бесконтактной (сетевой) основе получать поисковую (диагностическую) информацию о деятельности субъектов управления на всех уровнях функционирования властно-управленческой вертикали. Данная методология использовалась в рамках научно-исследовательского гранта РНФ № 15-18-30077.

Исходя из того, что данные по оценке институционально-регулятивной среды региона не могут быть получены только из официальной статистики, необходимо было воспользоваться возможностями онлайн экспертного опроса, который предполагал предварительную формализацию и создание индикаторной системы для определения состояния региональных систем управления и их характеристик встроенности в модель властно-управленческой вертикали.

Данный метод позволяет привлечь труднодоступные группы экспертов, а именно группы управленцев и специалистов, включенных непосредственно в организацию и поддержание регионального управления на различных уровнях жизнеобеспечения территории. Для этих целей был произведен *специальный отбор респондентов с управленческим опытом из разных отраслей народного хозяйства и управления, а также специалистов-практиков, имеющих явно выраженную гражданскую позицию и представление об управлении в конкретном регионе. Полученные данные онлайн-экспертизы представляются в широком смысле как уникальные знания о социокультурной ситуации и проблемах управления в регионе, а в узком − как вспомогательное знание, дополняющее разные уровни анализа.*

В итоге на основе официальной статистики мы зафиксировали: *социально-экономическую базу регионов (уровень ресурсной обеспеченности и технико-технологического развития); а на основе данных экспертного опроса оценили возможности региональных институационально-регулятивных систем (ресурсы и компетенции), качество функционирования органов региональных властей и управления, их роль в процессе развития региона, а также формы организации региональной управленческой системы.*

Одновременное применение комплекса этих методов и методик позволило получить нам верифицированные результаты в соответствии с намеченными целями и задачами исследовательского проекта, выявить и проанализировать отношение различных групп экспертов к текущему состоянию и перспективам развития отечественной системы управления на различных ее уровнях и оценить, тем самым, потенциал и возможности реформирования региональных систем управления в структуре сложившейся властно-управленческой вертикали как ответ на внешние и внутренние вызовы и угрозы, а также зафиксировать готовность и возможности региональных систем управления к индустриальной и информационной модернизации в контексте проблем цивилизационного развития регионов.

4. Обоснование компетенции экспертной группы.

Управленческий опыт экспертов являлся подтверждением включенности последних в региональные управленческие процессы. В первую очередь, это высокий уровень должностной ответственности: 74% − руководители высшего, среднего, низшего звена, 26% − специалисты-практики. Практически половина экспертов зафиксировала наличие опыта руководства в органах управления предприятием, организации, фирмы (49%), еще порядка 30% отметили личный опыт на руководящих постах в органах региональной власти и управления, 27% были заняты в качестве начальников отделов, цеха, бригады в производственной и непроизводственной сфере региона. Примерно 80% экспертов оценивают свой управленческий опыт как положительный.

Также уровень образования подтверждает компетентность экспертов: 66% имеют высшее образование, 20% ─ кандидаты и 8% ─ доктора наук.

Большая часть опрошенных −это представители образования (16%), науки (13%), аппарата управления регионом (13%), НКО (11%), промышленности (9%), остальная часть−

представители непроизводственной сферы (38%−финансы, страхование, торговля, здравоохранение и др.). Исходя из этого, мы можем говорить, что имеем дело с высокоресурсной (статусной) группой, имеющей компетентное мнение об аспектах управления в регионе, располагающей социально значимой информацией в целом по изучаемой проблеме. Это подтверждается и тем, что 63% экспертной аудитории представляют социально активную группу населения, включенную в общественную работу различного содержания: политическую, конфессиональную, благотворительную и т.п., т. е. эта та социально активная субъектность региона, которой не безразличны проблемы развития регионов и страны в целом.

Практически 93% экспертов черпают информацию по важным проблемам общественной и экономической жизни региона из Интернета, а 63% полагаются на личный опыт, личные наблюдения, что говорит об их высоком уровне информациональной, личностной и профессиональной компетентности.

5. Обобщенные результаты исследования.

В результате анализа статистических данных и экспертных оценок было установлено, что состояние таких различных сфер, как технико-технологической, социоэкономической, социокультурной и институционно-регулятивной в большей степени зависит от зафиксированных различий состояния региональных систем управления и их отношений в структурах отечественной властно-управленческой вертикали, по-разному обеспечивающие возможности активным субъектам отвечать на внешние и внутренние вызовы, а также по-разному способствующие конструктивным преобразованиям на всех уровнях (вертикальных и горизонтальных) социального взаимодействия и регуляций организации обеспечения всей системы жизнедеятельности региона, в том числе и в рамках выбора стратегического вектора модернизации территории.

Структурно-функциональный анализ состояния развития социоэкономической сферы жизнедеятельности регионов показал следующие важные моменты. Была выявлена связь уровня модернизации (по версии Н.И. Лапина) с основными показателями развития регионов, на которые ссылаются современные ученые в своих исследованиях регионов: ростом популяции, миграции, долголетием, количеством и прибылями фирм, ВРП, доходами и накоплениями населения, коэффициентом фондов и Джини). По сути, эта связь отражает большинство аспектов развития регионов, что в свою очередь актуализирует данный вид анализа для последующего мониторинга оценки уровня социокультурной модернизации регионов и влияния на эти процессы состояния региональных систем управления. Если говорить о конкретных результатах структурно-функционального анализа, то были выявлены факты, подтверждающие, что регионы с высоким индексом развития по версии Н.И. Лапина находятся в стадии, которая уже близка к постиндустриальному развитию, третья и вторая группы (средний и ниже среднего уровня модернизация) регионов находятся в середине индустриальной фазы, а последняя группа (низкий уровень модернизации) − только в начале индустриализации. Такое положение дел характеризуется состоянием и технической оснащенностью организаций ведущих отраслей, которые по мнению экспертов находятся на среднем уровне по сравнению с производством развитых стран. Чуть лучше обстоят дела в развитых регионах. Доля предприятий, осуществляющих инновации, в процентном содержании составляют от 14,4 до 3,2%. Больше инвестиций в инновационное развитие вкладывают предприятия высокомодернизированной группы регионов. Экспертами были выделены отрасли, в которых можно активизировать инновационное развитие.

Проведенный анализ позволяет говорить о том, что наиболее вероятные «точки роста» не могут быть отнесены к категориям постиндустриальных (информационных или интеллектуальных), в связи с этим вектор развития этих регионов скорее индустриальный, нежели информационный.

На всех изучаемых территориях были определены проблемы, тормозящие развитие выделенных отраслей. Регионы с низким уровнем развития чаще сталкиваются не только с финансовыми проблемами, как и регионы средней и высокой модернизации, но и с

проблемами организационно-управленческого характера, в частности, с незаинтересованностью руководств деловых организаций в развитии предприятий и отсутствием оказания помощи последним со стороны местных властей. Особенно это прослеживается в вопросах развития малого бизнеса. Если в развитых регионах формы поддержки малому бизнесу прослеживаются, то в слаборазвитых ее явно недостаточно.

Далее было установлено, что главными показателями развития регионов, отражающими все аспекты развития, являются экспертные оценки технико-технологического развития и уровня индустриализации региона, а также оценки деятельности властей по улучшению ситуации с загруженностью предприятий. Они отражают главный показатель развития региона (ВРП). Достаточно важно сделать акцент на том, что субъективное мнение экспертов широко отражает объективную ситуацию, что создает большое доверие к использованию субъективных оценок при выявлении уровня развития народного хозяйства регионов.

В ходе анализа состояния социальной инфраструктуры было обнаружено, что во всех регионах ухудшилась ситуация с обеспеченностью рабочими местами. Материальные условия, правопорядок и горизонтальные отношения в целом остаются на прежнем уровне. Остальные параметры (транспорт, школы, проф. образование, учреждения рекреации, медицина и т.д.) развиты в разной степени, что говорит о различных стратегиях региональных властей по совершенствованию инфраструктуры.

При анализе коэффициента миграции населения была обнаружена тенденция: ситуация с перемещением людей медленно снижается. Это связано с тем, что главной причиной перемещения была обеспеченность рабочими местами, которая снизилась в развитых регионах.

Также было обнаружено, что миграция продуцирует изменение ситуации со сложившимся укладом, изменением сложившегося порядка и правил игры, что приводит к эскалации национальных и религиозных конфликтов. В подобной ситуации властные структуры начинают занимать жесткую позицию, при которой происходит рост авторитаризма.

При выявлении состояния и характера институционально-регулятивных сфер жизнедеятельности регионов мы пришли к таким выводам: большая часть российских регионов подвержена эффекту квазимодернизации, которая становится возможной по причине недостроенности системы общественных институтов и ее институционально-регулятивных элементов. В регионах доминируют персональные «модернизационные мотивы» кланово-сословных структур, которые сохраняются благодаря жесткой авторитарной вертикали. Процесса «дебюрократизации» (установление устойчивых горизонтальных форм управления) не происходит. В регионах не проявляется интерес региональных систем управления использовать человеческие ресурсы (и их потенциал) в качестве субъектов-организаторов региональной модернизации как на вертикальном, так и на горизонтальном уровне государственных и общественных взаимодействий. Хотя данные указывают на то, что регионы с высоким уровнем модернизации почти в достаточной мере обладают ресурсами для ускоренного развития.

Необходимо сказать, что региональные органы власти и управления не обладают должным уровнем суверенитета, который обеспечивает возможность самостоятельно принимать управленческие решения стратегического характера в рамках организации и проведения достаточно самостоятельной внутренней и внешней политики. В изучаемых регионах прослеживается общая тенденция выстраивания «сверху» вертикали власти. Наибольшую зависимость от центра испытывают регионы из группы среднего уровня модернизации и слабоцивилизационные регионы. Именно они и демонстрируют более низкие темпы развития.

Из оценочных суждений экспертов исходит такой вывод, что пока ресурсы в регионах имеются, но используются они не рационально, не для развития социальной и культурной модернизации. Задействовать и направить социокультурный потенциал на укрепление и

воспроизводство институционально-регулятивной сферы региона пока некому. Власти заинтересованы в общении только между собой для решения текущих бюрократических вопросов в контексте сохранения и воспроизводства властно-управленческой вертикали. Была зафиксирована закономерность: *чем ниже уровень модернизации региона, тем меньше заинтересованность властей в использовании потенциала развития региона.*

В целом все тенденции указывают на то, что в дальнейшем будет только укрепление модели государственного устройства с жесткой властно-управленческой вертикалью, производящей минимальные изменения, связанные, прежде всего, с социальной политикой государства через оказание минимальной помощи слабым и протестным группам населения, а гражданское общество будет состоять из слабых, неустойчивых социальных групп, которые не только сознательно не готовы к модернизации, но и фактически готовы лояльно отдавать права сильному государству вмешиваться и регулировать все отношения [4, с.58] как на горизонтальном, так и на вертикальном уровнях социального взаимодействия.

Индексы способности системы управления в регионе устанавливать конструктивные отношения с различными уровнями и организациями властно-управленческой вертикали достаточно критичны в регионах с низким уровнем цивилизационного развития

Если уровень и качество организации взаимодействия с федеральными и региональными структурами власти эксперты оценивают еще как удовлетворительное, то с бизнесом разного уровня и деловые отношения с финансовыми структурами, соседними регионами и зарубежными партнерами стремятся к критическим значениям. Чуть лучше обстоят дела на горизонтальном уровне отношений, где эксперты отмечают удовлетворительное взаимодействие с местными органами власти, профсоюзами, а также национальными и религиозными организациями. Отдельно следует сказать, что интегральный индекс в обеих группах снижен из-за повсеместной российской проблемы – организации и поддержки малого и среднего бизнеса.

Оценивая способности региональных систем управления устанавливать конструктивные отношения, мы можем констатировать, что в некоторых случаях наиболее цивилизационные регионы уступают слабоцивилизационным и проигрывают в том, что внешние и внутренние организационно-управленческие отношения деформированы из-за слабоорганизованных, коррумпированных и непрофессионально сформированных региональных систем управления, где связи выстраиваются в треугольнике синкретизма «власти, собственности, управления» и где отношения управления априори подменяются отношениями власти, направленных не на воспроизводство новых механизмов регуляции институционально-регулятивной сферы, а на укрепление властно-управленческой вертикали, что особо заметно в регионах с низкими показателями развития.

Однако, мы фиксируем, что наиболее развитые системы регионального управления, вне зависимости от уровня модернизации региона, способны сегодня формировать и внедрять свои специфические регуляторы развития, а также транслировать уникальный, перспективный опыт управленческой практики, как в случае с Белгородской областью.

Эксперты, оценивая компетентность аппарата управления в своих регионах в контексте выполнения традиционных функций управления, указывают на то, что в практике управления регионами ничего особенно не поменялось, власть как доминировала над управлением, такой и осталась, а реальное управление находится на периферии внимания. Особенно характерна такая ситуация для регионов из группы с самым низким уровнем модернизации.

Также экспертной аудиторией были поставлены критические оценки таким важным функциям, которые сегодня не работают в региональных системах управления. Ими стали: проведение исследований возникающих ситуаций силами специалистов, составление предварительных прогнозов для уменьшения неопределенности, планирование работы во всех звеньях управления, организация принятия решений. Никак не прослеживается и такая важная функция, как отчет о результатах перед населением, что явно не способствует организации обратной связи и вовлечению заинтересованных субъектов управления в

региональные организационно-управленческие процессы. На этом фоне сильно редуцирована функция ответственного исполнения управленческих решений.

Определенно удовлетворительно выполняются только те функции, которые направлены на поддержание и укрепление властно-управленческой вертикали. Это контроль исполнения сверху и отчетность о результатах перед вышестоящим уровнем.

Высокая компетентность и стратегическое мышление руководства региона−это важные качества региональных управленцев, помогающие территориям перестраиваться при изменении обстановки и находить нестандартные решения в кризисных ситуациях. К сожалению, мы можем отметить, что данные качества присущи даже не всем регионам из групп высокой и средней модернизации, а если характерны, то не в той достаточной мере, которая бы позволяла говорить о возможностях для сбалансированного индустриального и информационного развития. Только в Московской и Нижегородской областях эксперты ставят удовлетворительные оценки своим региональным органам власти и управления.

Наиболее перспективными в части организации и оптимизации институционально-регулятивных сфер регионов можно назвать только Белгородскую и Московскую области, которые показывают и гибкость, и умение перестраиваться в различных ситуациях и при изменениях общей обстановки.

Оценивая саму деятельность властей, оказалось, что умеренная эффективность реализации стратегических документов в регионе с учетом широкого использования имеющихся ресурсов и потенциала более характерна для регионов с высоким и средним уровнем модернизации региона. Плохо обстоят дела с качеством работы региональных систем управления, т.к. они не учитывают нужды и запросы простых людей. Модернизационные сценарии будущего региона рассматриваются властными структурами через призму собственных интересов и предпочтений, т.е. в контексте персональных и персонифицированных «мотивов модернизации». Главной причиной, по мнению экспертов, является идеологическая неопределенность провозглашенного курса модернизации. Власть сегодня отчуждена от населения и воспроизводит свою систему ценностей, формирует узкий круг бюрократического взаимодействия. Это приводит к тому, что в регионах с низкой модернизацией дела с народным хозяйством и материальной обеспеченностью (в части жилищных условий) обстоят крайне неудовлетворительно, а решения важных инфраструктурных и социальных проблем далеко не на высоком уровне.

В более же модернизационных регионах прослеживается следующая связь: где лучше дела обстоят с качеством управления на местах, там и народное хозяйство, и уровень материального и социального обеспечения выше.

Что касается стилей управления, то во всех 12 регионах подтверждается жесткость выстраивания властно-управленческой вертикали через поддержание командно-административной (авторитарно-клановый, авторитарно-силовой стили) системы управления и их зависимости от федерального центра. Однако, по оценкам экспертов, во всех субъектах прослеживается смешение авторитарно-кланового с иными стилями управления. В условиях усиления властно-управленческой вертикали в изучаемых регионах либо слабо, либо совсем не поощряется антибюрократический стиль поведения в региональных системах управления. В большей части региональные системы управления ориентированы в своей работе на федеральный центр, что называется, полная зависимость от «буквы закона».

На подчинение крупному капиталу откликаются все группы модернизации, кроме группы с низким уровнем модернизации, где просматривается только опора на федеральный центр и местные органы власти.

Практически везде не задействованы представители среднего и малого бизнеса. Заметно низкая степень включенности населения прослеживается в группе с низкой модернизацией, в остальных регионах это проявляется по-разному.

При выяснении возможности опоры в процессе модернизации институционально-регулятивной сферы на политический ресурс органов местной власти и населения оказалось, что это возможно только в высокомодернизационных регионах.

Что же касается модернизационного потенциала населения для преобразования инситутционально-регулятивной сферы региона, то выраженная политическая активность населения была обнаружена только в двух регионах − Республике Саха (Яутия) и Амурской области (по данным экспертов). При внедрении рациональных подходов управления возможен запуск и активизации населения Нижегородской, Свердловской, Вологодской областей.

При рассмотрении информатизации и электронизации региональных систем управления[34] и региона было обнаружено, что трансакционные системы достаточно развиты практически во всех регионах, кроме слаборазвитой группы. Используются эти системы преимущественно в бытовых целях. Однако мы можем говорить о том, что в целом наблюдается положительная динамика по формированию информационных региональных сообществ. Гражданская информациональная активность характерна для регионов высокой и средней модернизации. Существует активность по организации обратной связи населения с различными службами, организациями и учреждениями, но она развита в малой степени. Более чем половина экспертной аудитории во всех регионах уже имела практику дистанционного взаимодействия, однако недоразвитость механизмов решения проблем снижает привлекательность данных видов коммуникации. Это больше относится к слабомодернизационным регионам, где, как мы уже фиксировали, наиболее заметно происходит ужесточение властно-управленческой вертикали.

Активность населения в обсуждении социально-значимых проблем была зафиксирована во всех исследуемых регионах, что указывает на готовность жителей к онлайн-взаимодействию и выработке новых инфосоциальных и институционально-регулятивных элементов. Однако органы власти и управления во всех изучаемых субъектах РФ ориентированы на воспроизводство скорее экономических и юридических каналов обмена информации для реализации бюрократических задач и интересов, чем социально-политических для выработки общих стратегий решения социально-значимых проблем регионов. Как отмечают эксперты, региональные власти даже закрывают доступ населению к социально значимой информации и предоставляют слабые возможности для обсуждения проблем на официальных сайтах региональных и местных властей.

Инфосоциальная модернизации региональных систем управления пока находится в зачаточном состоянии без особой заинтересованности в нем органов местной власти и управления. Наименьшая готовность к инфосоциальной модернизации характерна для регионов с низким и средним уровнем модернизации.

Выводы на основе гипотез исследования:

1) Опираясь на полученные данные, мы подтверждаем генеральную гипотезу общего исследования: *пирамиды территориального управления (административного, экономического, силового) ориентируются наверх и не заинтересованы в поддержке самоорганизации территориальной общности*. Эта зависимость, как мы видим на основе экспертных оценок, выше у регионов со слабым модернизационным развитием, в которых явно выражены ограничения свободы действий от федерального центра.

2) В условиях зафиксированной деформации функций и качества региональных систем управления, ориентированных на усиление властно-управленческой вертикали, мы вправе говорить о целом спектре организационно-управленческих сложностей, которые

[34] Под информатизацией региона мы понимаем модернизацию инфотехнологических средств, а в электронную модернизацию управления регионом мы вкладываем два следующих смысла. В широком смысле, это рациональное воспроизводство комплекса инфосоциальных институционально-регулятивных компонент, обеспечивающих процесс электронной (инфосоциальной) модернизации управления в регионе и его общественных подсистем: экономической, социальной, культурной, государственно-политической, образования, телекоммуникационной. В узком смысле слова под электронной модернизацией управления мы понимаем **переход региональных систем управления от концепции «электронного правительства»** *(e-government)* с центральными доминантами открытости правительственной информации, предоставления публичных онлайновых услуг **к концепции электронного управления** *(e-governance)*, где центральными концептами становятся сотрудничество, участие, координация

сегодня тормозят реальные процессы модернизации институционально-регулятивных систем регионов.

По факту, это не опровергает еще одну гипотезу общего исследования, а именно то, *что деформированное состояние систем управления в регионах (стиль, характер) зависит от социальной организации территорий, от иерархии сформировавшихся вокруг власти и управления социальных групп, от связи местных элит с центром и от их объективной заинтересованности в модернизации.* В этих условиях в ближайшие 5 лет эксперты не ожидают изменений к лучшему в их регионах, а система управления, по их мнению, в регионе останется скорее без изменений. Улучшений закономерно не ожидается в Республике Дагестан, там ждут еще большего ухудшения ситуации и деформаций в управлении, усугубления кризиса власти.

3) На основе данных онлайн-экспертизы мы делаем вывод о том, что во всех рассматриваемых регионах существует инфотехнологический и социоинфокоммуникативный ресурсный потенциал социокультурной модернизации, который должен быть направлен на организацию новых инфосоциальных форм взаимодействия региональных властей с активными региональными агентами по вопросам регионального управления и перспектив его модернизации. В свою очередь, данный вывод дает нам право говорить о подтверждении еще одной нашей генеральной гипотезы общего исследования: *при наличии инфотехнологических (трансакционных элементов) и социально-политических компонент (активность населения в Интернете) система управления в регионах (стиль, характер) зависит от социальной организации регионов, от иерархии сформировавшихся вокруг власти и управления социальных групп, от связи местных элит с центром и от их объективной заинтересованности в модернизации. В сложившихся условиях функционирования властно-управленческой вертикали воспроизводство инфосоциальных инфраструктурных и коммуникативных компонент в регионах−это пока всего лишь проект бизнеса и власти, который предлагается населению в качестве некой данности для организации своей повседневности в отчужденном состоянии от реальных процессов управления регионом и социокультурной модернизации в целом.*

4) Вселяет надежду на перспективность развития регионов лишь тот вывод, что, где наиболее развиты региональные системы управления, там и выше их активность в поддержании и развитии социальной инфраструктуры, в экономическом развитии региона, в поддержании безопасности и правопорядка.

Общие выводы. Подводя общие итоги нашего поискового исследования, мы можем говорить о том, что в совокупности проанализированные статистические данные и оценки онлайн- экспертизы позволили нам не только определить качественные аспекты условий развития регионов в контексте возможностей модернизации региональных систем управления в процессе продолжающейся трансформации властно-управленческой вертикали, но и закрепить перспективное направление социокультурного мониторинга отечественной системы управления с научно-исследовательских позиций дисциплины социологии управления и организаций. Данные мониторинга позволят не только получать социально значимую информацию о возможной активизации региональных субъектов управления в контексте отработки инновационных (инфосоциальных) элементов обратной связи между органами власти и управления с активной частью населения, но производить корректировку векторов развития и стратегий модернизации регионов.

Список литературы

1. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы: коллективный научный труд / [Л.А. Беляева и др.]; сост. и отв. ред. Н.И. Лапин. М.: Весь мир, 2016. 360 с.

2. Белоусов А. «Вертикаль» как политическая метафора // «Свободная мысль». 2007. № 6(1577). С. 23–36.

3. Богданов В.С. Электронное управление в обществе: социальные и познавательные проблемы. М.: Университетская книга, 2016. 325 с.

4. Горшков М.К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). В двух томах. Изд. 2-ое. М: Новый хронограф, 2016. Т.1. 416 с.

5. Ивантер В.В., Комков Н.И. Основные положения концепции инновационной индустриализации России // Проблемы прогнозирования. 2012. №5. С. 3–12.

6. Лапин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация-2010). М.: ИФ РАН, 2010. 135 с.

7. Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России / [В.В. Маркин и др.]; отв. ред. В.В. Маркин. М.: Новый хронограф, 2015. 624 с.

Г.В. Градосельская, И.А. Карпов, Т.Е. Щеглова

КАРТИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИ АКТИВНЫХ ГРУПП В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ (НА ПРИМЕРЕ КЧР)

Аннотация. *Разработана авторская методика, позволяющая собрать данные о политически активных группах Карачаево-Черкесской Республики. Показано, из каких сегментов состоит общественно-политическая активность республики в социальных сетях Фейсбук, Вконтакте и других. Определены ключевые акторы влияния.*

Ключевые слова: *сетевой анализ, региональные сети, on-line социальные сети.*

G.V. Gradoselskaya, I.A. Karpov, T.E. Scheglova

MAPPING OF POLITICALLY ACTIVE GROUPS ON SOCIAL NETWORKS OF RUSSIAN REGIONS (ON THE EXAMPLE OF KCHR)

Abstract. *The author's technique allowing to collect data of politically active groups of the Karachay-Cherkess Republic is developed. It is shown of what segments consists the social and political activity of the republic on the social networks Facebook, VKontakte and others. Defined key actors of influence.*

Keywords: *network analysis, regional networks, on-line social networks.*

1. Описание содержательной проблемы.

Наблюдается оппозиционная активность в социальных сетях Республики. Исследование показало, что активность оппозиции в социальных сетях значительно связана с деятельностью представителей элит Республики. Общественно-политическая активность в социальных сетях намного более разнообразна, включает в себя много течений, отличается от других национальных регионов РФ.

Необходимо было понять, из каких сегментов состоит общественно-политическая активность в социальных сетях в КЧР, насколько широко она представлена. Также необходимо определить ключевые группы и акторов в социальных сетях, на которые следует обратить внимание при работе в информационном пространстве Республики.

Со стороны заказчика были предоставлены группы, персоны и СМИ в разных социальных сетях (ссылки). С нашей стороны использовалась авторская методология по картированию социальных сетей на федеральном и региональном уровнях Российской Федерации, опробованная в нескольких проектах. Картирование социальных сетей проводилось методом зерновой кластеризации.

Период сбора: апрель 2017 года.

Сети сбора: Фейсбук, Вконтакте, Инстаграм, Одноклассники, Живой Журнал.

Исследовательские проблемы сбора информации в социальных сетях по КЧР:

- Небольшое число начальных (зерновых) групп для приращения, полученных от заказчика, много сайтов и персон, мало групп.
- Кластеры по КЧР в социальной сети Facebook оказались наиболее разнообразными и характеризующими социальные процессы, происходящие в информационном пространстве. Они и стали основой для поиска аналогичных ресурсов в других социальных сетях – Vkontakte и Instagram.
- Расширение персональных связей оппозиционеров по сетям дружбы в Facebook. В других сетях персональные аккаунты представлены не так плотно.
- Структура кластеров в социальных сетях Vkontakte и Instagram гораздо более рыхлая и размытая, чем в Facebook. Пороговая сила связи между группами также ниже, чем в Facebook.
- Особенность социальной сети Facebook: политическая ангажированность сети. При наборе ключевых слов в поисковой строке Facebook происходит отсылка к оппозиционным группам (причем, не самым крупным). Например, по слову «КЧР» происходит отсылка к оппозиционной группе «За права КЧР» размером всего 298 участников. По слову «карачае…» происходит отсылка к оппозиционной группе «Блогосфера Карачаево-Черкесии» (размер 5892 участника). По слову «черке…» происходит отсылка к оппозиционной группе «Черкесский ренессанс» (размер 6922 участника).

2. Структурирование кластеров политически активных групп КЧР в Фейсбуке

По первичному структурному картированию в Facebook были выделены 8 кластеров. Общие характеристики кластеров в таблице 1.

Таблица 1

Основные структурные кластеры в социальной сети Фейсбук по КЧР

№	Название структурного кластера	Описание кластера
1	Абхазский	Светский кластер, частично на национальном языке. Посвящен проблемам Абхазии и условиям проживания абхазов в других республиках Кавказа.
2	Адыгский	По большей части националистический, половина – на национальном языке. Содержит также общественно-политические группы и общественное движение. Главная идея – «объединение разделенных народов».
3	Кабардино-Балкарский	По большей части националистический, частично на национальном языке. Содержит также общественно-политические группы и общественные движения.
4	Общекавказский, исламский	Присутствуют группы кавказских республик: Чечня, Ингушетия, Дагестан. Основное содержание – объединение на основании одной религии. Часть групп – чисто исламские, пропаганда образа жизни («исламская семья», «исламские ценности», «исламская медицина», «притеснение мусульман»). Частично на национальных языках.
5	Карачаево-Черкесский	Кластер включает общественно-политические группы, посвященные КЧР, СМИ, и группы в поддержку оппозиции (а также поддерживаемые им общественные движения типа РКНК, Эльбрусоид и т.п.). Кластер связан как с общекавказским исламским кластером, так и с оппозиционным кластером и кластером Ставрополья.
6	Общефедеральная оппозиция	Общефедеральные группы, встречались и ранее при картировании оппозиционных групп на федеральном уровне или уровне Москвы. Координируют активность оппозиции по всей стране (включая КЧР).
7	Ставропольский	Кластер посвящен соседнему региону – Ставрополью. По большей части информационный.
8	Пантюркизм на Кавказе	Кластер основан на активности турецких информационных ресурсов. Частично на турецком языке, частично на русском, частично на национальных языках Республики. Продвигают идеи объединения всех тюрков и территориальных претензий к российским территориям

		(Нижнее Поволжье, Сибирь, Кавказ). Примерно треть групп этого кластера направлена на работу в КЧР (содержит в названии имя Республики или составляющих ее народов).

На рисунке 1 показаны результаты визуализации связей между 370 группами Facebook. Пороговый уровень связей составил 150 человек совместного участия в группах.

Получено четко оформленных 8 кластеров, каждый из которых легко интерпретируется благодаря однородному содержанию их групп. Их можно охарактеризовать следующим образом: Абхазский, Адыгский, Кабардино-Балкарский, Общекавказский (исламский), Карачаево-Черкесский, Общефедеральная оппозиция, Ставропольский, Пантюркизм на Кавказе. Пантюркистский и Общекавказский кластеры являются самыми крупными и оказывают влияние на все остальные.

Кластер «Пантюркизм» основан на активности турецких информационных ресурсов. Частично на турецком языке, частично на русском, частично на национальных языках Республики. Продвигают идеи объединения всех тюрков и территориальных претензий к российским территориям (Нижнее Поволжье, Сибирь, Кавказ). Примерно треть групп этого кластера направлена на работу в КЧР (содержит в названии имя Республики или составляющих ее народов).

В кластере «Общекавказский исламский» присутствуют группы кавказских республик: Чечня, Ингушетия, Дагестан. Основное содержание – объединение на основании одной религии. Часть групп – чисто исламские, пропаганда образа жизни («исламская семья», «исламские ценности», «исламская медицина», «притеснение мусульман» и т.п.). Частично на национальных языках. Довольно много оппозиционных групп, общественно-политических движений, групп пантюркизма, интернет-СМИ.

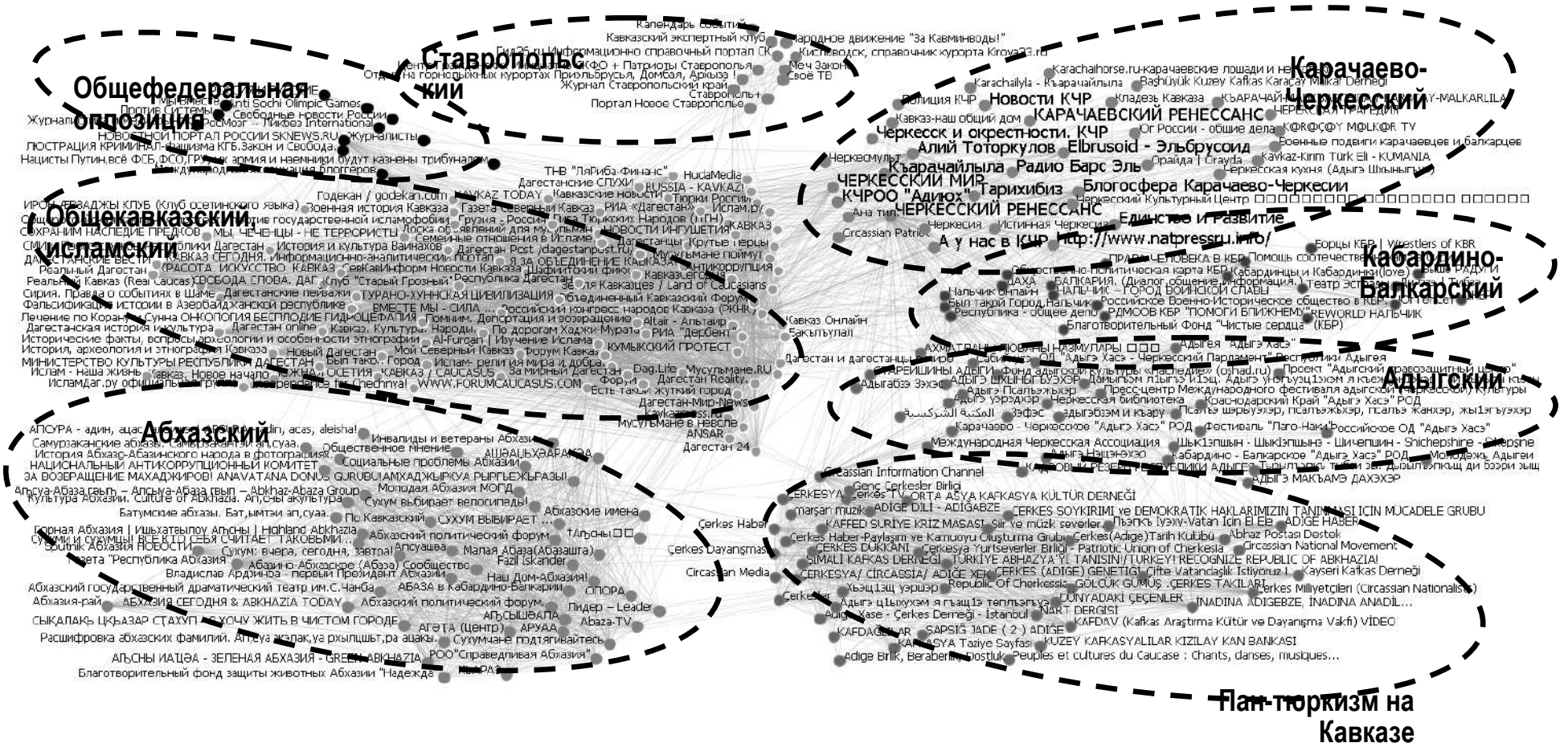

Рисунок 1. Пан-тюркизм на Кавказе

Группы, посвященные КЧР, присутствуют во всех кластерах. Если объединить все эти группы на отдельной схеме, можно выделить 4 основных типа, которые доминируют в КЧР:

- Довольно большое число групп, реализующих пантюркистскую политику Турции («CircassianParliament», ÇERKESSOYKIRIMIveDEMOKRATİKHAKLARIMIZINTANINMASI İÇİNMÜCADELEGRUBU» и т.п.).
- Общественно-политические − входят в зону влияния оппозиции («Черкесский Ренессанс», «Эльбрусоид» и т.п.).
- Оппозиционные группы − входят в зону влияния оппозиции («Карачайла», «Cercassian Patriot» и т.п.).
- Общереспубликанские группы («Черкесск и окрестности», «А у нас в КЧР») и т.п.

Отдельно была проведена оценка потенциального влияния оппозиции на соответствующий сегмент связанных кластеров КЧР в Facebook: общее число уникальных аккаунтов в этом кластере – 36 215.

3. Общие выводы по результатам картирования всех социальных сетей КЧР

Картирование социальных сетей по КЧР показывает большое число и высокую степень разветвленности оппозиционных персональных аккаунтов и групп, по которым распространяется контент антиправительственного (республиканского и федерального) содержания, а также националистический.

Необходимо особо подчеркнуть зарубежные источники оппозиционного и националистического контента, преимущественно из западных и турецких информационных ресурсов. Качество контента очень профессиональное, дорогое, погруженность в реалии Республики весьма полное. Используются для моделирования будущих социальных событий (отмечание особых дат, организация маршей, поддержка общественных движений и т.п.).

Во всех сетях присутствуют националистические, исламистские, оппозиционные группы на русском, английском, турецком, арабском, национальных языках Республики. Часть из этих ресурсов была создана специально для работы на аудиторию КЧР (в названиях групп содержится либо название Республики, либо название народов, проживающих на ее территории).

Если рассмотреть межсетевые взаимосвязи (сравнить представленность аккаунтов и групп между разными сетями), то можно отметить их разную роль в координации коммуникативно-информационных процессов в КЧР:

- Facebook – консолидация и координация основных оппозиционных и националистических ресурсов внутри Республики, федеральных и зарубежных источников. Структура более выраженная, выделяются четкие кластеры, связанные с их содержательной специализацией;
- Vkontakte – районные группы, группы по интересам, молодежные группы. Структура более рыхлая, кластеров немного;
- Instagram – источник видеоматериалов, рассыпается на персональные аккаунты и плотносвязанную структуру информационных ресурсов, СМИ;
- Одноклассники – группы бытового и досугового назначения, имеют давнюю историю и поддерживаются за счет большой социальной инерции;
- Живой Журнал – точки вброса негативных материалов против руководства Республики.

С точки зрения силы влияния на население республики сети Facebook и Vkontakte примерно равны, хотя и направлены на разные цели.

В сети Facebook сконцентрированы международные оппозиционные и националистические контакты, через эту сеть распространяется основной контент, подготовленный на международных ресурсах (в том числе и внесетевого характера, например, cherkessia.net). Также активно используются зарубежные языки общения: английский, турецкий, иногда арабский.

В сети Vkontakte сконцентрированы местные ресурсы как общественно-политического содержания, так и нейтрального в привязке к региону и населенным пунктам.

Одноклассники представляют группы в основном бытового и досугового назначения, однако и в них встречаются точечные политические материалы, размещаемые специальными аккаунтами. Выявить такие материалы на статистическом уровне довольно сложно, необходимо периодически мониторить собранные в данном исследовании информационные ресурсы.

Прочие сети носят более развлекательный и коммуникативный характер. Связи там более разрознены и довольно быстро распадаются на персональные аккаунты (как, например, в Instagram). В Живом Журнале многие аккаунты являются либо устаревшими (неактивны с прошлого года), либо используются как точки вброса компромата на руководство республики (чтобы потом разогнать информацию по сетям Facebook, Vkontakte, Twitter) и их можно расценивать как ботов. ЖЖ на данный момент не является активной сетью, подавляющее большинство аккаунтов по КЧР перешло из ЖЖ в другие социальные сети. По сути, Instagram сейчас взял на себя функции ЖЖ по размещению текущих наблюдений пользователя над самим собой и окружающим миром, кроме того, он значительно понижает пороговый уровень, поскольку для размещения материалов в Instagram-е не требуется подготовки текстов, достаточно смартфона.

Персональные сети оппозиционеров представляют собой единую плотносвязанную сеть, по которой быстро распространяется информация националистического, антигосударственного содержания. Многие из них связаны с информационными технологиями, владеют приемами распространения информации и товаров по сети Интернет, что повышает их потенциальную опасность в информационном противостоянии.

Протестные ресурсы практически во всех сетях занимают центральное положение и аккумулируют вокруг себя ресурсы в основном двух типов: СМИ и общественные движения. Потенциальное влияние, которое эти ресурсы могут оказать на информационное пространство Республики, можно оценить как весьма значительное.

Следует обратить особое внимание на общественные движения, которые открыто поддерживают оппозицию: Эльбрусоид, Российский конгресс народов Кавказа (РКНК), Адыгэ Хасэ (с отделениями в КЧР и соседних республиках), Тархибиз, Карачаевский Ренессанс, Единство и Развитие и т.п. Потенциально эти движения могут быть использованы для проведения социальных акций и/или протестных действий.

В сети Vkontakte по КЧР наблюдается довольно много групп (сравнительно небольших по размеру), которые связаны с миром кино, режиссурой, показом фильмов, с наймом актеров для постановок и т.п. Выводы по этому явлению: во-первых, культурная элита Республики активно вовлечена в процесс производства националистического, антиправительственного контента. Во-вторых, производятся постановочные ролики националистического, антиправительственного содержания. В-третьих, нужны актеры для проведения акций, реализации манипулятивных приемов управления толпой и т.п.

Во всех сетях отмечается явление «информационного минирования» − подготовка к будущей информационной кампании 2017 г. Создаются боты, прокачиваются аккаунты, активизируются аккаунты, которые до сего момента были заброшены.

Л.А. Дартау

ДИАЛОГОВАЯ СИСТЕМА «ЭДИФАР» КАК ЭФФЕКТИВНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СБОРА ДАННЫХ ОТ НАСЕЛЕНИЯ В ФОРМАТЕ МАССОВОГО ОПРОСА

Аннотация. *Приводятся примеры использования диалоговой компьютерной системы для сбора данных социального характера в учреждениях первичной медицинской помощи.*

Ключевые слова: *Компьютерная диалоговая система, качество жизни и здоровье, участие населения.*

L.A. Dartau

DIALOG SYSTEM "EDIFAR" AS AN EFFECTIVE TOOL FOR DATA COLLECTING FROM POPULATION BY MASS POLL FORMAT

Abstract. *Examples are given for computer dialog system's utilization to collect social data in outpatient clinic*

Keywords: *computer dialog system, quality of life and health, population participation.*

История создания автоматизированной компьютерной диалоговой системы, получившей позднее название «ЭДИФАР» (**Э**кспертный **Д**иалог для **И**сследования **ФА**кторов **Р**иска) началась в середине 80-х гг. прошлого столетия [4]. Система предназначалась для сбора данных медико-социального характера от населения в рамках международной программы «СИНДИ». Программа СИНДИ (CINDI – **C**ountry wide **I**ntegrated **N**on communicable **D**isease **I**ntervention program) – программа широкого внедрения профилактики неинфекционных заболеваний (НИЗ). Сегодня, в том числе в связи с выходом Указа Президента РФ № 601 от 7 мая 2012 г. «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления», разработчики системы «ЭДИФАР» предлагают использовать ее как комплекс методологических, организационных и программных средств, предназначенных для решения задач наблюдения (мониторинга) за здоровьем и качеством жизни населения территории (района), выявления потребностей и удовлетворенности населения в услугах муниципальной власти по обеспечению жизнедеятельности населения на местах во всех сферах с учетом знаний, мнений и ожиданий людей.

В данном Указе, в частности, речь идет о достижения **уровня удовлетворенности граждан** Российской Федерации **качеством предоставления государственных и муниципальных услуг** к 2018 году−не менее 90%. И далее, об «…**установлении критериев и порядка оценки гражданами (в том числе с использованием информационных технологий)** предприятий и учреждений, осуществляющих оказание услуг, необходимых для обеспечения жизнедеятельности населения муниципальных образований». В сообщении «Теоретико-управленческое обоснование участия населения в управлении здоровьем и качеством жизни на местах: проблемы и возможности реализации» [1] на этой же конференции дано более подробное изложение последнего варианта разработки ИПУ РАН: «Организационно-правовая технология «ЭДИФАР» (в сфере государственной деятельности по управлению здоровьем и качеством жизни).

Исторически в общественном сознании бытовой термин ***здоровье*** присутствовал у всех народов и, как правило, связывался с частной жизнью индивида и с деятельностью врачей в случаях его временной или частичной утраты. Общественные отношения в данных ситуациях также носили временный и строго конфиденциальный характер, закрепленный в соответствующих законодательных документах, и ограничивались узкими рамками личных контактов со специалистами системы здравоохранения.

С середины прошлого столетия в оценки государственной деятельности руководителей и правительств развитых стран прочно вошло понятие **качество жизни** населения, которое первоначально связывалось с уровнем дохода граждан и обладанием имущественной собственностью, легко исчисляемым в денежном выражении. Сегодня показатели качества жизни включают, в том числе, и здоровье как **меру** и **интегральную характеристику** качества жизни [3]. Понятие здоровье из категории биомедицинского знания перешло в социально-экономическую категорию и используется, как правило, в связке «здоровье и качество жизни».

Как следствие, предпринятое разработчиками значительное расширение первоначального, узкоспециализированного медицинского вопросника для мониторинга деятельности государственных структур на местах, подтвердило эту возможность. Факт, что

местом сбора необходимой информации становится доврачебный кабинет учреждения первичной медицинской помощи (поликлиники), служит лишь подтверждением того, что любое неблагополучие в социальной, экономической, экологической и, наконец, политической сфере может приводить (и приводит, как показывают многочисленные современные исследования общественной жизни) в итоге к ухудшению здоровья отдельных граждан и продолжительности жизни в стране в целом [1]. Решение этих проблем под силу только на уровне государственной власти, способной обеспечить внесение в законодательство Российской Федерации изменений, предусматривающих преодоление межведомственных барьеров. У разработчиков в наличии более 25 тыс. обработанных и проанализированных анкет, а годы, проведенные в обстановке поликлиник, позволяют сделать вывод, что сохранение инфраструктуры бесплатной первичной медицинской помощи в достаточном объеме сравнимо с обеспечением социальной безопасности на местах. Не касаясь при этом возможных преимуществ в качестве обслуживания отдельных граждан со стороны частных медицинских организаций, предоставляющих платные услуги, можно утверждать, что именно государственные поликлиники способны создавать у населения ощущение чувства равенства и доступности медицинской помощи.

Приведем некоторые примеры ответов на вопросы, полученных в разное время, в разных возрастных группах и в разных учреждениях. Цель – продемонстрировать возможный спектр тем для обсуждения с населением в доврачебном кабинете поликлиники.

В связи с актуальностью проблем в условиях роста неблагополучных тенденций в молодежной среде – агрессивности, суицидальных рисков, наркотизации, психофизической (психосоматической) и психосоциальной дезадаптации современной молодежи, начнем с подростков.

Ответы на вопрос в таблице 1 демонстрируют одно из главных достоинств технологии ЭДИФАР – возможность легкой перепроверки и повторяемости результатов собеседования.

Таблица 1

Распределение , %

Бывают ли у вас ссоры в семье?	**Юноши, 1999 г. 372 чел.**	**Девушки, 1999 г. 559 чел.**	**Юноши, 1998 г. 370 чел.**	**Девушки, 1998 г. 366 чел.**
1. Нет	26,04	12,52	24,05	9,02
2. У нас все, как у людей	40,86	41,5	42,16	47,27
3. Да, но меня это не касается	4,57	4,83	5,95	4,37
4. Да, и меня это сильно огорчает	22,04	36,85	21,62	35,52
5. Затрудняюсь ответить	6,45	4,29	6,22	3,83

Как видно из ответов на этот непростой в психологическом отношении вопрос, ситуация практически не изменилась за год, в ответах нет «чехарды», и они вызывают доверие. Ответ **5** здесь необходим, хотя количество выбравших его невелико. Традиционно принято считать, что мальчиков сложнее воспитывать в подростковом возрасте. Однако если посмотреть глазами подростков, то складывается впечатление, что юноши живут в более благополучных семьях.

В предыдущие годы мы убедились, что некоторые подростки просят о помощи и необходим прием специалиста во время диспансеризации для этих ребят. В один из дней мы организовали прием таких подростков в соседнем кабинете экспертом к.м.н. Крюковым Г.Б. – медицинским психологом из Московского педагогического университета. В кабинет к нему приглашались учащиеся, выбравшие ответы **3** или **4** на приведенный ниже в табл. 2 вопрос.

Наши предположения об эффективности такого рода организации помощи подросткам подтвердились. По расписанию диспансеризация продолжалась с утра до 2-х часов дня, однако никто из получивших рекомендацию проконсультироваться у специалиста не ушел. Прием у него продолжался до 7 вечера. По мнению эксперта, все они были настроены на контакт, и большинство из них действительно нуждалось в помощи [2].

Таблица 2

Распределение, %

Как бы ответили самому/самой себе на вопрос: все ли у меня сейчас в порядке?	**Юноши, 2000 г. 216 чел.**	**Девушки, 2000 г. 325 чел.**
1. Да, все	52,31	55,38
2. Нет, не все, но это меня мало беспокоит	29,63	24,31
3. Нет, и я нервничаю	12,50	14,77
4. Нет, у меня сейчас все плохо	2,78	4,31
5. ...	2,78	1,23

Суицидальному поведению посвящено несколько вопросов анкеты для студентов младших курсов одного из вузов Москвы (табл. 3).

Таблица 3

Распределение, %

Юноши				**Текст вопроса:**	**Девушки**			
2002 г. осень 578 чел.	2003 г. весна 651 чел.	2003 г. осень 943 чел.	2004 г. весна 704 чел.	Знаете ли вы, что означают термины «суицид» и «суицидальное поведение»?	2002 г. осень 176 чел.	2003 г. весна 178 чел.	2003 г. осень 261 чел.	2004 г. весна 204 чел.
				Текст ответов:				
13,15	11,83	13,15	9,52	**1.** Нет, не знаю	11,36	9,55	13,03	10,29
21,11	17,67	24,50	20,03	**2.** Представляю, о чем идет речь	14,77	20,79	25,67	20,10
65,74	70,51	62,35	70,45	**3.** Да, знаю	73,86	69,66	61,30	69,61

Ниже в объединенной таблице 4 в центральном столбце приведены формулировки этих вопросов, а справа и слева от него количества юношей и девушек, выбравших ответы «ДА» на эти вопросы.

Таким образом, несмотря на юный возраст и относительно высокий текущий потенциал физического и социального здоровья, молодые люди демонстрируют достаточную жизненную мудрость в расстановке акцентов при ответах на эти непростые вопросы. Минимально «оправданными» оказались материальные причины, а максимально – причины, связанные как раз с осложнениями ХНИЗ, хотя практически никто в аудитории во время лекционных занятий не смог ответить на вопрос: «Что такое ***эвтаназия***?». Никто также не слышал и об уже принятом законе об эвтаназии в некоторых странах. Достаточно высокий процент студентов, выбравших ответ «ДА» на вопрос с последней формулировкой, требует дальнейших контактов с ними для выяснения причин.

Отметим, что работа с подростками и молодежью требует особых психотерапевтических подходов и обязательной конфиденциальности. Как показал наш опыт, предпочтение должно отдаваться индивидуальным беседам (хотя это и очень дорого), поскольку коллективные занятия сложно сделать привлекательными для этого возраста. Предстоит еще огромная работа в этом направлении, в том числе и по созданию учебников, не просто излагающих особенности строения человеческого тела, психики и правила гигиены, а призывающие к сотрудничеству с государством в вопросах управления здоровьем, учитывая при этом, что многие проблемы молодежной среды требуют не столько медицинского, сколько педагогического вмешательства воспитательно-образовательного характера [5].

Таблица 4

Распределение, %

Юноши				**Начало текста вопроса:**	**Девушки**			
2002 г. осень 578 чел.	2003 г. весна 651 чел.	2003 г. осень 943 чел.	2004 г. весна 704 чел.	«Суицид» – это синоним слова «самоубийство». Как вы считаете, могли бы оправдать попытку самоубийства …	2002 г. осень 176 чел.	2003 г. весна 178 чел.	2003 г. осень 261 чел.	2004 г. весна 204 чел.
Количество ответивших «ДА»				**Конец текстов вопросов 151–157:**	**Количество ответивших «ДА»**			
9,52	11,06	7,42	8,66	**1.** несчастная, безответная любовь?	10,23	6,74	9,96	7,35
9,00	9,98	6,68	8,24	**2.** смерть близкого, родного человека?	10,80	11,24	18,01	14,22
10,73	10,60	8,59	10,51	**3.** крах личных планов, потеря жизненных позиций?	13,07	10,11	13,41	9,31
5,54	**3,38**	**4,24**	**3,41**	**4.** банкротство, материальные проблемы или бедность?	**5,11**	**4,49**	**6,51**	**2,94**
10,90	8,45	8,38	9,52	**5.** страх наказания, уголовное преследование?	13,07	8,99	14,56	9,31
37,54	**34,72**	**33,51**	**33,10**	**6. тяжелое соматическое заболевание (неизлечимая болезнь)?**	**42,61**	**44,94**	**41,76**	**40,20**
17,82	**16,28**	**13,26**	**14,49**	**7.** известны ли вам другие причины, которые могли бы оправдать попытку самоубийства?	**14,20**	**11,80**	**11,11**	**12,75**

В отношении трудоспособных респондентов приведем ответы на два вопроса, которые исключительно интересны в плане оценок популяционного благополучия, а точнее, благополучия той части населения, которую в России принято называть «простыми людьми».

Таблица 5

Распределение, %

Можете ли вы оценить ваш уровень жизни на сегодняшний день?	**Мужчины,** 1998 г., 230 чел.	**Женщины,** 1998 г. 486 чел.
1. низкий	15,22	14,43
2. ниже среднего	18,7	18,97
3. средний	53,91	54,64
4. выше среднего	3,91	3,51
5. высокий	1,30	1,03
6. затрудняюсь ответить	6,96	7,42

Похоже, что население, которое пользуется бесплатными медицинскими услугами, мало знакомо с размерами потребительских корзин и минимальным прожиточным минимумом, которые очень часто публикуются в прессе. Оценки мужчин и женщин практически совпадают, и они значительно выше официальных. И это в атмосфере поликлиники, которая никак не способствует приукрашиванию действительности.

Ответы на этот вопрос в таблице 6 просто поражают. Как будто бы и не было 17 августа 1998 года.

Таблица 6

Распределение, %

Изменилось ли Ваше благополучие за последние годы?	**Мужчины,** 1998 г. 230 чел.	**Женщины,** 1998 г. 486 чел.
1. Нет	34,78	31,34
2. Ухудшилось	29,13	32,16
3. Улучшилось	17,39	22,68
4. Затрудняюсь ответить	18,70	13,81

Принято считать, что женщины более трезво и без затруднений оценивают экономическое положение семьи. Тогда получается, что треть населения стала жить хуже, еще треть сохранила свой уровень, а 23% его повысили. По технологии ЭДИФАР очень легко тут же разделить данные или посмотреть сочéтанности по любому признаку. В 1998 г. 17 августа произошло событие национального масштаба (дефолт), которое не могло не повлиять на результаты ответов на этот вопрос. Посмотрим, как выглядело это «благополучие» до и после 17 августа (табл. 7).

Таблица 7

Распределение, %

Изменилось ли Ваше благополучие за последние годы?	**Мужчины до 17 авг.** 169 чел.	**Мужчины после 17 авг.** 61 чел.	**Женщины до 17 авг.** 351 чел.	**Женщины после 17 авг.** 135 чел.
1. Нет	31,95	42,62	32,19	28,89
2. Ухудшилось	26,04	37,7	28,21	42,22
3. Улучшилось	19,53	11,48	25,36	15,36
4. Затрудняюсь ответить	22,49	8,19	13,96	13,33

Данные отчетливо свидетельствуют о разнице оценок в пользу ситуации до 17 августа 1998 года.

В процессе собеседования пожилым пациентам задается вопрос, после которого многие начинают плакать, табл. 8.

Таблица 8

Распределение, %

Есть ли у вас надежда на помощь и уход со стороны близких, когда это потребуется?	**Мужчины** 122 чел.%	**Женщины** 400 чел.%
1. Да, я так думаю	48,36	61,25
2. Да, но я не уверен(а)	18,03	10,50
3. Нет, скорее всего	9,84	7,75
4. Нет такой надежды	17,21	16,75
5. Затрудняюсь ответить	6,56	3,75

Данные таблицы 8 показывают, что почти каждый пятый (или даже третий, с учетом суммы третьего и четвертого ответов) пожилой человек живет под постоянным давлением отрицательных переживаний. Что касается государственной помощи пожилым людям путем строительства разного рода специализированных «мест пребывания», то отношение населения к этим инициативам можно было бы оставить без комментариев (табл. 9).

Таблица 9

Распределение, %

Какая из современных форм государственной помощи пожилым вам кажется наиболее предпочтительной (в случае необходимости)?	**Мужчины, 1998 г.** 122 чел.	**Женщины, 1998 г.** 400 чел.
1. пансионат для пожилых	4,1	2,75
2. Дом дневного пребывания (с питанием и лечением)	2,46	2,75
3. Дом специального проживания пожилых (с медицинским обслуживанием)	8,2	4
4. Обслуживание на дому, где вы живете	40,16	52
5. Трудно говорить на эту тему	18,03	15,5
6. Не задумывался(лась) об этом	27,05	23

Иными словами, среди тех, кто думает и соглашается говорить на эту тему, нет желающих провести в государственном учреждении остаток жизни, а, следовательно, при любом качестве ухода и оснащения эти учреждения останутся для населения «золотыми клетками» и «гордиться» ими может только сама власть. Вопрос о возможности организации ухода до последних дней и минут жизни на дому для беспомощных (или в хосписе для больных), зависит только от самой власти, и по классической схеме управления решение этого вопроса не может быть передано ни медицинским, ни социальным учреждениям (которые могут лишь породить только еще одно учреждение в своей же структуре). Роль этих учреждений – исполнительная, а мнение населения по поводу деятельности любой из этих исполнительных структур можно узнать в доврачебном кабинете поликлиники.

Список литературы

1. Дартау Л.А. Государственное управление здоровьем и качеством жизни. Ч. 1. Объект, субъекты, обязанности и ответственность // Проблемы управления. 2015. № 2. С. 52–59.

2. Дартау Л.А., Семикин Г.И. Технология и компьютерная система «ВАЛЕО-МГТУ» как основа валеологического сопровождения процесса обучения в техническом университете. (Препринт). М.: Институт проблем управления, 2001. 66 с.

3. Здоровье для всех к 2000 году – ГЛОБАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ // ВОЗ. Всемирная Ассамблея здравоохранения. Сессия 34-я (А34/5): Программа ВОЗ. Женева. 1981. 76 с.

4. Потанина Ю.А., Дартау Л.А., Белоконь О.В. Компьютерная технология ЭДИФАР как средство сбора данных от населения (для разработки социальной политики на местах). М.: Московский лицей, 1999. 205 с.

5. Семикин Г.И., Дартау Л.А., Стефанюк Е.А. Здоровье и образ жизни человека: возможности управления: Учеб. пособие. М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2006. 64 с.

А.М. Долгоруков

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ДЛЯ ИННОВАЦИЙ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Аннотация. *Доклад содержат общую концепцию и краткое описание социальной технологии, которая может обеспечить быстрое и эффективное развитие регионов России на современном этапе. За представленной здесь технологией закрепилось название «социальный дизайн», который понимается как метод конструирования или преобразования социальных общностей через прикрепление их к новым смыслам. Социальный дизайн позволяет разрабатывать и преобразовывать социальные системы (организации, поселения, общественные движения и социальные институты) и развивается в перспективе*

социологии инноваций. Технология социального дизайна развивается на основе антропо-социо-культурной парадигмы российской социологии [8] и методологии «мягкого» системного анализа.

Ключевые слова: *абдукция, атлас модернизации России, логика социального проектирования, социальная технология, социальный дизайн, социология инноваций.*

A.M. Dolgorukov

SOCIAL TECHNOLOGIES FOR INNOVATIONS IN REGIONS OF RUSSIA

Abstract. *Article contains the general concept and theoretical justification of special technology to which in scientific literature the name − «social design» [3] was assigned. The social design allows to develop and transform social systems (the organizations, settlements, social movements and social institutes). The social Design is presented, here, as a method of designing or transformation of social systems through their attachment to new meanings. The technology of social design is developed on the basis of an anthropo-socio-cultural paradigm of the Russian sociology [8] and methodologies of the «soft» system analysis.*

Keywords: *abduction, atlas of modernisation of Russia, logic of social design, social technology, social design, sociology of innovations.*

Введение

В докладе представлена оригинальная российская технология−«социальный дизайн», обеспечивающая инновационное развитие общественных систем любого уровня (организаций, поселений, институтов и общественных движений) [3].

Как отмечалось на круглом столе профессором Н.И. Лапиным, «практическая и методическая проблема, которая может тормозить раскрывающиеся благодаря «Атласу модернизации России и ее регионов» беспрецедентные в истории современной России возможности для инноваций в регионах и модернизации в целом заключается, в частности, в отсутствии социальных технологий» [1].

Преобладание научных исследований и, как следствие, «рекомендаций» социологов над практическими разработками и инновационными внедрениями−это общая «запущенная болезнь» всей мировой социологии. Кому нужны научные рекомендации?

Политикам они, очевидно, не нужны, ибо не вписываются в их политические позиции, интересы и цели. Социологам рекомендации также не нужны, ибо, производя эти «научные рекомендации», социологи, в массе своей, не имеют представлений, как на деле обращаться с этими рекомендациями.

Нужны действия, а не рекомендации. Осмысленные и профессиональные действия подразумевают соответствующие ***технологии и компетенции***, позволяющие действовать, а не «писать рекомендации». Ни первым, ни вторым «социологи-ученые» в основном не владеют.

В России это проявляется особенно остро.

Постановка проблемы

Тезис 1. Очевидно, политики в обозримом будущем не будут пользоваться рекомендациями социологов. В первой половине XXI в. с «самолечением» в конструировании социального мира будет закончено, социальные инновации будут производить социологи новой волны−*социальные дизайнеры*, выполняя запросы различных социальных групп, выявленные социологами или транслируемые политиками. И, ***это самый многообещающий тренд в мировой социологии!***

Социальными инновациями будут заниматься специалисты высочайшей квалификации −«***социальные дизайнеры***», которые будут способны понимать сложные социологические теории (и результаты исследований на их основе) и уметь применять

социальные технологии в реальных инновационных практиках на микро- мезо- и макроуровнях.

В нескольких социологических центрах планеты в настоящее время уже формируется практика подготовки социологов с нужными для инновационной деятельности компетенциями. Россия не исключение, в частности, под руководством автора этого доклада разработана магистерская программа подготовки ***социальных дизайнеров*** [4].

Тезис 2. Новое сегодня все чаще зарождается в виде невидимых для традиционной социологии ***семиотических потоков*** в социальных сетях Интернет, а потом, неожиданно для социологов и политиков? «ломает что-нибудь» из того, что плохо «функционирует» в реальной жизни. Такие нововведения часто не опознаются социологами как позитивные и вместо поддержки подвергаются давлению со стороны властвующих структур. В результате, инновационная деятельность в регионах не эффективна, не регулярна и успешный опыт не воспроизводится и не распространяется.

По этой причине мы прогнозируем реальный сдвиг от всех видов опросов к «**наблюдению» *динамического гипертекста в социальных и профессиональных сетях.*** *Именно здесь лежит ключ к интенсификации подлинного социального творчества масс в регионах, которое должно сменить вымороченную и потому обреченную на провал «модернизацию сверху».*

Одна из причин состоит в том, что с возникновением социальных онлайн-сетей (обывательских и профессиональных) многие *социальные коды не работают.*

Online-пространство момента своего зарождения и до настоящего времени является «ризомаморфным» (Делез) социальным образованием без сложившихся структур (социальных форм); без институционально оформленной иерархии; с сильными и частыми новыми семиотическими потоками; с новой, не известной нам, топологией.

Появление Интернета (в частности социальных и профессиональных сетей; средств научной навигации; веб-сайтов второго поколения и мобильных гаджетов) беспрецедентно меняет в социологии: объяснительные теории социализации; социального капитала; социальных статусов и ролей; поменяло представления о социальном времени и пространстве; изменит уже сегодня до неузнаваемости методы сбора данных и многое другое.

Таким образом, выявление и прогнозирование (так же, как и формирование) потребностей населения в социальных инновациях будет происходить в ближайшее время в социальных сетях и «выплескиваться» в пространство повседневности совершенно неожиданно для тех социологов, которые применяя архаичные методы сбора данных (вроде офлайн-опросов) будут беспомощно пытаться что-то понять.

Дискуссия и выводы

Социологи в основном лишь изучают этот мир, не предлагая теорию и методы масштабных социальных инноваций, учитывающих заметные изменения в концепциях проектирования пространства, возросшей мобильности населения и ускорения социального времени. Вместе с тем в социологии инноваций нарастает волна исследований и практик, которые предлагают новые методы, направленные не на изучение социальной реальности, а на *социальное проектирование*. В частности, речь идет об уникальной российской разработке: социальной технологии, за которой закрепилось название ***«социальный дизайн».***

Осмысление представленной здесь технологии в качестве особого вида деятельности происходило несколько десятилетий и не обязательно в русле только социологии. Данное направление мысли и практики долгое время развивалось как междисциплинарный дискурс [3; 5; 6; 9; 11; 12; 14]. Осознание того, что дизайнерское мышление и методы, с ним связанные, отличаются от *научного* мышления, происходило, в частности, в среде профессиональных дизайнеров.

В России, которая втянулась в многолетние институциональные преобразования, дизайнерское мышление вызвало живой интерес уже как основа для разработки методов собственно социальных преобразований:– создание новых для страны типов организаций;

новых поселений; новых социальных институтов. Возникла перспектива для реальной инновационной социологии [6; 9].

С развитием представлений о том, что бизнес-организации надо постоянно и осознанно развивать и, нередко, радикально преобразовывать, здесь также возрос интерес к дизайнерскому мышлению.

В развиваемом автором данной статьи подходе создания социальных систем любого уровня – *социальном дизайне* – речь всегда идет о реально воплощаемом в жизнь проекте, а не о замысле типового проекта или научной рекомендации. Мы не изучаем социальные общности (организации; поселения, проекты поселений, общественные движения и социальные институты) мы их *создаем вместе с заказчиком, исполнителями и потребителями*.

По этой причине *дизайн-исследование* (в качестве органичной части социо-дизайнерского проекта) не преследует цели получить научное знание в виде: общих положений, относящихся к классу типичных проектов; рекомендаций к проектным разработкам; отчуждаемых методик проектных решений. Дизайн-исследование – это подсистема социальной технологии, содержащая набор диагностических методик и мысле-коммуникативных практик, обеспечивающих дизайн (а не проектирование) социальных систем на всех этапах воплощения замысла в жизнь [5; 3]. Чтобы обосновать данное выше утверждение, необходимо ввести различение между научным и *социо-дизайнерским знанием.*

Какая особенность научного знания прямо влияет на методологию и методы исследований, в частности, в социологии?

Социология как наука является видом интеллектуальной деятельности, которая состоит из формирования нетривиального и хорошо подтверждаемого убеждения в отношении некоторой части социального мира с целью лучшего понимания этого мира. Нам, как минимум, надо уточнить две вещи: что такое «часть мира» и «хорошо подтверждаемое убеждение». Если, в одном случае, говоря «часть мира», мы имеем дело со множеством характеристик на одном объекте – это единичный фрагмент мира и, скорее всего, нас он интересует как феномен, а не как представитель класса подобных объектов. Если же, во втором случае, мы имеем дело с одной переменной и множеством объектов, фрагментом мира будет класс типичных объектов. Во втором случае мы оперируем «научным знанием», т. е. *деконтекстуализированным высказыванием* о вещах, свойствах и отношениях, проявляющихся на некотором классе объектов. Но с чем мы имеем дело в первом случае?

Это не научное знание это, скорее инженерное (дизайнерское, социо-дизайнерское) знание, которое ничего не утверждает о других аналогичных объектах. Оно бывает необходимо для конструирования новых объектов, радикального преобразования (развития) деградировавших объектов и диагностики действующих объектов. Такое знание обладает рядом характеристик, которые делают проблематичным причислением его к классу научных:

– это знание относится к феномену и не относится к классу типичных объектов;

– оно сильно зависит от контекстов, тогда как научное знание как можно тщательнее «освобождается» от контекста;

– оно предназначено для действия «здесь и сейчас», а не для приращения знания для действий «там и потом»;

– оно не предназначено для *проверки* установленных на этом объекте фактов на других объектах и при других обстоятельствах.

Но, может быть, самым важным является то, что *логика порождения* и обоснования социо-дизайнерского знания существенно отличается от порождения и обоснования научного знания.

Социо-дизайнерское знание оценивается и обосновывается по правилам *абдукции* (а, не дедукции или индукции) и в соответствии с интерпретивистской эпистемологией. Это меняет в социологии если не все, то многое.

Учитывая латинское происхождение термина «абдукция», введенного семиотиком Пирсом, его можно перевести как: «увод к лучшему объяснению» [16]. Заключение в абдукции идет за пределами того, что (логически) содержится в посылках (поэтому оно не обладает статусом логической необходимости), но, «в абдукции есть неявное или явное обращение к объяснительным соображениям (контекстам и ценностям), тогда как в индукции—нет; в индукции есть только обращение к наблюдаемым частотам или статистике». Приемы абдуктивных рассуждений являются рутинными, например, в медицине, где врач не является ученым и концентрируется на диагностике состояния конкретного больного, а не на научном анализе болезни, как таковой [13].

В настоящее время мы выделяем три формы абдукции, первые две из которых принято причислять к техническому или архитектурному дизайну [12], а третью форму мы относим к развиваемому нами направлению – социальному дизайну [2].

Отмечая российские оригинальные разработки, которые во многом предвосхитили идеи, положенные в основу обсуждающегося здесь метода, надо отметить растущий на Западе «…интерес к дизайнерскому мышлению, выраженный бизнесом и управленческими сообществами» [12; 14; 11]. В целом, исследования последних двух десятилетий в междисциплинарном дискурсе говорят, на наш взгляд, о следующем.

Наряду с *научными* исследованиями (эмпирическими, теоретическими), создающими *деконтекстуализированное знание,* крайне важно развивать системную методологию и специальные методы, которые разработаны под диагностику проектных ситуаций «здесь и сейчас». Речь идет о «социо-дизайнерском исследовании», которое является подсистемой любого масштабного социального проекта, определяющей проектные решения, а не «комментирующим довеском» к проекту.

Для подлинно инновационного развития регионов Российской Федерации, наряду с «Атласом модернизации России и ее регионов», разработанным профессором Н.И. Лапиным и его сотрудниками, нужны социальные технологии и люди, владеющие этими технологиями – *социальные дизайнеры.* Это единственная возможность уйти от беспомощных и бессмысленных «научных рекомендаций в никуда», которыми занимается «потерявшая след» российская социология.

В России происходит институциональное оформление данного направления инновационной практики, в 2008 году проведена первая всероссийская конференция по социальному дизайну [5], разработана магистерская программа, которая сделала пять выпусков социологов [4]. Включение данной *социальной технологии* в практику преобразований на основе «Атласа модернизации России и ее регионов» не только повысит эффективность социальных инноваций, но и будет способствовать закреплению приоритета российской социологии в развитии социальных технологий в сфере инноватики.

Школа Социального Дизайна, созданная и возглавляемая автором данного доклада, уже более десятилетия занята разработкой методологии и инструментов социального дизайна. Подготовлено пять выпусков Магистров Социального Дизайна, которые защитили диссертации и получили дипломы государственного образца. Мы готовы в сотрудничестве с Институтом социологии Российской академии наук и региональными властными структурами быстро и эффективно развернуть инновационную практику в любом регионе России.

Список литературы

1. Круглый стол «Основания, смыслы, способы социокультурной эволюции России в XXI столетии». 6 апреля 2017 г. URL: http://iphras.ru/uplfile/root/news/archive_events/2017/06_04_2017.pdf (Дата обращения: 05.04.2017).

2. Долгоруков А.М. Дизайн-исследование: новая онтология; инновационная методология и метод конструирования социального мира // Материалы научно-практической конференции «Гуманитарное измерение города». М.: Философский факультет МГУ

им. М.В. Ломоносова, 2015. [Электронный ресурс] // Школа Социального Дизайна. URL: https://www.socialdesign-dolgorukov.com/open-publications (Дата обращения: 05.04.2017).

3. Долгоруков А.М. Социальный дизайн: создание жизнеспособных систем. М.: РИЦ МГГУ им. М.А. Шолохова? 2011. 269 с.

4. Долгоруков А.М. Магистерская программа «Социальный Дизайн» [Электронный ресурс] // Школа Социального Дизайна. 2010 URL: http://www.socialdesign-dolgorukov.com (Дата обращения: 05.04.2017).

5. Долгоруков А.М. Социальный дизайн – создание жизнеспособных систем // Всероссийская научно-практическая конференция «Социальный дизайн – создание и развитие жизнеспособных систем (организаций, поселений, общественных движений, межэтнических отношений)». Москва, 19 июля 2008 г. / Под ред. А.М. Долгорукова. М.: Национальный институт «Высшая школа управления», 2008. С. 3–12.

6. Дудченко В.С. Основы инновационной методологии М.: На Воробьевых, 1996. 68 с.

7. Лапин Н.И. Круглый стол «Основания, смыслы, способы социокультурной эволюции России в XXI столетии». 6 апреля 2017 г. URL: http://iphras.ru/uplfile/root/news/archive_events/2017/06_04_2017.pdf (Дата обращения: 05.04.2017).

8. Лапин Н.И. Общая социология: учебник для академического бакалавриата / Н.И. Лапин. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2017. 367 с.

9. Лапин Н.И. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / [Л.А. Беляева и др.]; сост. и отв. ред. Н.И. Лапин. М.: Весь мир, 2016. 360 с.

10. Лапин Н.И. Теория и практика инноватики М.: Логос, 2012. 328 с.

11. Collins et al. Design Research: Theoretical and Methodological Issues // The Journal of the Learning Sciences. 2004. 13 (1), P. 15–42.

12. Dorst K. The core of «design thinking» and its application // Design Studies. 2011. 32(6). P. 521–532.

13. J. Hobbs R. Abduction in Natural Language. 2004.

14. Andy Lock, Tom Strong. Social Constructionism: Sources and Stirrings in Theory and Practice. Cambridge University Press, 2010.

15. Manen S. van, Avard G., Martínez-Cruz M. Co-ideation of disaster preparedness strategies through a participatory design approach: Challenges and opportunities experienced at Turrialba volcano, Costa Rica // Design Studies. 2015. Т. 40. P. 218–245.

16. Edward N. Zalta (Principal Editor): Stanford Encyclopedia of Philosophy http://plato.stanford.edu/cite.html.2014 (Дата обращения: 05.04.2017).

А.В. Ермишина

ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ИНДИКАТОР ОТНОШЕНИЯ ГРАЖДАН К ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ В СФЕРЕ ЖКХ

Аннотация. *Проверяется исследовательская гипотеза о том, что экономические показатели состояния сферы жизнеобеспечения в России (уровень и динамика тарифов ЖКХ, расходов населения на жилищно-коммунальные услуги и т.д.) влияют на электоральную активность и степень лояльности населения к действующей власти.*

Ключевые слова: *электоральное поведение, жилищно-коммунальные услуги, государственная политика в ЖКХ, тарифы на жилищно-коммунальные услуги, городские округа.*

A.V. Yermishina

VOTING BEHAVIOR AS AN INDICATOR OF THE RELATIONSHIP OF CITIZENS FOR THE STATE POLICY IN THE SPHERE OF HOUSING AND COMMUNAL SERVICES

Abstract. *The research hypothesis is being tested that the economic indicators of the state of the life-support sphere in Russia (the level and dynamics of housing and communal services tariffs, public spending on housing and communal services, etc.) affect the electoral activity and the degree of population loyalty to the current government.*

Keywords: *voting behavior, housing and communal services, state policy in housing and communal services, tariffs for housing and communal services, urban districts.*

Государственная политика в сфере жилищно-коммунального комплекса остается одной из самых проблемных на протяжении всего периода реформирования постсоветской экономики в России. Имеет место недофинансирование жилищно-коммунального комплекса России, среди причин которого называется высокая степень политизированности тарифной политики в отрасли. Зависимость государственной политики реформирования ЖКХ от политических факторов объяснялась необходимостью обеспечения социальной и политической стабильности в обществе, в то время как повышение расходов населения на ЖКУ могло провоцировать протестные действия. В отличие от протестных действий, организация которых сопряжена с рядом сложностей, сформулированных в теории коллективных действий, электоральное поведение населения может быть прямым индикатором отношения населения к государственной экономической политике, в том числе и в сфере ЖКХ как отрасли жизнеобеспечения.

В работах, посвященных политической и электоральной активности населения России и ее динамике, исследовались различные факторы, определяющие электоральное поведение и связанные как с социально-демографическими характеристиками населения, так и с особенностями политического процесса в России. Экономические аспекты и политика в ЖКХ в этих работах не рассматривалась в качестве самостоятельного фактора, влияющего на электоральное поведение населения.

В настоящей работе предпринимается попытка выявить влияние результатов государственной политики в сфере ЖКХ на электоральное поведение населения российских городов. В ходе исследования проверяется исследовательская гипотеза о том, что экономические показатели состояния сферы жизнеобеспечения в России (уровень и динамика тарифов ЖКХ, расходов населения на жилищно-коммунальные услуги и т.д.) наряду с другими экономическими, социальными и идеологическими факторами влияют на электоральную активность и степень лояльности населения к действующей власти.

Проблема исследования влияния экономических показателей состояния и развития жилищно-коммунального комплекса на электоральное поведение населения в более широком контексте предстает как часть фундаментальной научной задачи взаимовлияния экономики и политики, а именно, влияния экономических факторов на электоральное поведение населения и результаты избирательного процесса.

К истокам исследования влияния экономических детерминант на электоральное поведение населения можно отнести работы Monroe [9], Schneider & Frey [12], Nannestad & Paldam [10], Anderson [1] и др. На основании социологического опроса, представленного в Lewis-Beck [7], автор отмечает, что практически во всех развитых капиталистических странах экономические мотивы являются наиболее важными при голосовании. Простая гипотеза о голосовании на основании экономических мотивов (граждане голосуют за действующее правительство, если все хорошо, и голосуют против – в противном случае) впервые встречается у Key [6]. Идентичные заключения можно встретить во многих работах современных исследователей. Например, Bélanger & Nadeau [2] описали механизм влияния

сменяющихся «хороших» и «плохих» экономических волн на электоральное поведение индивидов в Канаде. Nezi & Katsanidou [11] особо подчеркивают роль экономических детерминант в электоральном процессе во времена кризиса. Электорат Исландии, с которой начался мировой кризис в 2008 г., в полной мере возложил ответственность на правительство, что отразилось на результатах выборов годом позднее [3]. Недавние широко обсуждаемые политические фундаментальные сдвиги – волна популизма в Европе и Америке, которая привела к власти Дональда Трампа, референдум о выходе Великобритании из Еврозоны – во многом можно связать с экономическими предпосылками [4; 5]. В странах, где правительство представлено одной политической силой, связь «экономика-политика» должна быть особенно сильна [8].

Таким образом, ставится вопрос о том, какие именно экономические факторы и в какой мере влияют на выборы. Льюис-Бэк [8] утверждает, что набор и ранжирование экономических детерминант варьируется от страны к стране. Однако отмеченное не является проявлением слабости гипотезы – важно учитывать избирательные институты и другие институциональные факторы среды, а также специфику ведения статистической отчетности в разных странах. Российские ученые также выделяют роль институциональной среды в вопросе влияния на политические предпочтения избирателей [14; 15; 13].

Новые исследования влияния экономических детерминант на выборы в России представлены крайне скудно, несмотря на академическую актуальность проблемы. Авторы предлагают в контексте влияния экономических и институциональных факторов выделить параметр, связанный с жилищно-коммунальными услугами как, с одной стороны, условный барометр неизбежного бремени бюджета российских домохозяйств, так и предмет прямого государственного регулирования – с другой. Соответственно анализ взаимосвязи между экономическими результатами функционирования ЖКХ как сферы жизнеобеспечения и электоральным поведением населения может открыть фундаментальные закономерности, актуальные для российского общества.

На первом этапе исследования формируется эмпирическая модель на основе выявления связи/взаимосвязи показателей, характеризующих электоральное поведение населения с одной стороны, и уровень регулируемых тарифов ЖКХ – с другой. Выбор показателя уровня тарифов на жилищно-коммунальные услуги как переменной для анализа зависимостей обусловлен тем фактом, что тарифы на ЖКУ являются отправной точкой формирования других социально-экономических результатов в сфере ЖКХ и, прежде всего, долей расходов на оплату ЖКУ в бюджетах домохозяйств. Кроме того, коммунальные услуги производятся в условиях локальной естественной монополии, что предопределяет необходимость государственного регулирования тарифов на такие услуги. Поэтому тарифная политика в ЖКХ прямо связывается гражданами как избирателями с влиянием действующей власти на процессы тарифообразования и на уровень тарифов.

Эмпирическую базу пилотного исследования составили данные по городам Ростовской области (12 городских округов) за 2008–2016 гг.

Электоральное поведение населения исследуется по данным результатов последних выборов в Законодательное Собрание Ростовской области 8 сентября 2013 года, собранных на сайте Избирательной комиссии Ростовской области. Электоральное поведение населения характеризует электоральная активность и степень лояльности населения города к партии власти.

В качестве показателя ***электоральной активности*** используется явка на выборы. Уровень электоральной активности оценивается как «высокий», «средний» и «низкий» в зависимости от процента явки на выборы. В качестве предельного уровня электоральной активности был взят максимальный уровень активности населения Ростовской области на выборах 4 декабря 2011 г. в Государственную думу РФ, когда явка на выборы составила 59,3%. На президентских выборах 2012 года явка избирателей снизилась до 57,0%.

Выборы в Законодательное Собрание Ростовской области 8 сентября 2013 г. состоялись в условиях низкой активности избирателей, явка на выборы в целом по области

составила 42,0%, а по исследуемым городским округам – 38,6%. Наиболее высокий показатель электоральной активности отличает город Шахты (60,1%), самый низкий – город Гуково (19,2%).

Высокий уровень электоральной активности (явка выше среднеобластного значения) наблюдался в двух городских округах – Шахты и Ростов-на-Дону, в этих городах проживает более половины избирателей городских округов области. В группу с низким уровнем электоральной активности вошли Гуково (19,2%), Новочеркасск (24,2%) и Таганрог (24,5%), в которых проживает 22,1% избирателей городских округов. Остальные города (26,4% избирателей) демонстрируют средний уровень активности избирателей (от 25,7% до 36,6%).

Степень лояльности партии оценивается показателем доли голосов, отданных избирателями за партию власти (Ростовское региональное отделение Партии «Единая Россия») в общем числе действительных бюллетеней. По степени лояльности партии большинства городские округа Ростовской области можно разделить на три группы: «лояльные», «низко лояльные» и «оппозиционные». Совмещая группировки по признакам электоральной активности и лояльности к партии большинства, получаем группировку городских округов Ростовской области по признаку «электорального благополучия»: «электорально неблагополучной», сочетающей невысокую электоральную активность и высокую степень оппозиционности, для действующей власти оказывается группа из пяти городов (Новочеркасск, Гуково, Таганрог, Зверево, Волгодонск), в которых проживает 49,8% населения городских округов без учета населения Ростова-на-Дону. Группа «электорально благополучных», т.е. сочетающих высокий или средний уровни электоральной активности и лояльности действующей власти, включает четыре города (Донецк, Новошахтинск, Шахты, Ростов-на-Дону). Группа «электорально среднеблагополучных» городов состоит из Каменск-Шахтинского, Батайска и Азова.

В качестве показателей тарифов ЖКХ используются тарифы на самые важные коммунальные ресурсы, предоставляемые локальными естественными монополиями городов: тарифы на водоснабжение и водоотведение и тарифы на тепловую энергию. Тарифы на коммунальные ресурсы ежегодно утверждаются региональной службой по тарифам для каждой организации коммунального комплекса. Данные о тарифах собраны за 2009–2013 гг. на официальном сайте Региональной службы по тарифам Ростовской области.

Уровень тарифов на воду и теплоэнергию в Ростовской области характеризуется высокой степенью разброса: самая высокая стоимость услуг водоканала (в городе Новошахтинске в 2013 г.) оказалась более чем в 3,5 раза выше, чем в городе Азове (с самой низкой стоимостью услуг). В 2008 г. этот разрыв был еще больше (4,1 раз). Размах тарифов на тепловую энергию (соотношение максимальной и минимальной стоимости 1 Гкал) по городским округам Ростовской области в 2008–2013 гг. составлял в среднем 2 раза.

Уровень тарифов на водоснабжение и водоотведение по городским округам Ростовской области демонстрирует устойчивую динамику повышения. В среднем за 2008–2013 гг. тарифы на воду повысились в 1,5–2,5 раза, причем рост в городских округах с наиболее низкими тарифами оказался выше, чем в городах с «дорогой» водой. Рост тарифов на тепло составил от 1,5 до 2,25 раз по городам области.

Восприятие уровня коммунальных тарифов населением как параметра расходов домохозяйства тесно связано с уровнем доходов семьи, главным параметром которого остается заработная плата. По уровню среднемесячной начисленной заработной платы за август 2013 г., городские округа Ростовской области разделены на «высокодоходные», «среднедоходные» и «низкодоходные».

Группировка по параметрам доходов домохозяйств и расходов на коммунальные услуги позволяет выделить три группы городских округов Ростовской области: «коммунально благополучные» Ростов-на-Дону, Волгодонск, Каменск-Шахтинский, «со средней степенью коммунального благополучия» Азов, Батайск, Новочеркасск и Таганрог и «коммунально неблагополучные» Новошахтинск, Гуково, Зверево и Шахты.

Совмещая группировки городских округов по уровню коммунального и электорального благополучия, получаем нижеследующую матрицу (табл. 1).

Таблица 1

Матрица электорального и коммунального благополучия городов Ростовской области, 2013 г.

Коммунальное благополучие / **Электоральное благополучие**	*Коммунально неблагополучные города*	*Города со средней степенью коммунального благополучия*	*Коммунально благополучные города*
Электорально неблагополучные города	**Гуково** **Зверево**	**Новочеркасск** **Таганрог**	**Волгодонск**
Электорально среднеблагополучные города		**Батайск** **Азов**	**Каменск-Шахтинский**
Электорально благополучные города	**Шахты** **Новошахтинск** **Донецк**		**Ростов-на-Дону**

Таким образом, городские округа Ростовской области разделены на группы в зависимости от электоральной активности и лояльности населения к партии власти, уровня и динамики тарифов на ЖКУ. Группу «коммунально» и «электорально» неблагополучных городов представляют шахтерские города Гуково и Зверево и крупные промышленные города области Новочеркасск и Таганрог. В группе «коммунально» и «электорально» относительно благополучных городов оказались два города: Ростов-на-Дону и Каменск-Шахтинский.

Электоральное поведение населения Гуково и Зверево подтверждает исследовательскую гипотезу о том, что высокие тарифы на коммунальные услуги снижают лояльность населения партии власти. В городах Новочеркасск и Таганрог местная власть уже полностью контролировалась оппозиционной партией, а степень их коммунального благополучия была выше, чем в городах Гуково и Зверево.

В группу «коммунально» неблагополучных и при этом «электорально» благополучных вошли три шахтерских города: Шахты, Новошахтинск, Донецк. Повышенный уровень тарифов в этих городах может быть результатом низкой политической активности населения, неспособного оказывать влияние на действующую власть, а также следствием других причин.

Наиболее сложно объяснить результаты исследования по городу Волгодонску, относительное «коммунальное» благополучие которого в 2008–2013 гг. имеет место на фоне явного «электорального» неблагополучия. Возможно, здесь требуется углубленный анализ ситуации в городе с учетом влияния качественных факторов.

В рамках продолжения исследования предполагается разработка теоретической модели и ее эмпирическая проверка на общероссийских данных за последние 15 лет. Теоретическая модель должна послужить обобщенной основой для объяснения наблюдаемых в реальности процессов.

Эмпирический анализ будет содержать эконометрический анализ панельных данных. Предполагается построить модели регрессии с детерминированным индивидуальным эффектом, модель регрессии с индивидуальным эффектом, модель сквозной регрессии. Для формирования более полной и четкой картины проблемы в поддержку экономическим методам планируется применение социологических методов для качественного анализа электорального поведения населения. Внедрение качественного анализа позволит на ранних этапах исследования правильно сформулировать рабочие гипотезы, выявить неочевидные контрольные переменные и формы зависимостей для дальнейшего анализа математическими и эконометрическими методами.

В целом, интерпретация результатов проведенного исследования позволяет объяснить влияние экономических факторов на электоральное поведение населения российских городов, а также оценить возможность использования экономического регулирования в качестве фактора политической конкуренции и обеспечения политической стабильности. С практической точки зрения, результаты исследования могут быть полезны в процессе формирования политики в сфере жилищно-коммунального комплекса муниципальных образований с учетом социальных и политических последствий принимаемых решений.

Список литературы

1. Anderson CJ. (1995) Blaming the Government: Citizens and the Economy in Five European of the economy. J. Polit. Econ. Persp. 11(3): Democracies. Armonk, NY: Sharpe

2. Bélanger É., Nadeau R. (2015) Issue ownership of the economy: Cross-time effects on vote choice // West European Politics. No 38 (4). Pp. 909-932

3. Indridason I.H. (2014). The collapse: Economic considerations in vote choice in Iceland // Journal of Elections, Public Opinion & Parties. No 24 (2). Pp. 134-159

4. Inglehart R., Norris P. (2016) Trump, Brexit and the Rise of Populism: Economic Have-Nots and Cultural Backlash // Faculty Research Working Paper Series. RWP16-026 research.hks.harvard.edu/publications/working papers/Index.aspx

5. Jensen M.D., Snaith H. (2016) When politics prevails: the political economy of a Brexit. // Journal of European Public Policy. No 23 (9). Pp. 1302-1310

6. Key VO. (1964) Politics, Parties, and Pressure Groups. New York: Crowell. 5th ed.

7. Lewis-Beck M.S. (1988). Economics and the American voter: Past, present, future // Political Behavior. No 10(1). Pp. 5-21.

8. Lewis-Beck M.S. (2000) How France Votes. - CQ Press.

9. Monroe KR. (1984). Presidential Popularity and the Economy. New York: Praeger

10. Nannestad P., Paldam M. (2000). Into Pandora's box of economic evaluations. A study of the Danish macro VP-function 1986–1997 // Electoral Stud. No 19

11. Nezi R., Katsanidou A. (2014) From valence to position: Economic voting in extraordinary conditions // Acta Politica. No 49 (4). Pp. 413-430

12. Schneider F., Frey B.S. (1988). Politico-economic models of macroeconomic policy: a review of empirical evidence. In Political Business Cycles, ed. T Willett. Durham, NC: Duke Univ. Press

13. Лавров А.М. Конфликты между центром и регионами в российской модели бюджетного федерализма // Эволюция взаимоотношений центра и регионов России: от конфликтов к поиску согласия. М.: Комплекс Прогресс, 1997. С. 101–131.

14. Нуреев Р.М., Шульгин С.Г. Распределение доходов населения и электоральное поведение в регионах России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2013. № 4 (20). С. 84–108.

15. Собянин А.А., Суховольский В.Г. Демократия, ограниченная фальсификациями: выборы и референдумы в России 1991–1993 гг. М.: ИНТУ, 1995. 363 с.

16. ЦИК РФ Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. [Электронный ресурс] // Выборы и референдумы. ЦИК России. URL: http://www.cikrf.ru (Дата обращения: 01.08.2017).

С.Ю. Иванов, А.С. Иванов

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДОГОВОРНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОПЛАТЫ ТРУДА НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы взаимодействия социальных партнеров на уровне субъектов РФ в рамках обеспечения достойной оплаты труда работников. Особое внимание обращается на повышение уровня социальной защиты прав и*

интересов работников. Представлены конкретные рекомендации по совершенствованию социального диалога профсоюзов с работодателями.

Ключевые слова: *профсоюзы, региональные соглашения, оплата труда, социальное партнерство, договорное регулирование.*

S.Yu. Ivanov, A.S. Ivanov

SOME PECULIARITIES OF THE CONTRACTUAL REGULATION OF PAYMENT OF LABOR AT THE REGIONAL LEVEL OF SOCIAL PARTNERSHIP

Abstract. *The article deals with the interaction of social partners at the level of the constituent entities of the Russian Federation in the framework of ensuring decent wages for employees. Particular attention is paid to raising the level of social protection of workers' rights and interests. Specific recommendations for improving the social dialogue of trade unions with employers are presented.*

Keywords*: Trade unions, regional agreements, labor remuneration, social partnership, contractual regulation.*

Колдоговорные формы взаимодействия между работниками и работодателями выступают ключевыми механизмами регулирования заработной платы. Среди данных форм особо выделяются переговоры профсоюзов и работодателей об условиях и уровнях оплаты труда, методах и сроках ее индексации. Одно из основных требований профсоюзов за столом переговоров – это доведение размера минимальной заработной платы до прожиточного минимума, рост заработной платы работников.

Придавая значимости выполнению данных требований, членские организации профсоюзов проводят большую работу по обеспечению принципов достойного труда. Многочисленные исследования показывают, что на размеры заработной платы в частном секторе определяющее влияние оказывают уровень организованности рабочих, развитие нормативно-правовой защиты, экономическое положение предприятия.

Ускоренное развитие кризисных явлений в последние несколько лет определялось трудностями переходного периода экономического развития: падение реальных доходов, нарастание масштабов бедности, рост неравенства, высокий уровень безработицы и т. д. Наблюдаемая сегодня реструктуризация экономики продолжает носить ярко выраженный отраслевой и региональный характер, что предполагает перенос центра тяжести в регулировании рынка труда на усиление институционального механизма системы социального партнерства на уровне субъекта РФ.

Данные о выполнении и включении в региональные соглашения разделов в области обеспечения минимального уровня оплаты труда показывают, что формирующаяся на местах система социального партнерства еще не стала эффективным механизмом защиты трудовых прав и интересов работников. Одной из предпосылок для повышения ее результативности является нормативно-правовое оформление процесса ее функционирования, укрепление региональных и территориальных трехсторонних комиссий, преодоление разобщенности работодателей и формирование у них стимулов к участию в регулировании социально-трудовых отношений, отсутствие территориальных объединений работодателей в некоторых крупных городах, незавершенность процесса реструктуризации ряда отраслей экономики.

Практика заключения региональных соглашений, которые носят конкретный характер, подразумевает четкое разграничение полномочий и ответственности сторон социального диалога, определение целой группы интегрированных показателей по снижению чрезмерной дифференциации оплаты труда работников, занятых на предприятиях различных отраслей экономики, уменьшение необоснованных диспропорций в оплате труда работников различных профессиональных групп. Более того, в некоторых регионах принимаются дополнительные нормативно-правовые акты, регламентирующие вопросы

оплаты труда в регионе, соотношение ставок 1-го разряда работников основных производств, соотношение тарифных ставок оплаты труда работников сквозных профессий, порядка индексации минимальной заработной платы (МЗП), принимаются рекомендации по составу МЗП, определяются повышающие коэффициенты с учетом сложности и условий труда.

Безусловно, субъекты РФ существенно отличаются по уровню социально-экономического развития. В связи с этим в условиях режима экономии фонда заработной платы (ФЗП) особую значимость для ряда регионов приобретает гарантированная регламентация тарифных условий оплаты труда. При этом на ряде предприятий большая часть заработка может быть незащищена тарифными гарантиями. Встречается и другая крайность, когда гарантии заработной платы ограничиваются объявлением ее минимума для всех работников, в обход учета принципов дифференциации по квалификационным группам.

Особый вопрос здесь видится в разработке фиксированных уровней тарифных ставок с учетом допустимого значения ее изменения на основе региональной и отраслевой специфики. Очевидно, что сегодня в структуре зарплат работников оклад в ряде организаций составляет меньше 50%. Такая ситуация связана тем, что регионы сегодня вправе самостоятельно определять долю окладов в структуре зарплат работников. В связи с этим справедливо требование профсоюзной стороны о том, что базовый оклад не должен быть ниже ПМ. Отношение базовых окладов к тарифным ставкам должно быть не ниже 70 к 30%.

Следующим важным шагом по пути обеспечения реализации гарантированного уровня МЗП является возвращение к вопросу об установлении часовой тарифной ставки. Важно, чтобы тарифная ставка могла полностью обеспечивать воспроизводство рабочей силы. В связи с этим переход на гарантированную государством часовую тарифную ставку позволит, с одной стороны, выше оплачивать фактически отработанные часы, а с другой – будет способствовать повышению производительности труда. Установление более высокой минимальной часовой оплаты труда в регионах должно предполагать учет мнения коллегиального органа – региональных трехсторонних комиссий. В связи с этим в ст.133 ТК РФ также необходимо ввести соответствующие изменения по регламентации минимальной часовой оплаты труда.

Лишь немногие трехсторонние соглашения включают в «очищенное» (от стимулирующих и компенсационных выплат) значение МЗП. Устанавливаемая государством гарантированная минимальная оплата труда не должна включать в себя стимулирующие и компенсационные выплаты. Данный ориентир является ключевым в рамках работы трехсторонних комиссий. Для того, чтобы повысить эффективность их работы, следует инициировать создание соответствующих комиссий, которые могли бы достаточно четко контролировать сроки выполнения пунктов соглашений, добиваться расширения состава участников социального диалога.

В ходе проведенного авторского контент-анализа заключенных за период 2016-2017 гг. региональных соглашений выявлено, что проблемы чрезмерной дифференциации оплаты труда связаны не только с необходимостью совершенствования тарифных ставок, но и с «гипердифференцированной» оплатой различных работ. В то же время, наблюдаемое сегодня по ряду отраслей «выравнивание» различных профессий по минимальной ставке, не позволяет учитывать специфику труда.

В определенной степени это может свидетельствовать о слабой увязке принимаемых в регионах обязательств с социальными нормативами, отсутствии эффективного механизма установления достойной заработной платы. Подтверждением этому также является проблема диспропорциональных масштабов распространения бедности по субъектам РФ. По данным официальной статистики, в ряде регионов уровень бедности составляет 40–60% от всего населения.

Несмотря на принимаемые обязательства по соответствию МЗП и ПМ, многие работодатели используют стратегию «уравнивающего» по различным квалификационным группам минимального базового оклада, который ниже МРОТ (см., например, региональное соглашение по Алтайскому краю). Проблема здесь, безусловно, шире и видится в

несоответствии применяемых на предприятиях ставок системы оплаты труда, уровню квалификации и сложности работы (см. п. 2.6. Генерального соглашения на 2014–2016 гг.), а также размыванием связи между количеством и качеством затрачиваемого работником труда и размером его заработной платы.

Отсутствие в трехсторонних соглашениях привязки МЗП к ПМ и ее заниженный уровень приводит не только к искажению самого понятия «зарплаты», но и к снижению трудовой мотивации (размыванию функции оплаты труда), а также напрямую нарушает ст. 132 («Оплата по труду») и ст.129 ТК РФ в части зависимости зарплаты от квалификации работника, сложности, количества, качества и условий выполняемой работы. Подтверждается утверждение о том, что в целом ряде региональных соглашений не до конца решен вопрос об ответственности сторон за невыполнение взятых обязательств по доведению МЗП до ПМ.

Таким образом, сегодня наиболее ярко вырисовывается тема «доведения» МРОТ до среднероссийского прожиточного минимума.

Особая тема – наполняемость региональных бюджетов в части фонда оплаты труда – видится в размывании социальной ответственности бизнеса и его низкой мотивации к участию к сбалансированному регулированию социально-трудовых отношений. Конечно, не все регионы находятся в одинаковых социально-экономических условиях. В связи с этим при использовании принципов отраслевой системы оплаты труда, установленных на федеральном уровне, следует ориентироваться на финансовые возможности регионов. В качестве федеральной гарантии следует ориентироваться на МРОТ. В связи с этим предоставление регионам свободы в самообеспечении зарплатных обязательств не всегда может способствовать сокращению дифференциации в оплате труда различных профессиональных категорий работников.

И еще одна особенность договорного регулирования оплаты труда – содержание раздела «Оплаты труда» в региональных соглашениях. Не нарушая принципов свободы заключения региональных соглашений, в качестве обязательных по разделу «Оплата труда» можно назвать следующие позиции:

- пределы дифференциации минимального раздела оплаты труда;
- минимальный размер часовой тарифной ставки;
- минимальная индексация оплаты труда с учетом уровня инфляции;
- обеспечение своевременной и полной оплаты труда.

Стоит признать, что процесс формирования механизмов социального партнерства на уровне регионов еще далек от своего завершения. Исходя из этого, в тех регионах, где МЗП не достигает стоимостной величины ПМ трудоспособного человека, остается требование по выведению ее на этот уровень. Одним из важнейших пунктов региональных соглашений, гарантирующих обеспечение минимального уровня оплаты труда, должна стать система интегрированных показателей, позволяющих контролировать сроки выполнения пунктов соглашений, осуществлять координацию работы с партнерами, а также гарантирующих обеспечение минимального уровня оплаты труда (межотраслевое соотношение минимальных месячных тарифных ставок, минимальную месячную тарифную ставку для работников первого разряда для бюджетных и внебюдженых отраслей экономики, распределение категорий и должностей работников по квалификационным разрядам).

Т.Н. Иванова

РЕГИОН КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Работа выполнена в рамках гранта РФФИ проект № 17-46-630560 «Концептуальная инновационная модель социо-эколого-экономической системы Самарского региона».

Аннотация. *В статье автор раскрывает вопрос развития региона в контексте социокультурного пространства региона. Автор обращается к понятию «пространство», акцентируя внимание на определении социокультурного пространства региона и города. В статье автор раскрывает подходы к пониманию социокультурного пространства региона и города, такие как антропологический, культурно-семиотический, социологический и феноменологический.*

Ключевые слова: *регион, пространство, коммуникация, культура, социум, развитие, территория, среда.*

T.N. Ivanova

REGION AS A SOCIOCULTURAL COMMUNICATIVE SPACE: THE THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECT

Abstract. *In the article the author reveals the issue of the development of the region in the context of the socio-cultural space of the region. The author turns to the concept of «space», emphasizing the definition of socio-cultural space of the region and the city. In the article the author reveals approaches to understanding the socio-cultural space of the region and the city, such as anthropological, cultural-semiotic, sociological and phenomenological.*

Keywords: *region, space, communication, culture, society, development, territory, environment.*

На сегодняшний день вопрос развития регионов является одним из самых обсуждаемых в обществе. Однако без внимания остаются вопросы социокультурного пространства региона.

Обратимся к понятию «пространство». «Пространство – это совокупность субъектных аспектов жизненной среды: место жизни, существования человека как личности и индивидуальности в ее информационном, социально-нормативном, диспозициональном, коммуникативном, ментальном измерениях (пространствах)» [3, с. 64].

Остановимся более подробно на определении социокультурного пространства. Категория «пространство» вызывала интерес многих философов, культурологов и социологов. Анализ концепций Г. Зиммеля, П. Бурдье, П. Сорокина, Д. Харви, В.Н. Ярской и С.В. Косицыной систематизируют основные подходы к интерпретации явления социокультурного пространства.

В *первую* очередь, «социальное пространство выступает в качестве объективной реальности бытия общества, внутри которой реализуются потребности индивидов» [5].

Во-вторых, «социальное пространство состоит из определенных устойчивых зон человеческих взаимоотношений, которые могут быть определены в различных контекстах: как взаимодействия индивида с миром и как социальные взаимодействия с окружающими людьми по крайней мере в трех кругах – ближайшем, приближенном дальнем» [5].

В-третьих, «как субъективная реальность, которую формирует каждый индивид на основе собственных ценностей, интересов, опыта, социальных ориентаций, социальное пространство имеет вместе с тем объективный характер благодаря действиям и поступкам указанных индивидов, обладающих собственным обыденным знанием, опытом коммуникации» [5].

В-четвертых, «современное социальное пространство – это часть глобального мира, в котором происходит постоянная трансформация социальных институтов, ценностей, интересов и потребностей» [3, с. 71].

Стоит отметить, что в научной литературе сформировалось несколько подходов к пониманию социокультурного пространства города: ландшафтный, средовой, антропологический, культурно-семиотический, социологический подходы.

Антропологический подход раскрывает региональное и городское социокультурное пространство как специфическую среду проживания человека, характеризующуюся особенными социальными, предметными и коммуникативными характеристиками его существования.

Культурно-семиотический подход рассматривает региональное пространство как конструированное средствами культуры пространство смысла. Подобная трактовка раскрывает возможности для исследования отдельных автономных социокультурных феноменов. Но взятые сами по себе как целое, они, в свою очередь, выступают как сущности синкретические и подлежащие дальнейшей более детальной семиотизации, что препятствует созданию целостной концепции социокультурного пространства, поскольку семиотический анализ ставит перед собой задачу выявления структуры единичных феноменов, а не выведения общих закономерностей функционирования социокультурных механизмов региона. Тем не менее, в рамках данного подхода обозначена проблема согласования социокультурных языков региона, что является необходимым условием для создания единства субъектов, живущих в городе.

С точки зрения социологического подхода, социокультурное пространство региона – это способ присвоения, социальной организации и структурирования пространства обитания людей. Социология регионального и городского пространства помогает понять происхождение, сущность и общие закономерности формирования и функционирования региона как целостной системы. Главным в социологической теории регионального и городского пространства является раскрытие общественной сущности региона и города как особого типа поселения, а также то, как в пространстве региона отображаются единые общественные структуры, элементы и отношения всей системы конкретного социального организма.

Регион как особо организованное жизненное пространство становился предметом научного анализа множества исследователей-социологов. Среди них особо стоит отметить немецкого ученого М. Вебера, который первым представил социологическое осмысление данного феномена.

Одним из первых, кто затронул проблему социального пространства, стал немецкий социолог Г. Зиммель. С его точки зрения, «пространство – бездейственная форма, существующая лишь благодаря энергии деятельности субъектов» [2].

Исследование «естественных районов» Э. Берджесс вел по двум главным направлениям. Первое – определение пространственного облика района, его топографии, размещения местного сообщества, физической организации не только ландшафта, но и созданных человеком структур (жилища, рабочие места, места отдыха и т.д.). Второе направление исследования – изучение «культурной жизни» города: образа жизни, обычаев, стереотипов.

Другой исследователь А. Лефевр определяет социальное пространство следующим образом: «не одна вещь из многих, не продукт среди других продуктов; оно заключает в себя вещи-продукты, содержит в себе их отношения в их сосуществовании и синхронности: (относительном) порядке и/или (относительном) беспорядке. Оно – результат последовательности или комплекса операций, оно несводимо к простому объекту. Однако в нем нет ничего от фикции, ирреальности или «идеальности», сравнимых с теми, что присущи знаку, репрезентации, идее или сновидению» [6].

Также рассматривалось социокультурное пространство города в рамках феноменологического направления в социологии. Ведь горожане не просто живут в нем, они

к нему относятся, воспринимают его на основе личностных характеристик и настроений. В этом плане город следует рассматривать не как структурно-функциональный объект, а как феномен, возникающий в процессе интерференции территориально-поселенческих, социально-отношенческих и ментальных структур. Таким образом, необходимость феноменологического подхода к изучению города обусловлена: 1) взаимопереходом объектных и субъектных структур жизнедеятельности, и вытекающей отсюда проблемой структурации жизненного мира горожан; 2) многоликостью и уникальностью городов, обуславливающее постановку проблемы основания индивидуального своеобразия городов – проблема «духа города», специфики городской ментальности; 3) изменчивостью городской жизни и проблемой механизмов саморазвития городов как пространства коммуникации [4].

Наиболее последовательным сторонником феноменологического подхода можно считать А. Щюца. Одним из центральных понятий его работ является «символ». В определении символа для А. Щюца имеет значение лишь то, что тот всегда указывает на нечто отличное от него самого. Между тем, символ является и выражением определенных намерений, амбиций, позиций, идеалов, потребностей, которые иначе не могут быть выражены (например, через понятие), либо будут иметь более слабую побудительную силу. Об этом явлении пишут как предшественники А. Щюца, так и его современники – Г. Блумер, Дж. Мид, П. Бурдье, Н. Элиас [7].

Рассматривая предмет исследования в онтологической и гносеологической плоскости, А. Щюц не поднимает вопрос о причинах, мотивации и механизмах трансформации символических систем. Дальше таких абстрактных обозначений для явлений символического взаимодействия людей, как «метка» или «указатель», автор не идет [8, с. 221]. В интерпретации мотивации он ищет символы согласия в отношении одних и тех же представлений, а не в отношении одних и тех же действий. Это скорее знаки единомыслия, координированного мышления, согласия в отношении определенных представлений адаптации к навязываемой некоторыми коллективными субъектами «картины действительности» [7]. Даже эффективная социальная коммуникация имеет своим содержанием и назначением в лучшем случае взаимопонимание, а не взаимное признание. Поэтому у А. Щюца на первый план выходят такие аспекты социальной деятельности, как командность, распоряжения, регламент, приспособление, обратная реакция [8, с. 225]. Таким образом, мы можем сказать, что в рамках данной концепции социокультурное пространство города – его памятники, узнаваемые места, герб – и есть символы.

Идеи представителей данного направления – П. Бергера и Т. Лукмана – имеют немаловажное значение для анализа поднятой темы. Ученые исходят из того что, с одной стороны, общество обладает объективной фактичностью, но вместе с тем создается благодаря деятельности индивида, которые обладают значением в виде субъективных значений или коллективных представлений [1].

Таким образом, повседневная жизнь, с точки зрения ученых, − это реальность, которая интерпретируется индивидами и имеет для них значимость в качестве цельного мира.

В работе «Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания» П. Бергер и Т. Лукман исследуют многообразие форм знаний в обществе, а также те процессы, «с помощью которых любая система «знания» становится социально признанной в качестве «реальности» [1].

Ученые вслед за А. Щюцем выделяют несколько характерных черт повседневности. Во-первых, повседневность выступает для них в качестве упорядоченной реальности. Феномены повседневности систематизированы и налагаются на понимание. Во-вторых, реальность повседневной жизни организуется «здесь» и «сейчас». Следующая особенность повседневности – ее интерсубъективность, которая позволяет установить «общее понимание реальности». Еще одна особенность реальности повседневности, которую отмечают Т. Бергер и П. Лукман, заключается в ее самоочевидности и непреодолимой фактичности. Это означает, что повседневность не требует никакой дополнительной проверки, воспринимается как само собой разумеющееся.

Еще одна немаловажная черта состоит в том, что реальность повседневной жизни воспринимается индивидами в качестве непроблематичной, так как привычный ход повседневной жизни не прерывается [1]. Сравнивая повседневную жизнь с другими реальностями, ученые приходят к выводу о том, что реальность повседневной жизни является высшей реальностью, так как другие реальности как бы окружены ею со всех сторон и «сознание всегда возвращается к высшей реальности». Последней характерной чертой повседневности ученые называют пространственную и временную структуру [1].

П. Бергер и Т. Лукман выделяют четыре уровня и четыре способа социального конструирования реальности:

– хабитуализация, то есть опривычнивание, превращение в повседневность: «Любое действие, которое часто повторяется, становится образцом, впоследствии оно может быть воспроизведено с экономией усилий и *ipso facto* осознано как образец его исполнителем. Кроме того, хабитуализация означает, что рассматриваемое действие может быть снова совершено в будущем тем же самым образом и тем же практическим усилием» [1] – типизация, которая разделяет объекты на классы, упрощающие социальное взаимодействие. Человек воспринимает другого как определенный тип и начинает с ним взаимодействие в ситуации, которая сама по себе типична. Авторы отмечают, что «социальная реальность повседневности представлена совокупностью типизаций, которые в своей сумме создают повторяющиеся образцы взаимодействия и составляют социальную структуру» [1]:

– институционализация, которая «имеет место везде, где осуществляется взаимная типизация опривычненых действий деятелями разного рода» [1];

– легитимация, которая делает «объективно доступными и субъективно вероятными уже институционализированные объективации» [1].

П. Бергер и Т. Лукман, как А. Щюц, особое внимание обращают на проблему коммуникации в структурировании повседневной жизни. Как отмечают исследователи, «язык, используемый в повседневной жизни, постоянно представляет необходимые объективации и устанавливает порядок, в рамках которой приобретает смысл и значение, и эти объективации, и сама повседневная жизнь» [1].

Подводя итог, можно сказать, что если феноменология социально-культурного мира – это попытка построить общую теорию социокультурной коммуникации посредством прояснения систем релевантности, то феноменология региона – это попытка изучить социокультурное коммуникативное пространство.

Список литературы

1. Бергер П. Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.

2. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3–4. [Электронный ресурс]: Журнальный зал. URL: http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/zim.html (Дата обращения: 14.06.2017).

3. Казанцев В.И., Светуньков М.Г. Социология города: учебно-методическое пособие. Ульяновск: УлГТУ, 2004. 140 с.

4. Канклини Г.Н. Городские культуры в конце века: антропологические перспективы // Международный журнал социальных наук. 1998. Т. 6. № 20. С. 59–73.

5. Косицына С.В. Социокультурное пространство монопромышленного города (теоретический анализ) // Вектор науки ТГУ. 2011. № 4(18). С. 107–110.

6. Лефевр А. Социальное пространство // Неприкосновенный запас. 2010. № 2 (70). [Электронный ресурс]: Журнальный зал. URL: http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/le1.html (Дата обращения: 14.06.2017).

7. Огаренко Т., Скидкин Л. Символ в социологической теории // Социология, теория, методы, маркетинг. 2009. №3. С. 169–182.

8. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / под ред. Н.М. Смирновой. М.: РОССПЭН, 2004. 1056 с.

И.Н. Кудинов

КОНФРОНТАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ СТРАТЕГИЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Аннотация. *Представлен социально-философский анализ конфронтации основных национально-культурных стратегий социокультурной модернизации во 2-й половине XX в. Рассматривается диалектическое взаимодействие структур либеральной, социалистической и консервативной стратегий модернизации на фоне конфронтации основных идеологических парадигм. Анализируются причины, современного глобального доминирования либеральной стратегии социокультурной модернизации мирового сообщества.*

Ключевые слова: *национально-культурная стратегия, социокультурная модернизация, консерватизм, либерализм, конвергенция, еврокоммунизм, глобализм, кондоминиум.*

I.N. Kudinov

THE CONFRONTATION OF NATIONAL-CULTURAL STRATEGIES FOR SOCIAL AND CULTURAL MODERNIZATION IN THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY

Abstract. *A socio-philosophical analysis of the confrontation of the main national and cultural strategies of socio-cultural modernization in the second half of the XX century is presented. The dialectical interaction of the structures of liberal, socialist and conservative strategies of socio-cultural modernization against the background of confrontation of the main ideological paradigms is considered. The reasons, modern global domination of liberal strategy of sociocultural modernization of the world community are analyzed.*

Keywords: *national-cultural strategy, socio-cultural modernization, conservatism, liberalism, convergence, Eurocommunism, globalism, condominium.*

После Второй мировой войны фундаментально консервативная национально-культурная стратегия социокультурной модернизации в ее фашистском варианте была полностью маргинализирована и лишена права голоса. Альянс социалистической и либеральной национально-культурных стратегий социокультурного развития и модернизации одержал полную победу.

Структура модели двухполюсного мира, центрами которого были социалистическая (коммунистическая) стратегия социокультурной модернизации (СССР) и либеральная стратегия (США), соответствовала глубинному разделению в рамках начавшегося процесса глобализации. Противостояние двух национально-культурных стратегий модернизации за соответствие геополитическим реалиям современного миропорядка в ее наиболее чистом и полном виде вошел в финальную стадию.

Начиная с конца 50-х гг. XX в. на фоне нараставшего процесса конфронтации идеологических парадигм стало разворачиваться соревнование между двумя национально-культурными стратегиями за право быть исторически признанными как наиболее эффективные, наиболее полно соответствующие экономическим, политическим, духовным и культурным реалиям современного развития социума [2].

По существу, исторический результат этой идеологической войны должен был определить победителя – политического и идеологического, идейного. В «холодной войне»

решался фундаментальный вопрос истории идеологий: что более соответствует парадигме современности – либерализм или коммунизм?

Несоответствие, существовавшее между тремя основными национально-культурными стратегиями социокультурной модернизации и двумя базовыми семиотическими знаковыми и языковыми парадигмами, по итогам «холодной войны» было приведено к дуальной схеме: либерализм как оптимальное соответствие знаковым системам современности против всех его альтернатив, которые в любом случае идентифицировались как сознательные или бессознательные версии знаковых систем.

Если бы историческую победу одержала коммунистическая стратегия управления, устройства и социокультурной модернизации общества, то можно было бы сделать вывод, к которому склонялись в свое время такие представители классического фундаментального консерватизма как Р. Генон и Ю. Эвола. В частности, Ю. Эвола в своей работе «Orientazione» призывал сторонников фашизма как идеологического течения европейской мысли поддержать «либеральную демократию» против коммунизма, на том основании, что «коммунизм – идеология четвертой касты, а либерализм – третьей» [12].

Правда, в последней своей книге «Оседлать тигра» Ю. Эвола пересмотрел и эту позицию, выступив в пользу «анархизма справа», отвергая вместе с коммунизмом и либерализм [9].

Сторонники этого крыла консервативной стратегии склонялись к выводу о том, что таким итогом развития парадигмальных идей Просвещения стал бы «ультранигилизм», «ничто», идеологическая система, разлагающая комплексы рационального мышления и упраздняющая «политическое подсознание» во всех его проявлениях, создающая «нового человека» коммунизма, фактически лишенного внутренних качеств [15].

Однако события, связанные с объединением Германии в 1989 г. и крахом СССР и социалистического лагеря в 1991 г., показали иную историческую истину. Историческую победу одержала либеральная стратегия социокультурной модернизации. Именно либеральная стратегия явилась оптимальной, соответствующей национально-культурной стратегией современности, в то время как советская социалистическая стратегия социокультурной модернизации, оказалась неспособной к идеологической конкуренции с западной стратегией. Вот почему оценка сторонников либеральной, и особенно неолиберальной стратегии социокультурной модернизации, таких как К. Поппер, Ф. Хайек, Р. Арон и др., оказалась корректной и точной, тогда как традиционалисты и коммунисты ошиблись в отношении объективной оценки действительного смысла социалистической национально-культурной стратегии социокультурной модернизации в ее парадигмальном измерении [1].

Этот вывод и стал аксиоматичным результатом диалектики трех национально-культурных стратегий социокультурной модернизации, с которым глобализующийся мир вступил в XXI век: либеральной, коммунистической, националистической.

Однако в разворачивающейся глобализации, понимаемой как процесс глубинных тектонических парадигмальных перемен в истории человеческой цивилизации, ставших следствием кризиса мировоззренческих основ евро-атлантической культуры, основанной на идеях европейского рационализма, исторического прогресса, просвещения и гуманизма, архаичные основы консерватизма как мировоззрения и методологии построения национально-культурных стратегий социокультурной модернизации обнаружили новые теоретико-методологические ландшафты, оказавшиеся гораздо более обширными смысловыми образованиями, чем это казалось прежде.

Начиная с 70-х гг. XX в., конкурентная идеологическая борьба между социалистической и либеральной стратегиями социокультурной модернизации несколько притупилась в связи с началом так называемой «эпохой разрядки», за которой впоследствии наступил период еще одной во многом надуманной «эпохи» – она вошла в новейшую историю под названием «эпоха нового мышления». В этот период многие стали проявлять повышенный интерес к «теории конвергенции», которая по существу предлагала некую

компромиссную модель социокультурной модернизации на основе альянса социалистической и либеральной стратегий при доминации последней. Идея сближения двух систем была впервые выдвинута П. Сорокиным в книге «Россия и Соединенные Штаты», написанной в 1944 г. Авторами, развившими теорию конвергенции, были Дж. Гэлбрейт, У. Ростоу, Ф. Перру, Я. Тинберген и др. [13; 14; 11; 15].

Смысл этого проекта состоял в акцентировании общности происхождения доктринальных основ либеральных и социалистических стратегий из единой матрицы – из парадигмы эпохи Просвещения, Французской революции и Нового времени. Сторонники этой концепции представляли собой, как правило, умеренных социал-демократов, для которых идея «социалистической революции» была столь размытой, что практически совпадала с идеей «социалистической эволюции». С их точки зрения, противоречия между либеральными и социалистическими стратегиями социокультурной модернизации не носят принципиального характера и могут быть сняты на основании единых общечеловеческих ценностных ориентаций, экологических вызовов и рисков глобального характера, прагматических предпосылок научно-технического прогресса и интегрирующегося экономического развития мирового сообщества.

Выступавшие с подобных позиций идеологи подходили к вопросу противостояния двух видов национально-культурных стратегий с сугубо формальной позиции. Так, например, они, с одной стороны, предприняли попытку интерпретации марксизма в умеренном социал-демократическом ключе, а с другой – настаивали на «прогрессивной» роли буржуазной демократии, способной, по их мнению, к дальнейшей эволюции в сторону социализма.

Однако существенным обстоятельством является то, что в отличие от представителей крайних либеральных и неолиберальных взглядов, представлявших в эту эпоху идеологическое меньшинство, сторонники теории конвергенции не обращали внимания на «архаические» элементы в социализме, игнорировали «коллективное бессознательное», составлявшее хотя и неформальную, но фундаментальную преграду для сближения как либерального и коммунистического мировоззрений, так и моделей социального управления, построенных на их основаниях [8].

Несмотря на критику теории конвергенции со стороны ортодоксов либерализма и коммунизма, она получила большое распространение и существенно повлияла на западные компартии, вставшие на позиции нового явления, так называемого «еврокоммунизма». Основные идеи еврокоммунизма были разработаны такими видными политическими деятелями, как генеральный секретарь Коммунистической партии Испании С. Каррильо, автор книги «Еврокоммунизм и государство», секретарь Итальянской коммунистической партии Э. Берлингуэр, президент Франции Ф. Миттеран, основатель и руководитель Итальянской коммунистической партии А. Грамши [10; 13; 6].

Сторонники конвергенции создали не только теории, но и некоторые международные организации, которые были призваны реализовать эти идеи в практике социокультурной модернизации. Эти организации стали первым практическим шагом оформления явления, которое позже получило название «глобализма» или «мондиализма», одним из главных целей которого было формирование единой глобальной транснациональной стратегии социокультурной модернизации для всего мирового сообщества, основанной на либеральной парадигме.

В XX в. мондиалистские идеи и планы разрабатывались тремя международными центрами – Советом по международным отношениям, Бильдербергским клубом и «Трехсторонней комиссией» (Трилатераль). Эти организации стремились объединить три больших пространства – Северную и Южную Америку, Европу и Азиатско-Тихоокеанский регион.

Для анализа экологических и социальных проблем в глобалистском ключе, т.е. с участием представителей разных идеологических систем, был создан «Римский клуб», собравший многих знаменитых мировых ученых, интеллектуалов, специалистов по

экономике, экологии, техническому развитию, промышленной и ресурсной проблематике и т.д. Одним из ведущих интеллектуалов «Римского клуба» был А. Печчеи, автор программного труда «Человеческий фактор».

С точки зрения основателей и участников клуба, существует единая стратегия социокультурной модернизации мирового сообщества, идущая в сторону прогресса и развития, и, следовательно, единственной парадигмой социокультурной модернизации является либеральная стратегия, которая уже сегодня в разных своих формах стала безусловным победителем и теперь должна быть обращена в будущее для совместного решения мировых проблем цивилизационного прогресса.

Важной сущностной составляющей «Римского клуба» было декларирование им убежденности в безусловном преимуществе либеральной стратегии социокультурной модернизации над любыми иными стратегиями как наиболее адекватно и полно соответствующей вызовам современности. Либеральная стратегия социокультурной модернизации провозглашалась глобальной и всеобъемлющей, стирая тем самым последние различия между культурами и цивилизациями.

Сторонники глобализма предложили отказаться от традиционных форм коллективной идентификации, перейдя к новой модели глобальной идентичности, к модели «Единого Мира» («One World»). В этой модели, индивидуумы осознают себя как составные элементы человечества без каких-либо опосредующих инстанций, относящихся к субъектам управления.

Такой подход, несмотря на видимость объективности, соответствовал футурологическим проектам, и в то же время шел вразрез не только с классовым учением марксизма, но и со всеми структурами «коллективного бессознательного», на которые опиралась, и марксистская ортодоксия и, что особенно важно, все консервативные модели традиционных обществ Третьего мира.

Конец XX в. был ознаменован попытками поиска компромиссов со стороны представителей социалистической стратегии социокультурной модернизации с либеральной стратегией, а также началом жесткого противостояния с ней стран, отстаивающих национально-культурную идентичность, основанную на традиционных консервативных началах [7].

Если страны восточной традиции, основанной на религиозно-консервативных и национально-культурных началах, заняли однозначную позицию неприятия фундаментальных основ глобалистской либеральной стратегии социокультурной модернизации, то страны социалистического лагеря, возглавляемого Советским Союзом, предпринимали попытки разработки проектов социокультурной модернизации через либерализацию основ общественной жизни [5].

Важнейшую роль в таком проектировании играл «Институт системных исследований», разработавший модель «планетарного кондоминиума» со стороны двух систем на основе общности современной либеральной стратегии. Реализация этого проекта предусматривала активизацию контактов со странами Запада, в первую очередь, с США, рассчитывая на решение важной задачи в условиях нового мирового порядка – полноценного вхождения в «мировое правительство» как равноценного и равновеликого с капиталистическим миром элемента коллективного субъекта управления.

В связи с этим, идеологи таких национальных стратегий социокультурной модернизации как «Перестройка», «Политика нового мышления» изменили идеологический концептуальный вектор развития общества от коммунистической ортодоксии к версии «еврокоммунизма», т.е. к либеральной интерпретации социалистического учения, выступив тем самым против того, что составляло сущность в противостоянии двух систем – и формально (учение о классовой борьбе, критика капитализма в марксизме и т.д.), и неформально на уровне коллективного бессознательного, где были интегрированы многие пласты архетипов аксиологического генома народа.

Конвергенция на подобных принципах, основанных на приоритете либеральной модели социального управления [3] и придание ей априори роли некоего идеала, к которому необходимо стремиться, означала признание односторонней капитуляции социалистической стратегии социокультурной модернизации, реализуемой в СССР. На практике это привело вначале к распаду международных структур социалистического лагеря: Совета экономической взаимопомощи и Варшавского договора, и последовавшем за этим роспуске СССР, а затем и крушением всей мировой системы социалистических стран и стран, так называемой, социалистической ориентации.

Этот результат стал не только следствием стратегических или организационных ошибок советского руководства, но неизбежным и единственно возможным исходом идеологического концептуального просчета, лежавшего в самой основе теории конвергенции, изначально основанной на признании преимущества либеральной стратегии социокультурной модернизации над социалистической.

Процесс либерализации общественной жизни в России, в свою очередь, значительно облегчил идеологическую победу либеральной стратегии социокультурной модернизации в мировом масштабе над единственной, оставшейся после Второй мировой войны противоположной ей социалистической стратегией, тем самым открыв путь единственно возможному процессу однополярной глобализации, основанной на торжестве, тотализации и универсализации либеральной парадигмы [4].

Список литературы

1. Захаров М.Ю. Государство – субъект управления безопасностью гражданского общества // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2008. № 2. С.64–69.

2. Захаров М.Ю. Информационная безопасность – основополагающий элемент безопасности социального управления // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2012. №9-1. С.112–115.

3. Кудинов И.Н. Нелинейная модель социально ориентированного управления в современной общественной системе // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2011. № 26. С. 97–101.

4. Кудинов И.Н. О некоторых итогах либерализации российского общества как проекта социального управления (1990–2010 гг.) // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2011. № 12. С. 283–291.

5. Кудинов И.Н. О доминирующих духовных факторах современного развития России / Научно-информационный журнал Армия и общество. 2013. № 1 (33). С. 5–15.

6. Попов Л.Б. Воспоминания о еврокоммунизме. М.: Международные отношения, 2008. 160 с.

7. Шишкова А.В. Роль институтов гражданского общества в процессе социального управления в современной России // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2013. № 16. С. 333–337.

8. Шишкова А.В. Идеократия как основа «гарантийного государства» Н.Н. Алексеева // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2011. № 12. С. 308–312.

9. Эвола Ю. Оседлать тигра. СПб: Владимир Даль, 2005. 512 с.

10. Claudín Fernando. Eurocomunismo y socialismo. Siglo XXI Editores, México D.F. 1977.http://www.spw.de/9706/otto_bauer.html.

11. D.R. Kelley. The Soviet Debate on the Convergence of the American & Soviet Systems // Polity. 1973. 6(2). P. 174–196.

12. J. Evola «Orientazione». Bari. 1956.

13. P.A. Sorokin. Mutual convergence of the United States and the U.S.S.R. to the mixed sociocultural type // International Journal of Comparative Sociology. 1960. 1(2). P. 143–176.

14. V.A. Gaitonde. An Answer to the Theory of Convergence // Social Scientist. 1974. 3(5). P. 38–51

15. A. Lauterbach. The «Convergence» Controversy Revisited // Kyklos. 1976. 29(4). P. 733–754.

В.Г. Марача. Т.С. Красникова

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВА И БИЗНЕСА В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ В РОССИИ ИННОВАЦИОННЫХ КЛАСТЕРОВ: ТИПОЛОГИЯ МОДЕЛЕЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 16-29-12940-офи_м)

Аннотация. *Инновационные кластеры рассмотрены как новый тип организации управления. Показано, что формирование в России инновационных кластеров требует нового качества государственного управления, перехода к его современным моделям. Рассмотрена типология моделей и социокультурные факторы такого перехода.*

Ключевые слова: *инновационные кластеры, формы организации инновационного процесса, модели государственного управления, коллаборативные сети, кластерная организация управления, адхократия, делиберативная коммуникация.*

V.G. Maracha. T.S. Krasnikova

RELATIONS OF THE STATE AND BUSINESS IN THE CONTEXT OF INNOVATIVE CLUSTERS FORMATION IN RUSSIA: TYPOLOGY OF MODELS AND SOCIO-CULTURAL FACTORS

Abstract. *Innovation clusters as the new type of management organization are considered. It is shown that innovation clusters formation in Russia requires new quality of public administration and transition to its modern models. The typology of models and socio-cultural factors of such transition are considered.*

Keywords: *innovation clusters, forms of innovation process organization, models of public administration, collaboration networks, cluster governance, adhocracy, deliberative communication.*

Схема «иерархии – рынки – сети» и типология управления как основания рассмотрения моделей государственного управления, организации инновационного процесса и взаимодействия инновационного бизнеса с государством

В данной работе рассмотрена проблематика формирования инновационных кластеров как региональных коллаборативных сообществ, перехода к «кластерной организации управления» как новой продвинутой форме организации инновационного процесса, а также политика Российского государства по поддержке такого перехода. В фокус внимания поставлены взаимоотношения государства и бизнеса в контексте формирования в России инновационных кластеров. Проанализированы типологии моделей организации инновационного процесса и государственного управления, проблема соответствия этих моделей друг другу, а также социокультурные ограничения перехода к более современным моделям. При этом авторы опираются на разработанную ранее типологию идеальных моделей государственного управления (табл. 1) [1].

Таблица 1

Типология моделей государственного управления и идей государства в соотнесении с типологией системного мышления

Тип системного мышления	Тип управления / орг. структуры	Модель гос-ого управления	Фокусировка модели	Идея государства
Система-1: Hard/Unitary– жесткая зависимость	Control & Administration/ Иерархическая	Рациональная бюрократия	На процедуру	«Сильное» государство
Система-2: Soft/Pluralist– независимость	Management/ «Рыночная»	New Public Management (NPM)	На результат	«Эффективное» государство
Система-3: Coercive– взаимозависимость	Governance/ Общественно-сетевая	New Governance	На участие и партнерство	«Инклюзивное» государство

В первом и втором столбцах таблицы приведены основания типологии, в третьем столбце перечислены модели государственного управления, в четвертом и пятом – их ключевые характеристики. При этом в основание анализа форм организации инновационного процесса, в том числе кластерных, положена та же теоретико-организационная схема, которая используется и при типологизации моделей госуправления: «иерархии – рынки – сети» (табл. 2).

Таблица 2

Типология форм организации и институционализации инновационного процесса [4]

Тип организации	Структура	Институты
Иерархическая	Приоритет «вертикальных» связей	«Классическая» корпорация, работающая по государственному заказу; университет
Рыночная	Основана на «горизонтальных» связях	Инновационный предприниматель, создающий компанию-стартап и привлекающий венчурное финансирование; «плоская» корпорация, передающая не содержащие ноу-хау бизнес-процессы на аутсорсинг
Сетевая	Связи могут описываться графом произвольной формы	Инновационный кластер; технологическая платформа; «серийный» предприниматель

Как следует из таблицы 1, схема «иерархии – рынки – сети», в свою очередь, имеет основание в различии типов системного мышления, а поэтому может рассматриваться как фундаментальная для управления, порождающая типологическое различие «Control&Administration – Management – Governance». Гипотеза заключается в том, что схема «иерархии – рынки – сети» и различие трех типов управления могут выступать «общим знаменателем» для рассмотрения моделей госуправления, организации инновационного процесса и взаимодействия инновационного бизнеса с государством.

Эволюция форм организации инновационного процесса и «кластерная организация управления»

Применение описанного выше подхода к организации инновационного процесса позволяет рассматривать инновационные кластеры не как объекты, а как новый тип организации управления, называемый «кластерной организацией управления». Различение

трех типов управления позволяет характеризовать «кластерную организацию управления» как Cluster Governance, а схема «иерархии – рынки – сети» дает возможность рассматривать инновационные кластеры как частный случай сетевой организации инновационного процесса, в основе которой лежат региональные коллаборативные сообщества. Коллаборативность порождает специфичную для этих кластеров инновационно-активную среду.

В отличие от этого, не обладающие подобной средой промышленные кластеры – это рыночно-организованные отраслевые «цепочки добавленной стоимости», связывающие территориально-близкие предприятия. В плане инноваций они на рыночных принципах взаимодействуют как со стартапами, так и с университетами или крупными корпорациями (иерархическая организация), которые могут «позволить» себе инновации.

Таким образом, исторический путь эволюции форм организации инновационного процесса – это движение от классических корпораций, построенных иерархически, к «плоским», переходящим к рыночным отношениям субконтрактации и аутсорсинга, и далее – к инновационным кластерам, организованным как коллаборативные сети. В государственном управлении сетевым формам соответствует «общественно-сетевая» модель New Governance, которая в развитых странах накладывается на классическую «веберианскую» модель рациональной бюрократии (иерархии) и дополняющую ее рыночно-ориентированную модель New Public Management.

Проблема заключается в том, что в России элементы модели New Governance (участие и партнерство, основанное на диалоге стейкхолдеров) внедряются крайне слабо ввиду понятных политических и гораздо реже анализируемых, но более фундаментальных социокультурных ограничений (в целом об этом можно говорить как об институциональных ограничениях, понимая институты как комплексные социокультурные образования, т.е. более широко, чем это принято в неоинституциональной теории [6]).

Социокультурные ограничения препятствуют институциональным реформам, позволяющим перейти к более продвинутым моделям государственного управления [9]. А это, в свою очередь, тормозит инновационное развитие и, в частности, формирование кластеров. Государственное стимулирование в силу неадекватности устаревших типов управления оказывается неэффективно, а переход к кластерной организации управления «естественным путем» затруднен ввиду тех же социокультурных ограничений: вертикально-интегрированные холдинги для российских управленцев гораздо понятнее и «культурно ближе», чем «неуправляемые» кластеры.

Casestudy: формирование Алтайского биофармацевтического кластера как результат сетевого взаимодействия стейкхолдеров

Применение представлений о сетевой организации подразумевает, что не только кластеры, но и государство рассматриваются как полисубъектные. Конечно, речь идет не о «башнях Кремля», а о федеральных, региональных и муниципальных властях (они – тоже часть государства в широком смысле этого слова, или «государственности»).

В качестве примера рассмотрим формирование Алтайского биофармацевтического кластера с ядром в Бийске (это второй по величине город Алтайского края со статусом наукограда) [5]. В 2007 году команда компании «РОЭЛ Консалтинг» начала разработку Стратегии развития Алтайского края до 2020 года. На следующий день после объявления итогов тендера в компанию позвонил мэр Бийска и попросил параллельно разработать Стратегию развития Бийска на тот же срок – с условием ее состыковки с краевой Стратегией путем внесения туда важных для них идей. Условие содержало требование, выполнение которого консультанты контролировать не могли – но, тем не менее, компания решила рискнуть.

На тот момент в Бийске еще не было кластера, но уже было «коллаборативное сообщество», включавшее в себя ученых, изобретателей, стартаперов, руководителей наукоемких предприятий и Стратегический департамент мэрии. Это сообщество

сформировалось в ходе борьбы за получение статуса наукограда, и уже имело контакты с федеральными властями. Идея создания кластера оказалась для этого сообщества вполне естественной, а благодаря двухдневному семинару в формате организационно-деятельностной игры (ОДИ), который по заказу «РОЭЛ Консалтинг» провел Ю.В. Громыко, кластерная инициатива обрела экономическое содержание и «реальную человеческую плоть».

Сейчас в это трудно поверить, но в 2007 г. слово «кластер» еще практически отсутствовало в лексиконе чиновников (и не было «заболтанным», когда «кластером» называют все, что угодно). Но среди «продвинутых» чиновников уже циркулировал черновой вариант «Концепции долгосрочного развития России до 2020 года», в основе которой была идея перехода на инновационный путь развития. В результате краевые чиновники, несмотря на свой традиционный консерватизм и ревность к «выскочкам» из Бийска, пошли на компромисс, позволяющий им достойно выглядеть перед федеральным центром. Инициатива создания Алтайского биофармацевтического кластера и, в дальнейшем, применения кластерного подхода в других значимых для края отраслях стала одной из «фишек» краевой стратегии.

В результате в Алтайском крае фактически начался вполне продуктивный диалог двух стейкхолдеров: краевой администрации и мэрии Бийска (которая уже консолидировала интересы ряда наукоградских стейкхолдеров) при неявном присутствии третьего (федерального центра в лице Минэкономразвития России). Сложное переплетение «вертикальных» и «горизонтальных» связей позволяет характеризовать взаимодействие стейкхолдеров в данном случае как сетевое.

Эмпирическое исследование «кластерной организации управления»

Основная идея эмпирического исследования «кластерной организации управления» [7] – описать механизм управления, делающий инновационный кластер реальностью, а не только получателем господдержки от Минэкономразвития России и региональных властей, и апробировать метод получения надежных данных, позволяющих идентифицировать кластер как сетевое «коллаборативное сообщество», обеспечивающее инновационное развитие.

Гипотеза исследования заключалась в том, что наиболее «зрелые» кластерные структуры организации инновационного процесса представляют собой коллаборативные сети, соединяющие преимущества иерархической («вертикальной» внутрифирменной) и рыночной («горизонтальной» межфирменной) форм организации. Основу «кластерной организации управления», обеспечивающей генерацию и эффективную реализацию инновационных проектов в кластере, создают коллаборативное сетевое взаимодействие и делиберативная коммуникация, проникающие на уровень среднего менеджмента и ключевых специалистов предприятий и организаций – участников кластера (т.е. тех, кто непосредственно запускает и ведет проекты). Задачи исследования – в том, чтобы подтвердить или опровергнуть данную гипотезу, а также (в случае ее подтверждения) – выявить ключевые характеристики подобных взаимодействий и коммуникаций.

В 2017 г. был проведен пилотный онлайн-опрос, целевыми группами респондентов которого стали руководители среднего звена и ключевые специалисты организаций, входящих в кластеры, а также управляющих компаний кластеров (маркетологи, технологи, исследователи, проектные менеджеры и т.д.).

На основании результатов пилотного онлайн-опроса сделаны следующие предварительные выводы:

1) понятие «кластерной организации управления» представляется вполне рабочей операциональной моделью коллаборативных сетей для случая кластерной организации;

2) не все «формальные» российские кластеры (выделенные на основании внешних индикаторов) являются «реальными» инновационными кластерами (обладающими «кластерной организацией управления»);

3) для того, чтобы быть «реальным», инновационному кластеру необходимо обладать базовыми характеристиками «кластерной организации управления»: развитым коллаборативным (прежде всего «горизонтальным», так называемым адхократическим [3]) взаимодействием участников и делиберативной коммуникацией с неформальным обменом знаний, захватывающими тех, кто непосредственно запускает и ведет «кластерные» проекты.

Перспективы взаимодействия инновационного бизнеса и государства в России: «промежуточные институты» и «зона ближайшего развития»

К сожалению, в настоящее время на федеральном уровне поддержка кластеров в значительной степени превратилась в бюрократический механизм, оперирующий набором формальных критериев. Модель управления кластером (и то, является ли она собственно «кластерной организацией управления»), характер взаимодействия участников, а также качество созданной в ходе этого взаимодействия инновационной среды учитываются крайне слабо или не учитывается вовсе.

С другой стороны, в российском госуправлении, в целом ригидном и иерархичном, периодически появляются новые живые/подвижные зоны, которые можно пытаться использовать «в мирных целях». Так, например, популярный ныне лозунг «цифровой экономики» предполагает создание «технологических платформ», вокруг которых должны формироваться «экосистемы провайдеров». В частности, данный подход был положен в основу разработанной в 2015-16 гг. Стратегии развития АО «ГЛОНАСС». Работала та же самая логика формирования коллаборативных сообществ, что и в Cluster Governance, если смотреть на это не с точки зрения того, сколько в создаваемых платформах «цифры», софта или Интернета – а с точки зрения того, как построено управление (или мягче – координация) экосистемой провайдеров, как там организована коммуникация, как порождаются общие (инфраструктурные) функции, как делегируются полномочия и т.д.

Все вышесказанное позволяет показать, что процесс перехода к сетевым формам организации (в частности, к Cluster Governance) в России подчиняется общим принципам институциональных заимствований. Внедрение передовых образцов требует политической поддержки и социокультурной адаптации, в ходе которой происходит трансформация исходных образцов для приспособления их к отечественной «культурной почве». При этом хорошо «приживаются» т.н. «промежуточные институты» [8], соответствующие принципу «зоны ближайшего развития» [2].

В частности, в России уже сейчас довольно много успешных промышленных кластеров (рыночная организация), в то время как случаи формирования реально действующих инновационных кластеров (сетевая организация) пока крайне редки. История формирования Алтайского биофармацевтического кластера позволяет проследить, какие предпосылки необходимы для успеха, какие барьеры приходится преодолевать и какие ресурсы для этого требуются.

Список литературы

1. Беспалов С.В., Марача В.Г. «Стратегический цикл» государственного управления в контексте принципа мультимодальности и идеи «жизнеспособного» государства // Государственная служба. 2017. Том 19. №3 (в печати).

2. Выготский Л.С. Мышление и речь. Изд. 5-е, испр. М.: Лабиринт, 1999. 352 с.

3. Красникова Т.С. Адхократическая организация: генезис понятий и базовых представлений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 8. Менеджмент. 2003. Вып. 4 (№ 32). С. 71–85.

4. Марача В.Г. Инновационные кластеры как коллаборативные сети: системная модель «кластерной организации управления» // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. № 6. Том 3 (66). С. 65–68.

5. Марача В.Г. Кластерная организация управления как форма модерации инновационных процессов на территории // «Управление развитием крупномасштабных

систем (MLSD’2013)». Труды VII-й междунар. конфер., 30 сент.-1 окт. 2013 г. Москва: в 2 т. / Ин-т проблем упр. им. В.А. Трапезникова Рос. акад. наук; под общ. ред. С.Н. Васильева, А.Д. Цвиркуна. Т. II. М.: ИПУ РАН. 2013. С. 103–110.

6. Марача В.Г. Экономика и «общий социальный анализ» с позиции системно-институционального подхода // Системный анализ в экономике-2016: сборник трудов IV-й Международной научно-практической конференции-биеннале (9-11 ноября 2016 г.) / под ред. Г.Б. Клейнера, С.Е. Щепетовой. Т.1. М.: Финансовый университет, 2016. С. 339–342.

7. Марача В.Г., Красникова Т.С. Эволюция форм организации инновационного процесса: переход к коллаборативным сетям и «кластерная организация управления» // Управление развитием крупномасштабных систем (MLSD’2017): Труды X-й междунар. конфер., 2-4 октября 2017 г. Москва. (в печати).

8. Полтерович В.М. Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. 2001. № 3. С. 24–50.

9. Социокультурные факторы инновационного развития и успешной имплементации реформ. М.: 2017. [Электронный ресурс] // URL: http://csr.ru/wp-content/uploads/2017/09/Report-SF.pdf (Дата обращения: 17.09.2017).

Д.В. Моисеева, Н.В. Дулина

МОНИТОРИНГ УРОВНЯ ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ И ФИНАНСОВОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ: АНАЛИЗ РОССИЙСКОГО ОПЫТА

Аннотация. *Запуск проекта «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации» актуализировал вопросы реализации мониторинга уровня финансовой грамотности и финансового поведения населения. От грамотной разработки системы сбора, регистрации, анализа ключевых параметров финансовой грамотности во многом зависит успех реализации проекта. Целью данной работы определен анализ российского опыта реализации мониторингов. Российскими социологами наработан серьезный опыт в данной области, всесторонний анализ которого позволит решить как исследовательские, так и практические задачи. Среди таких задач можно назвать следующие: повышение эффективности процесса сбора и обработки информации, что, по нашему мнению, призвано способствовать повышению уровня принятия управленческих решений; информирование общественности; стать инструментом обратной связи в целях осуществления проектов, оценки программ или выработки социальной политики. В данной работе использован метод анализа документов и вторичный анализ данных социологических исследований, направленных на оценку уровня финансовой грамотности. Изучение материалов, размещенных в свободном доступе, позволило проанализировать параметры трех всероссийских и пяти региональных мониторингов уровня финансовой грамотности. Можно констатировать, что у исследователей возникают сложности с систематичностью исследований (волны реализуются через неравные промежутки времени), с корректировкой инструментария исследования (сложно обеспечить сопоставимость данных), с сохранением преемственности выборок от волны к волне (возможен перекос результатов исследований), с выполнением сравнительного анализа данных по регионам. Кроме того, выявлена несогласованность данных, полученных в разных мониторингах в один и тот же период, выводы исследователей порой противоречат друг другу. При этом важность проделанной работы неоспорима: в рамках всероссийских опросов формулируются общие тенденции изменения финансового поведения. Региональные мониторинги направлены на изучение локальной ситуации, решение проблем, связанных с реализацией стратегий развития регионов. Общая проблема исследований финансовой грамотности населения – это закрытость данных многих исследований. Ни на научное, ни*

на публичное обсуждение не выносятся подробные результаты исследований, столь необходимые для активизации научного диалога и научного поиска в данном направлении.

Ключевые слова: *финансовая грамотность, финансовое поведение, мониторинг, региональная программа, социологическое исследование.*

D.V. Moiseeva, N.V. Dulina

MONITORING THE LEVEL OF FINANCIAL LITERACY AND FINANCIAL BEHAVIOR OF THE POPULATION: ANALYSIS OF THE RUSSIAN EXPERIENCE

Abstract. *The launch of the project «enhancing financial literacy and developing financial education in the Russian Federation« actualized the implementation of the monitoring of the level of financial literacy and financial behavior of the population. From the competent development of the system of collection, registration, analysis of key parameters of financial literacy depends largely on the success of the project. The aim of this work is defined as the analysis of the Russian experience in implementation of monitoring. Russian sociologists have accumulated considerable experience in this area, a comprehensive analysis which will allow to solve both the research and practical tasks. Among these tasks include the following: improving the efficiency of the process of collecting and processing information that, in our opinion, is intended to increase the level of managerial decision-making; public awareness; becoming a feedback tool in the implementation of projects, evaluations of programs or social policy. In this paper we used the method of analysis of documents and secondary data analysis of sociological research aimed at assessing the level of financial literacy. Study materials posted in the public domain, allowed to analyze the parameters of three national and five regional monitoring of the level of financial literacy. It can be stated that researchers have difficulty with systematic studies (waves are implemented using unequal intervals), with the adjustment of the survey instruments (it is difficult to ensure comparability of data), preserving the continuity of samples from wave to wave (a possible bias of research results), with the implementation of a comparative data analysis across regions. Furthermore, there was inconsistency of data obtained in different monitoring in the same period, the researchers ' conclusions, at times, contradict each other. The importance of the work done are undeniable: in the framework of the national survey identifies the overall trends in financial behavior. Regional monitoring aimed at studying the local situation, the problems associated with the implementation of the development strategies of the regions. A common problem with research on financial literacy is the closeness of the data of many studies. Neither science nor the public discussion are not submitted detailed results of the research needed to enhance scientific dialogue and research in this direction.*

Keywords: *financial literacy, financial behavior, monitoring, regional program, sociological research.*

В 2011 г. в Российской Федерации стартовал проект «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации», направленный на повышение финансовой грамотности российских граждан. Региональные программы повышения финансовой грамотности, с одной стороны, стали частью проекта, с другой − органично вписались в стратегии развития регионов. Одной из основных задач этого проекта была определена комплексная масштабная оценка и организация мониторинга уровня финансовой грамотности и финансового поведения населения. При реализации подобных программ особо важно грамотно определить стартовые условия – «исходные» параметры состояния того явления, которое планируется изменить, и впоследствии отслеживать с целью корректировки воздействия. С момента запуска проекта проделана масштабная работа в данном направлении. Для повышения эффективности данного направления проекта нам представляется актуальным обсудить основные результаты, полученные как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Обзор существующих подходов к измерению уровня финансовой грамотности населения, выполненный Г.В. Цветовой, выявил разнообразие применяемых в мировом сообществе методик по данной проблеме и несистемность проведения исследований, что затрудняет мониторинг финансовой грамотности на национальном уровне и сравнительный анализ в международном аспекте [27].

Начнем представление результатов с исследований, реализованных на федеральном уровне. С целью проведения мониторинга и оценки уровня финансовой грамотности и защиты прав потребителей Минфином России были запланированы и реализованы следующие этапы:

– разработка системы (рамки) базовых компетенций в области финансовой грамотности на основе анализа международного опыта. В ходе исследования были выделены и проанализированы существующие мировые практики; сделаны выводы об общем в подходах и их особенностях и в самих системах (рамках) компетенций в области финансовой грамотности в целом и по каждой из выделенных целевых групп (школьники и взрослые); обозначены основные проблемы в ходе создания системы базовых компетенций и описаны возможные способы их решения. На основе проведенного анализа был определен подход к разработке системы (рамки) базовых компетенций в области финансовой грамотности для России. Созданная система (рамки) базовых финансовых компетенций используется для разработки образовательных и информационных программ в области повышения финансовой грамотности [22];

– выбор методологии и проведение базового исследования уровня финансовой грамотности (2012–2013 гг.). Этот этап был реализован ЗАО «Демоскоп» и ЗАО «Прогностические решения», с его результатами можно ознакомиться на сайте Минфина России [1];

– проведение исследования изменения уровня финансовой грамотности (2 раунд) (2015 г.). Результаты этого исследования также на сайте Минфина России [15];

– оценка степени сформированности финансовой грамотности у детей 15-летнего возраста, обучающихся в учреждениях общего и профессионального образования в рамках международного исследования PISA–2012» [15].

Кроме перечисленных исследований на седьмой год реализации проекта запланировано проведение базового и последующего исследований по изучению финансового поведения населения и привычки к накоплению сбережений.

Основные характеристики выборки этого мониторинга:

1) генеральная совокупность: постоянно проживающие на территории России мужчины и женщины в возрасте от 14 до 79 лет;

2) объем выборочной совокупности: 3 000 человек, при этом 300 человек – выборка в целевой группе «учащиеся»;

3) тип выборки: многоступенчатая, стратифицированная, вероятностная, территориальная, адресная;

4) данные о статистической ошибке выборки в отчете не представлены.

Результаты сравнения данных исследований 2012 и 2015 г. (см. табл. 1) свидетельствуют о негативных изменениях. Значение пяти индикаторов из девяти снизились, по двум индикаторам прирост составляет 1,4–26%. Резко отрицательно можно оценить снижение: а) доли граждан целевых групп, считающих неприемлемым поведением отказ от погашения кредита на 21,9% и б) доли целевых групп населения, справившихся с базовым тестом по финансовой арифметике, на 18,7%.

Таблица 1

Динамика индикаторов финансовой грамотности населения России в целом*, %

Индикатор финансовой грамотности	2013	2015	Абс. откл.
Понимание основ пенсионного обеспечения	18,1	24,8	6,7
Понимание соотношения «риск – вознаграждение» при выборе финансовых продуктов	65,9	63,5	-2,4
Понимание важности наличия «финансового буфера» на случай чрезвычайных и кризисных жизненных ситуаций	29,5	32,1	2,6
Уверенность активных и потенциальных потребителей финансовых услуг с низким и средним уровнем доходов в справедливом разрешении споров с финансовыми организациями	20,7	19,6	-1,1
Понимание активными и потенциальными потребителями финансовых услуг с низким и средним уровнем доходов необходимости сравнения альтернативных предложений при выборе кредитных продуктов	61,6	63,0	1,4
Знание базовых основ финансовой арифметики	32,8	14,1	-18,7
Понимание населением личной ответственности за понесенные потери на финансовых рынках	37,2	43,8	6,6
Понимание населением важности формирования добровольных накоплений для обеспечения старости	40,1	31,7	-8,4
Понимание населением неприемлемости отказа от погашения кредита	53,3	31,4	-21,9

** Составлено авторами на основе [15]*

Кроме Минфина России мониторинги уровня финансовой грамотности населения проводятся Национальным агентством финансовых исследований (НАФИ), Фондом общественного мнения [28]. НАФИ на протяжении 2008–2016 гг. проводит инициативные всероссийские опросы взрослого населения (18 лет и старше), параметры которых варьировались, но во всех была обеспечена статистическая погрешность менее 3,4%:

– исследование проводилось 13–14 декабря 2008 г. по всероссийской выборке и является одним из этапов исследовательского проекта НАФИ «Финансовые услуги для населения», посвященного изучению актуальных аспектов и проблем финансовой сферы России. Опрошено 1600 человек в 140 населенных пунктах в 42 областях, краях и республиках России. [5];

– декабрь 2011 г.: опрошено 1600 человек в 138 населенных пунктах в 46 регионах России [6];

– 2013 г. Опрошено 1600 человек в 138 населенных пунктах в 46 регионах России [21];

– ноябрь 2014 г.: опрошено 1600 человек в 140 населенных пунктах в 42 регионах России [25];

– июнь 2015 г.: опрошено 1600 человек в 132 населенных пунктах в 46 регионах России [17];

– август 2016 г.: опрошено 1600 человек в 140 населенных пунктах в 42 регионах России [24];

– май 2017 г.: опрошено 1600 человек в 140 населенных пунктах в 42 регионах России [20].

Преимущество данных, размещенных на сайте НАФИ, – хороший динамический ряд данных, на основе анализа которых можно делать выводы об изменении финансовых практик населения (см. табл.2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Ведете ли Вы или кто-то из Вашей семьи учет доходов и расходов?», в % от всех опрошенных [20]

Ведете ли Вы или кто-то из Вашей семьи учет доходов и расходов?	**Год проведения исследования**							
	2008	2009	2010	2011	2013	2015	2016	2017
Да, учет ведется, фиксируются все поступления и все расходы	22	11	11	11	12	7	9	21
Да, учет ведется, но не все поступления и расходы фиксируются	20	13	15	14	19	13	16	21
Нет, учет не ведется, но в целом известно, сколько денег поступило и сколько было потрачено за месяц	45	59	57	59	53	58	56	41
Нет, учет не ведется, и неизвестно, сколько денег поступило и сколько было потрачено за месяц	9	14	12	14	15	22	16	14
Затрудняюсь ответить	4	3	4	2	2	0	3	3

Так, например, исследователи НАФИ делают вывод о том, что падение самооценки финансовой грамотности на фоне улучшения практик ведения семейного бюджета – признак реального роста финансовой грамотности россиян [20].

Несложно заметить, что данные двух описанных мониторингов расходятся в оценках эффективности финансового поведения россиян: результаты, полученные на основе исследования ЗАО «Демоскоп», говорят об ухудшении ситуации, итоги НАФИ, наоборот, внушают оптимизм.

Отдельно хотелось бы отметить мониторинг, выполненный Лабораторией экономико-социологических исследований Высшей школы экономики под руководством О.Е. Кузиной и В.В. Радаева, – мониторинг финансового поведения населения. Параметры мониторинга: всероссийский опрос населения, репрезентирующий взрослое (старше 18 лет) население Российской Федерации по полу, возрасту, трудовому статусу (занятость) и типу населенного пункта, в котором проживает респондент, а также отдельных федеральных округов РФ. Схема реализации выборочной совокупности обеспечивает выборку респондентов со следующими характеристиками:

- суммарный объем реализуемой выборочной совокупности – 1600 чел.;
- число субъектов РФ, в которых реализуется выборка – не менее 40;
- число населенных пунктов (административных территориальных единиц – АТЕ) – не менее 150;
- число респондентов в одном населенном пункте (АТЕ) – не менее 5 чел.;
- погрешность выборки – 3,4%;

Было реализовано три волны: I – ноябрь 2011 г.; II – октябрь-ноябрь 2012 г.; III – октябрь-ноябрь 2013 г. [11–13].

По результатам данного исследования опубликован ряд работ, имеющих высокий индекс цитирования РИНЦ, что свидетельствует о высоком авторитете среди российских ученых. На протяжении последних трех лет волны не проводились. По итогам исследования 2013 г. О.Е. Кузина делает вывод, что «запускать механизм повышения финансовой грамотности от лица государства нужно с большой осторожностью, поскольку увеличение потока информации на финансово-экономические темы в ходе реализации программы повышения уровня финансовой грамотности населения может привести к росту уверенности потребителей, тогда как их финансовые компетенции останутся на том же уровне» [12]. В 2017 г. О.Е. Кузина в газете «КоммерсантЪ» повторяет этот тезис: «Да, люди должны быть рациональны, должны быть информированы, но, если сам рынок работает черт-те как, если есть множество несовершенств в его организации, управлении и регулировании, индивидуальная финансовая грамотность не спасает. И в этой ситуации очень нюансно, что

есть финансовая грамотность» [16]. Обратим внимание, что есть основания к авторитетному мнению О.Е. Кузиной прислушаться, поскольку она является ведущим экспертом в области российских исследований финансовой грамотности [7–9].

Крупные социологические центры реализуют проекты, посвященные изучению финансового поведения и финансовой культуры россиян (например, у ВЦИОМа есть проект «Финансовое поведение россиян», у ФОМа – «Человек и деньги»), но исследования в рамках этих проектов носят несистематический характер.

На этом можно завершить представление мониторингов федерального уровня и перейти к региональным исследованиям. При реализации исследований уровня финансовой грамотности населения Российской Федерации, необходимо помнить, что наша страна характеризуется вхождением в ее состав субъектов, сильно различающихся по уровню социально-экономического развития. По утверждению Н.В. Зубаревич, «для исследователей-регионалистов уже давно стало аксиомой, что данные в целом по субъекту РФ чаще всего показывает «среднюю температуру по больнице» [19], тем более данные по РФ в целом. Сравнительные исследования уровня финансовой грамотности населения ряда регионов [15] и сравнение общероссийских и региональных данных [10] позволяет, утверждать, что уровень финансовой грамотности граждан, проживающих в разных регионах Российской Федерации сильно разнится. Исходя из этого, можно утверждать, что региональные мониторинги финансовой грамотности отдельных регионов являются важным, ценным источником информации при изучении финансовой грамотности.

Кроме этого, в рамках проекта «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации» была запланирована реализация региональных программ. В 2011 г. были определены две пилотные площадки для апробации и тестирования всех материалов, разрабатываемых в рамках проекта, – Калининградская и Волгоградская область. В 2013 г. начат второй этап, основанный на опыте пилотных регионов. Разработана рамочная региональная программа повышения финансовой грамотности и механизм отбора регионов для участия в Проекте на конкурсной основе. Приглашения для участия в конкурсе были направлены Минфином России во все регионы Российской Федерации. По результатам конкурса в сентябре 2013 г. для участия в Проекте дополнительно были отобраны восемь регионов: Республика Татарстан, Алтайский край, Краснодарский край, Ставропольский край, Архангельская область, Саратовская область, Томская область, город Москва [18]. Именно поиску данных социологических исследовании, проводимых в этих регионах, мы уделили особое внимание (см. табл. 3).

Таблица 3

Региональные исследования финансовой грамотности

Регион	Наименование	Параметры исследования	Волны исследования
Калининградская область	Отчет по данным социологического исследования Калининградской социологической службы [23]	Количественный опрос, объем выборки –1000 респондентов. Выборка квотная, репрезентирует состав населения Калининградской области от 16 лет и старше по полу и возрасту на основании статистических данных Госкомстата, со стратификацией по месту проживания. Допустимая ошибка выборки 2,5% при доверительной вероятности 0,95. Метод опроса – личное интервью «face-to-face» по месту жительства респондентов	2011 г. 2013 г. 2014 г.
Волгоградская область	Индикаторы и оценка финансовой грамотности населения Волгоградской области (Фонд ИЭСИ) [14]	Не описаны	2011 г. 2012 г. 2013 г.
Волгоградская область	Финансовое поведение и финансовая грамотность жителей Волгограда (ЦСМИ «Аналитик») [26]	В качестве метода исследования был использован метод CATI-интервью. Объект исследования – население Волгограда и городов областного подчинения в возрасте 16 лет и старше. Выборка стратифицированная, квотная. Квотируемые признаки – пол и возраст. Максимальная статистическая погрешность выборки такого объема при уровне значимости 0.05 составляет 3,5%.	Всего было проведено более 10 волн с 2011 по 2013 гг.
Архангельская область	Аналитический отчет по результатам проведенного социологического исследования: «Оценка уровня финансовой грамотности жителей Архангельской области» («Центр изучения общественного мнения»)	Анкетный опрос. Генеральная совокупность: население Архангельской области (без Ненецкого автономного округа) в возрасте от 18 лет и старше. Выборочная совокупность: 1600 респондентов в возрасте от 18 лет и старше по всей области. Максимальная ошибка выборки составляет 3,5 %.	2014 г.

Как следует из приведенной выше таблицы, в свободном доступе размещены результаты немногих исследований. Отсутствие сведений о проведении исследований по оценке уровня финансовой грамотности населения может быть вызвано закрытостью данных. Региональные заказчики (местные органы власти, на которых возложена реализация региональных программ) могут не считать нужным опубликование полученных результаты.

Проведение инициативных исследований отдельными учеными и/или коллективами

крайне затруднительно ввиду высокой стоимости репрезентативных исследований. Одним из немногих примеров может служить исследование научного коллектива ИСЭРТ РАН (г. Вологда) [2–4].

Завершая представление анализа российского опыта реализации мониторинга уровня финансовой грамотности и финансового поведения населения, хотелось бы отметить, что финансовая грамотность – сложный, мозаичный объект социологического исследования. Составить грамотное и, по возможности, более объективное представление о нем можно, используя различные методики исследования. Для получения объективных данных о состоянии финансовой грамотности населения в стране должны быть реализованы мониторинги разного уровня (федеральные и региональные) и различных источников финансирования (федеральное, региональное и независимое). Сочетание мониторинговых исследований разного уровня позволит выделить общее и частное в изучаемом феномене и тем самым повысить эффективность реализации региональных программ. Наличие данных исследований, финансируемых из разных источников, позволит исключить их ангажированность. Еще одни немаловажный аспект – это открытость данных социологических исследований, особенно это касается исследований, выполненных за счет федеральных и региональных финансов. Жители страны должны иметь возможность ознакомиться с развернутыми отчетами, а ученые − получить доступ к базам данных с целью активизации научного диалога и научного поиска в данном направлении. Успешная реализация социально значимого федерального проекта по повышению финансовой грамотности россиян не возможна без консолидации усилий населения, науки и власти.

Список литературы

1. Базовое обследование уровня финансовой грамотности и компетентности российского населения [Электронный ресурс] // URL: https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=63405# (Дата обращения: 15.09.2017).

2. Белехова Г.В. К вопросу о финансовой грамотности населения // Проблемы развития территории. 2014. № 1 (69). С. 53–66.

3. Белехова Г.В. Оценка финансовой грамотности населения и пути ее повышения // Проблемы развития территории. 2012. № 4 (60). С. 96–109.

4. Белехова Г.В., Калачикова О.Н. Финансовая грамотность молодежи (на материалах Вологодской области) // Проблемы развития территории. 2016. № 5 (85). С. 90–106.

5. Более половины россиян не ведут учет доходов и расходов [Электронный ресурс]: Аналитический центр НАФИ. URL: http://nafi.ru/analytics/bolee-poloviny-rossiyan-ne-vedut-uchet-dokhodov-i-raskhodov/ (Дата обращения: 15.09.2017).

6. Как россияне оценивают свою финансовую грамотность [Электронный ресурс]: Аналитический центр НАФИ. URL: https://nafi.ru/analytics/kak-rossiyane-otsenivayut-svoyu-finansovuyu-gramotnost/ (Дата обращения: 15.09.2017).

7. Кузина О.Е. Финансовая грамотность и финансовая компетентность: определение, методики измерения и результаты применения в России // Вопросы экономики. 2015. № 8. С. 129–148.

8. Кузина О.Е. Ибрагимова Д.Х. Проблемы измерения и пути повышения финансовой грамотности населения России // Мониторинг общественного мнения. 2008. № 4 (88). С. 14–25.

9. Кузина О.Е. Финансовая грамотность молодежи // Мониторинг общественного мнения. 2009. № 4 (92). С. 157–177.

10. Моисеева Д.В. Финансовая грамотость населения российского региона: экономико-социологический анализ [Электронный ресурс] / Д.В. Моисеева Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Волгоградский государственный технический университет. Волгоград, 2017 URL: http://www.volsu.ru/Aspirant/dissovet/calendar.php?ELEMENT_ID=18534 (Дата обращения:

15.09.2017).

11. Мониторинг доверия финансовым институтам и финансового поведения населения [Электронный ресурс] // http://www.hse.ru/org/projects/76214614 (Дата обращения: 15.09.2017).

12. Мониторинг финансового поведения населения: экономико-социологический анализ [Электронный ресурс] // URL: https://www.hse.ru/org/projects/79650964 (Дата обращения: 15.09.2017).

13. Мониторинг финансового поведения населения [Электронный ресурс] // URL: https://www.hse.ru/org/projects/47265530 (Дата обращения: 15.09.2017).

14. О региональном проекте: материалы [Электронный ресурс]. Электрон. текстовые дан. Режим доступа: http://fingram34.ru/about-the-regional-project/materials/ Загл. с экрана. (Дата обращения: 15.09.2017).

15. Отчет: исследование измерения уровня финансовой грамотности [Электронный ресурс]. Электрон. текстовые дан. Режим доступа: https://www.minfin.ru/ru/om/fingram/directions/evaluation/# Загл. с экрана. (Дата обращения: 15.09.2017).

16. Петрова Н. Буратинное подсознательное: Почему финансовые авантюристы неистребимы / Н. Петрова [Электронный ресурс] // «Коммерсантъ» от 03.06.2017 URL: https://www.kommersant.ru/doc/3313536 (Дата обращения: 15.09.2017).

17. Противоречивая финансовая грамотность россиян [Электронный ресурс] // URL: https://nafi.ru/analytics/protivorechivaya-finansovaya-gramotnost-rossiyan (Дата обращения: 15.09.2017).

18. Регионы – участники проекта [Электронный ресурс] // URL: https://www.minfin.ru/ru/om/fingram/regions/ (Дата обращения: 15.09.2017).

19. Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем? / Под ред. Н.В. Зубаревич. М.: Проматур, 2005. 280 с.

20. Россияне стали более тщательно вести семейный бюджет [Электронный ресурс] // URL: https://nafi.ru/analytics/rossiyane-stali-bolee-tshchatelno-vesti-semeynyy-byudzhet/ (Дата обращения: 15.09.2017).

21. Самооценка финграмотности понизилась [Электронный ресурс] // URL: https://nafi.ru/analytics/samootsenka-fingramotnosti-ponizilas/ (Дата обращения: 15.09.2017).

22. Система (рамки) базовых компетенций в области финансовой грамотности для России [Электронный ресурс] // URL: https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=63407 (Дата обращения: 15.09.2017).

23. Социологические исследования [Электронный ресурс] // URL: http://minfin39.ru/program/soc_research/ (Дата обращения: 15.09.2017)

24. Финансовая грамотность населения: точки роста [Электронный ресурс] // URL: https://nafi.ru/analytics/finansovaya-gramotnost-naseleniya-tochki-rosta/ (Дата обращения: 15.09.2017).

25. Финансовая грамотность: кто и чему должен учить? [Электронный ресурс] // URL: https://nafi.ru/analytics/finansovaya-gramotnost-kto-i-chemu-dolzhen-uchit/ (Дата обращения: 15.09.2017).

26. Финансовое поведение и финансовая грамотность жителей Волгограда. Аналитический отчет по результатам исследовательского проекта «Волгоградский Омнибус». Волна 9/07 (июль 2009 года) [Электронный ресурс] // ЗАО ЦСМИ «Аналитик». Волгоград. 2009. URL: http://www.socio-research.ru/svd/cnt/ru/fldr_mainpage /fldr_rightupblock/fldr_reports /fldr_b2c_service/ fldr_9130_vo_907_finbehavior 2012. 01 ноября. (Дата обращения: 15.09.2017).

27. Цветова Г.В. Финансовая грамотность в мировом измерении // Экономика и предпринимательство. 2017. № 1 (78). С. 701–704.

28. Цветова Г.В. Финансовое поведение и потребность в повышении финансовой грамотности // Власть и управление на Востоке России. 2016. № 2 (75). С. 57–64.

М.Б. Полтавская, Е.Г Васильева, Е.Н. Васильева

ПРАКТИКИ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ОЦЕНКЕ РУКОВОДИТЕЛЕЙ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Работа выполнена в рамках научного проекта № 17-13-34010 «Ресурсный потенциал некоммерческих организаций в сфере социального предпринимательства» при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области.

Аннотация. *В статье отражены результаты экспертного опроса руководителей организаций некоммерческого сектора Волгоградской области по проблеме становления практик социального предпринимательства. Легитимация данных практик включает следующие особенности: недостаточная рационализированность восприятия категории «социальное предпринимательство»; отсутствие институционального подхода к реализации практик социального предпринимательства; приоритетную ориентированность на конкретные результаты в реализации проектной деятельности, связанные с улучшением социального положения и разрешением актуальных проблем целевых групп; недостаточная представленность стандартов профессиональной конкурентоспособности и финансовой успешности в деятельности НКО.*

Ключевые слова: *социальное предпринимательство, некоммерческие организации, третий сектор, проектная деятельность.*

M.B. Poltavskaya, E.G Vasil´eva, E.N. Vasil´eva

PRACTICE OF SOCIAL ENTREPRENEURSHIP IN THE VIEWS OF THE LEADERS OF NON-PROFIT ORGANIZATIONS IN VOLGOGRAD REGION

Abstract. *The results of the expert survey of heads of organizations of the nonprofit sector in Volgograd region by the problem of introducing practices of social entrepreneurship is reflected in this paper. The following features can be distinguished in the process of legitimation practices of social entrepreneurship: the lack of an institutional approach to practices of social entrepreneurship; priority focus on concrete results in the implementation of project activities, which are aimed at improving the situation and resolving the urgent problems of the target groups; activities of NGOs are underrepresented standards of professional competitiveness and financial success.*

Keywords: *social entrepreneurship, non-profit organizations, third sector, project activities.*

Социальное предпринимательство является одним из обсуждаемых явлений среди современных исследователей как в зарубежной, так и отечественной социологии. Большой вклад в изучение сущностных основ социального предпринимательства внесли такие авторы, как Д. Борнштейн [2], Дж. Коллинз [3], Д.-Ф. Крейг [4] и ряд других зарубежных ученых. Среди отечественных исследователей можно отметить работы Л. Тарадиной, М. Баталиной [1], А.А. Московской [7], И.В. Задорина [6], С.Г. Климовой, И.А. Климова, И.В. Щербаковой [5] и других. Однако данная проблема недостаточно изучена и нуждается в дальнейшем исследовании, особенно с учетом российской специфики.

Социальное предпринимательство – социальная активность в формате бизнеса или бизнес, ориентированный на решение социальной проблемы, а не на прибыль [6]. В России на данный момент отсутствует нормативное регулирование сферы социального предпринимательства.

Субъектами развития социального предпринимательства в РФ могут выступать социально ориентированные некоммерческие организации (СО НКО): развитие данной формы гражданского участия способствует институционализации деятельности третьего сектора; обеспечивает трансформацию «избыточной» социальной активности в направлении

формирования «солидаристских» практик социального взаимодействия и, в целом, оптимизирует социальную политику с точки зрения «недопущения» иждивенчества. В связи с этим важен вопрос о смысловом содержании «социального предпринимательства» именно для руководителей некоммерческих организаций. Какие виды профессиональной деятельности могут считаться социальным предпринимательством, а какие нет; насколько «пересекаются» представления о рынке социальных услуг и социальном предпринимательстве – ключевые исследовательские вопросы.

В рамках изучения данных аспектов проблемы социального предпринимательства можно обратиться к данным инициативного исследования, реализованного кафедрой социологии ВолГУ в 2015 г. В рамках данного исследования выявлялось смысловое содержание категории «социальное предпринимательство», представлений о его сущности, целях, функциях. Исследование проводилось методом глубинного интервью на основе «снежного кома» (N=17), при этом в число интервьюируемых отбирались руководители некоммерческих организаций, входящих в реестр социально ориентированных (СО НКО) Волгоградской области. В целом, результаты интервью показали недостаточную рационализированность восприятия категории «социальное предпринимательство». Так, одна треть опрошенных руководителей не смогла, в принципе как-либо охарактеризовать социальное предпринимательство, назвать его характерные черты. Ответы остальных интервьюируемых характеризуются значительной дифференциацией: оценки социального предпринимательства связаны как с рыночными категориями конкурентоспособности, так и мнением о работе СО НКО как о работе с целевыми группами, нуждающимися в социальной защите и поддержке.

«Я так понимаю, социальное предпринимательство – это социально ответственный бизнес, так по-новому почему-то стали называть» (Р.В., муж., 31 год).

«Социальное предпринимательство – это социально ответственный бизнес, это бизнес, который построен на создании системы внутри себя, внутри бизнеса. Где наемный работник спокойно работает, получает приличную заработную плату, где идет его обучение, повышают его квалификацию. <…> Когда ты выпускаешь продукцию качественную, без брака» (Т.В., жен., 63 года).

«Социальность» предпринимательства для ряда руководителей СО НКО связана с конкретными целевыми группами, а именно с социально незащищенными категориями граждан, причем отмечается, что если услуги предоставляются другим категориям, то предпринимательство перестает быть «социальным».

«Социальное − оно и понятно сразу, социальные группы населения берутся, и здесь уже совершенно другие расценки будут» (В.А., муж., 36 лет).

Наряду с «общесоциальным» содержанием категории социальное предпринимательство существуют мнения, указывающие на «инструменталисткие» установки в отношении феномена. Одним из вариантов представления социального предпринимательства было выделение его как формы заработка СО НКО. *«Социальное предпринимательство – это некий бизнес некоммерческих организаций, который приносит некую прибыль этой организации» (Е.В., муж., 35 лет).*

Данная группа мнений характерна для руководителей, ориентированных в большей мере не на стратегические целевые компоненты в планирование профессиональной деятельности (например, при написании проектов), а на конкретные результаты, мероприятия, направленные на решение актуальных проблем целевых групп.

В то же время среди смысловых значений категории социальное предпринимательство выделяется группа мнений, которые можно было бы охарактеризовать как «интегрированные», т.е. и как рыночные, и как социально ориентированные. *«Социальное предпринимательство – это все-таки созвучие социального и предпринимательства. Предпринимательство означает получение прибыли, социальное – решение каких-то социальных проблем» (Н.В., жен., 41 год).*

«Социальное предпринимательство рассчитано на незащищенные категории населения, и стоимость услуг будет на несколько порядков ниже, то есть не ради наживы какой-то…» (И.М., жен., 41 год).

Оценивая приведенные группы мнений, необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что смысловые группы высказываний обнаруживают, предположительно, связь со сферой деятельности НКО, а также с длительностью ее функционирования: руководители, для которых характерно «социальное» значение социального предпринимательства, возглавляют организации, работающие с социально незащищенными группами; «интегрированное» мнение характерно в большей мере для руководителей, работающих с широким спектром целевых групп, выполняющих функции ресурсных площадок; «инструменталистские» суждения характерны для «молодых» организаций, функционирующих не более трех лет.

Более развернутые аргументации в отношении категории «социальное предпринимательство» были связаны с попытками его функциональной оценки. Так, например, характерным было суждение о том, что некоммерческая организация может оказывать услуги дешевле и качественнее, чем государственные бюджетные организации системы социальной защиты населения. *«НКО делают тот же вид и объем работ социального заказа, но они делают это более качественнее и намного дешевле, чем бюджетные организации. В этом плане социальное предпринимательство для государства получается выгодным вложением» (И.А., жен., 64 года).*

Интервьюируемые также отмечают, что не всякое решение социальной проблемы будет социальным предпринимательством. *«Если взять какую-то социальную проблему, и просто «тупо» как люди делают бизнес, то я считают, что это просто бизнес. <…> Допустим, клиники детские, лечащие от ДЦП. Пытаются им за бешеные деньги помочь. И вроде как дело хорошее. Но с другой стороны не то...». (Н.В., жен., 41 год).*

В целом можно предположить, что новый для российской практики феномен социального предпринимательства в сознании руководителей СО НКО четко не сформирован, а представленные интегрированные, социальные и инструменталистские группы смыслов обусловлены и отражают скорее практические аспекты деятельности конкретной СО НКО, отсутствует системное видение проблемы вследствие несформированности базовой институциональной основы социального предпринимательства. В то же время интерес к теме социального предпринимательства значителен. *«Нам нужно научиться заниматься социальным предпринимательством. Все равно этому надо будет учиться, определенно» (С.А., муж., 53 года).*

«Будущее у социального предпринимательства есть. Огромное будущее. <…> Просто это нужно продвигать законодательно, чтобы люди знали рамки, чтобы были какие-то рельсы, по которым можно идти» (Н.В., жен., 41 год). Руководители некоммерческих организаций видят будущее у социального предпринимательства, готовы ему обучаться.

Список литературы

1. Баталина М. Обзор опыта и концепций социального предпринимательства с учетом возможностей его применения в современной России: препринт WP1/2008/02 / М. Баталина, А. Московская, Л. Тарадина. М.: ГУ ВШЭ, 2007. 180 с.

2. Борнштейн Д. Как изменить мир: социальное предпринимательство и сила новых идей. М.: Альпина Паблишер, 2012. 504 с.

3. Коллинз Дж. Построенные навечно: успех компаний, обладающих видением. СПб: Стокгольм. шк. Экономики, 2005. 350 с.

4. Крейг Д.-Ф. Ваш шанс изменить мир. Практическое пособие по социальному предпринимательству. М.: Альпина паблишер, 2013. 791 с.

5. Климова С.Г., Климов И.А., Щербакова И.В. Сообщества социальных предприятий // Вестник Института социологии. 2015. № 13. С. 71–96.

6. Портрет социального предпринимателя: ключевые характеристики [Электронный ресурс]: ЦИРКОН. 2013. URL: http://www.zircon.ru/upload/ iblock/e4e/Portret_SP_Otchet.pdf (Дата обращения 20.08.2017).

7. Московская А.А. Социальное предпринимательство в России и в мире: практика и исследования. М.: НИУ ВШЭ, 2011. 288 с.

А.А. Почестнев

АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ И ВЕКТОРОВ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СРЕДЫ РЕГИОНОВ РФ

Аннотация. *Исследование выявляло характер развития социально-экономической среды регионов и существование возможностей для ее модернизации. Регионы с высоким цивилизационным уровнем близки к фазе постиндустриального развития. Менее развитые регионы находятся в середине или начале этой фазы. В них обнаружилась низкая активность субъектов регионального развития.*

Ключевые слова: *модернизация, социально-экономическое развитие регионов, народное хозяйство, «точки роста», социоэкономическая инфраструктура, экспертные оценки.*

A.A. Pochestnev

ANALYSIS OF THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF RUSSIAN REGIONS

Abstract*. The study revealed the nature of social and economic environment development in regions and the opportunities for regional modernization. High civilizational level regions are close to post-industrial development phase. Being at the beginning of this phase less developed regions are characterized with a low activity of regional development subjects.*

Keywords: *modernization, socio-economic development, national economy, «growth of points», socio-economic infrastructure, expert assessments.*

Стремительные трансформации, влекущие за собой изменение ситуации и правил игры в мировом пространстве, будируют руководство РФ пересматривать сложившиеся направления социально-экономического развития страны и ее регионов. Любые изменения должны иметь под собой некий базис, в связи с чем и возникла задача исследования состояний регионов и определения наличия в них потенциала для определенного типа социально-экономического развития. Состояние народного хозяйства региона является ключевым в развитии социоэкономической среды.

Под народным хозяйством понимается совокупность организаций, выпускающих товары и услуги, объединенных по организационно-производственному принципу в отрасли производства. Как правило, отрасли производства разделяются по видам деятельности.

За развитие народного хозяйства отвечают следующие субъекты: органы власти (различного уровня), руководство деловых организаций и учреждений, население региона (как субъекты профессиональной активности). Их видение ситуации, направления активности, характер их взаимодействий формируют условия ведения бизнеса в регионе и являются основой для привлечения инвестиций, поэтому при оценке развития народного хозяйства необходимо учитывать: а) активность бизнес-субъектов, б) отношения региональных властей к проблеме развития хозяйственного потенциала региона и различным деловым субъектам.

Одни условия не обеспечивают социально-экономическое развитие региона, поэтому особый интерес должно представлять наличие в регионах так называемых «точек роста» социально-экономической среды [1]. Под ними понимаются хозяйствующие субъекты, виды

деятельности, сектора экономики, отрасли, организации или проекты, имеющие высокий потенциал прибыльности и рентабельности и высокую привлекательность для инвесторов. Как правило, данные «точки роста» обладают высоким технологическим развитием.

При условии их активизации возможно диверсифицировать экономику региона и создавать центры-аттракторы для развития новых деловых отношений. Подобные аттракторы, как правило, стимулируют развитие смежных видов бизнеса и создают среду, привлекательную для инвестиций. Развитие хозяйственного потенциала через активизацию «точек роста» позволяет развивать межрегиональные и внешнеэкономические связи региона, а также пополнять региональный бюджет, необходимый для развития социальной инфраструктуры региона. Таким образом, подобные точки роста являются, по сути, локомотивом развития социально-экономической среды региона.

На сегодняшний день при рассмотрении проблемы социально-экономического развития регионов наиболее популярной является идея модернизации. Она предполагает переход общества к новым способам создания основных средств жизнедеятельности с новыми их качествами и новыми типами отношений элементов. Данная идея подтвердила свою эффективность в ряде теоретических и практических исследований, в частности в работах Д. Белла, А. Фишера, К. Кларка, М. Портера, В.В. Ивантера, Н.И. Комкова, В.А. Агафонова, Т.О. Лащевой, Н.И. Лапина.

Согласно их концепциям, социально-экономическая модернизация представляет собой движение народного хозяйства от индустриального уровня развития к постиндустриальному [11], и это развитие предполагает наличие потенциала и определенных ресурсов. Организации постиндустриальной экономики характеризуются ориентацией на внедрение сложных технологий и инноваций в технико-технологической сфере, а также на развитие информационных технологий. Инновационные организации ориентированы на постоянное изменение. Они быстро приспосабливаются к изменению рыночных конъюнктур и обладают высоким уровнем выживаемости и воспроизводимости.

Довольно важным критерием развития социально-экономической сферы является преобладание организаций и занятости в них населения, принадлежащих к третичному и четвертичному секторам экономики [12; 10]. Помимо этого, модернизация экономики связана еще с некоторыми аспектами: с активным привлечением иностранных инвестиций [8] и развитием малого бизнеса [13].

Переход к постиндустриальной экономике требует изменения и типа отношений различных деловых субъектов (бизнес-субъектов). Новый тип отношений строится не на традиционной основе, а на рационализации взаимодействия и управления [9]. Данная рационализация предполагает нахождение таких способов организации взаимодействия, которые позволяют достигать оптимального уровня прибыли (при минимизации издержек) достаточно долгое время. Эта идея находит свое отражение, к примеру, в создании кластерных структур [5], росту специализаций организаций и формировании «точек роста» [2; 7], внедрении государственного регулирования в отдельные сферы экономики [13; 5].

Отдельной концепцией развития социально-экономической среды региона является концепция модернизации Н.И. Лапина [6]. Модернизация трактуется им как движение от индустриального типа отношений различных деловых субъектов к информационным. Она базируется на антропосоциетальном методологическом подходе, являющимся версией социокультурного подхода. Согласно его концепции, источником изменения становится человек, он становится таким же социальным субъектом, как социальные институты. В связи с этим, главными объектами изучения становятся типология людей и типы их отношений с властными структурами.

Положения данных концепций стали основой проведенного исследования, где **о**бъектом исследования выступали регионы РФ, а предметом исследования – характер социально-экономического развития рассматриваемых регионов и условия (проблемы) их развития.

Основной задачей исследования было выявление векторов развития социально-экономической среды регионов и существование возможностей ее модернизации. В соответствии с логикой анализа модернизации, развитие народного хозяйства и социоэкономической среды в целом необходимо было изучить в нескольких направлениях. Первое касалось финаново-экономического анализа деятельности деловых организаций региона. Второе направление предполагало определение типа хозяйствующих субъектов. Третье направление касалось оценки технико-технологического развития и инновационной активности организаций регионов (включая и информационное развитие). В этом блоке также выделялись «точки роста» региона (отрасли, в рамках которых возможно появление инновационных организаций). Четвертое направление анализа было посвящено выявлению барьеров, препятствующих развитию народного хозяйства, а также оценке развития малого бизнеса. В этом блоке делался основной акцент на исследовании отношений региональных властей к проблеме социально-экономического развития. Пятое направление касалось анализа состояния социоэкономической инфраструктуры региона.

Главной особенностью данного исследования являлось то, что концепция Н.И. Лапина создала предпосылки использования наряду со структурно-функциональной методологией (присущей классическому подходу к изучению модернизации), агентно-сетевую методологическую парадигму, делающую акцент на нелинейности и вариативности развития регионов. Именно эта концепция позволяет осуществить социолого-управленческий анализ состояния и перспектив развития народного хозяйства регионов и определить наличие социального потенциала для определенного типа развития регионов.

В связи с тем, что существовали определенные трудности в оценки участия властных региональных систем в развитии социально-экономической среды региона, исходя из данных официальной статистики, была предпринята попытка использования экспертных оценок. Экспертный подход позволил определить видение и позиции активных субъектов социально-экономического развития регионов относительно возможностей и угроз, связанных с модернизацией.

В результате исследования была зафиксирована связь уровня социокультурной модернизации (по версии Н.И. Лапина) с основными показателями социоэкономического развития регионов, на которые ссылаются современные ученые в своих региональных исследованиях: ростом популяции, миграции, долголетием, количеством и прибылями фирм, ВРП, доходами и накоплениями населения, коэффициентом фондов и Джини.

Также было зафиксировано то, что большую интенсивность (активность) в развитии демонстрируют «слабые регионы». Это проявляется в общей тенденции, но не является точной закономерностью.

Далее в ходе анализа было выяснено, что регионы с высоким индексом развития по версии Н.И. Лапина находятся в стадии, которая уже близка к постиндустриальному развитию, третья и вторая группа регионов находится в середине индустриальной фазы, а последняя группа – только в начале индустриализации.

При определении наиболее стагнирующих отраслей народного хозяйства в рассматриваемых регионах, эксперты чаще всего отмечали производство товаров народного потребления (легкую, пищевую и т.д.) и сельское хозяйство, т.е. это те отрасли, которые не являются сырьевыми, ориентированы на выпуск готовой продукции.

Техническая оснащенность организаций ведущих отраслей по мнению экспертов находится на среднем уровне. Чуть лучше обстоят дела в развитых регионах. Необходимо отметить, что процент предприятий, использующих специализированное программное обеспечение (ПО) довольно высок во всех регионах, а вот что касается использования специального ПО, связанного с созданием инновационных товаров, то здесь ситуация намного скромнее (не более 16,2% от всех предприятий в лидирующем регионе).

Доля предприятий, осуществляющих инновации, в процентном содержании составляет от 14,4% до 3,2%. Больше инвестиций в инновационное развитие вкладывают предприятия лидирующей группы.

Экспертами были выделены отрасли, в которых можно активизировать инновационное развитие. Проведенный анализ позволяет говорить о том, что наиболее вероятные «точки роста» не могут быть отнесены к категориям постиндустриальных (информационных или интеллектуальных), в связи с этим вектор развития этих регионов скорее индустриальный, нежели информационный. Однако во всех исследуемых регионах присутствует, хоть и не ярко выраженная, возможность активизации таких отраслей, которые можно отнести к сфере оказания услуг (сервис) или интеллектуальных разработок (инновации и информация).

В результате исследования были получены данные, которые позволяют говорить о том, что народное хозяйство данных регионов базируется на различных отраслях и имеет различные «точки роста», таким образом, присутствует эффект их поляризации. Во всех регионах существует возможность вертикальных изменений, предполагающих изменения технологий и способов производства, а также горизонтальных изменений за счет увеличения разнообразия «точек роста».

Во всех регионах были определены проблемы, тормозящие развитие выделенных отраслей. Анализируя данные было обнаружено, что регионы с более высоким уровнем развития чаще сталкиваются с ресурсными и организационными проблемами развития, а регионы с более низким уровнем развития, помимо них, сталкиваются еще и с проблемами: незаинтересованностью руководств деловых организаций в развитии предприятий и отсутствием интереса властей в оказании помощи. Это подтверждают ответы на вопросы, касающиеся оценки работы властей по улучшению ситуации с загруженностью предприятий. По сути была зафиксирована низкая активность субъектов регионального развития в менее развитых регионах.

Что касается динамики развития числа малых предприятий, то она наблюдается в регионах среднего уровня модернизационного развития, а если смотреть на финансовый аспект развития малого бизнеса, то больший доход приносят малые предприятии в развитых регионах. Также было зафиксировано, что развитие малого бизнеса связано с поддержкой региональных властей. В развитых регионах она присутствует, а в слаборазвитых ее явно недостаточно.

Далее было показано, что экспертные оценки технико-технологического развития предприятий и уровня индустриализации региона, а также оценки деятельности властей по улучшению ситуации с загруженностью предприятий отображают все аспекты социально-экономического развития регионов. Они не только отражают главный показатель развития региона (ВРП), но и показатель модернизации Н.И. Лапина. Достаточно важно сделать акцент на том, что субъективное мнение экспертов широко отражает объективную ситуацию, что создает большое доверие к использованию субъективных оценок при выявлении уровня развития народного хозяйства регионов и оценки развития социальной инфраструктуры.

Что касается последней, то в ходе анализа было обнаружено, что во всех регионах ухудшилась ситуация с обеспеченностью рабочими местами. Материальные условия, правопорядок и горизонтальные отношения в целом остаются на прежнем уровне. Социальная инфраструктура ухудшилась в Дагестане, а улучшилась в Якутии. Транспортная ситуация ухудшилась в Омской области. Работа здравоохранения ухудшилась в Нижегородской области, Башкортостане, а также в Калмыкии и Дагестане. Социальное воспроизводство (школы, развлечения, отдых) ухудшились в Якутии и Дагестане.

При анализе коэффициента миграции населения была обнаружена тенденция: интенсивность перемещений людей снижается. Также было обнаружено, что основными причинами перемещения людей являются обеспеченность рабочими местами, жилищная обеспеченность, развитие розничной торговли, наличие развитой дорожной системы, социокультурный уровень развития. Также было обнаружено достаточно интересное влияние миграции на развитие региона. Миграция продуцирует ухудшение отношений с людьми другой национальности и вероисповедания. Как правило, это приводит к эскалации конфликтов, росту напряжения и агрессии, что негативно влияет на развитие регионов.

Список литературы

1. Агафонов В.А. Региональные точки роста. Тезисы проф. В.А. Агафонова (ЦЭМИ РАН) [Электронный ресурс] // Pandia. URL:http://pandia.ru/text/77/334/62422.php (Дата обращения: 04.10.2017).

2. Агафонов В.А. Инвестиционная стратегия региона и «точки роста». // Экономическая наука современной России. 2008. № 2. С. 66–76.

3. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Академия, 1999. 578 с.

4. Девятловский Д.Н. Проблема привлечения иностранных инвестиций в экономику России // Современные наукоемкие технологии. 2012. №7 С.46–47.

5. Ивантер В.В., Комков Н.И. Основные положения концепции инновационной индустриализации России // Проблемы прогнозирования. 2012. № 5. С. 21–32.

6. Лапин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010). М.: ИФ РАН, 2010. 111 с.

7. Лащева Т.О. Формирование и активизация полюсов экономического развития в регионе // Экономика и управление. 2008. № 2.

8. Трех секторов теория // Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. М.: Советская энциклопедия, 1980. Т.4. С. 176–178.

9. Щербина В.В. Целеформирующие и целеобеспечивающие рационализирующие социальные технологии // Социологические исследования. 2016. № 4. С. 50–58.

10. Clark C. The Conditions of Economic Progress. London: Macmillan. 1940.

11. Eisenstadt S.N. Modernization: Protest and Change. Englewood Cliffs. 1966. P. 1–5.

12. Fisher A.G.B. Production, primary, secondary and tertiary. Economic Record 15.1. 1939. С. 24–38.

13. Porter M.E. The competitive advantage of nations. N.Y. 1990.

К.В. Сульянова, М.А. Корсун

ПРАКТИКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КРИПТОВАЛЮТЫ КАК ЭЛЕМЕНТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Аннотация. *В статье представлены результаты исследования практик использования криптовалюты участниками сети Интернет на основе анализа видеоматериалов и интервью. Автор рассматривает потенциал практик использования криптовалюты как один из возможных элементов экономической модернизации.*

Ключевые слова: *криптовалюта, биткоин, фиатные деньги, DarkNet, анонимный форум, инвесторы.*

K.V. Sulyanova, M.A. Korsun

PRACTICES OF USING CRYPTOCURRENCY AS AN ELEMENT OF ECONOMIC MODERNIZATION

Abstract. *This article contents the research results of cryptocurrency usage amongst the users of the Internet based on analysis of videos as well as interviews. The author examines the potential usage of cryptocurrency as one the main elements of economic modernization.*

Keywords: *cryptocurrency, bitcoin, fiat money, Dark Net, anonymous forum, investors.*

Криптовалюта, или виртуальная валюта – это финансовая инновация, оказавшая огромное влияние на мировую экономику. В 2011 г. биткоин (инновационная платежная сеть и новый вид денег) начал активно распространяться по всему миру. Так по мнению

А.В. Шестопаловой, появление и распространение криптотехнологии свидетельствует о существовании определенных запросов в обществе. Криптотехнологию, безусловно, можно отнести к техническим новшествам в финансовой сфере [3, с. 31].

Постепенно интегрируя с мировой валютой, биткоин привлекает потребителей анонимностью и открытостью транзакций, нецентрализованностью сети (отсутствием центральных банков в качестве посредника), твердостью валюты. Как отмечают ученые, криптовалюты часто называют «электронным золотом». Как и золото, криптовалюты характеризуются повышенными трудозатратами при их выпуске (майнинге, эмиссии): количество единиц конкретной криптовалюты ограничено, а трудоемкость эмиссии со временем только растет [2, с. 34]. Например, каждые четыре года раздается примерно половина оставшихся биткоинов. Приток постепенно сходит на нет, и к 2140 г. он прекратится. Таким образом известно, что система создаст 21 млн биткоинов. Ограниченное число биткоинов и сложность их добычи делает невозможной инфляцию цифровой валюты в связи с четко контролируемой эмиссией новых биткоинов.

В настоящее время виртуальная валюта и операции с ней не имеют определенного юридического статуса в России. Также необходимо понимать, что криптовалюты не относятся к электронным деньгам в российской юрисдикции. Однако цифровые деньги можно конвертировать на фиатные деньги (доллар, евро, рубль) и наоборот. По мнению некоторых исследователей, часто негосударственные платежные системы привязывают свои виртуальные деньги к курсам мировых валют, однако государства никак не обеспечивают надежность и реальную ценность таких стоимостных единиц [2, с. 36]. Таким образом, определяя положение, которое занимают криптовалюты на мировом финансовом рынке, «их нельзя признать равновесной альтернативой фиатных денег. Это скорее денежные суррогаты, образующие новую электронную офшору теневой экономики» [3, с. 29].

Внедрение практик использования биткоин все большим количеством людей может существенно изменить современную экономическую систему, стимулируя тем самым процесс экономической модернизации. Для изучения современных практик исследования биткоин как одного из аспектов экономической модернизации мы использовали сочетание двух методов – метод полуформализованного интервью и анализ видеоматериалов – пяти наиболее популярных роликов о криптовалюте и блокчейне, отобранные из интернет-сервиса YouTube, исходя из количества просмотров и дате публикации.

В ходе исследования видеоматериалов мы выяснили, что их авторы рассматривают криптовалюту как быстрое, но рискованное средство обогащения. При этом некоторые интернет-инвесторы советуют вкладывать капитал в такие криптовалюты, как Биткоин и Эфириум, которые сейчас достигли внушительной рыночной капитализации (стоимость объекта, рассчитанная на основе текущей рыночной биржевой цены). По мнению инвесторов, вкладывая в криптовалюту, необходимо учитывать рост виртуальной валюты, а также такой показатель как волатильность, характеризующий тенденцию изменчивости цены на графике за заданный промежуток времени.

Таким образом, криптовалюта является для большинства финансовых блогеров дополнительным заработком – по сути, аналогом обычных фондовых рынков. Подобные практики использования криптовалюты не могут в полной мере служить драйвером экономической модернизации.

Далее мы обратились к исследованию частных практик использования криптовалюты. Для этого методом целевого отбора были выбраны несколько активных пользователей криптовалюты, с которыми были проведены полуформализованные интервью. Все опрошенные являются участниками анонимного форума «Antichat». Так, мы выбрали анонимный форум «Antichat» в силу его уникальности и популярности среди потребителей биткоин.

Большая часть опрошенных – юноши в возрасте от 18 до 22. Однако среди опрошенных присутствовала одна девушка. Наличие образования у данных информантов варьируется от неполного высшего до среднего специального. Сами информанты отмечают,

что если они и получают образование, то только как «корочку», большинство из них предпочитают самообразование.

«Я интересуюсь компьютерами с 5-ти лет. В 9 классе я создал свой первый сайт. С 12-ти лет я усердно занимаюсь программированием. Парам в университете я предпочитаю занятия дома. Если у меня что-то ломается, например, пульт или электрическая бритва, я чиню сам…» (Информант 1, муж., 19 лет,).

Все информанты проживают на территории России в крупных и средних по численности населения городах: Саратов, Пенза, Волгоград, Магадан, Бийск.

Таким образом, в большинстве случаев социально-демографический портрет информантов представляет собой следующее: юноша 20-ти лет, увлеченный IT, Интернетом и компьютерными технологиями. Местонахождение для него не представляет проблему, главное – чтобы ловил WI-FI.

Анализируя причины использования криптовалюты информантами, мы смогли выделить следующие:

1. Безопасность и анонимность

В современном мире, когда любой перевод электронных денег можно отследить, карту заблокировать, денежные средства могут быть безвозвратно списаны по неясной причине, существует виртуальная валюта, защищенная с помощью криптографических технологий.

2. Бескомиссионность транзакций

Для осуществления успешных транзакций между кошельками необходимо подтверждение подлинности биткоина, которое возможно благодаря компьютеру (роботу) другого участника сети, который проверяет шифр биткоина. Интерес к использованию биткоинов повышается также благодаря бескомиссинным транзакциям, что в свою очередь совершенно различно с пользованием фиатных денег (деньги, номинальная стоимость которых устанавливается и гарантируется государством вне зависимости от стоимости материала, из которого деньги изготовлены).

3. Устойчивость и твердость

В связи с тем, что в системе полностью отсутствует инфляция в связи с четко контролируемой эмиссией новых биткоинов, данная система не рухнет в один миг, а просто закончатся свободные биткоины. Так именно ограниченная денежная масса биткоина и привлекает информантов к их использованию, которым не нравится спонтанная допечатка денег центральными банками.

«Я помню, что существует определенное число биткоинов, вроде 21 миллион. Это значит, что в ближайшее время биткоины не закончатся. И именно сейчас мы можем наблюдать невероятный подъем этой криптовалюты…» (Информант 5, муж., 22 лет).

4. Новизна валюты

Часть информантов отметила в процессе интервью, что услышали о биткоин намного раньше, чем впервые решили попробовать его на деле.

«Сейчас нужно быть на волне современности, иначе ты почувствуешь себя отсталым. Нужно брать, пользоваться, терять и снова покупать биткоин, так как это совершенно новый экономический продукт, перевернувший финансовый мир» (Информант 3, жен., 18 лет).

5. Криптовалюта – мировая валюта

Как подчеркивает преобладающее число информантов, на виртуальную валюту можно приобрести товары и услуги в любой точке мира. В то время как фиатные деньги имеют чаще всего оборот именно в той стране, к которой они принадлежат.

«Свои российские рубли я легко конвертирую в биткоины и затем иду в виртуальный маркет. Где бы я не находилась, я могу потратить биткоины. Это дает мне преимущество в использовании данной валютой» (Информант 3, жен., 18 лет).

Так, для многих информантов причина использования криптовалюты достаточно объективна. Исключительно все заинтересованы в анонимности транзакций и безопасности

хранения и использования виртуальной валюты. Они способны ценить бескомиссионность транзакций, поэтому и предпочитают биткоин как платежное средство при совершении покупок в Интернете. Значительно меньшая часть информантов отметила как одну из причин использования криптовалюты ее твердость и относительную новизну. Возможно, это связано с малой информированностью информантов о данном свойстве биткоина. Все информанты подчеркивают, что биткоин как платежное средство распространен по всему миру. И в скором будущем готовы приобретать на него различные товары и услуги.

В процессе анализа схемы покупки товаров на биткоины среди информантов-участников форума мы выяснили, что все информанты при совершении покупок на биткоины пользуются открытой TOR-сетью, потому что большинство сайтов для покупки самой виртуальной валюты, а именно, биткоинов заблокированы на территории России. При этом, информанты отмечают, что спектр товаров, которые на сегодняшний день можно приобрести за биткоины, весьма ограничен.

В процессе интервью информанты отметили, что данная криптовалюта, в силу своей анонимности, используется также и для приобретения товаров, запрещенных к реализации на территории РФ.

В ходе исследования мы также проанализировали субъективную оценку информантов перспектив существования платежной системы биткоин.

Большая часть информантов считает, что дальнейшее существование биткоин возможно в том случае, если эта платежная система будет так или иначе сотрудничать с сектором государственного финансового регулирования.

«Я скорее всего на стороне тех, кто считает, что нам нужно сотрудничать с банками, государственными компаниями и традиционными системами. Я думаю, что биткоин есть чему поучиться у традиционной денежной системы, а системе есть чему поучиться у виртуальной валюты. У них сотни лет опыта хранения денег в банках, и для биткоин это очень важно» (Информант 1, муж., 19 лет).

«Компании, которые сотрудничают с биткоин-системой можно регулировать, но саму технологию регулировать нереально, по причине ее криптографической математической сущности» (Информант 3, жен., 18 лет).

Гораздо реже среди информантов высказывалось мнение о радикальном замещении традиционной валюты виртуальной.

«Биткоин может закрепиться в отсталых странах, где финансовая политика достаточно нестабильная. Они могут отказаться от государственной валюты, и такая валюта как биткоин будет рациональным выбором национальной валюты» (Информант 5, муж., 22 лет).

Отмечая нестабильное положение криптовалюты, часть информантов высказывают мнение, что биткоин может исчезнуть через десять лет, но на его замену придет преемник – биткоин 2.0.

«Лет через десять биткоина скорее всего не станет, просто потому что большинство новинок терпят крах. Поэтому все пользователи биткоин должны понимать, что завтра биткоин может исчезнуть навсегда. Но я думаю он вернется к нам в новом улучшенном виде как биткоин 2.0. И именно его последователь заменит большую часть мировой финансовой системы. И тогда все изменится…» (Информант 2, муж., 21 лет).

Таким образом, информанты придерживаются мнения, что биткоин, в силу его нарастающей популярности, в скором будущем вступит в сотрудничество с государственным сектором финансового регулирования, выступив катализатором экономической модернизации. Подобного рода инновация в финансовом деле может существенно изменить роль и значение центральных банков в процессе денежно-кредитной политики, снизить высокую стоимость денежных переводов и налог со сделок.

Сравнивая практики использования биткоинов, можно заметить, что рядовые пользователи используют криптовалюту как шифрованную валюту, обеспечивающую открытость транзакций при совершении покупок в Интернете, а финансовые блогеры

инвестируют в криптовалюту с дальнейшим извлечением прибыли, исходя из ее экономических показателей. При этом, увеличение количества подобных инвесторов создает определенные трудности для мировой финансовой системы, поскольку транзакции с цифровой валютой могут рассматриваться как спекулятивные и иметь противоправный характер.

В процессе анализа мы пришли к выводу, что выход биткоин на широкий рынок потребует кардинальных мер по трансформации существующей экономической системы. Так регулирование и ограничение использования криптовалюты сократит энтузиазм насчет биткоина и, может быть, ему навредит. Однако государственное регулирование криптовалюты позволит легитимировать биткоин и сделать его массовым платежным инструментом.

На наш взгляд, будущее криптовалюты в России пока неопределенно. Так, криптовалюта либо станет сотрудничать с властями, либо подчинится ей, либо навсегда останется в тени. Главное – криптовалюты, основанные на математической сущности, уже стали новым витком развития экономической модернизации, но «вместе с этим пришло сомнение в правомерности использования денег, поток которых невозможно контролировать активно» [1, с. 123].

Список литературы

1. Масумова Н.Р., Копылов Д.А. Биткоин (BTC) в мировой экономике и его использование в России и Турции // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2016. № 6. С. 115–123.

2. Степанова Д.И., Николаева Т.Е., Иволгина Н.В. Особенности организации и направления развития // Финансы и кредит. 2016. № 10. С. 33–45.

3. Шестопалова А.В. Биткоин как новый этап либерализации финансовой сферы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2016. № 2 (46). Т 9. С. 22–31.

В.М. Теребихин

СОЦИОГУМАНИТАРНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ – ПРЕОБРАЖЕНИЕ СЕВЕРНОГО РЕГИОНА: НЕКОТОРЫЕ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОЕКТИРОВАНИЯ КОНЦЕПЦИИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КОМИ)

Аннотация. *В докладе обоснована актуальность проектирования и осуществления концепции социогуманитарной модернизации – преображения одного из северных регионов России, представлен ряд основополагающих научно-практических идей данной концепции.*

Ключевые слова: *социогуманитарная модернизация региона, социогуманитарная миссия, желаемый социогуманитарный образ, гуманитарная макрополитика.*

V.M. Terebikhin

SOTSIOGUMANITARNAYA MODERNIZATION - THE TRANSFORMATION OF THE NORTHERN REGION: SOME SCIENTIFIC AND PRACTICAL ASPECTS OF CONCEPT DESIGN (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF KOMI)

Abstract. *The report substantiates the urgency of designing and implementing the concept of social and humanitarian modernization – the transformation of one of the northern regions of Russia, presents a number of fundamental scientific and practical ideas of this concept.*

Keywords: *Social and humanitarian modernization of the region, social and humanitarian mission, the desired socio-humanitarian image, humanitarian macro politics.*

Актуальность проектирования и практического осуществления концепции социогуманитарной модернизации региона имеет «множественную каузацию» (П. Сорокин).

Во-первых, это детерминируется необходимостью практического обеспечения сформулированных в Конституции России и Республики Коми стратегических целей государственного управления—создание условий для развития человека как высшей ценности, повышение качества человеческого потенциала («качества качеств населения») и качества жизни, формирования гармонично развитой личности.

Во-вторых, несмотря на то, что в регионе в 2010–2015 гг. отмечался ряд позитивных тенденций в сфере демографического развития, общая интегральная социально-гуманитарная (антропологическая) ситуация в Республике Коми (как и в России в целом), характеризуется понятием социогуманитарный предкризис». Данный многоаспектный, интегральный антропофеномен номинируется нами как предкризис развития человеческого потенциала, детерминированный комплексом когерентных, всесторонне взаимозависимых, взаимообусловленных социогуманитарных предкризисов. Развернутое определение и характеристика социогуманитарного предкризиса представлены в ряде публикаций автора статьи [4, с. 145].

По основным социогуманитарным индикаторам Республика Коми занимает в российском «субъектном табеле о рангах» негативные рейтинговые позиции. В том числе: 64-е место по интегральному индексу человеческого развития (12-е место из 13 регионов европейского и азиатского Севера); 59-е место по интегральному индексу качества жизни; 68-е место по продолжительности жизни населения; 76-е место по эффективности системы здравоохранения; 53-е место по индексу популяционного здоровья населения; 12–13-е место по уровню самоубийств; 14–15-е место по уровню насильственной смертности; 10-е место по уровню смертности от алкогольных отравлений; 14-е место по уровню смертности трудоспособного населения; 21-е место по уровню смертности от внешних, «неестественных» причин, связанных с негативным образом жизни, 37-е место в рейтинге психического здоровья и т.д.

Республика Коми «входит» в группу «регионов-аутсайдеров» по уровню сбалансированности развития экономической и социальной сфер. В регионе отмечается существенная асимметрия, «ножницы» между уровнем экономического и социально-гуманитарного развития, низкая сбалансированность уровня всех трех составляющих ИРЧП: душевого ВРП, ожидаемой продолжительности жизни и доли учащихся в возрасте от 7 до 24-х лет. По оценке авторов научного доклада «Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы» в республике, как и в ряде других регионов, «существенно вырос разрыв между индексом вторичной модернизации и субиндексом качества экономики … «наблюдается рост разбалансированности процесса вторичной модернизации» [1, с. 154].

Республика входит: в первую десятку регионов (6-е место) с самой высокой миграционной убылью населения; в первую пятерку регионов (3–4-е место) по уровню преступности и по количеству лиц, пострадавших от преступных деяний; в первую десятку «самых пьющих» субъектов России; в состав 30 регионов с уровнем здоровья населения «ниже среднего» по России; в состав 15 регионов с наиболее высокой долей экономических потерь (более 40% от всех экономических потерь) в результате преждевременной смерти населения в экономически активном возрасте.

Кроме того, многие качественные индикаторы, характеризующие социо-психологическое, духовно-нравственное здоровье (самоубийства, убийства, преступность, алкоголизация, наркотизация, аборты, разводы и др.), находятся за пределами пороговых, критических значений «параметров порядка» социогуманитарного развития. Например, уровень самоубийств в 1,5 раза превышает предельно-критические значения, уровень убийств – в 3 раза).

В республике сохраняется на высоком уровне социальное неравенство, разрыв в доходах бедных и богатых, что противоречит конституционному статусу Республики Коми как «социального государства». В регионе фиксируется достаточно высокий слой «прекариата» (П. Бурдье), включающего работников с временной, неполной, сезонной занятостью, безработными, лиц без постоянного места жительства, фрилансеров, населения, имеющего доходы ниже прожиточного минимума и др.

С 2017 г. в республике началось новое «обострение» антропологической ситуации, в том числе, снижение естественного прироста населения и переход в режим кризисного воспроизводства сельского населения.

Эти антропотенденции как социогуманитарные вызовы, ограничения, уязвимости входят в единый комплекс финансово-экономических, политических, технико-экономических, социальных, управленческих и иных «средовых» вызовов и ограничений осуществления процесса региональной неоиндустриализации («новой индустриализации» – возрождения) республики, формирования региональной нооэкономики, являются, угрозами гуманитарной (человеческой) безопасности, снижают эффективность социогуманитарного обеспечения инновационного развития региона.

В данном контексте автор статьи в полной мере согласен с выводом академика РАН А.И. Татаркина о том, что «в соответствии с положениями концепции развития человека, новая индустриализация, социально не ориентированная на всестороннее развитие человека, неизбежно будет способствовать появлению сложных сочетаний «нежелательных типов» экономического роста, углублению противоречия между социальным и экономическим векторами общественного развития», а также то, что «высшей целью и главным критерием качества экономического роста во все большей степени становится человек» [3, с. 16].

Исходя из вышеизложенного, в регионе актуализируется задача продуцирования и принятия ряда концептуальных, программно-мировоззренческих, политических документов и нормативно-законодательных актов, прежде всего, «Концепции социогуманитарной модернизации Республики Коми» как своеобразной «социальной доктрины региона». На основе данной концепции рекомендуется принять «Стратегию социогуманитарной модернизации Республики Коми на период до 2025 года».

Одним из теоретических оснований проектирования и осуществления социогуманитарной модернизации региона является комплекс концептуальных основоположений и научно-практических идей, изложенных в коллективном инновационном труде российских социологов «Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы» [1].

Для проектирования концепции важны следующие положения данного монографического исследования:

- «модернизация России – это необходимый ответ на социокультурные вызовы, способ решения проблем и судьбы России как страны и цивилизации»;
- «смысл модернизации, как бы ее ни понимать, заключается, прежде всего, в том, чтобы предоставить всему населению новые возможности для более полного и эффективного использования его человеческого потенциала – культурного, социального, экономического, политического и иного»;
- «необходима корректировка социоэкономической модернизации в сторону улучшения человеческого потенциала и повышения социокультурной компоненты развития общества».

В общем комплексе научно-управленческой деятельности органов государственной власти региона по проектированию «Концепции социогуманитарного модернизации Республики Коми» необходимо:

- разработать систему концептообразующих, основополагающих «понятий-категорий» проектируемого документа, в том числе: «социогуманитарная модернизация региона», «социогуманитарная миссия региона», «гуманитарная успешность субъекта России», «региональное социогуманитарное пространство», «государственная

антропологическая политика (антропополитика)» и другие «категориальные» теоретические понятия концепции, определить стратегические цели, сформулировать «желаемый интегральный социогуманитарный образ Республики Коми», как социогуманитарную «футуромодель» региона, «итоговое видение» успешности процессов реализации концепции и стратегии социогуманитарного преображения и др.

Для экспертного обсуждения предлагаются следующие варианты номинирования некоторых перечисленных выше понятий.

Социогуманитарное преображение региона:

- это «системокомплекс» когерентных, взаимообусловленных, всесторонне взаимозависимых процессов регионального развития «целеориентированных» на создание условий для опережающего, динамически устойчивого, сбалансированного человеческого развития в северном регионе;
- это «гуманистически ориентированная модернизация» (Н.И. Лапин), нацеленная на раскрытие многогранных духовных и интеллектуальных потенций Человека в сложном современном региональном социуме;
- это гуманистическое, человекоориентированное, социокультурное, духовно-нравственное развитие;
- это такое развитие и креативное управление региональным развитием, при котором обеспечивается существенный и опережающий рост «гуманитарных инвестиций» превосходящих по уровню, и опережающих по темпам инвестиции в материальные производственные фонды, рост абсолютных размеров нематериального (или невещного) накопления в человекоориентированные инвестиционные сферы, обеспечивающие создание необходимых инфраструктурных, «средовых» условий для гармоничного развития человека, повышения качества человеческого потенциала региона, формирования «инновационного человека», процесс модернизации всех сфер (подсистем) социальной и духовной жизни региона, процесс формирования новой региональной идентичности, целостности регионального социогуманитарного пространства, создания новой культурной среды функционирования социума, преображения регионального социокультурного ландшафта;
- это такое развитие региона, которое расширяет возможности населения получить хорошее образование, прожить долгую и здоровую жизнь, иметь интересную и достойную работу, способную обеспечить духовное и материальное благополучие.
- Социогуманитарная модернизация с точки зрения государственного управления понимается нами как осуществляемый органами государственной власти и местного управления, при конструктивном, солидарном участии политически активного населения и институтов гражданского общества, синхронный и интерактивный, общественно согласованный процесс научно-обоснованных инновационных, креативных институциональных, структурно-функциональных преобразований (изменений) в системе управления социогуманитарным развитием региона, процесс формирования человеко-ориентированной модели государственного управления и местного самоуправления, процесс модернизации социальных и гуманитарных (человекоориентированных) государственных политик, внедрение технологий ценностноориентированного, креативного гуманитарного управления (гуманитарного менеджмента, кластерного подхода), инкорпорирование высоких инновационных гуманитарных технологий (креативных социогуманитарных, социокультурных инноваций) в практику государственного управления и местного самоуправления.

Социогуманитарная миссия Республики Коми может быть представлена следующим комплексом формулировок:

- Миссия Республики Коми состоит в построении и эффективном функционировании региональной социоэкономико-гуманистической системы инновационного будущего, целеориентированной, в соответствии с Конституциями России и Республики Коми на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развития человека как высшей ценности;

- Миссия Республики Коми состоит в создании для жителей региона одного из лучших среди северных регионов России стандартов качества жизни, качества населения, социального и духовного благополучия, экономической среды на основе повышения эффективности и сбалансированности функционирования экономической, социальной и политической и духовной сфер общественной жизни;
- Миссия Республики Коми заключается в создании комфортной среды проживания и приближения стандартов качества жизни, показателей развития человеческого потенциала к уровню лучших северных регионов России, Северо-Западного федерального округа и, в долгосрочной перспективе, к стандартам качества жизни населения северных и финно-угорских стран мира.
- Миссия Республики Коми состоит в том, чтобы обеспечить статус одного из лучших регионов в Северо-Западном федеральном округе по основным индикаторам качества жизни и качества «качеств населения» и превратиться в территорию наиболее комфортную для проживания, труда, туризма и отдыха населения, территорию высокого и повышающегося качества жизни для нынешних и будущих поколений на основе социоинновационного устойчивого развития, промышленного роста, повышения конкурентоспособности, ресурсо- и энергосбережения, создания новой системы привлечения инвестиций, способствующей внедрению достижений науки и инноваций в производство;

Стратегическая цель социогуманитарной модернизации республики: обеспечение расширенного воспроизводства условий (социальных, экономических, политических, правовых, гуманитарных и др.) для свободного развития человека как высшей, приоритетной цели регионального государственного управления, повышения качества человеческого потенциала, реализации заложенных в человеке многомерных способностей и потенций, «формирования гармонично развитой личности» [2], духовно-зрелой личности, «креативного», «инновационного человека» (Э. Хаген), человека, способного адаптироваться к постоянным изменениям, активным инициатором и производителем этих изменений, создание условий для формирования у граждан компетенций инновационной деятельности.

«Желаемый интегральный социогуманитарный образ Республики Коми» может быть номинирован и репрезентирован следующим образом:

- регион, в котором, целевым вектором интегративного стратегического развития является человеческое счастье;
- регион, в котором органами государственной власти и местного самоуправления осуществляется системная работа по созданию условий для развития человека на основе реализации системной региональной гуманитарной мегаполитики (антропополитики);
- регион, в котором реализуются принципы социальной справедливости, социогуманизма, преемственности поколений, солидарности, социальной сплоченности, обеспечивается сохранение культурного разнообразия и поддержка межкультурного диалога, гражданский мир, межнациональное и межконфессиональное согласие, реализация конституционных прав и свобод граждан, их активное участие в государственном управлении и местном самоуправлении на основе использования инновационных политических и гуманитарных технологий, в том числе, технологий государственного и муниципального электронного управления, электронной демократии».

Реализацию целей социогуманитарной модернизации должна обеспечить спроектированная автором многоуровневая и полисубъектная региональная государственная гуманитарная мегаполитика (антропополитика), включающая (интегрирующая) следующие человекоориентированные субполитики, в том числе: государственная культурная политика, государственная образовательная политика, государственная политика патриотического воспитания населения, государственная политика в области воспитания, в том числе, политика в сфере духовно-нравственного воспитания населения, прежде всего, молодежи, обеспечения духовной безопасности, государственная фелицитарная политика (политика, стратегическая цель которой создание условий для достижения человеческого счастья), антикриминальная политика, антинаркотическая политика, государственная политика

дезалкоголизации населения (алкогольная политика, государственная политика по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения), антикоррупционная политика, демографическая политика, политика управления антропотоком (миграционная политика: иммиграционная политика, политика «натурализации», политика социокультурной интеграции), политика в сфере укрепления популяционного здоровья, политика в сфере развития физкультуры и спорта, семейная политика, единая детская и молодежная политика, геронтополитика, политика в сфере повышения благосостояния населения, уровня и качества жизни, политика в сфере социального обслуживания, социальной поддержки и помощи различным категориям населения, политика в сфере создания условий для высокопроизводительного труда, политика в рекреационно-релаксационной сфере, жилищная политика, политика в сфере развития общественных отношений, связей с общественностью, политика формирования культуры общественной жизни, гражданского образования, государственная демократическая, гуманистически ориентированная информационная политика, символическая, имиджевая политика, государственная историческая политика, политика поддержки институтов гражданского общества, гражданского участия, политика социального партнерства, электоральная политика, политика в сфере обеспечения прав и свобод граждан, политика в сфере межконфессиональных отношений (государственная конфессиональная политика), этнополитика, политика противодействия интолерантности, формирования толерантной культуры, политика формирования солидарного общества, политика формирования российской и территориальной гражданской идентичности и целый ряд других. Все эти человекоориентированные, гуманитарные субполитики должны иметь научно-обоснованные, нормативно оформленные концепции или доктрины, программно-целевой комплекс, бюджетное финансирование, государственно-общественную модель управления и единую систему государственного управления, в том числе, и координации всех многосубъектных институтов, участвующих в осуществлении региональной гуманитарной макрополитики, а также, систему средств современных «высоких социогуманитарных, «человекоориентированных» технологий (в том числе, и гуманитарных технологий рефлексивного управления) и критериально-индикативную систему оценки эффективности целедостижения.

Список литературы

1. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / [Л.А. Беляева и др.]; Ссст. и отв. ред. Н.И. Лапин. М.: Весь мир, 2016. 360 с.

2. Об утверждении Основ государственной культурной политики. Указ Президента РФ от 24.12.2014 № 808. [Электронный ресурс]: Президент России: [веб-сайт]. URL: https://http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d526bc0d7d43e934f4.pdf (Дата обращения: 19.08.2017).

3. Татаркин А.И., Романова О.А., Бухвалов Н.Ю. Новая индустриализация экономики России // Вестник УРФУ. Серия: Экономика и управление. 2014 . № 3 С. 10–16.

4. Теребихин В.М. Антропополитика гуманитарная мегаполитика развития человеческого потенциала как цели и условия системной модернизации России: идеи к проектированию концепции // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник / Отв. ред. Ю.С. Пивоваров; ИНИОН РАН. Вып. 8. М.: ИНИОН РАН, 2013. Ч.1. С. 145–155.

М.С. Терещенко

КОЛЛЕГИАЛЬНОЕ ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЙ В УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. *Для выработки качественного и эффективного управленческого решения все чаще становится недостаточно компетенции лишь одного ответственного управленца, требуется участие экспертов. Другие решения могут требовать обсуждения с общественностью. В статье описаны различные формы и методы коллегиального принятия управленческих решений.*

Ключевые слова: *управленческое решение, коллегиальное принятие решений, методы принятия решения, сделка, компромисс, убеждение, приказание.*

M.S. Tereschenko

COLLEGIAL DECISION-MAKING IN MANAGEMENT ACTIVITY

Abstract. *The competence of only one responsible manager becomes insufficient to develop a qualitative and effective managerial decision; the participation of experts is required. Other decisions may require discussion with the public. The article describes various forms and methods of collegial decision-making.*

Keywords: *managerial decision, collegial decision-making, decision-making methods, commitment, compromise, convinction, command.*

Управленческое решение является одной из ключевых категорий современного менеджмента. Принятие управленческих решений – это сложный процесс, в ходе которого сначала вырабатывается, а затем принимается и реализуется конкретный план действий относительно управляемого объекта. Объектами в принятии решений могут являться социальные системы разного масштаба и сложности, а также отдельные элементы этих систем или процессы, протекающие в них. Субъектами принятия управленческих решений выступают лица или группы лиц, уполномоченные принимать эти решения. Управленческие решения характеризуются определенным уровнем качества и эффективности.

Качество решения – это степень соответствия параметров выбранной альтернативы решения определенной системе характеристик, удовлетворяющая его разработчиков и потребителей и обеспечивающая возможность его эффективной реализации [7, с.5-16]. К показателям качества управленческого решения относят непротиворечивость, адаптивность, своевременность, реальность, обоснованность, оптимальность, адресность, контролируемость. [7, с. 16]; [4, с. 28]. Дополнительно к формулировке решения выдвигаются такие требования как четкость, полнота изложения, однозначность для понимания, краткость, ясность и др.

Под эффективностью решения подразумевается отношение полученных результатов к запланированным [1]. На эффективность управленческого решения, помимо его качества, также оказывает влияние качество его реализации [6, с. 129] и внешняя среда организации.

В случае, если управляемым объектом является социальная система, решение относительно которой затрагивает интересы разных групп лиц, решение должно также учитывать интересы всех этих групп. В идеале, найденное решение может считаться качественным, если оно является приемлемым для всех групп субъектов. Для того чтобы все субъекты процесса могли убедиться в том, что выбранная альтернатива является наиболее приемлемой, и для возможности избежать последующих конфликтов, процедура принятия решения должна быть прозрачна и понятна всем субъектам управления.

Решение, принимаемое одни лицом, получило название *индивидуального* (единоличного). Различают сугубо-единоличные и единолично-консультационные решения [4, с. 35]. Во втором случае «единоличность» решения заключается в том, что окончательный

ответ относительно выбора альтернативы принимает одно лицо, ответственное за решение, в то время как в разработке альтернатив участвуют и другие лица, которые могут представлять как экспертов, компетентных в конкретных вопросах и областях знаний, так и представителей заинтересованных групп. Лицо, принимающее решение (ЛПР), в таком случае учитывает мнение этих групп. Данный подход позволяет снизить неопределенность в отношении возможной реакции субъектов процесса на принятое решение, а также напряженность, что особенно важно в случае высокой заинтересованности многих лиц и наличия у них конфликтующих между собой интересов. Ответственность за принятое решение лежит на ЛПР.

Возможна также другая форма соучастия в принятии управленческих решений – *групповые решения*. Такие решения отличаются от консультативных тем, что заинтересованные лица участвуют не только на этапе анализа ситуации и выбора альтернатив, но и на этапе принятия решения. Ответственность в таком случае также лежит на группе. Этот вариант наиболее уместен при решении спорных вопросов, когда принимаемое решение должно затронуть интересы многих сторон. Каждая из заинтересованных сторон при таких событиях будет стремиться, чтобы был выбран наиболее оптимальный для нее вариант. Есть три варианта принятия таких решений: 1) на основе консенсуса всех заинтересованных лиц; 2) на основе компромисса заинтересованных лиц; 3) путем голосования [4, с. 35].

Наименьшая степень соучастия наблюдается при принятии решения путем голосования. Основной недостаток этого метода видится в том, что принимаемый вариант решения никак не улучшается в ходе голосования. Он принимается в том виде, в котором поступил на повестку дня. В такой ситуации решение может оказаться неоптимальным, выгоду может получить только одна или некоторые группы, другие же могут и вовсе понести урон. Поэтому этим методом лучше пользоваться только на стадии сбора мнений [4, с. 36].

Оптимальным является принятие решений на основе консенсуса. Стороны обсуждают, обмениваются мнениями и корректируют альтернативы решения до тех пор, пока не придут к согласию. Это так называемая ситуация «максимизации полезности».

Также возможно принятие решения при достижении минимально приемлемого значения для всех заинтересованных лиц – метод компромисса. Здесь альтернативы улучшаются до тех пор, пока не будет достигнуто решение, отвечающее минимальному набору критериев приемлемости для каждой из групп. Этот метод не так успешен, как предыдущий, однако он может оказаться оптимальным в ситуации, когда достижение консенсуса невозможно или его воплощение будет слишком затратным по ресурсам (например, бюджету). Также использование данного метода будет оправданным в ситуации дефицита времени на принятие решения. Существует мнение, что предложенную программу действий можно одобрить, даже если выгоду получает только одна группа. Тогда одним из вариантов компромисса может стать условие, что стороны, которые не получили или недополучили выгоду, будут получать компенсацию, пока ситуация не улучшится [8, с. 73].

Р. Дафт приводит также модель *«политического»* коллегиального принятия решения [3, с. 275]. Эта модель используется в ситуации, когда лица, имеющие отношение к принятию решения и заинтересованные в нем, имеют разное мнение о сложившейся ситуации и предлагаемых альтернативах решения. В этом случае они начинают создавать группы и коалиции для поддержки того или иного решения. Причем в такие коалиции могут вступать как те, кто имеет личную заинтересованность в некотором исходе ситуации, так и те, кто может быть нейтрален по отношению к ней, однако из «политических» интересов, т. е. собственной будущей выгоды, может примкнуть к той или иной группе для того, чтобы в будущем получить такое же расположение членов коалиции к себе. Положительные моменты этой модели принятия решения в том, что различные лица и группы лиц обмениваются мнениями в ходе обсуждений, могут уточнять и конкретизировать свою позицию, находить консенсус в рамках коалиции, что, несомненно, положительно влияет на качество и будущую эффективность решения.

Выделяют следующие характерные особенности данной модели принятия решений в рамках организации: 1) внутри организации должны существовать группы с различными интересами, целями и ценностями; 2) информация об управляемом объекте и проблемной ситуации является неопределенной и неполной; 3) у менеджеров нет ресурсов (времени и интеллектуальных способностей) для обработки всей информации, поэтому они обмениваются мнениями; 4) менеджеры участвуют в дебатах, а решение является результатом переговоров и дискуссий [3, с. 275].

Данная форма принятия решения может использоваться как в крупных коммерческих корпорациях, так и при принятии «индустриальных» решений, когда решение затрагивает интересы ряда организаций, работающих в определенной сфере деятельности. Также эта модель является наиболее близкой к процессу принятия политических решений, в том числе, к вопросам местного самоуправления.

Отдельной группой можно выделить государственные управленческие решения – решения, принимаемые в установленном порядке правомочной государственной структурой [5]. Приведем основные особенности принятия государственных управленческих решений. Субъектами в принятии таких решений обычно выступают официальные должностные лица, законодательные органы, суды, исполнительная власть, администрация и т.п. Наряду с ними, субъектами во многих ситуациях можно считать и неофициальных участников процесса: группы интересов, отдельных граждан, политические партии и т. п. [8, с.26]. При этом такие неофициальные участники процесса часто воспринимаются официальными участниками только как «заинтересованные лица», а не как субъекты принятия решения, в то время как сами заинтересованные лица хотели бы иметь участие в принятии решения. Однако формальные полномочия остаются за соответствующими официальными лицами. Иными словами, в политическом процессе неофициальные участники зачастую могут нести лишь консультативную функцию.

Что касается коллегиальных решений в этой сфере управления, то здесь наиболее часто используются следующие методы: сделка, убеждение и приказание [8, с. 33]. *Сделка* понимается как компромисс интересов и целей сторон. С.В. Решетников выделяет сделки эксплицитные (когда все происходит в ясных терминах, без двусмысленности и неопределенности) и имплицитными (двусмысленно, неопределенно, могут заключатся в расчете на «будущее расположение» и т.п.) [8, с. 34]. Речь идет о чистом компромиссе в одном случае и методе «взаимных услуг» – в другом. Важной ремаркой является то, что управленческая сделка предполагает соглашение равных сторон [8, с. 34].

Следующий политический метод в принятии решений – *убеждение*. Данный метод заключается в том, чтобы уверить других участников в правильности своих позиций. При этом убеждение может использоваться как на стадии принятия решения с целью склонить на сторону решения других участников принятия решения, так и на стадии убеждения в правильности сделанного выбора лиц, не принимавших непосредственного участия в финальном выборе решения, но заинтересованных в результате.

Существует также третий метод – *приказание*. Он предполагает иерархию, т. е. решение вышестоящих по отношению к нижестоящим [8, с. 35]. По этой причине такой метод не может считаться в полной мере коллегиальным решением.

Выбор метода зачастую обуславливается ситуацией или уровнем принятия решения. Так, в случае администрирования каких-либо процессов метод приказания оправдан и даже полезен. В ситуации же управления социальными системами при наличии многих заинтересованных сторон, включая интересы граждан, более обоснованным выглядит использование метода сделки. Этот метод помогает взглянуть на объект более полно, разносторонне. Также он эффективен для работы по снижению вероятности наступления негативных последствий поведенческих рисков, неизбежно возникающих в управленческой деятельности.

Поведенческие риски заключаются в ситуации, когда ЛПР не может знать, как именно будут или могут реагировать на решение другие лица, задействованные в процессе. В

частности, это могут быть ситуации, когда ЛПР либо знает, что его интересы вошли в противоречие с другими интересами, либо, когда есть хотя бы опасения, что такие конфликты могут иметь место [2, с. 233]. Соответственно, последствия наступления таких ситуаций или их недостаточный учет в процессе разработки вариантов и окончательного выбора решения, могут быть некомфортными или даже опасными для официальных участников принятия решений. Использование метода сделки или поиска консенсуса либо консультативное участие всех заинтересованных сторон способно снизить или даже нивелировать вероятность наступления негативных последствий поведенческих рисков.

Еще один поведенческий риск – когда ЛПР знает, что его интересы совпадают с интересами других, имеет хорошие намерения, однако другие участники могут этого не понять [2, с. 233–234], – может быть снижен при помощи метода убеждения.

Таким образом, можно заключить, что использование коллегиальных моделей и методов принятия решений в различных формах государственного и местного управления может значительно улучшить качество и эффективность принимаемого решения, а также положительно повлиять на социальные отношения, складывающиеся между властными структурами и другими группами в социальном управлении.

Список литературы

1. Асаул А.Н., Князь И.П., Коротаева Ю.В. Теория и практика принятия решений по выходу организаций из кризиса / Под ред. А.Н. Асаула. СПб: АНО «ИПЭВ». 2007. 224 с.

2. Балдин К.В., Воробьев С.Н., Уткин В.Б. Управленческие решения. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2005. 496 с.

3. Дафт Р. Менеджмент. 10-е изд. / Пер. с англ. / Р. Дафт. СПб: Питер, 2017. 656 с.

4. Михайлов Я.В. Управленческое решение. Пособие для управленцев-практиков / Я. В. Михайлов. М.: Экономика, 2011. 143 с.

5. Охотский Е.В. Государственное управление в современной России: учебно-методический комплекс. М.: МГИМО(У) МИД России. 2008. 548 с.

6. Прохоров Ю.К., Фролов В.В. Управленческие решения. 2-е изд., испр. и доп. / Ю.К. Прохоров, В.В. Фролов. СПб: СПбГУ ИТМО, 2011. 138 с.

7. Ременников В.Б. Управленческие решения. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юнити-Дана, 2005. 141 с.

8. Решетников С.В. Теория процесса принятия управленческих решений. Мн.: Академия управления при Президенте Республики Беларусь. 152 с.

Н.О. Товуу, Г.Д. Куулар

НАСТРОЕНИЯ, ДОМИНИРУЮЩИЕ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ СРЕДИ ТУВИНЦЕВ В РАЗНЫХ СФЕРАХ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЯ)

Аннотация. *По результатам исследования во всех сферах жизнедеятельности среди тувинцев доминируют настроения «неудовлетворенности» и «нестабильности». У мужчин на последнем месте настроение стабильности в сфере экономики, у женщин – апатия в бытовой сфере. В этой ситуации мы в качестве эксперимента решили идти двумя путями сразу. Собирать информацию и исследовать возникающие проблемы и одновременно организовать социальную активность людей таким образом, чтобы не бороться с последствиями разнонаправленных тенденций в обществе, а создавать такие условия для совместной активности людей, которые позволили бы минимизировать недостатки*

Ключевые слова: *восприятие, психика, образ жизни, когнитивные процессы, ценностные ориентации, информационные технологии.*

N.O. Tovuu, G.D. Kuular

THE SENTIMENT PREVAILING CURRENTLY AMONG THE TUVINIANS IN DIFFERENT SPHERES OF ACTIVITY (ACCORDING TO THE STUDY)

Abstract. *The results of research in all spheres of life among Tuvan dominate the mood of «frustration» and «instability». In men the mood of stability in the economy, women – apathy in the domestic sphere. In this situation, we, as an experiment, I decided to go two ways at once. To gather information and explore emerging issues and to organize social activity of people in such a way as not to deal with the consequences of divergent trends in society, and to create conditions for joint activity of people, which would minimize the disadvantages.*

Keywords: *perception, psyche, lifestyle, cognitive processes, values, information technology.*

Прошло уже четверть века, как мы ведем научно-исследовательскую и просветительскую работу среди населения республики. Социальные группы, клубы и объединения добровольцев в условиях социально-экономических и политических реформ явились центром изучения общественного мнения, психологической помощи, общения, поддержки, добровольной взаимопомощи разных людей.

Период с 1991 г. в истории России стал сложным в сознании людей. Это время было для населения началом «перестройки». Те, которые провозгласили ее, не осознавали, ибо не знали, что процесс перестройки – это человеческий фактор. В данном случае, у людей возникло нервное напряжение, большинство населения было вынуждено менять многие свои стереотипы поведения и поступки из-за изменений в окружающей среде, не было ориентиров в масштабе политических и экономических реформ. Вчера было нельзя, а сегодня – можно, рубль даже не копейка и т.д. Изменение в образе жизни привычных стереотипов поведения означало увеличение нагрузки на контрольно-регуляторную функцию сознания, напряжение для психики человека и, как следствие, отказ или сбои на уровне подсознания: подъем уровня нервно-психических заболеваний, суицидов, травматизма на автотранспорте, аварий и катастроф неприродного характера. В большие города и маленькие поселки начали ускоренно проникать новые информационные и коммуникационные технологии, появились новые формы управления, организации населения, формируются новые типы отношений между людьми. В то же время пришли в упадок прежде развитые способы хозяйствования, такие как крупные животноводческие и растениеводческие хозяйства. Следствием этих процессов стали, с одной стороны, отрыв молодежи от старшего поколения, осложненный негативными явлениями вплоть до «ухода в интернет», с другой – архаизация сознания части населения, уход к традиционным, частично забытым, верованиям, хозяйственным и социальным практикам, таким как шаманизм, как попытки обеспечить свою жизнь целиком за счет охоты, ловли рыбы, сбора ягод, орехов и других даров тайги. Наметились тенденции к недопониманию, противопоставлению и даже противостоянию между разными группами населения. Причем линии разделения часто проходят не только между поколениями, но и между представителями разных профессиональных групп, не только между городом и сельскими поселениями, но и между жителями горных, степных, т.е. разных районов (кожуунов), а также, нередко, между русскоговорящими тувинцами и тувинцами, общающимися преимущественно на родном языке.

В экономической, политической, трудовой и бытовой сферах жизнедеятельности тувинцев доминируют настроения «неудовлетворенности» и «нестабильности». У мужчин на последнем месте настроение стабильности в сфере экономики, у женщин – апатия в бытовой сфере [1]. В этой ситуации мы в качестве социального эксперимента решили идти двумя путями сразу: собирать информацию и исследовать возникающие проблемы и одновременно организовать социальную активность людей таким образом, чтобы не бороться с последствиями разнонаправленных тенденций в обществе, а создавать такие условия для совместной активности людей, которые позволили бы максимально использовать

преимущества этих тенденций и минимизировать недостатки. Другими словами, позволили бы не доводить ситуацию до того предела, когда людям требуется серьезная психологическая помощь, а заниматься своего рода профилактикой и поддержкой с опорой на получаемую социальную, культурно- и этноспецифическую психологическую информацию.

По инициативе нашей организации Научный центр этнической психологии и социальных практик – она и учредитель, и координатор Международных научных мероприятий в Туве, постоянно ведет исследовательскую деятельность, – проведены Международные конгрессы по этнической психологии по проекту «Степная цивилизация»: «Юрта – традиционное жилище народов Азии» (2004), «Психология образования: личностный и профессиональный рост учителя» (2010), «Сознание человека: традиционно устойчивые модели жизни этноса и эволюция» 2009 г., 2012 г., 2015 г. и др. Научно-практическая конференция «Гостеприимная Тува: традиции и инновации» (2014). Материалы конференций издаются в печатном виде и активно распространяются среди студентов педагогов и населения республики. Работа осуществляется по проекту «Степная цивилизация» с поддержкой грантов РГНФ, РОС и других спонсорских взносов.

Исследования выявили, что смыслом жизни, ценностью-целью тувинского этноса являются такие базовые категории, как забота о детях (семья), забота о родителях, отношения (связи) с родственниками, чувство любви к родной природе и национальной культуре. Для достижения этих целей тувинцы в жизни гостеприимны, уважают старших, вежливы, искренни и терпеливы, а рационализм, пунктуальность и гибкость жизненной позиции для них в столь трудное время мало еще приемлемы.

Современная ситуация характеризуется высоким динамизмом, быстро и резко меняющимися условиями жизни, интенсификацией информационного пространства. Вместе с тем открываются границы между культурами, налаживаются международные связи, растет гипермобильность населения, усиливается межэтническое взаимодействие – все это способствует возрождению интереса к проблематике общенационального и этнического самосознания, экологизации жизненного пространства. Задача духовно-нравственного воспитания населения сегодня – определить новые пути на основе практикоориентированной психологии, которая может рассматриваться как социогуманитарный базис взаимодействия в системе человек-общество. Обучение на опыте, воспитание и формирование нового поколения на традициях народа, старшего поколения и образах общества прошлого и будущего – вот главные направления деятельности. С февраля 2015 года была зарегистрирована и выходит научно-образовательная газета «Гостеприимная Тува», тираж ее более тысячи экземпляров. Цель – психологическое просвещение населения и сопровождение социального проекта. Газета – наш голос и изучение общественного мнения, передача опыта и результатов. Результаты исследований ученых, молодежи и школьников постоянно публикуются в газете «Гостеприимная Тува». Руководители клубов, школ и лабораторий ведут систематизированную работу по изучению психологии ценностных ориентаций и отношений, образа жизни и быта, традиционного вида трудовой деятельности тувинцев и других народов, проживающих в Туве и в соседних регионах. Исследования, которые мы сейчас проводим совместно с группой ученых из Москвы, постоянно дают новое знание о тех изменениях, которые происходят в разных группах населения республики в настоящее время. Одно из таких исследований посвящено особенностям формирования и протекания когнитивных процессов в условиях использования новых информационных и коммуникационных технологий в обучении и в повседневном быту. Как было выявлено, использование цифровой техники и технологий затрагивает глубинные пласты психики, изменяя не только формирование и функционирование речемыслительной сферы, но даже и процессы восприятия. С 2010 года ежегодные научно-полевые экспериментальные исследования с населением в труднодоступных уголках региона, как Тере-Холский, Тоджинский, Монгун-Тайгинский и других, дают новые идеи и результаты. Сейчас мы пробуем найти подходы к минимизации

негативных влияний через культурные традиции и распространение психологической культуры – из этого, собственно, и возникла идея перевода учебников по психологии на родной (тувинский) язык, на очереди – психологическое изучение традиционных тувинских игр, сказок, а дальше – подготовка рекомендаций по использованию психологического знания в школах, в педагогической работе, а также в организации деятельности в разных группах населения, для психологически безопасного туризма в регионе, предупреждения экологического загрязнения окружающей среды.

Краткий итог сказанного. Мы считаем важнейшей стороной работы с населением предупреждение ситуаций, когда конкретному человеку нужна экстренная психологическая помощь и распространение психологического знания, полученного в исследованиях местного населения. Другим, не менее важным, мы считаем формирование активных групп населения, занятых общей деятельностью на основе использования культурных и исторических традиций при постоянном мониторинге изменений, происходящих в обществе, и их психологических следствий. Своей глобальной задачей мы видим психологизацию всей работы, т.е. создание психологически комфортной среды, воспринимающей позитивные аспекты изменений, гармонически включающую их в этнокультурную традицию и позволяющую конкретной личности противостоять возможным негативным последствиям таких изменений.

Список литературы

1. Резников Е.Н., Товуу Н.О. Этнопсихологические характеристики народа тыва: теория и практика. М.: Издательство ООО ПЕР СЭ, 2002. 223 с.

С.А. Чернов, А.О. Дайкер

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ МЕНЕДЖМЕНТ РЕГИОНА (СМР): СЕТЕВОЙ АСПЕКТ

Аннотация. *Организационная демократия и коммуникации в сетевой экономике. Модульность сетевого стратегического менеджмента. Стратегический менеджмент региона: сетевой аспект. Формирование региональной стратегии. Выделен ряд аксиом и закономерностей развития стратегического менеджмента региона.*

Ключевые слова: *стратегия, стратегический менеджмент, стратегический менеджмент региона, сетевая экономика, сетевая организация.*

S.A. Chernov, A.O. Daiker

REGIONAL STRATEGY MANAGEMENT: NETWORK ASPECT

Abstract. *Organization democracy and communications in net economy. Structure of net strategy management. The net aspect of regional strategy management. Forming regional strategy. It provided a number of axioms and laws dealing with the strategic regional management.*

Keywords: *strategy, strategic management, strategic regional management, net economy, net organization.*

Российский региональный менеджмент сегодня имеет ретроспективный характер, что проявляется в отсутствии новых структурных прорывов. «Наши прошлые успехи – самый большой враг нашего будущего процветания». [1, с.82.]

Аксиома*. Стратегический менеджмент, в первую очередь, формирует решения о стратегических целевых ориентирах, ориентация на долговременные ресурсы уходит на второй план. Стратегическая мотивация связана как с измерениями постепенных,*

эволюционных трансформаций, так и созданием инфраструктуры, реагирующей на революционные стратегические изменения.

***Аксиома**. Если параметры постепенных изменений не соответствуют стратегическим бизнес-процессам, стратегический менеджмент региона (СМР) переходит в режим крупных стратегических изменений.*

***Аксиома**. Стратегический менеджмент эффективен, если между акторами установлены прочные, устойчивые связи, позволяющие совершать трансфер перемен. Характер связности, ее информационно-цифровой формат проецируются на качество стратегического менеджмента.*

***Аксиома**. Использование мультисервисных платформ позволяет достичь высокого уровня связности стратегических действующих лиц региона, совершать стратегические скачки.*

Аксиома. Масштаб экономики региона, уровень диверсификации определяют процессы кластеризации, соответствующие стратегические возможности.

***Аксиома.** Исходным моментом СМР является четкое разграничение между краткосрочными задачами и долгосрочными целями.*

***Аксиома.** СМР формирует и развивает институты долгосрочного инвестирования в стратегические объекты региона, точки роста.*

***Аксиома.** Объект СМР – устойчивые конкурентные преимущества региона, развитие которых отражено в региональной стратегии.*

***Аксиома.** В период стратегических переломных моментов происходит радикальная перестройка конкурентных преимуществ. Если стратегия правильно выделила соответствующие процессы, она успешна.*

***Аксиома.** СМР включает схемы перестройки при появлении новых стратегических угроз и утрате ряда стратегических возможностей.*

***Аксиома.** Новые стратегические угрозы и возможности появляются и приобретают критический масштаб неожиданно, поэтому необходим непрерывный мониторинг внешней среды. Стратегическое планирование компании/региона – непрерывный, постоянно перестраивающийся процесс.*

***Аксиома.** Региональная стратегия должна соответствовать стратегическим бизнес-процессам региона, организационной структуре стратегических действующих лиц, специфике ассоциированного капитала человека; элементы стратегической матрицы должны соответствовать друг другу.*

***Аксиома.** СМР реализуется в двух формах. В регионе с ретроспективной ментальностью он встраивается в вертикальные иерархические отношения, чтобы развить ареалы стратегического действия с другой ментальностью. В регионах с ментальностью устремленности в будущее СМР имеет сетевую сущность. В этом случае он представлен формированием и стимулированием стратегических процессов, обновляющих регион.*

***Аксиома.** Современная стратегия является инновационной, нацеленной на выстраивание инновационных цепочек добавленной стоимости (ДС), входящих в микроинновационный кластер. На каждом этапе реализация инновационной компоненты имеет свою специфику. На стадии разработки стратегии формируется генетический код инновационного действия. На инновационную волну настраиваются все функции регионального менеджмента, формируется образ будущего инновационного микрокластера и инновационных процессов отраслей специализации.*

***Аксиома.** Важнейшим объектом сетевого СРМ являются интерспецифические ресурсы. Их использование – стратегический процесс, проецирующийся на формировании и развитии брендов.*

***Аксиома.** СМР смещает потоки ресурсов региона в сторону долгосрочных выгод, формирует инфраструктуру долгосрочных бизнес-процессов.*

Проблемой является доминирование операционного менеджмента над стратегическим. Менеджеры склонны в первую очередь к тактическому действию, а затем уже анализу долгосрочных процессов. Даже технологии инжиниринга не переломили

ситуацию. Система ключевых показателей Р. Каплан и Д. Нортона создает особые способы проникновения стратегии в операционную деятельность, каскадирования стратегических приоритетов на процесс исполнения. В настоящее время данный подход широко используется в СМР. В инновационных регионах технологии стратегии как непрерывного процесса и стратегические карты региона стали нормой.

Аксиома. *Вхождение организации в новую экосистему, в новую цепочку добавленной стоимости предполагает настройку всех функций менеджмента и механизмов принятия управленческих решений на новую реальность. Соответственно, перестраивается стратегия развития.*

Стратегический тайм-менеджмент

Аксиома. *Актуальное реализует себя через стратегические сигналы, которые улавливаются стратегическими лидерами.*

Аксиома. *Реагирование на стратегические сигналы позволяет войти в стратегические потоки времени, с позиции будущих временных эталонов оценить нематериальные активы и компетенции, увидеть недостающие звенья цепочек добавленной инфраструктуры, разрывы компетенций.*

Аксиома. *Стратегические потоки времени разнообразны и растворяются в других временных потоках, нередко прерываются, приобретая дискретный характер.*

Управление стратегическими бизнес-процессами

Важной предпосылкой СМР является присутствие среди стратегических действующих лиц региона компетенций управления бизнес-процессами.

Аксиома. *Современные сетевые организации наиболее эффективны, если выстраивают организационные системы управления стратегическими бизнес-процессами.*

Аксиома. *Управление стратегическими бизнес-процессами предполагает высокий уровень организационной демократии.*

Аксиома. *Управление стратегическими бизнес-процессами связано с особым стилем управления топ-менеджеров, выстраивающих организационную среду, открывающую окна возможностей. Последнее требует перестройки стратегических бизнес-процессов и управления соответствующими изменениями. Управление стратегическими бизнес-процессами проявляется в непрерывном поддержании процессов эволюции компании.*

Аксиома. *Окна возможностей открываются в среде, поощряющей предпринимательские инициативы сотрудников и их ассоциаций. Комбинации предпринимательских инициатив, вписывающихся в процессы формирования новой цепочки добавленной стоимости, и есть стратегический бизнес-процесс.*

Аксиома. *Выстраивание стратегического бизнес-процесса предполагает видение топ-менеджерами данной цепочки и реализацию функций социального архитектора соответствующих комбинаций предпринимательских инициатив.*

Организационная демократия и коммуникации в сетевой экономике

Аксиома. *Организационная демократия создает основу многомерного стратегического видения.*

Аксиома. *Условием формирования стратегического видения является непосредственный периодический контракт менеджеров корпорации/региона с лидерами точек роста, носителями фундаментального знания.*

Аксиома. *Стратегическое видение формируется в ареалах высокой концентрации инновационных лидеров.*

Аксиома. *Если стратегическое видение не транслируется на каждое рабочее место, стратегические процессы разрываются, что приводит к оазисности стратегического действия и социальным конфликтам.*

Аксиома. *Современная стратегия может транслироваться только с использованием живых горизонтальных коммуникаций, в процессе развития организационной демократии.*

Аксиома. *Стратегия обновляется и реализуется, если коммуникационные сети подчиняются законам самоорганизации, быстро перестраиваются в стратегических*

направлениях. Коммуникации в системе связностей распространяют и адаптируют/интерпретируют информацию, обеспечивая ее движение по цепочкам обновляющихся и формирующихся цепочек ДС.

Аксиома. *Движение информации в формирующейся цепочке ДС по мере прохождения стадий жизненного цикла базовых продуктов связано с ее трансформацией. Данный информационный разрыв входящих и выходящих потоков информации должен преодолеваться на основе высокой коммуникативной реактивности. Длительное сохранение данного разрыва может привести к утрате устойчивых конкурентных преимуществ и формирует основу недоверия, что разрушает сеть.*

Аксиома. *Доминирование горизонтальных связей в системе СМР позволяет перенести акцент с устойчивых конкурентных преимуществ региона на развитие сетевых связей, конструкций, сетевой инфраструктуры, улавливающих и мобильно усиливающих «тонкие» процессы. Последние по мере обретения нового масштаба являются фабрикой новых конкурентных преимуществ. Ускорение времени в сетевой экономике создает поток меняющихся конкурентных преимуществ, создающих стратегическую траекторию регионального развития. Заранее ее выстроить невозможно.*

Модульность сетевого стратегического менеджмента

Систематические прямые-обратные стратегические связи сетевых агентов с координационными центрами сети в рамках системы сбалансированных показателей (ССП) выстраиваются в соответствии с принципами организационной демократии. Если речь идет о компании, каждая стратегическая бизнес-единица самостоятельно разрабатывает свою ССП. При этом учитывается ССП компании. «…возникает децентрализованное, но внутренне согласованное переплетение сбалансированной системы показателей». [2, с. 40] Разработка региональной стратегии предполагает наличие стратегий компаний отраслей специализации, сектора НТ, системы экспертной оценки точек роста, а также стратегии развития страны. Данный процесс децентрализован. В противном случае стратегические процессы не проследить.

Аксиома. *Субстанциональными модулями региональной стратегии являются не товарные потоки и региональные рынки, а сеть бизнес-процессов, формирующих каркас экосистемы региона.*

Аксиома. *Осознание взаимосвязанных стратегических бизнес-процессов предполагает формирование новых координационных механизмов, действующих по сетевым правилам. В результате развиваются отношения стратегической связности различных организаций и индивидуумов.*

Закономерность. *Современные стратегии компании учитывают процесс развития сетевой межфирменной связности. Разработка и принятие управленческих решений осуществляется как сетевой процесс. Стратегические управленческие решения отдельной компанией принимаются после осмысления стратегических решений других компаний и моделирования их стратегической реакции на определенные процессы.*

Активизированные интерспецифические ресурсы региона представлены его стратегическими активами. Поскольку последние трудно копировать, сетевая структура создает принципиально новые комбинации ценных ресурсов.

Закономерность. *Процесс клонирования региональных звеньев, идентичных определенному эталону, в условиях усложнения стратегических активов невозможен. Необходима интеграция имеющихся стратегических активов сети с аналогичными ресурсами региональных организаций (кластерный подход к формированию сетевых активов; новый тип сетевой диверсификации).*

Стратегические события формируют и притягивают к себе конкретные сети. Новые цепочки взаимодействий формируются в новой экосистеме, соответствующей стратегическим событиям. Как компании, так и регион должны предвидеть данные процессы, разрабатывать соответствующие сетевые сценарии. Сценарные подходы

присутствуют и при разработке дорожных карт, визуализирующих схемы пошаговой реализации стратегии в технологической, продуктовой плоскостях.

Стратегическое партнерство и ценность нематериальных активов и брендов

Аксиома. *Стратегическое партнерство двух динамично развивающихся брендов вызывает синергию развития целого кластера нематериальных активов как данных компаний, так и их партнеров и благоприятно сказывается на имидже регионов, концентрирующих данное взаимодействие.*

Аксиома. За брендами стоят уникальные компетенции. Стратегический союз брендов связан с взаимодействием уникальных компетенций.

Сетевой подход к выработке и реализации региональной стратегии предполагает взаимодействие стратегического видения стратегических действующих лиц региона. Такое взаимодействие приводит к пониманию, как будет меняться пакет стратегических компетенций, информационных технологий и в каком направлении будут развиваться сетевые организационные отношения. На основе данного понимания формируется заказ на услуги регионального стратегического менеджмента, происходит перестройка стратегических бизнес-единиц регионального менеджмента, решающих проблемы стратегических разрывов.

Стратегический менеджмент и регионализация структуры и процессов организации

Аксиома. *СМ предполагает регионализацию организационных и бизнес-процессов как компании, так и макрорегиона.*

Аксиома. *Стратегия компании состоятельна, если она конгруэнтна с региональными условиями. Развитие рыночного кода компании предполагает стратегическую ориентацию на региональный рынок. Это возможно, если региональная культура находит свое воплощение в стратегии и управленческих процессах.*

Формирование и обновление региональной стратегии

Аксиома. *Стратегия развития современных мезосистем разрабатывается и реализуется в условиях высокой степени неопределенности, поэтому она имеет сетевой ассоциативный характер. Ассоциативное стратегические видение позволяет определить определенный контур цепочек добавленной стоимости, соответствующих новым технологическим укладам и соответствующим организационным инновациям. Это вырисовывает драйвы развития, подключение к которым обеспечивает рост капитализации активов организации/ региона.*

Аксиома. *Стратегия сетевых систем работает в формате самоорганизации, эволюции экосистем и их фрагментов.*

Аксиома. *В процессе реализации региональной стратегии происходит выбор структур, систем, организационного дизайна как региональными менеджерами, так и стратегическими действующими лицами региона.*

Закономерность. *Формирование стратегии – это процесс синхронизации видения стратегического процесса лидерами региональной экономики. Если данное лидерство как самоорганизующийся процесс институционализировано, стратегия может быть формализована.*

Закономерность. *Формулирование стратегии регионального развития осуществляется в процессе реализации проектных инициатив, который высвечивает новые стратегические проблемы и стратегические возможности. Это процесс активизации действия, инициативы, позволяющее совершить временной прорыв. Стратегический процесс возможет там, где активизация устремленных в будущее экономических агентов, достигает высшего своего предела.*

Закономерность. *Стратегическое действие – это проект-флуктуация. Он неожиданен для всех, кроме тех, кто наделен стратегическим видением. Сбор данных флуктуаций в единую корзину составляет суть дорожной карты региона.*

Точки роста региональной / федеральной экономики развиваются по сложным, непредсказуемым траекториям, поскольку они «настроены» на неожиданное появление проекта, устанавливающего новые параметры порядка. В точках роста проект-флуктуация переводится в новый масштаб. Проект-аттрактор перестраивает стратегические процессы региона / страны, формируя траекторию достраивания определенную цепочку добавленной стоимости региона.

Подробнее об этом в [3.].

Список литературы

1. Дак Дж. Монстр Перемен. Причины успеха и провала организационных преобразований. М.: Альпина Паблишер, 2002. 320 с.

2. Фридаг Х. Р. Сбалансированная система показателей: руководство по внедрению. М.: Омега-Л, 2006. 267 с.

3. Чернов С.А., Дайкер А.О. Сетевая организация: составляющие, виды и закономерности. Издание второе. монография. Saarbruichen.: LAPLAMBERT Academia Publishing GmbH&Co.KG. ISBN 978-3-659-93025-6. 424 с. сайт www.ljubbjuknigi.ru

СЕКЦИЯ 4

ИССЛЕДОВАНИЕ РАБОТЫ СМИ, ПРОБЛЕМ МОЛОДЕЖИ, ОБРАЗОВАНИЯ И ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕГИОНАХ С РАЗНЫМИ ИНДЕКСАМИ МОДЕРНИЗАЦИИ

О.Ю. Ангел

ПЛАНИРОВАНИЕ УСПЕШНЫХ СТРАТЕГИИ ПОСТРОЕНИЯ КАРЬЕРЫ

Аннотация. *Автор данной статьи показывает, что условия новых трудовых реалий видоизменяют стратегии построения карьеры**.** Поэтому необходимо уделять больше внимания индивидуальной стратегии построения карьеры. В связи с чем автор предлагает конкретные советы по организации успешной карьеры, опираясь на рекомендации успешных людей.*

Ключевые слова: *карьера, стратегия, профессия, успех, материальные ценности, бизнес, моделирование карьеры.*

O.Yu. Angel

PLANNING A SUCCESSFUL CAREER STRATEGY

Abstract: *The author of this article shows that the conditions of new labor realities are changing career strategy. It is therefore necessary to pay more attention to individual career strategy. In this connection, the author offers specific tips for building a successful career, based on the recommendations of successful people.*

Keywords: *career, strategy, profession, success, material values, business, modeling career.*

Развитие информационного пространства, увеличение числа коммерческих организаций, рост доли частного бизнес-сектора – все это изменяет стратегии построения карьеры.

В советский период стремление индивида к карьерному успеху и зацикленность на карьерных замыслах не рассматривались как важная социальная проблема. В постсоветской России ситуация поменялась. Конкуренция в социальной и трудовой сферах стимулирует устремленность человека к достижению высокого социального статуса и карьерного успеха. Современные исследователи стараются анализировать карьеру и карьерный рост в контексте перемен, и прямо затрагивающих ту или иную организацию, и ее работников, и окружающую среду, в которой она действует. Достижение карьерного успеха связано с проблемой его понимания. Успех− это цели, которые индивид ставит себе сам, либо же они приходят извне (задания руководства, семейные, общественные обязательства), которые были осуществлены в определенное для этого время, и в условиях, которые самим индивидом или же внешними силами оцениваются как важные для чего-либо [3]. Таким образом, понятие успеха неизменно связанно с реализованной целью. Успешным никак не может стать человек, у которого нет никакой цели в жизни – это аксиома.

Современное время определяется массовым устремлением людей к материальным ценностям и разнообразным видам комфорта. Отсюда и культ внешнего успеха, стремление к владению большим количеством денег, достижению высоких должностей, постоянному получению различных удовольствий, реализующих господство принципа количества над принципом качества.

Социологи и психологи в успешности стратегий построения карьеры первостепенным считают разработку плана карьерного роста. Планирование принято считать фундаментом

успешной профессиональной карьеры. Где бы человек ни строил свою карьеру, без планирования он не сможет добиться поставленной цели.

Для каждого типа профессиональной карьеры имеется начальный этап, который закладывает фундамент всей последующей карьеры в жизни человека. В большинстве случаев карьера начинается с низов. Потому только со временем индивид становится незаменимым профессионалом и оказывается вне конкуренции. Это позволит начать карьеру, набраться опыта и сделать необходимые для дальнейшей деятельности наработки.

Реальные же стратегии выстраивания карьеры строятся не на частых должностных переходах, а на качественной модернизации функционала, делающего человека более значимым для работы, бизнеса, трудовой деятельности. Карьера также зависит не от трудового стажа, она определяется функциональной, личностной значимостью человека для фирмы, предприятия, организации. Фундаментальное качество соискателя−корпоративность: предрасположенность к культуре, правилам бизнес-игры. Этому не обучают в вузе, поскольку ценности, образцы поведения здесь совершенно разные.

Чтобы обладать такой корпоративностью, человеку необходимо как можно раньше начинать свою карьеру. А потом следует научиться эффективно управлять своими способностями, сосредоточиться на вертикальном росте в пределах одной компании. Чтобы сделать хорошую профессиональную карьеру, необходимо начинать действовать задолго до окончания вуза, а лучше−с первого курса (или ранее). Чем раньше человек включится в трудовую среду, тем быстрее он освоит принципы тои или иной организации, корпоративность бизнеса, правила игры, и тем лучше и быстрее произойдет профессиональная адаптация.

На начальном этапе карьеры следует научиться целеполаганию, целеустремленности, то есть правильно выстраивать цели и идти к ней, а не плыть по течению. Первым важным шагом в построении успешной профессиональной карьеры будет выбор достойного работодателя, предоставляющего возможности развития, обеспечивающего комфортные условия работы.

Следующей важной задачей человека в построении карьеры является необходимость зарекомендовать себя с наилучшей стороны. Необходимо выкладываться по полной−не отлынивать от работы, выполнять все предписания руководства.

Еще один постулат стратегии построения карьеры: использовать меньше кадровых переходов и максимально концентрировать усилия на текущей профессиональной позиции. Поскольку наступила эра информационных технологий, новых принципов построения карьеры, определяющим фактором успеха сегодня является профессиональная, функциональная ценность сотрудника для предприятия.

Следовательно, необходимо наращивать собственную профессиональную конкурентоспособность и реализовывать свои возможности в вертикальном росте в пределах одной компании. В связи с этим период активного развития карьеры, на который в среднем отведено примерно десять лет, не должен быть хаотичным.

Изучая успешные стратегии построения карьеры знаменитых людей, М. Корда пришел к выводу, что карьеру необходимо строить до 40 лет, т.к. в дальнейшем она должна приносить отдачу. В связи с этим он дает конкретные советы по организации успешной карьеры [2].

1. Необходимо изучить все, что касается профессии, которую выбирает человек.

2. Необходимо понять, что именно придает человеку уверенность в своих силах и раскованность в работе (будь то стиль одежды или какие-то нюансы поведения). Необходимо твердо выработать свой собственный стиль.

3. Желательно разобраться в своих душевных переживаниях. Человеку, который счастлив в личной жизни, гораздо легче подниматься по служебной лестнице, нежели, тому, кто оказывается втянутым в эмоциональный кризис.

4. Необходимо изучить собственные недостатки, уяснить, что у него плохо получается, чего он не может выносить, чего не хочет делать.

5. Следует знать свои сильные стороны. Он сам может решить, что у него лучше получается, а также уяснить, какая работа приносит ему удовольствие, и что он делает лучше, чем кто-либо другой.

6. Необходимо откладывать деньги, чтобы иметь возможность сказать: «Я увольняюсь». Ничто так не угнетает, как полная зависимость, сознание того, что ты не можешь себе позволить уйти с работы или рискнуть сменить карьеру.

7. Правильно было бы создать собственную сеть друзей или хотя бы людей, которые полагаются на тебя, и к которым ты можешь обратиться в случае необходимости, когда твое положение незавидно.

8. Следует научиться перекладывать часть ответственности и дел на других исполнителей. Многие люди не делают этого, а в результате они обречены всегда занимать подчиненное положение. Умение перекладывать часть ответственности на других – половина успеха.

9. Умение молчать, когда это необходимо. Легкомысленная болтовня погубила больше карьер, чем что-либо еще. Репутация человека, которому можно доверить тайну, значит гораздо больше, чем популярность, легко добываемая теми, кто разносит сплетни. На более высоких руководящих постах умение хранить тайну ценится на вес золота.

10. Правильно быть надежным и верным человеком. Если к сорока годам за человеком не закрепится репутация абсолютно, стопроцентно надежного человека, этот недостаток будет преследовать его до конца карьеры [2].

Итак, человеку, который стремится построить карьеру, необходимо в первую очередь для себя поставить цель, чего он желает добиться. Самое существенное при построении профессиональной карьеры – это иметь тщательно разработанный план действий для достижения карьерного успеха. Любая карьера, неважно в какой области она строится, будет иметь свои сложности. Для того чтобы избежать данных трудностей, человеку нужно знать этапы прохождения по карьерной лестнице, виды карьеры, принимать во внимание специфику своей профессии для моделирования карьеры.

Думается, что карьера играет важную роль в жизни современного человека, и когда мы начинаем задумываться о карьере, нужно помнить что карьера – это сложный многоэтапный процесс, который отнимает достаточно много сил и времени.

Следовательно, чтобы построение карьеры было не в тягость, необходимо учитывать все подводные камни, которые встречаются у человека на пути, учитывая их заранее, перед тем как человек станет планировать, или строить карьеру.

Список литературы

1. Иванов В.Ю. Карьера менеджера как объект исследования и управления // Менеджмент в России и за рубежом. 2010. № 3.

2. Корда М. Бессмертные. Джон Кеннеди, Мерилин Монро, Роберт Кеннеди. М.: Эксмо-пресс, 2002. 639 с.

3. Формула успеха: существует ли она? // URL: http:globuslife.ru/articles/formula-uspeha.html (Дата обращения 20.07.2017).

О.А. Андриенко

МОДЕРНИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ДЕТСКОГО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ПРОЕКТА В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ РОССИЙСКИХ ДЕТЕЙ В ИСПАНИИ

Аннотация. *Данная статья посвящена анализу проблемы адаптации русских детей, родившихся и живущих в зоне отчуждения после Чернобыльской аварии, в новой для них социокультурной среде – Испании, во время их нахождения в семьях, которые помогают им*

получить лечение в рамках благотворительного проекта, организованного испанцами. На основании данного анализа в статье приводятся рекомендации по модернизации проекта с целью усиления его эффективности.

Ключевые слова: *культурный шок, детская благотворительность, социокультурная адаптация, Чернобыльская катастрофа, улучшение функционирования благотворительного проекта.*

O.A. Andrienko

Abstract. *The following article deals with the adaptation problem of Russian children who were born in an area which was seriously affected by the radiation after Chernobyl nuclear power plant explosion, in a new sociocultural field which is unknown to them – in Spain while they visit Spanish families for a Summer holiday in the framework of a charity project being run by Spanish charity organization. In connection to this analysis the article also suggests improvements which can be helpful and valuable for the programmer's sufficiency.*

Keywords: *cultural shock, children's charity, sociocultural adaptation, Chernobyl catastrophe, improvement of the charity.*

Сила социальных связей – это маркер, который отличает слабое общество от сильного, способного мобилизоваться и эффективно решать масштабные проблемы, затрагивающие его судьбу. Силой социальных связей измеряется социальный капитал и имидж страны на международной арене. Под давлением общественности национальные государства все больше функций социальной помощи передают в частный сектор: благотворительные организации, фонды, филантропы, волонтеры направляют свою энергию на помощь нуждающимся в ней людям по всему миру.

Интенцию нашему исследовательскому интересу задала парадоксальная ситуация, связанная с реализацией международного испано-российского благотворительного проекта помощи детям, пострадавшим от последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Семьи, проживающие на территории испанской провинции Галисия, готовы были принять у себя на лето ослабленных ребятишек из русских семей, чтобы укрепить их здоровье в условиях южного морского климата, здорового питания, а также оказать необходимую медицинскую помощь. Однако высокий процент конфликтов с испанскими благотворителями, а также отказ от их помощи заставили нас включиться в размышление о специфичности восприятия социальной опеки и, соответственно, специфичности коммуникаций, выстраивающих взаимопонимание между фигурой благотворителя и получателями его помощи, а также общественностью в целом.

Просоциальное поведение опирается на альтруизм как особый тип мотивации индивидуума, оказывающего помощь. В основе этого мотива лежат зрелые эмпатические эмоции–не просто порыв жалости по отношению к другому, но эмпатическое понимание, т.е. оценка социально-психологического контекста его бедственного положения. Рефлексивная составляющая в оценках социального бедствия опирается на культурный опыт благотворителей, который фреймирует восприятие, так или иначе редуцируя эмоцию сопереживания.

При проектировании коммуникативных стратегий необходимо учитывать фреймы, управляющие динамикой восприятия ситуаций, связанных с социальной помощью. В противном случае, благотворительные программы могут спровоцировать деструктивный социальный эффект.

Естественно, русские дети проходят несколько этапов социокультурной адаптации в чужой и новой для них среде. Для модернизации проекта необходимо проанализировать сложный процесс привыкания к новой социокультурной среде и выявить проблемы, тормозящие адаптацию детей в Испании. Структурно проанализировать процесс адаптации детей в Испании нам поможет корпус научных источников по социальной антропологии и

этнопсихологии, а также по этнокультурологии, затрагивающие проблемы кросс-культурной коммуникации.

Так, социальный антрополог Г. Триандис писал о пяти стадиях процесса адаптации индивидов к новой социокультурной среде, разработав так называемую «U-образную» кривую адаптации – от положительных эмоций, возникающих у индивида по приезде впервые добровольно в чужую страну, к отрицательным эмоциям и попытке отторжения чужой культуры до вновь обретения положительных эмоций от успешной этнокультурной интеграции в другую культуру. В нашем случае речь идет именно о преодолении стадии отрицания и приятия чужой культуры с сохранением положительного образа своей родной социальной идентичности, так как у большинства детей есть семьи в России, и их цель не остаться жить в Испании (хотя бывают и такие случаи, являющиеся скорее исключением, чем правилом), а успешно лечиться в течение двух месяцев в Испании, при этом благополучно возвращаясь в Россию, и рассматривать опыт взаимодействия с этносом Испании как положительный, дающий некие перспективы в будущем (профессию, связанную с языком, более уверенное общение с представителями других стран и т.п.).

Г. Триандис выделил пять этапов социокультурной адаптации человека к культуре другого народа: фаза эйфории, или медового месяца, туристическая фаза, ориентационная фаза, депрессивная и деятельная фазы. Согласно Г. Триандису, путь социально-культурной адаптации, пройденный индивидом в пять этапов, начинается с «фазы эйфории». На данной стадии адаптации индивиды не соприкасаются особо с социокультурными особенностями «чужой страны», а наблюдают ее дистанционно, идентифицируя себя со своей родиной и ведя себя так же, как и на родине. «Они живут в отеле, похожем на те, что они видели у себя дома, едят пищу, похожую на ту, которую ели у себя на Родине» [9, с.329]. Соответственно, у индивида формируются только положительные эмоции от социального пространства, предложенного ему другой страной при условии, что он приехал туда по своей воле с определенной целью. Исторически эту фазу пропускают ссыльные насильно в другую социокультурную среду индивиды (как, например, вынужденная эмиграция в СССР). Русские дети также минуют данный этап, так как по приезде в Испанию не являются просто туристами-наблюдателями, а оказываются в испанской семье представителей этнокультурного типа Испании, как минуют они и второй этап, туристический, когда, все еще живя в своей культуре ментально, но физически находясь в другой стране, индивид начинает испытывать некоторые трудности ввиду того, что потихоньку начинает пытаться интегрироваться в социокультурное пространство «чужой» культуры, испытывая небольшой дискомфорт, связанный, к примеру, с непониманием внешних устройств, еще не испытанных индивидом, однако, согласно его информации, потенциально опасных. Таким образом, дети, в большей степени не подготовленные к поведению в чуждой им культурной ячейке, вступают в третью фазу, называющуюся «ориентационной». Сразу заметим, чтобы избежать данного рода проблем, нужно проводить с детьми предварительные беседы об Испании, предупреждая заранее, что их ждет, описывая этнопсихологические качества, свойственные испанцам: открытость, повышенная тактильность, громкость в общении, отдых днем, называющийся сиестой, объясняя, какую еду им будут там давать. Также необходимо по скайпу связываться с испанцами через переводчиков до отъезда, чтобы дети привыкли к их внешнему виду и манере общения. Иными словами, необходимо адаптировать детей, вовлекая их в первую фазу без физического нахождения их в Испании, а в России обеспечить им успешное прохождение «фазы эйфории», сделающей менее болезненной вторую, ориентационную фазу.

Приведем пример, наблюдаемый нами во время пребывания в Испании в рамках переводчика на данной программе.

Мы познакомились с детьми в аэропорту «Домодедово». Всего через семь часов они увидели испанские семьи, однако столь незначительная разница дала о себе знать, когда некоторые «первогодники» вцепились руками в меня, не давая общаться с другими детьми и их родителями, прося, чтобы мы никуда не уходили.

Во время поездки мне удалось пообщаться с большинством детей, однако ввиду нехватки времени лично я не общалась с одной девочкой шести лет, казавшейся достаточно стеснительной. Когда мы прилетели, были встречены испанцами, прошли в зал прилета и стали распределяться, кто к какой испанской семье принадлежит, девочка, после того, как назвали ее имя и определили в семью, начала плакать, демонстрируя признаки расстройства и грусти, а также разочарования в том, что она не останется с нами, русскими супервайзерами. Ввиду неизвестности перед своим будущим девочка кинулась ко мне, схватив меня за руку, и промолвила: «Пожалуйста, не отдавай меня им! Я не хочу идти с ними, я хочу поехать с тобой».

Никакие мои попытки объяснить ей на рациональном уровне, что по правилам ей надо ехать с испанцами, что это против правил ехать со мной, что ей будет там комфортно, оказались обречены на неудачу, так как в тот момент у нее был включен эмоциональный защитный механизм, не принимающий испанскую культуру, поэтому она хотела остаться в окружении представителей русской нации.

Пока мы имеем следующие проблемы, связанные с прохождением детьми ориентационной фазы: боязнь незнакомого языка, неумение изъясняться с представителями «чужой культуры», что провоцирует детей к негативному мышлению. Дети – максималисты в своем роде, относящиеся негативно ко всему затрудняющему их существование, ко всему сложному, которое у них не сразу получается, так как детям нужно все и сразу. Те вещи, на освоение которых им нужно время и терпение, вызывает у детей в возрасте до 9-10 лет отторжение и негативные эмоции; таким образом дети демонстрируют этап эгоизма – я тут главный, и если мне что-то не нравится, то я не буду это делать.

Язык – самая первая проблема, с которой сталкиваются русские дети. Это знак принадлежности его носителей к определенному социуму. На язык как основной специфический признак этноса можно смотреть с двух сторон: по направлению «внутрь», и тогда он выступает, как главный фактор этнической интеграции; и по направлению «наружу», и в этом случае он – основной этнодифференцирующий признак этноса. Диалектически объединяя в себе эти две противоположные функции, язык оказывается, как инструментом самосохранения этноса, так и обособления «своих» и «чужих» [1, с. 75.]. «Весь мир делится, таким образом, на «своих», объединенных языком и культурой людей, и на «чужих», не знающих языка и культуры» [8, с. 624].

Самое сложное поначалу – это коммуникация детей с испанцами. Дети хотят есть, но не могут этого сказать. У них сразу идет отторжение этой культуры: я не могу это сказать, у меня это не получается, значит, мне это не нравится, это было замечено нами в ходе участия в программе.

По результатам опроса испанских семей, российские дети достаточно быстро овладевают испанским языком. Преодоление языкового барьера во многом зависит от усилий, прилагаемых испанцами для обучения российского ребенка своему языку. В результате, ребенок должен научиться пользоваться новым для него языком, исключительно благодаря непосредственному контакту с носителями этого языка.

Такие факторы, как другой язык, другой этикет, манеры общения, поведения тормозят интегрирование ребенка в социокультурный мир Испании. На этом этапе у ребенка появляются признаки «культурного шока». Этот термин был впервые введен в 1954 году ученым Калверо Обергом, писавшим: «Культурным шоком может быть названа профессиональная болезнь людей, внезапно «пересаженных» вовне. Как любое заболевание, она имеет свои собственные симптомы. Он ускоряется тревогой, которая является результатом потери знакомых знаков и символов социального окружения» [14]. Именно вербальные проблемы, страх физического контакта, повышенное чувство гигиены, плохой аппетит, сонливость, фрустрация – признаки культурного шока. Дело в том, что именно в первый месяц пребывания детей в Испании они очень много спят, набираясь сил, согласно записям в отчете супервайзера.

Тоска по родине также является одним из признаков культурного шока, точнее, его

второй стадии. Во время пребывания с детьми в Испании мы наблюдали у них потребность в общении с представителями «своей культуры», дабы быть спокойными, что их не бросили в незнакомое место. Дело в том, что низкая осведомленность детей о том, что их ждет в Испании в плане их жизнедеятельности, является причиной ощущения себя брошенными на произвол судьбы.

Так, по данным отчетов автора, который был супервайзером в 2009 г., за первую неделю 95% первогодков звонили ей по одному-два раза в день. Нам пришлось даже меньше времени тратить на повторников, так как если им нужно было что-то срочное, они звонили сами. Наши же усилия были в первую очередь сосредоточены на детях, приехавших в Испанию впервые, так как они являются теми, кто находится в зоне риска, подвергнувшись культурному шоку, который может продолжаться в нашем случае до нескольких недель. Судя по нашим данным, это происходило у более старших детей, приехавших впервые, так как они уже больше укоренились в своей родной культуре и им сложнее адаптироваться, чем маленьким их коллегам, так как самое быстрое запоминание и самые активные мыслительные процессы происходят у ребенка 5–7 лет.

Также имелась проблема, связанная с тактильными ощущениями. В этнопсихологическом плане русские являются закрытым для первого контакта народом, в то время, как испанцы – жители жаркой страны – более раскрепощены, поскольку принадлежат к «контактной культуре» [3, с. 124.]. Во время полевого исследования в Испании автор видела, что многие дети после такого рода контакта с испанцами вытирают лицо рукавом, демонстрируя свое негативное ощущение, или морщатся при поцелуе, а иногда даже отходят на шаг, стараясь спастись от этого жеста, непривычного им. Следует также заметить, что дети, успешно преодолевшие все стадии адаптации к новой испанской культуре, ездящие в страну уже несколько лет, успешно интегрируют черты испанской культуры в свою, родную: давая себе понять, что они установили равновесие своего социокультурного пространства с испанским, они при встрече друг с другом целуются два раза в щеки, а также разговаривают на только им доступном испанском языке, судя по интервью, данному ими автору: «Да, мы все время так делаем. Нам приятно, что нас никто вокруг не понимает, особенно взрослые, это как в Испании говорить по-русски, это как секретный язык». Таким образом, дети чувствуют себя уникальными.

Испанцы, отличаясь горячим темпераментом, часто нетерпимо относились к депрессивной, самой сложной, стадии адаптации детей, что приводило к усугублению ситуации. Важно заметить, что отличительной чертой испанского менталитета является желание защитить «лицо», черты рыцарства, хорошее отношение к слабым, бедным, а также проявление гостеприимства, что коррелирует с менталитетом русских, однако некоторые испанцы, поначалу относясь к детям как к слабым и бедным, после некоторого времени, проведенного с ними во вражде, теряют терпение и также начинают строить образ детей не как слабых и беззащитных, а как маленьких злодеев, старающихся все испортить. Данное оценочное суждение не является объективным, хотя в нашей практике был и такой случай, что девочка Саша семи лет, впервые приехавшая в Испанию, в ходе телефонного разговора с нами сообщила: «Я сделаю все возможное, чтобы больше сюда не приезжать». Ее попечитель в Испании сказала, что девочка просто ложилась на пол и кричала без умолку, и ничем невозможно было ее остановить. На данном этапе важно объяснить испанцам причины такого детского поведения, связанного с депрессивной фазой, когда все окружающие их представители «чужой» культуры кажутся врагами. Испанцам на этой стадии важно понимать особенности менталитета русских, закрытости, долгого привыкания к новым людям, а также обладать более эмпатическими качествами, позволяющими пережить ту драму, которую переживают их подопечные. Различие менталитетов на этом этапе является самым критическим и для успешного минования этой стадии нужно пытаться приспособиться к проблемам друг друга.

Наша полевая поездка позволила увидеть изменения, произошедшие в характере, поведении и мышлении русских детей, приехавших впервые, пройдя все этапы

социокультурной адаптации. В их ментальности произошли некие процессы, позволившие им интегрироваться в испанскую среду.

Российский исследователь Т.Г. Стефаненко пишет: «Успешное приспособление обычно определяется как ощущением гармонии с ближайшим окружением, а основное внимание уделяется анализу чувства удовлетворенности, психологического благополучия и душевного здоровья «чужаков» [7] (в нашем случае – детей).

Рассматривая менталитеты двух стран, мы не можем не упомянуть такой эффект, как этноцентризм, или «гиперидентичность» [2], что означает чувство абсолютного превосходства представителя определенной нации перед другими нациями. Среди русских детей нами было выявлено крайне мало таких представителей, однако это были дети, не преодолевшие депрессивную фазу и желающие вернуться на родину во что бы то ни стало.

Так, например, в 2009 году девочка Света 6 лет говорила русской воспитательнице, что ненавидит свою испанскую маму. Она специально делала презрительно-недовольное лицо, чтобы дать понять своей принимающей матери, что такие негативные эмоции вызваны ее присутствием рядом. «Гиперидентичность» Светы также проявлялась в том, что она отвергала все подарки своей испанской семьи и отказывалась носить новую, купленную ей одежду, отдавая предпочтение своей поношенной рваной кофте и коротким джинсам, объясняя, свое поведение тем, что свою привезенную из России одежду она считает более модной.

В основном, данная оценочная реакция вызвана нахождением ребенка на стадии шока и не получающего одобрения со стороны испанцев. Однако данная реакция также может быть связана с особенностью русского менталитета.

Таким образом, нам удалось выявить некоторые важные аспекты взаимодействия испанцев и русских как представителей разных социокультурных пространств. Мы выяснили, что русские дети переживают адаптацию в чужой социокультурной среде достаточно тяжело вследствие дезинформированности их со стороны их родителей об особенностях национального характера Испании. В свою очередь у испанцев наблюдается некое разочарование в своих ожиданиях вследствие отсутствия у них соответствующих знаний о характере русских, а также об особенностях их повседневной жизни.

Проектирование организационной структуры благотворительного проекта реализуется в парадигме, которая разрабатывается в рамках специальной управленческой дисциплины−менеджмент качества, где основным принципом для построения коммуникативной стратегии проекта будет модель «цепочка создания ценности»: деятельность, направленная на реализацию проекта, представляется в виде набора операций, связанных между собой логикой техпроцесса.

Организационная структура благотворительного проекта в стандартном наборе шагов состоит из следующих звеньев:

Планирование:

- Выбор места
- Поиск подходящей технологии
- Выбор партнера

Предпроектная подготовка:

- Определение затрат по проекту
- Определение сроков проекта
- Работа с местными органами власти
- Работа с местной общественностью

Разработка сценария поведения и реализация проекта:

- Оповещение испанских семей о приезде ребенка
- Оповещение русских родителей
- Общение русских родителей со своими детьми во время их пребывания в Испании

– Мониторинг и оценка проекта

Постпроектное сопровождение:

– Контакты детей и их родителей с испанскими семьями
– Взаимодействие со СМИ о впечатлениях, об оздоровлении детей и т.д.
– Планирование.

Выбор места: Испания.

Поиск подходящей технологии: временное пребывание детей в испанских семьях является одним из видов благотворительности.

Выбор партнера: в данном аспекте существуют сложности применительно к проекту, разработанному «Ледисией Кативой» – испанской орагнизацией, главными лицами которой являются религиозные люди, состоящие в мощной католической органиации «Опус Деи» [12]. Российская же сторона – «Наше будущее» – организация светская, и образ мышления первых явно расходится с образом мышления вторых, особенно, когда мы проанализировали ситуацию российских НКО, страдающих определенными пороками, о которых мы говорили в предыдущей главе. Таким образом, изначально данный выбор оказался проблемным с точки зрения отношения к целям программы. Однако эта проблема может быть решена путем адаптирования в картины или модели мира двух сторон новые принципы мышления, позволяющие проекту функционировать эффективно.

«Модель мира представляет собой определенным образом организованные знания о мире, свойственные когнитивной системе или ее модели». В данной модели мира у человека присутствуют так называемые объективные знания, касающиеся различных сфер жизни: от географии до кулинарии. Однако, с другой стороны, в модели мира есть знания иного типа, которые можно называть субъективными. «Это ценности и их иерархии, семантические конструкты типа «норма», «каузирование» и другие когнитивные структуры, обобщающие опыт индивида и социума» [5, с. 41].

«В процессе общения люди, чтобы понять друг друга, по необходимости должны как-то приспособить свою картину мира к чужой, говоря научным языком, «идентифицировать символы», «договориться», что значат те или иные единицы в их речи. В реальности такого открытого обсуждения, как правило, не происходит. Этот процесс взаимного приспособления картин мира осуществляется скрыто и в большинстве случаев не осознается говорящими» [6, с. 37].

«Суть коммуникации состоит в построении в когнитивной системе реципиента концептуальных конструкций, «моделей мира», которые определенным образом соотносятся с «моделями мира» говорящего» [10].

Однако бывают случаи, когда «старое знание сопротивляется изменениям, любая модификация модели мира требует от индивида расхода интеллектуальных ресурсов. Если новое знание противоречит старому, то человек испытывает психологический дискомфорт, который ученые называют когнитивным диссонансом. Эта ситуация вызывает у человека желание уменьшить или вообще устранить диссонанс. Избавиться от него можно двумя способами: уменьшить значимость диссонансных элементов (т.е. игнорировать новую информацию или приуменьшить ее значение) либо принять новые знания, «встроив» их в свою модель мира. Так как русские – коллективная раса, то помочь детям-первогодникам, например, адаптироваться сможет практика еженедельных собраний испанских семей с русскими детьми, чтобы дети смогли обменяться эмоциями и впечатлениями друг с другом. Детям важна коммуникация с соотечественниками, особенно на первых этапах адаптации, о чем также свидетельствует реакция детей на русского супервайзера, время от времени навещающего детей в семьях. Дети, впервые приехавшие в Испанию, просят его остаться с ними в семье, так как даже несмотря на то, что он чужой для них физически, но ментально он «свой», так как он носитель той же близкой им культуры, что напоминает им о родине. Таким образом, дети, встречающиеся со своими же русскими сверстниками, уже несколько раз приезжающими в Испанию, могут научиться интегрировать в свою картину мира новые

знания, полученные ими от «своих», если они поделятся с новичками положительным опытом своего пребывания в Испании.

Когда человека волнует, как помочь страждущим, то в нем проявляется «анима», его женское «я». Благотворительность в Испании – мать. Те люди, которые хотят помочь, заботятся о детях, у которых трудная жизнь, пытаются дать им лучшее будущее, как будто это их родные дети. В то же время испанцы, помогая таким детям, удовлетворяют свою материнскую потребность в заботе, самореализуются в этом как мужчины, так и женщины. «Я помогаю – значит, я нужен детям и обществу так же, как общество и дети нужны мне». Взамен испанцы хотят любви от детей, то есть подтверждения, что их намерения и усилия не напрасны. Идет двусторонняя связь. Испанцам важно, чтобы их старания не пропали даром, что ребенок вследствие их заботы (как материальной, так и духовной) будет готов к взрослой жизни. Важен результат их стараний, то есть они ведут себя как матери, которые хотят, чтобы их дети были достойными и полноценными членами общества. Вот почему они берут детей так надолго и в течение всего их детства. У нас благотворительность понимается в ином ключе. Помощь испанской стороны, несомненно, рационально воспринимается русской стороной положительно, однако на подсознательном уровне эта помощь, как и вообще все заграничное, приобретает вид чужого, то есть того, чему нельзя доверять. Взаимодействие с совершенно другой культурой неизбежно в этом случае, причем русской стороне необходимо смириться с мыслью, что их дети будут вовлечены в чужую среду. Таким образом, недоверие очевидно. Однако такой вид благотворительности, который предлагает организация «Ледисия Катива» отвечает полностью культурному коду благотворительности у испанцев – они, как матери, видят в помощи одному ребенку счастье, потому что видят и результат своей помощи – одна семья берет ребенка на протяжении всего его детства, и семья видит результат своей помощи: испанцы говорили мне с гордостью о том, что ребенок поправился на два килограмма, что он вырос на полтора сантиметра. Испанцы ничего кроме любви не ждут взамен, и если русских родителей посещают мысли, что они обязательно что-то должны отдать, то пусть это будет любовь как дар. Имеется в виду любовь как принятие того, что ребенку оказывается помощь, в которой он нуждается, а также уважение к человеку, который согласился помочь ребенку. Если русские будут понимать любовь и уважение к испанцам как отдачу дара, который испанцы отдали в качестве помощи детям, то это поможет:

- русской стороне обрести свободу от испанского чужого дара;
- испанцам как индивидуалистам получить признание за их работу и показать им, что их труд не напрасен.

Предпроектная подготовка:

Определение затрат по проекту

В зависимости от того, сколько семей согласятся принять детей на лето, столько детей поедет в Испанию. Бюджет в среднем на одного ребенка на два месяца его пребывания в Испании составляет минимум 3000 евро (около 223 000 руб.), учитывая стоимость билетов для детей, лекарства, одежду, питание, визовые сборы, расход топлива или билеты на поезд и другие сопутствующие расходы. Годовой доход семьи в Испании составляет 21 000 евро в год (1млн 560 тыс. руб.), однако семьи, участвующие в программе, зарабатывают в основном несколько больше, так как являются представителями «среднего класса». Таким образом, можно заметить, что некоторые семьи могут позволить себе заниматься такого рода благотворительностью, что является достаточно щедрым видом пожертвований. Так как обычно около 40–45 детей выезжают летом в Испанию, а численность Галисии составляет 2 747 559 жителей [17], то около 0,00225 процентов жителей провинции берут к себе русских детей. Так как организация не использует прямую рекламу в газетах, однако посвящает много времени взаимодействию с волонтерами, СМИ и государственными органами, то присутствие ее имени в информационном пространстве провинции имеется в значительной мере.

Для развития коммуникации между членами проекта и во избежание отсутствия

релевантной информации необходимо предоставить платформу для функционирования программы. Так, в 2012 г. «Ледисия Катива» произвела ребрендинг, поменяв прежний логотип, изображающий корабль и ракушку – символы Галисии – на логотип, показывающий детей на зеленой лужайке. Организация обратилась за этим к рекламному агентству Куаттро Ай Ди Си Пи (Quattro IDCP), которое после получило премию за разработку лучшего корпоративного стиля и идентичности за работу над логотипом для «Ледисии Кативы» [15]. Ассоциация не использует наружную или иную рекламу, предпочитая проводить коммуникационную политику, используя инструменты иного рода, такие, как беседы, социальные сети, привлечение общественности через встречи.

«Наше будущее»—организация, не поддерживаемая спонсорами иного рода, кроме членов ассоциации «Ледисия Катива», поэтому ввиду отсутствия средств на создание имиджевой и коммуникативной стратегии «Наше будущее» страдает от того, что остается на втором плане, а также от непроявления себя в создании информационного повода или же простой осведомленности о себе с помощью рекламы или же с помощью собственного интернет-сайта.

Определение сроков проекта

Так как дети приезжают на два месяца в течение своего детства, пока не достигнут совершеннолетия, то данный проект смело можно идентифицировать как долгосрочный.

Работа с местными органами власти

Государственные органы являются носителями власти, позволяющей направить местное население на путь благотворительности, а также субсидировать местные благотворительные организации и предоставлять им площадку для оповещения населения о своей деятельности. Установив связи с местным правительством, благотворительным организациям будет легче направить свою коммуникационную политику на несколько лет вперед. Также, для Ледисии Кативы, которую поддерживает мэрия города Оренсе, важно то, что мэрия предоставляет площадку для распространения информации о проекте, место для проведения собраний и пресс-конференций для участников проекта «Ледисия Катива» [18]. Однако для российской стороны взаимодействие с государственными органами ужесточилось, так как в 2011 г. был издан закон от 6 апреля 2011 г. № 249 г. Москвы «Об организации выезда из РФ для отдыха и (или) оздоровления несовершеннолетних граждан, оставшихся без попечения родителей и находящихся в организациях для детей-сирот», запрещающий находиться российским детям-сиротам в иностранном государстве вне организаций для отдыха и без сопровождения ответственных лиц. Так как данная программа подразумевает нахождение детей вне лагерей или оздоровительных центрах, то с 2011 г. в Испанию выезжают лишь дети, уже имеющие семью.

Работа с местной общественностью

Так как данная программа практически не освещается в российских СМИ, то и работа с общественными организациями не проводится на должном уровне. Единственной системой оповещения потенциальных путешественников в Испанию является школа, где наряду с ними учатся также и дети, уже регулярно ездящие в Испанию на два месяца. В школах проводятся родительские собрания, где рассказывается об успешном опыте «лояльных клиентов» программы и передается новым детям соответствующий опыт. Сайт организации отсутствует и, следовательно, публика не может почерпнуть практически никакой информации из Интернет-источников по поводу функционирования программы.

Испанская ассоциация, в отличие от своего российского партнера, работает над тем, чтобы сделать программу доступной для каждого желающего помочь. Так, ежегодно в период с июня по сентябрь можно заметить множество статей, новостных репортажей о программе в Галисии, где она имеет место быть. Неинформационных поводов за год для «Ледисии Кативы» предоставляется несколько: момент приезда детей, совместная экскурсия

семей в одну из местных достопримечательностей, отъезд детей. Издания, широко освещающие пребывание русских детей в Испании: «Ла Воз де Галисия», «Фародель Виго», «Ла Рехьон», «Ла Опиньон Ла Корунья», «Эль Прогресо». Все издания являются локальными СМИ Галисии. Также в религиозных, политических и коммерческих кругах постоянно организуются собрания для обмена опытом между членами организации и ее потенциальными участниками.

Также среди испанской общественности проводятся разговоры в группах интереса касательно данной программы. Перед приездом детей с принимающими их семьями проводятся разговоры о том, как они должны себя вести с детьми и что они должны делать. Вся информация, являющаяся вспомогательной, имеется на сайте организации: http://asociacionlediciacativa.org. Дело в том, что развитый институт благотворительности опирается на горизонтальные связи, вовлекает в свой проект широкую общественность. Так, например, на официальном сайте ассоциации «Ледисия Катива» имеется информация о том, как помочь, как быть вовлеченным, если у человека нет возможности принять ребенка на целое лето. Например, можно пожертвовать материальные средства или вещи, можно помогать, будучи волонтером от данной ассоциации. Также ассоциация вовлекает в свою деятельность социальные медиа: например, в социальной сети «Фэйсбук» (Facebook) ее члены публикуют важную для проекта информацию, как время прибытия и возвращения самолетов с детьми, анонсы предстоящих в Галисии мероприятий, куда стоит сводить приехавших в Испанию детей, как, например, концерт фольклорной испанской музыки, а также иногда там публикуются заметки о великих представителях Испании и России, как например, заметка в день рождения графа Льва Николаевича Толстого. Все тексты предоставлены на испанском языке.

Разработка сценария поведения и реализация проекта:

Оповещение испанских семей о приезде ребенка

Обычно испанцы, по их собственным словам, крайне мало знают о России, ребенке, приезжающем в Испанию, кроме его фотографии и имени, что в последующем сказывается на взаимопонимании с ним испанцев.

Так как дети, приезжающие в Испанию, нездоровы, испанцам следует получать подробную информацию о состоянии здоровья ребенка, прописанную в его медицинской карте, переведенной на испанский язык. Также с испанцами следует проводить серию специальных семинаров по ситуационному анализу культуры России и особенностях социокультурной среды и менталитете россиян.

Оповещение русских родителей

Родители обычно находятся в состоянии неведения касательно принимающей стороны. Важно их досконально проинформировать о личности испанцев, их материальном обеспечении, так как это важно для благоприятного нахождения там ребенка, их состоянии здоровья, также важно показать на карте, где территориально будет находиться их ребенок, так как данный факт важен для спокойствия родителей, если они визуально убедятся, что их детей везут в определенное место. Также необходимо еще до приезда ребенка наладить общение сторон по интернету, для упрощения собрав обе стороны за экраном компьютера и по скайпу поздоровавшись и представив обе стороны друг другу, тем самым персонифицируя их с тем, чтобы обе стороны убедились в реальности друг друга.

Общение русских родителей со своими детьми во время их пребывания в Испании

После того, как дети приехали в Испанию, необходимо регулярно давать им общаться с их родителями. Лучше будет, если испанцы сами будут пробовать наладить общение с родителями, таким образом показав, что у всех них имеется общая цель и что все действуют на благо ее реализации.

Коррекция сценария поведения участников проекта

Структура социальной ситуации включает распределение ролей, стандартные социально-ролевые предписания (и взаимные ожидания), сценарные последовательности, гибкие правила и нормы отношений» [4, с. 118].

- Распределение ролей соотносит участвующие стороны. В нашем случае это приглашающие и приглашенные, принимающие и отдающие.
- Социально-ролевые предписания говорят о том, «как надлежит действовать человеку, занявшему ту или иную ролевую позицию. Они же составляют и основу взаимных ожиданий участников друг к другу. Представляют собой готовые шаблоны действий» [4, с.118]. Этот пункт как раз отсутствует в отношениях испанцев и русских родителей. Испанцам надлежит успокоить русских родителей, потому что это именно они взяли на себя ответственность за жизнь русского ребенка, когда решились обеспечить ему двухмесячные каникулы. Следовательно, испанцам, как принимающей стороне, роль которой они исполняют, отводится значимая роль успокоителей. Им предписывается заверить русских родителей, что те сделали правильный выбор, отдав им временно своего ребенка. В то же время предписания русских родителей предполагают ожидание от испанской стороны этого успокоения. Как только русские поняли, что их дети в безопасности, отношение к испанцам станет положительным.
- Главная деятельность, которая объединяет русскую и испанскую стороны – это забота о ребенке. Общая их цель – улучшить здоровье малыша. Возможно, обе стороны это понимают, однако русская сторона не имеет возможности показать испанцам, что для нее забота о своем ребенке – первостепенная цель. В то же время родителям детей также хотелось бы увидеть или просто понять, что и испанцы чувствуют за собой долг – заботиться о ребенке, которого они взяли на попечение.
- Интеграция русских детей, приезжающих в Испанию впервые, должна проходить крайне аккуратно, так как неосторожные высказывания испанцев, находящихся на своей территории и чувствующих доминирование, в адрес русских может спровоцировать социальный конфликт. Такие случаи крайне редки, однако главное – не пытаться возвысить культуру Испании, куда приезжают дети, а уважать российский менталитет и относиться к детям с уважением их родной культуры, а также с уважением их русских родителей и не пытаться испанцам ими стать, что может спровоцировать у детей когнитивный диссонанс, так как родители у детей уже есть. Необходимо понять, что испанцам бесполезно пробовать занять социальную роль родителей, а надо попробовать стать друзьями, возможно, добрыми волшебниками, которые именно помогают их родителям сделать детей счастливыми, работая в тандеме с последними, но ни в коем случае не заменяют детям их родителей. Если данная синергия будет достигнута и процесс будет напоминать сотрудничество, а не доминирование, то адаптация ребенка в испанской семье пройдет успешно.

Мониторинг и оценка проекта

В течение проекта супервайзерами обычно заполняются путевые дневники, где они прописывают состояние детей и их нужды, описанные детьми в ходе телефонных разговоров с супервайзерами. Однако данные дневники обычно заполняются в свободной форме. Необходимо же разработать уникальную таблицу данных с графами для каждого промониторенного ими ребенка для каждой проведенной ими недели. Собрав данные за два месяца, можно будет провести качественный анализ причин недовольства детьми и испанцами программой и на основе данных скорректировать коммуникативную стратегию.

Постпроектное сопровождение:

Когда летняя программа заканчивается, то 80% детей, ездящих не в первый раз, отправляются домой, уже привыкшие к расставанию, однако для 20% «новичков», приехавших в Испанию впервые, минуты расставания и адаптация на родине крайне тяжелы.

Необходимо работать с ними либо со школьным психологом, либо с их родителями, орагнизовывая встречи для групп, приехавших из Испании, где дети смогут интегрироваться в среду, знакомую им по поездке и адаптироваться к России быстрее.

Касательно контактов с испанскими семьями, по словам самих испанцев и детей,

коммуникация с испанцами после проекта налажена плохо, так как на данный момент позвонить могут в основном только испанцы, потому что русским родителям звонить в Испанию обходится дорого. Однако с введением в общественную жизнь интернет-программы Скайп ситуация несколько улучшилась, но все же русским также следует звонить или писать испанцам, чтобы продолжать коммуникацию в знакомом обеим сторонам дружеском ключе. Иногда испанцы отправляют новогодние посылки в Россию, чему русские очень радуются, однако сами изредка что-либо посылают испанцам вне проекта. Таким образом, после окончания лета русским родителям и детям необходимо отправить слова благодарности испанцам за их ответственность и помощь в реализации этого замечательного проекта, что будет своего рода добровольной отдачей долга.

В российских СМИ по запросу «дети, Брянская область, Испания, благотворительность» была найдена лишь одна статья о функционировании нашего проекта. Местным СМИ следует встречать детей из Испании и опрашивать их в аэропорту или уже дома о том, как они провели лето. Положительные отзывы следует публиковать в местных СМИ или выводить в эфир местного телевидения с тем, чтобы потенциальные «клиенты» могли на основе данных материалов могли составить положительное впечатление о проекте. Так поступают испанцы, каждый год приглашая телевидение и встречая русских детей в аэропорту, и каждый год публикуя серию статей и выпусков телепередач о данном проекте, и формируя общественное мнение.

Список литературы

1. Антипов Г.А., Донских О.А., Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Текст как явление культуры. Новосибирск. 1989. 197 с.

2. Берри Дж., Пуртинга А.Х., Сигалл М.Х., Дассен П.Р. Кросс-культурная психология. Исследования и применение. Харьков: Гуманитарный Центр, 2007. 560 с.

3. Бутовская М.Л. Язык тела: природа и культура. М.: Научный мир, 2004. 400 с.

4. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо. Издательство МГУ, 1997. 344 с.

5. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: ЛКИ, 2008. 288 с.

6. Иссерс. О.С. Речевое воздействие: учеб. пособие: для студентов вузов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью». 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2009. 223 с.

7. Стефаненко Т. Этнопсихология. М.: Ин-т психологгии; академический проект, 1999. 320 с.

8. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 262 с.

9. Триандис Г.С. Культура и социальное поведение: учебное пособие / Пер. В.А. Соснин. М.: Форум, 2007. 382 с.

10. Язык и моделирование социального взаимодействия: Переводы / Сост. В.М. Сергеева и П.Б. Паршина; Общ.ред. В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1987. 464 с.

11. Accociacion Ledicia Cativa // Facebook URL: https://www.facebook.com/Asociacion.Ledicia.Cativa (Дата обращения: 19.09.2015).

12. Lediciacativa (Pequeñaalegría). 05.10.2008. URL:http://opusdei.es/es-es/article/ledicia-cativa-pequena-alegria/ (Дата обращения:18.09.2015).

13. LediciaCativa. Como ayudoseccion. URL: http://asociacionlediciacativa.org/como-ayudo/ (Дата обращения:19.09.2015).

14. Oberg K. Cultural Shock: adjustment to new cultural environments // Practical Anthropology. 1960.URL: https://www.slavistik.uni-freiburg.de/pdf/ws2010/ok/kontakt/oberg (Дата обращения: 09.12.2014).

15. Premiosparaotras dos agenciasgallegas // Briefing Galego. 26.06.2012. URL:http://www.briefinggalego.com/premios-para-dos-agencias-gallegas
(Дата обращения:19.09.2015).

16. Сайт рекламного агентства QuattroIDCP // URL:quattroidcp.com (Дата обращения: 19.09.2015).

17. Xunta de Galicia. O Estatuto de Autonomia de Galicia. URL: http://www.xunta.es/estatuto/titulo-preliminar (Дата обращения: 19.09.2015).

18. Интервью Хосе Мануэль Боррахо в городской мэрии. URL:https://www.youtube.com/watch?v=zko6smnQ7EI (Дата обращения:16.09.2015).

Д.Д. Бадараев

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ НАСЕЛЕНИЯ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Аннотация. *Статья посвящена рассмотрению интеграционных характеристик на уровне региона. По результатам проведенного в Бурятии социологического исследования анализируются вопросы, связанные с занятостью населения, перспективами на будущее, политической активностью, религиозностью, самоидентификацией граждан.*

Ключевые слова: *трансформация, Бурятия, занятость, социальное самочувствие.*

D.D. Badaraev

INTEGRATION PROCESSES THROUGH A PRISM OF SOCIAL WELL-BEING OF THE POPULATION AT THE REGIONAL LEVEL

Abstract. *Article is devoted to consideration of integration characteristics at the level of the region. By results of the sociological research conducted in Buryatia the questions connected with employment of the population, prospects on the future, political activity, religiousness, self-identification of citizens are analyzed.*

Keywords: *transformation, Buryatia, employment, social well-being.*

Трансформация в российском обществе демонстрирует определенные неустойчивые процессы, происходящие в периферийных регионах страны на протяжении последних 25 лет. Социально-экономическая нестабильность и кризисные явления, начавшиеся в конце нулевых годов усугубили ситуацию на уровне регионов, что актуализирует изучение процессов социальной интеграции – дезинтеграции. В рамках данной работы предпринята попытка анализа указанных процессов на примере Республики Бурятия как субъекта Российской Федерации, который входит в состав Сибирского Федерального округа.

Социологическое исследование, проведенное в сентябре-ноябре 2015 г. в Республике Бурятия[35] раскрывает некоторые гипотетические суждения, которые отражают вопросы, связанные с занятостью населения и рынком труда, перспективами и ближайшими планами на будущее, политической активностью, самоидентификацией, кругом общения граждан и т.д. Указанные категории являются частью комплекса критериев, отражающих процессы социальной интеграции-дезинтеграции в регионе, а также демонстрируют ценностные установки жителей республики и характеризуют современное состояние социально-экономического и политического положения жителей региона.

На территории республики расположены 21 муниципальный район, 2 городских округа, 273 городских и сельских поселений. Численность постоянного населения на 1 января 2013 г. составила 971,8 тыс. чел., средняя плотность населения – 3,0 чел. на 1 кв. км. [1].

[35]. Исследование проведено в г. Улан-Удэ, Еравнинском и Селенгинском районах Республики Бурятия с выборочной совокупностью 300 человек, определенной по полу, возрасту, национальности

Численность экономически активного населения Бурятии в августе 2015 года составила, по оценке, по итогам обследований населения по проблемам занятости 465,5 тыс. человек, или 47,6% общей численности населения республики. Из них 426,3 тыс. человек, или 91,6% экономически активного населения были заняты в экономике и 39,2 тыс. человек (8,4%) не имели занятия, но активно его искали.

Проведенное исследование подтвердило факт достаточно большого количества неработающих граждан в регионе. Пятая часть опрошенных, за исключением лиц, находящихся на пенсии (19,3%), призналась, что не имеет оплачиваемой работы. Полученные данные подтверждают наличие напряженной ситуации на рынке труда в Республике Бурятия.

В государственных учреждениях службы занятости населения на 1 сентября 2015 года было зарегистрировано в качестве безработных 7,0 тыс. человек, что соответствовало уровню регистрируемой безработицы в 1,5%. Данный показатель был выше среднероссийского (на 0,3 п.п.) и ниже среднего по СФО (на 0,1 п.п.). В сравнении с регионами СФО Республика Бурятия занимала 5 место после Омской (1,1%), Новосибирской (1,2%) областями, Красноярским краем (1,3%) и Иркутской областью (1,4%) [2].

Коэффициент напряженности (соотношение заявленных вакантных мест к численности поставленных на учет безработных граждан) в сельской местности составил 1,6, в городской местности – 0,6. Для стабилизации ситуации на рынке труда был реализован комплекс мер по трудоустройству, повышению квалификации безработных граждан, созданию новых рабочих мест и снижению неформальной занятости.

Нестабильная социально-экономическая обстановка в регионе способствует распространению различных нестандартных форм занятости на неофициальном рынке труда, к которым относятся: строительно-отделочные работы, рыбообрабатывающая деятельность на Сахалине, занятие нелегальной добычей нефрита, услуги предоставления такси, челночество, занятие дистрибьюторской и посреднической деятельностью и т.д. Все эти формы не поддаются полному статистическому учету, не всегда сопровождаются официальными договорными отношениями, что влечет за собой появление элементов теневой, криминальной экономик в регионе в немалых масштабах. Причины распространения таких форм занятости вызваны высоким уровнем общей безработицы, низкими размерами заработной платы во многих отраслях экономики, слабой реализацией законодательных актов, низкой правовой культурой населения. Сокращение производства, закрытие и банкротство крупных предприятий, слабый инвестиционный климат, «байкальский фактор», т.е. ограничение или запрет ряда производственной и промышленной деятельностей в водосборной зоне Байкала, продолжающийся агропромышленный кризис – все это подталкивает людей на активизацию в различных направлениях деятельности. Особого внимания заслуживает зависимость большинства населения от кредитов и займов, для своевременной оплаты которых, дабы избежать преследования со стороны банков, служб судебных приставов и коллекторов, люди готовы и вынуждены работать в сферах, где заработная плата выше, несмотря на сложные условия труда и теневой характер деятельности.

В связи с этим, учитывая непростую обстановку на региональном рынке труда, представляется целесообразным выявление отношения населения к работе. Субъективная оценка «работы» в предложенных утверждениях показывает, что респонденты склонны в большей степени относиться к работе как к основному источнику средств к существованию, а также как к возможности проявить себя, свои способности. Больше всего не согласных с утверждением «работа – неприятная обязанность, если бы мог, не работал бы».

При анализе ответов респондентов на открытый вопрос «Что для вас означает понятие «хорошая» жизнь?» можно определить основные ценностно-жизненные ориентиры жителей республики (табл. 1). Ранжирование данных таблиц показывает, что на первом месте находится финансовая независимость, достаток, на втором−здоровье, на третьем–семья, дети.

Следовательно, материальные запросы опрошенных превалируют над другими жизненными потребностями.

Таблица 1

«Что для Вас значит понятие «хорошая» жизнь?»

Значения	Контекст: «Универсальный»	
	Количество объектов	% объектов
1. Нет ответа	36	12,00
2. Возможность путешествовать	12	4,00
3. Чтобы квартира была	15	5,00
4. Финансовая независимость, достаток	149	49,67
5. Здоровье	101	33,67
7. Все хорошо в семье	50	16,67
8. Семья, дети	70	23,33
9. Хорошие отношения между людьми	15	5,00
10. Независимость, стабильность	23	7,67
11. Много детей	3	1,00
12. Работа	30	10,00
13. Стабильность	22	7,33
14. Жить в удовольствие	2	0,67
15. Достигать своих целей, жить той жизнью, какой действительно хочешь	4	1,33

При самоидентификации себя с предложенными характеристиками жители Бурятии чаще всего обращают внимание на следующие позиции: «гражданин России» (71,67%), «отец / мать» (58%), «мужчина / женщина» (53%), «общительный» (52%), «молодой» (40,33%). Отмеченные характеристики демонстрируют основные позиции причастности граждан к стране, семье и к возрасту, что фактически определяет первостепенную субъективную интегрированность респондентов в рамках этих отмеченных показателей.

При оценке степени влияния проводимых в России преобразований (реформ) на респондентов и их семьи выяснилось, что большинство опрошенных относится нейтрально, т.е. считают, что они и их семьи не выиграли, но и не проиграли в результате реформ, либо затрудняются с ответом (табл. 2). Данный вопрос показывает на отсутствие значимых совокупных результатов от проводимых в стране реформ, либо произошло компенсирование негативных и позитивных сторон реформ или же их незавершенность обрела перманентный характер.

Таблица 2

«Как Вы считаете, Вы и Ваша семья выиграли или проиграли от проводимых в России преобразований (реформ)?»

Значения	Контекст: «Универсальный»	
	Количество объектов	% объектов
1. Да, я и моя семья только выиграла от проводимых в стране реформ	20	6,67
2. Я и моя семья не выиграла, но и не проиграла в результате реформ	133	44,33
3. Считаю, что я и моя семья только проиграла в результате преобразований	33	11,00
4. Трудно сказать	106	35,33
5. Нет ответа	8	2,67
Всего	300	100,00

По поводу ближайших планов граждан Бурятии данные исследования дают основания полагать, что в основном люди заинтересованы в разрешении вопросов материально-

бытового, профессионально-квалификационного характера, трудоустройства, а также обеспокоены будущим своих детей и внуков и т.д.

В изучении вопросов «интеграции-дезинтеграции» важное значение имеет коммуникабельность людей, т.е. открытость граждан, умение разносторонне общаться и обмениваться информацией с близкими и с социальным окружением. Опрос показал, что практически все респонденты «постоянно» общаются с семьей и близкими людьми (94,3%), с друзьями (59,3%), с коллегами по работе (56%). В варианте «не часто» превалируют соседи (32%), ровесники (29%) и друзья (27,3%). В варианте «мало»─ соседи (25%), госслужащие и чиновники (24,67%), ровесники (19,3%). В варианте «не общаюсь вообще» ─госслужащие (51,3%), коллеги (19,67%), ровесники (10,67%). Таким образом, опрошенные намного чаще общаются с членами семьи, близкими людьми и с друзьями, чем с коллегами, ровесниками и соседями, намного хуже─с госслужащими и чиновниками.

Немаловажное значение в рамках рассматриваемой темы имеет степень заинтересованности политикой и политическая активность граждан Бурятии. Данный аспект важен с точки зрения интегрированности граждан в политические процессы в обществе. Полученные результаты демонстрируют низкую степень участия опрошенных в политической деятельности (5%), тогда как большинство респондентов хотя и интересуются политикой, но сами не участвуют в ней (63,3%), либо их мало интересует политика (23,3%) или они совсем не интересуются политическими вопросами (8,3%).

В продолжении темы политической активности демонстрируется низкая активность граждан Бурятии при участии в деятельности политических и общественных организаций (не участвуют 77%) и социальных движений (не участвуют 65,3%).

Следующий блок вопросов ориентирован на выявление религиозности респондентов. Ответы показали, что более 90% опрошенных являются верующими (табл. 3), что демонстрирует высокий уровень религиозности жителей Бурятии. Данный факт связан с подъемом религиозного самосознания многих респондентов в связи с активной деятельностью православных, буддийских и шаманских организаций в последние годы. Появились новые культовые объекты для поклонения, повсеместно возводятся церковные часовни, буддийские дуганы, ступы и субурганы, возрождаются древние шаманские места. Иволгинский дацан Бурятии, откуда берет начало распространение учения в стране, официально является центром буддизма в России. Особое внимание мировой общественности привлекает нетленное тело XII Пандидохамбо-ламы Дашидоржо Итигэлова. В Улан-Удэ начато строительство первого в России шаманского комплекса «Тэнгэри». Можно предположить, что развитие туризма в регионе становится одним из значимых факторов повышенного интереса граждан к возрождению и развитию этнической самобытности и религиозности в регионе. Кроме того, аполитичность и политическая пассивность многих жителей республики сопровождается поиском поддержки в других источниках, в том числе и в религиозных верованиях.

Таблица 3

«Какой веры Вы придерживаетесь?»

Значения	**Контекст: «Универсальный»**	
	Количество объектов	**% объектов**
1. Христианство (православие**)**	128	42,67
2. Буддийской	140	46,67
3. Шаманской	7	2,33
4. Нет ответа	25	8,33
Всего	300	10000

Варианты ответов следующего вопроса показывают «к кому предпочитают обращаться респонденты в случае возникновения затруднительной ситуации». Больше всего

жители региона надеются на родных и близких (74,67%), на друзей и знакомых (36%) и полагаются на лам (буддийских священнослужителей) (20,67%). Каждый десятый респондент ни к кому не обращается и разрешает проблему самостоятельно (табл. 4).

Таблица 4

«К кому Вы обращаетесь в случае затруднительной ситуации?»

Значения	Контекст: «Универсальный»	
	Количество объектов	% объектов
1. Родным, родственникам	224	74,67
2. Друзьям, знакомым	108	36,00
3. Ни к кому	31	10,33
4. Ламам	62	20,6
5. Шаманам	22	7,33
6. Астрологам (зурхайчи)	8	2,67
7. Гадалкам	6	2,00
8. Церковь	3	1,00
9. Нет ответа	1	0,33

При появлении мобильного телефона и Интернета существенно расширились возможности установления и поддержания связи с близкими и знакомыми. Выход в мировую информационную паутину позволяет гражданам быть в курсе всех событий и новостей не только в регионе, стране, но и во все мире. Опрос выявил, что практически абсолютное большинство опрошенных освоили сотовый телефон, тогда как Интернетом все еще не пользуется каждый пятый респондент (табл. 5, 6). Таким образом, благодаря умению пользоваться сотовым телефоном и Интернетом у жителей республики имеется хорошая возможность быть сопричастным и интегрированным в общественные коммуникативные сети. Оба источника позволяют увеличить интеграционный потенциал граждан, тогда как их отсутствие ограничивает возможности общения и может способствовать социальной дезинтеграции, возникновению информационного голода и социальной изоляции.

Таблица 5

«Пользуетесь ли Вы мобильным телефоном?»

Значения	Контекст: «Универсальный»	
	Количество объектов	% объектов
1. Да, пользуюсь	288	96,00
2. Пользуюсь с помощью близких**,** помощников	3	1,00
3. Нет, не пользуюсь, но хотел бы научиться	3	1,00
4. Нет, не пользуюсь	6	2,00
Всего	300	100,00

Таблица 6

«Пользуетесь ли Вы Интернетом?»

Значения	Контекст: «Универсальный»	
	Количество объектов	% объектов
1. Да, пользуюсь	202	67,33
2. Пользуюсь с помощью близких, помощников	25	8,33
3. Нет, не пользуюсь, но хотел бы научиться	10	3,33
4. Нет, не пользуюсь	57	19,00
5. Затрудняюсь ответить	6	2,00
Всего	300	100,00

Анализ результатов проведенного в Республике Бурятия социологического исследования позволяет сделать некоторые обобщения. Во-первых, сложившееся социально-экономическое положение в регионе свидетельствует о напряженной ситуации на рынке труда, особенно в сельской местности. Подтверждением тому, в первую очередь, является шестикратная разница между показателями общей и регистрируемой безработицы.

Во-вторых, низкие доходы населения выдвигают на первый план работу как основной источник средств к существованию, а основные пожелания и ближайшие планы жителей региона в основном связаны с обеспечением финансовой независимости и достатка, тогда как ценности, связанные с духовным миром и семьёй, уступают первому. Кроме того, ценность здоровья также оказывается на ведущих позициях, респонденты больше всего желают здоровья себе и своим близким.

В-третьих, в процессе социального взаимодействия опрошенные постоянно общаются с членами семьи, близкими людьми и с друзьями, хуже – с коллегами, ровесниками и соседями, намного хуже–с госслужащими и чиновниками. Появление сотовой связи и Интернета вносит существенную лепту в выстраивании и совершенствовании коммуникативных связей между людьми.

В-четвертых, граждане Бурятии проявляют политическую пассивность, предпочитая больше интересоваться политическими событиями и новостями, чем принимать участие в деятельности политических партий, общественных организаций и социальных движений.

В-пятых, для населения Бурятии выражена определенная степень толерантности по отношению ко всем социально-незащищенным и маргинальным категориям населения. Но все же, по мнению участников исследования, алкоголики, бомжи и сексуальные меньшинства больше всего не воспринимаются окружающими.

В-шестых, для населения Бурятии характерна высокая степень религиозности, что связано с этнокультурными и религиозными традициями и обычаями народов, заселяющих регион, а также с процессами возрождения и развития религиозных институтов, появления новых культовых объектов для поклонения. Достаточно часто одни и те же люди, в зависимости от жизненной ситуации, могут обратиться за помощью и поддержкой как к представителям православной, так и буддийской и шаманской религий.

Выводы, полученные в результате исследования, позволяют подтвердить ранее выдвинутые предположения, согласно которым на региональном рынке труда сложилась напряженная обстановка, отмечается низкий уровень жизни более половины населения, наблюдается политическая пассивность населения. При оценке проводимых реформ в стране люди склонны выбирать нейтральные оценки, что не выиграли и не проиграли в результате проводимых в стране преобразований. Вместе с тем, отмечается высокая степень религиозности граждан, в качестве базовых ценностей отмечаются здоровье и материальное благополучие семьи, альтруизм и др. Идентифицируют себя жители республики в первую очередь, как граждане России, затем выдвигаются семейно-ролевые и гендерные статусы. Таким образом, несмотря на существующие неблагоприятные социально-экономические и политические условия и наличие интеграционных и дезинтеграционных процессов, население республики применяет различные адаптивные механизмы, сохраняя при этом этнорегиональные религиозные и ценностные установки.

Список литературы

1. Краткие сведения о Бурятии [Электронный ресурс] // Органы государственной власти Республики Бурятия. URL: http://egov-buryatia.ru/index.php?id=321 (Дата обращения: 31.10.2015).

2. Экономический барометр. Информация о социально-экономическом положении [Электронный ресурс] // http://www.economy.burnet.ru/2015/napravleniya-deyatelnosti/makroprognozirovanie/sepologenie.php (Дата обращения: 31.10.2015).

И.В. Батыков

ВЛИЯНИЕ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЗАВИСИМОСТИ ОТ АЛКОГОЛЯ И ТАБАКА: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ[36]

Аннотация. *В статье рассматривается схема анализа влияния трудовых отношений на формирование аддиктивного поведения. В качестве теоретической базы предлагается модель социальных норм Д. Коулмана. Эмпирическая схема основана на этапах описательного, корреляционного и причинно-следственного этапов анализа.*

Ключевые слова: *трудовые отношения, социализация, молодежь, социальные нормы, алкогольная зависимость, табачная зависимость.*

I.V. Batykov

THE INFLUENCE OF LABOR RELATIONS ON THE FORMATION OF DEPENDENCE ON ALCOHOL AND TOBACCO: THE THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF EMPIRICAL RESEARCH

Abstract*. The article deals with the scheme of the analysis of the influence of labor relations on the formation of addictive behavior. As a theoretical basis the model of social norms of D. Coleman is proposed. The empirical scheme is based on the stages of the descriptive, correlation and cause-and-effect analysis.*

Keywords: *labor relations, socialization, youth, social norms, alcohol dependence, tobacco dependence.*

Среди различных факторов социализации и формирования поведения человека трудовые отношения занимают особое место. Во-первых, трудно переоценить важность их роли в определении жизненного уклада. Даже если отказаться от марксистского представления об онтологическом статусе трудовых отношений в социальном мире, чисто бытовое их значение вполне очевидно для каждого. Во-вторых, трудовая сфера, в отличие от сферы семейной или образовательной, не организована вокруг ценностей развития человека. Какими бы позитивными не были модели менеджмента, но в любой организации сотрудники являются, прежде всего, исполняющими свои обязанности функциональными единицами. Таким образом, любой молодой человек, покидая институты социализации, которые были так или иначе направлены на защиту его интересов, входя в трудовую жизнь, сталкивается с не менее мощным институтом, который, с одной стороны, продолжает осуществлять социализацию, внедрять социальные нормы, с другой – оказывается заинтересован не только, и, по большому счету, не столько в защите интересов социализируемого индивида, сколько в его эксплуатации.

Очевидно, что описанная ситуация должна создавать весьма высокие риски интернализации деструктивных норм и развития нежелательных моделей поведения. И эта гипотеза, в целом, скорее подтверждается эмпирическими исследованиями. Так, раннее вовлечение молодежи в трудовую деятельность может приводить к снижению успеваемости, профессиональных и образовательных амбиций, развитию различных видов противоправного и девиантного поведения (курение, употребление алкоголя и наркотиков); ухудшение здоровья и психологического самочувствия и т.п. [4; 5]. Работающая молодежь и подростки склонны впадать в депрессивное состояние чаще, чем их неработающие сверстники [8; 9], чаще употребляют алкоголь и наркотики [7]. Причем связь между

[36]Доклад подготовлен в рамках реализации государственного задания Министерства образования № 28.1328.2017/ПЧ по проекту «Молодежь на рынке труда: стратегии профессионализации и занятости молодежной когорты в современном российском обществе»

занятостью и вредными привычками может объясняться как более высокими доходами, позволяющими подросткам приобретать спиртные напитки и марихуану, так и необходимостью снятия психологического и соматического стресса [6]. Развитие на рынке труда, ориентированного на молодые трудовые ресурсы сектора низкооплачиваемого обслуживания, может быть даже связано с повышением риска преступлений насильственного характера [2].

Такого рода значимые непреднамеренные последствия работы социальных институтов, безусловно, требуют усилий по корректировке, которые должны предваряться теоретическим осмыслением механизмов возникновения последствий и их эмпирическим исследованием. В качестве одного из вариантов концептуальной основы для исследования влияния трудовых отношений на возникновение негативных форм поведения мы предлагаем использовать модель социальных норм Дж. Коулмана. В своей работе «Основания социальной теории» он утверждает, что социальные нормы, определяющие, какие действия рассматриваются множеством индивидов как надлежащие или ненадлежащие [3, с. 242], имеют своим основанием передачу членами социальной группы прав контроля над собственными действиями коллективу [3, с. 58]. При этом каждый член сообщества получает возможность частично контролировать действия других, но и теряет часть контроля над собственным поведением, что и является обменом правами контроля. Этот механизм в малой группе (например, в трудовом коллективе) обеспечивается благодаря некоторым членам, которые видят, что соблюдение норм принесет выгоду, в то время как их нарушение – ущерб. Выгода же связана с тем, что нормы являются одной из форм ресурсов, которыми могут распоряжаться члены сообщества. В конечном итоге контроль, которым обладал каждый в отдельности, широко распространяется среди всех акторов, которые осуществляют этот контроль. Субъекты рассматриваются Коулманом с позиции максимизации полезности, которая возрастает благодаря частичной уступке прав контроля над собой и получению частичного контроля над другими. Поскольку передача контроля не является односторонней, то в случае с нормами равновесие не нарушается.

Одним из источников норм по Коулману является замкнутость социальных организаций [1, с. 129–130]. В «открытой» социальной структуре любой актор A, имея отношения с акторами B и C, может выполнять действия, которые оказывают отрицательное воздействие на B или C, или на обоих сразу. «Открытость» в данном случае означает, что B и C не взаимодействуют друг с другом, они не могут объединить свои усилия, чтобы противостоять A. Если B и C недостаточно мощны, чтобы противостоять A поодиночке, его действия могут продолжаться бесконечно. В замкнутой структуре B и C могут объединяться, чтобы совместно противостоять A или любой из них может уполномочить другого действовать против A и от его лица. Таким образом, согласно Коулману, нормы устанавливаются специально в качестве средств сокращения внешних воздействий, а выгоды от этого обычно получают те, кто ответственен за их установление. «Но возможность установления и функционирования эффективных норм зависит от характеристик социальной структуры (например, такой, как замкнутость), которую один актор контролировать не может, но тем не менее на нее влияют действия именно одного актора. Такие характеристики воздействуют на способность структуры поддерживать эффективные нормы и не влияют на решения отдельных лиц, воздействующих на них» [1, с. 137].

В связи с тем, что особенности социальной структуры налагают ограничения на передачу прав, эта передача не должна рассматриваться как элементарный социальный обмен по принципу «ты − мне, я − тебе», когда права играют роль денег, передаваемых из рук в руки по взаимному соглашению сторон. Взаимный контроль над поведением может осуществляться при помощи предоставления партнерами друг другу выгод или применения наказаний. Тогда он будет функционировать в соответствии с законами взаимодействия субъектов на свободном рынке. Однако включенность обоих партнеров в социальную структуру позволяет им использовать дополнительные ресурсы. Эти ресурсы заключаются в поддержке социальной нормы, предоставляемой со стороны общества. Права контроля в

таком случае передаются не непосредственному контрагенту, а социальной группе как надличностному образованию. Если дальше проводить аналогию прав с деньгами как средством обмена, то они сдаются всеми членами социальной группы в своеобразный «банк». При необходимости применения ресурса социальной нормы, любой субъект может обратиться к групповой поддержке, существенно превышающей по своему влиянию его личные возможности. В финансовых терминах это можно обозначить как «кредит» со стороны социальной структуры. Как и всякий кредит, он должен быть возвращен, и член группы, часто использующий социальные нормы для воздействия на окружающих, обычно сам оказывается под более мощным групповым давлением. Хорошей иллюстрацией этого является отношение общественного мнения к священникам, которые имеют право обличать грехи, но именно в силу этого должны более строго относиться к своей репутации. То, что прощается мирянам, часто не прощается священникам.

Итак, обмен правами контроля, благодаря которому устанавливаются социальные нормы, осуществляется опосредованно. Индивиды делегируют права контроля над собственным поведением обществу (сообществу, социальной группе), которое поддерживает норму, управляющую поведением индивидов. В случае отступления одного из индивидов от нормы, другой может прибегнуть к личным санкциям или использовать силу группового давления.

Каким же образом изложенная концепция может быть применена к объяснению формирования деструктивных социальных норм при вовлечении в трудовые отношения? Здесь необходимо отметить, что сам Дж. Коулман утверждает, что существование эффективной нормы создает некую форму социального капитала [1, с. 129]. Например, эффективные нормы, которые принимаются для борьбы с преступностью, позволяют людям свободно ходить ночью по городу или покидать свой дом, не опасаясь за свое имущество. Особенно важная форма социального капитала – норма, побуждающая каждого жертвовать своими интересами и действовать в интересах коллектива. Этот вид капитала, подкрепляемый социальной поддержкой, статусом, достоинством и другими качествами, представляет собой ресурс для воспитания молодого поколения, укрепления семьи путем бескорыстных действий ее членов, обеспечения развития социальных движений посредством небольших групп, ориентированных на взаимопомощь и взаимную поддержку. Иными словами, обмен правами контроля над поведением имплицитно связан с достижением общего блага, и потому, на первый взгляд, трудно приложим к объяснению возникновения социально нежелательного поведения. Однако это противоречие снимается, если мы отказываемся от неявного предположения о том, что общее благо равно сумме индивидуальных, и интересы социальной группы совпадают с интересами каждого из ее членов. Тогда становится вполне очевидным, что работник, отдающий права контроля над своим поведением трудовому коллективу, неизбежно сталкивается с риском того, что через надличностный механизм контроля его поведение будет формироваться коллегами, которые по тем или иным причинам хотят, чтобы он употреблял алкоголь и сигареты. Например, потому, что они сами являются носителями такой зависимости, или потому, что определенные групповые практики (например, «корпоративные вечеринки») служат инструментами неформального управления и т.п. Условно говоря, «плохие люди» могут осознанно или неосознанно использовать «хорошие институты» для внедрения «плохих норм» в своих интересах.

В таком случае гипотеза, теоретически выводимая из приложения концепции Коулмана к изучаемой нами проблеме, состоит в том, что основной причиной возникновения алкогольной и табачной зависимости под влиянием трудовых отношений является специфический социальный контроль со стороны активных носителей деструктивной нормы. В свете возможного подтверждения этой гипотезы достаточно ясными представляются и практические выводы. Для исключения трудовых отношений как фактора негативной социализации потребуется, прежде всего, разработка и реализация некоторой методики изоляции влияния активных носителей деструктивной нормы. Однако прежде необходимо

эмпирическое подтверждение высказанного предположения. Представляется, что оно должно пройти три обычных для социологического факта стадии:

1) описательного исследования;
2) корреляционного исследования;
3) причинно-следственного исследования.

На стадии описательного исследования необходимо определить, во-первых, реальную распространенность случаев возникновения алкогольной и табачной зависимости под влиянием трудового коллектива. Хотя априорно частота таких случаев должна быть достаточно высока (в силу «бытовых» соображений, приведенных в начале статьи), нельзя исключать ошибку здравого смысла и существование скрытых эффективных механизмов, предотвращающих развитие зависимости в указанной ситуации.

Корреляционный этап исследования должен показать, существует ли зависимость возникновения негативных норм от групповых структур, в частности, от наличия активных носителей этих норм. Само по себе наличие такой зависимости, конечно, еще не свидетельствует о причинно-следственных отношениях, так как оба явления могут быть результатом воздействия третьего фактора. Однако обнаружение предсказываемой гипотезой корреляции служит сильным аргументом в пользу гипотезы.

Наконец, получение причинно-следственных доказательств требует в том или ином виде экспериментального исследования. Представляется, что для изучения процессов, происходящих в трудовых коллективах, довольно ограниченной ценностью обладает лабораторный эксперимент, в ходе которого невозможно полноценно смоделировать сложные и длительные социальные отношения. Поэтому предпочтение должно быть отдано полевому эксперименту. Возможным его дизайном является «активное вмешательство», социальное воздействие, результат которого совпадает с теоретически предсказанным. Очевидно, таким вмешательством должно быть изменение социальной нормы в реально существующем трудовом коллективе.

Конечно, предложенная программа исследований является достаточно обширной, и ее реализация потребует долгого времени, однако положительный социальный эффект в случае ее удачного завершения окажется достаточно значительным, чтобы оправдать затраченные усилия.

Список литературы

1. Коулман Д. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. №3. С. 122–139.

2. Bellair P.E., Roscigno V.J. Local Labor-Market. Opportunity and Adolescent Delinquency // Social Forces. 2000. 78 (4). P. 1509–1538.

3. Coleman J. Foundations of Social Theory. Cambridge: Belknap. 1990.

4. Greenberger E., Steinberg L. When teenagers work. N.Y.: Basicbooks. 1986.

5. Kouvonen A., Lintonen T. Adolescent part-time work and heavy drinking in Finland // Addiction. 2002. 97 (3). P. 311–318.

6. Loughlin C., Barling J. Young workers'work values, attitudes, and behaviours // Journal of Occupational & Organizational Psychology. 2001. 74. (4). P. 543–558.

7. Mortimer J.T., Finch M.D., Ryu S., Shanahan M.J. & Call K.T. The Effects of Work Intensity on Adolescent Mental Health, Achievement, and Behavioral Adjustment: New Evidence from a Prospective Study // Child Development. 1996. 67 (3). P. 1243–1261.

8. Shanahan M., Finch M., Mortimer J. & Ryu S. Adolescent Work Experience and Depressive Affect // Social Psychology Quarterly. 1991. 54 (4). P. 299–317.

9. Steinberg L. & Dornbusch S. Negative Correlates of Part-Time Employment During Adolescence: Replication and Elaboration // Developmental Psychology. 1991. 27 (2). P. 304–313.

Л.А. Василенко

ПРИМЕНЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ВИРТУАЛЬНОГО СИТУАЦИОННОГО ЦЕНТРА В УПРАВЛЕНИИ РАЗВИТИЕМ РЕГИОНОВ

Аннотация. *Обсуждается создание общественного виртуального ситуационного центра как комплекса информационных технологий для творческой интеграции социологического сообщества в подготовке государственно значимых управленческих решений, их реализации и участия в общественном контроле. Обращается внимание на методологическую основу их взаимодействия – кроссдисциплинарный синтез знаний, фрактально-эволюционная теория естественного упорядочения, которые обусловливают настройку общих «правил игры» и принципов коллективно формировать некий образ идеального, но вполне достижимого будущего (фрактала) как ценностного ядра управляемого объекта.*

Обсуждается применение современных управленческих технологий коллективного творчества – краудсорсинг, интерактивные технологии дистанционного взаимодействия групп экспертов в социальных сетях, блогах, мобильные программы (WhatsApp или его аналоги), аналитические комплексы, в том числе программы моделирования и прогнозирования, ГИСы, интерактивные средства проведения социологических исследований (интернет-опросы, системы интернет-голосования с автоматическим формированием массивов данных и средств поддержки их аналитического анализа) и коллективной подготовки докладов и аналитических записок, презентаций (google-таблицы, программы визуализации вариантов решений, Вики-технологии с закреплением авторства). Немаловажным является интегрированность виртуального ситуационного центра с инструментами «Открытого правительства», позволяющего органам власти рассматривать и использовать полученные результаты и предлагаемые решения.

Ключевые слова: *социология управления, ситуационные центры, кроссдисциплинарность, фрактал, краудсорсинг, интерактивные технологии коллективного взаимодействия экспертов, общественный контроль, культура открытого управления.*

L.A. Vasilenko

APPLICATION OF THE PUBLIC VIRTUAL SITUATION CENTER IN THE MANAGEMENT OF THE REGION DEVELOPMENT

Abstract*. The authors discuss the creation of a public virtual situation center – a complex of information technologies for the creative integration of the scientific community in the preparation of management decisions and participation in public control. The authors draw attention to the methodology of interaction between participants - the cross-disciplinary universal synthesis of knowledge, the fractal-evolutionary theory of natural ordering, which determine the adjustment of the general «rules of the game« and the principles for the collective creation of the image of the future (fractal).*

The authors suggest the use of modern collective management technologies in the virtual situational center, including crowdsourcing, interactive technologies for remote interaction of groups of experts in social networks, blogs, mobile programs (WhatsApp or its analogues), analytical complexes, modeling and forecasting programs, GIS, interactive tools conducting sociological surveys (Internet polls, Internet voting systems with automatic formation of data sets and means of support and their analytica) and collective analytical reports, presentations (google-table, visualization program, Wiki technology). The authors speak about the importance of integrating the virtual situation center with the tools of the «Open Government».

Keywords: *sociology of governance, situational centers, cross-disciplinary, fractal, crowdsourcing, interactive technologies of collective interaction of experts, public control, culture of open governance.*

Россия, как и многие страны мира вступила в новый этап общественного развития. Происходит переоценка многих истин, ранее казавшихся незыблемыми. Российская наука, наконец, признала, что развитие общества не является предопределенным, заранее заданным. А.В. Тихонов предполагает, что истоки существующих в современной России проблем в управлении в том, что поиск резервов модернизации системы управления в стране происходит «на основе индустриальной парадигмы, не соответствующей современному движению страны к постиндустриальным ценностям и новым культурным образцам социальной организации» [16, с. 43]. Неравновесность становится постоянным атрибутом современного социального порядка в силу вступления в информационную эпоху, когда скорость порождения новых знаний более высока, чем скорость их освоения. Базируясь на теории модернизации, У. Бек обосновывает процесс перехода к эпохе рисков как объективной исторической необходимости, выдвигая идею о необходимости перехода к такой организации общества, в котором действуют механизмы самотрасформации, основанные на самокритичности, эффективном социальном управлении и общественном контроле [1]. Н. Луман подчеркивает, что современные общества сталкиваются с нарастанием все большего количества рисков по двум причинам:

- новые знания создают риск идентификации все большего количества негативных последствий сегодняшних решений;
- структурная дифференциация создает все больше уровней принятия решений, что, в свою очередь, усиливает вероятность появления решений с негативными последствиями (рассеивание ответственности за принятое решение) [15, с. 74].

Этим определяется востребованность коллективного разума экспертов различных регионов России (ученые, специалисты различных профессий, организаторы, государственные деятели) и механизма эффективной общественной экспертизы с целью своевременного «уравновешивания» системы, который позволял бы развивать общество, трансформировать социальный порядок, не допуская социальных взрывов. Одной из форм организации интеллекта общественных независимых экспертов выступает виртуальный ситуационный центр, представляющий собой совокупность виртуальных рабочих мест для аналитиков (независимых экспертов), взаимодействующих при необходимости с представителями органов власти в процессе подготовки решений сложных социальных проблем. Главное – использовать потенциал гражданского общества в лице научных сообществ и аналитиков некоммерческого сектора, поставить всех участников процесса общественного анализа в относительно равные условия, наделив их статусом социальных акторов, субъектов оценки риска и решений, с ним связанных, в отличие от пассивных «воспринимателей» риска. Отметим, что некоторый «всплеск» использования ситуационных центров в государственном управлении приходится на период реализации четырех приоритетных национальных проектов «Здоровье», «Образование», «Доступное и комфортное жилье – гражданам России» и «Развитие АПК». Сегодня же созданная система распределенных ситуационных центров органов государственной власти практически не востребована в силу трудности освоения этих технологий и недостаточной подготовленности руководителей высшего уровня.

Изменение парадигмы взаимодействия участников подготовки управленческих решений является одним из ведущих условий формирования рынка конкурентоспособных интеллектуальных продуктов, достижения сбалансированности интересов участников интеллектуальных креативных процессов. Продуктивное использование столь мощной коммуникационной инфраструктуры и совокупность информационно-аналитических комплексов, обеспечение высокого качества экспертной деятельности может быть достигнуто за счет создания условий, направленных на добровольное принятие «общих правил игры», включая регламентацию процедур принятия квалифицированных экспертов в состав

экспертного сообщества, разработки квалификационных требований к экспертам, регламентацию проведения их общественной аттестации на основе официального рассмотрения представленных экспертных материалов или проведения квалификационного собеседования, направленного на подтверждение профессионализма.

Из участников созданной гражданской экспертной сети станет возможным комплектование эффективных официальных рабочих групп экспертов (выполняющих работу по договору), заинтересованных поддерживать высокий уровень своей квалификации, а также соблюдающих принятые экспертным сообществом этические нормы. Сетевая среда необходима в связи с невозможностью объединить всех заинтересованных общественных экспертов и участников проекта в одном помещении. В связи с большой протяженностью страны наиболее оптимально создание специальной виртуальной сети общественных экспертов и разработка «правил игры», т.е. правил взаимодействий, поведения участников коммуникационного экспертного пространства. Развитие информационных и коммуникационных технологий в рамках синергийного комплекса технологий открытого правительства позволит на государственном уровне создать общественную систему виртуальных ситуационных центров, предназначенную для включения потенциала гражданского экспертного сообщества в социально-экономическое развитие страны.

В то же время участниками гражданской экспертной сети могут быть все желающие (а не только те, кто «допущен» к инновациям с соответствующей оплатой!) – государственные, коммерческие и некоммерческие организации. Особенно важно сохранять и поддерживать открытость данного процесса и предусмотреть возможность принятия и рассмотрения экспертных заключений и замечаний от всех граждан, не являющихся сертифицированными членами экспертного сообщества. В составе виртуального ситуационного центра предлагаются следующие компоненты:

− организация и форматы работы общественных экспертов с использованием технологий коллективного творчества, краудсорсинга и краудфандинга;

− использование ГИС-технологий, интеграция информационных ресурсов и для использования экспертами Виртуального ситуационного центра;

− социологический виртуальный центр с использованием интернет-опросов, социологических флешмобов и других методов социологических исследований с автоматическим получением массива данных и средствами интерактивного их анализа, инструментами анализа текстов социальных медиа;

− сетевые комплексы интерактивного моделирования и прогнозирования, коллективного построения распределенных компьютерных моделей с опорой на технологии интеллектуального конвейера мобильных интеллектуальных групп;

− технологии трендспоттинга (обнаружение «ловля» тенденций), мониторинга информационного потока, обнаружение трендов, анализ их динамики и возможного развития, тренд-маппинг (карты трендов), кроссдисциплинарные инструменты: аллоцирование трендов, распределение; определение веса тенденции – менеджмента, построение схем, диаграмм, графиков и т.п.[37];

− технологии подготовки коллективных отчетов, Google-файлы, таблицы, ВИКИ-доклады;

− подготовка презентаций, средства визуализации, многоэкранные форматы представления вариантов управленческих решений;

− включение ресурса в состав Открытого Правительства.

Объединение в сеть реально существующих учебных ситуационных центров вузов России наиболее продуктивен. В них уже имеются подготовленные эксперты, нарабатывается опыт обучения и взаимодействия с различными структурами – ситуационными центрами органов власти и ситуационными комнатами бизнес-структур,

[37] См.: What's Next («Что дальше?») снабжает их футурологическими отчетами. URL: Trendhunter.com или Trendspotting.com (Дата обращения: 10.09.2017.)

центрами стратегической информации. Выделим этапы работы гражданского сообщества в виртуальном ситуационном центре.

Этап 1. Выявление социальных проблем или детализация проблемы, подлежащей коллективному переосмыслению. Сбор информации о событиях большим числом людей и их размещение в сетевой среде (с указанием авторства и контрактных данных эксперта с помощью интернет-технологий.

Этап 2. Применение трендспоттинга, т.е. проведение отбора, агрегации, анализа, осмысления событий с использованием инструментов по представлению разных точек зрения на происходящие события и факты с целью снятия идеологического влияния на освещение событий, либо четкого обозначения этого влияния. Это позволяет извлекать знания и информацию большого числа людей («коллективный разум»), собирать и объединять пользовательский контент в виде видео, фото, текста. Информация, полученная от гражданских экспертов первого уровня, далее обобщается, анализируется, проверяется, а затем формулируется цель и формализация постановки задач.

Этап 3. Отобранные из состава участников второго этапа три-пять групп специалистов приступают к реализации сформулированной и поставленной задачи. При необходимости формулируется задание группе по проведению социологических исследований с использованием возможностей той же сетевой среды.

Этап 4. Проведение социологических исследований с использованием самозагружающегося Web-опросника, например, Surveymonkey.com, Anketolog.ru, Testograf.ru, Webanketa.ru, Survio.com. Более полно проведение анкетного онлайн-опроса автоматизируют системы Anketolog.ru, Testograf.ru и Survio.com, имеют возможность создать панель респондентов, реализовать их отбор по заданным параметрам. Другой способ встраивания онлайн-опроса в систему принятия управленческого решения – *петиции,* на федеральном уровне создана система *«Российская общественная инициатива*» – коллективное обращение граждан в органы власти с предложением принять определенное решение или нормативный акт (как правило, с приложением проекта). Петиция содержит компонент электронного голосования в виде сбора подписей и возможностью сформулировать аргумент поддержки. Количество подписей граждан с указанием их местожительства (возможно, и других данных) отображается интерактивно [13, с. 33].

Феномен социологического флешмоба относительно новый («flash» (англ) – миг, вспышка и «mob» (англ) – толпа, что означает «мгновенная толпа»), известный с 2002 г. из работы американского социолога Говарда Рейнгольда, который использует понятие *smartmob* (англ. «умная толпа»), понимая под этим «своеобразную форму самоструктурирующейся социальной организации с использования коммуникационных технологий» [14]. Социологический флешмоб построен на массовом социологическом действии как культурной массовой акции (опроса, интервью, серии кейс-стади и др.) в ситуации недостатка средств на проведение масштабных социологических исследований [4, с. 457].

Блогосфера и социальные медиа являются кладезью социологической информации. Опыт их исследования стал обширным. В 2012 г. защищена диссертация «Управленческие взаимодействия в социоинформационной блогосфере» [17], комплексный подход к исследованию блогосферы представлен в работе Л.А. Василенко, начиная с формирования подходов к комплектованию информационной базы, на основе сервисных возможностей блого-среды (данных интернет-статистики частоты посещений блогов постоянных пользователей и гостей, уровня их активности в комментариях, анализа тематики общения), выявляя зоны активности, привлекающие наибольшее число участников и оценивая социальную базу исследования. На втором этапе сосредоточивается внимание на разработке инструментария и сборе социологических данных [5, с. 47]. Известны социологические работы в области исследования коммуникативного поля управления российской исследовательницы В. Шиловой [18] и др.

Этап 5. Анализ информации, интерактивное моделирование и прогнозирование с оценкой рисков и последствий. На основе полученных моделей производится генерация новых идей. Риски инновационного управленческого решения могут оцениваться с точки зрения порождаемых непредусмотренных последствий (по Э. Морену) [8]. Отношение к риску определяется прежде всего осознанием возможности влияния в рисковой ситуации с построением правильной системы «отношения к риску» (коммуникативный подход к риску Н. Лумана) [12].

И наконец, еще более продуктивно – оценка возможности вмешиваться в процесс конструирования сложных социальных структур из относительно простых в процесс их коэволюции, совместного и устойчивого развития. Выгодно развиваться вместе, это приводит к экономии вещественных, энергетических, духовных затрат. Принципы коэволюции могут использоваться для эффективной управленческой деятельности, для стратегического видения будущего и планирования на долгосрочную историческую перспективу, для выработки разумной национальной и государственной политики в глобализирующемся мире [8].

Этап 6. Подготовка коллективного доклада с использованием соответствующих средств – google-таблицы, программы визуализации вариантов решений, Вики-технологии или технологий альтернативных вариантов, применяемая в ООН в процессе отчета стран о выполнении ими ратифицированных международных конвенций.

Этап 7. Публичное обсуждение альтернативных докладов, размещенных в сетевой среде с возможностью перепроверки качества аналитики, моделирования, предложенных обоснований.

Этап 8. Виртуальные общественные слушания для выработки коллективного варианта решения с использованием технологий согласования и посредничества [7]. Социально ориентированная процедура согласования результатов экспертиз может проходить в процессе виртуальных общественных слушаний по заранее разработанному сценарию. Для этого применяется некоторое формализованное представление результатов экспертизы, чтобы иметь возможность сравнивать позиции и выявлять суть расхождений экспертных мнений. Такая формализация даст основания выработки согласованных конкурирующими сторонами индикаторов и критериев оценки представляемых материалов общественной экспертизы. Разработка средств их визуализации позволит задействовать оборудование ситуационного центра (например, видеостену, средства визуализации) и транслировать эти материалы в виртуальной сети экспертного сообщества.

Этап 9. Построение диалога с представителем Открытого правительства и Общественной палаты для передачи результата в органы власти и организации последующего сопровождения данного процесса.

Этап 10. Представление итогового результата в сетевой среде. Публичное оформление благодарностей особо отличившимся участникам на всех этапах, оплата работы участников, с кем был заключен договор. Публикация материалов в научно-исследовательских журналах и сетевых ресурсах, регистрация исследования в соответствующих базах данных.

Список литературы

1. Бек У. Общество риска на пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.

2. Богатых Б.А. Фрактальность и теория функциональных систем // Нелинейный мир. 2008. Т. 6. № 9. С. 491–499.

3. Василенко Л.А. Социология в государственном управлении: применение интернет-исследований // Материалы V Всероссийского социологического конгресса «Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость». 19–21 октября 2016 г. Екатеринбург. М.: РОС, 2016. С. 8520–8530.

4. Василенко Л.А. Фрактальный подход к формированию научного и образовательного пространства ЕАЭС // Управленческое консультирование». 2016. № 11. С. 50-56

5. Василенко Л.А., Миронова Н.И. Социальная несправедливость: методология социологического измерения и интерпретации // Государственная служба. 2012. Т. 1. № 1. С. 47–53.

6. Василенко Л.А., Колесникова Л.А., Писклакова-Паркер М.П. Применение концепции фрактальности к исследованиям деструктивных процессов методами клинической социологии // Человеческий капитал. 2012. № 9. С. 62–67.

7. Инновационные технологии проведения общественной экспертизы государственно значимых решений и общественных слушаний с применением «высоких» информационных технологий / [Василенко Л.А. и др.] Под общ. ред. Л. Василенко, Т. Сафоновой. Сер. Инновационные социальные технологии. М.: Проспект, 2010. 376 с.

8. Проекты будущего: междисциплинарный подход // Материалы Международного форума 16–19 октября 2006 г. г. Звенигород. М.: Когито-Центр, 232 с.

9. Колесникова Л.А., Степанов А.К. Достижения современной эволюционной теории как естественнонаучная основа исследований инновационных процессов в экономике и обществе // Социология. Естествознание. Общество: сб. науч. статей и мат-лов Всеросс. науч. конф. «Социология и естествознание: междисциплинарные подходы к изучению социальной реальности» (12–13 декабря 2014 г., Москва) / Под общ. ред. Н.Е. Покровского. М.: РОО «Сообщество профессиональных социологов»; ООО «Вариант», 2014. С. 18–24.

10. Корнилович В.А. Об использовании прогностических возможностей социологического знания в решении задач стратегического развития российского общества // Гуманитарные науки. Вестник финансового университета. 2016. № 3(23). С. 18–23.

11. Корнилович В.А., Гайдт А.Ю. «Власть» и «управление» как категории социально-политического знания // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 1. С. 20–25.

12. Проблемы теоретической социологии. Межвуз. Сб. Вып. 3. / Отв. ред. А.О. Бороноев. СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. 312 с.

13. Модели диалога власти и общества в интернет-коммуникациях: Метод. пос. / [Л.А. Василенко и др.]; Под общ. ред. Л. Василенко, Е. Тарасовой. М.: Проспект, 2015. 160 с.

14. Рейнгольд Г. Умная толпа: Новая социальная революция. М.: Фаир-пресс, 2006. 416 с.

15. Риск в социальном пространстве / Под. ред. А.В. Мозговой. М.: Ин-т социологии РАН, 2001. 348 с.

16. Тихонов А.В. Теоретико-методологические основы социологии управления как отраслевой научной дисциплины. Дисс. … д-ра социол. наук. М.: 2000.

17. Шамыкина В.М. Управленческие взаимодействия в социоинформационной блогосфере. Дисс. ... канд. социол. наук. М.: 2012.

18. Шилова В.А. Коммуникативное поле управления: теория, методология, практика. М.: Лотос, 2015. 204 с.

19. Юхно И.В. Флешмоб как современная стратегия политического участия [Электронный ресурс] // SCI-ARTICLE.RU. 2014. № 13. URL: http://sci-article.ru/stat.php?i=1411737914 (Дата обращения: 23.04.2017).

Ю.В. Голиусова

ПРЕКАРНАЯ ЗАНЯТОСТЬ МОЛОДЕЖИ: К МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ВОПРОСА[38]

Аннотация. *В последние годы в условиях глобализации и перманентного экономического кризиса возникла новая стратификационная группа – прекариат. Гетерогенность прекариата не может не влиять на формирование молодежного прекариата как особой группы в социальной структуре российского общества.*

Ключевые слова: *прекарная занятость, прекариат, молодежь, стратификационная группа, наемный работник.*

Yu.V. Goliusova

PRECARIOUS EMPLOYMENT OF YOUTH: TO METHODOLOGY OF QUESTION RESEARCH

Abstract. *In recent years in the conditions of globalization and a permanent economic crisis there was a new stratification group – precariat. The heterogeneity of the precariat can't but influence formation of the youth precariat as special group in social structure of the Russian society.*

Keywords: *precarious employment, precariat, youth, stratification group, hired worker.*

Основой любой экономики в современном мире является наемный работник. В последние годы в условиях глобализации и перманентного экономического кризиса возникла новая стратификационная группа – прекариат. В целом, гетерогенность прекариата как представителей группы наемных работников не может не влиять на формирование молодежного прекариата как особой группы в социальной структуре российского общества.

Понятие «нестабильной занятости» (прекариат) было введено в научный оборот профессором социологии Мюнхенского университета У. Беком [1, с. 90]. Под прекариатом Бек понимал и неустойчивую, непостоянную занятость, и людей, которым навязана такая форма занятости. Связано это понятие было с обществом риска, где какие-либо гарантии исчезают под влиянием зарождающегося постмодерна и глобализации.

Р. Кастель связывал возникновение прекариата с процессами глобализации экономики. В своей работе «Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда» он говорит, что, если раньше нестабильность наемного труда затрагивала в наибольшей степени «бесполезных миру» (бродяг, люмпенов и т.п.), то теперь уязвимыми оказались «непригодные к найму» («ненанимаемые», «нанимаемые на зыбких условиях», «лишние»), то есть те, кто составляет ядро наемных работников в противовес собственникам [4, с. 13].

П. Бурдье в своей работе «Contre-feux» (1998) определил прекариат как нестабильный незащищенный социальный слой. «Прекаризация сейчас повсюду»,—говорил он в своей книге [5, с. 96].

По данным немецкого исследователя, профессора Йенского университета К. Дерре, «каждый третий работающий по найму в Германии находится в состоянии подвешенного или текучего прекариата» [6, с. 22]. Причины этого состояния кроются в восприятии социального неравенства. Большинство опрошенных в Германии (61%) считают, что больше нет середины, а только высшие слои и низшие.

Международная организация труда рассматривала прекаризацию в рамках распространения гибких форм занятости в противовес системной безработице и долгое время не признавала наличие проблем в этой сфере. Однако 4–7 октября 2011 г. МОТ был

[38] Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания № 8.1328.2017/ПЧ по проекту «Молодежь на рынке труда: стратегии профессионализации и занятости молодежной когорты в современном российском обществе

организован симпозиум по проблемам прекаризированной занятости и сам термин «прекаризация» был введен в оборот [7, с. 2]. Целью симпозиума было: анализ экономических факторов, поддерживающих нестабильную занятость; выявление пробелов и недостатков в законодательстве, которые способствуют распространению нестабильной занятости; рассмотрение связи между правами профсоюзов и нестабильной занятостью; обмен мнениями по стратегии и подходам к борьбе с прекаризированной занятостью; определение основных направлений вмешательства в политику нестандартной занятости, как на национальном, так и на международном уровне; разработка общей программы по борьбе с прекаризацией [7, с. 4].

Согласно определению МОТ, прекаризированной считается занятость в формальной или неформальной экономике, для которой характерны в той или иной степени объективные характеристики (правовой статус) и субъективные (чувства) неопределенности и ненадежности. Нестандартная занятость, как правило, определяется через неопределенность продолжительности занятости и количества работодателей, отсутствие доступа к социальной защите и льготам, наличие юридических и практических препятствий вступления в профсоюз.

Прекариат объединяет в своих рядах несколько стратификационных групп, имеющих одну общую черту – нестабильный статус и отсутствие социальных гарантий. Так, к прекариям можно отнести и работающих по временному трудовому или гражданско-правовому договорам, и работающих без какого-либо оформления трудовых отношений, и сезонных работников, и молодых специалистов-стажеров, в большинстве – выпускников вузов.

В российской социологической практике часть прекариата можно операционализировать через официально оформленную полную занятость по трудовому договору по основному месту работы. Конечно, этот критерий выделения не является единственным, но его достоверность не может быть подвергнута сомнению, так как официальная статистика фиксирует этот показатель.

Неоднозначная ситуация в системе образования не может не отразиться на молодежи с высшим образованием как особой ресурсной социальной группе. Помимо «удачных» и «хорошо устроенных», появляются группы «лишенных» и «нестабильных». Многие выпускники вузов пополняют ряды *прекариата* – нестабильно занятого, депривированного слоя в социальной структуре российского общества.

По данным Росстата, среди занятого населения России 20–29-летние специалисты с высшим образованием составляют 7,8%. 9,6% безработных – это молодые специалисты в возрасте 20–29 лет с высшим образованием. Среди безработных с высшим образованием доля молодых специалистов составляет 48,6%, то есть около половины. Среди молодых специалистов с высшим образованием доля безработных составляет 6,8%. Это цифры неутешительной для современного российского рынка труда статистики.

Среди выпускников вузов, по данным исследования, проведенного порталом «Career» в начале 2016 г., самой популярной вакансией является оператор ПК (7,2% всех вакансий по России), далее следуют менеджер по работе с клиентами (3,7%), оператор call-центра (3,3%), оператор интернет-магазина (2,6%), наборщик текста (2,2%). В среднем в первом полугодии 2016 г. в России на одну вакантную должность претендовали 9 молодых специалистов. На рынке труда наиболее активно ищут соискателей рознично-торговые организации (28% вакансий). Растет доля вакансий, размещенных компаниями, занимающимися непищевыми товарами народного потребления, строительством, гостиницами и телекоммуникациями. В 2015 г. чаще всего в вакансиях для молодых специалистов встречалось требование по наличию экономического образования – 41% всех российских вакансий. Почти четверть вакансий подразумевали техническое образование. В 9% вакансий встречалось юридическое образование. За год уменьшилась доля вакансий с экономическим образованием, а вот доля вакансий с техническим, юридическим и медицинским образованием увеличилась. Наиболее распространенными требованиями к молодым соискателям были навыки продаж (19,5%),

грамотная устная речь (17,3%) и презентационные навыки (14,2%). Таким образом, выпускники вузов вынуждены трудиться на позициях, которые не предполагают наличие высшего профессионального образования, ведь от них не требуется специальных навыков. Это может привести в депрофессионализации молодого специалиста, который на старте карьеры не востребован как представитель профессии, которой он обучался в высшем учебном заведении. В университетах не приобретаются навыки продаж и грамотной устной речи.

Что касается личных качеств, которые необходимы, с точки зрения работодателя, то молодой специалист в России должен быть ответственным (28,1% вакансий за последний год), стрессоустойчивым (24,9%) и целеустремленным (24,8%). Также ценится аккуратность (22,3%) и лидерские качества (20,6%).

Предлагаемый уровень оплаты труда молодого специалиста в первом полугодии 2016 г. в Москве составил 30 тыс. рублей. В регионах зарплаты ниже, как правило, не менее чем на 30%. Ближе всего к московскому уровню находятся зарплаты в Санкт-Петербурге и Сочи: там они лишь на 17% ниже. Самые высокие зарплаты у разработчиков программного обеспечения, самые низкие – у менеджеров по обслуживанию клиентов.

Многие из представителей молодежного прекариата рассматривают свой статус как временный, надеясь перейти на позиции, соответствующие их уровню образования. Однако их страх потерять даже временную работу достаточно велик. По данным онлайн-опроса компании Head Hunter, проведенного в период с 20 июня по 20 июля 2016 г. среди 577 молодых специалистов, 11% респондентов боятся потерять работу, 14% не знают, каковы их позиции, 75% уверены и скорее уверены в стабильности своего статуса. Если учесть, что, скорее всего, затруднившиеся ответить тоже испытывают неуверенность в завтрашнем дне, то получается, что четверть ответивших на вопрос молодых специалистов находятся в нестабильном статусе. Подтверждением этому служит тот факт, что 71% ответивших считает, что найти работу по их специальности скорее сложно или очень сложно, а 15% не определились с мнением. Только 13% говорят о том, что в их профессиональной области найти работу просто или скорее несложно. 51% молодых специалистов согласны снизить зарплатные ожидания ради сохранения рабочего места. Следует отметить, что опрос проводился именно с соискателями, которые ищут работу. Следовательно, их положение диктует им такого рода покладистое поведение.

Таким образом, приходится констатировать факт, что молодые специалисты с высшим образованием попадают в условия рынка труда, когда их знания, умения и навыки никоим образом не способствуют приобретению стабильного социального статуса. Они остаются в ситуации нестабильности и риска, воспринимая ее как временную, но, одновременно, понимая, что, не изменив своего восприятия этой ситуации, не пойдя на уступки, они не изменят кардинально свой статус. «Нет ничего более постоянного, чем временное», – говорил Козьма Прутков. И это мы наблюдаем, когда видим молодого специалиста с высшим образованием, работающего в call-центре оператором или продавцом в магазине бытовой техники, типичного представителя молодежного прекариата.

С сожалением следует отметить, что наличие высшего образования не гарантирует стабильного места работы по выбранной специальности с желаемым уровнем оплаты труда. Необходимость перемен в области консенсусного развития системы образования и рынка труда очевидна и ждет своей актуализации, а возникшие проблемы – своего решения [3].

Таким образом, методология выделения прекариата в России и на Западе различается, поскольку правовая система у нас различна. В странах Западной Европы гибкие формы занятости пропагандируются достаточно длительное время как альтернатива безработице. В России же прекарная занятость часто ассоциируется с депривацией, а не с панацеей от проблем системной безработицы. Еще сложнее дело обстоит с выделением молодежной прекарной занятости, поскольку среди молодежи можно выделить несколько прекаризированных групп, которые имеют различный социальный статус: выпускники школ на рынке труда имеют разные шансы с выпускниками вузов или профессиональных учебных

заведений, поэтому следует рассматривать молодежный прекариат во всем его многообразии.

Список литературы

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.

2. Голенкова З.Т., Голиусова Ю.В. Новые социальные группы в современных стратификационных системах глобального общества // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 3. С. 5–15.

3. Голиусова Ю.В., Иващенкова Н.В. Избыточное образование в России: социально-экономические последствия // Теория и практика общественного развития. 2014. №18. С. 19–25.

4. Кастель Р. Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда / Роберт Кастель; пер. с фр. [Н. А. Шматко, О. И. Кирчик, Ю. В. Маркова]; общ. ред. пер. Н.А. Шматко. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб: Алетейя, 2009. 574 с.

5. Bourdieu P. Contre-feux. Vol 1. Paris: Raisonsd'agir. 1998.

6. Dörre K. Entstehteine neue Unterschicht? Anmerkungen zur sozialen Frage in die Politik // Working Papers: Economic Sociology. Germany. Jena. 2007. № 1.

7. Politiques et règlementation visant à lutter contre l'emploi précaire [Электронный ресурс] // Международная конференция труда. URL:http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_dialogue/---actrav/documents/meetingdocument/wcms_164287.pdf (Дата обращения: 10.08.2017).

Е.В. Гольцова

ФАКТОРЫ И ВЕКТОРЫ МИГРАЦИИ МОЛОДЕЖИ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

Статья подготовлена поддержке РФФИ, грант № 15-06-08543

Аннотация. *Проблема оттока молодежи из сибирских регионов требует изучения в контексте глобальных и локальных процессов. Миграции молодежи мотивируются различными средовыми факторами, которые выявлены и оценены с позиции социально-экологического подхода. На основании исследования, проведенного в рамках гранта РФФИ «Социально-средовые факторы детерминации демографического поведения молодежи», автором представлено видение проблемы оттока молодежи из Сибири, ее основных тенденций и векторов, на примере Иркутской области.*

Ключевые слова: *социальная среда, потребности человека, мотивации, миграция миграционное поведение молодежи.*

E.V. Goltsova

FACTORS AND VECTORS OF MIGRATION OF YOUTH IN IRKUTSK REGION

This research was supported by the Russian Foundation for Basic Research via grant № 15-06-08543 for project Socioenvironmental factors determining the demographic behaviour of young people

Abstract. *The problem of outflow of young people from the Siberian regions requires study in the context of global and local processes. The migration of young people are motivated by different environmental factors, identified and evaluated from the perspective of social-ecological approach. Based on the research conducted in the framework of the RFBR grant «Socio-environmental factors determining the demographic behaviour of young people», the author presents a vision of the problem of outflow of young people from Siberia, its major trends and vectors on the example of Irkutsk region.*

Keywords: *socioenvironmental factors, human needs, motivation, migration, young people migratory behaviour.*

Общетеоретические рамки нашего исследования составляет экологический подход к изучению детерминации демографического поведения факторами социальной среды. Согласно этому подходу, человек и семья представляют собой социальные организмы, развивающиеся в условиях конкретной, исторически формирующейся социальной среды. Выбор данного подхода позволяет рассматривать демографическое поведение как производную от взаимодействия между человеком и его социальной средой. Основные положения данного подхода изложены в монографии «Демографическое поведение населения в условиях современной социальной среды», опубликованной в 2013 году [1, с. 64-65].

Человеку свойственно искать более благоприятную среду для жизни. Особенно, человеку свободному или освобождающемуся от регламентирующего влияния государства и его институтов. С этим свойством связаны многие миграционные перемещения населения в разные периоды истории. В советском периоде миграции населения в основном организовывались (на народно-хозяйственные стройки) или разрешались (на учебу) государством. В период распада Советского союза регулируемые миграции стали стремительно сокращаться в пользу «не регулируемых». Появились такие формы миграции, как «челночество», «новое отходничество», а также обычная эмиграция в ближнее и дальнее зарубежье. Челночество сокращалось по мере развития торгового бизнеса внутри страны и постепенно сошло на нет, в то время как «новое отходничество» продолжает существовать в виде особой формы сезонно-вахтовой миграции.

Иркутская область – регион, занимающий 767,9 тыс. кв. км, или 4,6% территории России, в котором проживает 2,4 млн чел., или 1,6% от населения страны. В области насчитывается 33 района, 14 городов областного подчинения, 8 городов районного подчинения, 54 поселков городского типа, 365 сельских администраций, 1489 сельских населенных пунктов [4, с. 69]. Отличие Иркутской области от других регионов Сибири состоит в том, что из нее наблюдается самый большой суммарный отток населения в направлении крупных мегаполисов, западных регионов страны, а также в зарубежные страны. Миграционная убыль региона в 2001–2010 гг. составила 135,4 тыс. человек [6, с. 9]. Область частично компенсирует миграционные потери за счет северных и восточных регионов, однако, суммарный отток молодежи в течение последних пяти лет составлял 28–31 [5].

Отъезд молодежи из региона не прекращается, а постоянно воспроизводится, не только благодаря «свободе» граждан, но и в связи с опустением населенных пунктов и объективным ухудшением общей среды обитания. Современные молодые люди уезжают из региона не по «разнарядке сверху», а по личным мотивам, связанным с удовлетворением личных потребностей. В последние десятилетия в Иркутской области произошла заметная деградация поселенческой среды: разрушились экономическая и социальная инфраструктура, с карты региона исчезли целые населенные пункты [2, с. 197].

Современная поселенческая среда Иркутской области высоко урбанизирована, поскольку в городах и поселках городского типа проживает 79,4% населения региона. На сельские поселения приходится всего 20,6% населения [1, с. 110]. Сельское поселение−это один или несколько соединенных совместной землей сельских населенных пунктов, управляемых органом местного самоуправления, а также межселенные территории, включающие наиболее мелкие населенные пункты, находящиеся под прямым управлением непосредственно глав районных администраций. Межселенные территории стали приметой времени уже в «нулевых» годах и количество их постепенно увеличивается. По итогам Всероссийской переписи населения 2010 г., в Иркутской области было 20 межселенных территорий [1, с. 111].

Среди факторов миграционной мотивации мы выделяем внешние (объективные) и внутренние (субъективные). К первой группе можно отнести: экономические, социальные, политические, культурные, экологические и идеологические, то есть, факторы окружающих его социально-экономической, политической, экологической и культурной сред. В группе субъективных факторов объединены стремление к самореализации, погоня за модой, престижем и т.д.

В результате исследования, проведенного нами в 2015–2016 гг. в Иркутской области, было установлено, что доминирующим фактором мотивации к отъезду является несоответствие потребностям молодежи трудовой составляющей социальной среды, проявляющееся в отсутствие перспектив с работой. На втором месте – неблагоприятная экономическая составляющая с низким уровнем дохода, на третьем месте – политическая составляющая. Противоположный, демотивирующий эффект дают информационная, образовательная и культурно-нравственная составляющие социальной среды, которые включают крупные вузы региона, а также развитую сеть культурных и медийно-коммуникационных организаций [3, с.106].

Все эти факторы, непосредственно связанные с состоянием социальной среды и характеризующие ее качество, выявлялись с помощью анкетного опроса молодежи (500 человек), опроса экспертов и фокус-групповых интервью. Ниже приведены ведущие факторы мотивации миграционного поведения (по убыванию). По мнению экспертов, наибольшее влияние на миграцию молодежи имеют следующие факторы:

1. Трудовой (наличие работы, вакансий).
2. Экономический (уровень экономической обеспеченности, дохода).
3. Образовательный (возможность получения или продолжения образования).

Региональные эксперты также дополнительно отмечали значимость рекреационного фактора.

По мнению молодых людей, наибольшее влияние на их решение о миграции имеют следующие факторы:

1. Образовательный (возможность получения или продолжения образования) и информационная (доступность информации, своевременность ее получения).
2. Культурно-нравственный (возможность проведения досуга, посещения театров, музеев, выставок и т.п.).
3. Жилой (площадь и качество жилья, комфорт домашнего пространства).

Факторами, снижающими мотивы к миграции, названы развитие сфер обслуживания, науки, образования в родном регионе, а также трудоустройство после выпуска из высших учебных заведений.

Отдельное внимание было уделено образовательной миграции молодежи. Возможности, которые предоставляет периферийной молодежи Единый государственный экзамен, используются выпускниками Иркутской области все шире, поэтому, в последние годы усилился отток молодежи на учебу в вузы других регионов. Для выявления мотивации этой категории молодежи дополнительно были проведены фокус-группы с обычными выпускниками школ и с выпускниками, получившими сто баллов за какой-нибудь экзамен. Анализ результатов фокус-групповых интервью показал, что в группе выпускников, получивших за ЕГЭ сто баллов, 43% респондентов высказались о своем желании мигрировать в центральные районы России или за ее пределы. В элитной когорте молодежи наблюдается тенденция миграции из сел в региональные центры, а также из периферийных регионов в центральные, а именно, в Московскую и Ленинградскую области, а также города-миллионники: Новосибирск, Красноярск, Екатеринбург.

По результатам фокус-групповых интервью выявлена большая склонность элитной молодежи к гедонистическому образу жизни, содержащему больше удовольствий, а также о том, что у высокорейтинговой молодежи присутствуют более высокие потребности к гражданским свободам, гарантиям, степени уверенности в завтрашнем дне, чувству нужности обществу, чем у обычных выпускников.

Таким образом, выявленные нами факторы образуют систему детерминации миграционного поведения, которая представляет совокупность внешних (средовых) и внутренних (индивидуальных) факторов, «сумма векторов» которых формирует у человека миграционные установки.

Среди траекторий, названных респондентами, выделяются возвратные и невозвратные, направления – западные регионы России, ближнее и дальнее зарубежье. Первое место занимает Санкт-Петербург (28,9%), второе—Москва (25,9%), третье– Московская область. Часть потенциальных мигрантов не планируют покидать Сибирь, их притягивают два крупных сибирских города: Новосибирск (17%) и Красноярск (6,7%). В восточном направлении планируют переезд всего 5,9%, из них по 2,2 % в Хабаровск и Владивосток, 1,5% – в Улан-Удэ. Доля возвратных мигрантов, собирающихся вернуться после окончания обучения, очень мала и не превышает статистическую погрешность.

Список литературы

1. Гольцова Е.В. Демографическое поведение населения в условиях современной социальной среды. Иркутск: ИГУ, 2013. 129с.

2. Гольцова Е.В. Социально-средовая мотивация миграционного поведения молодежи в условиях глобализации: региональный аспект // Культура и взрыв: социальные смыслы в трансформирующемся обществе: материалы VII Всерос. науч. Интернет-конференции. Иркутск, 05–25 октября, 2015 г. Иркутск, 2015. С. 197–202.

3. Гольцова Е.В. Миграционное поведение молодежи Иркутской области // Социологические исследования. 2017. № 5. С. 103–109.

4. Григоричев К.В. Демографические «резервы» экономического развития Иркутской области: исчерпание ресурса // Известия Иркутского государственного университета. Серия: политология, религиоведение. 2011. № 2. С. 67–77.

5. Миграция населения // Статистический бюллетень. Иркутск. 2004–2014.

6. Рыбаковский Л.Л., Кожевникова Н.И. Восточный вектор демографического развития России // Народонаселение. 2015. №1 (67). С. 4–16.

М.А. Гришина

ЗДОРОВЬЕ И ЗАНЯТОСТЬ МОЛОДЕЖИ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ ТРУДА

Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания № 28.1328.2017/ПЧ по проекту «Молодежь на рынке труда: стратегии профессионализации и занятости молодежной когорты в современном российском обществе»

Аннотация. *В статье анализируется взаимосвязь состояния здоровья молодежи с возможностями трудоустройства. Рассматриваются различные аспекты, связанные с вхождением людей, имеющих проблемы со здоровьем, на рынок труда: законодательные ограничения, недостаточные условия труда, сложность получения образования и высокооплачиваемой должности. Также анализируется влияние безработицы на состояние здоровья молодежи*

Ключевые слова: *молодежь, занятость, здоровье, инвалидность, условия труда.*

M.A. Grishina

HEALTH AND EMPLOYMENT OF YOUTH IN THE RUSSIAN LABOR MARKET

The article was prepared in the framework of the state task No. 28.1328.2017 / IF on the project «Youth in the labor market: strategies for the professionalization and employment of the youth cohort in modern Russian society»

Abstract. *The article analyzes the relationship between the health status of youth and employment opportunities. Various aspects related to the entry of people with health problems into the labor market are considered: legislative restrictions, inadequate working conditions, the difficulty of obtaining education and a high-paying position. The impact of unemployment on the health of young people is also analyzed.*

Keywords: *youth, employment, health, disability, working conditions.*

Трудоустройство молодежи является одной из наиболее значимых задач для государства, данная социальная группа представляет собой значительную часть трудовых ресурсов государства. Молодежь рассматривается как социально-демографическая группа, которая выделяется на основе возрастных характеристик, определенных психических свойств и занимаемого социального положения. В отечественной науке нет общепринятого мнения относительно возрастных границ: рассматриваются как более широкие возрастные периоды (14–30 лет), так и более узкие (16–25 лет). Понятие молодежь связано прежде всего с переходным состоянием выхода из детства и адаптации в мире взрослых. По мнению С. Кона, «молодость как определенная фаза, этап жизненного цикла биологически универсальна, но ее конкретные возрастные рамки, связанный с ней статус и социально-психологические особенности имеют социально-историческую природу и зависят от общественного строя, культуры и свойственных данному обществу закономерностей социализации» [3, с. 85]. По данным Росстата [13] на 2016 г. численность молодежи в возрасте от 14 до 30 лет составила практически четверть (21,5%) населения, т.е. 31,5 млн человек.

Социализация молодого человека представляет собой сложный процесс усвоения культурных и социальных норм, освоениях социальных ролей, в результате которого индивид становится личностью. Одной из значимых сторон социализации является профессионализация, которую можно определить как «процесс вхождения индивида в профессиональную среду, овладение знаниями, навыками профессиональной среды, принятие ценностей и активная реализация, самовыражение посредством профессиональной деятельности» [6, с. 13]. Однако данный процесс может быть затруднен по ряду как внешних, так и внутренних факторов. К внешним факторам можно отнести кризис экономики в целом, характеризующийся возникновением циклической безработицы; несоответствие спроса на труд и структуры профессиональной подготовки молодых работников; нежелание работодателя принимать на работу молодых людей без достаточного опыта; недостаточность правовой защиты и гарантий. К внутренним факторам относятся недостаток профессиональных знаний, квалификации и мотивации к обучению и труду, инфантилизм, девиантное поведение и др.

Во всем мире существует проблема занятости и безработицы среди молодежи, в особенности она затрагивает развивающиеся страны. По данным доклада Международной организации труда [12] 13% молодежи в мире не имеют работы. В России в 2015 г. уровень безработицы среди молодежи составил 15,1%, что в 2,6 раз превосходит показатели безработицы среди населения в целом. Различается и ситуация в регионах: Н.Г. Вишневской были предложены следующие типологии рынков труда, характеризующие уровень молодежной безработицы в различных регионах. Так, выделяется положительный рынок труда молодежи, при котором «доля молодежи в числе всех занятых превышает долю молодежи в числе всех безработных» [1, с. 45], отрицательный, где наблюдается противоположная ситуация, и равновесный. Также рынки труда молодежи могут быть рассмотрены по координантному методу, где выделяется низкий рынок труда (Москва, Санкт-Петербург), смешанный по напряженности рынок труда, в котором существует ряд проблем, связанных с ограниченностью рабочих мест (Брянская, Владимирская, Смоленская, Самарская и др. области), смешанный по безработице, для которого свойственно, что большинство работодателей предпочитают более взрослых работников молодым, а также

существует несоответствие спроса на труд и профессионального статуса молодежи (Иркутская, Томская и др.) и высокий (Дагестан, Ингушетия, Бурятия). Таким образом, занятость и безработица в среде молодежи различным образом существуют в контексте тех или иных регионов.

Статус занятости и здоровье молодого человека являются взаимовлияющими факторами. С одной стороны, здоровье влияет на формирование квалифицированной продуктивной рабочей силы, возможности реализации в трудовой деятельности, здоровье рассматривается как капитал. С другой стороны, условия и характер труда, а также безработица являются значимыми факторами, воздействующими на здоровье человека.

Согласно ВОЗ, здоровье определяется как «состояние полного физического, психического и социального благополучия человека» [11], здоровье рассматривается как результат воздействия как внутренних, так и внешних факторов, одним из которых является характер занятости. С точки зрения экономического анализа, здоровье представляет собой благо, приносящее отдачу и повышающее уровень полезности индивида для общества. Здоровье непосредственно влияет на возможность человека быть трудоустроенным, а также получить качественное образование, которое станет основанием для дальнейшего устройства на работу. Капитал здоровья означает запас здоровья человека, который характеризует длительность здорового периода жизни, в процессе которого он может быть активно вовлечен в производственную деятельность. При анализе воздействия здоровья на занятость населения (в том числе и молодежи) необходимо оценивать как выгоды, получаемые обществом и человеком от здоровья, так и возможные потери, связанные с ухудшением здоровья.

Одной из классических теорий, описывающих влияние здоровья на занятость, является сочетание модели предложения труда и модели спроса на здоровье М. Гроссмана [9, с. 85]. Данные модели описывают взаимосвязь между временем, затрачиваемым на работу и поддержание здоровья, и уровнем дохода. Человек, обладающий лучшим состоянием здоровья, затрачивает меньше времени на уход за здоровьем и вследствие этого имеет больше времени, в том числе и для осуществления трудовой функции, что обуславливает увеличение его совокупного дохода.

Существуют различные теоретические объяснения различий в заработной плате работников. Как правило, основными источниками различий считаются различия рабочих мест, недостатки рынка и различия работников. Рассмотрим три этих источника во взаимосвязи со здоровьем. Различие рабочих мест предполагает существование разнородных условий труда, а также социального пакета, который предоставляется работодателем. Условия труда работодателя могут выступать ограничением для принятия решения о выходе на работу для людей, имеющих проблемы со здоровьем (например, отсутствие специальных приспособлений для инвалидов). Также могут существовать законодательные ограничения к доступу к определенным рабочим местам для таких работников. То же самое относится и к выбору профессии, так как некоторые вузы принимают людей, соответствующих специальным медицинским требованиям. Все это накладывает ограничения на получение людьми, имеющими проблемы со здоровьем, некоторых престижных профессий с высоким уровнем оплаты.

С другой стороны, наличие болезней вынуждает работников искать работодателей, предоставляющих социальный пакет (медицинское страхование, возможность получения санаторно-курортного лечения), что как правило представлено в государственном секторе и не всегда гарантирует получение высокого дохода. То же касается и вопроса официальной занятости, необходимости получения стабильного дохода.

Недостатки рынка труда проявляются прежде всего в том, что работники со слабым здоровьем могут подвергаться дискриминации со стороны работодателей. Распространено мнение, что такие работники являются менее производительными, однако в действительности это может быть подтверждено лишь в сфере физического труда, в то время

как в иных сферах производительность труда может быть даже выше благодаря высокой мотивации к труду такого работника.

Разнородность работников предполагает различия в человеческом капитале, и они описаны в теории Г. Беккера. Модель Беккера [8] позволяет описывать инвестиции в человеческий капитал в различные возрастные периоды, а также сопоставлять различные группы в одном возрастном периоде. Вложения в человеческий капитал (например, в собственное здоровье) взаимосвязаны с возможностью получения выгод в виде производительности в будущем. Здоровье (в отличие от образования или опыта работы) воздействует на накопление человеческого капитала в будущем, возможность повышения продолжительности жизни в активном состоянии. Если же индивиды с ослабленным здоровьем ожидают невысокую отдачу от совершенных ими инвестиций в здоровье, то, следовательно, часть из них принимает решение вкладывать меньше ресурсов в получение образование и трудоустройство. Вследствие низкой конкурентоспособности работники со слабым здоровьем занимают рабочие места более низкого качества, с невысокой заработной платой.

Данные о взаимосвязи здоровья и трудоустройства представлены в базе Российского мониторинга экономики и здоровья (RLMS). На основе этих данных О.С. Кузьмич и С.Ю. Рощиным [4, с. 29–34] были проанализированы и построены таблицы, характеризующие взаимосвязь основных показателей на рынке труда и здоровья. На базе данных RLMS были выделены три группы респондентов, которые охарактеризовали свое здоровье как «хорошее», «среднее» и «плохое». Будет рассмотрена только группа молодежи, 18-35 лет. В рамках этого исследования в группе занятых мужчин 60,6% в возрасте 18–25 и 53,3% в возрасте 25–35 оценивают свое здоровье как «хорошее», 37,5% и 44,8% как среднее и 1,9% и 1,9% как плохое. В группе незанятых мужчин свое состояние как «плохое» оценивают 2,5% в возрасте 18–25 лет и 9% 25–35 лет. Схожая ситуация наблюдается и в группе занятых и незанятых женщин: 50,2% в возрасте 18–25 лет и 41,1% в возрасте 25–35 лет оценивают свое состояние как хорошее, и как плохое 2,5 и 2,8% соответственно. В группе незанятых женщин 3,7% 18–25 и 3,4% 25–35 оценивают свое состояние как плохое. Таким образом, среди незанятых мужчин и женщин выше процент людей, оценивающих состояние здоровья как «плохое».

Хорошее здоровье является фактором высоких заработков, а плохое, напротив, способствует их снижению в группах молодежи со средним специальным образованием и образованием ниже среднего специального, в то время как в группе с высшим образованием существует возможность высоких заработков наряду с более здоровыми группами молодежи. В то же время нет такой очевидной взаимосвязи между количеством отработанных часов и состоянием здоровья, так, например, оно прослеживается в группе мужчин с плохим здоровьем, однако в группе женщин количество отработанных часов не изменяется в соответствии с состоянием здоровья.

По мнению С. Кузьмич для мужчин в любой возрастной группе главным образом отрицательное влияние на занятость оказывают: «статус инвалидности, операции, перенесенный инфаркт, инсульт, хронические заболевания сердца. У женщин значимо влияют на вероятность занятости наличие инвалидности, диабета, перенесенного инсульта, анемии, повышенного давления, хронических заболеваний сердца и печени» [4, с. 34].

Рассмотрим более подробно особенности трудоустройства молодежи с инвалидностью. В Российской Федерации на 1 января 2017 г. насчитывается 12,3 млн инвалидов, из которых 552 тыс. – молодежь (18–29 лет) и 662 тыс. – дети, т.е. молодежь в будущем [14]. Для инвалидов получение образования и трудоустройство является одним из главных способов интеграции в общество. В исследовании, проведенном в Ставропольском крае [2, с. 167], более трети респондентов-инвалидов детства (38%) назвали трудоустройство одним из важнейших путей включения в общество, однако 48% из них сталкивались с проблемами получения образования, трудоустроена только треть инвалидов детства. Инвалиды детства на российском рынке труда изначально обречены на низкий социальный

статус, малооплачиваемые должности и маргинальное положение в обществе. С точки зрения рынка труда они являются неконкурентоспособными как ввиду состояния здоровья, так и ввиду низкого уровня полученных ими знаний и квалификации. Зачастую люди, не имеющие ярких внешних признаков инвалидности, стремятся избежать стигматизации, скрывая от работодателя факт наличия инвалидности. Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в РФ» устанавливает различные степени возможности осуществления трудовой деятельности: «1-я степень – способность к выполнению трудовой деятельности в обычных условиях труда при снижении квалификации, тяжести и (или) уменьшении объема работы, неспособность продолжать работу по основной профессии при сохранении в обычных условиях труда выполнять трудовую деятельность более низкой квалификации. 2-я степень – способность к выполнению трудовой деятельности в специально созданных условиях с использованием вспомогательных технических средств. 3-я степень – способность к выполнению элементарной трудовой деятельности со значительной помощью других лиц или невозможность (противопоказанность) ее осуществления в связи с имеющимися значительно выраженными нарушениями функций организма [5, с. 55–56]. Значительные ограничения на осуществление трудовой деятельности лиц с нарушением здоровья накладывает Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 12 апреля 2011 г. № 302н «Об утверждении перечней вредных и (или) опасных производственных факторов и работ, при выполнении которых проводятся обязательные предварительные и периодические медицинские осмотры (обследования)», а также рекомендации врачей, которые весьма часто носят ограничительный характер. Однако несмотря на это молодежь с инвалидностью представляет собой весьма широкую социальную группу, которая максимально заинтересована в успешном трудоустройстве. Государство и общество должны стремиться создавать условия для адаптации инвалидов и содействии их занятости.

Существует и обратное влияние рынка труда на здоровье молодежи, которое проявляется в первую очередь, в негативном воздействии безработицы на состояние здоровья молодежи. Безработица в первую очередь отражается на психическом и физическом состоянии людей. Исследования показывают, что безработные молодые люди чаще заболевают, страдают психическими расстройствами и преждевременно умирают (в следствие самоубийств и по другим причинам) [10, с. 39–53]. Безработица является фактором снижения качества жизни, т.е. некачественного или неполноценного питания, приверженности вредным привычкам (курение, алкоголь, наркомания), а также низкой мотивации заботиться о здоровье.

Ситуация потери работы является одним из сильнейших факторов стресса. Г. Селье описывает три стадии реакции на стресс, первая из которых связана с возникновением чувства тревоги и мобилизацией организма, вторая – попыткой сопротивления организма и третья – исчерпанием сил организма, направленных на преодоление негативной ситуации. Все три стадии сопровождаются физиологическими реакциями организма: на «стадии тревоги учащаются дыхание и пульс, увеличивается содержание холестерина в крови. В течение следующей стадии – сопротивления – у индивидуума резко сокращается объем энергии и человек становится более предрасположенным к болезням. На третьей стадии, организм сильно истощается борьбой со стрессом, появляются усталость, ощущение бессилия, восприимчивость к болезням, иногда даже угрожающим жизни» [7, с. 56]. Молодежь как социальная группа характеризуется высокой степенью склонности к различным депрессиям, отсутствие профессиональной самореализации может способствовать длительному нестабильному психическому состоянию.

Таким образом, здоровье является одним из ключевых факторов, влияющих на трудоустройство молодежи. Во-первых, здоровье влияет на возможность получения качественного образования, что в свою очередь повышает доступ к квалифицированным профессиям. Во-вторых, здоровье создает благоприятную возможность для поиска подходящего места работы и успешного трудоустройства, так как снижается вероятность

дискриминации со стороны работодателя. В-третьих, хорошее состояние здоровья способствует полной занятости и отработки большего числа часов, что ведет к повышению уровня заработной платы. В-четвертых, здоровье позволяет получать доступ к рабочим местам более высокого качества, что связано как с возможными ограничениями доступа лиц со слабыми здоровьем, так и с их невозможностью работать в более жестких условиях (например, при ненормированном графике, командировках или при высоком уровне нервной напряженности). Слабый уровень здоровья приводит к возникновению целого ряда проблем при трудоустройстве. К таким трудностям можно отнести несовершенства законодательства, регулирующего труд лиц с ослабленным здоровьем, отсутствие необходимых условий, создаваемых работодателем, недостаточность помощи в адаптации на рабочем месте. К другим факторам можно отнести объективные проблемы со здоровьем, мешающие осуществлению трудовой деятельности, недостаток мотивации к труду, сложности в процессе адаптации и т.п. Все эти проблемы должны решаться как на государственном уровне, так и на уровне общественных организаций, работающих с инвалидами и лицами с хроническими заболеваниями. Решение проблем занятости молодежи с проблемами со здоровьем позволит повысить качество жизни молодых людей, а также способствовать экономическому развитию.

Список литературы

1. Вишневская Н.Г. Рынок труда молодежи: механизм регулирования в современных условиях. Уфа, 2010. 162 с.

2. Дарган А. Образование, трудоустройство и занятость инвалидов с детства // Занятость молодежи: от вуза до работодателя: Материалы Международной научно-практической конференции. Москва, 17–18 апреля 2014 г. / Под ред. А.Л. Полтарыхина, О.Н. Альхименко. М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2014. С. 169–175.

3. Кон И.С. В поисках себя: Личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1987. 151 с.

4. Кузьмич О.С., Рощин Ю.С. Влияние здоровья на заработную плату и занятость: эмпирические оценки отдачи от здоровья. М.: ГУ ВШЭ, 2007. 60 с.

5. Масловская Т.С. Трудоустройство и трудовая деятельность инвалидов (по законодательству РФ). М.: Спутник+, 2017. 121 с.

6. Психосоциальные проблемы трудоустройства молодежи в России: особенности и пути решения: монография. М.: РГСУ, 2012.

7. Селье Г. Стресс и дистресс. М.: 2000.

8. Becker G.S. Human capital. Columbia university press. New York, 1964.

9. Grossman M. The human capital model // Handbook of Health economic volume IA. Edited by: Anthony J Culver and Joseph P. Newhouse, 2000.

10. Reeves A, Stuckler D. Suicidality, economic shocks, and egalitarian gender norms. EurSociol Rev. 2016. 32(1). P. 39–53.

11. Часто задаваемые впросы [Электронный ресурс]: Всемирная организация здравоохранения URL: http://www.who.int/suggestions/faq/ru/ (Дата обращения: 15.09.2017).

12. О молодежной безработице [Электронный ресурс] // Демоскоп № 695-696-5 18 сентября 2016. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0695/gazeta024.php (Дата обращения: 17.09.2017).

13. Демография [Электронный ресурс]: Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (Дата обращения: 17.09.2017).

14. Положение инвалидов [Электронный ресурс]: Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities/# (Дата обращения: 17.09.2017).

С.В. Докука

СТРУКТУРА КОНТЕНТА РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ: ТЕКСТОВЫЙ АНАЛИЗ

Аннотация. *Модернизация страны представляется комплексной и многогранной задачей, реализация которой должна производиться по целому ряду направлений. При этом особенно важным видится вовлечение населения в обсуждение и реализацию модернизационных задач. Одним из инструментов вовлечения являются средства массовой информации, в том числе печатные издания. В рамках настоящей работы нами был проанализирован массив публикаций печатных СМИ различных регионов России и выявлены ключевые темы обсуждений изданий. Результаты анализа свидетельствуют о том, что средства массовой информации не нацелены на обсуждение модернизационной повестки и вовлечение населения в реализацию задач модернизации. В большинстве своем публикации сфокусированы на обсуждении культуры и досуга, а социально-экономическая повестка касается преимущественно ситуативных вопросов. Подобная структура публикаций свидетельствует о необходимости формирования более активной дискуссии модернизационной повестки и вовлечения населения в обсуждение процесса модернизации на различных уровнях.*

Ключевые слова: *модернизация, развитие регионов, средства массовой информации, анализ текстов, большие данные*

S.V. Dokuka

STRUCTURE OF THE REGIONAL MEDIA: TEXT ANALYSIS

Abstract. *Modernization of the country is hard and long-lasting process, the implementation of which should be held in different ways. At the same time, the involvement of the people in the discussion and implementation of modernization tasks is very important. One of the ways of people's attraction - is the mass media, including print media. In this work, the other analyses many print publications and articles in different regions of Russian Federation and identified key topics for the further discussions. The results shows, that the mass media are not aimed the right way on discussing involving the population in modernization talks an discussions as well as on solving any of modernization tasks and problems. The majority of publications concentrate on the culture and leisure overviews, and the socio-economic questions arrive only in relation withsome situational issues. This situation with publications only stresses the need for a more active involvement of population in discussion of the modernization at various levels.*

Keywords: *modernization, development of regions, mass media, text analysis, large data.*

Модернизация – это сложный и длительный процесс реформирования общества, в рамках которого изменения касаются огромного количества сфер развития человека. В рамках проекта «Гражданская экспертиза проблемы реформирования властно-управленческой вертикали в контексте процессов социокультурной модернизации регионов: от мониторинга состояний до прогнозного проектирования» одной из задач ставится изучение структуры и содержания средств массовой информации в регионах для оценки уровня готовности региона к реализации модернизационных процессов.

Средства массовой информации призваны формировать картину мира. Как писал социолог П. Бурдье, среднестатистический человек обычно смотрит на социальные, экономические и политические процессы через призму, формируемую медиа. Так что изучение содержания транслируемых СМИ установок становятся одной из центральных задач социологических исследований. Начало анализа массовой коммуникации относят к работам М. Вебера, который показал ориентацию периодической печати на различные

социальные структуры и ее влияние на формирование человека как члена социума и обосновал методы изучения прессы.

Рассматривая влияние СМИ в контексте модернизации экономики и общества, необходимо отметить, что реализация научно-промышленного и технологического потенциала не может быть обеспечена без соответствующего развития и обсуждения в средствах массовой информации. Стратегия интегрированной модернизации должна включать в себя планомерный и систематический подход, в рамках которого особая роль отводится СМИ как создателям и проводникам модернизационной повестки.

Изучение содержания СМИ может производиться по нескольким направлениям и с использованием различных методик. В рамках данного исследования мы решили не останавливаться на одном подходе и реализовать метод смешивания подходов (*mixed method research*) [2] для идентификации как отдельных особенностей локальных СМИ, так и глобального информационного поля.

Используя два подхода к анализу текстов – метод экспертной кодировки и метод тематического моделирования – нами были идентифицированы ключевые тематики для обсуждения, а также ключевые группы интересантов. Для получения полной картины информационного пространства необходимо исследование всего спектра изданий и изучение повестки как лояльных, так и оппозиционных власти изданий. Изучение разноплановых изданий позволяет идентифицировать позиции различных групп населения по ключевым вопросам.

Для выявления ключевых тематических направлений текстов региональной прессы нами был выбран метод тематического моделирования, основанный на методах машинного обучения [1; 4]. Тематическое моделирование является одним из методов автоматизированной кластеризации текстов, оно позволяет анализировать огромные выборки текстов и выявлять ключевые тематики корпуса. Неформализованный анализ текстов проводился на случайной выборке статей. Каждое из наблюдений (статья) кодировалось экспертом в соответствии с определенным эвристическим алгоритмом. Данная исследовательская методика была разработана в рамках проекта РНФ «Гражданская экспертиза проблемы реформирования властно-управленческой вертикали в контексте процессов социокультурной модернизации регионов: от мониторинга состояний до прогнозного проектирования» [3] и получила свое развитие в расширенном варианте исследования.

Анализ содержания средств массовой информации проводился на корпусе публикаций печатных изданий из различных регионов России: Амурской, Белгородской, Вологодской, Московской, Нижегородской, Омской, Свердловской и Смоленской областей, а также республик Башкортостан, Дагестан, Калмыкия и Якутия. Выборка СМИ осуществлялась в соответствии по заранее разработанным критериям, протестированных в ходе пилотажного исследования [3]. Для изучения повестки региональных средств массовой информации нами были собраны все публикации (сплошная выборка) каждого из изданий за полгода. Всего объем сплошной выборки составил более 20 тысяч статей, из которых была сформирована выборка из 1669 статей для экспертной кодировки. Так как ручная экспертная кодировка всего корпуса представлялась физически крайне трудоемкой и длительной процедурой.

В результате анализа базы, составленной на основе экспертной кодировки, стало возможным оценить долю аналитических статей в различных региональных изданиях. Доля аналитических статей в различных изданиях варьируется от 5 до 69%. При этом наименьший процент аналитических статей (5%) в издании Московской области. Доминируют аналитические публикации в Вологодской и Омской областях.

Отдельно стоит отметить крайне низкий уровень аналитических изданий в лояльном СМИ Московской области «Серпуховские вести». С одной стороны, подобная структура публикаций вызывает недоумение, ведь Московская область является одним из немногих регионов, находящимся в непосредственной близости к ключевому федеральному центру. По

оценкам эффективности деятельности регионов Минэкономразвития РФ, Московская область относится к числу лидеров сбалансированного развития [6], а результаты опроса фиксируют высокую эффективность развития. При этом доля аналитических публикаций в лояльном СМИ очень низка, что свидетельствует о крайне несбалансированной информационной повестке. Одной из вероятных причин этого может служить тот факт, что ключевыми СМИ Московской области фактически являются не региональные, а федеральные издания. Таким образом, роль и значение региональных СМИ изменяется, что накладывает отпечаток на их содержательное наполнение.

Если сравнивать вес аналитических статей в лояльных и оппозиционных СМИ, то, в оппозиционных изданиях Белгородской, Вологодской, Московской, Омской и Смоленской областей и республик Башкирия, Дагестан и Калмыкия, доля аналитических статей выше, нежели в лояльных. При этом в Башкирии, Белгородской и Московской областях доля аналитических публикаций в лояльных СМИ в разы ниже, чем в оппозиционных. Единственным исключением стала Свердловская область, в случае которой больший процент аналитических статей в лояльном правительству издании. Подобная статистика может свидетельствовать о принципиально различных акцентах, ставящихся в лояльной и оппозиционной прессе. В первом случае издания сфокусированы на фиксации событий, описании фактологии, мониторинге общественной жизни, в то время, как оппозиционные СМИ ставят своей задачей формирование альтернативной социально-политической повестки дня, что требует более рефлексивного обсуждения социальных, политических и экономических процессов. Подобная структура вполне предсказуема в период предвыборной кампании (в случае анализа данных СМИ 2016 г.). Лояльные СМИ концентрируются на позитивных и фактологических описаниях, в то время как оппозиционные издания фокусируются на острых социально-экономической проблематике, находящей отклик у избирателей.

На наш взгляд перспективным индикатором, отражающим качество подачи материалов в СМИ, является доля аналитических материалов. Этот показатель может быть использован в качестве индикатора уровня зрелости прессы.

Наиболее популярной темой публикаций в подавляющем большинстве изданий является культура и досуг, с большим отрывом опережая все остальные направления. Важными тематиками, освещенными в региональных СМИ, также являются политика, спорт и социальная сфера. В ряде оппозиционных региональных СМИ (имеющих либеральную направленность) на первый план выходят экономика и бизнес. Среди других тематик, так или иначе обсуждаемых фактически во всех СМИ−медицина, история и ЖКХ, экономические проекты. Из исторических событий наибольшее внимание посвящено Великой Отечественной войне, что также может быть связано с датой сбора данных и, соответственно, годовщинами Победы в Великой Отечественной войне и началом войны. Тематика ВОВ тесно переплетена и с положением ветеранов, детей войны и пенсионеров, так что исторический контекст тесно перемежается с социально-политической повесткой.

В некоторых регионах достаточно подробно обсуждается криминал и чрезвычайные происшествия. При этом тематики, посвященные, благотворительности, экологии, государственным услугам, науке, общественным организациям, торговле и туризму очень скупо освещаются в изданиях, им посвящены единичные случайные материалы, несмотря на декларируемую важность этих тематик в федеральной повестке.

В рамках исследования материалов прессы необходимо идентифицировать ключевых интересантов публикаций, так как это позволяет во многом прояснить основные цели и задачи СМИ. Совокупный анализ лояльных и оппозиционных изданий свидетельствует о том, что в лояльной прессе чаще всего в роли акторов, в интересах которых публикуются материалы, выступают региональные министерства и отдельные чиновники. К примеру, в Башкирии чаще всего это представители Министерства сельского хозяйства, так как в первой половине года интерес к сельскохозяйственным вопросам выше, чем во второй половине года. Аналогично, ключевыми акторами многих публикаций, вышедших в период с 1 января

по 30 июня 2016 г., стали участники предвыборной гонки, в момент подготовки материалов выступавшие в двух ипостасях: как в качестве кандидатов, так и действующих чиновников. Значительная часть публикаций может быть рассмотрена как написанная в интересах населения. В большинстве случаев это статьи, посвященные социально-экономической проблематике. В небольшой доле статей ключевыми интересантами могут быть названы отдельные группы населения, чаще всего это ветераны и социально незащищенные граждане. Подобная структура может быть также частично объяснена датами сбора данных (в первой половине года отмечается День Победы и годовщина начала Великой Отечественной войны). Таким образом, ключевой акцент позиционирования лояльной прессы сосредоточен на региональной и местной исполнительной власти, населении и отдельных его группах.

Структура интересантов оппозиционных СМИ существенно разнится по сравнению с лояльными изданиями. Здесь сразу же следует сделать оговорку, что в нашей выборке представлены оппозиционные СМИ различной направленности. В случае изданий, ориентированных на бизнес (например, «Белгородский бизнес-класс»), ключевыми интересантами оказываются крупные бизнес-структуры, а также представители среднего и малого бизнеса. Издания отмечают незащищенное положение бизнеса, несовершенства системы налогообложения и засилие бюрократических процедур. Оппозиционные издания иной направленности (например, коммунистический омский «Красный путь») в первую очередь ориентируются на социально-экономические проблемы населения, и их основным интересантом является население.

Сопоставление структуры дискурса в региональных СМИ с результатами экспертного опроса [6] позволило оценить, насколько широко пересечение экспертных оценок с информационной повесткой, транслируемой в печати. По результатам экспертного опроса для регионов основная проблематика – это проблема поиска работы (42%), улучшение жилищных условий (44%), состояние дорог (57%) и коррупция (44%). При этом экспертами отмечается, что руководителям регионов не удается продуктивно разрешать большинство из этих задач. В материалах СМИ (особенно оппозиционных) также часто поднимаются вопросы социально-экономического блока, и отмечается неудовлетворительное решение этих проблем.

В заключение следует отметить различные тематические направленности и проблемноориентированность лояльных и оппозиционных средств массовой информации. Хотя для подавляющего большинства СМИ характерна низкая доля аналитических статей и фокусировка на проблематике культуры и досуга, оппозиционные СМИ в большей степени освещают общественно-политические и экономические события.

Лояльные издания в большей степени акцентируют внимание на социально-экономической проблематике региона. В то время как оппозиционные СМИ в большей степени сфокусированы на проблемах развития, стратегических вопросах, проблемах налогообложения, острых социальных конфликтах, реформах. Таким образом, лояльные издания сконцентрированы на формировании позитивной повестки, в то время как оппозиционные СМИ закономерно отмечают слабые места и недоработки. Однако вызывает недоумение тот факт, что в текстах и лояльных и оппозиционных региональных изданий внимание акцентируется исключительно на локальном и региональном уровнях, фактически не выстраивая вертикаль до уровня федерального руководства, и не отмечая плотные взаимосвязи с другими субъектами. В совокупности каждый регион воспринимает себя фактически в отрыве от остальных, что может свидетельствовать о высоком уровне социальной изоляции и отсутствии или незначительном вовлечении в межрегиональные совместные проекты.

Обсуждая контекст модернизации и инновационного развития страны, необходимо отметить, что в большинстве регионов дискуссии о модернизации, инновационном и технологическом развитии либо редуцированы, либо отсутствуют вовсе. Акцент ставится в первую очередь на проблемные аспекты, при этом недостаточно активно и широко

обсуждаются реализуемые проекты и «точки роста». В совокупности, полученные результаты исследования свидетельствуют о том, что региональные СМИ оказываются одной из ключевых детерминант общественных настроений.

Список литературы

1. Воронцов К.В. Модификация EM-алгоритма для вероятностного тематического моделирования // Машинное обучение и анализ данных. 2013. Т. 1. № 6. С. 657–686.

2. Полухина Е.В., Просянюк Д.В. Методы анализа текста в смешанном дизайне исследования // Политическая наука. 2015. №. 2. С. 104–116.

3. Просянюк Д.В. Репрезентации социально экономических характеристик региона в средствах массовой информации // Научный результат. Серия «Социология и управление». 2016. Т. 2. №. 1 (7). С. 27–40.

4. Тихонов А.В., Богданов В.С., Гусейнова К.Э. Гражданская онлайн-экспертиза деятельности региональных систем управления в контексте процессов социокультурной модернизации регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. №. 1. С. 101–123.

И.Н. Дрючина

РАЗРАБОТКА ДИАЛОГОВО-ПАРТНЕРСКОЙ СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЙ ТЕХНОЛОГИИ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Аннотация. *В статье предпринята попытка разработки диалогово-партнерской социально-коммуникативной технологии системы управления органов внутренних дел. Разработка социально-коммуникативной технологии партнерского взаимодействия органов внутренних дел с гражданами с целью обеспечения общественной безопасности осуществлена на научно-организационном, формализованно-описательном, процессуально-деятельностном уровнях.*

Ключевые слова: *социально-коммуникативные технологии, система управления органов внутренних дел.*

I.N. Dryuchina

DEVELOPMENT DIALOGUE-A PARTNERSHIP SOCIO-COMMUNICATIVE TECHNOLOGY OF A CONTROL SYSTEM OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES

Abstract. *The article attempts to develop a dialogue-partner of the socio-communicative technologies of the control system of the internal Affairs bodies. The development of socio-communicative technologies of the partner interaction of internal Affairs bodies with citizens to ensure public security was implemented at the scientific and institutional, formalized descriptive, procedural-activity levels.*

Keywords: *socio-communicative technologies, management system of internal Affairs bodies.*

Термин «социальная технология» имеет интегративный смысл, который заключается в единстве трех аспектов. Во-первых, социальные технологии выступают как завершающее звено трансформации теоретического знания в практическое. Во-вторых, это форма организации эффективного функционирования системы управления. В-третьих, они раскрываются как совокупность приемов, методов и воздействий, применяемых для достижения поставленных целей в процессе планирования и развития управляемой системы, решения разного рода проблем, возникающих в процессе управленческой деятельности [4].

Поэтому любая социальная технология, в том числе социально-коммуникативная, строится на совокупности следующих трех уровней [6]:

a) научно-организационный – технология имеет теоретико-методологические основания, то есть она основывается на законах и принципах структурирования, функционирования и развития определенных социальных систем;

b) формализованно-описательный – технология представляется описанием цели, субъекта и объекта;

c) процессуально-деятельностный – технология предстает как формализация и алгоритмизация деятельности субъектов управленческой деятельности по отношению к основному механизму управления.

Рассмотрим возможности концептуального построения диалогово-партнерской социально-коммуникативной технологии сквозь призму взаимосвязи и взаимообусловленности трех уровней: научно-организационного, формализовано-описательного и процессуально-деятельностного.

Научно-организационный уровень предстает как комплекс мероприятий по совершенствованию (рационализации) построения и деятельности системы управления на основе новейших достижений современной теории и передового опыта. «Целью научно обоснованной организации является повышение эффективности правоохранительной деятельности, которое достигается путем использования субъектом управления разнообразных современных научных технологий при выборе средств организационного воздействия, в целях повышения эффективности правоохранительной деятельности» [5].

Если рассматривать научно-организационный уровень социально-коммуникативных технологий в системе управления органов внутренних дел, то надо, прежде всего, определить теоретическую модель и принципы, на которых будет организована публичная правоохранительная коммуникация, и соответственно, разработана диалогово-паритетная социально-коммуникативная технология.

На наш взгляд, к числу таких теорий можно прежде всего отнести теорию общества сетевых структур М. Кастельса [3, с. 494–505], которая описывает «сетевой характер» социальной реальности, складывающийся благодаря массовому распространению технологии Интернет. В настоящее время сетевая форма объединения и организации сообществ достаточно перспективна, поскольку она предполагает, что проблемы решаются быстрее за счет «коллективного разума». В конце концов, сетевое сообщество – это, как минимум, всегда готовое пространство для пробной реализации социальных инициатив. В рамках системы управления органов внутренних дел пространство публичной правоохранительной коммуникации можно рассматривать как совокупность устойчивых, многосторонних, регулярно воспроизводящихся интернет-опосредованных связей между социальными акторами, основанных на совместном использовании ресурсов для обеспечения общественной безопасности.

Социальная релятивная сеть не дана изначально, она должна быть сконструирована через институционализацию групповых взаимодействий. В этом случае мы выходим на концепцию интегрированных коммуникаций, которая одновременно отражает диверсификацию технических средств коммуникации и принимает во внимание тонкие различия контактных аудиторий [9]. В этом случае применение социально-коммуникативных технологий предполагает непрекращающуюся работу по установлению социальных связей, непрерывные серии обменов, в ходе которых постоянно утверждается и подтверждается взаимное признание интересов стейкхолдеров.

Также к числу теорий, позволяющих организовывать и управлять процессом социальной коммуникации, можно отнести семиосоциопсихологическую концепцию Т.М. Дридзе, в которой обоснованное и эффективное управление социальным развитием рассматривается как результат адекватно организованной коммуникации. При этом основным критерием качества коммуникативных взаимодействий является степень достижения понимания и взаимопонимания в определенных «социоментальных группах».

Эти группы, как считает Т.М. Дридзе, отличаются друг от друга разными способами интерпретации текстов и реальных событий. «На такие группы естественным образом распадаются личности, располагающие относительно общим тезаурусом (в пределах языка той или иной рассматриваемой сферы социальной коммуникации) и комплексом умений и навыков оперирования этим тезаурусом, совпадающим с определенным уровнем коммуникативной компетенции, т.е. с той или иной мерой готовности к адекватной интерпретации коммуникативных намерений, замыслов партнеров по общению» [1, с. 66].

А основными принципами разработки социальных-коммуникативных технологий, которые вытекают из выбранных теоретико-методологических основ, становятся следующие:

- Принцип соинформирования (органы внутренних дел информируют граждан о предполагаемых изменениях в среде их жизнедеятельности, а жители информируют соответствующие структуры о своих запросах и условиях жизни).
- Принцип партисипативности («соучастие» всех заинтересованных сторон в разработке и принятии решения по значимым вопросам общественной безопасности, после чего жители сами становятся активными носителями и реализаторами идей.
- Принцип транспарентности (открытость, прозрачность оценивания планируемых и реализация принятых решений, хотя и не исключает наличие различных прав доступа к информации, степени ее детализации).
- Принцип гибкости (способность органов внутренних дел конфигурировать систему коммуникации в соответствии с импульсами из внешней среды).
- Принцип ограничения многообразия (включение в повестку дня только определенной проблемы обеспечения общественной безопасности и обеспечение получения достаточной для ее решения информации, что снимает синдром «избытка данных или недостатка информации»).

Несоблюдение данных принципов становится препятствием в осуществлении информационного обмена, что ведет к проблемам в правоохранительной сфере. В частности, отсутствие открытости в информационном взаимодействии со средой, изоляция от контекста грозит дезорганизацией органам внутренних дел, а отсутствие права на коммуникацию понижает интенсивность информационного обмена, следовательно, способствует разрушению диалога между обществом и органами внутренних дел.

Если рассматривать социально-коммуникативную технологию с позиций формализовано-описательного уровня, то целесообразно выделить следующие единицы системного анализа: цель, субъект и объект.

При этом, если рассматривать объект социально-коммуникативной технологии, на наш взгляд, целесообразно выделять объекты воздействия, регулирования и преобразования. В общем случае объектом воздействия социально-коммуникативных технологий можно считать совокупность акторов публичной сферы в виде индивида или социальной общности, которыми движут некие интересы и ценности. Сегодня необходимо обеспечивать адресность социально-коммуникативных технологии, так как именно они будут оптимально «работать» в своих контактных аудиториях.

Непосредственно объектом воздействия социально-коммуникативных технологий является правосознание и общественное мнение, которое и подвергается информационному воздействию с целью их изменения, формирования или усиления нужного состояния. Объектом регулирования вышеназванных технологий выступает система социального взаимодействия (в виде определенной релятивной сети), в которую вовлечены стейкхолдеры.

Особенностью субъекта диалогово-партнерской социально-коммуникативной технология является его положение относительно других акторов публичной правоохранительной коммуникации. В этом случае коммуникатор находится внутри определенной релятивной социальной сети и рассматривает себя как заинтересованного участника совместного с аудиторией поиска решений сложных проблем, возникающих в сфере внутренних дел. Подразделениям МВД России необходимо иметь сторонников в

сетевых сообществах, в противном случае может образоваться разрыв между властью и гражданами. Субъект управления социально-коммуникативными технологиями – органы внутренних дел – может осуществлять целенаправленное воздействие, в определенной степени способствуя, препятствуя или направляя развитие процессов самоорганизации [2, с. 34–37]. Для успеха управления правоохранительными коммуникациями в системе управления органов внутренних дел необходимо соответствующее подразделение, которое позволит [7, с. 7]:

– создать возможность для своевременного выявления и решения коммуникационных проблем;

– сделать исходящую от организации и внутри организации информацию управляемой;

– более четко ставить цели коммуникации, ориентируясь не столько на массовую, сколько на контактные аудитории;

– обеспечить более высокий уровень обратной связи, что, в свою очередь, сделает коммуникацию более эффективной.

Цель – это одна из главных характеристик социально-коммуникативных технологий, это то, ради чего осуществляется публичная правоохранительная коммуникация. Цель социально-коммуникативной технологии должна коррелировать, а лучше быть производной от целей деятельности органов внутренних дел в области публичной правоохранительной коммуникации. На наш взгляд, в данном случае можно констатировать наличие двуединой цели – информационного взаимодействия и конфигурирования релятивной социальной сети, то есть организация диалога и партнерства.

Реализация первой подцели, которая в общем случае в настоящее время совпадает с задачами, решаемыми соответствующими структурными подразделениями МВД, ведет к созданию климата доверия, установлению взаимопонимания и доброжелательности между ОВД и населением, созданию паблисити, позитивного имиджа ведомства или позитивного общественного мнения о нем, продвижение и/или защиту имиджа, престижа ОВД. В этом случае диалогово-партнерская технология предназначена для достижения известности, внимания и доверия к ОВД; формированию положительного имиджа и защиты репутации, взаимопонимания и гармонизации отношений между ведомством и его общественностью; профилактики и разрешения возможных конфликтов между ними. Следовательно, цель социально-коммуникативной технологии заключается в конструировании коммуникативного процесса, способного не только оказывать влияние на формирование необходимого общественного мнения в социуме, но и трансформироваться в четкое социально-психологическое явление (имидж), создаваемое с определенной целью и намеренно формирующее «заказной» образ органов внутренних дел. Это предполагает ориентацию общественного мнения путем производства идейной ценностно-нормативной системы, формирующей идеи, поведение, менталитет, вкусы и ценности целевой аудитории через повторяющееся усиление определенных сообщений так, чтобы превратить их в установки как независящее от конкретной ситуации стойкое предпочтение индивида в отношении определенного объекта.

Второй подцелью диалогово-партнерской социально-коммуникативной технологии будет создание эффективной системы коммуникаций ОВД с внешней средой, формирование релятивной системы коммуникаций с основными стейкхолдерами, обеспечивающей оптимизацию социальных взаимодействий со значимыми для него сегментами среды. Цель – конфигурирование релятивной сети из двух и более акторов, вступающих в коммуникацию по поводу, представляющему общий интерес. Иначе говоря, такие акторы «кооориентированы» на общую проблему и друг на друга. Кооориентация предполагает совпадения точки зрения одного лица его оценке позиции другого лица по данному вопросу. На ее основании акторы публичной правоохранительной коммуникации вырабатывают общую линию отношений с другим лицом и спонтанно реагируют на него при взаимодействии.

Отсюда диалогово-паритетная социально-коммуникативная технология является двухконтурной: 1) контур информационного взаимодействия, который решает задачу формирования правового сознания и правового поведения, формирование имиджа и доверительных отношений общественности к деятельности ОВД и 2) контур конфигурирование релятивной сети ключевых стейкхолдеров для повышения уровня социальных инициатив и участия в деле обеспечения общественной безопасности.

Если анализировать диалогово-паритетную социально-коммуникативную технологию с позиций процессуально-деятельностного уровня, то, прежде всего, необходимо рассмотреть базовый механизм ее реализации, подлежащий формализации и алгоритмизации. Отталкиваясь от определения механизма социального управления, данного Г.В. Щекиным [10], можно определить базовый механизм социально-коммуникативной технологии как совокупность методов, приемов, и форм управления публичной правоохранительной коммуникацией, взаимосвязанное воздействие которых обеспечивает общественную безопасность. На наш взгляд, каждый контур диалогово-партнерской социально-коммуникативной технологии использует свой базовый механизм реализации, который требует алгоритмизации.

В первом случае социально-коммуникативные технологии как совокупность последовательно применяемых процедур, приемов и способов деятельности по организации информационного взаимодействия ориентированы на выявление зоны совмещения и согласования интересов организации и общественности и формирование доверительных отношений общественности к деятельности организации. В этом случае регулярное обеспечение средств массовой информации полноценной и достоверной информацией будет способствовать устранению таких негативных проявлений в работе СМИ, как искажение, недоброкачественная подача, спекуляция информацией [8, с. 394–398].

В этом случае стоит обратить внимание на механизмы обратной связи. В теории социального управления, как и в теории коммуникации, является аксиомой положение о том, что эффективность управления характеризуется наличием, интенсивностью и качеством обратной связи. В практике управления органов внутренних дел в той или иной степени эффективности используются различные каналы обратной связи. К ним относятся: «телефоны доверия»; приемы граждан, проводимые руководителями городских и районных органов внутренних дел; письма, заявления и обращения граждан в органы внутренних дел, в учреждения государственного и муниципального управления по вопросам работы полиции; встречи руководителей и рядовых сотрудников органов внутренних дел с гражданами по месту их работы и жительства; материалы традиционных и электронных масс-медиа; информация, поступающая от общественных советов и различных общественных организаций; прямые телефонные линии и конечно же социологические исследования, проводимые как ведомственными, так и независимыми социологическими службами.

Одним из действенных инструментов получения обратной связи является проведение социологических исследований. С одной стороны, проводимые социологические исследования могут выступать формой контроля гражданского общества, поскольку обеспечивают обратную связь в системе управления органами внутренних дел и поэтому могут выступать в качестве эффективного средства управления. С другой стороны, изучение общественного мнения рассматривается как необходимое условие квалифицированного позиционирования имиджа органов внутренних дел в информационно-коммуникационной среде современного российского общества. В этом случае население выступает не как носитель определенных интересов и потребностей в области криминологической и общественной безопасности, а как объект информационного воздействия, целью которого является взаимное партнерство общества и органов внутренних дел в вопросах борьбы с преступностью и обеспечения правопорядка.

Таким образом, разработка социально-коммуникативной технологии партнерского взаимодействия органов внутренних дел с гражданами с целью обеспечения общественной

безопасности осуществлена на научно-организационном, формализованно-описательном, процессуально-деятельностном уровнях.

Список литературы

1. Дридзе Т.М. Социокультурная коммуникация: текст и диалог в семиосоциопсихологии // Социокультурное пространство диалога. М.: Наука, 1999. С. 28–44.

2. Калинкин С.Ю. Управление органами внутренних дел с учетом социальной самоорганизации: проблемы и особенности // Труды Академии управления МВД России. 2010. № 4. С. 34–37.

3. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М.: Akademia, 1999. С. 494–505.

4. Стрелкова Н.В. Социально-технологическое обеспечение процесса принятия управленческого решения. М.: Моск. ун-т МВД России, 2005. 107 с.

5. Студеникин В.Е. Правоохранительная деятельность органов внутренних дел как объект организации: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11. М.: 2004.

6. Технологии управления социальной сферой региона / [М.П. Куркинаи др.]. Курск: Изд-во Курского гос. медицинского ун-та, 2011. 160 с.

7. Федотова М.Г. Коммуникационный менеджмент. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2006. 76 с.

8. Шакалов И.И. Информационная эффективность органов внутренних дел Российской Федерации в 2008–2011 гг. // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. С. 394–398.

9. Шарков Ф.И., Бузин В.Н. Интегрированные коммуникации: массовые коммуникации и медиапланирование / [Ф.И. Шарков и др.]; Ин-т мировых цивилизаций. М.: «Дашков и К», 2012. 485 с.

10. Щекин Г.В. Теория социального управления. К.: МАУП, 1996. 408 с.

И.И. Калачева

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ: ОПЫТ БЕЛОРУССКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ

Аннотация. *Рассматривается социальная реклама как информационно-коммуникативная технология, показывается ее роль и возможности в государственном регулировании и управлении социальными проблемами, функции в формировании положительного имиджа государственных органов в Беларуси.*

Ключевые слова: *социальная реклама, функции социальной рекламы, имиджевая функция социальной рекламы, Межведомственный Совет по рекламе в Республике Беларусь, коммуникационная политика государственных органов, опыт разработки и продвижения социальной рекламы государственными структурами.*

I.I. Kalachova

THE INFORMATIVE AND COMMUNICATIVE SUPPORT OF THE STATE REGULATION OF SOCIAL PROBLEMS: THE EXPERIENCE OF BELARUSIAN SOCIAL ADVERTISING

Abstract. *Social advertising as an informative and communicative technology is considered, its role and possibilities in the field of state regulation and social problems management are shown, and its functions in forming the positive image of the government are defined in Belarus.*

Keywords: *social advertising, functions of social advertising, image function of social advertising, Global Council on advertising in Belarus, communicational policy of the government, the experience of developing and advancing the social advertising by the governmental structures.*

Социальная реклама как вид массовой коммуникации является привлекательным инструментом современного публичного пространства. Ее представленность в городской среде становится частью визуального восприятия территорий, ее слоганы – значимыми социальными посланиями для многих людей, представляющих разные социальные группы. Социальная реклама охватывает все проблемы, волнующие современного человека: уважение к старшему поколению, любовь к детям, заботу о чистоте окружающей природы, гордость за родную страну, ее достижения, отношение к органам государственной власти.

Современные исследователи социальной рекламы утверждают, что реклама является инновационной информационно-коммуникативной технологией продвижения традиционных ценностей, а также инструментом формирования новых стандартов социальной жизни наших современников [3]. Она является средством гуманизации общественных и межличностных отношений, ее задачи направлены на преодоление асоциальных явлений и установление социального равновесия в обществе. Иногда ее называют «мягкой силой», способной изменять окружающую действительность.

Как инновационная технология воздействия на массовое сознание, социальная реклама является уникальным, но пока еще недостаточно используемым инструментом государственного управления. Меж тем, сегодня государственный служащий как управленец нуждается в практиках, способных оптимизировать его контакты с разными группами людей. Социальная реклама в комплексе с другими инструментами и технологиями, способна формировать позитивное отношение к властным структурам, руководителям министерств и ведомств, усиливать их имидж. В последнее время исследователи социальной рекламы значительно расширили круг понятий, включаемый в поле понимания данного инструмента и стали оперировать такими понятиями как «социальная реклама в контексте государственной коммуникации», «коммуникация с разными целевыми группами посредством социальной рекламы» и т.д. И это совершенно справедливо, потому что очевидно, что не реагировать на столь важную роль социальной рекламы, невозможно. Поэтому стоит обратиться к сути социальной рекламы, понять ее возможности и найти наиболее эффективные способы управления этой технологией.

Социальная реклама в Республике Беларусь проходит стадию институализации, и в связи с этим на данном этапе формируется ее нормативно-правовая база. Принятый в 1997 г. Закон Республики Беларусь «О рекламе» эффективно функционировал до 2007 г., когда был принят новый закон «О рекламе». Согласно документу, под рекламой понимается информация об объекте рекламирования, распространяемая в любой форме с помощью любых средств, направленная на привлечение внимания, поддержание интереса к нему и продвижения на рынке.

Дополнения, которые нашли отражение в статьях 7 и 8, закрепили полномочия таких государственных органов как Совет Министров Республики Беларусь, Министерство торговли Республики Беларусь, местных исполнительных и распорядительных органов в области регулирования рекламы (от 03.01.2013 г.). В документе обозначены новые тенденции в развитии социальной рекламы. В законе отмечено, что социальная реклама отражает явления социального характера, она направлена на защиту или удовлетворение общественных или государственных интересов, не носит коммерческого характера и ее рекламодателями являются государственные органы. Новым направлением тематик социальной рекламы признано развитие белорусской культуры и искусства, международного культурного сотрудничества. Предложен более совершенный организационный механизм государственного регулирования социальной рекламы.

Приведем содержание некоторых положений.

1. Деятельность организаций или граждан по размещению (распространению) социальной рекламы осуществляется на безвозмездной основе.

2. Рекламораспространители – редакции средств массовой информации – обязаны осуществлять размещение социальной рекламы в пределах пяти процентов объема вещания (основной печатной площади) в сутки, отведенного для рекламы.

3. Предложенные рекламодателем социальной рекламы условия, касающиеся времени и способа ее размещения, являются обязательными для рекламораспространителя, если рекламодатель обращается к нему не позднее, чем за месяц до предполагаемого срока ее размещения.

В обновленном документе появилась статья, указывающая на существование в стране единого централизованного органа, курирующего рекламу, а также регулирующего отношения в области рекламной деятельности. Согласно статье 9-1, данным органом является *Межведомственный совет по рекламе*.

Государственные организации регулируют и курируют деятельность социальной рекламы, принимают в отношении ее законы, влияют на ее статус в обществе. В каждом государстве сложилось свое отношение к социальной рекламе: к примеру, во многих зарубежных странах создаются специальные структуры, на которые возлагаются обязанности по регулированию рекламной деятельности, в том числе и в отношении социальной рекламы. В качестве примера можно отметить деятельность «*Рекламного Совета*» в США, «*Центрального офиса информации*» в Великобритании, «*Центрального Союза немецкой рекламы*» в Германии, «*Межведомственного Совета по рекламе при Министерстве торговли Республики Беларусь*» в Беларуси.

К государственным организациям, которые выступают рекламодателями, относятся Министерства и ведомства, управления и др. В Республике Беларусь – это Министерство образования, Министерство внутренних дел (МВД), Министерство по чрезвычайным ситуациям (МЧС), Министерство по налогам и сборам и др. Специфика рекламных кампаний средствами социальной рекламы состоит в том, что эти государственные органы продвигают социально-значимые интересы разных групп населения, в то же время формируют положительный образ государственных учреждений, которые представляют государственные служащие.

Министерство торговли Республики Беларусь (новое название Министерство антимонопольного регулирования и торговли) наделено рядом полномочий в отношении регулирования рекламы. В пределах своей компетенции оно осуществляет проведение единой государственной политики, разрабатывает и реализует планы и мероприятия по развитию рекламной деятельности с учетом национальных интересов, осуществляет государственный контроль, предупреждает факты ненадлежащей рекламы, рассматривает обращения организаций и граждан о нарушении законодательства о рекламе и др.

Межведомственный Совет по рекламе при Министерстве создан еще в 1998 г. В его компетенции входят вопросы курирования рекламной деятельности и управления процессами распространения рекламы. Однако только в 2013 г. функции Совета были расширены и дополнены. В рамках деятельности Совета выделена группа специалистов по социальной рекламе, которые представляют интересы разных государственных ведомств и структур.

На заседаниях Совета постоянно обсуждаются новые рекламные проекты, утверждаются те из них, которые соответствуют нормативно-правовой базе законодательства Республики Беларусь о рекламной деятельности и отвечают высокому художественному уровню, принимается решение об их размещении. В настоящее время сложились следующие направления функционирования социальной рекламы в Беларуси:

- поддержка системы национальной идентичности и государственного суверенитета;
- формирование престижа Беларуси в постсоветских странах и на международной арене;

- национальная безопасность и реклама вооруженных сил;
- здоровый образ жизни и профилактика асоциальных явлений в молодежной среде;
- демографическая ситуация и семейная политика;
- безопасность на дорогах и профилактика травматизма и др.

Поддержка системы национальной идентичности – одно из важнейших направлений в тематике социальной рекламы. Ярким примером рекламной кампании является рекламная компания «Мы белорусы», «Мы вместе». Важно заметить, что в ряде рекламных посланий компании нашли отражение ценности и идеалы белорусского народа, такие как трудолюбие, почитание старшего поколения, любовь к малой родине, гордость за подвиги предыдущих поколений, любовь к матери и детям.

Формирование и поддержка государственного суверенитета как направление социального рекламирования не вызывает сомнений: государственный суверенитет – неотъемлемая часть развития государственных структур и государственных институтов в любой стране. Данная тема нашла отражение в рекламных кампаниях «За независимую Беларусь», «За самобытную Беларусь», «За трудовую Беларусь» и др. Поздравительная социальная реклама актуальна в периоды проведения важнейших государственных праздников (День Победы, День Независимости).

Тема повышения престижа белорусского государства в мире стала особенно актуальной во время подготовки и проведения Международного чемпионата мира по хоккею в 2014 г., в г. Минске. Город Минск с 9 по 25 мая стал мировой столицей хоккея, и эта тема нашла отражение в тематике социальной рекламы. Не только прославление отдельных команд и их лучших игроков, но и тема безопасности, открытости, доверия, уважения к другим была неоднократно озвучена в СМИ, на телевидении, радиоэфире, в интернет-сети.

Во время чемпионата мира по хоккею была ярко заявлена тема культурных ценностей и культурных объектов, какими являются города и местечки Беларуси. Туристы и болельщики команд из разных стран могли поближе познакомиться с достопримечательностями городов, историческими, культурными, религиозными памятниками.

Тема здорового образа жизни как наиболее актуальная также является приоритетной в социальной рекламе в белорусском социуме. Ярким примером включенности в пропаганду здорового образа жизни является социально-направленная деятельность Белорусского футбольного клуба «БАТЭ». Являясь одним из наиболее известных футбольных клубов как в Республике Беларусь, так и в странах СНГ, клуб «БАТЭ» проводит ряд социально значимых мероприятий, направленных на помощь и поддержку нуждающихся групп населения. Сложились традиции клубной деятельности, к которым можно отнести поддержку детских домов, акции внимания к многодетным семьям, проектную работу и др. Футбольный клуб «БАТЭ», активно взаимодействует с воспитанниками Борисовского детского дома. Игроки и уполномоченные представители клуба регулярно посещают детский дом, проводят беседы с детьми, вовлекая их в активные виды спорта и оздоровления.

Визуальным примером неравнодушия к проблеме сохранения семьи является демонстрация крепких семей футболистов клуба. Собственный пример является лучшим способом поддержки многодетных семей, семей с детьми. Заслуженное признание как благотворительная организация футбольный клуб снискал у общественности за социально-благотворительный проект «БАТЭ за жизнь!», который проводится с 2011 года. Целью проекта стала работа по укреплению ценностей здоровья, спорта и профилактика асоциальных явлений [1].

Как очевидно из вышесказанного, социальная реклама затрагивает весь спектр социальных проблем современного общества и является востребованной коммуникативной технологией влияния на разные социальные группы населения.

К функциям социальной рекламы относятся следующие: информационная, идеологическая, социоинтегративная, воспитательная, эстетическая.

Информационная функция направлена на предоставление разным социальным группам своевременной информации о наличии определенной социальной проблемы с целью привлечения к ней внимания.

Деятельность по продвижению определенных социальных ценностей, толкование сущности возникающих проблем, причин данных явлений и путей их решения предполагает выполнение *идеологической функции.*

Социальная реклама является важной составляющей социальной политики государства, она направлена на стабилизацию и гармонизацию современных общественных систем и институтов. В этом проявляется *социоинтегративная функция* социальной рекламы.

Воспитательная функция социальной рекламы направлена на то, чтобы сформировать в общественном мнении социально одобряемые поведенческие установки. Ее воздействие направлено на предотвращение негативных асоциальных явлений, в особенности в подростковой и молодежной среде.

Эстетическая функция как коммерческой, так и социальной рекламы реализуется через формирование вкуса потребителей. К разработке рекламы привлекаются специалисты творческих профессий, таких как художники, дизайнеры, сценаристы. Выполненная на высоком художественном уровне социальная реклама может быть произведением искусства! Эстетическая функция включает разные аспекты раскрытия проблемы: не только положительные впечатления может получить потребитель, но и негативные. К примеру, демонстрация неприглядных с эстетической точки зрения визуальных роликов о травматизме на дорогах, заболеваниях СПИДом и т.д. Однако тем не менее эстетическая функция оказывает существенное влияние в воздействии на потребителя [2, с. 13–14].

Реализация каждой из обозначенных функций находит свое отражение в деятельности государственных органов.

Рассмотрим специфику социальной рекламы некоторых Министерств и ведомств Республики Беларусь.

Основной задачей *Министерства обороны Республики Беларусь* является осуществление ряда приоритетных государственных направлений в сфере обороны, в том числе, поддержание оптимального боеспособного состояния вооруженных сил страны. Основной структурой, осуществляющей политику министерства в информационно-коммуникативной сфере, является Военно-информационное агентство Вооруженных Сил Республики Беларусь «*Ваяр*». В последнее время агентство плодотворно сотрудничает с рекламным агентством «*RGBproduction*» в сфере социальной рекламы. Созданные агентством социально-рекламные продукты, способствуют изменению отношения молодежи к армии и создания положительного имиджа вооруженных сил в целом. Примерами успешных продуктов являются такие как «*Тест драйв после медкомиссии*», «*Военком*», «*Помощь обязательно придет*». Социальная реклама «*Помощь обязательно придет*»– рекламный продукт 2014 г. Концепция рекламы направлена на усиление доверия населения к вооруженным силам.

Министерство по налогам и сборам Республики Беларусь осуществляет контроль за поступлением в государственный бюджет таких обязательных денежных поступлений, как налоги. Посредством социальной рекламы, министерство уведомляет граждан о важности и необходимости осуществления налоговых платежей, а также информируют о всевозможных правонарушениях. Важным направлением в социально-рекламной политике министерства является профилактика «*теневой деятельности»* или сокрытия доходов. В 2014 г., благодаря сотрудничеству с рекламным агентством «*RGBproduction*», была разработана серия социальных роликов под названием «*Живите мудро, трудитесь честно»,* целевой аудиторией которых стали репетиторы, няни, горничные, фотографы, музыканты, артисты, секретари, переводчики и др. Реклама призывает обратиться людей данных профессий в налоговые органы и легализовать свой вид деятельности.

Министерство внутренних дел Республики Беларусь нацелено на обеспечение правопорядка, осуществление профилактики правонарушений и пресечение преступлений. В список различных видов нарушений закона входят торговля наркотиками, домашнее насилие, проституция, несоблюдение правил дорожного движения, разбойные нападения, убийства различной степени тяжести, ограбления, незаконное хранение оружия и т.д. В сложившейся ситуации социальная реклама является важным инструментом проведения информационно-пропагандистской деятельности, позволяющей проводить профилактику данных проблем на системном уровне. Стоит отметить участие в подобных профилактических акциях международных организаций и известных личностей. Примером такого опыта работы ведомства может служить социальный ролик «*Детская без насилия. Давайте жить мирно*» (разработан в партнерстве с международной организацией ЮНИСЕФ). В качестве положительного персонажа рекламного ролика выступил известный белорусский спортсмен и посол «*UNICEF*» в Республике Беларусь Максим Мирный. Согласно концепции рекламы, Максим Мирный рассказывает о том, что детская—это территория, где нет места насилию. На примере собственной семьи, он пытается донести до получателей сообщение о том, что в любой трудной ситуации всегда есть альтернатива позитивного выбора, в особенности, в отношении детей.

Реализацией и проведением рекламных компаний для Министерства *жилищно-коммунального хозяйства Республики Беларусь* занимается некоммерческая организация *Государственное учреждение «Оператор вторичных материальных ресурсов».* В 2015 году, данной организацией была подготовлена рекламная компания «*Цель 99%*». В рекламном послании люди, представляющие различные сферы занятости и относящиеся к разным социальным группам, рассказывают о необходимости сортировки и переработки бытовых отходов.

Итожа, можно сделать вывод том, что социальная реклама является важным инструментом коммуникационной политики любого государственного органа. Посредством социальной рекламы государственные органы управления способны оповещать граждан о существующих в обществе проблемах и негативных явлениях, что способствует повышению уровня их информированности. В то же время государственные институты формируют доверие разных социальных групп к проводимой ими политике, визуализируя те задачи, которые являются наиболее актуальными и востребованными.

Социальная реклама выполняет регулирующую, социоинтегративную, идеологическую функции в системе государственного управления, в комплексе с другими инструментами и технологиями, она способна формировать позитивное отношение к государственным органам, министерствам и ведомствам, усиливать их имиджевую функцию и на международном уровне.

Список литературы

1. БАТЭ: «желто-синие» из Борисова [Электронный ресурс]: Официальный сайт футбольного клуба Батэ. 2013. URL: http://www.fcbate.by/ru/club/general-information/briefly-about-us (Дата обращения: 02.03.2014).

2. Социальная реклама: учеб. пособие для студентов вузов / [Л.М. Дмитриева и др.]; под ред. Л.М. Дмитриевой. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. 271 с.

3. Социальная реклама как феномен общественной и научной рефлексии в белорусском обществе // Теория и методы исследований коммуникации: сб. науч. ст. / под ред. О. В. Терещенко. Вып. 3. Минск: БГУ, 2014. С. 11–24.

Т.Н. Кильмашкина

АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЫ РАЗВЕРТЫВАНИЯ ПРОТИВОБОРСТВА КАК УСЛОВИЕ УПРАВЛЕНИЯ КОНФЛИКТАМИ

Аннотация. *Статья посвящена необходимости анализа социальной среды развертывания противоборства как условия управления конфликтами. Элементами анализа социальной среды конфликта являются: тип цивилизации; общественная формация (общественно-экономические условия жизни); социально-политическое устройство общества; его социокультурная реальность (культура).*

Ключевые слова: *«управление социальным конфликтом» в узком смысле; «управление социальным конфликтом» в широком смысле; элементы анализа социальной среды конфликта; тип цивилизации; общественная формация; социально-политическое устройство общества; социокультурная реальность (культура).*

T.N. Kilmashkina

ANALYSIS OF SOCIAL ENVIRONMENT OF DEVELOPMENT OF CONFRONTATION AS A PREREQUISITE OF CONFLICT MANAGEMENT

Abstract. *Within the given article, the author explains the necessity of the analysis of social environment of development of confrontation since it is an essential prerequisite of conflict management. When it comes to social environment of a conflict, there are the following elements that should be considered: the type of civilization, social formation (meaning the concrete social-economic conditions that exist in society), social-political form of society and its social culture.*

Keywords: *the governance of a conflict in general terms, the governance of a conflict in broad terms, elements of social conflict, type of civilization, social formation, social- political form of society, social reality and culture.*

Категория «управление социальным конфликтом» понимается в узком и широком смыслах.

Управление социальным конфликтом в узком смысле подразумевает учет субъективных моментов, определяющих возможности и способы противодействия конфликту. Как правило, оно сводится к принятию мер по обеспечению диалога противоборствующих сторон, к организации переговорного в целях смягчения напряженности, вызванной непримиримыми противоречиями для стабилизации ситуации, недопущения конфронтации и насилия, для достижения взаимовыгодных соглашений, компромисса и согласия и др.

Управление социальным конфликтом в широком смысле – это процесс целенаправленного воздействия субъектов социального управления на причины конфликта в целях осознанного изменения характера противостояния в целом или в частных проявлениях. Оно включает три элемента управленческого воздействия, распределенных по пространству динамики социального конфликта: предупреждение возникновения конфликтогенных проблем на предконфликтной стадии; разрешение противоречий на этапе открытого противоборства; урегулирование постконфронтационных коммуникаций в постконфликтный период.

Анализ социальной среды развертывания противостояния социальных субъектов является необходимым условием управления конфликтами. Элементами анализа социальной среды конфликта являются: тип цивилизации; общественная формация (общественно-экономические условия жизни); социально-политическое устройство общества; его социокультурная реальность (культура).

Цивилизация (от лат. civilis – гражданский, государственный) в общефилософском значении – социальная форма движения материи, обеспечивающая ее стабильность и способность к саморазвитию путем саморегуляции обмена с окружающей средой.

Цивилизация как структурная единица исторического процесса, как целостная общественная система, как высшая ступень общественного развития, основанная на определенном уровне духовной и материальной культуры, включает в себя различные элементы (религию, культуру, экономику, политику, социальную сферу), все части которой взаимосвязаны и находятся в постоянном развитии.

Цивилизация, по мнению английского философа и историка А. Тойнби (1889–1975) – целостная в социокультурном отношении система человеческих сообществ, ограниченных определенным периодом времени и определенной географической территорией и др.

В контексте анализа социальной среды развертывания противоборства как условия управления конфликтами обращается внимание на качественный анализ признаков цивилизации, таких, как: природная среда обитания; территория; тенденция к распространению через подчинение или ассимиляцию других обществ; большая численность населения; система ведения хозяйства; постоянное развитие; разделение труда; наличие мировой религии, определяющей духовные ценности; наличие государства и классов; индивидуальность политических институтов; социальная организация и др.

Обращается внимание на жизненные циклы (этапы развития цивилизаций): их генезис и рост; расцвет, надлом; разложение, переход в новое состояние.

Причиной зарождения и формирования цивилизации Тойнби называет ответ на вызовы – «закон вызова – ответа», согласно которому каждый шаг развития связан с адекватным «ответом» на «вызов» исторической ситуации. Этот вызов побуждает к росту. Общество отвечает на вызов решением поставленной задачи, чем переводит себя в более высокое, совершенное состояние. Традиционное мнение, согласно которому благоприятные климатические и географические условия способствуют общественному развитию, по мнению Тойнби, оказывается неверным. Напротив, автор констатирует, что неблагоприятное окружение является сильным стимулом для зарождения цивилизаций. Однако необходимо установить пределы, за которыми данный закон утрачивает силу, так как существует определенная мера суровости испытания, при которой стимул вызова достигает наивысшей активности. Эту ступень суровости автор называет оптимизмом, на отрезке которого вызов стимулирует максимально успешный ответ.

Причины исчезновения цивилизаций, по Тойнби: неверный ответ на вызов; правящее меньшинство идет на поводу общества; правящее меньшинство применяет силу и теряет доверие народа [2].

Для эффективного управления социальными конфликтами необходимо учитывать тип цивилизации. Это методологическое понятие, используемое для наиболее крупного членения культурно-исторического развития человечества, позволяющего обозначить специфические особенности, характерные для многих обществ и понять источники, причины и последствия развертывания конфронтаций и специфику влияния на них.

В основу типологизации, как правило, положены четыре основных критерия: общие фундаментальные черты духовной жизни; общность и взаимозависимость историко-политической судьбы и экономического развития; взаимопереплетение культур; наличие общих интересов и общих задач в контексте перспектив развития.

На основе этих критериев дифференцируют четыре основных типа цивилизации: природные сообщества; восточный тип цивилизации; западный тип цивилизации; современный тип цивилизации.

Природные сообщества – это тип непрогрессивной формы существования, к которому относятся исторические сообщества, живущие в рамках природного годового цикла, в единстве и гармонии с природой. В общественном сознании этих народов отсутствует понятие прошлого и будущего. Для них существует лишь время текущее и

время мифическое, в котором живут боги и души умерших предков. Эти народы адаптировались к окружающей среде до такой степени, которая необходима для поддержания и воспроизводства жизни. Цель и смысл своего существования они видят в сохранении хрупкого равновесия между человеком и природой, в сохранении сложившихся обычаев, традиций, приемов труда, не нарушающих их единства с природой.

Духовная культура, верования природных сообществ связаны с обожествлением сил природы. Функции связи между обожествленными силами природы и сообществами выполняют предводители общин (родов, племен), а также жрецы (шаманы, колдуны). Средством интеллектуального и эмоционального освоения мира выступает мифология. Восприятие мифа осуществляется через образ – целостную наглядную структуру.

Для этих сообществ характерен крайний традиционализм. Изменения происходят по замкнутому кругу, нет восходящего развития. Неизменность однажды установленных порядков поддерживается системой запретов – табу. Самое страшное табу – запрет на всякие изменения. В социальной организации господствует коллективизм: община, род, клан, племя.

Властные отношения осуществляются на основе авторитета. Власть опирается либо на традицию (выборные предводители), либо на генеалогическое родство (наследование) [3].

Восточный тип цивилизации (восточная цивилизация) – исторически первый тип цивилизации, сформировавшийся с середины 2-го тысячелетия до н. э. по XVII в. н. э. (на протяжении 3 тыс. лет) на Древнем Востоке в Древней Индии, Китае, Вавилоне, Древнем Египте, Японии.

Характерными чертами восточной цивилизации являются: устойчивость; традиционализм – ориентация на воспроизводство сложившихся образа жизни и социальных структур; низкая подвижность и слабое разнообразие всех форм человеческой жизнедеятельности; в мировоззренческом плане представление о полной несвободе человека, предопределение всех действий и поступков независящими от него силами природы, социума, богов и т.д.; нравственно-волевая установка не на познание и преобразование мира, а на созерцательность, безмятежность, мистическое единение с природой, сосредоточенность на внутренней духовной жизни; неразвитость личностного начала; построение общественной жизни на принципах коллективизма; политическая организация жизни в форме деспотий – абсолютного преобладания государства над обществом; экономической основой жизни является корпоративная и государственная форма собственности; основным методом управления выступает принуждение [1].

Западный тип цивилизации (западная цивилизация) – систематическая характеристика особого типа цивилизационного развития, включающая в себя определенные этапы историко-культурного развития Европы и Северной Америки.

Основными ценностями западного типа цивилизации, по М. Веберу, являются: динамизм, ориентация на новизну; утверждение достоинства и уважения к человеческой личности; индивидуализм, установка на автономию личности; рациональность; идеалы свободы, равенства, терпимости; уважение к частной собственности; предпочтение демократии всем другим формам государственного управления [2].

Западная цивилизация на определенном этапе развития приобретает характер современной техногенной цивилизации.

Современная техногенная цивилизация – исторический этап в развитии западной цивилизации, особый тип цивилизационного развития, сформировавшийся в Европе в XV–XVII вв. и распространившийся по всему земному шару вплоть до конца XX столетия.

Главную роль в культуре данного типа цивилизации занимает научная рациональность, подчеркивается особая ценность разума и основанный на нем прогресс науки и техники.

Характерные черты западной цивилизации: быстрое изменение техники и технологии благодаря систематическому применению в производстве научных знаний;

научно-техническая революция (как результат слияния науки и производства), существенным образом изменившая взаимоотношения человека и природы, место человека в системе производства; ускоряющееся обновление искусственно созданной человеком предметной среды, в которой протекает его жизнедеятельность; возрастающая динамика социальных связей, их относительно быстрая трансформация; нередко на протяжении одного-двух поколений происходит изменение образа жизни и формирование нового типа личности и др.

На базе современной техногенной цивилизации сформировались два типа общества: индустриальное и постиндустриальное.

Индустриальное общество – общество, сформировавшееся в процессе и в результате индустриализации, развития машинного производства, возникновения адекватных ему форм организации труда, применения достижений научно-технологического прогресса.

Это общество, основанное на промышленности с гибкими динамичными структурами, для которого характерны: массовое, поточное производство; механизация и автоматизация труда; развитие рынка товаров и услуг; гуманизация экономических отношений; разделение труда и рост его производительности; высокий уровень конкуренции; ускоренное развитие предпринимательского ресурса и человеческого капитала; развитие и возрастание роли систем управления всех уровней; формирование гражданского общества; широкое развитие средств массовой коммуникации; высокий уровень урбанизации; рост качества жизни и др.

Индустриальное общество возникает в результате промышленной революции. Происходит перераспределение рабочей силы: занятость населения в сфере сельского хозяйства падает с 70-80-х гг. до 10–15%, за счет чего возрастает доля занятости населения в промышленности, торговле и других несельскохозяйственных сферах занятости, что ведет к росту доли городского населения (80–85%).

Доминирующим фактором производства становится предпринимательская деятельность. В результате научно-технической революции индустриальное общество трансформируется в постиндустриальное.

Постиндустриальное общество – общество, в экономике которого преобладает инновационный сектор с высокопроизводительной промышленностью, индустрией знаний, с высокой долей в ВВП высококачественных и инновационных услуг, с конкуренцией во всех видах деятельности.

В постиндустриальном обществе эффективная инновационная промышленность насыщает потребности всех экономических агентов, потребителей и населения, постепенно снижая темпы своего роста и наращивая качественные, инновационные изменения.

Научные разработки становятся главной движущей силой экономики – базой индустрии знаний. Наиболее ценными качествами являются уровень образования, профессионализм, обучаемость и творческий подход работника. Главным интенсивным фактором развития постиндустриального общества является человеческий капитал – профессионалы, высокообразованные люди, наука и знания во всех видах экономической инновационной деятельности. Термин «постиндустриальная экономика», по существу, − синоним термина «инновационная экономика».

Таким образом, чтобы наиболее полно оценить и представить историю страны, в частности, в ситуации развертывания социальных противоборств, необходимо учитывать следующие основные факторы: природно-географические и климатические условия (пространство, территория, где происходило становление и развитие народа); временные (конкретно-исторический отрезок времени, в котором развивалась страна, в сравнении с временными рамками других стран); этнические (народ, особенности характера, воли, его способности к преобразованиям и др.); духовный фактор (определяющийся традиционными религиями, системой ценностей и потребностей).

Каждый из этих факторов имеет своеобразие и в целом создает особую историю страны. Вместе с тем история человечества имеет общие черты, которые связывают во

времени поступательные этапы движения общества к прогрессу (от лат. progressus – движение вперед).

Анализ общественной формации как фактора социальной среды развертывания противоборства также необходимо в системе эффективного управления социальными конфликтами.

Во всемирной истории выделяют различные этапы общественной формации (первобытный, рабовладельческий, феодальный, буржуазный строй и др.), которые на той или иной ступени развития определяли ведущие тенденции прогресса. Выдающийся немецкий философ Гегель в связи с этим утверждал, что общественное развитие есть движение вперед от несовершенного состояния к более совершенному.

Общественная формация, по Марксу, – это социальная система, состоящая из взаимосвязанных элементов и находящаяся в состоянии неустойчивого равновесия. Это стадия общественной эволюции, характеризующаяся определенной ступенью развития производительных сил общества и соответствующим этой ступени историческим типом экономических производственных отношений, которые зависят от нее и определяются ею.

В основе каждой формации лежит определенный способ производства. Производственные отношения, взятые в их совокупности, образуют сущность данной формации. Системе данных производственных отношений, образующих экономический базис формации, соответствует политико-юридическая и идеологическая надстройка. В структуру формации органически входят не только экономические, но и все социальные отношения между общностями людей в данном обществе (взаимоотношения между социальными группами, народностями, нациями и т.п.), а также определенные формы быта, семьи, образа жизни. Коренной причиной перехода от одной стадии общественной эволюции к другой в марксизме является несоответствие между возросшими производительными силами и сохраняющимся типом производственных отношений.

В качестве основных социальных сил в составе обществ с государственным устройством, в качестве критериев анализа, в том числе и конфликтологического, дифференцируются: экономические силы – основные субъекты хозяйствования: производственные классы, профессионально занимающиеся организацией производства и его управлением, коммерческие классы, осуществляющие движение товара к потребителям; потребительские силы – основные субъекты потребления: гражданское общество; управляющие силы – основной субъект управления общественными процессами: государство, состоящее из классов, где господствующий класс осуществляет распределение совокупного общественного продукта [2].

При анализе социальной среды необходимо обратить внимание на характер социально-политической системы, тип социального устройства, в которых разворачивается социальный конфликт. Именно они определяют конфликтность государственных структур, провоцирующих общественную нестабильность.

Социально-политическая система общества не одномерна. С одной стороны, публичная власть формирует отношения контроля и подчинения, использует право как инструмент управления, а принуждение – как властный способ реализации права. С другой – в любой социально-политической системе в рамках гражданского общества имеет место самоорганизация – на уровне обычаев, традиций, корпоративной этики, обеспечивающих «неформальное» (горизонтальное) согласование интересов без принуждения сверху. Соотношение регулирующих механизмов государства и гражданского общества, их способность к социальной мобильности в общем плане определяют характер существующего в обществе социально-политического режима относительно его потенциальной конфликтогенности.

Социально-политическая структура общества определяется способом получения и распределения общественного богатства или совокупного общественного продукта. Центральный вопрос власти – вопрос регулирования общественных отношений – касается распределения совокупного общественного продукта.

Социально-политическая сфера является одной из важнейших областей человеческой жизнедеятельности. Она связана с властью и властными отношениями, государством и государственным устройством, с политическими институтами, принципами и нормами, посредством которых выражаются и реализуются общая воля, интересы и потребности людей.

В контексте управления социальными конфликтами необходим учет социокультурной реальности (от лат. socialis – общественный и realis – действительный). Он подразумевает: способы и формы жизни людей, складывающиеся в результате творческой деятельности человека и выражающие смысл исторического процесса; сознательно создаваемую среду общественного обитания людей в виде искусственной социальной надстройки над естественной природой; сферу совместной жизнедеятельности людей, в которой наиболее полно реализуется творческий потенциал человеческой личности по преобразованию внешнего мира (природы и общества) и себя в нем; духовную атмосферу, окружающую человека, способную менять образ его жизни и деятельности, а также бытия различных слоев общества, классов и социальных групп; конкретные общественные отношения и связи; различные формы общественного сознания, идеологию, исторические традиции, народные пристрастия и национальный менталитет [4].

Содержание социально-культурной реальности зависит от качественного состояния исторического времени: степени проявления политических свобод; уровня социальной справедливости; совести, чести, достоинства, любви к ближнему и т.п. Все они становятся органическими частями единого целого – культуры как вида человеческой деятельности в ее самых разных проявлениях, включая все формы и способы человеческого самовыражения и самопознания [2].

Социокультурная реальность, являясь источником саморазвития общественного бытия людей в результате их конкретно-исторической практики, наполняет жизнь и деятельность каждой отдельной личности определенными нравственно-этическими смыслами. Она является общественным институтом духовно-интеллектуального развития личности и обогащения сферы ее ценностей с целью раскрытия всех природных способностей человека. По сути, служит неким гуманитарным «наполнителем» человека как общественно-исторического субъекта.

Многогранная культурная деятельность индивида и общества представляет основу созидательного процесса, в котором качественно изменяется и общество, и человек как исторический субъект культурной деятельности. В этом процессе происходит становление личности, ее полная социализация, всестороннее духовное обогащение. Все более гармонично сочетаются интересы и потребности личности и общества. Развитие культуры предполагает активизацию воздействия человека на все структуры и функции общества, в частности, в ситуации конфронтаций социальных субъектов.

Таким образом, элементами анализа социальной среды конфликта являются: тип цивилизации; общественная формация (общественно-экономические условия жизни); социально-политическое устройство общества; его социокультурная реальность (культура). Высокий уровень развития и стабильность перечисленных факторов обусловливают снижение конфликтности социальных субъектов на всех уровнях развертывания противоборств: психологическом (внутриличностном, межличностном, личностно-групповом, в бытовых отношениях); социально-психологическом (межличностном, личностно-групповом, межгрупповом, в процессе совместной деятельности); социальном (при столкновениях больших социальных групп). И, наоборот, в обществе, находящемся в глубоком, системном (духовном, социально-экономическом, социально-политическом, социальном) кризисе, низкий уровень развития перечисленных факторов обусловливает повышение конфликтности социальных субъектов на всех перечисленных уровнях развертывания противоборств.

Список литературы

1. Самыгин П.С. История: учебник. 18-е изд., перераб. и доп. Ростов на Дону: Феникс, 2011. 474 с.

2. Пархоменко И.Т., Радугин А.А. Культурология в вопросах и ответах. М.: Центр, 2001. 304 с.

3. Ключевский В.О. Сочинения: Т. 1. Курс русской истории. Ч. 1. М.: Мысль, 1987. 432 с.

4. Федорова Н.В. Аналитический обзор основных современных этноландшафтных концепций // Ученые записки Таврического национального университета. 2001. Т. 14. № 1 (53).

Т.З. Козлова

ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОПЕКУНСКИХ СЕМЕЙ В НЕКОТОРЫХ РЕГИОНАХ

Аннотация. *В результате социологического исследования «Люди, лишенные родительских прав: их социализация и жизненные траектории», проведенного в восьми регионах, выявлены социально-экономические, социально-демографические, социально-культурные, национальные особенности, влияющие на жизнедеятельность опекунской семьи.*

Ключевые слова: *семья, опекунство, регион, ребенок-сирота.*

T.Z. Kozlova

THE FEATURES OF GUARDIAN FAMILIES' VITAL ACTIVITY IN SOME REGIONS

Abstract. *Basing on the results of the sociological survey: «People deprived of parental rights: their socialization and life trajectories», some social, economic, socio-demographic, socio-cultural and national characteristics that affect the life of the guardian family, were revealed in eight regions.*

Keywords: *family, guardianship, region, orphan child.*

Одной из острых проблем российского общества является социальное сиротство. По последним данным Федеральной службы государственной статистики России (2015 г.) было выявлено и учтено 65 162 детей и подростков, оставшихся без попечения родителей [4, с. 139]. Две трети из них – социальные сироты. Это дети-сироты при живых родителях. У одних из них родители лишены родительских прав, других оставили матери в роддомах.

Социальное сиротство формирует ущербность детей как их личности, так и здоровья. Исследования отечественных психологов показали, что ребенок, воспитанный в депривационных условиях, особенно в сиротском учреждении, имеет низкую самооценку, с трудом осознает свою идентичность. Он не имеет представления о положительной модели семьи и коллектива, хотя его жизнь проходит в окружении людей. По статистике, около половины выпускников детских домов пропадает для общества: одни становятся алкоголиками, другие ведут противоправную жизнь.

В связи с выполнением задач по улучшению демографической ситуации в стране в России развивается институт замещающей семьи, т.е. семьи, принявшей ребенка-сироту на воспитание. Цель замещающей семьи – обеспечить успешную социализацию ребенка, сформировать у него вторичную привязанность к приемным родителям на месте исходной (вследствие разлуки с матерью). «Вторичной привязанностью» психологи называют отношения, развиваемые ребенком с другими людьми. Потеря матери, т.е. потеря первичной привязанности, приводит к тревожности, депрессии и, наконец, к агрессии. Агрессивность

ребенка, лишенного родительской заботы, направлена на поиск повторного объекта привязанности для установления вторичной связи [3].

Воспитание в замещающей семье имеет четыре формы: опека, приемная семья, патронатная семья и семейная воспитательная группа. Тенденцией заботы о детях сиротах в современной России является устройство их в замещающие семьи, сокращение численности детских домов.

По последним данным Росстата (2015 г.) из общего числа детей-сирот устроены под опеку (попечительство), на усыновление 37 810 детей-сирот [4, с. 139].

Опекунами детей-сирот в большинстве случаев (80%) являются их бабушки. Это матери родителей детей, которых государство лишило родительских прав [2].

Кто эти родители, которых лишают прав воспитывать своих детей? Ответы на этот и другие вопросы были получены в результате социологического исследования, которое было организовано и проведено автором этой статьи в 2009 г. в восьми регионах России (грант РГНФ). Цель исследования – выявить факторы формирования личности людей, лишенных родительских прав. Дети этих родителей – социальные сироты [1].

Объект исследования – родители людей, лишенных родительских прав. Последние недоступны для исследования по разным причинам (сидят в тюрьме, ушли в секту и т.д.). Предмет исследования – «первичная» (кровная) семья, в которой формировались будущие родители детей-сирот.

Исследование было проведено в восьми регионах страны: Москва, Фрязино (Московская область), Нижний Новгород, Киров, Улан-Удэ, Иваново, Кинешма (Ивановская область), Чудово (Новгородская область). Метод исследования – интервью с опекунами по единой методике «Формализованное интервью», разработанной автором монографии[39]. Методика состоит из трех частей: первая часть вопросов позволяет получить информацию о респонденте (опекуне) и его семье («первичной»); вторая часть – о детях опекунов (родителей детей-сирот) и их семье; третья часть – сведения о семье опекуна с внуком-сиротой.

В каждом регионе было проведено по 20 интервью. В исследовании приняли участие, кроме автора монографии, известные социологи З.М. Саралиева, С.С. Балабанов, М.Н. Бородатая, Б.Л. Цветкова, Т.П. Белова и другие.

Для анализа всего массива была применена математическая обработка данных, при анализе данных интервью – качественный анализ.

Где формируются родители брошенных детей? Прежде всего, в отчем доме. Доминирующие социальные установки усваиваются именно здесь. Благополучная родительская семья является образцом для молодых людей. Если же ребенок растет в неблагополучной семье, то у него формируется отрицательный образ семьи. Такой человек во взрослом состоянии или вообще не создает семью, или создает неадекватную. В результате ее распада могут появиться дети-сироты.

Однако, как показало исследование, и в благополучных семьях вырастают будущие родители детей-сирот. Такие случаи не исключение и не единицы. Большинство родителей, лишенных родительских прав, воспитывалось в полных благополучных семьях. Как личную драму воспринимают такие родители лишение своих детей родительских прав. Они по-разному объясняют их безнравственное поведение. Одни считают, что они слишком баловали своих детей, не отказывали им ни в чем, т.е. растили эгоистов и незакаленных к неожиданным ситуациям людей. Отсюда или их несерьезное отношение к своим детям (внукам опекунов), или срывы (алкоголизм) в связи с уходом мужа. Другие родители (опекуны) слишком жестко и требовательно относились к дочерям, запрещали тем

[39] Методика «Формализованное интервью» опубликована в книге «Социальное сиротство в современной России: истоки и предотвращение, судьбы родителдей детей-сирот / Под ред. Т.З. Козловой. М.: РИОР: ИНФРА, 2010».

самостоятельно делать выбор мужа. Иногда, такое поведение родителей заканчивалось трагически для их детей и внуков.

Утверждение, что благополучный родительский сценарий в преобладающем большинстве определяет благополучную судьбу человека, верно частично, т.к. родительская семья не является замкнутым социумом. Ее жизнь тесно переплетена с жизнью общества. Драматичные истории людей, лишенных родительских прав, связаны с судьбой страны. 90-е годы прошлого столетия внесли большой негативный вклад в жизнь многих молодых людей, которые, не имея определенной нравственной ориентации, ломались в предложенных (сложных) обстоятельствах. Как негативные последствия кризисной ситуации в нашем обществе можно считать развитие сект, куда уходили некоторые родители, бросая детей.

Изменилась роль женщины в семье и обществе. Личную жизнь некоторые женщины ставят выше интересов семьи. Кроме того, если несколько десятилетий тому назад в семье пил отец, то матери, как правило, могли самостоятельно вырастить своих детей. В настоящее время увеличился женский алкоголизм. Женщины иногда пьют наравне с мужчинами. Их, как и пьющих отцов семейств, лишают родительских прав.

В результате анализа результатов исследования в различных регионах мы установили ряд особенностей жизнедеятельности опекунских семей, которые, связаны с социально-экономическими, социально-демографическими, социально-культурными и национальными характеристиками регионов:

а) Социально-экономическое положение опекунской семьи. Для опекуна предусмотрено ежемесячное пособие, которое выплачивается из средств бюджета субъекта РФ. Размер такого пособия определяется на уровне субъекта РФ.

Во время проведения нашего исследования в Москве это пособие составляло 10 000 рублей, такой же размер пособия был во Фрязино (Московская обл.), в Нижнем Новгороде и Кирове –7000 рублей, в Иваново –4000 рублей, т.е. кроме Москвы и Московской области в других регионах выплаты опекунам были ниже.

В интервью респонденты (в городах с меньшей выплатой по сравнению с Москвой) говорили, что им не хватает денег для всестороннего развития внука («нужно купить компьютер», «отдать ребенка в платную секцию» и т.д.). Некоторым опекунским семьям помогают их родственники. Иногда опекуны находят себе работу. Однако, в настоящее время почти половина респондентов не работает. Большинство из них пенсионеры, у некоторых из них слабое здоровье. Была установлена такая закономерность: продолжают работать те пенсионеры, которые родились в селе и переехали жить в город. У них другая социализация по сравнению с городскими жителями. С раннего детства им привили такой образ жизни, в котором основой является работа. В суточном бюджете времени у сельских людей большую часть времени занимает труд. Это связано и со спецификой сельской жизни в селе (в некоторых селах почти натуральное хозяйство), а также с тем, что у них нет по сравнению с городскими жителями разнообразия проведения досуга (театры, выставки и т.д.).

Из-за меньшего материального обеспечения по статье «Опекуны» в регионах (по сравнению с Москвой) существует нехватка кадров работы с опекунами. Отсутствие отделов в регионах по работе с опекунскими семьями несомненно сказывается на жизнедеятельности опекунской семьи не в лучшую сторону.

б) Социально-демографическое положение в регионах. Среди исследуемых регионов наиболее острые проблемы оказались в городе Иваново. Этот город всегда называли «городом невест». Исследование показало, как демографический перекос отрицательно влияет на судьбу женщин. Женщины спешат вступать в интимные отношения с мужчинами в юном возрасте, как будто боясь остаться старыми девами или не выйти замуж. В итоге дети, рожденные в раннем возрасте, остаются сиротами. Кроме того, город Иваново (по сравнению с другими исследуемыми регионами) отличается частотой браков (нет ценности семьи) и численностью детей, оставляемых матерью (по три ребенка). В нашем исследовании таких было два случая из двадцати исследуемых семей. Одного из трех детей берет бабушка, двух

других детей помещают в детский дом. Когда проводилось там исследование, то было понятно, что этому городу надо помогать, а не порицать женщин, которые там живут.

в) Социокультурные условия региона определяют уровень образованности людей, стиль их жизни, что в свою очередь влияет на социально-психологический климат опекунских семьей. В крупных городах в силу развития культурной составляющей стиль жизни горожан отличается от стиля жизни людей, живущих в средних и небольших городах (Иваново, Кинешма, Чудово).

г) Национальные (традиционные) ценности народа играют большую роль в сохранении семьи, численности детей в ней, взаимоуважения ее членов. Пример тому, Республика Бурятия. В традиционном бурятском обществе главное место занимают ценности, отражающие духовные качества человека. К ним относятся миролюбие, терпимость, созерцательность, особое почитание гостя, трудолюбие, уважение к старшим людям, любовь к детям. В этой республике нет убыли населения, меньше по сравнению с другими регионами детей-сирот, а потому меньше опекунских семей.

В настоящее время опекунская семья является одним из важнейших институтов для решения проблемы социального сиротства.

Список литературы

1. Козлова Т.З. Люди, лишенные родительских прав; их социализация и жизненные траектории. М.: «Дашков и К», 2015. 224 с.

2. Козлова Т.З. Опекунская семья. М.: Аспект-Пресс, 2009. 200 с.

3. Ослон В.Н. Жизнеустройство детей-сирот. Профессиональная замещающая семья. М.: Генезис, 2006. 368 с.

4. Социальное положение и уровень жизни населения России 2015. Стат. сб. / Росстат. М., 2015. 311 с.

Н.А. Елсукова, Т.В. Купчинова

ВИТЕБСКАЯ ОБЛАСТЬ В БЕЛОРУССКИХ ИНТЕРНЕТ-СМИ

Аннотация. *В статье представлены результаты контент-аналитического исследования материалов раздела Новости белорусского информационно-сервисного интернет-портала TUT.BY за 2016 г., посвященные Витебской области. Был сделан вывод о том, что общая тенденция формирования интернет-контента сводится к освещению чрезвычайных происшествий региона и культурных событий, которые имеют скорее частный характер и не дают возможность сформировать у читателя целостный медийный «портрет» области.*

Ключевые слова: *Интернет, интернет-портал TUT.BY, контент-анализ, Витебская область, социальная проблема.*

N.A. Elsukova, T.V. Kupchinova

VITEBSK REGION IN THE BELORUSIAN INTERNET MEDIA

Abstract. *The article introduces the results of a content-analytical study of the Belarusian information and service web portal TUT.BY section «News» over the 2016, dedicated to the Vitebsk region. It is concluded that the general trend in the formation of Internet content is focused on the regional emergencies and cultural events, which are of a rather private nature and do not allow a reader to form a holistic media «portrait» of the region.*

Keywords: *Internet, web portal TUT.BY, content analysis, Vitebsk region, social problem.*

Согласно Закону Республики Беларусь «О средствах массовой информации», информационные интернет-ресурсы приравниваются к средствам массовой информации

(ст.19). Традиционные СМИ помимо стандартных средств передачи информации активно используют возможности Интернета, создавая электронные версии своих изданий, странички в социальных сетях. Интернет дает возможность не только быстро передавать актуальную информацию, но и получать обратную связь от своей целевой аудитории в виде комментариев, откликов. Это позволяет власти сформировать представление о наиболее важных для граждан проблемах, вовремя уловить недовольства в отношении принятых решений.

Для жителей Беларуси Интернет является полноценным медиаресурсом, частью современной медиасистемы. Доля пользователей Интернета в стране постоянно растет. Так, например, по данным gemius Audience на март 2016 г. число реальных пользователей сети Интернет в возрасте от 15 лет до 74 лет превысило 5 млн чел. Таким образом, доля населения, пользующегося Интернетом в Республике Беларусь, достигла 70% [2]. Витебская область находится на втором месте, после столицы, по использованию сети Интернет – 60,2%. При этом ежедневно в сеть выходит 65,2% населения области. Используют Интернет в целях поиска информации 90,9% населения области [6, с. 98–99].

TUT.BY – белорусский информационно-сервисный интернет-портал, который имеет высокую посещаемость и по данным на 2016 г. охватывает 2 млн 355 тыс., или 46,42% всех интернет-пользователей Беларуси [8]. 58% аудитории TUT.BY – жители Минской области и 8% – Витебской области. В рамках данного исследования было важно выбрать такой ресурс, который наиболее популярен у жителей Беларуси, с целью определить характеристики контента о Витебском регионе доступного данной целевой группе: как жителям Витебской области, так и центру. Для проведения контент-анализа был выбран раздел «Новости» и отобраны публикации по запросу «Витебская область», «Витебск, Витебская область» за 2016 г. Всего было найдено 228 публикаций. Были выделены следующие категории: название статьи; дата публикации; автор; персоналии статьи; количество знаков с пробелами; фото; жанр; тональность; к чему приурочена статья; уровень подачи материала; затрагиваемая сфера жизни; субъект и объект статьи; наличие и тип социальной проблемы; упоминания о достижениях региона; соотнесение с другими регионами; оценка экономического вклада региона; оценка культурного вклада региона в развитие республики; оценка вклада региона в международные события; наличие и количество комментариев.

Заголовок – первый элемент текстовой публикации, который неразрывно с ней связан и вытекает из ее содержания. Он несет важную коммуникативную нагрузку. При этом традиционные газетные заголовки отличаются от заголовков в интернет-СМИ. Так, белорусский исследователь А.А. Градюшко отмечает, что «заголовок в интернет-СМИ всегда обладает максимальным информативным потенциалом, в нем обобщается главное из того, о чем говорится в тексте, иными словами, заголовок представляет собой квинтэссенцию содержания публикации» [5, с. 74]. Представим несколько примеров заголовков на портале TUT.BY: «Убийство егеря в Миорском районе. Мужчину застрелили за то, что он сдал воров милиции» (13.01.2016 г.), «Не успели заплатить. Почти все предприятия-должники по зарплате в Витебской области» (29.02.2016 г.), «На Витебщине по вине пьяной женщины перевернулась Toyota: пассажир погибла, ребенок пострадал» (17.05.2016 г.). Как мы видим, данные заголовки имеют большой размер, что является характерным для интернет-СМИ, так как многие пользователи в новостной ленте читают только заголовки, из которых получают представление о содержании новости. Для сравнения приведем пример заголовков в газете «СБ. Беларусь Сегодня» (печатная версия): «Четкость – сестра успеха» (14.01.2016 г.), «Елки зеленые» (06.01.2016 г.), «Весьма поучительная история» (21.01.2016 г.). Очевидно, что, не прочитав текст статьи, получить представление о его содержании сложно.

В течение 2016 г. публикации в новостном разделе портала TUT.BY выходили практически равномерно, каждый месяц. Большая часть статей (59,6%) выходили от имени редакции портала без указания автора, 14,7% статей имели автора, также присутствовали перепечатки материалов других газет (11,4%), например, газеты «СБ. Беларусь Сегодня» и

ссылки на публикации информационного агентства «Белта» (14,5%). Наиболее активным корреспондентом можно назвать Т. Матвееву, которая является редактором портала TUT.BY по Витебскому региону. Мы можем заключить, что TUT.BY ориентирован на поиск информации о событиях в Витебской области и создание собственного контента.

Средний объем публикации составил 3265 знаков с пробелами. 62,3% публикаций сопровождается фотографией. В статьях преобладает информационный жанр – 86,8%. Статей аналитического характера всего 2,2%. Тональность публикаций в большинстве своем смешанная – 52,2%. Основная доля публикаций была приурочена к происшествиям в Витебской области (42,1%) и к различным событиям, памятным датам, акциям, достижениям (суммарно 22,9%).

66,7% публикаций имеют региональный уровень подачи информации, республиканский уровень – 17,1%, международный уровень – 7,9%, личностный уровень – 8,3%. То есть в публикациях затрагиваются скорее темы, в большей степени актуальные для жителей Витебской области. При этом лидирует правовая сфера, к ней отнесено 37,3% публикаций, второе место занимает социальная сфера – 10,5%, третье – культурная сфера – 8,3%. Поводом для публикаций правового характера в большинстве случаев является происшествие (78,8%). Как правило, публикации о происшествиях носят чисто информационный характер (95,8%): что случилось, когда и где, кто подозревается, указывается факт возбуждения уголовного дела. Освещаются происшествия, которые связаны с деятельностью криминальных структур – 30,2%, которые происходят в семье – 9,4%, имеют отношение к природоохранной деятельности – 5,2%, армии и предпринимательским структурам по 4,2% соответственно.

В большинстве публикаций 37,7% субъект отсутствует, или в качестве такового выступает обычный человек, проживающий в регионе 26,3%.

Крайне редко можно встретить публикации, в которых есть указания на достижения Витебской области (8,3%), ее вклада в экономическое и культурное развитие страны (суммарно 2,7%). Оценка вклада Витебского региона в международные события на уровне 1%.

Стоит отметить, что статьи, публикуемые на портале, имеют определенный общественный резонанс. На это указывает большое количество комментариев. Из всех отобранных по запросу публикаций 76,7% их имеет. Наибольший интерес у читателя вызвала статья на портале «Российские спецслужбы не пускали в Беларусь полтысячи раввинов» (22.08.2016 г. время публикации 13.36). В статье приводится следующая информация «2 августа 500 раввинов из 30 стран Европы выехали из Смоленска в Лиозно для участия в коллективной молитве и посещения мемориала «Адаменская горка» в белорусском райцентре. Однако въехать в Беларусь они не смогли−на границе они были остановлены сотрудниками пограничной службы ФСБ России по Смоленской области». Также приводится аргумент российской стороны. «Поскольку большинство членов делегации являются иностранцами, то есть не белорусами и россиянами, на них не распространяется действие положений о пересечении границы гражданами Союзного государства», − пояснили причины запрета в российских спецслужбах». Данная публикация имела 681 комментарий. При этом имели место весьма противоречивые суждения: одни осуждали решение российской стороны, другие его поддерживали. В конечном итоге мероприятие состоялось в г. Лиозно Витебской области, что и было анонсировано в статье, опубликованной на портале в тот же день 22.08.2016 в 20.00 «Многие намерены еще посетить нашу страну». Иудейских священнослужителей пропустили в Беларусь» (22.08.2016). Стоит отметить, что никаких разъяснений по поводу того, как данная проблема была разрешена, не давалось. Только зафиксирован факт пропуска. Данная публикация имела уже 252 комментария. Вот один из них: «Хорошо, что все хорошо кончилось. Отдельное спасибо России за бдительность и за заботу о нас» (Светлана Малышкина) (текст комментария оригинальный). Следующая статья, которая занимает второе место по количеству комментариев (632) – «В Витебске парень задержал за рулем пьяного начальника

РОВД: «Теперь меня обвиняют в самоуправстве» (14.04.2016 г.) В статье представлены две версии происшествия: версия молодых людей, которые остановили машину с водителем, находившемся в состоянии алкогольного опьянения и версия самого водителя – полковника Первомайского РОВД С. Сорокина. Приводятся факты по делу, показания участников происшествия и свидетелей. В конце статьи есть указание на то, что TUT.BY будет следить за развитием ситуации. Действительно, в течение месяца появилось четыре публикации по данному происшествию. В одной из них представлена позиция официального лица – главы МВД И. Шуневича, который подписал заключение об увольнении начальника Первомайского РОВД Витебска полковника С. Сорокина из милиции и отметил, что «человек, который сел за руль в состоянии алкогольного опьянения, если он «в погонах», это сразу гражданский человек». Министр уверил, что «подобную «внутреннюю политику очищения» ведомство будет проводить и далее – «независимо от рангов и чинов» [4].

Большое количество комментариев получила статья «Безработица продолжает расти: вакансий хватит только на каждого второго» (20.04.2016 г). В статье отмечается, что, несмотря на то, что уровень безработицы в Витебской области остался на прежнем уровне – 1,3%, коэффициент напряженности на рынке труда самый высокий – 3,1 безработных на одну вакансию [1]

Обратим внимание еще на одну публикацию, которая активно обсуждалась в комментариях «В Витебске задержали предполагаемого белорусского бойца из украинского батальона «Азов» (19.04.2016 г.) Статья сопровождается видеорепортажем о задержании и допросе витебчанина, который подозревается в участии в боевых действиях на территории Украины в составе батальона «Азов» (на стороне официального Киева). В обсуждениях читатели обращали внимание на многочисленные татуировки в виде нацистских символов и осуждали его участие в боевых действиях в составе батальона «Азов» [2].

В 2016 г. портал TUT.BY затронул социальные проблемы Витебской области в 46,5% публикаций. Чаще всего социальная проблема связывалась с преступной деятельностью в регионе (28,3%). На втором месте находятся дорожно-транспортные происшествия (19,8%). При этом стоит заметить, что фиксируется учащение факта сокрытия с места ДТП, управления транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения.

Стоит отметить, что в отобранных публикациях за 2016 г. затрагивался целый ряд социальных проблем, таких, как безработица, бедность, домашнее насилие, проституция, алкоголизм, сиротства и др. Однако количество таких статей было незначительным.

Таким образом, информационный портал TUT.BY как ведущее белорусское интернет-СМИ активно освещает события, происходящие в Витебской области. В центре внимания находятся темы, затрагивающие правовую, социальную и культурную сферы. При этом главным поводом для публикации материалов выступают различного рода происшествия. К сожалению, стоит отметить небольшую долю публикаций аналитического характера. Общая тенденция формирования контента сводится к освещению частных случаев региона, имеющих криминальный контекст, который привлечет внимание читательской аудитории, в силу совей новизны, скандальности, зрелищности. Вместе с тем, по количеству комментариев к различным статьям, для читателя представляют интерес не только правовая сфера, но и социальная сфера, медицина, политика, религия, экономика, промышленность, военная сфера.

Список литературы

1. Безработица продолжает расти: вакансий хватит только на каждого второго [Электронный ресурс] // URL: https://finance.tut.by/news493260.html (Дата обращения: 22.08.2017).

2. Более 40% белорусских интернет-пользователей посещают основные e-commerce-сервисы [Электронный ресурс]: Information Policy Biz: [веб-сайт]. URL: http://www.infopolicy.biz/ (Дата обращения: 20.08.2017).

3. В Витебске задержали предполагаемого белорусского бойца из украинского батальона «Азов» [Электронный ресурс] // URL: https://news.tut.by/society/493148.html (Дата обращения: 22.08.2017)

4. Глава МВД о деле пьяного полковника из Витебска: Такие люди не могут работать в органах [Электронный ресурс] // URL: https://auto.tut.by/news/exclusive/496078.html/ (Дата обращения: 22.08.2017).

5. Градюшко А.А. Заголовок как важнейший элемент текста в веб-журналистике // Весці БДПУ. Серыя 1. 2014. № 1. С. 73–77.

6. Информационное общество в Республике Беларусь, 2014. Статистический сборник [Электронный ресурс]: Национальный статистический комитет Республики Беларусь: [веб-сайт]. URL: http://www.belstat.gov.by (Дата обращения 20.08.2017).

7. О внесении дополнений и изменений в Закон Республики Беларусь «О средствах массовой информации» [Электронный ресурс]: Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3961&p0=H11400213 (Дата обращения: 15.01.2015).

8. Рекламные возможности портала TUT.BY для бизнеса: обзор площадок и цен[Электронный ресурс] // URL: https://img.tyt.by/n/04/3/titulnaya.tut.by_s.pdf (Дата обращения: 22.08.2017)

Н.А. Елсукова, Т.В. Купчинова

ВИТЕБСКИЙ РЕГИОН В БЕЛОРУССКИХ ПЕЧАТНЫХ СМИ

Аннотация. *В статье обсуждаются возможности СМИ во взаимодействии центра и регионов. Представлены результаты контент-аналитического исследования ежедневной республиканской общественно-политическая газеты «СБ. Беларусь Сегодня» за 2016 г по материалам, касающимся Витебской области. Был сделан вывод о доминировании правового и культурного контента в газете за исследуемый период.*

Ключевые слова: *Витебский регион (область), контент-анализ, СМИ, социальная проблема, медийный «портрет» области.*

N.A. Elsukova, T.V. Kupchinova

VITEBSK REGION IN THE BELORUSIAN PRINTED MEDIA

Abstract. *The article discusses the possibilities of the media in the interaction between the center and the regions. There are presented the results of the content-analytical study of the daily republic socio-political newspaper «SB Belarus Today» over the 2016 according to articles relating to the Vitebsk region. It is concluded that legal and cultural content dominates in the newspaper during the studied period.*

Keywords*: Vitebsk region, content-analysis, media, social problem, media «portrait» of the region*

Отношения центра и регионов − одна из самых обсуждаемых тем как в России, так и в Беларуси. Политические, экономические, социальные проблемы государства могут быть видны в его конкретных административно-территориальных единицах. СМИ, в свою очередь, выступают одним из главных инструментов реализации государственной политики и являются главным источником получения информации общественностью о текущих событиях в отдельных регионах, стране и мире. В связи с этим важным представляется формирование определенного журналистского взгляда республиканских СМИ не только на достижения и проблемы регионов (областей), но и на их повседневную жизнь. Особую актуальность данной проблематике придает и позиция государства в отношении развития

средних и малых городов Беларуси. Мы говорим о возможности формирования средствами массовой информации некоего медийного «портрета» области, привлекательного для проживания, ведения бизнеса, инвестиций, экономического и культурного сотрудничества. С другой стороны, в публикациях республиканских СМИ можно увидеть проблемы, существующие в области, актуальные для широкой общественности.

Республика Беларусь является унитарным государством. Территория республики делится на шесть областей, районы, города и иные административно-территориальные единицы. Конституция Республики Беларусь гарантирует право на местное управление и самоуправление.

Витебская область – северный регион Республики Беларусь, который имеет границы с Литвой, Латвией и Россией. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, Витебская область занимает второе место среди всех областей по площади – 40,1 тыс. км^2 и последнее по средней плотности населения – 30 человек на 1 км^2. Средний возраст населения – 41,5 года. Стоит обратить внимание на преобладание городского населения, которое составляет 76,8% общей численности населения области. Удельный вес валового регионального продукта Витебской области в формировании ВВП составляет 8,4%. Предприятия области производят 15,8% республиканского объема промышленной продукции. Направления специализации области: производство электроэнергии, продуктов переработки нефти, станков для обработки металлов, трансформаторов, полимеров этилена, известняковой и доломитовой муки для известкования кислых почв, льняных тканей, обуви, ковров и ковровых изделий [3].

Составить медийный «портрет» области мы попытались посредством изучения материалов главной республиканской ежедневной общественно-политическая газеты «СБ. Беларусь Сегодня». По результатам исследования 2014 г. ИАЦ при Администрации президента газета занимает второе место после «Комсомольской правды в Беларуси» по популярности у белорусских читателей, которой доверяет 83,3% [4].

Изучение прессы позволит решить несколько исследовательских задач:

- во-первых, определить, какая проблематика области и в какой сфере поднимается в республиканских СМИ;
- во-вторых, определить какие события области привлекли внимание республиканских СМИ;
- в-третьих, выделить имиджевые характеристики области, транслируемые республиканскими СМИ.

Для получения информации был использован метод контент-анализа.

Контент-анализ (от англ. content – содержание) относится к неопросным методам исследования и представляет собой количественно-качественный метод сбора и анализа содержания текста как связной последовательности символов.

При реализации методики количественного контента была разработана следующая система категорий: название статьи; дата публикации; автор; расположение; площадь публикации; фото; жанр; тональность; к чему приурочена статья; уровень подачи материала; затрагиваемая сфера жизни; субъект и объект статьи; наличие и тип социальной проблемы; упоминания о достижениях региона; соотнесение с другими регионами; оценка экономического вклада региона; оценка культурного вклада региона в развитие республики; оценка вклада региона в международные события.

Исследовательская гипотеза состояла в следующем: являясь республиканским общественно-политическим изданием газета «СБ. Беларусь Сегодня» освещает жизнь Витебского региона не в полном объеме.

Всего было найдено 225 публикаций за 2016 г. в печатной версии газеты «СБ. Беларусь сегодня», которые затрагивали Витебскую область. В течение года публикации распределись равномерно, хотя и были зафиксированы некоторые выпуски газеты, в которых присутствовало несколько статей одновременно, касающихся Витебской области. 93,3% публикаций расположены в середине газеты, без анонсирования на первой странице.

Республиканская газета отдает приоритет все-таки событиям в стране в целом, а не отдельным регионам. Исключение составляют только самые значимые события, имеющие республиканский и международный уровень, например, международный фестиваль искусств «Славянский базар в Витебске». 66,2% публикаций сопровождается фотографиями, которые позволяют привлечь внимание читателя к тексту. Средняя площадь публикации составляет 351 $см^2$. В публикациях преобладал информационный жанр (76,4%). Встречались также статьи, в которых описаны истории отдельных людей, проживающих в регионе (10,2%). Стоит обратить внимание на крайне низкий процент аналитических статей (3,1%), интервью, обсуждений экспертов, государственных чиновников (4,5%), письма читателей и ответы на письма читателей (5,8%). Обратим внимание, что по многим экономическим показателям Витебская область уступает другим областям, а причины такого положения практически не обсуждаются в республиканской газете. Так, например, она имеет низкий уровень развития сельского хозяйства, самый низкий по стране уровень ввода в эксплуатацию жилых домов, как в городских, так и в сельских населенных пунктах, самый высокий удельный вес населения старше трудоспособного возраста [3]. Доминированием информационного жанра можно объяснить и тональность публикаций: положительная (42,2%), нейтральная (42,2%), отрицательная (15,6%). Поводом для написания статей послужили, главным образом, значимые события, памятные даты и акции – 44,5% и происшествия (ДТП, убийства, наркоторговля) – 32,4%.

Статей, в которых освещаются какие-либо успехи региона достаточно мало – 12,4%. При этом отметим низкий процент публикаций, в которых имеет место оценка культурного, экономического вклада региона в развитие республики и международные события (суммарно 16,9%). В публикациях доминирует региональный уровень подачи информации – 43,6%, и примерно в одинаковых пропорциях республиканский – 22,7%, международный – 20,9%, личностный уровень – 12,9%.

Из всех сфер, которые освещаются в газете, можно выделить правовую – 25,3% публикаций и сферу культуры – 23,1%. Социальная сфера затронута в 13,3% публикаций, сфера промышленности в 11,6%.

В публикациях чаще всего отсутствует конкретный субъект, т.е. проблема обсуждается без соотнесения ее с конкретным лицом (33,8%). Если таковой присутствует, то, как правило, это обычный человек, проживающий в регионе – 24,9%. В качестве субъекта публикаций можно также выделить лиц, совершающих преступления – 10,7%, государственных чиновников – 5,8%, деятелей культуры и искусства – 5,8%.

Интерес представляет и объект статьи, то есть то, о чем конкретно идет речь. 20,9% публикаций посвящены освещению преступлений в различных сферах: торговля контрафактным алкоголем, киберпреступность, коррупция и др. Следующая наиболее освещаемая тема – это различные культурные события и объекты: фестивали, конкурсы, музейные мероприятия – 18,7%. Одним из самых ярких и освещаемых событий является Международный фестиваль искусств «Славянский базар в Витебске». Проблемы городов, сельской местности и общества в целом представлены в 15, 1% публикаций. В 10,7% публикаций освещается сфера производства, транспорта и торговли. Между тем в области осуществляют свою деятельность свыше 1400 предприятий. Промышленный комплекс области производит 32,5% валовой добавленной стоимости. Продукция области составляет порядка 16% промышленности республики [2].

Социальные проблемы области затрагиваются в 33,3% публикаций. Из них первое место занимают дорожно-транспортные происшествия – 16,9%. При этом мы видим только фиксацию факта, а не обсуждение мер по снижению числа ДТП. Вторая по актуальности – проблема развития малых городов и деревень – 15, 6% публикаций. Так, например, теме обеспечения продуктами питания малонаселенной деревни посвящено две публикации: «Автолавка придет по расписанию» (28.01.2016 г.), «Автолавка под контролем» (18.02.2016 г.). Актуализируется тема закрытия сельских школ или, говоря языком власти, «оптимизация» учебных заведений и социально-педагогических центров. Кроме того,

затрагивается проблема сохранения рабочих мест и сельских населенных пунктов как административно-территориальных единиц. Так, статья «Эффект смещения центра» (22.07.2016 г) является реакцией газеты на письмо жителей д. Езерище. Жители обращаются к редакции: «Помогите сохранить рабочие места! Кроме того, от Езерища до границы с Россией – 3 километра. Поселок, по сути, является восточными воротами в Беларусь. Ему бы придать презентабельный вид, развить инфраструктуру. Но за последние десятилетия он, напротив, только лишь приходит в упадок!» [1, с.13]. Похожая проблема фиксируется в статье «Деревня убивает деревню» (02.02.2016 г.). Комментарии журналистов и местных властей сводятся к одному аргументу – экономии государственных средств.

Проблеме алкоголизма посвящено 11,7% публикаций, ЖКХ – 10,4%. Доля публикаций за 2016 г., затрагивающих такие проблемы, как безработица, низкая оплата труда, здоровье, наркомания, семейное насилие, браконьерство, нелегальная торговля, пенсионная реформа, техника безопасности на производстве, социальное обеспечение варьируется от 1 до 5%.

Мы можем также констатировать, что на протяжении всего 2016 г. четко прослеживается круг журналистов, освещающих события, проблемы Витебской области: 41,4% статей были написаны С. Голесником, 17,2% – Е. Бегуновой, 10,8% – О. Крученковой.

Исходя из проведенного контент-анализа материалов газеты «СБ. Беларусь Сегодня» за 2016 г., мы можем выделить некоторые характеристики «типичной публикации», в которой упоминается Витебская область: площадь статьи 351 см ^{2}; жанр – информационный; автор – журналист газеты; статья сопровождается фото; в статье не определяется субъект; в статье, как правило, затрагивается тема преступлений или культурных событий; прослеживается региональный или республиканский уровень подачи информации.

На наш взгляд, такой подход к выбору информации для освещения жизни отдельной области не дает возможности читателю сформировать целостное представление о регионе. Недостаточно информации о том, как работают различные отрасли промышленности, как осваиваются инвестиции, какие решение принимаются государственными чиновниками и какова их эффективность, как выполняется программа по развитию малых городов, как развивается предпринимательская деятельность в регионе. В ходе проведения контент-анализа были обнаружены три статьи, посвященные ОАО «Нафтан», две статьи, посвященные кондитерской фабрике «Витьба», одна статья – СООО «Белвест», в которых рассказывалось о деятельности предприятий, без упоминания о принадлежности их к Витебской области. Можно предположить, что основные предприятия-бренды данного региона газета с ним не соотносит. Также в Беларуси активно обсуждается проблематика внутреннего туризма. Витебская область – это кладезь интересных, красивейших мест, рекреационных зон, о существовании которых многие белорусы даже не подозревают. В 2016 г. мы зафиксировали 3,1% публикаций, в которых затрагивалась бы тема природных объектов, 3,6% предпринимательства и туризма.

Таким образом, в публикациях газеты «СБ. Беларусь Сегодня» за исследуемый период (2016 г.), в которых присутствует указание на Витебск и Витебскую область превалирует правовой и культурный контент. При этом в содержательном плане публикации, затрагивающие правовую сферу, достаточно поверхностны, представляют собой скорее заметки, чем полноценные статьи. В рамках культурного дискурса можно выделить следующие особенности: акцент на историческом прошлом времен Великой Отечественной войны, месте проведения международного фестиваля искусств «Славянский базар в Витебске», родине М. Шагала. Вместе с тем, информация, которую транслирует данное республиканское СМИ о жизни региона в целом, мозаична, выделить явные имиджевые характеристики области достаточно сложно. Медийная картина отражает общую тенденцию, свойственную СМИ – освещение ярких культурных событий и преступлений, чрезвычайных происшествий, способных привлечь внимание читателя.

На наш взгляд, специфика общественно-политического издания состоит как раз в том, что оно должно освещать актуальные социально-значимые вопросы и события не только

культурной, но и общественной, политической, экономической жизни как государства в целом, так и отдельного региона.

Список литературы

1. Голесник С. Эффект смещения центра // Беларусь Сегодня. 2016. 22 июля. С. 13.

2. Регионы Республики Беларусь. Социально-экономические показатели. 2016: Статистический сборник. Т. 1 / Редколл. И.В. Медведева, И.С. Кангро, Ж.Н. Василевская и др. Мн., 2016. 774 с.

3. Промышленность [Электронный ресурс]: Витебский областной исполнительный комитет: [веб-сайт]. URL: http://www.vitebsk-region.gov.by/ru/industry-ru (Дата обращения: 20.08.2017).

4. Топ-15 СМИ Беларуси [Электронный ресурс]: Sputnik Беларусь. 2015. URL: https://sputnik.by/infographics/20150209/1013915051.html (Дата обращения: 20.08.2017).

Н.С. Мастикова

СРАВНЕНИЕ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЯН И СКАНДИНАВОВ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Аннотация. *Статья посвящена сравнению данных ESS в межпоколенческом аспекте по ценностям жителей России и жителей скандинавских стран – лидеров по показателям модернизации. Выявлено, что, россияне мобильны для принятия модернизационных ценностей, особенно в молодежной среде.*

Ключевые слова: *культура, конкурентоспособность, модернизация, показатели модернизации, ценности.*

N.S. Mastikova

VALUES COMPARISON OF RUSSIANS AND SCANDINAVIANS IN THE CONTEXT OF SOCIO-CULTURAL MODERNIZATION

Abstract. *The article is devoted to comparison of ESS data in the intergenerational aspect according to the values of the inhabitants of Russia and the inhabitants of Scandinavian countries, leaders in terms of modernization indicators. It is revealed that, Russians are mobile for the adoption of modernization values, especially in the youth environment.*

Keywords: *culture, competitiveness, modernization, modernization indicators, values*

Данная статья посвящена сравнению ценностей россиян и жителей скандинавских стран. Целью исследования, проведенного на базе данных ESS, было: сравнить данные по России с данными стран – лидеров по показателям модернизации, проанализировать межпоколенные различия ценностей россиян и выяснить, происходят ли изменения в сторону, благоприятствующую экономическому развитию, или являются тормозом для него. Для этого были использованы эмпирические данные 5-й волны Европейского социального исследования, проведенного в 2010 г. Для выделения ценностей, способствующих модернизации общества в ее современном смысле, мы используем типологию, предложенную в работе Л. Харрисона «Главная истина либерализма» [3]. Харрисон развивает разработанную аргентинским социологом М. Грондоной теорию, где выделена группа культурных факторов, влияющих на прогресс. Они образуют типологию, состоящую из 25 пунктов, по которым предлагается анализировать степень прогрессивности культур. Культуры, благоприятные для экономического развития, противопоставлены культурам,

противящимся такому развитию [4]. Используя указанную типологию и базу данных ESS, мы предприняли попытку сравнить ценности россиян и ценности жителей четырех наиболее конкурентоспособных стран Европы, проанализировать межпоколенные различия ценностей россиян (сравнивались лица 40–45 лет и молодежь от 18 до 35 лет) и ответить на вопрос: происходят ли изменения в сторону, благоприятствующую экономическому развитию, или они являются тормозом для него? Для определения группы европейских стран – лидеров по различным показателям модернизации, применялись выделенные Харрисоном 10 индикаторов экономического роста, позволяющие оценить прогрессивность стран (по ним были проранжированы 117 стран). Индикаторы, или индексы прогресса, отражают уровень благосостояния, уровень доверия к институтам, уровень коррупции и характер распределения доходов. Выбранные страны – Финляндия, Швеция, Норвегия, Дания – занимают лидирующие позиции: Норвегия и Дания − первые по показателям доверия в мире, недалеко от них ушли Швеция и Финляндия. Россия занимает по всем индикаторам одно из последних мест.

Были сформулированы следующие гипотезы: **1.** Отставание России от западноевропейских стран-лидеров по показателям модернизации должно отражаться в различиях ценностей россиян и жителей этих стран и в среднем поколении, и в группе молодежи. **2.** Поляризация российского общества в последние десятилетия по уровню дохода, а значит, и по доступности образования и других благ, усиливающаяся коррупция во властных структурах влекут за собой более низкую степень доверия в российском обществе, что препятствует распространению ценностей, которые способствуют прогрессу страны в социально-экономической сфере.

Из 25 пунктов типологии был подобран аналог базы данных ESS для 11 пунктов. Выборки были случайными или случайными стратифицированными. Каждый житель страны старше 15 лет имел равные шансы попасть в выборку. Для устранения возможных неслучайностей данные взвешены с помощью веса для коррекции дизайн-эффекта, что является общей практикой для исследований по базе ESS.

Данные, касающиеся россиян и европейцев среднего возраста, отличаются от стран по ценностным аналогам следующих факторов: «богатство», «моральный кодекс», «труд/достижение», «радиус доверия и идентификация», «общественные связи», «власть», «взаимоотношения полов». Так, ценностный аналог фактора «стремление к богатству» у россиян свидетельствует о большем стремлении к накоплению материальных благ, чем у жителей европейских стран-лидеров. Это стремление в условиях ухудшения материального положения значительного числа россиян и усиления нестабильности их жизни в постсоветский период может быть связано с желанием обеспечить собственную безопасность. Тем самым подтверждается мнение А. Аузана, который считает, что в результате последнего кризиса ценности россиян сместились от ценностей самореализации в сторону выживания [2]. Этим же могут объясняться и различия по ценностному аналогу фактора «предприимчивость» – стремление придумывать новое и подходить ко всему творчески, которые демонстрируют, что среди россиян меньше тех, кто стремится к новаторству, творчеству, по сравнению с европейцами. Для создания среды, благоприятствующей новаторству и творчеству, необходима эффективная и доступная система образования, обеспечивающая общую интеллектуальную и профессиональную подготовку, воспитывающая пытливость, способность к критическому и творческому мышлению, готовящая к самостоятельному решению проблем. Между тем российская система образования находится в состоянии затянувшегося кризиса. Значение ценностного аналога фактора «радиус доверия и идентификация» для россиян ниже, чем для европейцев, что говорит о более низком ощущении общности и, как следствие, более низкой степени доверия в российском обществе. Взаимное доверие и уважение дают возможность людям взаимодействовать на основе взаимопонимания, находить наиболее приемлемые, оптимальные для всех способы решения споров и конфликтов в повседневной жизни. Кроме того, доверие рассматривается в контексте социального капитала стран, который, в свою

очередь, определяется как ресурс, обеспечивающий солидарность общества и его развитие. Доверие подразумевает высокий уровень ответственности, честности и предсказуемости во взаимоотношениях взаимодействующих субъектов. И чем сильнее развиты нормы взаимной ответственности, основанные на уверенности в выполнении взаимных обязанностей, что достигается при наличии доверия между людьми, тем выше потенциал социальных связей в обществе. В контексте сказанного ожидаемо, что значение ценностного аналога фактора «общественные связи» для России ниже, чем для европейских стран. Удовлетворенность населения России демократичностью власти значительно ниже, чем населения европейских стран-лидеров. Значение ценностного аналога фактора «моральный кодекс» у россиян среднего возраста наиболее низкое из сравниваемых стран, что говорит о большем стремлении всегда вести себя правильно, не совершать поступков, которые другие могли бы осудить. По ценностному аналогу фактора «труд/достижение», рассматривающему труд как средство достижения благополучия и хорошей жизни, среднее значение у россиян несколько выше, чем у европейцев. Следовательно, у наших сограждан более низкие возможности для продвижения по служебной лестнице и, возможно, более низкая трудовая мотивация. По остальным 5 факторам значения ценностных аналогов чуть ниже или чуть выше, чем у европейских стран-лидеров. Для молодежи различия россиян и европейцев охватывают ценностные аналоги следующих факторов: «религиозность», «стремление к богатству», «моральный кодекс», «новаторство», «радиус доверия и идентификация», «общественные связи», «демократичность власти», «взаимоотношения полов». Судя по полученным результатам, российская молодежь более религиозна, чем европейская, в большей степени ориентирована на накопление богатства и правильное поведение. Однако, на наш взгляд, ответ на вопрос «Насколько религиозным человеком Вы себя считаете?» не дает истинной картины. Молодежь, скорее, считает себя религиозной, следуя изменившемуся отношению к церкви в обществе. Специально проведенные на эту тему исследования описывают религиозность российской молодежи как неустойчивую, когда сомнения обнаруживаются в истинности даже основных и существенных положений вероучения. Считая себя религиозными, молодые люди редко совершают культовые действия, участвуют лишь в наиболее важных религиозных праздниках и обрядах, не имеют постоянных связей с религиозной группой. Религиозные стимулы, как правило, не влияют на мотивацию социальной деятельности. Молодые люди демонстрируют приятие ценностей, резко осуждаемых церковным вероучением, например, поддерживают применение противозачаточных средств, абортов [1]. Наибольшее среднее значение ценностного аналога «новаторство» для российской молодежи говорит о том, что россияне обладают меньшей открытостью к новым занятиям и неожиданным перспективам, чем европейцы. Мы объясняем это недостатками системы образования, которая утратила преимущества советской школы, не отвечает вызовам современного информационного общества, продолжает приучать действовать по образцу, не ориентирована на самостоятельное достижение образовательных результатов. Значения ценностных аналогов факторов «радиус доверия и идентификация», «общественные связи», «власть», «взаимоотношения полов» у молодых россиян самые низкие, что говорит о сохраняющейся в молодежной среде тенденции к более низкой степени доверия и способности к сотрудничеству, более низкой оценке демократичности власти. Сохраняются и патриархальные установки по отношению к равенству полов. Это можно объяснить тем, что общественные стереотипы равенства мужчины и женщины в семье, пропагандируемые в связи со стремлением России интегрироваться в мировое сообщество, сталкиваются с патриархальным укладом конкретной семьи, которая воспитала молодого респондента. В результате общественный идеал одобряем, но у себя в семье каждый видит мужчину в роли главы, как у предыдущего поколения. Итак, социально-экономическое развитие стран зависит не только от наличия ресурсов и качества управления ими, но и от культурных ценностей, разделяемых населением. Национальные культуры могут способствовать прогрессу либо создавать культурные барьеры на пути развития. Догоняющая модель модернизации в современных

условиях невозможна. Концепция *multiple modernities* не исключает заимствования и освоения успешного опыта, однако предполагает такие общие черты развития, как увеличение степени личной и системной свободы, расширение областей человеческой деятельности, творчества и независимости. Модернизация как возрастание способностей к социальным преобразованиям с целью повышения конкурентоспособности обществ в глобализирующемся и непрерывно изменяющимся мире рассматривается в качестве стратегии саморазвития России. Отставание России от западноевропейских стран-лидеров по индикаторам модернизации отражается в различиях ценностей россиян и жителей этих стран. Выявлено 7 факторов прогресса (из 11 рассматриваемых), по которым соответствующие им средние значения ценностей россиян среднего возраста отличаются от европейских стран. Для группы молодежи таких факторов 8. Россияне среднего возраста больше, чем европейцы, стремятся всегда вести себя правильно, не совершать поступков, которые другие люди могли бы осудить. Труд как средство достижения благополучия и хорошей жизни они рассматривают чаще, чем европейцы, что говорит, скорее всего, о более низких возможностях для продвижения россиян по служебной лестнице и более низкой трудовой мотивации. Российская молодежь считает себя более религиозной, чем европейская, она в большей степени более ориентирована на накопление богатства и правильное поведение, обладает меньшей открытостью к новым занятиям и неожиданным перспективам. Последнее мы объясняем недостатками системы образования, которая не отвечает вызовам современного информационного общества, продолжает приучать действовать по образцу, не ориентирована на пробы различных видов деятельности и самостоятельное достижение образовательных результатов.

В молодежной среде сохраняется тенденция к более низкой степени доверия и способности к сотрудничеству, более низкой оценке демократичности власти. Сохраняются патриархальные установки по отношению к равенству полов. Более низкие значения большинства прогрессивных ценностей по сравнению с европейцами и в среднем поколении, и в группе молодежи могут объясняться низким уровнем безопасности в России. Безопасность является условием большей культурной открытости, меньшей иерархичности и авторитарности общества и в конечном счете условием формирования более демократических институтов. В этом ракурсе полученные результаты свидетельствуют о том, что в современной России основа для демократизации социальных институтов находится в процессе формирования.

Список литературы

1. Андреева Л.А. Религиозность молодежи Российских высших учебный заведений в контексте религиозности Россиян [Электронный ресурс]: Центр религиоведческих исследований: [веб-сайт]. 2010. URL: http://www.religiopolis.org/documents/840-la-andreeva-religioznost-molodezhirossijskih-vysshih-uchebnyh-zavedenij-v-kontekste-religioznosti-rossijan-materialymezhdunarodnoj-nauchnoj-konferentsii-svoboda-religii-i-demokratii-starye-i-novyevyzovy-kiev-avgust-2010.html. (Дата обращения: 12.09.2017)

2. Аузан А. Ценностные установки влияют на долгосрочное развитие [Электронный ресурс]: Экспертный портал Высшей школы экономики: [веб-сайт]. 2013. URL: http://www.opec.ru/1554790.html. (Дата обращения: 12.09.2017)

3. Харрисон Л. Главная истина либерализма: как политика может изменить культуру и спасти ее от самой себя / пер. с англ.: Б. Пинскер. М.: Новое изд-во: Фонд Либеральная миссия, 2008. 279 с.

4. Harrison L.E. Who prospers? How Cultural values shape economic and political success New York: Basic Books. 1992.

А.С. Москвин. И.А. Кушова, Н.Н. Полуян

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ВИРТУАЛЬНЫХ ДАУНШИФТЕРОВ (НА ПРИМЕРЕ МОЛОДЕЖНОГО СООБЩЕСТВА ГОРОДА КИРОВА)

Аннотация. *В статье идет речь о повседневной жизни сообщества виртуальных дауншифтеров, то есть людей, которые сознательно частично отказываются от нахождения в виртуальной среде в пользу действительной реальности. Рассмотрены особенности жизнедеятельности дауншифтеров в трех аспектах: пространство дома, пространство работы или учебы, пространство «третьих мест». Исследование проведено с помощью методики неоконченных предложений.*

Ключевые слова: *Интернет, виртуальность, виртуальный дауншифтинг, дауншифтинг, методика неоконченных предложений.*

A.S. Moskvin, I.A. Kushova, N.N. Poluyan

EVERYDAY LIFE OF VIRTUAL DOWNSHIFTERS (ON THE EXAMPLE OF THE YOUTH COMMUNITY OF THE CITY OF KIROV)

Abstract. *The article analyzes the everyday life of a community of virtual downshifters, that is, people who partially refuse to spend time in a virtual environment. The peculiarities of life-activity of downshifters in three aspects are studied: home space, work or study space, space of «third places». The study was done using the methodology of unfinished sentences.*

Keywords: *the Internet, virtuality, virtual downshifting, downshifting, method of unfinished sentences.*

В современном обществе огромная роль отводится интернет-пространству. Дома мы большую часть времени проводим в социальных сетях, на развлекательных сайтах, незаметно наше сознание порабощает интернет вещей. Образовательные и производственные коммуникативные процессы проходят по электронной почте или в мессенджерах, собираясь на отдых с друзьями, наше внимание устремляется к сотовым телефонам и планшетам. В таких условиях у людей появляется потребность хотя бы частично отказаться от всестороннего давления Интернета.

В рамках исследования в молодежном пространстве города Кирова (14-35 лет) с помощью методики снежного кома было выявлено сообщество виртуальных дауншифтеров, то есть людей, которые сознательно ограничивают себя в пользовании Интернетом. Респонденты были опрошены по методике неоконченных предложений. Объем выборки составил 46 человек.

Анкета состояла из 9 предложений, разделенных на 3 компоненты. В первой компоненте выяснялись особенности жизнедеятельности респондентов в домашнем пространстве: «Моя квартира для меня – это место…», «Дома я занимаюсь…», «Дома Интернет мне нужен…». Вторая компонента относилась к особенностям жизнедеятельности респондентов в рабочем либо учебном пространстве: «Работа (учеба) для меня – это место…», «Интернет и работа (учеба)…», «На работе (учебе) Интернет мне нужен…». Третья компонента относилась к особенностям жизнедеятельности респондентов в моменты их нахождения в «третьих местах»: «Отдых для меня – это…», «Для общения с друзьями я выбираю…», «Интернет на отдыхе…».

Предложения были составлены в соответствии с разработками американского социолога Р. Ольденбурга [2], который выделял три пространства в городской жизни: «первое место» (дом), «второе место» (работа), «третье место» (общественные места для неформального общения).

В ходе изучения жизнедеятельности виртуальных дауншифтеров в домашнем пространстве были выявлены следующие результаты (табл. 1).

Таблица 1

Элементы, полученные в ходе анализа неоконченных предложений, касающихся повседневной жизни виртуальных дауншифтеров в домашнем пространстве

Элементы	Частота употребления	Доля, %
Пассивное ожидание следующего дня	32,5	38,7
Дом – место саморазвития	18,2	21,7
Дом – место работы и учебы	9,1	10,8
Дом – для семьи	8,8	10,5
Дом – для себя	8,5	10,1
Дом – место бытовых дел	6,9	8,2

Наиболее ярко выделяются два первых элемента, частота употребления которых занимает больше половины всех ответов респондентов. В элемент «Пассивное ожидание следующего дня» входят такие ответы респондентов как *«Моя квартира для меня – это место отдыха», «Квартира для меня – это место для сна», «Дома я занимаюсь подготовкой к новому дню за пределами квартиры», «Моя квартира для меня – это место уюта отдыха от окружающего мира и людей», «Дома я занимаюсь подготовкой к новому учебному и рабочему дню», «Дома я занимаюсь восстановлением сил».* В компоненту «Дом – место саморазвития» входят такие предложения как *«Дома я занимаюсь чтением», «Дома я читаю, играю, смотрю фильмы», «Дома я занимаюсь творчеством», «Дома я читаю, смотрю кино, слушаю музыку», «Дома я занимаюсь хобби».*

При этом, Интернет в домашних условиях респонденты используют прежде всего для подготовки к работе и учебе, а также для поиска необходимой информации (табл. 2).

Таблица 2

Элементы, полученные в ходе анализа неоконченных предложений, касающихся использования Интернета в повседневной жизни виртуальных дауншифтеров в домашнем пространстве

Элементы	Частота употребления	Доля, %
Интернет для учебы и работы	13,7	37,4
Интернет для поиска информации	11,3	30,9
Интернет для общения	4,9	13,4
Интернет для развлечения	4,7	12,8
Интернет не нужен	1	2,7
Интернет для связи	1	2,7

Для сообщества дауншифтеров характерно следующее отношение к пространству рабочей и (или) учебной деятельности (табл. 3).

Таблица 3

Элементы, полученные в ходе анализа неоконченных предложений, касающихся повседневной жизни виртуальных дауншифтеров в рабочем и (или) учебном пространстве

Элементы	Частота употребления	Доля, %
Работа (учеба) – саморазвитие	17,5	51,5
Работа (учеба) – зарабатывание денег	7	20,6
Работа (учеба) – комфортное место	5	14,7
Работа (учеба) – ответственное дело	2	5,9
Работа (учеба) – общение с коллегами	1,5	4,4
Работа (учеба) – вынужденное место пребывания	1	3

Выделим наиболее значимые элементы: «Работа (учеба) – саморазвитие» и «Работа (учеба) – зарабатывание денег». Для элемента «Работа (учеба) – саморазвитие» характерные следующие предложения: *«Работа (учеба) для меня – это место проявить себя, где я развиваюсь как личность», «Работа (учеба) для меня – это место, где я могу развиваться», «Работа (учеба) для меня – это место самовыражения», «Работа (учеба) – это место творческой самореализации», «Работа (учеба) – это место моего профессионального интереса», «Работа (учеба) – это место совершенствования своих навыков», «Работа (учеба) – это место реализации себя», «Работа (учеба) – это не место, а состояние души», «Работа (учеба) – это место получения новой информации и развития».* Для элемента «Работа (учеба) – зарабатывание денег» характерны следующие предложения: *«Работа (учеба) – это место заработка», «Работа (учеба) – это место получения денег», «Работа (учеба) – это место зарабатывания денег», «Работа (учеба) – это место, где можно получить хоть какие-то деньги».*

Интересно, что для дауншифтеров Интернет в рабочей и учебной деятельности играет важнейшую роль. Современные условия работы или учебы предполагают постоянное использование Интернета. Результаты предыдущих исследований [1] показали, что именно этот фактор является одной из главных причин дауншифтинга в виртуальной среде (табл. 4).

Таблица 4

Элементы, полученные в ходе анализа неоконченных предложений, касающихся использования Интернета в повседневной жизни виртуальных дауншифтеров в рабочем и (или) учебном пространстве

Элементы	Частота употребления	Доля, %
Работа и Интернет тесно связаны	43	52,4
Интернет для поиска информации	31,5	38,4
Интернет для отдыха	4,5	5,5
Интернет для общения с коллегами	1,5	1,8
Работа и Интернет не связаны	1	1,2
Интернет для связи с детьми	0,5	0,6

Рассмотрим особенности повседневной жизни дауншифтеров в процессе отдыха (табл. 5). Отметим, что наиболее популярными местами для неформального общения являются пространство, предполагающие активный отдых. Данный элемент содержит в себе следующие предложения: *«Для общения с друзьями я выбираю выезды на природу», «Для общения с друзьями я выбираю спортзал», «Для общения с друзьями я выбираю бар или кафе, но чаще я выбираю природу», «Для общения с друзьями я выбираю встречи вживую где-нибудь на даче», «Для общения с друзьями я выбираю прогулки», «Для общения я выбираю прогулки или покатушки на машине», «Отдых для меня – это путешествие, пьянка с друзьями».*

Таблица 5

Элементы, полученные в ходе анализа неоконченных предложений, касающихся повседневной жизни виртуальных дауншифтеров в пространстве «третьих мест»

Элементы	Частота употребления	Доля, %
Активный отдых	54,8	69,3
Пассивный отдых	24,2	30,7

Интернет в процессе нахождения в «третьих местах» играет крайне маленькую роль. Большая часть респондентов отказывается от использования Интернета в процессе неформального общения, а если и пользуется, то зачастую исключительно для утилитарных целей (табл. 6).

Таблица 6

Элементы, полученные в ходе анализа неоконченных предложений, касающихся использования Интернета в повседневной жизни виртуальных дауншифтеров в процессе нахождения в пространстве «третьих мест»

Элементы	Частота употребления	Доля, %
Интернет не нужен	17	44,7
Интернет вызывает неприятие	9	23,7
Интернет нужен для связи с близкими	6	15,8
Интернет нужен для развлечения	4	10,5
Интернет нужен как помощник	2	5,3

Сделаем выводы из полученных результатов:

– В пространстве дома дауншифтеры более склонны к отдыху после рабочего дня, при этом занимаясь саморазвитием;

– Интернет дома необходим для подготовки к работе или учебе, а также для поиска необходимой информации;

– Работу или учебу дауншифтеры рассматривают как место для саморазвития и зарабатывания денег;

– В рабочем и учебном пространстве дауншифтерам сильно помогает Интернет;

– Виртуальные дауншифтеры предпочитают активный отдых пассивному;

– В процессе отдыха дауншифтеры отказываются от использования Интернета.

Список литературы

1. Москвин А.С., Полуян Н.Н., Кушова И.А. Современная молодежная среда: виртуальный дауншифтинг в повседневной деятельности (на примере молодежи г. Кирова) // Теория и практика общественного развития. 2017. №8. С. 14–18.

2. Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 456 с.

Е.В. Панкратова, А.О. Панова

КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ КАК ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ КАЧЕСТВО СОВРЕМЕННОГО УЧИТЕЛЯ

Аннотация. *Приводятся различные трактовки конфликтологической компетентности. Объясняется роль конфликтологической компетентности в профессиональной деятельности педагога в период модернизации системы образования, выявляется ее структура и функции. Рассматриваются особенности педагогических конфликтов. Особое внимание уделяется деятельности учителя в разрешении конфликтных ситуаций в школе.*

Ключевые слова: *конфликтологическая компетентность, конфликтологическая культура, конфликтологическая компетенция, конфликтологическая готовность, профессиональная компетентность, коммуникативная компетентность, педагогический конфликт.*

E.V. Pankratova, A.O. Panova

CONFLICTOLOGICAL COMPETENCE AS PFOFESSIONAL QUALITY OF A MODERN TEACHER

Abstract. *The article describes the different interpretations of conflictological competence. Explains the role of conflictological competence in professional activity of the teacher in the period of modernization of the education system, its structure and functions are revealed. Also it analyzes the features of pedagogical conflict. Special attention is paid to the teacher's activities in resolving conflict situations in school.*

Keywords: *conflictological competence, conflictological culture, the readiness of conflictological, professional competence, communication competence, pedagogical conflict.*

В современном обществе стремительные социальные изменения и модернизация многих сфер общественной жизни способствуют росту уровня конкуренции, следствием чего является актуализация проблематики социальных конфликтов, в том числе и в профессиональной сфере. Конфликт – неизбежное явление, которое сопровождает жизнь человека, поэтому на повестку дня не ставится проблема избавления от конфликтов в принципе. Необходимыми действиями специалистов этой области становится разработка конкретных норм и правил поведения в различных конфликтных ситуациях и сферах деятельности.

На эффективность профессиональной деятельности современного специалиста оказывают влияние многие факторы: характер профессиональной среды, уровень профессионализма, наличие развитой профессиональной культуры и др. Не менее значимым фактором является умение предупреждать и разрешать профессиональные конфликты, т. к. затянувшиеся и обострившиеся конфликты оказывают негативное влияние на результативность профессиональной деятельности. Для того чтобы успешно осуществлять деятельность в условиях конфликтогенной профессиональной среды, преобразовывать эту среду для предупреждения деструктивных последствий конфликтов, уметь взаимодействовать с другими субъектами профессиональной деятельности и преодолевать личностные кризисы, специалист должен обладать конфликтологической компетентностью [5].

Наличие конфликтологической компетентности необходимо для всех профессий, связанных с систематическими межличностными взаимодействиями: управляющих, военных, работников таможенной службы, юристов, педагогов и др. Им в своей профессиональной деятельности, безусловно, приходится сталкиваться с конфликтами, а при низком уровне конфликтологической компетентности они не только не смогут его предупредить или найти оптимальный способ урегулирования, а, наоборот, своим вмешательством могут только ухудшить ситуацию, обострив при этом существующие конфликты и спровоцировав появление новых [3].

В научной литературе нет общепринятой трактовки термина «конфликтологическая компетентность». Само понятие «компетентность» связано с определенным видом профессиональной деятельности, а, последняя, в свою очередь, считается сферой проявления и критерием развитости компетентности. В общих представлениях конфликтологическая компетентность включает в себя знания, умения и деятельность по профилактике и разрешению профессиональных конфликтов [10].

Чаще всего конфликтологическую компетентность связывают с понятием «конфликтологическая культура». Так, по мнению Н.В. Самсоновой, конфликтологическая культура представляет собой конфликтологическую осведомленность индивида, его умение прогнозировать, предотвращать и разрешать различные конфликты. Она разделяет «конфликтологическую культуру личности» и «конфликтологическую культуру

специалиста», которые отличаются друг от друга профессионально-прикладной ориентацией последней [9, с. 11–12].

В структуре конфликтологической культуры специалиста Н.В. Самсонова выделила следующие компоненты. Первый – конфликтологическая компетенция – система профессиональных знаний по теории и практике конфликта, это информационный блок конфликтологической культуры специалиста. Второй – конфликтологическая готовность, которая трактуется как совокупность конфликтогенных профессионально значимых свойств и качеств индивидуальности специалиста в интеллектуальной, эмоциональной, волевой и других сферах, это аксиологический компонент конфликтологической культуры специалиста. Третий – конфликтологическая компетентность, которая предполагает систему навыков и умений для реализации профессиональных задач по управлению различными конфликтами в профессиональной среде, это операционный компонент конфликтологической культуры специалиста. Это означает, что конфликтологическая компетенция специалиста проявляется в познающей деятельности, конфликтологическая компетентность – в преобразующей деятельности, конфликтологическая готовность представляет собой переходный этап от познания конфликтогенной среды к ее преобразованию путем интеллектуальной, ситуативной, ретроспективной и перспективной рефлексии [9, с. 32–36].

О.И. Щербакова также связывает конфликтологическую компетентность с конфликтологической культурой, рассматривает их как уровни конфликтологической подготовки. Конфликтологическая подготовка включает ряд составляющих. Конфликтологическая грамотность служит базовым уровнем и проявляется в житейском интуитивном опыте. Конфликтологическая компетентность представляет собой систему научных знаний о конфликтах и умений управлять ими. Конфликтологическая культура – высший уровень конфликтологической подготовки человека, проявляется в выборе оптимальных стратегий конфликтного поведения, способствующих конструктивному разрешению проблем [12].

О.И. Щербакова уточнила компоненты конфликтологической культуры личности, предложенные Н.В. Самсоновой. Культура мышления – способность человека на основе теоретических знаний объективно анализировать конфликтную ситуацию, формулировать суть проблемы, определять главные и второстепенные моменты, делать выводы и использовать их в своем поведении. Культура чувств – способность воспринимать характер своих переживаний и управлять ими, преодолевая деструктивные чувства – гнев, страх, агрессию, депрессию и сохраняя конструктивные – спокойствие, уравновешенность, оптимизм, толерантность, эмпатию, эмоциональную устойчивость в трудных ситуациях. Коммуникативная культура – готовность человека к диалогу, способность адекватно выражать свои и чужие переживания, уметь слушать и высказывать свои мысли. Поведенческая культура – способность управлять конфликтной ситуацией на всех ее этапах, действовать и решать возникшие проблемы таким образом, чтобы не допустить эскалации конфликта [12].

В приведенных трактовках конфликтологическая компетентность представляет собой деятельность по управлению конфликтными ситуациями, предполагающая использование имеющихся научных знаний и умений.

Понимание сущности конфликтологической компетентности зависит и от вида профессиональной деятельности специалиста. Педагогическая сфера является одной из наиболее конфликтных, а современному учителю для успешного выполнения профессиональных задач недостаточно только знаний в предметной области, особенно важными для него являются готовность к сотрудничеству и регулированию конфликтов, умение осуществлять диалог, находить оптимальные решения по возникающим противоречиям, способность осуществлять деятельность, направленную на минимизацию деструктивных проявлений возникших конфликтов. Это означает, что для повышения

эффективности профессиональной деятельности учителю необходимо развивать конфликтологическую компетентность [10].

Необходимость наличия конфликтологической компетентности у педагога подтверждается профессиональным стандартом педагога, который вступил в силу с 1 января 2017 г., где указано, что учитель, выполняя свою профессиональную деятельность, должен «защищать достоинство и интересы обучающихся, помогать детям, оказавшимся в конфликтной ситуации и / или неблагоприятных условиях», «владеть технологиями диагностики и причин конфликтных ситуаций, их профилактики и разрешения», обеспечивать «формирование культуры диалога через организацию устных и письменных дискуссий по проблемам, требующим принятия решений и разрешения конфликтных ситуаций» [7].

Специфика педагогического конфликта характеризуется тем, что его участники являются представителями разных социальных групп, обладающие разным социальным статусом. Кроме того, первостепенная цель учителя заключается не в том, чтобы навязать ученику свое решение, а укрепить его разум и волю, пробудить добрые чувства [1].

В целом, педагогический конфликт представляет собой нормальное социальное явление, характерное для динамичного института современной школы. Однако зачастую конфликты в образовательном процессе нарушают продуктивный характер взаимоотношений между педагогами и учениками, вызывая у них стрессовое состояние, неудовлетворенность работой, с одной стороны, и нежелание учиться, с другой [11].

Выделяют ряд особенностей педагогических конфликтов: во-первых, учитель несет ответственность за педагогически правильное разрешение конфликтных ситуаций, т. к. он обладает большим жизненным опытом, а ученик только усваивает нормы отношений между людьми; во-вторых, участники конфликтной ситуации по-разному понимают события и их причины: учитель не всегда может легко понять переживания ребенка, а ученик не всегда способен справиться со своими эмоциями и подчинить их разуму; в-третьих, профессиональная позиция учителя обязывает его в случае конфликта взять на себя инициативу его разрешения, поставив при этом на первое место интересы ученика как формирующейся личности и др. [1].

Также особенностью конфликтологической компетентности педагога является то, что она подразумевает не только умения и навыки учителя успешно управлять конфликтами, но и создавать необходимые условия для усвоения этих навыков обучающимися. Поэтому конфликтологическая компетентность педагога подразумевает, с одной стороны, умение эффективно разрешать сложившиеся конфликтные ситуации, а с другой – способность оказать содействие учащимся в реализации конструктивного взаимодействия в трудных ситуациях [2].

Как известно, в настоящее время во многих школах управленческая деятельность педагога в отношении конфликтов сводится к беседе с учениками, их наказанию или разговору с родителями. В этом случае учитель берет на себя разрешение сложной ситуации и выступает в роли судьи. Такой способ разрешения конфликтных ситуаций не удовлетворяет запросы современной школы, т. к. подобное поведение педагога нередко ориентирует ребенка на неконструктивные формы разрешения конфликтов – их подавление и игнорирование, поиск «правого» и «виноватого» [1].

Исследования различных дисциплин показывают, что многие учителя негативно относятся ко всяким проявлениям конфликта в своей деятельности, это явление у них ассоциируется с нарушением дисциплины, ухудшением взаимоотношений в коллективе, проявлением грубости, раздражения или нетактичности. Однако педагогический конфликт имеет высокий воспитательный потенциал. Он способствует полноценному развитию личности школьника, накоплению им опыта поведения в конфликтных ситуациях и способах их конструктивного разрешения, в конфликтах происходит формирование ценностей, самопознание, осознание общности с единомышленниками. Но не каждый школьный конфликт может оказать позитивное влияние на развитие учащихся, поэтому первостепенной

задачей учителя является предупреждение конфликтов или их перевод в конструктивное русло. Способности педагога предупреждать конфликтные ситуации представляют собой содержательную основу конфликтологической компетентности [10].

Негативное отношение учителей к конфликтам в процессе обучения, неумение конструктивно разрешить возникшие противоречия, а также специфика педагогического конфликта обусловливают необходимость изучения особенностей конфликтологической компетентности педагога и технологий ее формирования.

Сущность конфликтологической компетентности педагога также трактуется неоднозначно. И.В. Никулина, Л.И. Бершедова и Э.Н. Рычихина рассматривают конфликтологическую компетентность педагога как вид профессиональной компетентности, включающий в себя подготовленность и способность учителя к управлению образовательными конфликтами [2].

По мнению И.В. Никулиной, педагог, обладающий конфликтологической компетентностью, свободен от конфликтофобии и способен воспринимать конфликт как действенный механизм разрешения противоречий, играющий большую роль в развитии личности. Описывая конфликтологическую компетентность педагога, она сделала акцент на важности этого качества и у преподавателя вуза [6].

Страх перед конфликтами во многом мешает конструктивному разрешению конфликтных ситуаций. Учитель, который не избегает конфликтов, а стремится их разрешить, получает полезный личный опыт управления ими: он начинает осознавать мотивы поведения учащихся, вырабатывает навыки прогнозирования и воздействия на эти мотивы. Конфликтологическая компетентность позволяет педагогу направлять энергию межличностных конфликтов на усовершенствование процесса образования и воспитания учащихся [4, с. 230].

Д.Н. Амиргамзаева, Т.Р. Саралиева, Е.В. Рябинина рассматривают конфликтологическую компетентность педагога как составляющую коммуникативной компетентности, которая включает в себя осведомленность о различных стратегиях конфликтного поведения и умение успешно реализовывать выбранные стратегии в конкретных жизненных ситуациях. Конфликтологическую компетентность можно представить как способность минимизировать деструктивные моменты конфликтного взаимодействия путем выбора оптимальных стратегий поведения [10].

Е.В. Рябинина рассматривает конфликтологическую компетентность как одну из важнейших характеристик профессиональной мобильности. Важной составляющей конфликтологической компетентности является конфликтологическая готовность, предполагающая способность специалиста к решению конфликтологических задач по профилактике, прогнозированию, регулированию и разрешению конфликтных ситуаций [8].

Д.Н Амиргамзаева выделила в конфликтологической компетентности педагога следующие структурные компоненты: когнитивный, включающий совокупность знаний о сущности конфликта, способах диагностики, прогнозирования, предупреждения и разрешения конфликтных ситуаций; технологический, предполагающий наличие у педагогов сформированной системы умений и навыков поведения в конфликтах и управления ими; личностно-эмоциональный, характеризующий уровень конфликтности личности [1].

Несмотря на различные трактовки конфликтологической компетентности педагога, все исследователи сходятся во мнении, что определяющую роль в ее формировании играет качество обучения в педагогических вузах. Именно поэтому, исследуя данный феномен, многие ученые в качестве объекта исследования выбирают не учителей школ, а студентов-выпускников педагогических вузов с целью определить наличие потенциала конфликтологической компетентности учителей.

Таким образом, в современных условиях умение эффективно разрешать конфликты необходимо практически во всех видах профессиональной деятельности. Особенно важно успешно разрешать возникшие конфликты в образовательной сфере. Педагогам необходимо освободиться от убеждений об исключительно негативных качествах конфликтов и

научиться не только успешно управлять конфликтными ситуациями, обучая этому школьников, но и использовать искусственно спровоцированные конфликты в воспитательных целях.

Список литературы

1. Амиргамзаева Д.Н. Конфликты в школе и конфликтная компетентность учителя // Известия ДГПУ. Психолого-педагогические науки. 2008. №1. С. 62–64.

2. Бершедова Л.И., Рычихина Э.Н. Конфликтологическая компетентность в структуре профессиональной компетентности учителя и классного руководителя // Вестник ТГУ. 2013. Вып. 7. С. 116–121.

3. Гуменюк Л.Й. Социальная конфликтология. Львов: ЛьвГУВД, 2015. URL: http://studbooks.net/ (Дата обращения: 08.04.2017).

4. Конфликтология / [В.П. Ратников и др.]; Под ред. В.П. Ратникова. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2012. 543 с.

5. Митяева А.М. Конфликтологическая компетентность как основа конструктивного поведения в конфликтогенной образовательной среде // Конфликты в образовании: материалы всероссийской научно-практической заочной конференции / Под ред. Н.В. Нижегородцевой. Ярославль: ЯГПУ. 2009. С. 63–73.

6. Никулина И.В.Конфликтологическая компетентность преподавателя вуза // Вестник Сам-ГУ. 2014. № 9. С. 222–227.

7. Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель). Приказ Минтруда России от 18.10.2013 № 544н (с изм. от 25.12.2014) Об утверждении профессионального стандарта // СПС Консультант Плюс.

8. Рябинина Е.В. Конфликтологическая компетентность как составляющая профессиональной мобильности личности // Социально-профессиональная мобильность в XXI веке: сборник материалов и докладов международной конференции. Екатеринбург: РГППУ, 2014. С. 314–318.

9. Самсонова Н.В. Конфликтологическая культура специалиста и технология ее формирования в системе вузовского образования. Калининград: КГУ, 2002. 308 с.

10. Саралиева Т.Р. Конфликтологическая компетентность учителя общеобразовательной школы как научное понятие // Сибирский педагогический журнал. 2011. № 10. С. 329–335.

11. Селиванова Е.А. Роль учителя в возникновении и разрешении педагогических конфликтов // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2010. № 3. С. 34–39.

12. Щербакова О.И. Формирование и развитие понятия «конфликтологическая культура личности» в теории и практике современной конфликтологии // Проблемы современного образования. 2010. № 2. С. 78–83.

В.А. Шилова, К.Э. Гусейнова

МЕТОДОЛОГО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОГО (МОТИВАЦИОННО-ЦЕЛЕВОГО) АНАЛИЗА ТЕКСТОВ ПУБЛИКАЦИЙ СМИ В РЕГИОНАХ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ МОДЕРНИЗАЦИИ[40]

Аннотация. *В настоящей статье представлена разработка и апробация проблемно-ориентированной методики интенционального (мотивационно-целевого) анализа СМК, которая базируется на двух концептуальных теоретико-методологических основаниях, семиосоциопсихологической парадигме, разработанной Т.М. Дридзе, и подходе к исследованию проблемных жизненных ситуаций, описанном Т.М. Дридзе, Н.Я. Мазлумяновой и Г.П. Голубевой. Методика представляет сложный комплекс процедур отбора и кодирования проблемных ситуаций, содержащихся в информационно-аналитическом контенте, и позволяет выходить на новый уровень анализа текстов.*

В статье приводятся эмпирические данные, полученные в ходе исследования печатных изданий Республики Башкортостан, Калмыкия, Московской и Белгородской областей.

Ключевые слова: *социология управления, коммуникация, СМК, проблемно-ориентированная методика интенционального анализа, интенциональный (мотивационно-целевой) анализ, интенция, проблемная ситуация*

V.A. Shilova, K.E. Guseynova

METHODOLOGICAL AND METHODICAL FOUNDATIONS OF INTENTIONAL (MOTIVATIONAL TARGET) TEXTUAL ANALYSIS OF MEDIA PUBLICATIONS IN THE REGIONS WITH DIFFERENT LEVEL OF MODERNIZATION

Abstract. *The article presents the empirical data collected in the course of the research printed editions of Bashkortostan and Kalmykia republics, Moscow and Belgorod regions.*

The article presents development and approbation of a problem-oriented method of intentional (motivational target) analysis of mass media, which is based on two conceptual, theoretical and methodological grounds, semiosociopsychological paradigm developed by T.M. Dridze, and the approach to research of a problem life situations described by T.M. Dridze, N.Y. Mazlumyanova and G.P. Golubeva. The technique represents a complex set of procedures for the selection and coding the problem situations contained in the information-analytical content, and allows reaching a new level of text analysis.

Keywords: *sociology of management, communication, mass media, problem-oriented method of intentional analysis, intentional (motivational target) analysis, intention, problem situation*

Проблемно-ориентированная методика интенционального (мотивационно-целевого) анализа СМК в регионах была разработана в рамках проекта РНФ «Гражданская экспертиза проблемы реформирования властно-управленческой вертикали в контексте процессов социокультурной модернизации регионов: от мониторинга состояний до прогнозного проектирования», одной из основных задач которого выступает анализ содержания печатных публикаций СМК. Для того чтобы определить характер властно-управленческой вертикали в том или ином регионе РФ, необходимо определить позицию различных групп населения, а именно, провести границы между провластными (государственными) и оппозиционными (местными) субъектами в вопросах оценки структуры и содержания деятельности руководящих органов.

[40] При финансовой поддержке Российского научного фонда, проект №15-18-30077.

В процессе создания проблемно-ориентированной интенциональной методики, во-первых, мы обратились к интенциональному (мотивационно-целевому) анализу, который был разработан Т.М. Дридзе в рамках семиосоциопсихологической парадигмы социальной коммуникации [3]. В отличие от многих других методик анализа текста данный подход позволяет ответить на вопросы: зачем? ради чего написан текст? с какой целью написан текст? То есть, прежде всего, «выясняется мотив и цель (точнее - интенция как равнодействующая мотивов и цели) деятельности общения, в которой порождается интерпретируемый текст, а уж затем рассматривается тот материал (тема), на котором этот мотив и эта цель реализуются» [1]. Другая особенность данного качественного метода состоит в том, что сам исследователь выступает в качестве респондента, так как ему приходится самостоятельно воспроизводить те или иные мотивационно-целевые структуры, которые были заложены в тексте. Следует отметить, что данный подход во многом зависит от субъективного отношения исследователя к типу проблемы, которая поставлена в статье. Важно не согласие с мнением автора (журналиста или другой конкретной персоны), а то, насколько исследователь сумел понять смысл написанного. Иными словами, смог ли он обнаружить и выделить основные логические узлы. Чтобы сохранить чистоту анализа, необходимо воспринимать информацию опосредованно. Интерпретация данных – вот главная задача исследователя на данном этапе работы.

Для эффективной проверки валидности полученных результатов в ходе исследования был запланирован сравнительный анализ работы двух исследовательских групп, изучающих СМК в разных парадигмах и по разным методикам.

Вторым методолого-теоретическим основанием для нас стал подход к исследованию проблемных жизненных ситуаций, который был описан Т.М. Дридзе, Н.Я. Мазлумяновой, Г.П. Голубевой в рамках исследования, проведенного в районе Арбат-Поварская в Москве [2].

Т.М. Дридзе вместе с соавторами были сформулированы основные определения, которые мы положили в основу разработки нашей методики:

Жизненная ситуация индивида – совокупность значимых событий и обстоятельств, оказывающих непосредственное или опосредованное влияние на его мировосприятие и поведение в каждый данный конкретный период его жизненного цикла. Жизненные ситуации делятся на «устоявшиеся» и проблемные.

Проблемная жизненная ситуация – совокупность основных жизненных проблем индивида, а также факторов, влияющих на возникновение этих проблем, их сохранение и разрешение.

Проблемные жизненные ситуации возникают тогда, когда нарушается упорядоченность привычного жизненного течения, появляется необходимость решать ту или иную проблему. Это ситуация, которая требует от человека повышенной целенаправленной активности, выработки жизненно важных решений, выбора той или иной стратегии деятельности, а также средств и способов достижения нужного результата. Возникает «**момент напряженности**» в жизненных ситуациях индивида.

Как аналитическая единица **проблемная жизненная ситуация** позволяет сводить в одной модели общесоциальные, локальные и индивидуальные детерминанты качества и образа жизни людей, прослеживать их взаимовлияние. Это понятие является исходным и позволяет соединять локальные, социокультурные и конкретно-исторические ситуации, рассматривать их как через призму через человека, его запросы, его возможности их удовлетворить, так и через призму обещства.

Диагностика и классификация проблемных жизненных ситуаций[41]

Измерение напряженности проблемных жизненных ситуаций связано с количеством проблем, накопившихся у индивида, временем их существования и возможности их разрешения с учетом имеющихся жизненных и социокультурных ресурсов. С одной

стороны, мы фиксируем проблемные жизненные ситуации, с другой стороны, мы воссоздаем их предысторию. В процессе ситуационно-биографического интервью выявляются жизненно важные проблемы и выявляются синдромы данных проблем.

Модели проблемных жизненных ситуаций:

Структурно-факторная модель [2] опирается на понимание проблемной жизненной ситуации как отягощенной одной или несколькими жизненно важными проблемами. Задача стоит в выявлении основных элементов такой ситуации и структуры их связей. Количество жизненных обстоятельств и условий, влияющих на жизнедеятельность и жизневосприятие индивида очень велико. Это, прежде всего, все компоненты среды (природные, рукотворные, социальные, информационно-символические) в том объеме, в каком они вовлечены в сферу его жизнедеятельности; личностные характеристики индивида (психофизические, демографические, статус-позиционные и проч.); особенности взаимодействия индивида со средой – специфические для данного человека модели поведения, деятельности, общения и взаимодействия с другими людьми в различных ситуациях, особенности восприятия людьми объективных условий собственной жизни в связи с индивидуальными потребностями и ценностными ориентациями, прошлым опытом, жизненными достижениями и неудачами; объективными (предоставляемыми индивиду обществом) возможностями для решения проблем и проч. Кроме того, это и локальная социальная ситуация, в значительной мере определяемая принятыми в данном сообществе поведенческими образцами, нормами, традициями. Для построения структурно-факторной модели необходима информация о том, как жители воспринимают среду своего обитания, насколько эта среда отвечает их потребностям, с какими жизненными проблемами им приходится сталкиваться, и насколько эти проблемы связаны с условиями жизни. Как связаны проблемы между собой, какие типы проблемных жизненных ситуаций преобладают среди жителей данного населенного пункта.

Диахронная модель, структурно-функциональная, процессуальная [2]**:**

При построении этой модели понятие проблемной жизненной ситуации используется в «узком смысле» – рассматривается только совокупность проблем и связанных с ними факторов.

Выделяются следующие составляющие и детерминанты проблематизации жизненной ситуации:

1. Основные жизненно важные проблемы, текущие и периодически возникающие (общий перечень и типология проблем);

2. Важность проблем с точки зрения респондента (компонента, отражающая рациональную оценку индивидом проблем);

3. «Острота» проблем с точки зрения респондента (компонента, отражающая эмоциональное отношение респондента к проблемам);

4. Сроки жизни проблем (длительность существования проблем и предполагаемые сроки их разрешения);

5. Связи между проблемами в настоящем и прошлом;

6. Тип проблем (по специально разработанной типологии);

7. Факторы, воздействующие на возникновение и существование проблем – проблематизирующие факторы;

8. Факторы-катализаторы, косвенно влияющие на возникновение и существование проблемной ситуации (факультативные факторы);

9. Разрешимость проблем (вероятность решения) с учетом способов разрешения проблем и причин выбора этих способов; факторов, определяющих разрешимость проблем, - ресурсы (индивидуальные, социокультурные и проч.);

10. Возможность воздействовать на решение проблем;

11. Цена решения проблем (количество усилий, необходимых для их решения).

В качестве материала для анализа были выбраны местные и региональные издания средств массовой коммуникации в 4 регионах РФ. В каждом территориальном сегменте были

отобраны 2 издания, представляющие, по мнению исследователей, противоположные политические направления (проправительственные и протестные).

Апробация методики проблемно-ориентированного анализа проводилась по двум газетам республики Башкортостан, проправительственной – «Республика Башкортостан» и оппозиционной – «Bonus».

Каждое издание ориентировано на публикацию аналитических статей, в которых содержится описание и систематизация событийных фактов. Это, своего рода, детальная (реже обобщенная) презентация проблемной ситуации, контекст которой целиком и полностью зависит от лоббированных интересов издательства.

Согласно автору семиосоциопсихологической парадигмы Т.М. Дридзе, текст рассматривается как «коммуникативно-познавательная единица» [1], соответственно, единицей анализа в данном исследовании выступала одна публикация – проблемная статья, в которой говорилось о работе местных (региональных) органов власти, а также ее «интенция», указывающая на цели и характер представления информации. Каждая статья имеет собственные закономерности структурной организации, отсюда можно сделать вывод о численности и типах этих структурных элементов, а также о характере их внутренних связей (предикативности). После определения данных структур заполняется матрица анализа, в основе которой содержатся текстуальные индикаторы, призванные выявлять скрытые механизмы «овеществления в коммуникативном акте» заданной интенции.

Для решения подобных задач нами была разработана проблемно-ориентированная матрица интенционального анализа данных, состоящая из перечня необходимых показателей: тема, основная проблема, ее виды и тип, с каких позиций рассматривается проблема, кто субъект (носитель), оценка работы местных органов власти и т. д., где каждый индикатор выступает в качестве открытого или полузакрытого вопроса.

Следует отметить, что подобная схема составляется на основе выделения 6 уровней проблемной ситуации, без которых структура коммуникативного акта считается незавершенной. 1-й уровень: цель и мотивация текстовой коммуникации; 2-й уровень: тезисы и контртезисы; 3-й уровень: аргументы и контраргументы; 4-й уровень: иллюстрации; 5-й уровень: социокультурные фоны; 6-й уровень: фоны к фонам. Определение социокультурного фона статьи, а также ее проблемной ситуации – главное отличие интенциональной методики от дискурс-анализа. Особенности последнего заключаются в составлении смысловой картины как системы плавных, взаимосвязанных языковых и логических элементов. В то время как мотивационно-целевой анализ указывает на нелинейность коммуникативного акта «во временном фактическом следовании его разных компонентов их иерархичность по отношению к интенции, как правило, не соблюдается» [3]. Примером этого может служить ситуация, когда в тексте наряду с экономической политикой попутно обсуждаются спортивные или культурные события, которые логически не связаны друг с другом, но представлены в одной статье.

В результате интерпретации данных можно определить группы, в интересах которых статья была написана; определить сходство и различие позиций активных объектов (авторов) с властной политикой местного руководства.

Применение методики проблемно-ориентированного анализа требует от исследователя прохождения некоторых ступеней, без учета которых невозможно провести грамотный интенционный анализ.

1 степень – знакомство с данными. Перед началом анализа необходимо внимательно изучить проблемную статью. Особенность данного этапа состоит в том, что без глубокого погружения в текст и его повторного чтения почти невозможно уловить все логические узлы и смыслы, которые в нем содержатся.

2 ступень – первичное заполнение ПО-МЦА. После первого (неглубокого) прочтения статьи можно начать заполнение матрицы по тем критериям, которые не требуют детального

анализа. Например, название статьи, ее автор, тема и жанр, сколько углов зрения в ней содержится, время существования проблемы.

3 ступень – подробное заполнение ПО-МЦА. Заданный этап подразумевает неоднократное прочтение текста, а также первичную кодировку данных в матрице. В результате можно заполнить следующие показатели: тип и описание основной проблемы, с каких позиций рассматривается проблема, субъект (носитель проблемы), кто виноват и от кого зависит решение, участие местных органов власти, позиция журналиста, определение конкретных виновных, уровень проблемы и степень ее решаемости, локализация, наличие механизма решения и его вариативность, наличие/отсутствие ресурсов для решения проблем.

4 ступень – определение интенции. На этом этапе исследователю необходимо составить основной вывод статьи как результат его аналитической работы. Здесь также следует ответить на главные вопросы, которые лежат в основе мотивационно-целевого анализа, а именно: определить основную интенцию текста, ее тип и характер, а также эмоциональную окрашенность статьи.

5 ступень – методическая рефлексия. В процессе анализа у исследователя могут возникнуть различные вопросы, от решения которых может зависеть результат исследования. Для этого в МЦА включается специальное поле «методические отметки», в котором дается комментарий к каждому вопросу, который вызвал затруднение.

В ходе проблемно-ориентированного интенционального (мотивационно-целевого) анализа (ПО МЦА) СМИ гражданской экспертизы властно-управленческой вертикали в регионах решались ряд научно-исследовательских задач:

- изучить проблемный контекст региона через призму проблемных ситуаций, отображенных в региональных СМИ;
- сопоставить проблемы региона, которыми обеспокоены жители (по результатам массового опроса) с проблемами, которые описываются в региональных СМИ;
- изучить форму подачи самих проблемных ситуаций в регионах с разным уровнем модернизации;
- определить доминирующую интенциональную направленность региональных СМИ;
- сопоставить методологические возможности контент-анализа и мотивационно-целевого анализа.

На первом этапе была осуществлена сплошная выборка статей издания за первое полугодие 2015 г. с 01.01.2015 – 01.07.2015. Были проанализированы издания Белгородской («Белгородская правда» – лояльная, «Белгородский бизнес-класс» – оппозиционная) и Московской («Серпуховские вести» – лояльная, «Моя информационная газета» – оппозиционная) областей, республик Башкортостан («Республика Башкортостан» – лояльная, «Bonus» – оппозиционная) и Калмыкия («Элистинская панорама» – лояльная, «Известия Калмыкии» – оппозиционная). Далее экспертным путем были отобраны 8-10 проблемных статей за каждый месяц в каждой газете. Объем финального корпуса статей по каждому региону составил 100 публикаций. Из них – 50 статей, взятых из проправительственной (государственной) газеты, другие 50 – из оппозиционного, независимого издания.

Общий массив – 400 публикаций, затрагивающих проблемные ситуации.

Результаты сравнительного анализа

При анализе результатов, полученных в ходе исследования, для нас было важно выявить отличия в стратегиях освещения проблемных ситуаций СМИ в регионах с разным уровнем модернизации. Нами не случайно были выбраны четыре региона, отнесенные к высокому уровню модернизации (Московская область), среднему (Республика Башкортостан), ниже среднего (Белгородская область) и низкому (Республика Калмыкия) (см. табл. 1).

Таблица 1

Тематическая направленность СМИ в региональном разрезе,
в% от 100, позиция в рейтинге тем

Тема статьи	Регион			
	Московская область	**Белгородская область**	**Республика Башкортостан**	**Республика Калмыкия**
Инфраструктура (организации, учреждения)	82 (1)	38 (2,3,4)	20 (2,3)	63 (3)
Социальная сфера	80 (2)	43 (1)	22 (1)	69 (1)
Бизнес, экономика	68 (3)	38(2,3,4)	20 (2,3)	66 (2)
Отдельные социально-бытовые проблемы	59 (4)	13 (12)	11 (6,7)	50 (4)
Политика	49 (5)	30 (5,6)	11 (6,7)	43 (5)
Общественные организации	38 (6)	38(2,3,4)	17 (4)	30 (7)
Криминал	25 (7)	4 (14,15)	3 (12,13,14)	36 (6)
ЖКХ	23 (8)	11 (13)	3(12,13,14)	21 (11,12)
Торговля	22 (9)	25 (7)	5 (10,11)	28 (8)
Культура, досуг	20 (10)	13 (12)	8 (8,9)	23 (10)
Медицина, здоровье	19 (11)	14 (11)	16 (5)	16 (14,15)
Предпринимательство	19 (12)	0	0	24 (9)
Налоги	16 (13)	21 (8)	0	21 (11,12)
Промышленность	16 (14)	18 (9)	0	3
Образование	14 (15,16)	16 (10)	5 (10,11)	15 (16)
Экология	14 (15,16)	4 (14,15)	3(12,13,14)	6
Сельское хозяйство	13	30 (5,6)	8 (8,9)	16 (14,15)
Строительство, реконструкция социально-значимых объектов	0	0	0	20 (13)

Из таблицы 1 наглядно видно, что каждый регион имеет свою оригинальную новостную конфигурацию.

В Московской области на первый план выходят публикации, связанные с региональной (городской) инфраструктурой, затрагивающие проблемы социальной сферы, бизнеса и экономики, решения отдельных социально-бытовых проблем, политики, функционирования общественных организаций. В отдельных статьях поднимается до 5–6 тем, поэтому мы можем наблюдать высокий процент по многим позициям, характерный для высокого уровня тематической насыщенности СМИ.

В Республике Башкортостан мы наблюдаем обратную ситуацию, статьи в отобранных изданиях, как правило, затрагивали 1–2 темы, таким образом, уровень тематической насыщенности намного ниже, но первые три позиции занимают те же тематические блоки, что и в Московской области: социальная сфера, инфраструктура, бизнес и экономика, далее идут проблемы медицины и здоровья, решения отдельных социально-бытовых проблем, политические проблемы.

В Белгородской области средняя тематическая насыщенность, 3–4 темы в одной публикации, на первое место вышли проблемы социальной сферы, инфраструктуры, бизнеса и управления, общественных организаций, политики.

В Республике Калмыкия мы наблюдаем высокую тематическую насыщенность, близкую к Московской области, в среднем в одной публикации поднимается 5–6 тем.

Аналогично Московской области распределяются и популярные темы в Республике Калмыкия.

Если рассматривать региональную тематическую конфигурацию СМИ, опустив шесть топовых тем, представленных во всех регионах (проблемы инфраструктуры, социальной сферы, бизнеса и экономики, отдельных социально-бытовых проблем, политики, общественных организаций), а остановиться на особенностях каждого региона, то мы можем отметить, что для Московской области и Республики Калмыкия характерен повышенный интерес к криминальной теме, теме ЖКХ, культуры и досуга, торговли. СМИ Белгородской области повышенное внимание уделяют теме сельского хозяйства, торговли и налогам, промышленности. В Республике Башкортостан чаще в центре внимания оказываются темы медицины и здоровья, культуры и досуга. В Республике Калмыкия СМИ уделяется значимое внимание теме строительства и реконструкции социально-значимых объектов.

Таблица 2

Жанровая направленность СМИ в региональном разрезе, в % от 100

Жанр статьи	**Регион**			
	Московская область	**Белгородская область**	**Республика Башкортостан**	**Республика Калмыкия**
Информационный	72	41	16	61
Аналитический	4	28	18	8
Заметка (анонс)	3	3	8	9
Репортаж	10	21	33	11
Интервью	4	1	11	5
Беседа	4	6	10	3
Журналистское расследование	1		1	1
Письмо в редакцию	1			
Очерк			3	1
Обращение к жителям	1			
Другой жанр				1

Жанровая направленность региональных СМИ (табл. 2), попавших в нашу выборку, имеет ряд существенных отличий. Схожую жанровую конфигурацию имеют газеты Московской области и Республика Калмыкия, на первом месте информационный жанр, таких публикаций 72% в Московской области и 61% в Республики Калмыкия, на втором месте репортаж 11 и 10% соответственно, другие жанры представлены незначительно. В Республике Башкортостан наиболее распространенным жанром является репортаж, вторым по популярности – аналитическая статья, информационный жанр на третьем месте, чаще, чем в других регионах публикуются интервью и беседы. В Белгородской области на второе место после информационных материалов, выходят аналитические статьи, оттесняя жанр репортажа на третье место.

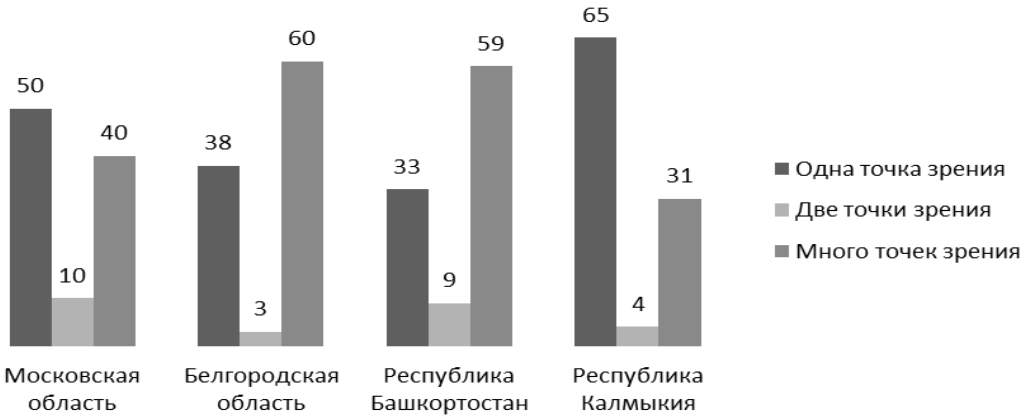

Рисунок 1. Количество точек зрения в статьях СМИ в региональном разрезе, %

Разные подходы в региональных СМИ и к рассмотрению проблем в публикациях. Мы можем наблюдать (рис. 1), что СМИ Белгородской области и Республики Башкортостан имеют схожие результаты, в большей степени нацелены на плюрализм мнений, отражая в своих статьях множество точек зрения на описываемые проблемы. Средние позиции занимает Московская область, в незначительной степени здесь перевес в публикациях, где отражается только одна позиция. И в Республике Калмыкия уже с большим перевесом преобладают публикации, написанные под одним углом зрения.

Рассматривая эмоциональную окрашенность публикаций в разных регионах, мы можем наблюдать следующую картину, в СМИ Московской и Белгородской областей преобладает позитивная окрашенность в публикуемых материалах (рис. 2), а в Республиках Башкортостан и Калмыкия, материалы чаще нейтральны, не эмоциональны.

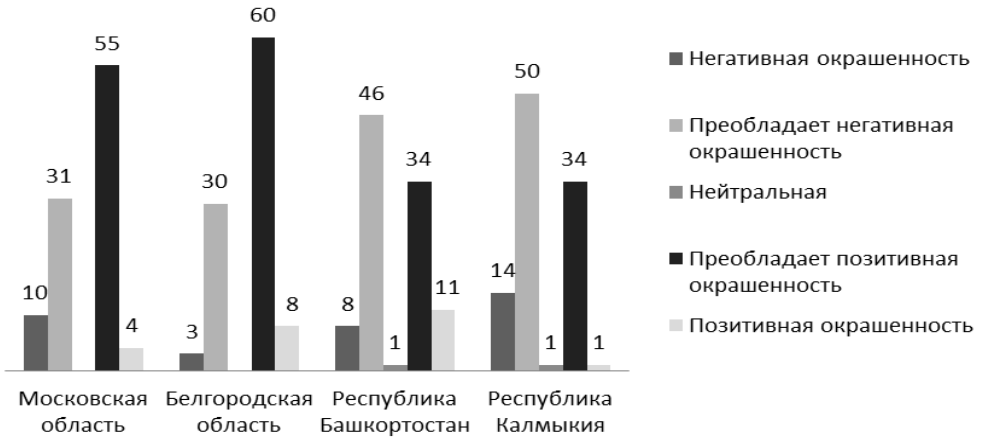

Рисунок 2. Эмоциональная окрашенность СМИ в региональном разрезе, %

По-разному журналисты выражают свою позицию в публикуемых статьях (график 3). В Московской и Белгородской областях, помимо отражения своей собственной позиции, журналисты часто выступают на стороне органов власти (в Московской области в 36% статей журналисты на стороне органов власти, в Белгородской области, таких материалов 25%). В СМИ Республики Калмыкия журналисты чаще, чем в других регионах отображают свою собственную независимую позицию, а в Республике Башкортостан, чаще, чем в других регионах выступают на стороне пострадавших. Отражают позицию населения, выступают на его стороне чаще СМИ Московского областного региона.

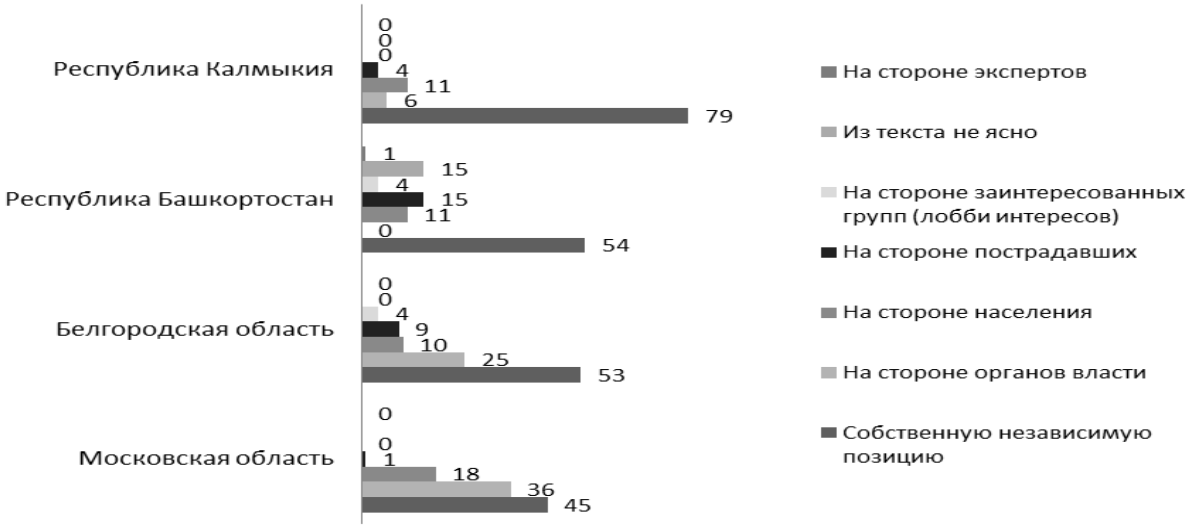

Рисунок 3. Журналистские позиции в СМИ в региональном разрезе, %

В ходе исследования нами были проанализированы также ряд параметров, связанных со спецификой освещения проблемных ситуаций. Во-первых, было выявлено, как определялись в публикациях виновники сложившихся проблемных ситуаций. Так, конкретные виновники были обозначены в Республике Калмыкия в 68% публикаций, в Белгородской области в 60%, в Московской области в 51%, в Республике Башкортостан в 37%.

Во-вторых, было определено, как в статье отражено участие местных властей в решении сложившейся проблемной ситуации. В Московской области в 86% публикаций СМИ, отобранных для анализа, это участие было отображено. В Республике Калмыкия − в 68% публикаций, в Белгородской области − 61%, в Республике Башкортостан − в 45%.

В-третьих, проанализированы сами проблемные ситуации с временной точки зрения их возникновения. В каждом регионе не менее 90% публикаций были посвящены новейшим проблемам, которые возникли не более 5 лет назад. В Республике Башкортостан проблем, которые имеют более глубокие временные корни, было с незначительным перевесом больше, чем в других регионах.

В-четвертых, были проанализированы проблемные ситуации с точки зрения степени их решаемости. Здесь мы можем отметить, что в Республике Калмыкия и Московской области чаще поднимались сложно решаемые проблемы, а в Белгородской области и Республике Башкортостан чаще освещались решаемые проблемы.

В-пятых, мы оценивали наличие в публикации механизма решения проблемной ситуации. В 98% публикаций в СМИ Белгородской и 95% СМИ Московской областей такие механизмы присутствовали. В Республике Калмыкия таких публикаций было только 88%, а в Республике Башкортостан − 71%.

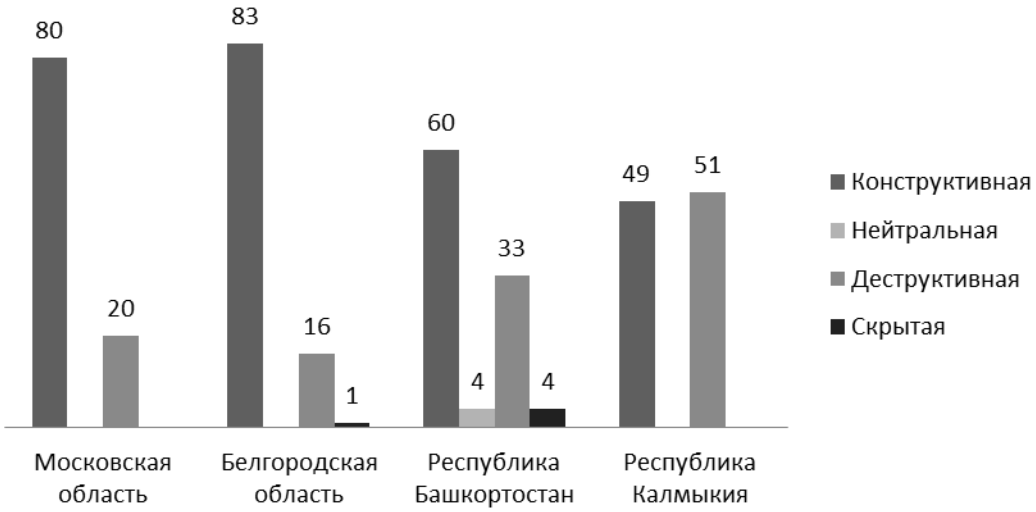

Рисунок 4. Характер интенциональности СМИ в региональном разрезе, %

Основной задачей интенционального (мотивационно-целевого) анализа является выделение интенций, определение интенциональной направленности статьи. График 4 показывает, что СМИ Московской и Белгородской областей имеют схожую интенциональную направленность, около 80% публикаций носят конструктивный характер. В СМИ Республик Башкортостан и Калмыкия чаще присутствуют материалы, которые носят деструктивный характер, нацеленные не на решение конкретной проблемы, привлечения к ней внимания, а содержащие воздействие, манипуляцию, подтасовку фактов.

Выводы. В ходе исследования нам удалось выявить как ряд схожих черт в коммуникативных стратегиях региональных СМИ, так и ряд самобытных особенностей, присущих отдельным регионам.

Схожие черты имеют СМИ Республик Башкортостан и Калмыкия, позиция и участие органов власти в решении сложившихся проблем отражается реже, чем в СМИ Московской и

Белгородской областей, значительная часть публикаций имеет нейтральную окрашенность, реже в статьях содержится механизм решения проблемы, чаще встречаются публикации, имеющие деструктивную интенциональность.

Также мы можем наблюдать схожие коммуникативные стратегии по ряду параметров в СМИ Московской и Белгородской областей. Эти регионы объединяет ориентация журналистов на мнение органов власти, в статьях описывается их позиция и участие в решении проблем, СМИ этих регионов имеют схожую эмоциональную позитивную окрашенность и конструктивную интенциональность.

Список литературы

1. Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: проблемы семиосоциопсихологии. М.: Наука, 1984. 268 с.

2. Дридзе Т.М., Мазлумянова Н.Я., Голубева Г.П. Диагностика проблемных и локальных социальных ситуаций в реконструируемом московском микрорайоне «Арбат-Поварская» // Социально обоснованное градоустройство в режиме прогнозного проектирования: от социальной диагностики к профилактике конфликтных ситуаций и конструктивному диалогу заинтересованных сторон / Отв. ред. д. психол. наук Т.М. Дридзе, ст. научн. сотр. Е.М. Акимкин. Обнинск: Ин-т муниципального управления. М.: 2005. С. 213–245.

3. Социология управления: Теоретико-прикладной толковый словарь / Отв. ред. А.В. Тихонов. М.: URSS: КРАСАНД, 2014. 471 с.

СЕКЦИЯ 5

ПОВЫШЕНИЕ РОЛИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РЕГИОНАХ С РАЗНЫМИ ИНДЕКСАМИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ КАК КЛЮЧЕВАЯ ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА («XVII ДРИДЗЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ»)

Е.М. Акимкин, Е.Л. Беляева

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ И НОВЫЕ ПРОГРАММЫ РАЗВИТИЯ И БЛАГОУСТРОЙСТВА МОСКВЫ

Аннотация. *Авторы статьи продолжили анализ опыта проектной работы по сохранению историко-культурного наследия на одном из московских объектов в разные периоды новейшей истории, включая современный. Подобная работа позволяет выявить специфику каждого из этапов, а также понять тенденции развития градостроительной практики, наглядно представить влияние изменения норм градостроительного права на взаимодействие субъектов градостроительной деятельности.*

Ключевые слова: *сохранение историко-культурного наследия, социальное участие, социальное проектирование, ресурс развития, градостроительство.*

E.M. Akimkin, E.L. Belyaeva

SOCIOCULTURAL ASPECTS OF PRESERVATION OF CULTURAL HERITAGE AND NEW PROGRAMS OF DEVELOPMENT AND IMPROVEMENT OF MOSCOW

Abstract. *Authors of article have continued the analysis of experience of project work on preservation of historical and cultural heritage on one of the Moscow objects during the different periods of the contemporary history, including modern. Similar work allows to reveal specifics of each of stages and also to understand tendencies of development of town-planning practice, to visually present influence of change of standards of the town-planning right for interaction of subjects of town-planning activity.*

Keywords: *preservation of historical and cultural heritage, social participation, social design, development resource, town planning.*

В Материалах XV Дридзевских чтений [1] мы писали об опыте социально-культурных исследований, полученном нами в ходе работ по проекту реставрации Усадьбы «Михалково» в Москве, расположенной в муниципальном районе «Головинский», которая известна москвичам не только благодаря уникальным дворцовым сооружениям конца 18 века, приписываемых Баженову, но и замечательному историческому парку с липовыми аллеями, копаными прудами с ландшафтным парком и каскадом живописных Головинских прудов, двумя беседками-ротондами конца 18 века, дубовой рощей, лужайками. Территория усадьбы с парком имеет статус Объекта культурного наследия (ОКН) регионального значения, ядро усадьбы с регулярным парком имеет статус ОКН федерального значения.

Неслучайно парк Усадьбы «Михалково» является излюбленным местом отдыха жителей и визитной карточкой района, как показывают опросы возрастных посетителей парка, жизнь многих из тех, кто сегодня неспешно гуляет в парке и любуется видами дворцовых и парковых сооружений с набережных, мостов, смотровых площадок прошла здесь – массовая застройка района Головинский пришлась на 60-70-е годы прошлого века. Сейчас в парке гуляют дети и внуки «коренных» москвичей, которые смогли передать свою любовь к этим местам и замечательную традицию отдыха в парке.

Объект исследования нам интересен также потому, что уже более 20 лет назад исследовательская группа под руководством Т.М. Дридзе, в состав которой входили Т.М. Говоренкова, А.И. Стрельников, Т. Алексеева, в т. ч. авторы данной статьи, проводила социально-диагностическое исследование в муниципальном районе «Головинский», результаты которого подробно описаны в [3]. Таким образом, мы могли не только рассмотреть на конкретном примере долгосрочные изменения социальных условий жизни населения, в том числе в сфере возможностей использования ценного историко-культурного потенциала территории.

Мы не говорим сейчас о том, что до последнего времени в парке было хорошо и что − не очень с технической точки зрения, о том, что наиболее ценная часть парка, расположенная в ядре усадьбы – регулярный парк с копанными прудами − отчасти из-за высокого статуса объекта культурного наследия федерального значения действительно оказался не приспособленным к современному использованию и не получил благоустройства, соответствующего столичному уровню. Реставрация и благоустройство не проводились здесь с послевоенных 50-х годов, когда парк реконструировался, восстанавливались насаждения, практически полностью вырубленные на дрова во время войны.

В соответствии с действующей «Программой развития туризма и отдыха Правительства Москвы» в 2012–2013 г. «НИиПИ Генплана Москвы» была разработана Концепция реставрации усадьбы, а в 2014 г. в соответствии с Концепцией начались работы по проектированию и реализации мероприятий по сохранению реставрации, консервации и приспособлению запрудной части парка, площадью около 3 га. Эта часть парка с тенистыми аллеями вдоль копаных прудов с широкой главной аллеей, ведущей к дворцовому комплексу, с огибной дорожкой вдоль границы участка и характерными для регулярных парков звездообразными пересечениями аллей в соответствии с законодательством по охране культурного наследия, действующим в нашей стране, получив все необходимые согласования, прошла государственную историко-культурную экспертизу. Проектная документация представлялась на рассмотрение в муниципальное собрание района и была одобрена. Общественность и население внимательно наблюдали за реализацией проекта и в целом положительно оценили результаты работ – оказалось, что очень приятно ходить по отреставрированным аллеям с мягким покрытием из гранитного отсева, приятно выглядят новые светильники и скамьи, выполненные в историческом контексте. До работ по реставрации озеленения потребовалась вырубка сухостоя, корчевка пней, засыпка ям и канав не исторического генезиса, подсыпка земли и посев газонных трав, подсадка декоративных кустарников и устройство цветников.

В зоне работ сохранилась историческая планировка, чудный ландшафт, береговая линия копаных прудов, которые при минимальных работах по выравниванию склонов вручную оказались достаточно укрепленными после укладки рулонного газона. Никакого специального «железобетонного» укрепления берегов копаных прудов естественно не требовалось. Ведь именно так, с использованием дерна, аналогом которого является современный рулонный газон, укреплялись склоны прудов исторических парков. Все в совокупности создавало исторически оправданный облик отреставрированной части парка, при этом вполне приспособленной для современного использования.

Но это был 2015 год, наступил 2017. Принято решение провести в этом году единовременно благоустройство оставшейся территории площадью более 50 га, одновременно решив вопросы строительства велодорожек и спортплощадок в округе, что в границах парка-памятника садово-паркового искусства недопустимо (запрещено Законом об охране культурного наследия).

Но процесс был запущен, старт дан, и началось уничтожение ценнейшего объекта культурного наследия регионального, а на территории регулярного парка, оставшейся нереставрированной, и федерального значения

Параллельно в течение нескольких месяцев без углубленного анализа архивных данных и обследования участка, без шурфования, без археологических обследований выполнялись научно-реставрационные исследования, и проект, и реализацию – осуществили в один год. Было решено не только «благоустроить парк в соответствии с современными требованиями, очевидно предъявляемыми к районным паркам культуры и отдыха, но, что оказалось еще более трагичным, – очистить и укрепить берега копаных и Головинских прудов, в чем они, на наш взгляд, совершенно не нуждались, поскольку участков, нуждавшихся в берегоукреплении было совсем мало, и локальные проблемы можно было решить природоопрaвданными методами – залужением склонов, посадкой вдоль береговой линии ивы, сваями из лиственницы.

Но работы следовало завершить ко Дню города. Выигравший генподрядчик не имел опыта парковой реставрации, да и кто в сегодняшней Москве его имеет? Подобные работы последние лет 15 не проводились, а там, где проводились, речь шла именно о благоустройстве, иногда о приспособлении к современному использованию.

Руководители проекта оказались некомпетентными и не смогли задать и впоследствии держать в течение всего периода проектирования и реализации проекта то, что у специалистов называется «особый режим», связанный со статусом объекта культурного наследия. Разделы проекта раздали многочисленным субподрядчикам, а контроля со стороны генподрядчика за соответствием основных проектных решений требованиям сохранения объекта культурного наследия, в том числе вошедших в так называемый предмет охраны – не обеспечили. Забыли даже, что существует разработанная НИиПИ Генплана Москвы свеженькая «Концепция реставрации Усадьбы «Михалково», и ее учет необходим при выработке основных проектных решений.

Границы проектирования были приняты с ошибками, они выходили на участки сторонних землепользователей. Схему планировочной организации территории − о реставрации там не говорили − нарисовали зимой, без выхода на место, когда большая часть парка была недоступна из-за сугробов.

Вынесли проектное предложение по генплану (не весь проект) на муниципальное собрание, пришли жители, которые прекрасно знают территорию и знают все, что в парке нужно, можно и что нельзя – ведь об этом много говорили на собраниях и в местных средствах информации не годы, а десятилетия, когда обсуждались практические вопросы парка: вопросы переноса памятника Зое Космодемьянской и детской площадки из границ ядра усадьбы, вопросы строительства храма, катка, пикниковых точек, пляжа. Вопросы режимов использования территории парка на самом деле обсуждались неоднократно и были хорошо известны общественности.

Проект не понравился и вызвал возмущение тем, что говорил о плохом знании авторами проекта объектов и территорий парка, незнании границ и режимов, установленных законодательством, незнании вышеупомянутой Концепции. На место вышли вместе: депутаты, представители общественности района, Архмосквы, представители генпроектировщика. Была надежда, что, увидев ситуацию и территорию, вместе можно повлиять на основные проектные решения по реставрации парка и его приспособлению к современному использованию, надежда на то, что проектировщики, увидев искренний интерес к проекту со стороны общественности, внимательнее отнесутся к статусу и режимам территории и перспективам ее будущего использования без нарушения действующего законодательства.

Мы можем с признательностью отнестись к позиции муниципалитета округа Головинский и Главы администрации Н.В. Архипцовой, которая много сделала для того, чтобы привести ситуацию в русло законодательства Российской Федерации об охране культурного наследия, причем делала это мягко, чтобы не провоцировать конфликт проектировщиков, производителей работ и населения.

Еще не закончилось проектирование, в начале лета разыгран конкурс, и строители с тяжелой техникой вышли на площадку, в том числе на территории со статусом объекта

культурного наследия регионального значения. Обещали по ходу выполнения подготовительных работ оптимизировать основные проектные решения. Что никакой «оптимизации» ждать не приходится, что проект будет реализовываться по «зимнему» варианту, представлявшемуся на муниципальное собрание, вызвавшему много возражений у специалистов и жителей, разработанному «без выхода на место» стало видно по «агрессивному» выходу на площадку генподрядчика в июне, и потому, что проектировщики получили по проекту положительное заключение Государственной историко-культурной экспертизы.

Не будем обсуждать почему уважаемые и вполне компетентные эксперты Государственной историко-культурной экспертизы положительно оценили проект, но на площадку строители пришли, не имея согласований Департамента культурного наследия, Департамента природопользования, в том числе разрешений на вырубку насаждений, которые необходимы для производства работ.

Многочисленные стройгородки разместили в парке на газонах, в водоохранных зонах прудов, в границах регулярного парка, иногда не по проекту. Местечко у пруда под «офис стройки» видимо очень понравилось – на берегу пруда, красиво, зелено, рядом большая тенистая раскидистая ива и уточки в пруду. Но для устройства этого благолепия по газону специально проложена широкая подъездная дорога, которая прошла под деревьями.

Почти сразу началась массовая вырубка деревьев и кустарников, далеко не всегда обоснованная, варварское отношение к травяному покрову повсеместно, строительная техника делала крутые виражи на месте курдонеров регулярного парка, начались работы по прудам. Весьма сомнительно, что вообще нужна была их очистка, поскольку ежегодно они чистятся санитарными службами, предусмотренными для сооружений канала им. Москвы, в систему которых они входят. Но это лишь предположение.

Пруды в любом случае не могут использоваться для купания, поскольку на площади их водосбора находится Головинское кладбище, а на прилегающей территории − многочисленные производственные и коммунальные объекты, стоки с территории которых осуществляются в Головинские пруды. В береговой зоне нет проявлений оползнеобразования, береговой эрозии, склоновых процессов, за исключением места расположения каменной беседки-ротонды с лестничным спуском, о которых говорилось ранее.

Когда вокруг Головинских прудов по статье проекта «берегоукрепление» в радиусе 5 м стал убираться дерн, с 30-х годов прошлого века успешно державший берега, не получившие при строительстве гидротехнических сооружений бетонной набережной, еще позже увидели, что в этой зоне укладываются габионы – камни в крученой металлической сетке, причем камни крупные, которые укладываются на вертикальные стенки в дорожном строительстве, все пришли в ужас.

Рабочие, на месте собиравшие и укладывавшие вдоль берега конструкции габионов, смеялись – ну вот теперь в прудах купаться действительно не будут, к ним просто нельзя будет подойти – это опасно. Есть даже такая статья в нашем законодательстве (кажется уголовная) – оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности. Это тебе не охрана культурного наследия, исторического ландшафта и не охрана природы – безопасность людей похуже будет, особенно если кто-то захочет прогуляться вечером или порежет проводку ножницами.

Но потом началось самое ужасное: для очистки копаных прудов в регулярном парке – памятнике истории и культуры федерального значения, полностью перекопали дно, сняли глину, удерживающую воду, удержат ли воду в прудах маты, которые собираются уложить на дно и вдоль берегов, или она будет уходить − остается загадкой. На Государственную историко-культурную экспертизу, о которой говорилось ранее, проект не представлялся, об этом говорится в заключении.

Так как «реставрировали» копаные пруды – ведь именно этим словом должны назваться эти работы, а разрешенный вид работ должен называться словом «сохранение». На

самом деле разрушили берега, недопустимым образом нарушили ландшафт береговой зоны на 5-10 метров вплоть до припрудной аллеи. Честно говоря, после того, как это все увидели, что говорить о таких мелочах, как вырубка одного из самых старых деревьев на территории парка, расположенного в районе недостроенного кафе, состояние которого было признано удовлетворительным тремя дендрологами независимо друг от друга в 2014 г.

В начале июня начались протесты жителей, массовые обращения в Департамент культурного наследия, в муниципалитет, в Префектуру САО, в природоохранную прокуратуру, высказывали свою озабоченность в интернете и средствах информации. Встречи иногда проходили в парке, где велись работы и где «доказательства были налицо», люди пытались останавливать технику, вырубку. После двух неудачных попыток найти общий язык и пересмотреть общие подходы к ведению работ и представить проект на рассмотрение с учетом справедливых замечаний общественности, на 12.07.17 было объявлено о внеочередном муниципальном собрании, посвященном усадьбе «Михалково». Представители государственного заказчика, проектировщики, подрядчики проводимых работ на это собрание не явились. Не знаем, как складывались дела дальше. Но сделав удобные дорожки, в том числе для велосипедистов, за счет вырубки огромного количества деревьев и подлеска в периферийных прогулочных зонах парка это никак не оправдано. Так же как не оправдан «новый облик» прудов, связанный с небезопасными габионами. Это не сохранение – это уничтожение, и это не только мнение жителей, но и профессионалов.

Можно ли такое оправдать короткими сроками разработки и реализации проекта и ограниченными возможностями финансирования. Нельзя, сроки в таких случаях можно и должно продлевать, особенно, если к этому призывают жители, понимающие, что проект пошел не в том направлении.

Да и нельзя ожидать, что данные проектировщики и подрядчики в более благоприятные сроки и в более комфортных условиях способны сделать проект лучше. Здесь налицо нарушения, связанные с элементарной профнепригодностью, по крайней мере, в области парковой реставрации, с ненаучностью и неправильностью подходов к проектированию, что недопустимо на объектах культурного наследия, с низким культурным уровнем тех, кто это делает и их отношением к нашему культурному и природному наследию. Возможно, это издержки конкурсной системы получения заказов или выдачи лицензий и разрешений для работы на объектах культурного наследия. Уж точно, что это не злой умысел больших начальников, мечтающих пристроить свою плитку или габионы. Просто надо уметь пилить бюджет с общей пользой и с пользой для культурного наследия, но пока это не получается или получается плохо.

Тем не менее, считаем, что консенсус с населением вполне возможен тогда, когда стороны хотят понять друг друга и действуют в интересах сохранения парка-памятника садово-паркового искусства.

Приводим ниже ответы на некоторые известные нам жалобы и обращения жителей округа «Головинский» (всего их поступило около 100) в муниципалитет, в Департамент культурного наследия Москвы, в Департамент природопользования и охраны окружающей среды по реализации проекта реставрации и приспособления для современного использования ОКН регионального значения парка Усадьбы «Михалково». Наши ответы можно считать достаточно общими, и возникают они всегда, когда проводятся работы на территориях парков-памятников садово-паркового искусства:

По вырубке зеленых насаждений и компенсации вырубки в соответствии с «Законом о защите зеленых насаждений в городе Москве»

Вырубка зеленых насаждений при реставрации парков-памятников садово-паркового искусства как правило всегда вызывает много вопросов и часто возражений, однако она хорошо регулируется в рамках действующего законодательства о защите зеленых насаждений в г. Москве, в том числе путем компенсационного озеленения.

На объектах садово-паркового искусства вообще, и в Усадьбе «Михалково» в частности, в отдельных загущенных зонах действительно требуется вырубка не только

аварийных и сухостойных насаждений, но и рубки ухода, ландшафтные рубки, которые должны обеспечить восстановление, где это необходимо, исторической объемно-пространственной структуры насаждений, воссоздание аллей, курдонеров, полян и т. д. Конечно, в таких парках с использованием вырубки не должны прокладываться велодорожки, дополнительные широкие аллеи, площадки, искажающие историческую планировку и ландшафт парка.

Как правило, при проектировании реставрации парка невозможно сразу принять окончательные решения по необходимой вырубке, и на практике уже при реализации проекта при формировании объемно-пространственной композиции насаждений проектные решения уточняются уже при выносе в натуру, изменения обосновываются в рамках научно-реставрационного отчета и оформляются актом изменения проектных решений. При составлении «Научно-реставрационного отчета» и сдаче реализованного проекта в Департамент культурного наследия должен подводиться окончательный итог по объему проведенной вырубки и по необходимой компенсации. В этом отчете может и должен уточняться дендроплан и перечетная ведомость насаждений, в том числе баланса уничтожаемого, восстанавливаемого и вновь проектируемого газона.

Обеспечить весь объем компенсации вырубки насаждений на территории парка-памятника садово-паркового искусства (по вышеупомянутому закону города Москвы требуется компенсационная посадка двух деревьев вместо одного вырубленного) не только невозможно, но и недопустимо, поскольку это нарушит исторический ландшафт и приведет к чрезмерной загущенности насаждений. Для проведения компенсационных посадок еще на стадии проекта должны быть подобраны участки компенсационного озеленения, желательно в непосредственном окружении парка.

В условиях Усадьбы «Михалково» часть насаждений могла быть высажена вдоль Кронштадского бульвара, имеющего статус территории Природного комплекса САО и вдоль Нарвской улицы. В границах памятника садово-паркового искусства вдоль Нарвской улицы, в примагистральной зоне была бы возможна высадка насаждений повышенной плотности в шумогазозащитную живую изгородь. Кроме этого, на наш взгляд, здесь может быть устроен питомник для формирования адаптированного посадочного материала для будущих реставраций парка.

В настоящее время основной объем вырубки уже проведен, население возмутили необоснованные рубки и отсутствие необходимых для вырубки документов и материалов, в том числе, Разрешения на вырубку, которое выдает Департамент природопользования.

Населению следовало объяснить, что часть рубок прошла не в утвержденных границах памятника садово-паркового искусства, а в охранной зоне, куда из границ регулярного парка необходимо было перенести памятники Зое Космодемьянской и Чернобыльцам района, организовав для этого две площадки. Еще следовало точно знать, сколько в парке было аварийных и сухостойных деревьев, а также деревьев, пострадавших во время июньского ветровала и ветролома, и на встречах с населением привести такие цифры.

В периферийных зонах парка – вблизи Нарвской улицы, насаждения имеют стихийный-порослевой и самосевный характер, малодекоративны. Жители правильно понимают, что эта зона с загущенной растительностью, которая занимает достаточно большую территорию периферийной прогулочной зоны, обеспечивает природоохранную функцию – большое количество биомассы, ремизы для птиц, местообитания фауны и т.д., и могла быть сохранена с минимальной вырубкой и декорированием ландшафта подсадкой декоративных деревьев и кустарников, устройством газонов не паркового, а лугового типа со злаками и цветами, и именно в этом могла заключаться ее прелесть.

По вопросу берегоукрепления Головинских и копаных прудов с помощью габионов

Возражения жителей были действительно более чем справедливы. С учетом возражений жителей работы могли быть приостановлены, проектные решения переработаны с восстановлением нарушенного травостоя и оформлены актом изменения проектных

решений в рамках подготовки научно-реставрационного отчета. Здесь общественность и муниципалитет должны были жестко потребовать, чтобы вопрос был рассмотрен дополнительно, и добиться согласия Госзаказчика и ГУП «МОСВОДОСТОК» на внесение изменений в проект с восстановлением залужения и применение более природо-приближенных методов берегоукрепления.

Таких случаев, когда пруды в парках обкладываются малодекоративными конструкциями, предназначенными для строительства внешних автомобильных дорог (широко используются на МКАД), в последние годы немало. Но это не были парки-памятники садово-паркового искусства, а пруды с береговой линией не входили в предмет охраны. В таких случаях надо не просто протестовать – надо бить во все колокола и обращаться в прокуратуру. Может быть, тогда и Департамент культурного наследия станет более настойчиво защищать вверенное ему культурное наследие.

Так, по крайней мере, произошло с известной ситуацией с археологическим наследием Москвы, которое уже несколько лет безнадежно терялось в связи с масштабными работами по благоустройству. Для того чтобы в рамках проектов строительства или ремонта дорог, благоустройства территорий стало вновь необходимо в границах охранных зон Камер Коллежского вала делать историко-археологические исследования, а на других территориях – археологическую разведку, оказалось достаточным, не переписывая законов, отменить маленькую поправку, касающуюся работ в культурном слое до 50 см.

По вопросу плиточных покрытий в парке

В ярде усадьбы – регулярном парке, в аллеях, в том числе на главной и припрудной вдоль копаных прудов (ОКН Федерального значения) при относительно невысоких рекреационных нагрузках нами предлагалось использование мягких покрытий из гранитных высевок, как это и было нами сделано в реализованном проекте первой очереди.

На других территориях, в том числе в зоне ландшафтного парка 60-80 годов с прогулочной набережной у Большего Головинского пруда и в так называемой «дубовой роще» асфальтовые покрытия предлагалось заменить на плитку. Просьбы жителей не применять плитку при благоустройстве сегодня часто можно услышать на различных общественных слушаниях не только в парках, но и в других районах города. Обеспокоенность жителей связана с возможными неудобствами для проезда с колясками и передвижения инвалидов колясочников.

На общественных слушаниях следует предложить проектировщикам и Государственному Заказчику использовать бесстыковые плиточные покрытия, которые сегодня есть в продукции практически всех известных производителей. Нужно потребовать внести необходимые изменения в документацию и смету. И они могут быть внесены в документацию научно-реставрационного отчета.

Таким образом, очевидно, что совсем немного надо для того, чтобы сохранить культурное наследие и избежать при этом конфликтов с населением. Нужно просто бережное отношение к тому и другому. Большую роль в этом процессе играют нормы, регулирующие отношения субъектов градостроительной деятельности.

«При правильно организованном проектировании историко-культурное наследие может быть ресурсом развития муниципального района. Сравнение двух проектных работ, проведенных на одном объекте в разное время, позволяет констатировать, что нормы проектирования существенно изменились и не в лучшую сторону [2]. Если в 90-е годы шел поиск методов социального обоснования градостроительных решений и включения населения в этот процесс, движение шло именно в этом направлении, то сегодня изучение социальной ситуации на территории с целью выявления социально значимых проблем и определения потребностей жителей, изучение социально-исторической памяти и культурных запросов не является обязательным, т.е. не имеет нормативного определения. Архитектор-проектировщик, понимающий значимость этой социально-диагностической и конструктивно-коммуникативной работы с населением, выполняет ее «факультативно», без профессионального участия социального проектировщика» [1].

В данной статье мы попытались продолжить сравнение и проанализировать еще один (третий) случай подготовки и реализации градостроительного проекта на одном и том же объекте. Обобщая изложенный материал, подчеркнем несколько симптоматичных моментов:

- реализация началась до завершения проектирования;
- велась без полного необходимого согласования;
- существующая система отбора исполнителей не обеспечивает выбор наиболее профессиональных;
- мнение жителей не учитывается ни на этапе обсуждения проекта, ни на этапе выполнения работ. Население – основной потребитель и главный заказчик проектов благоустройства, не может оказать влияния на качество работ;
- отсутствует эффективный общественный контроль за реализацией социально значимых проектов;
- московская практика организации участия населения в благоустройстве городской среды уступает положительным российским примерам.

Список литературы

1. Акимкин Е.М., Беляева Е.Л. Историко-культурное наследие: ресурс или препятствие развития муниципального района // Диагностика власти и управления: коммуникативные механизмы и «двойные стандарты». Материалы Всероссийской конференции и XV Дридзевских чтений (Москва, 29-30 октября 2015 г.) / Отв. ред А.В. Тихонов. М.: Ин-т социологии РАН, 2016. С. 297–306.

2. Акимкин Е.М. Что изменилось после «Кутузовской развязки» в правовом поле и практике городского управления Москвы? // Модернизация отечественной системы управления: анализ тенденций и прогноз развития. Материалы Всероссийской научно-практической конференции и XII-XIII Дридзевских чтений (Москва, 21–22 ноября 2013 г.). М.: ИС РАН, 2014. С. 106–108.

3. Социально обоснованное градоустройство в режиме прогнозного проектирования: От социальной диагностики к профилактике конфликтных ситуаций и конструктивному диалогу заинтересованных сторон / Российская акад. наук, Ин-т социологии. М.: Ин-т социологии РАН, 2005. 492 с.

А.А. Акмалова, В.М. Капицын

ВАРИАТИВНОСТЬ РАЗВИТИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КАК ТРЕБОВАНИЕ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Аннотация*. В статье обосновывается необходимость вариативного развития местного самоуправления, обусловленного требованиями национального законодательства и актов международного права, а также объективными и субъективными условиями развития России, спецификой российских регионов.*

Ключевые слова*: местное самоуправления, государство, муниципальная реформа, вариативность.*

A.A. Akmalova, V.M. Kapitsyn

THE VARIABILITY OF THE DEVELOPMENT OF LOCAL SELF-GOVERNMENT AS A REQUIREMENT OF THEORY AND PRACTICE

Abstract*. The authors explain the variability of the development of local self-government, driven by the requirements of national legislation and international law acts, as well as objective and subjective conditions of Russia, the specifics of the Russian regions.*

Keywords*: local governance, state, municipal reform, the variability.*

Одним из наиболее сложных вопросов совершенствования управленческих отношений в России является реформирование властных отношений на уровне отдельных муниципальных образований. Возрождение местного самоуправления оказалось связано не только с кардинальным изменением системы местного управления и самоуправления, но и перманентным изменением федерального законодательства, законодательства отдельных субъектов РФ и муниципальных правовых актов, конкретизирующих конституционно-правовую модель российского местного самоуправления. Такие реформы в 1990–1992, 1993, 1995, 2003, 2014 гг. обозначили наиболее крупные вехи в этом сложном и противоречивом процессе [1].

Как представляется, одной из основных причин того, что развитие местного самоуправления не приобрело необходимого стабильного и последовательного характера, является фактический отказ от реализации принципа вариативности в реализации конституционно-правовой модели организации муниципальной власти. Вместе с тем, данный принцип закреплен не только в национальном законодательстве, но и является императивом международного права. В частности, Конституция России закрепила особенности организации местного самоуправления и требования к соблюдению принципа соотношения общего и особенного в национальном законодательстве. К наиболее важным конституционным положениям следует отнести закрепление в п. «н» ч.1 ст.72 в качестве предмета совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ установление общих принципов организации местного самоуправления. Это предполагает, что организация местного самоуправления будет иметь и особенности. Кроме того, одновременно ч.1 ст.131 Конституции РФ установила, что местное самоуправление должно осуществляться с учетом исторических и иных местных традиций. Во многом это соответствовало дореволюционному опыту муниципального строительства в России. Так, реформы Александра II привели к формированию 26 моделей земского самоуправления, обусловленных особенностями отдельных территорий Российской империи.

Аналогичный подход предусматривает и Европейская хартия местного самоуправления, подписание и ратификация которой во многом обозначило принятие нашим государством общепризнанных принципов организации публичной власти на уровне отдельных городских и сельских поселений, районов. Государства-подписанты данного акта, признав наиболее фундаментальные принципы организации местного самоуправления, добились их определенной унификации. В то же время подписание Хартии обеспечило сохранение многообразия национальных моделей местного самоуправления. Такая правовая основа была заложена тем подходом, который был использован его участниками. В соответствии со ст.1 Хартии стороны обязывались соблюдать статьи основной ее первой части в том порядке и объеме, который устанавливался с учетом требований, сформулированных в ее статьях 12 и 13. Участники Хартии обязывались соблюдать, по меньшей мере, двадцать пунктов ее первой части, включающей тридцать таких пунктов. Выбор двадцати пунктов также имел определенную вариативность: для десяти пунктов из этой двадцатки также был установлен определенный простор для выбора, включая перечень из 14 пунктов.

Методологическое значение Европейской хартии местного самоуправления для понимания местного самоуправления подтверждается также тем, что странами-подписантами Хартии стали государства, с весьма различными моделями местного самоуправления. В том числе это: Великобритания и Франция, Бельгия и ФРГ, а также Россия. Это – государства, в которых местное самоуправление формировалось в разные эпохи и в условиях различных политико-правовых режимов. Оно развивалось сторонниками различных концептуальных подходов к регулированию и организации муниципальных институтов, с использованием весьма различающихся муниципальных систем. С учетом этого, изучение Европейской хартии местного самоуправления представляет собой интерес не только с точки зрения формирования представлений о демократических принципах

формирования местного самоуправления, но и для выработки подходов к созданию законодательства о местном самоуправлении, установлению, с одной стороны, общих принципов организации местного самоуправления, а с другой – предоставлению возможностей для реализации данных принципов с учетом особенностей каждой отдельной территории. Тем более, что Россия с этой точки зрения представляет собой совокупность регионов, которые различаются не только, например, по природно-климатическим условиям, что оказывает существенное влияние на характер осуществляемых полномочий, но и по социокультурным условиям, состоянию кадрового обеспечения и др. Муниципальные образования отличают также пространственные характеристики. Например, Тугуро-Чумиканский район Хабаровского края, включающий 6 сел, по площади составляет 96569 кв. км, сопоставимый с территорией Австрии – 83900 кв. км. [5].

Одним из наиболее важных факторов, оказывающих влияние на развитие местного самоуправления, являются различия в уровне экономического развития регионов, в состоянии бюджетов отдельных муниципальных образований. Как было подчеркнуто на заседании Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации РФ в мае 2016 г., одним из недостатков современной региональной политики является то, что она не учитывает качественных различий в условиях и возможностях социально-экономического развития муниципальных образований. В условиях, когда существует огромное различие потенциалов, инвестиционной привлекательности и уровня жизни населения различных территорий, меры и конкретные механизмы государственной поддержки не могут быть универсальными, а должны быть дифференцированы в отношении конкретных регионов в соответствии с выбранными приоритетами развития. Симптоматичным было и признание В.И. Матвиенко: «Мы из Москвы пытаемся детально регулировать деятельность субъектов Федерации по многим направлениям. От этой практики также нужно отказываться. Безусловно, надо сохранять единое правовое поле России, определять его общие рамки, но давать больше свободы региональным парламентам для принятия решений, способствующих экономическому и социальному развитию» [6, с. 22–24].

Об актуальности таких выводов свидетельствует и сохраняющаяся, а по отдельным данным и усиливающаяся межрегиональная дифференциация. По оценке Росстата, в 2001 году максимальный валовый региональный продукт на душу населения в 17 раз превышал минимальный; в 2006 г. это соотношение составило уже 22 раза; а в 2014 г. – превысило 41 раз [6, с. 25–26].

С учетом этого вполне логичным представляется и внимание исследователей к проблеме соотношения общего и особенного в организации местного самоуправления. Приведем мнение только отдельных из них. Так, один из наиболее активных соратников Александра Второго в период подготовки и проведения земской и городской реформ князь А.И. Васильчиков был убежден, что только изучение опыта других стран, его сравнение с традициями собственного народа, выявление общего и особенного могло позволить выработать оптимальную форму местного самоуправления для России [3].

Большой вклад в конце XIX – начале XX вв. в осмысление категорий общего и особенного внес А.Д. Градовский. Выявляя обстоятельства, которые приводят государство к признанию местного самоуправления, он указывает на необходимость организации неправительственных (местных) интересов для сохранения существования разных (специфических) организмов. Усилиями сторонников «государственной школы» в юриспруденции был сделан важный шаг к признанию единства общего и особенного в изучении местного самоуправления. Б.Н. Чичерин, определив самоуправление как общину, представляющую собой союз местных жителей во имя реализации общих интересов, обратил особое внимание на обоснование таких общих интересов и в то же время на анализ интересов жителей конкретной местности [4].

Как представляется, важной вехой в признании необходимости поворота к вариативности в развитии местного самоуправления стало принятие Федерального закона от 27 мая 2014 г. № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 263 Федерального закона «Об

общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Он привел к ряду существенных изменений. Например, в территориальной организации местного самоуправления, прежде всего в крупных городах, пересмотру подхода к регулированию вопросов местного значения сельских поселений, порядку перераспределения отдельных полномочий по вопросам местного значения и избрания должностных лиц и др. В целом, данным законом была осуществлена значительная корректировка соотношения полномочий федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов РФ в регулировании местного самоуправления. Характер изменений в законодательстве с определенными оговорками позволил многим исследователям говорить о начале очередной муниципальной реформы.

Как показывает анализ правоприменительной практики, наиболее востребованными оказались положения названного Федерального закона, регулирующие право субъектов РФ перераспределять полномочия в пользу собственных органов государственной власти, а также в значительной степени концентрировать решение вопросов местного значения не на уровне сельских поселений и внутригородских районов, а на уровне муниципальных районов и городских округов с внутригородским делением. Многое здесь, конечно, объясняется состоянием экономической основы местного самоуправления. В очередной раз муниципальная реформа была начата с отсрочкой в решении налоговых и бюджетных вопросов [2]. Однако уже имеющийся материал, а также опыт развития российского местного самоуправления в целом, позволяют сформулировать ряд выводов, определяющих перспективы принципа вариативности в формировании и реализации государственной политики в сфере местного самоуправления.

Первое. Принцип вариативности государственной политики обусловлен совокупностью объективных и субъективных факторов, среди которых особую роль играют многообразие российских территорий: регионов и муниципальных образований, а также готовность властной элиты к децентрализации власти и дифференциации правового регулирования, обусловленных во многом государственным устройством и режимом.

Второе. Значение вариативности как принципа формирования и реализации государственной политики возрастает в федеративном государстве на уровне регионов и приобретает особое звучание на уровне отдельных муниципальных образований. В России данный принцип имеет конституционное закрепление и носит обязательный характер. Следует также учитывать, что государство является подписантом Европейской хартии местного самоуправления, которая, обобщив многообразную практику муниципального строительства и установив его общие принципы, определила вариативность в развитии местного самоуправления. Процессы местной (территориальной, исторической, культурной, производственной) идентификации должны учитываться при распределении полномочий, что отвечает интересам жителей, более полной реализации прав населения, в том числе, на местное самоуправление. А это отражается, в конечном счете, на консолидации граждан государства, противостоянии попыткам внешних сил ослабить национальную идентичность [7].

Третье. Вариативность государственной политики в сфере местного самоуправления должна быть обеспечена соответствующими научными разработками, обобщением лучшей практики отдельных регионов и муниципальных образований, а также экономическими, социокультурными, кадровыми ресурсами. Объективные и субъективные условия развития муниципальных образований должны соответствовать возможностям их вариативного развития.

Завершая данный анализ важно подчеркнуть, что чрезмерная унификация законодательства о местном самоуправлении противоречит его конституционно-правовой модели, требованиям международного права, а также не позволяет оптимально использовать ресурс местных особенностей (территориальных, антропологических, культурных,

экономических). Кроме того, важно учитывать, что местное самоуправление способно не только наиболее полно учесть и отразить интересы каждого отдельного муниципального образования, но и объединить для их реализации всех заинтересованных субъектов и ресурсы, в том числе вовлекая в решение отдельных вопросов местного значения и население муниципального образования.

Дальнейшее развитие вариативности государственной политики в сфере местного самоуправления могут обеспечить такие его правовые положения, как расширение полномочий органов государственной власти субъектов Федерации в регулировании территориальной и компетенционной основ жизнедеятельности местного сообщества, возможность формирования внутригородских районов в городских округах и перераспределения вопросов местного значения между органами местного самоуправления поселений и муниципальных районов, внутригородских районов и городских округов, а также установления законами субъектов Федерации дополнительных вопросов местного значения городских округов с внутригородским делением с передачей необходимых для их осуществления материальных ресурсов и финансовых средств. Законами субъектов Федерации может также осуществляться перераспределение полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти региона.

Список литературы

1. Акмалова А.А. Особенности организации местного самоуправления на отдельных территориях: лекция. М.: Изд-во РАГС, 2010. 138 с.

2. Акмалова А.А., Капицын В.М. Реформирование городских округов: принцип вариативности в теории и правовой политике // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 1. С. 67–70.

3. Васильчиков А. О самоуправлении. Сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений. Изд. 3. Т. 1. СПб. 1872. 522 с.

4. Градовский А.Д. История местного управления в России. Т. 1. СПб. 1868. 526 с.

5. Зайцева И.В. Особенности реформы местного самоуправления: региональный аспект (о становлении местного самоуправления в Хабаровском крае) [Электронный ресурс]: Энциклопедия местного самоуправления. Сайт для профессионалов местного самоуправления. URL: http://emsu.ru/lm/monf/library/mun12/3.htm (Дата обращения: 14.06.2017).

6. Заседание Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации РФ на тему «Экономические, бюджетно-финансовые и налоговые основы федерализма»: Сборник материалов. Аналитический вестник. № 30 (629). М.: Совет Федерации РФ. 2016. 87 с.

7. Капицын В.М. Управление идентификациями как фактор международных отношений // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 2. С. 262–275.

Т.Б. Бадмацыренов

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ БУДДИЙСКИХ СООБЩЕСТВ СОВРЕМЕННОЙ БУРЯТИИ[42]

Аннотация. *Данная статья направлена на изучение социокультурных аспектов развития буддийских сообществ Бурятии. В социокультурном ландшафте Бурятии буддийские сообщества занимают особое место. Они выполняют не только религиозные функции, но и активно участвуют в общественной жизни, экономике, культуре.*

Ключевые слова: *буддизм, буддийские сообщества, Бурятия, социология религии.*

[42]Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 17-06-00340 «Разработка математических моделей виртуальных буддийских сообществ в социальных сетях».

T.B. Badmatsyrenov

SOCIOCULTURAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF BUDDHIST COMMUNITIES IN CONTEMPORARY BURYATIA

Abstract. *The aim of this paper is to explore sociocultural aspects of the development of Buddhist communities in contemporary Buryatia. Buddhist communities take a specific place in the sociocultural landscape of Buryatia. They carry out not only religious functions but participate in social life, economics and culture.*

Keywords: *Buddhism, buddhist communities, Buryatia, sociology of religion.*

Буддийские сообщества современной Бурятии представляют собой неоднородные социальные образования, в которых происходят весьма динамичные процессы структурирования и формирования новых групп. Взаимодействия индивидов, обладающих буддийской идентичностью, ориентированные на буддийские нормы и ценности, происходят преимущественно в системе ролей и статусов буддийских сообществ. На их основе формируются социальные общности верующих, интегрированные ценностно-нормативными комплексами буддийской культуры в специфическую систему ролей и статусов, институционализированную в особых институтах религиозной общины монахов и мирян. Буддийская община характеризуется специфической устойчивой социальной религиозной организацией, в которой исторически сформировалось несколько иерархических систем [3, с. 339]. Цель данной статьи состоит в изучении социокультурных аспектов развития буддийских сообществ современной Бурятии.

В буддийских сообществах вопрос о ценностном ядре и соответствующих идеях и действиях является важнейшим фактором построения их нормативных границ. И для центра, и для периферии этих сообществ вопрос о признаваемых стандартах является не схоластическим и теоретическим, а прямо направлен на определение жизненных социальных стратегий функционирования институтов авторитета, престижа и членства. Более того, процесс нормативной интеграции и разработки нормативного видения является центральной практикой включения членов сообществ. Э. Шилз в работе «Центр и периферия» выделяет важную структурную характеристику социальных систем, выражающуюся во взаимодействии ядра системы и ее частей [8]. Более или менее организованные группы элит, или индивидуальные акторы, принимают важные решения, касающиеся системы в целом. Данные решения направлены на общие коллективные цели, но важнейшей их интенцией выступает сохранение целостности социальной системы. Они соотносятся с центральной ценностной системой общества или иных социальных систем и содержат общие стандарты суждений и действий, а также общие признаваемые ценности. Индивиды, занимающие позиции в сообществах, встраиваются в принятые стандарты, но вместе с тем, вербализуют с большей или меньшей ясностью запросы о приемлемости действий. Лидеры сообществ транслируют идеи о «буддийском» поведении и его стандартах, причем в публичном дискурсе часто происходит столкновение этих идей в виде трактовок и оценок действий священнослужителей и верующих. Одним из ключевых механизмов является воспроизводство ценностно-нормативного стандарта, который кодифицируется в канонической системе, которая, впрочем, регулярно подвергается ревизии.

Значительная доля коллективных действий, публикаций и лекций буддистов посвящена описанию нормативных стандартов буддизма, причем наиболее массовое и информационно открытое посвящается поведению мирян. Буддийские сообщества в массовом сознании часто представляются как не имеющие жестко закрепленных стандартов членства и иерархии и основанные на сознательном волюнтаристском действии. Вместе с тем, закрепление и соблюдение таких стандартов для буддийских сообществ является важнейшим направлением деятельности. Социальные границы воспроизводятся через

причисление и членство в сообществе. Вступление в буддийскую общину традиционно сопровождается ритуалом принятия Прибежища в Будде, Дхарме и Сангхе, а также принятием обетов личного освобождения. Обеты мирянина/мирянки, послушника/послушницы (неполного монаха/неполной монахини), монаха/монахини определяют предписания к приемлемому поведению индивидов, занимающих эти позиции. В махаянской общине также принимаются обеты бодхисаттвы, а в тантрической – тантры. Кроме того, важное значение для включения индивида в общину имеет система учитель-ученик, в которой именно учитель играет центральную роль в ритуальном и статусном действии. В реальной социальной практике ритуальным компонентам инициации часто не придается такое же большое значение как в теоретических описаниях и буддологических исследованиях. Для многих современных буддийских общин характерна стратегия снижения требований к периферийным статусам новых членов, к которым не предъявляется вся полнота требований в виде принятия ритуала Прибежища и подобных практик. Вероятнее всего, размытость этих границ обусловлена стремлением повысить адаптивный потенциал и снизить барьеры для рекрутирования новых членов. Кроме того, политико-правовые условия несколько ограничивают возможности буддийских сообществ к закреплению нормативных стандартов.

По данным Федеральной службы государственной статистики на территории Российской Федерации на апрель 2016 г. было зарегистрировано 252 буддийские религиозные организации (табл. 1) [7].

Таблица 1

Число буддийских религиозных организаций на территории Республики Бурятия

Год	Всего зарегистрировано религиозных объединений	В том числе по видам		
		Централизованных религиозных организаций	Приходов и общин	Духовных образовательных учреждений
1995	26		26	1
1997	28		28	1
2003	41	2	38	1
2011	57	2	52	2
2014	67	2	64	1
2016	68	2	66	1

Составлено на основе: [4; 5; 6]

В целом по России Министерством юстиции РФ зарегистрировано 11 централизованных буддийских религиозных организаций, 239 местных религиозных организаций и 2 духовных учебных заведения. На территории Бурятии по данным Управления Минюста России по РБ на апрель 2016 г. зарегистрировано 68 буддийских религиозных организаций. В Бурятии действуют общины, входящие в состав восьми централизованных буддийских религиозных организаций, зарегистрированных Центральным аппаратом Минюста РФ и включающих местные религиозные организации, действующие в двух и более регионах России. Это Буддийская традиционная сангха России (БТСР), Центральное духовное управление буддистов России (ЦДУБ), Духовное управление буддистов России (ДУБ), Дже Цонкапа, Российская Ассоциация Буддистов Алмазного Пути Традиции Карма Кагью. Кроме того, две централизованные буддийские религиозные организации, зарегистрированные Управлением Минюста РФ по Республике Бурятия, это Объединение буддистов Бурятии (входит в состав ЦДУБ) и «Майдар». Ряд буддийских общин не входят в состав централизованных организаций Ацагатский дацан, буддийская община «Мандала», буддийский центр «Шакьямуни Зандан Жуу» и др. На территории Бурятии действует Буддийский университет «Даши Чойнхорлин» имени Дамба Даржа Заяева, который, так же, как и Агинская Буддийская академия, является учреждением профессионального религиозного образования Буддийской традиционной сангхи России. В

течение некоторого времени функционировала Буддийская академия, созданная региональной централизованной религиозной организацией «Майдар».

Основной формой исторического развития буддийских сообществ являются школы и направления, для которых большое значение имеют признаваемые линии передачи учения, авторитетные учителя, религиозные духовные практики и тексты. Для разных школ характерны специфические черты социальной организации, идейно-философской, этической и ритуальной системы. В настоящее время в мире насчитывается большое количество направлений и школ буддизма, многие из которых распространены и в России. Большинство буддийских сообществ Бурятии относятся к направлению тибетского буддизма Гелуг, к которой относятся также общины Тувы и Калмыкии и значительная доля сообществ в других регионах. Также действуют Дзогчен-общины. «Буддийский центр алмазного пути школы Карма Кагью», зарегистрирован в Улан-Удэ, с 1995 г. входит в Централизованную религиозную организацию Российская Ассоциация Буддистов Алмазного Пути Традиции Карма Кагью.

Традиционно для бурятского буддизма была характерна дацанская монастырская организация, наряду с которой существовали внемонастырские йогические отшельнические сообщества, группы т.н. «степных» и «бродячих» лам и приходские общины мирян.

Дацаны воспроизводят традиционные церковные институты должностной иерархии, управления, образования и религиозной практики в форме монастыря, который конституировался на основе монашеской общины. Большинство современных дацанов Бурятии входят в состав Буддийской традиционной сангхи России, три находятся в составе ЦРО «Майдар» и несколько сохраняют автономный статус. Первые буддийские монастыри в Бурятии появляются после 30-х гг. XVII в. До этого времени существовали единичные княжеские молельни и родовые общественные сумэ в войлочных юртах, «которые еще не были объединены в единую систему церковной организации ламаистов Забайкалья» [2, с. 18]. Социальная организация буддийских монастырей ориентировалась на социокультурные образцы Гелуг, выработанные в Тибете, Монголии и Бурятии. Дацаны-монастыри выступали центрами духовной жизни, образования, культуры и экономики. Ядром этой организации выступали иерархии должностей в системе церковного и монастырского управления, образовательных степеней и дисциплинарных обетов-статусов. Положения Винаи, предписывающие стандарты поведения различных категорий буддийского духовенства и мирян, а также обеты бодхисаттвы и тантры в совокупности фиксируют этические нормативные дисциплинарные предписания. Обеты Пратимокши включают восемь категорий от монаха/монахини до мирянина/мирянки. Эти обеты выполняют функцию не только индивидуальных нравственных дисциплинарных обязательств, но и закрепляют права на замещение позиций в системе управления и образования. Исторически доступ к высшим административным и образовательным статусам был открыт только для монахов-гелонгов, хотя в настоящее время такое жесткое правило в Бурятии и других российских регионах не соблюдается. По нашим данным, в Бурятии из 68 буддийских общин монахи являются настоятелями в семи монастырях.

Другой тип буддийских общин, также воспроизводящих традиционные институты, но не в монастырской форме, часто называют дуганами. Дуган в тибетском, монгольском и бурятском языках это молитвенный зал или отдельный храм в монастыре. В постсоветское время этот термин также начали использовать для обозначения помещений, используемых буддийскими общинами в населенных пунктах и приспособленных для религиозной деятельности. Увеличение количества дуганов и их постройка в черте населенных пунктов обусловлено изменениями территориально-поселенческой карты Бурятии и перемещением бурятского населения. Большинство общин, ориентированных на воспроизводство традиционных институтов, в г. Улан-Удэ и ряде других крупных населенных пунктов функционирует в виде дуганов, они регистрируются как местные религиозные организации и имеют штат лам.

Кроме сообществ профессиональных священнослужителей в Бурятии

сформировалось два типа религиозных сообществ буддистов-мирян. Первый из них охватывает локальные группы прихожан буддийских дацанов-монастырей этнической Бурятии. Эти группы складываются в рамках территориальной «приходской» организации современных буддийских монастырей, воспроизводящей с определенными изменениями сложившуюся к началу XX в. систему. Дацаны в Бурятии традиционно основывались на приходской системе, построенной на территориально-родовом принципе и интеграции с системой местного самоуправления. В настоящее время система приходов характерна для построения дацанских буддийских сообществ преимущественно в сельской местности. Для Буддийской традиционной сангхи России связь монастырей и приходов стала одной из центральных идей «возрождения» буддизма. Выстраивание территориальной сети приходов ориентировано на территории исторических приходов дацанов и территориально-родовых групп бурят с учетом современного административного деления региона. Для них характерно отсутствие индивидуального формального членства, индивиды в них входят на условиях коллективного аскриптивного территориального и родового членства.

В другом типе сообществ представлены общины буддистов-мирян, организованные вокруг конкретных лидеров и учителей. Объединения буддистов-мирян возникли в начале 1990-х гг. Часто такие общины называют Дхарма-центрами, вслед за общинами, которые возникли в XX в. в период распространения буддизма в странах Запада. Деятельность в центрах включает лекции, ретриты, беседы с учителями и их учениками, медитационные занятия; под руководством учителей изучаются и переводятся религиозные и философские тексты, организуются занятия по обучению тибетскому буддийскому искусству и языку. Одним из главных направлений крупных центров является издательская деятельность [1, с. 31]. Для этих групп характерно индивидуальное членство, и, хотя локальные группы и организации формируются на территориальной основе, для них в большей степени характерно внелокальное воспроизводство. Во всех крупных городах России возникли группы буддистов-мирян, ориентированные на разные школы и направления. К этому типу относится большинство (около 180 из 239) российских буддийских организаций, включая такие как ЦРО «Чже Цонкапа» (сообщество учеников геше Джампа Тинлея), общины учеников Еше Лодой Ринпоче, Дзогчен-община (ученики Намхая Норбу Ринпоче), Российская Ассоциация Буддистов Алмазного Пути Традиции Карма Кагью (ученики Оле Нидала) и другие.

Список литературы

1. Аюшеева Д.В. Современный тибетский буддизм на Западе. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. 124 с.

2. Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX вв. Структура и социальная роль культовой системы. Новосибирск: Наука, 1983. 234 с.

3. Нестеркин С.П. Социальная организация буддийского сообщества Центрально-Азиатского буддизма: формирование традиционной модели и ее современная трансформация // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 11. С. 338–342.

4. Республика Бурятия – 75 лет. Статистический сборник. Юбилейный выпуск. Улан-Удэ: Комгосстат Республики Бурятия, 1998. 320 с.

5. Республика Бурятия – 80 лет. Статистический сборник. Юбилейный выпуск. Улан-Удэ: Комгосстат Республики Бурятия, 2003. 340 с.

6. Религиозные организации Бурятии: словарь-справочник / [С.В. Васильева и др.]. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета. 2011, 240 с.

7. Число религиозных организаций, зарегистрированных в Российской Федерации, на 1 января 2016 г. [Электронныйр ресурс]: Федеральная служба государственной статистики: [веб-сайт]. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/state/# (Дата обращения: 16.04.2017).

8. Shils E. Centre and periphery. // The Logic of Personal Knowledge: Essays in Macro-Sociology. Chicago: University of Chicago Press. 1975. P. 3–16.

А.М. Баженов Т.М. Мартынова

РАЗВИТИЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КАК УСЛОВИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

***Аннотация**. В статье анализируется развитие местного самоуправления в качестве предпосылки модернизации российского общества. Рассматривается реализация Закона №131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Называются проблемы, которые приходится решать муниципалитетам.*

***Ключевые слова**: местное самоуправление, модернизация, муниципалитет, российское общество.*

A.M. Bajenov, T.M. Martynova

DEVELOPMENT OF LOCAL SELF-GOVERNMENT AS CONDITION MODERN RUSSIAN SOCIETY

***Abstract.** In article the analysis the development Local Self-Government in quality the **prerequisite** modern Russian society. Examine the realization law N 131 «Of common principle the organization local self-government in Russian Federation». Be called a problem, which had to decide municipality.*

***Keywords**: local Self-Government, modern, municipality, Russian society.*

В настоящее время те, кто непосредственно занят преобразованиями, все больше утверждаются во мнении, что развитие местного самоуправления является одним из условий модернизации российского общества. Но чтобы придать импульс росту местного самоуправления, нужны неординарные действия со стороны разных групп нашего общества.

Самоуправление в России традиционно было связано с земской идеей – идеей народности, власти, исходящей от земли, от народа. Местное самоуправление в форме земства в российских городах и весях было известно еще с XVI века, но наибольшего расцвета оно достигло в период между 1864 и 1917 гг. Земство выступало, как пишет А.И. Солженицын, «органом целящим, восстановительным, воспитательным, убеждающим, открывающим простор для разумных и действенных сил населения» [3].

Как известно, 1 января 1864 г. было утверждено «Положение о губернских и уездных земских учреждениях». В их компетенцию входило: заведывание капиталами, имуществами и деньгами земства; содержание земских зданий и путей сообщения; меры по обеспечению «народного продовольствия», мероприятия по благотворительности, взаимное земское страхование имуществ; попечение о развитии местной торговли и промышленности; санитарные меры, участие в отношениях в области здравоохранения и образования.

Одним словом, за небольшой период своей деятельности земство зарекомендовало себя в качестве важнейшего социального института в России.

Но в то же время следует отметить и другие стороны в организации общественной жизни. Власть в России всегда была устроена так, что ресурсы и полномочия стягивались «наверх», а обязанности и ответственность передавались «вниз». К сожалению, федеральный центр и сегодня с трудом отступает от этого правила. Складывается впечатление, что он отдает приоритет в реформе местного самоуправления не росту народовластия, а упорядочению системы управления. Правительство устало отвечать за тепло в каждом доме, за уборку тротуаров и за выплату зарплаты разным группам населения в регионах страны. Действительно, возникавшие критические ситуации показали во многом несостоятельность местных властей, например, организация тушения пожаров, которые распространялись во многих местах России летом 2010 и 2011 гг. Заниматься решением региональных проблем приходилось чиновникам в ранге министров.

Девятнадцать лет назад Россией была подписана Европейская хартия о местном самоуправлении, ставшая основой для разработки и принятия базового закона, по которому мы сегодня живем. В 131-м Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», который был принят в 2003 г. и вступил в силу с 1 января 2009 г. на всей территории страны, фиксируется разделение всех муниципальных образований на три типа: поселения, муниципальные районы, крупные города. По мнению разработчиков этого закона, делается это для того, чтобы рационально разграничить полномочия, доходы и собственность в сельских районах; «довести» местное самоуправление до каждого гражданина; увеличить влияние представительных, избираемых гражданами, органов местного самоуправления; запретить совмещать должности главы муниципальной администрации и главы представительного органа.

Муниципальное управление, как и государственное, содержит два аспекта – внешний и внутренний. Внешние взаимодействия местной администрации включают в себя отношения с вышестоящим руководством, финансовый менеджмент, управление малым и средним бизнесом, правоохранительными органами, системами здравоохранения, образования, городским пассажирским транспортом, жилищно-коммунальными организациями, учреждениями социальной защиты. В основе этих взаимоотношений лежат правовые и административные институты. Внутренний аспект заключается в определении важнейших вопросов местного значения, законодательных актов, регулирующих организацию и деятельность органов местного самоуправления, управление коллективом администрации.

Правда, после 2003 г. законодательная власть была вынуждена принять большое количество изменений и дополнений в этот закон либо законов, которые требовали изменений в нем (ФЗ-122, 184, 199, 188). В результате реализации муниципальной реформы резко увеличилось количество муниципальных образований. До проведения реформы их было 11 733. В настоящее время у нас 22 327 муниципальных образований. В результате последующего проведения муниципальных выборов были избраны более 15 тыс. глав муниципальных образований, около 9 тыс. глав избраны из числа депутатов. Около 10 тыс. местных администраций возглавляют избранные по конкурсу и назначенные по контракту главы администраций, в остальных случаях администрацией руководит глава муниципального образования. В результате проведения муниципальных выборов было избрано 252 тыс. депутатов.

Незначительно увеличилось число работников, занимающих муниципальные должности и должности муниципальной службы. Если на 1 января 2005 г. в органах местного самоуправления работали 301 тысяча работников, занимающих муниципальные должности и должности муниципальной службы, то на начало октября 2006 г., после выборов, количество муниципальных служащих составило 328 тыс. Расходы на муниципальное управление выросли при этом на 3,8% и составили около 9% расходной части местных бюджетов. Получается, что относительно предыдущего объема расходов (около 5,5% от расходной части муниципальных бюджетов) они выросли более чем в полтора раза при росте количества служащих менее чем на 10%.

В 68% вновь образованных поселений к тому времени были приняты местные бюджеты, а остальные 32% осуществляли свою деятельность на основе сметного принципа финансирования. Общий объем доходов местных бюджетов в 2006 г. составил 1303 млрд руб., что выше уровня 2005 г. на 150 млрд, хотя объем полномочий, по оценкам Минфина, уменьшился более чем на 200 млрд руб. В 2006 г. только в 18% муниципальных образований бюджет формально был утвержден с дефицитом. Но скрытый дефицит имелся почти во всех муниципалитетах и составлял, по оценкам Минфина, более 300 млрд руб. [2].

При реализации этого закона следует ориентироваться на опыт других государств, где принципы самоуправления воплощаются на практике. В качестве примера можно сослаться на интересную инициативу редакции «Новой газеты». В 2016 г. редакцией была проведена акция «EuroРоссия. Двойники». В рамках этой акции депутат из Пермского края Любовь

Кочетова побывала в гостях у депутата шведской коммуны Херрюд Матса Вернера. Л. Кочетова познакомилась с опытом местного самоуправления в Швеции. Местное самоуправление осуществляется населением. В этих целях граждане используют институты непосредственной демократии – местные референдумы и выборы, а также представительные органы, должностных лиц. Здесь не может быть какого-либо шаблона, поскольку местные сообщества отличаются друг от друга размерами территории, численностью населения, характером поселений (городских или сельских). Но любые органы местного самоуправления обособлены от органов государственной власти и не входят в их систему. Кстати, в нашей стране с этим положением не все соглашаются. Общий принцип таков: местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно. Это установление, однако, не означает, что местное самоуправление оторвано от государства и противостоит ему. Такой подход противоречил бы в первую очередь интересам самого местного самоуправления, которое немыслимо без государственной поддержки, государственных гарантий.

Это означает, что вся деятельность местного самоуправления развивается на основе и в соответствии с законами, действующими на территории государства. В то же время все государственные органы, должностные лица, предприятия и учреждения, граждане и их объединения обязаны соблюдать права местного самоуправления. В конечном итоге это будет способствовать модернизации российского общества.

Конечно, эффективность деятельности органов местного управления во многом зависит от координации во взаимоотношениях с государственными структурами. Порядки открытого доступа обладают общим набором институциональных элементов. Во всех них существуют открытый доступ для организаций всех типов, рыночная экономика, создающая сравнительное преимущество, которое генерирует основную часть богатства общества, а также конкурентные выборы с всеобщим избирательным правом. Другие институты поддерживают гражданские права, включая свободу печати, свободу слова, свободу совести и вероисповедования, а также свободу собраний. Здесь благоприятные условия для развития и местного самоуправления. Порядки открытого доступа предотвращают беспорядок при помощи конкуренции и прозрачности общественной жизни. Конституции и верховенство права ограничивают государственную политику и тем самым сокращают угрозы, которые граждане могут почувствовать со стороны правительства. До утверждения порядков открытого доступа российскому государству необходимо пройти еще большую дистанцию.

Но слабым местом 131 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», видимо, является то, что в нем четко не названы источники финансирования муниципальных структур. Если говорить о некоем идеале, то местное самоуправление – это сообщество плательщиков налогов, которые живут по соседству друг с другом и напрямую или через выбранных ими лиц решают, на что потратить свои собственные деньги. Однако в документе не предусматриваются изменения Налогового и Бюджетного кодексов, которые только и могут обеспечить муниципалитетам финансовую самостоятельность.

Правда, в законе провозглашается принцип «деньги прикрепляются к полномочиям». Кроме того, муниципалитетам предполагается передать еще и часть государственных полномочий, под которые якобы тоже будут даваться субвенции. Но в связи с этим возникают вопросы о том, сколько «стоит» каждое полномочие в конкретном отдельном случае и какие доходные источники кому будут переданы. Пока однозначных ответов на них нет, если же по каким-то причинам финансовое обеспечение не будет соблюдено, то муниципалитеты могут обратиться в суд или одолжить деньги. А если долги местного самоуправления превышают 30% его доходов, то оно попадает под временную финансовую администрацию региональных властей.

Сейчас намечается и другой способ решения этой проблемы. По данным Министерства регионального развития, значительная часть вновь образованных поселений передает свои полномочия – частично или в полном объеме – муниципальному району. По

такому пути пошли примерно восемьдесят процентов сельских муниципалитетов России. В Тульской области только 37 из 103 поселений большую часть полномочий исполняют самостоятельно. Остальные же делегируют на уровень района от 10 до 20 вопросов местного значения.

Когда принимался 131 Закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», за всеми типами муниципальных образований было закреплено 64 полномочия. Сейчас их более 100 единиц. Обязанностей прибавилось, а финансовое обеспечение практически осталось прежним. Теперь муниципалитетам страны, чтобы должным образом исполнить свои полномочия, необходимо передать 1 трлн руб. Но таких денег в бюджете нет. Сегодня, по оценкам экспертов, многие надзорные структуры главами местного самоуправления помыкают. Часто их называют «расстрельными» должностями.

В настоящее время власть в муниципальном образовании двухступенчатая: есть председатель городской думы – официальный глава, а есть сити-менеджер, у которого в руках реальные полномочия. На деле такая схема привела к отсутствию ответственности и неспособности решать хозяйственные проблемы.

Логика жизни и здравый смысл побуждают всех граждан России к рациональным действиям: не нужно ждать разрешительных законов от центра, а надо приступать к самостоятельным действиям. Видимо, начинать нам необходимо с терпеливого решения частных местных проблем и объединяться для этого по каждому поводу: бытовому, профессиональному, культурному, житейскому. Разумеется, реформирование системы местного самоуправления во многом будет зависеть от активности и поддержки его самими гражданами России. Иногда в России такую работу называют маленькой политикой. При этом полномочия муниципалитетов весьма скудны: из самых заметных – утверждение скромного бюджета, одобрение программ развития района, организация спортивно-досуговой работы и контроль работ по благоустройству территорий. В России институты городского соседства и соседской взаимопомощи крайне слабы, как и другие институты гражданского общества. Судя по материалам международных сравнительных исследований, Россия выделяется среди 28 стран Европы самым низким уровнем ценности гражданской солидарности и взаимного («горизонтального») доверия, что обусловлено традиционной политикой целенаправленной дегражданизации, которая уже два века проводится в России.

В то же время следует отметить проявление определенной активности граждан в крупных городах. Традиционный костяк городского гражданского сообщества составляют инициативные группы, которые на местном уровне добиваются справедливости, равенства и законности. Они объединяют наиболее активных людей из товариществ собственников жилья, соседей по «благополучному» квартирному дому, жильцов проблемных общежитий, которые помогают наладить работу социальных сервисов города, заставляют местные органы власти соблюдать закон, быть более открытыми, внимательными к потребностям местных жителей. Таким горожанам интересна экономика города: бюджет, городское хозяйство. Они прекрасно разбираются в программах капитальных ремонтов, обязательствах муниципальной власти в социальной сфере и даже в местных правилах землепользования и застройки.

Как правило, наибольшую заинтересованность в решении местных проблем проявляет молодежь. Здесь можно сослаться на результаты социологического исследования в городе Туле, которое было проведено Центром социально-психологической помощи молодежи «Шанс» в III квартале 2014 г.

В исследовании определяется, насколько благоприятна для проживания молодого человека городская среда, в какой степени он может реализовывать свои цели и потребности в ее рамках (табл. 1).

Таблица

Степень реализации целей респондента в рамках городского пространства, %

Как Вы считаете, в какой степени Вы можете реализовать следующие цели у нас в городе?

Варианты ответов	В достаточно высокой	В средней	В достаточно низкой	Затрудняюсь ответить
Получить качественное образование, специальность, профессиональную подготовку, которые признавались бы во всем мире	40,6	**44,9**	14,5	–
Устроиться на хорошую работу по своей специальности	13,2	35,3	**50,0**	1,5
Добиться для себя, своей семьи материального благополучия, достатка	21,7	**50,7**	27,5	–
Свободно и публично выражать свои политические взгляды, требования	30,9	**35,3**	22,1	11,8
Получать информацию, актуальную для молодежи	27,9	**38,2**	14,7	19,1
Поступать в соответствии с совестью и убеждениями	30,4	**47,8**	11,6	10,1
Открыть «свое дело»	19,1	29,4	**42,6**	8,8
Получать квалифицированную медицинскую помощь	8,7	39,1	**46,4**	5,8
Реализовать творческие способности	24,6	**37,7**	21,7	15,9
Соблюдать обычаи, традиции своего народа	26,1	**46,4**	18,8	8,7
Получить в случае необходимости правовую защиту	11,6	**49,3**	30,4	8,7
Влиять на принятие решений, касающихся жизни города	11,6	29,0	**37,7**	21,7

Из таких горожан вырастают городские эксперты, которые профессионально анализируют городские проблемы и решения. К такой деятельности близки городские «инфраструктурные» общественные инициативы: объединения людей, которые формируют общий взгляд жителей на город и самоуправление на уровне «корней травы». Появляются многочисленные инициативы городского гражданского контроля – сообщества автомобилистов, занимающиеся контролем состояния дорог, «Архнадзор», общественный контроль общественного транспорта, «Синие ведерки» и другие [1].

Эта деятельность должна отразиться на результатах муниципальных выборов 10 сентября 2017 года. Некоторые партии к ним тщательно готовились, рекрутировали активистов, открывали образовательные проекты (например, штаб Дмитрия Гудкова по подготовке кандидатов в муниципальные депутаты в Москве) для начинающих местных политиков. По мнению экспертов, у оппозиции сейчас инициатива и почти неограниченный человеческий ресурс, пополняющийся из числа активистов, борцов с точечной застройкой или граждан, симпатизирующих протестной активности.

2012 году президент России подписал указ, объявив в нем 21 апреля Днем местного самоуправления. Именно 21 апреля 1785 года была издана «Жалованная грамота» городам, положившая начало становлению российского законодательства о местном самоуправлении.

Итак, развитие местного самоуправления является одним из условий модернизации российского общества.

Список литературы

1. Демакова С., Маковецкая С., Скрякова Е. Неполитический активизм в России // Pro et Contra. 2014. № 3–4 (63), май-август. С. 148–163.

2. Нечаев В.Д. Реформа местного самоуправления в России 2003 г.: централизация versus демократизация // Местное самоуправление в России и Германии. История и современность: сб. ст. / под общ. ред. Я.А. Пляйса и Н.М. Мухарямова. М.: РОССПЭН, 2012. С. 139–169.

3. Солженицын А. Россия в обвале. М.: Русский путь, 2006. 208 с.

Е.И. Иванова

ПРОТИВОРЕЧИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ СЕЛЕ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ

Аннотация. *В докладе анализируется противоречивый характер воздействия государственных реформ, социальной политики в сфере занятости и образования 1990-2000 гг. на основные структуры и институты села. На основе социологических исследований автора показано усиление традиционных механизмов межпоколенной поддержки на селе, воспроизводство социальных свойств и опыта крестьянства.*

Ключевые слова*: социальная политика, сельская местность, социально-демографическая структура, миграция, межпоколенная поддержка.*

E.I. Ivanova

CONTRADICTIONS OF SOCIAL POLICY IN CONTEMPORARY RURAL SETTLEMENTS IN RUSSIA AND THEIR CONSEQUENCES

Abstract. *The author emphasizes the contradictory character of influence of social reforms and social policy in the sphere of employment and education in 1990-2000s on main contemporary rural structure and institutions. The results of sociological surveys depict strengthening of traditional mechanisms of intergenerational assistance in rural society, reproduction of social behavior and experience of the peasants.*

Keywords: *social policy, rural settlements, socio-demographic structure, migration, intergenerational support.*

Воздействие государственных реформ, социально-экономической политики 1990–2000-х гг. на основные структуры и институты села создало неоднозначные условия для воспроизводства российского сельского населения.

Усиление либеральной линии в процессе реформирования села привело к кардинальным изменениям в социальной сфере: происходило сокращение рабочих мест в аграрном секторе экономики, усиливалась демотивация сельского труда, формировались противоречивые тенденции в доступности разных ступеней образования, услуг здравоохранения.

Результаты репрезентативных социологических опросов населения показывают тенденцию к резкому сокращению доли занятых в сельском хозяйстве, особенно в молодом поколении. Данные опроса «Жизненный мир» за 2015 г. показали, что доля занятых в отрасли составляла всего 20,2%. При этом наименьшая доля отмечалась в самой молодой возрастной группе, моложе 24 лет – 15,4%. (Для сравнения: доля занятых на государственных и частных предприятиях составила 28% среди всех опрошенных и 20,5% среди самых молодых респондентов) [1, с. 145]. Схожие выводы содержатся и в других репрезентативных опросах. Так, по данным RLMS-HSE, в возрастной группе 1980-х гг. рождения доля занятых в сельском хозяйстве снизилась до самых малых значений, близких к нулю.

Государственная аграрная политика 1990–2000-х гг. привела не только к ограничению занятости в сельском хозяйстве, ее следствием также было слабое развитие альтернативных видов деятельности в сельской местности (не связанных с сельскохозяйственной деятельностью) и, соответственно, рост безработицы. Уровень безработицы на селе составляет, по различным оценкам, 27–37%. Это выше официальных значений, поскольку согласно независимым оценкам экспертов, сельские жители часто не регистрируются как

безработные. Следствием отмеченных изменений в сфере занятости стал высокий уровень бедности сельского населения, почти вдвое превышающий значения для городского населения.

Сокращению занятости в сельском хозяйстве и снижению престижа труда в данной отрасли противостоит устойчивая тенденция с росту уровня образования в сельской местности. За период 1989–2010 гг. доля лиц с высшим и средним профессиональным образованием в сельской местности возросла соответственно в 2,5 и 2 раза [4]

Социологические исследования продемонстрировали высокие притязания на образование современной сельской молодежи, это связано с особенностями ее социализации. На высшее образование как высокую ценностную ориентацию в начале 2000-х гг. указали 40% выпускников сельских школ [3]. Для сельской молодежи все более характерна тенденция к ориентации на накопление культурного, социального, человеческого капитала и долговременное планирование профессионального развития. В то же время, отмеченная тенденция распространяется не на всю молодежь: различия в располагаемых молодыми людьми социальных ресурсах, в их жизненных шансах велики, имеют, в том числе, региональную специфику. Высокая мотивация на поступление в вуз в городе часто связана не только с их желанием переехать из села в другую область учиться, но и с недостаточностью предложения специальных и высших учебных заведений по месту постоянного жительства или в ближайших городах.

Последствия реформирования сферы образования были крайне противоречивыми для формирования нового поколения: с одной стороны, наблюдалась все возрастающая ориентация молодых людей на получение высшего образования, с другой – закрывались школы, сужались возможности для получения среднего образования, сокращалось число государственных вузов.

Далеко не исчерпывающий обзор последствий государственных реформ за два десятилетия показывает качественные изменения в воспроизводстве социальных компонент жизнедеятельности сельского населения. Исследователи села в указанный период делали радикальный вывод о его «раскрестьянивании».

Социетальные сдвиги стали основным фактором сокращения численности сельского населения, изменений в демографических структурах села – в составе семей, возрастной структуре, а также оттока молодежи из села.

Структура миграционных потоков и компоненты естественного движения оказывают различное воздействие на формирование сельского населения. Прежде всего, это различия в возрастных группах, участвующих в миграции и естественном движении населения. В пространственных перемещениях из села участвуют, как правило, молодые возрастные группы, в село, напротив – старшие группы. Естественное движение в сельской местности определяется динамикой и структурой рождаемости (процесс протекает в молодых и средних возрастах) и смертности сельского населения (затрагивающей в большей степени старшие возрастные группы).

В начале 2000-х гг. в возрастной структуре происходило постепенное сокращение доли детей и подростков – численность населения дотрудоспособного возраста к 2010 г., по сравнению с 1989 г. сократилась на треть. При этом сокращение касалось не всех возрастов (сказалось повышение рождаемости в середине 1980-х гг.): росла численность 10–14-летних детей и подростков.

Изменение численности молодых людей затронуло возрастные группы неравномерно, что было связано с последствиями роста рождаемости в 1980-е годы и притока населения в трудоспособном возрасте в 1990-е гг. Так, численность возрастной группы 15-19 лет повышалась до 2006 г., а возрастной группы 20–24 лет – вплоть до 2010 г. К 2015 г. по мере исчерпания последствий демографической волны и снижения рождаемости в 1990-е гг. число 15–19-летних молодых людей сократилось на 56%, по сравнению с 2006 г., 20–24-летних – на 40%, по сравнению с 2010 г. Население в возрасте 25–34 года росло в течение 2002–2015 гг. Тенденция к снижению возрастной группы 35–39 лет сохранялась до 2009 г., с

2010 г. она сменилась на повышение. В целом, доля населения всех возрастных групп, формирующих подгруппу трудоспособного населения, имела устойчивую тенденцию к повышению.

На динамику численности более старших возрастных групп оказывали влияние как последствия демографического эха войны, так и повышение смертности населения в возрасте старше 40 лет с 1992 г. (оно затронуло в большей степени мужское население). Доля населения старше трудоспособного возраста менялась несущественно за 1990–2000-е годы, ее колебания находились в пределах 0,5%. Динамика соотношения значений численности возрастных групп за 2002, 2010 и 2015 гг. к значениям за 1994 г. представлена в таблице 1.

Сокращение доли молодых людей в возрасте 15–24 года в течение последних пяти лет объясняется не только последствиями низкой рождаемости в прошлом. В данном возрасте отмечается рост интенсивности миграционной подвижности из села в город.

Следствием новых жизненных притязаний сельской молодежи и отсутствия возможности их реализации в сельской местности стала новая волна миграции в города, прежде всего, в крупнейшие, в которых есть условия для получения образования и самореализации молодежи.

Таблица 1

Изменение численности возрастных групп за 1994–2015 гг., %, 1994=100%

Возраст	2002	2010	2015		Возраст	2002	2010	2015
0-4	71,0	84,0	94,7		**35-39**	87,9	78,4	82,0
5-9	62,5	57,2	64,9		**40-44**	128,9	96,0	96,1
10-14	98,6	64,1	63,8		**45-49**	196,4	205,5	166,9
15-19	111,9	95,9	69,2		**50-54**	119,8	152,5	154,9
20-24	118,0	153,8	95,0		**55-59**	47,9	97,6	120,5
25-29	98,7	106,9	116,1		**60-64**	91,4	65,1	98,6
30-34	75,1	78,5	84,5		**65-69**	85,1	53,4	67,7
					70 и более	122,7	131,3	116,4

Молодое сельское население уезжает в город в поисках работы и жизненных перспектив. Так, результаты опроса «Сельская жизнь» показали, что миграционные намерения наиболее высоки среди молодых жителей, особенно в группе моложе 24 лет: жить и работать в городе выразили желание 65% респондентов, а остаться в селе всего 27% [1, с. 149]. Вследствие нерешенности многих социальных проблем, закрытия детских садов, школ, больниц новая волна миграции в города затрагивает и представителей старших возрастных групп трудоспособного возраста. Лишь с приближением к пенсионному возрасту респонденты все чаще выражали намерение остаться в сельской местности (85% в возрасте 60 лет и старше).

За период 2009–2015 гг. объемы миграции из села резко возросли. В возрастной структуре выбывших наиболее представительны доли детей и средней возрастной группы, 30–39 лет. За пять лет численность выбывших детей возросла в 3,6 раза, а численность выбывших в возрасте 30–39 лет – в 2,7 раза, что составляет максимальный прирост среди всех возрастных групп. При этом число выбывших за период 2009–2014 гг. удвоились практически во всех возрастных группах [2]. Это, с одной стороны, отражает кризисное состояние социальной инфраструктуры современного села, а с другой, – усиление семейного характера миграции.

В самой сельской местности устойчивое ослабление социальной защиты населения вызвало компенсаторное укрепление микросоциальных сетей. Социологические опросы, проведенные в сельской местности различных регионов России в 2000-е годы, выявили тенденцию к сохранению традиционных установок на межпоколенную взаимопомощь. Она проявляется в значимых объемах поддержки между родственниками и друзьями. Проведенные в 2000-е гг. опросы сельского населения показали, что ожидания старших поколений на поддержку от государства выражены слабо, наблюдается тенденция к их

автономизации от государственных неформальных институтов. В специфических условиях современного социального времени взаимодействие между поколениями развивается в направлении укрепления микросоциальных сетей. По результатам опросов 2002 г. и 2015 г., половина опрошенных пожилых людей надеялась, прежде всего, на поддержку своих близких родственников. При этом в структуре домохозяйств сельских пенсионеров преобладали однопоколенные семьи, более трети из них были одиноки.

В 2015 г. фактическую помощь от детей и близких в сельской местности получали только 20% опрошенных, что меньше по сравнению с пенсионерами, проживающих в средних и крупных городах. Однако доля полностью удовлетворенных общением с детьми была велика и составила более 80%, что существенно выше по сравнению с оценкой городских жителей [1, с. 157–158]. Результаты ответов на вопрос о значимости родственных связей в достижении благополучия в семье позволяют судить о высокой ценности семейных отношений на селе.

Обращает на себя внимание сохранение на крайне низком уровне надежды на помощь формальных институтов – как государственных (муниципальных) органов и учреждений, так и руководства организаций, в которых работают или работали респонденты. Динамика современных социальных институтов не соответствует качественным переменам в новом поколении, их расширенным притязаниям, она направлена на сохранение простой (в отдельные периоды даже суженной) периодически совершающейся смены поколений. Последнее способствует сохранению традиционности многих сельских институтов.

В настоящее время в сельской местности делаются попытки реализовать умеренную модель развития сельского хозяйства. Данная модель ориентирована на поддержку сельского производителя, равного существования как больших агропромышленных предприятий (преемников колхозов и совхозов), так и мелких крестьянских хозяйств (фермеров и ЛПХ). Важное направление умеренной модели–развитие социальной сферы, создание комфортных условий труда и быта, чтобы жители сел не рассматривали переезд в город как единственный способ повысить свое благосостояние. В последние годы развитие АПК признано одним из приоритетных направлений социально-экономической политики государства. Действующие в отношении России экономические санкции способствовали усилению государственных мер в области аграрной политики.

Государственная поддержка семейных хозяйств, восстановление и развитие социальной сферы в сельской местности создают новые возможности для молодого поколения. Все интенсивнее внедряются новые технологии, которые требуют знаний специалистов. Следовательно, накопленный новым поколением образовательный капитал может быть востребован. Молодые люди смогут пересмотреть свои взгляды на жизнь в сельской местности. О сохранении и воспроизводстве социальных свойств, опыта крестьянства можно судить на основании значимых миграционных потоков в направлении город-село, наблюдаемых в 2000-е годы, отмеченного выше прироста численности возрастных групп 25-34 года в 2002-2015 гг. и 35-39 лет с 2010 г. Сельский образ жизни часто становится привлекательным для городских жителей.

Список литературы

1. Смыслы сельской жизни (опыт социологического анализа) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016. 368 с.

2. Иванова Е.И. Социальный вектор миграционной подвижности россиян // Социологические исследования. 2015. №11. С. 66–73.

3. Магун В.С., Энговатов М.В. Динамика притязаний и изменение ресурсных стратегий молодежи: 1985–2005 годы // Отечественные записки. 2006. № 3. С. 76–96.

4. Численность и размещение населения [Электронный ресурс]: Всероссийская перепись населения – 2010: [веб-сайт]. URL: http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/results-inform.php. (Дата обращения: 14.08.2017).

О.О. Коробова

НАПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПО РАЗВИТИЮ СФЕРЫ КУЛЬТУРЫ ИВАНОВСКОГО РЕГИОНА

Аннотация. *В статье рассматривается понятие культуры как значимого ресурса социально-экономического развития Ивановского региона. Дается сравнительный анализ количества муниципальных организаций культуры четырех регионов. Обозначены проблемы в культурной жизни региона и предлагаются направления государственной политики по развитию культурного пространства.*

Ключевые слова: *культура, традиционная народная культура, государственная политика, протекционизм, государственно-частное партнерство, культурное пространство региона, социально-экономическое развитие.*

O.O. Korobova

DIRECTIONS OF THE STATE POLICY ON DEVELOPMENT IN THE SPHERE OF CULTURE OF THE IVANOVO REGION

Abstract*. The article discusses the concept of culture as a significant resource for socio-economic development of the Ivanovo region. A comparative analysis of the number of municipal cultural institutions of the four regions. The problems identified in the cultural life of the region and outlines state policy for development of cultural spaces.*

Keywords: *culture, traditional folk culture, public policy, protectionism, public-private partnership, the cultural space of the region, socio-economic development.*

В прикладном понимании под «культурой» рассматривают вид деятельности в тех или иных устоявшихся из поколения в поколение видах и формах классического и самодеятельного искусства. Соответственно под традиционными видами деятельности в культуре понимают устоявшиеся в народе или официально утвердившиеся виды и способы удовлетворения культурных потребностей, а именно личных, производственных и общественных в целом [4, с.15]. В связи с этим все виды самодеятельной деятельности в культуре представляется возможным выделить в самостоятельную экономическую категорию отраслевой структуры культурной сферы.

Народное творчество является одним из основных ресурсов культурного потенциала Ивановского региона, прямо участвующего в развитии его экономики. Культура текстильного края связана с историей сложившихся в народе традиций: производства тканей, кустарного производства лаковых миниатюр, обычаев и навыков текстильного ремесла, художественной росписи и т.п. Культура становится значимым ресурсом социально-экономического развития Ивановской области. Поэтому формирование и развитие культурной среды – это важнейшее условие улучшения качества жизни людей. Сегодня учреждения культуры на территории Ивановской области представлены 741 сетевой единицей, из которых 227 учреждений – юридические лица (2 – федеральные, 22 – областные, 203 – муниципальные, учрежденные как городскими округами, районами, так и поселениями). [2, с.29].

Проанализируем число муниципальных организаций культуры и спорта Ивановского региона в сравнении с близкими областями (табл. 1).

Таблица 1

Число муниципальных организаций по видам на 1 января 2015 г. [6]

Регионы	Организации	
	культуры	спорта
Владимирская область	275	62
муниципальные районы	83	20
городские округа	53	24
городские поселения	46	15
сельские поселения	93	3
Ивановская область	226	29
муниципальные районы	25	8
городские округа	40	21
городские поселения	57	–
сельские поселения	104	–
Костромская область	229	38
муниципальные районы	69	11
городские округа	48	15
городские поселения	19	4
сельские поселения	93	8
Ярославская область	343	53
муниципальные районы	163	7
городские округа	141	42
городские поселения	4	1
сельские поселения	35	3

Как видно из табл. 1, в Ярославской области осуществляет свою деятельность 343 организации культуры, и почти половина – это организации муниципальных районов. На втором месте Владимирская область, где находятся 275 учреждений культуры, с более равномерным распределением организаций в муниципальных районах, городских округах и поселениях. Третье место по количеству муниципальных организаций разделяют Владимирская и Ивановская области, с небольшим отрывом последней. Почти половина организаций культуры (104 единицы) находятся в сельских поселениях Ивановской области. Что касается наличия спортивных организаций, то в Ивановской области их количество минимальное (29), и, в отличие от других регионов, они отсутствуют в городских и сельских поселениях.

Несовершенство системы управления культурной средой Ивановского региона очевидно. При достаточно развитой сети государственных и муниципальных учреждений культуры Ивановская область занимает последнее место по их количеству среди четырех областей. Текстильный край богат культурным и историческим наследием. Отрасль культуры должна рассматриваться как одна из главных конкурентоспособных преимуществ региона, как часть его имиджа.

Да, проблемы в сфере культуры Ивановского региона существуют. Как отмечается в *государственной программе «Культура Ивановской области»,* наиболее острыми проблемами являются [2, с.50]:

– недостаточное развитие материально-технической базы учреждений культуры и искусства;

– недостаточный уровень компьютеризации части учреждений культуры и внедрения информационно-коммуникационных технологий в основную деятельность;

– недостаточное комплектование библиотечных фондов в муниципальных районах Ивановской области;

– низкий уровень обеспечения процесса государственной охраны объектов культурного наследия, их общее неудовлетворительное состояние;

– старение профессиональных кадров;

– отставание уровня оплаты труда работников культуры от среднемесячной

номинальной заработной платы работников, занятых в сфере экономики;

– снижение эффективности и качества оказания культурных услуг населению в сельской местности.

Проблемы в культурной жизни региона решаются на уровне правительства Ивановской области, при поддержке центрального государственного аппарата. Одним из приоритетных направлений в развитии и сохранении наследия является финансирование, т.к. культура – одна из отраслей, напрямую зависящая от бюджета.

Правительство Ивановской области ежегодно выделяет средства на софинансирование расходных обязательств муниципальных образований. Но объем этих средств в 2016 г. сокращен почти на треть. Объем средств на финансовое обеспечение полномочий, переданных с областного на муниципальный уровень, увеличен на 185 млн руб. Субвенции составят 4,5 млрд руб. Также сохраняется возможность для привлечения в область дополнительных финансовых ресурсов за счет участия региона в реализации мероприятий, предусмотренных федеральными программами [7].

Кроме финансирования проводятся структурные реформы в отрасли культуры Ивановской области, реализуются стратегические направления развития российской культуры, обозначенные в указе Президента РФ «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» [5].

В настоящее время реализуется *государственная программа «Развитие культуры и туризма» на 2013–2020 гг.* – ее подпрограммы, в том числе федеральные целевые программы, следующие:

- Наследие;
- Искусство;
- Туризм;
- Обеспечение условий реализации Программы;
- Федеральная целевая программа «Культура России (2012-2018 годы)»;
- Федеральная целевая программа «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 гг.)» [2, с. 58].

Доля участия Ивановского административного аппарата в сохранении и развитии культуры велика, но наибольший эффект от государственного регулирования достигается за счет систематичности, длительности воздействия и привлечения производителей (носителей традиций) продуктов традиционной народной культуры.

Поэтому современную государственную экономическую политику в области развития культуры в сфере наследия целесообразно выстраивать, основываясь на системе *гибкого интерактивного взаимодействия различных институций и индивидуумов*: организаций глобального, национального и регионального уровней правительств, государственных организаций, местных сообществ, бизнес-структур, организаций третьего сектора, учебных заведений, ученых и специалистов в сфере наследия, а также «потребителей наследия», в результате которой определяется сама суть понятия наследия, а также стратегия и тактика в этой области [2, с. 201].

Предлагаются направления государственной политики по развитию культурного пространства Ивановского региона:

1. Организационно-экономические:

– сокращение территориальной дифференциации в обеспечении населения продуктами культурной деятельности;

– переход от управления культурными учреждениями к управлению социально-значимыми проектами и программами в сфере культуры;

– повышение роли и участия профессиональных творческих союзов и объединений в формировании культурной политики и стратегии бюджетного финансирования;

– проведение научно-исследовательских разработок по оценке и анализу социально-культурной ситуации в регионе.

2. Государственный протекционизм:

– создание на безвозмездной основе условий участия в конкурентной борьбе за право получения государственных инвестиций;

– предоставления государственного целевого кредита и иных прав и преимуществ;

– инвестирование, перечисление бюджетных ассигнований, дотаций, субвенций, предоставление кредитов, займов, грантов и выручки от ведения предпринимательской деятельности

– косвенное стимулирование инновативно-технологического развития отечественной культуры, заключающегося в основе своей меры налоговый протекционизм и кредитные льготы;

– инвестиции в приоритетные направления сохранения отечественных традиций.

3. Инфраструктурные–создание единого культурно-информационного пространства, освещающего процессы социального партнерства в России.

4. Идеологические:

– усиление роли государства в защите культурных ценностей, в том числе воспитание патриотизма;

– социализация молодых поколений;

– поддержку, формирование и модерирование контента средств массовой информации.

Одним из определяющих инструментов реализации государственной политики в области развития и сохранения традиционной народной культуры может быть государственно-частное партнерство (ГЧП). Для организации ГЧП в этой сфере необходимо разработать законодательные и налоговые механизмы стимулирования частного капитала; ориентировать федеральные и региональные целевые программы в сфере культуры на широкое участие бизнеса; формировать позитивный имидж бизнесмена и корпорации, играющих значительную роль в сохранении и развитии наследия. [1]

Исходя из всего вышесказанного, предполагается, что формированию устойчивого развития сферы культуры Ивановского региона способствует государственный протекционизм, т.е. экономическая политика, создающая условия для сохранения и развития культуры. Такой механизм позволит обеспечить спрос, повысить потребительские расходы и создавать новые рабочие места. Государство на современном этапе продолжает оставаться основным институтом, обеспечивающим культурные процессы на местном уровне.

Список литературы

1. Коробова О.О. Государственно-частное партнерство в сфере производства продуктов традиционной народной культуры // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. 2014. № 2 (38). С. 54–61.

2. Культура и культурное пространство региона: традиции, инновации / О.О. Коробова, А.Б. Берендеева. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2016. 228 с.

3. Коробова О.О. Направления государственного регулирования сферы производства продуктов традиционной народной культуры в контексте модернизации экономических отношений // Актуальные проблемы экономики, торговли и управления. Сборник материалов итоговой научно-практической конференции преподавателей и аспирантов с международным участием. М.: Ти Ру? 2013. С. 232–238.

4. Коробова О.О. Совершенствование экономических отношений в сфере производства продуктов традиционной народной культуры: диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина. Иваново, 2011.

5. О мероприятиях по реализации государственной социальной политики: указ Президента РФ от 07.05.2012 г. № 597.

6. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: стат. сб. / М.: Росстат, 2015. 540 с.

7. Тезисы доклада директора Департамента финансов Л.В. Яковлевой к проекту закона Ивановской области «Об областном бюджете на 2016 год» [Электронный ресурс]: Правительство Ивановской области: [веб-сайт]. URL: http://www.ivanovoobl.ru/materials.aspx?part=1437 (Дата обращения: 28.02.2016).

Н.А. Костко

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ГОРОДА КАК ЦЕЛЕВАЯ УСТАНОВКА УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ ТЕРРИТОРИИ

Аннотация. *В рамках нормативно-правовой системы местного самоуправления, в которой функционирует город, целеориентация управленческой деятельности ограничена перечнем вопросов местного значения, что не в полной мере отражает сути города как социальной системы в его целостности и комплексности. В качестве такого элемента, характеризующего степень развития города, можно принять социальное пространство.*

Ключевые слова: *социальное пространство, социальное проектирование, муниципальное управление, индикаторы состояния социального пространства города.*

N.A. Kostko

DEVELOPMENT OF SOCIAL SPACE OF THE CITY AS A PURPOSE SETTING OF THE TERRITORY DEVELOPMENT'S MANAGEMENT

Abstract. *In the framework of the regulatory system of local self-government, which operates the city, the target orientation of management activities limited to the list of issues of local importance that do not fully reflect the essence of the city as a social system in its integrity and complexity. As an element, characterizing the degree of development of the city can make a social space.*

Keywords: *a city, city development, social space, activity, identity, municipal administration.*

Анализ современных проблем, тенденций и перспектив муниципального управления напрямую связан с текущим и будущим состоянием и развитием муниципальных образований, которые находятся в одной общественно-политической и нормативно-правовой системе координат. Муниципальное образование принимается как организационно и структурно упорядоченная форма, функционирующая в рамках системы местного самоуправления. Город ассоциируется с разнообразием моделей, проявлений и действий. Каждый город − это скорее сложный социальный организм, включенный в действующую систему управления через определенную общественно-политическую форму, а именно местное самоуправление. В данной статье понятие город и муниципальное образование тождественны в том плане, что муниципальное образование определяет границы и условия нормативно-правового обоснования принципов, норм и направлений развития города. Процессы, которые проходят в городах, гораздо сложнее тех форм, что предоставляет система местного самоуправления, но это единственная форма, которая и через которую возможно управление развитием города.

Не останавливаясь на детальном анализе сущности понятия город, скажем, что сложность его категориального определения во многом обусловлена многообразием предметного поля и классификационных оснований объекта исследования, что затрудняет принятие всеобъемлющего и полного определения понятия «город».

Город рассматривается как сложная социальная, замкнутая, но не закрытая система (согласно идеям Н. Лумана) [3] со своим набором элементов, отношений и взаимодействий, целей, управленческих моделей развития.

Согласно системному подходу, город как сложная социальная система приобретает свойство системности при условии развития собственной системообразующей сложности и целеустремленности, то есть развития элементов внутренней среды, а не только как результат внешнего воздействия мегасистемы. *Развитие города* ставится в зависимость от его способности создавать средствами управления условия, активизирующие внутренние факторы и элементы системы как общего, так и специфического характера.

Перспективным видится поиск новых идей в плоскости целеполагания развития города и определения методов управления по активации внутренних элементов города как сложной социальной системы.

За муниципальными образованиями разных уровней в рамках законодательно закрепленных принципов территориальной организации местного самоуправления, вопросов местного значения не указаны цели развития, речь ведется лишь о стандартизированном *перечне условий*, которые необходимо обеспечить для жизнедеятельности населения. Только в статье 17 пункта 6 Федерального закона от 06.10.2003 ФЗ-№131 (ред от 29.12.2014) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» к вопросам местного значения отнесены «принятие и организация выполнения планов и программ комплексного социально-экономического развития муниципального образования».

Цели развития, зафиксированные в стратегиях и планах социально-экономического развития большинства муниципальных образований страны, условно можно разделить на те, что напрямую связаны с необходимостью развития экономико-инвестиционного, инновационного потенциалов муниципальных образований для эффективного функционирования воспроизводственных процессов, что является объективной и необходимой данностью, и те, что обеспечивают, включение социальных факторов, нематериальных ресурсов в процесс развития.

Шагом вперед в муниципальном управлении можно назвать признание в качестве целевого ориентира и прикладного значения развитие человеческого потенциала. Однако управленческий экономико-технократический подход сужает суть и возможности использования данной целеориентации до горизонтов среднесрочного/долгосрочного планирования достижения нормативных экономико-статистических показателей развития социальной инфраструктуры, роль же человека как субъекта и источника развития остается пассивной, он скорее выступает наблюдателем или потребителем предлагаемых ресурсов развития. При этом, можно считать доказанным, что экономический эффект от действенности человеческого потенциала и капитала превышает отдачу от физического капитала [2; с. 28], что в современных условиях нехватки материально-вещественных ресурсов является мощным источником развития. Кроме того, ряд исследователей напрямую говорят о том, что «между материальным благосостоянием города и его способностью обеспечить устойчивый рост почти нет связи» [4].

Формирование качественных характеристик человеческого потенциала и капитала в муниципальном управлении позволяет получить обратный системный эффект во всех сферах жизнедеятельности.

Инструментально в рамках прогнозно-нормативного управления это достигается через социальную инфраструктуру. Уровень и качество услуг, предоставляемых социальной инфраструктурой населению, косвенно может охарактеризовать уровень и качество человеческого капитала, но никак не свидетельствует о роли последнего в жизни города, степени его отдачи, в разрешении сложных городских проблем.

Проблема видится в том, что в современной модели управления развитием города акцент смещен на необходимость создания условий, обеспечивающих формирование, рост человеческого потенциала и капитала, рассчитывая на отдачу от вложения в них, что бесспорно положительно характеризует социальное государство. Однако человек в этой

конструкции выступает скорее пассивным потребителем благ, а не созидателем и активным участником процесса развития. Увеличение объемов всех видов ресурсов (от финансовых до организационно-управленческих) направляемых на воспроизводственные процессы, на социальную сферу для достижения их качественного состояния, практически носят бесконечный и безграничный характер, а вот отдача человеческого капитала на такие управленческие действия и оценка их значимости и результативности не становится однозначно положительной. Возможно, есть смысл перейти к определению целей развития города, в том числе и посредством учета такого показателя как влияние, участие человеческого капитала в управлении по достижению целей развития города. Действенность человеческого капитала видится через участие граждан в конструировании социального пространства города.

На сегодня нормативно-правовую основу плановой работы по управлению развитием территории муниципального образования составляют: ст. 17 Федерального Закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (от 06.10.03 № 131-ФЗ) о формировании социально-экономической политики и планировании развития городов, которые были отнесены к полномочиям местных органов самоуправления, а также Федеральный Закон «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации» (от 20.07.95 № 115-ФЗ) и Федеральный Закон 28 июня 2014 №172 «О стратегическом планировании в РФ»

Целью данной работы не является оценка методики формирования стратегий, определение ее инструментальной и организационно-управленческой эффективности и результативности, речь идет о целевых ориентирах развития.

Муниципальные образования формируют свои стратегии развития с учетом целевых ориентиров своих субъектов, что потребовало сначала провести анализ целевых установок стратегий социально-экономического развития 85 субъектов РФ (на июль 2017 года), размещенных на их официальных сайтах. В качестве метода исследования использован контент-анализ документов, в качестве единицы измерения выбраны положения документов о целевых ориентирах развития, которые были промаркированы как: «экономические», «человеческий капитал», «уровень и качество жизни», «пространство». Кроме того, документы были разделены по временному признаку действия их применения, в практике управления развитием территории, а именно были выделены 24 субъекта РФ, имеющие стратегии развития до 2020; 26 – до 2025 (включая за период до 2026-2028); 25 – до 2030 (включая за период до 2035); в стадии разработки и не имели информации по 5 субъектов (табл. 1).

Таблица 1

Распределение целевых ориентиров стратегий развития субъектов РФ

Количество субъектов РФ	Год действия стратегии развития	Цели стратегии развития			
		«экономические»	«человеческий капитал»	«уровень и качество жизни»	«пространство»
24	2020	6	3	15	–
26	2025	12	1	13	–
25	2030	5	4	13	3
75		23	8	41	3

Три субъекта РФ, а именно Белгородская, Вологодская и Тверская области в качестве целевой установки стратегии развития указали пространство, причем каждый из субъектов по-разному определяет сущность и показатели этой цели.

Аналогичному анализу подверглись стратегии социально-экономического развития крупных городов РФ (т.е. с численностью населения свыше 500 тыс. человек до 1 млн).

Используя метод контент-анализа документов по вышеизложенной методике, был проведен анализ стратегий социально-экономического развития 26 городов. Из них разместили на официальных сайтах свои стратегии 13 городов (табл. 2).

Таблица 2

Распределение целевых установок в крупных городах РФ

Количество городов	Год действия стратегии развития	Цели стратегии развития			
		«экономические»	«человеческий капитал»	«уровень и качество жизни»	«пространство»
1	2020	1	–	–	–
3	2025	1	–	2	
9	2030	1	–	7	1
13		3	–	9	1

Большинство стратегий нацелены на повышение уровня и качества жизни и составлены стандартно и по форме, и по содержанию в соответствии с имеющимися рекомендациями по формированию данного вида документов. В стратегии социально-экономического развития города Набережные Челны (как и у Казани) в качестве цели указано на развитие пространства, в Кургане развитие пространства стоит в качестве задачи. Понимание и определение сущности и показателей развития пространства в этих документах скорее относит нас к территориальному пространству, чем к социальному. Территориальное пространство – это экономическая категория, которая напрямую связана с развитием и размещением производительных сил, условиями воспроизводства ресурсов территории.

Пространственное развитие в рамках экономики отлично от развития социального пространства, но эти два аспекта жизнедеятельности не могут не взаимодействовать и оказывать взаимное влияние.

Почему нам надо знать о состоянии социального пространства города? Потому, что в настоящее время в управлении основным становится антропоцентрический подход, где люди, обладающие определенным человеческим потенциалом и капиталом, набором социальных качеств и характеристик, определяющих сущность социального действия, его направленности, ценности и результативности, в том числе и в экономической сфере, выступают главной доминантой. Потому, что социальное пространство – это концентрация взаимодействующих

материально-вещественных и нематериальных элементов общества, в рамках, в границах которой действуют или бездействуют индивиды, обеспечиваются воспроизводственные процессы или процессы развития, формирования нового качества личности, общества, экономики, государства, цивилизации. Наконец, знание о состоянии социального пространства позволяет отслеживать, улавливать происходящие в обществе изменения, их противоречивость и конфликтность, что само по себе должно быть предметом пристального внимания управления.

Практика социального проектирования управления развитием города предполагает необходимость разработки показателей и индикаторов, характеризующих состояние социального пространства города и управления его развитием.

Для этого мы должны располагать данными о состоянии:

1. идентичности, а именно территориальной идентичности, как показателя развития территориальной общности взаимодействия горожанина с городом; социальной самоидентификации как показателя включенности горожан в жизнь города через определение своего личностного места в системе координат города;
2. социальной активности как действенной результирующей по формированию социального пространства города, его развития. Согласно П. Бурдье, активность соизмеряется степенью организованности, изолированности или вовлеченности в городские социальные процессы [1, с.5], что предполагает исследование взаимоотношений горожан с территориальной общностью, их вклада в развитие города, уровня доверия, отношения к системе местного самоуправления, особенности восприятия власти, уровня активности в достижении намеченных целей и решении проблем;
3. норм и регуляторов отношений в рамках конкретной городской общности, а именно доверия и солидарности как социальных норм.

Каждый из вышеперечисленных показателей имеет свой набор индикаторов что, в итоге позволяет получить интегрированную характеристику состояния социального пространства и, следовательно, иметь основания для принятия конкретных управленческих действий. Проектное развитие пространства, предполагает включение в действие принципа луковицы в рамках системного подхода и устойчивого развития, когда сферы и слои общественного развития развиваются не параллельно и, тем более, не по принципу приоритетности, а врастая и прорастая, через действие процессов диффузии перетекания одной плоскости в другую, достигая эффекта эмерджентности и синергии.

Список литературы

1. Бурдье П. Социология политики: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко / М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.

2. Капелюшников Р.И. Сколько стоит человеческий капитал России? // Вопросы экономики. 2013. №1. С.27–47.

3. Луман Н. Теория общества. М.: «КАНАО-пресс-Ц»; «Кучково поле», 1999. 211 с.

4. Новые модели развития городов. Точка зрения McKinsey&Company. McKinsey on Sustainability & Resource Productivity. 2012. The McKinsey Quarterly № 27. 2013. // [Электронный ресурс]: Центр гуманитарных технологий. 21.04.2013. URL: http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/5974http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2010/2596 jn 15/10/2014 (Дата обращения: 18.06.2017).

5. Стрaдзе А.Э. Социальная активность: позиционирование в социальном пространстве // Теория и практика общественного развития. 2013. № 5. С. 96–99.

Ю.А. Кузнецова

ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВОЛОНТЕРСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ С ОРГАНАМИ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ

Работа выполнена при поддержке гранта 17-22-01022 «Международный конкурс РГНФ – Белорусский республиканский фонд фундаментальных исследований (БРФФИ) 2017 года на тему «Феномен всплеска волонтерского движения как социальная инновация и фактор модернизации экономических отношений»

Аннотация. *Статья посвящена исследованию качества взаимодействия волонтерских организаций с органами власти, которое является важным индикатором состояния общества и соответствующей области жизнедеятельности. Качество взаимодействия предложено оценивать по трем блокам параметров: 1) доступность и простота обращения в органы власти; 2) характер взаимоотношений с представителями органов власти и управления; 3) результативность и удовлетворенность представителей волонтерской организации взаимодействием с органами власти и управления. Каждому блоку соответствуют характеристики, оцениваемые как «низкое качество», «среднее качество», «высокое качество».*

По результатам анкетного опроса волонтерских организаций, представленных в качестве зарегистрированных на сайте Министерства юстиции Российской Федерации в 2016 году, получено, что более 70% организаций оценивают качество взаимодействия по всем блокам параметров, как низкое. Главными причинами являются «нежелание чиновников идти на контакт», «перенаправление от одной организации к другой». Выявлены основные, с точки зрения волонтеров, направления улучшения их взаимодействия с вышестоящими органами власти.

Ключевые слова: *волонтерская деятельность, органы власти и управления, качество взаимодействия, оценка качества*

Yu.A. Kuznetsova

EVALUATION OF QUALITY OF INTERACTION OF VOLUNTARY ORGANIZATIONS WITH GOVERNMENT AUTHORITIES

Abstract*. The article is devoted to the study of the quality of interaction between volunteer organizations and authorities. The quality of interaction between the population and the higher authorities is an important indicator of the state of society and the corresponding area of life. The quality of interaction is proposed to be evaluated according to three blocks of parameters: 1) accessibility and ease of access to the authorities; 2) the nature of the relationship with representatives of government and government; 3) effectiveness and satisfaction of the representatives of the volunteer organization by interaction with the authorities and management. Each block is evaluated according characteristics. Accepted the following levels of quality: low, medium, high. In 2016, a survey of volunteer organizations was conducted, which were submitted as registered on the website of the Ministry of Justice of the Russian Federation. It is received that more than 70% of organizations assess the quality of interaction across all blocks of parameters, as low. The reasons for the low quality are «unwillingness of officials to make contact», «redirection from one organization to another». The main, from the point of view of volunteers, directions of improvement of their interaction with higher authorities were revealed.*

Keywords: *volunteer activity, authorities and management, quality of interaction, quality assessment*

С каждым годом в стране становится все больше и больше волонтеров – граждан-энтузиастов, которые бескорыстно хотят посвятить свое свободное время помощи другим. Немаловажную роль в деятельности волонтерских организаций играет их взаимодействие с федеральными, региональными и местными органами власти и управления, особенно в силу

того, что волонтеры являются представителями некоммерческих организаций (фондов, благотворительных организаций). Главная проблема взаимодействия состоит в том, что правовые основы волонтерской деятельности в законодательстве Российской Федерации четко не прописаны; отсутствует единый законодательный акт, который прописывал бы статус, права и обязанности волонтеров, особенности волонтерской деятельности, и многие представители власти часто из-за непонимания сути волонтерской деятельности отказывают в помощи. Кроме того, не существуют стандартов помощи, оказываемых волонтерами, нет правил допуска волонтеров к тем сферам помощи, которые требуют специальной подготовки.

Для оценки качества взаимодействия волонтерских организаций с органами власти и управления предложен комплекс параметров, состоящий из трех блоков:

1. доступность и простота обращения в органы власти:

1.1. легкость в получении информации о порядке работы необходимого органа власти (по телефону, в сети интернет);

1.2. простота получения необходимой консультации;

1.3. доступность получения необходимых документов (бланков и прочего).

2. характер взаимоотношений с представителями органов власти и управления:

2.1. личностные качества представителя органа власти и управления (приветливость, отзывчивость, желание помочь и др.);

2.2. профессиональные качества представителя органа власти и управления;

2.3. качество установленного контакта представителя волонтерской организации и представителя органа власти и управления.

3. результативность и удовлетворенность представителей волонтерской организации взаимодействием с органами власти и управления:

3.1. получение требуемой представителем волонтерской организации информации;

3.2. получение необходимой помощи в решении возникшей проблемы.

Данные параметры были положены в основу составления анкеты для проведенного в конце 2016 года (110 организаций) опроса представителей волонтерских организаций, которые отражены в качестве зарегистрированных на сайте Министерства юстиции Российской Федерации. Вопросы анкеты в количестве 16 ед. не предполагали вариантов ответов и носили открытый характер, что предполагало получение максимально развернутой информации.

Анкеты были разосланы 48 организациям посредством Почты России (ввиду отсутствия у них сайта (либо, страницы) в сети Интернет). Также анкеты были отправлены по электронной почте 45 организациям. Оставшимся 17 волонтерским организациям вопросы не были отправлены ввиду того, что на их сайтах содержится полная требуемая для исследования информация.

В результате рассылки писем обычной почтой получены следующие результаты:

1) 8 писем не были доставлены ввиду отсутствия организации по указанному адресу (Чебоксарская городская молодежная общественная организация «Волонтерский центр города Чебоксары»; Общественное движение волонтерских педагогических отрядов Тульской области «Мы вместе»; Белгородская региональная общественная организация волонтеров «Наше дело»; Межрегиональная общественная организация ветеранов Французского Сопротивления «КОМБАТТАНТ ВОЛОНТЕР»; Кабардино-Балкарская региональная общественная организация «Волонтерский центр»; Вологодская областная молодежная общественная организация «Волонтер»; «Волонтерское общество Свердловской области» (Екатеринбург); Некоммерческое партнерство содействия добровольческой деятельности «Объединение волонтерских центров»).

2) 4 организации откликнулись на письмо, представители трех из них предоставили исчерпывающую информацию о своей деятельности (Челябинская областная общественная организация «Южно-Уральское общественное волонтерское эко-движение «Время Че»;

«Центр реализации социальных волонтерских инициатив «Корпорация добра», «Наши дети»). Откликнулся также представитель «Центра по работе с волонтерами Республики Саха (Якутия)», но информации предоставлено не было.

3) 36 организаций никак не отреагировали на письмо.

Что касается рассылки анкеты по электронной почте, то из 45 организаций анкету заполнили представители 17 организаций (в частности, Благотворительный фонд «Добро мира – волонтеры Крыма»; «Центр реализации социальных волонтерских инициатив «Корпорация добра»; Тверская региональная общественная волонтерская организация «Поисково-спасательный отряд «Сова»; Калужский региональный благотворительный фонд помощи детям, оставшимся без попечения родителей, «ВОЛОНТЕРЫ-ДЕТЯМ»); представители 11 организаций дали максимально полную информацию в ходе разговора по телефону («Центр волонтерского движения «Ласточки» и Ассоциация по развитию волонтерской деятельности среди молодежи «Тверская Ассоциация потанинских стипендиатов»).

Таким образом, только лишь 28 организаций (25%) посчитали возможным предоставить информацию о своей деятельности широкому кругу лиц.

Выявлено, что большая часть волонтерских организаций функционирует в сфере предоставления социальных услуг, содействия развитию волонтерского движения, изучения общественного мнения (59,5%); по 6,9% организаций – организации антинаркотического движения и благотворительности (например, «Антинаркотическое волонтерское движение молодежи Томской области «НАРКОСТОП»; Красноярская региональная молодежная общественная организация «Антинаркотическое волонтерское движение»); по 3,9% – установление социально-культурных связей, сохранения исторического наследия, а также развития детского волонтерства (в частности, «Центр социально-культурных связей китайских волонтеров», г. Москва). Поисково-спасательными работами заняты 3,0% организаций (например, Тверская региональная общественная волонтерская организация «Поисково-спасательный отряд «Сова», г. Тверь). К иным направлениям деятельности (доля организаций составляет 15,84%) относятся:

1) туризм («Ассамблея туристских волонтеров Республики Татарстан»; «Камчатский туристский центр волонтерства»);

2) социально-экологическое движение (Челябинская областная общественная организация «Южно-Уральское общественное волонтерское эко-движение «Время Че»; «Молодежный Волонтерский Социально-Экологический Центр», г. Архангельск);

3) развитие электронной коммуникации (АНО развития электронных коммуникаций «Волонтеры информационного общества», г. Киров);

4) защита животных (Волгоградская региональная общественная организация «Объединение волонтеров в защиту животных «Открой сердце», г. Волгоград);

5) помощь в экстремальных ситуациях (Некоммерческое партнерство по оказанию помощи людям, оказавшимся в экстремальных ситуациях «Волонтер.Сиб», г. Новосибирск);

6) поддержка замещающей семьи (Вологодская региональная общественная организация «Волонтерская служба поддержки замещающей семьи») и иные.

На основе информации, полученной в результате опроса, а также изучения сайтов (страниц), имеющихся у отдельных волонтерских организаций, определено, что общая численность активных участников составляет более 37 тысяч человек. Средний возраст активных участников волонтерских организаций составляет 26-30 лет. Однако представители организаций отмечают, что правильнее было бы выделять две возрастные группы волонтеров: от 18 до 24 лет и от 30 до 45 лет. Причиной тому служат разные мотивационные установки участия в волонтерской деятельности, к ключевым из которых относятся: личные мотивы (например, необходимость поиска близкого человека вылилась в желание помогать в подобных ситуациях другим людям) (например, «Поисково-спасательный отряд «Сова»; «Волонтеры-детям») (42% организаций) и высокая степень альтруизма, наличие собственных ресурсов, достаточных для оказания определенной помощи людям (в частности, «Добро

мира – волонтеры Крыма») (23%). К сожалению, следует признать, что существует (хотя и небольшая), доля волонтерских организаций, представители которых указывают на возможность получения какого-либо денежного вознаграждения или иных выгод.

Оценка качества взаимодействия волонтерских организаций с органами власти и управления среди указанных волонтерских организаций позволила получить, что более 70% организаций оценивают качество взаимодействия по всем блокам параметров, как низкое (табл. 1).

Таблица 1

Результаты оценки качества взаимодействия волонтерских организаций с органами власти и управления, чел. – представителей от одной организации

Наименование параметров	Уровень качества		
	Низкое	**Среднее**	**Высокое**
1) доступность и простота обращения в органы власти: **1.1.** легкость в получении информации о порядке работы необходимого органа власти (по телефону, в сети интернет);	29	56	25
1.2. простота получения необходимой консультации;	55	35	20
1.3. доступность получения необходимых документов (бланков и прочего)	40	26	44
2) характер взаимоотношений с представителями органов власти и управления: **2.1.** личностные качества представителя органа власти и управления (приветливость, отзывчивость, желание помочь и др.);	70	25	15
2.2. профессиональные качества представителя органа власти и управления;	50	48	12
2.3. качество установленного контакта представителя волонтерской организации и представителя органа власти и управления	55	30	25
3) результативность и удовлетворенность представителей волонтерской организации взаимодействием с органами власти и управления: **3.1.** получение требуемой представителем волонтерской организации информации;	65	28	17
3.2. получение необходимой помощи в решении возникшей проблемы	80	11	19

Определено, что главными причинами такого низкого качества взаимодействия являются «нежелание чиновников идти на контакт», «перенаправление от одной организации к другой». Кроме того, большая часть чиновников, со слов представителей волонтерских организаций, абсолютно не компетентна, не профессиональна и не может дать необходимую консультацию. Обобщение мнений волонтеров по вопросу улучшения качества их взаимодействия с органами власти позволило получить следующие возможные направления:

– информационно активное развитие -справочной и информационно-поисковых систем (в частности, повышение качества ресурсной составляющей официальных сайтов органов власти и управления) (56% волонтеров);

– повышение профессионализма чиновников в сфере взаимодействия с волонтерскими организациями (возможно, выделение отдельных сотрудников для работы с волонтерами) (45%).

С.Э. Лиджи-Горяева, Л.Ю. Спиридонова

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ТРАНСПОРТНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА НАСЕЛЕНИЯ КАЛМЫКИИ)

Аннотация. *В настоящей публикации представлены результаты оценки населением Республики Калмыкия работы местных органов власти в сфере организации транспортного обслуживания, выявленные в ходе социологического опроса 2017 года. На базе полученных материалов показаны наиболее актуальные для граждан Калмыкии проблемы.*

Ключевые слова*: местное самоуправление, уровень удовлетворенности граждан муниципальными услугами, транспортное обслуживание, оценка ОМСУ.*

S.E. Lidzhi-Goryaeva, L.Yu. Spiridonova

ON LOCAL SELF-GOVERNMENT ACTIVITY IN THE FIELD OF TRANSPORT SERVICES (ON DATA OF SOCIOLOGICAL CANVASS OF KALMYKIA CITIZENS)

Abstract. *This publication presents the results of population's assessment of local self-government transport services activity, which were received in a sociological survey in 2017. On the basis of received data one shows the most actual transport problem.*

Keywords: *local self-government, satisfaction level of municipal services, transport services, local self-government assessment.*

Республика Калмыкия входит в состав Южного Федерального округа Российской Федерации. Площадь территории составляет 74 731 тыс. кв. км (0,4% территории Российской Федерации). Число административно-территориальных единиц: городских округов – 1; муниципальных районов – 13, городских поселений – 2; сельских поселений – 111. Столица республики – г. Элиста. Численность постоянного населения на начало 2015 года составляла 280 564 тыс. чел. (0,2% населения России). Плотность населения республики – 3,8 человека на 1 кв. км, что меньше среднего показателя по России в 2,1 раза [1, с.12].

Территориальная удаленность населенных пунктов Калмыкии от столицы республики и от районных центров является одной из серьезнейших проблем для органов власти разных уровней в организации и предоставлении общедоступного транспортного обслуживания населения региона.

По данным общероссийского опроса, на вопрос: «Как обстоят дела с работой общественного транспорта?» жители республики дали следующие ответы (см. табл. 1)[43].

Таблица 1

Как обстоят дела с работой общественного транспорта?

Оценка		Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
Валидные	Очень плохо	51	10,2	10,6	10,6
	Довольно плохо	127	25,5	26,3	36,9
	Удовлетворительно	166	33,3	34,4	71,4

[43] Общероссийский социологический опрос «Диагностика состояния и перспектив реформирования системы управления в России». Исследование проводилось при поддержке Российского научного фонда в рамках заявленной темы №15-18-30077 «Гражданская экспертиза проблемы реформирования властно-управленческой вертикали в контексте процессов социокультурной модернизации регионов: от мониторинга состояний до прогнозного проектирования». Выборка в Республике Калмыкия 500 респондентов.

	Хорошо	122	24,4	25,3	96,7
	Отлично	16	3,2	3,3	100,0
	Итого	482	96,6	100,0	
Пропущенные	Системные пропущенные	17	3,4		
Итого		499	100,0		

Наибольшая доля опрошенных – треть (33,3%) – оценили работу общественного транспорта на «удовлетворительно». Около четверти (24,4%) граждан дали оценку «хорошо». Небольшая доля (3,2%) жителей оценили работу общественного транспорта на «отлично». В то же время каждый четвертый (25,5%) опрошенный ответил, что дела с общественным транспортом в регионе обстоят «довольно плохо», а примерно каждый десятый (10,2%) – «очень плохо». Таким образом, более трети населения (35,7%) выразили неудовлетворенность организацией транспортного обслуживания в регионе.

Качество организации транспортного обслуживания и доступность общественного транспорта с 2012 года входят в число исследуемых показателей для определения оценки населением Республики Калмыкия деятельности органов местного самоуправления в рамках ежегодного социологического мониторинга, осуществляемого Институтом комплексных исследований аридных территорий.

Согласно п.6 ст.15 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 30.12.2015) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», к вопросам местного значения относятся «*создание условий для предоставления транспортных услуг населению и организация транспортного обслуживания населения между поселениями в границах муниципального района»*.

Как же исполняются законодательные положения в рассматриваемой сфере в Республике Калмыкия?

В процессе мониторинга постоянно прослеживается ситуация о доступности транспортного обслуживания на всей территории региона. В частности, о видах транспорта, доступных жителям для передвижения как в пределах своего поселения, так и для передвижения между населенными пунктами муниципальных образований республики.

В 2017 году получены следующие данные (см. табл. 2 и 3)[44].

Таблица 2

Доступность общественного транспорта в границах поселений, %

Районы Республики Калмыкия		**Рейтинг ответов**	**Город Элиста**	
32,0	Частный автотранспорт	**1**	Частный автотранспорт (микроавтобус, маршрутное такси)	93,2
12,5	Микроавтобус (маршрутное такси)	**2**	Частный автотранспорт (такси)	58,0
6,0	Муниципальный транспорт (автобус)	**3**	Муниципальный транспорт (автобус)	55,7

По результатам исследования, следует, что внутри поселений сельских районов республики для жителей доступны в большей степени: частный автотранспорт (такси) – 32,0%; микроавтобус (маршрутное такси) – 12,5%; муниципальный транспорт – 6,0%.

[44] Организация и проведение социологического опроса при определении уровня оценки населением результатов деятельности органов местного самоуправления городского округа и районных муниципальных образований Республики Калмыкия: социолог. опрос проводился в 2017 году, выборка 664 респондентов. Ин-т комплекс. исслед. арид. территорий. С.Э. Лиджи-Горяева, Л.Ю. Спиридонова, Э.Ю. Ункуров.

(Отметим, что в большей части населенных пунктов районов республики нет общественного транспорта.)

Жителям города Элиста и близлежащих населенных пунктов доступны в большей степени следующие виды транспорта: микроавтобус (маршрутное такси) – 93,2%; частный автотранспорт (такси) – 58,0%; муниципальный транспорт – 55,7%.

Следовательно, спектр доступных транспортных услуг у горожан заметно шире, чем у жителей районов республики. И, тем не менее, нельзя не отметить, что и в городском округе не хватает муниципального транспорта, и жителям не остается ничего другого, как пользоваться частным транспортом, что весьма накладно для семейного бюджета.

Таблица 3

Доступность общественного транспорта для передвижений между населенными пунктами, %

Районы Республики Калмыкия (передвижения в пределах района)		**Рейтинг ответов**	**Город Элиста (передвижения в пределах республики)**	
50,5	Частный автотранспорт (такси)	**1**	Микроавтобус (маршрутное такси)	69,7
41,2	Микроавтобус (маршрутное такси)	**2**	Частный автотранспорт (такси)	60,2
22,8	Транзитный (проходящий) автобус	**3**	Рейсовый автобус	32,2
15,8	Рейсовый автобус	**4**	Транзитный (проходящий) автобус	29,2

Как видим, жители республики (и сельские, и городские) для перемещения между населенными пунктами чаще всего пользуются частным автотранспортом, а именно: микроавтобусами (маршрутное такси) – 41,2 и 69,7% соответственно; такси – 50,5 и 60,2% соответственно.

Около трети (32,2%) элистинцев для перемещений между населенными пунктами пользуются рейсовым автобусом, в то время как такая возможность доступна лишь некоторой доле (15,8%) жителей районов республики.

Также жители республики передвигаются между поселениями на транзитном (проходящем) автобусе. Так ответили 22,8% сельских жителей и 29,2% городских жителей.

На рис. 1 представлены сводные данные об удовлетворенности населения Республики Калмыкия транспортным обслуживанием.

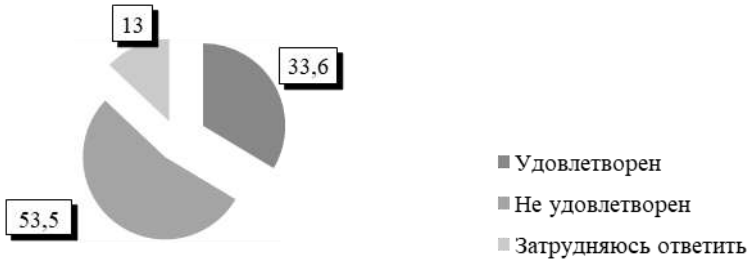

Рисунок 1. Удовлетворенность качеством организации транспортного обслуживания населения Республики Калмыкия, %

Обобщенные результаты исследования позволяют констатировать: только треть (33,6%) жителей республики удовлетворены транспортным обслуживанием по месту своего проживания. Более половины (53,5%) не удовлетворены качеством организации транспортного обслуживания населения республики. 13,0% жителей по разным причинам не смогли вообще оценить качество организации транспортного обслуживания в республике.

На рис. 2 и 3 показаны данные по уровню удовлетворенности организацией транспортного обслуживания по месту проживания респондентов.

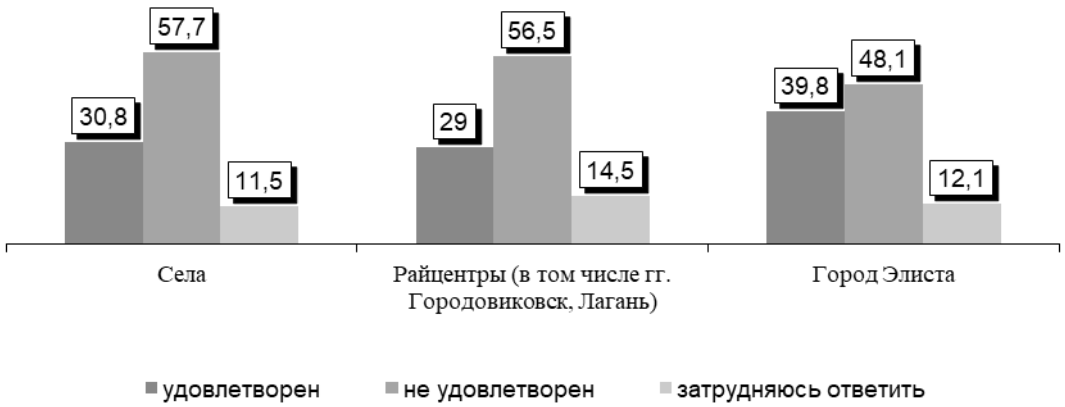

Рисунок 2. Уровень удовлетворенности населения транспортным обслуживанием по месту проживания, %

Как видим, жители столицы в большей степени удовлетворены транспортным обслуживанием населения, чем жители сельской местности.

Среди муниципальных образований более всего удовлетворенных данным показателем в Кетченеровском и Черноземельском районах республики. На наш взгляд, довольно высокий уровень удовлетворенности транспортным обслуживанием в этих районах может быть связан с их расположением вдоль федеральных трасс и высокой транзитностью данных районов. С другой стороны, немалая заслуга в этом принадлежит деятельности местных администраций и активности местного сообщества по решению этой важной проблемы.

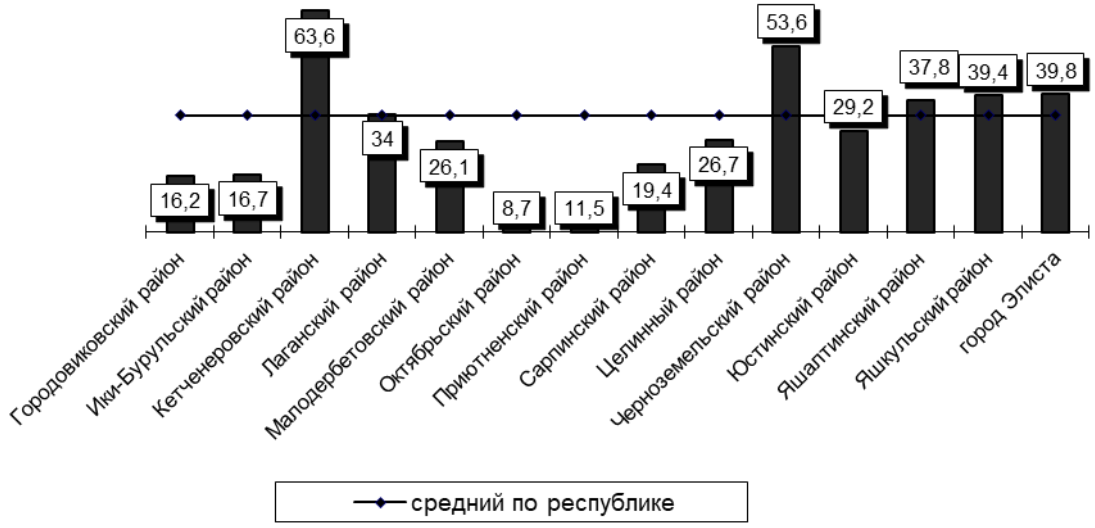

Рисунок 3. Уровень удовлетворенности населения транспортным обслуживанием по месту проживания. Сравнительный анализ по муниципальным образованиям РК, %

Каковы же причины неудовлетворенности большинства жителей республики организацией транспортного обслуживания населения? (см. рис. 4).

Рисунок 4. Причины неудовлетворенности населения организацией транспортного обслуживания, %

Заметная доля – (44,4%) из числа жителей, негативно оценивших качество организации транспортного обслуживания по месту проживания, указала на отсутствие регулярного транспортного сообщения внутри их поселений. Около сорока процентов (39,9%) граждан из данной группы не удовлетворены отсутствием регулярного транспортного сообщения между населенными пунктами муниципальных образований. Более четверти (29,3%) обеспокоены постоянным несоблюдением правил перевозки пассажиров, что угрожает здоровью и безопасности граждан республики. По мнению практически каждого четвертого (23,6%) жителя, транспортные средства, на которых их перевозят, находятся в плохом техническом состоянии. Более пятой части (22,2%) из них пожаловались на высокую оплату за проезд. Каждый седьмой (14,9%) недоволен отсутствием автостанций и других условий для оказания транспортных услуг, особенно актуально это в сельской местности республики. Кроме того, каждого девятого (11,2%) гражданина беспокоит уровень квалификации работников транспортного обслуживания. 6,9% респондентов указали на недостаток в своих поселениях парковочных мест; а 3,4% из них – и вовсе на их отсутствие.

Сравнительный анализ причин неудовлетворенности качеством организации транспортного обслуживания населения в зависимости от места проживания представлен в таблице 3.

Таблица 3

Основные причины неудовлетворенности качеством транспортного обслуживания по месту проживания, сравнительный анализ сельской и городской местности, %

Районы Республики Калмыкия		**Рейтинг ответов**	**Город Элиста**	
51,4	Отсутствие транспортного сообщения внутри поселения	**1**	Не соблюдаются правила перевозки пассажиров	55,5
49,7	Отсутствие регулярного транспортного сообщения между населенными пунктами района (города и района)	**2**	Плохое состояние транспортных средств	52,1
46,4	Высокая оплата проезда	**3**	Отсутствие регулярного транспортного сообщения между населенными пунктами района (города и района)	24,4
30,6	Не соблюдаются правила перевозки пассажиров	**4**	Не устраивает уровень квалификации работников транспортного обслуживания	20,2
23,3	Не устраивает уровень квалификации работников транспортного обслуживания	**5**	Высокая оплата проезда	20,2
20,6	Нет автостанций и других условий для оказания транспортных услуг	**6**	Отсутствие транспортного сообщения внутри поселения	15,1
20,0	Плохое состояние транспортных средств	**7**	Парковочных мест в поселении недостаточно	13,4
		8	Нет автостанций и других условий для оказания транспортных услуг	8,4
		9	В населенном пункте не организованы парковочные места для транспорта	4,2

Обобщая данные социологического исследования по проблеме транспортного обслуживания населения нашего региона, можно резюмировать, что, во-первых, ситуация в данной сфере жизнедеятельности в целом не совсем удовлетворительная; во-вторых, нельзя не согласиться с мнением большинства жителей сельских населенных пунктов о практическом отсутствии какого-либо общественного транспорта по месту их проживания; в-третьих, качество предоставления доступных транспортных услуг (состояние транспортных средств, уровень профессионализма работников транспорта, уровень оплаты за проезд) вызывают серьезную озабоченность граждан.

Список литературы

1. Калмыкия в цифрах, 2015: Краткий статистический сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Калмыкия. Элиста. 2015. 154 с.

С.Э. Лиджи-Горяева, А.Б. Хашаева Л.Н. Сангаева

РОЛЬ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ПОВЫШЕНИИ КАЧЕСТВА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ

Аннотация. *Институтом комплексных исследований аридных территорий осуществляется мониторинг по проблемам качества предоставления государственных и муниципальных услуг органами исполнительной власти Республики Калмыкия с момента введения административной реформы в России в целом и в регионах, в частности.*

В настоящей публикации представлены некоторые результаты регионального исследования за 2014–2016 годы.

Ключевые слова*: органы исполнительной власти, государственная/муниципальная услуга, мониторинг, методика, оценка качества и доступности предоставления услуги, уровень удовлетворенности получателей услуг.*

S.E. Lidzhi-Goryaeva, A.B. Khashaeva, L.N. Sangaeva

THE ROLE OF LOCAL GOVERNMENTS IN IMPROVING THE QUALITY OF PUBLIC AND MUNICIPAL SERVICES

Abstract. *The Institute for Comprehensive Arid Lands Research monitors the quality of the provision of state and municipal services by the executive authorities of the Republic of Kalmykia during the administrative reform in Russia in general and in the regions in particular.*

This publication presents some of the results of the regional study for 2014-2016.

Keywords: *executive authorities, state / municipal service, monitoring, methodology, assessment of quality and accessibility of service provision, level of satisfaction of service recipients.*

С 2011 г. БНУ РК «Институт комплексных исследований аридных территорий» (ИКИАТ) была поручена разработка тематики по изучению и оценке предоставляемых гражданам республики государственных услуг.

На начальном этапе работа по этой проблеме осуществлялась Институтом совместно с органами исполнительной власти республики.

Законодательно-правовым документом проведения исследований являлся «Порядок изучения мнения населения о качестве оказываемых государственных услуг», определяющий процедуру изучения мнения населения РК о качестве государственных услуг, оказываемых органами власти республики [2].

Согласно этому документу, в задачи органов исполнительной власти входило проведение полевого этапа, т.е. анкетного опроса получателей государственных услуг на всей территории Республики Калмыкия. ИКИАТ осуществлял методологическое и методическое сопровождение исследования, т.е. разработку программы, инструментария исследования, обработку, обобщение и анализ результатов массового опроса получателей услуг, подготовку итоговых аналитических материалов, разработку рекомендаций в целях совершенствования методологии и методики исследования.

Пристальное и заинтересованное отношение органов исполнительной власти республики к материалам исследований способствовали необходимости осуществления ежегодного мониторинга по данной проблематике.

Со временем мы, наряду с другими регионами Российской Федерации, включились в поиски путей совершенствования методологии и методики мониторинга. Неоднократно обращались к региональным органам власти с предложениями и рекомендациями по этому вопросу.

Наконец, с 2014 г. мы перешли на всероссийскую «Методику проведения социологического исследования и оценки удовлетворенности граждан Российской Федерации качеством предоставления государственных и муниципальных услуг, среднего числа обращений представителей бизнес-сообщества в орган государственной власти Российской Федерации (орган местного самоуправления) для получения одной государственной (муниципальной) услуги, связанной со сферой предпринимательской деятельности, времени ожидания в очереди при обращении заявителя в орган государственной власти Российской Федерации (орган местного самоуправления) для получения государственных (муниципальных) услуг», разработанную Министерством экономического развития РФ и одобренную Правительственной Комиссией РФ по проведению административной реформы от 16 сентября 2013 г. № 137 в соответствии с Указом Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» [1].

В связи с переходом исследования по «Методике…» с 2015 года в программу исследования были включены и муниципальные услуги.

На базе ежегодного Доклада по результатам проведенного исследования нами разрабатываются и предоставляются региональным и местным органам власти рекомендации и предложения по дальнейшему совершенствованию системы предоставления государственных и муниципальных услуг населению.

В настоящей статье представлены некоторые аспекты оценки гражданами республики качества и доступности предоставления государственных и муниципальных услуг.

По материалам мониторинга, наблюдается устойчивая положительная динамика роста показателей уровня удовлетворенности граждан республики качеством предоставления необходимых им услуг (см. рис. 1). Достаточно сказать, что уровень абсолютной удовлетворенности граждан республики качеством предоставления услуг органами власти возрос с 2014 по 2016 г. в 2,4 раза.

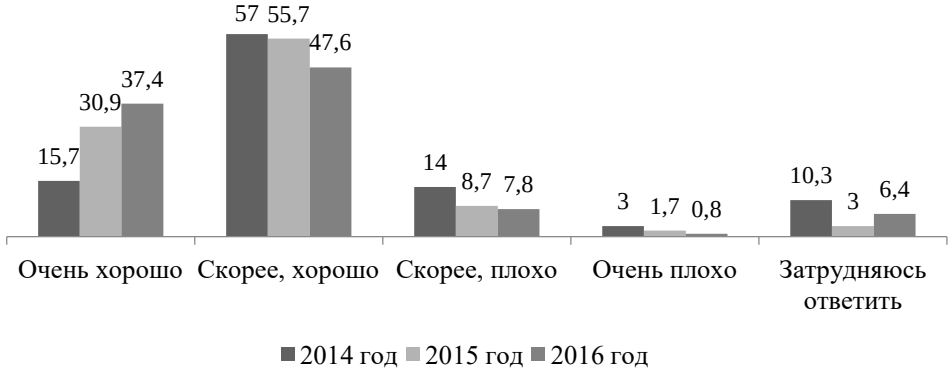

Рисунок 1. Уровень удовлетворенности качеством предоставления государственных и муниципальных услуг за 2014–2016 гг., %

Аналогичная динамика наблюдается и в оценке доступности населением получения информации о порядке предоставления государственных и муниципальных услуг (см. рис. 2).

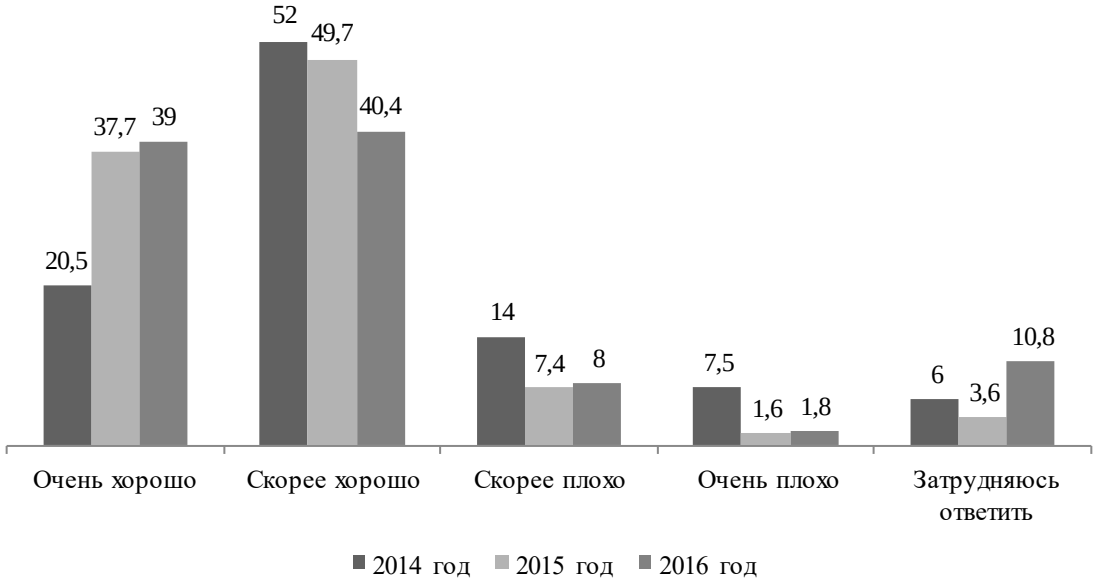

Рисунок 2. Оценка доступности получения информации о порядке предоставления услуг, %

Одной из важных задач исследования является выявление доли граждан, имеющих возможность получения государственных и муниципальных услуг в центрах «одного окна» по месту пребывания, в том числе в многофункциональных центрах предоставления государственных и муниципальных услуг («Мои документы»).

Нами выявлены следующие данные об уровне информированности населения об МФЦ за 2014–2016 гг. (см. рис. 3). Ответы респондентов позволяют говорить о том, что за последние три года резко возросло число граждан, осведомленных о возможности получения необходимой услуги в МФЦ.

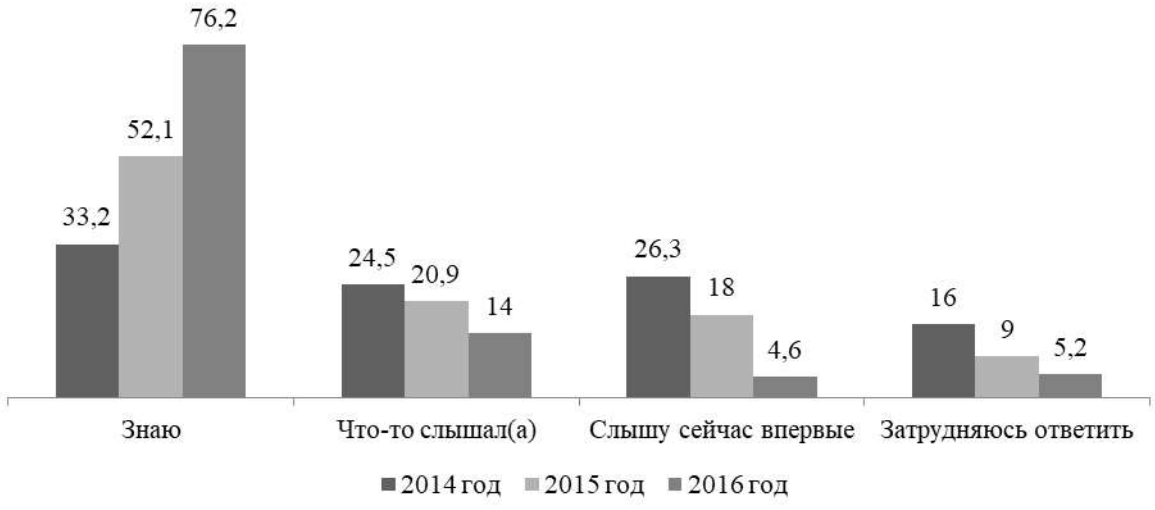

Рисунок 3. Знаете ли Вы о возможностях получения услуг в многофункциональных центрах предоставления государственных и муниципальных услуг (АУ «МФЦ»)?, %

Нельзя не отметить, что органами власти республики проведена за последние годы масштабная работа по созданию и организации их деятельности многофункциональных центров.

Немаловажную роль сыграли рекомендации и предложения, вносимые нашим Институтом в органы власти о необходимости более обширной и доступной информации для

населения о деятельности МФЦ как от органов власти, так и в СМИ. На сегодняшний день в республике созданы и работают15 многофункциональных центров по предоставлению государственных и муниципальных услуг в городе Элиста и райцентрах республики, не считая их структурных подразделений в малых населенных пунктах. Перечень услуг, предоставляемых многофункциональными центрами по всей республике, постоянно расширяется.

Вместе с тем, по данным, приведенным на рис. 4, видно, что число обращающихся в МФЦ меньше, чем граждан, осведомленных об их функционировании. На наш взгляд, здесь достаточно серьезно срабатывает привычка, многолетний опыт обращений за услугами напрямую в органы власти разных уровней. Следовательно, предстоит немалая работа по дальнейшему информированию населения, особенно в сельской местности, о возможностях и доступности МФЦ как учреждения, предоставляющего широкий спектр услуг.

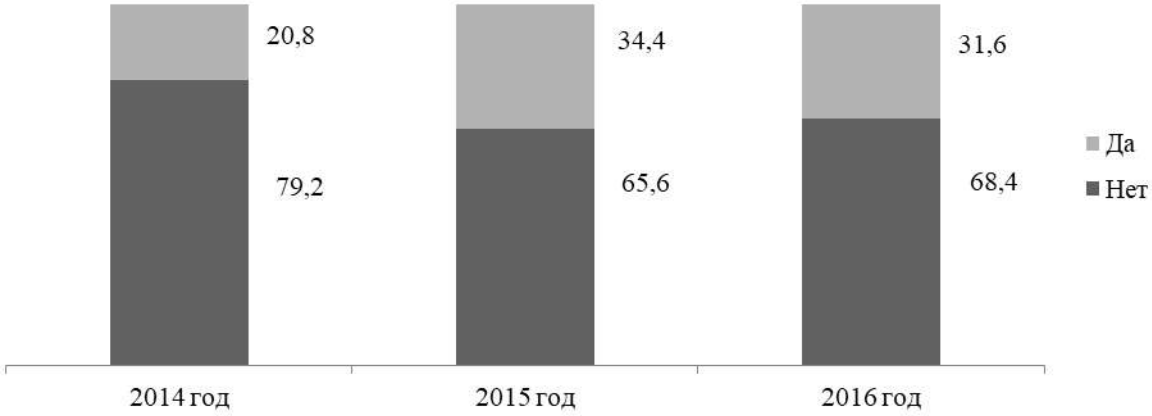

Рисунок 4. Обращались ли Вы в АУ «МФЦ» для получения данной услуги?, %

Одним из показателей качества предоставления государственных и муниципальных услуг является получение этих услуг гражданами в электронной форме: целевой показатель к 2018 г. – не менее 70% обращений. Через сайт www.gosuslugi.ru можно пользоваться всеми преимуществами быстрого получения государственной или муниципальной услуги.

В ходе исследования была выявлена доля граждан республики, использующих механизм получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме (см. рис. 5).

В 2014 г. были осведомлены об Интернет-портале всего 42,1% опрошенных (из них: 22,3% «знали» о сайте, 19,8% «что-то слышали»). В 2015 г. – 44,8% опрошенных (из них: 26,4% «знали» о сайте, 18,4% «что-то слышали»). В 2016 г. отмечается заметный рост данного показателя: осведомленность населения о существовании сайта выросла на 28,0% по сравнению с предыдущим годом.

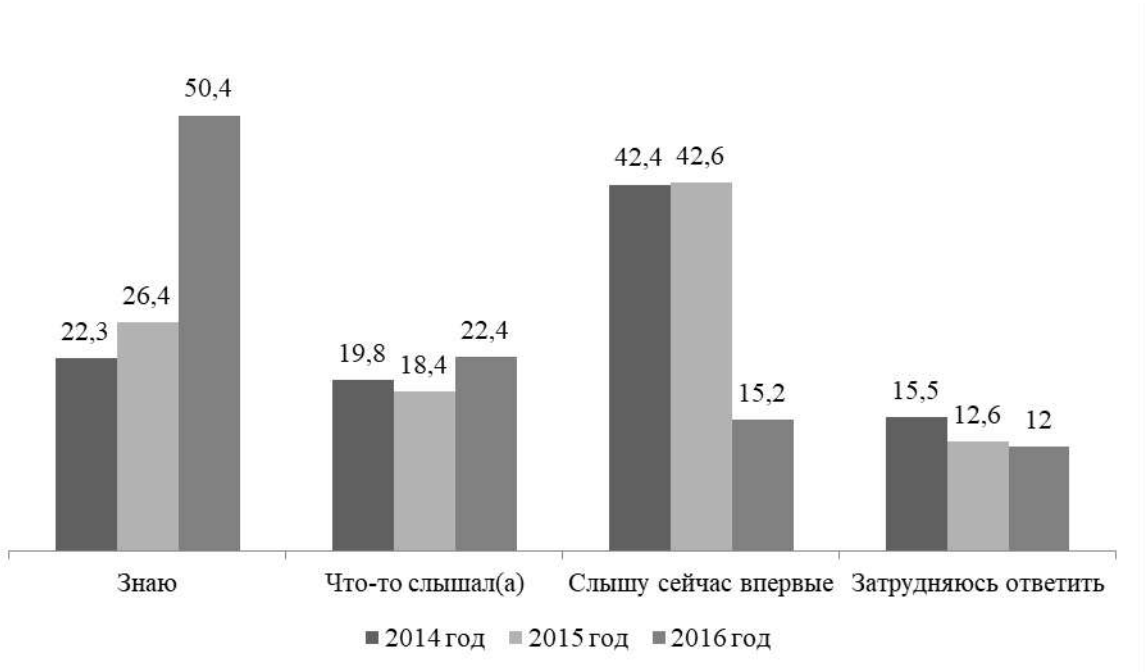

Рисунок 5. Уровень информированности населения о Едином портале государственных услуг (www. gosuslugi.ru), %

Предстоит немалая работа для того, чтобы жители республики активно подключились к электронному ресурсу получения услуг. Важная задача в этом плане – донести до сведения граждан, что сайт создан, прежде всего, для удобства получения услуг всем и каждому.

Одним из разделов исследования является изучение некоторых аспектов деятельности органов власти по предоставлению государственных и муниципальных услуг представителям бизнес-сообщества.

В соответствии с Указом Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» целевой показатель среднего числа обращений представителей бизнес-сообщества за получением той или иной услуги в сфере предпринимательства должно составлять не более 2-х посещений для получения одной услуги. Из данных, приведенных на рис. 6 видно: целевой показатель в республике достигнут в 2016 г.

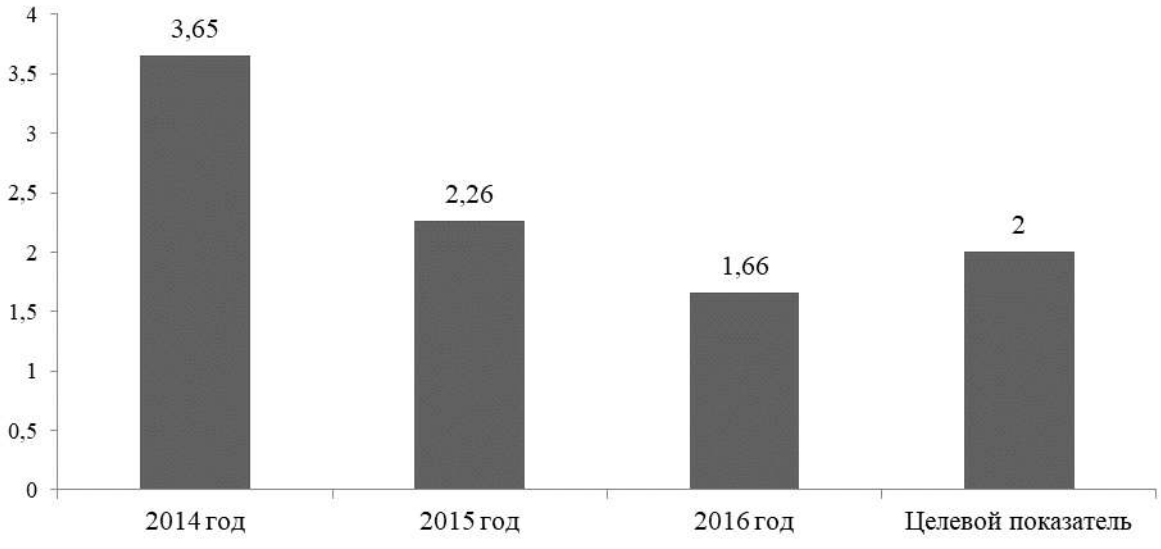

Рисунок 6. Показатель среднего числа обращений представителей бизнес-сообщества, количество раз

Очень важный показатель качества и доступности предоставления государственных и муниципальных услуг – время, затрачиваемое на получение услуги.

По результатам наших исследований, с каждым годом наблюдается заметный рост доли граждан, получивших услугу, ожидая в очереди не более 15 минут (целевой показатель):

- ✓ в 2014 г. – на подачу документов – 41,0%; на получение результата – 46,4%;
- ✓ в 2015 г. – на подачу документов – 61,6%; на получение результата – 72,4%;
- ✓ в 2016 г. – на подачу документов – 71,4%; на получение результата – 78,6%.

В процессе мониторинга осуществляется также выявление среднего значения времени, затраченного в очереди на получение услуги.

По нашим подсчетам, среднее время ожидания в очереди в 2014 г. составило 51 минуту на подачу запроса и 42 минуты на получение результата услуги.

В 2015 г. этот показатель составил 23 минуты на подачу запроса и 28 минут на получение результата услуги.

В 2016 г. среднее время ожидания на подачу документов для получения государственной/муниципальной услуги составило 15 минут и на получение результата услуги 13 минут.

Очевидно, что с каждым годом заметно сокращается среднее время ожидания услугополучателей в очереди на подачу документов и получение конечного результата.

Приведенные нами данные позволяют говорить о том, что усилия органов местной власти по совершенствованию инфраструктуры и административного процесса предоставления государственных и муниципальных услуг населению республики дают определенные положительные результаты.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» [Электронный ресурс]: Российская газета. 9 мая 2012. (№ 5775). URL: http://www.rg.ru/2012/05/09/gosupravlenie-dok.html (Дата обращения: 12.07.2016).

2. Порядок изучения мнения населения о качестве оказываемых государственных услуг: постановление Правительства Республики Калмыкия № 97 от 18.04.2011 г. [Электронный ресурс]: Закон прост! Правовая консультационная служба. URL: http://www.zakonprost.ru/content/regional/22/1216490 (Дата обращения: 10.10.2016).

А.М.Лола

ГОРОЖАНЕ РОСИИ - ГЛАВНЫЕ УЧАСТНИКИ РАЗВИТИЯ СВОИХ ГОРОДОВ

Аннотация. *Представлена проблема становления градоведения как целостной науки развития современного российского города с участием в ее разработке такой научной дисциплины как «Социологии управления».*

Ключевые слова: *теория города, целостный город, градоведение, социология города, вклад социологии управления в теорию города.*

A.M. Lola

CITIZENS OF RUSSIA - THE MAIN PARTICIPANTS DEVELOPMENT OF THEIR CITIES

Abstract. *The experience of cooperation of developers of complete science of the modern Russian city and the constructive theory of the city in the Russian interpretation and participation in her development of the new direction is presented: «Sociology of management».*

Keywords*: theory of the city, complete city, gradovedeniye, city sociology, contribution of sociology of management to the theory of the city.*

В кратком введении считаю необходимым привести историческую справку о ролигородов в зарождении человеческой цивилизации и самой социологии.

Социальное знание возникло с первыми городами примерно 253 тысяч лет до новой эры (а не 3-4 тысячи лет ,, как считают в литературе).

- Исходными в зарождении и осмыслении социальных процессов на Земле можно считать библейские **города богов – “инопланетян”.** Именно в их недрах сформировались и ключевые социальные отношения :
  - семейные :
  - деятельности человека и её профессионализация:
  - стратификации городского населения, материальная собственность; (подробно в [7]).
- Первым пространственным, а затем и правовым процессом в жизни древних народов стали **город и деревня.(См** Ветхий завет Библии [8]). Именно Библия обозначила пространственные и земельные различия города и деревни: земля деревни должна быть в вечном пользовании.
- Города были и остаются горнилами формирования социальных процессов во всех сферах: производства, культуры, образования, духовного развития и религии,
- Каждая эпоха оставляла в наследие социальный потенциал опыта для будущих поколений:
  - Советы 12 богов оставили равенство женщины.
  - ЗАРАТУШТРА оставил миру высшие ценности морали.
  - Эллины оставили высшие духовно-эстетические ценности и требования к городской среде.
  - Города средневековья оставили (в форме утопий) социальные требования к организации городов и государственных образований.

В современном практике управления глобальными процессами из этих утопий осталась процедура решать самые острые проблемы **«за круглым столом».** Я. как аккредитованный участник политики ООН в развитии поселений, позволю себе напомнить собравшимся на этой Конференции уважаемым социологам , что это направление возникло ещё на Первой Всемирной конференции ООН по поселениям в 1976 году в Ванкувере и стало важнейшим направлением разработки международных национальных программ в развитии

городов. Эта беспрецедентная Конференция предопределила триаду ключевых субъектов формирования городов сел и их систем: **жителей, властей и профессионалов**. Их диспозиции равноправные – за круглым столом, согласно модели -1. Для обеспечения участия этих трех субъектов, у которых имеются свои незаменимые требования к развитию и управлению городом, издаются и переиздаются законы и кодексы городов и_государств. Затем эта стратегия была конкретизирована Генеральной Ассамблеей в 2001 году [1], потому что правительства многих стран подписывают решения ООН, но не выполняют их, в их числе Россия. (автор был аккредитованным участником этой Ассамблеи в статусе «независимого профессионала» – NGO)

Модель -1

Диспозиции главных субъектов современного городского управления

Международная Ассоциация университетов и научных центров в области теории города (созданная в 1993 г. странами бывшего СССР и Балканского полуострова) упорно добивается реализации такой политики ООН. Нам, членам градостроительного совета при Б.Н. Ельцине, удалось добиться включения в Конституцию РФ ст. 130-133, а выдающемуся правоведу Б.А. Страшуну включить ст. 12. Конституция новой России как прецедент в Конституционное право Гражданского общества. В стране, 70 лет управляемой пресловутой административно-командной системой, она отделила местное самоуправление от государственного: **«...органы местного самоуправления, говорится в ней, не входят в систему органов государственной власти»** [2, ст.12]. Более того, в статьях 13-134 **«местное самоуправление осуществляется гражданами путем референдума, выборов, других форм прямого волеизъявления, через выборные и другие органы местного самоуправления** [2, ст.130]. Здесь были заложены уникальные возможности становления подлинной демократии в России, основанной на хорошо известном всем социологам "гражданском договоре" между властью и обществом.

Однако, когда появились и расцвели корпоративные и мафиозные структуры, не желающие уступать горожанам и селянам земельные участки и ***социальную инфраструктуру***, конституционные статьи выпали из сотен законов и кодексов, даже из ключевых законов развития городов и сел: [3] и [4], поэтому *подлинное* самоуправление до сих пор не состоялось: ни в городах, ни в селах,а гражданское общество в стране так и не приобрело черт социальной субъектности, необходимой для участия граждан в управлении государством. Наши города, переданные с 1930 года решением ЦК ВКП(Б) и по инерции КПСС. управлялись и ***ныне управляются*** узкоотраслевым министерством – Минстроем ЖКХ. Как градовед позволю представить социологам нынешнее состояние городов России ,воспользовавшись для анализа ситуации в стране моделью 2 «Российский город как целостность на основе положений фундаментальной науки Градоведение» (признанной Правительством РФ**).Анализ показывает, что положение дел в области урбанизации продолжает деградировать. При этом происходит :**

- утрата базовых градообразующих ресурсов у 460 малых и средних городов;
- мучительные поиски выживания 2/3 городов из 2940;
- становятся повседневностью аварии в инфраструктуре городского хозяйства;
- разрастается организационный кризис в ЖКХ и неспособность его разрешения;
- не улучшается качество городской среды (исключая Москву и Петербург);
- падает престиж властей и органов управления в развитии городов;
- растёт неадекватность высшего творения человечества – города, в политике, в информации и, хуже всего, в образовании. Чудовищно, в России 700 университетов, но нет ни одного для подготовки базовых городских профессий.

В этой реальности наши мэры городов, бизнесмены и властная элита умиляются городской средой городов Запада. Возвращаясь, они строят в экологически чистых пригородах свои жилища и поселки, определить которые не удается: то ли это дачи, то ли города будущего? Эти новоделы беспардонно “гуляют” в роскошных журналах, *раздражают горожан и подчёркивают наростание новой социальной сегрегации*. Автор проанализировал 16 особо важных городов, генпланы которых забраковали горожане. Оказалось: горожане и, в основном, горожанки, сбрасывают с себя **отчужденность**, сложившуюся за 90 лет при административно-командном управлении и предъявляют серъёзные требования к формированию городской среды. Сегодня научные проекты и реакция властей начинаются и заканчиваются спасительными словами:таковы мол «социально-экономические»проблемы, а в тоже время в головных научных центрах по градостроительству до сих пор нет элементарного труда по Социологии города и деревни, который способствовал бы их осознанию и планомерному решению. Автор достал ксерокопии первых в мире трудов Прокопия (в США он Питирим) Александровича Сорокина, изданных в 1927 и 1933 гг. в Гарварде ив Нью-Йорке и предложил своему институту и Минстрою РФ перевести их на русский язык, но получил отказ: «Бюджета на издание таких книг нет».Тем не менее в нашей стране накопился достаточно внушительный задел для фундаментальной разработки собственной базы исследования и проектирования развития городов России на современной научной основе в рамках Градоведения (см ниже .генеральную модель2)

Генеральная модель-2 (признана Хабитат ООН)

Российский город как целостность
в фундаментальной науке Градоведение
Базовые отрасли большого города – первого уровня его организации

Социология города и деревни
по П.А. Сорокину, акад. Т.И. Заславской, . А.В. Тихонову, А.М. Лоле

Психология восприятия городской среды
по В.С. Выгодскому, Кевину Линчу, Дж. Голду, А.И. Степанову

Архитектура и градостроительство города и его агломерации
по Витрувию, акад. А.В. Иконникову, А.И. Тверскому, И.А. Иодо

Экология города - ее «Градоэкологический метаболизм»
по акад. В.А. Зубакову, Р.Манчичу (Сербия), Я. Иванову (НРБ), А.М. Лоле.

Городское и агломерационное профессиональное управление
по Екатерине Великой, А.М. Лоле, В.И. Кнорringу**.**

Городское право
По акад. С.С. Алексееву, Урбанистическому кодексу Франции, А.М. Лоле.

Экономика города и его агломерации
поАртуру О'Салливану (США).

Стратегическое планирование градосистемы
по А.М. ЛОЛЕ и методологии Георгия П. Щедровицкого

Строительство и строительное искусство по РААСН

Информациология города и его региона
по А.М. ЛОЛЕ при консультациях: Э.В. Евреинова и И.В. Юзвишина

Городское хозяйство города, его ключевые отрасли 1-го уровня
по учебнику «Городское хозяйство Москвы» 13 авторов, глав. ред. А.М. Лола

1. **Жилой фонд и его воспроизводство и содержание.**
2. **Социально-бытовая инфраструктура.**
3. **Транспортная система города и его агломерации.**
4. **Зеленое хозяйство города и его агломерации.**
5. **Водоснабжение и канализация города.**
6. **Топливно-энергетическое хозяйство города.**
7. **Связь и телекоммуникации города – его хозяйства.**
8. **Подземное градостроительство и хозяйство.**
9. **Бытовые отходы города.**
10. **Безопасность развития города.**
11. **Архитектурно-эстетическая среда города.**
12. **Инфраструктура городского предпринимательства.**
13. **Кладбища и ритуальные службы города.**

Комментарий к модели2.

- ♦ Городское хозяйство осмыслено профессионалами Ассоциации: «ЭКОЛОГИЯ ГОРОДА».
- ♦ Итоги этой отрасли опубликованы в ориентированном» учебнике «Городское хозяйство Москвы».
- ♦ Название отраслей и наук продиктовано требованиям управления, права и лицезирования.

2. Горожане обнажили пороки разработки генпланов городов. За 90 лет госстроевского проектирования и четверти века новой Конституции, проектировщики не выработали языка генпланов, читаемых и поддерживаемых главными субъектами – **горожанами.**

Автор последние 12 лет выступает за пересмотр Градостроительного кодекса № 190-ФЗ, 2004 г как антигражданского, как продукта корпоративных структур и за замену его «Кодексом города», а так же выступает за формирование новой отрасли права– «Городского права», начала которой заложила ещё Екатерина II. Мы 20 лет требуем ввести в каждый закон, решающий судьбы городов и сел, конституционные статьи прямого действия: но депутаты и их партийные лидеры молчат, а автор первых двух законов по градостроительству лишен участия в правотворчестве.

В этой реальности у **«Социологии управления»** [5] ответственнейшая научная задача: **включить социологию в становление *профессиональных* основ и *механизмов*** государственного, местного и **подлинного российского Городского управления**, развивавшегося ещё Александром III и Николаем II и ликвидированного в 1917 г. (подробно [6]). Ключевыми позициями этого фундаментального междисциплинарного направления должны стать следующие блоки из современной социологии управления:

1. Блок-**«знание об управлении» и** блок-**«знание в управлении»**,Это, на мой взгляд, глубокая *профессиональная* конкретизация в каждой целеполагающей программе и в каждом проекте и программе социального управления. Это уже не риторические лозунги, а ***адресная конкретизация*** механизмов городского, агломерационного, конурбационного, мега**ло**полисного, регионального и федерального уровней управления и обоснованного нами Городского агломерационного управления [6] и **городского права**.

2. Следующий вклад в Градоведение – это введение социологией управления понятия «социальное тело» в гуманитарном познании и персонификации социальных систем управления, с помощью которых, мы можем более уверенно и адекватно :

- ➢ формировать структуру Социологии городского и регионального развития;
- ➢ организовать исследования и разработки в развитии городов и градосистем;
- ➢ обеспечить конкретизацию стратегических и первоочередных тактических целей в новом направлении – **в стратегическом планировании развития городов и их агломераций.**

Методология, основанная на «Социологии городского и регионального развития», потребует подготовку диссертаций, ибо методология, представленная в [6] не может использовать Федеральный «Закон о стратегическом планировании...». Он **не** содержит подходов, присущих методологии Стратегического планирования как такового. Методология стратегического планирования развития города и его агломерации сформирована мировым опытом и промахами четырех ведущих мировых центров-разработчиков проектов и программ. Стратегическое планирование развития Российского города и его агломерации (названной нами градосистемой) основано на особой методологии: «уникальность среды обитания и градосистем народов России как методологии гуманитарных наук» (модель 3,более подробно о ней в [6]).

- ➢ Возникает вопрос: кто должен обеспечивать социальные блоки разработки и реализации таких стратегических программ? Разумеется, разработчики программ, в составе которых должны быть исследователи и разработчики семи отраслей наук: Социологии, Экономики, Антропологии, Экологии, Политологии, Архитектуры и Планирования. Отсюда ниже некоторые предложения к разработке исходной универсальной модели 3.

Исходная универсальная модель -3

УНИКАЛЬНОСТИ СРЕДЫ ОБИТАНИЯ НАРОДОВ РОССИИ, ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЕ РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ И УПРАВЛЕНИЕ ИХ РАЗВИТИЕМ.

Взаимное развитие цивилизаций выработало общие ценности народов и ревностное восприятие их различий, высшим из которых выступает понятие **У Н И К А Л Ь Н О С Т Ь.** Это понятие в сфере наук и политики уже не образ, **а особое *качество. Это М Е Т О Д О Л О Г И Я целеполагающей гуманистической деятельности***.

Среда обитания народов России обладает следующими уникальностями, которые являются методологической базой программ выхода из глубокого системного кризиса городов, сел и среды обитания народов.

✶**Россия страна – цивилизация, одна из семи цивилизаций мира.** Эта исходная уникальность детерминирует широкую сферу критериев развития России. Ибо цивилизации развиваются **по своим, только им присущим** глубинным законам, которые не поддаются реформациям политиков и правительств, какими бы благими пожеланиями они не руководствовались .

✶**Россия - страна 133-х коренных национальностей,в т.ч. русской.** Они представляют семь этнических семейств и 28 групп, которые развиваются в ***качественно разных средах обитания и типах культур.*** Только этой реальности достаточно, чтобы с предельной осторожностью оценивать Россию уровнем урбанизации и иными индикаторами. Более того, ***эти народы – субъекты тысячелетнего становления*** Российской цивилизации.

Эта уникальность еще не стала основой в юриспруденции и градостроительстве .

✶**Россия обладает обширными незаселенными территориями.** Эти обширные ареалы**:**

- составляют **66 %** всей территории страны, то есть, они преобладают в стране;
- они обладают качествами природных экосистем и определяют среду обитания Севера всей планеты;
- они диктуют иную систему ключевых индикаторов оценки роли России в мире, ее потенциала и уровня развития.

✶**Россия - страна новых «современных форм расселения человечества»** (по ООН)

Это**:** 149 крупногородских агломераций; более сложных 35 конурбацийи 4 высших типа градосистем - мегалополисов.

Но, в России они ***до сих пор не признаны в таком качестве:*** ни в системах управления; ни в экономической, ни в социальной политике.

Это непризнание ***не*** позволяет адекватно осмыслит цивилизационную роль России в мире и разработать основы успешной государственной политики на длительную перспективу, а так же создать профессиональное управление развитием городов, сел и их систем, от чего страдают 120 миллионов граждан, обитающих в современных градосистемах.

Непризнание реальности градосистем - ярчащее свидетельство непрофессионализма в управлении страной и регионами, которое рано или поздно обязательно проявится в бессмысленной чехарде смены политических режимов.

✶**Новая Россия, в связи с агрессивной геополитикой известных стран, нацеленной на её расчленение, может остаться целостным государством именно на основе стратегии продуманного градорасселения и дифференцированной социокультурной модернизации, проблеме которой и посвящена данная конференция.**

Обобщим сказанное.

✶**Российские города до сих пор лишены основ городского самоуправления**. В СССР

с 1930-х годов оно было заменено централизованным государственным управлением и до сих пор ***не возрождается.*** Становления «повседневной демократии» и конституционное право (статьи 12,130-133) до сих пор ***не реализуются. Возрождение России должно быть начато с возрождения самоуправления в микрорайонах и кварталах и в программе создания основ Городского и Агломерационного управления***.

✶ **Различия в качестве городской и сельской среды в России уникальны.** Начала государственной политики СССР по снижению этих различий под эгидой ЕЭК ООН с 50-х годов, ныне ликвидированы. В становлении новой России роль ее деревни уникальна, она базируется на истории и на различиях в качествах среды проживания и не может игнорироваться (здесь интересны исследования Н.Е. Покровского – СОПСО)

✶**С 1917 года в России произошел переворот общемирового принципа управления,** выработанного человечеством за всю его историю, когда признавалась первичность объекта и вторичность субъекта управления.(Конфуций, Аристотель, Гегель,) С 1917г. первичными стали *не объекты* сложной антропогенной природы, ***а субъекты*** управления ими., ***Современная теория государственного управления развитием объектов сложной природы, которая должна быть в России как в стране-цивилизации особой, не субъект-объектной,а в соответствии с постнеклассической методологиеей современного научного познания субъект-полисубъектной(В.С.Стёпин)***

Наша уникальность диктуют:

А. **ДИСПОЗИЦИЮ России в мировом сообществе как особую цивилизацию, дающую основание для *собственной,* а *не заимствованной у Запада* стратегии развития ее народов,**

Б.**ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ технократических доктрин, господствующих в развитии городов и среды обитания народов** на основе принципов управления социокультурной модернизацией(Н.И.Лапин, А.В.Тихонов) .

В.**ПРЕДЕЛЬНО корректное заимствование опыта иных стран в сферах: государственного, регионального и особенно городского** (т.н. «муниципального») **управления**.

Эти подходы обеспечат конкретизацию социологических исследований и разработок в градостроительной науке, и предложить пути их организации на основе введения понятия **«социальное тело»,** посредством которого мы можем более уверенно адресовать социальные цели и задачи исследователям и органам управления развитием городов, сел и их систем.

Заслуживает заимствования у Социологии управления и «**концепция уровней социального порядка»(А.В.Тихонов)**

«Социальный порядок можно определить как любые сознательно устанавливаемые отношения между людьми, где эксплицированы их договоренности о нормах и правилах их взаимодействия на основе согласованных нравственных принципов».Гражданский социальный порядок – это сфера свободного проявленияастных интересов людей в формах свободной самоорганизации»[5, стр. 272].

Уровни «социального порядка» как субъект- поли-субъектная организация городского управления и местного самоуправления:

- в агломерации и/или конурбации;
- в органах городского управления.
- в муниципальных районах.
- **в первичных общинах самоуправления**

в микрорайонах, кварталах и селах на основах статей: 12,130 -133 Конституции РФ

.Глубинные закономерности развития науки диктуют выделение «**Социологии управления»** как фундаментальной междисциплинарной (межотраслевой) науки и создание

с её участием нового специализированного института территориального развития страны. Это наше предложение уважаемой Конференции просим включить его в проект решения. Нужно политически на всех уровнях поддержать формирование **новых градосистем и новых социальных отношений, нуждающихся в мониторинговых исследованиях во имя устойчивости развития городов, регионов и государства как такового.** Этими градосистемами являются в России 149 **крупно городских агломераций.** Затем идут более сложные в управлении **конурбации** – их 52, и высшие градосистемы –**мегалополисы, И**х в России уже четыре, а именно:

- ✓ **Центральный российский мегалополис**, формируемый Московской крупнейшей 17-миллионной конурбацией, состоящей их 10 крупногородских агломераций.
- ✓ **Донецко-Ростовский** межгосударственный мегалополис, он функционирует.
- ✓ **Уральский межгосударственный крупнейший 13-миллионный мегалополис**, в него входят 5 крупногородских агломераций..
- ➢ **Рождается уникальный в мире, Северо-Кавказский *полиэтнический* мегалополис,** состоящий из 12 крупногородских агломераций, в их числе 8 – национальные автономии. Нам предстоит постепенное и настойчивое решение невиданной проблемы расселения и развитии градосистем сложнейшей социальной природы, ибо то, как следует управлять субъектно- поли- субъектными объектами мир ещё выработал, а каждый российский мегаполис – **уникальный объект исследования в том числе и для Социологии управления, нуждающейся в гармоничном союзе с другими науками в рамках решения проблем сохранения территориальной целостности и цивилизационного развития нашей страны.**

.

– .

Список литературы

1. ООН. Декларация о городах и других поселениях в новом тысячелетии». Принята Генеральной Ассамблеей в 2001 году (Док-нт: A/RES/S-25/2. Автор – участник Ассамблеи)

2. Конституция Российской Федерации. 1993г. Статьи 12. 130 - 134.

3. Закон №131-ФЗ Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ,2 003 г

4. Градостроительный кодекс Российской Федерации № 190-ФЗ. 2004 г.

5. Тихонов А.В. Социология управления. // М. Изд-во «КАНОН+». 2007.

6. Лола А.М. Городское и агломерационное управление в России: состояние и что делать» // М.: Изд-во: «Канон+». 2013.

7. Лола А.М. Основы Градоведения и теории города в Российской интерпретации // М. Изд-во: URSS. 2005. 350 с.

8. Библия. Ветхий Завет (*книга пророка Ионы*).

9. Путин В.В. Россия: национальный вопрос. Доктрина // Независимая газета.23.01.2010 г.

Работы Питирима Сорокина:

- **1929 год.** (Principles of Rural-Urban sprin cociology» New York: «Введение в сельско-городскую социологию».
- **1930-1931 г.г.** A systematic source Book in Rural Sociology. With C.C. Zimmerman and C. Minneapolis: Galpin University of Minnesota Press, Vol. I and vol. II.
- **1932 г.** «A systematic source Book in Rural Sociology. With C.C. Zimmerman and C.J. Galpin. Minnesota .University of Press. Vol. III.
- **1969 г.** Pitirim Principles of rural-urban sprin Cociology.1969. New York.

А.А. Миронова

ПЕРСПЕКТИВЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ КРУПНЫХ ГОРОДОВ

Аннотация. *Статья посвящена вопросам стратегического планирования развития крупных российских городов как социального процесса. По результатам проведенного автором исследования определены направления и инструменты использования стратегического планирования в системе социального управления крупным городом (регионом).*

Ключевые слова: *крупный город, регион, стратегическое планирование, социальное управление, социологическое исследование, модель.*

A.A. Mironova

PROSPECTS OF STRATEGIC PLANNING OF DEVELOPMENT OF BIG CITIES

Abstract. *The article is devoted to the issues of strategic planning for the development of Russian large cities as a social process. According to the research results conducted by the author, the directions and tools for using strategic planning in the social management system of a large city (region) are determined.*

Keywords: *large city, region, strategic planning, social management, sociological research, model.*

Одна из ключевых задач органов государственной власти и местного самоуправления состоит в повышении качества жизни россиян, решение которой видится в реализации в нашей стране комплекса мер по обеспечению сбалансированного социально-экономического развития субъектов Российской Федерации.

Современные процессы, происходящие в российских крупных городах и регионах, характеризуются усиливающимся многообразием и разобщенностью различных социальных слоев и городских сообществ, разностью их интересов и требований по отношению к принимаемым местной властью управленческим решениям, появлением новых форм взаимодействия и характера связей как внутренних, так и внешних институциональных структур, и другими. Эффективное управление такими процессами, поиск консенсуса и разрешения противоречий может быть обеспечены посредством использования практик стратегического планирования, формирующего качество социального управления в условиях усложнения взаимосвязей на уровне внутренних и внешних элементов субъектов, усиления динамики их изменений, трудностей в нахождении единых параметров их оценки.

Крупные города, представляющие собой сложные социальные системы, аккумулирующие людские, образовательные и иные ресурсы, вместе с тем сильнее подвержены проявлению негативных социальных явлений: более сильному социальному расслоению, сегрегации, силе конфликтов. Данные обстоятельства определяют необходимость особого к ним внимания как наиболее уязвимым и требующим принятия взвешенных решений при управлении их развитием, что может быть обеспечено именно на базе стратегического планирования.

Однако на практике можно наблюдать противоречие между потребностями в стратегическом планировании развития российских регионов и крупных городов как социальном процессе и наличием ряда проблем организации данного процесса. К таким проблемам относятся:

– во-первых, нормативно-правовые проблемы, такие как декларативный характер большинства официальных стратегических документов территориального социально-экономического развития; отсутствие актуальных стратегических документов на федеральном уровне, слабое содержание подзаконных актов; неурегулированность многих

процессов стратегического планирования, отсутствие в базовых нормативно-правовых актах основ для выстраивания эффективного взаимодействия между участниками;

– во-вторых, методические проблемы, которые заключаются в отсутствии: сквозной методологии разработки, реализации, контроля и мониторинга системы стратегического планирования, а также сквозных показателей в документах стратегического планирования, методического обеспечения разработки и реализации базовых документов целеполагания федерального уровня;

– в-третьих, кадровые проблемы, проявляющиеся в недостатке специальных компетенций, в отсутствии навыков и регламентации использования результатов прогностической работы у органов исполнительной власти в ряде регионов и городов, а также недостаточное внимание и поддержка этой работы на федеральном уровне в регионах являются одной из проблем для обеспечения эффективности всей системы стратегического планирования;

– в-четвертых, организационные проблемы, проявляющиеся в недостаточном понимании и учете видения проблем и перспектив развития территории с позиции всех заинтересованных лиц при обосновании стратегического выбора и путей его реализации;

– в-пятых, информационные проблемы, связанные с нерешенностью обозначенной Федеральным законом 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» задачи создания единого информационного пространства, обеспечивающего разработку документов стратегического планирования на основе актуальной информации о государственных стратегических приоритетах и целях развития, остаются нерешенными.

Все обозначенные проблемы препятствуют реализации целей стратегического планирования развития, создают сложности в организации эффективного социального взаимодействия.

Полагаем, что для эффективного построения системы стратегического планирования социального развития крупного города является целесообразным проведение анализа практик стратегического планирования в крупных российских городах и регионах и определение основных направлений стратегического планирования развития. С этой целью было проведено социологическое исследование, объектом которого была система стратегического планирования в крупных российских городах и регионах.

Исходя из цели и задач данного социологического исследования, было проведено интервью 20-ти экспертов в области стратегического планирования и управления, среди которых были:

– руководители, имеющие опыт разработки и реализации городских стратегий и/или опыт в региональном и/или городском управлении;

– эксперты и специалисты в области стратегического планирования и управления.

В процессе исследования была проведена экспертная оценка стратегий российских регионов и крупных городов, которая предусматривала так называемую «мягкую экспертизу», предполагающую максимальную вариативность мнений с целью проведения глубокой диагностики уровня и проблем стратегического планирования развития российских регионов и крупных городов.

В результате проведенного социологического исследования были определены основные направления стратегического планирования развития крупного города (региона):

1) Обеспечение согласованности и взаимосвязи документов планирования различных типов:

– гармонизация системы документов стратегического планирования (в том числе разработка специального порядка организации взаимодействий участников стратегического планирования);

– унификация методического обеспечения разработки и реализации документов стратегического планирования.

2) Определение и формулирование целей стратегий:

– четкое формулирование целей стратегий с указанием на конечный результат;

– закрепление за конкретными должностными лицами персональной ответственности за реализацию задач и достижение целей стратегии.

3) Организация (администрирование) процесса стратегического планирования:

– обеспечение реальной (не формальной) публичности процесса стратегического планирования путем:

– включение в процесс стратегического планирования организованных форм участия стейкхолдеров и общественности (политические партии, НКО, в том числе бизнес-ассоциации, общественные и творческие объединения) на всех его этапах, включая мониторинг и контроль реализации документов;

– обеспечение доступности участия в общественных обсуждениях заинтересованных сторон и населения через ознакомление и публикацию стратегических документов в популярной и понятной форме, создание и развитие специализированных ресурсов в сети «Интернет» для проведения общественных обсуждений;

– регламентация процедуры учета мнений заинтересованных сторон и общественности;

– вовлечение в процесс стратегического планирования стратегически важных компаний с государственным участием, развитие системы социальной ответственности бизнеса;

– развитие городских социальных проектов путем расширения сферы применения схемы ГЧП и реализации бизнесом функции по предоставлению социальных льгот в виде натуральных (при ведущей роли городской администрации как организатора).

4) Стратегическое планирование крупного города как агломерации:

– закрепление понятия агломерации на федеральном уровне по отношению к крупным городам (прежде всего, городам-миллионникам), имеющим тесную связь с приграничными территориями;

– разработка планов развития базовых инфраструктур крупного города с учетом агломерационных процессов;

– создание специальных органов управления агломерацией.

5) Формирование механизма интеграции стратегического планирования в систему государственного и муниципального управления

– создание комплексной системы стратегического планирования, учитывающей все управленческие этапы;

– увязка стратегического планирования с бюджетным планированием и процессом бюджетирования;

– создание специального органа, координирующего разработку и реализацию стратегии, на уровне высшего должностного лица.

Полагаем, что стратегическое планирование необходимо рассматривать как управленческий механизм, ориентирующий на кооперацию все задействованные стороны такового процесса: власть, бизнес, науку и образование, гражданское общество.

В таком понимании эффективное построение системы социального управления крупным городом будет определяться реализацией специального инструментария по каждому из следующих элементов стратегического планирования:

1) в части социальных взаимодействий участников стратегического планирования:

– высокая степень вовлеченности местного сообщества в процесс разработки и реализации стратегии через создание специального органа при главе города и проектных групп, развитие механизмов «обратной связи», участие организованных форм местного сообщества (НКО, политические партии и пр.), развитие их мотивации к участию и конкуренции посредством применения инструмента оценки и рейтингования участвующих сторон; обеспечение реальной (не формальной) публичности процесса стратегического планирования;

– вовлечение в процесс стратегического планирования стратегически важных компаний с государственным участием, развитие системы социальной ответственности и практики представления социальной отчетности предприятий в логике их участия в выполнении задач и влияния на результаты реализации территориальных стратегических документов; местное сообщество должно рассматриваться как одна из сторон общественного договора (социального контракта), идея которого сводится к тому, что сообщество предоставляет право владеть, а также использовать природные ресурсы территории и нанимать сотрудников, но взамен ожидает получить преимущества, которые бы превысили общественные затраты [4, p.26].

– регламентация социальных взаимодействий всех участников планово-управленческих практик, составляющих процесс стратегического планирования;

– изменение внутренней политики принятия решений – организация взаимодействий участников по типу «циркулярной организации» (или «демократической иерархии»), по Р. Акоффу [2, с.62], в которой отдельным подразделениям (участникам) разрешается принимать самостоятельные решения, касающиеся их деятельности (при условии, что те не противоречат политиками более высокого уровня); также дается возможность участвовать в обсуждении и коррекции организационных политик более высокого уровня; «демократическая иерархия» противоположна традиционной автократической, при которой управленческие решения принимаются «наверху», а потом «сверху вниз» доводятся до подчиненных;

– активная роль местных органов в части реализации механизма социального партнерства в городе, развития городских социальных проектов, расширения сфер применения механизма ГЧП и использования социальных технологий;

– согласованность стратегии с документами других уровней;

– учет агломерационных связей – разработка планов развития базовых инфраструктур крупного города с учетом агломерационных процессов, создание специального органа управления агломерацией;

– обозримость стратегии и доступность максимально широкому кругу заинтересованных лиц.

2) в части принципов стратегического планирования:

– отражение в принципах содержательных и процедурных аспектов процесса стратегического планирования;

– разработка и использование инструментов по реализации каждого из принципов.

3) в части организационного механизма стратегического планирования:

а) на этапе разработки стратегии:

– четкость и определенность целей социально-экономического развития (как качественно, так и количественно, что создает объективные предпосылки для разработки системы мер по их реализации, организации действенного контроля за их достижением [3, с.57]);

– закрепление за конкретными должностными лицами персональной ответственности за реализацию задач и достижение целей стратегии;

– адаптивность стратегии, использование элементов территориального маркетинга, усиление внешнеэкономических функций города;

– согласованность стратегий с направлениями развития ключевых стейкхолдеров (крупных государственных корпораций и крупными частными компаниями); использование технологии прогнозного социального проектирования;

– анализ стратегией текущей роли производственной городской специализации;

– усиление социальных целей стратегии в части развития внутренних факторов, ориентированных на повышение качества человеческого капитала и устойчивости территории;

– разработка направлений пространственного развития города, учитывающих новые требования к градостроительному проектированию; согласованность стратегии с документами территориального планирования.

– анализ социальных процессов в разрезе каждого из городских районов, выявление между ними характера связей и определение возможностей межрайонного взаимодействия.

б) на этапе реализации стратегии:

– разработка и применение механизмов реализации стратегии, учитывающих все уровни планирования (глобальный, федеральный, макрорегиональный, межрегиональный / межмуниципальный, региональный, локальный);

– регламентация реализации стратегии через описание (по каждому из заложенных в стратегию механизмов) ролевых функций участников реализации стратегии, специфики их социальных взаимодействий;

– применение оценки регулирующего воздействия в отношении актов, разрабатываемых с целью реализации целей и задач стратегии;

– реализация мероприятий, связанных с управлением рисками;

– постоянная корректировка стратегии и проведение мероприятий, направленных на внесение своевременных в нее изменений.

в) на этапе мониторинга и контроля реализации:

– анализ достижения социальных параметров жизни и текущих показателей социально-экономического развития, оценка качества выполнения задач и мероприятий;

– оценка соответствия реализуемой стратегии ожиданиям и требованиям структур местного сообщества;

– использование качественных методов исследования при анализе данных, в том числе проведение опросов местного сообщества.

Наполнение обозначенными автором элементами процесса стратегического планирования позволит достигнуть необходимых качественных параметров городского социального управления.

Рассмотрение стратегического планирования как процесса социальных взаимодействий позволяет не только определить характер исполняемых каждым из членов городского сообщества функций, но и посредством согласования интересов и соблюдения приоритетных для всех заинтересованных сторон и местного сообщества условий развития, повысить качество социального управления городом, эффективность функционирования внутригородских структур и участия различных групп в реализации стратегии. Важно, чтобы на каждом этапе планово-управленческого процесса – разработки, реализации, мониторинга и контроля реализации стратегии – участие стейкхолдеров и городского сообщества происходило посредством их различных организованных форм. Такое организованное и регламентированное участие будет способствовать процессу институционализации стратегического планирования крупного города.

Список литературы

1. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]: Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/ (Дата обращения: 20.05.2017).

2. Ф

3. Акофф Р., Магидсон Дж., Эддисон Г.Дж. Идеализированное проектирование / Пер. с англ. Ф.П. Тарасенко. Днепропетровск: Баланс Бизнес Букс, 2007. 320 с.

4. Стратегический выбор города: научное обоснование и механизм реализации (На примере г. Тольятти Самарской области) / Под ред. В.Е. Рохчина, С.Ф. Жилкина. СПб:, ИСЭП РАН, 1999. 183 с.

5. Mathews M.R. Socially Responsible Accounting. Chapman & Hall. London, 1993.

В.А. Нежданов

МОДЕРНИЗАЦИЯ И АРХАИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ СЕЛЬСКОГО РАССЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

Аннотация. *В процессе трансформации системы расселения Республики Мордовия наблюдаются две разнонаправленные тенденции: технологическая модернизация и социокультурная неотрадиционализация, что стимулирует процесс интенсивного сжатия социального пространства до субширотной полосы расселения вдоль железнодорожной магистрали и автомобильной трассы с очагами малых городов, аналогичный процессам центр-периферийной трансформации по Российской Федерации в целом.*

Ключевые слова: *модернизация, архаизация, неотрадиционализация, система расселения, урбанизация, рурбанизация, субурбанизация, трансформация, поляризация, депопуляция, нелинейный характер социальных процессов, сжатие социального пространства, Республика Мордовия.*

V.A. Nezhdanov

MODERNIZATION AND ARCHAIZATION SYSTEM RURAL SETTLEMENTS IN THE REPUBLIC OF MORDOVIA

Abstract. *In the process of transformation of the settlement system in the Republic of Mordovia observed two opposite trends − technological modernization and socio-cultural neotraditionalization that stimulates process intensive compression of social space to the East-West trending strip of settlement along the railroad and highway with the small cities, similar processes of center-periphery transformation in the Russian Federation as a whole.*

Keywords: *modernization, archaization, neotraditionalists system of settlement, urbanization, urbanizacija, suburbanization, transformation, polarization, depopulation, non-linear nature of social change, the compression of social space, Republic of Mordovia*

Трансформации системы расселения Республики Мордовия характеризуется двумя разнонаправленными тенденциями: модернизации и архаизациии, точнее, неотрадиционализации. Нелинейный характер социальных процессов, ненаправленность изменения социальных систем, многовариантность хода событий неоднократно отмечался в современной научной и учебной литературе по вопросам анализа динамики социально-территориальных систем (СТС) [8; 12, с.3; 11, с.5–7; 10, с.133–135; 7].

Нелинейный характер социальных процессов в процессе трансформации системы расселения проявляется в одновременном распространении тенденций модернизации (преимущественно технологической) и неотрадиционализации (преимущественно социокультурной). Социум становится более сложным, что стимулирует механизмы адаптации к его быстрой трансформации. Закономерной реакцией на новые вызовы становится упрощение социальных практик, проявляющееся в архаизации социальных отношений как элементов локальных тенденций в рамках общего процесса структурного усложнения социума [6].

Одним из проявлений модернизации в теории и практике расселения является урбанизация населения как процесс формирования городской среды жизнедеятельности человека. В России длительное время преобладал процесс «сталинской модернизации», который сопровождался полунасильственной псевдоурбанизацией, проанализированной в работах российских философов, географов и демографов [1].

Городское население Мордовии стало преобладающим (более 50%) только в 1984 г., а в 1993 г. оно достигло максимума в 554,6 тыс. чел., после чего наступило медленное снижение до 2010 г., когда оно стабилизировалось на отметке около 500 тыс. чел. Рост численности

городского населения в республике наблюдается только в пределах Саранско-Рузаевской. Это происходит за счет превышения числа родившихся над числом умерших, превышения числа прибывших в городские поселения над числом выбывших из них и включения сельских населенных пунктов в городскую черту. На остальной территории РМ идут обратные процессы: миграция населения в другие города России минуя городскую местность республики; депопуляция населения, переход городских поселений в разряд сельских (табл. 1).

Таблица 1

Динамика численности населения городских поселений Мордовии, 1979–2017 гг, тыс. чел.

№ п/п	Поселение, год присвоения (снятия) статуса	Годы					
		1979	**1989**	**2002**	**2007**	**2010**	**2017**
1	**г. Саранск, 1780**	**263,3**	**312,1**	**304,9**	**295,4**	**296,4**	**314,8**
2	пгт. Зыково*, 1969–2003	1	1,2	1,1	–	–	=
3	пгт. Луховка*, 1969	7,5	10	9,1	9,1	9	**8,2**
4	пгт. Николаевка*, 1969	5,4	5,7	5,2	5,1	4,9	**5,0**
5	пгт. Ялга*, 1984	–	3,8	5,1	5,2	5,8	**7,9**
6	г. Рузаевка (рц), 1918–1926, 1937	48,8	51	49,8	48,3	47,5	**46,0**
7	г. Ковылкино, 1960	20	21,6	21,9	21,1	20,4	**20,0**
8	г. Ардатов (рц), 1780	*9,2*	*10*	*9,6*	*9,4*	*9,2*	***8,7***
9	г. Инсар (рц), 1780–1926, 1958	*9*	*9,3*	*8,95*	*8,6*	*8,5*	***8,2***
10	г. Краснослободск (рц), 1780	*10,1*	*11,3*	*10,8*	*10,6*	*10,3*	***9,6***
11	г. Темников (рц), 1779	*7,4*	*9,2*	*8,4*	*7,6*	*7,2*	***6,3***
12	пгт. Атяшево (рц), 1963	4,4	6,3	6	6,1	5,9	6,1
13	пгт. Зубова Поляна (рц), 1959	9,7	10,7	10,4	10,3	10,3	10,1
14	пгт. Кадошкино (рц), 1968	4,9	5,1	4,9	4,7	4,6	4,3
15	***пгт. Ромоданово** (рц), 1958-2013***	9,3	10,1	9,9	9,6	9,3	=
16	пгт. Торбеево (рц), 1959	7,4	8,9	9,4	9,2	9,3	8,9
17	пгт. Чамзинка (рц), 1960	6,5	9,8	9,9	9,7	9,5	9,2
18	пгт. Комсомольский, 1952	*13,2*	*14,7*	*14,2*	13,8	13,6	12,8
19	пгт. Явас (УФСИН), 1959	*4,7*	*8,3*	*8,3*	*7,7*	*7,6*	*7,8*
20	пгт Потьма (УФСИН), 1968	*3,9*	*3,6*	*4,4*	*4,3*	*4,1*	3,9
21	пгт. Тургенево, 1960	7,4	8,9	5,3	5,1	5,1	4,8
22	пгт. Умет, 1959	3,6	3,4	3	2,9	2,8	2,6
23	***пгт. Ширингуши**, 1928-2005***	4	3,1	2,4	–	–	–
24	***пгт. Выша**, 1940-2002***	1,6	1,1	1,1	–	–	–
25	***пгт. Кемля**, (рц) 1964-2004***	4,7	5	4,9	–	–	–
26	***пгт. Большая Елховка**, 1984-2005***	–	4	4,1	–	–	–

*входят в городской округ Саранск, образованный в 2005 г.

**получили статус села в XXI в. рц – райцентр

Урбанизация и городской образ жизни не укоренились в сознании основной массы населения. Недостаточное время формирования городской культуры (1–2 поколения), сельский образ жизни населения малых городов и пгт с низкой степенью благоустройства, преобладанием усадебного жилья, а также постоянными нецеленаправленными преобразованиями привели к тому, что хозяйства населения (ЛПХ) значительной части городского населения страны, особенно проживающего в небольших городах и поселках городского типа, до сих пор имеют сельский менталитет. За прошедшие 15 лет (2000–2015 гг.)

люди высказывались за преобразование городских поселений в сельские (муниципальные референдумы). Характерно, что образование новых городских поселений в 1990-е гг. по России прекратилось.

Попытка модернизации городских поселений была связана с реализацией комплексных инвестиционных планов развития монопрофильных поселений Республики Мордовия, но финансовой поддержки это не нашло [5].

В системе сельского расселения модернизация проявляется через механизмы рурбанизации. Рурбанизация (от лат. «urbanus» – «городской» и английского «rural» – «сельский») – это процесс распространения городских форм и условий жизни на сельскую местность. Наряду с субурбанизацией она составляет единый процесс урбанизации. Субурбанизацию можно представить как процесс роста и развития пригородной зоны городов, который стимулирует формирование скоплений городских, сельских и пригородных поселений, т.е. образований агломераций.

Модернизация сельских поселений связана с реализацией ряда общероссийских программ: Государственной программы Республики Мордовия развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020-е годы; Устойчивое развитие сельских территорий на 2013–2017-е гг. и на период до 2020 г. и др.

Новая функциональная структура сельских поселений включает агрогородки и агротехнопарк (Ялга), национально-культурные (Старая Теризморга, Подлесная Тавла), туристско-рекреационные (Сабаево, Смольный, Сивинь), паломнические (Санаксар, Пайгарма) и другие типы поселений. Возникают инновационные сельские поселения, которые можно определить как территориальные самоорганизованные общности людей, имеющие средства жизнеобеспечения для всех членов сообщества (новые технологии, новую инфраструктуру, новые отношения по поводу их использования), идентифицирующие себя в качестве инновационного с привлечением местных интеллектуальных ресурсов (науки и образования) на основе совместных решений [9, с.3].

Тем не менее, общее число сельских населенных пунктов сокращается. Поселенческий потенциал сельской местности на 1 января 2015 г. насчитывал 1240 населенных пунктов. За 2005–2015-е гг. из списка населенных мест республики были исключены 42 сельских населенных пункта без проживающего населения, а на очереди еще 57 аналогичных населенных пунктов (табл. 2).

Процессы оптимизации систем образования и здравоохранения способствуют стягиванию инфраструктуры в немногочисленные центральные села и приводят к резкому сокращению сельских школ и ФАПов, а вслед за ними и школьных библиотек, музеев, спортивных сооружений в оставшихся периферийных селах. Помимо этого, из небольших районных центров сельского статуса в межрайонные центры выводятся структуры федерального подчинения – управления МВД, налоговые и социальные службы, страховые агентства, управления почтовой связи и банков, нотариальные, земельные, кадастровые подразделения. Массово уходят торговля, средний и малый бизнес, квалифицированные специалисты и молодежь. Предоставленные органам МСУ полномочия по большей части не обеспечены в финансовом плане. Сельские населенные пункты упраздненных поселений начинают деградировать, а новые центры укрупненных поселений пока не стали базой для развития сельских территорий.

Ускоренная модернизация Саранско-Рузаевской агломерации при одновременной архаизации (обеднении функциональной структуры сельских поселений, усилении «центр-периферийности», возрождение системы религиозных, в том числе традиционно языческих поселений) большинства сел приводит к растущей поляризации социального пространства. Преобразование МАССР в Мордовскую ССР, а затем в Республику Мордовия (1994 г.) дало толчок трансформации имиджа региона. Первоначальный посыл к национальному возрождению породил оригинальные топонимические, а затем и социально-экономические изменения в сельском расселении. Село Старое Качаево Большеигнатовского района стало

называться Ташто Кшуманця. С 1990 г. в селе проводится Республиканский национально-фольклорный праздник «Велень Озкс», а в соседнем селе Чукалы−похожий праздник «Раскень Озкс» (раз в три года). Поселок Красный Коноплевод был переименован в поселок Преображенский по названию мужского монастыря, а поселок Санаксырь в Санаксар по названию Рождество-Богородичного Санаксарского мужского монастыря.

Таблица 2

Динамика численности сельских населенных пунктов в 1939–2012 гг., ед.

Число сельских населенных пунктов	**Годы**							
	1939	**1959**	**1970**	**1979**	**1989**	**2002**	**2003**	**2004**
Всего	2542	2318	1813	1507	1377	1313	1313	1298
из них: без населения	-	-	-	22	26	29	29	16
с числом жителей до 5 чел.	281	296	117	28	51	98	102	119
6–10	269	181	80	28	49	83	89	78
11–25	193	157	102	89	128	155	142	157
26–50	119	134	123	167	177	140	139	137
51–100	223	223	247	234	204	168	166	152
101–200	**294**	**365**	**336**	**255**	**185**	**157**	154	155
201–500	**470**	**485**	**401**	**357**	**316**	**297**	300	305
501–1000	**344**	**246**	**238**	**197**	**160**	**131**	135	128
1001–2000	253	187	142	108	63	34	35	35
2001–3000	66	28	14	12	6	6	5	5
3001–5000	26	16	12	8	8	11	6	6
5000 и более	4	-	1	2	4	4	4	5
	2005	**2006**	**2007**	**2008**	**2009**	**2010.**	**2011.**	**2012.**
Всего	1290	1287	1287	1287	1256	1250	1248	1239
из них: без населения	11	24	45	55	34	61*	59	57
с числом жителей до 5 чел.	139	138	133	135	134	117*	117	121
6–10	70	75	75	81	81	81	81	83
11–25	151	137	144	136	141	141	141	138
26–50	133	138	125	126	123	118	118	117
51–100	153	151	144	143	139	135	136	140
101–200	157	163	164	162	160	156	159	154
201–500	295	284	282	282	281	278	274	272
501–1000	128	125	126	119	114	111	111	106
1001–2000	35	34	31	30	31	29	29	28
2001–3000	6	6	6	6	6	9	9	10
3001–5000	7	7	7	8	8	10	10	9
5000 и более	5	5	5	4	4	4	4	4

*изменение учета в связи с проведением переписи населения

Таблица ярко демонстрирует деградацию сети поселений численностью от 1001 до 2000 чел. Потери ее составили более 220 единиц. Однако, если для градации многочисленных сельских населенных пунктов (СНП) численностью 500-1000 чел. эти потери не так ощутимы, то число пунктов данной группы сократилось на порядок, т.е. с 253 до 31 единицы. Потери эти значительны еще и потому, что данные СНП являлись традиционными системообразующими для системы расселения Республики Мордовия. Сравнение конфигурации сети поселений в 1939 и 2012-х г. дает поистине трагическую картину депопуляции сельской Мордовии.

Таким образом, в настоящее время в процессе трансформации системы расселения наблюдаются две разнонаправленные тенденции − технологическая модернизация и социокультурная неотрадиционализация, что стимулирует процесс интенсивного сжатия социального пространства до субширотной полосы расселения вдоль железнодорожной магистрали и автомобильной трассы М5 с очагами малых городов (Темников, Краснослободск, Инсар, Ардатов), аналогичный процессам центр-периферийной трансформации по Российской Федерации в целом.

Список литературы

1. Ахиезер А.С. Диалектика урбанизации и миграции в России // Общественные науки и современность. 2000. № 1. С. 78–89.

2. Вишневский А.Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. 432 с.

3. Глазычев В.Л. Слободизация страны Гардарики // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания / ред.-сост. С.Б. Чернышов. М.: Аргус, 1995. С. 64–88.

4. Урбанизация и модернизация как исторические явления [Электронный ресурс] // URL: http://biofile.ru/his/32628.html (Дата обращения: 12.09.2017).

5. Ежеквартальный мониторинг социально-экономического развития монопрофильных населенных пунктов Республики Мордовия за 2011 г. Аналитический доклад / Отв. ред.: В.В. Конаков, Л.Ю. Максимова, В.П. Миничкина. Саранск: Научный центр социально-экономич. Мониторинга, 2012. 76 с.

6. Зарубина Н.Н. Упрощение массовых социальных практик как вектор трансформации повседневности в сложном социуме // Историческая психология и социология истории. 2013. Т. 6. № 2. С. 29–44.

7. Кузнецова М.А. Социальные системы и процессы: методология исследования: Учеб. пособие. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004. 96 с.

8. Ламажаа Ч.К. Архаизация общества в период социальных трансформаций (социально-философский анализ тувинского феномена): автореф. дис. доктора философ. наук: 09.00.11. М. 2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.dissercat.com/content/arkhaizatsiya-obshchestva-v-period-sotsialnykh-transformatsii-sotsialno-filosofskii-analiz-t#ixzz2TSGWfxtM (Дата обращения: 14.09.2017).

9. Нежданов В.А. К вопросу о формировании инновационных сельских поселений в Республике Мордовия // ЭПНИ Studium. 2012. № 3–4 (24-25). С. 3–10.

10. Никитина Ю.А. Коэволюционно-инновационная активность социальных систем в нелинейной внешней среде // Известия Томского политехнического университета. 2007. Т. 311. № 7. С. 133–137.

11. Тамбиева З.С. Нелинейные процессы социального развития общества: Дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11: Ставрополь. 2005. С.5-7. [Электронный ресурс] // URL: http://www.dslib.net/soc-filosofia/nelinejnye-processy-socialnogo-razvitija-obwestva.html (Дата обращения: 12.09.2017).

12. Шамсутдинов П.А. Трансформация социальных систем в условиях информационных взаимодействий: автореф. дис. канд. философ. наук: 09.00.11. Липецк. 2002. С.3. [Электронный ресурс] // URL:https://search.rsl.ru/ru/record/01002310583 (Дата обращения: 12.09.2017).

А.В. Рубанов

НОВЫЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В РАЗВИТИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. *Проанализирована роль новых информационно-коммуникативных технологий в развитии местного самоуправления. Выявлены наиболее привлекательные для населения виды информационно-коммуникационных коммуникаций. Представлены перспективы их дальнейшего развития.*

Ключевые слова: *информационное общество, информационно-коммуникативные технологии, местное самоуправление, экономика, рынок труда, социальная политика, коммунальная сфера.*

A.V. Rubanau

NEW INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES IN THE DEVELOPMENT OF LOCAL GOVERNMENT

Abstract. *The role of new information and communication technologies in the development of local self-government is analyzed. The most attractive for the population types of information and communication communications are revealed. The perspective soft heir development are presented.*

Keywords*: information and communication technologies, local government, economy, labor market, social politics, communal sphere.*

Впервые исследование вовлеченности людей в пользование ресурсами сети Интернет в г. Минске было проведено в 2004 г. Тогда возможностями Интернета пользовались около 37% минчан; половина из них – каждый день или несколько раз в неделю. В 2017 г. количество интернет-пользователей в возрасте 6 лет и старше, на 100 чел. в Минске приблизилось к 75,0%, в Беларуси в целом − к 65,0%.

В 2004 г. интенсивность использования Интернета главным образом зависела от возраста: 42% постоянных пользователей были в возрасте до 25 лет, 20% − в возрастных группах от 25 до 45 лет, 8% − в более старших возрастных группах. Эта зависимость в целом сохранилась и в 2017 г., но доля тех, кто пользуется ресурсами Интернет среди старших возрастных групп существенно возросла: 33,6% среди тех, кому 55–64 года, и 10,6% в возрастной группе 65 лет и старше.

В 2014 г. (последний публично обнародованный год замера) Беларусь заняла 38 место в рейтинге развития ИКТ (информационно-коммуникативных технологий), став третьей из всех постсоциалистических стран и уступив только Эстонии и Латвии. Ускоренные темпы развития ИКТ выражаются как в создании соответствующей инфраструктуры (увеличении пропускной способности внешних каналов доступа в сеть Интернет, росте количества абонентов стационарного широкополосного доступа и сотовой подвижной электросвязи, пользующихся услугами сети передачи данных с выходом в сеть Интернет по широкополосному доступу и др.), так и в увеличении числа пользователей среди физических и юридических лиц. Особенно быстрыми темпами в последние 5–7 лет идет создание инфраструктуры сети Интернет в сельской местности.

Ощутимо выросла, особенно среди молодых людей, роль Интернета, в частности социальных сетей, в получении информации об общественно-политической и экономической жизни страны и мирового сообщества. Главное преимущество данного источника информации, по оценке самих ее потребителей, состоит в доступности информации и оперативности ее получения. Особенно в тех случаях, когда эти два преимущества дополняются, во-первых, уверенностью в объективности представляемой информации; во-вторых, в возможности познакомиться с различными, порой противоположными оценками тех или иных событий, а в

результате выработать свое вполне осознанное мнение по отношению к ним.

Тезис о начале доминирования Интернета в информировании разных групп населения подтверждают ответы на вопрос: «Из каких источников Вы регулярно получаете информацию об общественно-политической и экономической жизни?», полученные в ходе социологических исследований, проведенных в г. Минске в 2014 г. Новостные сайты Интернета назвали более 75% всех опрошенных, социальные сети – более 50%. В то время как телепередачи – 33%, печатные СМИ – 12,0%, радио – 9,0%. Показательно и то, что три последних источника информации в большей степени привлекают людей старших возрастных групп, в то время как молодежь отдает более чем очевидный приоритет новостным сайтам Интернета и социальным сетям.

Данные весьма позитивные сдвиги стали следствием двух основных причин. Во-первых, общемировых тенденций развития информационного общества. Во-вторых, целенаправленной государственной политики по развитию информационно-коммуникативных технологий и вовлечению людей в пользование ими. Начиная с 2003 г., эта работа велась в рамках государственных программ «Электронная Беларусь». В том числе в настоящее время в рамках Государственной программы развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 гг. («Электронная Беларусь-3»).

В рамках Национальной программы ускоренного развития услуг в сфере информационно-коммуникационных технологий на 2011–2015 гг. («Электронная Беларусь-2») в качестве важнейшей была поставлена задача повышения эффективности реализации основных государственных функций посредством следующих приоритетных действий: совершенствования управленческих бизнес-процессов и административных процедур с использованием информационно-коммуникативных технологий; создания новых и развития существующих государственных информационных ресурсов; предоставления электронных услуг через различные среды доступа путем использования современной сетевой инфраструктуры; перехода на электронный документооборот и технологии межведомственного дистанционного взаимодействия.

Одним из следствий целенаправленной государственной поддержки становления и развития информационного общества стало принятие 14 июля 2017 г. постановления Совета министров № 529, где установлены перечни административных процедур, подлежащих осуществлению в электронной форме через единый портал электронных услуг в отношении граждан, юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. В отношении граждан число таких административных процедур составляет 149, в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей – 197.

Другое следствие данной политики – повсеместное создание сайтов государственных учреждений и постепенное формирование у них своей интернет-аудитории. Как показывают результаты социологических исследований, в среднем от 20 до 35% граждан обращаются на эти сайты по мере возникновения потребности в специальных знаниях и информации. Одновременно у данных сайтов есть свои постоянные посетители (в пределах 3-5% населения). Лидером по числу посетителей является Национальный правовой портал – основной источник общедоступной правовой информации.

Один из лучших сайтов местных органов власти – официальный интернет-портал Минского городского исполнительного комитета (http://minsk.gov.by). Структура портала включает такие основные разделы как «Городская власть», «Администрации районов», «О Минске», «Одно окно», «Обращения», «Объявления», «Нормативные документы», «Генеральный план города Минска», «Инвестиционный атлас», «Новости столицы в режиме online», включая анонсы предстоящих важнейших событий и мн. др.

Через электронную приемную можно написать обращение к председателю Мингорисполкома, в структурные подразделения горисполкома и администрации районов г. Минска. Особо представлена информация об административных процедурах и организациях, ответственных за них, телефонах «горячих линий» и телефонах доверия. С первой страницы сайта можно обратиться в службу «Одно окно», где заказать необходимые документы и

отслеживать их движение. В разделе «Объявления» содержится информация о конкурсах, аукционах, закупках и т.п. Непосредственно с сайта можно войти в банк вакансий рабочих мест, подать заявления в ЗАГС о вступлении в брак, записаться на прием в лечебные учреждения города и т.п.

Каждый посетитель портала может принять участие в электронных форумах и социологических опросах, которые касаются актуальных проблем организации городской жизнедеятельности, оставить отзывы, пожелания относительно структуры и работы данного сайта, информации, размещенной на нем. Ведется статистика, которая свидетельствует о том, что в 2017 г. число ежедневных посещений сайта превысило 55 тысяч.

В целом использование современных информационно-коммуникативных технологий в местном самоуправлении ведется по двум основным направлениям. Во-первых, посредством электронных форм непосредственного взаимодействия с людьми (информирование, выяснение мнения и интересов, общественные форумы, электронное «одно окно» и др.).

Во-вторых, для проведения эффективной региональной социально-экономической политики: в сфере занятости и социальной защиты, в здравоохранении, образовании и культуре, с целью развития бизнеса, в том числе электронной торговли, в финансовой сфере, при оказании коммунальных услуг, для правового информирования граждан и т.п.

В обоих случаях внедрение информационно-коммуникативных технологий, во-первых, инициируется местным самоуправлением; во-вторых, проводится при его активной поддержке, в частности, с использованием собственного электронного ресурса.

Социологические исследования показывают, что по сравнению с другими видами взаимодействия населения с органами местного самоуправления (местные СМИ, личные контакты и др.) формы общения посредством электронных технологий, возникших на базе сайтов органов власти и подведомственных им структур, по популярности, особенно среди молодежи, постепенно выходят на первое место.

Электронные формы прямого взаимодействия по степени их привлекательности для людей расположены в следующем порядке: в первую очередь, это свободный доступ к нормативным документам, решениям органов власти, которые оперативно размещаются на сайтах; далее следуют: предоставление в режиме онлайн информации о режиме работы органов власти, административных процедурах, времени приема граждан и порядке записи на прием; запись на прием в государственные структуры в режиме онлайн; электронные приемные, где каждый посетитель имеет возможность получить ответ на интересующий его вопрос и высказать свое мнение; электронные форумы, посвященные обсуждению разного рода актуальных проблем. Еще не получили заметного интереса граждан электронные социологические опросы. Хотя очевидно, что различные виды электронной коммуникации органов местного самоуправления и населения, пусть и разными темпами, входят в повседневную практику управленческой деятельности.

Из информационно-коммуникативных технологий, наиболее востребованных в настоящее время в различных сферах организации социально-экономической жизни, что учитывается местными органами власти в своей работе, можно выделить следующие:

- в экономической сфере: электронная торговля, электронная реклама, электронные платежи, электронное декларирование доходов, электронное приобретение, бронирование и оплата разного рода услуг;
- в сфере рынка труда и занятости: электронные формы поиска и предоставления рабочего места, трудового посредничества, личная профессиональная самопрезентация на основе возможностей сети Интернет, дистанционная работа (фриланс);
- в сфере социальной защиты: во-первых, получение оперативной информации о видах социальной помощи и услуг, формах и способах их получения, льготах; во-вторых, решение административных вопросов, включая оформление документов, без личного присутствия заявителя;

– в сфере здравоохранения: «электронные приемные» в поликлиниках, оперативная информация о наличии лекарств в аптеках, «электронный рецепт», в перспективе– «домашняя телемедицина», т.е. дистанционное оказание медицинской помощи пациенту, проходящему курс лечения в домашних условиях;

– в сфере культуры: информация о текущих культурных мероприятиях. Притом, что примерно равной степенью популярности у людей пользуются театральные сайты и информационные ресурсы библиотек;

– в коммунальной сфере: электронные процедуры оплаты коммунальных услуг, свободный доступ к персональным лицевым счетам, информация о состоянии жилищного фонда и планах благоустройства.

В целом активное использование новых информационно-коммуникативных технологий в системе местного самоуправления позволяет, с одной стороны, повысить его эффективность, экономичность и прозрачность. С другой – упростить взаимодействие с рядовыми гражданами, в большей степени учитывать их интересы и, тем самым, поднять в их глазах уровень доверия и авторитета местных органов власти.

В.В. Самсонов

РАЗВИТИЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ДИНАМИКИ ИНТЕГРАТИВНЫХ СТРУКТУР СЕЛЬСКОЙ РОССИИ[45]

***Аннотация**. Данная статья представляет собой исследование становления и развития сельского самоуправления в России в контексте современных процессов самоорганизации российского социума. Такой подход позволяет выявить динамику развития институциональной основы сельского социума, т.е. становления местного самоуправления и многоукладности в сельских сообществах России.*

***Ключевые слова:** интеграция, формальные, неформальные институты, сельское самоуправление, российский сельский социум.*

V.V. Samsonov

DEVELOPMENT OF LOCAL GOVERNMENT IN THE CONTEXT OF THE DYNAMICS OF INTEGRATIVE STRUCTURES IN RURAL RUSSIA

***Abstract**. This paper presents a study of the formation and development of rural self-government in Russia in the context of modern processes of self-organization of Russian society. This approach allows us to identify the dynamics of the institutional framework of rural society, i.e. the development of local government and multiculturalism in rural communities of Russia.*

***Keywords:** integration, formal, informal institutions, rural self-government, Russian rural society.*

Анализ процессов адаптации сельского населения к реформам показал, что в российском селе в период 1990-х—начала 2000-х гг. сугубо рыночные отношения представляли собой лишь одну из типологических социально-экономических систем, будучи значительно потеснены полунатуральной экономикой личных хозяйств населения. Типичной формой специфической организации сельского социума в эту эпоху оказался псевдокапиталистический симбиоз реформированных сельхозпредприятий, «крупхозов» и домохозяйств сельских жителей, образующих прочные социальные сети. Использование неформальных интегративных практик в сельском социуме в первую очередь следует рассматривать в контексте адаптационных стратегий выживания, приспособления к меняющемуся социальному окружению, в ходе которого актуализируются все возможные ресурсы, в том числе социокультурные традиции неформальных (сетевых) интегративных взаимодействий.

Анализ наиболее распространенных практик адаптации российского сельского социума к изменениям, вызванным современной аграрной реформой, позволил выделить следующие институциональные формы, генерирующие неформальные связи и отношения:

1. Самообеспечивающиеся домохозяйства, представляющие собой «первичный элемент» неформальных интегративных структур современного сельского социума России. При этом сформировавшиеся способы организации труда (отчасти воспроизводящие описанные А.В. Чаяновым принципы функционирования крестьянского семейного хозяйства), взаимодействия с окружением (с другими хозяйствами, крупхозами) и реализации части продукции на рынок имеют неформальный характер, вступая в противоречие с утверждающейся в ходе рыночных преобразований формальной моделью, лишь частично находясь в сфере действия писаного права и государственного регулирования. Степень включенности ЛПХ населения в рыночные отношения и уровень симбиотической связи с иными акторами сельских интегративных практик определяются

[45]Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-03-00605)

локальными условиями, в зависимости от которых реципрокные и неформально-правовые качества ЛПХ могут быть выражены слабее или сильнее.

2. Родственные или дружеские сети социальной поддержки, которые образуют самообеспечивающиеся домохозяйства. Реализация рыночного потенциала ЛПХ не является единственной функцией, которые выполняют неформальные социально-экономические практики населения – помимо своего очевидного экономического значения, неформальные взаимосвязи и взаимодействия сельских жителей включены в процессы воспроизводства социального капитала сельских сообществ.

3. Симбиотические структуры, главными элементами которых являются домохозяйства и крупхозы. Данные образования в сельских поселениях, помимо адаптивной, выполняют интегративную функцию: вокруг связки «крупхозы–домохозяйства» выстраиваются социальные взаимодействия, обеспечивающие выживание жителей села и более-менее приемлемый уровень жизни. Реформированные колхозы и совхозы выступают не только в качестве локального центра, вокруг которого выстраивается сеть реципрокных по своему характеру отношений, но также в качестве локальных редистрибутивных структур, опосредующих взаимодействие микроэкономик личных хозяйств населения с внешней, формально-рыночной средой. Не будучи непосредственно сбытовыми структурами, крупные сельхозпроизводители зачастую оказывались в центре этих отношений.

4. Квазилегитимные структуры местного самоуправления: в 1990-е гг., в связи со слабостью формальных управленческих институтов, в число значимых акторов муниципальной политики включаются крупные сельскохозяйственные предприятия. Реформированные в акционерные общества бывшие колхозы и совхозы продолжали выполнять свои прежние социальные функции; более того, социальное значение крупных предприятий даже возросло. (Помимо поддержки экономики ЛПХ крупные предприятия брали на себя некоторые расходы, связанные с функционированием организаций социальной сферы – под координацией органов местного самоуправления, или же оказывали поддержку деятельности органов самоуправления, имеющей общественно значимый характер. Наши исследования в сельских районах Сибири и Алтая обнаружили, что взаимодействие местных администраций и бизнес-структур, имеющих доступ к трансфертам, направляемым на поддержание экономики ЛПХ выступало на определенном этапе в качестве определяющего фактора социально-экономического развития сельских территорий.

Таким образом, неформальный тип интегративных связей на определенном этапе развития российского сельского социума определял общую направленность социальных, экономических и политических процессов в нем, что позволяло исследователям сделать вывод о том, что в подавляющем большинстве сельских сообществ складывается новый тип социально-экономических отношений, сочетающий черты натурального хозяйства и неформальной экономики, существенным образом зависящий от редистрибутивной политики государства, региональных и локальных акторов социальной политики.

Изменения государственной аграрной политики (мероприятия по повышению эффективности сельскохозяйственных производителей и структурной перестройке аграрной сферы), также как и эволюционные изменения в адаптационных практиках сельского населения, предопределили изменение описанной ситуации. Наиболее важными, с точки зрения социальной эволюции, являются изменения хозяйственных практик сельских домохозяйств и трудовых ориентаций крестьянства. Современная ситуация в сфере занятости сельского населения в подсобных хозяйствах характеризуется постепенным, но неуклонным снижением роли этого сегмента сельской экономики в общей структуре аграрного производства. Пик производства скота и птицы на убой в хозяйствах населения был достигнут в 2000 г., когда ЛПХ производили более половины товарного мяса – 58%. К 2013 г. доля ЛПХ в производстве мяса, постепенно сокращаясь, снизилась до 26,9% (сокращение к дореформенным показателям).

Одна из причин сокращения значения сегмента ЛПХ, выступающего, как было сказано выше, «кирпичиком», базовым элементом сельских неформальных интегративных структур, связана с исчерпанием ресурсов симбиозных экономических форм. Социальный потенциал предприятий – доноров подрывается вследствие деградации производственного потенциала нерентабельных или малорентабельных коллективных хозяйств (крупхозов). По мере сокращения ресурсной базы крупных сельхозпроизводителей и постепенного внедрения принципов рыночной рациональности в деятельность реформированных предприятий прямое присвоение и безвозмездное использование ресурсов уступает место кредитованию населения и льготному обеспечению потребностей домохозяйств, необходимых для реализации их экономических и социальных функций. Исследования 2013–2014 гг., проведенные в процессе социологического мониторинга становления и развития многоукладности в российском селе (Новосибирская область, Республика Башкортостан), показало, что наиболее распространенными видами помощи являются продажа по льготным ценам кормов для ЛПХ, а также выделение транспорта для подвозки сена, дров, трактора для вспашки огородов. В то же время, судя по незначительной доле респондентов, выбравших тот или иной вариант ответа, даже в случае, когда поддержка населения осуществляется, она имеет минимальные объемы.

Данные исследований 2015–2017 гг. позволяют также говорить о том, что имеет место постепенное разрушение социальных сетей, хотя их значение для сельских жителей по-прежнему очень велико. Около половины экспертов отметили, что за последние пять лет связи жителей села ослабли и носят эпизодический характер. В то же время лишь 1% экспертов считают, что связи расширились, окрепли. В целом сельское население сегодня рассчитывает только себя, и – в гораздо меньшей степени – на помощь друзей и близких. С одной стороны, плотность и конфигурация сельских социальных сетей поддержки изменяются под влиянием имущественного расслоения и, с другой стороны, по мере повышения жизненного уровня жителей села, пропадает необходимость в поддержании отношений, направленных на упрочение «сетей выживания». Изменение интенсивности межсемейных обменов обусловлено и углублением социально-экономической дифференциации сельского социума. Наблюдения показывают, что в случае значительного повышения материального дохода семьи происходит сворачивание ранее сложившейся сети взаимопомощи, что выражается в ограничении помощи родственникам, сокращении интенсивности контактов в рамках сложившихся ранее соседских и дружеских связей и отношений.

Общий вектор современной трансформации сельского социума обусловливает и постепенное уменьшение значения интегративных самоуправленческих систем, включающих в себя невластные – экономические структуры. В условиях, когда местные предприятия оказываются экономически слабы и переживают кризис, «рейтинг доверия» к ним со стороны местных жителей понижается и, как следствие, растет «рейтинг доверия» к местной власти. Уменьшение значимости «крупхозов» в представлении жителей села, наряду с одновременным возрастанием авторитета местной власти фиксируется исследованиями последних лет.

Как показали наши исследования процессов развития местного самоуправления в результате последней муниципальной реформы, в условиях, когда местные предприятия оказываются экономически слабыми и переживают кризис, «рейтинг доверия» к ним со стороны местных жителей понижается и, как следствие, растет «рейтинг доверия», к местной власти. Уменьшение легитимности крупхозов с одновременным увеличением легитимности местной власти фиксируется в течение последних лет (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «С кем Вы связываете надежды на решение проблем Вашего села?», Новосибирская область, %

Ответ	2007	2011	2013
Затрудняюсь ответить	55	14	27
С местными властями	11	64	62
С местными предприятиями	34	22	10

Таким образом, анализ современных тенденций социально-экономического развития российского села показывает сокращение значения всех основных структур, генерирующих неформальные связи и отношения. Часть из них приобретает незначительный характер, другая часть видоизменяется, трансформируется. Сами по себе рост и последующее сокращение неформального сегмента социальной и экономической жизни села свидетельствуют о том, что мы имеем дело с некоторым адаптивным (ситуативным) феноменом, зависящим, как любая адаптация, от внешних условий-вызовов. Как представляется, гипертрофированное развитие неформальных практик и отношений в 1990-е гг. было вызвано как особенностями адаптации сельского населения к рынку (вынужденного, вследствие сокращения возможностей официальной занятости, искать «нетрадиционные» каналы и ресурсы социально-экономической активности), так и ослаблением государственного контроля в различных сферах общества в период масштабной перестройки, отсутствием детальной законодательной базы, адекватной изменившимся реалиям. Вслед за общим «упорядочением» социальной среды происходит упадок неформальных структур. Поэтому современные исследования неформальных интегративных структур сельского социума фиксируют снижение значимости неформальных норм и взаимодействий, уменьшение социального капитала, выражающегося в смещении ценностных установок к персональной автономии и меньшей значимости солидарных, локальных связей в сообществах, ориентированных на развитие практик неформального предпринимательства, товарных промыслов, «отходничества». Очевидно, что развитие ситуации в данном направлении приводит и к снижению значения взаимодействий реципрокного и редистрибутивного типов.

Как можно оценить данную тенденцию в контексте современных социально-экономических приоритетов обеспечения устойчивого развития сельских территорий?

Положительным аспектом данной тенденции является возрастание значения формальных институтов самоуправления, что может быть интерпретировано как показатель успешности муниципальной реформы, в ходе которой местное самоуправление получило не только более четкую организационную структуру, но и определенные гарантии своей публичной власти. В то же время исключение предприятий из сферы локальной политики, связанное с сознательным стремлением к минимизации социальных издержек, свертыванию социальных программ и их функционированию только как субъекта экономических отношений, подрывает ресурсную обеспеченность местной власти и приводит к разрушению сложившихся механизмов социальной адаптации населения, что представляет потенциальную угрозу стабильного развития территорий.

Безусловно, можно говорить об определенном сокращении возможностей сельского развития, соответствующих совокупности социальных отношений, т.е. о сокращении социальных ресурсов села. Однако процесс сокращения адаптационного потенциала сельского социума (его неформально-адаптационных элементов) в немалой степени обусловлен именно снижением потребности в пассивной адаптации, в условиях возникновения очагов инновационного развития села, стабилизации институциональной и социально-экономических сфер.

А.Я. Сарна

CO-URBANISM И ПАРТИСИПАТИВНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ В ПРАКТИКЕ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. *В статье осуществляется ситуационный анализ практики местного самоуправления на примерах трансформации городской среды Минска, а для выявления особенностей общественного участия на локальном уровне применяются понятия «кооперативный урбанизм» и «партисипативное проектирование».*

Ключевые слова: *кооперативный урбанизм, партисипативное проектирование, местное самоуправление, городская среда.*

A.Ya. Sarna

CO-URBANISM AND PARTICIPATORY DESIGNING IN CITY SELF-GOVERMENT PRACTICE

Abstract. *The article provides a situational analysis of the practice of local self-government on examples of urban environment transformation in Minsk and for identify the features of public participation at the local level the concepts of «cooperative urbanism» and «participative projection» are applied.*

Keywords: *cooperative urbanism, participative projection, local self-government, urban environment.*

Тема городского самоуправления особенно важна применительно к Минску, поскольку связана с комплексной организацией всей жизнедеятельности города и выстраивания политики городского развития на основе взаимодействия властей с жителями столицы. Именно последний аспект является главной проблемой, хотя на первый взгляд в Минске все обстоит благополучно – город выглядит весьма привлекательно и даже претендует на некоторый «лоск». Однако он полон внутренних противоречий, когда за внешней оболочкой респектабельности скрываются вполне реальные проблемы, связанные прежде всего с отсутствием обратной связи в контактах между государством и его гражданами. Это проявляется в невозможности населения республики в целом влиять на принятие ключевых решений – как стратегических (строительство АЭС или взаимоотношения с соседними странами), так и локальных (любые вопросы по развитию городов, особенно Минска).

Как и любая столица, город становится заложником амбиций власти, стремящейся превратить его в парадный фасад, красочную витрину своих достижений. Планы городской застройки публично не обсуждаются и предъявляются уже как факт, который не может быть подвергнут сомнению – и тогда жители могут едва ли не в последний момент узнать о том, что их дом в центре должен быть отдан под казино, а им предстоит выселение на окраину. Местная власть в лице общественных советов и районных депутатов, как правило, бездействует, поэтому жители вынуждены сами выходить на улицы и в пикетах отстаивать свои права.

В целом политика власти по развитию города вполне укладывается в общую стратегию по реконструкции советской модели управления и характерного для нее стремления к внешним эффектам и созданию парадного фасада – тому, что принято назвать «показухой». Например, пресловутая чистота Минска стала уже не столько символом благополучия, сколько симптомом стерилизации, «зачистки» городского пространства. При этом не хватает прозрачности социального устройства, ощущается нехватка элементарной информации о планах, которые вынашиваются городскими властями: что и где они хотят строить, как собираются обеспечивать финансирование и учитывать интересы местных жителей и т.п.

В целом почти в каждом позитивном признаке мы можем увидеть его обратную сторону, что подтверждает неоднозначность сложившегося имиджа города. Это город

противоречий, который воспринимается как идеальный советский проект, но внешний блеск не должен заслонять внутренних нестыковок. «Город-мечта», парадная витрина и открытка для приезжих должен стать городом, в полной мере отвечающим потребностям своих жителей. Пока же мы постоянно сталкиваемся с ситуациями непонимания местной властью претензий и предложений от горожан, что заставляет считать политику развития Минска закрытой не только для критики с неофициальных позиций, со стороны гражданских инициатив, но и для любого публичного обсуждения. Можно привести несколько примеров, связанных с невозможностью принятия совместных решений общественностью и властью по проблемам застройки исторического центра города, сноса Московского автовокзала, строительства китайско-белорусского индустриального парка под Минском, вырубки деревьев для возведения гостиницы «Пекин» и т.п. Рассмотрим эти случаи более подробно.

29 января 2013 г. на обсуждение повестки по «Внесению изменений в градостроительный проект детального планирования реконструкции, реставрации, восстановления и благоустройства исторического центра Минска» в администрацию Центрального района пришло около трехсот человек [9]. Такой ажиотаж возник в связи с тем, что жилой фонд по ул. Романовская Слобода был признан «жильем низкого потребительского качества», так что теперь многие дома могут быть снесены или перестроены по решению Мингорисполкома, несмотря на сделанный в них не так давно капитальный ремонт. Это вызвало протесты жителей, которые стали собирать подписи под обращением к президенту, где изложили обнаруженные ими факты нарушений законодательства при реконструкции исторического центра и потребовали принять в комиссию по общественному обсуждению проекта реконструкции представителей общественности. Замглавы администрации Центрального района Дмитрий Лещинский долго уверял собравшихся, что делать это совершенно не обязательно, но ничего не добился. Теперь этот вопрос находится на рассмотрении в высших инстанциях и ожидает решения со стороны республиканской власти.

Второй пример – масштабный проект по созданию индустриального парка «Великий камень». 5 июня 2012 г. А. Лукашенко подписал указ № 253 о создании особой экономической зоны для строительства Китайско-Белорусского индустриального парка на территории Смолевичского района, под которую выделено более 9 тыс. гектаров между Минском и Национальным аэропортом. Указом предусматривается, что в течение 50 лет зона будет иметь специальный правовой режим и налоговые преференции (2020 год – первый этап, 2030 г. – полное освоение). Однако до сведения общественности не была донесена информация о том, что до 2020 г. захоронение отходов предусматривается на полигоне в Смолевичах и лишь затем будет организована транспортировка твердых коммунальных отходов на региональный мусороперерабатвающий завод. Вызывает тревогу и судьба двух водозаборов, обеспечивающих водой Минск и поселок Сокол, которые находятся на территории, где собираются строить индустриальный парк [7]. Это решение вызвало протесты со стороны общественности, поэтому со 2 по 16 апреля 2013 г. проходило «общественное обсуждение» генерального плана строительства индустриального парка, которое свелось к собиранию записей в журнале администрации Смолевичского райисполкома. «Большинство высказанных мнений выражают согласие со строительством объекта», – говорится в выводах комиссии по подсчету голосов («68 записей, представляющих интересы 553 граждан») [4]. При этом «голосование участников общественного обсуждения проектов в целях принятия решения не проводилось. Комиссия подсчета голосов Смолевичским районным исполнительным комитетом не создавалась».

Еще один скандал разгорелся вокруг сноса столичного автовокзала «Московский» по заказу российской компании «Газпром» для строительства своего офиса. Как следует из подписанного Александром Лукашенко 4 апреля указа № 153 «О вопросах строительства многофункционального комплекса в г. Минске», в 2013–2018 гг. предусматривается реализация российской газовой монополией ОАО «Газпром трансгаз Беларусь» инвестиционного проекта по строительству многофункционального комплекса,

включающего офисы для белорусских «дочек» Газпрома, гостиницу, паркинг, физкультурно-оздоровительный комплекс, медицинский центр, автономную энергогенерирующую установку [5]. При этом инвестор якобы возместит в бюджет Минска убытки, связанные с изъятием земельного участка и сносом расположенного на нем комплекса зданий и сооружений автовокзала «Московский». Однако жители города воспротивились такому решению. Сам факт сноса вокзала вызвал к жизни инициативу «снизу»: минчанин Виктор Толмачев организовал сбор подписей против разрушения здания и в поддержку этой идеи на сайте онлайн-петиций подписались более пяти тысяч человек. Однако вокзал спасти не удалось – интересы владельцев «газовой трубы» оказались важнее, а вместо полноценного автовокзала для города куда «нужнее» новые административные здания и арендное жилье. Но теперь сам проект оказался под вопросом, поскольку инвестор испытывает серьезные затруднения с его реализацией и начавшееся строительство законсервировали на длительный срок.

Однако наиболее болезненной темой последние лет десять остается «зачистка» частного сектора под общественные нужды. Если посмотреть на карту Минска, в которой предусмотрена перекройка территории в соответствии с генеральным планом функционального зонирования, то можно увидеть множество «болевых точек», в которых вспыхивают локальные конфликты и массовые протесты местных жителей против посягательств городских властей на их жилье [8].

Рассмотренные выше примеры позволяют считать нынешний Минск своего рода «городом-призраком» – городом без горожан, поскольку они практически лишены возможности влиять на принятие решений по вопросам градостроительства, обустройства городской территории и столичной жизни в целом, т.е. для власти их как бы не существует вовсе. Власть может создавать видимость «обратной связи» с жителями столицы, позволяя им принять участие в обсуждении таких несущественных вопросов, как утверждение названий для станций метрополитена или выбор имени талисмана чемпионата мира по хоккею, но не самих перспектив развития городского транспорта или возможностей проведения чемпионата мира по хоккею. Так что все грядущие начинания и проекты по развитию Минска (такие, как уже существующий «Стратегический план устойчивого развития Минска на период до 2020 года») должны быть основаны на качественно ином подходе к выстраиванию общественной жизни и отношений между гражданскими инициативами и исполнительной властью. Нам необходимы открытые, партнерские отношения, в которых бы ощущалось стремление к диалогу на равных, с предоставлением возможностей для деятельности общественных организаций и политических партий. Только тогда это будет не симуляция, но искреннее стремление к совместному с жителями решению городских проблем.

И здесь главную роль может сыграть концепция кооперативного урбанизма, которая опирается на представления о возможности активного участия жителей в управлении городом. Ведь «присмотревшись к политике в конкретном городе или регионе, мы обязательно заметим акторов, которые, не являясь причастными к органам власти, оказывают заметное влияние на происходящее в локальном пространстве – на то, какие проблемы и как в нем решаются или, напротив, не решаются. При этом речь идет не столько о роли бизнеса, сколько о разных формах общественного участия, где на уровне организованных групп действуют, в первую очередь, некоммерческие негосударственные организации (НКО) и общественные движения разной степени институционализации» [2].

Местные жители и их мнения относительно принимаемых решений по развитию городских территорий становятся очень важны, поскольку «на постсоветском пространстве органы исполнительной власти очень часто устроены так, что тот, кто принимает финальные решения, не является экспертом в данной области. Это касается и транспорта, и благоустройства, и архитектуры. Часто последняя подпись за тем человеком, который в этом ничего не смыслит. Поэтому «очень важно доносить базовую, популярную информацию в форме лекций, семинаров тем, кто приближен к принятию решений. Объяснять, почему не

выгодны те или иные решения, против которых протестуют жители, объяснять, что есть точки согласия и взаимовыгодного интереса» [3].

Важнейшее понятие, которое составляет суть кооперативного урбанизма – партисипативное проектирование, т.е. участие горожан в разработке, обсуждении и реализации различных проектов по благоустройству городской среды (Х. Борк, Ф. Красницер). Это прекрасный пример местного самоуправления на локальном уровне при совместном взаимодействии городских (районных) властей, специалистов-проектировщиков и местных жителей. «Партисипативное проектирование – это всегда процесс двустороннего обучения. Важно прислушиваться к людям. Они эксперты повседневности, они лучше знают место и понимают, чего они хотят. Люди обладают особыми знаниями. С другой стороны, профессионалы понимают, что возможно реализовать и каким образом. Я полагаю, что каждая сторона может научиться многому во время процесса. В следующем проекте они будут, скажем, более образованы и квалифицированы» [10].

В Минске уже есть примеры успешной практики взаимодействия горожан, активистов и местной власти в рамках кооперативного урбанизма. Так, минский архитектор Андрей Карпека рассказывает о практическом опыте, полученном во время партисипативного полевого воркшопа «Альтернативный двор». Воркшоп был проведен в начале 2015 г. в рамках проекта Минской урбанистической платформы «co-urbanism» и стал ярким примером того, как небольшая, но растянутая во времени архитектурная интервенция в относительно приватное пространство двора влияет на протекающие в нем социальные процессы. «Альтернативный двор» стал во многом экспериментом, в рамках которого мы могли отслеживать основные проблемы и перспективы включения широкого круга горожан в процессы совместного проектирования, создания и использования городских пространств в беларуском контексте».

Как подчеркивают активисты, «одно из достижений этого воркшопа заключается в том, что вместе с жителями двора нам удалось сформировать (временное) публичное пространство, возникшее благодаря следующим совместным действиям: производство знания, производство дискурса и производство материальной среды. Нам удалось в прямом смысле утвердить, зафиксировать публичность посредством материальных форм детской площадки со скамейками, которых не хватало жителям двора. Совместные действия спровоцировали значимое количество социальных интеракций, например, мобилизацию сторонников и противников в самых различных формах. Насколько такие интеракции способны привести к формированию более устойчивых социальных практик, можно выяснить в дальнейших полевых наблюдениях» [6].

Конечно, одного проекта и краткосрочного опыта вовлечения местных жителей в процессы трансформации города еще недостаточно, чтобы привести к появлению устойчивых городских сообществ. Но возможности их образования и развития уже есть. Так, для объединения местных жителей и улучшения взаимодействия между ними могут использоваться такие инструменты, как реорганизация пространства посредством различных интерактивных объектов, художественное освоение и переосмысление территории через комьюнити-арт, выстраивание городских ритуалов как периодически реализуемых событий, вовлекающих горожан в то или иное действие/процесс. «Интересный факт: очень охотно люди кооперируются для совместного противодействия внешним угрозам. Например, объединение жильцов двора для борьбы с установкой телефонной вышки в непосредственной близости от домов. Чувствуя угрозу, люди пытаются найти поддержку, единомышленников для совместного поиска выхода, тем самым устанавливаются и разрастаются крепкие социальные связи» [1].

Необходим и реальный, действенный гражданский контроль за реализуемыми в городе проектами со стороны общественных активистов – как это было в случаях с протестами политической организации «Молодой фронт» против строительства бизнес-центра вблизи мемориальной зоны в Куропатах под Минском или скандальным разоблачением местными жителями аварии на строительстве жилого комплекса «Маяк Минска» в феврале 2017 года.

Тем самым партисипация и кооперативный урбанизм становится реальной альтернативой в отношении практики демонстративно-показательного «общественного обсуждения» проектов со стороны власти и возможностью вовлечения заинтересованных горожан в опыт реального, а не фиктивного управления городской жизнью на локальном уровне.

Список литературы

1. Андрукович Н. Брейнсторм-сессия «Инструменты игровой интеракции и коммуникации между горожанами» [Электронный ресурс]: Минская урбанистическая платформа. URL: http://urbanist.by/брейнсторм-сессия-инструменты-игро/ (Дата обращения: 01.09.2017).

2. Белокурова Е., Воробьев Д. Общественное участие на локальном уровне в современной России. [Электронный ресурс]: Журнальный зал. URL: http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/be8.html (Дата обращения: 01.09.2017).

3. Дискуссия: инструменты взаимодействия в городском пространстве. [Электронный ресурс]: Минская урбанистическая платформа. URL: http://urbanist.by/дискуссия-инструменты-взаимодейств/ (Дата обращения: 01.09.2017).

4. Жители Смолевичей одобрили генплан индустриального парка, минчане высказались против? [Электронный ресурс]: Новости TUT.BY. 14.05.2013. URL: http://news.tut.by/economics/348222.html (Дата обращения: 01.09.2017).

5. За снос «Московского» Газпром заплатит более 35 млн. долларов [Электронный ресурс]: Новости TUT.BY. 05.04.2013. URL: http://news.tut.by/economics/342690.html (Дата обращения: 01.09.2017).

6. Карпека А. Социальный опыт партисипативной архитектуры [Электронный ресурс]: Минская урбанистическая платформа. URL: http://urbanist.by/sepa/ (Дата обращения: 01.09.2017).

7. Китайско-белорусский индустриальный парк: «Так чьи мечты сбудутся?» [Электронный ресурс]: Новости TUT.BY. 18.04.2013. URL: http://news.tut.by/society/344573.html (Дата обращения: 01.09.2017).

8. Литовская Н. Сотни домов под снос, тысячи переселяемых: как перекраивают Минск и что с этим делать [Электронный ресурс]: Новости TUT.BY. 31.08.2017. URL: https://realty.tut.by/news/offtop-realty/557360.html. Дата обращения: 01.09.2017).

9. На обсуждение реконструкции центра Минска пришли 300 человек. Для них у чиновников не нашлось микрофона [Электронный ресурс]: Новости TUT.BY. 30.01.2013. URL: http://news.tut.by/society/332490.html (Дата обращения: 01.09.2017).

10. Практики партисипативного проектирования в Австрии [Электронный ресурс]: Минская урбанистическая платформа.URL: http://urbanist.by/практики-партисипативного-проектиро/ (Дата обращения: 01.09.2017).

Т.В. Склярова, А.А. Чернецкая

ПРИВАТНОСТЬ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ПРИДОМОВАЯ ТЕРРИТОРИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ГОРОЖАН

Аннотация. *В представленном тексте рассмотрены проблемы формирования городского пространства на примере придомовых территорий, которые представляют собой приватное пространство жильцов дома. Текст опирается на антропологическое исследование представлений горожан о качестве жилья и состоянии городской среды.*

Ключевые слова: *городское пространство, урбанистика, придомовые территории, благоустройство, качество жизни.*

T.V. Skliarova, A.A. Chernetskaja

PRIVACY IN CITY SPACE: HOUSE TERRITORY IN REPRESENTATIONS OF CITIZENS

Abstract. *In the present text deals with the problems of formation of urban space through the prism of the local area, which are considered by the authors as private urban space for residents. The focus of attention is the characteristics of the urban environment as part of the daily life of the citizen. The text is based on anthropological research among the citizens, aimed at examining the quality of housing and the urban environment.*

Keywords: *the territory of city, urban space, urban studies, city, local area, improvement and quality of life.*

С самых древних времен человечество пыталось создать для себя благоприятную среду обитания, в которой бы удачно сочетались качественное и комфортное жилье, доступное рабочее пространство, возможность реализовать повседневные (бытовые и хозяйственные) нужды. Результатом поиска «идеального рецепта» стало рождение урбанистики, которой трудно дать единое и четкое определение. Она сочетает в себе знания различных областей науки и техники (архитектуры, градостроительства, экономики, географии, демографии, социологии, культурологи) и рассматривает город как место проживания разных людей с разными предпочтениями, привычками, потребностями. Знания урбанистики сегодня – это не только дань моде, но и стремление улучшить жизнедеятельность любого пространства, населенного человеком, где главная задача заключается в оптимальной организации наилучшей городской жизни для отдельного человека и целого сообщества, проживающего на конкретной территории [1].

На уровне социальной организации пространства социокультурный контекст повседневности проявляется и формируется под действием целого ряда факторов. Пространственная структура среды образуется и обозначается, в первую очередь, физическими объектами и барьерами (заборами и стенами, дверями и воротами, зелеными насаждениями), транспортной и пешеходной доступностью. Источником такой организации выступает не только человек, но и другие социальные субъекты разного уровня.

В качестве наиболее иллюстративного примера выступает жилище как своеобразная система барьеров, которыми структурируются приватные участки пространства, оно представляет собой сложную систему разных «мест» и «зон» как внутри, так и вокруг пространства дома. Безусловно, требования к комфорту и удобству меняются как со временем, так и у различных слоев населения. В это мы убедились, проводя в декабре 2016 года антропологическое исследование среди горожан, направленное на изучение качества жилья и состояние городской среды. В рамках исследования были проведены 21 глубинных интервью с жителями всех районов города: возрастной диапазон информантов от 27 до 60 лет; уровень образования от среднего профессионального до высшего; социальный статус – от рабочего и низшего среднего класса, до верхнего среднего класса (оценка принадлежности к классу дана в масштабах города). Что позволило нам сделать вывод: безусловным приоритетом сегодня при выборе и/или смене места жительства, являются вполне утилитарные мотивы.

Как правило, в качестве основных побудительных причин поиска нового жилья выступали: семейная ситуация (взрослеющие дети, развод, желание жить отдельно от родителей, желание жить поближе к родителям, образование новой семьи); переезд из другого города, региона, страны; желание вложить средства; желание иметь свое жилье в собственности; расширение возможностей, связанное с улучшением финансового положения семьи; желание покинуть неблагополучный район.

Первостепенное значение в требованиях по выбору жилья, как правило, имели: район (близость родителей, привычка, престижность, социальные связи); цена (соответствие

площади, планировка, доступность ипотеки); транспортная доступность; близость значимых объектов (работа, учебное заведение, активные виды спорта); наличие школ, детских садов, сопутствующей инфраструктуры; обособленность, закрытость придомовой территории.

Информант № 7: «Первоначально искали квартиру, новый дом, закрытый двор, парковки, детскую площадку. Главное при выборе было – развитая инфраструктура и закрытый поселок!»

Как видно из перечисленных выше примеров, наличие социально-значимых объектов, безопасность и эстетика входят в разряд весомых аргументов при выборе жилья.

Примерно по тем же причинам нашими информантами – потенциальными покупателями были отвергнуты предложенные варианты: цена, планировка, состояние квартиры и коммуникаций, состояние придомовой территории, состояние двора, состояние микрорайона, вид из окна, подозрительные соседи, соседство с промышленным объектом (мебельная фабрика, очистные сооружения, крупный магазин). И здесь непосредственное знакомство с будущим местом жительства показывает, что социокультурная составляющая и безопасность начинают иметь большее значение.

Информант № 5: «Выходим и вокруг сплошные стоянки, все, вся наша территория, все, только продовольственные магазины и автомобильные стоянки, и больше глазу зацепиться не за что…»

Итак, после удовлетворения первичных нужд (расширение, улучшение жилища) мы начинаем задумываться о качестве иного рода. Независимо от района расположения предыдущего жилья, по мнению большинства информантов, недостатки территорий заключались в повышенной загазованности, высоком уровне шума, отсутствии благоустроенных территорий как во дворах домов, так и у подъездов (нет лавочек, зеленых зон, газонов, цветников), отсутствии огороженных территорий дворов, большого дефицита парковочных мест. Большинство отмечали плохое состояние дорог и дорожного покрытия.

То есть, мы говорим о социокультурном восприятии пространства, где важным становятся уже не только уровень износа помещений, квадратные метры, стоимость и пр. У современного городского жителя неизбежно появляется потребность в «созерцании прекрасного», релаксации, уединенности.

Информант № 3: «Вид из окна!!! Виден кусочек Волги!!!»

Информант № 3: «Живет взрослая молодежь с детьми, дружные, мы общаемся, ощущение от района – как в санатории!!!! В 10 часов уже все спят! Тишина полная!!! Чувство безопасности: нет посторонних людей, были посторонние, но мало! Можно смело зайти в подъезд, подъезды хорошие».

Информант № 5: «Придомовая территория благоустроена, но вокруг все насколько как-то неуютно и некуда просто выйти, пройтись, прогуляться».

Информант № 5: «Есть парк, который там находится, до парка тоже пока дойдешь, уже гулять расхочется если бы какие-то беседки во дворах были, лавочки. Вот кстати, мы больше могли бы общаться».

Информант № 7: «Обращать внимание на инфраструктуру рядом с домами, например, парковки!!! Делают как для галочки маленькую детскую площадку!!! Лавочку перед домом».

В контексте вышесказанного, нам показалось уместным упомянуть исследования П. Ньюмана, проанализировавшего статистику преступности в городах Соединенных Штатов. Он сделал вывод о существовании ярко выраженной и хорошо территориально различимой корреляции между высоким уровнем преступности и многоэтажной застройкой. П. Ньюман утверждает [9], что высокий уровень преступности связан, в первую очередь, с особенностью многоэтажных зданий, которая выражена в их планировке, лишающей человека оснований на право владения территориями, прилегающими к его жилищу. Тем более что прежде это считалось само собой разумеющимся: «по самой своей природе дом, в котором живет одна семья, является выражением ее территориальных запросов. Принадлежность определяется самим актом размещения в пределах замкнутого участка

пространства, отделенного от соседей и улицы участком земли. Иногда границы обозначаются символической оградой, а в некоторых культурах высокими заборами и воротами. При этом размещение внешнего освещения и окон также служит обозначением пространственных притязаний семьи» [4], что позволяет говорить о дополнительных способах пространственной маркировки архитектурными параметрами (освещенность, «озвученность», наполненность запахами).

Генеральное проектирование жилищного пространства исходит, главным образом, из функциональных характеристик деятельности семьи (например, стирка, приготовление еды), часто пренебрегая некоторыми из них (например, хранением вещей), и забывая, что члены семьи не просто индивиды, включенные в какие-то функциональные процессы в квартире, но и реальные люди, связанные между собой определенными отношениями. Эти отношения являются предметом изучения социальной психологии, в рамках которой человек выступает преимущественно *личностью в социальной среде,* однако взаимоотношения людей или групповые процессы при этом изучаются так, что абстрагируются от реального окружения, от среды, от инвайронмента в котором протекают эти процессы [5]. Таким образом, разные научные направления редуцируют значимые параметры или той, или другой стороны единого по своей сути процесса ─ среды или человека ─ и, в результате, фиксируются на причинно-следственных связях между какими-то выделенными ими самими параметрами среды и отдельными поведенческими или когнитивными проявлениями индивида, ликвидируя тем самым возможность системного рассмотрения процесса взаимодействия человека ─ и индивида, и личности ─ с его инвайронментом.

Традиционные для советского и постсоветского градостроительства принципы создания городской среды, безусловно отвечающие интересам человека и общества, основные акценты делали (и до сих пор делают) на строительстве жилых микрорайонов, обеспеченных транспортными развязками, инженерными коммуникациями и социально-бытовыми сервисами (детские сады, школы, поликлиника, магазины и т.п.) [1]. Но город сегодня нельзя рассматривать только с позиции развивающейся инфраструктуры (строительство промышленных объектов, деловых и торгово-развлекательных центров, жилых микрорайонов и комплексов, транспортные сети и развязки, инженерно-технические сооружения и т. п.). Иными словами, с позиции социологического осмысления жизнедеятельности города, его развитие и управление происходит на 4-х уровнях – техническом, менеджериальном, институциональном и социетальном. Если технический уровень рассматривается как управление разными элементами городского хозяйства, менеджериальный уровень – это управление транспортными, инженерными, социальными подсистемами, институциональный – управление городскими муниципальными и общественными институтами, то социетальный уровень управляет социальными процессами [4].

Для современного городского жителя важным является вопрос, связанный с социальным комфортом и качеством жизни. Кроме наличия доступных объектов деловой, общественной и культурной жизнедеятельности человек нуждается в более камерном, уединенном пространстве. Подобным пространством в большом городе выступает не только его квартира, но и придомовая территория, что у человека было всегда (палисадник, двор, придомовая территория).

Потеря приватной среды и превращение городских пространств в общественное место характеризуют этап развития современного города. Приватная среда─тот локус архитектурного пространства, где человек реализует свое право на частную жизнь, право на уединенность от толпы, на свободу не быть в сфере наблюдения за своими действиями со стороны других людей. Поскольку в среде обитания выделяются пространства с ценностными характеристиками, они определяются как области культурного пространства, а культурное пространство ─ как среда обитания, обладающая системой упорядоченных смыслов и их символических материальных продуктов, которые в совокупности определяют

духовную и материальную культуру жизни индивида, социальной группы, общества. В культурном пространстве фиксируется исторически выработанный опыт осмысления *своего места.* В современном городе отсутствие *своего,* приватного места деструктивно действует на личность человека, постоянно включенного в социальные интеракции.

К сожалению, благоустройство придомовых территорий сегодня рассматривается как второстепенная задача, в отличие от проблем развития транспортных сетей, доступности образования и здравоохранения, безопасности, экологии и др. А ведь именно во дворе человек начинает социализироваться (гулять, играть, дружить, приобщаться к коллективной жизни). При этом элементы благоустройства, используемые застройщиками Саратова, не отличаются большим разнообразием. Так, например, чаще всего мы сталкиваемся со скудным и однообразным озеленением дворов и придомовых территорий; основным покрытием выбирается, как правило, асфальт; оборудованные игровые площадки рассчитаны только на детей младшего школьного возраста; оборудованные автостоянки не учитывают реальную автотранспортную нагрузку. Это можно наблюдать как в случае точечных застроек в сложившихся планировках, так в новых микрорайонах.

Список литературы

1. Барабанов А.А., Урбанистика сегодня // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2009. №3. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/urbanistika-cegodnya (Дата обращения: 27.03.2017).

2. Виллем ван Винден. Конец социальной исключенности? Политика в сфере информационных технологий как ключ к социальной включенности в крупных европейских городах // SPERO. 2012. Осень–Зима. № 17. С. 69–84.

3. Иванова М.С. Криминальная безопасность жилой среды: архитектурные аспекты. «Архитектон: известия вузов» 2017. № 58. URL: http://archvuz.ru/cont/1848 (Дата обращения: 17.09.2017).

4. Панков В.Д. Пространственность человеческого бытия. Тамбов: 1996. С.64–95.

5. Раудсепп М. Жилая среда и взаимоотношения между соседями // Средовые условия групповой деятельности: Сборник статей. Таллин: ТПИ им. Э. Вильде, 1998. С. 93–118.

6. СВОЕ © интернет-журнал для собственников. URL: http://svoe.guru/mnogokvartirnye-doma/pridomovaya-territoriya/blagoustrojstvo/chto-vhodit-i-pravila.htmll (Дата обращения: 27.03.2017).

7. Чернова Е. Проблематика городских исследований в сфере урбанистики [Электронный ресурс]: Экспертный строительный портал. 02.03.2016. URL: http://estp-blog.ru/rubrics/rid-22452/ (Дата обращения: 30.03.2017).

8. Урбанистика это... Урбанистика и архитектура городской среды. [Электронный ресурс]: FB.ru. 07.01.2016. URL: http://fb.ru/article/223051/urbanistika-eto-urbanistika-i-arhitektura-gorodskoy-sredyi: http://fb.ru/article/223051/urbanistika-eto-urbanistika-i-arhitektura-gorodskoy-sredyi (Дата обращения: 27.03.2017).

9. Newman O. Defensible space: crime prevention through urban design / Newman. New York: Macmillan, 1972

Н.Д. Сорокина

ОТ СОЦИАЛЬНОГО УЧАСТИЯ К ПУБЛИЧНЫМ СЛУШАНИЯМ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ

Аннотация. *В статье показывается переход от социального участия к практикам публичных слушаний при реализации градостроительных решений. Делается вывод о том, что в настоящее время институт публичных слушаний приобретает форму антидемократической процедуры. Это вызывает массовое недовольство жителей, приводит к усилению социальной напряженности.*

Ключевые слова*: градостроительное решение, социальное участие, публичные слушания, рост недовольства, усиление социальной напряженности.*

N.D. Sorokina

FROM SOCIAL PARTICIPATION TO PUBLIC HEARINGS IN THE REALIZATION OF URBAN DECISIONS

Abstract. *This article analyzes the transition from social participation to the practice of public hearings in realization ofurban planning decisions. It is concluded that at the present time, the Institute of public hearings takes the form of anti-democratic procedures. This causes widespread dissatisfaction among residents, growing social dissatisfaction.*

Keywords: *urban planning solution; social participation; public hearings; discontent in Russian society; growing social dissatisfaction*

Социальное участие рассматривается в рамках социального управления в качестве его механизма, что подразумевает возникновение эффекта управления в смысле реализации целей и задач, направленных на решение социально значимых проблем. Применительно к градостроительной политике «содержанием механизма социального участия является вовлечение граждан и социальных групп в процессы выработки и реализации проектов и программ, формирующих среду их жизнедеятельности и, тем самым, затрагивающих их интересы, а также активное сотрудничество с другими субъектами (органами власти, специалистами-проектировщиками, экспертами), которые разрабатывают данные проекты и программы» [2, с. 301–302].

Таким образом, можно выделить три основные участвующие группы: 1) проектировщики, включающие в себя представителей органов власти; 2) непосредственно население или его общественные представители; 3) внешние посредники процесса проектирования в лице экспертов, консультантов. При этом основной проблемой социального участия является вопрос организации взаимодействия участвующих субъектов. В практиках управленческого консультирования, а также социологического сопровождения при реализации различных градостроительных решений социальное участие предполагает диагностику проблем конкретного социального объекта, особенно если речь идет о возникшей конфликтной ситуации. В этом случае социальная диагностика представляет не только изучение отношения жителей к реализации какого-либо градостроительного проекта, но и выявление реальных проблем, которые могут стать отправными пунктами в договорном процессе при согласовании интересов конфликтующих сторон.

Покажем применение практик социального участия при реализации градостроительных решений на примере г. Москвы. В 90-е гг. – нач. 2000-х гг. в стране началось формирование рыночных отношений. Был принят Закон города Москвы, основанный на градостроительном кодексе РФ от 25 июня 1997 г. № 21 «О консультативном опросе граждан в г. Москве». Согласно Закону, опрос проводится с целью выявления мнения жильцов для учета их интересов по вопросам местной жизни районной Управой (статья 1).

Также согласно Закону, инициатива проведения опроса может принадлежать помимо главы Управы инициативной группе жителей, насчитывающей не менее 10 граждан. Был принят также Закон города Москвы от 25 июня 1997 г. № 28-51 «О защите прав граждан при реализации градостроительных решений в городе Москве». Этот Закон был призван регулировать отношения по защите прав физических и юридических лиц, а также органов власти и (или) должностных лиц городской администрации при реализации градостроительных решений (статья 1, п.2).

Автор принимала участие в нескольких проектах, связанных с приглашением специалистов для проведения такого опроса, информирования жителей о предполагаемом градостроительном проекте в рамках социологического сопровождения строительства. Один из проектов был связан со строительством Кутузовской развязки. Было выпущено Постановление от 26 мая 1998 г. № 419 «Об организационно-технических мероприятиях по проектированию и строительству первоочередных участков внутригородской кольцевой магистрали (3-го транспортного кольца)». В этом Постановлении, в частности, указывается, что заказчиком работ является ООО «Организатор». Данная организация нанимает специалистов – группу по сопровождению работ на участке «Кутузовская развязка». Руководителем группы являлась д.ф.н., известный ученый Т.М. Дридзе, автор семиосоциопсихологической парадигмы, экоантропоцентричного подхода. Одной из задач договора между ООО «Организатор» и учеными было составление Трехстороннего договора между Префектурой р-на «Дорогомилово» ЗАО г. Москвы, ООО «Организатор» и гаражным кооперативом. Это была одна из конфликтных ситуаций, поскольку в зону строительства попадал данный гаражный кооператив. Владельцы машин были достаточно сплоченной группой. Поэтому стояла задача согласовать интересы различных сторон: Заказчика, представителей гаражных кооперативов и местной власти.

В соответствии с договором был создан Информационный центр социологического сопровождения строительства, в котором работала группа специалистов. Технология работы заключалась в информировании жителей о предполагаемом строительстве, формировании положительного имиджа объекта; выявлении интересов жителей домов, попадающих в зону строительства путем приема их в Центре и проведении массового опроса, а также использовании метода фокус-групп.

Другой пример. 2002 год, группа социологов и конфликтологов участвует в проекте, связанном с предполагаемым строительством дома на одной из улиц г. Москвы. В соответствии с договором Исполнитель совместно с Заказчиком организуют обсуждение концепции строительства с жителями прилегающей территории, сбор мнений и предложений в связи с предполагаемым строительством. Целью работы Исполнителя по договору является информирование жителей прилегающей территории о предполагаемом строительстве и выявление интересов жителей для их учета при разработке проекта строительства. Одной из задач группы являлось снижение агрессивности у части жителей по отношению к проекту. Основной принцип работы группы – формирование у населения адекватных представлений, способствующих позитивному отношению к проекту и важности защиты интересов жителей.

Что получилось в итоге? Заказчику по результатам работы было направлено письмо от Исполнителя. В нем содержалось следующее. «Очевидно, что Общественный Договор о согласовании интересов Управой подписан не будет, поскольку районная Управа пошла на поводу у протестной группы жителей, несмотря на отсутствие серьезных аргументов против строительства и пренебрегая результатами социологического исследования. Однако работу группы социологов нельзя считать безрезультативной. Помимо выполнения требования Закона об информировании жителей, сбора их предложений и пожеланий, обсуждений проекта с группами жителей важно отметить следующее: в результате работы социологов с отдельными относительно юридически грамотными активистами и активными группами сняты следующие претензии к проекту застройки». Указывалась, в частности, несостоятельность аргументов о нарушении законов о земле, охране окружающей среды,

отсутствии тех или иных экспертиз, ликвидации сквера и т.д. Также несогласие жителей с данным проектом квалифицировалось как местный эгоизм.

2003 год. Подобная ситуация сложилась и на третьем объекте. Речь идет о предполагаемом строительстве дома на одной из улиц Москвы. Здесь жители придумали беспроигрышный в то время ход. Они подошли во время выборов к Главе государства, который был прописан как раз на этой улице, и вручили ему петицию.

2004 год. Строительство дома в районе Киевского вокзала. По сути, это была точечная застройка. Имел место конфликт, как и в предыдущих случаях, между группой жителей и Заказчиком. Но в отличие от предыдущих проектов, строительство дома началось, что вызвало протесты, и поэтому Заказчик обратился к специалистам для урегулирования конфликта. Инициативная группа написала письмо на имя члена Комитета Госдумы по безопасности, в котором указала, ссылаясь на Закон г. Москвы «О защите прав граждан при реализации градостроительных решений в г. Москве», что «бурное развитие коммерческого жилья в Москве способом точечной застройки, при котором нарушаются права граждан на благоприятную среду жизнедеятельности, вызвали широкие протесты жителей. Однако власти г. Москвы выработали свою тактику борьбы с ними… Они не проводят плановое межевание земли с закреплением придомовой территории за домом, согласованное с жителями домов-собственниками квартир. Это позволяет им в любом месте на расстоянии 8-10 м от окон дома возвести высотные дома любой этажности. На рассмотрение «Муниципального собрания» предлагается «мифический» план реконструкции микрорайона, из которого исполняемым пунктом является только строительство коммерческого жилья».

По условиям договора с Заказчиком группа работала в основном над составлением протоколов переговоров между конкретным жителем и представителем Заказчика. В этом протоколе была подпись и представителя Информационного центра сопровождения строительства. Предметом переговоров было рассмотрение заявления от конкретного жителя по выполнению компенсационных мероприятий в части обеспечения необходимой степени безопасности жителей, проживающих в примыкающих к строительству квартирах, гарантированные Заказчиком.

В связи с усилением протестов Москве и по стране в целом были внесены поправки в Градостроительный кодекс РФ. В нем появилось такое понятие, как Публичные слушания. В последнее время к первой группе добавился еще один субъект при реализации градостроительных решений, так называемый девелопер. По идее, он должен выполнять функцию развития территории, на деле часто действует в собственных интересах, игнорируя мнения жителей, а вместо развития имеет место деградация окружающей среды, ухудшение и так не всегда благоприятной экологической среды, разрушение социокультурного пространства, к которому привыкли жители, навязывание им чуждого образа среды, превращение отдельных районов в «каменные джунгли».

Каким образом проводятся публичные слушания, проследим на примере личного участия в такого рода слушаниях и обобщении этих практик специалистами. Необходимо отметить В связи с тем, что реализация градостроительных решений на территории Москвы в последние годы сопровождается двумя параллельными процессами. С одной стороны, в СМИ появляется информация о достижениях в этой области и одновременно организуется пиар-сопровождение строительства, а также публичные слушания. С другой стороны, появляются сообщения о протестах жителей, категорически возражающих против навязанных «сверху» изменений привычной им городской среды, в основном в сети Интернет.

Анализ практик публичных слушаний показывает, что данный институт был создан для того, чтобы фактически исключить притязания жителей на городское пространство. Практика публичных слушаний началась в 2012 г., хотя до середины 2013 г. продержалась демократическая процедура, когда учитывалось мнение жителей. Публичные слушания фактически предполагают минимум уступок жителям, поэтому помимо убеждения используется и практика принуждения и даже насилия в случае активного сопротивления

жителей, что мы нередко наблюдаем в настоящее время в Москве, да и в других регионах России.

В связи с этим один из специалистов в области городского управления Е. Акимкин справедливо отмечает, что «процедуры, заложенные в Градостроительный кодекс Москвы и развивающие его документы, являются квазидемократическими, т.е. это – чисто ритуальное действо, подменяющее демократическую процедуру, основанную на принципе социального участия, при этом интернет-технологии только маскируют ее сущность» [1, с. 108].

Поэтому можно отметить, что в последнее время наблюдается усугубление социальных проблем, а жители все больше предпочитают акции протеста в случае принятия того или иного градостроительного решения, ущемляющего их интересы. Это можно показать на примере острой дискуссии по поводу закона о реновации в Москве. Суть спора заключается в том, что существуют разные точки зрения относительно благоустройства Москвы (это касается и других городов России), а также градостроительной политики властей. Возникает вопрос: почему так болезненно отдельными категориями населения Москвы был встречен Закон о реновации? Почему, «начиная с протестов 2011 г. возникает во многом реактивная риторика «это наш город» и повышенный интерес к городу. Причем именно к среде, а не к архитектуре: не «хорошо или плохо выглядит это здание», а «что это здание для мира, каков пользовательский опыт человека, сталкивающегося с этим зданием». Социолог Петр Иванов полагает, что скорее речь может идти о капитализации творческой энергии креативного класса через создание условий, с одной стороны, для появления прекариата, с другой – принудительного статусного потребления. Но чтобы это происходило, опять же, необходимо создание комфортной среды... Так что нельзя сказать, что это в чистом виде зловещий проект одной из башен Кремля, скорее здесь действовала логика неолиберального капитализма: лучший способ справиться с протестными настроениями – превратить их в радостный творческий фон» [3].

В заключение можно сделать вывод, что подобная практика игнорирования интересов жителей рано или поздно приведет к тому, что ситуация будет только обостряться. С одной стороны, будет расти протестная активность недовольных жителей различными градостроительными решениями, с другой – будет происходить (и сейчас уже происходит) ужесточение правил проведения митингов и т.д. Таким образом, происходит рост социальной напряженности, ситуация может перерасти в открытое противостояние, исход которой пока мало предсказуем.

Список литературы

1. Акимкин Е.М. Что изменилось после «Кутузовской развязки» в правовом поле и практике городского управления Москвы? // Модернизация отечественной системы управления: анализ тенденций и прогноз развития. Материалы Всероссийской научно-практической конференции и XII-XIII Дридзевских чтений (Москва, 21–22 ноября 2013 г.). М.: Ин-т социологии РАН, 2014. С. 106–108.

2. Мерзляков А.А. Проблемы коммуникативного неравенства в социальном участии // Модернизация отечественной системы управления: анализ тенденций и прогноз развития. Материалы Всероссийской научно-практической конференции и XII-XIII Дридзевских чтений (Москва, 21–22 ноября 2013 г.). М.: Ин-т социологии РАН, 2014. С. 301–306.

3. Овсянникова А. Происходит редукция города до камней [Электронный ресурс]: Открытая демократия. URL: https://www.opendemocracy.net/od-russia/anastasia-ovsiannikova/ivanov-do-kamney (Дата обращения: 10.07.2017).

О.А. Усачева

РОССИЙСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ЭКОЛОГИЗАЦИИ ГОРОДОВ[46]

Аннотация. *Город сам по себе не может быть экологичным, поскольку он «изобретен» человечеством для эффективного отчуждения от природы и обеспечения собственного комфорта и защиты. Поэтому создание экологичных и гармоничных поселений, особенно в последние сто лет, требует от научного сообщества большой работы над выбором правильных целей, критериев, механизмов и способов продвижения. В данной статье представлен анализ концепций экологизации городов, разрабатываемых российскими учеными.*

Ключевые слова*: градостроительство, концепции «зеленых» городов, экологизация городов, Экополис, Россия.*

O.A. Usacheva

RUSSIAN CONCEPTS OF ECOLOGIZATION OF CITIES

Abstract. *The city itself cannot be ecological, because it's «invented» by mankind for effective alienation from nature and ensuring its own comfort and protection. Therefore, the creation of environmentally friendly and harmonious settlements, especially in the last hundred years, requires the scientific community to work hard to select the right goals, criteria, mechanisms and methods of promotion. This article presents an analysis of the concepts of greening cities developed by Russian scientists*

Keywords*: urban planning, concepts of «green cities», the ecologization of cities, Ecopolis, Russia*

Концепции экологического развития городов в СССР

Идеи гармоничного экологического развития городов в России берут начало от концепции ноосферы В.И. Вернадского [7], хотя принципиальные положения К. Маркса и Ф. Энгельса об основаниях, цели и стратегии экологического развития были сформулированы еще в середине XIX в. Они писали о том, что (1) физическая и духовная жизнь человека неразрывно связана с природой, так как человек есть часть природы, (2) все господство над природой состоит в умении познавать ее законы и правильно их применять, (3) только путем слияния города и деревни можно устранить нынешнее отравление воздуха, воды и почвы.

Несмотря на предсказания, сделанные этими великими мыслителями, во второй половине XX в. кризис в отношениях общества и природы нарастал с огромной скоростью (см. доклады Римского клуба), и становилось все яснее, что его невозможно преодолеть такими природоохранными мерами, как строительство очистных сооружений, организация новых заповедников или закрытие отдельных предприятий и отраслей. Поэтому теоретики и практики охраны природы искали более рациональные подходы к оптимизации природопользования: от моделирования управления сложными региональными и глобальными процессами перехода к ноосфере до развития ресурсосберегающих и малоотходных технологий и градостроительства.

Экологические подходы к развитию городов искались в сферах управления и образования, технологиях и строительстве, но по мере роста территорий и хозяйств росли и трудности в их реализации. Поэтому хоть сколько-нибудь существенные результаты

[46] Статья написана в рамках работы над проектом «Российские мегаполисы в условиях новых социально-экологических вызовов: построение комплексной междисциплинарной модели оценки и стратегий формирования "зеленых" городов России», грант РНФ № 17-78-20106, научным сотрудником виртуальной научно-исследовательской лаборатории «РНФ-17-45-ВП» ИСФНиМК КФУ.

комплексной экологизации были достигнуты в СССР лишь в масштабе отдельных редких предприятий с их подведомственными поселками.

Обратимся к истории вопроса. За ранними идеями «сада в городе» и «города-сада», развивавшимися на Западе, последовала идея «города в природе» как вариант города-сада с удаленным от него грязным производством. Отчасти эта идея была реализована в Советском союзе: Чайковский в Пермской области, Славутич в Киевской области (база эксплуатационников Чернобыльской АЭС), а также города-курорты или научные центры (Зеленоград, Пущино) и закрытые города, в которых практически нет производств, кроме строительства и городского хозяйства. По мнению Ю.В. Сафрошкина, пригодность пригородной природной среды для рекреации обычно служила критерием удачности города [29]. Считалось, что успешная экологизация этих городов возможна при (1) сохранении близких к естественным биогеоценозов на значительной части территории города, (2) больших затратах на озеленение, (3) уменьшении общей плотности населения города. Но эта концепция себя не оправдала, поскольку удаление грязных производств от чистых городов все равно рано или поздно начинает негативно воздействовать на природу.

В 1913 г. в России было создано общество городов-садов, которые позже назывались «города-огороды». Архитектор Д.А. Лебедев еще в 1894–95 гг. разработал градостроительные принципы, во многом тождественные городам-садам.

Позже начали возникать противоположные городам-садам идеи. Вслед за «Экуменполисом» Доаксиадиса [37] в 1970 г. российский географ Б.Б. Родоман разработал идею «поляризованной биосферы» или «поляризованного ландшафта» [27], предполагающую размежевание природных, хозяйственных и социальных процессов в специализированных зонах иерархически организованных регионов. Б.Б. Родоман считал, что существование биосферы как целостного организма поддерживается множеством разнообразных потоков, но поляризированный культурный ландшафт как антропогенная территориальная система может существовать только благодаря маятниковым миграциям людей. Такие возвратно-периодические движения являются системообразующими, а большой город и дикая природа рассматриваются как равноценные полюсы окружающей среды, между которыми располагаются различные функциональные зоны. Автор описал не только концепцию, проиллюстрировав ее картоидами, но и пути ее применения в охране природы, рекреации, туризме, градостроительстве, транспортной политике на разных уровнях: от мирового, до уровня нашей страны, Центральной России, Подмосковья, Москвы.

Примерно в то же время В.И. Зарецкий и Киевская школа архитекторов [11] конкретизировали идею поляризации в концепции «экологического макрозонирования территории». Они предложили закрепить отдельные территории за различными направлениями (поселения, промзоны, рекреации, заповедники).

С 1920-х по 1970-е гг. была популярна идея «кольцевых городов». Один из таких проектов под названием «экосистемный линеарный город» был предложен В.Л. Глазычевым [8]. По его идее население и хозяйство концентрируются в протяженных коридорах вдоль линий коммуникаций в регионах не менее чем областного масштаба. При этом большая часть территории сохраняется для естественных биосферных процессов при щадящей антропогенной нагрузке.

Синтезировать принципы архитектуры, градостроительства и экологии пытались В.Д. Дышловой и В.Н. Плехов в концепции «город-биогеноценоз» (или «экосистемное расселение») [11; 19].

Все предложенные выше концепции оказали слабое влияние на процесс урбанизации в глобальном масштабе, поэтому следующий этап научных размышлений об экологизации был связан именно с локальными поселениями [36], где при достаточной концентрации усилий и ресурсов можно комплексно развивать экологизацию.

Среди российских концепций экологизации, сочетающих теоретические и практические аспекты, наиболее известна Пущинская «Программа Экополис» (1980-85 гг.).

Истоки ее идут еще с образования экологического движения в Пущине в 1965 г., инициатором которого был биолог Б.Н. Вепринцев.

В 1960-х гг. в Московской области закладывается современный город-сад – Пущино – с прямоугольной планировкой и функциональным зонированием территории [5; 28]. Реализация проекта отличалась от плана, что вызвало активный протест «зеленых», который способствовал принятию ряда природоохранных постановлений местных органов власти (105–155), но к концу 1970-х гг. он затих.

Новый импульс экодвижение в Пущине получило в 1979 г., когда при поддержке руководства города и научного центра был заключен договор о содружестве с Московским государственным университетом им. М.В. Ломоносова. Специально организованная комиссия разработала программу комплексной экологизации города под названием «Экополис». Под «экополисом» понимался город «нового» типа, реализующий сопряженного развитие общества и природы [4]. Результатом проекта должно было стать создание экологически и психологически оптимальной среды обитания, одинаково согласовывающейся с потребностями человека как биологического и социального существа, и возможностями существования естественных экосистем в городе и природе [29].

В концепции «экополиса» подчеркивалось, что обязательным условием глубокой экологизации является экологическое воспитание и образование, а также повседневное участие в экологической деятельности большинства населения и управленцев (что не удалось реализовать в Пущине); делался упор на необходимости высокой биопродуктивности всего урбанизированного ландшафта.

За первые несколько лет работы (1980–84 гг.) была обследована большая часть заранее намеченной сети микрозаказников и памятников природы и истории, на них оформлена охранная документация и начата работа по пропаганде и организация их сохранения, предложена и обследована сеть участков рекреации и оптимальная система пешеходных маршрутов, велась работа по детскому природоохранному воспитанию и образованию, создана научная Лаборатория прикладной экологии, проведен ряд обследований в биологическом, географическом и социологическом аспектах, а также опубликованы их результаты, что сделало программу «Экополис» широко известным.

По мнению Ю.В. Сафрошкина, к 1985 г. потенциал движения иссяк в связи с тем, что инициативные формы общественной работы не были своевременно и достаточно поддержаны финансовыми, материальными и организационными ресурсами. Из-за отсутствия эффективного механизма организации и нарастания сложности и объемов работ движение распалось на отдельные слабосвязанные направления.

Тем не менее, движение «Экополис» продолжило развиваться за пределами Пущина. Лаборатория охраны природы биофака МГУ под руководством Д.Н. Кавтарадзе продолжила проводить исследования и семинары, а общественный клуб «Экополис» в Косино, возглавляемый К.Б. Серебровской, разрабатывал предложения историко-рекреационного экополиса, привлекая научный и проектные организации.

Исследователи концепций экологизации в конце 20 века пришли к выводу о том, что предпочтительными объектами комплексной экологизации должны стать малые и средние города, как наиболее устойчивые формы поселений, сочетающих свои масштабы и сложность с природными и социальными условиями и потребностями людей, а опыт накопленных человечеством «ошибок должен стимулировать дальнейшее развитие комплексных концепций и моделей экологизации, которые могли бы системно охватить все аспекты человеческой жизнедеятельности: от духовного развития до утилизации мусора» [29].

Концепции экологизации в современной России

В современное время концепцию экологически здорового города – «экосити» – в России развивает профессор Тимирязевской сельхоз академии А.Н. Тетиор [30]. Его идея заключается в том, что строительство экосити или эко-района предполагает максимальное

использование экосовместимых решений, позволяющих минимизировать или полностью исключить внесение загрязнений в среду, повысить качество жизни, приблизить жителя к природе, улучшить понимание поддержки природной среды, снизить энергопотребление, и др. [32]. В своих многочисленных работах А.Н. Тетиор перечислил принципы биопозитивности, или экологизации человеческой деятельности: негэнтропийность, гомеостатическое равновесие с окружающей средой, экологически равноценная замена, биосферосовместимость, глубокая биоаналогия, экологическая поддержка, восстановление среды, красота, гармония, пропорциональность [31].

Несмотря на развитие идей принципов биопозитивности некоторыми авторами, в 21 в. вопрос экологизации городов рассматривается в основном через призму концепции устойчивого развития, имеющую глубокий уклон в экономическую сферу.

В 1996 г. Россия официально подтвердила свое участие в реализации мировой концепции устойчивого развития, которая представляет собой выход из состояния глобального экологического кризиса, ставшего следствием техногенной эволюции человечества [18]. И в российской науке современная концепция «зеленого города» фактически слилась с концепцией устойчивого развития. Большой пласт литературы по этой теме написан архитекторами и урбанистами. Эту концепцию также связывают с концепцией «умного города» [10; 9; 35].

Научные исследования в области экологической устойчивости российских городов

В 2005 г. по инициативе ООН была проведена глобальная оценка состояния экосистем, что поспособствовало развитию концепции экосистемных услуг. Оценка экосистемных услуг ведется по трем направлениям: экологическому, экономическому и социальному. Как правило, исследования с использованием этой концепции ведутся в русле экономической науки, поскольку экосистемные услуги определяются как выгоды, которые люди получают от экосистем, и включают ресурсные, регулирующие, культурные и другие услуги [3; 16; 33]. Все они включены в международные и национальные экономические механизмы борьбы с изменением климата. Общим принципом действия механизмов компенсации за экосистемные услуги должна быть выгодность сохранения экоуслуг для пользователей в лице местных сообществ.

Среди субъективных методик оценки экологизации российских городов на первое место выходит изучение общественного мнения по вопросам экологии населения крупных городов (С.Н. Глазачева, Л.Н. Когана, Д.С. Лихачева В.Ю. Марковича, В.О. Рукавишникова, Л.М. Бердникова, О.Н. Яницкого и др.) Из всех структурных элементов экологического общественного мнения горожан в наибольшей степени изучено экологическое сознание. По исследованию экологического сознания в современной экологической социологии наметились различные подходы, обобщив, их можно свести к трем. Первый направлен на изучение типов носителей экологического сознания в зависимости от их анти- или проэкологического поведения (М Лауристин, А.В. Баранов); второй подход предполагает исследование экологической озабоченности в связи с такими биосоциальными признаками как пол, возраст, социальное положение (Б. Фирсова, Б. Докторов, В. Сафронов), третий, направлен на изучение экологических движений, гражданских инициатив (О.В. Аксенова, В.В. Мельникова, И.А. Халий, О.Н. Яницкий и др.). Факторы, влияющие на социально-экологическое благополучие населения, были подробно изучены в работах М.А. Нугаева, И.Т. Райманова (1998) и др. Российские исследовательские компании регулярно проводят опросы по экологической тематике: относительно экологических установок и привычек.

В отечественной практике объективной оценкой устойчивости городов на основе методов экономической науки занимались П.А. Коротков (2014), Л.Н. Медведева [15], К.Ю. Козенко, О.П. Комарова (2015), Е.А Третьякова [34], С.Н. Бобылев [1], О.В. Кудрявцева, С.В. Соловьева (2014).

Наиболее комплексное эмпирическое исследование по теме «Оценка экологической эффективности крупных городов развивающихся стран в условиях быстрой урбанизации» было проведено в 2008–2011 гг. под руководством П.А. Короткова. Его команда сделала акцент на необходимости поиска моделей, обеспечивающих экономический рост при снижении ущерба для окружающей среды и природных ресурсов. На примере крупных административных центров субъектов РФ была разработана и апробирована методика количественной оценки экологической эффективности городов (были определены основные характеристики экологической эффективности урбанизированных территорий, предложены системы индикаторов экологической эффективности, был разработан алгоритм и методика расчета сводного индекса экологической эффективности крупных городов в условиях быстрой урбанизации), а в результате ее применения получен рейтинг российских городов.

После выдвижения Римским клубом в 1995 г. идеи решения экологических проблем с одновременным повышением эффективности потребления природных ресурсов путем совершенствования технологий, возник термин «чистые (зеленые) технологии», объединивший альтернативную энергетику и возобновляемые источники энергии, системы управления электроэнергией, экологичный транспорт, управление отходами, воздушными и водными ресурсами, развитие инновационных технологий и материалов.

Перспективы российских средних городов в развитии зеленой экономики изучены профессором Л.Н. Медведевой и ее коллегами [15]. В их работах рассмотрено понятие «зеленых технологий» как инновационных решений в сфере экологии и рационального отношения к природным ресурсам. Ими предложено концептуальное и методологическое обоснование стратегии формирования «зеленых городов» на базе средних промышленно развитых городов России, основанной на эффективном использовании экологических, институциональных, материальных, информационных, гуманитарных и финансовых ресурсов. Также выделены факторы, оказывающие воздействие на состояние и траекторию развития среднего города (организационно-управленческий, технико-технологический, инфраструктурный, экологический, туристско-рекреационный, информационно-коммуникационный, социальный) и предложена методика расчета интегрального показателя оценки потенциала развития среднего города для продвижения зеленых технологий. Этот показатель включает в себя оценку производственно-промышленного, инфраструктурного, финансового и человеческого потенциала.

Кроме авторских методик, существует ряд корпоративных методик по оценке устойчивости российских городов, которые составляются с использованием данных Росстата и других госструктур: например, по уровню загрязнения атмосферы [26], по привлекательности городской среды проживания [6], интегральный рейтинг крупнейших городов России [14], рейтинг устойчивого развития городов РФ агентства «SGM» [23], рейтинг экологического управления городов России, который ежегодно готовится подведомственными учреждениями Минприроды РФ при методической поддержке британской аудиторско-консалтинговой компании EY [24] и рейтинг экологичного развития городов России [25].

По словам министра природных ресурсов и экологии РФ, С. Донского, экологический рейтинг городов (в частности, рейтинг, составляемый Минприроды) является хорошим ориентиром для регионов, так как он оценивает не только абсолютные показатели загрязнения, но и их динамику и меры, которые принимают муниципальные власти [20], тем не менее, в области финансирования экологических нужд, в том числе со стороны государства, создалась критическая ситуация, и реализовать все меры по экологизации жизни в городах РФ по-прежнему трудно.

Дискуссия

Российские ученые много лет занимаются вопросами экологической гармонизации городов. Многие их идеи были переняты у западных коллег, но есть и аутентичные концепции. К сожалению теоретиков и практиков экологизации, почти все из «зеленых» концепций в силу разных причин (ресурсных, организационных и т. д.) не были в полной

мере реализованы. Но уже имеющийся накопленный опыт должен быть всесторонне переосмыслен для того, чтобы получить новый импульс развития с учетом прошлых ошибок.

Список литературы

1. Бобылев С.Н. Индикаторы устойчивого развития: региональное измерение. Пособие по региональной экологической политике. М.: Акрополь: ЦЭПР, 2007. 60 с.

2. Бобылев С.Н., Кудрявцева О.В., Соловьева С.В. Индикаторы устойчивого развития для городов // Экономика региона. 2014. № 3. С. 101–110.

3. Бобылев С.Н., Захаров В.М. Экосистемные услуги и экономика. М.: ООО «Типография ЛЕВКО». Институт устойчивого развития / Центр экологической политики России, 2009. 72 с.

4. Божукова Е.Е., Кавтарадзе Д.Н. Основные работы по программе «Экополис» (рефераты публикаций 1979-82 гг.). Пущино: НЦБИ АН СССР, 1983.

5. Брудный А.А., Кавтарадзе Д.Н. Экополис: введение и проблемы (препринт). Пущино: НЦБИ АН СССР, 1981.

6. В России составлен рейтинг привлекательности городской среды проживания [Электронный ресурс]: РБК. URL: http://realty.rbc.ru/news/577d25fb9a7947a78ce9235c (Дата обращения: 14.05.2017).

7. Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере // Философские мысли натуралиста. М.: Наука? 1988. С. 235–244.

8. Глазычев В.Л. Социально-экологическая интерпретация городской среды. М.: Наука, 1984.

9. Долгих Е.И., Антонов Е.В., Борушкина С.М. Smart Cities: подходы и технологии // Урбанистика и рынок недвижимости. 2015. № 1. С. 42–49.

10. Долгих Е.И., Антонов Е.В., Ерлич В.А. Умные города: перспективы развития в России // Урбанистика и рынок недвижимости. 2015. № 1. С. 50–61.

11. Зарецкий В.И. Градостроительство и охрана окружающей среды. Киев: Буд'вельник, 1975.

12. Индикаторы устойчивого развития России (эколого-экономические аспекты) / Под ред. С.Н. Бобылева, П.А. Макеенко. М.: ЦПРП, 2001. 220 с.

13. Кавтарадзе Д.Н., Брудный А.А. Экополис. Введение и проблемы // Экология малого города. НЦБИ АН СССР. Пущино, 1981.

14. Колесова Е. Интегральный рейтинг крупнейших городов России [Электронный ресурс]: Урбаника. URL: http://urbanica.spb.ru/wp-content/uploads/2013/10/top100_2013_presentation.pdf (Дата обращения: 14.05.2017).

15. Медведева Л.Н., Козенко К.Ю., Комарова О.П. Перспективы средних городов в развитии зеленой экономики // Известия Нижневолжского агроуниверситетского комплекса: наука и высшее профессиональное образование. 2015. № 4 (40). С. 214–221.

16. Минин А.А. Устойчивое развитие Москвы и экосистемные услуги ее природных территорий // На пути к устойчивому развитию России. 2014. № 69. С. 3–9.

17. Нугаев М.А., Нугаев Р.М., Райманов И.Т. Социально-экологические факторы в структуре качества жизни//Социологические исследования. 1998. № 11. С. 202–213.

18. Пименова Г.И. Концепция устойчивого развития в генеральных планах российских городов / Dynamics of Human Intelligence Evolution, Moral and Aesthetic World Perception and Artistic Creation. Materials digest of the XIIIth International Scientific and Practical Conference (Kiev, London, November 10, November 14, 2011). Chief editor D-r of juridical sciences, professor, academician Pavlov V.V.; B. Zhitnigor (chairman). Odessa. 2011. С. 19–21.

19. Плехов В.Н. Экология архитектурной среды (обзор). М.: Инф. сб. «Теория и история архитектуры», 1987.

20. «Приложим все усилия, чтобы Байкал был здоровым» [Электронный ресуср] // Ведомости. № 4150 от 31.08.2016. URL:

http://www.vedomosti.ru/business/characters/2016/08/30/655043-sergei-donskoi (Дата обращения: 14.03.2017).

21. О совершенствовании государственного регулирования выбросов парниковых газов. Распоряжение Правительства России от 3 ноября 2016 г. [Электронный ресуср]: Правительство России. URL: http://government.ru/docs/25221/ (Дата обращения: 14.03.2017).

22. Россия утвердила план ратификации Парижского климатического соглашения. [Электронный ресуср]: ТАСС: [веб-сайт]. 07.11.2016. URL: http://tass.ru/obschestvo/3763432 (Дата обращения: 14.03.2017).

23. Рейтинг устойчивого развития городов РФ за 2015 г. URL: http://agencysgm.com/projects/%D0%A0%D0%B5%D0%B9%D1%82%D0%B8%D0%BD%D0%B3%20%D1%83%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B9%D1%87%D0%B8%D0%B2%D0%BE%D0%B3%D0%BE%20%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B2%D0%B8%D1%82%D0%B8%D1%8F-2015.pdf (Дата обращения: 14.03.2017).

24. Рейтинг экологического управления городов России – 2015. URL: http://www.mnr.gov.ru/upload/foto/mnr/19122016.pdf (Дата обращения: 14.03.2017).

25. Рейтинг экологичного развития городов России – 2014. URL: http://www.mnr.gov.ru/upload/iblock/864/rejting_gorodov_.pdf (Дата обращения: 14.03.2017).

26. Рейтинг российских городов по загрязнению атмосферы в 2012 г. [Электронный ресуср]: РИА Новости. URL: https://ria.ru/infografika/20130806/954525899.html (Дата обращения: 14.03.2017).

27. Родоман Б.Б. Поляризованная биосфера: Сборник статей. Смоленск: Ойкумена, 2002. 336 с.

28. Сафрошкин Ю.В. Географические основы рекреационно-природоохранного комплекса г. Пущина Московской области (дипломный проект). Ульяновск: Педагогический институт, 1987.

29. Сафрошкин Ю.В. Экополис – наше будущее. Основы концепции гармоничных низовых ячеек расселения ноосферы (отчет о поисковой НИР). Москва-Ульяновск, 1991.

30. Тетиор А.Н. Практика создания экологических городов // Единый всероссийский научный вестник. 2016 а. № 2. С. 47–52.

31. Тетиор А.Н. Принципы биопозитивности деятельности человека // Единый всероссийский научный вестник. 2016б № 2. С. 52–57.

32. Тетиор А.Н. Устойчивое развитие города [В 2 ч.] / Упр. Мэра Москвы, Ком. по телекоммуникациям и средствам массовой информ. Правительства Москвы, 1999. 173 с.

33. Тихонова Т.В. Экосистемные услуги: роль в региональной экономике и подходы к оценке // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2016. № 3 (27). С. 134–143.

34. Третьякова Е.А. Оценка устойчивости развития эколого-экономических систем: динамический метод // Проблемы прогнозирования. 2014. № 4 (145). С. 143–154.

35. Шемякина В.А. Новые города XXI века. Новые видения и возможности // Градостроительство и урбанистика. 2017. № 1 (38). С. 256–271.

36. Яницкий О.Н. Экологическая перспектива города. М.: Мысль, 1987. 278 с.

37. Doaksiadis C.A. Antropopolis. City for Human development. Athens: Center of Ekistics (APCE). 1974.

Р.Р. Хайдаров

ТЕРРИТОРИЯ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: НОВАЯ ФОРМА ПОДДЕРЖКИ МОНОГОРОДОВ

Аннотация. *Заработала новая программа по поддержке отдельных городов и целых регионов через создание территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР). В статье рассматривается возможности развития моногородов через создания ТОСЭР и возникающие проблемы при реализации этой программы.*

Ключевые слова: *территория опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР); моногород.*

R.R. Khaydarov

THE TERRITORY OF ADVANCING SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT: A NEW FORM OF SUPPORT OF MONOCITIES

Abstract. *We launched a new program to support individual cities and regions through the creation of areas of advancing socio-economic development. The article discusses the opportunities for the development of single-industry towns through the creation of areas of advancing socio-economic development and challenges in the implementation of this program.*

Keywords: *the territory of advancing socio-economic development, monocity.*

Основные специализированные инструменты поддержки развития моногородов федерального уровня в Российской Федерации (включая инструменты/продукты институтов развития), действующие в 2017 году:

1. Получение статуса территории опережающего социально-экономического развития (далее – ТОСЭР) (с января 2017 года создание ТОСЭР возможно во 2 и 3 категории моногородов, то есть во всех 319 моногородах России).

2. Поддержка инвестиционных проектов (финансирование в форме займа).

3. Поддержка инфраструктурных проектов.

4. Формирование команд, управляющих проектами развития моногородов, и организации их обучения на базе «Сколково» (не более 5 чел.).

5. Поддержка моногородов закрепленными за ними линейными менеджерами фонда развития моногородов.

К «моно» относятся города с населением свыше 3 тыс. человек, в которых на одном предприятии работают не менее 20% от общего числа занятых. В 319 моногородах России проживает 14 млн чел. В Татарстане такой статус имеют Набережные Челны, Нижнекамск, Зеленодольск, Елабуга, Чистополь, Менделеевск и Камские Поляны.

По мнению заместителя министра экономического развития РФ Александра Цыбульского, поддержка кризисных моногородов вышла на новый уровень: теперь в них создаются точки экономического роста, в том числе благодаря запуску территорий опережающего социально-экономического развития. По его словам, поддержка будет оказываться тем, кто сможет доказать перспективность проектов и создать на территории моногородов «новое качество жизни и новый уровень удовлетворенности граждан жизнью в этих территориях» [1].

ТОСЭР создается не для градообразующего якорного предприятия, а в первую очередь для тех, кто связан с ним менее чем на 50 процентов, что важно для диверсификации экономики моногородов. Так, в Набережных Челнах инвестпроект предусматривает проведение ремонтно-восстановительных работ помещения общей площадью около 149,6 тыс. кв. м и создания 105 тыс. кв. м полезной площади производственных помещений с последующим размещением резидентов, осуществляющих инновационное производство в различных сферах деятельности, не связанных с деятельностью градообразующего предприятия. Деньги фонда развития моногородов также пойдут на подведение и протяжку сетей электро-, водо-, теплоснабжения и канализации.

Инвестиционными проектами по обеспечению инфраструктурой может обеспечиваться не только первая категория моногородов, где наблюдалась наиболее сложная кризисная ситуация, в Татарстане – это Набережные Челны и Зеленодольск, но и вторая, и третья категории.

Одним из проблемных вопросов при развитии ТОСЭР для резидентов является проблема кадров. Потенциальные и существующие резиденты ТОСЭРа в числе первых

возможных проблем обозначили кадровую проблему. Развитие ТОСЭР подразумевают внедрение в сферу труда новых технологий, модернизации. А значит, компаниям потребуются от работников новые знания, овладение смежными профессиями, да и, в первую очередь, нужны будут сами квалифицированные работники. Статус ТОСЭРа даст Набережным Челнам 10 тыс. рабочих мест. Программные ориентиры ТОСЭР− это 38 млрд руб. инвестиций к 2026 г., 503 млрд руб. выручки от реализации продукции МСП и 10 тыс. рабочих мест. Из-за несоответствия местных кадров требованиям резидентов, они вынуждены привозить новые кадры из других регионов. Для решения кадровых проблем необходимы краткосрочные курсы для переподготовки и подготовки персонала на базе ресурсных центров и других учебных заведений.

Другой формой поиска персонала для первого резидента ТОСЭРа−китайского производителя бытовой техники Haier, занималась не только соответствующая служба предприятия, но и челнинский исполком совместно с ТПП Набережных Челнов и региона «Закамье», утвердив «дорожную карту» из 20 мероприятий [4].

Новая проблема, связанная с кадрами ТОСЭРа, обусловленная законодательством – это избыточные кадры, касающихся ультрасовременных роботизированных предприятий, где для обслуживания автоматической линии требуются два-три человека, а регламент обязывает резидента трудоустроить не менее 20. В большей степени проблема актуальна для компаний первого года работы в период строительства и установки оборудования, когда вместо специалистов заявленного профиля резиденту нужны только монтажники − их не впишешь в штатное расписание вместо технологов.

При создании ТОСЭР выходит проблема дефицита бюджета моногородов и регионов, особенно депрессивных, которые не могут позволить себе налоговые каникулы. Учитывая все возможные льготы, неочевидно, что ТОР обеспечат рост бюджетных доходов, особенно региональных и муниципальных, хотя такое требование к ним содержится [3, с.74]. На отдачу для моногородов от первых резидентов, зашедших в ТОСЭР, можно рассчитывать, вероятно, по итогам 1917 года − хотя бы в качестве НДФЛ с их работников, по условиям ТОСЭРа она равняется официальной средней зарплате по моногороду.

Таким образом, создание ТОСЭР позволяет диверсифицировать экономику моногородов и снизить зависимость от градообразующих предприятий. Резиденты ТОСЭР в моногородах получают широкий набор преференций. В частности, инвесторам предоставляются льготы по налогам на прибыль и имущество, по земельному налогу и НДПИ. Кроме того, почти в четыре раза сокращаются взносы во внебюджетные фонды.

В декабре 2016 года правительство утвердило паспорт приоритетного проекта «Комплексное развитие моногородов». Он призван уменьшить их зависимость от работы градообразующих предприятий — для этого к концу 2018 г. будет создано 230 тыс. не связанных с такими предприятиями рабочих мест. Для этого необходимо привлечь порядка 170 млрд руб.

«Как итог нашей работы, к концу 2017 г. 18 городов должны покинуть список «моно», стать городами с устойчивой экономикой. За этим стоят не только новые рабочие места, но и новое качество жизни жителей этих городов», − сказал глава фонда развития моногородов (ФРМ) Илья Кривогов [1].

Таким образом, в связи с снижением зависимости моногородов от работы градообразующих предприятий, быстрой диверсификацией экономики моногорода, становления городов с устойчивой экономикой, достижением доли занятых в градообразующих предприятиях менее 20 процентов жителей города лишатся статуса моногорода, при этом статус ТОСЭРа сохранится.

Список литературы

1. Вандышева О., Ким И. Были «моно», станут «стерео»: Челны слезают с «иглы». Казань. БИЗНЕС Online. 2017. 28 июля.

2. Власти и бизнес обсудили в Кузбассе создание территорий комфортного проживания в моногородах [Электронный ресурс]: Фонд развития моногородов. URL: http://www.frmrus.ru/news/vlasti_i_biznes_obsudili_v_kuzbasse_sozdanie_territoriy_komfortnogo_prozhivaniya_v_monogorodakh (Дата обращения: 11.04.2017).

3. Рахлис Т.П. Территория опережающего развития: новый статус и новая возможность экономического роста моногородов // Вектор науки ТГУ. Серия: Экономика и управление. 2015. № 4 (23). С. 72–75.

4. Шистерова В. Мягкое вхождение в ТОСЭР: как Челны решают кадровую проблему резидентов. Казань. БИЗНЕС Online. 2016. 29 июля.

А.А. Чернецкая, А.Н. Шибаев, А.С. Верещагина

СОЦИАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ ИДЕНТИФИКАЦИИ ПРОСТРАНСТВА ПОВСЕДНЕВНОСТИ: ГОРОД И ГОРОЖАНИН

Аннотация. *В статье рассматривается инвайронментальный контекст повседневности, коммуникативные функции городского окружения, типичные стратегии его идентификации. Текст является анонсом сравнительного исследования эмпирических данных о типичных способах идентификации объектов пространства повседневности в разных социальных группах.*

Ключевые слова: *городское окружение, коммуникация, идентификация, интернализация, субъект.*

A.A. Chernetskaja, A.N. Shibaev, A.S. Vereshagina

SOCIAL STRATEGIES IN THE IDENTIFICATION OF THE EVERYDAY SPACE: CITY AND CITIZEN

Abstract. *The article discusses the environmental context of everyday life, the communicative functions of the urban environment, and the typical strategies for its identification. The text is an announcement of a comparative study of empirical data about the typical methods of identification of space objects of everyday life in different social groups.*

Keywords: *urban environment, communication, identification, internalization, subject.*

В рамках своего исследовательского интереса мы рассматриваем пространство повседневности горожанина как пространство становления и формирования социальной идентичности, субъектности, фактор жизненного и культурного выбора, самоопределения групп и сообществ. При этом в фокусе нашего внимания оказывается инвайронментальный контекст повседневности, коммуникативные функции городского окружения, типичные стратегии его идентификации. В тексте намечаются некоторые идеи сравнительного исследования, которое объединит эмпирические данные о типичных способах идентификации объектов социального пространства повседневности в разных социальных группах в 1998 и 2018 гг.

Основная задача предпринятого нами в 1998 г. исследования формулировалась как выявление типичных способов идентификации объектов социального пространства повседневности в общем, а также специфики различных социальных групп. Предметом исследования являлись способы идентификации окружающего пространства. Объектом исследования выступали параметры построенного окружения, социально маркирующие пространство повседневности. В 2018 г., полностью повторяя процедуру сбора данных, мы ставим перед собой дополнительную задачу: отследить изменения в перечне параметров среды, считываемых нашими респондентами. Это позволит нам рассмотреть

самоидентификацию горожанина и социокультурную интеграцию как процессы, развивающиеся в условиях определенного времени и места, опосредованные и отчасти предопределенные этими условиями.

Особую значимость для нашего исследования имеют идеи Т.М. Дридзе о том, что социально значимая деятельность «субъектна» по своей природе и, значит, ситуационна и интенциональна, а потому мотивирована, целеобусловлена и имеет собственный механизм зарождения и реализации, а также о том, что именно этот «механизм» остается, как правило, «за кадром» научных изысканий [3, с. 145]. Для дальнейшего анализа мы привлекаем точку зрения В.Л. Глазычева [2], который выделил два подхода к интерпретации среды: согласно первому, среда понимается как «предметно-пространственное окружение в его чувственно данных компонентах», согласно второму – как «окружение человека в сугубо социальном плане». В первом случае мы имеем дело с «натюрмортным» видением построенного окружения, воспринимающейся как *пейзаж,* и тогда такой объект поддается формальному анализу, во втором – речь идет о «распредмечивании» объекта восприятия, в результате которого в сознании человека рождается *образ* окружения. В сложном взаимодействии этих двух аспектов – настоящий предмет целостного восприятия человеком архитектурной среды.

Такое понимание восприятия среды отражается в процессе формирования архитектурных пространств для жизнедеятельности различных социальных, например, возрастных групп. Качества среды, *связанные с возрастным фактором,* мы считаем важными с точки зрения как социальной оценки, так и характеристик восприятия, которое в течение жизни подвергается трансформации, в результате чего изменяется оценка структуры пространства, его формальных и колористических характеристик. Подобные процессы происходят с оценкой архитектурного пространства при любых значительных изменениях социального статуса: от изменений на уровне социальной роли (например, когда женщина становиться матерью и для нее большую значимость приобретает безопасность как характеристика пространства), до изменений географических (места жительства) или социально-иерархических (когда при повышении в должности внутри какого-либо учреждения, например, человек требует для себя другой кабинет).

Поскольку в среде обитания выделяются пространства с ценностными характеристиками, они определяются как области культурного пространства, а культурное пространство – как среда обитания, обладающая системой упорядоченных смыслов и их символических материальных продуктов, которые в совокупности определяют духовную и материальную культуру жизни индивида, социальной группы, общества. В культурном пространстве фиксируется исторически выработанный опыт осмысления *своего места.*

Коммуникативная функция построенного окружения играет важную роль в формировании социальной реальности, регламентируя, по сути, взаимоотношения и действия субъектов разных уровней. Пространственные архитектурные феномены объективно сообщают социальному субъекту о возможностях его передвижения, деятельности, статусных уровнях его и других социальных субъектов, об организации приватной и общественной жизни. Но это не односторонний процесс. Субъект также активен в акте коммуникации: во-первых, как создатель архитектурных форм, во-вторых, как тот, кто решает, в каком случае он подчиняется власти архитектурного текста, а в каком, нет. Он реализует свой выбор путем или прямого отказа (отказа, например, жить в определенном месте, участвовать в событиях, связанных с этим местом, просто бывать в нем, соблюдать предписанные местом поведенческие нормы), или путем переосмысления архитектурных форм. Предметным выражением переосмысления может являться, например, реставрация, реконструкция зданий, нанесение граффити, разбивка клумб, и, вместе с тем, частичный или полный демонтаж здания и других конструкций, ликвидация настенных изображений и надписей, закатывание клумбы асфальтом. То есть, по сути, любая преобразующая активность, соответствующая социальным, в том числе, возрастным особенностям субъекта,

приводит к переосмыслению, перепрограммированию места, как в индивидуальном восприятии, так и в групповом.

С целью эмпирической проверки гипотезы о том, что в процессе освоения инвайронментального контекста пространства повседневности субъект осваивает практики его идентификации, была разработана программа нашего исследования. Генеральную совокупность в 1998 г составили три группы: дети, взрослые разной профессиональной принадлежности, студенты-архитекторы выпускного курса. Объем выборки −180 человек.

Детская группа представлена учащимися первых классов. Выбор данной социальной группы в качестве респондентов обусловлен тем, что, становясь школьником, ребенок вступает в период интенсивной социализации, ему предстоит включение в новый инвайронментальный контекст. Пока же ребенок интернализировал мир своих родителей не как мир, соответствующий определенному социальному контексту, а как мир вообще [1, с. 230]. Следовательно, сравнивая результаты исследования детей и взрослых, мы можем получить информацию, позволяющую проследить динамику формирования инвайронментальной компетентности.

В своем исследовании мы использовали бланки ответов учащихся начальной школы «ВЕДИ», экспериментальной школы-системы № 4, гимназии № 2 г. Саратова. Всего было опрошено 100 респондентов-школьников (в возрасте от 7 до 10 лет, девочек −53, мальчиков − 47 человек).

Взрослую выборку исследования составили студенты и аспиранты факультета управления социальными системами Саратовского государственного технического университета. Выбор студенческой аудитории в качестве респондентов обусловлен тем, что молодые люди, во-первых, уже прошли этап первичной социализации и являются носителями устойчивых социальных клише, во-вторых, они представляют интеллектуальный слой современной молодежи, наиболее активно осваивающий современное социокультурное пространство. Половозрастная характеристика выборки: в исследовании участвовали 50 человек в возрасте от 18 до 32 лет, 20 из которых − мужчины и 30 − женщины.

Следующую группу респондентов составили студенты выпускного курса архитектурного факультета Саратовского государственного технического университета в возрасте от 21 до 28 лет, имеющие профессиональную компетентность в оценке архитектурной составляющей окружающего пространства. Общая численность этой группы 30 человек, из которых 15 − мужчины и 15 − женщины. Ответы респондентов данной категории позволяют отследить результаты целенаправленного обучения пространственной экспертизе и дизайну и проанализировать специфику профессионального мышления.

При разработке авторской методики мы исходили из идеи широкого включения психологической методологии в канву социологического исследования. Методика теоретически валидизирована представлениями Б.Г. Ананьева об образной природе психических структур любого уровня и концепцией чувственной ткани смысловых образований личности А.Н. Леонтьева. В процессе исследования был проведен социологический опрос в виде неформализованного интервью, построенного по принципам проективных методик. Полученные результаты были подвергнуты контент-анализу.

Процедура сбора данных состояла в работе респондентов со стимульным материалом, который представлял собой набор из семи цветных современных фотографических видов, включающих изображения фасадов зданий с прилегающей к ним территорией, подобранных таким образом, что:

принадлежали к разным историческим эпохам и отражали многообразие архитектурных стилей от замковой до ультрасовременной техногенной архитектуры;

варьировались по величине и форме здания, количеству этажей: от двухэтажного здания до небоскреба с неопределимым количеством этажей;

варьировались по плотности пространства от одиноко стоящего здания до комплекса зданий или вида целой улицы;

варьировались по характеру прилегающей территории: тротуар, газон, парковая зона, площадь, проезжая часть;

варьировались по присутствию людей и их деятельности; наличию пиктографических знаков, рекламы, вывесок; мелких архитектурных нюансов; ухоженности территории – от заброшенного пустыря до респектабельного цветника с фонтаном.

Реальная функция изображенных зданий при этом не принималась во внимание, поскольку буквальное соответствие экспертных оценок респондентов фактическому применению конкретного здания не являлось предметом нашего исследования.

Изучая предъявленное изображение, респондент отвечал на два вопроса: что изображено на карточке и по каким признакам он сделал свое заключение.

Такая формулировка инструкции ставила перед респондентом, по сути, задачу выделить признаки, позволяющие ему ориентироваться в пространстве повседневности. В дальнейшем мы будем называть их *социальными маркерами.* Перечень признаков, определяющих для респондентов смысл пространства, они формируют самостоятельно, открытая форма вопросов используется нами с целью снижения влияния исследовательских установок и побуждения респондентов к самостоятельной рефлексии.

Обработка полученных результатов проводилась по следующей схеме:

ШАГ 1 предполагал репрезентацию данных в форме двух таблиц: таблицы номинализаций и таблицы признаков, выбираемых респондентами при идентификации пространства, и подсчет количества совпадений этих выборов в указанных социальных группах на основе качественного анализа.

ШАГ 2 состоял в составлении матриц социальных маркеров пространства повседневности. Проводился подсчет и ранжирование маркеров, используемых респондентами. Были выделены три группы маркеров, предпочитаемых каждой социальной группой: типичные признаки – наиболее часто встречающиеся в ответах респондентов; редкие признаки – наименее популярные в выборах респондентов; дополнительные – признаки из среднего частотного диапазона.

ШАГ 3 предполагал проведение стратификационного анализа матриц социальных маркеров, в ходе которого поводился подсчет и ранжирование признаков по социальным группам относительно к общему количеству признаков генеральной совокупности. Аналогично процедуре, осуществляемой на втором шаге, выделяются часто и редко отмечаемые маркеры, а также признаки из среднего частотного диапазона. Сравнивался объем выделенных маркеров по признаку принадлежности к группе с аналогичными показателями по генеральной совокупности.

Результаты проведенного исследования показывают, что социальная группа, включающая в себя студентов, наиболее динамична и мобильна в плане реагирования на изменения социокультурного инвайронмента.

Максимальное количество времени, затраченного респондентами на заполнение бланков и большое число уточняющих вопросов в процессе интервьюирования пришлось на определение признаков пространства, что мы связываем с отсутствием практики детализировать и конкретизировать процесс восприятия элементов окружающего пространства. Таким образом, подтверждается тот факт, что пространство повседневности воспринимается связно и целостно.

Сравнение общности по изученным социокультурным группам показало, что наиболее типизированы оценки группы *профессионалов-архитекторов.* Видимо, это объясняется спецификой их профессиональной деятельности, связанной с необходимостью восприятия и трансляции социально-архитектурных свойств пространства без искажений. Учет времени, затраченного респондентами этой группы на заполнение бланков, и их уточняющие вопросы, также демонстрируют преобладание рефлексивных стратегий анализа и оценки свойств пространства.

Для группы школьников оказалось характерно большое сходство ответов. Внутри данной социальной группы в равной степени наблюдались как рефлексивные, так и нерефлексивные стратегии.

Наиболее разнообразны в ответах оказалась группа студентов и аспирантов, что подтверждает тот факт, что это наиболее восприимчивая и адаптивная на момент исследования группа, находящаяся в процессе формирования и активного освоения социального инвайронмента. Данная социальная группа располагает значительным ресурсом для изменений. По анализу и учету времени, затраченного на заполнение бланков, в данной группе наблюдается как рефлексивные, так и нерефлексивные стратегии.

Высокая степень согласия внутри каждой социальной группы подтверждает гипотезу о том, что в арсенал способов идентификации пространства кроме общекультурных составляющих входят способы, отражающие специфику соответствующей социальной ниши. Так как индивидуальные способы идентификации респондента отличаются от других, мы можем считать, что в топографическую структуру социальной реальности входят также индивидуальные измерения. Таким образом, подтверждается гипотеза о структурирующей функции социального дизайна в конструировании социальной реальности.

Анализ результатов исследования позволил нам выделить три основные стратегии идентификации пространства: образное реконструирование ― целостное соотнесение с имеющимися в индивидуальной памяти образцами из личного опыта или привнесенными извне; аналитическое реконструирование − детальный анализ по элементам дизайна, по реально производимой деятельности или по условиям, предполагающим определенную деятельность; конструирование ― по ассоциациям с образами, не имеющими непосредственного отношения к архитектуре.

Исходя из понимания того, что архитектурное пространство представляет собой текст, содержащий сообщения, культурно и социально-значимую для индивида информацию, непрерывно коммуницирует с социальным субъектом, мы приходим к заключению, что социальный субъект не только «читает» пространство, но и сам изменяется в соответствии с воспринятыми смыслами. Таким образом, организация архитектурного пространства является инструментом социализации индивида и изменения восприятия им социального пространства, мира и своего места в нем.

Представленное исследование носит пилотажный характер и не претендует на исчерпывающий и всесторонний анализ, но открывает новые возможности и перспективы в изучении ценностных оснований различных социальных групп, их взаимосвязь с процессом трансляции социального знания. Мы полагаем, что представленная нами выборка дает вполне репрезентативную основу для оценки предмета исследования. В данной статье мы представляем основные библиографические источники, задействованные в исследования 1998 года. Важной задачей на данном этапе для нас является обновление методологии исследования. За последние два десятилетия появилось огромное множество работ, анализирующих различные аспекты восприятия архитектурной среды, что подтверждает непреходящую актуальность темы и целесообразность лонгитюдных исследований.

Список литературы

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 230 с.
2. Глазычев В.Л. Поэтика городской среды // Эстетическая выразительность города. М.: 1986, С. 130–157.
3. Дризде Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. Проблемы семиосоциопсихологии. М.: Наука, 1984. 145 с.
4. Раппапорт А.Г. Проектирование без прототипов // Разработка и внедрение автоматизированных систем в проектировании: Теория и методология. М.: 1975, С. 299–392.
5. Степанов А.В. и др. Архитектура и психология / М.: Стройиздат, 1993. С. 152–154.

6. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. М.:1988. С. 52–94.

А.В. Шишкова

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ И ПРОБЛЕМА ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. *Рассмотрены современные формы самоорганизации российских граждан, проанализирована роль информационно-коммуникативной составляющей в управленческом процессе в контексте взаимодействия гражданского общества и государства на уровне местного самоуправления и даны рекомендации по повышению потенциала использования институтов гражданского общества.*

Ключевые слова*: социальное управление, самоуправление, гражданское общество, общественный контроль.*

A.V. Shishkova

LOCAL SELF-GOVERNMENT AND PROBLEMS OF INFORMATIONAL AND COMMUNICATIVE INTERACTIONS BETWEEN CIVIC INSTITUTIONS

Abstract. *Current forms of self-organization of Russian citizens are considered, the role of informational and communicative component in the governmental process in the context of interactions between the civic society and the state at the level of local self-government is analyzed. Recommendations on advancing the potential of using civic institutes are presented.*

Keywords*: social management, self-government, civil society, social regulation.*

Наличие развитого института местного самоуправления является одним из важнейших условий стабильного функционирования государства. На протяжении всей истории становления отечественных институтов самоуправления мы можем наблюдать инициирование реформ местного самоуправления и усиление роли самоуправляющихся структур в периоды кризисного состояния государства. Подавление же самоуправленческих начал приводит к фрустрации населения, напряжению обстановки в обществе и кризисам государственного аппарата.

Отечественная практика общественного самоуправления берет свое начало от общинного уклада и далее продолжает свое существование в различных формах и видах, вызванных поиском оптимальной модели сочетания централизации и самоорганизации. А.С. Ахиезер в работе «Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России)» определял самоуправление как «неотделимую от вечевого нравственного идеала способность локальных сообществ управлять своей жизнедеятельностью на основе обычая, традиционной культуры» [1, с. 440]. Выделяя общинное самоуправление как одну из первых форм самоуправления, он отмечал его амбивалентный характер применительно к истории российского государства: с одной стороны, общинное самоуправление лежит в основе синкретической государственности, с другой стороны − в качестве носителя и хранителя традиционных и локальных ценностей препятствует государству, вставшему на путь модернизации. Придя к выводу, что подобные формы локального самоуправления плохо вписываются в систему современного государственного управления, ученый заключает, что необходимо развитие самоуправления на либеральной основе, так как подобный подход обеспечит сохранение общего согласия при одновременной возможности изменений. Такая точка зрения отвечает современным тенденциям, согласно которым роль самоуправления заключается в снятии противоречий между интересами государства, общества и индивида.

Здесь нужно уточнить, что в контексте социального управления под управленческим процессом мы имеем в виду сознательное воздействие на социальную систему, основанное на совместной деятельности (учитывающее присущие социальной системе объективные закономерности, обусловленные спецификой связей, отношений и взаимодействий, воспроизводимых социальными субъектами в историческом процессе при помощи традиционных механизмов социального наследия) и имеющее целью достижение ее оптимального функционирования [6, с. 285].

Большая часть концепций местного самоуправления исходит из определения сфер компетенции государства и местного сообщества. Эти концепции можно свести к двум подходам – общественному и государственному. Идея первого подхода заключается в том, что система местного самоуправления выносится за рамки государственного управления и существует параллельно с последним как отдельный и противопоставленный государству уровень власти. Сторонники второго подхода считают, что местное самоуправление должно быть частью системы государственного управления: региональные выборные органы должны участвовать в решении задач государственного управления, являясь низшим уровнем государственной власти на местах. В XX в. в России дискуссия между сторонниками обоих подходов развернулась в 1993 г. при подготовке раздела Конституции Российской Федерации, определяющего место органов государственного управления в системе государственной власти. Предпочтение было отдано общественному подходу, и в настоящее время Конституцией установлено, что на территории Российской Федерации местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно, а органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти. Однако, необходимо отметить, что местное самоуправление в современной России инициировано сверху и на практике находится под сильным влиянием со стороны государственной власти.

Сдвиг от муниципальной автономии к централизации управления, предполагающей встраивание органов местного управления в административную иерархию, наметился в начале 2000-х годов. Отражение новой политики можно найти в Федеральном законе № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 2003 г. В 2014 г. был опубликован и вступил в силу 136-й Федеральный закон, который создал правовую основу очередного этапа развития местного самоуправления, на котором региональные власти получили дополнительные полномочия и права в формирования органов местного самоуправления, а в феврале 2015 г. был принят 8-й Федеральный закон, продолжающий описанные тенденции [8].

Социальные и культурные трансформации в современной России привели к развитию целого ряда институтов гражданского общества, способных принимать участие в процессе общественного самоуправления, оказывать влияние на формирование и реализацию государственных программ. В силу того, что остаются нерешенными проблемы в области политического и хозяйственного статуса органов местного самоуправления, ожидания современных исследователей процессов трансформации политической системы и общественного развития во многом связаны с различными общественными формами самоорганизации населения как прямым осуществлением демократических прав и обязанностей граждан.

Одной из актуальных проблем здесь является проблема соотношения гражданского общества и государства. С одной стороны, признается, что право на участие граждан в управлении общественными делами является неотъемлемой частью построения демократического государства. С другой стороны, современными исследователями российских общественно-политических настроений, как правило, подчеркивается противопоставление народа и власти или указывается на безразличное отношение общества к государственной политике. Политическая активность граждан России после ее всплеска в конце 80-х − начале 90-х годов прошлого века, не оправдавшего надежд подавляющего количества россиян на возможность радикальных социально-экономических перемен при помощи политических реформ, в начале XXI века упала до критического минимума,

свидетельствующего о политической апатии в обществе. По данным последних исследований, эффективность политических инструментов и инструментов общественного влияния (таких, например, как поддержка партий, выход на митинг, обращение к депутату, сбор подписей, обращение в СМИ и к правозащитникам) невысока, и среди населения распространено ощущение неспособности управлять собственной жизнью и реально влиять на работу институтов в государстве [3, с.51–52].

В 2011–2012 гг. начался всплеск гражданской активности, вызванный выборами в Государственную думу и выборами Президента РФ, однако к 2016 году процент россиян, избегающих принимать участие в политической жизни и вступать в контакт с властью, стабильно остается на высоком уровне [7]. К сожалению, исследования и опросы, проведенные в последующие годы, демонстрируют усиление данных тенденций − с одной стороны, преобладает мнение, что российская власть не подотчетна обществу [2, с. 9], с другой стороны, снижается желание граждан использовать ряд инструментов общественного контроля: это касается и протестных выступлений, и института наблюдателей на выборах, и деятельности некоммерческих мониторинговых организаций [2, с. 41–42] (табл. 1).

Таблица 1

Могут ли такие люди, как Вы, влиять на принятие решений в своем регионе, городе, районе?, 2006–2016 гг., % [7]

Варианты ответов	фев. 06	фев. 10	янв. 12	фев. 12	март 13	март 14	март 15	**авг. 16**
Определенно да	3	2	3	1	2	1	4	**1**
В какой-то мере да	21	16	21	21	14	18	18	**16**
Скорее, нет	36	34	27	38	34	38	35	**38**
Определенно нет	39	46	47	37	46	41	39	**43**
Затруднились ответить	2	2	4	4	4	2	4	**2**

Помимо обозначенных настроений населения, на практике часто наблюдается несоответствие действий властей обозначенному курсу на расширение роли институтов гражданского общества. С одной стороны, признается значение «третьего сектора» как значимой экономической и политической силы. Как отмечается в докладе Общественной палаты 2016 г., некоммерческие организации, становясь инструментом культурного и политического влияния, в значительной мере формируют образ страны, а объем финансирования российских некоммерческих организаций из-за рубежа многократно возрос за последние два года и по итогам 2015 года составил около 80 млрд руб. [9, с.91]. Правда, на фоне возросших объемов финансирования снизилось количество вновь зарегистрированных НКО, однако указывается, что это снижение компенсируется ростом неинституализированной гражданской активности [9, с.6–7]. С другой стороны, можно вспомнить Федеральный закон от 20 июля 2012 г. № 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента». Этот закон обязывает НКО, занимающиеся политической деятельности и финансируемые из-за рубежа, получать статус иностранного агента, что предполагает особую отчетность и более частые проверки. Выявление политической составляющей в деятельности той или иной организации открывает простор для злоупотреблений, а проверки и ужесточившиеся требования к отчетности ведут к экономическим потерям.

Таким образом, на текущий момент в обществе существует запрос на участие в решении проблем государственного управления, на перестройку политической системы.

Дихотомия «государство−гражданское общество», определявшая политику в эпоху модерна, в современном мире размывается, и все больше исследователей обращают пристальное внимание на ту роль, которую могут сыграть негосударственные структуры в управлении жизнью общества [11, с. 165]. Особенно важное значение этот вопрос приобретает в соотнесении его с нарастающим сетевым характером организации общества. Ключевым элементом подобного общества становится коммуникация, поэтому, рассматривая механизмы осуществления социального управления в современном обществе, необходимо сконцентрироваться на информационной и коммуникативной составляющих управленческого процесса. Согласно социологу Т.М. Дридзе, разрабатывающей экоантропоцентрическую парадигму социального познания и управления, которая должна по замыслу исследователя стать основой прогнозного социального проектирования, социальная коммуникация является основным социокультурным механизмом, обеспечивающим «становление, воспроизводство и модификацию всех социальных связей, а также возможность научного обоснования и практической реализации доктрины социального участия и партнерства» [5, с. 169].

Проблема информирования и коммуникации является одной из определяющих в процессе взаимодействия гражданского общества и государства. Наметившийся в 2010-х годах тренд поиска каналов прямого взаимодействия государства с гражданским обществом остается по-прежнему актуальным, но претерпевает определенные трансформации, в первую очередь, в сфере политических интересов. Как отмечается в одном из недавних исследований, одновременно наблюдаются две взаимоисключающих тенденции. С одной стороны, происходит улучшение взаимодействия государственных и общественных структур при решении социальных проблем на уровне отдельных министерств и отраслей. С другой стороны, идет процесс деинституционализации общественной сферы и, соответственно, снижение авторитета общественных организаций и инициатив и снижение эффективности общественной работы [3, с. 52]. Тем не менее, со стороны государства продолжается разработка стратегии содействия гражданским инициативам на различных уровнях: от поддержки деятельности различных общественных объединений до создания электронных площадок для общественного обсуждения законодательных инициатив [12], а со стороны граждан происходит самоорганизация в различных формах для решения самого широкого круга вопросов.

Ряд исследователей связывает свои надежды с таким видом местного самоуправления, как территориальное общественное самоуправление, предполагая, что именно на этом уровне должно осуществляться первичное привлечение граждан к участию в решении государственных задач, а органы территориального общественного самоуправления, таким образом, могут стать главными источниками аккумуляции гражданской активности [10]. Однако для эффективного развития территориального общественного самоуправления необходимо предпринять определенные меры, среди которых в качестве основных можно назвать следующие: поддержка со стороны государства; обеспечение необходимой материально-технической базы соответствующих органов самоуправления; максимальное вовлечение в процесс территориального самоуправления местного населения.

Одной из приоритетных мер должно стать повышение прозрачности всех сфер системы управления и открытости для участия гражданского общества в мониторинге деятельности государственных структур; привлечение общественности к законотворчеству и обсуждению муниципальных проектов, обеспечение участия в выработке и реализации государственной политики. Невысокая эффективность таких институтов, как муниципальное самоуправление, негосударственные общественные объединения, некоммерческие организации и ассоциации и т.д., не в последнюю очередь связана с неосведомленностью населения как об общем направлении государственной политике, так и о местных инициативах. Граждане неоднозначно трактуют понятие местного самоуправления, в большинстве своем не отслеживают ход реформ в этой области и склонны к негативной оценке действий местной власти. Похожая ситуация складывается и в области

взаимодействия граждан с общественными организациями: велика доля не знакомых с этим понятием людей, среди информированных наблюдается неоднозначная оценка роли и деятельности НКО в решении социальных проблем. Так, согласно данным опроса ВЦИОМ 2014 года, каждый третий опрошенный не видит необходимости в существовании общественных организаций, каждый пятый предлагает отказать им в государственной помощи. При этом, говоря о взаимодействии общественных организаций и государства, по мнению каждого второго россиянина, органы власти должны, в первую очередь, обеспечить им информационную поддержку [4]. Поэтому еще одним приоритетным направлением должно стать информирование граждан о возможностях общественного самоуправления.

Список литературы

1. Ахиезер А.С. Россия: Критика исторического опыта. В 3-х т. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. Т. 2. 600 с.

2. Волков Д., Гончаров С. Демократия в России: установки населения. Сводный аналитический отчет. М.: Левада-Центр, 2015. 43 с. URL: http://www.levada.ru/old/sites/default/files/report_fin.pdf (Дата обращения: 25.05.2016).

3. Волков Д., Гончаров С. Потенциал гражданского участия в решении социальных проблем. Сводный аналитический отчет 2014. М.: Левада-Центр, 2014. 58 с. URL: http://www.levada.ru/old/sites/default/files/potencial_grazhdanskogo_uchastiya_0.pdf (Дата обращения: 25.05.2016).

4. ВЦИОМ. Нужны ли нашему обществу общественные организации? [Электронный ресурс]: ВЦИОМ: [веб-сайт]. Пресс-выпуск № 2647. URL: http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114932 (Дата обращения: 04.05.2017).

5. Дридзе Т.М. Социально значимые процессы как объект управления (к экоантропоцентрической парадигме научного познания социальной реальности): введение в учебную программу // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 1993. № 3–4. С. 164–170.

6. Кудинов И.Н. О некоторых итогах либерализации российского общества как проекта социального управления (1990–2010 гг.) // Вестник Университета. 2011. № 12. С. 283–291.

7. Готовность участвовать в политике [Электронный ресурс]: Левада-Центр: [веб-сайт]. 23.08.2016. URL: http://www.levada.ru/2016/08/23/gotovnost-uchastvovat-v-politike/ (Дата обращения: 01.08.2017).

8. Мухаметов Р.С. Местное самоуправление в России: основные этапы развития // Вопросы управления. 2015. № 5. URL: http://vestnik.uapa.ru/ru/issue/2015/05/5/ (Дата обращения: 01.08.2017).

9. Общественная палата Российской Федерации. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2016 год. М.: Общественная палата Российской Федерации, 2016. 258 с.

10. Рагозина Л.Г. Может ли территориальное общественное самоуправление в России быть ресурсом развития местных инициатив? // Практика муниципального управления. 2012. № 1. С. 29–37.

11. Шишкова А.В. Гражданское общество и социальное управление в современной России: краудсорсинг и краудфандинг как формы самоорганизации граждан // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2013. № 11. С. 163–166.

12. Экспертная группа № 16 по обновлению «Стратегии–2020» // Развитие общественных институтов. Предварительная аналитическая записка, 17 мая 2011 г. URL: http://strategy2020.rian.ru/documents (Дата обращения: 11.10.2016)

В.С. Шмаков

ДЕТЕРМИНАНТЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СЕЛЬСКИХ ЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ РОССИИ[47]

Аннотация. *Дан анализ институциональной трансформации сельских локальных сообществ. Определены этапы институциональных изменений социально-экономического развития села. Отмечен рост влияния аграрной политики, многоукладной экономики, человеческого капитала, социальных и инновационных процессов на развитие сельских сообществ*

Ключевые слова: *институциональная трансформация, сельские локальные сообщества, социальные риски.*

V.S. Shmakov

DETERMINANTS OF INSTITUTIONAL TRANSFORMATION OF RURAL LOCAL COMMUNITIES OF RUSSIA

Abstract. *The analysis of institutional transformation of rural local communities. The stages of institutional change of socio-economic development of the village. Marked growth of influence of agrarian policy, mixed economy, human capital and social innovation processes in the development of rural communities.*

Keywords: *institutional transformation, rural local communities, social risks.*

Исследование развития сельских локальных сообществ показывает, что в процессе трансформации агропромышленного комплекса (АПК) Российской Федерации особое значение приобретают институциональные изменения, ведущие к формированию новых социально-экономических отношений. Реформа аграрной политики государства, развитие многоукладной экономики тесно связаны с эволюцией человеческого капитала села, что приводит к формированию новых отношений собственности и управления. Полиморфия и реверсивность развития сельских локальных сообществ обусловливает необходимость обновления и конкретизации эмпирических и теоретических знаний о становлении новых социальных, экономических и политических условий жизнедеятельности сообществ, как на региональном, так и на локальном уровне. В Концепции устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года отмечено, что «территория России превышает 17 млн кв. км из которых 400 млн гектаров (23,4%) составляют земли сельскохозяйственного назначения. Демографические ресурсы сельских территорий составляют 38 млн чел. (27% общей численности населения), в том числе трудовые ресурсы – 23,6 млн чел.»[48]. Исходя из этого, при анализе социально-экономического развития сельских локальных сообществ, исследование институциональных преобразований в жизни села приобретает важное значение. Сельское локальное сообщество можно охарактеризовать как особую систему жизнедеятельности общества, представляющуюся ключевым условием унитарности, продуктивного формирования, функционирования и развития АПК. Обозначая сельские локальные сообщества в качестве объекта исследования, мы считаем, что они по своей сути являются открытой, равновесной, целостной социально-экономической и социокультурной системой контактирующих членов сообщества, объединенных общей территорией проживания, связанных экономическими, политическими, социокультурными, социально-психологическими, этническими и кровнородственными связями, способных

[47]Грант РГНФ №15-03-00605 «Социальные риски реструктуризации экономики сельских территорий: глобальные вызовы и локальные ответы».

[48]Правительство Российской Федерации. Распоряжение от 30 ноября 2010 г. № 2136-р strategy2030.midural.ru

противостоять или поддерживать изменения социальной среды, активно либо пассивно адаптируясь к ним. Мы полагаем, что установление специфики институциональной трансформации сельских локальных сообществ в условиях модернизации, анализ обусловливающих эти процессы факторов, может способствовать выявлению социальных и экономических резервов развития села. Используемая нами методологическая схема исследования развития сельских локальных сообществ предполагает учитывать при анализе влияние внутренних и внешних факторов: во-первых, давление глобализации; во-вторых, необходимо учитывать традиции крестьянского образа жизни, включающие вековые практики жизнедеятельности, репродуцируемые и институализированные в сообществе, в-третьих, совокупность природных условий, в которых обитает сообщество (климатические условия, формы природопользования, экологический фактор и т.д.); в-четвертых, принимать во внимание систему отношений, сформировавшиеся в советский период и обладающих определенной «системной жизнеспособностью» и структуры сформировавшиеся в переходный период, создаваемые постсоветским этапом модернизации [15, с. 108–109].

Исследованиям проблем институциональных преобразований в агропромышленном комплексе России в литературе уделяется достаточно много внимания. Вопросами государственной аграрной политики занимаются экономисты, социологи, философы (см.: [1; 14; 10] и др.). Активно разрабатываются проблемы формирования новых хозяйствующих субъектов, развитием интересов и потребностей население села, анализируются вопросы разновекторности социально-экономического развития сельских территорий и сельского социума (см.: [2; 3; 5; 9] и др.). Исследуются положения, связанные с модернизацией сельскохозяйственной экономики, с развитием новых форм собственности (см.: [6; 8; 12] и др.). Дается анализ стратегий поведения сельского населения, протекания адаптационных процессов в условиях социально-экономической трансформации (см.: [11; 7; 16]).

Переход к рыночным отношениям в Российской Федерации сопровождается либерализацией экономики, установлением новых социально-экономических отношений. Идет активный процесс институциональных преобразований. В качестве основных акторов оказавших определяющее влияние на модернизацию сельского хозяйства можно выделить три: государственная аграрная политика, многоукладная экономика, формирование человеческого капитала села. Исходя из того, что институциональные преобразования есть система мер по изменению формальных и неформальных условий хозяйственной деятельности, то в российском АПК были проведены приватизация и земельная реформа, изменившие отношения собственности, была разработана соответствующая законодательная база, определяющая систему развития рыночной экономики, финансовой инфраструктуры, формирования рынков труда и капитала и другие элементы структурных изменений. Выделим основные проблемы институционального развития сельских локальных сообществ и АПК в целом. **1.** Сформулировать цели, задачи, направленность государственной аграрной политики, определить финансовые, материальные и человеческие ресурсы для решения поставленных задач, установить уровень поддержки и воздействия региональной институциональной среды, формальных и неформальных институтов. Это дает возможность поэтапного воздействия на развитие АРК, рачительного использования имеющихся ресурсов и, особенно, формирования и развития человеческого капитала села. **2.** Становление многоукладной экономики, появление новых субъектов хозяйственной деятельности требует интенсивного развития науки, производственной базы, техники и технологий. Это способствует переводу аграрной сферы на интенсивный путь развития. **3.** Необходимо формирование качественно новых профессиональных человеческих ресурсов, способных работать в условиях инновационной экономики. Новая техника и новые технологии сами по себе еще не являются основным актором инновационного развития. Можно привести и другие факторы, которым в государственной программе развития АПК уделено внимание, но, с нашей точки зрения, отмеченные нами доминанты являются в настоящее время наиболее важными.

Рассматривая процесс институционального развития сельских локальных сообществ, можно выделить несколько его этапов. Основой периодизации может служить, во-первых, анализ процессов и итогов приватизации и земельной реформы, во-вторых, определяемые государством цели и задачи аграрной политики и их результаты, в-третьих, последствия реформ в аграрной сфере в различные годы постперестроечного периода. Институциональные изменения в аграрной сфере связаны с метаморфозами развала колхозно-совхозной системы в конце 90-е – начало 2000-х гг. Проводимая аграрная политика заключалась в попытке приостановить спад производства в области сельского хозяйства. Проведенные в конце 90-х гг. реформы разрушили существующий баланс сил в развитии села, что привело к резкому сокращению производственной базы, падению объема валового продукта и т.д. Инфраструктура села (включая школы, больницы, детские сады, дороги и др.) фактически потеряла своего хозяина (колхоз или совхоз выступали, зачастую, в качестве градообразующего предприятия).

С начала и до середины 2000-х гг. правительством была сформулирована цель – доведение объемов сельскохозяйственного производства до уровня конца 80-х гг. Но распад градообразующих предприятий, приватизация земли собственниками, не имеющими средств, техники, посевных материалов, привели к значительному сокращению используемых площадей. Появилась масса заброшенных земель. Местные органы управления не имеют финансовых средств, а практически, и власти. К середине 2000-х гг. ситуация начинает меняться. Государство ставит задачу вывода сельского хозяйства России на уровень наиболее развитых сельскохозяйственных стран, надежное закрепление ее места в мировом распределении производства аграрной продукции и расширение ассортимента. Эта глобальная задача отчасти подтверждается и повышение уровня финансирования со стороны государства. идет процесс развития агрохолдингов и крупных фермерских хозяйств с привлечением финансового капитала [13]. Говоря в целом, институциональной основой социально-экономических трансформаций сельских локальных сообществ послужило разрушение сложившейся при социализме системы социально-экономических, общественных отношений. Либерализация, развитие рыночных отношений, формирование новых форм собственности привели к изменению всего уклада жизни жителей сельских локальных сообществ, всей социально-экономической системы, включая развитие личных подсобных хозяйств. Происходит повышение производительности труда и рост валового продукта, развертывание широкого рынка сельхозпродукции. Исходя из этого можно зафиксировать в российском аграрном секторе экономики определенные позитивные тенденции анагенеза сельских локальных сообществ. **1.** Идет процесс модификации организационно-производственной структуры аграрного сектора экономики. **2.** Изменяются социально-экономические практики населения, обеспечивающие адаптацию сельского социума к процессам инновационного развития. **3.** Государственная аграрная политика предлагает использование компенсаторных механизмов, и в целом, корректирует социально-экономическую ситуацию. **4.** Сформировалась многоукладная аграрная экономика. Следует учитывать, что социально-экономический уклад – это не только тип организации хозяйственной деятельности со специфическими производственными отношениями, это особое устройство социальной жизни, формирующееся под воздействием как экономических, так и внеэкономических формальных и неформальных институтов: политических, правовых, культурных, религиозных и т. д. Сочетание этих элементов придает своеобразие социально-экономическим отношениям и формирует их множественность в экономике. Наиболее важный аспект влияния инновационных элементов на адаптационные процессы сельских локальных сообществ заключается в несовместимости укладных форм, выстроенных в различных социально-экономических условиях. Уклады, сохраняющиеся и формирующиеся в российском селе, ощутимо различаются по своей социально-экономической ориентации, разнонаправленны, поскольку одна часть из них отражает общественно-коллективные интересы, а другая – частнособственнические, в той или иной степени.

Но если говорить в целом, то в АПК России начинает складываться крупная капиталистическая собственность и, в первую очередь, это фермерство и агрохолдинги. Их становление и функционирование приводит к росту производительности труда, увеличению количества валового продукта, повышению рентабельности сельскохозяйственной экономики. Внедрение финансового капитала дает возможность инновационного пути развития сельской экономики, и это большой плюс для села, но социальные проблемы− безработица, бедность, пьянство – решаются очень медленно. Формирующаяся в российском АПК многоукладность, вырабатываемые ею основные социальные инновации, увеличивают возможности развития сельских территорий, способствуют диверсификации видов сельскохозяйственной деятельности, что позволяет, отчасти, сохранить и использовать имеющиеся резервы и человеческие ресурсы. Становление многоукладной аграрной экономики содействует более полному развитию предпринимательства, особенно для личных подсобных хозяйств, и что более важно, повышается уровень занятости сельского населения за счет расширения несельскохозяйственной деятельности на селе. В российском аграрном комплексе можно зафиксировать определенные позитивные тенденции, свидетельствующие о начале нового этапа трансформации аграрного производства. В сельскохозяйственный оборот вводятся заброшенные ранее земли. Но текущие успехи аграрного сектора нельзя переоценивать. Социальные издержки села еще достаточно велики. И хотя село продолжает выполнять свою миссию в обществе, обеспечивая по мере своих возможностей сельхозпродукцией, используя имеющийся у него социально-экономический потенциал, его возможности не беспредельны. Риски слишком велики. Обрушена система сельского здравоохранения и образования. А состояние здоровья населения сельских локальных сообществ является одним из основных качественных показателей функционирования человеческого капитала. Существенных, в отрицательном смысле слова, изменений достигла система образование на селе (слабая материально-техническая база школ, недостаток квалифицированных преподавательских кадров и мн. др.), требует огромного внимания и средств. Мы считаем, что исследование динамики развития сельскохозяйственных регионов, анализ институциональных преобразований, выявление их влияния на сельские локальные сообщества, может способствовать активизации социального ресурса, формулированию целей и приоритетов развития, поможет в целом оценить инновационный потенциал агропромышленного комплекса.

Список литературы

1. Аганбегян А.Г., Порфирьев Б.Н. Замещение импорта продовольствия и развитие «зеленой» агроэкономики как стратегические ответы на антироссийские секторальные санкции // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2015. № 2. С. 16–27.

2. Алтухов А.И. Реализация государственной программы как базисный фактор развития аграрной сферы экономики // Агропродовольственная политика России. 2015. № 4. С. 2–13.

3. Великий П.П., Морехина М.Ю. Адаптационный потенциал сельского социума // Социологические исследования. 2004. № 12. С. 55–64.

4. Заславская Т.И. Социальные результаты реформ и задачи социальной политики // Куда идет Россия? Трансформация социальной сферы и социальная политика: Сборник трудов симпозиума. М.: 1998. С. 3–15.

5. Калугина З.И., Фадеева О.П. Российская деревня в лабиринте реформ: социологическая зарисовка. Новосибирск: ИЭООП СО РАН, 2009. 339 С.

6. Кондратьев Н.Д. Основные проблемы экономической динамики. М.: Наука, 1991.

7. Корель Л.В. Социология адаптаций: Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск: Наука, 2005. 424 с.

8. Лубков А.Н. Инновационная стратегия в развитии АПК // Аграрный вестник Урала. 2009. № 2. С. 7–11.

9. Нефедова Т.Г. Десять актуальных вопросов о сельской России: ответы географа. М.: ЛЕЛАНД, 2013. 456 с.

10. Нечипоренко О.В. Сельские сообщества изменяющейся России: Инновации и традиции. Новосибирск: Сибирское научное изд-во, 2010. 301 с.

11. Пацирковский В.В. Сельская Россия: проблемы и перспективы // Социологические исследования. 2007. № 1. С. 90–99.

12. Серова Е.В. Аграрная реформа в России переходного периода // История новой России: очерки, интервью: В 3 т. Санкт-Петербург: Норма, 2011. Т. 3. С. 386–430.

13. Ушачев И.Г. Стратегические направления развития АПК России в условиях региональной интеграции и глобализации // Аграрная политика России в условиях международной и региональной интеграции. М.: Всероссийский НИИэкономики сельского хозяйства, 2015. Ч.1. С. 5–20.

14. Ушачев И.Г.Основные направления аграрной политики Российской Федерации // АПК: экономика, управление. 2005. № 6. С. 3–12.

15. Шмаков В.С. Акторы адаптации населения села // Северный регион: наука, образование, культура. 2008. № 1. С. 65–75.

16. Шмаков В.С., Нечипоренко О.В. Сибирское село в условиях реформ. Новосибирск: ИФИП СО РАН, 2008. 159 с.

КРУГЛЫЙ СТОЛ РОС

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ С РАЗЛИЧНЫМИ СИСТЕМАМИ УПРАВЛЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕ

Н.В. Дулина, Е.Н. Икингрин, Е.И. Пронина

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДЫ ВЛИЯНИЯ РОС НА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ: РОССИЙСКОЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО ИЗУЧАЕТ СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО И СОЦИАЛЬНУЮ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Аннотация. *Социальные изменения в современном мире не могут быть эффективными без учета мнения тех социальных групп, чьи интересы и потребности затрагивают принимаемые властными структурами управленческие решения. В статье рассматривается опыт научно-исследовательской деятельности Российского общества социологов.*

Ключевые слова: *Российское общество социологов, регион, общественное мнение, социальная политика, молодежь, студенты, социологическое исследование.*

N.V. Dulina, E.N. Ikingrin, E.I. Pronina

SOME METHODS OF ROS INFLUENCE ON THE IMPROVEMENT OF RUSSIA'S SOCIAL POLICY: RUSSIAN SOCIOLOGICAL COMMUNITY STUDIES SOCIAL INEQUALITY AND SOCIAL JUSTICE

Abstract. *Social changes in the modern world cannot be effective without taking into account the opinions of those social groups whose interests and needs are affected by administrative decisions made by government structures. The article examines the experience of the Russian Society of Sociologists in the collection, processing and presentation of data obtained*

through proactive research projects that are not only submitted for public discussion, but are also subject to consideration at the regional level.

Keywords: *Russian Society of Sociologists, Region, Public Opinion, Social Policy, Youth, Students, Sociological Research.*

Более полутора десятка лет назад в одной из своих публикаций Д.П. Гавра обратил внимание на то, что одной из важных и интересных проблем философии и социологии политики, вокруг которой сломано немало копий и в обсуждение которой внесли свой вклад выдающиеся умы, является проблема условий, границ и возможностей влияния общественного мнения на функционирование и развитие социальных систем [1]. Следует сказать, что данная проблема не утратила своей значимости и поныне.

Понятно, что возможности влияния общественного мнения на развитие социальных систем в разных странах различны. Однако следует согласиться, что «мера включения оценок и суждений общественности в практические решения органов власти и управления есть показатель открытости общества, уровня развития в нем важнейших прав и свобод, наконец, одним из критериев демократичности политического устройства государства» [1]. В настоящее время роль общественного мнения как фактора социальной динамики может быть признана определяющей. К сожалению, приходится констатировать, что в настоящее время в нашей стране за помощью к социологам обращаются нечасто, исправно финансируются только исследования маркетинговой и политической тематики. Не составляет секрета и тот факт, что социологические центры сконцентрированы в столицах, а исследования в большинстве регионов носят эпизодический характер. О фундаментальной социологии в регионах речи практически не идет. Однако, данные, полученные в ходе социологических исследований, крайне необходимы при реализации социальных изменений на местах (в регионах). Более того без таких данных, отражающих настроения и мнения людей, чьи интересы и потребности затрагивают предлагаемые социальные проекты, невозможна их эффективная реализация.

По оценкам Ассоциации региональных исследовательских компаний «Группа 7/89», с 2004 года реализующей инициативный проект «Профессиональный рейтинг исследовательских компаний» (см., напр., [5; 6; 8; 9; 13–15] и др.), сегодня в стране можно насчитать не более 50 компаний, регулярно работающих на уровне всей страны, и в интересы которых входят в том числе и отдельные регионы. Согласно результатам тех же исследований, можно обнаружить около 250 региональных компаний, в штате которых насчитывается не более десятка человек. Как правило, это предприятия малого бизнеса, выполняющие заказы компаний, сконцентрированных в Москве. Понятно, что вопросы, связанные с изучением общественного мнения, направленного на социальные изменения внутри регионов, как правило, не входят в круг интересов таких региональных компаний.

Российское общество социологов (РОС), правопреемник Советской социологической ассоциации (ССА) АН СССР, опираясь на собственные возможности и резервы, пытается изучать общественное мнение в регионах и, соответственно, оказывать влияние на совершенствование социальной политики как в отдельных регионах, так и в стране в целом. Возможности у РОСа для проведения подобного рода проектов есть: в настоящее время РОС имеет 75 региональных отделений в России, в его структуре действует 35 исследовательских комитетов. Среди основных направлений деятельности – привлечение региональных социологов не только через реализацию совместных исследовательских проектов, но и проведение конкурсов студенческих работ среди студентов-социологов, поддержка их участия в научных мероприятиях как внутри страны, так и за рубежом.

Стало уже доброй традицией РОС, когда в преддверии крупных мероприятий, организуемых РОС, к каковым, без сомнения, можно отнести и очередной всероссийский конгресс, проводятся всероссийские опросы студентов, как авангарда молодежи страны. Не стал исключением и V Всероссийский социологический Конгресс (ВСК–5) «Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость» (г. Екатеринбург, 19–21

октября, 2016 г.), при подготовке к которому было инициировано социологическое исследование федерального уровня «Студенчество о социальном неравенстве и социальной справедливости». В организации и проведении этого социологического исследования был использован накопленный опыт выполненных ранее федеральных исследований («Гражданская культура российского студенчества», 2007 г., «Студенчество России о Великой Отечественной войне», 2005, 2010, 2015 гг. и др.), когда организаторами исследований выступали региональные отделения РОС. Преподаватели (члены РОС или сотрудничающие с РОС) организуют опросы на местах, в своих вузах, используя как местные ресурсы, так и организационную и техническую поддержку со стороны РОС (см., напр., [2–4; 17] и др.). Результаты исследования представлены как в индивидуальных, так и коллективной работе авторов – участников проекта [12].

Объект исследования «Студенчество о социальном неравенстве и социальной справедливости» – студенты высших учебных заведений России. Предмет исследования – отношение студентов к социальному неравенству. Метод сбора информации – анкетирование, выполненное с помощью двух техник: а) традиционный сбор данных методом раздаточного анкетирования по месту учебы (2311 человек, 58% от общего числа опрошенных) и б) online-опрос (1653 человек, 42%). Совмещение двух подходов в рамках одного общероссийского опроса к сбору первичной информации позволило провести сравнительный анализ эффективности on-line и off-line методов, что позволяет, в конечном итоге совершенствовать методики сбора первичной социальной информации в ходе изучения общественного мнения. Всего в 26 городах России (71 вуз) было опрошено 3964 респондента.

Обработка полученных результатов проводилась с помощью программного комплекса Vortex (разработчик – Шкурин Д.В., кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии Уральского федерального университета им. первого Президента РФ Б.Н. Ельцина), организация процесса сводки общего массива и первичная обработка собранной в ходе исследования информации выполнена Шкуриным Д.В. (более подробно см.: [16]).

Исследование «Студенчество о социальном неравенстве и социальной справедливости» носило инициативный характер, к нему «на местах» (в городах территории исследования) присоединялись те организации, входящие в РОС, кому предложенная тема показалась интересной. Как показывает практика, такой опрос не может рассматриваться как представительный в полном смысле этого слова. По своей конструкции опрос ближе к параметрам квотного исследования, в котором объект исследования ограничен некоторыми заданными изначально характеристиками, в данном случае – возрастом и родом занятия. В условиях, когда математические условия репрезентации не соблюдаются, ограничения, которые налагаются на выборку, становятся благом. В сформированной совокупности оказываются респонденты одного статуса, одного возраста, но при этом дисперсно распределенные по всей территории РФ. Данная выборка, как всякая квотная, таит в себе возможность устойчивых искажений, но в большинстве случаев – и это неоднократно доказывалось исследовательскими практиками – точно воспроизводит характеристики генеральной совокупности [10, с. 60].

Тематика V Всероссийского социологического Конгресса «Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость» (Екатеринбург, 2016) является значимой не только для российского общества, но и для мира в целом. Так, XVIII Всемирный конгресс Международной социологической ассоциации посвятил свою работу теме «Обращаясь к неравному миру: вызовы глобальной социологии» (Йокогама, 2014). Аналогичная проблематика стала основной для 12-й Конференции Европейской социологической ассоциации – «Различия, неравенства и социологическое воображение» (Прага, 2015). Все это свидетельствует о том, что тема неравенства не имеет границ и не зависит напрямую от социально-политического устройства государства. Именно поэтому соорганизаторами V Всероссийского социологического Конгресса выступили не только

российские социологические сообщества, но и зарубежные партнеры. Среди них – Международная социологическая ассоциация (МСА), Европейская социологическая ассоциация (ЕСА), а также национальные социологические ассоциации.

Тема ВСК-5 оказалась близка большому количеству исследователей, причем не только социологам, но и ученым других научных специальностей. Для участия в Конгрессе подали заявки около полутора тысяч человек (1430 заявок, с учетом соавторов – 1550 человек). Поступило 49 заявок от иностранных участников из 11 стран дальнего и ближнего зарубежья. Все материалы, присланные участниками, были опубликованы на одноименном диске. Объем диска составил 11800 страниц (что в пересчете на привычные для уха исследователя печатные листы составляет объем около 500 п. л.). Электронная версия диска размещена на сайте Российского общества социологов.

С пленарными докладами, отражающими основные направления работы V ВСК, выступили М.К. Горшков – «Российское общество в контексте социологии неравенства»; Г.Е. Зборовский – «Региональные неравенства в высшем образовании России»; Ж.Т. Тощенко – «Травма общества: между эволюцией и революцией»; В.А. Мансуров, М.Ф. Черныш – «Социальное неравенство и социальная справедливость глазами россиян. Доклад Российского общества социологов».

В ходе Конгресса состоялись заседания 17 тематических сессий, 35 научных секций и 29 круглых столов. Обсуждались современные проблемы российского общества; тематика выступлений не всегда была непосредственно связана с темой социального неравенства и социальной справедливости, но обсуждение докладов, как правило, проходило в контексте заявленной V ВСК темы. Тон и контекст обсуждения, заданные на пленарном заседании, ощущались в работе всех научных подразделений.

В общем и целом, на Конгрессе был обсужден широкий круг методологических и практических аспектов изучения различных форм социального неравенства и социальной справедливости (дифференциация доходов, неравный доступ к здравоохранению, образованию, жилью, рынку, неравенство перед законом, и т.д.).

В Конгрессе активное участие принимала Президент Международной социологической ассоциации Маргарет Абрахам. В частности, на состоявшемся в рамках ВСК-5 заседании Школы молодых ученых «Социология в публичном пространстве и доверие общества» она выступила с докладом о проблеме насилия над женщинами в разных странах мира. Ее выступление вызвало большой интерес и отклик у собравшихся молодых ученых.

Маргарет Абрахам отметила важные мероприятия, которые состоялись в ходе работы V ВСК. Значимыми показателями традиций и инноваций в работе социологического сообщества для нее явились деятельность молодежной группы и открытие мемориала памяти одного из основателей уральской социологической школы Льва Наумовича Когана. Выступая на торжественной встрече – открытии аудитории имени этого видного социолога, М. Абрахам отметила, что сохранение научных национальных традиций, которые так поддерживаются уральскими социологами и социологами других региональных отделений РОС, имеет важное значение для развития мировой социологии в целом. По окончании конгресса состоялся очередной 9 съезд РОС. Выступая с отчетом за период работы между съездами, президент РОС В.А. Мансуров отметил, что работа с молодежью традиционно предшествует каждой конференции, форуму и конгрессу, которые проводит РОС. Ежегодный конкурс публикаций РОС имеет уже более чем 10-летнюю историю. Молодые исследователи принимают активное участие и в этом направлении работы общественной организации. Одним из важнейших направлений деятельности РОС является международное сотрудничество. Начиная с Первого Всероссийского социологического конгресса (в 2000 году), все Всероссийские социологические конгрессы готовятся и проводятся в тесном контакте с Международной и Европейской социологическими ассоциациями. Продолжает развиваться сотрудничество социологов стран БРИКС, очередная встреча которых прошла в дни Конгресса.

Выступая на заключительном пленарном заседании Конгресса, Президент МСА отметила высокий уровень и атмосферу профессионального доверия, характеризовавшие этот форум, а также важность дальнейшего международного сотрудничества в области социологии и науки в целом.

В настоящий момент РОС объявил тендер на проведение очередного VI-го Всероссийского социологического конгресса.

Можно констатировать, что актуальность главной проблемы, вынесенной на обсуждение российскими социологами на ВСК–5, обусловлена современными российскими реалиями, которые характеризуются существованием глубокого социального неравенства, усиливающегося в современных экономико-политических условиях. О неравенстве часто судят по децильному коэффициенту, отражающему соотношение доходов 10% самых богатых и 10% самых бедных. Если сравнить эти доходы, то их соотношение по регионам России может различаться более чем в 80 раз, тогда как в развитых странах мира – в 6–10 раз [7, с.7].

О крайне отрицательных последствиях такого положения дел для общества сообщалось во многих докладах выступающих. Речь шла, прежде всего, о высокой дифференциации доходов и, как следствие, усиливающемся социальное неравенстве. Известно, что при таких условиях возрастает вероятность политической нестабильности, вызванная отношением низкооплачиваемого большинства к богатому меньшинству; вероятность потери общности интересов противоположных по доходам групп; нарастает социальная напряженность; может увеличиваться рост преступности. Еще одним следствием, которое непосредственно касается будущего страны, является утечка «мозгов» за границу. Важными последствиями являются снижение рождаемости и продолжительности жизни; а также, как отмечают известные социологи, ослабевает креативность населения в целом.

Отметим, что социологи, исследователи, другие участники ВСК-5 заявили четкую позицию: именно социологические исследования могут и должны стать научной базой для формирования социальной политики, позволяющей смягчить возрастающие негативные явления в обществе [7, с. 5].

На протяжении 2-х десятков лет Российское общество социологов принимает активное участие в формировании социальной политики страны в отношении различных областей жизни общества. Это неоднократно отмечалось не только управленческими кадрами. Профессиональное сообщество социологов гордится многими эффективными формами работы РОС и своих коллег. По мнению членов РОС, наиболее перспективными и эффективными являются следующие:

1. Проведение ежегодного конкурса публикаций РОС.

2. Выпуск электронного варианта докладов и сообщений российских социологов, желающих принять очное или заочное участие в мероприятиях Международной и Европейской социологических ассоциаций.

3. Ежегодный конкурс студенческих работ Исследовательского комитета «Социология детства».

4. Поддержка публикаций молодых ученых в российских и международных изданиях.

5. Проведение «предконгрессовских» школ молодых ученых.

6. Инициативные исследования РОС, проводимые на безвозмездной основе, в которых принимают участие региональные отделения РОС, расположенные в различных регионах России, служащие совершенствованию социальной политики страны.

7. Проведение региональных и межрегиональных конференций под патронажем РОС, в которых участвуют ученые всей России.

8. Защита прав и свобод членов РОС и профессиональной группы в целом.

9. Поддержка высокого статуса социологических дисциплин и ее преподавания в вузах России.

10. Организация дискуссии о преподавании социологии и мониторинга преподавания дисциплины в вузах России.

11. Создание Совета по этике.

Подводя итог сказанному, можно констатировать, что РОС в результате длительной работы «отладил» определенные методики сотрудничества с регионами. В реализации «РОСовских проектов» участвует большое количество людей на местах: члены РОС (организаторы тех или иных исследований, публикаций, конкурсов, конференций), студенты, молодые ученые (участников конкурсов и конференций), респонденты, журналисты, которые затем освещают результаты исследований РОС в СМИ, и управленцы. Все эти люди приобщаются к осознанию и в той или иной степени решению поставленной тематикой исследования проблеме, что в конечном итоге направлено на совершенствование социальной политики как в отдельных регионах, так и в стране в целом, доказывая, что общественное мнение в стране существует, оставаясь пружиной чести и кумиром.

Список литературы

1. Гавра Д.П. Общественное мнение и власть: режимы и механизмы взаимодействия [Электронный ресурс] // Журнал Социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. Вып. 4. URL: http://www.old.jourssa.ru/1998/4/gavra.html (Дата обращения: 13.09.2017).

2. Вишневский Ю.Р. Из опыта организации и проведения Всероссийским обществом социологов всероссийских социологических опросов / Вишневский Ю.Р., Дулина Н.В., Икингрин Е.Н., Пронина Е.И. // V социологическая Грушинская конференция «Большая социология: расширение пространства данных». Москва, 12–13 марта 2015 г. М.: ВЦИОМ, 2015. С. 450–453.

3. Вишневский Ю.Р. Через исследования к доверительному сотрудничеству / Вишневский Ю.Р., Дулина Н.В., Икингрин Е.Н., Пронина Е. И. // Война была позавчера... Российское студенчество о Великой Отечественной войне: Материалы мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне» / Под общ. ред. Ю. Р. Вишневского. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 80–83.

4. Вишневский Ю.Р., Дулина Н.В., Икингрин Е.Н. Социологическое исследование как инструмент проведения грамотной социальной политики // Социальные проблемы и безопасность российских регионов: материалы Второго Байк. науч. социол. симп / Под общ. ред. О.А. Кармадонова, В.А. Решетникова, С.А. Инкижиновой. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. С. 7–15.

5. Дулина Н.В. Рейтинг региональных исследовательских компаний: основные результаты // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2012. № 2 (7). С. 64–73.

6. Дулина Н.В., Токарев В.В. Ситуация в региональном сегменте рынка PO&MR России // Социальное знание и проблемы интенсификации развития белорусского общества: материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 12–13 ноября 2015 г. / ред. кол.: Котляров И.В. и др.; НАН Беларуси; Ин-т социологии НАН Беларуси. Минск: Право и экономика, 2015. С. 45–47.

7. Зборовский Г.Е. Исследование мнений студентов по проблематике V Всероссийского социологического конгресса // Студенчество России о социальном неравенстве и социальной справедливости: сборник научных статей / Под общ. ред. Ю.Р. Вишневского. М.: Российское общество социологов; Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2016. С. 5–9.

8. Звоновский В.Б. Основные результаты исследования «Рейтинг исследовательских компаний» // Маркетинг и маркетинговые исследования. 2005. № 2. С. 11–20.

9. Звоновский В.Б. Основные результаты исследования «Рейтинг исследовательских компаний // Маркетинг и маркетинговые исследования. 2006. № 3. С. 25–38.

10. Мансуров В.А., Черныш М.Ф. Социальная справедливость: теоретический и эмпирический аспекты // Студенчество России о социальном неравенстве и социальной

справедливости: сборник научных статей / Под общ. ред. Ю.Р. Вишневского. М.: Российское общество социологов; Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2016. С. 9–96.

11. Студенчество о социальном неравенстве и социальной справедливости [Электронный ресурс]: РОС: [веб-сайт]. URL: http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=19&id=1299 (Дата обращения: 28.07.2016).

12. Студенчество России о социальном неравенстве и социальной справедливости: сборник научных статей / Под общ. ред. Ю.Р. Вишневского. М.: Российское общество социологов; Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2016. 253 с.

13. Токарев В.В., Дулина Н.В Региональные рынки социологических и маркетинговых исследований: методика исследования, оценка состояния и тенденции развития // PRIMO ASPECTU. 2014. Том. 16. № 5 (132). С. 9–33.

14. Токарев В.В., Дулина Н.В. Рынок социологических услуг в современной России: исторические предпосылки возникновения // Известия ВолгГТУ: межвуз. сб. науч. ст. № 16 (119). Волгоград: ВолгГТУ. 2013. С. 49–52.

15. Токарев В.В. Проект «Профессиональный рейтинг исследовательских компаний» – новое в методике и результатах исследования // Материалы VI международной социологической Грушинской конференции «Жизнь исследования после исследования: как сделать результаты понятными и полезными». Москва, 16–17 марта 2016 г. / Отв. ред. А.В. Кулешова. М.: АО «ВЦИОМ», 2016. С. 762–767.

16. Шкурин В.Д. Вопросы методики исследования РОС «Студенчество о социальном неравенстве и социальной справедливости» (организация сбора и обработки информации, оценка репрезентативности и качества данных) // Студенчество России о социальном неравенстве и социальной справедливости: сборник научных статей / Под общ. ред. Ю.Р. Вишневского. М.: Российское общество социологов; Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2016. С. 106–120.

17. Dulina Nadezhda V., Ikingrin Elena N., Pronina Elena I. Russian Society of Sociologists Regional Offices Experience of All-Russia Public Opinion Research // Facing an Unequal World: Challenges for Russian Sociology / Editor-in-Chief V. Mansurov. Moscow, 2014. P. 337–343.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение нужно сказать, что всего в Конференции приняли участие в очной и заочной форме 216 научных и практических работников и 32 студента 2–4 курсов ГАУГН. От организаторов прямо на Конференции была выражена глубокая благодарность прежде всего респондентам из 12-ти регионов численностью 5500 чел., которые приняли участие в массовом опросе, 600 чел. в качестве экспертов, 400 чел. как организаторов контент-анализа СМИ и исследования компьютерных сетей.

Публикация материалов этой Конференции, построенных на ответах на наши вопросы, призвана показать гражданам, что их участие в исследовании и доверие к организаторам имеет большое общественное значение. В научном плане это не только отчет перед РНФ, которому мы должны высказать отдельную благодарность за своевременную поддержку нашего коллектива, но и возможность продвинуться в развитии проблемного поля, в повышении методолого-методической оснащенности такой перспективной отрасли знания как социология управления. Без этой поддержки мы не смогли бы обеспечить репрезентативные данные по регионам, получить подтверждение ряда весьма существенных и далеко не тривиальных гипотез для успешного решения острых проблем реформирования властно-управленческой вертикали и социокультурной модернизации российских регионов. Мы считаем, что общие усилия властей, населения и ученых в этом направлении являются одним из самых адекватных ответов на современные вызовы и угрозы российской цивилизации.

Программный и Организационный комитеты конференции выражают глубокую благодарность всем вспомогательным службам Института социологии и администрации Главного здания РАН за помощь в организации работы Конференции.

ЦЕНТР СОЦИОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ФНИСЦ РАН

Центр социологии управления и социальных технологий создан в Институте социологии РАН в 2005 году с целью развития отечественной социологии управления как отраслевой научной дисциплины на базе ранее существовавшего Центра социального управления, коммуникации и прогнозно-проектных технологий, инициированного *Т.М. Дридзе*.

Главной научной задачей Центра является изучение проблем управляемости социальных процессов, сочетания организации и самоорганизации на социетальном, институциональном, менеджериальном уровнях и в местном самоуправлении.

Практической задачей является поиск и разработка отечественной модели управления инновационным развитием страны, адекватной внутренним и внешним вызовам, а также социокультурным особенностям ее регионов.

Для решения этих задач Центром ведется соответствующая теоретико-методологическая работа, проводятся фундаментальные и прикладные исследования. Созданная в 2008 году Лаборатория информационных и социальных технологий (ЛИСТ) совместно с Лабораторией организационно-экономических проблем управления научно-техническим развитием ИНП РАН и Научно-учебной группой «Сетевые методы и модели в анализе текстовой информации» (НИУ ВШЭ) осуществляет практически значимые разработки по заказам организаций и учреждений.

Центр совместно с Институтом народнохозяйственного прогнозирования РАН принимает участие в Комплексной программе Президиума РАН №34 «Прогноз потенциала инновационной индустриализации России». Тесно сотрудничает с другими центрами ИС РАН, с научными фондами (РГНФ, РФФИ), с международными организациями по линии ЮНЕСКО. Участвует в работе Российского общества социологов (РОС), Сообщества профессиональных социологов (СОПСО) и в учебно-образовательных программах (ГАУГН, РУДН и другие ВУЗы).

Теоретико-методологическое направление:

- разработка оснований социологии управления и совершенствование методологической организации исследований в этой области знания;
- разработка понятийного аппарата социологии управления (Социология управления. Теоретико-прикладной толковый словарь. Отв. ред. *А.В.Тихонов*. *М.,.2014*) и др. работы;
- спонтанное образование групповой субъектности в «социальном теле» систем с управлением – *Мерзляков А.А.*
- методология и методы исследования проблем управления на основе разработки и анализа потенциала инфокоммуникативных технологий (*В.С. Богданов*. Электронное управление в обществе. М.,2017 и др. работы);
- проблема научной новизны в диссертационных исследованиях по социологии управления – *Гусейнова К.Э.*
- интенциональный анализ эффективности работы систем управления – *Шилова В.А.*
- управление процессом культурно- исторического наследования в условиях двойных стандартов и информационных войн – *Быков К.В.*
- культурно-исторические критерии типологии регионов в решении проблем их модернизации – *Рабинович Е.И.*
- анализ управляемости социальных процессов на материалах собственной базы эмпирических данных за последние 40 лет (*Жаворонков А.В.* Интегрированная информационная система социальных данных; «INSYS»: Электронное издание на CD-ROM. М.: Институт социологии РАН, 2012. Продолжающееся издание. Версия-12. - 1 CD-ROM. - 1582 с.), «Универсум 1» и создание «Универсум 2».

Фундаментальные исследования:

- Мета-проект с участием регионов «Готовность органов власти и различных социальных групп населения к радикальной модернизации отечественной системы управления». (См. Интерактивное исследование "Диагностика состояния и перспектив системы управления в России"). (Руководитель *Тихонов А.В.*);
- Грант РНФ (2015 – 2017) № 15-18-30077 «Гражданская экспертиза проблемы реформирования властно-управленческой вертикали в контексте процессов социокультурной модернизации регионов: от мониторинга состояний до прогнозного проектирования» (Руководитель *Тихонов А.В.*);
- Теория и методология определения ориентиров развития организаций в контексте задач модернизации российских регионов (Руководитель *Щербина В.В.*).
- Коммуникативная и сетевая активность различных групп населения как предпосылка совершенствования властно-управленческих отношений (Руководитель *Шилова В. А.*);
- Инфокоммуникативные технологии в практике управления: методология и методы (Руководитель *Богданов В.С.*).
- Реформа органов местного самоуправления в контексте проблем модернизации властно-управленческих отношений в стране (Руководитель *Акимкин Е.М.*).

Наши координаты: 117218, г. Москва, (м. Профсоюзная)
ул. Кржижановского, 24/35 корпус 5 кабинеты 501, 527; лаборатория 517
Контактный телефон: (499) 128-33-32, (499) 128-91-05
e-mail: dridze@isras.ru

Председатель Организационного комитета конференции:
Тихонов Александр Васильевич alvast@isras.ru

Рабочая группа Оргкомитета:
Акимкин Евгений Михайлович akimkin@isras.ru
Богданов Владимир Сергеевич bvsd@ttrk.ru
Быков Кирилл Владимирович 1096232@mail.ru
Гусейнова Ксения Эльдаровна liksedar@mail.ru
Мерзляков Андрей Александрович merzliakov@mail.ru
Рабинович Евгений Иосифович rabin@migmail.ru
Шилова Валентина Александровна vshilova@yandex.ru
Щербина Вячеслав Вячеславович sherbina.vyacheslav@mail.ru

Научное издание

РОССИЯ И МИР:
ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И СТРАТЕГИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Материалы
Международной научно-практической конференции
(Москва, 12–13 октября 2017 г.)

Подписано в печать 30.11.2017
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 95,25 Тираж 500

Издатель:
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Тел.: (499) 125-00-71
117218, Москва. ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5
E-mail: isras@isras.ru

Отпечатано в типографии «ООО Столица»
Тел.: +7(495)372-27-84
115088, Москва, ул. Шарикоподшипниковская, 11
E-mail: info@gcstolica.ru